

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

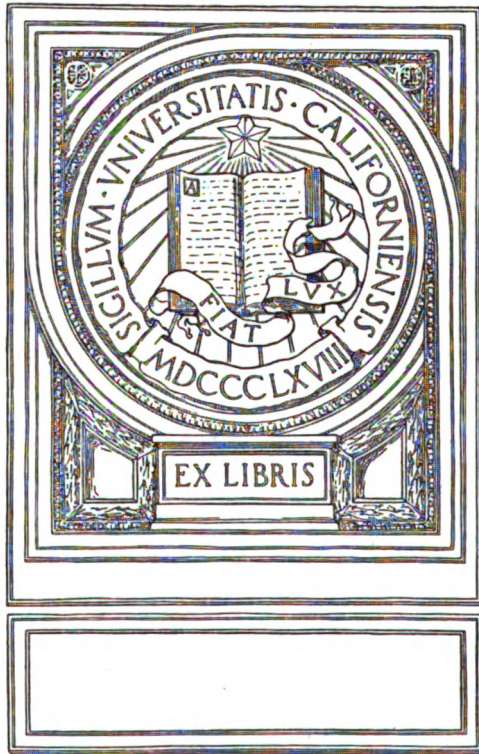
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Russia. Min. nar. pros.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХ.

*Table of contents in center
of volume*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАНШЕВА

Квартальный каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1880.

L451
A4
v.210

Средняя Подъячская, 1.
2119.

TO ALL
SUBSCRIBERS

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (14-го апрѣля 1880 г.). Обь учрежденіи въ гор. Новозыбковѣ четырехклассной женской прогимназіи.

Новозыбковская (Черниговской губ.) городская дума входила въ попечителю Киевскаго учебнаго округа съ ходатайствомъ о закрытіи содержимаго на ея средства приходскаго въ г. Новозыбковѣ училища и обь учрежденіи, вмѣсто него, четырехклассной женской прогимназіи по положенію 24-го мая 1870 г., въ память чудеснаго избавленія 2-го апрѣля 1879 г. Его Императорскаго Величества отъ угрожавшей опасности, изъяснивъ, что на содержаніе предположенной прогимназіи постановлено отпускать: городскою думою по 1000 р., Новозыбковскимъ земскимъ уѣзднымъ собраніемъ тоже по 1000 р. и Черниговскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ по 500 р., при обезпеченіи заведенія наемнымъ помѣщеніемъ впредь до постройки для него особаго зданія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе означеннаго ходатайства, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилоствѣйше повелѣть благодарить жертвующихъ.

2. (8-го апрѣля 1880 г.). О пенсіяхъ лицамъ женскаго пола служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о пенсіяхъ лицамъ женскаго

пола, служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о пенсіяхъ лицамъ женскаго пола, служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ (св. зак. т. III кн. 2 изд. 1876 г.) и Высочайше утвержденного 21-го апрѣля 1875 г. устава женскаго графа Блудова училища въ городѣ Острогѣ, постановить:

„Начальницѣ и помощницѣ начальницы Острожскаго женскаго графа Блудова училища, а также тѣмъ изъ преподавательницъ учебныхъ предметовъ въ семь училищѣ, которыя имѣютъ установленныя свидѣтельства на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ, при совершенномъ оставленіи ими службы, назначаются пенсіи: прослужившимъ отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ — въ размѣрѣ половины оклада, а прослужившимъ двадцать пять и болѣе — въ размѣрѣ полнаго оклада жалованья, присвоеннаго должности. Потребный на этотъ предметъ расходъ относится на счетъ государственнаго казначейства, въ доходъ котораго обращаются вмѣстѣ съ тѣмъ установленныя (ст. 590, 596 и 609 уст. пошл.) вычеты изъ жалованья и пенсій, производимыхъ означеннымъ лицамъ“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

3. (22-го апрѣля 1880 г.), О присвоеніи Казанской женской прогимназіи, по преобразованіи ея въ гимназію, наименованія: „женская Ея Императорскаго Высочества, Великой Княжны Ксеніи Александровны гимназія“.

Попечительный совѣтъ Казанской женской прогимназіи, предположенной къ преобразованію съ начала 1880—1881 учебнаго года въ полную гимназію, ходатайствовалъ о присвоеніи сему заведенію, послѣ преобразованія, наименованія; „Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ксеніи Александровны гимназія“.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему о семъ докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго со-

вѣтника графа Толстаго, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіе.

4. (22-го апрѣля 1880 г.). О принятіи пожертвованныхъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Хаминовымъ каменнаго дома и капитала.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго, Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе министерствомъ народнаго просвѣщенія пожертвованныхъ почетнымъ попечителемъ Иркутской мужской гимназій, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Хаминовымъ каменнаго двухъ-этажнаго дома съ каменнымъ флигелемъ, для помѣщенія Иркутской женской гимназій, цѣною въ 72,751 р. 37 коп., и капитала въ 50 т. р. въ пользу сей гимназій, облигаціями 1-го восточнаго займа, и на наименованіе этой гимназій „женскою гимназіею Ивана Степановича Хаминова“.

5. (1-го апрѣля 1880 г.). О временныхъ правилахъ о Туркестанской учительской семинаріи и штатѣ оной.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проектамъ временныхъ правилъ о Туркестанской учительской семинаріи и штата оной, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по проектамъ временныхъ правилъ о Туркестанской учительской семинаріи и штата оной, мнѣніемъ положилъ:

I. Проектъ штата Туркестанской учительской семинаріи съ состоящими при ней начальными училищами, поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и, по воспослѣдованіи онаго, привести въ дѣйствіе временно, на четыре года.

II. Къ означенной семинаріи примѣнить, также на четыре года, Высочайше утвержденное 27-го марта 1872 г. положеніе объ Иркутской учительской семинаріи, насколько оно соотвѣтствуетъ административному устройству Туркестанскаго края и дѣйствующимъ въ немъ

узакононеніямъ, съ соблюденіемъ при томъ нижеслѣдующихъ особнхъ правилъ:

1) Въ Туркестанскую учительскую семинарію принимаются воспитанники русскіе и инородцы, какъ крещенные, такъ и некрещенные; при чемъ изъ положеннаго по штату числа казенныхъ воспитанниковъ должно быть не менѣе пятидесяти русскихъ, а остальные могутъ быть инородцы.

2) Въ семинаріи, сверхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ Иркутской учительской семинаріи, вводятся: изученіе туземныхъ нарѣчій—персидскаго и узбекскаго, а также практическія занятія садоводствомъ и огородничествомъ.

3) При семинаріи, для пракческаго упражненія воспитанниковъ въ преподаваніи, состоятъ два начальныя училища, въ которыя принимаются дѣти какъ русскихъ, такъ и инородцевъ крещенныхъ и некрещенныхъ.

4) Уроки по Закону Божію православнаго исповѣданія и по церковно-славянскому языку, какъ въ семинаріи, такъ и въ училищахъ при оной, обязательны только для православныхъ воспитанниковъ, опредѣленіе же способовъ обученія иновѣрныхъ воспитанниковъ закону ихъ исповѣданія предоставляется ближайшему усмотрѣнію Туркестанскаго генераль-губернатора; и

5) Число недѣльныхъ уроковъ въ семинаріи утверждается министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію мѣстнаго генераль-губернатора.

III. Исчисленную по штату Туркестанской учительской семинаріи сумму, въ количествѣ тридцати восьми тысячъ семисотъ рублей въ годъ, отнести на мѣстные доходы Ферганской области, до времени передачи оныхъ въ государственное казначейство, а послѣ сего расходъ этотъ обратить на общія средства казны, со внесеніемъ въ подлежащее подраздѣленіе смѣты расходовъ на содержаніе мѣстнаго управленія Туркестанскаго края. Независимо отъ сего, впредь до постройки дома для семинаріи, состоящихъ при ней начальныхъ училищъ и для служащихъ въ сихъ заведеніяхъ, отпускать, на наемъ для нихъ помѣщеній, по четыре тысячи рублей ежегодно, изъ означенныхъ источниковъ, по принадлежности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“.

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТЪ

Туркестанской учительской семинаріи съ состоящими при ней начальными училищами.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		ВСЕГО.	По должности.	По штату на мундиръ.	По пенсін.
		Жило-ванья.	Столовыхъ.				
		Р у б л и.					
Директоръ	1	1800	1200	3000	V	V	} По учебной службѣ.
Законоучитель	1	975	825	1800			
Учителей наукъ	5	975	825	9000	VIII	VIII	
Учитель рисованія, черченія и чистописанія	1	400	200	600	IX	IX	VIII
Врачъ	1	300	150	450	VIII	VIII	По медицинской службѣ.
Экономъ	1	300	150	450	IX	IX	IX
Учителей начальныхъ училищъ при семинаріи	2	600	300	1800			
На бібліотеку и учебныя пособія	—	—	—	400			
На обученіе { пѣнію и музыкѣ гимнастикѣ	—	—	—	680			
	—	—	—	250			
На обученіе ремесламъ, покупку матеріаловъ, занятіе садоводствомъ и огородничествомъ	—	—	—	1000			
На содержаніе казенныхъ воспитанниковъ семинаріи со включеніемъ расходовъ на медикаменты и наемъ фельдшера, а также на учебныя пособія для сихъ воспитанниковъ	78	140	—	10920			

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.	
		Одному.		ВСЕГО.	По должности.	По пенсін.
		Жало- ванья.	Столо- выхъ.			
		Р у б л и.				
На содержаніе казенныхъ воспитанниковъ началь- ныхъ училищъ, со вклю- ченіемъ расходовъ на ме- дикаменты, а также на учебныя пособія для сихъ воспитанниковъ	40	120	—	4800		
На первоначальное обуведе- ніе окончившимъ курсъ казеннымъ воспитанникамъ семинаріи (полагая тако- выхъ ежегодно 26 чело- вѣкъ и назначая каждому по 25 р.)	—	—	—	650		
На канцелярскія потребно- сти и наемъ писца	—	—	—	400		
На отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ зданія, а также на наемъ служителей	—	—	—	2500		
Итого	—	—	—	38700		

Примѣчанія. 1. Директору, законоучителю, учителямъ наукъ какъ въ семинаріи, такъ и въ состоящихъ при ней начальныхъ училищахъ, и эконому полагаются, сверхъ присвоенныхъ имъ по сему штату окладовъ содержанія, также квартиры въ казенныхъ домахъ или нанимаемыхъ на счетъ казны помѣщеніяхъ.

2. Расходъ на первоначальное устройство и обуведеніе семинаріи и начальныхъ училищъ съ пансіонами при нихъ обращается на счетъ свободныхъ остатковъ, имѣющихъ образоваться отъ штатной суммы, вслѣдствіе неполнаго состава сихъ заведеній въ первое время ихъ существованія. За удовлетвореніемъ этой потребности, распоряженіе могущими быть въ концѣ года

остатками отъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе личнаго состава и канцелярскіе расходы по семинаріи, предоставляется мѣстному генералъ-губернатору, на правахъ, коими пользуются въ семъ отношеніи министры и главноуправляющіе, отдѣльными частями (св. зак. т. I, ч. 1, учр. мин. ст. 221 прил. I, ст. 33, по прод. 1876 г.).

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

6. (8-го апрѣля 1880 г.). О преобразованіи Кіевской женской гимназіи; а также Бѣлоцерковской, Златопольской и Немировской женскихъ прогимназій.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ государственнаго совѣта, о преобразованіи Кіевской женской гимназіи, а также Бѣлоцерковской, Златопольской и Немировской женскихъ прогимназій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Кіевской женской гимназіи, а также Бѣлоцерковской, Златопольской и Немировской женскихъ прогимназій, мнѣніемъ положилъ:

1) Кіевскую шестиклассную, съ седьмымъ педагогическимъ классомъ, женскую гимназію вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, преобразовать, съ начала будущаго учебнаго 1880—1881 года, въ семиклассную съ восьмымъ педагогическимъ классомъ, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія ввести въ сей гимназіи, а также и въ женскихъ Бѣлоцерковской, Златопольской и Немировской прогимназіяхъ, утвержденныя имъ, министромъ, 31-го августа 1874 г. программы и правила, общія для всѣхъ женскихъ прогимназій упомянутого министерства.

2) Потребный на преобразование поименованныхъ въ ст. 1-й учебныхъ заведеній расходъ, въ количествѣ трехъ тысячъ двадцати одного руб. семидесяти коп. (въ томъ числѣ 2301 руб. 70 коп. на гимназію и по 240 руб. на каждую изъ трехъ прогимназій), по присоединеніи къ расходоуемымъ на содержаніе означенныхъ учебныхъ за-

веденій суммамъ, вносить съ 1881 года въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1880 же году необходимою на содержаніе названныхъ гимназій и прогимназій дополнительную сумму, по расчету съ 1-го іюля сего года, въ количествѣ одной тысячи пятисотъ десяти руб. восьмидесяти пяти коп., отпустить на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

Подлинное мнѣніе подписавно въ журналъ предсѣдателями и членами.

7. (15-го апрѣля 1880 г.). О преобразованіи Коломенской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассную.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Коломенской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассную, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Коломенской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассную, мнѣніемъ положилъ:

1) Четырехклассную Коломенскую (Московской губерніи) мужскую прогимназію преобразовать, со втораго полугодія сего 1880 года, въ шестиклассный составъ, съ обращеніемъ расхода на содержаніе пятого класса, въ теченіе 1880—1881 учебнаго года, на жертвуемую мѣстными обществами сумму.

2) Съ 1-го іюля 1881 года отпускать на содержаніе означенной прогимназіи изъ государственнаго казначейства, въ добавокъ къ нынѣ ассигнуемымъ изъ этого источника по 8550 р. и отпускаемымъ Коломенскимъ земскимъ и городскимъ обществомъ 10000 р., еще по одной тысячи семисотъ тридцати пяти руб., съ тѣмъ, чтобы вновь жертвуемые помянутыми обществами на изъясненный предметъ по 4000 р. вносились, съ 1881 года, въ мѣстное казначейство и зачислялись въ государственные доходы по подлежащему подраздѣленію смѣты министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казны; и

3) Относительно внесенія исчисленныхъ на преобразование Коло-

менской прогимназіи суммъ въ смѣты министерства народнаго просвѣщенія, а равно раздѣла и употребленія остатковъ, могущихъ образоваться въ концу года отъ этихъ суммъ, руководствоваться порядкомъ, установленнымъ по сему предмету Высочайше утвержденнымъ 3-го юля 1874 года мнѣніемъ государственнаго совѣта объ учрежденіи 15-ти новыхъ прогимназій и о преобразованіи трехъ прогимназій въ гимназій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

31-го марта 1880 года (№ 5). Перемѣщаются: попечитель Одесскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Голубцовъ—попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, и попечитель Оренбургскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Лавровскій—попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

Назначается: инспекторъ студентовъ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Даль—попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (18-го августа 1879 г.). Положеніе о стипендіи имени Александра Прейса.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. Въ память 40 лѣтней службы по управленіямъ земскаго кредитнаго общества въ Царствѣ Польскомъ бывшаго начальника отдѣленія булгалтеріи, коллежскаго совѣтника Александра Прейса, главная дирекція, рѣшеніемъ отъ 6-го августа 1871 г. постановила собрать изъ пожертвованій своихъ членовъ, сумму 3000 руб., и таковую обратитъ въ 5% бумаги для выдачи процентовъ, въ видѣ стипендіи, одному

изъ сыновей чиновниковъ, занимающихъ штатное мѣсто въ земскомъ кредитномъ обществѣ въ Царствѣ Польскомъ.

2. Означенный капиталъ, заключающійся нынѣ въ облигаціяхъ восточнаго займа, долженъ храниться въ польскомъ банкѣ, въ видѣ депозита, предназначеннаго на стипендію имени Александра Прейса.

3. На получение этой стипендіи имѣетъ право сынъ бѣднаго штатнаго чиновника управленій земскаго кредитнаго общества, получающій воспитаніе въ одной изъ гимназій, или реальномъ училищѣ, или въ другомъ соответственномъ училищѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія хотя бы такое учебное заведеніе существовало подъ другимъ названіемъ въ Варшавѣ, или въ одномъ изъ городовъ, въ которыхъ находятся губернскія дирекціи земскаго кредитнаго общества.

Означенною стипендіею онъ можетъ пользоваться до окончанія гимназическаго курса, если не послѣдуетъ препятствій указанныхъ ниже въ 6-й статьѣ. Студенты университета, или другаго высшаго учебнаго заведенія, не могутъ пользоваться этою стипендіею.

4. Право окончательнаго выбора кандидатовъ на получение стипендіи принадлежитъ Александру Прейсу. Послѣ же его смерти, право представленія кандидатовъ, переходитъ къ совѣтнику главной дирекціи, имѣющему завѣдывать въ то время, когда стипендія оказалась вакантною, отдѣленіемъ бухгалтеріи.

Главная дирекція, въ обыкновенномъ своемъ составѣ, по разсмотрѣннн правъ кандидата, присуждаетъ стипендію, и представляетъ на утвержденіе начальства учебнаго округа. Еслибы учебное вѣдомство, не утвердило избраннаго кандидата, по какимъ бы то ни было причинамъ, то главная дирекція въ правѣ представить, такимъ же путемъ, новаго кандидата.

5. Еслибы изъ сыновей чиновниковъ земскаго кредитнаго общества не было кандидата, имѣющаго право на получение стипендіи, въ такомъ случаѣ, проценты отъ билетовъ восточнаго займа будутъ обращаемы на указанную въ 8-й ст. цѣль.

6. Стипендіатъ обязанъ ежегодно, въ іюлѣ мѣсяцѣ, представить главной дирекціи свидѣтельство, что онъ переведенъ въ высшій классъ, и что не получаетъ никакой другой стипендіи; въ противномъ же случаѣ, теряетъ стипендію, и таковая замѣщается другимъ стипендіатомъ.

7. Стипендія выдается за полгода впередъ, по 75 руб., въ августѣ и январѣ мѣсяцахъ на руки родителей, опекуновъ или ближайшихъ родственниковъ.

8. Въ случаѣ выхода въ тиражъ, принадлежащаго стипендіальному капиталу билета восточнаго займа, долженъ быть немедленно приобрѣтенъ другой таковой же билетъ, полученная же отъ того прибыль передается въ польскій банкъ, для приращенія на нее процентовъ, и по мѣрѣ возможности, покупки еще билетовъ восточнаго займа.

Составившійся отъ этихъ прибылей новый капиталъ, достигнувшій 3000 руб. билетами восточнаго займа, образуетъ другую стипендію, которая выдается на тѣхъ же основаніяхъ.

Бъ этому капиталу должны быть причисляемы также проценты, не выданные на основаніи § 5, и наконецъ, всякія поступления для такой цѣли пожертвованныя, или экстренные доходы.

9. Въ случаѣ образованія двухъ стипендій, главная дирекція въ правѣ пересмотрѣть настоящія правила и измѣнить ихъ, по своему усмотрѣнію, согласно современнымъ обстоятельствамъ, съ представленіемъ измѣненій на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія.

2. (7-го ноября 1879 г.). Положеніе о стипендіи имени Московскаго генераль-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 29-й день октября 1879 г., на проценты съ капитала, представленнаго въ Московскія 1, 2, 3 и 4 мужскія гимназіи по восьмисотъ руб. въ каждую изъ сихъ гимназій облигаціями втораго восточнаго займа, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Самуиломъ Соломоновичемъ Поляковымъ, въ память исполнившагося 14-го апрѣля сего года пятидесятилѣтняго служенія въ офицерскихъ чинахъ князя В. А. Долгорукова, учреждается при каждой изъ названныхъ гимназій по одной стипендіи, которыя именуется „стипендіи Московскаго генераль-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова“.

§ 2. Означенныя суммы хранятся въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ поманутыхъ учебныхъ заведеній, по принадлежности, а проценты съ нихъ, по сорока руб. въ годъ, вносятся за право ученія каждаго изъ стипендіатовъ, обучающихся въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 3. Стипендіи назначаются бѣднымъ ученикамъ по выбору князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

§ 4. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

3. (19-го января 1880 г.). Положеніе о стипендіи Московскаго почт-директора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена Сергѣевича Подгорѣцкаго, учрежденной при Московской 3-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Согласно Высочайшему соизволенію, послѣдовавшему въ 4-й день іюля 1879 года, на проценты съ пожертвованнаго чинами Московскаго почтамта капитала 1050 рублей, заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, учреждается при Московской 3-й гимназіи, стипендія Московскаго почт-директора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена Сергѣевича Подгорѣцкаго.

2) Стипендія предназначается для оказанія пособія одному изъ сыновей чиновъ Московскаго почтамта, православнаго исповѣданія, заслуживающему того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

3) Право назначать стипендіата на эту стипендію, равно какъ лишить его пользованія ею, принадлежать дѣйствительному статскому совѣтнику Семени Сергѣевичу Подгорѣцкому, пока онъ занимаетъ должность Московскаго почт-директора. Затѣмъ право это переходитъ къ преемникамъ его по занимаемой имъ должности Московскаго почт-директора.

4) Назначеніе на стипендію и смѣщеніе съ нея дѣлаются посредствомъ письменнаго заявленія о томъ гимназіи.

5) Назначеніе на стипендію тогда лишь имѣетъ законную силу, когда назначенный стипендіатъ, или уже состоитъ въ числѣ учениковъ гимназіи, или, по выдержаніи установленнаго испытанія будетъ принятъ въ соответственный лѣтамъ и знанію его классъ.

6) Разъ назначенный стипендіатъ сохраняетъ за собою право на стипендію то дѣхъ поръ, пока остается ученикомъ гимназіи.

7) Только въ такомъ случаѣ смѣщеніе съ стипендіи можетъ послѣдовать ранѣе указаннаго выше срока, если педагогическій совѣтъ найдетъ, что ученикъ пользующійся стипендіею, совершенно не заслуживаетъ ея по своей малоуспѣшности или неодобрительному поведенію; объ этомъ сообщается письменно г. Московскому почт-директору который окончателно смѣщаетъ стипендіата.

8. Могущіе образоваться свободные остатки отъ процентовъ съ капитала, или отъ самаго капитала въ случаѣ еслибы въ какой-либо

учебный періодъ не оказалось для замѣщенія стипендіи воспитанника изъ дѣтей почтовыхъ чиновъ, обращаются на приращеніе капиталъной суммы, приобрѣтеніе новыхъ процентныхъ бумагъ и соотвѣтственное увеличеніе размѣра стипендіи.

9) Стипендія выдается не разомъ за цѣлый годъ, но соотвѣтственными частями, по прошествіи каждаго полугодія, на руки ученику или его родителямъ и опекунамъ.

10) Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ, составляющихъ стипендіальный капиталъ, гимназія обязана озаботиться приобрѣтеніемъ другихъ государственныхъ бумагъ, приносящихъ доходъ.

4. (18-го февраля 1880 г.). Положеніе о четырехъ стипендіяхъ имени книгопродавцевъ братьевъ Салаевыхъ при Московской 4-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На счетъ процентовъ съ капитала въ 3200 руб., пожертвованнаго покойнымъ купцомъ *Θ. Салаевымъ*, учреждаются при Московской 4-й гимназіи четыре стипендіи.

2. Означенный капиталъ, состоящій изъ 32 билетовъ втораго восточнаго займа, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи.

3. Проценты съ капитала вносятся ежегодно за ученіе за четырехъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ 4-й Московской гимназіи.

4. Стипендіямъ присвоивается, съ Высочайшаго соизволенія послѣдовавшаго 15-го февраля 1880 г., названіе „стипендіи книгопродавцевъ братьевъ Салаевыхъ“.

5. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту 4-й Московской гимназіи.

6. Образовавшіеся, по какому бы то нибыло случаю, остатки могутъ быть выдаваемы бѣднѣйшимъ изъ учащихся, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

7. Наблюденіе за своевременнымъ полученіемъ процентовъ и за выходомъ билетовъ въ тиражъ лежитъ на обязанности 4-й Московской гимназіи.

8. Своевременная замѣна билетовъ, по выходѣ ихъ въ тиражъ и за прекращеніемъ срока дѣйствія ихъ, новыми наимыгоднѣйшими % государственными бумагами лежитъ на обязанности Московской 4-й гимназіи.

9. Пользованіе означенными стипендіями не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіатовъ.

5. (20-го февраля 1880 г.). Положеніе о стипендіи педагогическаго совѣта Симбирской гимназій въ память двадцатипятилѣтняго царствованія Государя Императора.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Члены педагогическаго совѣта Симбирской гимназій и другія лица, служащіе въ гимназій и въ состоящемъ при ней пансіонѣ, пожертвовали шестьсотъ руб. 5⁰/₁₀₀ билетами восточнаго займа, съ тѣмъ, чтобы проценты съ означеннаго капитала вносились за право ученія достойнаго по успѣхамъ и поведенію ученика означенной гимназій.

2. Стипендія эта, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 15-го февраля 1880 г., называется „стипендіею педагогическаго совѣта Симбирской гимназій въ память двадцатипятилѣтняго царствованія Государя Императора Александра Николаевича“.

3. Право назначенія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназій.

6. (20-го февраля 1880 г.). Положеніе о стипендіи, въ память 19-го февраля 1880 г.—дня 25-ти лѣтія царствованія Государя Императора, учрежденной при Московской 1-й гимназій.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Директоръ Московскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Ѳ. Малининъ, желая почтить день двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора посильнымъ дѣломъ благотворенія, и будучи съ дѣтства проникнуть чувствомъ глубочайшей признательности къ Московской первой гимназій какъ заведенію, давшему ему первоначальное образованіе, пожертвовалъ на вѣчныя времена капиталъ въ 1000 р., заключающійся въ одной облигаціи восточнаго займа за № 042,523, для учрежденія при названной гимназій одной стипендіи въ память 19-го февраля 1880 года.

2. На учрежденіе сей стипендіи послѣдовало 15-го февраля 1880 г. Высочайшее соизволеніе.

3. Означенный капиталъ долженъ храниться въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій—суммы пожертвованій, оставаться не прикосновеннымъ и заключаться

въ вышепомянутыхъ бумагахъ или же вообще въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ $\%$ бумагахъ.

4. Проценты съ того капитала въ количествѣ пятидесяти р. выдаются ежегодно одному изъ окончивающихъ курсъ учениковъ недостаточнаго состоянія, притомъ имѣющихъ въ поведеніи баллъ пять (5).

5. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназій.

6. Полученіе стипендіи не влечетъ за собою для стипендіата никакого обязательства.

7. (8-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи въ память чудеснаго спасенія жизни Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II, 2-го апрѣля 1879 года, при Одесской третьей гимназій.

(Утверждено г. 6. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Означенная стипендія учреждается съ 19-го февраля 1880 г. съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 1-го февраля того же года, при Одесской 3-й гимназій, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора 2-го апрѣля 1879 г., на счетъ процентовъ съ капитала 1488 р. 5 к., собраннаго по добровольной подпискѣ.

2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, обращенный въ 5 $\%$ облигаціи восточнаго займа, именно: билетъ 3-го восточнаго займа въ 1000, р. 6 билетовъ 2-го восточнаго займа, въ 100 р., каждый, и наличными деньгами 23 р. 25 к., хранится въ Одесскомъ отдѣленіи государственнаго банка.

3. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Одесской 3-й гимназій изъ недостаточныхъ и достойнѣйшихъ, какъ по успѣхамъ, такъ и по поведенію учениковъ Одесской 3-й гимназій.

4. Проценты, съ обозначенныхъ въ п. 2 облигаціи и денегъ, выдаются родителямъ или попечителямъ стипендіата на руки.

5. Стипендіатъ, не удостоившійся, послѣ годичнаго пребыванія въ одномъ классѣ, перевода въ слѣдующій классъ, лишается стипендіи, если педагогическій совѣтъ Одесской 3-й гимназій не признаетъ причины неуспѣшности стипендіата уважительною.

6. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія стипендіата въ теченіе двухъ четвертей учебнаго года, перехода его въ другое учебное заведеніе или окончанія стипендіатомъ полнаго курса ученія въ Одесской 3-й гимназій, выдача ему стипендіи прекращается.

8. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи Андрея Константиновича Агѣва при Пермскомъ Алексіевскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Пермскомъ Алексіевскомъ реальномъ училищѣ учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г. одна стипендія подъ наименованіемъ „стипендія Соликамскаго купца Андрея Константиновича Агѣва на $\frac{1}{100}$ съ капитала въ 3000 руб., заключающагося въ $5\frac{1}{2}\%$ рентахъ“.

2) Размѣръ стипендіи опредѣляется въ 165 руб., которые употребляются на содержаніе одного изъ учениковъ означеннаго заведенія.

3) Стипендіею пользуются дѣти бѣднѣйшихъ родителей, отличающихся своимъ прилежаніемъ и поведеніемъ, по преимуществу изъ дѣтей крестьянъ Кувинскаго и Добрянскаго заводовъ и Усольскихъ соляныхъ промысловъ.

4) Выборъ стипендіатовъ предоставляется при жизни г. Агѣва, ему самому, изъ числа предложеннымъ педагогическимъ совѣтомъ реальнаго училища кандидатовъ.

5) Послѣ смерти г. Агѣва право выбора стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту училища.

9. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени 6-го гренадерскаго Таврическаго генераль-фельдмаршала Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича полка.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Стипендія имени 6-го Гренадерскаго Таврическаго генераль-фельдмаршала Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича полка учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г.

2) Обеспечивающій стипендію капиталъ, пожертвованный жителями г. Тулы, въ $\frac{1}{100}$ бумагахъ государственнаго банка, на сумму 1250 р. съ процентами по день утвержденія стипендіи, причисляется къ специальнымъ средствамъ Тульской гимназій, въ которой, по мѣсту постояннаго квартированія полка, долженъ получать воспитаніе входящій стипендіатъ.

3) Правомъ на стипендію пользуется одинъ изъ мальчиковъ бѣд-

нѣйшихъ семействъ нижнихъ чиновъ названнаго полка. Избраніе стипендіата принадлежитъ полку.

4) Проценты, ежегодно получаемые съ основнаго капитала, означеннаго въ 1-мъ пунктѣ сихъ правилъ, по распоряженію гимназическаго начальства, должны расходоваться: 1) въ уплату за право ученія назначеннаго полкомъ въ гимназію стипендіата и 2) на учебныя ему пособія; второй категоріи деньги выдаются на руки лица, заступающаго для стипендіата мѣсто родителей, или же остаются въ распоряженіи начальства учебнаго заведенія, которое и приобретаетъ на нихъ необходимыя для стипендіата учебныя пособія.

5) Въ случаѣ неназначенія полкомъ въ какой-либо годъ стипендіата, проценты за тотъ годъ, въ который его не было, начальствомъ гимназіи причисляются къ основному капиталу стипендіи и въ слѣдующіе годы расходуются, какъ указано въ 3-мъ пунктѣ сихъ правилъ.

6) Если же случится, что родныя избраннаго полкомъ стипендіата или самъ полкъ вслѣдствіе особыхъ условій и въ интересахъ самого стипендіата, признаютъ нужнымъ дать ему воспитаніе не въ Тульской гимназіи, а въ другомъ какомъ нибудь учебномъ или ремесленномъ заведеніи, принадлежащемъ министерству народнаго просвѣщенія, то въ этомъ случаѣ, по сношенію полка съ начальствомъ Тульской гимназіи, послѣднему предоставляется право дѣлать переводъ годовыхъ процентовъ, полученныхъ на основной капиталъ, въ то заведеніе, куда поступить для обученія стипендіатъ.

7) Избранный полкомъ на стипендію мальчикъ изъ семействъ нижнихъ чиновъ пользуется ею въ такомъ только случаѣ, если во время ученія въ гимназіи онъ будетъ поведенія хорошаго и по предметамъ, входящимъ въ гимназическій курсъ, имѣть отмѣтки не ниже удовлетворительныхъ, оставаться же два года въ одномъ классѣ дозволяется стипендіату только два раза въ цѣлый курсъ; если же онъ останется въ третій разъ на второй годъ въ классѣ, то стипендія очищается и замѣщается другимъ лицомъ, согласно 2 пункту сихъ правилъ.

10. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи, учрежденной при Нарвской мужской прогимназіи, на капиталъ именуемый „Александровскимъ“.

(Утверждено г. 6 министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Собранный Нарвскимъ русскимъ общественнымъ собраніемъ,

въ ознаменованіе дня двадцатипятилѣтія достославнаго царствованія Государя Императора, капиталъ, заключающійся въ билетахъ третьяго восточнаго займа: одинъ 1000 р. за № 2764 и 5 по 100 р. за №№ 167501—167505, всего на сумму 1500 р., обращается въ неприкосновенный капиталъ Нарвской прогимназіи и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ сего учебнаго заведенія. Капиталу этому присваивается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г., наименованіе „Александровскій“.

2) Проценты съ означенной суммы выдаются бѣднѣйшему изъ учениковъ Нарвской прогимназіи, достойному по успѣхамъ и поведенію, на обзаведеніе одеждою и книгами.

3) Выборъ ученика на эту стипендію, изъ числа дѣтей жителей г. Нарвы, предоставляется ближайшему усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

11. 17-го марта 1880 года). Правила объ учрежденной при Рижской Александровской гимназіи стипендіи имени купеческой дочери Анны Кузьминишны Паниной.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго потомственною почетною гражданкою Александрою Кузьминишною Поповою, урожденною Паниной, и состоящаго въ восьми облигаціяхъ 1-го восточнаго займа на 800 руб., изъ 5% въ годъ, учреждается при Рижской Александровской гимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г., стипендія имени покойной сестры ея, купеческой дочери Анны Кузьминишны Паниной.

§ 2. Означенная стипендія, въ размѣрѣ 40 руб. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназіи, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 3. Право назначать стипендіата изъ числа учениковъ гимназіи принадлежитъ пожизненно, согласно желанію жертвовательницы, Александры Кузьминишны Поповой, деверю ея потомственному почетному гражданину Павлу Савичу Попову, по смерти же его это право переходитъ къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназіи.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Анны Кузьминишны Паниной, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату.

§ 5. Означенный въ § 1 капиталъ въ 800 руб.,—составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназiи, хранится, вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназiи, въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

12. (17-го марта 1880 г.). Правила объ учрежденной при Рижской Александровской гимназiи стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Всеволода Ермолаевича Попова.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенiя).

1) Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго потомственною почетною гражданкою Александрою Кузминишною Поповой, урожденною Паниной, и состоящаго въ восьми облигаціяхъ 1-го восточнаго займа на 800 р. изъ 5% въ годъ, учреждается при Рижской Александровской гимназiи, съ Высочайшаго соизволенiя, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г., стипендія имени покойнаго сына ея, потомственнаго почетнаго гражданина Всеволода Ермолаевича Попова.

2) Означенная стипендія, въ размѣрѣ 40 р. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназiи, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведенiемъ.

3) Право назначать стипендіата изъ числа учениковъ гимназiи принадлежитъ пожизненно жертвовательницѣ, Александрѣ Кузминишнѣ Поповой; по смерти же ея, это право переходитъ къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназiи, съ тѣмъ условiемъ, чтобы педагогическій совѣтъ, при назначенiи стипендіата, преимущественно имѣлъ въ виду учениковъ изъ старообладцевъ.

4) Въ случаѣ временнаго незамѣщенiя стипендіи Всеволода Ермолаевича Попова, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату.

5) Означенный въ § 1 капиталъ въ 800 руб., составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназiи, хранится, вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназiи, въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

13. (22-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи Имени Его Величества Государя Императора Александра II, для одного бѣднаго приходящаго ученика Томской гимназiи.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенiя).

1) На счетъ % съ капитала въ 500 руб., пожертвованнаго пе-

дагогическимъ совѣтомъ Томской губернской гимназіи въ память 25-лѣтняго славнаго царствованія Государя Императора, учреждается въ Томской губернской гимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г., одна стипендія, по 25 р. въ годъ, для одного бѣднаго приходящаго ученика, съ наименованіемъ оной: „стипендія имени Его Величества Государя Императора Александра II“.

2) Обеспечивающей стипендію капиталъ, обращенный въ облигаціи 3-го внутренняго восточнаго займа, зачисляется въ спеціальныя средства Томской губернской гимназіи, изъ которыхъ годовые проценты 25 руб. перечисляются и выдаются по назначенію ежегодно.

3) Означенная стипендія предоставляется обучающемуся въ Томской гимназіи бѣдному ученику на плату за право ученія (20 рублей) и на учебники (5 рублей).

4) Стипендіей этой можетъ пользоваться ученикъ Томской гимназіи, начиная со II класса, обучающийся съ удовлетворительными успѣхами при хорошемъ поведеніи.

5) Неодобрительное поведеніе и неудовлетворительные успѣхи, вслѣдствіе коихъ стипендіатъ остается на другой годъ, лишаютъ его права на эту стипендію, которая затѣмъ предоставляется другому достойному ученику.

6) Право предоставленія воспитаннику Томской гимназіи вышеозначенной стипендіи, какъ и лишенія оной, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

14. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи, учрежденной при Вѣлостокскомъ реальномъ училищѣ, въ память чудеснаго избавленія драгоцѣнной жизни Государя Императора отъ злодѣйскаго покушенія 2-го апрѣля 1879 г.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 30-й день истекшаго марта, при Вѣлостокскомъ реальномъ училищѣ учреждается одна стипендія, въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества отъ злодѣйскаго покушенія 2-го апрѣля 1879 г., на счетъ % съ капитала въ пятьсотъ руб. сер., пожертвованныхъ служащими и учащимися въ Вѣлостокскомъ реальномъ училищѣ.

2. Пожертвованный капиталъ хранится, въ пяти 5% билетахъ восточнаго займа, въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціаль-

ныхъ средствъ Вѣлостокскаго реальнаго училища, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3. Въ случаѣ закрытія Вѣлостокскаго реальнаго училища, капиталъ этотъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобнаго рода мужское учебное заведеніе, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

4. Въ случаѣ амортизаціи билетовъ восточнаго займа, на вырученную стоимость ихъ должны быть приобрѣтены училищемъ другіе государственные 5% билеты.

5. Стипендію этою пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища, безъ различія мѣста его рожденія, національности и вѣроисповѣданія, оказавшій, при отличномъ поведеніи, хорошіе успѣхи въ наукахъ.

6. Проценты съ стипендіальнаго капитала обращаются на уплату за право ученія стипендіата въ училищѣ, но, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, они могутъ выдаваться, за каждое истекшее полугодіе, на руки самому стипендіату, въ случаѣ освобожденія его отъ платы за ученіе.

7. Выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту, на общихъ основаніяхъ.

8. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса или выхода его, по какимъ-либо причинамъ, изъ училища, но и во время пребыванія его въ заведеніи, онъ можетъ быть лишенъ стипендіи по малоуспѣшности въ наукахъ или по неодобрительному поведенію, вслѣдствіе опредѣленія о томъ педагогическаго совѣта.

9. По окончаніи курса въ училищѣ или по выbitіи изъ училища по какимъ-либо другимъ причинамъ, стипендіатъ не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

15. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи Его Величества Императора Александра II, при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. 6. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Члены попечительнаго совѣта и служащіе въ Астраханскомъ реальномъ училищѣ лица, въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора, собрали капиталъ, составившій въ пятипроцентныхъ бумагахъ третьяго восточнаго займа семьсотъ (700) руб.

2. На проценты съ означеннаго капитала учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 30-го марта 1880 года, при Астраханскомъ реальномъ училищѣ, стипендія Имени Его Величества Императора Александра II и ученикъ, пользующійся ею, называется стипендіатомъ Его Величества Императора Александра II.

3. Стипендіею можетъ пользоваться только ученикъ Астраханскаго реального училища, который удовлетворяетъ условію § 28 устава реальныхъ училищъ, Высочайше утвержденного 15-го мая 1872 г., то-есть сынъ совершенно недостаточныхъ родителей, заслуживающій стипендію по своему поведенію и прилежанію.

4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища, который и лишаетъ стипендіата права на полученіе стипендіи, если онъ перестаетъ удовлетворять условію § 28 устава.

5. Ежегодный процентъ 35 р., по назначенію педагогическаго совѣта, употребляется на приобрѣтеніе для стипендіата учебныхъ пособій и, по мѣрѣ возможности, на покупку или ремонтъ бѣлья, платья и обуви для него. Отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ выдать и всѣ 35 руб. на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата.

6. Стипендіатъ освобождается отъ взноса денегъ за право ученія, если число освобожденныхъ учениковъ не достигло еще 10% общаго числа освобождаемыхъ отъ платы учениковъ реального училища.

7. На обязанности директора училища лежитъ полученіе процентовъ съ капитала и, въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ билетовъ, своевременный обмѣнъ ихъ на другія гарантированныя правительствомъ выгодныя процентныя бумаги.

8. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ, по случаю незамѣщенія вакансіи кандидатомъ или по другимъ причинамъ, по распоряженію педагогическаго совѣта, или выдаются стипендіату по окончаніи курса, или же присоединяются къ неприкосновенному капиталу для увеличенія его.

16. (27-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго томскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андрея Петровича Супруненко, учрежденной при Томскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. На проценты съ капитала, собраннаго по добровольной под-

пискѣ жителями города Томска и, состоящаго изъ шести пятипроцентныхъ государственныхъ банковыхъ билетовъ втораго выпуска (1861 г.), пяти, по сто руб. каждый, за №№ 59748, 59749, 59750, 59751, 69752 и одного въ пятьсотъ рублей, за № 26565, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 22-го апрѣля 1880 г., при Томскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ, стипендія подъ наименованіемъ „стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андрея Петровича Супруненко“.

2. Проценты съ означеннаго капитала ежегодно употребляются на уплату за право ученія стипендіата и на пособіе ему, а остатокъ, могущій образоваться отъ незамѣщенія вакансіи, присоединяется къ основному капиталу для увеличенія онаго.

3. Стипендіею можетъ пользоваться только ученикъ Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, который въ этомъ случаѣ носитъ названіе стипендіата дѣйствительнаго статскаго совѣтника Супруненко.

4. Выборъ и назначеніе стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища.

5. Означенный въ § 1 капиталъ составляетъ неприкосновенную собственность Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, хранится вмѣстѣ съ специальными средствами училища и на хозяйственный комитетъ училища возлагается обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ былъ своевременно обмѣниваемъ на выгодныя правительственныя процентныя бумаги.

6. Стипендіатъ недобрительнаго поведенія, или не оказывающій удовлетворительныхъ успѣховъ, лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта.

17. (27-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи Жарова при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. На проценты съ капитала 1000 р., пожертвованнаго астраханскимъ временнымъ 1-й гильдіи купцомъ Иваномъ Яковлевичемъ Жаровымъ, учреждается при Астраханскомъ реальномъ училищѣ стипендія его имени, на что 22-го апрѣля 1880 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

2. Стипендіату, избираемому непремѣнно изъ учениковъ Астра-

ханскаго реальнаго училища, присвоивается названіе стипендіата купца Жарова.

3. Назначеніе стипендіата предоставляется Ивану Яковлевичу Жарову, а послѣ его смерти фирмѣ Жаровыхъ и только въ случаѣ прекращенія существованія этой фирмы педагогическому совѣту училища.

4. Проценты въ количествѣ 50 руб. ежегодно употребляются на плату, за право ученія стипендіата, а также, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, на учебныя пособія и на денежную выдачу стипендіату.

5. Остатки процентовъ, могущіе образоваться отъ незамѣщенія вакансіи, или по другимъ причинамъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, либо присоединяются къ капиталу, либо выдаются въ пособіе стипендіату по окончаніи имъ курса.

6. На обязанности директора училища лежитъ полученіе процентовъ и своевременный обмѣнъ билетовъ, при ихъ выходѣ въ тиражъ, на другія процентныя государственныя, или гарантированныя правительствомъ бумаги.

7. Стипендіатъ, не оправдывающій выборъ своимъ поведеніемъ и успѣхами, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, лишается стипендіи и директоръ обращается къ фирмѣ Жаровыхъ о назначеніи другаго стипендіата.

18. (21-го мая 1880 г.). Правила о единовременныхъ пособіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ въ память 25-ти-лѣтняго царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича изъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго для сей цѣли вдовою статскаго совѣтника Кирьяковою-Кирдановскою.

(Утверждены управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей учреждается при Московскомъ университетѣ единовременное пособіе; одна часть онаго 50 руб. вносится за слушаніе лекцій, а другая также 50 руб. выдается на руки студенту.

2. Пособіе это, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го мая 1880 г., носить названіе: „единовременное пособіе Кирьякова-Кирдановскаго въ память 25-ти-лѣтняго царствованія Императора Александра Николаевича“.

3. Первымъ кандидатомъ на это пособіе назначается студентъ медицинскаго факультета Московскаго университета 1-го курса Андифоровъ, Александръ.

4. По окончаніи имъ курса, пособіе, тѣмъ же порядкомъ, какъ сказано въ § 1, должно назначаться одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ, непременно изъ дворянъ и преимущественно изъ Малороссіянъ, отличающемуся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

5. Пособіе назначается подлежащимъ начальствомъ университета, согласно съ существующими на сей предметъ постановленіями.

6. Остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу.

19. (21-го мая 1880 г.). Правила о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ тысячу руб., пожертвованнаго г-ю А. пожелавшею остаться неизвѣстною.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Изъ процентовъ съ капитала въ тысячу рублей учреждается единовременное пособіе для взноса за слушаніе профессорскихъ лекцій за одного изъ бѣднѣйшихъ студентовъ Московскаго университета.

2) Пособіе это на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го мая 1880 года носить названіе „неизвѣстной благотворительницы А.“

3) Размѣръ пособія пятьдесятъ рублей въ годъ, которые по полагно вносятся въ сумму сбора за слушаніе лекцій.

4) Пособіе назначаетъ подлежащее начальство университета, согласно съ существующими на сей предметъ постановленіями.

5) Остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу.

20. (21-го мая 1880 г.). Правила о ежегодномъ единовременномъ пособіи, учреждаемомъ при Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго вдовою лейбъ-гвардіи полковника Еленою Андреевною Голиковою и заключающагося въ облигаціи 3-го восточнаго займа.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Изъ процентовъ съ пожертвованнаго вдовою полковника Еленою Андреевною Голиковою капитала выдается ежегодное пособіе, для взноса платы за слушаніе профессорскихъ лекцій.

2) Пособіе это, согласно волѣ жертвовательницы, учреждается

въ память покойнаго сына ея, Константина, бывшаго студента Московскаго университета и именуется на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го мая 1880 года „единовременнымъ пособіемъ Константина Голикова“.

3) Размѣръ пособія пятьдесятъ рублей въ годъ.

4) Пособіе назначается, для взноса платы за слушаніе профессорскихъ лекцій, одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ юридическаго факультета, отличающемуся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

5) Назначеніе пособія производится порядкомъ, установленнымъ на сей предметъ правилами для студентовъ университетовъ, утвержденными Министерствомъ 26-го октября 1879 года.

6) Въ случаѣ, еслибы со временемъ плата за слушаніе профессорскихъ лекцій была отмѣнена, то проценты съ капитала обращаются въ стипендію, которая можетъ быть соединяема съ другою такого же размѣра стипендію и выдаваться одному студенту юридическаго факультета.

7) Капиталь можетъ быть увеличиваемъ чрезъ присоединеніе къ нему свободныхъ остатковъ отъ процентовъ.

21. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи Розаліи Ивановны Троцкой, урожденной Рошковской.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала, отказаннаго духовнымъ завѣщаніемъ отставнаго подполковника Федора Николаевича Троцкаго, составленнымъ 12 декабря 1878 года, учреждается при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ стипендія, которая на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го мая 1880 года именуется „стипендію Розаліи Ивановны Троцкой, урожденной Рошковской“.

2) Пожертвованная Троцкимъ сумма четыре тысячи рублей 5%, государственными билетами должна храниться въ Польскомъ банкѣ и состоятъ въ распоряженіи Совѣта Варшавскаго университета.

3) Въ случаѣ устраненія изъ обращенія названныхъ 5% билетовъ, или по другой причинѣ, Совѣтъ университета на отказанныя по настоящему фонду деньги приобрѣтаетъ другія русскія процентныя государственныя или же гарантированныя Правительствомъ бумаги.

4) Въ случаѣ, если въ теченіе одного года или нѣсколькихъ

дѣтъ не будетъ назначена стипендія, остающійся процентъ отъ капитала 4000 р. вносится въ то кредитное установленіе, въ которомъ хранится основной капиталъ, пока не образуется сумма, равняющаяся пятилѣтнему проценту отъ этого капитала и за тѣмъ эта сумма будетъ употреблена на стипендію въ пользу другаго студента, независимо этой стипендіи, выдаваемой изъ текущихъ процентовъ.

5) Въ случаѣ еслибы сбереженные проценты, согласно 4 §, составили сумму, достаточную для выдачи стипендіи двумъ, тремъ или болѣе студентамъ, то совѣтъ университета можетъ производить выдачу стипендіи одновременно, четыремъ и т. д. студентамъ.

6) Стипендіи выдаются бѣднымъ студентамъ медицинскаго факультета Варшавскаго университета, уроженцамъ Гродненской губерніи, Римско-католическаго вѣроисповѣданія, хорошаго поведенія и успѣвающимъ въ наукахъ, по ходатайству медицинскаго факультета.

7) За студентомъ, получившимъ стипендію оставляется таковая до окончанія имъ медицинскаго факультета съ тѣмъ, что стипендіать, оставшійся на какомъ-либо курсѣ на второй годъ, безъ уважительной причины, лишается стипендіи.

22. (9-го іюня 1880 г.). Правила о стипендіи при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ на проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго умершимъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Васильевичемъ Добротворскимъ и заключающагося въ 5% банковыхъ билетахъ.

(Утверждены Управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей учреждается, одна стипендія, которая на основаніи Высочайшаго повелѣнія 4-го іюня 1880 года именуется „стипендія статскаго совѣтника Ивана Васильевича Добротворскаго“.

2) Размѣръ стипендіи триста руб. въ годъ.

3) Стипендія выдается студенту физико-математическаго факультета, недостаточнаго состоянія, отличному по успѣхамъ и поведенію.

4) Стипендія назначается на точномъ основаніи существующихъ на сей предметъ постановленій.

5) Остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

29-го марта 1880 года (№ 3). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго Университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сабининъ — Деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 26-го февраля 1880 года.

Бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета, статскій совѣтникъ Федоренко—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 25-го декабря 1878 года.

Исправляющій должность профессора православнаго богословія Императорскаго Новороссійскаго Университета, магистръ, священникъ Кудрявцевъ—въ сей должности, съ 8-го марта 1880 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета, докторъ физики Колли — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ физики, съ 19-го января 1880 года.

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго Университета и библіотекаръ сего университета, магистръ русской исторіи, статскій совѣтникъ Барсовъ—экстраординарнымъ профессоромъ того же Университета по кафедрѣ русской исторіи, съ 15-го октября 1879 года, съ оставленіемъ въ должности библіотекаря.

Статскій совѣтникъ баронъ Врангель—почетнымъ попечителемъ Ялтинской Александровской прогимназіи, на три года.

Коллежскій Ассесоръ Листовскій—почетнымъ попечителемъ Суражской прогимназіи, на три года.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Лутовиновъ—членомъ попечительства Новгородскаго реальнаго училища, на три года.

Надворный совѣтникъ Бѣлоруссовъ, потомственный дворянинъ Клепининъ, потомственный почетный гражданинъ Казанцевъ и Екатеринбургскій купецъ Роговъ—членами попечительства Еватеринбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, на три года.

Статскій совѣтникъ Риттихъ, оставшой полковникъ гвардіи Карцевъ, титулярный совѣтникъ Григоровичъ, губернский секретарь Истоминонъ, оставшой поручикъ Брандтъ и кандидатъ правъ Лазаревъ — членами попечительства Ливенскаго реальнаго училища, на три года.

Статскій совѣтникъ Спелура, коллежскій секретарь Лабзинъ, потомственные почетные граждане Ключковъ и Михайловъ и купцы

Кретовъ и Безруковъ — членами попечительства Воронежскаго реальнаго училища, на три года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія архитекторъ департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Тацки, съ 16-го февраля 1880 года, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Причисленный къ канцеляріи оберъ-прокурора свѣтѣйшаго синода сверхъ штата коллежскій ассесоръ Арнольдъ, съ 15-го марта 1880 года, съ оставленіемъ на службѣ при означенной Канцеляріи.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета князь Николай Шаховскій, съ 15-го марта 1880 года.

Опредѣляются, изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Брамсонъ — на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ утвержденіемъ директоромъ Керченской Александровской гимназіи.

Потомственный почетный гражданинъ Кузнецовъ — почетнымъ попечителемъ Красноярской учительской семинаріи, съ 15-го февраля 1880 года.

Оставляются на службѣ: на два года: директоръ Рижской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гамбурцовъ, съ 19-го февраля 1880 года.

На пять лѣтъ: директоръ Полтавской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шафрановъ, съ 16-го августа 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Лазаревичъ, съ 17-го августа 1879 года.

Командируются въ Россію съ ученою цѣлію: директоръ и ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зейфманъ — на лѣтнее вакаціонное время 1880 года, въ разныя губерніи.

Инспекторъ Херсонской гимназіи Сиггъ — на три мѣсяца, въ разныя губерніи.

Ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ Видеманъ — на шесть недѣль сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1880 года, считая съ 10-го мая 1880 года, въ Эстляндскую и Лифляндскую губерніи.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на лѣтнее вакаціонное время 1880 года: директоръ Варшавской II мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Стефановичъ — въ разныя гу-

бернн, директоръ Несвижской учительской семинаріи, надворный совѣтникъ Николаевскій, по болѣзни, въ Самарскую губернію.

На два мѣсяца: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тихомандритскій, по болѣзни, въ разныя губерніи.

Съ 15-го мая до конца лѣтнаго вакаціоннаго времени 1880 года: директоръ Калужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вибиковъ, по болѣзни, во внутреннія губерніи.

Съ 15-го мая 1880 года на три мѣсяца: директоръ Острогской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Богатиновъ, по болѣзни, въ разныя губерніи.

За границу: на четырнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Павинскій.

На двадцать девять дней: учитель Роменскаго реальнаго училища Буассело.

На одинъ мѣсяцъ: директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сентъ-Илеръ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Столѣтовъ, Дерптскій директоръ училищъ, статскій совѣтникъ Геекъ, учителя гимназій: Орловской, коллежскіе совѣтники: Долезель и Помянъ, Вердянскій, Янъ, Пензенской, Ключекъ и Дерптской, надворный совѣтникъ Реймерсъ и Байеръ, старшіе учителя гимназій: Рижской городской: коллежскій совѣтникъ Дюбуа, коллежскій ассесоръ Гензель и Гренбергъ и Митавской, надворный совѣтникъ Гижицкій, исправляющій должность учителя наукъ Рижской городской гимназіи Меттихъ, учителя прогимназій: Ялтинской Александровской, Шкорпилъ и Фюмель и Царицынской Александровской Гендрихъ, учителя реальныхъ училищъ: Сергѣевскаго въ Псковѣ, Ансбахъ, Новозыбковскаго, Зеберли и Рижскаго городского для гражданъ, коллежскій ассесоръ Мюллеръ и Барраудъ: изъ нихъ Геекъ, Реймерсъ и Гижицкій по болѣзни.

На два мѣсяца: помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Воронцовъ-Вельяминовъ, врачъ Саратовскаго реальнаго училища, коллежскій ассесоръ Бонвечъ и помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Воронцовъ-Вельяминовъ, всѣ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и четырнадцать дней: учитель Харьковской первой гимназіи Шерцль, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и пятнадцать дней: учитель Московской четвертой гимназіи, статскій совѣтникъ Кремеръ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать девять дней: ректоръ Императорскаго Дерптскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Мейковъ и ординарный профессоръ сего университета Вильгельмъ Стида, первый по болѣзни.

До конца настоящаго учебнаго года, считая съ 15-го марта 1880 года: начальница женской гимназіи въ С.-Петербургѣ княгиня Оболенская.

Увольняются, согласно прошеніямъ, отъ службы: директоръ Шуйской прогимназіи, статскій совѣтникъ Миротворцевъ, съ 8-го марта 1880 года.

Членъ совѣта попечителя Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Романкевичъ, съ дозволеніемъ носитъ въ отставѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности при своемъ.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному блюстителю 5-го Оренбургскаго приходскаго училища, 1 й гильдіи купцу Назарову—за пожертвованіе его на пополненіе библіотеки сего училища.

Исключается изъ списковъ умершій: ректоръ Императорскаго Казанскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ сего университета, тайный совѣтникъ Осокинъ.

5-го апрѣля 1880 г. (№ 4). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бауреръ—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, съ 11-го марта 1880 г.

Статскій совѣтникъ Русановъ, штабель-ротмистръ Вунинъ и губернской секретарь Рябининъ—членами попечительства Воронежскаго реальнаго училища, на три года.

Коллежскій ассессоръ Суворовъ и коллежскій секретарь Малѣевъ — членами попечительства Перискаго реальнаго училища, на три года.

Екатеринбургскіе купцы Симоновъ и Стрижовъ—членами попечительства Екатеринбургскаго реальнаго училища, на три года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Захарьинъ, съ 21-го декабря 1879 г.

Директоръ Нижегородской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Садоковъ, съ 22-го февраля 1880 г.

Командируется съ ученою цѣлю: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Кесслеръ — въ Крымъ, съ 1-го мая по 10-е сентября 1880 г.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Минхъ—въ Астраханскую губернію и на Кавказъ, на пять мѣсяцевъ, съ 15-го апрѣля 1880 г.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на лѣтнее вакаціонное время 1880 г.: директоръ Влоцлавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Лебедевъ—въ Великое Княжество Финляндское и гор. С.-Петербургъ, Москву и Ревель.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать дней: директоръ Сергіевскаго въ Псковѣ реальнаго училища, статскій совѣтникъ Раевскій—въ разныя губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать восемь дней: директоры гимназій: С.-Петербургской Ларинской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кноррингъ — въ разныя губерніи и Императорской Казанской первой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крелленбергъ—въ Остзейскія губерніи; оба по болѣзни.

На два съ половиною мѣсяца: директоръ Гродненской гимназіи, статскій совѣтникъ Татлинъ—въ Крымъ, по болѣзни.

За границу: на шестнадцать дней: доцентъ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ Неметти.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г.: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Степановъ и Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фогель, ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Будилевичъ, директоры мужскихъ гимназій: Варшавской I, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крижановскій, и Люблинской, статскій совѣтникъ Сѣнгалевичъ, исправляющіе должность инспекторовъ мужскихъ гимназій: Варшавскихъ: I—Веденяпинъ, II—надворный совѣтникъ Мазюкевичъ, III—статскій совѣтникъ Троицкій и Кѣлецкой, Костецкій, старшіе учителя Дерптской гимназіи, коллежскіе совѣтники: Вейнеръ и Шнейдеръ, учителя гимназій: состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ Добіашъ, С.-Петербургскихъ: третьей, надворный совѣтникъ Райманъ и кол-

лежскій ассесоръ Кеммерлингъ, Ларинской, статскій совѣтникъ Кошовичъ, Варшавскихъ мужскихъ: I: статскій совѣтникъ фонъ-Роде, Вагнеръ и Толивенъ, II—Шенбергъ, Кѣлецкой мужской, коллежскій ассесоръ Сперанскій, Плоцкой мужской, Ливотовъ, Тверской, Голейшовскій, Московскихъ: четвертой: Кордасевичъ и шестой, статскій совѣтникъ Дени и коллежскій ассесоръ Киндлеръ, Костромской, статскій совѣтникъ Блюссъ, Рижельевской, Коппе, Николаевской Александровской, Кейзларъ, Симферопольской, Зоэль, Новочервасской, Пинкава, исправляющій должность воспитателя, комнатный надзиратель С.-Петербургской третьей гимназіи, коллежскій секретарь Кеммерлингъ, помощникъ классныхъ наставниковъ Немировской гимназіи Мюнчинскій, учителя Варшавскихъ женскихъ гимназій: I—Лучицкій и IV—Клодницкій, инспекторъ Сандомирской мужской прогимназіи, статскій совѣтникъ Крашановскій, учителя прогимназій: Рязанской, коллежскій ассесоръ Мейеръ и Азовской, Марекъ, учителя реальныхъ училищъ: Кронштадтскаго, Ильницкій, Московскаго, Жилинскій и Кастильонъ, Александровскаго Орловскаго, коллежскій совѣтникъ Мало, Костромскаго, коллежскій ассесоръ Фарванья, Николаевскаго Александровскаго, статскій совѣтникъ Генель, Варшавскаго, Плутенко и Ловичскаго, Браиловскій, директоръ главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Фризендорфъ, инспекторъ этого училища Колинсъ и учителя сего училища: Фишеръ, Бонжуръ, Тюрель, Аккерманъ, Гриммъ, Миллеръ, Миттеллахеръ, Фремонъ и Вороновичъ, инспекторъ мужскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ Москвѣ, состоящій въ VIII классѣ Чекала, учитель сего училища, титулярный совѣтникъ Кремеръ, завѣдывающій Варшавскимъ институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Паплонскій, учитель-руководитель Варшавской учительской семинаріи Напмель, учитель первой Дерптской учительской семинаріи, титулярный совѣтникъ Ланге, учитель Дерптскаго уѣзднаго училища Ивановъ, классная дама Варшавской женской гимназіи Плещова, классныя дамы женскихъ прогимназій: Замостьской, Юрьева и Сандомирской, Дучинская; изъ нихъ по болѣзни: Степановъ, Крыжановскій, Сынгалевичъ, Веденяпинъ, Мазюкевичъ, Троицкій, Костецкій, Вейнеръ, фонъ Роде, Вагнеръ, Толивенъ, Шенбергъ, Ливотовъ, Лучицкій, Клод-

ницкій, Брашановскій, Плутенко, Браиловскій, Паплонскій, Папмель, Плесцова, Юрьева и Дучинская.

На два мѣсяца: начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Копыловъ и директоръ Варшавской V мужской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Хорошевскій; оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и десять дней: учитель Московской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ Марцъде-Лонжевицъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и четырнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Рельманъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать одинъ день: учитель Рижской губернской гимназіи, губернский секретарь Михельсонъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать восемь дней: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ Дорнъ, директоры гимназій: С.-Петербургской второй, дѣйствительный статскій совѣтникъ Смирновъ и Радомской мужской, статскій совѣтникъ Маркіановичъ, учитель Курской гимназіи Ницкій, учитель Одесской Маріинской женской гимназіи Дренгеръ, учитель Ростовской-на-Дону прогимназіи Басиловъ, врачъ Одесской второй прогимназіи Брендель, классная дама Варшавской IV женской гимназіи Евгенія Щебальская и надзирательница Замостьской женской прогимназіи Гаврилова; изъ нихъ: Смирновъ, Маркіановичъ, Ницкій, Дренгеръ, Брендель, Басиловъ, Щебальская и Гаврилова по болѣзни.

На двадцать девять дней, съ 25-го апрѣля 1880 г., и на лѣтнее вакаціонное время 1880 г.: директоръ Черниговской гимназіи, статскій совѣтникъ Мессъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать девять дней: ординарные профессора Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники фонъ-Гольстъ и Драгендорфъ, исполняющій обязанности инспектора Московской шестой гимназіи, коллежскій ассесоръ Кимаъ и учитель С.-Петербургской Ларинской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Маакъ; изъ нихъ Кимаъ и Маакъ по болѣзни.

На три мѣсяца: состоящій при министерствѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бекманъ и клас-

сная дама Варшавской II женской гимназіи Александра Щебальская, послѣдняя по болѣзни.

Увольняются, согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Цингеръ—отъ должности проректора сего университета, съ 22-го марта 1880 г.

Почетный попечитель Байрамчской учительской семинаріи Маврокордато—отъ сей должности.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: инспектору народныхъ училищъ Оренбургской губерніи Семигановскому — за обстоятельное составленіе отчетовъ по осмотру училищъ, исправное посѣщеніе имъ училищъ и заботливость о преуспѣваніи ихъ.

Вдовѣ штабсъ-капитана Потемкиной — за пожертвованіе въ пользу общества вспоможенія бѣднымъ ученикамъ Пензенской гимназіи.

Попечителю Рыловскаго начальнаго народнаго училища, Боровскаго уѣзда, губернскому секретарю Мартену, попечителю Марьинскаго начальнаго народнаго училища того же уѣзда, ковровскому 2-й гильдіи купцу Треумову, попечительницѣ Александровскаго училища Козловской, Александровскому купцу Соколову, попечителю Мячковскаго училища, Александровскаго уѣзда, отставному унтеръ-офицеру Родіонову и почетному блюстителю Ухоловскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Ряжскаго уѣзда, Ряжскому купцу Шаширину—за пожертвованія ихъ въ пользу училищъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:— книгу: „Начальныя основанія педагогики“. Учебникъ для инструментовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Настольная книга для родителей и воспитателей. Выпускъ II. Дидактика и методика. Историческій очеркъ воспитанія и образованія вообще у древнихъ и новыхъ народовъ и въ частности въ Россіи. Составилъ П. В. Евстафьевъ. С.-Пб.

1879 г.—допустить въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Составленную А. Бутлеровымъ книгу: Пчела, ея жизнь и главныя правила толковаго пчеловодства, краткое руководство для пчеляковъ. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е вновь пересмотрѣнное, исправленное и пополненное. С.-Пб. 1880 г., одобрить для бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Курсъ греческаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Составилъ по Коху М. Григоревскій. Изд. 3 исправленное. С.-Пб. 1879 г.“— одобрить какъ учебное пособие по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги подъ заглавіемъ: 1) „А. Г. Гавловскій. Руководство геометрическаго черченія. Одобренное главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, какъ учебникъ для военныхъ гимназій. Курсъ V класса. Черченіе плоскихъ фигуръ. Съ 4 таблицами чертежей“. С.-Пб. 1880 г. и 2) Руководство геометрическаго черченія, составленное по программѣ военныхъ гимназій преподавателемъ геометрическаго черченія въ 1-й С.-Петербургской военной гимназіи А. Г. Гавловскимъ и одобренное главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, какъ учебникъ геометрическаго черченія въ военныхъ гимназіяхъ. I. Теорія проекцій. II. Теорія перспективы. III. Построеніе тѣней въ перспективѣ. Съ атласомъ чертежей. С.-Пб. 1879 г. одобрить какъ полезныя учебныя пособия для реальныхъ училищъ: первую для IV и V классовъ, а вторую для VI класса.

— Книгу: „Греческая и римская метрика, для старшихъ классовъ гимназій и для начинающихъ филологовъ, обработанная Лукіаномъ Миллеромъ. Съ приложеніемъ: объ историческомъ ходѣ развитія древней метрики“. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 75 к.,—рекомендовать какъ учебное пособие для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и для начинающихъ филологовъ.

— Книгу: „Учебная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества. Выпускъ I. Составилъ К. Крафтъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное“. Кіевъ, 1880 г. Цѣна 1 р.,—допустить въ употребленію въ средне-учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ видѣ учебнаго пособия.

— Книгу: „Русская исторія въ источникахъ“. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Васильковскій. Часть I. Москва. 1880 г. Цѣна 1 р.—одобрить какъ пособие для низшихъ классовъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Издаваемый Эмилем Гартве журналъ: „Россійская Библиографія“—рекомендовать для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и одобрить оный для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію)“. Составилъ А. Кирпичниковъ и Ѳ. Гуляровъ. Изданіе 15-е, исправленное и дополненное. Москва, 1880 г.—одобрить какъ учебное руководство.

— Книгу: „Начала Евклида, съ пояснительныхъ введеніемъ и толкованіями. Ординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра М. Е. Ващенко-Захарченко“. Кіевъ, 1880 г. Цѣна 6 р.—рекомендовать къ приобрѣтенію въ основныя библиотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и институтовъ, а также для наградъ за прилежаніе и успѣхи по математикѣ учениковъ старшаго возраста.

— Книгу: „Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи Т. Румпеля. Переводъ П. М. Цейдлера. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 75 коп.“—одобрить какъ руководство при преподаваніи логики въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Д-ра Шютце, д-ра семинарій. Перевелъ А. Вѣлавскій. Глуховъ. 1880 г. Цѣна 1 р. 50 к.“—допустить для учительскихъ библиотекъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:—книгу „Сборникъ ариметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. Вторая часть. Дроби. Составилъ В. А. Евтушевскій. 9-е исправленное и значительно дополненное изданіе. С.-Пб. 1880. Цѣна съ отвѣтами 40 к.“,—одобрить какъ учебное пособіе для употребленія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ.

— Книги: 1) *Ensimainen. Luku-kirja ja Aapinen. Kodin ja kansakoulun tarpeeksi tehnyt. S. Länkelä. Helsingissa 1879*, и 2) *Suomilaisen kirjallisuuden Seuran soimituksia 23 Osa. Helsingissa 1873*, допустить для употребленія въ народныхъ школахъ, гдѣ обучаются Финны.

— Рукопись: „Кулакъ“ поэма И. С. Никитина. Ред. Д. Тихомирова, допустить какъ книгу для чтенія въ библіотеки народныхъ училищъ; для публичныхъ же народныхъ чтеній комитетъ не призналъ это произведеніе удобнымъ.

— Книгу: „Дѣтскій міръ и хрестоматія, книга для класснаго чтенія, приспособленная къ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Сост. К. Ушинскій. Изд. 18-е, окончательно исправленное и дополненное. Съ 105 рисунками въ текстѣ. Ч. I. С.-Пб. 1880 г., одобрить какъ учебную книгу для всѣхъ начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданныя редакціею журнала „Досугъ и Дѣло“ брошюры: 1) Кулибинъ „Русскій механикъ-самоучка“. С.-Пб. 1880 г.; 2) „Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ“ (безъ означенія мѣста и времени изданія); 3) „Дикіе люди жаркой полосы“ С.-Пб. 1879 и 4) „Вулканы и землетрясенія“. С.-Пб. 1879 допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ.

— Составленныя В. Гербачемъ книги: 1) „Русская азбука для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію“ и 2) „Руководство для учащихся въ русской азбуцѣ для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію“ одобрить первую изъ означенныхъ книгъ, какъ руководство въ народныхъ школахъ, а вторую для библіотекъ сихъ школъ.

— Составленныя А. Ждановымъ книги: 1) „Грамматика для народныхъ школъ“. Харьковъ. 1879 и 2) „Сборникъ статей и примѣровъ для разбора диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій“. Харьковъ. 1880 г., допустить въ библіотеки начальныхъ училищъ.

— Брошюры подъ заглавіями: 1) „19-е февраля 1855.—1880 г. Праздникъ въ аудиторіяхъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній 25-ти-лѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора“. С.-Пб. 1880 г.; 2) „Петръ Великій“ по сочиненіямъ Пушкина. А. Г. Филонова. С.-Пб. 1880 г.; 3) „Богомольцы у святыхъ Кіева“. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 15 в., первыя двѣ допустить, а послѣднюю—одобрить для библіотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Составленную В. Овчинниковымъ книгу: „Руководство для крестьянъ, волостныхъ судовъ, уѣздныхъ и губернскихъ по крестьян-

скимъ дѣламъ учрежденій по постановленію, обжадованію и отмѣнѣ рѣшеній по дѣламъ, подсуднымъ волостному суду. Изд. 2-е, поправленное и дополненное. Вятка. 1879 г., допустить въ учительскія бібліотеки начальныхъ училищъ и въ ученическія бібліотеки учительскихъ семинарій.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстого, въ 1-й день февраля сего 1880 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: Тюменскаго реальнаго училища портретовъ г. генераль-губернатора Западной Сибири и бывшаго министра народнаго просвѣщенія; Аскерманской прогимназіи—портретовъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Голубцова; и Рипельевской гимназіи—портрета попечителя означенной гимназіи графа Михаила Толстого.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстого, въ 14-й марта 1880 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Кишиневской мужской прогимназіи портрета почетнаго попечителя названной прогимназіи, въ званіи камеръ-юнкера двора Его Императорскаго Величества, коллежскаго совѣтника К а т а р ж и .

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстого, въ 22-й день апрѣля сего 1880 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Немировской мужской гимназіи портретовъ: графа Дмитрія Андреевича Толстого и бывшаго попечителя учебнаго округа генераль-лейтенанта Антоновича.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстого, въ 22-й день апрѣля 1880 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Бобровской мужской прогимназіи портрета графа Дмитрія Андреевича Толстого.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 17-й день текущаго мая, Высочайше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Ташкентской учительской семинаріи портретовъ военнаго министра генераль-адъютанта графа Д. А. Милютина, 6. министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Д. А. Толстого и генераль-губернатора Туркестанскаго края, генераль-адъютанта М. П. фонъ-Кауфмана.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 17-й день текущаго мая, Высочайше соизволилъ на постановку въ залѣ казанской татарской учительской школы портрета попечителя казанскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Шестакова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 4-й день текущаго іюня Высочайше соизволилъ на постановку въ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія въ с. Архангельскомъ Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, портрета бывшаго товарища министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника князя Ширинскаго—Шихматова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 4-й день текущаго іюня, Высочайше соизволилъ на постановку въ залѣ Иркутской учительской семинаріи портрета бывшаго инспектора училищъ Восточной Сибири, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Маака.

— Государственный совѣтъ, въ особомъ присутствіи о воинской повинности и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ преставленіе министерства народнаго просвѣщенія о правахъ по воинской повинности воспитанниковъ учебныхъ заведеній, находящихся въ воссоединенной части Бессарабіи, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 29-го мая 1876 г. временнаго списка учебныхъ заведеній, съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по отбыванію воинской повинности, постановить: Впредь до преобразования учебныхъ заведеній въ воссоединенной съ имперією Румынской части Бессарабіи, воспитанникамъ оныхъ предоставляются слѣдующія права по образованію, при отбываніи ими воинской повинности: а) окончившимъ курсъ въ Болградской семиклассной гимназіи права втораго разряда; б) прошедшимъ курсъ Измаильской четырехклассной гимназіи, первыхъ четырехъ классовъ

Болградской гимназій и городскихъ трехклассныхъ и четырехклассныхъ училищъ—права третьяго разряда, и в) окончившимъ курсъ одноклассныхъ и двухклассныхъ и городскихъ и начальныхъ сельскихъ училищъ—права четвертаго разряда. Правами сего послѣдняго разряда пользуются также неокончившіе курса первыхъ четырехъ классовъ названныхъ гимназій, а равно неокончившіе курса городскихъ училищъ, если послѣдніе пробывли въ заведеніи не менѣе двухъ лѣтъ.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія 16-го февраля 1880 г. разрѣшилъ учредить при Екатеринбургскомъ 6-ти классномъ реальномъ училищѣ, съ начала 1880—1881 учебнаго года, дополнительный классъ съ общимъ и химико-техническимъ отдѣленіями на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1872 г. Устава и штата реальныхъ училищъ съ отнесеніемъ расхода по содержанію онаго на средства Екатеринбургскихъ губернскаго земства и городского общества.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія 15-го марта 1880 г., разрѣшилъ ввести въ Евпаторійской прогимназій преподаваніе для учениковъ караймовъ Закона Божія караймскаго исповѣданія на языкѣ ихъ священнаго писанія съ тѣмъ однакожъ, чтобы преподаваніе этого предмета ни въ чемъ не нарушало положенныхъ по росписанію занятій учениковъ по остальнымъ предметамъ прогимназическаго курса и чтобы три лишніе урока Закона Божія караймскаго исповѣданія, противъ числа уроковъ Закона Божія православнаго исповѣданія, были даваемы во внѣклассное время.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія, 15-го марта 1880 г. утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ С.-Петербургской 7-й гимназій размѣръ платы за ученіе въ названной гимназій, съ 1-го іюля 1880 г., въ нормальныхъ классахъ по шестидесяти р. а въ приготовительномъ по сорока р. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія, 28-го марта 1880 г. утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Петергофской прогимназій размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназій, въ нормальныхъ классахъ по сорока рублей, а въ приготовительномъ — по двадцати шести рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія 29-го марта 1880 г. разрѣшилъ взимать, съ начала будущаго учебнаго

года, плату за ученіе во всѣхъ Московскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, а равно въ реальныхъ училищахъ, въ нормальныхъ классахъ по пятидесяти рублей въ годъ а въ приготовительномъ—тридцать руб. съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія, 29-го марта 1880 г. утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Вологодской гимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной гимназіи, съ 1880—1881 учебнаго года, въ нормальныхъ классахъ по двадцати руб., а въ приготовительномъ по тринадцати руб. пятидесяти коп., въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія, 12-го апрѣля 1880 года разрѣшилъ возвысить плату за ученіе въ Тверской гимназіи въ нормальныхъ классахъ до сорока рублей, а въ приготовительномъ до двадцати пяти рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія, 19-го апрѣля 1880 года утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Нижегородской гимназіи размѣръ платы за учене въ названной гимназіи, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, въ нормальныхъ классахъ по сорока рублей а въ приготовительномъ по тридцати рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія 1-го мая 1880 г., утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Смоленскаго реального училища размѣръ платы за ученіе въ названномъ училищѣ съ начала будущаго 1880—1881 г., по тридцати р. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, 15-го сего мая, разрѣшилъ взимать, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, плату за ученіе въ Смоленской гимназіи, въ нормальныхъ классахъ по тридцати р., а въ приготовительномъ—по двадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— По донесенію управляющаго Одесскимъ учебнымъ округомъ, 30-го минувшаго марта открыто одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ селеніи Таплыкѣ, Авкерманскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, при 22 учащихся.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія имѣетъ честь объявить, что, съ разрѣшенія бывшаго министра народнаго просвѣщенія, на соисканіе премій императора Петра Великаго предполагается представить слѣдующія сочиненія къ 1-му ноября 1880 года:

Руководство по синтаксису греческаго языка, приспособленное къ потребностямъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Учебникъ по счетоводству, для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ.

До того же времени, 1-го ноября 1880 года, съ разрѣшенія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, продленъ срокъ и для представленія въ ученый комитетъ слѣдующихъ сочиненій:

Исторія русской словесности.

Руководство по синтаксису латинскаго языка, приспособленное къ потребностямъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Коммерческая географія въ связи съ коммерческою экономіей для реальныхъ училищъ.

Руководство по химической технологіи, для реальныхъ училищъ.

Общепользныя свѣдѣнія по міровѣдѣнію, землевѣдѣнію и отчизновѣдѣнію.

Исторія Россіи для народа, примѣнительно къ примѣрной программѣ, объявленной въ журн. мин. нар. просв. 1874 г. іюль, стр. 144.

До 1-го ноября 1881 года продленъ срокъ для преподаванія руководства по механикѣ, для реальныхъ училищъ.

Авторы рукописей, представленныхъ въ ученый комитетъ на соисканіе премій императора Петра Великаго къ 1-му ноября 1879 года, могутъ получить обратно свои сочиненія по предъявленіи доказательства на принадлежность имъ сихъ сочиненій.

БЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ КАКЪ ПИСАТЕЛЬ 1).

VI.

Духовный Регламентъ и другія, связанныя съ нимъ, произведенія Теофана. Постановленія о церковномъ причтѣ и монахахъ; трактаты о патриаршествѣ; проповѣдь въ день открытія синода. Значеніе Регламента и сужденія о немъ староцерковной партіи. Отзывы иностранцевъ о Русской церкви и о Теофанѣ Прокоповичѣ, какъ о главномъ дѣятелѣ церковно-административнаго преобразованія.

„А для лучшаго впредь управленія, мнится, быть надобно духовной коллегіи“, писалъ Петръ Великій въ отвѣтъ на представленія Стефана Яворскаго о церковныхъ дѣлахъ, въ концѣ 1718 года. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи этой мысли и въ борьбѣ за ея поддержаніе, которую можно назвать своего рода „культурною борьбой“,—пришлось быть Теофану, которому царь поручилъ написать для будущей коллегіи подробный уставъ, или по тогдашнему, „регламентъ“. По свидѣтельству Теофана (въ письмѣ къ Марковичу, отъ 10-го мая 1720 г.), этотъ трудъ былъ имъ оконченъ въ началѣ 1720 года и представленъ царю, который приказалъ прочесть „регламентъ“ въ своемъ присутствіи, и „перемѣнивъ кое-что небольшое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ“; потомъ приказалъ прочесть въ сенатѣ, гдѣ присутствовали сенаторы, шесть епископовъ (въ томъ числѣ и Теофанъ) и три архимандрита (въ томъ числѣ—Ееодосій Яновскій). Читано было дважды, въ теченіе двухъ дней, и еще прибавлено нѣсколько новыхъ замѣчаній; потомъ приложили руки, „съ одной стороны—епископы и архимандриты, съ другой—сенаторы; въ заключеніе подписалъ самъ государь. Затѣмъ одинъ экземпляръ этого акта отправленъ въ Москву и

1) *Продолженіе.* См. июньскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

другія мѣста, для подписи неприсутствовавшимъ епископамъ и главнѣйшимъ архимандритамъ“¹⁾. Ко дню открытія духовной коллегіи—14-го февраля 1721 г.—Регламентъ былъ уже, конечно, подписанъ всѣми, кому слѣдовало, и окончательно утвержденъ; но напечатанъ онъ былъ только семь мѣсяцевъ спустя—16-го сентября.

Въ манифестѣ объ учрежденіи духовной коллегіи, 25-го января 1725 года (конечно, и этотъ манифестъ вышелъ изъ-подъ пера Теофана) „вины“ преобразования церковной администраціи изложены такимъ образомъ: „Посмотря на духовный чинъ и видя въ немъ многія нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти нашей возымѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая отъ него получивъ благопоспѣшества во исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный онъ судія воспроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безотвѣтны. Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ благочестивыхъ царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, а не видя лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительствѣ, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому жъ ненаслѣдственная власть, того ради вѣще небрегутъ²⁾, уставляемъ духовную коллегію, то-есть, духовное соборное правительство“, и т. д.

Къ манифесту приложена форма присяги для членовъ духовной коллегіи; въ ней, между прочимъ, читается: „Исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго“; а затѣмъ прибавлены слѣдующія замѣчательныя слова: „Клянуся и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія, мною нынѣ обѣщываемая, не инако толкую во умѣ моемъ, яко провѣщаваю устнами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ“. Эта оговорка, предусматривающая возможность такъ-называемой „reservatio mentalis“, конечно, включена

¹⁾ Epist., p. 28—29. Ср. приписку къ Регламенту: «Сія вся здѣ написанная первѣ самъ всероссійскій монархъ... слушать предъ собою чтомая, разсуждать же и исправлять благоволилъ 1720 года февраля 11 дня. А потомъ, по указу е. в., преосвященные архіереи, архимандриты, купно же и правительствующіе сенаторы слушали-же и, разсуждая, исправляли, сего жъ февраля 23 дня».

²⁾ Подчеркнутыя слова вписаны въ манифестъ самимъ царемъ. См. *Лекарско*, Н. и Л., II, 521.

въ формулу присяги Оеофаномъ, въ укоръ Стефану Лворскому и другимъ представителямъ старо-церковной партіи за ихъ расположеніе къ католическимъ, и „слѣдовательно“, іезуитскимъ идеямъ¹⁾. Изъ этого можно видѣть, что Оеофанъ не упустилъ ни малѣйшаго повода сдѣлать или сказать своимъ противникамъ что-либо неприятное. Здѣсь, въ актѣ законодательномъ, онъ говоритъ отъ лица верховной власти, вслѣдствіе чего его нападки на противниковъ пріобрѣтаютъ особенную силу и значеніе. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и вообще для исторіи нравовъ петровской эпохи, Регламентъ представляетъ очень много любопытнаго; говоря свободно и независимо, онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ, и потому многіе параграфы устава представляютъ язвительную сатиру на нравы современнаго автору духовенства. Мы не имѣемъ надобности подробно разсматривать каждый пунктъ Духовнаго Регламента, потому что это уже раньше насъ сдѣлано другими, и притомъ съ различныхъ точекъ зрѣнія; мы обратимъ вниманіе только на тѣ стороны этого произведенія, въ которыхъ отразился характеръ Оеофана, какъ писателя и какъ представителя опредѣленнаго направленія, другими словами—мы разсмотримъ Регламентъ, какъ памятникъ литературный.

Духовный Регламентъ²⁾ раздѣленъ на три части: первая заключаетъ въ себѣ опредѣленіе духовной коллегіи, какъ учрежденія государственнаго, и тѣ соображенія, въ силу которыхъ было признано необходимымъ поставить церковное управленіе въ одинаковыя условія съ управленіемъ гражданскимъ и военнымъ; во второй части говорится о томъ, какія именно дѣла подлежатъ вѣдѣнію коллегіи; въ третьей опредѣляются „должность, дѣйство и сила“ ея членовъ.

Самую мысль объ учрежденіи духовной коллегіи по образцу всѣхъ прочихъ коллегій можно, въ извѣстномъ смыслѣ, назвать лютеранскою. Въ глазахъ Петра Великаго патріархъ, въ политическомъ отношеніи, почти отождествлялся съ папой, и сторонники независимаго отъ свѣтской власти церковнаго управленія представлялись людьми, исполненными „папешскаго духа“; съ другой стороны, отвергавшая авторитетъ римскаго первосвященника церковь лютеранская управлялась

¹⁾ Вслѣдствіи она вошла въ обычай и повторялась много разъ въ формулахъ присяги.

²⁾ Кромѣ многократныхъ отдѣльныхъ изданій, Регламентъ перепечатанъ въ Полн. Собр. Зак., VI, № 3718 (стр. 314). О переводахъ его на нѣмецкій и латинскій яз. см. у Пекарскаго; Н. и Л., II, 525.

коллегіально и была составною частью общаго государственнаго механизма. Такимъ образомъ, Петръ, отказываясь признавать независимое положеніе церкви въ государствѣ и отвергая авторитетъ патріарха, естественно, воспользовался для практическаго осуществленія этой идеи готовою формою, которая была уже выработана аналогичными обстоятельствами на Западѣ. Доказательства, приводимыя въ Регламентѣ въ пользу преобразованія церковной администраціи, представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и критику прежняго порядка вещей—критику, полную весьма прозрачныхъ личныхъ намековъ на представителей и защитниковъ старины. Сказавъ, что „извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ“¹⁾, что „коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ въ правосудію и не такъ, какъ единоличнѣйшій правитель, гнѣва сильныхъ боится“, что „въ коллегіумѣ и самъ президентъ подлежитъ суду послѣдняго“, что „въ соборномъ правительствѣ есть нѣкая школа правленія“, и т. п.,—Регламентъ замѣчаетъ, что „коллегіумъ не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся“ (а такою именно представлялась Петру старо-церковная партія); „еще же и се важное есть“,—говорится далѣе—, „что въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣль продолженіе и остановка, за случающимися правителю необходимыми нуждами, и за недугомъ и болѣзнію.. Но се наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду“. Эти замѣчанія, по видимому, совершенно общія, приобрѣтають особенный смыслъ, если припомнить, что мѣстоблюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, часто жаловался царю на свои нужды и немощи, и что авторъ „лютеранскаго пашквиля“ на „Камень Вѣры“, обращаясь къ тому же Стефану, укоряетъ его въ неправосудіи и лихоимствѣ, восклицая: „Утроба твоя крови и сребролюбія и ненависти исполнена“. Далѣе мы встрѣтимъ намеки гораздо болѣе ясныя: „Велико и сіе“, говоритъ Регламентъ,—, „что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковне происходятъ отъ единого собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ

¹⁾ Тотъ же аргументъ подробно развитъ Θεοφανомъ въ курсѣ богословія (Prolegomena, въ главѣ о соборахъ): «Авторитетъ соборовъ, сказано тамъ, заключается въ томъ, что они разъясняютъ мысль писанія, и дѣлаютъ это легче и лучше, чѣмъ частные учителя въ отдѣльности. Въ собраніи многихъ, серьезно и вѣрно разсуждающихъ объ одномъ и томъ же предметѣ, скорѣе разсвѣтается тьма и появляется свѣтъ истины», и т. д. Theol., I, 267—269.

не вѣдаетъ, како разявствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и болши его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство ¹⁾). И се самъ собою народъ тако умствовати обыкль. Что же, егда еще и плелевныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огонь подложить? Тако протня сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ смотреть. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовать и бунтоватися дерзуютъ и льстятъ себѣ, окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми ради и не простые, но коварные человекы; ти бо, на государя своего враждующе, егда увидятъ ссору государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и подъ видомъ церковной ревности не сумняся подносятъ руки на Христа Господня; и къ тому жъ беззаконію, яко въ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ. Что жъ, когда еще и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ! И не вымысли то: далъ бы Богъ, чтобы о семъ домыслятися токмо можно было; но самую вещь не единожды во многихъ государствахъ сіе показалося ²⁾). Легко понять, какія именно событія имѣетъ въ виду это разсужденіе. Приведа нѣсколько примѣровъ изъ исторіи, авторъ еще поясняетъ свою мысль восклицаніемъ: „Да не воспоманутся подобныя и у насъ бывшія замахи!“ Выше, разбирая слово Теофана „о власти и чести царской“, мы имѣли случай замѣтить, что „замахи“ духовенства вообще составляли одну изъ самыхъ любимыхъ темъ этого писателя. Оставаясь всегда вѣрнымъ своимъ основнымъ убѣжденіямъ, Теофанъ и при концѣ своей дѣятельности, въ царствованіе Анны, высказывалъ объ этомъ предметѣ тѣ же самыя взгляды и съ такою же рѣзкостью, какъ дѣлалъ

¹⁾ Ср. Слово о власти и чести царской.

²⁾ Ср. замѣчаніе «Молотка на Камень Вѣры»: «Паче всего, есть ли гдѣ станица разбойниковъ, то, конечно, не пройдетъ, чтобы попъ не былъ сообщникомъ; а о бунтахъ не упоминаю, зане *всегда духовные онымъ начало*».

это при Петрѣ ¹⁾. Мыслие Ивана IV, приведенное нами выше, что „нѣтъ царства, которое не разорилось бы, будучи въ обладаніи поповъ“, — повторяется и въ Регламентѣ, только съ большею опредѣленностью: „вникнуть только въ исторію Константинопольскую ниже Юстиніановыхъ временъ — и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ толико превозмогъ, точію государство Римское полмѣ пресѣче и себѣ великую честь похити, но и инья государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе“.

Во второй части Регламента, какъ уже сказано, опредѣляются дѣла, подлежащія вѣдѣнію духовной коллегіи. Дѣла эти могутъ быть или общія, касающіяся не только духовенства, но и всѣхъ прочихъ сословій, или частныя дѣла — одного духовнаго чина. Общія обязанности коллегіи заключаются въ искорененіи разнаго рода „неправостей“; все, что можетъ быть названо суевѣріемъ, „сіестъ лишнее, ко спасенію непотребное, на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вымышленное, а простой народъ прелщающее, и аки свѣжныя заметы правымъ истины путемъ итти возбраняющее, — все то къ домотру (коллегіи) прилагается, яко зло общее“. Регламентъ, указывая примѣры такихъ „неправостей“, вмѣняетъ коллегіи въ обязанность: „Разыскать вновь сложенные и слагаемые акаѣисты и инья службы и молебны, которые наипаче въ наши времена въ Малой Росіи сложены суть: суть ли оная сложенія писанію священному согласная ²⁾. Смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія, чего не было, или и христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти... Духовному правительству не подобаетъ вымысловъ такихъ терпѣть и вмѣсто здоровой духовной пищи отраву людямъ представлять, наипаче когда простой народъ не можетъ между деснымъ и шумимъ разсуждать, но что либо видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится“. Далѣе, „могутъ обрѣстися нѣкія церемоніи непотребныя, или и вредныя“, на примѣръ, поклоненіе пят-

¹⁾ Ср. на примѣръ, Слова и Рѣчи, III, 150—151, 153, 155, 159, 176—177, 187 и др.

²⁾ Здѣсь Феоданъ не упустилъ случая упрекнуть Яворскаго, одобрявшаго подобныя акаѣисты. Книга «Богомыслие», переведенная Максимовичемъ и посвященная Стефану (см. выше), подверглась осужденію въ особомъ указѣ, отъ 5-го октября 1720 года, гдѣ сказано, что въ этой книгѣ «явилась многая *юторская* противность». Такимъ образомъ, Феоданъ отплатилъ своему недоброжелателю, его же монетою.

ницѣ; ихъ также слѣдуетъ искоренить. „О мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся быть сумнительныя, разыскивать: много бо и о семъ наплутано (приводятся примѣры, уже цитированныя нами выше по курсу Θεοφανова богословія); смотрѣть же, нѣсть ли и у насъ такового бездѣлія?“ То же говорится и о чудотворныхъ иконахъ и о прочемъ.

Далѣе ставится вопросъ: „Есть ли у насъ довольное ко исправленію христіанскому ученіе?“ и по этому поводу объясняется, въ чемъ должно состоять настоящее и исключительное назначеніе духовенства. Представители церкви, по опредѣленію Регламента, должны быть людьми учительными: „понеже немногіе умѣютъ честь книги, и отъ книжныхъ немногіе могутъ вся собрать отъ писанія, яже суть нужнѣйшая ко спасенію; того ради требуютъ руководства совершеннѣйшихъ мужей. Того бо ради пастырскій чинъ отъ Бога уставленъ“. Главнымъ средствомъ для развитія въ народѣ религіозно-нравственныхъ понятій Регламентъ признаетъ церковную проповѣдь: „А понеже мало есть, противно толикаго Россійскія церкви многонародія, таковыхъ пресвитерей, которые бы навзусь могли проповѣдать догматы и законы св. писанія, то всеконечная нужда есть имѣти нѣкія краткія и простымъ человѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть; и тѣя книжицы прочитывать по частямъ, въ недѣльные и праздничныя дни, въ церкви предъ народомъ“. Для этой цѣли рекомендуется „сочинить три книжицы небольшія“—задача, выполненіе которой какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ,—взялъ на себя самъ Θεοφанъ, одновременно съ составленіемъ Регламента.

Опредѣляя „частныя“ дѣла и обязанности духовенства, Регламентъ прежде всего предписываетъ подробныя правила для епископовъ, при чемъ отчасти повторяется то, что уже было высказано въ прежнихъ постановленіяхъ. Епископъ долженъ „смотрѣть о монахахъ, дабы не волочились безпутно, дабы лишнихъ безлюдныхъ церквей не строено, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымышлено; такожь о кликушахъ, о тѣлесахъ мертвыхъ не свидѣтельствовавшихся, и прочихъ всего того добръ наблюдать“. Затѣмъ, онъ долженъ „вѣдать мѣру чести своея и не высоко о ней мыслить“, ибо законодатель имѣетъ въ виду „укротити оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки, донелѣже здравы суть, не вожепо, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялись. И оныя поклонницы—„добавляетъ Регламентъ“—самохотно и нахально

стелются на землю, да лукаво: чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть". Далѣе отъ епископа требуется, чтобъ онъ „не былъ дерзозъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ во употребленіи власти своей освятельской, то-есть, во отлученіи и анаемѣ"; слѣдуетъ изложеніе длинной процедуры съ различными наставленіями, которыхъ епископъ долженъ держаться въ подобныхъ случаяхъ, и которыя, въ концѣ концовъ, сводятся, все-таки, къ тому, что безъ разрѣшенія коллегіи онъ ничего не можетъ сдѣлать. Въ этомъ требованіи и въ крайне тщательномъ и подробномъ опредѣленіи правилъ церковнаго увѣщанія и отлученія слѣдуетъ, кажется, видѣть намекъ на излишнее усердіе Стефана Яворскаго въ дѣлѣ „московскихъ еретиковъ" (1713 г.), вызвавшее неудовольствіе царя. Наконецъ, Регламентъ предписываетъ даже и такія правила, чрезвычайно характерныя въ законодательномъ актѣ, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ: „Если епископъ похочетъ звать къ себѣ гостей, то весь-бы тотъ трапезникъ своею казною отправлялъ, а не налагалъ-бы побору на священство или на монастыри". Отправляясь для осмотра своей епархіи, епископъ долженъ „крѣпко заповѣдать служителямъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали, и не творили бѣсѣды; наипаче же не домогались бы у монаховъ и у поповъ кушанья и питья и конскаго корму лишняго; колыми паче не дерзали бы грабить... Ибо слуги архіерейскіе обычѣи бывають лакомныя скотины, и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ, какъ татары, на похищеніе устремляются".

Нельзя отрицать, что все это, какъ и многое другое въ Духовномъ Регламентѣ,—черты, живьемъ выхваченныя изъ современной ему дѣйствительности. Стоитъ только просмотрѣть, на примѣръ, хотя бы записки Добрынина, относящіяся ко временамъ, гораздо болѣе позднимъ, чтобъ убѣдиться, съ одной стороны, въ справедливости сатирическихъ укоровъ Регламента, а съ другой—въ той непреложной истинѣ, что одними предписаніями закона нравы не измѣняются..

Эту истину сознавалъ, конечно, и авторъ Духовнаго Регламента, помѣщая, вслѣдъ за статьей объ обязанностяхъ епископовъ, странныя правила о „домахъ училищныхъ", учителяхъ, ученикахъ и церковныхъ проповѣдникахъ. „Извѣстно есть всему міру" — сказано въ предисловіи къ этимъ правиламъ — „каковая скудость и немощъ была воинства російскаго, когда оно не имѣло правильнаго себѣ

ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, когда державнѣйшій нашъ монархъ обучилъ оное изрядными регулами... Тожь разумѣть надобно и о управленіи церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ". Слѣдуютъ доказательства пользы просвѣщенія: „Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо, кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ... наши русскіе расколники не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возобновались?... И есть ли посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ... И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшія христіанстѣи особы, и запрещали-бы инымъ учиться: а то видимъ, что учились вси древніи наши учителя не токмо Св. Писанія, но и внѣшней философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковныя поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи... Убо ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и сѣмя и основаніе“...

Въ этихъ словахъ слышится голосъ Максима Грека, которому, въ свое время, приходилось доказывать, что грамматика не заключаетъ въ себѣ ничего еретическаго. Голосъ этотъ исходитъ теперь отъ самой верховной власти, которая нашла, необходимымъ привлечь науку на службу государству; во все продолженіе петровскаго царствованія всевозможныя доказательства полезности и необходимости „добраго ученія“ повторяются и въ законодательныхъ актахъ, и въ церковной проповѣди, и въ предисловіяхъ къ учебнымъ книгамъ ¹⁾, вмѣстѣ съ выраженіемъ восторженнаго удивленія къ наукѣ и ея „насадителю“, который, по словамъ „Разсужденія какіе законныя причіны“ и проч., „сочинилъ изъ Россіи самую метаморозісѣ или претвореніе“. Въ са-

¹⁾ См., напримѣръ, *Пекарскаго*, Н. и Л., I, 19, 264—266, 273—275, 330—331; II, 96, 148—149, 447, 449, 619 и др. Федоръ Поликарповъ, въ своемъ «Букварѣ» (1701), счелъ нужнымъ пояснить читателю, что онъ напечаталъ латинскую азбуку «не ко вреду» и доказывать, что

Душу спасаетъ не языкъ, но вѣра;

Вѣмъ долгъ хранить правыхъ догмъ предѣла . . .

Лучше своими чужихъ уловляти,

Нежели въ чуждыхъ самимъ углубати.

момъ дѣлѣ“, говоритъ авторъ „Разсужденія“, — „хотя прежде сего кромѣ россійскаго языка книгъ чтанія и писма никто изъ Россійскаго народа не умѣлъ, и болѣе то въ зазоръ, нежели за искусство почитано, но нынѣ видимъ и самого его величество нѣмецкимъ языкомъ глаголющаго, и нѣсколько тысящей подданныхъ его россійскаго народа, мужеска и женска полу, искусныхъ разныхъ европейскихкихъ языковъ, якоже латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, италіанскаго, англійскаго и галанскаго, и такого притомъ обхожденія, что непотыдно могутъ равняться со всѣми другими европейскими народами, какъ въ томъ, такъ и въ другихъ многихъ поведеніяхъ. И вмѣсто того, что кромѣ церковныхъ книгъ, почитай, никакихъ другихъ въ Россіи не печатывано, нынѣ многіе не токмо на чужестранныхъ языкахъ, но и на славено-россійскомъ, тщаніемъ и повелѣніемъ его величества, напечатаны, и еще печати предаются“¹⁾).

Такимъ образомъ, за наукой впервые было признано право гражданства; но не смотря на то, что это признаніе было выражено и обосновано законодательствомъ, не смотря на то, что наука имѣла такихъ горячихъ поклонниковъ, какъ Теофанъ Прокоповичъ, старое убѣжденіе въ пагубности „миѣній“ и боязнь „зайтися въ книгахъ и изступитъ ума“, въ продолженіе многихъ вѣковъ внушавшаяся народу учительными людьми, имѣли своимъ послѣдствіемъ явленіе, котораго не знаетъ, въ такой мѣрѣ, ни одна европейская литература: болѣе сотни лѣтъ понадобилось на то, чтобы повторять, при всякомъ удобномъ случаѣ, общія соображенія, высказанныя въ защиту науки Регламентомъ, и внушать читающей публикѣ самыя элементарныя, понятія о пользѣ наукъ вообще или какой-либо науки въ частности. Громадное большинство рѣчей, произнесенныхъ профессорами Московскаго университета въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, имѣетъ предметомъ именно такія элементарныя разъясненія. Съ одной стороны—развитіе положительнаго идеала просвѣщеннаго общества, съ другой — отрицательное, обличительно-критическое отношеніе къ остаткамъ старины: вотъ что составляетъ содержаніе главнѣйшихъ произведеній нашей литературы, начиная съ Петра Великаго и Теофана Прокоповича и — скажемъ это, не опасаясь упрека въ преувеличеніи—до настоящаго времени. Какъ одинъ изъ первыхъ и главныхъ дѣятелей въ процессѣ секуляризаціи русскаго общества и литературы, освобожденія русской мысли отъ связывавшихъ ее, въ

¹⁾ «Разсужденіе», предисл., стр. 5, 9.

теченіе долгаго времени, традиціонно-церковныхъ путь, Феофанъ является родоначальникомъ отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ, представителемъ критики и обличенія во имя рационализма, которымъ, въ большей или меньшей степени, проникнуты всѣ главныя его произведенія, и въ особенности—Регламентъ, актъ, опредѣляющій новое положеніе церкви въ государствѣ и представляющій, такимъ образомъ, рѣшеніе самаго важнаго вопроса того времени. Клеймя старинную московскую обрядность и буквализмъ названіемъ невѣжества и суевѣрія, и выставляя членовъ стараго „учительнаго“ сословія людьми, старающимися умышленно держать народъ въ невѣжествѣ для своекорыстныхъ цѣлей, Феофанъ единственное избавленіе отъ этого зла видитъ въ „добромъ ученіи“; только необходимо, говоритъ онъ,—чтобъ это ученіе было на самомъ дѣлѣ „доброе“ и основательное: „ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть; а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того несвѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе“. Далѣе слѣдуетъ пространное разсужденіе о ложной учености и о мнимо-ученыхъ, напоминающее, по содержанию своему, приведенные уже нами отрывки изъ Феофанова курса богословія и изъ „Разговора гражданина съ селяниномъ да дьячкомъ“:

„Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ онсица? и когда услышатъ, что былъ онъ въ риторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за единыя тѣя имена высоко ставятъ человекъ, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не вси добры учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою; колыми паче, когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или и ниже мало искусень... Привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившіи человекцы глупѣйшіи бывають отъ неученыхъ. Ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя что все, что-либо знать мощно, познали, не хотятъ, ниже думаютъ честь книги и больше учитися; когда, вопреки, прямымъ ученіемъ просвѣщенный человекъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ и Маусалевъ вѣкъ пережилъ. Се же вельми вредно, что именованные неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству (обществу), и отчеству, и церкви; предъ властями надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролѣзтъ на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ, и естли кто во ученіи похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и

охулити". Въ этихъ послѣднихъ словахъ, конечно, заключается намекъ на Стефана Яворскаго и на его доносъ съ обвиненіемъ Теофана въ неправославіи; потому-то Прокоповичъ и не преминулъ прибавить, что неосновательные мудрецы „къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія“ (конечно, надежду на патриаршество). Заключая характеристику мнимо-ученыхъ людей, Теофанъ говоритъ, что „когда они богословствуютъ, нельзя имъ не еретичествовать: за невѣжествомъ бо своимъ удобь проговорятся, а мнѣнія своего изрѣченнаго переимѣнить отнюдь не хотятъ, чтобъ не показать себя, что не все знаютъ. А мудріи мужіе сіе между собою утвердили пословіе: мудраго чловѣка свойство есть отмѣнять мнѣніе“.

Это разсужденіе объ ученіи „добромъ“ и мнимомъ служитъ вступленіемъ къ проекту академіи и семинаріи: „Сіе предложить судилося за благо, что если царское величество похочетъ основать академію, разсуждало бы духовное коллегіумъ, каковыхъ исперва учителей опредѣлить и каковый образъ ученія показать онимъ, дабы не вотще пошло государское иждивеніе и вмѣсто чаянной пользы не была бы тщета, смѣха достойная“.

Правила для предполагаемыхъ учебныхъ заведеній составлены чрезвычайно подробно и касаются не только программъ и плана преподаванія, но и образа жизни, занятій и даже развлеченій учащихся. Новая академическая программа, сравнительно съ программами старыхъ академій—Кіевской и Московской, имѣетъ характеръ преимущественно свѣтскій; въ составъ ея входятъ слѣдующіе предметы: 1) грамматика, купно съ географіей и исторіей; 2) ариметика и геометрія; 3) логика и діалектика (и едино то двоименное ученіе); 4) риторика (купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ); 5) политика краткая Пуффендорфова (аще она потребна судится быть, и можетъ та присовокупитися къ діалектикѣ). На изученіе cadaго изъ этихъ предметовъ полагается годъ. Вънцомъ курса поставлено богословіе, на изученіе котораго назначено два года. При этомъ преподавателю внушается, „чтобъ учено, главные догматы вѣры нашей, и законъ Божій: чель-бы учитель богословскій Св. Писаніе, и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ писаній; и вся бы догматы укрѣплялъ свидѣтельствомъ писаній. Долженъ убо учитель богословскій не по чужимъ сказкамъ, но по своему вѣдѣнію учить и иногда, избравъ собственное время, показатъ въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобъ они извѣстны сами были, а не сумнились-бы, правду-ли говоритъ или лжетъ учитель ихъ“. Припомнимъ, что такого именно ме-

тогда держался и самъ Теофанъ въ своемъ преподаваніи богословія. О церковномъ преданіи въ его учебномъ планѣ не сказано ни слова, что въ послѣдствіи подало поводъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на его мнѣнія со стороны его противниковъ: „Онъ вѣруеть“, писалъ Маркеллъ Родышевскій,—„яко едино токмо св. писаніе, еже есть ветхій и новій завѣтъ, полезно намъ ко спасенію; а святыхъ-де отецъ писаніе имѣеть въ себѣ многія неправости“, и т. д. ¹⁾).

Вообще о преподаваніи всѣхъ предметовъ замѣчено, что учителямъ слѣдуетъ привязать, „чтобы они исперва сказывали ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, кая сила есть настоящаго ученія—грамматики, на-примѣръ, риторики, логики и пр., и чего хочетъ достигнути чрезъ сіе или оное ученіе, чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому плывуть, и лучшую бы охоту возымѣли, познавали-бы повседневную прибыль свою, такожь и недостатки“.

Наконецъ, при школахъ должна быть достаточно полная бібліотека: „ибо безъ бібліотеки, какъ безъ души академія“.

За этимъ разсужденіемъ о программѣ и способѣ преподаванія въ академіи слѣдуетъ разсужденіе объ ученикахъ. Конечно, Регламентъ имѣеть въ виду учебное заведеніе закрытое—такую же бурсу, какія уже существовали въ то время въ Кіевѣ и Москвѣ. Мотивы, обусловившіе эту форму учебныхъ заведеній въ Россіи, понятны: съ одной стороны, это была форма традиціонная, перешедшая въ южную Русь изъ сосѣдней Польши; съ другой стороны, по новости этого дѣла у насъ, считалось необходимымъ сдѣлать обученіе въ школахъ строго-обязательнымъ, потому что иначе, пожалуй, никто не захотѣлъ бы посылать въ школу своихъ дѣтей. Исходя изъ такихъ соображеній, Регламентъ предполагаетъ обратить академію, и особенно находящееся при ней низшее училище или семинарію, въ своего рода монастырь и держать въ нихъ учениковъ въ строгомъ заключеніи и подъ строгимъ надзоромъ, чтобы не разбѣжались. Планъ семинарскаго общежитія излагается со всѣми подробностями, на-примѣръ: „Во всякой избѣ имать быть префектъ, или надсмотрщикъ, человекъ хотя неученый, обаче честнаго житія, только бѣ не вельми свирѣпый и не меланхоликъ... Онъ имѣеть власть наказать себѣ подчиненныхъ, но малыхъ — розгой, а среднихъ и большихъ — словомъ угрозытельнымъ... Ректоръ, верховная власть всѣхъ, всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ“. Учениковъ, въ первые три года ихъ пре-

¹⁾ Чистовичъ, 212.

быванія въ заведеніи, предписывается не отпускать никуда, а потомъ позволить выходить, но не больше, какъ два раза въ годъ, и то только на недѣлю и въ сопровожденіи особаго надзирателя. Авторъ устава и самъ сознаетъ, что „такое молодыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужительное и заключенію плѣнническому подобное“; но полагаетъ, что прожившему въ этомъ заключеніи годъ „весьма сладко будетъ“, и предлагаетъ „ко врачеванію скуки нѣкоторыя регулы“: ежедневную прогулку, время отъ времени—проѣздки въ Петербургъ и на острова, во время обѣда—чтеніе „ово исторій воинскихъ, ово церковныхъ; акціи, диспуты, комедіи, риторскія экзерциціи („что зѣло полезно ко наставленію и революціи, сіестъ честной смѣлости“), „гласъ мусикійскихъ инструментовъ“ и пр.

Таковъ былъ, по понятіямъ Теофана Прокоповича, идеаль учебнаго заведенія. Воспитанникъ іезуитской коллегіи и ректоръ кievской бурсы, конечно, не могъ отрѣшиться отъ педагогическихъ понятій, господствовавшихъ въ его время, хотя, можетъ быть, и сознавалъ нѣкоторые ихъ недостатки; подъ вліяніемъ ли царя, искавшаго и цѣнившаго въ наукѣ только непосредственно приносимую ею пользу, или по собственному побужденію, онъ старался усилить въ школѣ свѣтскій элементъ и сдѣлать ее, по возможности, не исключительно сословною; на практикѣ же вышло, какъ увидимъ ниже, совсѣмъ иное,—и самъ Теофанъ, разумѣется, былъ въ этомъ виноватъ всего менѣе. Обстоятельства скоро сложились такъ, что учебныя заведенія, предположенныя Регламентомъ, обратились въ спеціальныя школы для духовенства, и Теофану пришлось измѣнить свое первоначальное мнѣніе: „Мой совѣтъ“, писалъ онъ, ходатайствуя объ открытіи семинаріи,— „не принимать мальчиковъ свыше 10 лѣтъ, потому что въ такомъ возрастѣ дѣти еще не очень обучились злонравію, а если и обучились, то не окрѣпли обычаемъ, и такихъ не трудно отучить; также бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. Академіи великой и свободной дѣлать еще не совѣтую; когда Богъ благословитъ отроческій домъ сей, тогда отъ числа наученныхъ въ немъ явятся изрядные учителя, которые возмогутъ и великую академію учить и управлять“¹⁾.

Упомянемъ еще мнѣніе Теофана объ иностранныхъ учителяхъ: „Не какихъ-нибудь, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобно, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ, со сви-

¹⁾ Пекарскій, Н. и Л., I, 562—563.

дѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей. Ненадобно опасаться, что они дѣтей нашихъ совратятъ къ своей богословіи, потому что можно имъ артивулами опредѣлить, чему они должны учить, и надсматривать, не преподають ли чего, нашему исповѣданію противнаго. Пусть преподають они только ученія ви́шнія—языки, философію, юриспруденцію, исторію и пр., а не богословскіе догматы... Если не опасаются господа русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иностранныя, то для чего бы опасаться у насъ? ¹⁾ Достаточно сравнить это мнѣніе съ тѣмъ, что было сказано объ иностранцахъ за 35 лѣтъ передъ тѣмъ, въ проектѣ академіи Симеона Полоцкаго (о которомъ мы говорили въ 1-й главѣ нашего труда), чтобы во-очію убѣдиться, какое громадное разстояніе отдѣляетъ Теофана отъ воспитателя старшаго брата Петра Великаго; а между тѣмъ, Симеонъ, по своимъ понятіямъ, стоялъ несравненно выше своихъ московскихъ современниковъ.

Предположенія Теофана объ академіи и семинаріи при жизни его не осуществились. Но въ Регламентѣ, вслѣдъ за этими проектами, находится еще требованіе, чтобы каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу „для дѣтей священническихъ, или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ, понеже“,—прибавляетъ Регламентъ,—и сіе весьма ко исправленію церкви полезно. А въ школѣ той былъ бы учитель умный и честный, который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно въ книгахъ честь (что хотя нужно, обаче еще не довольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть.. Но дабы не было роптанія родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ на учителя онаго и на покупаніе книгъ. такожъ и на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся,—подобаетъ, чтобы ученики и кормлены, и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ“. Эти школы, обученіе въ которыхъ для дѣтей духовнаго званія было обязательно ²⁾, развились впоследствии въ духовныя семинаріи. Самъ Теофанъ очень заботился о своей школѣ и составилъ для нея подробныя правила, съ росписаніемъ, что ученики

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ П. С. З., VI 4021, VII 4291. Въ синодскомъ указѣ 15-го сентября 1721 года говорится, что «ежели кто (изъ людей духовнаго званія) дѣтей своихъ въ школы для наукъ не объявитъ, или изъ оныхъ ихъ дѣтей который съвятъ, а отцы ихъ у себя будутъ держать, и иные отцы не тоію каждый отъ своей церкви отлученъ будетъ, но и нигдѣ служить допущенъ не будетъ».

должны дѣлать въ каждый часъ дня ¹⁾. Въ этомъ уставѣ, который, по справедливому замѣчанію г. Чистовича, отзывается нѣсколько іезуитскимъ духомъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ требованіе самаго строгаго надзора за учениками; имъ запрещается даже посылать куда-либо письма, не показавъ ихъ прежде директору; „также и кому откуда, хотя отъ родителей, письма присланы будутъ, не распечатывать и не читать, но не распечатанныя подавать директору, и когда онъ распечатавъ и прочитавъ, отдасть, тогда читать можно“. Дальше этого въ надзорѣ было трудно идти; оставалось развѣ совсѣмъ запретить ученикамъ всякія сношенія съ тѣмъ, чѣмъ находилось за стѣнами семинарія. Какъ черту нравовъ, отмѣтимъ еще особенную заботливость Теофана о томъ, чтобы „дѣти“ не держали у себя водки и до пьяна не напивались...

Объ этой школѣ и о своей библіотекѣ Теофанъ, въ 1722 году, писалъ царю: „Робять маленькихъ, до 20 человекъ, кормлю и одѣваю, да и библіотеку порядочную собираю; на 1600 рублей книгъ уже купилъ, и если змогу, никогда куповать не перестану, и служба таковой прихотѣ моей, служу, кажется, и общей пользѣ: никому никогда (хотя бы крайняя нужда), библіотеки продавать не мышлю, но по мнѣ (то-есть послѣ моей смерти) будетъ тамъ, гдѣ государь повелитъ“ ²⁾.

За статьей о „домахъ училищныхъ“ слѣдуетъ въ Регламентѣ статья о проповѣдникахъ. Мы уже говорили, какъ смотрѣлъ Петръ Великій на церковную проповѣдь и чего ожидалъ отъ нея; Теофанъ, вполне раздѣляя его мнѣнія, старался въ Регламентѣ точно формулировать, о чемъ именно и какъ должны говорить проповѣдники, при чемъ не преминулъ уязвить сатирическими намеками своихъ противниковъ, и специально—Стефана Яворскаго. Эта статья представляетъ особенный интересъ для опредѣленія взглядовъ Теофана на цѣли и характеръ церковнаго краснорѣчія. По Регламенту, каждый епископъ непременно долженъ быть и проповѣдникомъ; но, „понеже не всякъ епископъ можетъ чистое слово сложить, того ради подобаетъ въ духовномъ коллегіумъ таковое слово сочинить, и то бы епископы въ посѣщаемыхъ церквахъ прочитывали“. Такимъ образомъ, предполагалось составить одну проповѣдь для всѣхъ и на всевозможные случаи. Предположеніе это, однакоже, осталось не исполнен-

¹⁾ Чистовичъ, 723—727; ср. стр. 631—638.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XVIII, 197.

нымъ. Регламентъ предписываетъ проповѣдывать „твердо, съ доводовъ Св. Писанія, о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина“ (припомнимъ „Слово о власти и чести царской“). „Истребляли бѣ суевѣріе, вкореняли бѣ въ сердца людскія страхъ Божій.. О грѣхахъ во обществѣ говорить, а не именовать кого, развѣ былъ бы опубликованъ отъ всея церкви. Обычай нѣкимъ проповѣдникамъ есть, аще кто его въ чемъ прогнѣвить, на проповѣди своей мститъ оному, хотя не имянно, терзая славу его, обаче такъ говоря, что мощно слышателемъ знать, о комъ рѣчь есть: и таковыя проповѣдники самыя бездѣльники суть, и оныхъ бы жестокому наказанію подвергать“. Въ этомъ требованіи, по видимому, заключается намекъ на Яворскаго и на его знаменитую проповѣдь „О храненіи заповѣдей Господнихъ“, о которой мы уже говорили; по крайней мѣрѣ, ни у кого изъ проповѣдниковъ петровской эпохи, кромѣ Яворскаго и Прокоповича, не находимъ рѣзкихъ личныхъ намековъ ¹⁾. Изложивъ еще нѣсколько общихъ правилъ проповѣдничества, о которыхъ мы уже упоминали при обзорѣ содержанія риторики Оеофана, Регламентъ переходитъ къ изображенію внѣшнихъ приемовъ церковнаго краснорѣчія. „Безумно“, говоритъ онъ, — „творять проповѣдницы, которые брови своя поднимаютъ и движеніе раменъ являютъ гордое, и въ словѣ нѣчто такое проговариваютъ, отъ чего можно познать, что они сами себѣ удивляются... Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ весломъ гребеть; не надобно руками сплывивать, въ боки упиратися, подскакивать, смѣяться, да не надобѣ и рыдать. Но, хотя бы и возмутился духъ, надобѣ елико мощно унимать слезы, вся бо сія лишняя, и не благообразна суть, и слышателей возмущаютъ“.

Въ этомъ сатирическомъ изображеніи современники узнавали Стефана Яворскаго, который любилъ украшать свои проповѣди фигурою недоумѣнія и въ произнесеніи ихъ держался приемовъ католической школы. „Что витійства касается“, говоритъ о немъ авторъ извѣстнаго

¹⁾ Ср. резолюцію Петра на докладъ синода, въ П. С. З., VI, № 3964, п. 24. «Когда кто за проповѣдь на священника вознегодуетъ, и за то, что можетъ иногда въ чемъ проповѣди отъ совѣсти своей обличенъ быть, начнетъ чинить священнику отищеніе какое или обиду—такого чему подвергать? (Резолюція): Противъ прочихъ воровство въ по важности винъ».

сочиненія „Молотокъ на Камень Вѣры ¹⁾),—правда, что имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные тому въ учителяхъ российскихъ обрѣстися могли; ибо мнѣ довольно случилось видѣть въ церкви, что онъ могъ въ ученіи слушателей привести плакать или смѣяться; къ чему движеніе его тѣла и рукъ, очей помаваніе и лица премѣненіе весьма помоществовало. Онъ, когда хотѣлъ, то часто отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто, гдѣ стоялъ... Сей порядокъ замѣчаетъ авторъ „Молотка“,—„въ церковныхъ поученіяхъ у папистовъ токмо употребляемъ, ибо когда они своего суевѣрнаго предложенія изъ письма доказать не могутъ, то тщатся логическими силлогисмы, то-есть рѣчей подобіями утвердить, а истинное дѣло затемнить и утаить... Въ Уставѣ Духовномъ навѣрно его величество запретилъ, дабы никто сказокъ и примѣровъ вымышленныхъ въ поученіяхъ не употреблялъ и персонально поносить никто не дерзалъ... И вся его (Яворскаго) поученія за многія въ нихъ соблазны запрещены“. Справедливы или нѣтъ послѣднія слова, только извѣстно, что изъ множества проповѣдей, произнесенныхъ Яворскимъ въ царствованіе Петра Великаго, въ Москвѣ и Петербургѣ, ни одна не попала въ печать ранѣе первыхъ годовъ XIX столѣтія, между тѣмъ какъ проповѣди Теофана всегда предписывалось „печатать безъ продолженія“ (то-есть, безъ замедленія). Фактъ, во всякомъ случаѣ, очень характерный ²⁾.

Со статьей Регламента о проповѣдникахъ имѣетъ тѣсную связь отдѣльное небольшое сочиненіе Теофана, подъ заглавіемъ: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ“ ³⁾. Здѣсь указываются темы, которыя

¹⁾ Это сочиненіе, о которомъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи, помѣщено въ рукописномъ сборникѣ И. П. Б., XVII, F, № 11, (изъ библиотеки гр. Ѳ. А. Толстаго, отд. IV, № 39), подъ заглавіемъ: «Возраженія, сочиненныя противъ Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго и Муромскаго» и съ эпиграфомъ: «Человѣкъ умираетъ, а слово его по немъ живетъ. *Пиндаръ*, Ода Плиенческая».

²⁾ Къ этому можно прибавить, что черновыя рукописи Яворскаго были отысканы только въ 1867 году, въ секретномъ отдѣленіи архива св. Синода, гдѣ онѣ лежали, вѣроятно, со дня смерти Стефана, то-есть, въ продолженіе 145 лѣтъ. Въ этомъ собраніи попадаются проповѣди, переписанныя набѣло, съ поправками (красными чернилами) и пометками: «legi», «relegi». Видно, что авторъ готовилъ ихъ къ печати...

³⁾ Напечатано въ IV части собранія сочиненій Теофана («Богословскія сочине-

должны быть избираемы проповѣдниками для поучительныхъ словъ. Кромѣ общаго богословскаго ученія—разъясненія догматовъ о Богѣ, его свойствахъ, о грѣхопадѣніи, искупленіи и пр., проповѣдникамъ предписывается особенно внушать своимъ слушателямъ, чтобъ они „хранилися отъ всего того, что Божіей чести противно есть; гдѣ находятся слѣдующая: 1) праздники проводить въ пьянствѣ и прочихъ безчиніяхъ; 2) всуе призывать имя Господне, то-есть, присягати на лжу, или на прямое дѣло, да легкое и маловажное; 3) боготворити иконы... 4) различіе дѣлати дней и другихъ временъ, безумнѣ вѣруя, будто одно изъ нихъ щастливое, а другое—вредное; 5) туда же надлежать призванія бѣсовъ, бабы шептанія, заговорнымъ писмамъ вѣроятія, и прочая богомерзкая и христіанскому имени студная суевѣрія; 6) произносити чудеса ложная, видѣнія, явленія, сны вымышляти. всѣмъ доселѣ упомянутымъ беззаконіямъ особливья на ихъ истребленіе проповѣди быти должны“. Далѣе, проповѣдники должны говорить „о клеветѣ и глаголаніи, то-есть, когда кто ложно на ближняго вымышляетъ, будто бы онъ вѣдалъ, чего онъ не дѣлалъ; или и сущія то погрѣшенія, да и тайныя открываетъ, гдѣ того ни пользы, ни нужды нѣтъ. Зло сіе“, прибавляетъ Теофанъ,—„у насъ пространное“. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну тему, предлагаемую проповѣдникамъ: „О ненавидѣніи иноземныхъ людей за едино то, что иноземныи они“ Всѣ эти наставленія, конечно, вызваны требованіями современной автору жизни русскаго общества, нравы котораго (и особенно—„учительной“ его части) такими яркими красками обрисованы въ Духовномъ Регламентѣ.

Въ послѣдней главѣ второй части Регламента говорится объ отно-

нія», М. 1774) и отдѣльно, М. 1784, 8°. Съ предписаніями Регламента относительно церковной проповѣди интересно сравнить правила (сапопес de ёпаворѣѳоі), предлагаемыя лютеранскимъ богословомъ Гергардомъ въ книгѣ «Methodus studii theologiae» (Јенае, 1654), о которой мы уже упоминали при изложеніи богословской системы Теофана. Въ числѣ этихъ правилъ находятся, между прочимъ, такіа: «Въ вышній испорченный вѣкъ всего болѣе слѣдуетъ заботиться объ исправленіи нравовъ... Но въ правоучительной проповѣди слѣдуетъ обращать вниманіе на духъ времени и на общественное положеніе слушателей... Проповѣдникъ не долженъ касаться личностей и не долженъ руководиться личными чувствами расположенія или неприязни къ кому бы то ни было... Въ выраженіи лица онъ долженъ сохранять важность, во всей своей фигурѣ—достоинство. Всего болѣе слѣдуетъ избѣгать излишества въ жестуляціи, потому что проповѣдникъ—вовсе не актеръ», и т. д. (стр. 220—232). Все это почти дословно повторено въ Регламентѣ и въ книжкѣ «Вещи и дѣла».

шеніяхъ духовенства къ прочимъ сословіямъ, при чемъ объяснено, что слово „мірянинъ“ не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Это объясненіе признано необходимымъ потому, что „за невѣдѣніемъ сего многая и дѣются, и скажутся дурости душепагубныя“. Далѣе излагаются обязанности мірянъ по отношенію къ церкви и ея представителямъ.

Третья часть заключаетъ въ себѣ постановленія о составѣ и дѣйствіяхъ духовной коллегіи, въ обязанность которой, между прочимъ, вмѣняются, цензура богословскихъ сочиненій, свидѣтельствованіе разглашаемыхъ чудесъ и обрѣтаемыхъ мощей, судъ надъ раскольниками, наблюденіе за подаваніемъ милостыни, чтобы не похищали ея недостойные, о чемъ рекомендуется сочинить особое наставленіе, для прекращенія бродяжничества, тунеядства и самовольнаго уродованія ¹⁾, и пр.

Въ Регламентѣ нѣтъ специальныхъ постановленій относительно низшаго духовенства и монашества; этотъ пробѣлъ пополненъ, въ первыхъ числахъ мая 1722 года, изданіемъ особаго „Прибавленія“ къ Регламенту ²⁾. Это прибавленіе представляетъ интересъ, какъ матеріалъ для характеристики нравовъ того времени. Такъ, въ немъ находятся, между прочимъ, слѣдующія постановленія:

„Многіе въ священнической чинѣ вдираются не для чего иного, только для большей свободы и пропитанія, а никакого званію своему должнаго искусства не имѣютъ“. Поэтому запрещается ставить неученныхъ ³⁾.

„Приходящій ставленникъ долженъ имѣть извѣстное отъ прихожанъ своихъ свидѣтельство, что его знаютъ быть добраго человѣка, а именно не пьяницу, въ домосмотрѣніи своемъ не лѣниваго, не кле-

¹⁾ Здѣсь опять встрѣчаемъ любопытную черту нравовъ: «Кто вкратцѣ исчислять вредъ, отъ таковыхъ бездѣльниковъ (праздношатающихся) дѣвья? По дорогамъ, гдѣ угодно видятъ, разбиваютъ; зажигатели суть; на шіонство отъ бунтовщиковъ и вѣвнниковъ подряжаются; клеветуютъ на властей высокихъ, и самую власть верховную заѣ обносятъ, и простой народъ къ презорству властей преклоняютъ. Сами нивіихъ же христіанскихъ должностей касаются, въ церковь входятъ не свое дѣло быти помышляютъ, только бы имъ предъ церковью непрестанно вопить. И что еще мѣру превосходитъ безсовѣстіе и безчеловѣчіе оныхъ—младенцемъ своимъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ и члени развращаютъ, чтобъ были прямые нищіе и милосердія достойныя; воистинну нѣтъ беззаконнѣйшаго чина людей».

²⁾ П. С. З., VI, 4022. Ср. Пекарскаго, Н. и Л., II, 522—523, 544—545.

³⁾ Не отсюда ли пошла пословица: не уча въ поны не ставятъ?

ветника, не сварлива, не любодѣйцу, не бійцу, въ воровствѣ и обманствѣ не обличеннаго. Искушать его, не ханжа ли есть онъ, и не притворяетъ ли смиренія, также не сказуетъ ли своихъ о себѣ или о комъ сновъ и видѣній“.

„Наблюдать надлежитъ, не безчинствуютъ ли священники и діаконы и прочіи церковники, не шумятъ ли по улицамъ пьяни, или— что горшее — не шумятъ ли пьяни въ церквахъ, не ссорятся ли по-мужичью на обѣдахъ, не истязуютъ ли въ гостяхъ потчиванья (а сіе нестерпимое безстудіе бываетъ), не храбрствуютъ ли въ бояхъ кулачныхъ...“ Епископу вмѣняется въ обязанность внушать священникамъ, чтобъ они не ложились спать по улицамъ, не пили по кабакамъ, не являли въ гостяхъ силы и храбрости къ пitiю, и пр.— „таковая бо неблагообразія показываютъ ихъ быти яржными“.

Конечно, всѣ эти наставленія вызваны явленіями дѣйствительной жизни, повторявшимися, не смотря на всѣ увѣщанія, въ продолженіе многихъ вѣковъ. Въ первой главѣ нашего труда мы имѣли случай указать на аналогичныя замѣчанія въ „Правилѣ“ митрополита Кирилла II (1274 г.) и Стоглава; въ послѣднемъ памятникѣ говорится почти то же самое, что и въ „Прибавленіи“ къ Регламенту: „Поны и церковные причетники въ церкви всегда пьяни, и безъ страха стоятъ, и бранятся... бьются и дерутся промежь себя“. Въ цѣломъ рядѣ историческихъ актовъ XVII столѣтія повторяются жалобы на представителей „учительнаго чина“, которые „безчинства чинятъ великія, чревоугодію своему послѣдуютъ, пьяные бродятъ по улицамъ, валяются въ кабакахъ, спать ложатся на дорогѣ, кощунствуютъ, и борются, и кулачки бьются, и другъ друга убиваютъ, церкви божіи продаютъ и корчемствуютъ“ и т. п.¹⁾ Эта деморализація духовенства и послѣ изданія Регламента продолжала служить предметомъ законодательныхъ увѣщаній, почти дословно повторявшихъ выраженія петровскаго устава²⁾, который, въ свою очередь, ссылается на Коричую и на соборное изложеніе 1667 г.

Во второй части „Прибавленія“ говорится о монахахъ, монахи-

¹⁾ *Стоглавъ*, гл. V, вопр. 23; *Акты Ист.*, II, № 70; IV, №№ 62, 151, 186; *Доп. къ А. И.*, V, стр. 462, 473; *А. А. Э.*, III, № 264; IV, № 328 и др. Ср. *Ю. Самарина*, *Соч.*, т. V, 241—242, и настоящаго изслѣдованія первую главу.

²⁾ *Ср. П. С. З.*, XIX, № 13905 и XXIV, 17624.

няхъ и монастыряхъ. Для того, чтобы дать постановленіямъ Регламента объ этомъ предметѣ надлежащую оцѣнку, слѣдуетъ припомнить, какое значеніе имѣлъ монастырь въ жизни русскаго общества, и какъ относился народъ къ монашеству. Монастырь, какъ извѣстно, представлялся древне-русскому человѣку осуществленіемъ высшаго идеала на землѣ. „Свѣтъ инокамъ—ангелы“, говорили обыкновенно, — „свѣтъ же мірянамъ—иноки“; монашество считалось „выше царской державы“. Въ лицѣ своихъ подвижниковъ-аскетовъ, іерарховъ и игуменовъ оно стояло во главѣ ееократическаго государственнаго строя, умственнаго движенія и нравственнаго воспитанія донетровскаго общества; монастыри были центрами донетровской литературы, всецѣло церковной и по преимуществу иноческой. Выше, въ первой главѣ, мы видѣли, что къ концу XVII вѣка монашество почти совершенно утратило свои идеальныя свойства; „добрые старцы перевелись“ и уступили свое мѣсто такимъ, о которыхъ Петръ Великій говаривалъ, что они „многому злу корень“. Между тѣмъ монашество, какъ и духовенство вообще, не только не намѣрено было отказываться отъ своихъ притязаній на первенствующее значеніе въ обществѣ, но еще въ извѣстной степени возвысило свои требованія, придавъ имъ характеръ политическій. Участіе ихъ въ стрѣльцовыхъ бунтахъ и другихъ волненіяхъ этого времени, множество подметныхъ писемъ, разсылавшихся изъ монастырей, появленіе проповѣдниковъ и прорицателей въ черныхъ рясахъ, которые или тайкомъ или всенародно, на базарныхъ площадяхъ, раздавали народу свои „тетрадки“ и провозглашали царя антихристомъ, — все это заставило Петра серьезно обратить вниманіе на монашество и принять противъ него, какъ противъ силы, враждебной новому государственному порядку, рядъ репрессивныхъ мѣръ. Въ каждомъ монахѣ онъ видѣлъ бесполезнаго члена общества, тунеядца, которому, при случаѣ, ничего не стоитъ сдѣлаться бунтовщикомъ. „Страшныя сцены“, говоритъ Самаринъ, — „встрѣтили Петра у колыбели и тревожили его всю жизнь. Онъ видѣлъ окровавленные бердыши называвшихъ себя защитниками православія и привыкъ смѣшивать набожность съ фанатизмомъ и изувѣрствомъ. Въ толпѣ бунтовщиковъ на Красной площади являлись ему черныя рясы, доходили до него страстныя, зажигательныя проповѣди, — и онъ исполнился неприязненнаго чувства къ монашеству; наконецъ, всѣ возстанія и заговоры противъ него имѣли характеръ религиозный, строились подъ предлогомъ блага церкви, и онъ при-

выкъ смотрѣть на нее, какъ на начало враждебное¹⁾. Прибавимъ къ этому, что большая часть противниковъ Петра въ народѣ и духовенствѣ дѣйствовала не только подъ предлогомъ, но и въ самомъ дѣлѣ во имя церкви и ея правъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ церковь и ея права понимались тогдашнимъ большинствомъ. Конечно, бывали случаи эксплуатаціи наивнаго религіознаго чувства корыстными людьми для личныхъ своихъ цѣлей; но нельзя отрицать и того, что большинство низшаго духовенства, бѣлаго и чернаго, было глубоко убѣждено въ правотѣ своего дѣла и потому не могло относиться къ дѣйствіямъ царя-преобразователя иначе, какъ къ кознямъ врага рода человѣческаго. Не даромъ встрѣчаемъ десятки людей, фанатизированныхъ этимъ убѣжденіемъ и готовыхъ ради него на муку и смерть.

Взаимный разладъ между обѣими сторонами съ каждымъ годомъ увеличивался; примиреніе было невозможно, потому что идеалы той и другой стороны находились между собою въ рѣзкомъ противорѣчии. Считая монастырь главнымъ очагомъ противогосударственнаго движенія, Петръ рано началъ заботиться о томъ, чтобы лишить ихъ прежняго значенія и вліянія, и по возможности, стѣснить кругъ ихъ дѣятельности. Еще въ самомъ началѣ 1701 г. монахамъ было строго запрещено „волочиться“, то-есть, переходить изъ монастыря въ монастырь и держать въ своихъ кельяхъ бумагу и чернила²⁾; это послѣднее запрещеніе, очень характерное, если припомнить, что еще незадолго передъ тѣмъ монастыри были главными центрами литературной производительности, подтверждается и Регламентомъ, и позднѣйшимъ указомъ 19-го января 1723 года³⁾. Не останавливаясь на рядѣ частныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ относительно монастырства въ періодъ отъ 1701 до 1722 года, мы обратимъ вниманіе только на „Прибавленіе къ Регламенту“ и на указъ „о званіи монашескомъ“ 31-го января 1724 года, такъ какъ эти два постановленія, имѣющія между собою тѣсную связь, представляютъ первую попытку систематически регулировать монастырскую жизнь, и такъ какъ участіе въ нихъ Феофана Прокоповича не подлежитъ сомнѣнію.

„Прибавленіе“ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ правилъ, которыя должны были служить къ исправленію монастырства. Здѣсь, прежде

¹⁾ Соч., V, 244—245.

²⁾ П. С. З., IV, № 1834.

³⁾ П. С. З., VII, № 4146.

всего, точно и строго опредѣляется, кого и какъ слѣдуетъ принимать въ монахи; затѣмъ слѣдуютъ постановленія о житіи монашествующихъ и о монастыряхъ, очень подробныя, доходящія даже до мелочей. Изъ нихъ мы отмѣтимъ только слѣдующія:

„Весьма монахомъ празднымъ быти да не попускаютъ настоятели, избирая всегда дѣло нѣкое; а добръ бы въ монастыряхъ завести художества.

„Волочащихся монаховъ ловить и никому не укрывать.

„Монахомъ никакихъ по кельямъ писемъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ, безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля, никому не писать, чернилъ и бумаги не держать.

„Монахинямъ въ мірскихъ домахъ не жить, ниже по міру скитаться ни для какой потребности¹⁾.

„Скитковъ пустынныхъ монахомъ строити не попускати, ибо сіе мнози дѣлаютъ свободнаго ради житія, чтобъ отъ всякой власти и надсмотрѣнія удаленъ жити возмоглъ по своей волѣ, и дабы изъ новоустроаемый скитъ собиралъ деньги и тѣми пользовался.. И не въ примѣръ намъ древнихъ отецъ отшельничества; были тогда мужіе, добръ въ богословіи христіанствѣ обученніи.. (Отшельничество) челоувѣку невѣжливому опасно есть, и душепагубному бѣдствію подлежащее; къ тому-жъ пустынямъ пріимымъ быти въ Россіи, холоднаго ради воздуха, невозможно“.

Эти распоряженія, при всей своей строгости, показались царю недостаточными для искорененія „вреднаго недуга“. Замѣчая, что протестантская церковь обходится безъ чернаго духовенства, онъ, по видимому, рѣшилъ однимъ ударомъ покончить съ неприятымъ вопросомъ о монашествующихъ, и 28-го января 1723 г. издалъ указъ, „дабы отнынѣ впредь отнюдь никого не постригать“, а на убыльнѣ мѣста въ монастыри опредѣлять отставныхъ солдатъ. Но это распоряженіе было уже слишкомъ радикально и потому не могло просуществовать долго. Петръ, сознавая это, рѣшился составить подробныя правила о монашествѣ, съ объяснительною къ нимъ запискою, въ которой доказывается необходимость всѣхъ распоряженій, сдѣланныхъ ранѣе. Вслѣдствіе того, 31-го января 1724 г., было дано прѣстранное „Объ-

¹⁾ «Чернецъ—мертвецъ. И отъ пьянственнаго питія подобаетъ имъ весьма удаляться, а между мірскими людьми не шататься, но токмо знать имъ монастырь, да св. церковь... и имѣнія яко никакого не подобаетъ имѣти». *Посожковъ*, Соч., I, 133, 135.

явление, когда и какой ради вины начался чинъ монашескiй, и какой былъ образъ житiя монаховъ древнихъ, и како нынѣшнихъ исправить, хотя по нѣкоему древнимъ подобiю, надлежитъ“, за которымъ слѣдуютъ два „опредѣленiя“¹⁾. Цѣль изданiя этого указа объясняется въ самомъ началѣ его такимъ образомъ: „Хотя въ Регламентѣ Духовномъ о монахахъ уже изъяснено и како оныхъ содержать опредѣлено, но кратко, понеже тогда еще и о всемъ во исправленiю была нужда, но вѣщная была о верховной архiерейской власти, которую, примѣромъ папы римскаго, противно повелѣнiя Божiя, распространить нѣкоторые тѣщались... Нынѣ же, имѣя свободное время, при расположенiи правильномъ всѣхъ дѣлъ въ государствѣ, и о семъ дѣлѣ пространно объявля людямъ, такожь расположить и уставить должно есть для пользы вѣчной и временной людямъ и изрядства обществу“.

Взглядъ Θεοφана на монашество, по справедливому замѣчанiю Самарина (V, 318—319), находится въ тѣсной связи съ его учениемъ объ оправданiи грѣшнаго челоѵка ради единыхъ Христовыхъ заслугъ, туне, то-есть, даромъ, не вслѣдствiе какихъ-либо заслугъ предъ Богомъ со стороны даннаго лица, а единственно вслѣдствiе безграничной благодати Божiей. Основываясь на этомъ принципѣ, Θεοφанъ и въ „Объявленiи“, и въ другихъ своихъ сочиненiяхъ (напримѣръ, въ проповѣдяхъ, отрывки изъ которыхъ нами приведены выше) возстаетъ противъ искони усвоеннаго Русскимъ народомъ и раздѣлявшагося представителями нашей богословской науки того времени понятiя о монашествѣ, какъ о дѣлѣ, имѣющемъ значенiе личной заслуги челоѵка предъ Богомъ, и слѣдовательно, какъ о подвигѣ богоугодномъ и спасительномъ по преимуществу. Онъ доказываетъ, что монашеское званiе само по себѣ вовсе не заслуга, что монашеская жизнь, развитiе которой обусловлено вѣшними историческими причинами, требуетъ особеннаго призванiя и ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должна считаться обязательною, и что истинно бого-

¹⁾ Помѣщено въ П. С. З., VII, № 4450, откуда перепечатано у Чистовича, 709—718. По свидѣтельству самого Θεοφана, это объявленiе написано отчасти имъ, отчасти же самимъ государемъ, при чемъ Θεοφану принадлежатъ преимущественно выписки изъ отцовъ церкви и цитаты изъ церковно-историческихъ сочиненiй; имъ же написано и второе «опредѣленiе», кромѣ начала и окончанiя (см. Чистовича, 139—140, прим.). Въ внигѣ г. Чистовича тѣ мѣста указа, которымъ принадлежатъ Θεοφану, напечатаны курсивомъ.

угодное дѣло заключается въ томъ, чтобы всякій человѣкъ строго исполнялъ обязанности своего званія, своего „чина“ (ср. „Слово о власти и чести царской“). Въ теоретическомъ отношеніи это ученіе означало полный разрывъ съ древне-русскимъ, навѣяннымъ византійскою жизнью, аскетическимъ идеаломъ благочестія; въ практическомъ своемъ примѣненіи оно совершенно оправдывало всѣ мѣропріятія, имѣвшія цѣлью лишить монашество и духовенство вообще того исключительнаго значенія, которымъ оно до тѣхъ поръ пользовалось въ русскомъ обществѣ¹⁾. Въ такомъ смыслѣ этотъ вопросъ поставленъ и въ Регламентѣ. Не даромъ же противники Θεοφана — Стефанъ Яворскій, Θεοφилактъ Лопатинскій и другіе, обвиняя его въ ереси, всего болѣе укоряли его за ученіе объ оправданіи, за отрицаніе значенія личной заслуги человѣка передъ Богомъ. Они сознавали, что эта теорія, внесенная въ реальныя житейскія отношенія, въ значительной мѣрѣ подрывала авторитетъ духовенства.

За подробнымъ объясненіемъ значенія и происхожденія монашества, „Объявленіе“ указываетъ, что древніе монахи представляли собою совершенно не то, что нынѣшніе; они жили въ уединеніи, питались своими трудами и не только ничего не требовали отъ мірянъ, но еще сами помогали имъ, чѣмъ могли (эта часть объявленія, съ подробными доказательствами, что монахи обязаны трудиться, написана Θεοφаномъ). Впослѣдствіи же все это измѣнилось: „Когда Греческіе императоры нѣкоторые, покинувъ свое званіе, ханжить начали, а паче ихъ жены, тогда нѣкоторые плуты къ онымъ подошли и монастыри не въ пустыняхъ уже, но въ самыхъ городѣхъ строить испросили, и денежныя помочи требовали для сей мнимой святыни; еще же горше, яко не трудится, но трудами другихъ туне питатися восхотѣли, къ чему императоры, паче своей должности, сею мнимою святынею или обмануты отъ оныхъ, или сами къ тому какой ради страсти склонны явились, и великую часть погибели самимъ себѣ и народу стяжали... Сія гангрена зѣло было и у насъ распространяться начала подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ, яко же и у Римлянъ; но еще Господь Богъ

---

¹⁾ Петръ Великій вполне раздѣлялъ, въ этомъ случаѣ, мнѣнія своего со-трудника. Въ черновыхъ наброскахъ, относящихся къ устройенію монашества и писанныхъ рукою царя, находимъ, между прочимъ, замѣтку, что слѣдуетъ «вы-толковать, что всякому исполненіе званія есть спасеніе, а не одно монашество». *Чистовичъ*, 141, прим.

прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ, которые (то-есть, прежніе Русскіе цари) въ умѣренности оныхъ держали...“

Взглядъ „Объявленія“ на современное монашество—самый безотрадный: „Нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть тупеядцы суть, и понеже корень всему злу праздность, и сколько забобоновъ (суевѣрій) раскольныхъ и возмутителей произошло, вѣдомо есть всѣмъ такожь; прилежать же ли разумѣнію божественнаго писанія? всячески нѣтъ. А что, говорятъ, молятся,—то и всѣ молятся. Что же прибыль обществу отъ сего? Воистинну, токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ; понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть“.

Съ этими словами интересно сравнить то, что говоритъ о монашествѣ авторъ уже много разъ упомянутого нами „Молотка на Камень Вѣры“: „Кто въ монастырь идетъ? Тотъ, который по должности за цѣлостъ отечества и за вѣру противу непріятеля Божія закона служить и богатыяго защищать не хочетъ; кто не хочетъ работать и подать по закону Господню платить; кто лѣнится жену и дѣтей пропитать; кто, въ молодости живъ непристойно, ничему не учился и ни о чемъ не промышлялъ, или кто, не имѣя чистаго разсужденія, отъ другихъ въ прельщеніе введенъ. Всѣ таковыя достойны ли, чтобъ ихъ государство кормило, и который вчера самъ работалъ, подати платилъ и немогущимъ помоществовалъ, днесъ на покой, другіе ему служатъ и на него работаютъ, пищу и одежды приносятъ—та-ли его нищета, то-ли ихъ и вспомогающихъ имъ Богу угожденіе? Воистинну самъ скажешь, что не то... Гдѣ же видимъ толико, яко въ Россіи, дряхлыхъ, увѣчныхъ, и не могущихъ имѣть пропитанія, по улицамъ лежащихъ, отъ глада и хлада исчезающихъ? Не лучше ль бы симъ пропитаніе дать и въ наученіе младенцевъ употребити, нежели стада лѣнливыхъ чернцовъ?“ Здѣсь только подробнѣе развита мысль, повторяющаяся во всѣхъ Петровскихъ указахъ о монашествѣ. То же самое говорится и въ первомъ изъ „опредѣленій“, приложенныхъ къ „объявленію“. Второе „опредѣленіе“, составленное Оеофаномъ, касается приготовления монаховъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, къ высшимъ степенямъ церковной іерархіи. Такимъ монахамъ, между прочимъ, вмѣняется въ обязанность „предиковать, книги переводить и трактаты о вещахъ, вѣдѣнія достойныхъ, сочинять“; довольно подробно опредѣляется планъ занятій, правила надзора, и пр.

На основаніи этихъ опредѣленій Теофанъ, по порученію царя, написалъ подробный уставъ или „Изображеніе келейнаго житія монаховъ Александро-Невскаго монастыря“¹⁾. Этотъ уставъ, имѣющій цѣлью самымъ точнымъ образомъ регулировать монастырскую жизнь, дѣлится на четыре части: въ первой говорится о томъ, какъ монахи должны проводить время въ своихъ кельяхъ; во второй заключаются правила „о соборной молитвѣ“; въ третьей—„чинъ трапезнаго собранія“, и въ послѣдней—„должности намѣстника“. Общія правила тѣ же, что и въ Регламентѣ, причемъ опять строго подтверждается, чтобы братія „сваровъ, сквернословія, буесловія, суесловія, кощунства и какаго-либо безчинія не творили, наипаче же при мірскихъ людяхъ“; чтобы въ церкви, во время службы, не ругались и не дрались между собою, и т. п. Должность намѣстника—нѣсколько иезувитская: ему вмѣняется въ обязанность слѣдить за всѣми монахами и о томъ, что подмѣтитъ, доносить своему начальству и пр. Во всѣхъ этихъ правилахъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ, видно сильное нерасположеніе и недоверіе къ монашеству. Теофанъ, какъ и Петръ Великій, не стѣснялся въ выраженіяхъ; внушая монахамъ правила, какъ они должны вести себя, онъ нерѣдко впадаетъ въ тонъ рѣзкій и грубый и даже дѣлаетъ это какъ бы намѣренно, какъ бы желая показать, что болѣе мягкаго тона и обращенія они не заслуживаютъ. То же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно Духовнаго Регламента. Это не словойная, хладнокровная рѣчь безпристрастнаго заводателя; въ Регламентѣ и связанныхъ съ нимъ постановленіяхъ видѣнъ живой челоувѣкъ, рѣзко опредѣляющій свои симпатіи и антипатіи, раздраженный своими противниками и преслѣдующій ихъ съ желчною язвительностью, безпощадно осуждающій все, что противорѣчитъ его убѣжденіямъ.

Этою страстностью тона объясняется и недостатокъ систематичности, и неполнота, потребовавшая впоследствии добавленій, и частыя повторенія одного и того же. *Le style c'est l'homme*. Живой и

¹⁾ Напечатанъ въ Александро-Невской типографіи, въ 1723 г., церковнымъ шрифтомъ, на листахъ, каждая статья особо, «для лучшаго видѣнія каждому брату своихъ особенныхъ должностей». Экземпляръ устава долженъ былъ висѣть на стѣнѣ въ каждой кельѣ. Этого перваго изданія въ настоящее время нигдѣ нѣтъ; оно извѣстно намъ только въ перепечаткахъ, въ «Описаніи С.-Петербурга», *Боданова*, изд. *Рубаномъ* (1779 г.), стр. 337—354, и во второй части «Исторіи рос. іерархіи» (1810 г.), стр. 191—209. См. Словарь *Евения*, II, 307; *Пекарская*, Н. и Л., II, 595.

подвижный умъ Феофана, въ данномъ случаѣ особенно возбужденный, не могъ помириться съ тѣсными рамками сухаго, официальнаго предписанія и уничтожилъ эти рамки, создавъ, вмѣсто канцелярскаго устава, литературное произведеніе, въ которомъ вполне ясно и откровенно высказался взглядъ автора на одинъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ того времени. Этому взгляду Феофанъ не измѣнялъ до конца своей жизни.

Почти одновременно съ составленіемъ Регламента, въ 1721 году, Прокоповичъ написалъ къ нему оправдательныя статьи, въ видѣ особыхъ трактатовъ о патріаршествѣ, окончательная отмѣна котораго, безъ сомнѣнія, всего болѣе беспокоивала какъ духовенство, такъ и большую часть общества. Этихъ трактатовъ намъ извѣстно два:

1) Розыскъ историческій, коихъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицалися императоры римстїи, какъ язычестїи, такъ и христанстїи, понтифексами или архіереами многобожнаго закона; а въ законѣ христанстемъ христанстїи государи могутъ ли нарецца епископи и архіереи, и въ какомъ разумѣ ¹⁾.

2) О возношенїи имене патріаршаго въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оно нинѣ въ церквахъ російскихъ оставлено ²⁾.

Поводомъ къ изданію въ свѣтъ перваго сочиненія послужилъ, какъ объяснено въ предисловіи, — случившійся между нѣкоторыми любопытными разговоръ, понеже нѣкихъ было мнѣніе, будто христанстїи цари нарицалися понтифексами или архіереями христанскаго закона; такожъ и великій Константинъ нареченъ былъ епископъ христанскїи въ томъ разумѣ, въ которомъ нарицаются епископы, церковносвященства управители; того ради честному сему любопытству послужилъ Феофанъ, архіепископъ псковскїи, изслѣдуя прямую историческую истину“.

„Розыскъ“ имѣеть цѣлю доказать историческими примѣрами, что императоры, какъ Римскіе, такъ и Византїйскіе, имѣли власть какъ свѣтскую, такъ и духовную въ своихъ рукахъ.

При такомъ, по видимому, чисто-научномъ характерѣ изслѣдованія, оно переполнено намеками на современную автору русскую дѣйстви-

¹⁾ С.-Пб., 1721 г., 4^о, 41 стр. Находится также въ рукописи Публ. Библиотеки, изъ собр. гр. Ф. А. Толстаго, XVII, Q, 47. Рукопись эта замѣчательна тѣмъ, что принадлежала некогда князю Д. М. Голицыну.

²⁾ С.-Пб., 1721, 4^о, церк. печати, 12 листовъ. Объ обоихъ этихъ сочиненїяхъ см. *Лекарскаго*, Н. в. Л., II, 502, 519.

тельность и представляет попытку историческаго обоснованія того принципа, который выразился въ Регламентѣ.

Цитатами изъ древнихъ писателей — Овидія, Цицерона, Тацита, Плинія, Тита Ливія, Плутарха и др. и изъ сочиненія Андрея Гозія о римскихъ древностяхъ, Теофанъ доказываетъ, что Римскій императоръ носилъ званіе понтифекса „четырехъ ради винъ: 1) что ни отъ кого не былъ судимъ въ дѣлахъ управленія своего, 2) что понтифексъ великій единъ только былъ, не имѣя другаго, себѣ равнаго, 3) что могъ и долженъ былъ наблюдать на начинанія, какъ сенатская, такъ и всенародная, не суть ли противна благочестію, и 4) что былъ въ томъ чину непремѣнно до кончины живота своего. Сія прерогативы или преимущества“, добавляетъ Прокоповичъ, — „вельми нужны и полезны были къ самовластительству императорскому. Въ началѣ самодержавства Римскихъ императоровъ могло бы начинанія ихъ быти нѣкое отъ сената и отъ народа препятіе; но и великій понтифексъ могъ бы нетрудно пріискать будто богословскую вину, намѣренію императорскому противную, и дѣлу, отъ императора намѣряемому, пресѣченіе положить. И тако власть императорская была бы аки связана. Того ради первіи Римскіи кесари, желая весьма свободную монархію возымѣть, а насиліемъ того получить не дерзая, изряднымъ умысломъ присовокупили къ себѣ санъ понтифекса великаго“. Сравненіе съ отношеніями царя къ патриарху напрашивается, при чтеніи этихъ строкъ, само собою.

Сказавъ, далѣе что и христіанскіе императоры въ первое время продолжали называться понтифексами для того, чтобы прочнѣе утвердить свою власть, Теофанъ переходитъ къ рѣшенію второго, поставленнаго въ заглавіи вопроса, могутъ-ли христіанскіе государи называться епископами и архіереями, и въ какомъ смыслѣ? Этотъ вопросъ рѣшается утвердительно: государи могутъ называться не только епископами, но и епископами епископовъ. потому что, какъ уже подробно показано въ „Словѣ о власти и чести царской“, государь, власть высочайшая, есть „надсмотритель совершенный, крайній верховный и вседѣйствительный, то-есть, имущій силу и повелѣнія, и крайняго суда и навазанія надъ всѣми себѣ подданными чинами и властями, какъ мірскими, такъ и духовными“. Далѣе государи могутъ называться и архіереями, но только въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ св. писаніе называетъ всякаго христіанина іереемъ; но конечно, ихъ нельзя называть архіереями въ специально-церковномъ смыслѣ, потому что отправлять самимъ церковную службу имъ не подобаетъ. Это нисколько

не унижаетъ государя, какъ не унижаетъ его, если онъ, напримѣръ, не архитекторъ, не врачъ и т. п., потому что эти обязанности свойственны особому чину, а обязанности государя имѣютъ характеръ общій. „Пѣти же царю въ церкви и пѣнія церковная слагать (ибо и сіе нѣщны въ дѣло священства царю поставляютъ) есть знаменіе христіюбія и смиренія царскаго, а не чина священнаго“. Это замѣчаніе, какъ справедливо указалъ Пекарскій, — явно относится къ Петру Великому, который любилъ пѣть на клиросѣ, читать въ церкви Апостолъ и не разъ сочинялъ молитвы и ектиніи на разные случаи.

Подробное разъясненіе вопроса о правахъ государя на титулъ епископа и архіерея, составляющій специальную принадлежность церковной власти, понадобилось, конечно, для того, чтобы доказать право государя на управленіе дѣлами церкви и такимъ образомъ оправдать преобразование, совершенное Петромъ. Для этой же цѣли Теофанъ счелъ нужнымъ включить въ свой трактатъ рѣзкія выходки противъ папства по поводу отношеній папъ къ императорамъ. Главною причиною чрезмѣрнаго возвышенія Римскихъ епископовъ Теофанъ считаетъ, съ одной стороны, ихъ чрезмѣрное „любочестіе“ и своекорыстіе, находившее опору въ невѣжествѣ народа, а съ другой—слабость императоровъ, допустившихъ себя до униженія передъ представителями церкви. „Когда грубое древностей невѣжество не могло знать истинныхъ причинъ, чего ради священнѣйшее величество императорское нарицается, пронесся по малу слухъ отъ суемудренныхъ умниковъ, будто императоръ общникъ есть нѣкоего священнаго чина и членъ есть причта церковнаго (а именно—діаконъ). Папѣ се, къ его надъ государями превосходству и похищаемой власти вельми помощно стало, а императоры, съ простоты, приняли себѣ въ честь сіе. И тако папы Римскія, межъ иными хитрыми изобрѣтенія, и сею обманною честію подъ ноги себѣ императоровъ покорили“. Затѣмъ слѣдуетъ разказъ о различныхъ церемоніяхъ, въ которыхъ нагляднымъ образомъ выразилось униженіе свѣтской власти предъ церковною. Въ этомъ разказѣ, какъ кажется, скрываютъ намекъ на Русскихъ патріарховъ, напримѣръ, на извѣстный обрядъ „шествія на ослати“ совершавшійся въ Москвѣ въ Вербное воскресенье. Говоря о томъ, какъ „установъ“ повелѣвалъ императору цѣловать ногу папы, кланяться передъ нимъ въ землю, держать стремя его коня и т. д.. Теофанъ иронически добавляетъ, что императору, однако же, не виѣнялось въ обязанность, подавая блюда къ папскому столу, входить въ поварню: „се же ради императорскія чести его“.

Вообще, какъ мы уже говорили, рѣзкія нападки на папскую власть были въ то время въ большомъ ходу, при чемъ почти всегда—открыто или „прикровенно“—проводилось сравненіе папства съ патріаршествомъ,—одна изъ любимыхъ идей Петра Великаго и Теофана Прокоповича, изъ которыхъ первый былъ непримиримымъ врагомъ католицизма по соображеніямъ преимущественно политическимъ, а второй ненавидѣлъ папство, какъ ученый богословъ, по причинамъ болѣе общаго характера, на которыя мы уже указывали прежде, при изложеніи богословской системы Теофана. Сравненіе, или пожалуй, отождествленіе понятій о папствѣ и патріаршествѣ съ цѣлью окончателно подорвать прежній авторитетъ церковной власти и унизить ея защитниковъ, со всею грубою рѣзкостью петровскихъ временъ выразилось въ учрежденіи всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора, въ шутовскихъ свадьбахъ князя-папы и патріарха Кокуйскаго; та же идея, хотя и не столь рѣзко, но все-таки послѣдовательно проводилась въ сознаніе общества путемъ законодательнымъ и литературнымъ, при содѣйствіи Теофана и другихъ писателей, вольно или невольно раздѣлявшихъ мнѣнія царя объ этомъ предметѣ. То же направленіе руководило и выборомъ книгъ для перевода съ иностранныхъ языковъ. Такъ, переведенныя, по приказанію царя, Гавріиломъ Бужинскимъ, историческія сочиненія Пуффендорфа („Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“) и Стратемана („Театроез или поворотъ историческій“) заключаютъ въ себѣ рѣзкія нападки на папу, на все католическое и даже на нѣкоторыхъ отцовъ церкви (вслѣдствіе чего книга Стратемана въ царствованіе Елизаветы подверглась гоненію). Пуффендорфъ, сочиненіе котораго служило руководствомъ для царевича Алексѣя, по словамъ Бужинскаго,—„въ описаніи монархіи папы Римскаго собственный чинъ и штиль положилъ, различный отъ исторіи, но аки богословскій розыскъ—правильное ли оно господство, или неправильное? отъ Христа ли и апостола Петра наченшеса, въ толикое возрастѣ величество, или хитростію и коварствомъ папъ тако распротранися? и симъ подобная. Въ сичевомъ, не тако историческомъ, яко богословскомъ розыскѣ, послѣдованіе и штиль высшій есть, и того ради мало прикровеннѣйшій“... Русскому читателю предоставлялось самому дѣлать изъ этого „богословскаго розыска“ выводы съ приложеніями ихъ къ русской жизни. Этимъ же произведеніемъ Пуффендорфа пользовался и Прокоповичъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ. Стратеманъ отзывался о папахъ въ еще болѣе рѣзкомъ тонѣ. Прибавимъ еще, что оба эти сочиненія были переведены и на-

печатаны у насъ безъ всякихъ пропусковъ, между тѣмъ какъ переводъ „Дѣяній церковныхъ и гражданскихъ“ Баронія, вышедшій въ 1719 году, подвергся значительнымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ ¹⁾.

Поводомъ къ изданію второго изъ названныхъ выше сочиненій Теофана также послужилъ, какъ объясняетъ авторъ, — „бывшій между нѣкими разговоръ, надлежитъ ли по должеству въ Россійской церкви, при всенародномъ собраніи, возносить имя восточныхъ греческихъ патріарховъ“, причемъ „ини приговаривали, а ини отрицали“. Теофанъ, конечно, поддерживаетъ это послѣднее мнѣніе, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что „явное, собственное и всегдашнее возношеніе покажетъ власть возносімаго надъ возносящими; Россійская же церковь отлучна стала отъ власти патріаршей“. Въ концѣ разсужденія поясняется, что оно написано для того, „дабы не смущались простіи челоувѣцы“ ²⁾.

Это означало уже окончательный разрывъ съ преданіями старины. „Простіи челоувѣцы“ вообще имѣли въ Духовномъ Регламентѣ много поводовъ для того, чтобы „смущаться“; но на этотъ разъ смутился и возсталъ противъ Теофана уже не „простой“ челоувѣкъ, а самъ президентъ новой духовной коллегіи, Стефанъ Яворскій. Онъ въ послѣдній разъ рѣшился высказаться противъ нововведеній въ церковныхъ дѣлахъ и подалъ „въ прензящѣйшій правительствующій сенатъ“ возраженіе на мнѣнія Теофана — „Апологію“, или, по другому названію, „Вопросо-отвѣты“ о значеніи патріарховъ ³⁾. Изъ сената это возраженіе перешло въ синодъ, а послѣдній призналъ протестъ своего президента несправедливымъ и возмутительнымъ и опредѣлилъ: „тѣ вопросы-отвѣты, яко неважные и некрѣпкіе, паче же бесполезные, но весьма противные и миръ церковный терзающіе и государственныя тишины вредительные, и покой полезный къ безпокойству возбуждающіе, и народу, силы писанія не вѣдающему, возмутительные и многому смущенію виновные, одержать, до надлежащаго царскому величеству объявленія, въ синодѣ, подъ опаснымъ храненіемъ, дабы не точію въ публику, но и въ показаніе никому не произошли. А къ нему, митрополиту, послать указъ, дабы онъ такихъ, яко зѣло вредныхъ и возмутительныхъ, вопросово-отвѣтовъ отнюдъ никому не сообщ-

¹⁾ Пекарскій, Н. и Л., I, 324—331.

²⁾ Ср. синодскій указъ о томъ же предметѣ въ П. С. З., VI, № 3734.

³⁾ Находится въ рукоп. Царскаго, № 588.

щаль и въ объявленіе не употреблялъ, опасаясь не безтруднаго перелѣ его царскимъ величествомъ отвѣта“¹⁾...

Полемика съ Теофаномъ Прокоповичемъ оказалась, такимъ образомъ, дѣломъ не легкимъ: возраженіе противъ его мнѣній ставилось наряду съ подметнымъ письмомъ и считалось чуть не государственнымъ преступленіемъ. Стефану пришлось на опытѣ убѣдиться, что „противу рѣчному стремленію нельзя плавати“, и окончательно отказать отъ всѣхъ своихъ надеждъ на возвращеніе стараго порядка. „Молотокъ“ говоритъ, что Стефанъ былъ чрезвычайно недоволенъ Регламентомъ и „весьма ему противился и чрезъ долгое время подписать отрицался, отговариваясь немощью, иногда же якобы неяснымъ нѣкоторыхъ пунктовъ истолкованіемъ, а паче не смѣя безъ позволенія отъ папы; наконецъ, побѣжденъ отъ его величества доводами изъ письма святого и отъ прикладовъ прежде бывшихъ соборовъ, еже оныя соборы надъ папами власть имѣли и о нихъ за преступленія судили и за правильныя причины извергали, которому противитися не смѣя, съ великою горестію подписался, жалѣя, что такъ долго ожидаемаго патріаршества лишился“. Конечно, не пала запрещалъ Яворскому поставить свое имя подъ Регламентомъ; но выраженіе „Молотка“ справедливо въ томъ смыслѣ, что Стефанъ не могъ безъ сильной внутренней борьбы подписать актъ самоотреченія. До послѣдней минуты онъ все еще надѣялся, что обстоятельства измѣнятся и потому старался оттягивать свое рѣшеніе; но обстоятельства повернулись слишкомъ круто...

Говоря, что царь „побѣдилъ“ Яворскаго „доводами изъ письма святого и отъ прикладовъ прежде бывшихъ соборовъ“, авторъ „Молотка“, быть можетъ, имѣлъ въ виду упоминаемые въ спискахъ сочиненій Теофана „Аргументы изъ соборовъ, декретовъ и дипломовъ императорскихъ, которыми доказывается, что императоры имѣли попеченіе о церкви“. Эти аргументы не были напечатаны, и намъ невѣдомо, существуютъ ли они гдѣ-нибудь въ рукописи; но судя по заглавію, мы позволяемъ себѣ предположить, что они вошли, частью, въ упомянутый выше „Розыскъ историческій“; по крайней мѣрѣ, ими имѣлось въ виду доказать ту же мысль, развитію которой посвященъ этотъ „Розыскъ“.

Наконецъ, уже послѣ открытія синода, въ сентябрѣ 1721 года,

¹⁾ Чистовичъ, 106—107.

Θεοφάνη, по порученію царя, написалъ въ Константинопольскому патриарху Іереміи грамоту съ увѣдомленіемъ о преобразованіи русскаго церковнаго управленія ¹⁾.

Открытие синода происходило 14-го февраля 1721 года. Въ этотъ день, какъ сообщаютъ современные Вѣдомости, въ церкви св. Троицы „на литургіи было собраніе великое, какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина, при которомъ и самъ его царское величество высокою своею особою присутствовать изволилъ, и предика была о объявленіи начинающіяся духовныя коллегіи, которую чинилъ архіепископъ псковскій“ ²⁾. Эта проповѣдь, на текстъ: „Израхъ васъ, и положихъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ“, по содержанию своему очень замѣчательна и имѣетъ съ Духовнымъ Регламентомъ тѣсную связь. Предметомъ слова служить цѣль учрежденія синода и обязанности этого новаго правительственнаго установленія. Проповѣдникъ, прежде всего, задаетъ вопросомъ: „каковыхъ плодовъ отъ сего духовнаго правительства и требуемъ, и ожидаемъ?“ Этотъ вопросъ, говоритъ Θεοφάνη, — можетъ явиться только въ умѣ чловѣка, „весьма ослѣпленнаго, который или не видитъ, или видѣти не хочетъ, каковую нищету и бѣдство страдаетъ христіанскій народъ, когда нѣтъ духовнаго ученія и правленія. Но, — о окаянныхъ временъ нашихъ! суть, и мнози суть, которіи всепагубнымъ безпечаліемъ ученія, проповѣди, наставленія христіанскаго, то-есть, единый свѣтъ стезамъ нашимъ, отвергати не стыдятся: къ чему-де намъ учителя, къ чему проповѣдники?... у насъ, слава Богу, все хорошо!“ Слѣдуетъ изображеніе умственнаго и нравственнаго развитія русскаго общества: „Кавій-бо у насъ миръ? какое здравіе наше? до того пришло, что всякъ, хотя-бы пребеззаконнѣйшій, думаетъ себя быти честна и паче вродичихъ святѣйша, какъ френетикъ: то наше здравіе. До того пришло, что чуть не вси бревна въ своемъ оцѣ неоущающіи сучецъ усматриваемъ во очесахъ ближняго: то наше миръ. До того пришло, что и пріемшіи власть наставляти и учти людей —

¹⁾ «Сочинено префсв. Θεοφάνη Πσκοπικη на латинскомъ языкѣ, на которомъ и красоту лучшую имѣетъ» — замѣчаніе Θεοδосія Яновскаго. Прибавилъ, кстати, что это замѣчаніе едва ли можетъ служить доказательствомъ, что Θεοδосій зналъ по латыни, какъ полагаетъ г. Чистовичъ (Θ. Προκοποβιη, 77, прим.): Θεοδосій могъ сказать только то, что слышалъ отъ другихъ. Такимъ образомъ, намъ кажется, что свидѣтельство Верхгольца (II, 144) остается въ своей силѣ.

²⁾ *Лексиконъ*, Н. и Л., II, 536.

сами христіанскаго перваго ученія, еже апостолъ млекою нарицаеть, не вѣдаютъ. До того пришло, и въ тая мы времена родилися, когда слѣпці слѣпныхъ водятъ, саміи грубѣйшіи невѣжды богословствуютъ, и догматы смѣха достойныя пишутъ, ученія бѣсовская предають, и во преданіи бабимъ баснемъ скоро вѣруеться, прямое же и основательное ученіе не точію не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженія вмѣсто возмездія приѣмлетъ. Таковъ миръ нашъ, такое здравіе наше. О, лютая времена!“ Это изображеніе темныхъ сторонъ русской жизни служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и доказательствомъ необходимости учрежденія синода, отъ котораго слѣдуетъ ожидать всѣхъ благъ. За это преобразование Теофанъ превозноситъ государя, сравнивая его съ Давидомъ и Соломономъ. Но слава Петра выше славы Соломоновой, потому что послѣдняя основана „на камени и кирпичѣ, на персти, и человѣческому насилію и времени вседцу подлежащей“; Русскій же царь, „слагоу вещественныхъ зданій поминутымъ монархомъ не уступивъ, зданіемъ симъ духовнымъ (то-есть учрежденіемъ синода) толико оныхъ превзошелъ, елико величество небеси превосходитъ сей нашъ земноводный кругъ“¹⁾.

Дѣятельность новаго учрежденія началась, какъ извѣстно, цѣлымъ рядомъ строгихъ репрессивныхъ мѣръ противъ разнаго рода „суевѣрій“, вошедшихъ въ народную жизнь и тѣсно связавшихся съ представленіями большинства объ истинномъ благочестіи. Регламентъ, лишая духовенство права на первенствующее значеніе въ обществѣ и стремясь сдѣлать церковь однимъ изъ органовъ государственной власти, однимъ изъ орудій для достиженія цѣлей правительства, уже и этимъ долженъ былъ вызвать недовольство въ средѣ старо-церковной партіи; но это недовольство усилилось еще болѣе вслѣдствіе язвительно-насмѣшливаго тона отзывовъ законодательной власти о пастыряхъ и учителяхъ народа. Регламентъ и другія сочиненія, связаннаго съ нимъ единствомъ мысли и цѣли, не только унижали духовенство, но и выставляли его на посмѣяніе, низводили его съ высокаго пьедестала въ среду житейской пошлости. Пастыри и учителя, еще не такъ давно имѣвшіе рѣшительное вліяніе на ходъ русской жизни, представлялись теперь грубыми, безнравственными невѣждами и ханжами, проповѣдниками лжи и нечѣстности, обирающими народъ и препятствующими его просвѣщенію изъ-за удовлетворенія своихъ

¹⁾ Слово это, при имени Теофана не напечатанное, находится въ собраніи его словъ и рѣчей, II, 63—70.

корыстныхъ стремленій, по привычкѣ къ тунеядству; мало того—они представлялись главными возмутителями общественнаго и государственнаго спокойствія, мятежниками, которые ради страсти къ „скверноприбытству“ не останоятся передъ бунтомъ, убійствомъ и всевозможными злодѣйствами. И такія рѣчи, за которыя не далѣе, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, человѣкъ, дерзнувшій произнести ихъ, былъ бы сожженъ живьемъ въ срубѣ, — теперь провозглашаются всенародно отъ лица самой верховной власти, и—что всего досаднѣе—при ближайшемъ участіи и содѣйствіи духовной же особы, Псковскаго архіерея, измѣнившаго преданіямъ и интересамъ своего сословія и отдавшаго весь свой умъ, всѣ свои дарованія новому дѣлу, предпринятому царемъ. Въ этомъ, конечно, заключалась одна изъ главныхъ причинъ негодованія духовенства и на Регламентъ, и на Петра, и на Еофана. Другая причина имѣла характеръ болѣе общій и болѣе глубокой. Въ первой главѣ настоящаго труда мы видѣли, что вслѣдствіе особыхъ причинъ, обусловившихъ ходъ умственнаго и нравственнаго развитія русскаго общества, религіозныя воззрѣнія массы (включая въ нее и большинство духовенства) имѣли характеръ почти исключительно формальный. Буева писанія, церковный обрядъ, вообще внѣшняя сторона религіи для Русскаго человѣка были неприкосновенно—святы и дороги, какъ видимыя выраженія православія; ихъ онъ понималъ и съ ними сживался умомъ и сердцемъ гораздо легче, чѣмъ съ отвлеченными догматами, трудно доступными, во всей своей чистотѣ, разумнѣю темной массы. Это — явленіе чисто психологическаго характера, общее всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ. Обрядъ, съ точки зрѣнія просвѣщеннаго человѣка ничтожный, нелѣпый, смѣшной, и въ сущности, даже вовсе не христіанскій, а унаслѣдованный отъ сѣдой языческой древности и затѣмъ уже принявшій христіанскую оболочку, въ умѣ простаго человѣка тѣсно соединялся съ представленіемъ о вѣрѣ, служилъ, такъ сказать, однимъ изъ ея символовъ, и нарушеніе его считалось тяжкимъ грѣхомъ. Петръ Великій, въ своемъ неуклонномъ стремленіи подчинить правительственной опецѣ всѣ проявленія народной жизни и при своей нетерпимости къ преданіямъ и обычаямъ московской старины, считалъ возможнымъ, съ помощью репрессивныхъ мѣропріятій, сразу уничтожить всѣ тѣ проявленія стариннаго склада русской жизни, которыя шли, такъ или иначе, въ разрѣзъ съ его понятіями. Еофанъ Прокоповичъ, ученый богословъ, усвоившій воззрѣнія протестантскаго раціонализма, относился къ народному пониманію религіи съ глубокимъ пренебреженіемъ; пристрастіе

массы къ формѣ, къ буквѣ, къ обряду отъ называлъ грубымъ суевѣріемъ и ханжествомъ и находилъ нужнымъ особенно преслѣдовать, какъ крайне вредное для общества и государства. Правда, онъ сознавалъ, что главнымъ орудіемъ для борьбы съ суевѣріями должно быть просвѣщеніе, и въ Регламентѣ самое важное мѣсто отведено заботамъ о поднятіи уровня умственнаго и нравственнаго развитія народа и его ближайшихъ наставниковъ; но въ то же время Теофанъ, какъ и Петръ Великій, какъ и Посошковъ въ своихъ преобразовательныхъ проектахъ, слишкомъ увлекался вѣрою въ дѣйствительность полицейскихъ мѣропріятій и ожиданіемъ отъ нихъ въ самомъ скоромъ времени наилучшихъ результатовъ. Его отзывы о религиозномъ міросозерцаніи народа были слишкомъ страстны, слишкомъ рѣзки; онъ выступилъ проповѣдникомъ ученія разрушительнаго, въ корень подрывавшаго все то, что считалось въ то время основою свято-русскаго благочестія. Это было своего рода „*écrazez l'infame*“. Понятно, какое озлобленіе было вызвано этимъ въ средѣ народа, который былъ, конечно, не въ состояніи понимать предъявленнаго ему требованія „вѣровать духомъ и истиною“, а видѣлъ только, что у него отнимаютъ самые дорогіе предметы религіознаго уваженія, что его завѣтные, унаслѣдованные отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, обычаи и вѣрованія провозглашаются вздорными и нелѣпыми „бабыми баснями“, „душепагубными дуростями“ и т. п. Духовенство, большая часть котораго была, по своему развитію, нисколько не выше общаго уровня массы, имѣло, какъ мы видѣли, кромѣ этой общей причины, еще свои спеціальныя причины недовольства нововведеніями въ церковныхъ дѣлахъ, и естественно, стало во главѣ народной оппозиціи. Въ царствованіе Петра сознаніе бесполезности отертой борьбы заставляло недовольныхъ сдерживаться; но нѣтъ сомнѣнія, что народное чувство было сильно взволновано. Оно прорывалось, время отъ времени, наружу въ подметныхъ письмахъ или въ такихъ фактахъ, какъ напримѣръ, появленіе въ Москвѣ нижегородскаго посадскаго челоувѣка Андрея Иванова, пришедшаго за 400 слишкомъ верстъ съ спеціальною цѣлью сообщить государю, что онъ, государь, еретикъ — разрушаетъ вѣру христіанскую¹⁾). Представители старо-церковной партіи, преслѣдуя свои спеціальныя цѣли, находили въ этомъ народномъ недовольствѣ прочную поддержку, и лишь только, по смерти Петра Великаго, получили возможность говорить и дѣйствовать нѣ-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, XV, 137.

сколько свободѣе, тотчасъ же направили всѣ свои удары противъ Духовнаго Регламента и противъ главнаго дѣятеля церковно-административнаго преобразованія — Оеофана Прокоповича, котораго они считали виновникомъ всѣхъ золь. Ему пришлось выдержать продолжительную и упорную борьбу, вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть русской „культурной борьбы“. Защитники старины подвергли произведенія Оеофана самой строгой и мелочной критикѣ; Регламентъ былъ разобранъ ими по ниточкѣ, и можно сказать, что въ немъ и однородныхъ съ нимъ постановленіяхъ не осталось ни одной строчки, которая не вызвала бы со стороны представителей старо-церковной партіи „возраженія и обличенія со всякимъ доводомъ“. Противники церковно-административныхъ мѣропріятій Петра Великаго, стремясь уничтожить практическое значеніе Регламента, старались доказывать, что „безбожный ересіархъ“ Оеофанъ, сдружившись съ такимъ же ересіархомъ Оеодосіемъ Яновскимъ, „начали явно всю святую церковь бороть и вся ея догматы и преданія разрушать и превращать, и безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить и вкоренять; и тогда весьма отъ нихъ было въ народѣ плачевное время. Учили быть вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ на церковь поношеніе говорить, и всякое развратное и слабое житіе имѣти учили смѣло; и такъ тогда поносима и воничтожаема св. церковь была, что всякое благочестивое христіанское дѣло единымъ словомъ — суевѣріемъ называемо было; и кто въ нихъ, въ еретикахъ, былъ нуцій пьяница и нахаль, и свернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка, и на высочайшія чести духовныя по ихъ еретическому предстательству возводимъ былъ; кто же хотя мало постникъ или воздержникъ и богомольный человѣкъ, тотъ у нихъ званъ былъ раскольщикомъ, и лидемѣромъ, и ханжею, и безбожнымъ, и весьма недобримъ человѣкомъ“. Не рѣшаясь взводить обвиненія на самого Петра, обличители увѣряли, что онъ былъ обманутъ еретиками, которые устроили такъ, что онъ утвердилъ Регламентъ и другіе указы своею подписью „безъ разсмотрѣнія о врыющихся въ оныхъ ересяхъ“; а одинъ изъ обличителей, Аврамовъ, даже увѣрялъ, что именно въ то самое время „явно отырылся съ небесе гнѣвъ Божій: явно сталъ быть государь измѣненъ въ своемъ здравіи“. Такимъ образомъ, Оеофанъ выставлялся единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ тѣ распоряженія, которыя защитники старины всѣми средствами старались скомпрометировать въ глазахъ народа и правительства; на Оеофана обруши-

лись всевозможныя обвиненія; Регламентъ, не стѣсняясь, стали называть „проклятою книгою“ (названіе, данное, въ свое время, патриархомъ Никонѣмъ) Уложенію Алексѣя Михайловича). По поводу постановленій о мощахъ, чудотворныхъ иконахъ, акакистахъ, церковномъ пѣніи и пр. поднялся сильный ропотъ и въ народѣ, неудовольствіе котораго ревнители старины старались раздуть еще болѣе. Статьи о проповѣдникахъ и трактаты о патриаршествѣ также вызвали рѣзкія опроверженія. Но всего болѣе раздражены были враги Θεофана „Объявленіемъ“ и указами о монашествѣ, что было и естественно, такъ какъ они сами почти всѣ были монахи. Происхожденіе этихъ указовъ объясняли они тѣмъ, что Θεофанъ и его единомышленники, „вкрадчися во многоутружденную святую монаршескую душу и обольсти его, смѣло начали поносить и ругать сущее древнее благочестіе и потщались вводить свое злочестивое лжеученіе, и явно уже начали посты святые разорять, дѣла добрыя, яко во спасенію непотребная, отвергать, покаяніе и умерщвленіе плоти, аки нѣкая баснословія вмѣнять, безженство и самовольное убожество въ смѣхъ обращать... и таковымъ страхомъ чуть не весь монашескій чинъ превратили въ самое безстрашіе и слабость таковую, что многіе пиянствуютъ, и вмѣсто книгъ въ кельяхъ и въ церквахъ табакерки въ рукахъ держатъ и непрестанно порошокъ нюхаютъ“¹⁾).

Эти и имъ подобныя нападки на Θεофана по поводу Регламента распространялись и въ народѣ, въ видѣ „тетрадокъ“ и подметныхъ писемъ, и конечно, производили свое дѣйствіе. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ документовъ, по которымъ могли бы въ подробности прослѣдить отношеніе собственно народной массы, а не духовенства только, къ церковнымъ преобразованіямъ. Упрекъ старовѣрческаго писателя Петру за то, что онъ „сочинилъ многіе регламенты и указы“ въ духѣ антихриста, заключаетъ въ себѣ общее осужденіе всей дѣятельности царя, а не выраженіе взгляда на какую-нибудь частную сторону этой дѣятельности. Притомъ же, упрекъ этотъ исходитъ изъ спеціального источника. Принимая въ расчетъ тѣ соображенія, какія высказаны нами выше о религиозныхъ воззрѣніяхъ массы, мы имѣемъ право сказать, что церковныя преобразованія были встрѣчены народомъ вообще неблагопріятно, и слѣдовательно, Θεофанъ, какъ глав-

¹⁾ Чистовичъ, 213—215, 303, 266, 315, 265, 304 и мн. др.

ный сотрудникъ царя въ этомъ дѣлѣ, не могъ пользоваться популярностью.

Другаго рода возраженія противъ Регламента — возраженія гораздо болѣе основательныя и существенныя — сдѣланы были, если можно такъ выразиться, самою жизнью. Въ своемъ стремленіи положить конецъ домогательствамъ защитниковъ московской церковной старины и лишить церковную власть прежняго авторитета и самостоятельности, сдѣлавъ ее однимъ изъ органовъ общаго государственнаго управления, Петръ Великій и Феофанъ Прокоповичъ дѣйствовали, какъ представители теоріи, которая впоследствии, во второй половинѣ XIII вѣка, получила названіе „просвѣщеннаго деспотизма“; освобождая русскую мысль отъ давленія церковнаго авторитета, придававшаго ей, въ продолженіе многихъ вѣковъ, одностороннее направленіе, они противопоставили авторитету церкви еще болѣе сильный и исключительный авторитетъ государственной власти, требовавшей безусловнаго, пассивнаго повиновенія. Такимъ образомъ, передвинулся только центръ тяжести, а внѣшнія условія развитія русской мысли остались въ сущности, почти тѣ же, что и прежде были. Отличительная черта „просвѣщеннаго деспотизма“ — вѣра въ могущество полицейскихъ мѣропріятій независимо отъ положенія того живого тѣла, которое служить для нихъ матеріаломъ, — проявляется во всей дѣятельности Петра Великаго; убѣжденный въ возможности содѣйствовать такими мѣропріятіями нравственному возрожденію народа, онъ хотѣлъ воспользоваться для этой цѣли нравственно-воспитательною силою церкви; но для этого необходимо было поставить эту силу въ такое положеніе, чтобъ она дѣйствовала неуклонно въ томъ именно направленіи, какое было нужно для цѣлей государственной власти. Регламентъ и дополняющіе его указы представляютъ попытку регулировать отношенія церкви къ государству именно въ этомъ смыслѣ. Центральное управленіе церкви обращается, вслѣдствіе того, въ коллегіальную канцелярію, и церковь становится официальнымъ вѣдомствомъ, которому подлежатъ дѣла вѣры и благочестія, заботы о народной нравственности и просвѣщеніи. Прежде, существуя самостоятельно и почти независимо отъ государства, церковь имѣла возможность развиваться въ самой себѣ съ такою же свободой и самостоятельностью, какъ и государство; теперь, въ силу преобразования, она могла развиваться только какъ одно изъ государственныхъ учреждений и на ряду съ прочими учреждениями, по предписаніямъ верховной власти, подъ наблюденіемъ и руководствомъ „изъ офи-

церовъ чловѣка добраго и смѣлаго¹⁾. Распоряженія, дѣлаемыя церковью, на основаніи Регламента, съ цѣлью возвысить уровень нравственнаго и умственнаго развитія народа, имѣютъ силу не столько нравственнаго убѣжденія и увѣщанія, сколько юридическаго законодательнаго акта, неисполненіе котораго влечетъ за собою тяжелую отвѣтственность. Законъ запрещаетъ вѣрвать въ ложныя чудеса и видѣнія точно также, какъ отпускать бороду и носить русское платье, точно также, какъ обманывать, грабить, убивать,—налагая, за нарушеніе этого запрещенія, кары если не одинаковыя, то совершенно однородныя. Такимъ образомъ, въ область нравственнаго убѣжденія все болѣе и болѣе входитъ элементъ физическаго принужденія; „загражденіе устъ“, отрицаніе самостоятельнаго „мнѣнія“—тѣ черты, которыми характеризуется допетровская русская старина, теперь возводятся въ систему, въ официальный принципъ, прилагающійся одинаково какъ къ церкви, такъ и ко всему остальному обществу. Такое положеніе церкви, конечно, не могло благоприятствовать ея внутреннему развитію, какъ силы нравственно-воспитательной. По видимому, это сознавалъ и самъ Петръ, и его главный сотрудникъ—Оеофанъ Прокоповичъ; оба они понимали, что однихъ приказаній еще недостаточно, что слѣдуетъ дѣйствовать на общество при помощи нравственнаго вліянія, проповѣдью и увѣщаніями, разъясняя сомнѣнія и указывая истинный путь. Такъ поступалъ Прокоповичъ въ своихъ воззваніяхъ отъ имени новоучрежденнаго синода, въ церковной проповѣди и въ литературныхъ произведеніяхъ; такъ поступалъ и царь, давая общее направленіе литературѣ своего времени; но принудительное начало, положенное въ основаніе отношеній церкви съ одной стороны—къ государству, съ другой—къ обществу, не допускало свободнаго обмѣна мыслей; увѣщанія оставались безъ отзвука, литературныя произведенія были доступны только самому незначительному меньшинству; проповѣдь... но „чистое слово сложить“ могъ не всякій даже епископъ, не говоря уже о заурядныхъ священникахъ, которые, однако, въ данномъ случаѣ имѣли болѣе важное значеніе, потому что находились въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ народной массѣ, между тѣмъ, какъ, напримѣръ, Оеофанъ имѣлъ аудиторію очень небольшую и притомъ состоявшую почти всегда изъ однихъ и тѣхъ же лицъ—изъ кружка, близкаго къ царю.

¹⁾ Указъ о назначеніи оберъ-прокурора, 11-го мая 1722 г. (П. С. З., VI, № 4001).

Θеофанъ, какъ и Гаврилъ Бужинскій и другіе извѣстные церковные ораторы того времени, былъ проповѣдникъ преимущественно придворный. Другимъ пастырямъ церкви официально предписывалось проповѣдывать, а въ случаѣ неумѣнья составить свою проповѣдь, читать по книгѣ или по тетрадѣ слово, присланное изъ синода, или проповѣди отцовъ церкви, напримѣръ, Іоанна Златоустаго,—прекрасныя сами по себѣ, но не имѣвшія отношенія къ русской жизни и притомъ мало понятныя простому народу. Официальныя предписанія и исполнялись официальнымъ, казеннымъ образомъ, какъ тягостная и непріятная повинность; къ тому же, церковная кафедра не пользовалась свободою; мы видѣли, что Регламентъ опредѣляетъ не только содержаніе проповѣди, но и ея тонъ, жесты и выраженіе лица проповѣдника, до мелочей. При томъ недовѣріи къ церкви, какое вызвано было ея прежними отношеніями къ государственной власти, свобода слова въ этой области стала возможна еще менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой. Строгій надзоръ за проповѣдью и строгая регламентація проповѣдничества имѣли слѣдствіемъ обращеніе живого слова церкви въ сухую, отвлеченную мораль, не имѣющую отношенія къ фактамъ общественной и народной жизни, къ тѣмъ явленіямъ, которыя волновали общество, возбуждали въ немъ сомнѣнія, вызывали запросы, заставляли искать разъясненій, которыхъ церковь, поставленная въ официальныя отношенія къ обществу, не могла ему дать. Даже въ высшемъ кругу духовенства, въ томъ кругу, которому принадлежало руководительство дѣлами церкви, проповѣдь мало по малу утрачиваетъ тотъ публицистическій характеръ, каковой былъ приданъ ей Θеофаномъ. Въ этомъ отношеніи Θеофанъ, можно сказать, не имѣлъ преемниковъ. Между его современниками были церковные ораторы (какъ, напримѣръ, Симонъ Кокановскій, Рафаилъ Заборовскій и др.); но люди слѣдующаго за ними поколѣнія относились къ проповѣди уже совершенно иначе. Придворные проповѣдники первыхъ годовъ царствованія Елизаветы Петровны (Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій и др.), по складу своего ума и по возрѣніямъ были скорѣе сторонниками староцерковной партіи, чѣмъ единомышленниками Θеофана. Со второй половины XVIII столѣтія церковная проповѣдь даже и въ этой средѣ все болѣе и болѣе принимаетъ официальный, отвлеченный характеръ, низводится на степень простого риторическаго упражненія или обращается въ прозаическую торжественную оду. Вслѣдствіе того повторяется то же самое, въ сущности, явленіе, на которое мы указывали въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія: народъ, не находя въ

своихъ учителяхъ людей, которые могли бы помочь ему въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія, ищетъ другихъ учителей въ своей же средѣ и идетъ за ними, въ сторону отъ государственной церкви,—или впадаетъ въ релігіозный индифферентизмъ подъ покровомъ внѣшней набожности, сохраняя, въ томъ, и въ другомъ случаѣ, весь, накопившійся въ теченіе столькихъ вѣковъ, запасъ суевѣрій, противъ которыхъ такъ энергично старался бороться Петръ Великій своими указами...

Образовательная задача, возложенная Петромъ на церковь, точно также не привела къ тѣмъ результатамъ, какіе отъ нея ожидались. Непривычное образованіе принималось очень медленно и неохотно, а при официальномъ, казенномъ отношеніи къ дѣлу въ той самой средѣ, которой Петръ указалъ, какъ на самое прямое ея назначеніе, заботиться о просвѣщеніи народа, нерѣдко встрѣчались гасильники просвѣщенія. Такъ, наприимѣръ, Архангельскій епископъ Варсонофій прямо и весьма категорически объясняетъ: „Чего ради такая по здѣшней епархіи школа построена? Да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не надлежитъ“. Этотъ же самый архипастырь заставляетъ поповъ и дьяконовъ стоять босикомъ на снѣгу; жестоко бьетъ соборнаго ключара и велитъ водить его на цѣпи кругомъ монастыря, въ жестокой морозъ; ставитъ священниковъ, вопреки Регламенту, моложе 20-ти лѣтъ, волочить ставленниками, беретъ съ нихъ взятки. По свидѣтельству самихъ архіереевъ, въ царствованіе Елизаветы Петровны во всей Москвѣ было не болѣе 40 ученыхъ священниковъ, а остальные „ничего не знали“. Семинаріи, объ устройствѣ которыхъ такъ заботился Теофанъ Прокоповичъ, являются расадниками схоластики, сохраняющей всѣ предрасудки средневѣковаго невѣжества; учительскія должности въ нихъ предоставляются однимъ только монахамъ, педагогическіе приемы которыхъ дѣлаютъ семинарскую науку настоящею мукой для учениковъ; ученики бѣгутъ изъ семинарій сотнями ¹⁾; да и тѣ, которые выдерживаютъ эту школу до конца, выносятъ изъ нея мало полезнаго и для себя, и для другихъ. Общій учебный идеалъ для духовенства и послѣ смерти Теофана продолжаетъ быть очень не высокимъ; указомъ 16-го января 1739 года предписывается „по крайней мѣрѣ такихъ выбирать въ священники, которые бы законъ христіанскій основательно знали и ко чтенію св-

¹⁾ П. С. З. X, № 7734.

писанія прилежали и, по возможности, разсудить могли, что читаютъ". При этомъ указъ откровенно признаетъ, что „столь важное дѣло нынѣ весьма забвенію предано“... ¹⁾.

Такимъ образомъ, самыя лучшія намѣренія, выразившіяся въ Регламентѣ, привели на практикѣ совершенно не къ тѣмъ результатамъ, какіе ожидались. Въ дальнѣйшемъ ходѣ русской жизни духовенство, стоявшее прежде во главѣ нашей интеллигенціи, все болѣе и болѣе утрачиваетъ это положеніе и обращается въ замкнутое сословіе, живущее своими исключительными интересами, между которыми интересы научные и образовательные занимаютъ далеко не первое мѣсто. Въ этомъ смыслѣ распоряженія Петра и увѣщанія Прокоповича были новымъ виномъ въ старыхъ мѣхахъ.

Какъ мы уже говорили, представители старо-церковной партіи, смотрѣвшіе на всѣ преобразованія и нововведенія, какъ на ересь, и искренно желавшіе ихъ истребленія, а затѣмъ—поворота къ старинѣ, по своимъ убѣжденіямъ склонялись болѣе на сторону католицизма; потому-то и католическая пропаганда пыталась обращаться къ нимъ, въ надеждѣ убѣдить ихъ къ соединенію православной церкви съ римскою. Напротивъ, Феофанъ и другія духовныя лица, сочувственно относившіяся къ реформѣ и способствовавшія ея введенію и укрѣпленію, ненавидѣли все католическое и оказывали очевидное предпочтеніе лютеранству. Такъ, Феофанъ, называя Германію „матерью всѣхъ странъ“, говоритъ, обращаясь къ протестантскимъ богословамъ: „Если желаете знать обо мнѣ, что я за человекъ, знайте, что я всецѣло преданъ всѣмъ, любящимъ истину; и чтобы полюбить кого-нибудь такого, я не нуждаюсь въ томъ, чтобы видѣть его лично;

---

¹⁾ Въ указѣ 31-го октября 1726 года (П. С. З., VII, № 4975) читаемъ: «Изъ губерній и провинцій репортажи объявили, что въ школахъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ съ начала было учениковъ по присылкѣ по 1722 годъ 1389; изъ того числа выучено 93 человекъ (стало быть, 6,7%); затѣмъ оставшіе едва не все синодальной команды бѣжали». Въ рязанской семинаріи, въ 1746 г., учениковъ показано на лицо 86, въ бѣгахъ—38; въ 1750 году—на лицо 106, въ бѣгахъ—47. Вообще, въ учительскихъ семинарскихъ каталогахъ прошлаго вѣка нерѣдко можно встрѣтить огромныя цѣпы бѣглыхъ учениковъ, и противъ очень многихъ именъ красуется отмѣтка: «Semper fugitiosus». См. *Т. Воздвиженскаго*, *Историч. обзорніе Рязанской епархіи* (М., 1820), стр. 251; статья: «Причины нерасположенія нашего благаго духовенства къ школамъ и наукамъ въ XVIII вѣкѣ», въ *Руков. для сельскихъ мастырей*, 1864, т. II, и «Состояніе русск. духовенства въ XVIII столѣтіи», въ *Прав. Собес.* 1862, № 5.

довольно, если услышу, что онъ любитъ истину. Такъ и теперь я расположенъ къ вамъ... Мы называемъ васъ людьми богатыми, сильными, учеными, опытнѣйшими во всѣхъ искусствахъ и добрыми людьми"...¹⁾ Эта любовь къ истинѣ—источникъ рационализма Теофана—навлекла на него со стороны враждебной партіи обвиненія въ лютеранскомъ образѣ мыслей, и обвиненія эти были, какъ мы уже указывали, справедливы—не въ смыслѣ богословскаго ученія, а въ смыслѣ общаго склада убѣжденій Теофана и направленія его дѣятельности. Характеръ этой дѣятельности по отношенію къ церковной реформѣ послужилъ для протестантскихъ ученыхъ поводомъ снова поднять вопросъ о возможности соединенія православной церкви съ лютеранскою. Мы видѣли, какъ отнесся къ этому вопросу Буддей, по поводу сообщенной ему Теофаномъ Сорбонской записки, и какія пожеланія онъ при этомъ высказалъ; послѣ изданія Регламента протестантскіе писатели въ своихъ отзывкахъ о положеніи русской церкви стали высказываться еще опредѣленнѣе. Такъ, напримѣръ, Коль, впоследствии бывший членомъ нашей академіи наукъ, въ 1723 году издалъ въ Любекѣ сочиненіе „Ecclesia graeca lutheranizans“, въ которомъ подробно рассмотрѣлъ всѣ пункты православнаго вѣроученія, одинаковые съ лютеранскими, изложилъ историческія извѣстія о попыткахъ, сдѣланныхъ католиками, лютеранами и реформатами съ цѣлью соединенія ихъ церквей съ православною, и въ концѣ концовъ, пришелъ къ тому заключенію, что „греко-русское и лютеранское вѣроисповѣданія весьма легко и на самыхъ законныхъ основаніяхъ могутъ соединиться въ одно цѣлое“²⁾.

Регламентъ, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, былъ напечатанъ въ Данцигѣ въ 1725 году. Въ томъ же году въ Германіи появилась небольшая (въ листъ, сложенный въ четверо, безъ означенія мѣста печати) популярная брошюра подъ заглавіемъ: „Curieuse Nachricht von der itzigen Religion Ihro Kayserlichen Majestät in Russland, Petri Alexiewiz, und seines grossen Reiches, dass dieselbe itzo fast nach Evangelisch—Lutherischen Grund-Sätzen eingerichtet sey“³⁾. Эта брошюра представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ ясное

¹⁾ *Miscellanea Sacra*, p. 6—7.

²⁾ *Ecclesia graeca lutheranizans, s. exercitatio de consensu et dissensu orientalis graecae, speciatim russicae, et occidentalis lutheranae ecclesiae...* Auctore et editore *I. P. Kohlito*, kiloniensi. Lubecae, 1723, 8°, 143 p.

³⁾ См. *Catalogue des Russica de la Bibl. Imp. de Spb.*, t. II, p. 3, 42.

понятіе о тѣхъ взглядахъ, которые были въ то время въ Германіи въ большомъ ходу, и въ популярной формѣ резюмируетъ тѣ надежды, которыя возлагались протестантами на русскую церковь вслѣдствіе преобразованій Петра Великаго. Указавъ на сходство православнаго вѣроисповѣданія съ лютеранскимъ, заключающееся въ отрицаніи папской власти и въ отсутствіи целибата, авторъ замѣчаетъ, что Московиты или Руссы, все-таки, удержали „много остатковъ отъ папства“. Такъ вмѣсто папы они имѣли своего патріарха, значеніе котораго въ ихъ церкви и въ ихъ странѣ было почти столь же велико, какъ и значеніе Римскаго папы въ Италіи и въ римско-католической церкви. Далѣе, Руссы сохранили почитаніе святыхъ; св. Николай считается у нихъ патрономъ страны, и даже по смерти они получаютъ отъ епископа письмо (einen Pass) къ этому святому, въ доказательство, того, что они умираютъ въ истинной вѣрѣ, и что, слѣдовательно, должны быть пропущены на небо. Въ томъ же родѣ говорится о чудотворныхъ иконахъ, мощахъ и пр. „У Руссовъ также много монастырей, которые устроены почти по католическому образцу, и въ которыхъ монахи такъ мало учатся, что если кто изъ нихъ выучится только читать по русски, такъ его уже считаютъ за ученаго человѣка“. Такова по понятіямъ автора, „греческая религія“. Но, въ правленіе вниѣшняго императора—продолжаетъ онъ,—эта религія во многомъ измѣнилась, ибо онъ понялъ, что безъ истинной религіи никакія науки не могутъ приносить пользы. Въ Голландіи, Англіи и Германіи онъ узналъ, какая вѣра наилучшая, истинная и спасающая, и вѣрѣе запечатлѣлъ ее въ своемъ умѣ. Общеніе съ протестантами еще болѣе утвердило его въ этомъ образѣ мыслей: мы не ошибемся, если скажемъ, что его величество представляетъ себѣ (vor ihre Person) религію въ видѣ лютеранской. Ибо, хотя въ Россіи до сихъ поръ еще не все устроено по правиламъ нашей истинной религіи, однако, тому уже положено начало, и мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ, что мы знаемъ, что только грубые и упорные умы, воспитанные въ своей суевѣрной греческой религіи, не могутъ быть измѣнены сразу, а уступаютъ только постепенно; ихъ, какъ дѣтей, слѣдуетъ шагъ за шагомъ приводить къ познанію истины“.

Основанія для такой увѣренности въ побѣдѣ протестантизма въ Россіи авторъ брошюры видитъ въ церковно-преобразовательныхъ мѣропріятіяхъ царя: „Онъ отжѣвилъ патріаршество, и по примѣру протестанскихъ владыкъ, объявилъ себя самого верховнымъ епископомъ своей страны. Возвратясь изъ заграничнаго путешествія, онъ тотчасъ же

вступилъ въ диспуты съ своими попами, убѣдился, что они въ дѣлахъ вѣры ничего не понимаютъ и учредилъ для нихъ школы, чтобъ они прилежнѣе учились, такъ какъ прежде они едва умѣли читать“. Далѣе, царь заботится о томъ, чтобы распространять въ народѣ книги Св. Писанія и катихизисы. „Что касается до призыванія святыхъ, то его величество указалъ, чтобъ изображенія св. Николая нигдѣ не стояли въ комнатахъ, и чтобы не было страннаго (wunderliche) обычая—входя въ домъ, сначала влнаться иконамъ, а потомъ хозяину ¹⁾; отмѣнилъ также и обычай передавать чрезъ мертвыхъ письма къ св. Николаю. И такъ какъ теперь Руссы разумно обучаются и воспитываются въ школахъ, то всѣ ихъ суевѣрныя мнѣнія и обычаи должны исчезнуть сами собою, ибо подобнымъ вещамъ не можетъ вѣрить никто, кромѣ самыхъ простыхъ и темныхъ людей“. Система обученія въ этихъ школахъ — совершенно лютеранская, и юношество воспитывается въ правилахъ истинной евангелической религии. Монастыри значительно ограничены, такъ что не могутъ уже служить, какъ прежде, притонами для множества праздныхъ людей, которые представляютъ для государства тяжелое бремя и могутъ противъ него возмущаться; теперь всѣ монахи обязаны учиться чему-нибудь хорошему, и все устроено похвальнымъ образомъ. Чудеса и мощи также не пользуются уже прежнимъ уваженіемъ; въ Россіи, какъ и въ Германіи, стали уже вѣрить, что въ этомъ отношеніи „много наплутано“ (grosser Betrug vorgehe). Брошюра заключается замѣчаніемъ, что если въ Россіи „будетъ отмѣнено“ призываніе святыхъ, то не будетъ вѣры и въ личную заслугу предъ Богомъ, и въ добрыя дѣла, а равно исчезнетъ и мнѣніе, будто можно получить небесную награду путешествіями на поклоненіе святынямъ или щедрыми подаваніями въ пользу духовенства и монастырей; такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ для достиженія вѣчнаго блаженства останется вѣра въ Иисуса Христа, составляющаго основу истинной евангелической религии. Авторъ выражаетъ надежду, что при помощи Божіей и при содѣйствіи царя все это совершится очень скоро.

Упомянемъ еще объ отзывѣ ученаго путешественника по Россіи, Штраленберга, въ его книгѣ „Сѣверная и восточная часть Европы и Азіи“: Императоръ Петръ I—говоритъ онъ—вообще весьма заботился о томъ, чтобъ улучшить положеніе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ; точно также

¹⁾ Выше мы видѣли, что почти то же самое говорить и Буддей въ своей книгѣ «Ecl. rom. cum rathenica irreconciliabilis».

заботился онъ и о религіи, стараясь очистить ее отъ многихъ, ввершихся въ нее, суевѣрныхъ обрядовъ и бесполезныхъ обычаевъ; въ этомъ дѣлѣ ему особенно помогалъ архіепископъ Псковскій, Феофанъ Прокоповичъ, издавшій съ этою цѣлью много прекрасныхъ сочиненій, частью оригинальныхъ, частью переводныхъ. „И вообще, этотъ честный человекъ въ своихъ поучительныхъ трудахъ обнаруживаетъ такіа прекрасная намѣренія, что если Богъ продлитъ его жизнь; то отъ его дѣятельности слѣдуетъ ожидать всего хорошаго“¹⁾.

Таковы были надежды и ожиданія, вызванныя въ протестантскомъ мірѣ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго и Феофана Прокоповича. Если эти ожиданія были, до извѣстной степени, преувеличены, то ихъ, все-таки, нельзя считать совершенно неосновательными: общему направленію дѣятельности преобразователей они въ сущности, не противорѣчили. Событія, какъ и слѣдовало ожидать, не оправдали надеждъ на возможность соединенія церквей, и протестантскому историку церкви пришлось, впоследствии, съ плохо скрытою досадою, замѣтить, что хотя православная церковь во многихъ пунктахъ христіанскаго ученія сближается съ протестантскою, но нельзя отрицать и того, что въ первой осталось отъ прежнихъ временъ много суевѣрій, которыхъ она упорно придерживается²⁾. Вопросъ о соединеніи церквей еще разъ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, послужилъ предметомъ для оживленной полемики между католиками и протестантами, по поводу „Камня Вѣры“, Стефана Яворскаго; въ полемикѣ этой приняли участіе и нѣкоторые русскіе богословы; но для нихъ она окончилась — благодаря стараніямъ Феофана Прокоповича — въ застѣнкахъ тайной канцеляріи. Къ этому дѣлу мы возвратимся въ своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asien, Stokholm, 1730, S. 277—278: «Und in summa es intendiret dieser redliche Mann durch seine erbauliche Schrifften so viel gutes, dass, wenn Gott ihm das Leben gönnen wird, viel gutes dadurch zu hoffen stehet». Въ рукописи И. П. В. Ф., IV, № 7 значится, что эта книга переведена на русскій языкъ по приказанію горячаго поклонника Феофана, В. Н. Татищева.

²⁾ *Pauli Ernesti Jablonsky Institutiones historiae christianae*, Francof. 1786, p. 172—173 — цитируется Чистовичемъ, 44—45.

II. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАКСЪ МЮЛЛЕРЪ И ФИЛОСОФІЯ ЯЗЫКА.

Сочиненіе Лудвига Нуаре.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО)

Отъ переводчика.

Авторъ предлагаемой въ русскомъ переводѣ статьи, вышедшей отдѣльною брошюрой въ 1879 году ¹⁾, сдѣлался извѣстенъ въ ученой литературѣ языкованія своею книгой о происхожденіи языка (*Der Ursprung der Sprache*. Mainz, 1877), обратившей на себя вниманіе знаменитаго Макса Мюллера.

Вопросъ о происхожденіи языка безспорно принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ вопросовъ человѣческаго духа, а потому всякое новое слово по этому вопросу, если не гнило оно, по отзыву авторитетныхъ специалистовъ дѣла, не можетъ не интересовать мыслящаго человѣка. Предлагаемая статья, не представляя подробнаго, обстоятельнаго изложенія интересной теоріи автора, тѣмъ не менѣе въ достаточной степени обнаруживаетъ его монистическую точку зрѣнія и критическую силу его таланта и ясно показываетъ связь и отношеніе между новою теоріей и тѣми выводами по данному вопросу, до которыхъ дошло языкованіе въ лицѣ геніальнаго представителя своего, Макса Мюллера. Съ другой стороны, не могутъ быть бесполезными для русскаго читателя и замѣчанія автора о высокомъ значеніи языкованія при рѣшеніи наиболѣе важныхъ и интересныхъ вопросовъ человѣческой мысли и о той роли, какую предстоить играть ему впоследствии; у насъ нерѣдко среди образованныхъ людей можно встрѣтить взглядъ на языкованіе, какъ на науку, существую-

---

¹⁾ Max Muller und die Sprachphilosophie. Von Ludwig Noiré. Mainz. 1879.

щюю для самоуслажденія записныхъ гелертеровъ-буквоѣдовъ. Все это, полагаемъ, можетъ въ достаточной степени мотивировать появленіе статьи Людвигъ Нуаре въ русскомъ переводѣ.

И. Громовъ.

I.

Нѣтъ языка безъ разума,
нѣтъ разума безъ языка.

Дарвинъ и Максъ Мюллеръ.

Идея міроваго развитія, величайшая, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ идей, до которыхъ когда-либо доходилъ человѣческой умъ, въ настоящее время привлекаетъ и возбуждаетъ всеобщее вниманіе. Сильныя возраженія, соединяющіяся съ именемъ Дарвина, служатъ предметомъ страстной, раздражительной полемики не только въ научныхъ сферахъ, но и въ обыденномъ разговорѣ, и въ исполински разрастающейся литературѣ дня. Было время, когда ни одна наука не могла обойтись безъ столкновения съ религіознымъ преданіемъ, съ церковнымъ авторитетомъ вѣры, такъ что отдѣленіе ихъ другъ отъ друга, эманципация науки отъ власти религіи была вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ жизненнымъ условіемъ, началомъ дѣятельности для пробуждавшейся и крѣпнувшей науки. Подобно тому, теперь нѣтъ такой области человѣческаго знанія, которая въ важнѣйшихъ и послѣднихъ своихъ вопросахъ не приходила бы въ соприкосновеніе съ идеей міроваго развитія. Да и самую идею эту должно разсматривать какъ вѣтвь великаго дерева, корни котораго теряются въ неизмѣримой дали прошедшаго, а вершина, украшенная цвѣтами (плоды которыхъ созрѣютъ въ отдаленномъ потомствѣ), поднимается въ необъятное, свѣтлое пространство неба: это могучее дерево есть наука о человѣкѣ.

Только изученіе своего прошедшаго можетъ разрѣшить великую загадку, только оно можетъ уяснить человѣку взглядъ на самого себя, на свое положеніе во вселенной. Это изученіе прошедшаго послужитъ для него путеводною звѣздой, компасомъ на пути въ темное царство будущаго, компасомъ, который предохранитъ его отъ многихъ тщетныхъ блужданій и бесполезной траты силъ, бывшей удѣломъ прошедшаго. Ясно сознавая цѣль, твердо увѣренный въ средствахъ, человѣкъ въ будущемъ развитіи далеко оставитъ за собою все, чего достигли его предшественники. И если говорить, что по прошествіи нѣсколь-

кихъ столѣтій человѣчество будетъ смотрѣть на нашъ высокопросвѣщенный, утонченный и образованный вѣкъ, какъ на періодъ варварства и невѣжества, то въ этомъ вовсе нѣтъ преувеличенія.

Идея прогресса, какъ неоднократно было замѣчено, не нова. Зачатки ея можно прослѣдить у того избраннаго народа, свѣтлый гений котораго впервые старался прозрѣть господство разума во вселенной, у древнѣйшихъ греческихъ философовъ; изъ нихъ глубокомысленный Гераклитъ Σοκρατικός (мрачный) понималъ міръ, какъ вѣчное происхожденіе въ прогрессивномъ и регрессивномъ движеніи (такъ я понимаю ἡ ὁδὸς ἀνω κάτω) и за 2400 лѣтъ до нынѣ выражалъ ученіе Шопенгауэра и Дарвина ихъ собственными словами: Ἡράκλειτος μὲν γὰρ ἀντικρὸς πόλεμον, ὀνομάζει πατέρα καὶ βασιλέα καὶ κύριον πάντων (вѣдь Гераклитъ раздоръ прямо называетъ отцомъ, царемъ и господиномъ всего). Ненависть и вражда обусловливаютъ рожденіе, изъ раздора происходятъ всѣ вещи, въ мірѣ господствуетъ борьба за существованіе, она есть принципъ жизни; только въ ἐκλόρωσις, въ обратномъ измѣненіи въ первоэлементы огня (это то же, что нирвана буддистовъ и Шопенгауэра, отрицаніе воли) заключается согласіе и миръ (ὁμολογία καὶ εἰρήνη). Слѣдовательно, онъ признавалъ, подобно Шопенгауэру и Дарвину, рядомъ съ ненавистью, которая все разъединяетъ и раздѣляетъ, существованіе высшаго великаго міроваго принципа, откуда беретъ начало всякое совершенствованіе,—всемогущей любви, все соединяющей и связывающей, все терпящей и выносящей, все прощающей и примиряющей, ничего не падающей, всѣмъ жертвующей, даже живнью,—да, даже и жизнью.

Въ сочиненіяхъ корифеевъ нашей классической литературы идея развитія выступаетъ съ большею или меньшею ясностью и опредѣленностью. Кантъ въ своихъ лекціяхъ прагматической антропологии прямо предполагалъ, какъ само собою понятное, происхожденіе человѣка отъ низшихъ существъ, то-есть, животныхъ. Проникнутый идеями Спинозы, Лессингъ не могъ идти другимъ путемъ, кромѣ того, который дѣлалъ возможнымъ для него воспитаніе человѣчества естественными средствами и силами съ цѣлью возвести его на болѣе высокую степень чистоты и самостоятельности. „Ideen zur Philosophie der Geschichte“ Гердера представляютъ собственно очеркъ развитія человѣчества въ постепенномъ, послѣдовательномъ совершенствованіи. Онъ посвящаетъ обстоятельное разсужденіе и вопросу о физической противоположности человѣка съ животными, пользуясь при этомъ и сравненіемъ, на сколько позволяло тогдашнее состояніе опытныхъ наукъ; но гораздо болѣе при-

давалъ онъ значенія—и въ этомъ отношеніи нынѣшніе дарвинисты могли бы многому поучиться у него—внутреннему принципу, духовному развитію, которое, конечно, имѣетъ первостепенное значеніе, хотя—довольно странно!—или вовсе игнорируется модною теоріей прогресса, или упоминается вскользь.

Извѣстно, какой горячій споръ возникъ по поводу вопроса о томъ, имѣетъ ли право теорія прогресса причислять Гете къ числу своихъ приверженцевъ, или его нужно считать, какъ дѣлаетъ Геккель, основателемъ этой теоріи, или же скорѣе послѣдователемъ теоріи постоянства типовъ. Мнѣ кажется, споръ этотъ совершенно бесполезенъ. Не нужно забывать, съ какимъ юношескимъ одушевленіемъ онъ, старикъ 81-го года, принялъ вѣсть о томъ, что Парижская академія наукъ съ живѣйшимъ участіемъ прислушивалась къ спору между Кювье и Жоффруа-де-Сентъ-Илеромъ въ то самое время, какъ внѣ ея стѣнъ свирѣпствовали политическія бури іюльской революціи. Ясно, что для него въ данномъ случаѣ дѣло шло не о научныхъ теоріяхъ, а о торжествѣ извѣстнаго мировоззрѣнія, и именно того, которое признавало права духа, а не одной только матеріи. Это кажется, конечно, въ высшей степени парадоксальнымъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о дарвинизмѣ, но только для не привыкшаго думать большинства, которое не умѣетъ отличить матеріализма отъ монизма, отстоящихъ другъ отъ друга, какъ небо отъ земли. Въ виду этого я приведу въ высшей степени замѣчательныя слова самаго Гете съ замѣчаніями на нихъ Лазаря Гейгера: ¹⁾ „Когда разразилась іюльская революція, и вѣрный Экерманъ, найдя своего Гете въ сильномъ возбужденіи по поводу великихъ событій, происходившихъ въ Парижѣ, хотѣлъ заговорить съ нимъ объ ошибкахъ низверженнаго министерства, Гете отвѣчалъ: „Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга; я говорю вовсе не о тѣхъ людяхъ, меня занимаютъ теперь совсѣмъ другое. Я говорю о томъ въ высшей степени важномъ для науки публичномъ спорѣ въ академіи между Кювье и Жоффруа-де-Сентъ-Илеромъ. Съ этихъ поръ и во Франціи при изслѣдованіи природы будетъ господствовать духъ, и онъ будетъ властелиномъ надъ матеріей. Теперь обратятъ вниманіе на великія начала творенія, на сокровенную мастерскую Творца. Это событіе имѣетъ для меня необыкновенно важное значеніе, и я имѣю полное право торжествовать, что дожилъ наконецъ до побѣды того дѣла, которому посвятилъ всю свою жизнь, и которое, стало быть, по пре-

¹⁾ Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit, S. 114.

имуществу есть мое собственное дѣло⁴. Идея, побѣду которой провидѣлъ тогда Гете, принадлежала Жоффруа-де-Сентъ-Илеру, это—идея міроваго развитія; эта идея, по моему глубокому убѣжденію, будетъ освободительной для міра, подобно другой, величайшей изъ всѣхъ всемірно-историческихъ идей, освободившей нѣкогда міръ. Эта идея покажетъ намъ со временемъ, чего человѣкъ можетъ ожидать и требовать отъ себя, отъ человѣчества, отъ природы⁴.

Кто, какъ Шиллеръ, считаетъ свободу существеннымъ признакомъ человѣка, кто, подобно ему, считаетъ достиженіе свободы и власти надъ вселенною великою задачей человѣчества, тотъ, естественно, не можетъ признавать руководства и вліянія сверхъестественной воли (въ какомъ бы высокомъ, благородномъ и чистомъ смыслѣ мы ни понимали ее) на волю человѣка. Созданіе самого себя, оно только придаетъ человѣку цѣну, достоинство и высоту. То могущество, которое доставило намъ господство надъ нашею планетой, можетъ имѣть для насъ цѣну только тогда, когда оно есть продуктъ нашей собственной дѣятельности, но никакъ не въ томъ случаѣ, если оно помимо насъ послано намъ счастіемъ, а именно въ такомъ смыслѣ, какъ по преимуществу благодѣтельное для человѣка, понимаемъ мы высочайшее существо. По мнѣнію Шиллера, это и составляетъ сущность содержанія всемірной исторіи; она для него есть картина человѣчества, постоянно поднимающагося на высшую ступень свободы, могущества и нравственности. Таковъ смыслъ его гениальнаго очерка всемірной исторіи въ іенской вступительной рѣчи³), о которой Карлейль сказалъ: „There perhaps has never been in Europe another course of history sketched out on principles so magnificent and philosophical“ (вѣроятно, въ Европѣ никогда не было другаго курса исторіи, основаннаго на столь прекрасныхъ философскихъ началахъ). Изобразивъ первобытное состояніе дикости человѣка на самой низшей степени развитія и противопоставивъ этому блестящую картину современной культуры, Шиллеръ въ заключеніе говоритъ:

„Какія противоположныя картины! Кто въ утонченно-образованномъ Европейцѣ XVIII столѣтія признаетъ только болѣе развитаго брата нынѣшняго жителя Канады или древняго Кельта? Всѣ эти ремесла, искусства, знанія, всѣ эти созданія разума на пространствахъ немногихъ столѣтій зародились въ человѣкѣ и развиты имъ; всѣ эти

³) «Was heisst und zu welchem Ende studiert man Universalgeschichte?» См. *Schillers Sämmtliche Werke*. Stuttgart. 1874, B. IV, 213.

чудеса искусства, эти исполинскія созданія промышленности въ немъ имѣютъ начало. Что же пробудило ихъ къ жизни, что вызвало ихъ на свѣтъ? Какія состоянія прошелъ человѣкъ, прежде чѣмъ съ одной крайней ступени перешелъ на другую крайнюю, прежде чѣмъ изъ грубаго обитателя пещеръ превратился въ глубокаго мыслителя, въ образованнаго свѣтскаго человѣка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ всеобщая всемірная исторія*.

Тѣ немногія столѣтія, о которыхъ говоритъ здѣсь Шиллеръ, въ настоящее время и для историка человѣчества кажутся недостаточными. Наука доисторической археологіи показала намъ такія необъятныя пространства прошедшаго, для которыхъ существовавшая до сихъ поръ хронологія также недостаточна, какъ для широтъ Сиріуса наши линейныя мѣры. Чѣмъ отдаленнѣе прошедшее, тѣмъ медленнѣе, конечно, шло прогрессивное движеніе. Было время, когда человѣкъ не зналъ употребленія огня; мало того, было время, когда онъ не зналъ самыхъ простыхъ орудій, безъ которыхъ теперь онъ немислимъ для насъ, — и все-таки онъ былъ тогда уже человѣкомъ, потому что имѣлъ... языкъ.

Область собственно исторіи человѣчества, за исключеніемъ незначительной части ея, освѣщенной наукою, покрыта еще глубочайшимъ мракомъ; еще громадное пространство прошедшаго полно загадокъ и глубокихъ тайнъ, разрѣшеніе которыхъ, обуславливаемое небольшимъ количествомъ нѣмыхъ возстающихъ изъ нѣдръ земли свидѣтелей, представляетъ для изслѣдователя трудную и только мало по малу преодоливаемую задачу. Какую же пользу, какой, можно сказать, смыслъ имѣютъ смѣлыя попытки уже теперь переступить чрезъ эти границы и ставить вопросы о томъ, какія звенья генетически соединяютъ человѣка, какъ родъ, съ другими существами, которымъ недостаетъ отличительнаго признака человѣка — разума. И при всемъ томъ этотъ вопросъ въ сильнѣйшей степени возбуждаетъ нашу любознательность, при всемъ томъ мы не можемъ отказаться отъ этого великаго вопроса, потому что онъ касается происхожденія человѣка. И сколько разъ мы ни оставляли бы его какъ бесплодный и не разрѣшимый, онъ всегда будетъ возникать вновь и умолкнетъ только тогда, когда на него будетъ данъ удовлетворительный отвѣтъ.

Идея Ламарка и Дарвина основывается на сравненіи безконечнаго множества органическихъ формъ нашей планеты, которыя всѣ, при громадномъ различіи между собою, имѣютъ внутреннюю связь,

нѣкоторое родовое сходство. Вотъ что говоритъ Шиллеръ о дикихъ племенахъ, съ нравами и образомъ жизни которыхъ Европейцы познакомились, благодаря путешественникамъ новѣйшаго времени: „Расположенныя вокругъ насъ племена, стоящія на самыхъ различныхъ ступеняхъ образованности, подобны дѣтямъ различныхъ возрастовъ, окружающимъ взрослому: они напоминаютъ ему собою, чѣмъ онъ былъ прежде, и съ чего начался ростъ его. Мудрая рука сохранила намъ эти грубые племена до того времени, когда сами мы достигли такой степени культуры, что въ состояніи извлечь пользу изъ этого открытія и по нимъ, какъ въ зеркалѣ, возстановить утраченный образъ первобытнаго состоянія нашего рода“. То, что Шиллеръ, говоря о челоуѣчествѣ въ родовомъ его понятіи, считаетъ возможнымъ и желательнымъ для того, чтобы посредствомъ обширнаго изслѣдованія прошедшаго понять и уяснить настоящее, то самое дарвинизмъ распространяетъ на челоуѣка, какъ послѣднее звено гораздо болѣе длинной и почти необозримой цѣпи развитія, первое звено которой можно видѣть въ самой грубой формѣ органической жизни, почти въ аморфной, по видимому, и безстройной (*structurlos*) амевѣ. Что Шиллеръ говоритъ о некультурныхъ первобытныхъ народахъ, то теорія прогресса обращаетъ на многоразличные виды животнаго царства; они въ самомъ дѣлѣ представляютъ формы дѣтства челоуѣческаго рода: это — куколки, переходныя ступени, которыя долженъ былъ пройти челоуѣкъ, чтобы стать челоуѣкомъ, и ставъ имъ, достигнуть настоящаго совершенства. Остроумный Французъ говорилъ нѣкогда о *posterité contemporaine*, обозначая этимъ сужденія иностранцевъ о произведеніяхъ отечественной литературы,—мы могли бы назвать необъятное разнообразіе животныхъ существъ *antiquité contemporaine*, при чемъ здѣсь сама природа сохранила формы нашего первобытнаго эмбриональнаго состоянія и распространила ихъ въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ для обстоятельнаго сравненія и серьезнаго напоминанія намъ о нашемъ происхожденіи.

Привная все высокое научное значеніе дарвинизма (который, по моему мнѣнію, должно строго и ясно отличать и отдѣлять отъ мистической теоріи развитія), мыслитель-философъ не можетъ не видѣть его слабостей, пробѣловъ и односторонностей.

Часто превозносили похвалами—и совершенно справедливыми—спокойное и обдуманное поведеніе Дарвина, который, какъ истинный натуралистъ, дѣлалъ свои выводы только послѣ тщательнаго наблюденія и изслѣдованія обширнаго матеріала. Это требованіе, кажется

мѣ, съ полнымъ правомъ слѣдуетъ предъявить храброй толгѣ сражающихся подъ его знаменемъ натуралистовъ, именно, чтобъ они въ своей методикѣ строго держались того положенія, которое во всѣхъ эмпирическихъ изысканіяхъ и теоретическихъ изслѣдованіяхъ служить для нихъ альфой и омегой, то-есть, само собою понятнымъ основоположеніемъ и цѣлью всѣхъ ихъ стремленій: *natura non facit saltus*, и чтобъ они не дѣлали легкомысленныхъ скачковъ, приводя въ связь—или вывода одну изъ другой такіа вещи, между которыми пока лежать еще неизмѣримыя бездны и пропасти.

Величайшую односторонность нынѣшняго дарвинизма составляетъ то, что онъ старается все выводить изъ внѣшнихъ причинъ, и какъ кажется, мало обращаетъ или вовсе не обращаетъ вниманія на внутреннія свойства. Пояснимъ это примѣромъ.

Если, положимъ, будетъ констатированъ фактъ, что полярнымъ странамъ по преимуществу свойственны бѣлыя лисицы, то объясненіе его легко вывести изъ дарвиновскаго принципа. Бѣлый цвѣтъ въ странахъ снѣга служить предохранительнымъ мѣисіу (приспособленіемъ); благодаря ему, животное гораздо легче можетъ спастись отъ преслѣдованій естественныхъ враговъ, а если принять, что таковыя условія имѣютъ мѣсто въ продолженіе довольно долгаго времени, то само собою будетъ понятно, что всѣ остальные цвѣта вымираютъ, и остаются только бѣлыя лисицы. Здѣсь рѣчь идетъ только о внѣшнихъ причинахъ, потому что усовершенствованіе, приспособленіе къ даннымъ условіямъ съ цѣлью самосохраненія есть только результатъ подбора, совершающагося единственно подъ вліяніемъ принудительной силы этихъ условій. Воля, внутреннее свойство животнаго, конечно, вовсе не берутся при этомъ во вниманіе. Въ этомъ случаѣ дарвинизмъ правъ, хотя, чтобъ остаться искреннимъ, онъ долженъ признаться, что сама наследственность, которою онъ объясняетъ такого рода явленія, представляетъ еще неразрѣшимую загадку, есть только слово.

Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ въ томъ случаѣ, если животное избѣгаетъ грозящихъ ему со всѣхъ сторонъ опасностей благодаря тому, что или постоянно возвышается его внутреннее качество—назовемъ ли это качество съ своей точки зрѣнія хитростью, лукавствомъ или осторожностью,—или усовершенствуются его органы защиты, или, же—что постоянно имѣетъ мѣсто—благодаря продолжительному упражненію при отраженіи встрѣчающихся опасностей. Въ данномъ случаѣ физическое и психическое усовершенствованіе—одно

отъ другаго неотдѣлимо — достигается при посредствѣ воли, усилія, энергическаго стремленія къ самозащитѣ и самосохраненію, достигается постепеннымъ развитіемъ, доходящимъ до высшей степени чрезъ рядъ нѣсколькихъ поколѣній.

Не имѣемъ ли мы права въ первомъ изъ этихъ случаевъ видѣть дѣло счастья, какъ бы лоттерейный выигрышъ, а во второмъ — состояніе, нажитое тяжкимъ трудомъ? Тотъ, кто въ послѣднемъ случаѣ видитъ одні вѣшнія, чисто механическія причины, едва ли предчувствовалъ великую проблему теоріи развитія, и ужь, конечно, не понималъ ея; во всякомъ случаѣ его мнѣніе въ философскихъ вопросахъ не можетъ имѣть значенія.

Смѣшеніе вѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ, ложное мнѣніе, что изъ чувственныхъ формъ можно вывести духовное, сознательное, мѣшали дарвинизму произвести серьезную философскую критику своихъ истинныхъ основоположеній и метафизическихъ предположеній. Этотъ догматизмъ сдѣлался для него роковымъ, когда онъ дошелъ до самыхъ смѣлыхъ выводовъ, до самыхъ легкомысленныхъ скачковъ, сравнивая и приводя въ связь вещи, совершенно разнородныя и несравнимыя.

Если животное царство производить изъ органической влѣточки (при чемъ этотъ выводъ замаскировывается очень ловкимъ образомъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: *Accordez-nous seulement ce petit bout, nous en deduirons le reste* ¹⁾), то это обнаруживаетъ вполне наивное непониманіе, съ одной стороны, величія и трудности, а съ другой — истинной сущности проблемы. Такъ, сэръ В. Томсонъ и ученикъ его Гельмгольдъ предполагаютъ, что зародыши органической жизни попали на землю съ отдаленныхъ небесныхъ тѣлъ при посредствѣ метеоровъ, а Геккель считаетъ углеродъ истиннымъ носителемъ жизни. Послѣдній представляетъ очень поучительный примѣръ новѣйшей мнѣологии — *nomina* обращаются въ *nomen*.

Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ трудно понять, что матерія сама по себѣ не можетъ быть исходнымъ пунктомъ теоретическаго познанія міра, что понятіе матеріи образуетъ въ нашемъ познаніи только вторичное, и что непосредственно данныя суть только совѣсть, или вѣрнѣе, сознаніе, чувство и воля?

Когда же наконецъ всѣми будетъ признана та истина, что если, напримѣръ, химикъ показываетъ намъ сродство и соединеніе кисло-

¹⁾ Согласитесь съ нами въ этой малости, а остальное мы вамъ выведемъ.

рода съ водородомъ, кислоты съ основаніемъ, фактъ этотъ кажется намъ совершенно непонятнымъ, пока мы разсматриваемъ его какъ чисто механической процессъ, а какъ только сравнимъ съ аналогичными процессами въ насъ самихъ, напимѣръ, съ дыханіемъ, воспріятіемъ пици и т. п., у насъ является непосредственное сознаніе его, потому что чувствованія, стремленія, желанія, эти психическіе факты, знакомы намъ лучше всего на свѣтѣ?

Еще бѣльшая ошибка и самообольщеніе дарвинистовъ состоятъ въ томъ, что они хотять объяснить человѣка, эту неразрѣшимую загадку сфинкса, эту сокровеннѣйшую тайну вселенной, или изъ внѣшнихъ, то-есть, отрицательныхъ причинъ, или дѣйствіемъ тѣлесныхъ факторовъ. *Love's labour lost* (пропачій трудъ!) и *Much ado about nothing* (много шуму изъ ничего)! можно сказать антропологамъ, которые оглашаютъ мѣръ шумомъ своей муравьиной дѣятельности и надѣются добыть великія истинны и произвести важныя откритія на основаніи измѣреній черепа, извилинъ мозга, голубыхъ или карихъ глазъ, темныхъ или бѣлокурыхъ волосъ. Въ концѣ концовъ вся эта работа вполнѣ заслуженно пойдетъ прахомъ и возбудитъ въ потомкахъ по меньшей мѣрѣ улыбку, въ виду поразительнаго несоотвѣтствія приложенныхъ средствъ съ поставленною цѣлью.

Еще менѣе можно уничтожить бездну, отдѣляющую человѣка отъ животныхъ, такими физиологическими фокусами, какъ брахицефалія и макроцефалія, или произвольными классификаціями, въ родѣ *homo alalus*—терминъ, живо напоминающій *золосідерон*, то-есть, деревянное желѣзо, или тѣмъ доводомъ, что анатомическое строеніе человѣческаго тѣла не обнаруживаетъ ни одного признака, который специфически отличалъ бы его отъ строенія тѣла животныхъ. Послѣдній аргументъ можно прямо обратить противъ теоріи дарвинизма. По крайней мѣрѣ легко вывести такое заключеніе: если нѣтъ рѣшительно никакого различія физическаго между человѣкомъ и животнымъ, то для объясненія несомнѣннаго, громаднаго превосходства перваго надъ послѣднимъ необходимо предположить другую причину, а это поведетъ насъ прямо къ признанію самостоятельной, независимой отъ тѣла субстанціи—человѣческой души.

Я приведу здѣсь одно возраженіе профессора Макса Мюллера дарвинистамъ, котораго онъ держится и до сихъ поръ. Извѣстно, что всѣ съ бѣльшимъ или меньшимъ искусствомъ, съ большею или меньшею справедливостью писавшіе и говорившіе противъ дарвиновской теоріи, впереди всего выставляли имя Макса Мюллера, какъ вѣскій

аргументъ, какъ крѣпкую защиту, и скрываясь за нимъ, направляли слабые выстрѣлы въ геніальнаго виновника этой умственной тревоги. И они въ этомъ случаѣ были правы съ извѣстной точки зрѣнія, такъ какъ, по моему твердому убѣжденію, изъ всѣхъ до сихъ поръ выступавшихъ на полемическую арену съ Дарвиномъ, одинъ Максъ Мюллеръ вполне достойный и даже превосходящій его противникъ.

„Въ природѣ человѣка лежитъ нѣчто, нѣкоторая *qualitas occulta*, если хотите, что отличаетъ его отъ всѣхъ животныхъ безъ исключенія. Это нѣчто мы называемъ разумомъ, когда понимаемъ его какъ внутреннюю дѣятельность, мы называемъ его языкомъ, когда рассматриваемъ, какъ внѣшнее, какъ явленіе. Нѣтъ разума безъ языка, нѣтъ языка безъ разума. Языкъ есть Рубиконъ, отдѣляющій человѣка отъ животныхъ, котораго ни одно животное никогда не переступить. Я убѣжденъ, что въ настоящее время одна только наука о языкѣ въ состояніи дать намъ средство сдержатъ напоръ дарвинистовъ и твердо установить границу, навсегда отдѣляющую человѣка отъ животныхъ. Возьмите самую смышленную обезьяну, отдайте ее подъ присмотръ и руководство человѣка,—она не будетъ говорить, она останется животнымъ, между тѣмъ какъ самый грубый ребенокъ изъ самаго дикаго племени, живя въ человѣческомъ обществѣ, съ раннихъ лѣтъ усваиваетъ эту характеристическую черту человѣка“.

Съ такими-то аргументами и выраженіями сталъ этотъ неустрашимый человѣкъ предъ всѣми оставленною пограничною стѣной, которую, казалось, до основанія потрясли яростныя нападенія дарвинистовъ, и рѣшительнымъ голосомъ сказалъ:

„Здѣсь разумъ, здѣсь языкъ, здѣсь человѣкъ. Никому изъ васъ не дамъ перейти черезъ эту границу, никому не позволю вторгнуться въ это святилище, пока не объяснятъ мнѣ, какъ произошелъ разумъ, языкъ“.

И всѣ противники, съ громкимъ „ура“ производившіе нападенія, умолкли, потому что у нихъ не было отвѣта.

II.

Максъ Мюллеръ и теорія развитія.

Если я сказалъ, что Максъ Мюллеръ есть единственный противникъ Дарвина, превосходящій его силою, то этимъ я вовсе не хотѣлъ сказать, что онъ—противникъ теоріи развитія. Напротивъ, я

ясно различаю, какъ уже и прежде замѣтилъ, дарвинизмъ отъ монистической теоріи развитія.

Въ своихъ превосходныхъ лекціяхъ о Дарвинѣ, замѣчательныхъ какъ поразительною ясностью, такъ и глубиною мыслей, М. Мюллеръ вводитъ въ полемику новый аргументъ, именно дилемму: „Или Кантъ правъ, или Дарвинъ; одинъ исключаетъ другаго“. Но аргументъ этотъ нельзя считать основательнымъ. Правда, Кантъ предполагалъ разумъ, какъ необходимое, несомнѣнное основаніе всякаго познанія, изъ чего легко вывести, что онъ признавалъ его производною способностью, особеннымъ даромъ Божества человѣку. Но изъ многихъ мѣстъ его сочиненій ясно видно, что онъ не признавалъ существованія человѣческаго разума отъ вѣчности, а считалъ его продуктомъ естественныхъ причинъ, результатомъ взаимодействія естественныхъ силъ. Если онъ выставляетъ различіе между „пассивнымъ воспріятіемъ и самодѣятельностію мышленія“, чѣмъ животная жизнь и человѣческій разумъ раздѣляются на двѣ совершенно различныя области, то въ этомъ случаѣ онъ, съ одной стороны, впалъ въ легкомысліе, по замѣчанію Шопенгауера, а съ другой — самъ призналъ, что чувственное воспріятіе и мышленіе, взаимодействіемъ которыхъ осуществляется познаніе, предполагаютъ происхожденіе изъ одного общаго источника.

Не смотря на это, указаніе на Канта было очень кстати, особенно въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ великія открытія автора „Критики чистаго разума“ почти совершенная terra incognita. То же должно сказать и о многихъ представителяхъ дарвинизма въ Германіи, которымъ изъ Канта извѣстно, кажется, только то, что входитъ въ кругъ ихъ специальности, то-есть, на примѣръ, теорія происхожденія вселенной, теорія, которая подъ именемъ канто-лапласовской космогоніи преподается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тотъ важный фактъ, что пока былъ живъ Кантъ, и пока слѣды его генія не исчезли изъ философскихъ системъ, материализмъ не осмѣливался открыть рта, — или упускается ими изъ виду, или игнорируется.

Разумъ, эта свойственная только человѣку способность, отдѣляющая и отличающая его отъ всѣхъ другихъ существъ, есть источникъ и исходный пунктъ познанія, говоритъ Кантъ. Съ нимъ согласенъ и Максъ Мюллеръ, но послѣдній дѣлаетъ при этомъ такое добавленіе: онъ данъ человѣку вмѣстѣ съ языкомъ. Ratio et oratio составляютъ одно, они находятся между собою въ такомъ же отношеніи, какъ тѣло и духъ, какъ внѣшнее и внутреннее; они различимы, но не

раздѣлимы. Безъ языка нѣтъ мышленія; это сознавали Греки, обозначая то и другое однимъ словомъ: *ὁ λόγος*. Поэтому языкъ есть самое вѣрное зеркало человѣческаго духа; въ немъ полнота мудрости, въ немъ бездна въ высшей степени важныхъ объясненій—какъ духовной жизни человѣка въ древнѣйшій періодъ, такъ и культурныхъ отношеній человѣчества въ глубокой древности, отъ которой до насъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ; нужно только вынуть изъ земли этотъ кладъ, а средствомъ къ тому служить наука сравнительнаго языкознанія. И невозможно оцѣнить, невозможно выразить все высокое значеніе этой науки. „Съ справедливою гордостью можемъ сказать, что въ теченіе послѣднихъ столѣтій, или даже пятидесятилѣтій, оріентальныя изслѣдованія болѣе, чѣмъ какая-либо другая область человѣческаго знанія, способствовали измѣненію, очищенію и проясненію умственной атмосферы Европы, расширенію нашего горизонта въ отношеніи всего, что принадлежитъ къ области науки о человѣкѣ, въ отношеніи исторіи, филологіи, теологіи и философіи. Мы не только завоевали новые міры и присоединили ихъ къ прежней области науки, но и древній міръ оживили новыми идеями, которыя теперь составляютъ насущную пищу гимназій и университетовъ“ ¹⁾.

„Посмотрите, что сдѣлано представителями сравнительнаго языкознанія! Востокъ, эта древняя страна сновъ, басенъ и фей, стала страной несомнѣнной дѣйствительности; разорвана завѣса, отдѣлявшая востокъ отъ запада, и наше древнее забытое отечество снова возстаетъ предъ нами въ яркихъ краскахъ и ясныхъ очертаніяхъ. Два міра, въ продолженіе тысячи лѣтъ раздѣленные, вновь соединяются какъ бы волшебнымъ словомъ, и мы чувствуемъ себя богаче въ прошедшемъ, которое можетъ служить предметомъ справедливой гордости для благороднаго Арійскаго племени. Мы уже не скажемъ теперь, какъ прежде, неопредѣленно и поэтически: *Ex oriente lux*; мы знаемъ, что всѣ жизненные элементы нашего знанія, нашей цивилизаціи—наши языки, алфавиты, цифры, наши мѣры и вѣсы, наше искусство, религія, наши преданія до сказокъ явни включительно, идутъ съ востока. Мало того, необходимо признать, что безъ лучей восточнаго свѣта, вызвавшихъ къ жизни скрытые зародыши темнаго и пустыннаго запада, Европа, этотъ истинный свѣточъ міра въ настоящее время, навсегда осталась бы бесплоднымъ, забытымъ

¹⁾ *M. Müller*, *Chips of a German workshop*. Vol. IV, p. 322.

мысомъ первобытнаго азіатскаго континента. Да, мы живемъ въ новомъ свѣтѣ; граница между востокомъ и западомъ, казавшаяся не переходимой, исчезла. Востокъ принадлежитъ намъ, мы наследники его и съ полнымъ правомъ принимаемъ участіе въ его безпомощномъ состояніи.

„Подобно тому, какъ нѣкогда въ умственномъ общеніи грубыхъ сѣверныхъ племенъ съ богатымъ, свѣтлымъ міромъ греческой и римской культуры соединился нѣмецкій и классическій духъ и образовался тотъ потокъ новѣйшей мысли, на берегахъ котораго мы сами живемъ и дѣйствуемъ, такъ теперь въ то же русло стремится новый могучій потокъ ориентализма, и поверхность прежняго потока уже ясно обнаруживаетъ дѣйствіе новаго прилива. Всякій, заглянувъ въ какое-либо изъ наиболѣе видныхъ сочиненій послѣднихъ двадцати лѣтъ, касается ли оно языка, литературы, мѣологии, права, религіи или философіи, на каждой страницѣ замѣтитъ вѣяніе новаго духа. Я не хочу сказать, что востокъ научаетъ насъ чему-либо новому: онъ только раскрываетъ предъ нами старое, изъ котораго мы узнаемъ ученія и свѣдѣнія болѣе чудныя и изумительныя, чѣмъ все, до чего могла додуматься наша философія, и о чемъ могла она мечтать.

„Прежде всего благодаря изученію востока мы узнали то, что узнали нѣкогда сѣверные варвары въ Аѳинахъ и Римѣ, именно, что есть другіе міры, кромѣ нашего, что есть другія религіи, мѣологии, законы, и что исторія человѣческой мысли не исчерпывается исторіей философіи отъ Фалеса до Гегеля. Востокъ представилъ намъ параллели всего этого, то-есть, далъ возможность сравненія, измѣренія и пониманія. Духъ сравненія есть истинно научный духъ нашего или лучше сказать, всякаго времени. Эмпирическое познаніе вещей не есть наука въ собственномъ смыслѣ. Человѣческое познаніе всегда начинается съ двухъ, съ діады, съ понятія двухъ индивидуумовъ, какъ одного. Отдѣльное явленіе можетъ быть совершенно случайнымъ, оно появляется и исчезаетъ, оно необъяснимо для насъ; но какъ только явленіе повторяется, дѣлается первый шагъ въ томъ чудномъ процессѣ, который мы называемъ обобщеніемъ, и который служитъ источникомъ интеллектуальнаго познанія и интеллектуальнаго языка. Первоначальный процессъ сравненія нѣсколько разъ повторяется, и если мы теперь высшему роду познанія во всѣхъ сферахъ науки даемъ названіе сравнительнаго, то этимъ мы только замѣняемъ старинное слово *intelligens* (*inter—legens, inter—ligans*)

„связывающій“ новымъ, болѣе выразительнымъ словомъ. И прежде всего полнымъ преобразованиемъ обязана сравнительному методу наука о языкѣ.

„Какъ греческій языкъ былъ языкомъ человѣчества для XV столѣтія и послѣдующихъ до XVIII, до Лессинга, Гёте и Шиллера, такъ санскритъ есть всемірный языкъ для XIX и будущихъ столѣтій.

„Правда, не пришло еще то время, когда всѣмъ будетъ признано высокое значеніе санскритологій. Но то же самое было нѣкогда и съ греческою филологіей. Когда въ XV вѣкѣ передовые люди того времени стали изучать классическую древность Греціи, это считалось ученою прихотью; дальнѣйшее движеніе встрѣтило сильную оппозицію, даже насмѣшки; громче всѣхъ кричали тѣ, кто меньше всего смыслилъ тутъ. Даже впоследствии, когда изученіе классицизма вошло во всеобщее употребленіе, было введено въ гимназіяхъ и университетахъ, оно имѣло въ глазахъ общества лишь научный интересъ. Теперь мы знаемъ, что возрожденіе греческой науки затрогивало глубочайшіе жизненные корни человѣчества, что оно было дѣйствительно возрожденіемъ того чувства, которое соединяетъ народы, служить связующимъ звеномъ между живыми и мертвыми и такимъ образомъ упрочиваетъ за будущими поколѣніями все интеллектуальное наслѣдіе человѣческаго рода. Безъ этого историческаго сознанія вся человѣческая жизнь была бы эфемерною и пустою. Чѣмъ дальше назадъ оглядываемся мы, тѣмъ болѣе проникаемся сочувствіемъ къ прошедшему, тѣмъ болѣе усвоиваемъ жизнь прошедшихъ поколѣній, тѣмъ болѣе становимся способными продолжать въ свою очередь то дѣло, которое нѣсколько столѣтій назадъ началось въ Афинахъ и Римѣ. Но еще большее, гораздо большее вліяніе, чѣмъ открытіе классическаго міра, произведетъ открытіе санскрита. Оно вновь соединитъ порванныя нити, связывавшія нѣкогда юго-восточныя отрасли арійскаго семейства съ сѣверо-западными, и такимъ образомъ возстановится духовное родство не только германской, греческой и римской отраслей, но и славянской, кельтской, индійской и персидской. Оно обогатитъ умъ человѣка, расширитъ его сердце, увеличитъ кругъ его симпатій, оно по истинѣ сдѣлаетъ насъ humaniores, такъ какъ мы тогда глубже и яснѣе поймемъ, чѣмъ было человѣчество, и чѣмъ оно будетъ. Таковъ истинный смыслъ обширныхъ научныхъ изысканій нашего времени, и хотя оцѣнка ихъ значенія принадлежитъ будущему, тѣмъ не менѣе всякій, кто внимательно слѣдитъ за интеллектуаль-

ными успѣхами человѣчества, не можетъ не видѣть, какъ широко раздвинулся нашъ умственный горизонтъ, благодаря сравнительному изученію языковъ, миеологій и религій. Множество свѣдѣній навсегда по видимому, утраченныхъ, приобрѣли мы вновь, и если новый свѣтъ еще не завоеванъ, то во всякомъ случаѣ завоеваніе его не далеко¹⁾.

Что же привело въ такой неописанный восторгъ этого серьезнаго изслѣдователя, этого неумолимаго работника въ трудно разрабатываемыхъ шахтахъ науки языка, что заставило его въ поэтическомъ одушевленіи, подобно Моисею, смотря съ горы на землю обѣтованную, возвѣщать дѣтямъ и дѣтямъ дѣтей приближеніе новаго, чуднаго, не предвидѣннаго просвѣтленія духовнаго? Что обратило въ new inspired prophet (новаго вдохновеннаго пророка)? А именно увѣренность въ томъ, что съ открытіемъ этихъ новыхъ сокровищъ, большую, если не большую часть которыхъ онъ самъ извлекъ изъ земли въ продолженіе своей многолѣтней честной дѣятельности, человѣчество получить возможность „возстановить утраченный образъ первобытнаго состоянія нашего рода“, увидѣть покрытую мракомъ и мусоромъ тысячелѣтій длинную цѣпь, соединяющую поколѣніе съ поколѣніемъ, столѣтіе со столѣтіемъ, насъ самихъ съ давно исчезнувшими поколѣніями, и достигнуть новыхъ изумительныхъ разъясненій относительно величайшей загадки міра, человѣческаго духа, человѣческаго рода и относительно чудеснымъ, по видимому, образомъ исчезнувшей судьбы его на нашей планетѣ.

Огромныя заслуги Макса Мюллера, какъ издателя Ведъ, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобъ о нихъ нужно было распространяться. 14-го сентября 1874 года онъ представилъ на лондонскій конгрессъ ориенталистовъ послѣдній листъ „Ригъ-Ведъ съ комментаріями Sâunâ-kâgû“, кратко замѣтивъ при этомъ, какого труда стоило ему это исполненное дѣло. Онъ самъ сказалъ объ этой древнѣйшей книгѣ арійскаго міра: „Изданіе этого произведенія было бы невозможно безъ просвѣщеннаго содѣйствія индійскаго правительства. Если сосчитать всѣ мои большія и малыя изданія Ригъ-Ведъ за послѣднія 25 лѣтъ, то на каждый годъ прійдется по одному тому въ восьмую долю листа, страницъ въ 600 приблизительно. Такія изданія разорили бы всякаго книгопродавца, тѣмъ болѣе, что въ Ведахъ мало привлекательнаго, мало того, что возбуждаетъ интересъ въ обыкновенныхъ читателяхъ.“

¹⁾ *M. Muller*, Chips, IV, p. 361.

Никто не ваялся бы за изученіе ведійскихъ гимновъ съ эстетической точки зрѣнія, и ничто такъ не доказываетъ крутого поворота въ направленіи послѣднихъ 25 лѣтъ, какъ то, что съ этого времени изслѣдованія почти всѣхъ санскритологовъ сосредоточиваются на Ведахъ; эстетическій интересъ уступилъ мѣсто научному... Въ первомъ томѣ своего перевода, выпущенномъ въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я съ намѣреніемъ выбралъ такіе гимны, которые наиболѣе характеристичны для первобытнаго грубаго состоянія арійскаго міра; очень интересно было наблюдать при этомъ всеобщее разочарованіе. Неужели—кричали всѣ—эти странныя, грубые, дикія воззванія къ суровымъ божествамъ суть вдохновенные звуки древнихъ мудрецовъ Индіи? Это ли мудрость востока? Это ли откровеніе первобытнаго міра? Даже высокоуважаемые ученые присоединились къ этимъ голосамъ, а друзья мои дали мнѣ понять, что они не потратили бы своей жизни на такую книгу“.

„Теперь предположите, что геологъ досталъ кости ископаемаго животнаго, принадлежащаго тому періоду, въ которомъ до тѣхъ поръ не было открыто никакихъ слѣдовъ животной жизни. Какая-нибудь молодая дама при видѣ ихъ навѣрно не удержится отъ восклицанія: „Да, эти кости очень замѣчательны, но опѣ вовсе не красивы“. Или, положимъ, будетъ открыта новая египетская статуя, принадлежащая еще неизвѣстной до сихъ поръ династіи; при видѣ ея какой-нибудь школьникъ не замедлитъ замѣтить: „Да, она очень красива, но Венера Милосская еще красивѣе“. Когда химикъ откроетъ новый элементъ, неужели онъ достоинъ сожалѣнія, потому что вновь открытый элементъ не золото? Когда ботаникъ описываетъ корни, неужели онъ долженъ оправдываться, почему пишетъ не о цвѣтахъ? Именно потому, что Веды столь отличны отъ того, чего отъ нихъ ожидали, отъ псалмовъ, отъ Пиндара, Бхагаватгиты потому что они совершенно самобытны и открываютъ предъ нами древнѣйшіе зачатки религіозной мысли, каковы они были въ дѣйствительности, потому что они даютъ намъ языкъ болѣе древній и первобытный, чѣмъ какой-либо изъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ, потому что поэзія ихъ груба, дика, отличается несовершенствомъ и даже безобразіемъ формы, — потому-то и должно глубже и глубже рыться, доколѣ не возстанетъ предъ нами древній разрушенный городъ и не покажетъ намъ, чѣмъ былъ человѣкъ, чѣмъ были мы, прежде чѣмъ поднялись на высоту Давида, Гомера, Зороастра, покажетъ намъ колыбель нашей мысли, нашихъ словъ, нашей дѣятельности“.

Къ этимъ словамъ нечего прибавлять; они ясно говорятъ, что для такихъ счастливо и богато одаренныхъ отъ природы натуръ, каковъ Максъ Мюллеръ, изученіе исторіи развитія человѣчества съ самаго ранняго дѣтства до зрѣлаго мужества составляетъ цѣль и задачу, побуждающую ихъ къ неусыпной, неутомимой дѣятельности. Только его зоркій проницательный глазъ могъ замѣтить человѣческіе слѣды въ необъятной дали прошедшаго, гдѣ для болѣе слабыхъ глазъ все сливалось въ туманъ и исчезала пограничная линія, отдѣляющая человѣка отъ животныхъ.

Въ виду важности предмета, я позволю себѣ привести нѣсколько мѣстъ изъ другаго, родственнаго Максу Мюллеру гениальнаго ученаго (который большею частью совершенно самостоятельнымъ путемъ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ и воззрѣніямъ), гдѣ онъ почти буквально тѣми же словами привѣтствуетъ вновь восходящую зарю. Я разумѣю Лазаря Гейгера.

„Изученіе языковъ“, говоритъ этотъ замѣчательный мыслитель ¹⁾,—пріобрѣло въ наше время огромное философское значеніе, такъ какъ оно даетъ намъ ключъ къ объясненію той стороны міра и бытія, куда не можетъ проникать естествознаніе,—оно объясняетъ намъ, что мы такое и чѣмъ мы были, раскрываетъ предъ нами сущность нашего разума и исторіи... Взоры наши въ предчувствіи углубляются въ неизмѣримыя пространства вселенной, и та великая тайна, тайна нашего развитія, смутно уже даетъ намъ знать о себѣ“.

„Вопросъ о томъ, какъ дѣйствовала фантазія народовъ, какими мотивами она руководилась, когда Персы съ такою тревожною заботливостью ухаживали за собаками, а Египтяне для священныхъ набальзамированныхъ труповъ Аписа строили въ Мемфисѣ склепы (скрывающіе 64 поколѣнія ихъ), такъ важенъ для насъ, что мы не интересуемся ученіемъ тогдашнихъ мудрецовъ, хотя имѣемъ полную возможность познакомиться съ ними. Это напоминаетъ мнѣ сообщеніе Макса Мюллера, касающееся самаго важнаго для насъ произведенія санскритской литературы — Ведъ. Когда талантливый безвременно умершій, нѣмецкій ученый Розенъ занимался въ богатой бібліотекѣ остъ-индскаго общества въ Лондонѣ списываніемъ ведійскихъ гимновъ, изданіе которыхъ онъ началъ въ 1838 г., то бывшій тогда въ Лондонѣ браманъ Раммаханъ Раи не могъ надивиться этому предпріятію“.

¹⁾ Geiger, Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit, SS. 2, 12, 14.

тію; „Упанишады“, по его мнѣнію, гораздо болѣе заслуживало бы изданія. Эта позднѣйшая часть Ведъ содержитъ мистическую философію (здѣсь можно видѣть извѣстнаго рода монотеизмъ или пантеизмъ), въ которой индійскій мудрецъ, подобно многимъ другимъ, видитъ нес plus ultra религиозной мудрости. Но для насъ первобытные ведійскіе гимны, вполне языческіе, наивные и часто странные, которыхъ въ тайнѣ устыдился бы нынѣшній образованный Индеецъ, но отъ которыхъ такъ и вѣетъ на васъ прелестною свѣжестью юности человѣчества, они-то и составляютъ для насъ истинный перлъ индійской литературы. Въ нихъ нѣтъ какой-нибудь опредѣленной религиозной системы, но они сами представляютъ какъ бы учебникъ религиозной исторіи человѣчества“.

„Прежде всего заслуживаютъ вниманія зачатки философской мысли въ томъ замѣчательномъ древнемъ собраніи священннхъ пѣсенъ, которое извѣстно подъ именемъ „Rigveda-sanhita“. Сохраненіе ихъ до нашего времени должно считать великимъ счастьемъ для человѣческаго рода, если только сознаніе своего происхожденія и пониманіе законовъ своего бытія справедливо составляетъ для насъ предметъ самаго страстнаго желанія. Совершенно отличныя отъ произведеній извѣстныхъ намъ литературъ, которыя всѣ обнаруживаютъ позднѣйшія формы, или возникавшія на развалинахъ исчезнувшаго времени, или основанныя на взаимодѣйствіи и смѣшеніи произведеній различныхъ народовъ, — гимны эти, напротивъ, открываютъ предъ нами первобытную, чуждую, очевидно, постороннихъ вліяній, свѣжую, юную жизнь человѣчества, не второобразно возникшую изъ разрушенія прошедшаго, а непосредственно происходящую изъ лона природы. Здѣсь предъ нами какъ бы не отвердѣвшій въ словѣ и дѣлѣ духовный образъ, и эта жизнь даетъ намъ полную возможность наблюдать ее въ самомъ процессѣ происхожденія. Потому-то гимны эти даютъ намъ ключъ къ пониманію сообразнаго съ ними развитія не только Индійцевъ, но и всѣхъ родственныхъ народовъ, потому что развитіе этихъ послѣднихъ основывается до извѣстной степени на тѣхъ же началахъ. Мало того, если принять во вниманіе единство развитія всего человѣческаго рода, то нельзя не согласиться, что они же могутъ помочь намъ въ пониманіи всѣхъ созданныхъ мыслительной дѣятельности человѣка, всего содержанія разума, то-есть, до настоящаго времени продолжающихся приобритеній его, начиная съ той эпохи, когда у человѣка впервые стали

образовываться убѣжденія изъ упрочившихся ощущеній, и когда сдѣлались возможны различныя мнѣнія, предположенія или знаніе¹⁾.

„Появленіе языкознанія въ началѣ нашего столѣтія въ качествѣ самостоятельной науки, независимой ни отъ какихъ практическихъ или внѣшнихъ цѣлей, науки о доисторической жизни народовъ, составляетъ въ высшей степени важное событіе въ исторіи человѣчества. Сравненіе языковъ навсегда разсѣяло господствовавшія до сихъ поръ очень темныя представленія о древнѣйшихъ образованіяхъ и переселеніяхъ народовъ. Теперь научились различать родственные народы и получили болѣе вѣрное и точное, чѣмъ естественно-историческіе признаки, основаніе для дѣленія народовъ на племена. Теперь въ безконечной дали прошедшихъ временъ появилась надежда на обстоятельное знакомство съ такою древностью, о самомъ существованіи которой исторія до сихъ поръ умалчивала²⁾“.

Такое полное согласіе двухъ замѣчательнѣйшихъ умовъ нашего столѣтія, такое восторженное (притомъ выраженное почти одними и тѣми же словами) указаніе на новый могучій источникъ знанія, незамѣтно для большинства прорвавшійся нуружу въ наше время, показываетъ, что дѣло касается предмета первостепенной важности. И дѣйствительно, дѣло идетъ объ исторіи развитія человѣчества, о рѣшеніи исконной, величайшей, священной загадки. Рѣшеніе этой загадки представляется теперь возможнымъ только благодаря выводамъ сравнительнаго языкознанія, благодаря чуднымъ, сохранившимся въ генеалогіяхъ словъ и понятій свѣдѣніямъ о человѣческой мысли въ первобытную эпоху, о происхожденіи, ростѣ и созрѣваніи того высокаго единственнаго отличія человѣка, которое все остальное обуславливаетъ и объясняетъ — человѣческаго разума и языка (λόγος).

Кто хочетъ объяснить человѣка, тотъ долженъ прежде всего понять существенную особенность человѣка, долженъ узнать пунктъ, въ которомъ оно сосредоточивается, и откуда должно производять все остальное. Загадка скрывается въ языкѣ; кто вздумаетъ искать ее еще гдѣ-либо, тотъ ошибется.

И такъ, изслѣдованіе развитія человѣчества составляетъ для Макса Мюллера цѣль и задачу жизни, и объясненія этого развитія онъ

¹⁾ Geiger, Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft, I, S. 119.

²⁾ Geiger, Ursprung der Sprache, S. 16.

ищетъ тамъ, гдѣ только можно найдти его, и откуда только и можно вывести его,—въ духѣ, въ мышленіи, то-есть, въ языкѣ. Вопросъ о происхожденіи, о зарожденіи, о первомъ проявленіи этого чуднаго дара опъ оставилъ открытымъ, безъ отвѣта. Онъ старался при помощи тѣхъ средствъ, какія предлагало изслѣдованіе языка, проложить дорогу въ то отдаленное прошедшее, которое до сихъ поръ было покрыто глубочайшимъ мракомъ. А какъ только древнѣйшее состояніе человѣчества представится намъ въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ при свѣтѣ лингвистическихъ изслѣдованій, тогда—думалъ онъ—обстоятельно и съ болѣшимъ расчетомъ! на успѣхъ можно будетъ съ другой стороны производить наблюденія по ту сторону горъ, гдѣ обрывается нить языка.

Понять задачу духа во всей ея глубинѣ, изслѣдовать и прослѣдить ее до послѣднихъ основаній въ самомъ вѣрномъ источникѣ, въ тѣлѣ духа: такое обдуманное и ясное стремленіе должно было бы, по видимому, заслужить одобреніе и благодарность всѣхъ мыслящихъ людей. А между тѣмъ въ пылу битвы, въ разгарѣ страстей не слышно голоса благоразумія; ярые дарвинисты, подобно дѣтямъ, бьющимъ далѣе цѣли, поставленной учителемъ, организуютъ походъ противъ Макса Мюллера, при чемъ поднимается на щитъ тотъ или другой изслѣдователь языка; но убійственный отпоръ противника принуждаетъ ихъ къ быстрому и самому позорному отступленію.

Какъ благородно и величественно въ сравненіи съ этими страстными нападками звучатъ слова Макса Мюллера, которыми онъ сопровождалъ свой протестъ противъ скороспѣлыхъ выводовъ и отрицаній приверженцевъ дарвинизма, и въ которыхъ онъ выставляетъ одинъ интересъ, долженствующій руководить и одушевлять ученаго:

„Вопросъ не въ томъ, кажется ли намъ дикимъ мнѣніе о происхожденіи такихъ различныхъ существъ, какъ человѣкъ, обезьяна, слонъ, колибри, змѣя, лягушка, рыба, отъ однихъ и тѣхъ же предковъ, а единственно только въ томъ, истинно ли это мнѣніе. Если оно истинно, то мы скоро привыкнемъ къ нему. Ссылки на гордость или смиреніе человѣка, на научную смѣлость или религиозную кротость не имѣютъ здѣсь ровно никакого значенія“ (Чтенія о Дарвинѣ).

Въ этихъ двухъ главахъ я, кажется, съ достаточною ясностью, хотя и въ очень общихъ чертахъ опредѣлилъ отношеніе Макса Мюллера къ теоріи развитія, и въ частности, къ дарвинизму. Онъ отступаетъ отъ дарвинистовъ, относится къ нимъ критически тамъ, гдѣ они, упуская изъ виду или легкомысленно игнорируя дѣйствительно

характеристическую черту человѣка — разумъ и языкъ, однѣ внѣшнія причины и переходъ формъ считаютъ достаточными для научнаго объясненія величайшей загадки и чуда вселенной. Противъ односторонности такого мнѣнія положительно высказался и Лазарь Гейгеръ въ слѣдующихъ словахъ: „Мы можемъ возстановить скелеть и даже, можетъ быть, всю внѣшность исчезнувшаго вида животныхъ на основаніи геологическихъ находокъ; мы можемъ на основаніи остатковъ черепа получить общее понятіе о несовершенствѣ развитія первобытнаго человѣчества. Но едва ли на основаніи наблюденія можно составить какое-нибудь понятіе о томъ, какъ стала думать та голова, остатки которой сохранялись въ Неандерталѣ въ видѣ загадки для будущаго времени“¹⁾.

„Къ счастью“, продолжаетъ этотъ гениальный мыслитель, — и исторія духа имѣетъ своего рода допотопные остатки, свои наслоенія и окаменѣлости, представляющія болѣе поучительныя объясненія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Тщательное изслѣдованіе ихъ поведетъ къ неожиданнымъ, можетъ быть, но тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, къ надежнымъ результатамъ“.

Освѣщеніе необъятной бездны нашего прошедшаго, прошедшей жизни нашего духа, какъ онъ запечатлѣлся въ языкѣ и какъ можетъ быть вскрытъ наукой, — это составляетъ жизненную задачу, высочайшую цѣль всѣхъ стремленій Макса Мюллера. Онъ самъ достаточно ясно говоритъ объ этомъ²⁾.

„Всякій человѣкъ составляетъ себѣ планъ жизни, всякій ученый долженъ принадлежать къ извѣстной арміи и имѣть планъ войны, которымъ онъ могъ бы руководиться при выборѣ своего движенія. Я принадлежу къ тѣмъ, которые могутъ сказать вмѣстѣ съ Попомъ: „The proper study of mankind is man“³⁾, и когда я поставилъ себѣ вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть правильный, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе плодотворный методъ для изученія человѣка, то пришелъ къ убѣжденію, что чтобы узнать, что такое человѣкъ, должно прежде всего посмотреть и ясно опредѣлить, чѣмъ былъ человѣкъ и какъ онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ теперь есть“.

¹⁾ Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit, S. 45.

²⁾ Ueber alte Zeiten und Menschen, Vortrag. S. 190.

³⁾ Предметъ, достойный для изученія человѣка, есть человѣкъ.

III.

Языкѣ и разумѣ.

Origin of species (происхожденіе видовъ)—вотъ то волшебное слово, которымъ Дарвинъ взволновалъ умы и раздулъ въ яркое пламя долгое время чуть мерцавшій, и такъ сказать, тлѣвшій подъ золою вопросъ о томъ, искони ли существовали такъ предметы, и особенно органическія существа, или они нѣкогда произошли, какимъ естественнымъ причинамъ обязаны они своимъ существованіемъ, своимъ происхожденіемъ.

Этотъ вопросъ, послѣ того какъ перевели его на почву естественныхъ наукъ и попытались разрѣшить на основаніи огромнаго количества собранныхъ до сихъ поръ наблюденій, принесъ ту неопѣнимую выгоду, что философское мышленіе, дедуктивный методъ заступилъ мѣсто чистаго эмпиризма. Въ свою очередь и этотъ послѣдній, какъ реакція противъ оргій натурфилософіи, также имѣлъ свое высокое значеніе, потому что онъ, какъ совершенный методъ чувственного наблюденія, составляетъ необходимое, прочное основаніе всѣхъ естественныхъ наукъ.

То, что составляетъ сущность вида, какъ показываетъ самое названіе, есть видовое, то-есть, особенное. Особенное обособляется отъ общаго, становится болѣе самостоятельнымъ, специальнымъ, другими словами, приобретаетъ свой характеръ, свою индивидуальность. Поэтому задача теоріи развитія состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи историческаго изысканія все особенное, слѣдовательно—въ органическомъ мірѣ виды, возвести къ болѣе и болѣе общимъ формамъ бытія, прослѣдить ходъ развитія (на сколько это достижимо для ограниченнаго человѣческаго разума), начиная съ безконечнаго разнообразія даннаго и извѣстнаго до первыхъ началъ его. Послѣднею цѣлью стремленій теоріи развитія должно быть достиженіе того момента, скрывающагося въ необъятной дали прошедшаго, когда наша планетная система, этотъ исполинскій паровой шаръ, впервые вышла изъ непробуднаго состоянія всеобщаго и единого, и совершилось первое устройство, откуда потомъ пробудилась къ жизни воля въ безчисленномъ множествѣ индивидуальныхъ существъ для радостей и страданій временнаго существованія.

Этотъ необъятный процессъ происхожденія наполняетъ наше вооб-

раженіе недоумѣніемъ и изумленіемъ, но при видѣ того, какъ все совершается опять спокойно и невозмутимо, нашъ разумъ, увѣренный въ неизмѣнной причинной связи, соединяющей всякій моментъ происхожденія и бытія съ непосредственно предшествующимъ и послѣдующимъ, невольно признаетъ, что все совершается по строгимъ, ненарушимымъ законамъ необходимости. Мы видимъ, что освѣщается мѣсто, заключающее священную мистерію новаго рода, который, какъ призванный къ высшей свободѣ, сознанию и совершенству, занимаетъ исключительное мѣсто среди всей остальной природы, потому что съ появленіемъ его основывается царство сознательнаго духа и жизни, устроенной по сознательному выбору и предусмотрѣнію.

Этотъ новый родъ—человѣчество, а загорающійся свѣтъ, который означаетъ вступленіе его въ міръ,—разумъ. Противоположность между этимъ послѣднимъ и тѣмъ, что мы встрѣчаемъ аналогичнаго въ другихъ существахъ, столь рѣзка, что мы всякій разъ готовы внѣшнія выраженія послѣдняго рода называть на скорую руку естественнымъ стремленіемъ или инстинктомъ. Это, конечно, ничто иное какъ слово, подъ которымъ можно разумѣть все, что угодно, а можно и ничего не разумѣть.

Разумъ, духовная жизнь человѣка, составляетъ новый видъ, не имѣющій себѣ равнаго между всѣми существами природы. Объясненіе происхожденія этого особеннаго вида изъ естественныхъ, общихъ причинъ неконечно составляло величайшую, труднѣйшую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе интересную проблему, съ которою можно сравнить только вопросъ о происхожденіи органическихъ или живыхъ существъ.

Въ основѣ происхожденія и жизни разума долженъ также лежать великій законъ постепенной индивидуализаціи и обособленія, который только и можетъ объяснить непрерывный ходъ міроваго развитія.

То, посредствомъ чего совершаются функціи разума, посредствомъ чего образуется и въ чемъ выражается его внутренняя органическая ткань, средство, при помощи котораго онъ обнимаетъ внѣшній и внутренній міръ, составляютъ тѣ сокровенныя сущности, которыя до сего времени были предметомъ изслѣдованія всякой здоровой философіи. Онѣ называются то платоновскимъ словомъ идеи, то *potiopes*, а чаще всего *conceptus* или понятіями. Онѣ составляютъ исключительную собственность человѣка,—никогда никакое животное не можетъ обладать ими. Поэтому довѣйшіе матеріалисты, говоря о „способностяхъ

животныхъ въ мышленію“, обнаруживаютъ полное незнаніе сущности дѣла или презрительное злоупотребленіе словами.

Понятія становятся возможными только посредствомъ словъ. Звукъ, слово есть внѣшняя сторона, тѣло мысли, разума. Это въ сущности единое, которое однако можетъ быть рассматриваемо съ двухъ сторонъ—внѣшней и внутренней, было еще нераздѣлимо въ понятіи Грековъ, такъ какъ они мышленіе и языкъ обозначали однимъ словомъ—λόγος.

Есть такія истины, которыя на раннихъ ступеняхъ развитія непосредственно сознаются наивнымъ мышленіемъ, но потомъ въ вѣкъ рефлексіи, вслѣдствіе односторонняго направленія въ развитіи мышленія, забываются, такъ что для восстановленія ихъ необходимы большія усилія ума. Къ числу такихъ истинъ принадлежитъ и та великая истина, что мышленіе возможно только при посредствѣ словъ, что безъ языка также невозможно мышленіе, какъ безъ мышленія невозможно языкъ.

Я сказалъ, что эта истина непосредственно сознается дѣтскою мыслью первобытныхъ народовъ. Въ доказательство приведу живописное выраженіе Полинезійцевъ, для которыхъ, по словамъ Фаррара (Farrar), мышленіе есть ничто иное, какъ „языкъ въ чревѣ“ (то-есть, во внутреннемъ). Да и у божественнаго Платона Сократъ даетъ такое же опредѣленіе. „Что разумѣешь ты подъ мышленіемъ?“ спрашиваетъ Тезетъ ¹⁾. Сократъ: „Разговоръ, который душа ведетъ сама съ собою относительно предметовъ своего наблюденія. Конечно, я сообщаю тебѣ, не зная этого. Вѣдь когда она мыслитъ, она дѣлаетъ, и нѣ кажется, ничто иное, какъ разговариваетъ сама съ собою, спрашиваетъ самоѣ себя и отвѣчаетъ, утверждаетъ и отрицаетъ“.

Какимъ же образомъ забыта эта, инстинктивно сознававшаяся человѣчествомъ, истина? А произошло это отъ того, что въ вѣкъ рефлексіи и схематизма привыкли понятію или мысли, какъ внутреннему, духовному, противопоставлять слово, какъ звуковой образъ. Еще болѣе упрочилось это заблужденіе, благодаря тому представленію, что понятія составляютъ *gricus*, что они независимо отъ слова существовали въ человѣческомъ духѣ, а слова суть только знаки, внѣшнее выраженіе тѣхъ самостоятельныхъ сущностей. „Философы издавна разошлись съ истиной, отъ того что раздѣляли то, что соединила природа, и наоборотъ“, говоритъ Гаманъ.

¹⁾ Platon, Theaiteth, cap. 32.

„Понятіе причины“, говоритъ Гете, — „служить источникомъ безконечнаго заблужденія“. Если поближе всмотрѣться въ это изреченіе, то легко понять, что оно имѣетъ приложеніе ко всѣмъ основнымъ заблужденіямъ, въ которыя вотъ уже тысячелѣтія, какъ запутался человѣческой умъ, и отъ которыхъ онъ освободится не прежде, чѣмъ узнаетъ глубокой метафизическій источникъ ихъ. „Тѣло есть причина духа“, со временъ Демокрита и Эпикура повторяютъ на вѣру всѣ материалисты; не могутъ понять того, что причинное отношеніе можетъ существовать только между одинаковыми *qualia*, но никоимъ образомъ непримѣнимо къ нераздѣлимо-единому. „Духъ, есть причина тѣла“, говорятъ со временъ Платона всѣ идеалисты, и имъ не остается иного выбора, какъ или признать міръ за фантазму, за созданіе ихъ воображенія, или для устраненія пропасти между тѣломъ и духомъ придумывать такіе смѣлые фокусы, какъ *concurus divinus* или предустановленная гармонія. Напротивъ, монизмъ Спинозы, критика разума Канта и теорія воли Шопенгауера заключаютъ въ себѣ слово освобожденія, потому что для этихъ могучихъ мыслителей въ ихъ метафизическихъ предположеніяхъ міръ и познаніе его служили предметомъ изученія.

Если одну сторону вещей взять исходнымъ пунктомъ и изъ нея выводить другую, то запутаешься въ неразрѣшимыя противорѣчія, *circulus vitiosus* тутъ неизбѣженъ. Съ такимъ противорѣчіемъ встречаемся мы и при объясненіи важнѣйшей, истинно человѣческой способности человѣка. Въ безконечномъ круговращеніи вертится колесо Иксіона, когда говорятъ или: „разумъ, потомъ языкъ“, или: „языкъ, потомъ разумъ“. Та истина, что *ratio et oratio* составляютъ одну сущность, что они различаются только потому, съ какой точки зрѣнія разсматривается это единое, разумѣется ли внутренняя, духовная, или внѣшняя тѣлесная сторона его, эта истина, какъ бы опредѣленно и убѣдительно ни высказывали ее знаменитѣйшіе мыслители послѣдняго пятидесятилѣтія, не успѣла еще укорениться въ умахъ даже тѣхъ, кто спеціально посвятилъ себя рѣшенію великой проблемы человѣческаго духа, не говоря уже объ обыкновенныхъ образованныхъ людяхъ.

Самымъ могущественнымъ защитникомъ этой истины является Максъ Мюллеръ. Какъ нѣкогда великій ученикъ Спинозы, Гете въ простыхъ, исключаящихъ всякое сомнѣніе или недоразумѣніе словахъ высказалъ основное положеніе монизма: „Нѣтъ духа безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ духа“, столь же опредѣленно и ясно говоритъ и

Магъ Мюллеръ ¹⁾: „Without speech no reason, without reason no speech (нѣтъ языка безъ разума, нѣтъ разума безъ языка). Интересно видѣть, съ какими усиліями многіе мыслители соглашаются допустить это положеніе и стараются избѣгать такого вывода, а все отъ вліянія того же языка, который въ большей части новѣйшихъ идиомовъ произвелъ два слова, одно—для языка другое—для разума, и потому говорящій на одномъ изъ этихъ языковъ приходитъ къ тому заключенію, что между ними есть существенное различіе, а не формальная только разница“.

Далѣе, по поводу остроумныхъ замѣчаній Локка (который, кажется, первый до Гердера обратилъ вниманіе на неразрывную связь между языкомъ и мышленіемъ и потому въ видѣ вспомогательнаго средства для разума желалъ серьезнаго критическаго разбора словъ, чтобы непониманіемъ извѣстныхъ выраженій не вводились въ заблужденіе какъ слушатели, такъ и самъ говорящій) М. Мюллеръ говоритъ: „Во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ, безъ всякаго сомнѣнія, много правды, но говоря строго, также невозможно употреблять слова безъ мыслей, какъ и думать безъ словъ. Даже тѣ, кто на вѣтеръ болтаетъ о религій совѣсти и т. п. вещахъ, все-таки имѣютъ хотя смутныя представленія о значеніи тѣхъ словъ, которыя произносятъ, и еслибъ они перестали съ произносимыми словами соединять какія-либо понятія, какъ бы ни были не совершенны и ложны эти послѣднія, мы не могли бы сказать о нихъ, что они говорятъ,—въ такомъ случаѣ они только производили бы шумъ. Это положеніе имѣетъ мѣсто и на оборотъ. Безъ языка можно видѣть, ощущать, удивляться вещамъ, но ни на одинъ мигъ не могутъ безъ языка осуществиться даже такія простыя, представленія, какъ бѣлый или черный“.

Вся неясность и запутанность, всѣ безконечные споры о томъ, можно ли животнымъ, не говорящимъ дѣтямъ, необразованнымъ глухонѣмымъ приписать разумъ и способность мышленія, суть только споры о словахъ и происходятъ отъ того, что съ этими словами не соединяютъ опредѣленнаго, яснаго, имъ соотвѣтствующаго содержанія, а употребляютъ ихъ въ общемъ, туманно-неопредѣленномъ смыслѣ, „Дитя, прежде чѣмъ выучится говорить, также хорошо знаетъ различіе между сладкимъ и горькимъ, какъ впоследствии (когда начнетъ говорить) знаетъ, что полинь и сахаръ не одно и то же. Дитя воспринимаетъ ощущеніе сладости, радуется ему, воспоминаетъ о

¹⁾ Lectures on the Science of language, II, p. 73.

немъ, желаетъ его повторенія; но оно не знаетъ, что такое сладость, оно погружено въ свои ощущенія, въ свои радости и воспоминанія, оно не можетъ смотрѣть на нихъ со-внѣ¹⁾, оно не можетъ судить, не можетъ говорить о нихъ²⁾.

Согласно съ этимъ говорить и Лазарь Гейгеръ³⁾: „Какимъ образомъ происходитъ, напримѣръ, понятіе красный? Видѣть, что кровь красна, а молоко бѣло, не трудно. Но абстрагировать красноту крови отъ общаго впечатлѣнія, въ красной ягодѣ найти то же самое понятіе, сопоставить по одному этому признаку, при различіи въ другихъ отношеніяхъ, красную ягоду съ красною кровью, бѣлое молоко съ бѣлымъ снѣгомъ — это нѣчто совершенно другое, этого не дѣлаетъ ни одно животное, потому что въ этомъ-то и состоитъ мышленіе.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ парадоксальному, по видимому, положенію. Такъ называемыя общія понятія суть нѣчто особенное, нѣчто исключительно свойственное человѣческому разуму; они обнимаютъ и заключаютъ весь міръ, по скольку онъ входитъ въ предѣлы познавательной способности человѣка; но они могутъ осуществиться только при посредствѣ своихъ тѣлесныхъ эквивалентовъ, осмысленныхъ звуковъ или словъ. Языкъ не одежда только, но тѣло разума. *Without speech no reason, without reason no speech* (нѣтъ языка безъ разума, нѣтъ разума безъ языка).

Не трудно поэтому понять, отъ чего до сихъ поръ не удавались всѣ попытки объяснить человѣческій разумъ, построить удовлетворительную психологическую систему или теорію познанія. Причина этого въ томъ, что человѣческій разумъ понимали какъ абсолютное, не подлежащее дальнѣйшему объясненію, не старались искать желаннаго объясненія въ его исторіи, въ его прошедшемъ. А между тѣмъ сравнительное языкованіе, которое есть ничто иное, какъ изученіе исторіи этого самаго разума, представляетъ драгоцѣнное средство для достиженія страстно желанной цѣли. Вырвите какое угодно животное изъ непрерывнаго ряда живыхъ существъ, попробуйте раз-

¹⁾ Эту мысль я высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: «Языкъ даетъ человѣку точку зрѣнія внѣ вещей и на вещи». Полное обоснованіе ея можно найти въ моемъ сочиненіи: *Einführung und Begründung der monistischen Erkenntnistheorie*, S. 9577.

²⁾ *Max Müller*, I, c., S. 77.

³⁾ *H. Geiger*, *Ursprung der Sprache*, S. 110.

смаивать его само въ себѣ—оно останется для васъ вѣчною загадкою. А какъ членъ постепеннаго ряда развитія, оно можетъ быть объяснено на основаніи всего, что ему предшествовало, на основаніи безконечно далекаго прошедшаго.

Такимъ образомъ то, что Дарвинъ сдѣлалъ для организмовъ, должно перейти на тѣ органическіе образы, которые мы называемъ человѣческими понятіями, концепціями разума или словами. Дѣло идетъ, слѣдовательно, о новомъ Origin of species. Всякое понятіе, великое слово, появляющееся съ ходомъ развитія, есть нѣчто новое, особенное, болѣе специальное и индивидуальное; оно никогда не можетъ быть понято само въ себѣ, какъ происшедшее изъ ничего чрезъ generatio aequivoca. Какъ новый элементъ разума, происшедшій въ непрерывной послѣдовательности изъ прежнихъ элементовъ, оно возвышаетъ, поднимаетъ и обогащаетъ ту духовную силу, которую мы называемъ разумомъ, а какъ принципъ объясненія, какъ знакъ и памятникъ роста этого разума, оно нѣсколько освѣщаетъ густой покровъ тайны, скрывающій его. Углубляясь такимъ путемъ въ прошедшее, мы будемъ получать все болѣе и болѣе прѣстые элементы, пока наконецъ при помощи изученія языка въ соединеніи съ дедуктивнымъ, философскимъ мышленіемъ не достигнемъ той узкой области, гдѣ нѣтъ болѣе мышленія и языка, и гдѣ поэтому должно искать колыбели и происхожденія разума.

Поэтому этимологія или изслѣдованіе корней, наука, основанная и прекрасно воодѣланная нѣмецкимъ трудолюбіемъ, составляющая гордость и радость нашего столѣтія, совершенно, по видимому, чуждаго идеальныхъ стремленій, можетъ теперь обѣщать намъ въ высшей степени важныя и изумительныя объясненія относительно нашего собственнаго существа, нашей доисторической жизни и того пути, какимъ человѣческій духъ достигъ теперешней силы, ясности и совершенства.

Языкъ представляетъ собою чудное зеркало прошедшей жизни нашего рода, его вѣшникъ состояній и приключеній; наука о языкѣ простираетъ свои лучи и въ ту непроглядную тьму первобытныхъ временъ, откуда не доходитъ до насъ никакого другаго свидѣтельства. Въ этомъ отношеніи достойною ея сестрой является палеантропология, наука о доисторическомъ человѣкѣ, потому что мысль человѣческая запечатлѣвается на жилищахъ, орудіяхъ, оружій, утвари—во всемъ этомъ проявляется она и до сихъ поръ говорить о себѣ разумному, воспримчивому чувству изслѣдователя. Но болѣе ясная,

гораздо болѣе важныя свѣдѣнія сохраняются въ словахъ, этихъ *vestiges of language* (слѣдахъ языка), потому что они простираются туда, гдѣ обрывается и нить доисторическаго изслѣдованія, гдѣ человѣкъ жилъ безъ орудій, безъ огня, безо всѣхъ тѣхъ приспособленій, которыя мы привыкли считать необходимыми атрибутами чело-вѣчества.

„Высокое наслажденіе“, говоритъ Максъ Мюллеръ ¹⁾,—„заключается въ наблюденіи различныхъ измѣненій словъ по формѣ и значенію, въ то время какъ они по теченію Ганга или Тибра изливались въ великій океанъ чело-вѣческихъ языковъ. Въ VIII столѣтіи до Р. Х. латинское нарѣчіе ограничивалось еще незначительною областью. Оно было только однимъ изъ множества тѣхъ нарѣчій, которыми говорили въ различныхъ частяхъ Италіи. Но оно мощно выросло, оно сдѣлалось языкомъ Римлянъ и Рима... Оно стало языкомъ правосудія и администраціи въ цивилизованныхъ частяхъ сѣверной Африки и Азіи, а провозвѣстниками христіанства было распространено и въ отдаленнѣйшихъ странахъ вселенной. Въ своемъ побѣдномъ шествіи оно вытѣснило туземныя нарѣчія Галліи, Испаніи, Португаліи; послѣ тщетной попытки уничтожить живучіе идіомы Германскихъ племенъ оно осѣло на поверхности ихъ толстымъ слоемъ иностранныхъ словъ и такимъ образомъ составило большую половину словаря почти всѣхъ цивилизованныхъ народовъ міра. Слова, которыя первоначально раздавались въ устахъ италійскихъ пастуховъ, употребляются теперь англійскими государственными людьми, французскими поэтами, нѣмцами философами, а отдаленное эхо того пастушескаго языка можно слышать въ Вашингтонскомъ сенатѣ, въ Калькуттскомъ соборѣ, на ново-зеландскихъ поселеніяхъ.“

„Такимъ образомъ мы узнаемъ, какъ въ языкахъ отражается исторія народовъ, и какъ почти каждое слово, надлежащимъ образомъ анализированное, можетъ намъ разсказать о многоразличныхъ превратностяхъ, какія испытало оно на своемъ пути изъ Средней Азіи въ Индію или въ Персію, въ Малуя Азію, Грецію, Италію, Россію, Германію, Галлію, Британскіе острова, Америку и Ново-Зеландію,—о превратностяхъ по истинѣ изумительныхъ, которыя среди этихъ странствій по вселенной, можетъ быть, опять приведуть его въ Индію и долины Гималая, откуда вышло оно тысячи лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторыя слова такимъ образомъ обошли весь свѣтъ и еще, можетъ

¹⁾ Lectures, II, p. 274.

быть, не разъ обойдутъ его. Хотя при такомъ распространеніи слово измѣняется по формѣ и значенію, такъ что не остается ни одной буквы прежней, а значеніе становится прямо противоположнымъ первоначальному, замѣчательно однакоже, что съ вачала міра къ существеннымъ элементамъ языка также мало присоединилось новаго, какъ и къ существеннымъ элементамъ природы. Въ языкѣ происходитъ постоянная смѣна—появленіе и исчезновеніе словъ, но никто не можетъ изобрѣсти совершенно новаго слова. Въ сущности мы говоримъ тѣмъ же языкомъ, какимъ говорили родоначальники нашего племени. Руководимые научною этимологіей, мы можемъ пройти отъ столѣтія къ столѣтію чрезъ самыя темныя періоды всемірной исторіи, пока потокъ языка, по которому мы сами плывемъ, не приведетъ насъ къ тѣмъ отдаленнымъ странамъ, гдѣ мы какъ будто чувствуемъ присутствіе самыхъ отдаленныхъ своихъ предковъ и какъ будто слышимъ голоса землерожденныхъ сыновъ Ману¹⁾.

Но въ языкѣ, въ тщательно разбираемыхъ и разслѣдуемыхъ наукою шахтахъ его не одна только исторія внѣшняго міра, матеріальнаго, такъ сказать, состоянія человѣчества въ первобытную эпоху—гораздо важнѣе онъ для насъ какъ зеркало, какъ памятникъ ощущеній, мыслей, чувствованій давно исчезнувшаго времени. Въ этомъ отношеніи языковѣдѣніе стоитъ совершенно отдѣльно отъ другихъ наукъ, не нуждается въ помощи никакой другой науки и ни одной изъ нихъ не можетъ уступить этого, исключительно ей принадлежащаго дѣла.

Исторія языка, какъ уже прежде замѣтилъ я,—есть исторія развитія самого человѣческаго разума. Въ виду этого мы въ правѣ ожидать отъ языковѣдѣнія драгоцѣнныхъ объясненій относительно прошедшей жизни разума, а вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденія отъ многихъ заблужденій и страданій, въ которыя вовлечено человѣчество, благодаря путаницѣ въ словахъ и неясности мысли при употребленіи ихъ. Предоставимъ опять говорить Максу Мюллеру²⁾:

„Еслибы кто пожелалъ изслѣдовать, какое вліяніе производятъ слова, простые слова на человѣческій умъ, тотъ могъ бы написать исторію міра болѣе поучительную, чѣмъ какая-либо изъ существующихъ у насъ.

„Я говорю здѣсь не о томъ очевидномъ злоупотребленіи языка,

¹⁾ Lectures, II, p. 286.

²⁾ Lectures, II, p. 573.

когда писатели вмѣсто того, чтобы дать созрѣть своимъ мыслямъ и потомъ расположить ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, поражаютъ васъ напыщенностью тяжелыхъ, двусмысленныхъ, загадочныхъ выраженій и фразъ, которыя, если не другими, то по крайней мѣрѣ ими самими считаются признакомъ глубокой учености и высшимъ выраженіемъ философской мысли. Это святилище невѣжества и тщеславія уже значительно утратило свой блескъ, и тѣ мыслители или ученые, которые не могутъ выразить того, что хотятъ сказать, логически правильно и понятно, въ настоящее время мало имѣютъ надежды прослыть хранителями таинственныхъ сокровищъ мудрости. *Si non vis intelligi, debes negligi*. Я напротивъ имѣю въ виду такія слова, которыя всѣми употребляются, и по видимому, такъ ясны и понятны, что требованіе подвергнуть ихъ изслѣдованію можетъ показаться нѣкотораго рода дерзостью. Интересно однакожъ наблюдать, какъ измѣнчиво значеніе словъ, какъ оно мѣняется съ каждымъ столѣтіемъ и какъ даже въ устахъ почти всякаго говорящаго получаетъ особый, хотя бы и слабый отгѣнокъ. Такія слова, какъ природа, законъ, свобода, необходимость, тѣло, субстанція, матерія, церковь, государство, откровеніе, вдохновеніе, знаніе, вѣра, то и дѣло раздаются при спорахъ, какъ будто каждый знаетъ и употребляетъ ихъ въ томъ же смыслѣ, какъ и другой. А между тѣмъ большинство, услышавъ эти выраженія въ дѣтствѣ, первоначально соединяетъ съ ними самыя неопредѣленные понятія, потомъ время отъ времени присоединяетъ нѣчто новое къ ихъ содержанію, даже исправляетъ, можетъ быть, случайно нѣкоторыя ошибки, но никогда не старается образовать изъ нихъ, такъ сказать, прочнаго капитала, никогда не изслѣдуетъ исторически эти выраженія, съ которыми такъ свободно обращается, никогда прочно не усваиваетъ ихъ значенія со стороны содержанія и объема въ смыслѣ логическаго опредѣленія. Часто говорятъ, что большинство споровъ вершится на словахъ. Это совершенно справедливо, и имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Споры о словахъ вовсе не то, за что ихъ иногда считаютъ,—не ничтожныя, формальныя, виѣшнія или случайныя недоразумѣнія, которыя можно устранить поясненіемъ или ссылкой на словарь Джонсона. Споры эти происходятъ отъ болѣе или менѣе совершеннаго, полного и правильнаго пониманія присущаго словамъ внутренняго содержанія: не языкъ только, но и умъ встрѣчаетъ постоянно новыя затрудненія.

„Здѣсь для языковѣда“, продолжаетъ Максъ Мюллеръ ¹⁾, послѣ множества весьма удачныхъ примѣровъ того, въ какія странныя самозаблужденія былъ вовлеченъ человѣческій умъ, благодаря собственнымъ же своимъ созданіямъ, словамъ,—„открывается обширное поле дѣятельности. Его дѣло и обязанность—доискаться первоначальнаго значенія каждаго слова, прослѣдить его исторію, его измѣненія по формѣ и значенію въ философскихъ школахъ или на рынкѣ и въ судѣ. Онъ долженъ показать, какимъ образомъ часто подъ однимъ словомъ разумѣются различныя понятія, или какъ одно и то же понятіе обозначается различными словами.... Исторія такихъ словъ, какъ знать и вѣрить, конечное и безконечное, дѣйствительное и необходимое, могла бы болѣе, чѣмъ что-либо другое, содѣйствовать очищенію философской атмосферы“.

Только историческая критика словъ можетъ дать намъ средства для эмпирическаго изслѣдованія разума. Эту задачу языковѣданія ясно созналъ и высказалъ Максъ Мюллеръ; такой именно смыслъ имѣетъ глубокомысленное, до сихъ поръ мало оцѣненное положеніе его: „Вся будущая философія будетъ исключительно философіей языка“.

Всякая великая истина, соврѣвшая въ сознаніи извѣстнаго времени, хотя первоначально съ полною ясностью сознается одною гениальною головою, въ первый разъ высказывается съ силой убѣжденія однимъ краснорѣчивымъ, пылающимъ любовью къ истинѣ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе появляется не вдругъ, какъ созданіе изъ ничего. Нерѣдко бываетъ, что два родственные мыслителя, не зная другъ о другѣ, одновременно высказываютъ одну и ту же мысль. Исторія наукъ указываетъ намъ не одинъ примѣръ такого рода, начиная со спора о первенствѣ Ньютона или Лейбница до объясненія гіероглифовъ, съ открытія кислорода до формулированія принципа сохраненія силъ, который въ послѣднее время надѣлалъ столько шуму и теперь совершенно справедливо носить имя скромнаго великаго мыслителя Роберта Мейера. Подобнымъ же образомъ и нѣсколько разъ упомянутый нами Лазарь Гейгеръ независимо отъ Макса Мюллера ясно высказалъ рѣшительное слово всей будущей философіи — „эмпирическое изслѣдованіе разума посредствомъ критики языка“, ясно и твердо намѣтивъ въ своихъ глубокомысленныхъ трудахъ основныя линіи будущаго зданія.

Но эта мысль имѣетъ и предшественниковъ: болѣе или менѣе

¹⁾ Lectures, II, p. 621.

сно просвѣчиваетъ она въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по этому предмету, пока наконецъ не прорывается подобно грозѣ и не очищаетъ атмосферы отъ удушливыхъ паровъ тысячелѣтнихъ заблужденій и предубѣжденій. Въ числѣ превозвѣстниковъ мюллеро-гейгеровской теоріи должно прежде всего назвать знаменитаго, къ сожалѣнію, едва замѣченнаго современниками (такъ какъ шеллинго-гегелевская фразеологія всецѣло господствовала тогда надъ умами и подавляла всякую здоровую мысль) и еще менѣе одѣннаго ими Теодора Вайтца. Въ доказательство того, что идея историческаго развитія мышленія и разума ясно сознавалась имъ, достаточно будетъ привести нѣкоторыя мѣста изъ его сочиненій:

„Согласно съ Кантомъ“, говоритъ онъ ¹⁾,— „задачу философіи я полагаю въ томъ, чтобы установить такую науку, которая составляетъ основаніе всякаго знанія и объясняетъ послѣдующее изъ предыдущаго А до того времени всякую теорію я считаю бесплоднымъ умствованіемъ.“

„Ни критика, ни еще менѣе построеніе, ни соединеніе того и другаго не можетъ привести къ желанной цѣли: исполнить это можетъ только исторія развитія духовной жизни.“

„Я старался основать психологію на несомнѣнныхъ фізіологическихъ фактахъ, чтобы на будущее время она, а съ нею и вся философія, была независима отъ споровъ философскихъ школъ, которые вершатся на неопредѣленныхъ общихъ понятіяхъ. Объ этихъ понятіяхъ очень легко спорить, потому что подъ ними каждый можетъ разумѣть нѣчто иное, чѣмъ другой, пока исторія предшествующаго развитія не установитъ яснаго различія между правильно и неправильно образованными понятіями. Всякая теорія, не основывающаяся непосредственно на опытѣ, всегда будетъ и останется предметомъ спора“.

Еще яснѣе высказался Вайтцъ въ своихъ лекціяхъ по психологіи: „Вопреки другимъ философскимъ наукамъ психологія имѣетъ дѣло съ обоснованіемъ, потому что наши понятія имѣютъ одну общую исторію образованія, отъ которой вполне и всецѣло зависитъ ихъ содержаніе. Научными становятся понятія только послѣ того какъ будетъ доказано, что они не индивидуальны и потому случайны образы — продукты безсознательнаго процесса, необходимые

¹⁾ Grundlegung der Psychologie. Vorwort.

результаты развитія, совершавшагося по тѣмъ общепризнаннымъ законамъ, которымъ повсюду и всецѣло подчиняется развитіе духовной жизни⁶.

Такимъ образомъ Вайтцъ сознавалъ, что должно сдѣлать,—не зналъ онъ только, какъ, какимъ средствомъ можно достигнуть цѣли. Съ неутомимо дѣятельною энергіей обратился онъ сначала къ общей, потомъ къ сравнительной психологій, и наконецъ, къ антропологій, въ области которой и создалъ колоссальное, составившее эпоху сочиненіе: *Die Anthropologie der Naturvölker*. Онъ и не подозрѣвалъ другаго, гораздо болѣе богатаго, чистаго и плодотворнаго источника, изъ котораго должна почерпнуть свои данныя исторія развитія человѣческаго разума. Честь открытія этого источника принадлежитъ Максу Мюллеру и Лазарю Гейгеру.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛЕГЕНДЫ О ВѢЧНОМЪ ЖИДѢ И ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ ТРАЯНѢ.

Gaston Paris, *Le Juif Errant*. Paris. 1880 (Extrait de l'Encyclopédie des sciences Religieuses).

— *La légende de Trajan*. Paris. 1878.

Обыкновенно полагаютъ, что легенда о Вѣчномъ Жидѣ была распространена въ Европѣ въ теченіе среднихъ вѣковъ, и эта мнимая древность давала поводъ искать въ ней глубокое, мистическое содержаніе. На самомъ дѣлѣ она не встрѣтилась пока ни въ греческихъ, ни въ славянскихъ апокрифахъ, ни въ преданіяхъ восточнаго христіанства, ни въ легендахъ латинскаго запада. Популярность Вѣчнаго Жида ограничена Германіей, скандинавскимъ сѣверомъ, Нидерландами и Франціей, но и здѣсь она сравнительно недавняго происхожденія и распространилась путемъ не устнаго, а литературнаго преданія. Таковы отрицательные результаты изслѣдованія Г. Париса, веденнаго съ его обычною трезвостью и отличающимся его критическимъ тактомъ. Съ точки зрѣнія нашихъ поэтическихъ привычекъ, эти результаты являются отрезвляющими: мы такъ привыкли къ Гетевскому Фаусту и къ Агасверу современныхъ поэтическихъ воспроизведеній средневѣковой легенды, что невольно переносимъ наше пониманіе на ея начала, бѣдныя поэзіей, еще болѣе бѣдныя философскою идеей.

Г. Парисъ прослѣдилъ исторію легенды отъ ея перваго проявленія до той формы, какую она получила въ началѣ XVII вѣка въ Германіи, когда за героемъ ея упрочилось, въ числѣ другихъ, имя Агасвера, и онъ представился неутожимымъ, безконечнымъ странни-

комъ, не знающимъ покоя. Что это роковое блужданіе явилось новымъ поэтическимъ элементомъ легенды — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, какъ и въ томъ, что первичная легенда о томъ ничего не знала. Г. Парисъ предполагаетъ, съ большою вѣроятностью, что эта первичная легенда могла принадлежать къ разряду тѣхъ апокрифическихъ, которыя по-своему досказывали тотъ или другой эпизодъ евангельской исторіи, почему бы то ни было возбудившій вниманіе и дѣятельность фантазіи. Такъ создались средневѣковныя разказы объ Іудѣ и Пилатѣ, объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ и Вероникѣ, наконецъ, о Малхѣ, которому апостоль Петръ отсѣкъ ухо, и котораго излѣчилъ Спаситель. Во всѣхъ французскихъ мистеріяхъ, говоритъ Г. Парисъ, — Малхъ представляется принимающимъ участіе въ мученіяхъ Христа, забывъ оказанныя ему благодаренія ¹⁾; въ отрывкѣ французскаго *Fiegarbas*, приведенномъ у того же изслѣдователя, Малхъ очутился Маркомъ: онъ первый поставилъ Христа къ столбу, у котораго Его бичевали, забывъ, что Христосъ исцѣлилъ его отъ проказы. Оттого, будто бы, проказа и стала неисцѣлимою.

Этотъ разказъ переводитъ насъ къ италіанскимъ преданіямъ о Малхѣ или Маркѣ, распространеннымъ въ Венеціи, Неаполѣ, Сициліи, гдѣ его имя стало даже нарицательнымъ: *Navi 'na faccia di lu Judeu Marcu* (у него лицо, что у Еврея Малха). По преданію, онъ былъ изъ числа тѣхъ, что бичевали Христа; когда Христа вели въ домъ Пилата, онъ ударилъ Спасителя по ланитѣ желѣзною рукавицей. За то онъ осужденъ пребывать въ подземномъ склепѣ и вѣчно, безъ устали, ходить вокругъ столба: вѣроятно, того столба, къ которому привязанъ былъ Христосъ, замѣчаетъ Г. Парисъ. Говорятъ, что отъ его непрестаннаго хожденія полъ такъ осѣлся, что столбъ кажется выше прежняго; а ходитъ Малхъ непрестанно съ той поры, какъ пострадалъ Спаситель, и будетъ ходить до страшнаго суда, и бьется головой о стѣну и топчетъ ногами и жалуется, а умереть не можетъ.

Ту же или сходную легенду, только съ измѣненіями, разказалъ въ 1228 году какой-то армянскій архіепископъ Матвѣю Парижскому; его спросили „объ Іосифѣ, имя котораго часто поминается въ людской бесѣдѣ, который присутствовалъ при страданіяхъ Спасителя, говорилъ съ нимъ, и до сихъ поръ живетъ, во свидѣтельство истины нашей

¹⁾ См. палача Малха въ нѣмецкихъ пересказахъ житія св. Маргариты.

вѣры". Архіепископъ увѣрялъ, что знаетъ лично Іосифа, который незадолго передъ его отъѣздомъ раздѣлилъ съ нимъ трапезу; о немъ онъ сообщилъ слѣдующее: во время суда надъ Христомъ, Іосифъ, называвшійся тогда Картафиломъ, былъ привратникомъ преторіи Пилата; когда Евреи влекли осужденнаго ими Спасителя мимо вратъ преторіи, Картафилъ ударилъ Его въ спину и сказалъ съ презрительной усмѣшкой: „Иди же скорѣе, Іисусъ! что Ты таеъ медлишь?“—Христосъ посмотрѣлъ на него строго: „Я иду“, возразилъ Онъ,—„а ты будешь ждать Моего возвращенія“. И Картафилъ ждетъ до сихъ поръ пришествія Христова; ему было около тридцати лѣтъ при смерти Спасителя: всякій разъ, какъ ему минетъ сто лѣтъ, на него нападаетъ немощь, кажущаяся неизлѣчимою, онъ впадаетъ въ какое-то изступленіе, но затѣмъ снова становится здоровъ и молодъ, какимъ былъ въ пору крестной смерти. Его крестилъ Аванія, что крестилъ и апостола Павла, и въ крещеніи онъ нареченъ Іосифомъ. Обыкновенное его пребываніе въ двухъ Арменіяхъ и въ другихъ странахъ Востока; онъ живетъ въ обществѣ епископовъ и духовныхъ лицъ, ведетъ святую жизнь, говоритъ мало и обдуманно и лишь отвѣчая на вопросы: тогда онъ разказываетъ о быломъ, объ обстоятельствахъ смерти Спасителя, разказываетъ серьезно и проливая слезы. Вся его надежда на то, что согрѣшилъ онъ по невѣдѣнію.

Таковъ разказъ армянскаго архіепископа, сохранившійся въ двухъ вариантахъ, мало разнствующихъ одинъ отъ другаго. Вниманіе останавливаетъ названіе: Картафила-Іосифа. Г. Парисъ принимаетъ объясненіе: Картафилъ=*χάρτα φίλος*, то-есть, много-любимый. Апостолъ Іоаннъ былъ „много-любимымъ“ ученикомъ Спасителя, и о немъ сложилось преданіе, что онъ не умеръ. Поводомъ къ тому было толкованіе нѣкоторыхъ евангельскихъ изреченій (Іоанн. XXI, 22; Матѣ. XVI, 28; Лука IX, 27; Маркъ IX, 1), понятыхъ въ томъ смыслѣ, что нѣкоторые изъ свидѣтелей земной жизни Спасителя были чудеснымъ образомъ избавлены отъ смертной доли. „Эту участь представляли себѣ то наградой, то наказаніемъ, вотъ почему ее приписывали то любимому ученику Спасителя, которому, полагали, она ясно была предсказана, то наоборотъ, человѣку, особенно провинившемуся передъ Христомъ“,—на котораго, добавимъ мы, было перенесено имя „много-любимаго?“ Это поднимаетъ вопросъ о мѣстности, гдѣ состоялось перенесеніе, и гдѣ, надо полагать, реальное значеніе имени было непонятно—иначе трудно представить себѣ самую возможность такого перенесенія. Очевидно, что совершилось оно не на западно-европей-

свой почвъ, гдѣ легенда съ именемъ Картафила впервые стала известна въ разказѣ армянскаго архіепископа. Если Матвѣй какъ будто обличаетъ болѣе раннее знакомство съ нею, то это не болѣе какъ хвастовство челоѣка, желавшаго прикрыть этимъ заявленіемъ свое незнаніе — толкуетъ Г. Парисъ. Слова хроникера вызываютъ, впрочемъ, и другія соображенія: „Спросили его (то-есть, архіепископа) о томъ Іосифѣ, имя котораго такъ часто слышится въ людской бесѣдѣ“ Разумѣется—Іосифъ Картафилъ, и Г. Парисъ подсказываетъ, что, быть можетъ, древняя легенда объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ, чудесно сохраненномъ въ темницѣ, куда посадили его Евреи, была однимъ изъ элементовъ, изъ которыхъ сложился типъ Іосифа-Картафила. Двойное объясненіе представляется мнѣ возможнымъ: либо Матвѣй, знавшій Іосифа Аримаѣйскаго по апокрифу—и по романамъ о св. Гралѣ—сблизилъ его имя съ Картафиломъ армянской легенды, что объяснило бы и двойное наименованіе его, и увѣренность, что именно „того Іосифа“ онъ зналъ и раньше; либо имя Іосифа находилось уже въ разказѣ армянскаго архіепископа. Если допустить послѣднее, и совмѣстно, вліяніе легенды объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ, то сближеніе совершилось уже на Востокѣ, и можетъ быть, на другихъ основаніяхъ, чѣмъ какія предположены были выше: Іосифъ Аримаѣйскій „многлюбимый“ (если держаться этимологии: *картаφίλος*), сохраненный въ темницѣ, какъ свидѣтель Христова Воскресенія, могъ быть смѣшанъ съ другимъ Іосифомъ, проступившимся передъ Спасителемъ и также сохраненнымъ — но съ цѣлью кары. Я ставлю это пока—какъ гипотезу. Разказъ армянскаго архіепископа, говоритъ Г. Парисъ,—въ теченіе долгаго времени оставался мертвою буквою на страницахъ Матвѣя Парижскаго и Филиппа Мускэ, сохранившаго другой его изводъ; въ средніе вѣка онъ не былъ популяренъ, его не знаютъ ни мистери, ни проповѣдники, ни поэты. Лишь въ началѣ XVII вѣка память о Вѣчномъ Жидѣ обновляется и на этотъ разъ получаетъ широкое распространеніе—въ нѣмецкой книгѣ объ Агасверѣ. Авторъ ея воспользовался данными Матвѣя Парижскаго, но имя Картафила-Іосифа замѣнилъ другимъ. Въ XVII же вѣкѣ записана была венеціанская легенда, сходная по типу съ известною намъ о Малхѣ, но съ именемъ Іосифа и мѣстомъ дѣйствія въ Іерусалимѣ: тамъ онъ живетъ въ криптѣ и только то и дѣлаетъ, что бьется о стѣну и бьетъ себя въ грудь. Принадлежитъ ли здѣсь имя Іосифа вліянію редакціи Матвѣя Парижскаго (первое изданіе его *Historia Major* относится къ 1571 г.)? Г. Парисъ склоняется въ пользу этого мнѣнія, не допуская, чтобы

венеціанская легенда объ Іосифѣ, помѣщенномъ въ подземной криптѣ, была дѣйствительно восточнаго происхожденія? Какъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, что нѣтъ болѣе древнихъ упоминаній о ней?

Отвѣта на эти вопросы можно ожидать отъ болѣе пристальнаго изученія памятниковъ отреченной литературы. Пока приведемъ одно интересное малорусское повѣрье—о лунѣ. Въ продолженіе четырехъ недѣль луна перерождается, съ нею вмѣстѣ перерождаются и Жиды, которые распяли Спасителя и стояли на стражѣ у гроба Господня въ Іерусалимѣ. Жиды эти и до настоящаго времени стоятъ въ томъ же положеніи и на вопросы проходящихъ: „Коли ты вродився“,—отвѣчаютъ: „вчера“; „Коли ты умрешь“,—отвѣчаютъ; „завтра“¹⁾. Какъ видно—это народное усвоеніе легенды о Малхѣ-Іосифѣ-Картафилѣ: нѣтъ безконечнаго блужданія, какъ въ повдѣйшемъ разказѣ объ Агасверѣ; Жиды стоятъ на стражѣ у гроба Господня, какъ Малхъ въ подземельѣ и Іосифъ венеціанскаго сказанія въ Іерусалимской криптѣ. Какъ Картафилъ не можетъ умереть, а болѣетъ каждыя сто лѣтъ, чтобы возродиться—снова, такъ съ каждымъ луннымъ мѣсяцемъ возрождаются и Жиды. Фазы луны объяснялись ея обмираніями, за которыми слѣдовала вереница безконечныхъ возрожденій и обмираній; оттого пристроилась къ нимъ легенда о вѣчно живущихъ и вѣчно молодѣющихъ Жидахъ въ Іерусалимѣ, и здѣсь же объясненіе нѣкоторыхъ суевѣрныхъ представленій, привававшихся къ мѣсяцу. Одно изъ самыхъ обычныхъ и распространенныхъ толкуетъ пятна на лунѣ Каиномъ и Авелемъ; это Каинъ, убившій брата и державшій его на вилахъ, вѣрять въ Малороссіи. Каинъ—это первый Вѣчный Жидъ, говоритъ вслѣдъ за Шѣбелемъ, Г. Парисъ: совершивъ убійство, онъ блуждаетъ по землѣ, нося на челѣ знаменіе, предохраняющее его отъ насильственной или отъ неестественной смерти. Въ народномъ представленіи онъ могъ явиться какъ вѣчный, только обмирающій по временамъ скиталецъ: оттуда его мѣсто на лунѣ. Убийцу Авеля не могла пріютить ни земля, ни вода и никакое другое мѣсто, говоритъ малорусское повѣрье, а пріютилъ, безъ воли Божіей, мѣсяцъ: оттого у него на челѣ отпечатокъ страшнаго грѣха Каинова, и онъ осужденъ каждыи мѣсяцъ рождаться, расти и умирать²⁾. Въ

¹⁾ Труды этнограф. стат. экспедиціи въ зап. русск. край.—Юго-западный отдѣлъ.—Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ, т. I, вып. I, стр. 10—11.

²⁾ Л. с., стр. 9 и 11.

апокрифическомъ житіи св. Георгія святой нѣсколько разъ умираетъ, чтобы снова ожить чудеснымъ образомъ; его можно было также перенести на луну, какъ типъ чего-то вѣчнаго, лишь порой обмирающаго. Въ такомъ представленіи коренится, быть можетъ, малорусское повѣрье, загадочное лишь съ формальной стороны: фаза луны происходитъ будто бы отъ того, что тамъ находится заслонка, которою завѣдываетъ св. Юрій: онъ постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ ее, оттого и происходятъ переменны мѣсяца.¹⁾—какъ польское преданіе представляетъ его себѣ на лунѣ, гдѣ онъ сидитъ, играя на лютнѣ, и болгарская сказка помнить его въ какихъ-то темныхъ отношеніяхъ къ мѣсяцу.

Болѣе интереса, съ точки зрѣнія славянскихъ повѣрій, представляетъ другое изслѣдованіе Г. Париса: о западныхъ сказаніяхъ объ императорѣ Траянѣ. Было бы крайне желательно, чтобы подобный трудъ былъ предпринятъ для восточныхъ, греко-славянскихъ легендъ о томъ же лицѣ, хотя работа въ этой области представить гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ предпринятая Г. Парисомъ: придется орудовать не съ письменными свидѣтельствами, позволяющими опредѣлить вѣковой ростъ легенды и услѣдить условія ея измѣненій въ исторіи, а съ зыбкимъ преданіемъ народной пѣсни, сказки и мѣстной саги.

Въ представленіяхъ средневѣковаго запада императоръ Траянъ явился съ типомъ праведнаго царя, правдолюбца. Легенда о томъ, какъ онъ разсудилъ дѣло вдовицы, сохранившаяся въ записяхъ VIII и IX вѣковъ, восходитъ, по крайней мѣрѣ, къ VI столѣтію: Она сводится къ слѣдующимъ чертамъ: Траянъ отправлялся на войну, когда его остановила вдовица, прося его правосудія: у ней убили единственнаго сына. Императоръ обѣщаль ей сдѣлать это по своемъ возвращеніи. А что, если ты не вернешься? возразила она; смущенный этими словами, Траянъ слѣвъ съ коня и тотчасъ же сотворилъ судъ.—Этой легендѣ суждена была въ средніе вѣка большая популярность, выразившаяся цѣлымъ рядомъ приращеній и украшеній, которымъ она послѣдовательно подвергалась. Такъ преступникомъ, котораго приходилось судить императору, оказывался его собственный сынъ, и Траянъ либо осуждалъ его на смерть, либо отдавалъ вдовицѣ на мѣсто ея собственнаго сына, чтобы быть ей поддержкой и кормильцемъ; наконецъ, въ разказѣ Эненкеля (1250 г.) легенда о правосудіи Трая-

¹⁾ L. o. стр. 9—10.

на смѣшалась съ такою же, и не менѣе извѣстною, о философѣ Залевкѣ, издавшемъ законъ, чтобы всякому, опозорившему дѣвушку, выкалываемы были оба глаза, и когда виновнымъ оказался его собственный сынъ, осудившемъ и его на подобную казнь, которую—по просьбѣ—мудрецовъ, онъ смягчилъ въ томъ смыслѣ, чтобы одинъ глазъ былъ выколото у провинившагося, а другой—у него самого. Это сказаніе и подставилось, вмѣсто обычнаго, въ легенду о правосудіи Траяна, какъ передаетъ ее Эненкель.

Но вернемся къ ея первичной формациі. Англо-саксонское преданіе, относящееся, вѣроятно, еще къ VI—VII вѣкамъ, и греческое, ложно приписанное Іоанну Дамаскину, хотя немногимъ болѣе позднее, заставляетъ папу Григорія Великаго удивиться подвигомъ милосердія императора-язычника. Однажды, говоритъ латинская легенда,—когда папа проходилъ по форуму Траяна и узрѣлъ изображеніе его праведнаго суда, онъ пролилъ о немъ слезы и взмолился къ божественной благодати. Во снѣ ему было откровеніе, что его молитвами душа Траяна спасена, но что ему, Григорію, не слѣдуетъ впредь просить о душѣ некрещеннаго язычника. Средневѣковые и позднѣйшіе богословы спорили о томъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это спасеніе праведной души Траяна; но намъ важны общія очертанія древней легенды, зародившейся, по всей вѣроятности, изъ народнаго истолкованія какого-нибудь барельефа, гдѣ изображался, быть можетъ, побѣдосный Траянъ съ женскою фигурой, аллегоріей побѣжденной страны, простертой у его ногъ. Народъ истолковалъ это изображеніе въ связи съ подвигомъ правосудія, который Діонъ Кассій разсказываетъ объ императорѣ Адрианѣ, и который, подобно многимъ другимъ, былъ перенесенъ на болѣе популярнаго Траяна. Папа Григорій, какъ человѣкъ своего времени, могъ раздѣлять съ другими эту народную интерпретацію памятника, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ умилился и даже помолился о Траяновой душѣ. Могутъ возразить, что это немисливо со стороны того самаго папы, который училъ, что не слѣдуетъ молиться о невѣрныхъ; что умиленіе надъ загробной судьбой язычника несоединимо съ его отвращеніемъ ко всему, напоминавшему язычество, съ его выговоромъ одному епископу за то, что онъ читалъ и толковалъ *Виргилія*, и т. п. Но человѣкъ полонъ противорѣчій, замѣчаетъ Г. Парись, — а Григорій Великій извѣстенъ съ этой стороны всякому, изучавшему его жизнь и произведенія.

Не представляетъ ли южно-славянское преданіе, богатое воспо-

минаніями о какомъ-то Троянѣ, какого-нибудь слѣда легенды спасенія правосуднаго царя-язычника предстательствомъ святого? Я знаю одну только параллель, которую передаю съ подобающею осторожностью,—въ болгарскихъ пѣсняхъ о чудѣ св. Георгія, приуроченномъ къ какому-то Троянскому граду, гдѣ властвуетъ царь-язычникъ, Латинъ, дочь котораго святой спасаетъ отъ змѣя, а царя и народъ крестить. Если подъ Троянскимъ кралемъ разумѣется Траянъ, и пѣсня нарушила историческій синхронизмъ, заставивъ св. Георгія крестить его, то западная легенда о папѣ Григоріѣ и Траянѣ пришла, вслѣдствіе богословскихъ соображеній, къ такому-то анахронизму. Никто не можетъ быть спасенъ внѣ крещенія, говоритъ Вильгельмъ Оксеррскій († 1230), и въ этомъ смыслѣ измѣняетъ древнее сказаніе: будто бы по молитвѣ Григорія душа Траяна вновь вселилась въ его тѣло, послѣ чего папа крестилъ ожившаго, душа котораго, вновь покинувъ свою земную оболочку, могла удостоиться райскаго блаженства. Еще далѣе пошелъ въ томъ же смыслѣ Тома Аквинскій, заставивъ душу Траяна оживить тѣло новаго человѣка, который былъ крещенъ и своею христіанскою жизнью заслужилъ спасеніе. Это, какъ бы, западная редакція болгарскаго преданія, которому комбинація св. Георгія съ Траяномъ была понятнѣе и яснѣе, чѣмъ сопоставленіе послѣдняго съ папой Григоріемъ. Замѣтимъ, что болгарскія пѣсни, напечатанныя Миладиновыми, записаны, главнымъ образомъ, въ южной Болгаріи, а одна изъ пѣсенъ о чудѣ, № 31, въ Кукушѣ, къ сѣверу отъ Солуны, гдѣ древняя церковь св. Георгія обращена была, какъ полагаютъ, въ христіанскій храмъ изъ языческаго, посвященнаго императоромъ Траяномъ „великимъ богамъ“.

Молитва папы Григорія вызвана была воспоминаніемъ о праведномъ судѣ Траяна; каковъ былъ внутренній мотивъ чуда св. Георгія именно съ королемъ отъ Трояна?

Профессоръ Кирпичниковъ два раза коснулся въ своей диссертациі ¹⁾ одной нѣмецкой повѣсти, представляющей, по его словамъ, сводъ поэмы о Георгіѣ, принадлежащей Рейнботу фонъ-Дюрну, съ легендой о чудѣ святого надъ змѣемъ. Остается пожалѣть, что авторъ не далъ намъ болѣе подробнаго изложенія этого текста, до сихъ поръ покоющагося въ рукописи. Именно для нашего вопроса онъ представляется важнымъ. Въ Индіи, въ городѣ Силене, властвуетъ

¹⁾ Св. Георгій и Егорій Храбрый. С.-Пб. 1879, стр. 32 и 56—57, прим. 1.

праведный царь (der gerecht künig), издавший законъ, чтобы всякому, обидѣвшему женщину, выкалываемы были оба глаза. Въ такомъ проступкѣ оказался виновнымъ его сынъ, наслѣдникъ престола, и отецъ, не задумываясь, присудилъ и его къ тому же наказанію. Народъ въ отчаяніи: какъ ими будетъ управлять слѣпой царь? Тогда „der gerecht künig“ рѣшилъ дѣло такъ: одинъ глазъ пусть выколятъ преступнику, другой ему, царю. Это—знакомый намъ разказъ о Залевкѣ, на чтѣ и указано было г. Кирпичниковымъ. Къ этому разказу примыкаетъ пришествіе въ Силене Георгія и его побѣда надъ змѣемъ, котораго умилоствляли жертвами по совѣту божества „ab-got“; ему обречена и дочь праведнаго царя-язычника, избавляемая святымъ.

По какимъ побужденіямъ пристроилась легенда о чудѣ Георгія къ-царю правдолюбцу? Объединенію могло способствовать сходство имени: въ разказѣ о судѣ—имя Залевка, Селевка и т. п.; въ легендѣ о чудѣ—имя Сельвія, Селевка, какъ названъ царь въ греческомъ и русскихъ его текстахъ. Г. Кирпичниковъ указалъ еще на одинъ весьма вѣроятный поводъ къ объединенію—на ассоціацію представлений: „царь, жертвующій наравнѣ съ гражданами, въ силу своего слова, единородною дочерью, напомнилъ писцу справедливаго царя“. Слѣдуетъ, быть можетъ, забыть о „писцѣ“ нѣмецкой повѣсти и понять ассоціацію нѣсколько иначе: царь, дочь котораго освобождалъ Георгій, котораго онъ креститъ, могъ представиться дѣйствительно того заслуживающимъ своею житейскою праведностью, какъ такая же черта въ жизни Траяна вызвала молитвы о немъ папы Григорія Великаго. Если бы нѣмецкая повѣсть, сохранившаяся въ рукописи XV вѣка, не являлась пока одиночнымъ показателемъ особой версіи чуда, и мы считали бы упроченнымъ наше сближеніе Залевка и Селевка, мы напомнили бы благовѣрнаго царя Селевкія отреченнаго сказанія о братствѣ Христа, гдѣ онъ является наслѣдникомъ Августа, чающимъ увидѣть Господа. О немъ и о его сынѣ Провѣ разказывается то же, чтѣ о Товии и Товитѣ: Провѣ излѣчиваетъ ослѣпшаго отца, свою бѣсноватую жену и больнаго сына желчью и утробой рыбы, данной ему Христомъ, съ которымъ онъ побратался на пути, слова котораго сохранилъ въ сердцѣ: „на се бо приидохъ, да възведу тя въ домъ твой и отца твоего“, „въздадите Божія Богови, а кесарева то кесареви“. Все это онъ перекказалъ, вернувшись, отцу, но Иисусъ „уклонился“ отъ нихъ, а Селевкій говоритъ: „Во истину то

есть Богъ, Его же чаемъ хотящаго явитися. И нача вѣровати, чая явленія Христова" ¹⁾).

Каковы бы ни были источники нѣмецкой повѣсти, намъ важно соединеніе чуда св. Георгія съ разказомъ о праведномъ царѣ. Сближенная съ римскимъ преданіемъ о Георгіѣ и Траянѣ, она позволяетъ поставить вопросъ: не объяснить ли приуроченіе чуда къ королю отъ Трояна-града въ болгарскихъ пѣсняхъ такою же ассоціаціей представлений, какая выше была предположена для Залевка — Селевка? Если въ этихъ пѣсняхъ исчезла идея праведности, и наоборотъ, усиленъ мракъ языческаго невѣрія, то это можно объяснить общимъ источникомъ болгарскихъ и русскихъ стиховъ (и одного относящагося сюда польскаго преданія), проведеннымъ религіозною рознь между отцомъ-язычникомъ и дочерью-христіанкой. Эта рознь вызывала на дальнѣйшее распространеніе — во вредъ не вѣрующему отцу, что должно было повести къ затемнѣнію основнаго состава стиха. Если не принять въ расчетъ аналогію съ римскимъ сказаніемъ, то внесеніе Трояна-града въ пѣсни о чудѣ св. Георгія можно объяснить обычнымъ въ народныхъ преданіяхъ приуроченіемъ къ имени историческаго лица, почему бы то ни было оставшагося въ народной памяти. Съ этой точки зрѣнія изученіе славяно-румынскихъ легендъ о Троянѣ можетъ пролить много свѣта на спорные вопросы народной поэзіи — и на извѣстныя аллювіи въ Словѣ о полку Игоревѣ. Что въ нихъ разумѣется романо-славянскій Траянъ — это мнѣніе раздѣляетъ большинство русскихъ изслѣдователей; назову изъ новѣйшихъ лишь гг. Дринова, В. Миллера и Потебню. Аналогіи съ южно-славянскимъ преданіемъ представляются блестящія — если вывести изъ контекста Слова упоминанія Трояновой тропы, земли и вѣжковъ Трояна; оставленныя на мѣстѣ, въ общей связи изложенія, они вызываютъ рядъ недоумѣній. Вотъ почему я противопоставилъ ходячей гипотезѣ — другую ²⁾, въ видахъ уясненія вопроса, который начинаютъ считать какъ бы порѣшеннымъ, обходя затрудненія ссылкой на пробѣлы и спутанность въ дошедшей до насъ редакціи памятника. Эту ссылку можно

¹⁾ Я цитую по тексту, напечатанному А. Поповымъ въ первомъ прибавленіи къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Хлудова (М. 1875), стр. 38—40.

²⁾ Новый взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1877 г., августъ, стр. 296 слѣд.

будеть прибережь, какъ послѣднее убѣжище, въ томъ случаѣ, еслибы изслѣдованіе славяно-романскихъ преданій о Троянѣ не принесло ничего къ болѣе точному разрѣшенію вопроса.

Важно въ особенности изслѣдованіе мѣстныхъ сказаній. О нихъ мнѣ довелось сказать нѣсколько словъ по другому поводу ¹⁾: „Мѣстная сага рѣдко переносится съ мѣста на мѣсто, и во всякомъ случаѣ трудно приурочивается къ новому окруженію. Сходство между такими мѣстными сказаніями всего естественнѣе объяснить сходствомъ условій, опредѣлившихъ, независимо другъ отъ друга, ихъ возникновеніе“. Существуютъ, такъ сказать, типическія мѣстныя саги, привязывающіяся однѣ къ кладамъ, другія къ происхожденію валовъ и кургановъ, въ генеалогіи какого-нибудь строенія, моста, переправы и т. п. Кто-нибудь да устроилъ все это, зарылъ кладъ, провелъ гигантскую борозду по землѣ; подсказывалось какое-нибудь лицо изъ народнаго повѣрія; тамъ, гдѣ въ народныхъ воспоминаніяхъ удержалось имя какого-нибудь историческаго дѣятеля, такого великаго строителя, какъ императоръ Траянъ, оно по неволѣ выдвигалось на первый планъ, становясь на мѣсто сказочнаго анонима. Заключать изъ содержанія подобнаго рода сказаній о томъ, либо другомъ содержаніи народнаго типа Трояна будетъ по крайней мѣрѣ не безопасно.

Существуетъ особый циклъ мѣстныхъ сагъ, который я назвалъ бы береговыми; онѣ привязывались къ проливамъ, переправамъ, мостамъ. Сюда относится извѣстная поэтическая легенда о Геро и Левандрѣ и персидское преданіе о „Дѣвичьемъ мостѣ“ черезъ Кызыль-Узень: будто этотъ мостъ велѣла построить царица, обитавшая въ „Дѣвичьемъ замкѣ“ на одной сторонѣ рѣки, чтобъ ее могъ посѣщать съ другаго берега пастухъ, который до тѣхъ поръ принужденъ былъ перебираться къ своей милой вплавь. Какъ построили мостъ, такъ прекратились посѣщенія дотошнѣ вѣрнаго любовника. Къ такимъ же береговымъ преданіямъ относится и слышанное Heuzeu у Трикардокастро (древн. Opiadae) на Ахелоѣ: когда-то жилъ тамъ принцъ удивительной красоты, обитавшій постоянно въ подземномъ дворцѣ, потому что не могъ переносить солнечнаго свѣта: онъ причинилъ бы ему смерть; оттого его называли Безсолнечнымъ, Ἀνήλιος. Всякій разъ, какъ наступала ночь, онъ отправлялся по ту сторону рѣки, въ замокъ вол-

¹⁾ См. статью мою: Греческій романъ (по поводу книги *Родс*), *Ж. М. Н. Пр.*, 1876, ноябрь, стр. 137.

шебницы Ирины (Κορὰ Ῥήνη), гдѣ теперь видны развалины древняго этолійскаго города Плеврона. Непріятно ей было, что принцъ покидалъ ее задолго до восхода солнца, и вотъ она пустилась на хитрость: всѣмъ пѣтухамъ въ околѣдѣ свернула голову. Такъ обманула она Анилія: отправившись въ путь позже обыкновеннаго, онъ едва успѣлъ достигнуть брода на Ахелѣѣ, какъ взошло солнце, и онъ погибъ ¹⁾. Совершенно такая же легенда, слышанная въ Бессарабіи Гавстаузенемъ, приурочена къ двумъ берегамъ Дуная и также къ переправѣ; имя главнаго дѣйствующаго лица—царь Троянъ, онъ живетъ по ту сторону рѣки, а по сю—царица, бѣлая княгиня. Троянъ любилъ ее и каждый вечеръ отправлялся къ ней, а домой возвращался до восхода солнца. Захотѣлось царицѣ увидѣть его днемъ; его конь всегда ранѣе, до восхода солнца, давалъ знать, что пора въ путь; царица распорядилась всыпать ему овса на разсвѣтѣ, и конь не заржалъ. Когда взошло солнце, и конь, и всадникъ исчезли ни въѣсть куда. Съ именемъ Трояна то же сказаніе является локализованнымъ еще и въ третій разъ, и не на переправѣ черезъ Дунай, а на горномъ перевалѣ, при чемъ внѣшнимъ поводомъ новаго приуроченія могло быть названіе города Трояна, развалины котораго лежатъ выше Дворишта, на горѣ Церѣ, раздѣляющей Зворникъ и Шабачъ. Ходъ разказа тотъ же: солнце растопило Трояна ²⁾.

Сербская сказка о ночной побѣдѣ Трояна не разъ служила къ его миеологической характеристикѣ, какъ и другая, перенесшая на него преданіе о Мидасѣ, съ тою разницею, что у послѣдняго уши оказались ослиными, а у Трояна—ковъи. Томашекъ ³⁾ впервые указалъ, что такая легенда о Троянѣ известна была уже въ византійскомъ мірѣ: уже Тцетцесъ знаетъ не изъ книгъ, а по разказамъ, о козлиныхъ ушахъ царя и старается объяснить эту сказку либо его похотливостью, либо отвагой, съ какою онъ преслѣдовалъ враговъ Рима въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ, куда забираются одни козлы. Joh. Tzetzes Chiiad., II, Histor. 34, V, 95 и слѣд.:

Ῥατὰ δὲ Τραϊανὸν λέγουσιν ἔχειν τράγου·

Ῥοπαρ αὐτὸς οὐκ εὐρηκα γραφαῖς ἐγγεγραμμένον·

¹⁾ B. Schmidt, Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder, Leipzig. 1877, стр. 30—31.

²⁾ Новый взглядъ на Слово о Полюкѣ Игоревѣ, I. с., стр. 288.

³⁾ Zeitschrift für die oesterreichischen Gymnasien 1877, p. 679.

Ἦ τῆ ἐκ μόνης ἀκοῆς ἐρᾶν τινῶν εὐθέως·
 Ὀχευτικὸς γὰρ ὁ ἀνὴρ δίχην αὐτῶν τῶν τράγων,
 Κἂν συνετῶς μετήρχειτο καὶ τὰς τοιαύτας μίξεις·
 Ἦ τῆ στρατεύειν κατ' ἐχθρῶν κατὰ δυσβάτων τόπων,
 Τῆ μόνον ἐνωπίσασθαι Ῥώμης ἐχθροὺς τυγχάνειν·
 Χαίρει γὰρ τράγος τοῖς χρημνοῖς καὶ τοῖς δυσβάτοις τόποις·

Белеръ ¹⁾ полагаетъ, что перенесеніе на Трояна козлиныхъ ушей и легенды о Мидасѣ, обусловлено было простымъ созвучіемъ: Τρῶα-νός и—τράγος.

Вокругъ Траяна-Трояна южно-славянскаго преданія собралось множество сказочныхъ чертъ, но для меня онѣ объединяются пока не его народно-миѳическою сущностью, свѣтлою или темною—по усмотрѣнію, а историческимъ именемъ, на которое безразлично переносили и мѣстное сказаніе, и старую сказку, и можетъ быть, чудо св. Георгія съ змѣемъ. Траяна христіанина и его войны противъ невѣрныхъ знаютъ румынскія пѣсни, сохранившіяся преимущественно среди горцевъ и до сихъ поръ еще не изданныя ²⁾.

¹⁾ R. Köhler въ *Jenaer Lit. Zeitung* 1878, Art. 298.

²⁾ A. Graf, *Dell'epica neo-latina primitiva*, I, стр. 41. Графъ упоминаетъ какія-то пѣсни о Диоклетіанѣ и самъ приводитъ начало одной слышанной имъ пѣсни объ Александрѣ Македонскомъ (I. е., стр. 118—119). Въ виду вопроса, поднятаго у насъ, о возможномъ вліяніи Александріи на составъ русскаго былиннаго эпоса, знакомство съ этою пѣсней было бы желательно. Не стоитъ ли она въ зависимости отъ румынской Александріи, переведенной, какъ полагаетъ Графъ, съ какой-нибудь греческой? Замѣтимъ по этому поводу, что какъ въ сербской повѣсти объ Александрѣ его конь (Буцефалъ) названъ Дучипаломъ, такъ и въ румынскихъ словаряхъ—Ducipalù.

Александръ Веселовскій.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Обращаясь въ третій разъ къ задачѣ сопоставленія и объясненія источниковъ для изученія внутренняго соціального строя Византійскаго государства ¹⁾, мы намѣрены посвятить настоящую статью обзорнѣю грамотъ и юридическихъ актовъ, относящихся къ монастырямъ и монастырскому землевладѣнію и обнародованныхъ въ значительномъ (хотя все—еще недостаточномъ для цѣлей и запросовъ научныхъ) количествѣ только въ самое послѣднее время. Наиболѣе важнымъ явленіемъ въ этой области ученаго труда слѣдуетъ, конечно, считать четвертый томъ изданія, предпринятаго Миклошичемъ и Мюллеромъ: *Acta et diplomata graeca mediae aevi*, заключающій въ себѣ акты трехъ византійскихъ монастырей, процвѣтавшихъ въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ. По числу и разнообразію документовъ, этотъ томъ, появившійся еще въ 1871 году, представлялъ и до сихъ поръ представляетъ небывалый и безпримѣрный подарокъ византинистамъ, осужденнымъ вообще оплакивать скудость матеріала именно для внутренней исторіи и проклинать варварство Турокъ, виновное въ истребленіи многочисленныхъ греческихъ монастырей съ ихъ рукописными сокровищами. 239 документовъ всякаго рода: императорскихъ хрисовуловъ (золотыхъ грамотъ) и указовъ, межевыхъ описей, купчихъ и вкладныхъ актовъ, опредѣленій и приговоровъ судебныхъ и административныхъ, въ области византологіи—это уже такое богатство, что мечтать о скоромъ обогащеніи насъ новыми такого рода сокровищами

---

¹⁾ См. *Ж. М. Нар. Пр.* за мартъ и апрѣль 1879 года.

позволяютъ развѣ только все болѣе и болѣе разясняющіяся подробности о громадномъ количествѣ Аеонскихъ актовъ. Но пока большая часть ихъ остается извѣстною только по указателю, изданному въ 1847 году и нѣсколько разъ перепечатанному, до тѣхъ поръ наиболѣе обильнымъ источникомъ для изученія средневѣковаго греческаго монастырскаго землевладѣнія и крестьянскихъ отношеній будетъ оставаться собраніе, которое для всѣхъ желающихъ сдѣлалось доступнымъ и сподручнымъ, благодаря—усиліямъ Миклошича и Мюллера. Нельзя думать, чтобы заключающіяся въ немъ данныя были уже исчерпаны историческимъ изслѣдованіемъ и введены въ общій научный оборотъ; совершенно напротивъ, они, можно сказать, даже не тронуты. До сихъ поръ мы не видѣли никакихъ слѣдовъ пользованія драгоценнымъ собраніемъ въ изслѣдованіяхъ и сочиненіяхъ по византійской исторіи, не особенно, впрочемъ, частыхъ и многочисленныхъ. Виноваты, можетъ быть, въ нѣкоторой степени и сами издатели, совсѣмъ ничего не сдѣлавшіе для облегченія пользованія напечатаннымъ ими сборникомъ. Въ изданныхъ документахъ встрѣчается довольно много техническихъ выраженій, касающихся податнаго и финансоваго устройства, и вообще трудно понимаемыхъ словъ, не находящихъ себѣ толкованія въ существующихъ словаряхъ. Уже простой указатель ихъ съ обозначеніемъ мѣстъ, гдѣ они встрѣчаются, много облегчилъ бы пониманіе, доставляя возможность сравненія и сличенія; никакого такого словаря или списка не приложено. Нѣтъ также предметнаго указателя для вещей извѣстныхъ; для того, чтобы узнать, находятся или нѣтъ въ сборникѣ какія-нибудь данныя о томъ или другомъ институтѣ крестьянскаго и монастырскаго быта, теперь необходимо читать подъ рядъ всѣ документы, не представляющіе ничего занимательнаго для простаго чтенія. Нѣтъ, наконецъ, и указателя собственныхъ именъ личныхъ и географическихъ; все ограничивается оглавленіемъ актовъ въ хронологическомъ порядкѣ, который, какъ мы послѣ увидимъ, оказывается только на половину хронологическимъ. Мы дѣлаемъ замѣчанія, не въ осужденіе издателямъ, а въ объясненіе того, почему даже серьезнѣйшіе ученые и первостепенные знатоки дѣла не пользовались доселѣ четвертымъ томомъ греческихъ актовъ Миклошича. Неутомимый труженикъ въ области византологіи, знаменитый авторъ Исторіи греко-римскаго права, Пахаріэ фонъ-Лингенталь, располагая не только научнымъ знаніемъ прошедшаго, но и живымъ знакомствомъ съ современнымъ греческимъ языкомъ и бытомъ, былъ, конечно, въ состоя-

нѣн проложить желанную дорогу и облегчить путь другимъ; но и онъ уклонился отъ излишняго труда и не воспользовался даже тѣми данными, заключающимися въ нашихъ документахъ, которыя могли бы служить къ восполненію, а отчасти даже къ исправленію иныхъ мѣстъ его превосходной и неоцѣненной книги при второмъ ея изданіи (*Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Zweite verbesserte und erweiterte Ausgabe. Berlin, 1877*). Мы уже имѣли случай мимоходомъ указать на одинъ примѣръ опущенія или лучше неправильнаго предположенія, котораго могъ бы избѣжать Цахаріэ, и которое онъ сдѣлалъ, утверждая, что крестьянская десятина (морта) почти совсѣмъ исчезла послѣ эпохи „земледѣльческихъ законовъ“, совпадающей съ иконоборческимъ періодомъ ¹⁾. Если бы почтенный ученый ближе ознакомился съ содержаніемъ кодекса, который ему хорошо былъ извѣстенъ еще до напечатанія (см. ниже), то онъ увидѣлъ бы, что морта продолжала быть очень обычнымъ учрежденіемъ и въ XIII вѣвѣ. Точно также, монастырскіе документы могли бы послужить къ выясненію очень любопытнаго и не для одной Византіи важнаго института прони, соответствующей нашимъ кормленіямъ. Своею главною задачею по отношенію къ изданію Миклошича и Мюллера мы считаемъ именно то самое, что было опущено издателями; то-есть, мы задаемся болѣе подробнымъ обзорѣнемъ заключающагося въ немъ матеріала, чѣмъ систематическимъ изображеніемъ условій монастырскаго землевладѣнія и крестьянскихъ отношеній, какъ они могли бы быть представлены на основаніи этого источника — и при пособіи другихъ. Такая попытка обобщенія кажется намъ пока преждевременною и слишкомъ смѣлою. Подождемъ обнародованія тѣхъ величайшихъ драгоценностей, тѣхъ неоцѣнимыхъ сокровищъ, которыя хранятся пока подъ спудомъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Мы разумѣемъ многочисленныя акты аеонскихъ монастырей, остающіеся, за единственнымъ исключеніемъ актовъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, все еще не изданными ²⁾. Мы разумѣемъ сокровища, вывезенныя съ Аеона незабвеннымъ П. И. Севастьяновымъ въ видѣ фотографическихъ снимковъ, счастливыми судьбами уцѣлѣвшихъ

¹⁾ Und so verschwand die *morta*, so daß sie später entweder gar nicht mehr oder doch nur ausnahmsweise und als vorübergehender Zustand erscheint. (Въ прилѣжаніи только двѣ ссылки на *Acta et diplom.*, II, p. 62 и 201).

²⁾ Акты русскаго на св. Аеонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона. Бѣевъ. 1873.

и послѣ его смерти и даже сохранившихся (хотя, можетъ быть, и не въ полной цѣлости) въ государственномъ и въ общественномъ книгохранилищахъ. Мы разумѣемъ давно извѣстное специалистамъ, давно составляющее предметъ ихъ воздыханій и чаяній частное собраніе тоже аеонскихъ актовъ, составленное еще ранѣе Севастьянова архимандритомъ (нынѣ епископомъ) Порфиріемъ Успенскимъ. Только не многое и кое-что изъ этихъ матеріаловъ было уважаемымъ архиереямъ сообщено ученымъ специалистамъ и сдѣлалось предметомъ изученія; сравнительно большая часть является въ видѣ приложений или документальныхъ основаній къ собственнымъ ученымъ трудамъ преосвященнаго Порфирія; но къ величайшему сожалѣнію, главный изъ этихъ трудовъ „Исторія Аэона“ подвигается впередъ очень медленно и пока не дошелъ далѣе общаго обзорнія судебъ Аэона въ XI вѣкѣ. Въ самое послѣднее время мы могли съ величайшею радостію и самымъ горячимъ упованіемъ привѣтствовать появленіе труда ¹⁾, общающаго, по видимому, что на печально запущенномъ поприщѣ появятся молодые и бодрые дѣятели, что и у насъ пойдетъ дѣло лучше, что свой близко лежащій кладъ не будетъ оставаться втугѣ, ожидая вниманія чужихъ людей, что исчезнетъ наше постыдное равнодушіе къ собственной своей ученой чести и славлѣ, что у насъ будетъ достаточное число людей и способныхъ и ревностныхъ, готовыхъ взяться за труды, которые, можетъ быть, давно бы слѣдовало исполнить нашимъ ученымъ учрежденіямъ, и прежде всего Академіи Наукъ. Мы имѣемъ въ виду изслѣдованіе Т. Д. Флоринскаго, къ которому еще обратимся ниже — по поводу аеонскихъ актовъ, также входящихъ въ планъ нашего обзорнія документовъ. Начинаемъ его, какъ уже сказано, изданіемъ Миклошича.

Нѣсколько отступая отъ того порядка, въ какомъ матеріалъ расположенъ въ самомъ изданіи Миклошича и Мюллера, начинаемъ свое обзорніе съ актовъ монастыря св. Павла на горѣ Латрѣ близъ Милета, которые въ греческомъ оригиналѣ занимаютъ второе мѣсто. Такое отступленіе мы дѣлаемъ — во первыхъ, ради того, что документы, принадлежащіе лаврѣ св. Павла, начинаются съ болѣе ранняго, въ хронологическомъ отношеніи, пункта и вообще болѣе древнихъ — нѣкоторые принадлежатъ еще X столѣтію; и вовторыхъ, ради того,

¹⁾ Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Библиографическое разысканіе *Тимофея Флоринскаго*. С.-Петербургъ. 1880.

что, хотя отчасти и вслѣдствіе прискорбнаго обстоятельства—порчи Ватиканской рукописи, въ которой они отысканы,—они не такъ многочисленны и легче укладываются въ одну общую рамку. Какъ прямо сказано въ одномъ изъ документовъ, основаніе монастыря на горѣ Латрѣ принадлежитъ знаменитому подвижнику, жившему при царѣ Львѣ Мудромъ и оставившему обители свое имя. Подробное житіе св. Павла Латрскаго, до сихъ поръ извѣстное только въ греческомъ подлинникѣ и остающееся въ рукописяхъ ¹⁾, показываетъ, что подвижникъ много пережилъ государя, которому приписываются первые влады и первыя жалованныя грамоты въ пользу монастыря, и кончилъ свою жизнь около 950 года, при Константинѣ Багрянородномъ. Мы надѣемся при другомъ случаѣ и въ скоромъ времени извлечь нѣкоторыя любопытныя и болѣе важныя подробности изъ означеннаго житія, какъ относительно другихъ обстоятельствъ, такъ и относительно основанія обители на верху горы Латра. Здѣсь замѣтимъ только, что монахъ Гавріиль, настоятель лавры, встрѣчающійся въ двухъ наиболѣе древнихъ актахъ, есть лицо, много разъ упоминаемое въ житіи перваго епитропа обители и пользовавшееся особымъ расположеніемъ святаго. Прибавимъ еще, что въ самомъ рукописномъ сборникѣ, а равно и въ изданіи Миклошича, акты расположены безъ всякой видимой и понятной системы, начинаются наименѣе древнимъ и переходятъ къ болѣе старымъ. Хронологія обозначается отчасти годами, отчасти одними индиктами; большихъ затрудненій при отысканіи годовъ для послѣдняго рода документовъ, исключая одного случая, мы впрочемъ не встрѣтили. Нашествіе Измаильтянъ, сопровождавшееся разореніемъ лавры Латрской, о которомъ говорится въ документахъ подъ № 14, есть нашествіе Турокъ-Сельджуковъ около 1080 года.

I.

Около 986 г. монахи лавры Латрской жаловались императору чрезъ своего игумена, что сосѣдніе съ ними монахи Лампонійскаго монастыря, на основаніи какихъ-то старыхъ документовъ и притязаній, вновь захватили сказанную гору Латрѣ, и что еще того хуже, — помѣстили въ

¹⁾ Въ Парижской національной библиотекѣ есть нѣсколько кодексовъ, заключающихъ въ себѣ житіе Павла Латрскаго. Мы имѣли случай пользоваться хотя не самымъ древнимъ, но весьма исправнымъ спискомъ XIII столѣтія.

мѣстахъ, гдѣ не слѣдовало, париковъ съ женами, да и вообще дѣлають вредъ обители. Императоръ повелѣлъ протоспаеарію Василію судья и областному начальнику (μοστικῷ χριτῇ ἐπί τοῦ ἱπποδρόμου καὶ τῶν Ὀραχρίων), разобрать дѣло на мѣстѣ, возстановить лавру въ ея правахъ, изгнать дурнымъ образомъ помѣщенныхъ париковъ и не позволять Лампонію ни пасти овецъ или козъ, ни допускать на гору мужчинъ или женщинъ. До императора дошли свѣдѣнія, что еще при жизни блаженного (μαχαρίτου) Павла была учинена мѣновая сдѣлка, вслѣдствіе которой Лампонійцы уступили лаврѣ Латрской тѣ земли, сдѣлавшіяся теперь предметомъ ихъ притязаній.

Въ 986 году (№ 9) отъ имени игумена и всей братіи монастыря Лампонія монахъ Варооломей вступилъ въ сдѣлку съ монахомъ Гавріиломъ, настоятелемъ лавры Пресвятой Богородицы или отца нашего Павла, находящейся на вершинѣ горы Латра и называемой Стила (Στόλου). Споръ, какъ видно изъ двухъ документовъ (оба подъ № 9), шелъ объ одной части горы Латрской, которая издревле принадлежала монастырю Лампонію, но потомъ была занята монахами лавры св. Павла, поселившимися на ея вершинѣ. Когда монастырь Лампонія требовалъ свою землю, Латрійцы утверждали, что часть горы, ими занятая, была имъ совершенно правильнымъ образомъ уступлена Лампонійцами еще при жизни преподобнаго Павла, основателя лавры, что въ вознагражденіе за эту уступку Лампоній въ видѣ промѣна получилъ землю, называемую Драконтіемъ и поле Пелеканю. Чтобы прекратить всякій раздоръ и неприличныя монахамъ ссоры, настоятель лавры св. Павла, монахъ Гавріиль, предложилъ противной сторонѣ: пусть они выставятъ изъ среды своей трехъ престарѣлыхъ иноковъ, которые еще могутъ помнить о происшедшей прежде сдѣлкѣ — онъ самъ назвалъ ихъ имена, — и пусть эти монахи примутъ присягу въ томъ, что Лампонійцы говорятъ правду, что извѣстная часть горы принадлежитъ имъ, — и тогда онъ со своими монахами уступить безпрекословно спорное пространство. Но оказалось, что выбранные три старые монаха не захотѣли осквернить свою душу ради небольшого прибытка, и любя правду, заявили, что они не примутъ присяги противъ истины, ради которой они промѣняли легкую и пріятную жизнь мірскую на тяжелую монашескую; другими словами: „они отказались отъ клятвы и отвергли присягу, полагая, что обѣ стороны, будучи монахами во Господѣ, должны жить въ мирѣ, и не ссориться“. По словамъ грамоты, исходившей отъ патріарха, старцы прямо заявили, что настоятель лавры Гавріиль говорить

правду, и засвидѣтельствовали существованіе старинной сдѣлки о промѣнѣ. Такимъ образомъ лавра одержала полную побѣду, а монастырь долженъ былъ уступить, такъ какъ собственныя его свидѣтели свидѣтельствовали противъ... Но настоятель лавры Гавріилъ, любя миръ и тишину, за чтò очень хвалить его патриархъ Николай, дабы и на будущее время пресѣчь всякіе раздоры и споры съ сосѣдями, потребовалъ отъ нихъ письменнаго удостовѣренія и обезпеченія, то есть, полнаго отреченія отъ спорной до сихъ поръ земли, а съ своей стороны предложилъ имъ за это обезпеченіе сто золотыхъ монетъ (*υσμίματα διά χαράματος*), которые и были получены Лампоніемъ: въ 987 году монахи этого монастыря собирались купить на полученныя деньги тридцать коровъ доходныхъ. Монахи Лампонія сверхъ того получили обѣщаніе, что имъ позволено будетъ рубить лѣсъ для своихъ потребностей на горѣ, отшедшей къ лаврѣ. Иеромонахъ Гавріилъ озаботился, чтобы сдѣлка получила одобреніе и согласіе патриарха, который вполне одобрилъ мировую. Послѣ этого въ 987 году въ февралѣ (стр. 312) она была подтверждена обѣими сторонами; а патриархъ Николай Хрисовергъ (982—995 гг.) выдалъ въ апрѣлѣ 987 года свою подтвердительную грамоту, въ которой и содержится изложеніе дѣла въ такомъ видѣ, какъ мы сейчасъ сообщили.

Въ позднѣйшемъ документѣ (№ 10) отъ 1049 г. упоминается первоначальный договоръ основателя лавры Латрской съ сосѣднимъ монастыремъ, царскій указъ прѣтоспаеарію Василю, и затѣмъ возобновленіе соглашенія; здѣсь же разъясняется и отношеніе, существующее между двумя послѣдними сейчасъ приведенными актами. Нѣкоторые изъ монаховъ Лампонія возстали противъ старой мѣновой сдѣлки, копію которой лавра имѣла у себя еще въ 1049 году; тогда вслѣдствіе жалобы, принесенной настоятелемъ лавры Гавріиломъ, судья Фракисійскаго округа (*ὁ τὰ τοῦ θέματος τῶν Φρακῆσιων διακρίτων σικιστικός*—sic! Слѣдуетъ читать: *μοστικός*, ср. выше) получалъ отъ императора повелѣніе разобрать дѣло. Но монахи Келливаровъ или, чтò то же, Лампонія, сознавая свою неправоту, прежде чѣмъ судья явился на мѣсто, предпочли возобновить соглашеніе съ настоятелемъ монастыря Стила, Гавріиломъ.

Въ 1049 году настоятель монастыря—Стила или лавры св. Павла Латрскаго жаловался уже на другой сосѣдній монастырь и его настоятеля Василя (который въ то же время былъ *προνοητικός* монастыря Карей), именно на монастырь Спасителя τῶν Ἀγαθῶν, что монахи его во многомъ обижаютъ лавру св. Павла, насильственно

всходить на горы въ ея предѣлы, тогда какъ не имѣютъ на то никакого права. Для разбирательства жалобы посланъ былъ изъ Царскаго града кувиклсій патріаршскаго приказа (σχερέτου). Когда онъ прибылъ на мѣсто, настоятель и монахи Стила (= Павла Латрскаго) показывали въ доказательство своихъ правъ на гору копию мѣнковой сдѣлки, заключенной съ монастыремъ Келливары или Лампониемъ и другіе уже знакомые намъ документы; кромѣ того выписку изъ царскихъ книгъ (податныхъ), въ которой обозначены были всѣ поля, границы и пограничныя примѣты, согласно съ тѣмъ, какъ все это было написано въ самомъ мѣнковомъ документѣ, а сверхъ того, обозначена была и казенная подать, сколько ея значилось въ податномъ столбцѣ¹⁾. Представители обители Агравловъ (τῶν Ἀγραύλων) утверждали, что мѣна была учинена неправильно, что и ихъ монастырь имѣлъ права собственности на промѣненные Лампониемъ земли, что у нихъ есть на то документальныя доказательства (δικαιώματα), но только эти документы хранятся въ городѣ, то-есть, въ столицѣ. Поэтому они предлагали перенести дѣло къ патріарху, въ Константинополь. На это согласилась и другая сторона; разбирательство было отложено до времени послѣ сбора плодовъ, то-есть, до октября мѣсяца того же 1049 года. Окончательный исходъ его намъ неизвѣстенъ изъ актовъ, но вѣроятно, былъ благопріятнымъ для лавры преподобнаго Павла.

Въ 1175 году (№ 11) нѣкто Іоаннъ Хрисанѣ, областной чиновникъ по вѣдомству государственной казны (λογαριστής), заявляетъ, что онъ получилъ отъ дуки и переписчика округа Милассы и Меланудія Андроника Кантавузина грамоту слѣдующаго содержания: „Почтеннѣйшій нашъ счетчикъ! Разсмотри внимательнѣе и настоятельнѣе документы, которые должны быть намъ представлены игуменомъ монастыря св. Павла Латрскаго, и если ты найдешь, что эти документы даютъ монастырю право владѣть всѣми тѣми париками, которыми онъ теперь владѣетъ, то оставь ихъ опять за нимъ по прежнему; если же нѣтъ, то закрѣпи ихъ (париковъ) за казною, оставивъ монастырю только тѣхъ париковъ, которыми онъ владѣлъ издревле“²⁾. Счетчикъ или казначей Хрисанѣ нашелъ, что не всѣ

¹⁾ Πρὸς δὲ καὶ ἐκ τῶν βασιλικῶν κωδίκων ἐκστίχων τοὺς τῆς ἀνταλλαγῆς ἀγροὺς διερχομένους πάντας — — — — καὶ τὸ δημόσιον ὅσον ἐν τῷ ἐκστίχῳ ἀναγραφόμενον.

²⁾ Καὶ εἰ εὕρησαι ταύτην (τὴν μονήν) δικαιωμένην ἀπὸ τοιοῦτων δικαιωμάτων εἰς τοὺς νεμομένους παρ' αὐτῆς πάντας παροίκους, ἔσασον παλιν αὐτὴν νέμειναι καθὼς καὶ

дарики принадлежать монастырю, и посему не малое число ихъ за-
вѣрѣнъ за казною, записавъ ихъ въ казенныя (податныя) записи ¹⁾;
за то за монастыремъ вновь утверждены были права на всѣ его по-
мѣстья и недвижимости, а равно и на всѣхъ оставшихся за нимъ
париковъ — съ освобожденіемъ отъ всякихъ податей и повинностей,
такъ что впредь ни монастырь, ни его парики не будутъ подлежать
ни дачѣ пастбищнаго, ни поголовной подати ²⁾, но за все и про все
обитель будетъ вносить въ казну ради казеннаго сбора (*χάριν δημο-
σίου κανόνος*) два мѣстныхъ золотыхъ или иперпировъ, обозначенныхъ
въ выданной чиновникомъ владѣнной записи (*ἐν τῷ παρ' ἡμῶν ἐκτεθέ-
ντι πρακτικῷ*), да сверхъ того за четыре выморочныхъ участка,
зачисленныхъ на монастырь, — ежегодно одну золотую монету ³⁾.

Въ 1189 году (№ 12) Василій Вататци, которому поручена была
перепись (*ἀναγραφὴ*) военного, монастырскаго и церковнаго недви-
жимаго имущества, и вмѣстѣ съ тѣмъ, исполненіе должности дуки въ
округѣ Милассы и Меланудія ⁴⁾, потребовалъ, чтобъ игумень мона-
стыря св. Павла представилъ всѣ документы, на основаніи которыхъ
онъ владѣетъ недвижимыми имѣніями и немногими париками (*ὀλι-
γοστοὶς παροίκους*); затѣмъ, по разсмотрѣніи актовъ, дука и переписчикъ
(*δοῦξ καὶ ἀναγραφεὺς*), подобно своимъ предшественникамъ (*ἀναγραφεῖς*),
подтвердилъ за монастыремъ всѣ его имѣнія и метохи съ париками
и закупями (*παροίκους καὶ μετόχους*) на тѣхъ самыхъ условіяхъ, какія
были изложены въ предыдущемъ документѣ: монастырь съ его пари-
ками освобождается отъ взноса пастбищнаго и подушнаго (сбора) и вся-
кой другой статьи, а только будетъ уплачивать въ казну ради ка-
зеннаго канона (*χάριν δημοσιακῆς κανόνος*) за все и про все двѣ трех-
головыхъ номисмы (*νομίσματα τρικέφαλα*), и за три выморочныхъ имѣ-
нія, записанныхъ на монастырь, — ежегодно одинъ иперпиръ.

πρότερον εἰ δ' οὖν, προσκύρωσον τούτους τῷ δημοσίῳ, ἕσσας μόνους ἐκπλαῖ παρ'
αὐτῆς κατεχομένους παροίκους.

¹⁾ Οὐχ ὀλίγους τῶν τῷ δημοσίῳ προσεκυρώσαμεν, καταγραφάμενοι τούτους ἐν τοῖς
δημοσιακοῖς πρακτικοῖς.

²⁾ Ἄλλ' οὐδὲ ἐννομίου δόσει ἢ κεφαλαιογράφου ἢ ἐτέρου τινὸς κεφαλαίου ὑποπε-
σεῖται αὐτῆ τε ἢ οἱ πάροιχοι αὐτῆς.

³⁾ Τεσσαρῶν ἐξελλημένων στάσεων.

⁴⁾ Василій Вататци, женившійся на родственницѣ императора Исаака, упо-
минается въ исторіи Никиты Хоніата (pag. 523) какъ domestикъ Востока и пра-
витель округа Фракийскаго (=Милассы и Меланудія?): τὴν δουρικτὴν ἀρχὴν τῶν
Θρακησίων ἀναζωσάμενος.

Вскорѣ затѣмъ, въ царствованіе императора Исаака Ангела (1185—1195 гг.), монастырь св. Павла вель тяжбу о владѣніи помѣстьемъ Мессингуми (Μεσσηγγούμιον). Дѣло состояло вотъ въ чемъ (см. № 14. 15. 13): Левъ Мудрый (886—912 гг.), вромѣ другихъ пожертвованій, далъ монастырю имѣнье, представлявшее оливковую или масличную плантацію (ἐλαίχων προάστειον) и находившееся въ округѣ Милассы и Меланудія въ катепаикии Ларимской (κατεπαίικιον Λαρίμου): границы имѣнья точно указаны въ нашемъ документѣ съ обозначеніемъ числа деревьевъ, придававшихъ ему цѣнность (380 маслинъ: pag. 325). Монастырь владѣлъ безпрепятственно своимъ достояніемъ до времени нашествія незаконныхъ Измаелитовъ; они овладѣли страной, умертвили святыхъ мужей, подвизавшихся въ обители и на мѣстѣ самаго монастыря оставили однѣ развалины, совершенно уничтоживъ его. Какъ извѣстно, древнее Іонійское побережье находилось въ рукахъ невѣрныхъ въ самомъ концѣ XI столѣтія; но во время перваго крестоваго похода императоръ Алексѣй Комнинъ, въ союзѣ съ крестоносцами, успѣлъ воротить Смирну, Ефесъ и города по рѣкѣ Мзандру. При его преемникѣ Іоаннѣ Комнинѣ (1118—1142 гг.) монастырь св. Павла былъ восстановленъ; собралось значительное количество монаховъ, вновь выстроены были келья; игуменъ Маркъ обратился тогда къ императору съ просьбою о возвращеніи и утвержденіи за монастыремъ прежняго владѣнія, то-есть, Мессингумія. Просьба была исполнена, какъ это мы видимъ изъ грамоты (сигиллія) дуки и переписчика (δοῦχος καὶ ἀναγραφέως) округа Милассы и Меланудія, Михаила Ксира, отъ апрѣля 1127 года. Имѣнье было отобрано отъ мѣстныхъ жителей, присвоившихъ его себѣ и вносившихъ уже въ казну извѣстную съ него подать; 370 деревъ масличныхъ достались монахамъ, которые обязались уплачивать ежегодно въ казну довольно значительную сумму въ 36 трехглавыхъ иперпировъ (pag. 320). Такъ было до времени императора Мануила Комнина. На это царствованіе падаетъ уже извѣстная намъ перепись дуки Андроника (Кантакузина: см. выше стр. 105.), при которой были отобраны у монастыря неправильно доставшіеся ему имѣнья и крестьяне, но за то понижена ежегодная подать и сложены означенные тридцать иперпировъ (ἐξεκόπησαν τὰ τοιαῦτα ὑπέρ-πυρα ἀπὸ τῆς καθ' ἡμᾶς μονῆς). Между тѣмъ игуменъ монастыря вступилъ въ сдѣлку относительно помѣстья Мессингумія съ обывателемъ города Милассы примикиріемъ Іоанномъ Карантиномъ. Карантипъ снялъ (ἐξελάβετο) помѣстье (въ аренду), письменно обязавшись за поль-

зованіе и владѣніе (χρήσιν καὶ νομῆν) вносить монастырю ежегодно 24 мѣры масла (ἐλαίου μετρα χδ'); договоръ былъ заключенъ на вѣчныя времена и былъ обязательнъ и для его потомковъ (какъ это подробно объяснено было въ его ἐκκλησιαστικὸν αὐτοῦ ἔγγραφοι: pag. 320, 321). Однако условія не были исполнены. Сначала Константинъ Карантинъ вносилъ не болѣе четырехъ мѣръ масла, а потомъ и это пересталъ дѣлать и рѣшительно присвоилъ себѣ насиліемъ помѣстье въ свою собственность; наслѣдники его тоже ничего не платили, удерживая за собою отцовское приобрѣтеніе. При переписи, произведенной Василиемъ Вататци въ 1189 году, имѣніе Мессингуміи даже записано было въ податныхъ и кадастровыхъ книгахъ за Карантиномъ вмѣстѣ съ родовымъ его достояніемъ (стр. 325). Примѣръ Карантина нашелъ подражателей: многія другія лица, монастыри и церкви захватили помѣстья (τόπια), принадлежавшія лаврѣ св. Павла, и отчасти успѣли записать за собою въ писцовыхъ книгахъ (καὶ ἀνεγράψαντο αὐτὰ τοῖς στοιχείοις αὐτῶν: pag. 321). Но вотъ въ концѣ царствованія Исаака Ангела (индиктъ XIII=1194—1195 гг.) явился въ Тракисійскомъ округѣ новый правитель — дукъ и переписчикъ, царскій племянникъ, Михаилъ Дука: къ нему со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы на злоупотребленія сильныхъ людей и въ особенности Карантина, который является какимъ-то мѣстнымъ магнатомъ и тиранномъ (стр. 326); принесена была жалоба и отъ имени лавры ея игуменомъ. Михаилъ Дука произнесъ рѣшеніе въ пользу монастыря, на основаніи старыхъ актовъ, между прочимъ и грамоты Ксира, на основаніи статьи закона, которая гласитъ, что „никто не можетъ считаться господиномъ чужаго достоянія, хотя бы оно было записано за нимъ въ податныхъ книгахъ и владѣнныхъ записяхъ“¹⁾, имѣніе Мессингуміи присуждено лаврѣ. Но этимъ еще дѣло не кончилось: наслѣдникъ Іоанна Карантина неоднократно пытался воротить себѣ разъ присвоенный участокъ. Видно, что монахи лавры св. Павла снова жаловались на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на другихъ своихъ сосѣдей, между прочимъ на епископа Амазонскаго (τῆς ἐπισκοπῆς Ἀμαζόνος), присвоившаго имѣніе Кипариссіонъ (pag. 321), новому царю²⁾,

¹⁾ Οὐδείς δεσπόζει τῶν ἀλλοτρίων, καὶ καὶ ἐν τοῖς δημοσιακοῖς πρακτικοῖς κώδικιν ἀναγράφονται (pag. 325).

²⁾ Въ концѣ царской грамоты (pag. 324) нѣтъ подписи, а замѣчено только, что она имѣла таковую, сдѣланную царскою рукою въ августъ XIII-го индикта; но въ августъ XIII-го индикта, то-есть, 1195 года, царемъ былъ уже не Исаакъ Ангелъ,

Алексѣю Ангелу (съ апрѣля 1195 года), тотчасъ послѣ того какъ онъ свергнулъ своего брата Исаака. Въ августѣ 1195 года (= индикта XIII: стр. 322) дана была царская грамота, въ которой утверждалось рѣшеніе Михаила Дуки, предписывалось новымъ областнымъ правителямъ оказывать лаврѣ всякое покровительство, и согласно съ прошеніемъ монаховъ, скоть лаври освобождался отъ пастбищнаго сбора ¹⁾).

Съ новою жалобою монахи обращались къ сыну Исаака, Алексѣю IV уже въ 1204 году (№ 15, pag. 327), такъ какъ Левъ Карантинъ успѣлъ снова присвоить себѣ оливковую плантацію и передалъ ее по завѣщанію другому монастырю.

Въ 1196 году (№ 7) игумень монастыря св. Павла потребовалъ супруговъ Алексѣя Месопотамита и Ирину съ ихъ дочерью къ суду великаго логовета (παρά τῷ μεγάλῳ λογοδητικῷ δικαστηρίῳ) изъ за одной усадьбы (ὀικοτασίῳ), принадлежавшей монастырю. Но отвѣтчики съ своей стороны потребовали, чтобъ игумень показалъ имъ повелѣніе патріарха, такъ какъ монастырь находится де подъ его властію. Игумень явился къ патріарху и докладывалъ ему, что, конечно, вашей святости столько же не угодно пренебрегать принадлежащими ей правами, какъ и присвоивать не принадлежащія ей, а сказанный монастырь св. Павла въ Латрѣ свободенъ отъ всякой церковной власти: патріархія имѣетъ въ отношеніи къ нему только духовныя права—утверждать игумена (σφραγίζειν), исправлять духовныя погрѣшности (ψοχικά σφάλματα) и быть поминяемою на эктеніяхъ (ἀναφέρουσαι). При этомъ игумень желалъ, чтобъ это было объяснено судебной палатѣ (τῷ δικαστηρίῳ) и дано было знать, что, какъ самостоятельный, монастырь не имѣетъ нужды въ разрѣшеніи патріарха для вчиненія иска. Патріархъ отправилъ своего привратника и велѣлъ позвать трехъ своихъ чиновниковъ—Доната Ксифилина, Василия Аристіна и Льва Агіоѳеодорита. Они должны были рѣшить вопросъ на основаніи доказательствъ, уже представленныхъ игуменомъ патріарху; именно: игумень ссылался на монастырскій уставъ (типикъ) и приводилъ изъ него то мѣсто, гдѣ выводился на сцену самъ основатель монастыря, Павелъ Латрскій, ведущій свою предсмертную бесѣду съ братіей,—и наконецъ, поручающій попеченіе о ней послѣ своей предстоявшей кончины ни кому

который упоминается въ документѣ, выданномъ Михаиломъ Дукою (pag. 326), а Алексѣй Комнинъ .

¹⁾ Οὐδέ ὑπὲρ τῶν προσόντων τῇ μονῇ ζῶων ἀπαιτεῖτο ἐννόμιον.

другому, кромѣ Спасителя Іисуса Христа, — ни царю, ни патриарху. Хотя уставъ монастыря и не могъ служить непререкаемымъ доказательствомъ, такъ какъ ни кѣмъ не былъ утвержденъ; но за то находившійся въ немъ разказъ о кончинѣ основателя оказывался вполне согласнымъ съ житіемъ Павла Латрскаго, авторомъ котораго всѣ признавали святаго Симеона Метафраста ¹⁾. На этомъ основаніи монастырь былъ признанъ въ патриархіи вполне самостоятельнымъ, въ чемъ ему и было выдано свидѣтельство (σημαίωμα) съ подписью судьи віла (τὸ βήλου) и ипподрома, Θεοδора Пиропула.

Въ 1222 году (№ 2) патриархъ Константинопольскій Мануилъ I Харитопуль даетъ игумену монастыря Латрскаго санъ архимандрита, который принадлежалъ прежде его предшественникамъ, но потомъ перешелъ къ настоятелямъ обители Лампонія или Келливаровъ. Патриархъ находитъ теперь, что переѣзна не послужила къ пользѣ духовной, и что лавра преподобнаго Павла, превосходя древностію, а въ данное время и строгостію жизни—другую обитель, имѣетъ больше правъ на предпочтеніе. И такъ, онъ возвращаетъ архимандритство игумену Латрскому и даетъ ему право надзора надъ слѣдующими монастырями, исчисленными въ документѣ: 1) Келливаровъ, Κελλιβάρων, 2) Μουσουλῶνος, 3) Δοσικόῃ, 4) Εἰρηνοῦντων, 5) τῶν Κισσῶν, 6) τοῦ Φαλακροῦ Βουνοῦ, 7) св. Іоанна, 8) τοῦ Ἀσωμάτου или Βάτιν, 9) τοῦ Ἀσωμάτου, иначе Βαθῆς Διψῆν (глубокая пристань), 10) τῆς Ἱερᾶς и третій 11) монастырь Ἀσωμάτου, иначе τὸ Περιστέριον. Сверхъ того, игуменъ Павелъ получилъ надъ сказанными монастырями и права патриаршаго экзарха.

Патриархъ Германъ II нашелъ таковой порядокъ почему-то неудобнымъ, хотя и признавалъ, что монастырь преподобнаго Павла превосходить всѣ другіе многочисленностью. Еще при жизни архимандрита и экзарха Павла, получившаго санъ свой отъ патриарха Мануила, Германъ II обѣщалъ игумену соперничающей обители Келливаровъ или Лампонія, что санъ архимандрита перейдетъ къ нему. Такъ какъ званіе экзарха и безъ того было только личнымъ, то игуменъ и архимандритъ Павелъ опасался теперь, что послѣ его смерти его

¹⁾ Ссылка на житіе Павла Латрскаго, приписываемое Симеону Метафрасту, имѣетъ весьма важное значеніе для рѣшенія спорнаго вопроса о времени, когда жилъ этотъ знаменитый писатель; до сихъ поръ на нее не было обращено вниманія ученыхъ. Мы надѣемся воспользоваться указаніемъ въ особой статьѣ, которая будетъ посвящена Симеону Метафрасту.

монастырю, теперь первевствующему, грозят разныя неприятности. Онъ выпросилъ у патріарха грамоту, освобождавшую монастырь Латрскій отъ всякаго вмѣшательства въ его дѣла будущихъ экзарховъ, исключая число духовныхъ дѣлъ. Дарованная Германомъ II привилегія (№ 3) была подтверждена однимъ изъ его ближайшихъ преемниковъ, по имени оный Мануиломъ (стр. 300), который, сверхъ того, и спеціальною грамотой (№ 5), освободилъ монастырь преподобнаго Павла отъ всякаго подчиненія, какъ экзархамъ патріаршимъ, такъ и сосѣднимъ епископамъ, и въ частности—Амазонскому ('Αμάζωνος иначе 'Αραζοχορακος): послѣдній дѣлалъ особенно настоятельныя покушенія на самостоятельность лавры. Равнымъ образомъ ограждена отъ вмѣшательства ближайшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей вновь основанная въ одномъ изъ метоховъ лавры церковь или молитвенный домъ въ честь Богородицы Стиліотиссы на правахъ патріаршей ставропигіи (№ 4).

Документъ, выданный патріархомъ Германомъ II въ 1236 году (№ 6), касается только игумена Латрскаго лично: онъ получилъ въ управленіе и попеченіе для восстановленія и улучшенія монастырь Руфиніановъ (τὸν 'Ρουφινανῶν) и выпросилъ для этого послѣдняго другой монастырь Зигрицу (Ζιγρίτζαν) съ его метохіями Дофнзѣи и Аксидомъ.

Къ болѣе позднему времени, хотя и нельзя сказать опредѣлительно—къ какому именно году, относится наиболѣе любопытный документъ, занимающій первое мѣсто въ сборникѣ хартій нашего монастыря ¹⁾.

Между жителями уѣзда (ἐπισχέψακος) Сампсонъ и Амазонокоракія и между монахами Латрской обители шелъ споръ объ имѣніи Александріи. Сампсонцы перенесли дѣло въ судъ при царскомъ дворѣ: туда явились и противники, къ которымъ присоеди-

¹⁾ Дата, обозначенная четвергомъ 24-го марта V-го индикта, могла бы считаться вполнѣ ясною, еслибъ она не была сомнительна. Указанныя условія сходятся въ XIII столѣтіи только для 1202 года. Индиктъ пятой имѣли годы 1202, 1217, 1232, 1247, 1262, 1277, 1292; но только въ одномъ изъ этихъ годовъ, именно въ первомъ, 24-е марта было въ четвергъ. Между тѣмъ имена лицъ, обозначенныхъ въ заглавіи и въ концѣ договора и присутствовавшихъ при произнесеніи приговора по дѣлу, указываютъ на гораздо позднѣйшее время. Стратигопуль—великій логоветъ извѣстенъ занятіемъ Цареграда въ 1262 году, Михайлъ Галей ('Γαλίας) и Теодоръ Ангель упоминаются около 1250 года (Асгорліт. pp. 97, 99). Еще рѣшительнѣе упоминаніе о *Саввѣ* (см. слѣдующее примѣчаніе).

лись жители Клисурь, и сами имѣя разныя жалобы на Сампсонцевъ, старавшихся захватить ихъ участки по сосѣдству съ Александрією. Назначены были для судебного разбирательства великій логоеетъ Стратигонулъ и другіе сановники (Михаилъ Іалей, Θεοδωρὸς Ангелъ и т. д.). При первомъ напоминаніи судей о доказательствахъ и документахъ, со стороны монастыря былъ представленъ цѣлый рядъ грамотъ и указовъ: изъ нихъ ясно было видно, что имѣніе Александрія находится внѣ всякихъ правъ Сампсонской епископіи, такъ какъ оно входитъ въ составъ темы (округа) Милассы и Меланудія. Сверхъ того, монастырь имѣлъ свидѣтелей въ пользу того, что спорная земля принадлежала ему. Съ своей стороны Сампсонцы сначала ссылались на старыя времена, ранѣе Саввы ³⁾, указывали на какаго-то Каломана, отъ котораго будто бы перешло къ нимъ помѣстье Александрія. Наконецъ, понимая, что такими голословными показаніями не выиграть дѣла, и они, съ своей стороны, выставили документальное письменное доказательство, именно грамоту, данную Василиемъ Вататци, извѣстнымъ намъ дукой и писцомъ темы Милассійской (δοῦκος καὶ ἀντιγραφῆς). Но этотъ документъ носилъ явные признаки поддѣлки, отличался неправильнымъ и полуварварскимъ языкомъ; подписавшіеся на немъ свидѣтели (въ томъ числѣ архіереи) всѣ уже оказывались умершими, и притомъ всѣ подписи были одной руки. Мало того, жители Клисурь и Амосонокоракія указывали прямо и автора поддѣлки. Это былъ преклонныхъ лѣтъ старикъ Θεοδοσίη, житель Клисурь. Поставленный предъ судьями, онъ сознался въ составленіи фальшиваго документа и просилъ прощенія, ссылаясь на крайнюю свою нужду и бѣдность, побудившую его къ проступку; онъ взялъ за свой трудъ съ жителей Сампсона 14 иперпировъ, впрочемъ выдавъ имъ свое произведеніе за настоящій подлинный документъ, такъ что тѣ не подозрѣвали подлога. Такое посрамленіе все-таки не заградило уста Сампсонцамъ, и они все-таки твердили, что и безъ бумагъ они могутъ доказать свои права на Александрію. Тогда судьи не нашли другаго средства какъ заставить обѣ стороны принять при-

³⁾ Ἀνέδραμον εἰς ἄπὸρ οἰδασιν ἐξ ἀρχῆς πρὸ τοῦ Σάββα πρόσωπα ἐπιτήρασθαι τὴν—ἐπίσκοπον. Этотъ Савва, очевидно, есть тотъ самый, о которомъ говорятъ историки, какъ объ одномъ изъ мелкихъ тирановъ, появившихся послѣ разрушенія имперіи и взятія Цареграда Латинами. Θεοδωρὸς, призванный Мороеодоромъ, захватилъ Филадельфію, говоритъ Акрополита (pag. 14),—а другой, по прозванію Савва, захватилъ городъ Сампсонъ и окрестности: ἕτερος δὲ Σάββας τοῦ πικλήν τοῦ ἄστεως ἐδέσποτε τοῦ Σαμψών μετὰ καὶ τῶν πλησίον, τοῦχληψόντων αὐτῆ.

сягу. При этомъ присяга, которую должны были принять жители Сампсона, именуется *ομοφωνικόν*, а присяга со стороны монастыря—окончательною (*τέλειον*). Въ нашемъ документѣ приведены формулы той и другой:

„Мы выборные отъ округа Сампсонскаго для принатія присяги относительно имѣнія Александріи—такіе-то (слѣдуютъ имена четырехъ человекъ)—клянемся отъ имени нашихъ товарищей въ чистой совѣсти святымъ Евангелиемъ и честнымъ крестомъ, что въ то время, когда округъ Сампсонскій держалъ тотъ Каламанъ и другія лица послѣ него—до Саввы, мы, Сампсонцы, пользовались вполне и безпрепятственно имѣніемъ Александріей, не насиліемъ какимъ или самоволіемъ, но на основаніи давности владѣнія, и притомъ не давая морты (*ἀνα δόσεως μортῆς*, то-есть, десятины)—въ чемъ и клянемся. По такому же точно способу и формулѣ приняли присягу выборные жители Клысуры и Амазона въ томъ, что имѣніе Александріи всегда входила въ составъ округа или темы Милассы, и что Сампсонцы—если имъ пользовались, то не безъ дачи десятины (морты, *οὐδὲ χωρὶς δόσεως μортῶν*), не вслѣдствіе давняго владѣнія, и не отъ Каламана и его преемниковъ наслѣдовавъ свои права, но присвоивъ ихъ себѣ насиліемъ и своеволіемъ“.

Такъ какъ послѣдняя и окончательная присяга оказалась несоотвѣтствующею съ первой, то согласно съ условіемъ, имѣніе присуждено монастырю, а притязанія Сампсонцевъ отвергнуты.

II.

Переходимъ теперь къ актамъ монастыря св. Дѣвы Маріи (Богородицы) на горѣ Лемво близъ Смирны. Сборникъ, содержащій въ себѣ эти акты и хранящійся въ Вѣнской придворной библіотекѣ, былъ давно извѣстенъ по описямъ и каталогамъ; еще Нессель обращалъ на него вниманіе ученыхъ и ожидалъ чрезвычайно большой пользы для византійской гражданской и церковной исторіи, и особенно для хронологіи, отъ его изученія и тѣмъ болѣе—печатнаго изданія. Знаменитый историкъ византійскаго права, Цахаріэ-фонъ-Лингенталь, имѣлъ въ рукахъ интересующій насъ кодексъ, привезенный въ Вѣну извѣстнымъ Бузбекомъ изъ Константинополя, и первый напечаталъ изъ него три царскія грамоты (хрисовула). Но это была весьма незначительная и не самая важная часть сборника, заключающаго въ себѣ 281 документъ—кромѣ хрисовуловъ, множество владныхъ, запродажныхъ и

судебныхъ актовъ разнаго рода. Нѣтъ сомнѣнія, что сборникъ въ томъ видѣ, какъ онъ теперь напечатанъ (вполнѣ и только съ опущеніемъ нѣкоторыхъ часто повторяющихся фѳормулъ), есть первоначальный оригиналъ, хартулярій или дипломатарій, составленный и переписанный въ самомъ монастырѣ въ концѣ XIII столѣтія для исторической памяти и для практическихъ нуждъ. Съ самаго начала обнаруживается намѣреніе держаться въ расположеніи матеріала определенной системы; съ начала идутъ общіе царскіе хрисовулы, жалованная грамота Іоанна Дуки Вататци (1228 г.) о возстановленіи монастыря съ обозначеніемъ и описью отводимыхъ ему земель и угодій, затѣмъ подробная опись всѣхъ монастырскихъ имѣній, произведенная по царскому повелѣнію въ 1235 году, далѣе хрисовулы послѣдующихъ императоровъ, утверждавшихъ за монастыремъ его пріобрѣтенія, и уже потомъ акты, относящіеся къ частнымъ отдѣльнымъ имѣніямъ: царскія опредѣленія и указы, распоряженія провинціальныхъ властей, акты купли и мѣны и т. д. Но все это—только самыя общія и внѣшнія очертанія системы; на самомъ дѣлѣ рядъ однородныхъ актовъ часто прерывается посторонними чуждыми вставками, касающимися другаго разряда дѣлъ, и потомъ внутри отдѣловъ, объединяемыхъ сходствомъ содержанія, никогда не соблюдается хронологическая послѣдовательность. Оба эти обстоятельства сильно затрудняютъ изученіе драгоцѣннаго сборника. Своєю первою задачей мы сочли приведеніе всѣхъ документовъ въ хронологической порядокъ; и нужно сказать, что это было дѣло не совсѣмъ легкое. Правда, что есть много документовъ, уже обозначенныхъ извѣстнымъ годомъ отъ сотворенія міра; но другая, весьма значительная часть, можетъ быть на половину, обозначена только индиктомъ безъ мѣсяца и года, или только безъ года. Въ оглавленіи, помѣщенномъ въ концѣ книги, и какъ мы знаемъ, имѣющемъ видъ хронологическаго указателя, издатели держались того правила, чтобы помѣщать неизмѣющіе годовыя акты какъ можно ближе къ тѣмъ вполнѣ датированнымъ, которые находятся по сосѣдству съ ними въ самомъ сборникѣ. Но это весьма мало помогаетъ дѣлу, а напротивъ можетъ быть источникомъ заблужденій; потому что рядомъ внутри книги стоятъ иногда документы совершенно отдаленныхъ періодовъ. Хронологія недатированныхъ годовъ документовъ, то-есть, помѣщеніе ихъ внутри того или другаго пятнадцатилѣтняго періода,—должна быть опредѣляема при помощи датированныхъ актовъ; въ послѣднихъ нерѣдко обозначаются имена провинціальныхъ правителей (дукъ, доубъ) той области или темы, въ ко-

торой находился монастырь, приводятся имена настоятелей обители, повторяющиеся потомъ въ документахъ, не имѣющихъ года. Сверхъ того, кромѣ внутреннихъ признаковъ, то-есть содержанія документа по отношенію къ другимъ подобнымъ, хронологическія указанія содержатся иногда въ самихъ вступительныхъ формулахъ; напимѣръ, грамоты и акты Михаила Палеолога и при отсутствіи его подписи узнаются по ссылкамъ на предыдущихъ императоровъ, изъ коихъ одного онъ всегда именуетъ своимъ дядею, а другаго племянникомъ (ἀδελφός).

Мы приводимъ здѣсь списокъ дубъ Оракисійской темы и списокъ настоятелей монастыря Лемвотиесы, составленный нами на основаніи всѣхъ датированныхъ и не датированныхъ годами документовъ; эти указатели могутъ служить къ облегченію тѣхъ ученыхъ, которые вздумаютъ послѣ насъ изучать тотъ же самый предметъ, а для насъ они были въ одно и то же время и результатомъ нашихъ разысканій, и пособіемъ при нихъ¹⁾:

1) Іоаннъ Дука Куртикій—былъ областнымъ правителемъ Оракисійскаго округа въ 1233 и 1234 гг., упоминается на стр. 146, 147, 214, 219, 240, 243.

2) Константинъ Ласкарисъ — упоминается однажды въ документѣ 1234 г. (стр. 182).

3) Іоаннъ Ангелъ, дядя императора Іоанна Вататци, былъ дучою около 1235 г. (стр. 36, 37, 39, 40, 85).

4) Мануилъ Контофрѣ — въ 1237 и 1242 гг. (стр. 249, 250, 252).

5) Іоаннъ Кантакузинъ—1244, 1247, 1250 гг. (стр. 54, 139. Ср. Astropolit. p. 93).

6) Θεόδωρῳ Ἰκανατῆ?—1254 г. (стр. 215).

7) Γεωργίῳ Μακρινῆ—1256 г. (стр. 212, 225, 241).

8) Ἰωάννῳ Τορνικίῳ—1258 г. (стр. 74).

9) Καλοετῆ?—1259 г. (стр. 208, 209).

10) Θεόδωρῳ Κριβιτιπότη—1260 г. (стр. 223).

11) Γεωργίῳ Καμιτцовουκῆ—1270 г. (стр. 254).

12) Φοκα Ἀυτοριανῆ—1287—1293 гг. (стр. 256, 257, 258, 283).

¹⁾ Для дополненія списковъ восточной іерархіи, документы сообщаютъ слѣдующія имена Смирнскихъ митрополитовъ: *Константинъ Парвонъ* 1193—1207 г. (стр. 62, 186); *Георгій Калоктезъ*, въ 1231 г. (стр. 41, 43, 53, 144, 189); *Θεόδωρῳ Βαλλιστῆ*, около 1257—1259 г. (современникъ игумена Кирилла; стр. 125; 212); *Ιωάννῳ* около 1274 г. (стр. 84, 85, 109, 110).

Порядокъ игуменовъ монастыря Лемвиотиссы былъ, по всѣмъ соображеніямъ, слѣдующій:

- 1) Герасимъ Опсикіанскій—1225—1232 гг. (стр. 47, 49, 52, 78, 134, 182, 187, 189).
- 2) Павелъ—1232—1237 гг. (стр. 32, 41, 53, 110, 198).
- 3) Игнатій—1240 г. (стр. 195, 197).
- 4) Аѳанасій—1242 г. (стр. 67).
- 5) Павелъ II—1244—1246 гг. (стр. 139, 197).
- 6) Аѳанасій II—1250—1255 гг. (стр. 205).
- 7) Іоаннъ—1255 г. (стр. 71, 74).
- 8) Кириллъ—1257—1259 гг. (стр. 80, 87, 133, 212, 221).
- 9) Герасимъ II—1262—1263 гг. (стр. 27, 124, 260).
- 10) Іоаннъ—1267—1274 гг. (107, 110, 164, 169).
- 11) Агаѳонъ—1274 г. (стр. 95?).
- 12) Антоній—1279 г. (стр. 136).
- 13) Агаѳонъ II?—1281, 1282 гг. (стр. 98, 130, 131, 177).
- 14) Каллистъ—(1287, 1288 гг. (92, 100—102, 105, 131, 141).
- 15) Климентъ—1293 г. (133, 179).

Было бы, однако, неудобно поставить впередъ интересы хронологіи и держаться ея порядка при обзорѣнн многочисленныхъ и разнообразныхъ актовъ, составляющихъ сборникъ монастыря Лемвиотиссы. Мы нашли болѣе полезнымъ раздѣлять документы на слѣдующія группы: 1) императорскіе хрисовулы и пожалованія; 2) вклады и пожертвованія частныхъ лицъ; 3) разныя приобрѣтенія монастыря посредствомъ купли; 4) споры и тяжбы и другаго рода акты, группирующіеся около одного какого-нибудь предмета или имѣнія; 5) единичные и отдѣльные акты такого же рода, то-есть, столкновения и споры съ сосѣдами по какому-нибудь частному и отдѣльному случаю. Каждый родъ документовъ имѣетъ свой особый интересъ. Царскія грамоты, кромѣ того, что опредѣляютъ основныя черты исторіи монастыря, вообще показываютъ, какого рода привиллегіями пользовались многочисленныя учрежденія такого рода. Вклады и пожертвованія особенно наглядно представляютъ намъ процессъ поглощенія частныхъ сельскихъ хозяйствъ монастыремъ, появившимся вблизи и посреди ихъ, на чтò раздавались жалобы даже со стороны Византійскихъ государей, не лишенихъ государственнаго ума ¹⁾). Исторія по-

¹⁾ Императоръ Василій II въ одномъ изъ своихъ эдиктовъ жаловался на то, что крестьянскіе участки завѣдуются монастырями. См. нашу предыдущую статью въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, за мартъ 1879 г.

купокъ, кромѣ всего прочаго, заключаетъ весьма любопытныя данныя для исторіи цѣнъ на землю и другіе предметы. Документы четвертаго и пятаго разряда знакомятъ съ судопроизводствомъ и разными народными судебными обычаями.

1.

Первое мѣсто въ сборникѣ документовъ монастыря Лемвѳіотиссы занимаетъ хрисовулъ императора Іоанна Вататци 1228 года о возстановленіи монастыря св. Дѣвы Маріи на горѣ Лемво близъ Смирны; отсюда видно, что на этомъ мѣстѣ и прежде существовала монашеская обитель, но она пришла въ упадокъ и оставались только слѣды прежняго благолѣпія. Изъ документа, содержаніе котораго нами изложено въ самомъ началѣ пятаго отдѣла, мы узнаемъ, что прежній монастырь находился подъ властію великой Константинопольской церкви: отъ нея и отъ нѣкоторыхъ монастырей столицы, находившейся въ рукахъ латинянъ, перешли къ возобновляемому монастырю первыя его поземельныя владѣнія, изъ коихъ въ хрисовулѣ 1228 года упомянуты имѣніе Вара или Милы съ крестьянами (париками) и съ молитвеннымъ домомъ, церковь въ Смирнѣ св. Георгія съ землею, обращенная въ метохъ монастыря, рыбныя ловли и мельницы, масляныя деревья. Объ этихъ и дальнѣйшихъ приобрѣтеніяхъ мы имѣемъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія изъ другихъ актовъ: хрисовулы представляютъ только торжественное скрѣпленіе и освященіе уже состоявшихся юридическихъ дѣйствій и слѣлокъ и даже пожалованій; поэтому не по золотымъ грамотамъ, находящимся въ началѣ, а по другимъ болѣе обыденнымъ документамъ (царскимъ указамъ или опредѣленіямъ и по частнымъ юридическимъ актамъ) нужно слѣдить исторію монастыря.

Около 1230 г. (№ 78) императоръ повелѣваетъ Севасту Михаилу Кадіану принять мѣры, чтобы монастырю были возвращены всѣ земли и имущества, утраченныя въ неблагопріятныя времена.

Въ 1227 г. (№ 155) монахъ Герасимъ, игуменъ монастыря Лемвѳіотиссы, просилъ царя, чтобы ему позволено было въ монастырскихъ помѣстьяхъ (τόκια) Паспарѣ и Варѣ (τῆ Βάρη) селить пришлыхъ чужаковъ, неизвѣстныхъ казнѣ¹⁾, сколько онъ можетъ, и чтобы они были совершенно свободны отъ всякаго взысканія. Царь согласился

¹⁾ ἵνα προσαχθῶν — — ξένους καὶ ἀνεπίγνωστους τῷ δήμῳ.

на эту просьбу: поселенные игуменомъ чужаки, неизвѣстные казнь, будутъ свободны отъ извозной повинности, отъ выгона судовъ и военныхъ подводъ и т. д. ¹⁾, съ тѣмъ, чтобъ они исполняли монастырскія службы. Грамота была подписана царскимъ посредникомъ, Дмитріемъ Торникіемъ ²⁾.

Въ 1231 г. (№№ 75 и 76) императоръ повелѣлъ отвести монастырю изъ казенной запашки (Zeυγηλατείου) въ Кукуллѣ участки въ два зевгарія (γῆν Zeυγαρίων δύο); вслѣдствіе чего, по инструкціи царскаго слуги Стефина Калопира, стражемъ царскихъ палатъ (παλατοφόλαξ) ему подчиненнымъ, въ присутствіи другихъ лицъ (мѣстнаго священника и мѣстнъ нотаріуса — νομικός, и прочихъ), произведенъ былъ выдѣлъ около рѣки Ерма (εἰς τὸν ποταμὸν τὸν Ἐρμον) въ сосѣдствѣ съ владѣніями Смирнской митрополіи въ поляхъ Меманиомена. Ради послѣдняго обстоятельства опись была подписана и митрополитомъ Георгіемъ.

Въ 1232 г. (№ 70) императоръ утвердилъ приобрѣтенія монастыря въ селеніи Панаретѣ, въ мѣстности Финикѣ (масляничныя деревья) и въ селеніи Мантѣѣ (метохъ св. Пантелеймона).

Въ 1234 г. (№ 77) императоръ Витатци, подаривъ монастырю землю, принадлежавшую къ царской запашкѣ (Zeυγηλατείου), въ мѣстности Кукуллѣ, передаетъ во власть его и находящійся тамъ царскій дворецъ или палаты (παλάτια), съ состоящею при немъ банею, огороженнымъ мѣстомъ или садомъ, съ поселившимися тамъ свобод-

¹⁾ Въ перечисленіи разнаго рода повинностей особенно обращаютъ на себя вниманіе двѣ послѣднія статьи: καὶ ἀπ' αὐτῶν δὴ τῶν οὐο κεφαλαίων τῆς ἀγάπης καὶ τῆς σιταρχίας, ὥστε ἔχειν αὐτοὺς εἰς συχρότησιν τῶν τῆς μονῆς δουλειῶν. Ситархія—житная подать, есть, какъ мы покажемъ ниже, видоизмѣненіе поземельной подати; что же такое—ἀγάπη, любовь? Не есть ли это остатокъ поголовной подати, подобно подымному—тоѣ капчикоѣ?

²⁾ О Дмитріи Комнинѣ Торникіѣ у Акрополиты (см. стр. 97, 100, 101), между прочимъ, говорится, что онъ пользовался величайшимъ расположеніемъ императора Іоанна Витатци, собственно управлялъ всѣми дѣлами и почитаемъ былъ царемъ *за брама*, какъ былъ именуемъ и въ грамотахъ. Наши документы представляютъ тому не мало примѣровъ. Но, сверхъ того, нужно замѣтить, что при актахъ, подписанныхъ Торникіемъ, часто встрѣчается ириписка, указывающая на присутствіе при оригиналѣ, кромѣ царской печати, и печати Торникія царскимъ перстнемъ на воскѣ; замѣтка при копіи обыкновенно прибавляетъ «ὡς ἔδος τοῖς μεσάζουσιν» (какъ это обыкновенно дѣлаютъ посредничающіе). О μεσάζοντες, которыхъ сами позднѣйшіе Византіяцы приравнивали къ турецкимъ визирямъ, можно найти многое въ словарѣ Дюбанна.

ными чужаками (пришельцами), неизвѣстными казнѣ, съ которыхъ монастырь можетъ получать поборы въ свою пользу, но съ тѣмъ, чтобъ игуменъ назначилъ и держалъ священника для отправленія церковной службы въ находящемся при дворцѣ храмѣ. Такъ какъ императоръ узналъ, что какіе-то сосѣди засѣяли нѣкоторыя изъ полей, ранѣ отведенныхъ монастырю, то онъ опредѣляетъ взыскать въ пользу монастыря надлежащую десятину¹⁾.

Въ томъ же 1234 г. (№ 89) Іоаннъ Дука Вататци далъ дарственную грамоту на новый участокъ земли изъ царской запашки (ζευγαλάταιον) въ Кукулѣ въ шесть зевгарей и приказалъ своему шурина (σογγάμβροφ), дукѣ темы Фракисійской, Куртикію, совершить передачу, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ монастырь обрабатывалъ ее собственнымъ тяглою или собственными упряжками²⁾. Такъ какъ Куртикію по своей должности былъ занятъ царскою службою, то царскій названный братъ, Дмитрій Торникій, также принимавшій участіе въ монастырѣ и въ заботахъ объ его благосостояніи, поручилъ исполнить царское повелѣніе президенту (προκαθήμενος) замка Смирны, Іоанну Алопеку. Алопекъ собралъ лучшихъ людей или домохозяевъ (τοὺς χρεῖττονας τῶν Κοινοβουλαιῶν... τοὺς χρεῖττονας οἰκοδοποτάς), сдѣлалъ съ ними обзорѣніе земли, принадлежавшей казнѣ, и отвелъ изъ нея пять зевгарей пахатной и одинъ зевгарій пастбищной и луговой, а всего шесть зевгарей, съ тѣмъ, чтобы монастырь, какъ было сказано, обрабатывалъ надѣлъ собственными средствами, а на лугахъ пасъ свой скотъ.

Въ 1232 году (№ 150, II) строители возобновляемаго монастыря обратились къ царю съ просьбою о пожалованіи ему вблизи города Смирны на взморьи (въ заливѣ) мѣста, удобнаго для устройства рыбной ловли или яза (εἰς βιβαρίου θέσον); императоръ далъ свое согласіе, и принимая во вниманіе, что устройство яза потребуетъ большихъ трудовъ и затратъ, освободилъ монастырь заранѣе отъ всякой за него дани и пошлины. Язь, названный Гіромъ (Γόρος) или Карпаоіей, былъ устроенъ при старомъ устьѣ рѣки Ермона, такъ что только при

¹⁾ τὴν ἀνήκουσαν μιστῆν.

²⁾ Стр. 146. γῆν ἐξ ζευγαρίων... καὶ δι' οἰκείων ζευγαρίων ἐργάζονται. Замѣчательно употребленіе одного и того же слова почти рядомъ въ двухъ смыслахъ. Въ первомъ случаѣ зевгарій несомнѣнно означаетъ известное количество земель, (jugum) поземельный участокъ; во второмъ упряжку или пару воловъ (jugum) для обработки земли.

вѣтрѣ и по мелководнымъ ложбинамъ могла упадать сюда вода и рыба изъ названной рѣки. Тѣмъ не менѣе Калигопулъ, стратиотъ и мѣстный владѣлецъ, которому даны были въ видѣ прониі или кормленія рыбныя ловли по нижнему теченію Ермона ¹⁾, предъявилъ свои притязанія на вниманіе съ монастыря денежныхъ поборовъ. Жалобы монаховъ, опиравшихся на то, что рѣка, измѣнившая свое теченіе, совсѣмъ не касалась Гіра, вызвали въ 1234 году новое царское повелѣніе (№ 150, I), чтобы Тракикійскій дукъ Іоаннъ Куртикій разсмотрѣлъ спорный вопросъ. По его старанію, дѣло кончилось мирнымъ соглашеніемъ; Калигопулъ добровольно отказался (№ 150, IV) отъ всякихъ притязаній къ монастырю по поводу устройства рыбной ловли по сосѣдству съ его собственными рыбными промыслами, сдаваемыми имъ въ аренду. При Михаилѣ Палеологѣ новое ложе рѣки Ермона съ его рыбными язами перешло вслѣдствіе новаго пожалованія къ другому стратиоту, Ангю (№ 150, III), и споръ съ монастыремъ возобновился; но и теперь, какъ прежде, онъ былъ рѣшенъ въ пользу монастыря. То же самое произошло при подобномъ же столкновеніи съ другими сосѣдами въ 1264 и 1269 годахъ (№№ 152, 151). При всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло шло о рыбномъ язѣ, устроенномъ на берегу. Но когда монастырь завелъ свою рыболовную лодку (*ἀλιεοτικὸν σαρδάλιον*), то и тутъ встрѣтился съ притязаніями стратиота Кадіана, который имѣлъ право вниманія поборовъ съ такого рода судовъ; однако, царскимъ указомъ 1245 года, даннымъ Іоанну Констомару (№ 153), монастырь объявленъ свободнымъ отъ всякой дани за свою лодку, и Кадіану велѣно было возвратитъ захваченный залогъ (*ἀμάχιον*).

Уже общими царскими жалованными грамотами 1228 и 1235 годовъ монастырь былъ освобожденъ отъ „выгона“ или поставки морскихъ судовъ или моряковъ. Но одного общаго и краткаго заявленія въ хрисовулахъ оказалось недостаточнымъ; правители и сборщики податей неоднократно старались привлечь къ участію въ этой повинности монастырскихъ париковъ селенія Мили. Такого рода попытки вызвали цѣлый рядъ царскихъ подтвердительныхъ указовъ, дающихъ нѣкоторую возможность точнѣе и ближе понять способъ распредѣленія и вниманія „судовыхъ“, „корабельныхъ“ или морскихъ поборовъ. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что морская или судовая повинность, лежавшая на приморскихъ террито-

¹⁾ ὡς ἔχοντι εἰς πρόβουλον τὰ δίπλα τοῦ ποταμοῦ.

ріяхъ, складывалась изъ двухъ элементовъ — изъ обязанности поставлять извѣстное число судовъ, конечно, снабженныхъ гребцами и экипажемъ, и потому изъ обязанности содержать ихъ и удовлетворять жалованьемъ. Въ XII вѣкѣ произведена была реформа, отъ которой византійскіе писатели ведутъ начало упадка морскихъ силъ своего отечества и господства пиратовъ въ прилегающихъ къ нему водахъ. Одинъ изъ приближенныхъ Іоанна Комнина (1118—1143 гг.), считавшій себя искуснымъ финансистомъ, присовѣтовалъ ему „деньги, заимствуемыя изъ морскихъ повинностей и употреблявшіяся прежде на содержаніе флота, обратить въ государственную казну, а снабженныя экипажемъ триеры, поставляемыя островами по опредѣленной нормѣ, онъ убѣдилъ царя чуть не потопить въ морѣ; онъ представилъ что триеры не всегда нужны для государства и общества, а употребляемыя на нихъ ежегодно издержки огромны и потому лучше сберегать эти суммы въ государственной казнѣ, а въ случаѣ нужды отпустить содержаніе флоту изъ царскихъ сокровищъ“¹⁾. Послѣ этой реформы долженъ былъ, по видимому, водвориться такой порядокъ, что казна ежегодно взимала въ свою пользу деньги на содержаніе судовъ, но на самомъ дѣлѣ выставляла и вооружала суда только въ случаѣ крайней нужды и необходимости—или даже совсѣмъ ихъ не выставляла.

Въ монастырскихъ грамотахъ, которыми мы занимаемся, очень часто встрѣчаются выраженія: постановка, или буквально—выгонъ судовъ (*ἀνάστασις τῶν πλοῦρων*) и дача или взносъ судового или корабельнаго (*δῶσις τῶν πλοῦρων*). Нужно думать, что эти выраженія по первоначальному своему значенію не совсѣмъ были тождественны, и что первое означало постановку судовъ натурой—конечно, съ экипажемъ и гребцами, а второе—денежные взносы на ихъ содержаніе, хотя, съ другой стороны, въ прежнее время то и другое шло вмѣстѣ, такъ какъ давали деньги на содержаніе судовъ только тѣ округи, которые обязаны были ихъ ставить, а со времени гибельнаго преобразования все вмѣстѣ было переложено на деньги. Такъ или иначе, на томъ или другомъ основаніи, только дукъ Фракісійской темы, не смотря на вышеупомянутыя царскія жалованныя грамоты, считалъ возможнымъ взимать съ париковъ селенія Милы корабельный или судовой сборъ. Именно, какъ гласитъ царскій указъ дукъ Фракісійской темы Мануилу Контофре²⁾, данный въ 1237 году: „при стапяти-

¹⁾ Nicet. Choniât., p. 75.

²⁾ Μανουὴλ Κοντοφρέ—упоминается въ исторіи Георгія Акрополиты (pagg.

десяти судовыхъ плѣіμος—наложено было (на париковъ селенія Милы) полтора судовыхъ¹⁾; то-есть, нужно думать, на монастырскихъ крестьянъ селенія Милы приходилось переложенное на деньги содержаніе одного съ половиною либо судна, либо моряка (плѣіμος значитъ то и другое) изъ ста-пятидесяти, поставляемыхъ тѣмъ или другимъ податнымъ или военно-морскимъ округомъ. При весьма незначительномъ числѣ крестьянскихъ монастырскихъ семей въ селеніи, не достигавшемъ числа 25, очевидно, эта морская подать была весьма тяжелою. Предписывая своему чиновнику отказать отъ ея взиманія съ монастырскихъ париковъ, императоръ прибавляетъ, что онъ долженъ считать эту подать въ одинъ съ половиною плѣіμος полученною, какъ скоро ему предъявлено будетъ заявленіе монастыря, скрѣпленное архіерейскою записью²⁾. Въ 1240 году императоръ долженъ былъ еще два раза повторить напоминаніе все тому же дукѣ и все о той же привилегіи монастыря (№ 158, III и № 156). Между прочимъ во второмъ изъ подразумеваемыхъ нами указовъ, прямо сказано, что высканіе новинности производилось деньгами³⁾, а съ другой стороны—содержится напоминаніе и объ освобожденіи отъ другаго побора, такъ называемаго „пастбищнаго“ (έννόμιον). Въ 1249 году какой-то царскій вестіарить (№ 158, IV), снова требовалъ съ селенія Милъ плѣіμον ἕνα πρὸς τῷ ἡμῶσι, и даже, въ видъ принудительной мѣры, захватилъ монастырскій скотъ, но царь, вслѣдствіе жалобы игумена, издалъ опредѣленіе, объявлявшее требованіе чиновника несправедливымъ: „Ты долженъ взимать τοὺς πλωίμους оттуда, откуда они ежегодно давались“⁴⁾. „Ты долженъ освободить монастырскій скотъ, который ты отнял и держишь, ибо монастырь никогда не давалъ ничего по этой статьѣ, а давала ежегодно страна полностію“⁵⁾.

64, 71. Βοππ), откуда видно, что онъ былъ начальникомъ флота въ 1237 и въ 1242 годахъ.

¹⁾ ἐπετέθη γοῦν τοῦτο ἀρτίως ἐπὶ ἑκατὸν πενήτηκοντα πλωίμοις πλωίμους εἰς πρὸς τῷ ἡμῶσι.

²⁾ καὶ ἵνα σοὶ δεχθῆ ὁ τοιοῦτος εἰς πρὸς τῷ ἡμῶσι πλωίμους δι' ἐμφανείας ἀρχιερατικῶυ σημειώματος, προφησομένου ἐξ ὁμολογίας τοῦ μέρους τῆς—μονῆς.

³⁾ ἐτι ζητεῖς τὰ νομίσματα τῶν πλωίμων (pag. 249).

⁴⁾ ὅθεν γοῦν εἰδίδοτο κατέτος, ἐκεῖθεν πάλιν ὀφείλεις σὺ ἐπαρεῖν τοὺς πλωίμους (pag. 253).

⁵⁾ ἐπεὶ οὐδέποτε δέδωκε τὸ τυχὸν χάριν τοῦ κεφαλαίου τῶν πλωίμων.. Καὶ ἡ χώρα εἰδίδοι κατ' ἔτος πλωίμους ἐξ ἀκραιῶυ (pag. 253).

Въ слѣдующемъ году (№ 158, II) еще разъ изданъ былъ царскій указъ все по тому же поводу. Онъ былъ адресованъ Исааку Левуну и тѣмъ, которые завѣдывали „выгономъ“ или поставкою судовъ въ катепаствѣ Смирнскомъ, ἐν τῷ κατεπακτικῷ τῆς Ἐμόρουγης: въ послѣднихъ словахъ, по видимому, и находится отвѣтъ на вопросъ о той территоріи или о томъ округѣ, съ котораго слѣдовало взысканіе 150 πλώϊμων, и къ которому причислялись и Милы. Изъявляя свое неудовольствіе на притѣсенія, которымъ подвергается монастырь, императоръ предписываетъ: „Возьмите одного съ половиною πλώϊμων съ дома Фагомодія, дѣлающаго такія разкладки, чтобы онъ отучился налагать поборы, взыскиваемые со страны, на селеніе, принадлежавшее царскому монастырю“¹⁾.

Къ 1239 году (№ 158) относится, по видимому, и указъ Стиппіоту объ освобожденіи монастыря отъ поставки лошадей и повозокъ или телегъ, которыхъ названный чиновникъ казначейства (вестіарітъ) требовалъ съ монастырскихъ имѣній; царь объявилъ, что такъ какъ монастырскія земли выдѣлены изъ состава страны, то онѣ не должны участвовать въ отправленіи конской и извозной повинности²⁾, падающей на страну.

Въ 1238 году (№ 158, V) писцомъ или дозорщикомъ въ катепа-никіи Смирнской былъ Іоаннъ Констомаръ; не смотря на дарованныя монастырю привилегіи, онъ вздумалъ требовать съ монастыря „пастбищное“ (ἀνώμιον), и для этой цѣли сталъ перечислять овецъ, принадлежавшихъ монастырю и монастырскимъ парикамъ; жалоба, принесенная монастыремъ, вызвала царское повелѣніе, остановившее попытку Констомара.

Къ 1244 году (№ 166) относится весьма важное царское повелѣніе о парикахъ, ушедшихъ съ монастырскихъ имѣній. Изъ переданныхъ монастырю париковъ въ селеніи Милы, въ Палатіяхъ, Потамѣ и въ другихъ мѣстахъ, многіе выселились и ушли отчасти въ городъ Нимфей, отчасти въ село Мурмуты, принадлежавшее знатной госпожѣ протовестіариссѣ Иринѣ (см. ниже), отчасти въ Кукулъ и Петру. Вслѣдствіе того монастырь лишился принадлежавшаго ему

¹⁾ τὸν δὲ τοιοῦτον ἕνα ἤμισι πλώϊμων ἵνα ἀναλάβητε ἀπὸ τοῦ ὁσπητίου τοῦ τὰς καταθέσεις ποιοῦντος Φαγομόδ... καὶ οὕτως ἵνα ἀπομάθῃ τὸ τιθέναι εἰς τὰς ζημίας τὰς κατὰ χώρας ἐπερχομένας τὸ χωρίον τῆς μονῆς...

²⁾ ὡς ζητεῖς ἀπὸ τῶν κτημάτων αὐτῆς κονταράτους καὶ ζευγοσάμῃα ἐπίσης τῇ λοιπῇ χώρα.

права и доходовъ; и вотъ игуменъ обратился къ царю съ просьбой, чтобы повелѣно было собрать париковъ со всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они сѣли, и водворить ихъ на прежнія мѣста. Царь, согласно съ прошеніемъ, издалъ указъ, отрицающій право свободного крестьянскаго перехода, но, по видимому, представляющій только частную и единичную мѣру. Всѣ парики вышеозначеннаго рода должны быть отчислены государственными чиновниками, завѣдующими податными сборами, отъ новыхъ ихъ помѣщиковъ опять къ монастырю.

Мы уже упомянули объ освобожденіи монастыря отъ всякихъ поборовъ за права рыбной ловли на берегу и въ лодкахъ. Права эти снова подтверждены въ 1247 году двумя царскими указами Іоанну Кантакузину, виночерпию и дукѣ темы Фракісійской. Въ первомъ (№ 130) говорится вообще о разныхъ привилегіяхъ монастыря; онъ освобождается отъ казенныхъ взысканій по своимъ землямъ, запашкамъ, мѣтохамъ, рыбнымъ ловлямъ того или другаго рода—виваріями (садьями) или неводами ¹⁾. Во второмъ (№ 13) императоръ объявляетъ, что вестіарітъ Кадіанъ, получившій грамоту на сборъ повинностей за рыбныя ловли и съ рыболовныхъ судовъ, не имѣетъ никакого права тревожить монастырь Лемвотиссу ради находящагося у него невода (*χεροῦρόπιον*), такъ что если онъ взыскалъ за это съ монастыря, то долженъ возвратить.

Приказъ (№ 138), данный въ 1256 году Георгію Макрину, совершенно сходенъ по содержанию съ первымъ указомъ его предшественнику Кантакузину.

Есть три царскіе указа (подъ № 179) изъ коихъ первый скрѣпленъ Димитріемъ Торникіемъ и относится, по видимому, къ 1227 году, а третій адресованъ на имя протоіерарха Константина Хадина, и слѣдовательно, принадлежитъ Михаилу Палеологу ²⁾,—объ ежегодномъ отпускѣ изъ казенныхъ солончаковъ въ Смирнѣ двухъ сотъ модіевъ соли въ пользу монастыря: отпущенное количество будетъ считаться поступившимъ въ государственную казну ³⁾.

Изъ приказа (№ 161), даннаго Палеологомъ въ 1259 году, мы узнаемъ о нѣкоторомъ движеніи париковъ селенія Вары, похожемъ

¹⁾ Здѣсь же прибавлено: *μηδὲ κωνταράτους ἐκβάλλειν ἢ ἀρκεύειν τινὰ τῶν τῆς μονῆς.*

²⁾ Константинъ Хадηνός сопровождалъ въ 1258 году Михаила Палеолога: *Raschmer*, II, 81, 100. *Muralt*, *Chronogr.* sub anno.

³⁾ *ὡς ἀπελόντων δέχεσθαι σοι εἰς τὸ τῆς βασιλείας μου βεστίριον.*

на крестьянскій бунтъ: парики не слушались монаховъ, не хотѣли платить своего оброка, и даже запрещали это дѣлать новожителямъ, пришедшимъ изъ чужа и тамъ поселившимся вмѣстѣ съ ними, отказывались отъ извозной барщины (*ἀγγαρεία*) и вообще не хотѣли исполнять повинностей, лежащихъ на парикахъ ¹⁾). Царь поручилъ чиновнику, завѣдывающему казенными сборами въ темѣ Фракисійской, внушить парикамъ, что они обязаны платить оброкъ монастырю и исполнять всѣ свои повинности, а въ случаѣ нужды разрѣшилъ принять принудительныя мѣры. Сверхъ того, крестьяне обязывались, подѣ страхомъ насильственного взыскапія, уплатить свой долгъ монастырю въ 55 иперпировъ, сдѣланный недавно по случаю исполненія военной обязанности (*στραταίας γενόμενης*).

Въ 1260 году (№ 137) Михаилъ Палеологъ повелѣлъ дукѣ темы Фракисійской, Θεόδору Кривитціоту (*Κροβιτζιώτα*), защищать монастырь отъ разныхъ сосѣдей, и между прочимъ отъ Діаватина (ср. № 121).

Въ 1269 году (№ 136) монахи просили подтвержденія всѣхъ своихъ привилегій и жалованныхъ грамотъ, что и было сдѣлано въ обычныхъ выраженіяхъ; замѣчательно только ближайшее объясненіе часто повторяющагося выраженія „*προσχαθήμενους ξένους καὶ δημοσίῳ ἀνατιγυώτους*“: оказывается, что въ числѣ этихъ пришлыхъ счужа поселенцевъ, неизвѣстныхъ казнѣ, первое мѣсто занимали уроженцы ближайшихъ острововъ и затѣмъ уже другіе Греки ²⁾).

Въ 1271 году (№ 160) данъ царскій указъ дукѣ Фракисійскому Георгію Каммитцовуку принять мѣры для защиты монастыря отъ беспокойныхъ сосѣдей—царскаго друнгарія Гавалы (ср. стр. 165) и Тарханіотовъ. Своевольно и безъ вѣдома монаховъ они занимали монастырскія поля и засѣвали ихъ для себя, заявляя, что они будутъ платить десятину ³⁾, чего монастырь вовсе не хотѣлъ.

Въ 1292 году (№ 162) императоръ Андроникъ указомъ своему грамматіку и дукѣ темы Фракисійской Фокѣ Авторіану рекомендовалъ оказывать Лембиотиссѣ защиту противъ особъ и архонтовъ, имѣющихъ по сосѣдству съ обителю свои владѣнія ⁴⁾: они захватывали монастырскія земли и вообще причиняли много ущерба и

1) οὐτ' ἄλλο τι ποιεῖν ἐθέλουσι τῶν ὄσα ὑπὸ παροικίαν τελούτων ποιῶσιν.

2) Ξένους — — ἤγουν τοὺς νησιώτας καὶ τοὺς ἑτέρους.

3) Εἰς τὸ δίδόναι πρὸς τοὺς μοναχοὺς μισθόν.

4) Κτήματα προσωπικά καὶ ἀρχοντικά.

обидѣ. Изъ другаго приказа (№ 163), тому же Фокѣ Авторіану мы отчасти узнаемъ, кто именно были эти неприятные сосѣди, и потому приводимъ здѣсь же содержаніе и этого документа. По сосѣдству съ селеніемъ Вары жилъ тогда „спальничій большой печати“¹⁾ Іоаннъ Дука Неостонгъ, и вотъ его-то парики жители селенія Приноварія обижали монаховъ. Разъ нѣсколько изъ этихъ париковъ пришли на скотный дворъ (εἰς τὴν μάνδραν τῶν ζώων) монастыря и потребовали отъ находившагося тамъ монаха, чтобъ онъ далъ имъ сыру; когда же тотъ не далъ, то били его палкою по головѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ. Потомъ чрезъ нѣсколько дней Приновариты стали бродить по монастырскимъ виноградникамъ, и когда игумень свазалъ имъ нѣсколько словъ, нанесли ему нѣсколько ударовъ бичомъ (ἔδωκαν αὐτῷ μετὰ λαυτζονίου); потомъ они прибили іеромонаха Григорія и затѣмъ эконома; послѣдняго даже ранили въ руку, такъ что послѣ онъ не могъ владѣть однимъ пальцемъ. Разъ ночью парики Неостонга пустили свой скотъ на монастырскія поля, подстерегли и сильно прибили монаховъ, которые выговаривали имъ за это. Дукѣ Фракисійской темы предписывалось — въ случаѣ если такія обвиненія оправдаются, подвергнуть крестьянъ штрафу, который и внести въ царскую казну. Авторіанъ пригласилъ въ производствѣ слѣдствія и суда духовныхъ архонтовъ митрополія Смирнской (великаго сакелларія, протонотарія, протопопа и другихъ), и вмѣстѣ съ ними нашелъ жалобы монаховъ справедливыми (№ 164). Кромѣ вышеприведенныхъ обидъ и наслій, оказалось, что крестьяне Неостонга разбойническимъ образомъ уносили масло изъ кладовой монастыря; одинъ изъ нихъ убилъ лошадь монастырскаго человѣка, стоившую 18 иперпировъ, и т. д.

Неизвѣстно—къ какому году относится приказъ нѣкоему Сиропулу (№ 159), но содержаніе не лишено значенія. Сиропулу долженъ былъ отъ излишка въ извѣстное число иперпировъ, оказавшагося послѣ описи монастырскихъ имѣній, 15 иперпировъ передать монастырю, а относительно другихъ 15 распорядиться такъ, чтобы они были вносимы монастыремъ въ царскую казну²⁾.

¹⁾ Παρακοιμώμενος τῆς μεγάλης σφενδόνης. Cf. *Ducange* sub voce.

²⁾ Ὡς ἂν ἀπό τῆς περισσείας τῶν ὑπερπύρων τῆς ἐκρεθείσης ἀπὸ τῆς ἀπογραφῆς σου εἰς τὰ κτήματα τῆς—μονῆς и т. д.

2.

Слѣдуютъ акты, относящіеся къ разнаго рода пожертвованіямъ въ пользу монастыря.

Въ городѣ Смирнѣ находился молитвенный домъ, воздвигнутый однимъ ткачемъ (ἀνοφαντόρου) и оставленный имъ свободнымъ отъ всякихъ повинностей и отъ всякаго подчиненія или отношенія къ кому-либо другому, исключая того, что митрополитъ Смирнскій долженъ былъ поминаться на эктенияхъ (ἀναφορά). Около 1227 года въ этой часовнѣ поселился одинъ мірянинъ, родственникъ великаго эконома Смирнской церкви, по имени Листъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ Іоаннъ Дука Вататци, нашелъ неприличнымъ такое положеніе дѣла и велѣлъ передать молитвенный домъ, посвященный св. Георгію Экзокастриту, возобновляемому тогда монастырю Лемвиотиссы. Президентъ (προκαθήμενος) Смирны Георгій Мономахъ долженъ былъ озаботиться исполненіемъ царскаго указа и выдалъ игумену Герасиму передаточную грамоту (παράδοτικὸν γράμμα), въ которой содержалась опись книгъ и вообще церковнаго имущества. Затѣмъ самъ царь (въ 1230 г.) освободилъ монастырь Лемвиотиссу, обязанный отправлять у св. Георгія Экзокастрита церковную службу, отъ подати въ одинъ иперпиръ, которую ему слѣдовало бы вносить за свой новый метохъ ради житнаго сбора ¹⁾; сборщики, которые дѣлаютъ сборъ житнаго сбора отъ имени казвы въ Смирнской области, не должны обращаться къ монастырю съ требованіями по этой статьѣ, какъ скоро имъ будетъ показанъ царскій указъ, копія коего должна храниться и въ архивѣ царскаго казначейства (вестіарія).

Въ сентябрѣ 1230 года (№ 10), въ царствованіе Іоанна Дуки Вататци и его супруги Ирины, Ксенъ Валии (Βάλκης) съ женой и сыномъ дали слѣдующую записку игумену Герасиму: „Отецъ нашъ, нареченный въ монашеской схимѣ Герасимомъ, завѣщалъ намъ передъ смертію предать его погребенію въ монастырѣ св. Георгія Экзокастрита и пожертвовалъ на ежегодный поминъ души своей одну изъ соляныхъ варницъ (солончаковъ), ему принадлежавшихъ, но по смерти еттора сего монастыря мы до сего дня удерживали за собою половину доходовъ съ этого солончака. Теперь же игуменъ Гера-

¹⁾ Τὸ ἐπικείμενον αὐτῷ χάριν σιταρχίας... μηδὲως ἀπαιτεῖσθαι τοῦτο παρὰ τῶν κατὰ χαιροὺς ποιουμένων τὴν τῆς σιταρχίας ἀπαιτήσιν.

симъ представилъ намъ, въ присутствіи киръ Георгія Мономаха, завѣщаніе ктитора, монастыря св. Георгія, и въ этомъ завѣщаніи оказался упомянутымъ весь солончагъ Валка. Вслѣдствіе того послѣ многихъ переговоровъ, въ присутствіи примирительныхъ посредниковъ (εἰρηνοποιῶν ἀνδράων) мы уступили весь упомянутый солончагъ монастырю Лемвиотиссы⁴.

Въ 1231 году (№ 9) монахиня Ксенія Ангелина возобновила въ пользу монастыря Лемвиотиссы дарственную запись, данную когда-то Георгію Екзовастриту и затѣмъ утраченную, на землю, соседнюю и соединяющуюся съ полями сейчасъ названнаго метоха (свидѣтели: Михаилъ Фока, Мануилъ Ангель).

Въ 1232 году (№ 15) священникъ Алексѣй Тесаитъ выдалъ запись игумену Герасиму, въ которой заявляетъ, что монастырь Пантелеймона былъ еще во владѣніи отца его, Луки, который его и выстроилъ, украсилъ, снабдилъ кельями и населилъ монахами, что передъ смертью Лука передалъ монастырь духовнымъ завѣщаніемъ ему, Алексѣю, какъ своему наслѣднику и какъ ктитору. Но по смерти Луки, какіе-то недобрые люди причинили много хлопотъ Алексѣю относительно владѣнія монастыремъ, такъ что онъ долженъ былъ обращаться къ царю; когда императоръ утвердилъ за нимъ владѣніе, и онъ прибылъ на мѣсто, то нашелъ монастырь въ бѣдственномъ положеніи, безъ церковной службы и пѣнія, и потому тогда же рѣшился передать его игумену монастыря Лемвиотиссы въ видѣ метоха съ тѣмъ притомъ условіемъ, чтобы Алексѣй могъ впослѣдствіи безпрепятственно постричься въ монастырѣ Герасима и поступить въ число братіи.

Въ 1233 году (№ 15) священникъ Алексѣй Тесаитъ передаетъ монастырь Пантелеймона въ полную собственность Лемвиотиссѣ для возстановленія и улучшенія его; при этомъ сообщается опись монастырскаго движимаго и недвижимаго имущества; въ томъ числѣ упоминаются разныя земли и поля, виноградникъ, вошь, осель, масличныя и другія деревья¹⁾, недостроенный молитвенный домъ, который можетъ быть обращенъ въ метохъ монастыря, и тридцать ульевъ, (μελίσσια). Еще послѣ (№ 40) сынъ этого Алексѣя, Михаилъ, тоже священникъ, передалъ въ собственность монастыря и храмъ св. Іоанна Предтечи, который онъ поправилъ и украсилъ; при этомъ онъ заявилъ, что будучи обитателемъ того мѣста, ежегодно вносилъ

¹⁾ Βοϊθιον μετὰ κατασποράς αὐτοῦ καὶ ὄνικόν καὶ ἄτερα δένδρα ἐλαϊκά.

въ монастырь оброка два шерпира съ половиною. Нужно сверхъ того замѣтить, что съ монастыремъ Пантелеймоновскимъ должны были перейти Лембиотиссъ и другія пожертвованія, сдѣланныя ранѣе въ пользу перваго, напримѣръ, масличныя деревья, пожертвованныя игумену св. Пантелеймона Леонтію Іоанномъ Севастомъ Алиѳиномъ (1225 года, № 24).

Въ 1237 году (№ 12) Георгій, митрополитъ Смирнскій, пожертвовалъ въ пользу монастыря имѣніе, доставшееся ему отъ благороднѣйшей женщины, Анны Комнины; оно сосѣдило и соприкасалось съ полями св. Георгія Экзокастрита и съ другими владѣніями монастыря. Монастырь долженъ былъ вносить ежегодно въ видѣ оброка за даруемое поле (ἀπταλαίτυ) одну литру воска.

Въ 1253 году и затѣмъ въ 1261 (№ 146) послѣдовалъ рядъ пожертвованій отъ знатной женщины, протовестиариссы Ирины.

1) Она передала монастырю земли посѣвъ Франгопула, доставшіяся ей по повелѣнію царскому, и свое отдѣльное самостоятельное помѣстье (ιδιοπερίοριον) подлѣ селенія Петрицины. Монаховъ уже и ранѣе прельщало послѣднее имѣніе, находящееся по сосѣдству съ землями ихъ монастыря, и они даже дѣлали попытки фактическаго его присвоенія, особенно когда царскій свойственникъ (σούγαμβρος) Михайлъ Фока уступилъ монастырю территорію въ ближайшемъ соприкосновеніи съ помѣстьемъ. Однако, Ирина умѣла охранять права своей собственности и уступила ихъ только по доброй волѣ въ виду просьбъ монаховъ и обѣщаній молиться о спасеніи ея души.

2) Она же записала въ пользу монастыря земли въ мѣстности Асани составлявшія равнымъ образомъ самостоятельное помѣстье (ιδιοπερίοριον); поэтому парики ея, живущіе въ селеніи Мурмунтахъ, обязывались не тревожить монастыря изъ за нихъ. 3) Она же пожертвовала землю отъ своей запаши (ζεογγατεῖον) въ Кукуллѣ; при этомъ человекъ ея, управляющій ея имѣньемъ въ Мурмунтахъ, и владѣющій сказаннымъ имѣньемъ сынъ Вранины, и вообще всѣ владѣющіе и управляющіе устранялись отъ этой земли: „а если кто изъ крестьянъ или нашихъ людей, сказано въ записи, засѣялъ бы какую-либо часть полевой монастырской земли, то онъ долженъ внести обычную десятину“¹⁾. Дѣйствительно случилось, что человекъ ея завладѣлъ таковымъ, то-есть, уступленнымъ монастырю участкомъ въ Кукуллѣ; но Ирина сейчасъ же потребовала, чтобъ онъ

¹⁾ Εἰσφοῖαν πορτήν.

уплатилъ мѣрту, возвратилъ по принадлежности землю, и снова подтвердила свое распоряженіе со всѣми заклятїями, ссылаясь даже на заслуги своего покойнаго мужа Романіи. 4) Она подарила монастырю своего парика, поселившагося въ Варѣ, Михаила Мурмунтина; никто изъ нашихъ управляющихъ, пишетъ Ирина, не долженъ тревожить Михаила и требовать отъ него какихъ-либо дачъ, такъ какъ онъ пожертвованъ нами монастырю Лемвиотиссъ¹⁾.

Въ 1259 году (№ 64) Ирина Схолари передаетъ игумену Кириллу деревня, которыя она получила отъ отца своего Іоанна Манкафы, и которыя куплены были имъ въ 1235 году въ числѣ 26 за 16 монетъ у Іоанна Ханте (№ 19). Послѣ Манкафы осталось 22 маслины; изъ нихъ половина 11 по его волѣ должны были поступить въ монастырь въ видѣ приношенія, а другая половина должна была быть проданною тому же монастырю. Такъ какъ Манкафа при своей жизни не успѣлъ совершить продажи, то его волю исполняетъ его дочь, жертвуя 11 маслинъ на поминовеніе души своего отца и продавая другія за четыре иперпира (ἑξάυα ἰπέρπυρα).

Въ 1259 году (№ 140) Феодоръ Филесъ подтвердилъ дарственную запись своей тещи Ирины Комнины Вранины, данную еще іеромонаху Павлу, много лѣтъ тому назадъ. Именно—Ирина Комнина, жена Враны, пожертвовала монастырю (№ 139) участокъ, называемый Спановымъ (χωράφιον τοῦ Σπανῶ), вслѣдствіе того побужденія, что ея парики часто ссорились изъ-за него съ монахами сосѣдняго монастыря. Теперь при Феодорѣ этимъ участкомъ завладѣлъ какой-то „его человекъ“; но по предъявленіи старой записи ему приказано было оставить монаховъ въ покоѣ²⁾,

Въ 1265 году (№ 80) Николай и Ксенъ Дерматѣ подарили монастырю свои земли по сосѣдству съ Кукуломъ.

¹⁾ Единственный примѣръ, что париковъ дарять, но и въ этомъ случаѣ, вѣроятно, съ землею.

²⁾ Запись Ирины совсѣмъ не имѣетъ никакой хронологической отмѣтки, такъ что для опредѣленія годовъ, въ которыхъ она принадлежитъ, остается только имя *Павла*, получившаго ее. Но имя Павла носили два игумена Лемвиотиссы: Павелъ I—1132—1137 гг., и Павелъ II, упоминаемый въ 1244 и 1246 годахъ. Что касается до Филеса, то онъ упоминается у Акрополиты какъ лицо, дѣйствующее въ пятидесятыхъ годахъ XIII столѣтія (Acropolit., 91, 165, 174). Такъ какъ его запись означена вторымъ индиктомъ, то мы отнесли ее къ 1259 году. Именно въ этомъ году онъ былъ ослѣпленъ Михаиломъ Палеологомъ Acropolit.; Gregor. p. 111, 3; Pashymer, p. 23, 24.

Въ 1266 году (№ 87) Севастъ Петрицинтъ, слѣдуя примѣру своего отца, отличавшагося усердіемъ къ церкви и особенно къ монастырю Лемвиотиссѣ, жертвуетъ этому послѣднему родовую свою землю въ поляхъ Меманиоменовыхъ по сосѣдству съ монастырскими угодьями— въ объемѣ 20 гоновъ (στρέμματα) съ солончаками (ἀλοχά). Если же я въ чемъ нарушу свою запись, пишетъ завѣщатель,—пусть не буду болѣе служить какъ достойный стратиотъ моему царю.

Въ 1267 году (№ 93) Анна Ангелина съ дѣтьми даритъ землю тоже въ Меманиоменовомъ полѣ въ 40 модіевъ (или 34 γρονθών), и сверхъ того, за 14 иперпировъ, уступаетъ монастырю дома въ Пиргѣ съ дворомъ.

Въ 1274 году (№ 49) монахиня Марѳа Θρακισίηская и ея дочь и зять передали іеромонаху Іоанну игумену Лемвиотиссы монастырь св. Георгія Побѣдоносца, прозываемый Скурвулла со всѣми принадлежащими ему угодьями и имуществомъ; актъ продажи и опись были утверждены, по желанію жертвовательницы, митрополитомъ Смирскимъ Іоанномъ.

Въ 1275 году (№ 95) Евдокія Петрицина даритъ монастырю землю въ мѣстности „Солончака“ (τοῦ Ἀλοχῶ) по сосѣдству съ владѣніями Лемвиотиссы въ объемѣ девяти гоновъ (στρέμματα).

Въ 1280 году (№ 101) Θεодоръ Гаргарисъ съ женою подарили монастырю свой участокъ въ поляхъ Меманиомена, по сосѣдству съ Палатіями, гдѣ уже было много монастырскихъ земель. Около того же времени (1272—1181 гг.: № 58) Θεодоръ Гордата духовнымъ завѣщаніемъ оставляетъ монастырю, гдѣ онъ самъ намѣренъ постричься, полевой участокъ въ селеніи Βάρβ въ 30 модіевъ и виноградникъ въ два модія, доставшійся ему въ видѣ приданаго за женою. Въ замѣнъ поля и виноградника, то-есть, приданаго, онъ оставляетъ женѣ свои дома въ городѣ Смирнѣ (ὁσπύτια), исключая двухъ, составляющихъ собственность его сыновей ¹⁾, и другой виноградникъ, братнюю часть; если же кто послѣ будетъ тревожить и беспокоить его жену по поводу раздѣла, то пусть она возьметъ поле и виноградники, составившіе ея приданое, а монастырь—домъ ²⁾.

Въ 1281 году (№ 5) монахиня Марѳа Θρακισίηская двоюродная сестра Гордаты, (см. выше пожертвованіе 1274 года) оставляетъ по

¹⁾ ἐν κεραιωτῶν, ἑτερον χαλοβωτῶν.

²⁾ Другую часть своего поля въ томъ же 1272 году (№ 59) Гордата продалъ Фокѣ, сыну Кирамаріи, за 4 иперпира.

завѣщанію, съ согласія дочери, монастырю Лемвиотиссѣ, гдѣ будетъ положено ея тѣло, поле вблизи св. Предтечи—и дубовыя деревья на двухъ смежныхъ поляхъ — Петритцины и Враны,—ей принадлежавшія. Въ томъ же году (№ 41) Ѳеодоръ Комнинъ Врана подарилъ монастырю маслины и дубовыя деревья въ разныхъ мѣстахъ, приобретенныя имъ отъ Хрисоверга Севаста, Тцикапита и Коскины съ обязательствомъ взноса причитающейся доли податей ¹⁾.

Въ 1281 году (№ 100) Михайлъ Врана Комнинъ пожертвовалъ игумену Агаѳону мѣстечко съ старою упавшею церковью „св. Константина“ близъ мѣстности, называемой святою („Αγία).

Около 1283 года (№ 43), при игуменѣ Каллистѣ совершена была также сдѣлка относительно одного стараго пожертвованія въ монастырь. Президентъ (προαθύμενος) Смирны, Георгій Калоида, пожертвовалъ нѣкогда монастырю метохъ св. Георгія; но этимъ метохомъ пожелалъ владѣть царскій племянникъ, протосевасть и великій домашникъ; „вынужденный силой и величіемъ такого мужа“, Калоида передалъ ему свой метохъ посредствомъ записи; монастырь только введенъ былъ въ напрасныя издержки и хлопоты въ Константинополѣ, и потому просилъ вознагражденія. По своимъ скуднымъ достаткамъ, Калоида ничего другаго не могъ сдѣлать, какъ уступить землю свою въ полѣ Меманиомена по сосѣдству съ участками, уже купленными монастыремъ у его родственниковъ. Но потомъ онъ раскаялся и упросилъ монаховъ вмѣсто полей взять масличныя деревья, около селенія Мантеи въ количествѣ тринадцати.

Въ 1283 году (№ 169) жителями селенія Геника переданы были Лемвиотиссѣ два упавшіе монастыря—св. дѣвы Маріи Аманариотиссы и другой—св. Марины ²⁾; оба находились прежде подъ наблюденіемъ епископа города Моника (см. №№ 167, 167 и 118).

Въ 1285 году (№ 52) Ѳеодоръ Комнинъ Врана, царскій слуга, оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ отказывались монастырю: 1) масличныя деревья, доставшіяся ему отъ Ангелины, жены Хрисоверга — слѣдующимъ путемъ: онъ далъ ея мужу одну литру съ третью не чеваненнаго серебра (ἀστήνιν λίτραν), и когда тотъ умеръ

¹⁾ Запродажный актъ священника Михаила Тцикапита и Коскины (№ 53) по казываетъ что у нихъ было куплено Враною, на правахъ сосѣдства, 44 маслины за 42 номисмы, съ прибавленіемъ одной монеты за хлопоты подоходіаг. ²⁾

²⁾ Монастырь св. Марины въ Милахъ былъ основанъ въ 1192 году монахомъ Геронтіемъ, какъ видно изъ его дарственной записи (№ 118).

бездѣтнымъ и безъ наслѣдниковъ, требовалъ отъ его жены возврата; но такъ какъ она не могла возвратити металла, потому что истратила его, то уступила деревья. Если кто позднѣе будетъ отыскивать эти деревья, то долженъ будетъ уплатити монастырю означенную литру съ одною третью. 2) Сверхъ того Врана оставилъ монастырю другія деревья, входившія въ составъ его родовой собственности, по сосѣдству съ предыдущими, числомъ 30 (χόρμος 30).

Въ томъ же году (№ 59) Левъ Чурулъ, въ монашествѣ Лука, подарилъ монастырю, въ которомъ и постригся, 46 деревьевъ съ землею, на которой они стояли; монастырь обязывался платити ежегодно нѣкоему Банну, у котораго приобрѣтены были деревья Львомъ, и за которыми они, очевидно, еще числились въ писцовыхъ и податныхъ книгахъ, небольшую сумму ¹⁾.

Въ 1281 году (№ 99) Іоаннъ Комитъ дука темы Фрагисійской, по приказанію императрицы, передалъ монастырю помѣстье, называемое „Святая“ (τὸ τοπίον τὸ ἐπιλεγόμενον τῆς Ἁγίας) по близости Палатій.

Въ 1288 году (№ 47), царскій слуга Мануиль Дука, только что воротившій земли, въ предыдущемъ году захваченныя у обители его париками (№ 74), утвердилъ за монастыремъ свободное владѣніе имѣніями Потама и Монопевка; и онъ же приказалъ (№ 48) своему человѣку ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ уплачивать монастырю 40 мелкихъ желѣзныхъ монетъ (σίδηρα κομμάτια 40).

Въ 1292 году (№ 71) Михаилъ Ангелъ Кумпаріотъ, получивъ отъ жены по завѣщанію треть принадлежавшихъ ей масличныхъ деревьевъ, передалъ доставшуюся ему часть, то-есть, 20 деревьевъ, находившихся по сосѣдству съ деревьями, издревле принадлежавшими монастырю.

Въ 1294 году (№ 180) нѣкто царскій слуга, Тираннъ Гудели, предоставляет въ видѣ своего приношенія Лемвотиссѣ: 1) лавку шерстяныхъ матерій въ Смирнѣ, 2) башню съ хлѣбопекарней и лавкой, съ коихъ получается въ годъ наемной платы (ἐνοίκιον) двѣсти и перпировъ, 3) три виноградника въ сорокъ хлѣбныхъ (?) модіевъ (μῶδιον ἀννοιχῶν), 4) запашку (ζευγηλατεῖον) въ мѣстѣ называемомъ Пигасъ въ 10 морскихъ модіевъ, 5) двѣ пары рабочихъ воловъ (ζευγάρια δύο), четыре не рабочихъ (ἀργά), двухъ коней, 6) другую хлѣ-

¹⁾ δι' ὧν καὶ ὠφελεῖται τελευτῆν ἢ μονῆν πρὸς τὸ μέρος τοῦ Καπνῶ κατ' ἔτος κόκκια ὀκτώ.

бопекарню (τὸ ἐν τῇ ἀγγορείῳ), 7) половину бани, 8) еще виноградникъ, 9) дома (ὀσπήτια), за которыя жертвователъ состоялъ еще въ долгу на 420 иперпировъ; поэтому монахи обявались уплатить этотъ долгъ — 150 иперпировъ въ скоромъ времени, а остальные съ разсрочкою—изъ доходовъ съ жертвуемаго имущества, 10) дома и лавки въ Нимфеѣ. Сверхъ того, жертвователъ имѣлъ свой пай или долю въ одной лавкѣ благовонныхъ товаровъ; но въ это монастырь не могъ вступаться, и Гудели предоставлялъ еще себѣ распорядиться передачею своего права.

3.

Обращаемся къ обзорѣнію пріобрѣтеній монастыря посредствомъ купли. При этомъ считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что во второй половинѣ нашей статьи онъ найдетъ нѣкоторыя соображенія относительно чаще встрѣчающихся единицъ монеты и мѣры, относительно величины зевгарія и модія и относительно цѣнности и перпира.

Въ 1231 году (№ 11) Анна Комнина продала игумену Герасиму свое поле по сосѣдству съ садомъ Ангелины. Въ томъ же году (№ 17) игумень Герасимъ купилъ у мѣстнаго жителя Ксена Леганта въ селѣ Панаретѣ въ мѣстности Финикъ 18 масличныхъ деревьевъ за 5 золотыхъ монетъ съ обязательствомъ взноса (ὕπερ ἐπιτελείας) въ одну номисму леннику и рыцарю Саргарію.

Въ 1232 году (№ 25) Михаилъ Какава продалъ монастырю 25 масличныхъ деревьевъ въ селеніи Панаретѣ въ мѣстности Финикъ за восемь золотыхъ монетъ (νομισματα ἑτάγια ὀκτώ); а (№ 66) Никита Кавуръ 24 дерева за семь иперпировъ—въ томъ же селѣ Панаретѣ по сосѣдству съ плантаціей, пожертвованною его тестемъ Легантомъ. Императоръ (№ 70), утвердивъ по желанію игумена, слѣданныя монастыремъ пріобрѣтенія (сверхъ вышеозначенныхъ покупокъ—метоха св. Пантелеймона), опредѣлялъ, что монастырь не долженъ платить за нихъ податей болѣе, чѣмъ означено въ передаточныхъ актахъ. Григорій Пониръ (№ 114) продалъ игумену Павлу свое поле въ мѣстности Георгія великомученика.

Относительно имѣнія Какава нужно здѣсь упомянуть слѣдующее (см. № 31). Дядя царствующаго императора, Іоаннъ Ангелъ (вѣроятно, дука темы Фракисійской: см. акты объ имѣніи Сфурну), наложилъ на монастырь за это имѣніе подать (ἐπιτελείαν), которой, однако,

монастырь не платилъ нѣсколько лѣтъ—на томъ основаніи, что она была наложена безъ всякаго разсмотрѣнія и безъ вниманія къ тому, что имѣніе, купленное монастыремъ, было бездоходно и бесполезно. Въ этомъ убѣдился и писецъ или дозорщикъ катапанства Смирнскаго, царскій секретарь, Іоаннъ Констомаръ. Вслѣдствіе того, въ 1238 году, онъ выдалъ, актъ, освобождающій монастырь отъ всякой подати за имѣніе: „монастырь, въ угожденіе императору, объявляется свободнымъ отъ всякой тягости; казна и сборщикъ казенныхъ податей не должны имѣть никакого доступа въ него ради взысканія подати, потому что Казава переданъ въ другое мѣсто, гдѣ и будетъ отправлять свои воинскія повинности, а равно и казенныя податныя статьи—*ἀνάγκη, ἀταρχίας*, и другія взысканія, слѣдующія съ него, какъ съ парика.

Въ 1239 году (№ 85) Агриперми продаетъ монастырю два участка земли: одинъ въ мѣстности Арка, оставшійся отъ поля прежде проданнаго стратіоту Мономаху, цѣною въ три иперпира (*ὑπερπύρα ἑξάγια τρία*), и другой—братній участокъ въ двадцать гоновъ (*στρέμματα*), цѣною въ пять иперпировъ (такихъ же); а все вмѣстѣ—за восемь иперпировъ или номисмъ.

Въ 1250 году (№ 119) Марія Катафигіотисса и Георгій Тцангаропуль продали игумену Аванасію свои поля—первая 3½ модія за три иперпира, второй—два модія за 1½ иперпира.

Въ 1254 году (№ 81) Константинъ Кипоръ и Николай Дермата продали игумену Аванасію свои родовыя поля по сосѣдству съ Палатами пространствомъ въ 50 модій за пять иперпировъ.

Въ 1256 году (№ 89) Михаилъ Критикъ и другіе продали свои земли тоже по сосѣдству съ Палатами въ количествѣ 100 модіевъ за одинадцать иперпировъ.

Въ 1262 году (№ 148) Михаилъ Петратъ продалъ находившуюся по сосѣдству съ сейчасъ упомянутыми покупателями землю Колелу съ уплатой подати ежегодно въ двѣ номисмы.

Въ 1263 году (№ 57) Іоаннъ Мелисъ продалъ игумену Герасиму II свое поле и масличныя деревья за три иперпира (съ епителіей *πρὸς ἡμάς*).

Въ томъ же году покончено было о покупкѣ еще одной земли по сосѣдству съ Палатами (№№ 84, 83 и 82). Нѣкто Дермата продалъ свою землю Вархиру, но сдѣлалъ это безъ соблюденія всѣхъ законныхъ правилъ, именно не предупредивъ монастыря, который вслѣдствіе сосѣдства считалъ себя имѣющимъ право предпочтительной покупки.

Отсюда возникли многіе споры и неудовольствія, тѣмъ болѣе, что монахи еще ранѣе (около 1256 года (№ 83) имѣли съ Варихиромъ подобное столкновеніе по продажѣ имѣнія Катцивариномъ. Варихиръ отказался-было отъ своей покупки за пять иперпировъ, уплаченныхъ монахами, но потомъ отдалъ ихъ назадъ. Послѣ этого раздоръ усилился. Въ 1263 году дѣло поступило на разбирательство митрополита Смирнскаго, который побудилъ обѣ стороны, то-есть, монастырь и наслѣдника Варихира—Вардахлу—къ мировой: монастырь получалъ, въ силу правъ сосѣдства, имѣніе и уплачивалъ вмѣсто пяти восьми иперпировъ Вардахлѣ. Если Вардахла при этомъ не выдалъ монастырю запродажной записи Дермата, то причиною тому было то, что въ актѣ говорилось еще о продажѣ другой недвижимости.

Въ 1268 году (№ 88) поконченъ былъ споръ за землю, доставшуюся отъ Георгія Петриція. Земля эта, находившаяся въ поляхъ Меманиомена по близости съ монастырскою территоріей, отдана была Петриціемъ монастырю въ вознагражденіе за 10 иперпировъ, данныхъ ему въ видѣ пособія при исполненіи военной службы (*στρατιωτικῆς βοουλαίας*). Но въ эту землю вступился также и монастырь св. Николая въ Смирнѣ на основаніи какого-то родового завѣщанія и ближайшаго сосѣдства. Петрицій умеръ, не успѣвъ устроить дѣла, и поручилъ въ завѣщаніи своемъ эту заботу своему зятю Апелменѣ. Послѣдній пригласилъ игуменовъ той и другой обители на поле Меманиоменовъ, чтобы привести ихъ къ соглашенію. Это оказалось дѣломъ не легкимъ; игумены начали переговоры крупною ссорой, и большаго труда стоило усвоить и примирить ихъ.

Въ 1272 году (№ 59) Николай Дермата съ сыномъ продалъ за два иперпира имѣніе по сосѣдству съ Палатами.

Въ 1274 году (№ 39) Марѳа Θρακισινα продаетъ монастырю 36 дубовъ, а также свою долю изъ родовой полевой земли вмѣстѣ съ орошающею ее водою—по сосѣдству съ домами Петриція за 13 иперпировъ.

Въ 1275 году (№ 94) куплены были земли у Неофита, настоятеля сосѣдняго монастыря (Νεοφῶν), 20 гоновъ (*στρέμματα*) за семь иперпировъ.

Въ 1276 году (№ 96) Михаилъ Петрицій, уже упоминавшійся выше, продаетъ свое поле въ мѣстности Пирга пространствомъ въ 30 гоновъ за 10 иперпировъ, то-есть, по одному иперпиру за три она (*στρέμματα*).

Въ томъ же году Николай Критиѣъ продаетъ землю въ мѣстности

Крамаста (№ 97) вмѣстѣ съ церковью св. Елены. Въ томъ же году (№ 98) Тираннина (то-есть, жена Тиранна), знатная женщина, съ дочерью Ангелиною продали монастырю землю за 16 иперпировъ, по сосѣдству съ имѣніями Калонды, президента Смирны.

Въ 1279 году (№ 68) Христофоръ Германакіи продалъ монастырю масляныя деревья, доставшіяся ему покупкою отъ епископа города Псеири (Ψιδόρων), Льва Варипата, которая тотъ въ свою очередь купилъ у Коскины, по сосѣдству съ деревьями, подаренными монастырю Комниномъ Враню; семь деревьевъ стоили пять иперпировъ.

Въ 1280 году (№ 141) Георгій Какава продалъ землю за одинъ иперпиръ, а (№ 67) жена Іоанна Исидора и Анна Конта продали 40 масляныхъ деревьевъ съ находящеюся подъ ними землею за 36 иперпировъ (ἐπιτέλεα 1/2 иперпира).

Въ 1282 году (№ 61) жена Михаила Фоки продала семь масляныхъ деревьевъ за шесть иперпировъ.

Въ 1283 (№ 174) Василій Кехраноменъ продаетъ по совѣдству землю въ 10 модіевъ за 4 иперпира; а (№ 63) Іоаннъ Скуллатъ—виноградникъ, насажденный его отцомъ на полѣ, приобретенномъ отъ митрополита Смирнскаго, за 11 иперпировъ ¹⁾. Георгій Петрицій (№ 62) продалъ монастырю участокъ своей сестры—виноградныя лозы, три дуба, орѣховое дерево, одну смововницу и еще нѣсколько деревьевъ—все это за 16 иперпировъ. Михаилъ Керамонитъ (№ 173) продаетъ пахатное поле, по сосѣдству съ монастырскимъ, за 3 иперпира.

Въ томъ же 1283 году (№ 42) жена Θεодора Гордата съ сыномъ и зятемъ продаютъ жилия помѣщенія (οἰκῆματα) и виноградникъ; еще покойный ея мужъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи отказалъ монастырю половину того и другаго, за половину оставилъ сыну: теперь совершилась продажа и другой половины—за 25 золотыхъ номисмъ.

---

¹⁾ Дарственный актъ митрополита Смирнскаго *Іоанна* (ср. pagg. 109, 112), относящійся ко второму индикту, слѣдовательно, къ 1274 году (соображая періодъ епископства Іоанна), данъ монаху Каллинику Скуллату (см. № 30). Полевой участокъ, годный для разведенія виноградника, занималъ пространство въ три модія; Каллиникъ обязывался вносить за него монастырю ежегодно *четверть* иперпира (ἑκαρτερίου τέταρτον). Теперь наследники Каллиника, продаютъ виноградникъ, занимающій пространство въ *два* модія, за *одинадцать* шестидъ, съ епителіей въ *хѳхха* тѳссара.

Въ 1286 году (№ 142) царскій слуга Алексѣй Поеъ продалъ игумену Каллисту свои земли въ мѣстности Варѣ за 35 иперпировъ.

Въ 1287 году (№ 143) Константинъ Габала продалъ за 35 иперпировъ пахотныя поля въ мѣстности Вари.

4.

Къ четвертому разряду относятся акты, группирующіеся около одного какого-нибудь имѣнія или предмета; таковъ будетъ рядъ документовъ, относящихся къ имѣнію Сфурну, къ участкамъ, наслѣдованнымъ отъ Планитовъ, и къ наслѣдству послѣ Гунаропуловъ. Монастырю Лемвиотиссѣ принадлежало имѣніе, называемое Сфурновымъ (τὰ Σφόρνον). Исторія его слѣдующая: Въ XII в. до покоренія Византіи Латинами (ἐπι σωζομένης τῆς πόλεως pag. 41) оно принадлежало монастырю Руфиніановъ въ Цареградѣ (pag. 35. 40); но оно было снято (pag. 33 ἐκέχτητο, приобрѣтено) знатною госпожею Кастамонитиссою, которая и взидала чрезъ одного парика монастырскаго, по имени Геге, десятину или мурту ¹⁾ съ жителей сосѣднихъ селеній Рузы, Павхомы, Друи, Потама, пользовавшихся землей и обработывавшихъ оную (pag. 35, 39). Во время нашествія Гейнриха Фландрскаго, въ 1205 году, братъ Никейскаго императора, Θεодора Ласкариса, севастократоръ Георгій Ласкарисъ, рѣшилъ выслать жителей Θρακισίηςскаго округа—однихъ въ крѣпкіе замки (τὰ κάστρα), другихъ въ горныя, природою защищенныя, мѣста. Жители поименованныхъ выше селеній—Рузаты, Павхомиты, Друиты и Потамиты—нашли временное убѣжище въ Сфурну. Послѣ отраженія „безбожныхъ“ Латинянъ, всѣ, между прочимъ и Потамиты, воротились на свои прежнія мѣста, гдѣ имѣли жительство (pag. 36: εἰς τὸ οἰκεῖον χωρίον ἕκαστος—ἔνθα τὸ οἶκημα εἶχον). Въ 1228 году, какъ мы узнаемъ изъ его грамоты, Іоаннъ Дука Вататци (1222—1255 гг.) рѣшилъ возобновить въ мѣстности Лемво, гдѣ еще были слѣды старыхъ монастырскихъ построекъ, монашескую обитель и записалъ въ пользу ея имѣнія и угодья: селеніе Вару (Βάρη) или Милы съ находившимися въ немъ поселенцами

¹⁾ Ср. pag. 39: Ἐμπορτάζοντο παρὰ τινος παροίκου τῆς μονῆς τῶν ρουφινιανῶν—εἰ ἀποστολῆς τοῦ μέρους τοῦ Λαγχιθᾶ, ἤτοι: τῆς Κασταμονιτίσσης; ср. показаніе сосѣднихъ жителей (pag. 35): ἔμπορταζόμεθα παρὰ τῆς—Κασταμονιτίσσης. Она получала также съ жителей и аренду за мельницу—μολόπαντον; pag. 40: Τῇ κατὰ τὴν Κωνσταντινούπολιν διακαίμενῃ μονῇ τῶν Ρουφινῶν ἀρχῆθεν διέφερε καὶ παρὰ τοῦ μέρους τῆς τοιαύτης μονῆς ἔμπορτάζετο.

или париками ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ, именно въ 1284 году (№ 7 pag. 32, 33) сдѣлано было въ новооснованный монастырь богатое приношение: царскій слуга и обитатель города Смирны, Георгій Калонда (Καλονδάς) и его жена, дочь севаста Кастамонита, пожертвовали іеромонаху игумену Павлу имѣніе Сфурну, принадлежавшее прежде монастырю Руфиніанову, но теперь доставшееся Калондѣ въ видѣ приданого за женою, дочерью Кастамонита (pag. 33, 34). Имѣніе, заключавшее въ себѣ десять модіевъ земли, не знало за собою никакой дани или тягла (pag. 34: μήτε τέλος ἢ βάρος ἐπιγινώσκων ὑπὲρ αὐτοῦ); къ нему принадлежала водяная мельница (ὕδρομολικὸν ἐργαστήριον) и ограда съ фруктовыми деревьями. Дарственная запись была подтверждена императоромъ (№ 7). Между тѣмъ, когда въ мартѣ 1285 года стратопедархъ темы Θρακισίης Михаѣль Фока, по царскому повелѣнію, составлялъ общую опись монастырскихъ имѣній, то оказалось, что въ имѣніи Сфурновомъ поселились посторонніе люди; именно жители того самаго селенія Потама которые разъ нашли себѣ убѣжище въ этомъ уединенномъ и безопасномъ мѣстѣ ²⁾. Они были теперь париками, данными въ кормленіе или проію (εἰς πρόνοιαν) царскому служилому челоуѣку, или какъ говорилось тогда и на Востокѣ, леннику и рыцарю Сиргарѣ. Фока велѣлъ имъ удалиться; но отсюда-то и завязалось дѣло. Игумень Павелъ представилъ дукаѣ темы Θρακισίης Іоанну Ангелу, дядѣ императора (pag. 40), царское опредѣленіе, основанное на ревизіи Фоки и данное въ іюнѣ 1285 года, такого содержанія: чтобы онъ, дука, разсмотрѣлъ дѣло и если окажется, что парики Сиргара дѣйствительно поселились на чужихъ земляхъ, то удалить ихъ, хотя бы и противъ ихъ воли, и посадить ихъ на мѣстѣ, принадлежащемъ рыцарю и леннику ³⁾. Съ своей стороны Потамиты, парики, состоявшіе подъ проіею Сиргара (οἱ ἀπὸ τῆς πρόνοιας τοῦ Σοργαρή), обращались къ императору съ проше-

¹⁾ σύν τοῖς ἐν αὐτῷ προσκαθημένοις καὶ τοῖς ἀπὸ τούτων ἐκείθεν μεταπεσοῦσι καὶ ἐν Σμόρονῃ προσκαθήσασιν τρισὶν ἀδελφοῖς Ср. pag. 3: Τῶν ἐν αὐτῷ προσκαθημένων παροίκων.

²⁾ Pag. 38: οἱ ἀπὸ τοῦ ἀγριδίου τὰ ποταμοῦ ὀρμώμενοι πάροιχοι τοῦ καβαλλαρίου τοῦ Σοργαρή; pag. 36: πάροιχοι τοῦ Σοργαρή προσκαθήσαν εἰς τόπον. Въ сущности ихъ было только трое. См. pag. 7: τρεῖς πάροιχοι ἀπὸ τοῦ χωρίου ποταμηνῶν, τελοῦντες ὑπὸ τὸν λιζιον καὶ τ. д.

³⁾ εἴπερ εὐρήσεις προσκαθημένους τοὺς παροίκους τοῦ Σοργαρή ἐν τῷ ῥηθέντι τοπίῳ τῆς μονῆς, ἵνα ἐγείρῃς αὐτοὺς καὶ μὴ βουλομένους καὶ προσκαθίσσης αὐτοὺς εἰς τόπον διαφέροντα τῷ Σοργαρή.

нѣмъ, въ которомъ утверждали, что еще ихъ отцы (γονεῖς) изстари поселились въ Сфурновѣ и сдѣлали въ имѣніи извѣстныя улучшения (βελτιώματα), и что они сами сверхъ того приобрѣли другія имѣнія (ὑποστατικά), такъ что оказываются въ состояніи нести надлежащія повинности (διδόναι τὰ ἀνήκοντα ἡμῖν τέλη) и государственныя или казенныя взыскапія (δημοσιακὰ ζητήματα), а монастырю Леввѣотиссѣ принесли въ даръ водяную мельницу, такъ что игумень уже совершенно несправедливо пытается согнать ихъ съ родовыхъ улучшеній (ἀπο γονικῶν βελτιωμάτων). Императоръ постановилъ рѣшеніе, что если показанія ихъ справедливы, если уже предки Потамитовъ издревле сидѣли (προσκαθήμενοι) на мѣстѣ, и если они могутъ нести слѣдующія съ нихъ какъ съ париковъ, а равно, и казенныя повинности (τὰ ἀνήκοντα ὑμῖν παρικια καὶ δημοσιακὰ ζητήματα: pag. 37, 37), то игумень монастыря Леввѣотиссы не можетъ удалить ихъ съ ихъ родовыхъ имѣній (ἀπὸ γονικῶν ὑποστάσεων). Царское повелѣніе разсмотрѣть дѣло было дано въ іюнь. Въ іюлѣ того же года отобрано было свидѣтельское письменное показаніе (σημασιμαρτορον) объ имѣніи Сфурновѣ отъ жителей сосѣднихъ извѣстныхъ намъ селеній—Рузаты, Павхомиты. Друиты показали, что Потамиты никогда не имѣли наслѣдственныхъ родовыхъ правъ на земли Сфурновскія, но поселились на нихъ какъ чужаки и пришельцы ¹⁾. Они объяснили, какъ это сдѣлалось, что Потамиты опять поселились тамъ, откуда они уже разъ воротились на родину. Это сдѣлалось уже послѣ того, какъ царь принялъ мѣри для возстановленія монастыря, при игуменѣ Герасимѣ, присланномъ отъ императора; игумень не допускалъ ихъ, но денникъ (ἀϊσιος) Сиргаръ упросилъ его за своихъ париковъ, такъ какъ монастырь представлялъ крѣпкое безопасное убѣжище, окрестности его отличались еще дикостію и безлюдностію, въ самой обители находилось немного монаховъ (pag. 36). Свидѣтели упомянули и о мельницѣ: собственно она не была устроена Потамитами, а сдана была попечителемъ монастыря одному жителю потамитскому, Льву Манкинари.

Въ сентябрѣ 1235 года было произнесено и письменно формулировано рѣшеніе Иоанномъ Ангеломъ. Новыми свидѣтельскими показаніями, отчасти тѣхъ же сосѣдей, что были упоминаемы выше, было удостовѣрено, что поселившіеся на земляхъ Сфурну Потамиты не имѣютъ здѣсь никакихъ наслѣдственныхъ правъ, но что они сѣли

¹⁾ pag. 36: Οὐκ εἶχον γονικὴν ἐκληρονομίαν εἰς τὰ Σφούρνου, ἀλλ'ὡς ξένοι καὶ πίδημοι προσκαθίσαν.

тутъ на время ради трудныхъ обстоятельствъ, что еще и теперь можно указать всѣмъ извѣстныя полевныя угодья Потамитовъ, которыя и до сихъ поръ ими обрабатываются и эксплуатируются¹⁾. Парики Сиргара должны были удалиться,—такъ гласило новое судебное опредѣленіе, утвержденное царскою грамотою въ январѣ 1236 года (№ 5), и только въ видѣ вознагражденія за насажденные ими виноградныя лозы вблизи ихъ хижинъ (τῶν καλοβίων) они могли получить небольшое денежное вознагражденіе отъ монастыря²⁾; имъ слѣдовало довольствоваться собственными крестьянскими участками (ἐπὶ ταῖς οἰκείαις ἀρχαῖοις κα-ροῖκῆαῖς ὑποτάσσειν), на которыя ихъ и отослали.

Однако, въ маѣ 1237 года (10 инд. pag. 41), этотъ споръ снова былъ разбираемъ Комниномъ Торникіемъ, названнымъ братомъ императора, вслѣдствіе докладной записки, поданной царю игуменомъ іеромонахомъ Павломъ. Въ своемъ докладѣ (ὑπόμνησις) игумень Павелъ жаловался опять на „кавалларія“ или рыцаря Сиргара, который все-таки удерживалъ Сфурну. Равнымъ образомъ и „кавалларій“ представилъ докладъ за себя лично и за своихъ париковъ (δικαίφ τε οἰκείφ καὶ δικαίφ τῶν παροίκων αὐτοῦ ποταμηνῶν). Когда Торникій приступилъ къ разбирательству, іеромонахъ Павелъ представилъ рѣшеніе дяди императора, бывшего дуки въ темѣ Фракисійской, Ангела, о восстановленіи монастыря въ его правахъ на Сфурну (χρίσιν καὶ ἀποκατάστασιν). Прочитавъ документъ, Торникій объявилъ Сиргару: „Твои парики не имѣютъ права жить на этомъ мѣстѣ, но обяваны сѣсть тамъ, гдѣ сидѣли до латинскаго взятія“. Сиргаръ отвѣчалъ, что его парикамъ наносится несправедливая обида (ἀδικοῦνται οἱ παροικοὶ αὐτοῦ). Тогда Торникій объявилъ обѣимъ сторонамъ, что если они не могутъ на его рѣшеніи помириться, то пусть свидѣтели, которыхъ недавно вызывалъ Іоаннъ Ангелъ, дадутъ присягу (ὡς ἐπορόσωνται). Это предложеніе было принято обѣими сторонами. Особенный родъ присяги, который долженъ былъ имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ, назывался крестопророжденіемъ; посредствомъ подразумеваемаго обряда подлежало точнѣе опредѣлить пространство бывшихъ владѣній мона-

¹⁾ οὗ δικαιοῦνται ὡς γονικάριοι, ἀλλ' ὅτι πρὸς καιρὸν προσεκάθισαν διὰ τὴν τοῦ καιροῦ ἐναγχιότητά. Τὰ χωραφιαῖα τόπια, ἅτινα καὶ δι' αὐτῶν τῶν ποταμηνῶν μέχρι τοῦ νῦν κατακρίνονται καὶ εἰσοδίαζονται; pag. 39.

²⁾ pag. 39: διεκρίναμεν δὲ εἰς τὰ παρ' αὐτῶν καταφωτισθέντα ὑποκλήματα ἐμπροσθεν τῶν καλοβίων αὐτῶν ὡς δῆθεν κραββατίας ἐπιδοῦναι—τίμημά τι ὀλιγοστόν.

стыря Руфиніанскаго ¹⁾). Митрополитъ Смирскій Георгій Каловте нусъ, выдавшій документъ, изъ котораго мы узнаемъ объ этой процедурѣ, вызвалъ вслѣдствіе того обѣ стороны, чтобъ они явились въ мѣстѣ Сфурновомъ, куда прибылъ отправленный имъ великій экономъ Смирской церкви, діаконъ Никита, и гдѣ должна была рѣшиться долгая тяжба. Игуменъ Лемвиотиссы выставилъ прежнихъ свидѣтелей Рузатовъ, Θεοδора Тцианита, Зѳма, Вруллу и другаго Тцианита; тутъ же находились на лицо каваларій Сиргаръ и его мантейскіе (= потамитскіе) парики, имена которыхъ приведены въ документъ. Вышесказанные Рузаты съ величайшимъ усердіемъ и послѣдностію устремились было съ крестомъ на прежнія извѣстныя имъ владѣнія Руфиніанскаго монастыря, прибавляя на словахъ, что они укажутъ и границы родовыхъ (τὰ γονικά) владѣній Потамитовъ, гдѣ они еще могутъ быть видимы, гдѣ стоятъ орѣховыя, масличныя деревья, и находятся самыя жилища, въ которыхъ жили ихъ, Потамитовъ, отцы. Но посредникъ, діаконъ Никита остановилъ убѣжденныхъ и усердныхъ свидѣтелей; онъ не хотѣлъ, чтобъ имя Божіе призывалось всуе и склонялъ стороны къ миролюбивой сдѣлкѣ. Игуменъ монастыря Лемвиотиссы соглашался уплатить извѣстную сумму денегъ за постройки и разведенный виноградъ (τοῦ κραββατινοῦ ἀπτάλου), какъ это рѣшено было и прежде, но Потамиты и господинъ ихъ (ἀδθέντης αὐτῶν) требовали, чтобы, во избѣжаніе всякаго скандала, игуменъ далъ другое мѣсто для поселенія парикамъ Сиргара. Послѣ долгихъ отговорокъ и отказовъ іеромонахъ Павелъ согласился и на это; тѣмъ и кончено было дѣло.

При игуменѣ Герасимѣ (№ 35 и 45) иѣто Николай Адамъ въ 1230 (?) году, жертвовалъ въ даръ монастырю доставшіяся ему по отцу отъ Листа и Планита деревья, мѣсто огороженное въ Планахъ, метохъ монастыря и съ церковью, тамъ находящеюся, что получалъ самъ въ видѣ дара отъ царя.

Въ 1237 году (№ 84) Θεοδορομъ Куртикіемъ были куплены у иѣкоего Радина 12 деревьевъ за 16 номисмъ по сосѣдству съ прежними приобрѣтенными отъ Планита.

Въ мартѣ 1242 года (№ 20) монахъ Максимъ Планитъ и Василій его братъ пожертвовали игумену Аѳанасію свои родовыя владѣнія, находившіяся въ Мантеѣ, и состоявшія изъ земли, полей и деревьевъ, съ принадлежащею къ нимъ водою, за исключеніемъ прио-

¹⁾ Pag. 42: ἵνα χωρισθῶσι τὰ δίκαια τῶν Ρουφινανῶν διὰ τῆς σταυροδικασίας.

брътвенныхъ Максимомъ посредствомъ купли угодій Страгаль (τῶν Στραγάλων) по сосѣдству съ городомъ Смирною. Земли переданы были съ лежащею на нихъ податью въ три иперпира (μετὰ τοῦ ἀνήκοντος αὐτῶν τελεσμάτων ὑπερτόρων τριῶν). При этомъ была заключена такая сдѣлка, что пока монастырь будетъ владѣть только половиною недвижимостей, а другою половиною — братъ постриженнаго Василій и мать ихъ пожизненно (дѣти уже устраниются), и они обязаны будутъ вносить монастырю свою долю податной новинности, то-есть, полтора иперпира (καὶ τελεῖν πρὸς τὴν μονὴν τὸν ἀνήκοντα ἐπιτελεσμόν) а монастырь будетъ оказывать защиту и покровительство, предохраняя отъ всякихъ скандаловъ и отъ всякаго притѣсненія со стороны казны или кого другаго (παντοίας ὀχλήσεως δημοκρατικῆς καὶ ἄλλης), но не будетъ также требовать какой-либо крестьянской барщины или поборовъ (ζήτησιν τιὰ ἢ παροικίᾳς νομῆν ἢ συγχρότησιν). Постриженный долженъ пользоваться отъ монастыря содержаніемъ и одеждою, а какой-то Каламбакъ—четвертою частію меда.

Въ 1255 году завѣщаніемъ, писаннымъ въ февралѣ этого года (№ 23) передъ смертію, монахъ Максимъ Планитъ подтвердилъ свой прежній даръ и распорядился своимъ остальнымъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, при чемъ душеприкащиками были назначены игумень Іоакимъ и братія монастыря Лемвиотиссы. Это завѣщаніе въ 1257 году, при игуменѣ Кириллѣ, было подтверждено дарственною записью родственниковъ умершаго, Василія Планита и Анисіи Планитиссы (№ 32), которые призвали для себя вполне обязательными его распоряженія.

Въ томъ же самомъ году покончено было, къ удовольствію монастыря, и дѣло о наслѣдствѣ, оставленномъ другимъ членомъ фамиліи Планитовъ, монахомъ Никодимомъ (№ 21 pag. 69, ср. pag. 24: τοῦ ἀτέρου Πλανήτου τοῦ Νικοδήμου). Михаилъ Петрицій, подписавшійся свидѣтелемъ подъ предыдущимъ актомъ (pag. 88), царскій слуга, заявляетъ въ пользу монастыря и его игумена Кирилла слѣдующее: Не мало глѣтъ тому назадъ монахъ Никодимъ, имѣвшій мѣстожителство въ Мантеѣ, отказалъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи масляныя деревья, насажденные имъ подлѣ родоваго его молитвеннаго дома, именуемаго храмомъ св. Поликарпа, въ мѣстности Мантеѣ, внутри владѣній (τῶν δικαίων) такъ называемыхъ Планитовъ; эти деревья, какъ посвященные церкви Божіей, не были внесены ни въ военные списки, ни въ опись, составлявшуюся при

Комнинѣ Пинкернѣ (разумѣется извѣстный намъ Торникій ¹⁾); съ теченіемъ времени церковь св. Поливарна пришла въ упадокъ и потому досталась, какъ приношеніе Планитовъ, монастырю Лемвиотиссѣ, настоятели котораго хотѣли поправить, обновить ее и обратить въ свой метохъ—своими трудами, ради чего и выхлопотали подтвердительную императорскую грамоту; тогда Михаилъ Петрицій объявилъ и съ своей стороны притязаніе на 16 маслинъ, о которыхъ идетъ рѣчь, на томъ основаніи, что монахъ Никодимъ былъ парякомъ его пронія ²⁾, но игумень монастыря Лемвиотиссы показалъ ему документы монастырскіе, въ числѣ коихъ онъ Петрицій могъ прочесть и завѣщаніе Никодима, наполненное всяческими заклятіями противъ будущихъ нарушителей онаго; это такъ подѣйствовало на царскаго слугу, что онъ отказался отъ всякихъ притязаній на деревья, вспомнивъ, что они не были за нимъ записаны и въ описи Торникія; по желанію игумена, Петрицій и далъ запись, въ которой торжественно заявляетъ о несправедливости всякихъ притязаній на вышеозначенныя деревья съ чьей быто ни было стороны. Свидѣтелями подписались царскіе слуги: *προκαθήμενος* Смирны, Георгій Калоида, Іоаннъ Равдоноаки и т. д.

Завѣщаніе Михаила Планита, въ монашествѣ Максима, которымъ онъ отказалъ въ пользу монастыря свое родовое имущество, поля и деревья монастырю Лемвиотиссѣ, не было въ точности исполнено его родственниками. Братъ его Василій, самъ подписавшій завѣщаніе, и сынъ Константинъ распорядились по-своему, ничего не дали монастырю; они не только пораспродали имущество въ разныя стороны, кому хотѣли, но еще привлекали монастырь къ уплатѣ повинностей и податей (№ 22 pag. 73: *ἀλλὰ καὶ τὴν μονὴν εἰς ἐπιτελείαν*). Монахи и сынъ Максима обратились съ требованіемъ суда къ Іоанну Торникію, вслѣдствіе чего въ 1258 году былъ отправленъ изъ Смирны для разбирательства нѣкто Макринъ (*Μακρινός*). Онъ долженъ былъ провѣрить, правду ли говорятъ монахи, что у нихъ отняты принадлежавшія имъ по завѣщанію масличныя деревья. Мѣстный нотаріусъ (*νομικός*) Филоквинигитъ засвидѣтельствовалъ, что дядя и племянникъ дѣйстви-

¹⁾ Καὶ οὕτως ἐν πρακτικαῖς στρατιωτικοῖς πρακτικῶθέντα, οὕτως μὲν ἐν τῇ τοῦ πανευγενεστάτου Κομνηνοῦ ἐκείνου τοῦ πιγκέρνη ἀπογραφῇ τηρηθέντα ἢ παραδοθέντα ἐν τινὶ πρακτικῶν στρατιωτικῶν ἢ καὶ δημοσιακῶν, ἀλλ' ἀνετα τὸ καθόλου ἀφεθέντα.

²⁾ Pag. 71: 'Ἐπαὶ ὁ μοναχὸς ἐκεῖνος Νικόδημος ὑπο παροικίαν ἦν τῆς ἡμετέρας προνοίας.

тельно продали Кир-Павлу земли и деревьевъ на 16 иперпировъ; другой свидѣтель показатъ, что Вранѣ было продано маслянъ съ землею на 40 иперпировъ, Ксану на 10, снова Вранѣ на 26, что сверхъ того Рентаки (Ρεντάκης) владѣеть четырьмя маслинами и частью поля въ одинъ модій. Оказывалось, что монастырь отъ всего имѣнія, ему завѣщаннаго, владѣль только участкомъ во дворѣ метохія въ 1¹/₄ модій; да еще 23 деревьями позади метоха, о которыхъ, однако, одинъ изъ Планитовъ, монахъ Варнава, засвидѣтельствовалъ, что они не принадлежали къ ихъ податному окладу ¹⁾, не были записаны въ ихъ податномъ столбцѣ, и слѣдовательно, достались обители не отъ ихъ фамилии. Самое показаніе монаха Варнавы находится подъ № 73 (pag. 141) и гласитъ слѣдующее: „Я, Варнава Планить, свидѣтельствую, что масличныя деревья, находящіяся позади дома (ὀικητίου), не принадлежали къ нашей податной статьѣ ²⁾, но насажены были монахомъ Гаврииломъ Планитомъ, зятемъ Пирина, для церкви св. Поликарпа“. Само собою разумѣется, что за монастыремъ было восстановлено его право, и 16 деревьевъ присуждены ему, такъ чтобы никто не могъ въ нихъ вступаться, ни стратиотъ, ни кто другой.

По завѣщанію Михаила Планита и по его первоначальной дарственной записи, половиною его недвижимаго имущества должны были пожизненно пользоваться (только) его мать и братъ Василій. Но были и другіе наследники, которые предъявили свои права на эту половину. Въ 1259 году племянникъ Максима, по имени тоже Василій, и его зять Рентаки заявляютъ (№ 27, ср. № 149—pag. 236) слѣдующую сдѣлку: „Когда мы находились въ отдаленіи отъ родоваго нашего наследства, находящагося въ селеніи Мантеѣ, задолго предъ тѣмъ удалившись на чужбину (πρὸ χρόνων πολλῶν ἐξυστεθέμενοι), нашъ дядя Планить передалъ родовыя наши имѣнія (угодья, деревья и мельницу) монастырю Лемвиотиссѣ, который и владѣль ими долгое время (то-есть, еще при жизни жертвователя); мы потомъ обращались къ царю и получили отъ него такое опредѣленіе, чтобы намъ владѣть половиною этихъ имѣній, а монастырю—другою половиною, которую далъ ему покойный Планить; теперь въ обезпеченіе монастыря мы свидѣствуемъ о такомъ нашемъ соглашеніи“ (συμφασιστικόν). Сдѣлка была снова утверждена царскою грамотою (№ 149).

¹⁾ Ὡς οὐκ εἰσὶν ἀπὸ τοῦ στίχου αὐτῶν.

²⁾ Οὐκ ἦσαν ἀπὸ τοῦ ἡμετέρου στίχου.

Вестіарить Василій Влаттеръ, ближній челоѣкъ царскаго брата Алексѣя Комнина (и такъ, документъ относится къ царствованію Исаака Комнина, и X-й индиктъ есть 1192 годъ), и родственники его, дѣти Гунаропула (Михаилъ, Іоаннъ и Николай), живущіе въ капанствѣ Смирнскомъ (ἐν τῷ κατεπανίχῳ τῆς Σμύρνης), жаловались царю (№ 131) на то, что жители селенія Кипарисія, состоящаго подъ властью Смирнской церкви, насильственнымъ образомъ захватили принадлежащія Гунаропуламъ родовыя имѣнія въ мѣстности Димосіонъ; Влаттеръ просилъ, чтобъ его родственники не были несправедливымъ образомъ лишены принадлежавшихъ имъ издавна помѣстій (τοπίων). Царь велѣлъ мѣстному чиновнику рассмотреть дѣло, и если жалоба справедлива, возвратить земли Гунаропуламъ, и сверхъ того, заставить кипариссіотовъ удовлетворить ихъ десятиною за годы неправильнаго пользованія чужою землею ¹⁾.

Въ 1194 году чиновники по сбору податей (τὴν ἐνεργείαν ποιούμενοι) въ имѣніяхъ столичнаго монастыря Пантовратора около Смирны нашли въ помѣстьи Димосіѣ (ἐν τῷ προαστείῳ τοῦ Δημοσίου) жену Констанара, которая была внесена въ писцовую книгу слѣдующимъ образомъ: „Жена умершаго Констанара, дочь Гунаропула, владѣетъ бездано (ἀτελῶς) монастырскою землею въ имѣніи Димосіѣ, за который и должна платить отъ начала XII-го индикта по четыре номисмы, и должна очистить (καταλύσαι) держимныя ею земли выморочныхъ участковъ Спана, Колубліи и прочихъ; если жъ она будетъ пытаться и впредь владѣть оными, то представитель монастырскихъ правъ (монастырскій управляющій) имѣетъ право совершенно удалить ее съ земель, принадлежащихъ монастырю“. Осмотрѣвъ эту землю, продолжаютъ отъ себя дозорщики 1194 года,—мы нашли, что она, по свидѣтельству всѣхъ клириковъ Смирны, принадлежитъ упомянутой женщинѣ и ея сыновьямъ и состоитъ въ ихъ пользованіи болѣе сорока лѣтъ (срогъ давности), что ею не мало было истрачено денегъ на разработку земли, и что возвышеніе подати на четыре номисмы, сдѣланное писцомъ (παρὰ τοῦ ἀναγγραφέως), составляетъ для нея большую тягость; потому мы приложили къ описи монастыря относительно ея поправку, оставивъ ее во владѣніи и пользованіи на прежнихъ основаніяхъ ²⁾.

¹⁾ καὶ ἰκανῶσαι ἀπὸ τῶν κηпарισσινῶν ἐποίκων τὰς τοῦτοις ἀνηκούσας μορτάς ἐφ' ὅσῳ καιρῷ οἱραῦτοι ἐποίκοι τὰ τοιαῦτα ἐνεμήθησαν τόπια.

²⁾ ἐν τῷ πρακτικῷ προσεβήκαμεν περὶ αὐτῆς ἐπανάληψιν — ἐχωρήσαντες αὐτὴν κατὰ τὴν τοιαύτην γῆν ἀπερικλονήτως, καθὼς καὶ πρότερον κατὰ τὴν παλαιὰν αὐτῆς δεσποτείαν καὶ νομῆν.

Въ 1207 году (№ 106) дѣти умершаго Василия Гунаропула Михаилъ Гунаропулъ съ братомъ Іоанномъ продаютъ близкому царскому человѣку вестіаріу Василию Влаттеру земли, изъ-за которыхъ у нихъ были большіе споры съ митрополитомъ Смирнскимъ, Константиномъ Парееномъ, именно—четвертую часть имѣнія (τὰ τέταρτα), составлявшаго родовое ихъ достояніе.

Въ 1209 году (№ 104) монахъ Никодимъ Гунаропулъ (со своею бывшею женой и сыномъ Сотерихомъ) продаетъ благороднѣйшей Аннѣ, супругѣ покойнаго Никиты Влаттера, принадлежащую ему часть родовыхъ земель, расположенную въ мѣстности Димосіонъ и нѣкогда захваченную Кипариссіотами, съ тѣмъ чтобы покупщица, по уплатѣ условленной суммы, вносила ежегодно то слѣдуетъ на покрытіе подати, слѣдующей съ участка (χάρις ἐπιταλαίας).

Въ 1225 году (№ 108) монахъ Никандръ (?) Гунаропулъ, по желанію Кир—Іоанна Равдоконаки, зятя вышеупоминавшагося Влаттера, предъ близкими царскими людьми, Смирнскими арконтами (имена ихъ приведены въ документѣ), удостовѣряетъ, что онъ продалъ свою часть въ поляхъ Димосіатскихъ, которыя захватилъ нѣкогда Смирнскій митрополитъ Константинъ, покойному Василию Влаттеру, при чемъ запродажная записъ была написана, по его желанію, епископомъ города Сосандръ, Константиномъ Ксанеомъ, и заявляетъ, что его племянники, Михаилъ и Іоаннъ, послѣ этой продажи и съ своей стороны высказали намѣреніе и готовность къ отчужденію своихъ земель тому же Влаттеру.

Въ томъ же самомъ году (№ 109) Елена Гунаропула, вдова умершаго Василия (ибо Михаилъ называется ея сыномъ) продаетъ игумену монастыря Лемвіотиссы Герасиму Опсикіану свое поле, расположенное въ мѣстности, называемой Млида.

Въ 1231 году (инд. IV, № 132) Іоаннъ Равдоконаки представилъ царю Іоанну Дугѣ Вататци, докладъ о томъ, что онъ получилъ по наслѣдству въ видѣ приданаго за своею женою отъ своего тестя Василия Влаттера земли Гунаропуловъ въ мѣстности рѣчки Димосіаты, но что теперь объявила на нихъ притязанія сторона (τὸ μέρος) монастыря Лемвіотиссы и старается его вытѣснить. Императоръ обезпечилъ за Равдоконаки его права и затѣмъ, когда въ 1233 году (№ 113) принесена была Іоанномъ Равдоконаки новая жалоба на притѣсненія со стороны монастыря, пытавшагося все-таки присвоить поля по рѣчкѣ Димосіату, то царь приказалъ дугѣ темъ Фракісійской

Іоанну Дукѣ Куртикію вновь разобрать споръ и снова подтвердилъ рѣшеніе въ пользу своего вестіарита; мѣстнымъ чиновникамъ внушено было оказывать защиту Равдоконакію и даже содѣйствовать тому, чтобъ исправно уплачивалась десятина съ его полей ¹⁾. Иначе разрѣшено было столкновение монастыря съ наследниками Влаттера по поводу другаго имѣнія, пріобрѣтеннаго Влаттеромъ отъ тѣхъ же самыхъ Гунаропуловъ, какъ и предыдущее.

Въ 1232 году (№ 111) императоръ, не смотря на однородность дѣла, рѣшаетъ адѣсь въ пользу монастыря. Онъ объявляетъ, что ему угодно было подарить монастырю Лемвіотиссѣ селеніе Вару или Милы (*χωρίον τῆν Βάρην ἤτοι τὰ Μίλα*), отобравъ оное изъ рукъ Влаттера; но между тѣмъ жена этого Влаттера беспокоитъ обитель, желая выдѣлить изъ границъ этого селенія землю, которая, по ея словамъ, досталась ей отъ Варійскихъ париковъ (*ἀπὸ τῶν τῆς Βάρης παροίκων*); такъ какъ на самомъ дѣлѣ ея притязанія не могли быть признаны основательными, то императоръ опредѣляетъ, что монастырь долженъ владѣть селеніемъ Варою всецѣло и нераздробно, что ничего не должно быть изъ него выдѣляемо; послѣ отобранія имѣнія у Влаттера и пожертвованія онаго въ монастырь, Влаттеръ уже не имѣлъ никакого права владѣть тѣмъ, что прежде принадлежало монастырю Пантократора; а потому его жена и его зять Равдоконаки должны быть на далекое разстояніе изгнаны изъ окрестности селенія.

Въ 1233 году (№ 115, инд. VI) послѣдовало новое царское повелѣніе, подтверждающее прежнее рѣшеніе въ пользу монастыря: изъ него мы яснѣе узнаемъ ходъ дѣла и основанія его рѣшенія. Земля, принадлежащая къ территоріи селенія Вары, дана была Іоанну Равдоконаки Влаттеромъ его тестемъ по договору (*διὰ συμφώνου*); Влаттеру же она досталась покупкою отъ поселенныхъ въ Милахъ (Вара—тожь) Гунаропуловъ (Михаила, Ивана и Никиты), находившихся въ отношеніи къ нему въ положеніи париковъ и въ условіяхъ парикіи ²⁾; монастырь же утверждалъ, что земля эта входитъ въ составъ владѣній подареннаго ему села Вары или Милъ, и слѣдовательно, должна принадлежать владѣтелю села, то-есть, монастырю, что продажа Гунаропулами Влаттеру не имѣла никакой силы, была живвою и неправильною, такъ какъ была продажей земли, находившейся подъ парикіей (*ὄ:*

¹⁾ δοθῆναι τὴν ἀνήκουσαν τοῦτω μορτῆν ἀπὸ τῶν τοιοῦτων χωραφίων.

²⁾ ἐξ ἀγορασίας ἀπὸ τῶν ἐν τῷ χωρίῳ τῶν Μήλων προσκαθημένων Γουναροπούλων — ὑπὸ παροικίαν τελοῦντων αὐτῶν.

ὁπὸ παροικίαν τελοῦσης). Царскій братъ, Дмитрій Торникій Комнинъ, которому было поручено разбирательство спора, рѣшилъ, что Гунаропулы не имѣли права продавать землю Влаттеру, такъ какъ она неслѣдуетъ парикіи, а тяглые не могутъ продавать держимыхъ ими участковъ тѣмъ, которые получаютъ таковыя въ видѣ прониі (парикіи не могутъ продавать земель прониарамъ): ихъ земля находится подъ рукою казны, то-есть, подлежитъ государственнымъ повинностямъ¹⁾: на такомъ основаніи спорная земля должна принадлежать монастырю, такъ какъ она несомнѣнно входила въ составъ сельской территоріи, и такъ какъ даже и теперь, то-есть, въ 1233 году, жены Гунаропуловъ, Іоанна и Михаила, остающіяся въ живыхъ, состоятъ въ парикіи у монастыря (ὁπὸ παροικίαν τελεῖν τῇ μονῇ). Если же Равдоконаки дасть клятвенное увѣреніе, что его тесть, купилъ землю Гунаропуловъ за извѣстную сумму денегъ, то монастырь долженъ ему воротить эти деньги.

И такъ, село Вара или Милы составляютъ теперь неотъемлемое достояніе монастыря; но царю предлежало оградить монаховъ не только отъ притязаній частныхъ лицъ, но и отъ чиновничьихъ злоупотребленій. Къ тому же 1233 году (№ 124) относится грамота, данная дукѣ темы Фракісійской Іоанну Дукѣ Куртикію, вслѣдствіе жалобы со стороны монастыря. Не смотря на царскій хрисовулъ (1228 года), освобождавшій обитель отъ всѣхъ податей и повинностей, дука не мало отягощала монастырскихъ париковъ селенія Вары (ὁὐ μικρῶς ἐπηρεάζει τοὺς παροίκους), привлекая ихъ вмѣстѣ съ другими мѣстными жителями къ дачѣ разнаго рода сборовъ, которые перечисляются въ нашемъ документѣ, и дѣлалъ это даже не съ париками только, но и съ самими монахами; а если кто изъ монаховъ ему противорѣчилъ, того сажалъ подъ стражу, грозилъ сѣчь и т. п. Императоръ требуетъ, чтобъ этого впредь не было, и даже воспрещаетъ дукѣ или его чиновникамъ (прямо указывается ὁ λογαριαστής) хотя бы ногу ставить въ имѣнье монастырское.

Въ 1234 году (№ 103) императоръ Іоаннъ дука Вататци повелѣлъ своему ближнему челоуѣку и дукѣ темы Фракісійской Константину Ласкарису посѣтить селеніе Милы, обозрѣть поселившихся

¹⁾ ὡς οὐκ ἄφειλον οἱ Γουναρόπουλοι διαπωλῆσαι πρὸς Βλατερὸν τὴν τοιαύτην γῆν διὰ τὸ ὁπὸ παροικίαν τελεῖν ταύτην καὶ μὴ ἄφειλεῖν τοὺς ὑποτελεῖς πιπράσκειν τὰ παρ' αὐτῶν κατεχόμενα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντας αὐτὰ, ὡς ὑπὸ τὴν τοῦ δημοσίου χεῖρα ἀείποτε τελοῦντα.

тамъ париковъ переписать ихъ и надѣлать каждому либо упряжнымъ либо воловьимъ участкомъ, смотря по достатку и силѣ каждаго, и заставить ихъ давать соотвѣтствующія такому или другому участку крестьянскую подать и службу, какъ было при игуменѣ Герасимѣ, и не позволить крестьянамъ дѣлать что каждый захочетъ¹⁾. При этомъ прибавлено, что такъ какъ нѣкто Гупаропулъ владѣлъ прежде въ Милахъ или Вари землю въ три воловьихъ участка и предалъ одну во-

1) Καὶ ἀναθεωρήσης τοὺς ἕκαστος προσκαθημένους παροίκους καὶ ἀναγράφης τούτους καὶ ἀποκαταστήσης ἕκαστον τῶν παροίκων ἢ ζευγαριτικῆν ἢ βοϊδατικῆν κατὰ τὴν ἕκαστου εὐπορίαν καὶ δύναμιν καὶ ἀποκαταστήσης αὐτοὺς δίδοναι τὸ ἀναλογοῦν τῶν ζευγαράτων καὶ τῶν βοϊδάτων παροικίων τέλος καὶ τὴν δουλείαν αὐτοῦ καὶ ἵνα διδῶσι καὶ οἰκομδοπαράσπορον (?) и ниже: γῆν βοϊδατικῶν τριῶν... τὴν μίαν βοϊδατικῆν γῆν.—Документъ, и въ особенности, приведенныя нами мѣста, очевидно, имѣть большой интересъ и важность для вопроса о крестьянскомъ бытѣ париковъ; къ сожалѣнію, въ немъ не все для насъ ясно до несомнѣнности, и мы принуждены были переводить нѣкоторые термины почти на-угадъ. Прежде всего что такое βοϊδατικῆ и ζευγαριτικῆ, которыми должны быть надѣлены крестьяне, смотря по силѣ и достатку каждаго. Этимологическое объясненіе не трудно. Первое выраженіе происходитъ отъ существит. βοϊδιον, уменьшительнаго отъ βῶς, замѣниваго, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, въ народной рѣчи свое первоначальное простое слово, и слѣдовательно, значащаго *волъ* ἢ βοϊδατικῆ—земля воловьѣ; но въ какомъ смыслѣ? Въ томъ-ли, что это земля пастбищная, на которой пасутся волаы, или же въ томъ, что это земля, обрабатываемая волкомъ? нужно думать, что οἰδατικῆ γῆ то же самое, что γῆ βότετρα, выраженіе, встрѣчающееся въ одномъ изъ документовъ Фессалійскаго монастыря Νέα Πέτρα (Acta graeca IV, 408): крестьяне хотятъ купить *рабочаю* вола и обработывать воловью землю: ἐξωνήσασθαι βοῶν ἀροτῆρα καὶ ἐργάζεσθαι τὴν βότετραν γῆν. Въ «Актахъ Пантелеймоновскаго монастыря» (№ 27) напечатана опись одной земли при передачѣ ея. Царскій чиновникъ перечисляетъ *бдмыгъ париковъ* съ ихъ полями и огороженными мѣстами; при имени каждаго парика обозначается его имущество и подать, съ него слѣдующая, и вотъ здѣсь-то много разъ повторяются аналогическія съ затрудняющими насъ выраженія, но опять-таки безъ всякихъ данныхъ къ объясненію. Βοϊδάτων ὑποστατικῶν, τέλος ὑπέρπυρα δύο. Ζευγαράτων ὑποστατικῶν, τέλος ὑπέρπυρα δύο. Русскій переводъ (стр. 213. 214) «подать со скота и живота, два иперипира «тигловая и мушественная подать два иперипира».—безъ сомнѣнія, неправиленъ и не ясенъ ὑποστατικῶν значить здѣсь «имѣніе» поземельный участокъ, а выраженія «βοϊδάτων, ζευγαράτων», ближайшимъ образомъ характеризуютъ эти участки, служатъ для обозначенія качества. Можно было бы думать, что первое означаетъ участокъ, который обрабатывается или можетъ быть обрабатываемъ однимъ волкомъ, второе — участокъ, обрабатываемый паромъ воловъ (ζεύγος) въ упряжи; но странно, почему—съ того и другаго взимается одинаковая подать... Во всякомъ случаѣ слово зевгарать, зевгаратная земля состоитъ въ связи съ словомъ ζεύγος. jägum, ярно, пара воловъ. жүгетимъ и т. д.

ловью землю на сторону Влаттера, отъ котораго она перешла къ монастырю, а теперь онъ, сторона Гунаропула пытается передать ее другому лицу, то пусть самъ Гунаропулъ владѣетъ ею, если хочетъ, и платитъ за этотъ участокъ слѣдующую съ него подать и прочія повинности нариковъ ¹⁾, а если онъ самъ не можетъ владѣть имъ, то слѣдуетъ воротить его монастырю и не дозволить передачи отъ Гунаропула къ кому-либо изъ его родственниковъ.

Принужденный отказаться отъ всякихъ притязаній на участки или помѣстья въ Варѣ, Равдоконаки пожелалъ превратить споръ я за участокъ въ мѣстности Димосіѣ, также перешедшій къ нему отъ Гунаропуловъ чрезъ Влаттера, приобретенный послѣднимъ—покупкою, говорила одна сторона,—насилиемъ, говорила другая. Наскучивъ все продолжавшимися неприяностями, ссорами и судебными препирательствами, Равдоконаки въ 1236 году (№ 110) отказался за пять иперпировъ въ пользу игумена Павла отъ всѣхъ своихъ правъ на поля и земли въ Димосіѣ и выдалъ противной сторонѣ документы—царскія грамоты и приговоръ Фракисійскаго дуки, Іоанна Дука Куртикія (см. выше), въ которыхъ заключалось признаніе и подтвержденіе тѣхъ правъ.

Вслѣдъ затѣмъ и остальное достояніе наслѣдниковъ Гунаропуловъ переходитъ въ руки монаховъ Лемвотиссы. Въ 1240 году (№ 112) Марія жена Михайла Гунаропула (и ея дѣти, Георгій и Іоаннъ продаютъ игумену монастыря Игнатію участокъ земли въ два модія въ мѣстности Румпаки.

Въ 1246 году (№ 113) Іоаннъ Влаттеръ съ фамиліей продаетъ монастырю и игумену Павлу водяную мельницу. Причину продажи выставляется многочисленность наслѣдниковъ, имѣвшихъ право на мельницу, и частыя между ними несогласія и споры, вслѣдствіе которыхъ не дѣлалось надлежащихъ работъ и починокъ, такъ что мельница пришла въ совершенный упадокъ. Она все-таки была продана за шесть иперпировъ. Въ числѣ свидѣтелей акта подписался Теодоръ Варангіа (Θεόδωρος τοῦ Βαραγγία). Въ 1250 году (№ 116) дѣти и родственники Гунаропула, въ числѣ ихъ анагностъ Георгій, упомянутый и въ предыдущемъ актѣ, продаютъ игумену Аванасію и эконому Максиму родовые свои виноградники въ мѣстности Димосіѣ ²⁾.

¹⁾ Καταβάλλειν πρὸς μέρος τῆς μονῆς τὰ ὑπὲρ τοιοῦτου βίβλιαικοῦ ἀνήκοντα τοῦτῃ τελείσματα καὶ λοιπὰ παροικικὰ βάρη.

²⁾ Замѣтимъ особую мѣру πινакίων ἑπτὰ εἰς пробата μεγάλη δεκατρία.

Такимъ образомъ покончены были всякіе счеты съ Гунаропулами; но одна представительница этой фамилии была нѣкогда за Констомаромъ (см. о немъ выше), а этотъ Констомаръ имѣлъ наслѣдниковъ, которые тоже заявляли притязанія на земли Вары или Милъ. Послѣ отвода и описи земель Михаиломъ Фокою въ 1235 году (№ 120), когда монахи считали себя полными собственниками всей записанной за монастыремъ земли, оказалось, что Констомаръ и его родственники, Поѣъ Сотирихъ и Мантіанъ, владѣютъ значительнымъ пространствомъ полей и угодій и пользуются доходами въ селеніи Варѣ и его территоріи, гдѣ они насадили виноградники и т. д. Монахи обратились съ жалобою къ императору; въ присутствіи Констомара и другихъ было разобрано дѣло, и обнаружилось, что въ описи, составленной Фокою, совсѣмъ не упоминается о какихъ-либо владѣніяхъ Констомара или Поѣа, и никто изъ нихъ не могъ представить какихъ-либо документовъ, доказывающихъ ихъ право. Вслѣдствіе того судьи рѣшили, что Констомаръ и его наслѣдники не должны ничѣмъ владѣть внутри территоріи селенія Вары, и такое рѣшеніе, утвержденное царемъ, поручено было привести въ исполненіе нѣкому Агалову Копиду. Изъ ряда другихъ документовъ (№№ 121, 154, 122, 123, 124, 125) видно, однако, что приговоръ, утвержденный императоромъ, не легко могъ быть приведенъ въ исполненіе; Поѣъ Сотирихъ и Мантіанъ не уступали своихъ участковъ: при Іоаннѣ Дужѣ Вататци они были вызываемы къ царскому суду по этому поводу еще другой разъ (№ 123).

Въ 1256 году (№ 154) дука темы Фракісійской Георгій Маєринъ получилъ отъ императора Θεодора II указъ, въ которомъ говорилось, что, не смотря на неоднократныя постановленія его отца ¹⁾. Поѣъ Мантіанъ, наслѣдникъ правъ Констомара, все-таки предъявляетъ свои притязанія къ монастырю, беспокоить монаховъ, грозитъ убить каждаго изъ нихъ, кто появится на спорной землѣ или виноградникѣ и т. п., и что поэтому слѣдуетъ принять мѣры для защиты инокъ и для обузданія своевольныхъ. Согласно съ этимъ, въ томъ же году (№ 124) Георгій Маєринъ снова присудилъ монастырю землю и виноградники, занятые Мантіаномъ, и грозилъ ему штрафомъ въ тысячу

¹⁾ ἡ τις ὑπόθεσις πολλὰκις ἐτηρήθη ὁρισμῶ τοῦ μακαρίτου πατρὸς τῆς βασιλείας ποιοῦ: отсюда видно, что грамота принадлежитъ сыну Іоанна дука Вататци Θεодору II; индиктъ XIV, которымъ она помѣчена, какъ разъ соответствуетъ 1256 году, когда Θεодоръ считалъ еще первый годъ своего правленія.

ипершировъ, если онъ не прекратитъ своихъ насилій. Но и на этомъ дѣло не кончилось. Въ 1259 году императоръ Михаилъ Палеологъ приказываетъ Θεодору Калоеету, чтобъ онъ объявилъ Діавитину и сыновьямъ Поѳа, пусть они не осмѣливаются даже ногъ своихъ ставить въ извѣстныя намъ поля, а если будутъ упорствовать въ насиліи, то принять мѣры къ прекращенію дерзости. Вслѣдствіе того Калоееть издалъ грамоту подобнаго же содержанія, какъ и Макринова, но только съ менѣе опредѣленными угрозами. При игуменѣ Кириллѣ, слѣдовательно, около 1257—1259 года старался по дѣйствовать на упрямыхъ сосѣдей монастыря и смирскаго митрополита Θεодоръ Каллистъ (№ 125).

5.

Слѣдуютъ разнаго рода частныя тяжбы и ссоры монастыря съ сосѣдами. Въ 1193 году (№ 18) ¹⁾ игуменъ монастыря, находившагося подъ властію великой церкви и называемаго Лемвиотиссой, монахъ Леонтій, явился предъ Вардою Левуномъ, катепаномъ Смирны и Іоанномъ Галиномъ, съ жалобою на имѣющаго мѣстопробываніе въ Мантеѣ Николая Казана, что онъ обижаетъ монастырь въ нѣсколькихъ масличныхъ деревьяхъ, принадлежащихъ монастырю. При этомъ Леонтій показывалъ памятныя записи, отправленныя имъ ко вселенскому патриарху и доказывающія, что монастырь до нашествія безбожныхъ Агарянъ владѣлъ въ числѣ многаго другаго и масличными деревьями въ количествѣ 39, которыя во время разоренія и полнаго уничтоженія монастыря тоже подверглись расхищенію; нѣкто—Николай Казанъ, и самъ находящійся подъ властію великой церкви, захватилъ оставленное и какъ бы никому не принадлежащее, и до сихъ поръ владѣетъ и пользуется онымъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ рукахъ Леонтія былъ и патриаршій отвѣтъ на его жалобы, въ видѣ требо-

¹⁾ Для ближайшаго опредѣленія даты, обозначенной, кромѣ индикта, вторникомъ 13-го іюля, служатъ слѣдующія соображенія: 1) митрополиты Смирнскіе Константинъ и Лангада упоминаются въ документѣ 1207 года; 2) іюля 18-го было для XIII столѣтія во вторникъ только въ 1238 году и въ 1283; оба эти года не идутъ; въ 1238 игуменомъ былъ не Леонтій, а апрѣль 1283 года не принадлежитъ XI индикту; 3) слѣдовательно, настоящій годъ документа долженъ быть отыскиваемъ въ XII столѣтіи, что согласно и съ его содержаніемъ (Лемвиотисса еще находится подъ властію великой церкви въ Цареградѣ). Всѣмъ условіямъ удовлетворяетъ 1193 годъ.

ванія, чтобы митрополитъ Смирскій Константинъ и завѣдывавшій тогда казенными сборами въ округѣ киръ Алексѣй Костомаръ разобрали дѣло и воротили монастырю его достоиніе. Варда Левунъ собственными глазами видѣлъ и грамоту, которая дана была вслѣдствіе разбирательства названныхъ лицъ и присуждала владѣніе означенными маслинами монастырю. Вызвавъ съ своей стороны Льва (выше было Николая) Казана, онъ, въ присутствіи Алексѣя Кастамонита, Сотириха Алионна, Михаила Калонды и другихъ, допрашивалъ его: На какомъ основаніи ты владѣешь и пользуешься деревьями, которыя присуждены были монахамъ, и по описи, учиненной при Кастамонитѣ, значатся въ податной статьѣ монастыря, за которыя на монастырь наложена была подать, и до сихъ поръ имъ уплачиваемая ¹⁾?“ Казанъ ссылался на документъ, данный Лангидой и присуждавшій ему владѣніе спорнымъ предметомъ (ἀποκατάστασιν παρὰ τοῦ Λανγιδᾶ). Но этотъ документъ признанъ былъ недѣйствительнымъ на томъ основаніи, что онъ не былъ подписанъ митрополитомъ, тогда какъ патріаршимъ повелѣніемъ, на основаніи котораго разбиралось дѣло, слѣдствіе поручалось Лангидѣ не одному, а вмѣстѣ съ митрополитомъ (хотя послѣдній самъ передалъ свои полномочія своему свѣтскому товарищу, но важно то, что онъ не засвидѣтельствовалъ подписью своего согласія съ его рѣшеніемъ). Деревья были присуждены монастырю.

Въ 1210 году (№ 55) священникъ Іоаннъ Полеа, изъ селенія Мантеи, вмѣстѣ со своими сыновьями даритъ своему племяннику, тоже священнику, Льву Музиорѣ, изъ Смирны, изъ состава родоваго и наслѣдственнаго имущества, числящагося за нимъ въ его податной статьѣ, тридцать масличныхъ деревьевъ, съ тѣмъ чтобы сей послѣдній принялъ на себя обязанность вносить ежегодно приходящуюся за эти деревья долю подати—въ томъ самомъ количествѣ, какъ она будетъ взыскиваться съ дарителя казной, именно полторы номисмы ²⁾.

Въ 1213 году (№ 54) жена умершаго Михаила Коскины съ дѣтьми продала тому же священнику Льву Музиорѣ свои масличныя деревья, числомъ двадцать-семь, съ находящеюся подъ ними землею, за семь-

¹⁾ ἐφ'ὅτι καὶ ἀποκατάστασις ἔτυχον καί'εν τῇ πρακτικῇ τῇ παρὰ τοῦ Κασταμονίτου γενομένου καταγεγραμμένα ἐν τῇ στίχῃ τῆς μονῆς, δι'ὧν καὶ τέλος τῇ μονῇ ἐπέβηκε καὶ μέχρι τῆς σήμερον παρὰ τῶν μοναχῶν διδοται.

²⁾ ἀπὸ τοῦ ὅλου στίχου τῶν γονικῶν καὶ κληρονομικῶν ἡμῶν.... ὡς ὀφειλοντος ἐπιτελεῖν λόγῳ τῶν αὐτῶν ἐλαιῶν εἰς τὸν στίχον ἡμῶν ἕκαστον χρόνον νόμισμα ἐν ἡμῖσι, οἷον ὁ δημόσιος ἀπαιτεῖ.

десять номисмъ, при чемъ покупатель обязывался вносить продавщицѣ ежегодно для уплаты приходящейся на эти маслины подати полторы номисмы ¹⁾).

Сейчасъ упомянутый Іоаннъ Полея, по внушенію сатаны, какъ говорится въ позднѣйшемъ документѣ (№ 28),—предъявилъ притязанія на подаренныя имъ самимъ Музиерѣ деревья предъ своимъ господиномъ, ленникомъ и каваларіемъ Сиргаріемъ; оба, и даритель, и одаренный, были уже тогда, въ 1229 году, монахами, и первый назывался Иларіономъ, а второй Леонтіемъ. Монахъ Иларіонъ (Полея) утверждалъ, что онъ подарилъ Леонтію (Музиерѣ), своему племяннику, только двадцать маслинъ, и что, слѣдовательно, десятью онъ владѣетъ неправильно. Ленный рыцарь Сиргарій поручилъ „домохозяевамъ своей проніи“, чтобъ они разобрали споръ и прижирили тяжущихся. Лучшие люди, собравшись, сейчасъ же увидѣли изъ документа, намъ извѣстнаго (№ 55), что Полея не правъ, и готовы были присудить всѣ 20 деревьевъ Музиерѣ. Но Полея изъявилъ готовность принять присягу въ вѣрности своихъ словъ. Тогда Музиера свазалъ: „пусть владѣетъ десятью деревьями, но только не беретъ на душу присяги“. Прошло 23 года, сынъ Полея Ѳома и братъ его Георгій, по внушенію сатаны, захотѣли воротить и остальные двадцать деревьевъ и обратились съ своимъ искомъ къ своей госпожѣ Комниѣ Вранинѣ. Она хотѣла-было вступиться за Полеевъ; но къ ней же обратился и Воловонтъ, которому достались деревья отъ Музиеры, и показалъ ей свои документы на право владѣнія. Тогда госпожа отослала своихъ кліентовъ къ суду. Судъ производился домохозяевами села Панарета. Когда были представлены документы: дарственная запись Іоанна Полея и судебное опредѣленіе села Аврелія (пронія Сиргарія), то наслѣдникамъ Полея ничего не оставалось, какъ только отрицать подлинность документовъ, что они и сдѣлали, но панаретскіе домохозяева не принимали отговорки и находили, что братья говорятъ не дѣло. Послѣ долгаго спора предложено было Ѳомѣ Полею принять отлученіе (ἀφορισμόν) въ томъ, что документъ подложень, и тогда получить спорныя деревья. Тотъ не захотѣлъ и тотчасъ сврлся. Съ своей стороны Воловонтъ готовъ былъ принять проклятіе въ томъ, что документъ настоящій. Рѣшеніе сельскаго суда само собою понятно.

По просьбѣ игумена монастыря Лемвиотиссы, монаха Герасима, въ

¹⁾ ὁφείλει δὲ τελεῖν πρὸς ἡμᾶς ὑπὲρ ἐπιτελείας νομισμάτων....

1229 году (№ 107), посланъ былъ митрополитомъ Георгіемъ священникъ и великій сакелларій Смирнской церкви Константинъ Варипать для разбирательства спора между этимъ монастыремъ и Приноваритами относительно поля, называемаго Спановымъ (τοῦ Σπανοῦ) и правъ, принадлежащихъ монастырю, какъ владѣльцу полей села Вары. Когда онъ прибылъ на мѣсто, онъ пригласилъ священниковъ Комнина и Варазина и домохозяевъ деревни Приноварія, мѣстнаго сборщика (практора) этой деревни, а изъ села Вары—монаха Мелетія Хамокрита и другихъ домохозяевъ. Хамокритъ объявилъ, что онъ, будучи здѣсь старожиломъ, хорошо помнитъ слѣдующее: село Вары принадлежало прежде Цареградскому монастырю Вседержителя (Пантократора), и въ царствованіе Мануила Комнина былъ посланъ тѣмъ монастыремъ одинъ монахъ осмотрѣть и переписать поля, считавшіяся за селомъ Варою, и остальные владѣнія монастыря, и тотъ монахъ нашелъ, что означенное поле Спаново входило въ составъ угодій села Вары и только насильственнымъ образомъ захвачено Приноваритами; посланный изъ столицы монахъ присудилъ тогда участокъ Спановъ селу Варѣ, но такъ какъ это рѣшеніе не было приведено въ исполненіе, то другой монахъ, владѣвшій селомъ Варою, отправился въ Цареградъ и слѣлалъ о всемъ докладъ игумену Пантократора, а сей послѣдній слѣлалъ представленіе царю и получилъ отъ него опредѣленіе къ исправлявшему тогда должность Фракісійскаго дука, Кириакутзигу, пересмотрѣть дѣло объ угодіяхъ Спановомъ и возстановить во владѣніи того, кому оно будетъ присуждено; когда дука прибылъ и заставилъ Приноваритовъ показать, на какомъ основаніи они владѣютъ участкомъ, то они не могли представить никакого объясненія, не могли сослаться ни на какой документъ, такъ что выяснился ихъ насильственный захватъ, и Кириакутзигъ присудилъ Приноваритовъ къ штрафу, а разсмотрѣвъ податныя книги (συμβολογράφον), присудилъ опять угодье Спаново монастырю Пантократора, отъ котораго оно досталось монастырю Лемвиотиссѣ. „Съ тѣхъ поръ“, говорилъ свидѣтель, — „мы и до сихъ поръ владѣли этимъ участкомъ; но недавно Приновариты, воспользовавшись отсутствіемъ игумена и прибѣгнувъ къ насилію, вступили на него съ колесницами и луками и засѣjali въ одинъ день при помощи всѣхъ упряжекъ селенія (μετὰ τῶν ἄλων ζευγαρίων τοῦ χωρίου) все поле Спаново“. Такое показаніе далъ прежній сельскій судья (ὁ παλαιὸς χωροκρίτης), за которымъ прежняя его должность навсегда осталась въ видѣ прованія, въ присутствіи Приноваритовъ, и оно было подтверждено всѣми Варійцами. Но Приновариты тоже всѣ въ одинъ голосъ

утверждали, что Спаново поле принадлежит имъ, такъ какъ оно было владѣніемъ ихъ сопарика (συνπαροίκου) Спана — много лѣтъ тому назадъ. Дѣйствительно отыскано было, что въ Приноварѣ былъ парикъ такого имени, но былъ нѣкогда парикъ Спанъ (Σπανός) и въ селѣ Варѣ, что помнили Варійцы. Когда вслѣдствіе того поднялся большой шумъ и новый споръ о Спанѣ и его принадлежности къ тому или другому селенію, и не предвидѣлось никакихъ средствъ рѣшить его, то одинъ изъ Приноваритовъ обратился къ игумену монастыря Лемво Герасиму и сказалъ ему: „кирь игумень! если ты считаешь себя правымъ, то ступай и вытащи собственными руками пограничные столбы участка“¹⁾. Другой изъ присутствующихъ домохозяевъ Приноварія сейчасъ подалъ игумену заступъ (λύσκαριον): „возьми его, и если ты снимешь столбы, мы всё отступаемся отъ этого поля“. Игумень, взявъ въ руки лыскаръ, спросилъ: „всѣ ли вы согласны съ такими словами“, и когда священникъ Комнинъ и всѣ прочіе домохозяева отвѣчали утвердительно, онъ въ присутствіи всѣхъ вытащилъ три столба пограничныхъ, чѣмъ и доказалъ правоту свою и принадлежность Спанова поля монастырю Лемвиотиссъ.

Въ 1258 г. (№ 14) возникъ споръ изъ-за нѣсколькихъ домовъ, которые куплены были монастыремъ Лемвиотиссой у севаста Мономаха, и на которые объявили теперь притязанія монахи Смирнскаго монастыря св. Николая — на основаніи сосѣдства, дававшего имъ право предпочтительной покупки. При обсужденіи дѣла обоими игуменами, происходившемъ совершенно мирнымъ образомъ на кровлѣ домовъ, было принято такое соглашеніе, что не позднѣе ближайшаго воскресенья, то-есть, 16-го дня мѣсяца іюня, или уплачена будетъ полная цѣнность имѣнія игумену Лемвиотиссы, или же будетъ съ тѣхъ поръ признано за нимъ безпрекословное владѣніе пріобрѣтенными домами.

Въ 1280 г. (№ 60) Фока, зять Кирамаринъ, пригласилъ мѣстныхъ стратиотовъ и домохозяевъ селенія Мантеи — въ числѣ ихъ храбрѣйшихъ стратиотовъ Никифора Фариссея, Георгія Петриція и т. д. — для разбирательства его спора съ монастыремъ. Произошла слѣдующая сцена: когда судьи (κριταί) потребовали отъ монаховъ документовъ, тѣ отвѣчали, что они не имѣютъ никакого дѣла съ Фокой и ушли въ монастырь; но судьи послѣдовали за ними и объявили, что Фока ищетъ правды; тогда монахи вышли со своими документами

¹⁾ κῆρ ἡγοόμενε, οὐ αὐτὸς παθεύσων ἰδίαις χερσίν ἀποσκάσει τὰς στήλας τοῦ τοιοῦτου χωραφίου, διὰ γυναιρίων γὰρ ἦν λαβράτων γύρεθεν περιοριζόμενον....

въ рукахъ—грамотою Вататци, завѣщаніемъ Алексѣя и его сына Михайла (Тесаитовъ): послѣдній, находившійся тутъ на лицѣ, призналъ предъ практоромъ письмо своего отца и домохозяевъ, его сопарииковъ (σοππαροίκων). Судьи, то-есть, Георгій Мантіанъ и другіе, признали несправедливость притязаній Фоки.

Въ 1281 г. (№ 38) произошелъ споръ между монастыремъ Лемвиотиссою и монастыремъ Стилла (извѣстною намъ лаврою св. Павла) относительно масляныхъ насажденій и полей; въ одномъ и томъ же мѣстѣ Лемвиотисса владѣла девятью маслинами и полемъ въ два модія, Стилла—14 деревьями, приобретенными покупкой отъ Гунаропула, но не отъ того Гунаропула, который былъ парикомъ монастыря Лемвиотиссы, а другаго его брата, Ивана, между тѣмъ какъ деревья Лемвиотиссы приобретены подъ видомъ выморочнаго имущества послѣ Георгія Гунаропула. Монахи Стилла, не довольствуясь купленнымъ, хотѣли захватить и κερσοκλὸν ἐξάλειμα другаго монастыря. Разсмотрѣвъ документы, судъ изъ мѣстныхъ жителей рѣшилъ дѣло такъ, чтобы каждая сторона оставалась при своемъ. Въ числѣ свидѣтелей-судей подписался Θεοδωρὸς Βαριγῆς.

Нѣсколько ранѣе 1285 г. (№№ 91 и 92) нѣкто Николай Критикъ продалъ свой полевой участокъ нѣкому Кутулу, парикю монастыря Лемвиотиссы, и выдалъ надлежащій актъ. Шестъ лѣтъ Кутулъ владѣлъ купленнымъ безпрепятственно, но вотъ чтѣ затѣмъ случилось: Номикю (нотарію) Керамари понравилась эта самая земля, и онъ, пользуясь авторитетомъ и значеніемъ тогдашняго великаго друнгарія Гавала, насильственно вступилъ во владѣніе полемъ и засѣялъ его. Кутулъ, не имѣя возможности противорѣчить, ушелъ къ Куманамъ ¹⁾ и при помощи ихъ съ своей стороны прибѣгъ къ насилію, захватилъ въ видѣ залога (ἡράχουσεν) упряжь (ζευγάριον) Керамарія и увелъ съ

¹⁾ Здѣсь являются на сцену, знаменитые и въ русской исторіи *Половцы*, называемые у византійцевъ всегда Куманами. Послѣ разгрома Татарами, значительная часть ихъ перешла за Дунай въ Византійскіе предѣлы (главная масса переселилась, какъ извѣстно, въ Венгрію) и долго блуждала во Фракіи; царь Іоаннъ Дука, по словамъ Никѳора Григоры, привлекъ ихъ къ себѣ дорогами подарками и ласками и присоединилъ къ войскамъ, при чемъ предоставилъ имъ для поселенія разныя земли, однимъ—во Фракіи и Македоніи, другимъ въ Азіи—*по берегамъ Меандра* во Фригіи (Gregor. I, 36). Нѣсколько разъ эти Половцы являются въ составѣ византійскихъ ополченій (Gregor. I, 111—112, 296; ср. Асгоролит.). Любопытна для характеристики Кумановъ черта, сообщаемая въ нашемъ документѣ (стр. 166): φίλοινοι γάρ ἐστί τούτι τὸ γένος ὡς ὑπὲρ ἕτερον.

собою. Тотъ въ свою очередь, очутившись въ затрудненіи, обратился къ нѣкоему Фариссею съ просьбой о помощи, дабы выручить воловъ. Фариссей отправился къ Куманамъ, и зная, что не было никакихъ другихъ лучшихъ средствъ къ умилостивленію этого дикаго и преданнаго пьянству племени, началъ съ ними торгъ объ угощеніи; согласились, и было пропито на винѣ цѣлыхъ два иперпира, въ чемъ, кажется, участвовалъ и Кутулъ. Волю, нужно думать, были выданы. Вслѣдствіе того Керамари считалъ себя уже законнымъ владѣльцемъ присвоенной земли. Но въ 1270 г. дѣло было поднято на крестьянскомъ мѣстномъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ протопопа Гудела Катакалона. Со стороны монастыря Лемвиотиссы, парикомъ котораго былъ Кутулъ, явился монахъ Маркъ, со стороны Керамари— онъ самъ и еще одинъ его товарищъ. Керамари представилъ было документъ, актъ продажи Критикомъ земли ему, Керамарію; но этотъ документъ былъ признанъ подложнымъ и недѣйствительнымъ; рѣшено было, что имѣніемъ долженъ владѣть монастырь, такъ какъ Кутулъ былъ его парикомъ; а Керамарію было объявлено, что онъ долженъ воротить то, что было несправедливо захвачено отцомъ его.

Михаилъ Врана Комнинъ, царскій ближній челоуѣкъ (Андроника II), обижалъ монастырь, захвативъ часть его владѣній на полѣ Меманиона, въ окрестности Палатій и въ Варѣ. Онъ съ своей стороны обвинялъ монаховъ въ томъ, что они всходятъ на гору, которая входитъ въ составъ его владѣнія, закрѣпленнаго за нимъ документально, ради древесныхъ порубокъ и для пастбища скота, притомъ, вопреки прежнему обычаю, ничего не платя за все это. И вотъ онъ захватилъ въ видѣ залога (ἀράγιον) монастырскихъ овецъ и т. п. Монахи жаловались на него царю (Андронику II), и онъ велѣлъ разобрать дѣло въ судебномъ приказѣ¹⁾. Здѣсь, на основаніи разобранныхъ документовъ, особенно грамоты царя Іоанна Дуки Вататци, монастырь получилъ полное признаніе правъ на свои земли. Врана ничего не могъ противопоставить въ свое оправданіе, кромѣ ссылокъ на старый обычай и долгое пользованіе. Императоръ, утвердивъ приказное рѣшеніе, повелѣлъ domestiку восточныхъ округовъ (темъ) Мануилу Стуропулу разсмотрѣть дѣло на мѣстѣ, опредѣлить точно границы обоюдныхъ владѣній при помощи свѣдущихъ людей изъ мѣстныхъ жителей, возстановить законный порядокъ, согласно съ рѣшеніемъ приказа. Стуропулъ, занятый другими важными дѣлами (pag. 282),

¹⁾ ἀρχαίω, а ниже βασιλικῆ δικαστηρίω.

не могъ лично исполнить царскаго указа и поручилъ это вестіариту Пакуриану (его *συμβόφης*). Сей послѣдній, пригласивъ представителей Смирнской митрополіи — духовныхъ депутатовъ, тяжущіяся стороны, въ числѣ ихъ и жителей селенія Мурмунты, которые однако не явились къ разбирательству, мѣстныхъ домохозяевъ и лучшихъ людей, обошелъ съ аэтами въ рукахъ окрестности и провѣрилъ по пограничнымъ камнямъ, большею частію сохранившимъ надписи, законныя границы монастырской земли. Врана и Мурмунта проиграли процессъ. Но послѣдніе все-таки продолжали пасти свой скотъ въ одномъ горномъ луговомъ мѣстѣ, около Вары и Палатій, которое было собственностію монастыря, такъ что дукъ темы Фока Авторіанъ въ 1287 году получилъ новый приказъ разсудить ссору и все привести въ порядокъ.

Въ 1293 г. (№ 144 и 145) Мануилъ Сгуропуль, для прекращенія ссоръ между монастыремъ и сосѣдними землевладѣльцами, Мануиломъ Дукою Априномъ, Маврозомомъ, и крестьянами селенія Нахорія, послалъ своего зятя, Мануила Критопула, пригласивъ въ то же время письмомъ митрополита Смирнскаго отправить церковныхъ архонтовъ. При помощи мѣстныхъ хорошихъ стариковъ (*χρηστοί γέροντες*) изъ села Панарета, Мантеи и другихъ, судьи провѣрили на мѣстѣ границы по документамъ и отвергли притязанія Априна. Но такъ какъ Критопуль отправлялся на должность дукъ на островѣ Хіосѣ (*εἰς τὴν δοσικτὴν ἀνεργείαν τῆς νήσου Χίου*) и не успѣлъ разобрать спора съ Неохоритами, то Сгуропуль поручилъ это своему *συμβόφῃ* Льву Монастириоту; и тотъ съ домохозяевами и мѣстными стариками (*πάντες οἰκοδεσπόται καὶ τοπικοὶ γέροντες*) сдѣлалъ, что нужно, и заставилъ Неохоритовъ выдать обязательство, что они не будутъ, пользуясь своимъ сосѣдствомъ, вступать на монастырскія земли и обрабатывать ихъ для себя; сверхъ того, принудилъ ихъ заплатить десятину съ земель, которыя они запахали въ прошедшемъ году. Впрочемъ, монахи, ради бѣдности крестьянъ, простили имъ мору ¹⁾.

Въ 1293 г. (№ 102) военный судья (*κρίτης τοῦ φορσάτου*) Хила разбираетъ споръ монастыря съ Михаиломъ Комниномъ Враною: ссоры и раздоры между ними часто доходили до того, что жизнь людей подвергалась опасности; та и другая сторона пускали въ ходъ луки и стрѣлы. Споръ шелъ о землѣ, и обѣ стороны обратились къ Хилѣ,

¹⁾ Ρ.г. 231, 232: ἵνα ἀποδώσωμεν καὶ τὴν τῶν χωραφίων μορτήν, ... ἦν δὴτα μορτήν—ἀνθιπέστραψαν πρὸς ἡμᾶς.

который, взявъ съ собою хорошихъ людей (χρησίμων ἀνδράπων) изъ постороннихъ и мѣстныхъ жителей, явился на мѣсто. Монахи представили свою владѣнную запись (τὸ κρατικόν), составленную еще 59 лѣтъ тому назадъ, и безъ особеннаго труда могли провѣрить указанныя тамъ границы монастырскихъ владѣній; только относительно одного пункта на сѣверѣ оставались недоразумѣнія и продолжались споры: тутъ судьи обратились къ мѣстнымъ знающимъ старожиламъ, и обѣ стороны указали 80-ти-лѣтняго старика, который долженъ былъ все рѣшить. Онъ пошелъ съ крестомъ въ рукахъ и указалъ старые пограничные столбы, сдѣлавшіеся малозамѣтными отъ времени. Столбы велѣно было вновь поставить, а пограничная земля съ обѣихъ сторонъ, служившая для пастбищъ, должна была и на будущее время оставаться въ общемъ пользованіи, съ тѣмъ чтобы ни та, ни другая стороны не имѣли права превращать ее въ пахатную, и чтобы уничтожены были волчьи ямы (χάυδακας), устроенныя ради взаимной ненависти, чтобы можно было въ сосѣднюю мѣстность, гдѣ растутъ тростники (σαράκιον), осенью гонять скотъ съ той и другой стороны и т. д.

III.

Третій отдѣлъ книги греческихъ монастырскихъ актовъ переноситъ насъ въ Европу, къ древнему Пагасейскому заливу, называемому теперь Воло, къ двумъ Фессалійскимъ обителямъ, находившимся подъ однимъ управленіемъ и потому считаемымъ за одну. На западныхъ скалистыхъ и обрывистыхъ склонахъ горы Пеліона, не подалеку отъ Новой Димитριάды, раздѣленной глубокою разсѣлиной, до сихъ поръ находятся два большихъ и богатыхъ села, отличающіяся своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, Макриница и Портарія: первое — съ дерковью, прежде монастыремъ св. Дѣвы Маріи Скорого Призвѣнія—Макринитиссы, второе — съ женскимъ монастыремъ св. Іоанна Предтечи, прозываемымъ Петрою и Новою Петрою. Исторія монастыря Макринитиссы по нашимъ актамъ, дошедшимъ до насъ въ рукописи Туринской королевской библіотеки, представляется въ слѣдующемъ видѣ: Во время господства Латинянъ въ Цареградѣ, но уже послѣ разрушенія ихъ Солунскаго королевства, основаннаго Бонифаціемъ Монферратскимъ, одинъ изъ мѣстныхъ греческихъ магнатовъ или династовъ изъ фамиліи Мелиссиновъ (или какъ постоянно пишется въ актахъ—Малиа-

синовъ), женатый на родственницѣ Феодора Ангела и его брата Мануила, возстановителей греческой самостоятельности въ Фессаліи и Эпирѣ, поручилъ епископу города Димитриады Арсенію построить, или можетъ быть, только возобновить монастырь Богородицы въ Макриницѣ. Въ 1230 г. (а можетъ быть, только въ 1245 г., ибо документъ означенъ однимъ третьимъ индиктомъ), епископъ Димитриады Арсеній, завѣдывавшій постройкою, далъ запись Константину Маліасину (№ 18), что ни онъ самъ, ни его преемники не будутъ имѣть никакихъ притязаній на вновь основанный монастырь, отдаваемый ктиторомъ подъ надзоръ патриарха. Въ послѣдствіи, именно въ 1256 г. (№ 9), патриархъ Арсеній Авторіанъ прямо объявилъ Макринитиссу своею ставропигіей: Епископы Димитриады, говоритъ онъ въ своей грамотѣ,—много разъ пытались присвоить себѣ власть надъ монастыремъ Макринитиссоу, но ихъ попытки вели только къ большому разъясненію той истины, что обитель должна принадлежать патриарху: это доказываютъ грамоты его предшественниковъ Германа II (1222—1240 гг.) и Мануила (1241—1256 гг.), а равнымъ образомъ рѣшеніе, произнесенное, по тщательномъ изслѣдованіи вопроса, бывшимъ деспотомъ Мануиломъ, подъ которымъ подписался и епископъ Димитриады Николай Влатти, первый возбудившій споръ; затѣмъ преемникъ Николая, Неофитъ, тоже сдѣлалъ письменное заявленіе въ томъ же смыслѣ. Это признавали, продолжаетъ патриархъ Арсеній,—и попечители монастыря, покойный Константинъ Маліасинъ и его сынъ Николай, обращаясь къ намъ съ просьбами на счетъ монастырскихъ дѣлъ, напримѣръ, избранія игумена и т. п. Подтверждая права своего престола, патриархъ дѣлаетъ постановленіе о порядкѣ избранія и утвержденія игуменовъ, при чемъ должно быть испрашиваемо согласіе ктиторовъ, Николая Маліасина и его наслѣдниковъ. Патриархъ соглашается въ своей грамотѣ на то, чтобы расположенный въ епархіи епископа Велестина (древнихъ Феръ) монастырь св. Иларіона былъ низведенъ въ подворье или мѣтохъ Макринитиссы, съ тѣмъ чтобъ епископъ Велестинскій (монастырь былъ его ставропигіей) имѣлъ въ немъ поминаніе (ἀναφοράν) и получалъ съ него хавоμικόν. Къ этому послѣднему монастырю кир-Иларіона относится документъ 1246 г. (№ 7). Годъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что именно на него падаютъ военныя дѣйствія Никейскаго императора Вататци противъ солунскихъ своихъ соперниковъ, окончившіяся присоединеніемъ (большей части) Фессаліи къ владѣніямъ возстановляемой имперіи; однако изъ нашего

документа должно слѣдовать такое заключеніе, что за деспотомъ Михаиломъ II Ангеломъ остались не одни только владѣнія въ Эпирѣ, какъ обыкновенно полагають, но и южная часть Фессалии. Михаилъ II, которому принадлежитъ грамота, объявляетъ, что онъ всегда былъ расположенъ къ монастырю кир-Иларіона и съ радостію соглашается на просьбу относительно этого монастыря, обращенную къ нему его возлюбленнымъ зятемъ Константиномъ Малиасиномъ: Когда высокая рука Божія помогла намъ выгнать изъ нашей области грекопожирательное племя латинское и присоединить къ ней данническую и подчиненную имъ область города Алмира, къ которой принадлежалъ и монастырь Иларіона, то возлюбленный нашъ зять, къ которому монастырь поступилъ въ завѣдываніе отъ нашей царицы¹⁾, просилъ освободить его отъ всякихъ даней и повинностей; мы на это согласились и повелѣли, чтобы монастырь Иларіона именовался монастыремъ Константина Комнина Малиасина, а послѣ него пусть онъ перейдетъ къ его сыну, Николаю, и пусть это будетъ наградою за военныя заслуги, оказанныя Константиномъ Ромейской землѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ монастырь освобождается отъ казенной подати (*ἀφροστιχικῶν τελεσμάτων*) въ 2½ иперира, и вообще отъ всякой дани, теперь существующей или впредь вмѣстою появиться вслѣдствіе „изобрѣтательнаго ума слушающихъ казнѣ лицъ“.

Въ 1259 г. Михаилъ Палеологъ отправилъ въ Еврону своего брата Іоанна Палеолога, который и успѣлъ было въ началѣ завладѣть большою частію Фессалии; его отряды доходили до самыхъ Новыхъ Патръ. Къ этому времени относится документъ (№ 19), не обозначенный годомъ, а однимъ только индиктомъ, и потомъ получившій поодѣльную замѣтку, что Іоаннъ Палеологъ, его выдавшій, не былъ еще тогда деспотомъ, а подписался севастократоромъ. Въ грамотѣ Палеолога говорится, что монастырь Иларіона въ области Алмира, вслѣдствіе нерасположенія владѣвшихъ прежде этого страню деспотовъ²⁾, отобранъ былъ вмѣстѣ и съ полевою землею въ 500 модіевъ отъ монастыря Макринитиссы; но теперь, вслѣдствіе просьбы монаховъ

¹⁾ А царица получила его отъ какого-то графа: *ὁς ἀπὸ δωραῖς τοῦ κόντου ἔχενον γεγεννημένῃς πρὸς τὴν θεῖαν μου τὴν βασιλισσάν.*

²⁾ Нужно здѣсь замѣтить, что въ 1259 году Константина Малиасина уже не было въ живыхъ, — въ самой грамотѣ Палеолога онъ именуется μακαρίτης, а сынъ его Николай былъ зятемъ Палеологовъ.

сего послѣдняго, опять былъ возвращенъ по принадлежности въ видѣ мѣтоха обители св. Дѣвы Маріи Скорого Призрѣнія.

Борьба между Палеологами и Ангелами за обладаніе Фессаліей и Эпиромъ продолжалась довольно долго. Въ 1260 году, сынъ Михаила II разбилъ и взялъ даже въ плѣнъ Іоанна Палеолога при Трикорифѣ; но въ 1263 и 1264 гг. освобожденный изъ плѣна братъ Михаила Палеолога, успѣвшаго овладѣть Константинополемъ, снова дѣйствовалъ противъ Михаила Ангела. Въ 1265 г. деспотъ Михаилъ покорился и принесъ присягу подданства императору; его сынъ Никифоръ отправился въ столицу, женился на племянницѣ Палеологовъ и возведенъ былъ въ санъ деспота. Никифоръ въ 1266 г. (№ 8) и съ своей стороны утвердилъ, по просьбѣ Николая Маліасина, за монастыремъ Макринитиссоу владѣніе мѣтохомъ Иларіона и всѣми другими его землями и угодьями, селеніемъ Граждѣс, мельницей, одиодеревками, солончанами, Влахами, поселившимися въ видѣ парнковъ, съ освобожденіемъ монастыря отъ всякихъ податей и повинностей, въ числѣ которыхъ упоминаются десятина отъ свиней (χοιροφακτά), и сборъ съ пчелиныхъ ульевъ; ни праكتورы, ни сборщики государственныхъ податей, ни даже тѣ, которые завѣдуютъ птицами деспота ¹⁾, не имѣютъ права чего-либо требовать. Изъ того, что Никифоръ Ангель далъ эту грамоту, можно было бы заключить, что онъ получилъ въ управленіе, на нѣкотораго рода вассальныхъ правахъ, именно Фессалію; но такому предположенію противорѣчитъ рядъ другихъ документовъ, принадлежащихъ Іоанну Палеологу и начинающихся уже съ 1264 г. (№ 21). Въ грамотѣ, относящейся къ означенному году и отправленной Палеологомъ царскому зятю и логовету дрема, объясняется, что монахи Макринитиссы пресели у него какой-нибудь другой пахатной земли въ землѣхъ номѣстыя Крикоѣс, которымъ они до сихъ поръ корились, и которое потомъ было со всѣмъ затоплено водой, и что поэтому слѣдуетъ передать монахамъ Макринитиссы во владѣніе монастырехъ св. Димитрія подлѣ селенія „Большаго“ (Μεγάλη) съ его землею. Въ 1268 г. (№ 22) Іоаннъ Палеологъ узналъ, что сборщики податей (οἱ δημοσιακῶς ἐνεργούντες) подвергли монастырь Иларіона съ поселившимися при немъ убогими людьми и винодѣлами ежегодной подати въ пользу казны въ 23¹/₂ иперпира и равнымъ образомъ наложили другіе 10 иперпировъ на доставшіеся ему покупкою виноградники въ Алмирѣ, хотя эти подати

¹⁾ οὗτε οἱ ἐκδουλεύοντες τὰ ὄρνεα τῆς βασιλείας μου.

были отіѣнены еще прежними государями, деспотами Мануиломъ (Ангеломъ) и Михаиломъ (II Эпирскимъ). Теперь, говорится въ грамотѣ,—когда Вседержителю Господу угодно было возвратить эту страну подъ власть нашего императора (Михаила Палеолога), я повелѣваю, чтобы отіѣна той и другой подати имѣла полную силу; пусть монахи Макринитиссы владѣютъ безданно своимъ мѣтохомъ, какъ это было опредѣлено въ нашемъ севастократорскомъ постановленіи ¹⁾; главенствующій (хелартикеѣων) въ той странѣ логоуетъ Метритопуль не долженъ вступаться въ монастырскіе доходы.—Въ томъ же году (№ 23) деспотъ Іоаннъ Палеологъ повелѣлъ логоуету Василию Метритопулу передать Макринитиссѣ имѣніе или село Капрену (τὴν Κάπρηναν), а занимавшимъ его до тѣхъ поръ Тцеконамъ (Τζέκωνιν), Христофору и Папаникопулу, дать другую землю въ равномъ количествѣ съ прежнею. Серебряная грамота (№ 6), данная монастырю на имѣніе Капрену, относится, по видимому, сюда же. Въ ней говорится, что это имѣніе, цѣнностію въ 50 иперпировъ, и прежде принадлежало монастырю, но было у него отнято несправедливостію и насиліемъ. Сверхъ того, въ этомъ документѣ вновь признается за монастыремъ право держать на близъ лежащемъ озерѣ св. Стефана два судна (συνδάλια) съ рыбаками, то-есть, дѣтей Малогена съ однодеревкой и еще двухъ жителей тоже съ однодеревкою. Въ 1270 г. (№ 70) кесарь Стратигопуль подтвердилъ сдѣланную братомъ царскимъ передачу селенія „Большаго“ въ монастырь Макринитиссы, такъ какъ для большей крѣпости монахи желали утвержденія и со стороны Стратигопула, имѣвшаго по сосѣдству свои частныя владѣнія. Въ томъ же году (№ 24) деспотъ Іоаннъ пишетъ, что онъ ранѣе того передалъ имѣніе Капрену цѣнностію въ 50 иперпировъ монастырю Лемвіотиссѣ, но потомъ у него выпросилъ это имѣніе Христофоръ Тцеконъ (ὁ Τζέκων); теперь снова дается предписаніе вѣкоему Алексѣю Кавалларію передать имѣніе обители ²⁾.

Патріархъ Іосифъ подтвердилъ (№ 16) передачу исихастирія Расусы, основаннаго монахомъ Θεодосіемъ, со всею священною утварью и книгами, полученными отъ ктитора Макринитиссы его учителемъ

¹⁾ κατὰ τὴν προαγορευμένην αὐτοῖς ἡμετέραν σεβαστοκρατορικὴν γραφὴν: разумѣется. документъ 1259 г. № 19.

²⁾ Изъ разказа Пахимера о послѣднемъ походѣ Іоанна Палеолога противъ возмущившагося деспота Михаила въ 1271 г. мы узнаемъ, что Алексѣй кавалларій, носившій званіе domestika стола, сопровождалъ армию императора и игралъ важную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ.

аввою Іоанномъ, въ видѣ мѣтоха того же монастыря Макринитиссы. Въ 1272 г. (№ 1) самъ императоръ Михаилъ Палеологъ подтвердилъ за монастыремъ владѣніе всѣми приобретенными имѣніями, освобождая обитель отъ податей и повинностей, исключая двухъ статей, градозданія и стройки судовъ,—эти послѣднія, какъ касающіяся общегосударственныхъ нуждъ, остаются на имѣніяхъ монастыря¹⁾. Патриаршая грамота того же 1272 г. (№ 10) содержитъ подтвержденіе царскаго хрисовула и заключаетъ полное исчисленіе всѣхъ владѣній монастыря. Сверхъ того, въ ноябрѣ этого года (№ 17) почему-то понадобилось еще и синодальное опредѣленіе о передачѣ имѣнія Расусы Макринитиссъ²⁾. Въ 1273 г. Іоаннъ Комнинъ Палеологъ, опять подписывающійся севастократоромъ (титулъ деспота онъ, какъ извѣстно изъ исторіи,—уступилъ своему племяннику, сыну Михаила Палеолога, Андронику), возвращаетъ монахамъ отобранную имъ у нихъ землю, называемую Киракала тоѹ Ζερβοῦ, пожертвованную ранѣе зятемъ его Николаемъ Маліасиномъ, но ради какой-то временной нужды пожалованную нѣкоему Зоріанну, вслѣдствіе чего иноки очутились въ затруднительномъ положеніи. Въ 1275 г. (№ 42) іеромонахъ Θεοδοσίη подарилъ Макринитиссъ въ видѣ мѣтоха монастырекъ св. Маріи въ Харменѣ при подошвѣ горы Оссы съ тремя париками-каливитами, тамъ поселенными, и съ ихъ участкомъ³⁾, съ которыхъ поступало оброка четыре иперпира. Парики были даны монастырьку все тѣмъ же Николаемъ Маліасиномъ, получившимъ въ монашествѣ имя Іосафа. При монастырькѣ были 4 вола, 1 лошакъ, два осла, 70 овецъ; ему принадлежала половина мельницы.

Въ 1276 г. (№ 38) ктиторъ Макринитиссы Николай, въ монашествѣ Іосафъ Маліасинъ, съ согласія братіи, заключилъ сдѣлку съ сосѣднимъ монастыремъ Пречистой относительно земли Петры, переданной Микринитиссъ главою Великой Валахіи, царскимъ

¹⁾ ἀνευ μέντοι γε τῶν δύο κεφαλαίων, τῆς τε χατροκτιβίας καὶ κατηροκτιβίας, ταῦτα γὰρ ὡς κοινωφελῆ καὶ παρὰ τοιοῦτων τῆς μονῆς ἀπατηθήσονται.

²⁾ При этомъ случаѣ названы имена епископовъ, присутствовавшихъ въ синодѣ; это были: Левъ Иракліидскій, Іоаннъ Никомидійскій, Θεοφάνης Νικαίης, Іоаннъ Παναγίας, Ιωαννῆς Θεσσαλονικεύς, Γεωργίος Φιλιπποπόλεως, Іоаннъ, епископъ города Мадитъ, Θεοδοσίη Λακεδαιμονεύς, Ιωάννης Καντιμωνίου καὶ Διδιμοτιχίου, Κωνσταντῖνος ἐπίσκοπος Κιπσελλῶν, Ιωάννης—Βρυσίου καὶ Λεῶν—Βερρίου.

³⁾ καλοβιτῶν τῶν ἐκεῖσε προσκαθημένων, παροίκων τριῶν. — μετὰ καὶ τοῦ σταθίου αὐτῶν τέλος ἐχόντων ὑπερπύρα τέσσαρα.

инверною Раулемъ: цѣлая половина уступлена была игумену монастыря Пресвятой.

Благодаря усердію той же фамиліи Милиссиновъ (или Малиасиновъ) возникъ около 1271 года женскій монастырь Іоанна Предтечи, прозванный Новою Петрою. Онъ былъ основанъ Анною, женою Николая Малиасина, происходившею изъ царствовавшаго тогда рода Палеологовъ. Документы этого монастыря начинаются любопытнымъ и важнымъ заявленіемъ жителей селенія Дрианувэны (Δροανουβαίνη) на имя етиторовъ обители и ея монахинь (№ 26); когда Николай Малиасинъ и его благочестивѣйшая супруга Анна, руководимые Божиимъ внушеніемъ, выстроили отъ основанія въ селеніи Дрианувэнѣ на землѣ (τοποθεσία) Архонтицѣ женскій патриаршіи монастырь во имя Предтечи, то они пожелали купить для него весь участокъ (ὅλην στάσον) Михаила Архонтица, что и было исполнено за нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но такъ какъ на участкѣ, поступившемъ во владеніе монастыря, лежала ежегодная подать въ два иперпира и 8 коккiевъ¹⁾, то жители селенія, зная, что посвященное Богу не должно оставаться въ рабствѣ (οὐ δουλοῦται), взяли на себя взносъ въ казну этихъ двухъ съ одною третью иперпировъ и разверстали такую сумму между собою сообразно съ силами каждаго²⁾.

Затѣмъ цѣлый рядъ актовъ свидѣтельствуетъ о приобрѣтеніи етиторами различныхъ имѣній по сосѣдству ради своего монастыря, при чемъ они въ довольно широкихъ размѣрахъ воспользовались тяжелымъ и даже бѣдственнымъ положеніемъ мѣстнаго населенія, пострадавшаго и отъ непрерывныхъ войнъ, театромъ которыхъ была страна, и отъ хлѣбныхъ неурожаевъ или голода. Въ сентябрѣ 1271 года (№ 27) Зоя, дочь умершаго Стефана Сиропула и жена покойнаго Іоанна Мелакрина, узнавъ, что Анна Палеологина Малиасина вознамѣрилась въ скоромъ времени основать монастырь³⁾, пожелала продать свой родовой участокъ въ области Дрианувэнской, состоявшій

¹⁾ ὑπέρπυρα δύο καὶ κόκκια ὀκτώ: ниже оказывается, что это равняется τὰ δύο τρίτον ὑπέρπυρα. Итакъ восемь коккiевъ составляетъ треть иперпира.

²⁾ διὰ τῆς παρούσης — — καταθετικῆς ἡμῶν γραφῆς ἀναδεχόμεθα τὸ δηλωθὲν ἐτήσιον τέλος καὶ προστιθέμεθα τοῦτο τοῖς ἡμετέροις ἐτήσιαις ἀποστίχοις, ὡς καὶ τοῦτο τελεῖσθαι παρ' ἡμῶν ἀναλόγως κατὰ τὴν ἐκάστου ἰσχύν.

³⁾ ὁ δὲ καὶ σὺν θεῷ δι' ὀλίγον μέλλεις ἀπαρτίσαι: объ устройствѣ монастыря здѣсь говорится въ будущемъ, между тѣмъ какъ въ другихъ документахъ отъ того же года и мѣсяца (сентябрь 1271 г.) онъ представляется существующимъ.

изъ нѣсколькихъ виноградниковъ и виноградныхъ полей, смоковницы и двухъ домовъ, въ которыхъ она жила сама ¹⁾: все это она уступала за пять иперпировъ, прощая не доплатенную цѣнность, хотя бы таковая была вдвое или втрое противъ полученной, но съ тѣмъ условіемъ, что продавица будетъ и сама принята въ устроенный монастырь. Въ сентябрѣ 1271 года (№ 28) Михайлъ Архонтицъ съ женою продають свое имѣнье (στῆσον) въ области Дриануванской, въ мѣстности, называемой тоже Архонтицею, съ котораго они не имѣли никакого дохода, кромѣ того, что сами тамъ жили. Малиасины, получившіе отъ цари въ даръ всю область Дриануваны, могли бы завладѣть имѣньемъ на правахъ господъ и государей ея, но они захотѣли быть справедливыми и богобоязненными и лучше купить имѣніе въ видѣ чуждыхъ и пришлыхъ людей. Узнавъ объ этомъ, Архонтицы предложили имъ землю и согласились въ присутствіи лучшихъ людей (κραιττόνων ἀποίκων) взять за него 12 иперпировъ, которыя сейчасъ и были вынесены имъ изъ кивота (ἀπὸ τῆς κιβωτίου ὀρέων). Въ ноябрѣ 1271 года (№ 29) Михайлъ Мартинъ съ семействомъ, доведенные до крайности бѣдностію и всяческою нуждою, страдая отъ долговременнаго неурожая и не имѣя хлѣба для пропитанія, рѣшились продать виноградникъ въ окрестностяхъ Велестино (древнихъ Феръ) пространствомъ въ одну олокотинарію ²⁾, рассчитывая прокормить себя и малолѣтнихъ дѣтей на счетъ покупной цѣны; послѣ переговоровъ въ присутствіи епископа Димитриады Михайла, они получили отъ епиториссы Анны 10 иперпировъ. Въ ноябрѣ 1271 года (№ 30) Николай Варда, тестъ Мартина, вслѣдствіе тѣсноты, бѣдности и наготы и ради тяжелыхъ временъ тоже продаетъ свой родовой виноградникъ пространствомъ въ одну олокотинарію за девять иперпировъ, рассчитывая купить на эту сумму вола, съ тѣмъ чтобы обрабатывать землю. Приписка, сдѣланная послѣ внизу документа, говоритъ, что Варда получилъ за свою часть общаго прежде виноградника столько же, сколько и его зять, то-есть, десять иперпировъ: очевидно, разность цѣны показалась ему обидною, и онъ успѣлъ выпросить прибавку.

Въ декабрѣ 1271 года (№ 31) настоятель и экономъ сосѣднаго

¹⁾ οἰκήματα δύο — — ἔχοντα ἑσώθεν καρπούσια καὶ βάλυα. Последнія слова для насъ неясны.

²⁾ Олокотинарія (ὀλοκοτινάριαι) въ смыслѣ измѣренія поверхности — неизвестное слово; ὀλοκοτινὴ значитъ просто золотую монету, номисму (см. Дюканжа).

монастыря великомученика Георгія τὸν Καναλίον продали за 15 иперпировъ виноградникъ, принадлежавшій ихъ обители, совершенно бесполезный и заброшенный. Въ 1272 году (№ 32) братъ Константинъ Катцидонъ, пришедши въ крайнюю бѣдность вслѣдствіе ежедневныхъ вражескихъ нашествій на страну ихъ, терпя наготу и нуждаясь въ насущной пищѣ, продаетъ виноградникъ около Величина, насажденный собственными его трудами, чтобы купить рабочаго; вола онъ получилъ отъ монастыря восемь монетъ, а если виноградникъ стоитъ дороже, то не доплаченное прощается. Братъ Константина, Іоаннъ, за участокъ виноградный въ одну олокотинарїю съ третью (παρὰ τρίτον) взялъ семь иперпировъ. Въ то же время (№ 33), подъ гнетомъ тѣхъ же обстоятельствъ и потѣмъ же побужденіямъ, сосѣдніе жители продали за 26 дукатовъ (δοохάτα) свою мельницу, впрочемъ уже запустѣвшую. Кромѣ сунруговъ Маліасиновъ, другимъ благодѣтелемъ вновь основаннаго монастыря новой Петры былъ епископъ Димитριάды, Михаилъ Панаретъ (№№ 34, 35, 41, 36, 40; ср. № 5, 13, 11, 12, 15). Онъ передалъ монастырю Предтечи находившійся въ ближайшемъ сосѣдствѣ другой монастырь Портарію со Влахами, поселившимися при немъ въ видѣ париковъ, и потомъ еще три другіе монастырька вмѣстѣ съ ихъ землею и сидѣвшими на нихъ убогими (τὸν πτωχῶν); онъ подарилъ монастырю мельницу и церковь св. дѣвы Маріи Кукура съ землею и плодовыми деревьями. Всѣ его вкладныя записи были подтверждаемы патріархомъ и самимъ царемъ, Михаиломъ Палеологомъ, который выдалъ и общій подтверждательный хрисовулъ на всѣ приобрѣтенія монастыря (№№ 4, 2). Но въ 1273 году патріархъ Іосифъ возсталъ противъ Димитріадскаго епископа по поводу его притязаній на исихастирій, подчиненный новой Петрѣ и составлявшій патріашую ставропигію (№ 14). Однако въ 1280 году (№ 39) этимъ исихастиріемъ распоряжается все-таки Михаилъ Панаретъ, передавая его, правда—въ видѣ дара, въ монастырь новой Петры. Въ 1275 году Михаилъ Палеологъ уступилъ новой Петрѣ обитель Латоми въ городѣ Солуни и подтвердилъ соединеніе подъ однимъ управленіемъ монастырей Макринитиссы и Іоанна Предтечи или новой Петры.

Въ 1277 году (№ 37) пинкерною Раулемъ, главою Великой Влахіи (см. № 38), рѣшено было слѣдующее спорное дѣло: Нѣкто протонобелисимъ Мармара получилъ отъ царя въ видѣ проніи (ἔχει διὰ προνομίας) имѣніе Триново (χωρίον τὸν Τρίνοβον), совершенно самостоятельное и отдѣльное, но не довольствуясь этимъ, сталъ дѣлать

попытки присвоить себѣ и сосѣднее имѣніе Врость, принадлежавшее монастырю новой Петрѣ, и уже отягчавшую съ имѣнія мору 1). Монахи жаловались Раулю; пригласивъ и другую сторону, онъ сдѣлалъ допросъ и произнесъ приговоръ. При допросѣ протонобелиссимъ утверждалъ, что Врость входитъ въ составъ Триновскаго округа, и слѣдовательно, принадлежитъ къ его прони; но царскій хрисовулъ, представленный монастыремъ, и спросъ мѣстныхъ знающихъ людей доказали противное. Приговоръ гласилъ, что монастырю должно быть возвращено имѣніе и собранная съ него Мармарою десятина 2).

1) ὡς καὶ τὴν ἀνήκουσαν ἡμῖν μортὴν οὕτως ἀφείλετο.

2) καὶ τὴν ἣν δδίκως ἀφείλετο δεκατίαν ἀπὸ τοῦ τοπίου. Отсюда видно, что мортѣ и десятина оставались синонимами.

В. Васильевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Поѣздка въ Румелию. Сочиненіе архимандрита *Антонина*, члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. С.-Пб. 1879 ¹⁾.

Еще до посѣщенія прибитольскихъ монастырей, о. Антонинъ побывалъ въ нѣсколькихъ другихъ, находящихся въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ Битоли. 26-го мая отправился онъ въ монастырь Слѣпче, находящійся въ сѣверномъ направленіи отъ города, часахъ въ 5—6, и по дорогѣ туда остановился въ маленькомъ болгарскомъ селѣ Прилѣпскаго округа (вазы) Слѣпчищѣ, гдѣ осмотрѣлъ церковь св. Николая, имѣющую всего четыре шага въ квадратъ ²⁾; въ ней о. Антонинъ нашелъ четыре рукописныя славянскія книги и четыре печатныя (два экземпляра второй части Октоиха южной печати 7002 и 7047 г., Анеологіонъ московской печати 1763 г. и Псалтырь 1769 г.). Изъ рукописей болѣе важны: 1) Евангеліе—на бомбицинѣ, in 8°, въ черномъ кожанномъ переплетѣ, безъ всякаго украшенія XVI вѣка; еще при о. Антонинѣ оно было въ употребленіи при богослуженіи (служило вмѣсто напрестольнаго); 2) Пентикостарій—на бумагѣ, in fol.; въ припискѣ на концѣ этой рукописи говорится между прочимъ слѣдующее: „писасе сиа бжтвенная (не бжтвенная?) книга триω въ лѣтѣ 5393 (1393) въ дни вьнеже поплѣщеніемъ бжнимъ прѣдани быхомъ грѣхъ ради нашихъ въ рѣцѣ врагъ беззаконныхъ (?) и мръсныхъ и црѣ несправеднѣ и лѣжавѣишѣ паче всѣхъ

¹⁾ Окончание. См. юнскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Какъ видно, подобнаго рода маленькія церкви въ прежнія времена были нередкостью на Балканскомъ полуостровѣ. Я самъ видѣлъ, въ селѣ Дебелцовѣ, Севлиевскаго округа, полуразвалившуюся такую же маленькую церковь.

землѣ. и тогда бысть запустѣние и сирѣбъ велиа ѿ безбожнѣхъ измалить иже не бысть ни бѹдетъ“ (стр. 281). Объ остальныхъ: Трипѣсницѣ (трѣпѣницѣ, на бум., in fol.) и Апостолѣ (in fol., на бум.) не ранѣе XVII вѣка, съ „неискуснымъ изображеніемъ въ началѣ св. апостола Луки“, о. Антонинъ, къ сожалѣнію, ничего не сообщаетъ. Обозрѣвъ церковь, нашъ путешественникъ посѣтилъ и домъ попа Николы, который жилъ въ Слѣпченскомъ монастырѣ, а приходъ предоставилъ своему сыну, хотя послѣдній считается собственно только помощникомъ, какъ бы викаріемъ своего родителя. При этомъ о. Антонинъ дѣлаетъ краткія замѣтки о внутренней обстановкѣ дома и сообщаетъ довольно интересныя свѣдѣнія о положеніи болгарскаго сельскаго священника въ Македоніи.

Въ Слѣпченскомъ монастырѣ св. Іоанна Предтечи о. Антонинъ обозрѣваетъ три года передъ симъ отстроенную церковь въ византійскомъ вкусѣ, съ высокимъ куполомъ, и затѣмъ приступаетъ къ бѣглому обозрѣнію около сорока рукописей¹⁾.

Церковь здѣшняя ничего особеннаго не представляетъ, кромѣ развѣ одной, позднѣйшаго времени, надписи въ алтарѣ подъ большимъ крестомъ и большой деревянной иконы св. архангела Михаила, „рѣзной рельефно“ (1703 г.).

Рукописи, кромѣ шести греческихъ, всѣ славянскія, большею частью позднѣйшаго времени, и всѣ на бумагѣ, за исключеніемъ двухъ греческихъ и одной славянской на пергаментѣ²⁾. Изъ нихъ болѣе замѣчательна (№ 1) Тетраевѣль (на пергам., in 4°), которое, судя по нѣкоторымъ даннымъ языка, приводимымъ о. Антониномъ, можно отнести къ XIV вѣку, а самое раннее—къ концу XIII,—но послѣднее сомнительно. Годъ приписки должно читать 1485 (1456 г.), а вмѣсто Ураршаго, мнѣ кажется, что должно было быть Угаршаго, а всего вѣроятнѣе Угарскаго. Ошибка произошла или по винѣ самаго писавшаго, или скорѣе, переписавшаго ее. То же можно сказать и о при-

¹⁾ Григоровичъ нашелъ здѣсь до 60 рукописей и кусковъ рукописей». Очеркъ, 115.

²⁾ Прежде было и пергаментныхъ рукописей въ Слѣпченскомъ монастырѣ больше, но онѣ въ разныя времена были вывезены учеными, а можетъ быть, и неучеными, посѣтителеми монастыря. См. Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1876 — 1878 г. М., 1879 г., стр. 11 (nr 14), 17 (nr 25), 30 (nr 35) и Arkiv za poviestn. jugosl. Ured. Iv. Kukuljević-Sakcinski. U Zagrebu. kn. IV, стр. 164, гдѣ сказано, что сельскіе попы разнесли по селамъ много пергаментныхъ и на толстой бумагѣ рукописей.

видимомъ о. Антониномъ сирить, которое, вѣроятно, было смрът(ь) ¹⁾. Какая изъ остальныхъ рукописей болѣе важна—трудно сказать, судя по описанію ихъ о. Антониномъ; между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ въ интересахъ науки положительно должны были быть описаны болѣе подробно и обстоятельно, какъ напримѣръ, № 23 (стр. 295): „сборникъ разныхъ статей скорописныхъ не одного времени и не однихъ рукъ“, въ которомъ есть любопытныя мѣстныя замѣтки историческаго характера, указанія погоды, врачевныя наставленія и проч. (а также №№ 1, 12, 16—22, 27, Лѣствица, стр. 298).

Теперь можно судить только о важности приписокъ на нѣкоторыхъ изъ рукописей; приписки эти приведены о. Антониномъ иногда не въ точномъ, кажется, подлинникѣ, а только въ транскрипціи, отчего историческая важность ихъ до нѣкоторой степени умалется. Впрочемъ, и въ представленномъ нашимъ археологомъ видѣ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ служить съ пользою для исторіи преимущественно разныхъ мѣстностей Македоніи славянскаго времени, или вѣрнѣе, христіанскаго, а также для географіи и отчасти и для языка. „Просто забавная“, по о. Антонину, приписка, на Апостолѣ (№ 5), по видимому—современная: „лѣта sīsi (1408 г.). Блоуди, блоуди ꙗночи блоуди блоуди брате и паки рѣкѣ блоуди что хоцеть бити на не би знаменикъ и на земли тоуга езекомъ сечъ крѣ (крѣвь) якоже нѣсть била никогда (стр. 290); она указываетъ на время, когда могли появляться на славянскомъ юго-востокѣ разные разказы о кончинѣ міра и слова о второмъ пришествіи — студита и иподіакона Солунскія церкви Дамаскина ²⁾, распространившіеся тамъ въ послѣдствіи времени во множествѣ списковъ, которые составляютъ въ настоящее время достояніе большею частію темныхъ, сырыхъ уголковъ ³⁾ церквей, подваловъ ⁴⁾ и церковныхъ притворовъ, гдѣ они ожидаютъ или усердныхъ и достойныхъ изслѣдователей, или гніенія. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и приведенное о. Антониномъ мѣсто изъ Служебника (№ 8): „Въ первыхъ номенѣ Гѣ архіепископа, протопопа и картофи-

¹⁾ Выраженіе: «Господина крада Владислава Албертовика крада Ѣгарш(ек)аго» ср. съ выраженіемъ въ записи XVI в. на Тріоди Девичскаго монастыря: «турьски царь султаны Мѣхмедъ благочестиви же Петарь немачьки Игнациѣ Лѣоподъ». *Јастребов*, Податци за историју српске цркве. У Београду. 1879 г. стр. 82.

²⁾ Ср. статью: «Нерѣшенный вопросъ», *В. И. Ламанскою* въ *Ж. М. Н. Пр.*, ч. СXLIV, стр. 93—98, 103.

³⁾ Ср. Позвадка въ Румелию, стр. 297.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 298—9.

лака и прочія попіи. Епископа (?) Послѣди же діаконы въ олтари с тое: Матѳеѣ¹⁾, преосвященнаго (?)²⁾ архіѣпа нашего нервме Оустыніани и всее Българіе и всее поморскыи и западныи земли“ (стр. 291—292), а также приписка 1672 г. на Октоихъ (№ 11), гдѣ сказано, между прочимъ: „И все лето тоурцы повоюашъ на Московію, и бѣше гладъ вренко по местамъ на восточней стране“ (стр. 292), и отъ которой дѣйствительно „чѣмъ-то московійскимъ вѣсть, особенно — отъ частаго употребленія е вмѣсто ѣ“, а также, прибавлю я, и отъ самаго склада ея; только отсюда нельзя заключить, что подобнаго рода „обстоятельство бросаетъ нѣкую тѣнь на туземное происхождение монастырскихъ рукописей“. Вопросъ о туземномъ и нетуземномъ происхожденіи рукописи можетъ рѣшиться самымъ лучшимъ образомъ языкъ всего манускрипта. Приписку могъ сдѣлать и южный Славянинъ, и просто туземецъ, ѣздившій въ Россію для сбора милостыни, что было не рѣдкою въ то время. Тогда будутъ понятны присутствіе южнославянскихъ словъ, непонятныхъ для Русскаго, о. Антоніина: слана, и можетъ быть, зига³⁾.

Достоинно замѣчанія слово: зборъ⁴⁾, встрѣчающееся въ Синаксаріѣ (№ 17) вм. соборъ: „памя(?)ть⁵⁾ седмаго збора. С тый седмни всеа вселеннаа зборъ бысть въ Никей“ (стр. 294); также любопытно выраженіе и „кельтски народъ арианскою ересію везещъ въ сѣти“ (тамъ же), встрѣчающееся въ Златоустѣ (№ 18) XI в. (1548 г.).

Послѣ этого о. Антоніинъ, осмотрѣвъ церковныи диптихи, приво-

¹⁾ Въ *Oriens Christianus* Матѳеѣ ставится между архіепископомъ Анекимомъ XIV в. и Маркомъ XV в.

²⁾ Вопросительный знакъ принадлежитъ мнѣ.

³⁾ *Слана* — первый осенній иней, падающій въ небольшомъ количествѣ при наступленіи, и рѣдко, при окончаніи зимнихъ холодовъ и морозовъ; слана вполнѣ соответствуетъ румынскому *bruma*. Слану можно замѣтить только по утрамъ. *Зига*—*зига*—должно быть или что-нибудь въ родѣ саражи. Ср. η ζυγίς (— ἀδός) — *zygis*, *verpillum silvestre* у *Stephan'a Thesaur. Graecae linguae*, IV, 43 (ср. румынск. *жиганя* и русск. и южно-слав. *тадь*), или же страшный морозъ. Поваріило безъ в послѣ р (вм. поварвило), какъ върѣ вм. върѣи,—варай, варкай (варѣти,—рай, рѣкъши).

⁴⁾ *Зборъ* употребляется въ разговорномъ болгарскомъ языкѣ въ значеніи сходки, сбора на храмовой праздникъ сельской и городской церкви, но не монастырской. Кажется, только въ этомъ значеніи это слово употребляется въ настоящее время въ болгарскомъ языкѣ.

⁵⁾ Вопросительный знакъ принадлежитъ мнѣ.

дѣтъ нѣсколько выдержекъ изъ большаго монастырскаго памянника: Помѣнникъ престѣпшимъ архіепископамъ, началомъ своимъ относящагося къ XVI в. (на очень толстой бумагѣ, in 4°), очень интереснаго и даже важнаго для ономастики у македонскихъ Болгаръ, для мѣстной исторіи и географіи и исторіи отдѣльныхъ епархій. Впрочемъ въ немъ самое важное и интересное, — это имена архіепископовъ, митрополитовъ и епископовъ, занимавшихъ въ разныя времена катедры разныхъ македонскихъ и не македонскихъ епархій (стр. 299 — 300), а именно: архіепископа дѣрвѣ Іоустинѣанѣ, Прохора, которымъ начинается помѣнникъ ¹⁾, а за нимъ епископовъ: Никифора, Герасима Агапія ²⁾, Григорія (Авлонтъ), Сосипатра (Ератово) ³⁾, Патія (Водена), Герасима (Воложь) ⁴⁾, Никодима, Герасима (Велесъ), митрополита Митрофана ⁵⁾ и опять епископовъ: Аеанасія и Пахомія. Кромѣ того, на большомъ деревянномъ диптихѣ отмѣчены имени архіереевъ: Макарія, Діонисія (αχοα—1671 г.).

Обозрѣвая монастырь, археологъ нашъ не нашелъ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ развѣ четырехъ надписей, имѣющихъ значеніе для исторіи обители: двѣ надъ монастырскими воротами и двѣ въ маленькой церкви пустыни монастыря, называющейся Богословъ (хотя тамошняя церковь во имя св. Николая) и находящейся къ сѣверу отъ монастыря; расположена эта пустынь въ прекрасномъ

¹⁾ Голубинскій, Братскій очеркъ православныхъ церквей болгарской и проч., стр. 134—135; Григоровичъ, Братскій очеркъ путешествія. Изд. 2-е, стр. 156 и Сав. С. Мис., 1847, V, стр. 514; Дриновъ, Исторически прегледъ на българската църква. Вѣна, 1869, стр. 129, 134.

²⁾ Эти три епископа, по предположенію о. Антонина, были «епархіальны», то-есть, занимали епархіальныя катедры, подчиненныя Охридской архіепископству.

³⁾ По предположенію о. Антонина, епископъ Сосипатръ въ Ератовѣ «проживалъ временно или на покой», такъ какъ «сомнительно, чтобъ Ератово былъ епископальный городъ» (примѣч. 1-е на стр. 309). Но о Ератовской епархіи см. у Голубинскаго, Братскій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 499 и 712. Мнѣ кажется, послѣ этой отмѣтки старческаго помѣнника едва ли возможно согласиться съ предположеніемъ г. Голубинскаго о тождествѣ епархіи Колоссійской съ Кюстендильскою (тамъ же, стр. 500).

⁴⁾ Воложь — о. Антонинъ читаетъ на угадъ, названіе—городъ въ помѣнникѣ написано: **BOΛOZ**.X. Но такого мѣста или города до нынѣ неизвестно (примѣч. на стр. 300).

⁵⁾ Не есть ли этотъ Митрованъ—бывшій архіепископомъ Охридскій, по изложенному до или послѣ 1623 г., жилъ и занимался пнтригами въ Константинополь, Голубинскій, Братскій очеркъ исторіи правосл. церквей, стр. 137.

и уютномъ, немного возвышенномъ мѣстѣ, среди зелени. Находящаяся въ пустыни агіазма или источникъ святой воды привлекаетъ туда, въ извѣстное время года, многихъ поклонниковъ.

Сказавъ нѣсколько словъ объ обители вообще и о тамошнемъ игуменѣ, о. Антонинѣ, къ сожалѣнію ничего не говоритъ о значеніи этой, одной изъ старыхъ и передовыхъ славянскихъ обителей въ Македоніи для края, объ языкѣ при богослуженіи и пр. ¹⁾

Изъ монастыря Слѣпча и села Слѣпчища 27-го мая нашъ путешественникъ чрезъ болгарское село Варошъ, расположенное на мѣстѣ стараго Прилѣпа, гдѣ „еще и теперь можно видѣть „множество“ запусѣлыхъ церквей“ (стр. 312) ²⁾, — отправляется въ Прилѣпскій монастырь св. архангела Михаила, „бѣлѣющійся въ черныхъ скалахъ голой горы Марковой“. Изъ Вароша очень извилистая дорога въ монастырь поднимается на гранитную гору. „По сторонамъ дороги торчатъ причудливой формы каменные глыбы. Нѣкоторыя изъ нихъ обрублены отвѣсно и по отвѣсу росписаны иконами, отчасти уцѣлѣвшими. При одномъ изъ такихъ изображеній была многострочная надпись, почти совсѣмъ уже наглаженная временемъ, но не историческаго, какъ видно, содержанія“. Въ монастырѣ „все вездѣ было полно пріѣзжаго народа со множествомъ дѣтей и всякаго рода и вида прислуги, съ кухней и даже съ музыкой“. Тутъ были и не одни христіане. „Доброе сосѣдство“, говоритъ о. Антонинъ, — „и обоюдная помощь въ нуждѣ все болѣе и болѣе связываетъ разрозненные вѣрою семьи и цѣлыя общины“ (стр. 313). Последнее обстоятельство радуетъ о. Антонина; онъ видитъ въ немъ „симптомъ возрожденія Востока“. Жизненная практика, къ сожалѣнію, говоритъ намъ совсѣмъ другое: Общность эвономическихъ интересовъ порождаетъ доброе сосѣдство и соединяетъ самые разношерстные элементы общества, особенно въ простомъ людѣ; но при всемъ этомъ, и даже при благосклонномъ отношеніи султановъ и великихъ визирей и другихъ турецкихъ пашей къ христіанскимъ мѣстамъ, церквамъ и монастырямъ, выравнишемся между прочимъ въ дареніи послѣднимъ свѣчь и другихъ вещей, политическіе и вѣроисповѣдныя страсти и взгляды все-таки берутъ свое.

¹⁾ Ср. Григоровича, Краткій очеркъ путешествія, стр. 115.

²⁾ Ср. Henze et Daumet, Mission, p. 318 и Нальн, Reise von Belgrad nach Salonik. W. 1861, стр. 108—110. О прежнихъ названіяхъ Прилѣпа у Таффеля «Symbol. critic...» въ *Abhandl. d. bayer. Ak. der W.* 5. B., стр. 49—50.

Подробно описать восходъ на совершенно крутую Маркову гору, о. Антонинъ ограничивается немногими словами о развалинахъ Марковой крѣпости или Марковомъ градѣ, какъ называютъ это мѣсто жители сосѣднихъ болгарскихъ селъ. Нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей помѣщаютъ здѣсь совершенно неосновательно второй Прилѣпецъ. Здѣсь была только крѣпость, гдѣ жилъ самъ Марко Краевичъ¹⁾. Сказавъ нѣсколько словъ о личности Марка Краевича, авторъ очень многословно излагаетъ длинный рядъ историческихъ воспоминаній о различныхъ событiяхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ мѣстомъ и исторiею Прилѣпа (стр. 315—324), не представляя однако ничего новаго и вѣрно еще приурочивая къ мѣсту нынѣшняго Прилѣпа древнiй городъ Стовы или Стобы²⁾.

28-го мая о. Антонинъ обозрѣваетъ небольшую возобновленную въ 1861 г. монастырскую церковь, византийскаго стиля, не представляющую въ архитектурѣ своей ничего замѣчательнаго. Новая штукатурка изнутри и снаружи закрыла собою все, что могло уцѣлѣть отъ временъ древнихъ. Въ глубинѣ ея открытаго притвора, на западной стѣнѣ самой церкви, по обѣимъ сторонамъ входной двери, видны фресковыя изображения царствующихъ лицъ, можно полагать — „титоровъ монастыря“; эти изображенiя нашъ археологъ описываетъ довольно подробно; изъ нихъ одно, по правую южную сторону входныхъ дверей,

¹⁾ *Hahn, Reise von Belgrad nach Salonik*, стр. 108—109.

²⁾ Мѣсто древняго Стобы (Στόβοι, Stobi) совершенно извѣстно и въ точности опредѣлено. Развалины его были отмѣчены еще до Гама, который совершенно точно, хотя и невѣстительно, указалъ ихъ (*Reise von Belgrad nach Salonik*, стр. 175, 233—236 и карта II). Гораздо точнее и при необоримыхъ доказательствахъ, добытыхъ основательнымъ изученiемъ мѣстности, на которой сдѣланы были открытiя, указали эти развалины французскiе ученые Гезе и Доме; по ихъ изслѣдованiямъ, провинцiйскiй городъ Стобы находился между Тиквешомъ и Вардаромъ, на извѣст. называемомъ нинѣ Смиса, расположеннаго у слиянiя рѣкъ Эригона (нынѣшн. Червы, — Кара-Су) съ Аксиомъ (Вардаромъ). Находящiйся тутъ развалины города называющiя жителями сосѣднихъ деревень *Жы(и)рмъ-Крала*, или *Дусто-Градско* (ар. *Ерицо хаетро* греческ. народныхъ пѣсенъ), недалеко отъ болгарскаго селца *Градско* (10—11 домовъ; *Ethnographie*, p. 59, vil. de Salonique; *Материалы для изученiя Болгарiи*, ч. 3-я, вып. V, стр. 93; у Гама, op. c., 175, 20 домовъ). Здѣсь еще довольно хорошо замѣтны жата древняго театра и слѣды архаической стѣны. Кратко въ *Souvenirs-requis de M. Ernest Dejadine*, 5-me an. 1861, p. 283, а подробно въ *Mission archéologique de Macédoine*. Paris. 1864, p. 331—336 sqq. Французскiе ученые осматриваютъ честь открытiя развалинъ Стобы у Гама, ib., p. 458—459 (въ дополненiяхъ). Ср. карту *Куперта*, приложенную ко 2-му изд. *Reise von Belgrad nach Salonik* Гама. Wien, 1866.

оказывается портретомъ кралевица Марка, представляющаго „мужчиной 30-ти лѣтъ съ красивымъ лицомъ, въ царскомъ на византійскій образецъ одѣяніи, въ коронѣ на подобіе архіерейской митры, и съ сіяніемъ вокругъ головы, съ длиннымъ четырехконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. По обѣимъ сторонамъ головы видится трехстрочная, хорошо различаемая только слѣва надпись: „Въ х̄а б̄а вѣрешь крал Марко“, а съ права видно только слогъ *ка*. Съ сѣверной (лѣвой) стороны дверей видна фигура старика въ такомъ облаченіи, какъ и предыдущее лицо, только надпись при ней совершенно стерлась“ (стр. 325) ¹⁾. Въ самой церкви о. Антонинъ, сверхъ ожиданія, первый изъ Русскихъ, путешествовавшихъ по Македоніи, открылъ одну изъ древнѣйшихъ славянскихъ надписей, вырѣзанную въ три строки довольно ясно и отчетливо на верхней части одной изъ колонокъ церкви; эту, весьма важную для исторіи славянскихъ письменъ и давности литературнаго славянскаго языка, надпись, онъ читаетъ такъ: „АѠТО ЗФД АѠМ АНРН ЕПНХ ФЕА З“ (стр. 326 и 5 л. снимк.; см. сн. 1 на моей таблицѣ). У конца первой строки видно на снимкѣ о. Антонина довольно грубое изображеніе птицы,

¹⁾ Эту самую церковь нужно разумѣть подъ видными Ст. Верковичемъ развалинами церкви св. архангела Михаила, отстоящими на $\frac{1}{4}$ ч. разстояніи отъ Прилѣпа; церковь эту называлъ народъ церковью кралевица Марка, передавая, что послѣдній основалъ ее и что тамъ былъ монастырь. «На стѣнѣ разрушенной церкви, которая изнутри вся покрыта живописью, видно около главныхъ дверей, съ правой ихъ стороны, изображенъ Вукашичъ, въ видѣ сѣдаго старика, въ великолѣпномъ царскомъ одѣяніи, съ открытой короной на головѣ и скипетромъ въ рукѣ, а около его головы надпись: въ Х̄А Б̄А влаговѣрныи краль вьлхашичъ; а съ лѣвой стороны то же самое (то-есть такое же изображение) въ царскомъ одѣяніи, съ короной на головѣ и скипетромъ къ рукѣ, съ короткой черной бородой, молодой Марко; надпись у его головы отчасти испорчено, но еще хорошо можно различать слова... вѣр... краль Марко. *Гласник*, 1854, св. VI, стр. 188; *Arhiv za poviestn. jugoslov.* IV, стр. 165—166. Итакъ, старикъ безъ надписи у о. Антонина есть Вукашичъ. Но чья вина, что Вукашичъ и краль Марко у обонхъ путешественниковъ не стоятъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Жаль, что о. Антонинъ ничего не сообщаетъ о прѣшнейшъ состояніи и положеніи монастыря. Покойному А. Ф. Гильфердингу во время посѣщенія имъ этой обители въ 1868 г. тамошніе монахи передали, что церковь возобновлена въ 1861 г. Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869. II. М. 1871, стр. 862. Судя по найденнымъ изображениямъ, видно, что монахи при возобновленіи монастыря оставили нетронутыми стѣны церкви, но крайней мѣрѣ часть ихъ, а внутри церкви, какъ передаетъ Гильфердингъ, колонны, и можетъ быть, еще что-нибудь.

по всей вѣроятности, голубя, а въ концѣ третьей, означающая цифру 7 буква З поставлена между двумя значками, довольно грубо сдѣланными, въ видѣ цвѣтковь, вѣроятно служащими для украшенія. Транскрипцію о. Антонинъ предлагаетъ такую: (въ) лѣто $\text{Ѡ Ѡ \text{Д} \text{а} \text{г} \text{и} \text{о} \text{(т)} \text{Ѡ} \text{п} \text{п} \text{з}$ Андри $\text{Ф} \text{Ѡ} \text{р} \text{з}$ (стр. 326). Эту же надпись скопировалъ покойный А. О. Гильфердингъ въ 1868 г. карандашемъ на прозрачную бумагу (см. снимокъ 2-й); по его чтенію выходитъ: „лѣто $\text{Ѡ Ѡ \text{Д} \text{а} \text{г} \text{и} \text{о} \text{(т)} \text{Ѡ} \text{п} \text{п} \text{з}$ (Даниль) $\text{Ѡ} \text{п} \text{п} \text{з}$. $\text{Ф} \text{Ѡ} \text{а} \text{З}$ “¹⁾. Только вмѣсто кажущейся птички на концѣ первой строки на снимкѣ о. Антонина, у Гильфердинга изображено что-то въ родѣ продолговатаго цилиндра съ неправильными побочными линіями, съ закругленнымъ нижнимъ концомъ и открытою верхнею частію, конечные концы которой загнуты извнѣ; цвѣточки же по сторонамъ цифры З не представляютъ почти никакой разницы отъ тѣхъ, что на снимкѣ о. Антонина, только надъ цилиндрикомъ, что по правую сторону З проведена горизонтальная черта съ кольцеобразнымъ, внизъ обращеннымъ, концомъ извнѣ. Въ такой же чертѣ, наклонно проведенной подъ тотъ же цилиндрикъ, проведена наклонная снизу; а черта, что по лѣвую сторону З , не загнута у верхняго конца, какъ у о. Антонина, представляя расширеніе только сверху. Архимандритъ Амфилохій, съ позволенія А. О. Гильфердинга сообщившій объ этой надписи на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ 1869 году въ своемъ чтеніи о „вліяніи греческой письменности на славянскую съ IX вѣка до начала XVI вѣка“, называетъ ее, — „единственною, самодревнѣйшею надгробною надписью“, разумѣется славянскою. Надгробною надписью называетъ ее о. Амфилохій потому, что у Гильфердинга стоитъ $\text{п} \text{п} \text{з}$ вмѣсто $\text{а} \text{г} \text{и} \text{о} \text{(т)}$ о. Антонина. О. Антонинъ, оставаясь въ совершенномъ

¹⁾ Тамъ же и атласъ къ «Трудамъ», табл. XLVI, а, а потомъ и въ Снимкахъ съ греческихъ и славянскихъ рукописей и надгробныхъ памятниковъ, сдѣланныхъ архимандритомъ Амфилохіемъ въ мартѣ 1869 года. Изданіе А. І. Хлудова, л. 7. О. Амфилохій, которому А. О. Гильфердингъ передалъ снимокъ съ надписи для сообщенія на первый археологическій съѣздъ въ Москвѣ, поправляетъ Гильфердинга при чтеніи словъ: $\text{Ѡ} \text{п} \text{п} \text{з}$ и $\text{Ф} \text{Ѡ} \text{а} \text{З}$ съ цилиндрикомъ изъ двухъ длинныхъ съ кольцеобразными завитками вверху чертъ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи приблизительно одного сантиметра, говоря: «Мнѣ кажется — не Андрей ли, хотя здѣсь буквы р и Ѡ нѣтъ, но при имени Андрей буква д въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ писалась вверху. На 3-й строикѣ видны нѣкоторыя буквы неполныя. Не означаютъ ли онѣ: $\text{Ф} \text{Ѡ} \text{Ѡ} \text{р} \text{з}$. $\text{Ѡ} \text{п} \text{п} \text{з}$. $\text{Ф} \text{Ѡ} \text{Ѡ} \text{р} \text{а} \text{р} \text{а}$ $\text{Ѡ} \text{п} \text{п} \text{з}$., утвердительно сказать не могу». Труды, II, стр. 362.

недоумѣнія относительно назначенія надписи, склонены отнести ее по времени ея происхожденія къ означенному въ ней году, не представля однако, какъ и о. Амфилохій, почти никакихъ доказательствъ за или противъ того, что она относится къ X вѣку. Нашъ авторъ, задавъ себѣ вопросъ: современна ли замѣтка о епископѣ Андрѣ самому епископу, отвѣчаетъ, хотя не прямо: „Ее могъ сдѣлать кто-нибудь и сто и четыреста лѣтъ послѣ Андрея, особенно если дѣло шло о кончинѣ ¹⁾ какого-нибудь замѣчательнаго для мѣста епископа, не занесеннаго въ свое время въ мѣстныя лѣтописи“ (стр. 326). Но подобныя доказательства возможны и въ такомъ родѣ: Дороговизна пергамента, папируса и другихъ писчихъ матеріаловъ тогдашняго времени, а также и недостатокъ въ искусныхъ книжныхъ людяхъ въ этомъ незначительномъ, можетъ быть, въ X вѣкѣ монастырѣ, не давали послѣднему возможности вести монастырскую лѣтопись; да и вообще у южныхъ Славянъ лѣтописи не были распространены, судя по незначительному количеству и формѣ тѣхъ, которыя дошли до насъ. Кромѣ того всякій, употреблявшійся въ то время писчий матеріалъ—могли думать монахи—не можетъ быть на столько долговременнымъ, какъ камень или мраморъ, чтобы иноки монастыря предпочли камню или желѣзу помянникъ, если таковой водился въ то время въ монастырѣ, и притомъ въ должномъ порядкѣ, и т. п. голыя предположенія. Впрочемъ о. Антонинъ снѣшить оговориться: замѣчая что „возраженіе имѣетъ свою относительную силу“, онъ прибавляетъ: „Но ²⁾ вѣроятностей на сторонѣ предположенія, что появленіе надписи принадлежитъ указанному въ ней году. Самое титулованіе епископа „святѣйшимъ“ по гречески указываетъ на время, когда славянскій языкъ еще слишкомъ робко выступалъ въ область освященныхъ и утвержденныхъ вѣрою именъ и терминовъ, чужезычныхъ и неразумѣмыхъ, но отъ того именно и неприкосновенныхъ для вѣрующаго народа“. И въ этомъ, положительномъ, для надписи, смыслѣ о. Антонинъ мало, чтобы не сказать ни сколько, не помогаетъ дѣлу доказательства ея древности; онъ не приводитъ никакихъ аналогическихъ примѣровъ, подтверждающихъ его мысль, хотя бы въ родѣ того, что новопросвѣщенные христіанство въ Славяне не разумѣли такого термина, какъ $\alpha\gamma\iota\omicron\varsigma$ или $\alpha\gamma\iota\omega\tau\omicron\varsigma$ и другіе подобнаго рода.

¹⁾ Подчеркнувъ слово о кончинѣ, не замечаетъ ли о. Антонинъ, на чтеніи А. О. Гильеердинга: (W) вмѣсто своего $\alpha\gamma\iota\omega$ (т)?

Правда, до настоящаго времени открыто, или можетъ быть, только дошло до насъ весьма мало памятниковъ славянскаго письма X в., и поэтому не совѣтъ возможно дѣлать на основаніи ихъ прямія заключенія о древности надписи 996 г. До этихъ поръ извѣстныхъ славянская надпись на одномъ изъ двухъ греческихъ списковъ Договора ('Ορολογία) или „Ряда“ принадлежащихъ аеонскому монастырю Зографу, на продажу монастырьска (μοναβριον) св. апостолъ святогорскихъ протоѣ одному иноку въ 6488, то-есть, 980 г.: „Макариѣ ерманахъ игуменѣ зѣграфскы за истинѣ подписахъ“ ¹⁾ Это самый древній изъ до нынѣ открытыхъ памятниковъ славянскаго письма. Затѣмъ есть еще подпись, только глаголическая, 6490—982 г., открытая въ 1846 г. о. Порфириемъ въ аеонскомъ также монастырѣ Иверѣ, на греческой, писанной на длинномъ и широкомъ пергаментѣ,

¹⁾ См. на особомъ листѣ св. № 3. Первое извѣстіе о семъ «рядѣ» сообщилъ архимандритъ Леонидъ, первый открывшій эти два акта,—въ предпринятомъ имъ сочиненіи: «Историческое обозрѣніе Аеонскихъ славянскихъ обителей», изъ коихъ о зографской, принадлежащей Болгарамъ, онъ писалъ въ августѣ—сентябрѣ 1866 г., во время пребыванія въ Цариградѣ, и печаталъ въ *Херсонскихъ епархіальныхъ едомостяхъ* слѣдующаго года (1867), а потомъ и отдѣльно. Въ историческомъ обозрѣніи упомянуто о рядѣ вкратцѣ (на стр. 16—17), и славянская надпись приведена (разумеется, по вѣнѣ *Епархіальныхъ едомостей*) не совѣтъ точно. Тамъ же, стр. 2. Затѣмъ о. Леонидъ доставилъ фотографическую копию съ обонхъ списковъ покойному М. О. Бодянскому, который прекрасно издалъ ихъ въ *Чтеніяхъ съ Общ. Ист. и Др. Р.* 1873, № 1, подъ заглавіемъ «Актъ Зографскаго монастыря на Аеонѣ 980—981 г.» Объ исторіи изданія подписи см. тамъ же стр. 2 и 4 и самую подпись на снимк. 2. *Флоринскій*. Аеонскіе акты С.-Пб. 1880, стр. 38. Подпись славянская находится подъ припискою, сдѣланною на одномъ только изъ списковъ ряда съ означеніемъ числа 23-го іюня, другою рукою, но того же начертанія бунвь. Это число мѣсяца въ припискѣ дало поводъ о. Леониду предположить, что какъ приписана, такъ и славянская подпись, сдѣланы въ слѣдующемъ 6489—981 г., такъ какъ самый актъ означенъ 18-мъ числомъ августа 6488—980 г. *Чтен. съ Общ. Ист. и Др. Р.*, стр. 7—8. Мнѣ кажется, что такъ какъ мѣсто, которое продавалось, упиралось въ Зографъ, какъ сказано въ самомъ актѣ, можетъ быть, въ самыя стѣны монастыря, и зографскіе монахи вслѣдствіе того заявили свое неудовольствіе, то означенные въ припискѣ игумены аеонскихъ монастырей могли собраться въ Зографъ 23-го іюня того же 6488 г. для предварительнаго разсмотрѣнія дѣла или производства слѣдствія и рѣшенія спора по совѣсти, на чтѣ, можетъ быть, намекаютъ слова акта: «ἢ παροῦσα ἀσφάλεια ἐγράφη παρούσα τῶν ἀδελφόντων Πατέρων, «απαρούσα τῶν ἀποσταλέτων παρὰ τοῦ Πρώτου καὶ τοῦ Κοινοῦ». Заключена и утверждена купчая крѣпость въ августѣ 6488 г. Поэтому нужно предположить, что приписка сдѣлана въ томъ же году однимъ изъ зографскихъ монаховъ для памяти или по заведенному обычаю.

сдѣлѣ Іоанна Ивера, основателя иверскаго монастыря, съ жителями города Кастра Ериссо о земляхъ, принадлежащихъ монастырю иверскому: знакъ поцъ Георгі (знакъ поцъ Георгій) ¹⁾. Найденная о. Антониномъ надпись въ числѣ самыхъ древнихъ, открытыхъ до нынѣ памятниковъ славянскаго письма, въ хронологическомъ порядкѣ будетъ третьею, а изъ древнѣйшихъ лянпидарныхъ—первой. Впрочемъ есть еще одна надгробная надпись, означенная 919 г. и вырѣзанная на каменной желтой плитѣ, составляющей крышеу гроба св. Климента Охридскаго; она скопирована тѣмъ же А. Θ. Гильфердингомъ въ 1868 г. и гласитъ:

КЗ ²⁾ ЛѢТѢ ^ω ~~Ж~~КД МЕСЕЦА ^δ ~~И~~Л^м
 прѣ^кстанше
 стѣ климѣтъ
 ω^хрнтѣскн ³⁾.

Но безграмотность грамматическихъ формъ и начертаніе письменъ, употребленіе слова стѣ прямо указываютъ на повднее происхожденіе этой

¹⁾ Первое извѣстіе объ этой подписи находится въ «Указателѣ актовъ, хранящихся въ обителяхъ св. горы аеонской» архимандрита, нынѣ епископа, *Порфирія Успенскаго* въ *Ж. М. Н. Цр.* 1847, Ч LV, стр. 56—7, затѣмъ со снимкомъ въ его же «Первомъ путешествіи въ аеонскіе монастыри и скиты въ 1845 г. Ч. I, Отд. 2. Кіевъ. 1877», стр. 311; *Флоринскій*, *Аеонскіе акты*, стр. 47. Ср.

$\frac{\sigma\tau\gamma}{\gamma\epsilon\theta} | \frac{\nu\omicron\nu}{\rho\gamma\iota\omicron\nu}$ въ «Первомъ путешествіи», 312.

²⁾ Передъ КЗ вырѣзанъ цвѣтокъ, довольно большой, а занимъ большая буква **К**.

³⁾ Труды перваго археолог. съѣзда въ Москвѣ 1869. II, 862, Атласъ, табл. XLVI, ст. 2, и Снимки л. 8. Эту же надпись скопировалъ еще раньше В. И. Григоровичъ, и издалъ только въ транскрипціи, разнящейся нѣсколько отъ снимка Гильфердинга. Очеркъ путешествія, стр. 99, гдѣ $\text{И}\delta\lambda^{\text{м}}$ вм. $\text{И}\delta^{\text{м}}$, прѣставише с.... вм. прѣставише. Эта надпись на той же плитѣ вырѣзана еще разъ, но ужасно грубо и безграмотно и непрямыми строками, «дѣтскими» (вѣроятно, мальчигами) въ послѣдствіи, какъ объяснилъ Гильфердингу тамошній священникъ (Труды, тамъ же) въ такомъ видѣ:

стѣ климѣтъ л
 ω^хрнтѣскн
 КЗ ЛѢТѢ ^ω ~~Ж~~К^δ МЕСЕЦА $\text{И}\delta\lambda^{\text{м}}$
 прѣ^кстанше

Атласъ, табл. XLVI, ст. 2, и Снимки *Амфилохія*, л. 8.

надписи ¹⁾. Изъ сличенія ея съ образцами древнихъ текстовъ и азбукъ славянскихъ и христіанскихъ греческихъ въ имѣющихся у насъ изданіяхъ по палеографіи, а также и двумя терновскими славянскими надписями на мраморѣ, можно прійти къ заключенію, что если сама эта надпись не вырѣзана въ концѣ XII или въ началѣ XIII в., то есть грубое воспроизведеніе надписи такого содержанія XII—XIII в.— въ XV в. ²⁾. Наконецъ, кромѣ этой надписи во время своего путешествія по Болгаріи я нашелъ въ селѣ Прѣславѣ, расположенномъ частію около, частію на мѣстѣ стараго Прѣслава, большой кусокъ отъ большаго камня съ двумя рядами славянскихъ письменъ, безъ начала и конца ³⁾, по начертанію которыхъ можно отнести эту часть славянской подписи ко времени ранѣе, но едва ли и позже XI в. Но это только одно мое предположеніе, и оно требуетъ доказательствъ, а потому для опредѣленія древности или не древности архангельско-прилѣвской надписи ⁴⁾ прямымъ доказательствомъ служить не можетъ. Не можетъ служить такимъ доказательствомъ и глаголическая надпись на актѣ аеонско-иверскаго монастыря. И такъ, остается одинъ не лянидарный памятникъ славянскихъ письменъ X в., славянская подпись игумена аеонско-зографскаго монастыря на греческомъ актѣ 980 г. Но само собою разумѣется, совершенно недостаточно строить свои доказательства о древности или недревности и подлинности славянской надписи, только на одномъ сравненіи этихъ двухъ памятниковъ славянскаго письма X в. Поэтому нужно обратиться къ греческимъ надписямъ и греческимъ письменнымъ памятникамъ раннихъ и позднихъ временъ, а также отчасти и къ такимъ же славянскимъ чтобы, сравнивъ архангельско-прилѣвскую надпись съ ними, такимъ образомъ если не дойдти до истины, то по крайней мѣрѣ приблизиться къ ней относительно вопроса о древности или недревности и подлинности открытой о. Антониномъ славянской надписи X вѣка.

¹⁾ Не признають эту надпись древнею ни Григоровичъ, ни архим. Амфилохій. Тамъ же.

²⁾ Ср. епископа *Саввы* Можайскаго, Палеографическіе снимки, М. 1863, дополн. л., VIII; архим. *Амфилохія*, Снимки..., л. 1. О терновскихъ надписяхъ см. у *Даскалова* «Открытія въ древней столицѣ Терновѣ» въ *Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р.*, 1859, № 2, стр. 18—20. Сравненія я дѣлалъ по своимъ снимкамъ.

³⁾ Вотъ эта надпись: $\text{КАН}^{\text{Ъ}}\text{КОЛІН}$ (КА Н^ЪКОЛІН)
 НТЖМ

⁴⁾ Такъ я называю надпись 996 г. архангельскаго Прилѣвскаго или *Края* Марка монастыря.

При сравненіи я буду имѣть въ виду по преимуществу снимковъ о Антонина, какъ точное воспроизведеніе (*fac-simile*) архангельско-прилѣпской надписи, о чемъ заявляетъ самъ путешественникъ (стр. 326, пр. 1 и л. сн. 5) ¹⁾.

Изъ 26 буквъ въ снимкѣ о. Антонина ²⁾ 5 повтораются, а остальные встрѣчаются только по одному разу.

„а или а то со сложеною правою чертою, то съ отвѣсною“ употребляется довольно часто съ VII до начала XI в. и по преимуществу въ X в. въ надписяхъ, собранныхъ въ Аѣннахъ о. Антонинъ ³⁾. Въ надписяхъ XI и XII вв. встрѣчается а или а съ добавочною поперечною чертою сверху (а и а ⁴⁾. Въ письменныхъ памятникахъ греческихъ а и а употребляется почти исключительно до X в. и только отчасти послѣ, но по преимуществу въ скорописяхъ), въ славянскихъ же а почти совсѣмъ не замѣтно, а а съ прямою вертикальною чертою обычно и довольно распространено ⁵⁾; оно видно и въ славянской надписи 980 г. (см. снимковъ на особ. листѣ № 3).

Г такого точно начертанія, какъ въ архангельско-прилѣпской славянской надписи, изображается въ греческихъ христіанскихъ надписяхъ аѣнскихъ второй половины X и первыхъ годовъ XI в. ⁷⁾, а раньше того, въ VII—IX в., видно только стремленіе и довольно замѣтное приближеніе къ такому начертанію ⁸⁾. Въ письменныхъ греческихъ — довольно рѣдко въ V—IX и въ скорописи X вв. ⁹⁾, а въ

¹⁾ См. приложенныя при семъ на особомъ листѣ копии со снимковъ о. Антонина (№ 1) и Гильеердинга (№ 2).

²⁾ Въ снимкѣ Гильеердинга 23 буквы.

³⁾ «О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѣннахъ». С.-Пб. 1874, л. сн. 20 №№ 63, 68, 70; л. сн. 21, № 84. Ср. № 55 на л. сн. 19; Срезневскій, Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма. С.-Пб. 1876, стр. 46. Ср. *Амфилозія*, Снимки... л. 1.

⁴⁾ Срезневскій, тамъ же.

⁵⁾ *Амфилозія*, л. сн. 2 и 3; *Савва*, описк. Момайскій, Палеографическіе снимки. М. 1863. Дополненія, л. V. Ср. л. сн. VI.

⁶⁾ Ср. *Савва*, л. сн. VIII и А въ славянской подписи 980 г.

⁷⁾ Антонинъ, «О древнихъ христіанскихъ надписяхъ», №№ 54 (959 г.), 56 (927 г.), 52 (1061 г.) л. сн. 19; № 66 (1007 г.), л. сн. 20. Ср. № 41, л. сн. 18 и № 47 л. сн. 19 и *Амфилозія*, Снимки, л. сн. 1.

⁸⁾ Антонинъ, №№ 64, 67, 73, 78 на л. сн. 20; № 84 л. сн. 21; № 55 и 60 л. сн. 19.

⁹⁾ *Амфилозія*, л. сн. 2 и 3. *Савва*, л. сн. V и VI; *Momfison*, *Palaeographia graeca*, pag. 237, 274, 279, 282—283.

славянскихъ только въ скорописи позднѣйшихъ времени¹⁾. Гораздо чаще употребляется и въ надписяхъ и въ рукописяхъ Г, то есть, съ законченіемъ верхней черты справа кривкомъ внизъ²⁾; въ такомъ видѣ г перешло въ славянскую азбуку³⁾.

Δ и Д — первая изъ этихъ буквъ въ христіанскихъ греческихъ аѳонскихъ памятникахъ встрѣчается довольно рѣдко, и то во второй половинѣ X и въ первой половинѣ XI вѣковъ⁴⁾; также мало распространена и въ письменныхъ до X вѣка; но послѣ этого въ скорописи встрѣчается довольно часто⁵⁾. Въ славянскихъ ея совсѣмъ не видно. Вторая же значительно чаще употребляется въ X вѣкѣ, какъ въ надписяхъ⁶⁾, такъ и въ письменныхъ греческихъ памятникахъ, только въ послѣднихъ съ удлинненнымъ верхнимъ концомъ⁷⁾. Въ славянскихъ письменныхъ памятникахъ она употребляется съ XI по XIV вѣка включительно, но съ удлинненнымъ верхнимъ концомъ, а съ XV вѣка безъ послѣдняго⁸⁾.

ε и ε — такого точно начертанія, какъ и въ славянской архангельско-прилѣпской, употребляется эта буква въ аѳонскихъ греческихъ христіанскихъ надписяхъ, и въ особенности въ надписяхъ Паренона, преимущественно X и отчасти XI вѣка⁹⁾. Въ памятникахъ письменныхъ греческихъ и славянскихъ почти всегда употреблялось полукруглое и глубокое ε¹⁰⁾.

Ѕ, похожее на оборотное латинское S, необычно въ такомъ видѣ въ греческихъ памятникахъ неписьменныхъ и письменныхъ. По всей вѣроятности, это особенность допущена славянскимъ рѣзчикомъ.

¹⁾ *Савва*, л. сн. VIII.

²⁾ Ср. *Срезневское*, Палеографическія наблюденія, стр. 47.

³⁾ Ср. снимки у *Саввы*, л. сн. VIII и начертаніе этой буквы въ славянской подлинн. 980 г. (см. № 3).

⁴⁾ *Срезневскій*, Палеографич. наблюденія, стр. 47.

⁵⁾ *Амфилохій*, л. сн. 2 и 3; *Савва*, л. сн. V и VI.

⁶⁾ *Срезневскій*, тамъ же. Ср. *Амфилохій*, Снимки, л. I.

⁷⁾ *Амфилохій*, л. сн. 1 и 2; *Савва*, л. сн. V и VI.

⁸⁾ *Савва*, л. сн. VIII.

⁹⁾ См. снимки съ аѳонскихъ христіанскихъ надписей Паренона у *Амфилохія*, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ, л. сн. 8, № 6; 9, №№ 7 и 8; 11, № 40; 12 (начала XI в.); 16, № 6, 7, 12; 17, №№ 14, 16, 21, 22, 19, 20; 19, №№ 29, 32, 39 и др. Ср. л. сн. 14, № 3 и др. в *Срезневскомъ*, 47.

¹⁰⁾ *Амфилохій*, л. сн. 2 и 3; *Савва*, л. сн. V, VI и VIII и славянск. подлинн. 980 (см. № 3).

Впрочемъ, можетъ быть, цифра *б* изображалась такимъ образомъ у Славянъ Балканскаго полуострова уже въ первое время зарожденія славянской письменности. Явилась она, по всей вѣроятности, изъ греческой *Z* ¹⁾, написанной или вырѣзанной въ одинъ приѣмъ.

Если это предположеніе вѣрно, то является очень важный фактъ въ исторіи образованія и введенія у Славянъ письменныхъ, или по крайней мѣрѣ, цифровыхъ знаковъ. Въ славянскихъ рукописяхъ XI, XII, XIII и XIV вв. включительно и въ охридской надписи на крышкѣ гроба св. Климента встрѣчается такое точно начертаніе этой буквы или цифры ²⁾, какъ въ архангельско-прилѣпской славянской надписи.

З начертанія архангельско-прилѣпской славянской надписи видно до нѣкоторой степени только въ двухъ—трехъ пареононскихъ въ Афинахъ христіанскихъ греческихъ надписяхъ X в. ³⁾; больше сходства видно въ начертаніи этой буквы въ славянской надписи съ начертаніемъ ея въ греческихъ письменныхъ памятникахъ VIII—X вв., и особенно въ скорописи, съ тою только разницею, что вмѣсто наклоности нижняго крючка является стремленіе къ полукруглю послѣдняго, преобладающему въ послѣдующіе вѣка и въ письменныхъ славянскихъ памятникахъ ⁴⁾. Такого же начертанія эта буква является и въ славянской подписи 980 г. ⁵⁾. Впрочемъ въ начертаніи этой буквы въ славянскихъ письменныхъ памятникахъ XI в. видно довольно тщательное стараніе писца приблизиться къ начертанію ея въ архангельско-прилѣпской славянской надписи ⁶⁾. Однако изъ сравненія начертанія *з* видно, что въ IX—X вв. оно не имѣло одного опредѣленнаго характера въ начертаніи ⁷⁾.

РІ (Н, Р).—Н древнее начертаніе такого сокращенія въ греческихъ христіанскихъ надписяхъ не замѣтно, но начертаніе буквы оста-

¹⁾ Ср. изображеніе этой буквы въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ II в. *Савва*, л. сн. V.

²⁾ *Савва*, л. сн. VIII. *Амфилодій*, Снимки, л. 8.

³⁾ *Антонинъ*, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 16, №№ 6 (6427 г.—1919 г.), въ особенности 7, 11; л. 17, № 20.

⁴⁾ *Амфилодій*, л. сн. 2 и 3; *Савва*, л. сн. V, VII и VII. Ср. *Срезневскаю*, 48.

⁵⁾ См. на особомъ листѣ снимокъ № 3.

⁶⁾ Ср. *Савва*, Палеографическіе снимки, л. VIII.

⁷⁾ Ср. *Срезневскаю*, 48.

ваилось постоянно употребительнымъ ¹⁾, какъ и $\dot{\imath}$ и ρ ²⁾, и въ такомъ видѣ перешло оно и въ славянскую азбуку ³⁾. Изображеніе этой буквы въ архангельско-прилѣвской славянской надписи по своему начертанію и характеру совершенно одинаково съ изображеніемъ ея въ греческихъ христіанскихъ аѳинскихъ надписяхъ X и начала XI вѣковъ и отчасти раньше ⁴⁾.

Д совершенно такого же начертанія, какового оно въ архангельско-прилѣвскомъ памятникѣ, употребляется въ аѳинскихъ христіанскихъ греческихъ надписяхъ, преимущественно съ половины X в. ⁵⁾. Въ письменныхъ памятникахъ греческихъ такое начертаніе является съ V и преимущественно съ VI в. и сохраняется, особенно въ скорописи, до XVII и далѣе вѣковъ, хотя верхнее продолженіе правой линіи въ прописныхъ буквахъ не всегда замѣтно ⁶⁾. Въ славянскихъ же оно является только въ XII и XIV вв. и очень явственно въ XVI и XVII вв. ⁷⁾.

Н (ѵ, Ѡ) такого начертанія, какового эта буква въ архангельско-прилѣвской славянской надписи, встрѣчается по преимуществу въ древнихъ надписяхъ христіанскихъ IV—V и ранѣе ⁸⁾. Въ христіанскихъ греческихъ надписяхъ X в. аѳинскаго Паренена, описанныхъ о. Антониномъ, ѵ начертанія разбираемой славянской надписи встрѣчается только два раза ⁹⁾ и еще въ двухъ надписяхъ, — въ одной—

¹⁾ *Срезневскій*, 48; *Амфилохій*, лл. сн. 1, 2 и 3; *Савва*, л. сн. V.

²⁾ *Срезневскій*, 48, 49; *Амфилохій*, лл. сн. 1, 2 и 3; *Савва*, лл. сн. V, VI и VIII.

³⁾ *Савва*, л. сн. VIII и славянская подпись 980 г.

⁴⁾ Ср. *Антонина*, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 16, № 7; 20. №№ 70, 68 и др.

⁵⁾ *Антонинъ*, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 9, №№ 8, 9, 17; 11, № 40; 12, №№ 1, 2, 7, 8; 19, № 54, ср. № 55; 20, № 65; 23, № 89. Ср. *Срезневскаго*, 49 и *Амфилохія* Сняжки, л. 1.

⁶⁾ *Амфилохій*, лл. сн. 2 и 3; *Савва*, лл. сн. V и VI; Ср. *Срезневскаго*, тамъ же.

⁷⁾ *Савва*, л. сн. VIII. Ср. начертаніе этой буквы въ славянской подписи 980 г.

⁸⁾ *Срезневскій*, Палеографическія наблюденія, 36, 38—41, 44, 45; *Антонинъ*, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 8, № 1; 11, №№ 4, 5, стр. 42; 23, №№ 90, 91; 25 № 9; 26, №№ 10, 13, 16—21 (ср. *Срезневскаго*, 45). Ср. л. сн. 17, № 17; 18; № 31.

⁹⁾ О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 8, № 6 (6475—967); Ср. *Срезневскаго*, 50; *Антонинъ*, тамъ же, 18, № 28 (нач. X в., стр. 40).

первой половинѣ XI в. ¹⁾, а другой—первыхъ годовъ XII в. ²⁾. Въ X, XI и послѣдующихъ вѣкахъ какъ въ надписяхъ; такъ и въ письменныхъ памятникахъ греческихъ, употребляется преимущественно **Н** ³⁾, рѣдко являющееся въ древнихъ христіанскихъ надписяхъ и письменныхъ памятникахъ ⁴⁾, особенно свороченныхъ, и принятое и въ славянской азбукѣ ⁵⁾.

Кольцеобразное **О** употребляется въ древнихъ греческихъ аѳонскихъ христіанскихъ надписяхъ, хотя и не очень часто и въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ о. Антонинномъ воденскихъ эпитафіяхъ ⁶⁾; въ X в. оно видно только на двухъ христіанскихъ аѳонскихъ надписяхъ ⁷⁾. Въ памятникахъ письменныхъ греческихъ оно обычно въ V—VIII и даже IX в., но съ колебаніями ⁸⁾, а въ славянскихъ почти не замѣтно.

П—древнее начертаніе этой буквы безъ выступовъ сверху, только немного суженное въ аѳонскихъ греческихъ христіанскихъ надписяхъ до половины XI в. представляется господствующимъ ⁹⁾; такого же начертанія эта буква является и въ славянской подлинѣ 980 г. ¹⁰⁾. Въ такомъ же видѣ она перешла въ славянскую азбуку ¹¹⁾. Въ надписяхъ греческихъ христіанскихъ съ X в. вошло въ употребленіе **П**, имѣя иногда продолженіе верхней черты только справа **П** ¹²⁾.

¹⁾ Тамъ же, л. сн. 11, № 5 (6548—1040).

²⁾ Тамъ же, л. сн. 19, № 55 (6611—1103).

³⁾ См. снимки аѳонскихъ христіанскихъ греческихъ надписей у *Антонина*, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ; *Срезневскій*, 50; *Амфилохий*, л. сн. I, 2 и 3; *Савва*, л. сн. V.

⁴⁾ *Срезневскій*, ор. с., 36—37; *Rossi*, La Roma sotterranea cristiana. II. Roma. 1864, pag. 282, 263.

⁵⁾ *Савва*, л. сн. VIII и начертанія этой буквы въ славянской подлинѣ 980 г. Впрочемъ древнее начертаніе **у** (**Н**) встрѣчается и въ славянскихъ памятникахъ XIII в., но съ другою одною отглаголкою—**Н**.

⁶⁾ *Антонинъ*, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 25, № 9, стр. 81—2; *Срезневскій*, ор. с., 37—8., л. сн. 24, № 101, стр. 72—73; *Срезневскій*, 39—40; л. сн. 14, № 3, стр. 39; Повѣдка въ Румелию, л. сн. 4, №№ 2, 6, 15, 18.

⁷⁾ *Антонинъ*, ор. с., л. сн. 8, № 6; 9, № 17; ср. *Срезневскіаго*, 50.

⁸⁾ *Амфилохий*, л. сн. 2 и 3; *Савва*, л. сн. V.

⁹⁾ *Срезневскій*, 50—51; *Амфилохий*, л. сн. I.

¹⁰⁾ См. снимокъ № 3.

¹¹⁾ *Савва*, л. сн. VIII.

¹²⁾ *Срезневскій*, 51.

Въ письменныхъ греческихъ христіанскихъ памятникахъ на ряду съ древнимъ начертаніемъ является и начертаніе съ выступами ¹⁾.

Начертаніе надстрочнаго *ѣ* въ разбираемой мнѣ славянской рукописи видно въ нѣкоторыхъ древнихъ христіанскихъ надписяхъ ²⁾ и очень во многихъ болѣе поздняго времени—X ³⁾ и другихъ вѣковъ ⁴⁾ какъ и въ греческихъ письменныхъ христіанскихъ памятникахъ съ V по X в., въ которыхъ преобладаетъ полуовальное и не широкое начертаніе этой буквы *ѣ*). Въ славянскихъ памятникахъ оно является удлинненнымъ и суженнымъ *ѣ*).

Т—начертаніе этой буквы въ разбираемой славянской надписи было обычно въ греческихъ христіанскихъ надписяхъ наравнѣ съ Т до поздняго времени, при чемъ въ первомъ случаѣ допускалось искривленіе верхней поперечной черты (⌒) ⁵⁾. Такимъ же образомъ употреблялось оно и въ письменныхъ памятникахъ греческихъ, за исключеніемъ V—VII вв., и скорописныхъ ⁶⁾ и славянскихъ ⁶⁾. То же можно сказать и о начертаніи *Ѡ*, которое съ XI вѣка стало опускаться за строку ¹⁰⁾.

Ѫ по своему начертанію походитъ нѣсколько на *Ѣ*, гдѣ, какъ и здѣсь, нижній, передній полукругъ сдѣланъ въ одинъ приѣмъ, какъ и въ славянской подписи 980 г. во второй разъ въ концѣ ¹¹⁾. Въ письменныхъ видно почти такое же *Ѫ* только въ скорописи неуставной ¹²⁾.

Ѣ не имѣетъ почти никакого сходства съ своимъ начертаніемъ въ письменныхъ памятникахъ ¹³⁾; видно только нѣкоторое подобіе въ начертаніи въ открытомъ мною отрывкѣ прѣславской надписи, особенно въ нижнемъ полукругѣ.

¹⁾ Амфилохій, л. сн. 2 и 8; Саваа, л. сн. V и VI.

²⁾ Антонимъ, л. сн. 26, № 20, 19.

³⁾ Тамъ же, л. сн. 23, № 83 (6421—912); 24, № 44, 46 (безъ года); 19, № 54 (6467 г. —959 г.).

⁴⁾ Тамъ же, л. сн. 13, № 18 (6607—1199 гг.).

⁵⁾ Амфилохій, л. сн. 2 и 3; Саваа, л. сн. V и VI.

⁶⁾ Саваа, л. сн. VIII, и начертаніе этой буквы въ славянской подписи 980 г.

⁷⁾ Срезневскій, 51; Амфилохій, л. сн. 1.

⁸⁾ Амфилохій, л. сн. 2 и 3; Саваа, л. сн. V.

⁹⁾ Саваа, л. сн. VIII. Въ славянской подписи 980 г. Т написано въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ загибался при сложеніи пергамента, вследствие чего немного потерялось, а потому не ясно замѣтно.

¹⁰⁾ Срезневскій, 52; Амфилохій, л. сн. 1, 2 и 3; Саваа, л. сн. V и VIII.

¹¹⁾ См. сн. № 3.

¹²⁾ Саваа, л. сн. VIII.

¹³⁾ Ср. тоже.

W—начертаніе этой буквы въ архангельско-прилѣпской надписи походить на начертаніе ея въ греческихъ христіанскихъ надписяхъ преимущественно XI вѣка ¹⁾, въ которыхъ письма начертаны то уставомъ, то скорописью, и такъ, что количество уставныхъ все болѣе уменьшается, а количество скорописныхъ увеличивается ²⁾; въ X и раньше этого вѣкахъ видно начертаніе, гдѣ средняя связь поднимается наравнѣ съ боками, а иногда всѣ три верхніе конца были какъ бы срѣзаны ³⁾. Гораздо больше сходства въ начертаніи этой буквы съ начертаніемъ ея въ письменныхъ христіанскихъ памятникахъ греческихъ и славянскихъ почти всѣхъ временъ ⁴⁾.

Наконецъ, начертаніе Ч (ч) въ снимкѣ Гильфердинга почти совершенно незамѣтно въ славянскихъ, открытыхъ доннѣ, надписяхъ и письменныхъ памятникахъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, но не со всѣми отгѣнками, въ нѣкоторыхъ изъ письменныхъ XI столѣтія ⁵⁾. Только въ отрывкѣ прѣславской надписи встрѣчается одинъ разъ ч, точно такого же начертанія, какъ и въ разбираемой архангельско-прилѣпской надписи.

Обращаясь затѣмъ къ дѣлымъ словамъ надписи.

Во второй строкѣ надписи два слова въ снимкѣ о. Антонина, именно АГІСѢ и АН^ѢРИ значительно разнятся отъ тѣхъ же словъ въ снимкѣ Гильфердинга, гдѣ они изображены такъ: ПѢ и Я^ѢНИ ⁶⁾. Который изъ этихъ двухъ снимковъ вѣрнѣе, не легко окончателно рѣшить имѣющему подъ руками только одни снимки съ надписи безъ подлинника. Я могу только предположить, можетъ быть даже не въ пользу истины, что снимокъ и чтеніе архангельско-прилѣпской славянской надписи болѣе правдоподобны у о. Антонина, чѣмъ ея снимокъ и чтеніе у Гильфердинга—по тому, во первыхъ, что снимокъ о Антонина есть fac-simile надписи, какъ заявляетъ самъ авторъ „Поѣздки въ Румелію“, между тѣмъ какъ Гильфердингъ сдѣлалъ свой снимокъ карандашемъ на прозрачную бумагу, какъ заявилъ объ этомъ архимандритъ Амфилохій на первомъ археологическомъ

¹⁾ *Антонинъ*, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ т. сн. 3, № 4; 5, № 17 10, № 18—20; 11, № 5 и др. Ср. *Срезневскаго*, 52; Снимки *Амфилохія*, т. 1 и *Савва*, т. сн. V.

²⁾ *Срезневскій*, 46.

³⁾ Тамъ же, 52.

⁴⁾ *Амфилохій*, т. сн. 2 и 3; *Савва*, т. сн. VI и VIII.

⁵⁾ *Савва*, т. сн. VIII.

⁶⁾ См. снимки №№ 1 и 2.

сѣздѣ въ Москвѣ въ 1869 г. ¹⁾; и восторжъ, что сдѣланные о. Антониномъ снимки съ аѳинскихъ христіанскихъ греческихъ и латинскихъ, а также и съ македонскихъ надписей, приложенныхъ къ „Поѣздѣ въ Румелию“, въ значительномъ большинствѣ случаевъ вѣрны и правильны снимковъ со многихъ изъ тѣхъ же надписей, сдѣланныхъ нѣкоторыми изъ путешествовавшихъ по Македоніи прежде и послѣ о. Антонина ²⁾, какъ отчасти указано было на это мною и будетъ еще указано ниже. Кромѣ этого, едва ли возможна въ отношеніи правописанія форма $\text{п}\hat{\omega}$; по крайней мѣрѣ ни древнихъ, ни въ болѣе позднего времени славянскихъ надписяхъ и письменныхъ памятникахъ подобнаго рода титлованіе $\text{п}\hat{\omega}$ и ω въ такомъ мѣстѣ слова мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно; а тѣмъ менѣе была возможна, кажется мнѣ, такая форма въ столь раннее время славянской письменности. Не начертано ли $\text{п}\hat{\omega}$ по подражанію $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\lambda\epsilon\alpha\iota\varsigma$, $\eta)\hat{\omega}$ христіанскихъ надписей?

Слово $\text{ΑΓΙ}\hat{\omega}$ ($\acute{\alpha}\gamma\iota\omega\tau\alpha\varsigma$) въ собранныхъ о. Антониномъ въ Аѳинахъ христіанскихъ надписяхъ встрѣчается 25 разъ, изъ которыхъ въ сокращенной формѣ 16 разъ ³⁾; съ титломъ же, только не такого начертанія, какъ въ разбираемой здѣсь славянской надписи, оно встрѣчается всего разъ—въ первыхъ годахъ XII вѣка ⁴⁾. По начертанію это слово, по видимому, скорѣе походитъ на свое начертаніе въ 4 аѳинскихъ христіанскихъ греческихъ надписяхъ—двѣ конца XI и двѣ начала XII вѣка—и особенно въ одной 1103 г. ⁵⁾; по формѣ своей оно вѣрно слѣдуетъ епископскимъ надписямъ, найден-

¹⁾ Труды перваго археологическаго сѣзда въ Москвѣ 1869 II. М. 1871, стр. 862.

²⁾ Ср. *Срезневскому*, *Палеографическія наблюденія*, стр. 8.

³⁾ Именно 2 раза VII в. (685 г. по *Срезневскому*, стр. 28; ср. *Антонина*, л. сн. 20, № 67, стр. 61, и 694 г., л. сн. 21, № 84), 3—VIII (704, 714 и 779 гг. по *Срезневскому*, 28; *Антонинъ*, л. сн. 20, №№ 73, 76 и 75, стр. 63—64), 3—IX (803, 813, 819 гг. по *Срезневскому*, 28; *Антонинъ* л. сн. 19, №№ 60 и 61, 20, № 78, стр. 59, 60), 2—конца XI в. (1069 и 1087 г., л. сн. 19, №№ 48 и 51) и 2—первыхъ годовъ XII (1103 г. оба раза, л. сн. 18, № 41; 19, № 55) 4—XII в. скорописи. (1112, 1175, 1182 и 1190, л. сн. 21, №№ 80—83); изъ нихъ 8 епископскихъ (всѣ съ VII по IX в. включительно).

⁴⁾ О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 18, № 41 (1103 г.). Титло, какъ въ нашей надписи см. тамъ же, л. сн. 19, № 51 (1087 г.) и многаго рода на л. сн. 20. № 75 (679 или 780 г.).

⁵⁾ Тамъ же, л. сн. 19, № 55 и см. мое примѣч. 1.

нимъ о. Антониномъ въ Ассизахъ. Между этими надписями встрѣчаются только двѣ X вѣка сословомъ ЯГОТЯО и ЯГОТЯТ^о ¹⁾.

Вполнѣ справедливо замѣчаетъ о. Антонинъ, что „титулованіе епископа „святѣйшимъ“ по гречески указываетъ на время, когда славянскій языкъ еще слишкомъ робко выступалъ въ область освященныхъ и утвержденныхъ вѣрой именъ и терминовъ, чужезычныхъ и неразумѣмыхъ ²⁾, но отъ того именно и неприкосновенныхъ для вѣрующаго народа“ (стр. 326). Только относительно „неразумѣмыхъ“ нельзя, по моему, согласиться съ о. Антониномъ; не отъ того принято ЯГІѠ въ разбираемой славянской надписи, что оно не было понятно Славянамъ, а отъ того, что имъ придавалась больше значенія и важности лицу, въ которому оно примѣнялось. Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить вель (отъ велѣ), вмѣсто шаге прилагаемое предъ титулами молдавскихъ придворныхъ высшихъ чиновныхъ лицъ, какъ на примѣръ, вель постелникъ, вель пахарникъ, вель логофеть и др., постоянно встрѣчающіяся въ грамотахъ румынскихъ господарей до самаго почти послѣдняго времени вмѣсто marele Postelnicî (постѣльникъ чѣл маре, (—cel mare), marele Paharnicî (пзхарникъ чѣл маре), marele Logofetî логофетъ чѣл маре), встрѣчаемыхъ у Дим. Кантемира въ его „Описаніи Молдавіи“ ²⁾; или же принятое отъ южныхъ Славянъ влѣдыка (vládica) для означенія архіерея вмѣсто чисто румынскаго стѣпникитор (stëpnicitor), означающаго то же, что и влѣдыка. ³⁾.

Но, принимая слово ЯГІѠ, я по необходимости долженъ допустить, что разбираемая здѣсь архангельско-прилѣпская славянская надпись не дошла до насъ въ полномъ своемъ составѣ, — иначе нельзя будетъ себѣ объяснить причину отсутствія въ ней слова, означающаго назначеніе надписи. Къ сожалѣнію, ни о. Антонинъ, ни Гильфердингъ почти ничего не сообщаютъ о нынѣшнемъ состояніи надписи. О. Антонинъ говоритъ только, что „цифровыя буквы вырѣзаны такъ ясно

¹⁾ Тамъ же, л. сн. 19, № 56 (927 г.) и 54 (981 г.).

²⁾ Латинское и румынское академическ. изданія, 1872, pag. 77—79, 1875, pag. 61, 81—82 и изданіе монастыря Намцу (въ Молдавіи), 1825, стр. 186, 188—189.

³⁾ Впрочемъ не переведенныя греческія слова можно найти и въ некоторыхъ славянскихъ рукописяхъ XI в., на примѣръ, Ѡ (=ωδρ). ѠСАНА ѠВРѢСА при пѣ и ѠСАНА АНКЪИ; породо (парадизосъ) при рѠи и др. «О современнѣйшемъ октомѣ XI вѣка юго-славянскаго юсоваго письма, найденномъ въ 1868 г. А. Ф. Гильердингомъ въ Струмицѣ. Архимандрита *Анфимолія*. М 1874», стр. I, X, примѣчанія 3 и 4.

и отчетливо, что не дадут повода ни къ малѣйшему сомнѣнію въ вѣрности ихъ чтенія⁴ (стр. 326). Въ этомъ вполне можно согласиться съ о. Антониномъ, тѣмъ болѣе что его снимокъ въ этомъ мѣстѣ сходенъ со снимкомъ Гильфердинга. А. Θ. Гильфердингъ, по сообщенію архимандрита Амфилохія, передаетъ, что при возобновленіи монастырской церкви въ 1861 г., „древняя колонна, гдѣ запись, не была тронута“¹⁾. Верковичъ, посѣтившій монастырь въ 1853 году, когда послѣдній былъ въ развалинахъ, о колонахъ церкви даже и не упоминаетъ²⁾. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые признаки обоихъ снимковъ заставляютъ думать, что должны были быть въ надписи еще слова, которыхъ теперь нѣтъ, и именно съ лѣвой ея стороны. О. Антонинъ въ началѣ первой строки, предъ словомъ ЛѢТО, отмѣтилъ продольными черточками, что въ надписи не достаетъ одного слова, которое должно было стоять надъ словомъ ЛПСѢ, чѣмъ во второй строкѣ (см. см. № 1). Въ снимкѣ Гильфердинга этотъ пропускъ не отмѣченъ, но Л представлено только съ половиной, опущенною внизъ правою стороною, а это опять даетъ понять, что надпись немного въ этомъ мѣстѣ испорчена. Но если бы даже Л было и цѣло, то и тогда пропускъ можно замѣтить, такъ какъ слово ЛѢТО начинается не съ того пункта, съ каковаго начинается слово ПѢ во второй строкѣ. По всей вѣроятности, передъ словомъ ЛѢТО стояло КЗ, обычное въ славянскихъ означеніяхъ годовъ, начиная съ самыхъ раннихъ временъ славянской письменности. Кромѣ этого, въ снимкѣ Гильфердинга передъ словомъ ФЕА въ третьей строкѣ видна какая-то царапина сверху внизъ и внизу отъ нея, съ отклоненіемъ вправо, поставлена точка, и притомъ третья строка начинается опять не съ того пункта, съ каковаго начинается вторая, чѣмъ впрочемъ въ снимкѣ о. Антонина почти совсѣмъ не замѣтно. Сверхъ того, предъ словомъ ФЕА надписи нѣтъ слова МЦА, также обычнаго въ греческихъ и въ славянскихъ надписяхъ и рукописяхъ самыхъ раннихъ

¹⁾ Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1869. II. М. 1871, стр. 862.

²⁾ Ст. Верковичъ въ частной бесѣдѣ сообщилъ мнѣ недавно, что въ настоящее время помнитъ только то, что стѣны церкви съ живописью, хорошо сохраняющеюся, стояли со всѣхъ сторонъ, а внутри ея можно было различить хорошо престолъ, который также стоялъ; остальное было все полно большею кучей мусора, образовавшагося отъ упавшихъ крыша, куполовъ и сводовъ, и обросшаго медвѣжьимъ кустарникомъ и даже большими деревьями. О колонахъ онъ хорошо не помнитъ: можетъ быть, онѣ были покрыты мусоромъ.

христіанскихъ временъ. Какое слово было начертано предъ ЯПГΩ, и было ли тутъ только одно слово или больше, въ настоящее время едва ли возможно догадаться.

ЯПНІ въ снимкѣ Гильфердинга есть не удачное воспроизведеніе ЯПРН снимка о. Антонина ¹⁾. Въ открытыхъ до этого времени греческихъ аѳинскихъ христіанскихъ надписяхъ это имя встрѣчается довольно рѣдко—въ формѣ 'Ανδρέας; ²⁾. Форму ЯПРН я считаю народною ³⁾, хотя едва ли можно слышать что-нибудь подобное у нынѣшнихъ Болгаръ.

εΠΠΖ въ славянскихъ письменныхъ памятникахъ древнихъ и позднѣйшихъ въ такомъ видѣ и сокращеніи, кромѣ сложнаго съ αρχι (= αρχι(ι)εΠΠΖ), встрѣчается довольно рѣдко, а большею частію съ κ между обоими π (= εΠΚΠΖ). Въ греческихъ изданныхъ доннѣхъ христіанскихъ надписяхъ X в. это слово въ сокращеніи изображается такъ: εΠικ или εΠικκ ⁴⁾, и разъ, по видимому, безъ сокращенія ⁵⁾. Также большею частію безъ сокращенія пишется оно въ греческихъ рукописяхъ X в. въ отдѣльности и въ сложности съ αρχι (= αρχιεπισκοπος) ⁶⁾.

Φεα представляетъ необычное въ греческихъ надписяхъ и письменныхъ памятникахъ сокращеніе февраля ⁷⁾; начертанная послѣ

¹⁾ Ср. архимандр. *Амфилохія* «О вліяніи греческой письменности на славянскую съ IX по начало XVI вѣка» въ Труд. перваго археологич. съѣзда въ Москвѣ 1869 г. II. М. 1871, стр. 862.

²⁾ Въ книгѣ о. *Антонина* «О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ» 'Ανδρέας встрѣчается только три раза; л. сн. 21, №84: ΑΝΔΡΕΑΣ (693 г., стр. 66); л. сн. 10. № 18: ΑΝΔΡΕΑΣ (1039 г. стр. 25) и л. сн. 20, № 77:

ΑΠΡ (безъ указанія года, стр. 64).

³⁾ Св. *Андрій*, уменьш. *Андріеши* (русское прозваніе Андришевъ) у Румыновъ, *Андрій* и *Андрійко* у Малоруссовъ.

⁴⁾ *Антонинъ*, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 19, №№ 61 (стр. 59); 20, №№ 67 (стр. 61), 75 (стр. 63), 76 (64), 78 (ib.); 21. № 84 (66).

⁵⁾ Тамъ же, л. сн. № 7 (43).

⁶⁾ *Амфилохій*, Палеографическія описанія греческихъ рукописей IX и X вѣка определенныхъ лѣтъ, съ 26 таблицами снимковъ въ девъ красокъ. Т. I. М. 1879, табл. сн. XVI (стр. 49), XII (38), XV (42); но αρχι^πεπισκο — табл. XXIV (стр. 72).

⁷⁾ *Антонинъ*, О др. хр. надписяхъ, л. сн. 9, № 7—φερα; 10, № 28—φεροαρ; 11,

него наклоненная вправо черта съ завитымъ верхнимъ концомъ, я полагаю, представляетъ собою букву ρ (ρ) и предназначена служить вмѣстѣ съ тѣмъ въ видѣ украшенія, — тогда получится: $\Phi\epsilon(v\rho\delta)ap...$ ¹⁾. Въ древнихъ славянскихъ памятникахъ мнѣ неизвѣстно такое сокращеніе ²⁾.

Остаются еще въ обоихъ снимкахъ надписи разные значки, изъ которыхъ начертанный въ первой строкѣ я уподобилъ на первый разъ птичкѣ, голубю, присутствіе изображенія котораго въ христіанскихъ надписяхъ не невозможно, а начертанныя въ концѣ третьей строки — цвѣткамъ. Казалось бы, что грубая отдѣлка этихъ изображеній, если предположить, что они сдѣланы не совсѣмъ искуснымъ Славяниномъ, вполне естественна. Но при внимательномъ сравненіи этихъ изображеній съ точки зрѣнія технической съ буквами надписи можно замѣтить, что отдѣлка первыхъ совершенно не гармонируетъ съ довольно отчетливою и чистою отдѣлкою каждой изъ послѣднихъ. Вырѣзавшій такъ хорошо буквы въ надписи могъ, мнѣ кажется, лучше вырѣзать подобіе птицы и цвѣтковъ, чѣмъ то, какое видно на снимкахъ надписи: птица безъ ногъ и головы и какіе-то стебельки цвѣтковъ, беспорядочно разбросанные въ концѣ третьей строки надписи. При всемъ этомъ я однако не склоненъ отрицать въ этихъ изображеніяхъ подобія птицы и цвѣтковъ, но думаю — не представлены ли они въ грубой формѣ самимъ рѣзчикомъ намѣренно, скрывая въ себѣ какія нибудь слова, — чтобы читающій надпись легко могъ догадаться или подмѣтить скрытыя слова. Мнѣ казалось, что грубое изображеніе птицы представляетъ слово $\imath\delta$ (то-есть, индиктионъ), при чемъ трубочка съ завитыми въ кругъ линіями, ее составляющими, имѣющая своимъ основаніемъ не совсѣмъ правильный треугольникъ и служащая, мо-

№ 37—феврuario, № 40—феврuario (—1057 г. и л. сн. 19, № 54 также,—959 г.); 17, № 19—феврuar (—917 г.). Впрочемъ ср. $\Phi\delta\omega$ л. сн. 21, № 80 (1112 г.) стр. 64—5. Срезневскій, 57.

¹⁾ Буквы въ видѣ украшенія весьма обычны въ греческихъ христіанскихъ надписяхъ того же почти времени, чѣмъ и разбираемая здѣсь славянская надпись. Архимандр. Амвотіихъ почему-то читаетъ это слово $\Phi\epsilon\delta\rho$. Труды перваго археологическаго съѣзда 1869 г. II. М. 1871, стр. 862.

²⁾ Впрочемъ если вѣрно мое предположеніе относительно $\Phi\epsilon(v\rho\delta)ap...$, то срви. $\Phi\rho$ (то-есть, $\Phi[\epsilon\rho\delta a]\rho$) ϵ ДАНЬ (—346—1527 г.) у *Жастребова*, Податки за историју српске цркве. у Воюграду. 1879, стр. 223.

жетъ быть, на мѣсто шеи и головки представляемой птицы, изображаетъ букву *і*, а верхніе круги означаютъ двоеточіе, ставимое надъ славянскимъ *і*. Неправильный треугольникъ, изображающій туловище птицы, тогда представилъ бы букву *Δ*, а двѣ параллельно извивающіяся черточки, изъ которыхъ концы правой изъ нихъ примыкаютъ къ правой сторонѣ треугольника, изображая крылья птицъ, представляли бы въ то же время букву *и* [и].

Само собою разумѣется, что это мое предположеніе не правдоподобно, ибо въ греческихъ аѳинскихъ извѣстныхъ до нынѣ христіанскихъ надписяхъ не замѣтно такого написанія индиктіона ¹⁾, хотя, съ другой стороны, между всѣми изображеніями птицъ и другихъ животныхъ на надписяхъ нѣтъ даже и подобія такого, какое видимъ въ славянской архангельско-прилѣпской надписи. Правда, въ христіанскихъ надписяхъ Фисіона и Прописеевъ видно не мало монограммъ и изображеній предметовъ видимыхъ, представляющихъ монограммы цѣлыхъ словъ, изъ которыхъ нѣкоторыя слишкомъ успѣшно, по моему мнѣнію, названы о. Антониномъ свидѣтельствомъ „баловства“ и „памятникомъ древней дѣтской игры въ „замешки“, но относительно которыхъ совершенно вѣрно имъ же замѣчено, что они „свидѣтельствуютъ о неискusstвѣ минувшихъ поколѣній“ ²⁾; но и между ними нѣтъ ничего почти похожаго на фигуру въ снимкѣ о. Антонина. Если эта фигура дѣйствительно представляетъ голубя, то подобная же фигура, нужно полагать, была вырѣзана и передъ началомъ первой строки архангельско-прилѣпской надписи.

Немного наклоненная вправо черта изъ двухъ параллельныхъ линій съ оканчивающимися сверху круглыми завитками изображенная послѣ цифровой буквы *З*, нужно полагать, представляетъ собой букву *і*, и тогда число мѣсяца будетъ *З*¹ (17), какъ полагаетъ и архимандритъ Амфилохій ³⁾. Что представляетъ изъ себя не совсѣмъ горизонтальная черта, изображенная съ круглымъ завиткомъ надъ только что указанною чертой—трудно сказать. На снимкѣ Гильфер-

¹⁾ Означеніе индиктіона въ монограммахъ, правда довольно не замысловатыхъ, и вообще изображение буквъ на подобіе предметовъ видимой природы не необычны въ христіанскихъ греческихъ надписяхъ. О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, о. Антонина, л. сн. 5, № 18 (—1062 г.); 13, № 11 (—1154 г.); 20, № 66 (—1007 г.); 25, № 8 (—1064 г.); 12, № 10 (—1064 г.).

²⁾ Тамъ же, стр. 30, 37 и сл. сн. 8, №№ 41—45; 12, № 21.

³⁾ Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г. II, стр. 862.

динга эта черта изображена не горизонтальною, но наклонною вправо, и отъ середины ея вправо же проведена другая черта такимъ образомъ, что обѣ вмѣстѣ образуютъ треугольникъ безъ основанія, лѣвая сторона котораго продолжена отъ вершины и оканчивается кружкомъ, опущеннымъ внизъ. Можетъ быть, этотъ треугольникъ произошелъ отъ неудачнаго исполненія снимка, но можетъ быть, онъ представлялъ букву Δ (=день?). Однако трудно рѣшиться думать, чтобы горизонтальная черта съ круглымъ завиткомъ у праваго конца, изображенная въ томъ снимкѣ надъ предполагаемою мною буквой і при З, произошла отъ неудачнаго исполненія снимка; она или прибавлена совершенно, разумѣется, невинно самимъ Гильфердингомъ, или же представляетъ титло надъ цифрами числа мѣсяца (=З¹).

Послѣ всего сказаннаго можно, по моему, возстановить славянскую надпись въ слѣдующемъ видѣ:

(кз) лѣто ꙗѢѢ
 (?) (?) агѢ ѡ ѡН^ РИ ѡпз
 (мѣа) фѢар З (или З¹) (а?)

Эта архангельско-прилѣпская славянская надпись по внѣшнему расположенію своихъ частей относится къ разряду тѣхъ нѣсколькихъ надгробныхъ епископскихъ надписей VII, VIII и IX вв., которыя снялъ о. Антонинъ въ Аеннахъ въ бывшемъ Паренонѣ, и въ которыхъ однѣхъ между множествомъ другихъ встрѣчается слово епископъ (ἐπίσκοπος)¹); поэтому и эту надпись можно считать скорѣе надгробною, чѣмъ другаго какого-либо рода.

Въ заключеніе нужно сказать, что въ настоящее время мы имѣемъ очень мало данныхъ для сравненія, чтобы окончательно рѣшить во-

¹) О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аеннахъ, л. сн. 21, № 84 (стр. 66); 20, №№ 73, 75, 76, 78 и 72 (62—64). Ср. (№ 84 л. сн. 21):

† МОКѢВРІѢІѢНМѢ
 ІΝΑΖΕΤΕΛΙѢѢН
 ΑΝΑΡΕΑΣΟΑΓΙѢ
 ΗΜΕΠΙСК ΕΤΟΥС
 ССВ

Списокъ аеннскихъ епископовъ по надписямъ см. у о. *Антонина*, тамъ же, стр. 74, а исправленный у *Срезневскаго*, Палеографическія наблюденія, стр. 28.

прось о времени происхожденія архангельско-прилѣпской славянской надписи на колоннѣ, но изъ сдѣланнаго мною сравненія этой надписи съ тѣми греческими и славянскими данными, которыя можно имѣть теперь подъ руками, можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: Славянская архангельско-прилѣпская надпись на церковной колоннѣ не можетъ быть конца X в., а только конца XI и даже начала XII в.

Изъ архангельско-прилѣпскаго монастыря нашъ путешественникъ отправляется въ другой сосѣдній монастырь Трескавецъ, стоящій далѣе (вѣроятно, отъ предыдущаго монастыря), къ сѣверу на продолженіи Марковой горы, на Трескавцѣ ¹⁾, у подошвы которой, къ западу, лежитъ городъ Прилѣпъ. Народное названіе этой обители Богородица (отъ церкви во имя Рождества Богородицы). По дорогѣ туда о. Антонинъ видѣлъ одно изъ „изображеній, украшающихъ гранитныя скривали, стоящія подъ открытымъ небомъ и подверженныя всѣмъ атмосферическимъ вліяніямъ“ ²⁾. Вотъ какъ описываетъ о. Антонинъ это, во всякомъ случаѣ, интересное изображеніе: „Изображеніе сдѣлано по штукатуркѣ, видимо, очень давнее. Представленъ въ естественную величину всадникъ—воинъ на бѣломъ конѣ, со щитомъ въ одной и мечемъ въ другой рукѣ. Не похоже, чтобы это были св. мученики Георгій или Димитрій, изображаемые обыкновенно съ копьями. Возлѣ головнаго сіянія сохранились двѣ буквы: О А, означающія конечно о ѿнос—святой, и больше ничего. Подъ изображеніемъ была большая надпись въ 7 строкъ, но она нещадно истреблена временемъ. Я съ трудомъ могъ разобрать только два слога Ю и МЯ... Даже и того не могу опредѣлить славянская ли она, или греческая была въ свое время. Болѣе похоже, что греческая“ (стр. 330). Это изображеніе должно быть въ родѣ тѣхъ изображеній языческаго времени, какія встрѣчаются около Шумлы и ея округѣ, какъ напримѣръ, изображеніе на выравненной отъ верха до низу скалѣ, возвы-

¹⁾ Вершина Трескавца называется *Златовръхъ*; на немъ, по преданію жителей окружающихъ селъ и Прилѣпа, возвышался когда-то золотой истуканъ, который былъ виденъ на далекомъ разстояніи въ окрестности. Христіане, снявъ истуканъ, построили на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, монастырь, извѣстный теперь подъ названіемъ Богородица и Трескавецъ. *Heugey et Daumet, Mission archéologique de Macedoine. Paris. 1864, стр. 318; ср. Гана, Reise... Wein. 1861, стр. 110.*

²⁾ Не эти ли изображенія имѣеть въ виду и Ганъ? Тамъ же, стр. 109. Ср. *Иречка, Ист. Болг., Одесса 1878 г. стр. 78—79.*

шающейся надъ селомъ Калуревцы, и въ другихъ мѣстахъ ¹⁾). Видѣнное о. Антониномъ изображеніе служило для него предзнаменованіемъ того, о чемъ ему говорили бывальцы, еще въ Витольтъ, именно, что въ Трескавцѣ есть и древнія надписи, и древнія рукописи, и древняя церковь, выстроенная на основаніяхъ языческаго храма (стр.329) ²⁾. Съ монастырскихъ вершинъ открывается прекрасный видъ на Прилѣпъ и прилѣпскія поля. Самый монастырь, по описанію о. Антонина, не великъ; устройство, управление и населеніе его такія же, какъ и въ предыдущемъ, съ тою только разницею, что въ послѣднемъ обучаются мальчики чтенію и письму. Здѣшній старецъ-игуменъ передалъ нашему путешественнику, что монастырь существуетъ уже „четырестыть стѣтъ (4000) лѣтъ. Братій же бывало когда-то тутъ три стѣтны, такъ что по всей горѣ и даже на обнаженныхъ скалахъ, висящихъ надъ монастыремъ, шутить нашъ авторъ, жили въ пещерахъ и развѣдинахъ боголюбивые отшельники, питаемые монастыремъ“ (стр. 332). Какъ бы то ни было, но это предавіе указываетъ на то, что монастырь очень старъ и въ старыя времена въ немъ было много иноковъ. Въ низкой и темной монастырской церкви престоль и жертвенникъ сдѣланы изъ „цѣльныхъ кусковъ камня, обдѣланнаго въ видѣ куба съ расширенными основаніями и карнизомъ по образцу древнихъ надгробныхъ или посвяtitельныхъ памятниковъ языческаго времени“, съ греческими надписями языческаго же времени на каждомъ (тамъ же). На престольномъ камнѣ вырѣзано, что „260 года Флавія Ника Никанорова (дочь) исполняетъ свой обѣтъ Аполлону Этевданскому (ΑΠΟΛΛΩΝΙ ΕΤΕΥΔΑΝΙΕΚΩ)“ (стр. 332—333, примѣчаніе 1 и 5 л. сн.), а на жертвенникѣ—что „за Тита Флавія, сына Антиоха, Аполлаторъ по обѣту посвящаетъ жертвен-

¹⁾ Такого же рода изображенія Каницъ видѣлъ на скалахъ при селахъ *Ку(ю)левчи* и *Мадары* въ округѣ Шумлы. Снимки и описанія см. въ его *Donaubulgarien*. III B. Leipzig. 1879, стр. 112—113. По всей вѣроятности, такія же изображенія, какія видѣлъ о. Антонинъ, были на природной каменной, почти совершенно выравненной сверху до низу, восточной стѣнѣ прохода, ведущаго къ Шумлѣ, *Калурь-базы*, и находящагося къ сѣверо-западу отъ села *Дивядово* (тур. Ченгель) подъ Шумлою, къ югу отъ послѣдней. Въ стѣнѣ высѣчена церковь съ яшищами, на высотѣ 1½ сажени; въ нее нужно идти по довольно чисто и хорошо высѣченнымъ въ скалѣ же ступнямъ, идущимъ снизу въ южномъ направленіи и съ поворотомъ съ половиною почти въ сѣверномъ.

²⁾ Ср. *Григоровича*, Очеркъ..., 116. Ср. описаніе у *Heuzey et Daumet*, Mission, 318—319.

никъ (или памятникъ) Аполлону Отевданскому (ΑΠΟΛΛΩΝΙ ΟΤΕΥΔΑΝΩ) ¹⁾.

Затѣмъ о. Антонинъ дѣлаеть нѣсколько замѣтокъ объ этихъ надписяхъ. Относя надпись 260 г. къ 53 г. передъ Р. X. по македонской эрѣ, онъ приводитъ нѣсколько своихъ соображеній о происхожденіи названій Аполлона: Этевданскій (Этевданискъ—'Ἐτεβδανίσκος) и Отевданскій (Отевданъ—'Οτεβδάνος). Признавая оба эти названія Аполлона мѣстными, тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что ετεβδανίσκος есть Тавданискъ (sic), а это—не совсѣмъ удачная передача греческимъ письмомъ нашего: Тевдомскій и могло образоваться также, какъ изъ Иваницы—Юанникій. „Смѣло, конечно, признать“, прибавляетъ о. Антонинъ;—„существованіе на этихъ мѣстахъ до Р. X. славянской стихіи, но откуда мы взяли въ Европѣ?“ (стр. 334, пр. 1). Не совсѣмъ однако увѣренный въ послѣднемъ своемъ предположеніи, онъ спрашиваетъ: „Не предположить ли, наконецъ, что два существовали тутъ Аполлона, одинъ—Отевданъ, а другой—Этевданискъ?“ и отвѣчаетъ: „И то возможно“. Объ Аполлодорѣ нашъ авторъ, можетъ быть, удачно догадывается, что „онъ же самый и есть Т(итъ) Флавій, выпрошенный, вѣроятно, родителями у Аполлона и нарѣченный въ благодарность за это, кромѣ метрическаго имени, еще Аполлоновымъ даромъ“ (тамъ же).

Мнѣ кажется, можно допустить вмѣстѣ съ Гёзе и Доме, что Отевданскій—происхожденія пеонійскаго и напоминаетъ сиеяскаго Итосира (или Ойтосура—Οϊτόσορος), котораго Греки отождествляли съ Аполлономъ ²⁾. Названіе: Ἐτεβδανίσκος (ср. ταβίςκος, σατρίβςκος, 'Πρακλίςκος, δρομίσκος, βασιλίςκος) указываетъ, по всей вѣроятности, на молодость, или лучше сказать, на дѣтскій возрастъ Аполлона ³⁾. Подобнаго рода богидѣти, какъ жаленькій Бахусъ у Гарпократа, были очень популярны

¹⁾ Эти надписи изданы уже нѣсколько разъ и въ послѣдній у *Heuzey et Daubet, Mission...*, 319, гдѣ во второй конецъ 6-й строки и 7-я приведены въ такомъ видѣ: ΕΥΣΑΛΕ, а у о. Антонина ΕΥΣΑ, а въ первой въ концѣ 4-й строки

ΝΟΥ

ΑΕΝΟΙ

и началъ 5-й стоитъ ΑΠΟΑ вмѣсто ΑΠΟΛ

ΛΩΝΙ

ΛΩΝΙ

²⁾ *Herod.*, IV, 59; ср. *Nesuch. Τοϊτόσορος* и *Corp. inscript. gr.*, nr 6013. Гёзе и Доме говорятъ, что *Отевданъ* и *Ойтосуръ* даютъ новый случай, могущій служить доводомъ для тѣхъ ученыхъ, которые находятъ родство между еракійскими и сиеяскими народами. *Mission...*, 319.

³⁾ Тамъ же.

во время имперіи и почитались, по преимуществу, какъ и въ данномъ случаѣ, женщинами ¹⁾). Имена лицъ, исполняющихъ свой обѣтъ, Т. Φλάβιος (Т. Flavius) и Φλάβια Νείχα (Flavia Nica) ²⁾ вполне, кажется, подтверждаютъ это предположеніе, приобретающее, по мнѣнію Гёзе и Доме, еще болѣе значенія вслѣдствіе 260 года македонской эры, который соответствуетъ, по нимъ, 114 г. по Р. X. во время правленія Траяна ³⁾).

Кромѣ этихъ двухъ надписей, о. Антонинъ приводитъ еще и третью греческую, относимую имъ почему-то къ 1333 г. и высѣченную на одной изъ мраморныхъ плитъ помоста, куда плита попала изъ поперечной стѣны церкви. Хорошее употребленіе! „Неблагоприятное это обстоятельство“, прибавляетъ о. Антонинъ, — „было причиною, что большая часть надписи стерлась совершенно“. Прежде она лежала надъ гробомъ нѣкоего Τσοούης (стр. 335 и 5 л. сл.) ⁴⁾).

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ По всей вѣроятности, мужъ и жена.

³⁾ Тамъ же, стр. 319—320.

⁴⁾ Эта надпись приводится у *Heusinger et Daumet, Mission, 321*, въ слѣдующемъ видѣ:

ΕΚΟΙΜΝΘΗ^νΔΟΔΟ^νΣΤ^νΘ^νΓ
 ΝΡ—ΚΟΔΑΟΣ^νΤΟΣΟΝ^νС·М—ΙΝ·Ι—
 ΛΥΓ^ρ·Γ^ρΣΤΟΝ^ρΜΕ·Κ·ΑΕΠΝ
 ΤΗΣΒΑΔΣΙΔΕΙΑССТЕΦ
 ΕΝΕ
 $\frac{\nu}{\xi}$

Въ транскрипціи этой надписи вмѣсто ξ стоитъ ζ. Концовъ трехъ нижнихъ строкъ надписи, приведенныхъ у о. Антонина, здѣсь нѣтъ, и о нихъ не упоминается. Имя Тосуи или Тосои, или просто Тосу и Тосо, очевидно не славянскаго происхожденія. Тосу называется одинъ изъ двухъ мадьярскихъ вождей, покорившихъ землю между Самошью и Кёрёшью. См. у *Гильфбердина*, Собр. сочин. I, стр. 94. Такъ оно писалось и произносилось у Византийцевъ; но сами Мадыры произносили это имя Тошу, и въ такомъ видѣ оно перенято южными Славянами, у которыхъ, и только у однихъ, оно встрѣчается; у Сербовъ Тоша и Тошо, см. *Караѣѣѣа*, Српски рјечник. У Вечу. 1852, стр. 747, гдѣ невѣрно совершенно считается уменьшительнымъ отъ Тодор. Въ такую же погрѣшность впадаютъ и Французы: *Гёзе* и *Доме*, *Mission*, I. с. У Болгаръ, какъ собственное имя, оно уже не употребляется, но обычно, какъ прованіе въ формѣ уменьшительной: Тошковь, Тошковичъ. Ср. Ташу, Ташо у Болгаръ и Ташы, Таша у Румыновъ, которое приурочивается къ Атанасъ, но кажется, невѣрно.

Жаль, что эта надпись, не дошла до насъ въ цѣлости тѣмъ болѣе, что упоминаніе въ ней имени Стефана, по всей вѣроятности, краля Сербскаго, по предположенію о. Антонина, VIII (?), Сильнаго или Душана ¹⁾, не безцѣльно или не безъ причины; можетъ быть, упоминаемый въ надписи *Тосоуѣ* или *Тосоуѣ* былъ какимъ-нибудь важнымъ лицомъ, жившимъ и дѣйствовавшимъ во время правленія этого сербскаго государя. По всей вѣроятности, этотъ самый Тошо упоминается въ одномъ изъ недавно изданныхъ хрисовуловъ Стефана Душана, данномъ Хиландарскому аеонскому монастырю; тамъ онъ отмѣченъ, какъ властелинъ ²⁾. Вѣроятно, этотъ властелинъ Тошо былъ одинъ изъ егиторовъ трескавецкаго монастыря Богоредицы.

Осмотрѣвъ хорошенько церковь, о. Антонинъ нашелъ еще двѣ надписи, собственно записи: одна на иконѣ Богоматери, помѣщенной въ правомъ длинномъ придѣлѣ, на которой, между прочимъ, упоминается имя Прилѣпскаго митрополита Іосифа (1569 или 1599 г.), не упомянутого у Лекиена въ *Oriens Christianus*; другая же находится надъ другою иконою Богоматери въ томъ же придѣлѣ и написана въ нишѣ стѣны, отдѣляющей первую отъ большой церкви, и по видимому, служившей когда-то дверью. По окружности нишевой арки написано: „Изводеніемъ отца... и пр... снѣ образъ въ лѣто, ѳѳлѣ“. 5939 годъ соотвѣтствуетъ 431 отъ Р. Х. „Иконы такой“, говоритъ о. Антонинъ, — „отдаленной древности, да еще писанной на стѣнѣ, мнѣ еще не случалось не только видѣть, но даже слышать. Не довѣряя глазамъ своимъ, я сталъ освѣщать цифры съ разныхъ сторонъ, и убѣдился, наконецъ, что числовая буква ѳ подправлена. Очевидно, что первоначально на мѣстѣ ея стояло 3, и годъ выходилъ тогда 1431“ (стр. 341—342). Я нарочно такъ долго остановился на этой поддѣлкѣ, чтобъ имѣть случай сказать, что въ Болгаріи такія поддѣлки не особенная рѣдкость, и нужно быть иногда очень внимательнымъ и осторожнымъ, чтобы не попасть въ обманъ. Здѣсь поддѣлка сдѣлана, можетъ быть, съ самою невинною цѣлю; но бываютъ случаи, когда поддѣлки подобнаго рода вызываются интересами матеріальными и тогда употребляется больше искусства для того, чтобы скрыть подлогъ.

¹⁾ Тѣмъ же признается и у *Heuzey et Daumet*, по которымъ индикціонъ 7-й пришелся въ правленіе Душана два раза: въ 1339 и 1354 гг. *Mission*, тамъ же.

²⁾ «...властелинъ прѣствами Тошо», у *Флоринскаго*, Аеонскіе акты. С.-Пб. 1880 г., стр. 74. Ср. *Heuzey et Daumet*, op. cit. et l. c.

„Въ притворѣ церкви, по правую сторону входной западной двери было когда-то, какъ и въ монастырѣ Архангеловъ, изображеніе во весь ростъ какого-то вѣнценосца, конечно“, говоритъ о. Антонинъ,— „кѣтатора церкви, отъ котораго осталось теперь только верхушка короны, окруженной сіяніемъ. Хорошо сохранилась за то прекрасная головка ангела съ боку царя, обращенная къ нему. Кромѣ ея, по другую сторону изображенія, отлично хорошо сохранилась греческая трехстрочная надпись: „Στέφανος ἐν χϛ̄ τϛ̄ θϛ̄ πιστῶς ¹⁾ κρᾶλης καὶ αὐτοκράτωρ ἀπάσης Σερβίας καὶ παραθαλασσίας“. Даты нѣтъ никакой (стр. 335—336 и л. 5 сл.). ²⁾ Послеъ этого зачѣмъ „какого-то вѣнценосца“? Очевидно, изображенъ тутъ былъ Стефанъ Душанъ ³⁾.

Очень жаль, что о. Антонинъ не описываетъ подробно и не представляетъ снимка или рисунка съ „половинчатой двери, деревянной, темнаго отъ давности цвѣта, изукрашенной обильною и хитрою рѣзбой, изображающею святыхъ, какого-то скрипача, драконовъ, грифовъ, оленей и проч.“, тѣмъ болѣе, что эта рѣзба есть „замѣчательный образчикъ древняго славянскаго художества“ (стр. 336).

Сказавъ за этимъ нѣсколько словъ о приѣмной комнатѣ, куда повели нашего путешественника, и о прекрасномъ видѣ, открывающемся съ монастыря на долину Прилѣпа, онъ рисуетъ наружный видъ и форму церкви, на наружной стѣнѣ которой видѣлъ славянскую восьмистрочную надпись, высѣченную на мраморной плитѣ, вставленной по

¹⁾ У о. Антонина: πιστῶς(sic).

²⁾ На у В. И. Григоровича, ни у Heuzey et Daumet объ этомъ изображеніи и надписи не упоминается.

³⁾ О. Антонина приводятъ въ недоумѣніе κρᾶλης (см. Βασίλειος) καὶ αὐτοκράτωρ, неприличные для Стефана Душана. «Можно согласить κρᾶλης съ самодержцемъ въ лицѣ Стефана», говоритъ онъ,— «развѣ предполагавши, что надпись и изображеніе сдѣланы, когда Душанъ еще собирался возвестъ себя въ цари, и пускалъ, какъ говорится, пробный шаръ къ тому титуломъ самодержца» (стр. 336). Трудно сказать—вѣрно ли предположеніе о. Антонина, или нѣтъ, но въ серско-славянскихъ грамотахъ между прочимъ онъ называется. «Стефанъ, по мѣсти божіи король и самодержецъ всѣхъ сербскихъ земель и поморскихъ» (1234—1240), или «Стефанъ въ Хѣта бга благовѣрни (или: вѣрно) самодержецъ и король» (1336, 1345 г.) у Флоринскаго, Аеонскіе акты. С.-Пб. 1880 г., стр. 26—27; 68—69; и только одинъ разъ по гречески въ греческой грамотѣ 1346 (6854) г., данной монастырю св. Іоанна Предтечи, что около Сереса: «Στέφανος ἐν χϛ̄ τϛ̄ θϛ̄ πιστῶς κρᾶλης καὶ αὐτοκράτωρ Σερβίας Ρωμανίας». Гласник., IX, св. XXVI (по старому счету), стр. 24 и у Саевъ, Μεσαιωνική Βιβλιοθηκὴ, I, стр. 239.

по всей вѣроятности, ктиторство царя Уроша или они добижива, или же его самого.

Послѣ этого о. Антонинъ разсмотрѣлъ списокъ съ грамоты Стефана Четвертаго⁴, какъ сказано въ списокѣ, данной монастырю на владѣніе разными угодіями, безъ означенія года; съ списка онъ „списалъ нѣсколько строкъ на память“. Самый подлинникъ „отосланъ въ Бѣлградъ для ученыхъ изслѣдованій“ (стр. 338—339). По языку приведеннаго отрывка списка, несомнѣнно, что грамота подложная или же грубая поддѣлка, и должно быть, очень недавняя, на что указываетъ уже и подпись: „Стефанъ во Христа Бога благовѣрный краль и самодержецъ Сърбскомъ и Поморскомъ и Болгарскомъ земли“ (тамъ же)¹), невозможная ни по формѣ, ни по языку²). Поэтому и важность этого хрисовула въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ, какую придаетъ о. Антонинъ, будетъ только относительная, Въ „Стефанъ Четвертомъ“ авторъ книги „Поѣздка въ Румелию“ видитъ „Стефана хрипаваго или Уроша I“ (1237—1270 гг.)³), который „вѣроятно и былъ“, говоритъ онъ,—„изображенъ при входѣ въ церковь, на ктиторскомъ мѣстѣ“, хотя монастырь вѣритъ, что ктиторомъ его былъ знаменитѣйшій изъ монарховъ сербскихъ Стефанъ Душанъ“ (стр. 339).

Затѣмъ о. Антонинъ приступаетъ къ обзорѣннѣю монастырскихъ рукописей славянскихъ книгъ. Чтобы дать понятіе о томъ, гдѣ и какъ хранились эти рукописи, и въ какомъ состояніи онѣ находились, я приведу весьма любопытныя слова самого автора. „Мы обратились къ игумену“, говоритъ о. Антонинъ,—„съ заявленіемъ, что въ бытность въ Битолю мы слышали о большомъ желѣзномъ сундукѣ, полномъ старыхъ рукописей,

¹) Объ этой грамотѣ упоминается у *Heuzey et Daumet*, *Mission.*, 320, гдѣ подпись читается: «Stephan vo Khrista blahotchestivi kral i samodergetz vse Serbskom i pomorskom Bolgarskom zemli».

²) Изъ сравненія отрывка о. Антонина и грамоты, напечатанной *Даничичемъ* въ *Гласникъ*, кн. XIII, стр. 369—377, и упомянутой *Григоровичемъ*, *Очеркъ*, 117, пр. 3, я склоненъ думать, что видѣнный о. Антониномъ списокъ ничто иное, какъ грубая передѣлка этой послѣдней или поддѣлка подъ нее. Она действительно дана монастырю Трескавцу. Подлинникъ въ очень неисправномъ видѣ, безъ начала и безъ конца и безъ подписи дарителя, хранится въ бѣлградской національной библиотекѣ. Впрочемъ, самъ о. Антонинъ считаетъ копію не вѣрною подлиннику, говоря: «хрисовулу представляется, судя по этому, весьма сомнительнымъ» (стр. 339, пр. 1).

³) По *Даничичу*: Стефана Душана, *Гласник*, XIII, 369. Ср. *Григоровича*, *Очеркъ*, 117. Мнѣнія этихъ двухъ ученыхъ о времени изданія грамоты, мнѣ кажутся, справедливыми.

хранящемся въ какомъ-то заклепѣ обители. Игумень улыбнулся на этотъ сумбуръ важныхъ словъ. Знаю, сказалъ онъ,—кто вамъ говорилъ объ этомъ. Но мы ему отдали послѣднее, что еще было въ сундукѣ-то не сгнившаго совсѣмъ,—„одно големо Евангеліе“¹⁾. Теперь въ сундукѣ только куча разорванныхъ изгнившихъ листовъ. Однавожь, замѣтивъ, что намъ непремѣнно хочется добраться до завѣтнаго сундука, охотно повелъ насъ въ церковь. Мы остановились передъ одною, до нельзя низко и узкою дверцей и пролѣзли въ темное и тѣсное подполье, гдѣ, при свѣтѣ восковыхъ свѣчей, сейчасъ усмотрѣлъ воображаемое сокровище. Сундукъ самъ могъ поспорить съ любой гнилью. Можно по томубыло загадать, въ какомъ состояніи находятся стерегомы имъ рукописи И точно, когда мы открыли его, взору нашему представился цѣлый ворохъ гнилой и затхлої бумаги въ изорванныхъ, измятыхъ и скомканныхъ листахъ, разбитыхъ тетрадяхъ, и, наконецъ, нѣсколько цѣльныхъ, но страшно растрепанныхъ, книгахъ въ черномъ кожанномъ переплетѣ“ (стр. 339—340)²⁾. Такъ хранятся рукописи не въ одномъ этомъ монастырѣ, но почти во всѣхъ славянскихъ и отчасти греческихъ обителяхъ Балканскаго полуострова³⁾; а о томъ, какъ онѣ хранятся въ

¹⁾ То-есть, одно большое Евангеліе. Не это ли пергаментное Евангеліе досталось, бывшему въ то время, секретарю русскаго консульства въ Битола? (стр. 353, ср. 341).

²⁾ Ср. стр. 358. Потому-то монахи этого монастыря не хотѣли показывать В. И. Григоровичу ни одной рукописной книги. Очеркъ, 118.

³⁾ Вотъ какъ описываетъ инокъ Пареевій бібліотеку монастыря св. Іоанна, что около Сара. «Повели насъ въ бібліотеку, говорить онъ, и показали намъ множество кожаныхъ и бумажныхъ рукописныхъ славянскихъ книгъ, болѣе тысячи; лежать безъ всякаго брешенія, о чемъ много соболъновали и сожалѣли; уже многія повредилась. Мы спросили: «почему такъ безъ всякаго присмотра находится бібліотека?» Намъ отвѣчали: «А на что эти книги намъ? Читать мы ихъ не знаемъ. Хотя и всѣ братія-болгары, но читать по-славянски ни одинъ не разумѣетъ; потому что мы всѣ изъ Македоніи. А у насъ по всей Македоніи, по градамъ и по селамъ, нигдѣ не читаютъ по-болгарски, а вездѣ по-гречески. Хотя и всѣ—болгары живутъ, хотя и ничего по-гречески не понимаютъ, ни міраие, ни священники, но такъ заведено издревле, и уже привыкли: потому что съ юности учимся читать и пѣть по-гречески. А сія бібліотека жертвована болгарскими и сербскими царями...» Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой землѣ. II. Изд. 2. С.-Пб. 1856, стр. 67. Замѣчательно, что въ «Сказаніи о началѣ и настоящемъ положеніи монастыря св. Іоанна Предтечи», С.-Пб. 1864, въ концѣ котораго приведенъ разказъ о посвѣщеніи этого монастыря инокомъ Парееніемъ, совсѣмъ опущено приведенное мной мѣсто изъ этого разказа о бібліотекѣ монастыря; и въ самомъ «Сказаніи» сказано только, что бібліотека въ

селахъ страшно даже и сказать. Я могъ бы привести множество фактовъ и случаевъ подобнаго рода, видѣнныхъ мною во время путешествія по Болгаріи ¹⁾. Драгоцѣнные письменные и неписьменные памятники славянской и неславянской древности и старины Балканскаго полуострова могутъ быть избавлены отъ гибели и разсѣянія, во многихъ случаяхъ равносильнаго гибели, безотлагательнымъ приступленіемъ къ ихъ собиранію и описанію. Но для этого силы одного человѣка недостаточны. О количествѣ и содержаніи видѣнныхъ тамъ о. Антониномъ книгъ можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующихъ его словъ: „Все, что попадалось на глаза, относилось къ церковному обиходу, представляя собою остатки Минеи, Трїодей, Псалтырей и тому подобное, и почти все было бумажное. Листки хлопчатки составляли рѣдкость“. Прежде были тамъ и пергаменты, но теперь не отъ нихъ осталось и слѣда (стр. 340, пр. 1). „Всѣхъ книгъ насчитали 15“, говорить далѣе о. Антонинъ. „Описывать ихъ не стоило труда, да къ тому же еще и темнота, едва разгоняемая свѣтомъ огарка, обливавшего платье наше воскомъ, гнали насъ неумолимо наверхъ. Съ девяти листовъ отъ „голема“ (большаго) Евангелія, не захваченныхъ въ свое время вмѣстѣ съ книгою въ Битоль, мы, по порученію игумена, взялись доставить, куда слѣдовало“ (стр. 341). Изъ рукописей приводятся заглавія только двухъ съ годами, а именно: „Слока гтыхъ ѓцъ (на бум. in-f.), большая и крѣпко разбитая книга“, которую списалъ въ 6976 (1468) г. „Григоріе грзкѸ Ѡ костѸра“ ²⁾

обитали заведена по совѣту просвѣщеннаго монаха Герасима изъ Фессалоники, который въ 1735 г. подарилъ обители часть крови, истекшей изъ честной главы св. Іоанна Предтечи, стр. 35. Григоровичъ передаетъ, что славянскія рукописи этого монастыря сожжены. Очеркъ путешествія, 122.

¹⁾ Какъ, наприимѣръ, въ Тырновѣ, въ селахъ: Ляковцѣ около Тырнова, Златарицѣ, Тичѣ, мѣстечкѣ Жеравнѣ, Троянскомъ монастырѣ, сельцѣ Боянѣ около Софїи, городѣ Самоковѣ, Пловдивѣ (Филиппополѣ) и въ другихъ мѣстахъ. А сколько погибло отъ небреженія безвозвратно!..

²⁾ Приводи эту приписку, о. Антонинъ, по видимому, удивляется, что въ 1468 году «насторійскій Грекъ интересовался славянскимъ переводомъ отеческихъ писаній». Но „Григоріе грзкѸ Ѡ костѸра“, по всей вѣроятности, былъ такой же Грекъ, какъ и «Ζάταχος φιλογενής ἔλλην ἀπὸ Γάμπροβον» (Раковскій, Горскій Пѣтнякъ. У Новый Садъ, 1857, стр. 269 и *Иречекъ*, Исторія Болгаръ. Изд. 2-е, Одесса, 1878, стр. 657, пр. 8), или приводимый нашимъ авторомъ Поповичъ; только тогда не былъ извѣстенъ греко-болгарскій вопросъ и „Григоріе грзкѸ Ѡ костѸра“ жилъ себѣ съ болгарскимъ языкомъ такъ, какъ нынѣ живутъ себѣ помани изъ Болгаръ, которые, считая себя Турками, говорятъ

и „*Минна мартіе*“ (бумага, in-fol.), писанная въ 7220 (1712) г. (стр. 340—341).

Изъ этого монастыря нашъ путешественникъ спускается, чрезъ Маркову Паланку, въ болгарское село Варошъ (домовъ 188 или 113), расположенное на мѣстѣ Старога Прилѣпа (у Византійцевъ Прилаπος, у Турокъ Перлепе¹⁾, гдѣ, по преданію, было 70 церквей; мѣста 30-ти изъ которыхъ указываютъ еще и нынѣ. Въ настоящее время въ селѣ есть 3 церкви, и довольно старыя, интересныя въ архитектурномъ отношеніи—св. Димитрія²⁾, св. Петки и св. Николая, которыя, видимо, всѣ относятся къ одному и тому же времени. Судя по надписи или ктиторской замѣткѣ въ церкви св. Николая, онѣ построены въ XIII в. (ἐκ βάρου ἀνεγέρθη... σὺν 3 (1299 г.) Νοεμβρίου... стр. 346, пр. 3), когда Прилѣпъ, по всей вѣроятности, не принадлежалъ еще Сербамъ.

О Старомъ Прилѣпѣ, какъ родинѣ королевича Марка, воспѣтаго народною поэзіей, авторъ ничего не сообщаетъ. Несомнѣнно, что о немъ существуютъ мѣстныя преданія, пѣсни, разказы и проч.³⁾

все-таки по болгарски. Не объ этомъ ли Григорій и переводъ изъ Метафраста упоминаетъ *Голубинскій*, Краткій очеркъ истории православныхъ церквей, стр. 709.

¹⁾ *Тепловъ*, Матеріалы, стр. 263; Ethnographie des vilayets, pag. 4 (vil. Monastir). Варошъ—было ли собственное названіе города, или только нарицательное, не совсемъ легко сказать въ настоящее время. У греческихъ логогрифовъ приводится слово βάρис въ значеніи τεῖχος, ἡ στοά, ἡ πόρτος (Hesychius) или βάραις — πλοῖα, τεῖχη, στοαί, αὐλαί, σφαῖραι (Suidas, p. 416, которое нужно читать φρούραι по *G. d'Arnaud*),—у *Стефана* Thesaur. gr. II, 130, quo murogum firmet significatum. Происхожденія это слово восточнаго, еврейскаго (тамъ же, ср. прим. 1 на стр. 367 у о. Антонина). Ср. городъ *Бары* въ Апуліи (Thesaur. I. gr., II, 128). По всей вѣроятности, Варошъ означаетъ городище и употребленъ вмѣсто болгарскаго градище, такъ какъ городъ перенесенъ въ другое мѣсто. Впрочемъ, *varoush* въ Македоніи употребляется въ значеніи *города*. Нѣкоторыя подробности о старомъ Прилѣпѣ см. у *Гана*, Ор. с., стр. 108—110. *Tafel*, Symbolarum criticarum, geographiam Byzantinam spectantium part. duae. I, стр. 49—50 (въ *Abhandl. der histor. Klasse d. k. bayerischen Akad. d. W.*, 5 B. München, 1849). *Hammer*, Bosna u. Rumeli. Wien, 1812, стр. 96. Перлепе или Перлѣпа ср. съ албанско-гегескимъ перлѣпѣ:—v (можетъ быть, отъ пер+лѣпѣ—а или лѣпѣ, у *Гана*, Alban. Studien Jena, 1854, стр. 961 и 60 словаря). Не отсюда ли болгарское Прилѣпъ, византійское Прилаπος, какъ изъ Сардинка Срѣдецъ и т. п.?

²⁾ Описание ея, а также и описаніе большаго изображенія въ ней см. у *Гана*, Reise von Belgr. nach Salonik. W. 1861, стр. 109—110.

³⁾ *Миладиновъ*, Български народни пѣсни. Земунъ, 1861, стр. 254. Ср. *Иречка*, История Болгаръ. Изд. 2-е, Одесса, 1878, стр. 434—436.

Также почти ничего не сообщаетъ онъ и о древности Вароша или его началъ, но ограничивается приведеніемъ трехъ-четырехъ надписей въ церкви св. Николая, изъ которыхъ три греческія и одна славянская. Первая древняя, безъ конца и безъ года, времени Септимія Севера, на большомъ камнѣ, вставленномъ въ стѣну притвора церкви (стр. 344, пр. 1, 5 л. сл.); другая также въ притворѣ, греческая, глубоко вставленная въ стѣну, и потому изъ того, что видно, нельзя вывести опредѣленнаго смысла (тамъ же); третья, ктиторская, и четвертая, славянская, на стѣнѣ, по лѣвую сторону дверей, вводящихъ въ самый храмъ: „Помени моле... раба своего Димитра“ (стр. 347), къ сожалѣнію, не сказано, какого времени ¹⁾.

Не менѣе достойно примѣчанія и слѣдующее: „Въ темномъ углу той же паперти“, говоритъ о. Антонинъ,—„мы досмотрѣлись шкафа. Онъ оказался безъ замка. На полочкахъ валялся всякій хламъ церковный, негодный, или на время ненужный для употребленія. На ряду со всѣмъ прочимъ валялось и около десятка старыхъ и погнившихъ рукописныхъ книгъ богослужебнаго содержанія XVII—XVIII в., безжалостно брошенныхъ на конечное истребленіе... Не сомнѣваюсь, прибавляетъ авторъ, что ими наполненъ былъ когда-то весь шкафъ, но лучшіе изъ нихъ, конечно, попали въ карманы и сакъ-возжи сострадательныхъ туристовъ. Хотя бы уже то, что осталось, священники забрали и спрятали въ Архангельскомъ монастырѣ (разумѣется, въ томъ же самомъ подпольи, которое посѣтилъ о. Антонинъ), во свидѣтельство того, что Прилѣпъ когда-то жилъ шпрокою славянскою жизнію (значить книги были славянскія), не смотря на свою греческую иконописъ“ (стр. 347).

О торговомъ городѣ Прилѣпѣ, куда нашъ путешественникъ пріѣхалъ изъ Вароша, почти ничего не сообщается, кромѣ развѣ того, что на здѣшней, пресловутой въ краѣ, ярмаркѣ открыта „продажа русскихъ богослужебныхъ книгъ, особенно кіевской печати“ (стр. 348), и что на весь городъ одна церковь ²⁾, при 13 священникахъ (при 7700 христіанскаго населенія) ³⁾, завѣдывающихъ 8-ю приходами, двѣ-три довольно интересныя замѣтки о духовенствѣ (стр. 349).

¹⁾ Ганъ приводитъ четыре греческія надписи, найденныя въ развалинахъ одной изъ тамошнихъ церквей, но отличныя отъ приведенныхъ о. Антонинкомъ. *Weise*, стр. 241, а описаніе развалинъ на стр. 110.

²⁾ Ср. *Григоревича*, *Очеркъ*, 116.

³⁾ *Ethnographie...* (vilayet de Monastir), pag. 1.

Изъ Прилѣпа о. Антонинъ возвращается въ Битолю, отсюда, чрезъ нѣсколько времени, отправляется въ „Старую Болгарію“ (?), то-есть, въ Охридъ.

На этомъ о. Антонинъ прерываетъ свой разказъ въ книгѣ „Поѣздка въ Румелию“.

Изъ подробнаго обзорѣнія книги о. Антонина можно заключить, что самую важную, интересную, и вмѣстѣ съ тѣмъ, самую содержательную часть ея составляютъ греческія, латинскія и славянскія надписи, которыхъ здѣсь помѣщено болѣе 56, и которыя почти всѣ, за весьма небольшими исключеніями, впервые скопированы имъ, и нужно сказать, очень удачно, затѣмъ — замѣтки, хотя довольно краткія и не совсѣмъ обстоятельныя, о славянскихъ рукописяхъ, видѣнныхъ авторомъ въ нѣкоторыхъ посѣщенныхъ имъ славянскихъ монастыряхъ въ Македоніи, расположенныхъ въ окрестностяхъ Битоли и Прилѣпа. Почти о всемъ остальномъ упомянуто вскользь, мимоходомъ, кратко, на скорую руку или „на память“, не смотря на то, что авторъ не рѣдко впадаетъ въ совершенно ненужное многословіе. Впрочемъ, и въ этихъ случайныхъ замѣткахъ можно встрѣтить не мало мѣстныхъ, интересныхъ и даже важныхъ замѣтокъ по археологіи, исторіи, географіи и этнографіи посѣщенныхъ авторомъ мѣстностей; здѣсь авторъ очень часто ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые, если самъ онъ не рѣшаетъ, то заставляютъ другихъ рѣшать ихъ. Если взять во вниманіе время—какіе-нибудь 14 дней,—употребленное на путешествіе по Македоніи, то нужно признать, отдавая справедливость почтенному о. Антонину, что онъ работалъ очень усердно и сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать неутомимый труженикъ.

Не смотря на то, что почти всѣ надписи, приведенныя о. Антониномъ, за очень небольшими исключеніями, до выхода въ свѣтъ „Поѣздки въ Румелию“, уже изданы были западно-европейскими и отчасти греческими учеными и неучеными путешественниками по Македоніи, тѣмъ не менѣе, между этими надписями встрѣчаются нѣсколько, совершенно неизвѣстныхъ ученому міру и притомъ довольно важныхъ для исторіи. Кромѣ того, эти надписи, будучи собраны въ одну книгу и если не всегда удачно и вѣрно объяснены, за то довольно вѣрно въ большинствѣ случаевъ списаны и переведены, всегда съ приведеніемъ подлинника, составляютъ драгоцѣнное приобрѣтеніе для русскихъ ученыхъ, занимающихся древнею, среднею и отчасти новою исторіей Македоніи и, пожалуй, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей Балканскаго полуострова. Нельзя не благодарить поэтому Русское

Археологическое общество за изданіе книги о. Антонина и не выра- зить желанія, чтобъ эта книга была началомъ цѣлаго ряда изданій предметомъ которыхъ будутъ археологія славянскихъ земель.

При всемъ томъ, нельзя, однако, не поставить автору „Поѣздки въ Румелию“ въ укоръ, что онъ, написавъ свою книгу вскорѣ послѣ 1865 г., держалъ ее въ рукописи до настоящаго времени и такимъ образомъ лишалъ ученый міръ возможности пользоваться собранными имъ почти 15 лѣтъ тому назадъ памятниками греко-римской древно- сти и византійско-славянской старины Македоніи, и кромѣ того, далъ западно-европейскимъ ученымъ время предвосхитить, такъ ска- зать, отъ Русскихъ честь перваго изданія этихъ памятниковъ. Но если даже не обращать особаго вниманія на это послѣднее обстоя- тельство, то все же авторъ, издавая свою книгу теперь, долженъ былъ сдѣлать указанія на существующія уже изданія и объясненіе нѣ- которыхъ изъ приведенныхъ у него надписей западно-европейскими и греческими учеными, а также и на мнѣнія послѣднихъ о историко- географическомъ значеніи того или другаго посѣщеннаго имъ мѣста въ Македоніи. Безъ этого книга о. Антонина въ настоящемъ ея видѣ является нѣсколько запоздалою, и сверхъ того, этимъ затрудняется пользованіе ею, особенно въ дѣлѣ сравненія ея сообщеній съ тѣми же данными, но изданными у другихъ авторовъ, до выхода ея въ свѣтъ.

Въ заключеніе не могу не выразить еще разъ сожалѣнія, что ни авторъ, ни издатель или издатели „Поѣздки въ Румелию“ не обра- тили серьезнаго вниманія на излишество многословія, отвлекающаго, или точнѣе, парализующаго вниманіе читателя къ сущности дѣла и во многихъ случаяхъ затемняющаго смыслъ и значеніе излагаемаго, особенно для того, кто не очень знакомъ съ предметомъ послѣдняго. Не будь этого многословія, книга сократилась бы почти на половину, и при почти всегда совершенной и безукоризненной точности и пра- вильности приводимыхъ авторомъ собственныхъ именъ и названій мѣстностей и ихъ краткихъ описаній, въ видѣ замѣтокъ, а также мѣстныхъ, удачно схваченныхъ чертъ характера встрѣтившихся ему людей, могла бы служить удобнымъ и полезнымъ руководствомъ для будущихъ русскихъ и нерусскихъ путешественниковъ по посѣщеннымъ о. Антониномъ мѣстностямъ Македоніи.

ДОПОЛНЕНИЯ.

При печатаніи первой половины моей статьи (*Ж. М. Н. Пр.*, июнь) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ допущены были пропуски, которые считаю нужнымъ здѣсь дополнить:

Стр. 392, по окончаніи примѣч. I нужно прибавить: а также и очень интересныя замѣтки по этнографіи у *Heuzey et Daumet* въ «*Mission archéologique de Macédoine*». Paris. 1864.

Стр. 401, къ 3-му примѣч.: Х. Даскаловъ на основаніи одной славянской позднѣйшаго времени надгробной надписи, найденной имъ въ търновской церкви 40 мучениковъ, полагаетъ, что търновская *великая лавра* или церковь сорока мучениковъ «была обращена въ мечеть не тотчасъ послѣ завосванія Турками Търнова». «Открытія въ древней столицѣ болгарской Търновѣ» въ *Чтен. въ Обществу Истории и Древн. россійск.*, 1859, кн. 2, стр. 20; Ср. *Иречка*, *Исторія Болгарь*. Изд. 2-е. Одесса. 1878, стр. 453—444, 450. Въ 1877 г., по взятіи Русскими Търнова, мечеть обращена опять въ христіанскую церковь и посвящена болгарскому нойску. Предположенія Даскаловъ нужно считать вѣрными; ибо въ повѣствованіи Владислава грамматика о перенесеніи мощей св. Іоанна Рыльского въ 1470 г., гдѣ сказано нѣсколько словъ о церквахъ и святыхъ Търнова, объ обращеніи первой въ мечеть даже и не упоминается. См. *Гласник*, кн. V, св. XXII по старому счету), стр. 289, 291. Ср. іеромонаха *Неофита Рыльска*, «*Описаніе Болгарскаго священнаго монастыря Рыльскаго. Союзъ 1879*», стр. 34—35.

Стр. 407, къ словамъ: «Впрочемъ, имѣя въ виду количество этихъ преданій, нельзя не признать въ нихъ исторической основы, хотя, можетъ быть, и сильно искаженной» нужно сдѣлать слѣдующее примѣчаніе: Ср. преданіе о взятіи Турками Дизъ-Даркюйскаго монастыря, находившаго на горѣ, отдѣляющей съ востока городъ Правадію отъ села Дизъ-Даркюй. По этому преданію, здѣсь укрѣпились разбѣянные жители взятой Турками Правадіи. «Длинный и широкій оврагъ, отдѣляющій сей монастырь отъ остальной части горы, защищенной, кромѣ того, неприступными утесами, уничтожалъ все покушенія Турокъ овладѣть оною. Огражденные такимъ образомъ Византійцы (?) долго и мужественно отражали непріятеля; но наконецъ — съѣстные запасы ихъ истощились. Тормимые голодомъ, рѣшились они отрядить нѣсколько человекъ своихъ согражданъ въ городъ, для добычи продовольствія. Одинъ изъ сихъ посланныхъ передался врагамъ и объяснилъ имъ крайность и покушенія своихъ соотечественниковъ. Воспользовавшись этой измѣною, Турки поспѣшили наполнить хлѣбныя корзины осажденныхъ своими воинами и навьючивъ оными византійскихъ муловъ, проникли съ помощію переметчиковъ въ монастырь Дизъ-Даркюйскаго. Тамъ, съ наступленіемъ ночи, нѣпали они врасплохъ на осажденныхъ и истребили всехъ до послѣдняго». *Тепляковъ* «*Письма изъ Болгаріи*». М. 1833, стр. 167 — 168. Ср. другое преданіе, сообщенное о. Антониномъ, по которому «первые мусульманскіе согладатя Румели, приставшіе къ Зебеніку, захватили тамъ перваго, попавшагося имъ, жителя и отвезли его въ Азію. Здѣсь Сулейманъ накормилъ, наполнивъ его, одѣвъ въ дорогое платье и спросилъ, не знаетъ

ли онъ кого, кто провелъ бы вѣрно и безопасно къ Каллиполю мусульманскую дружину. Европейецъ, какъ и слѣдовало ожидать, предложилъ ласковому и щедрому Турку свои услуги». Поѣздка въ Румелию, стр. 38. Правдѣйскіе жители вѣскольکو уже видоизмѣняютъ первое преданіе, говоря, что между посланными была и «дочь главнаго военачальника осажденныхъ», которая, бывъ «поражена красотой одного изъ невѣрныхъ, скрыла подъ бранными доспѣхами свои собственныя прелести, и переряженная такимъ образомъ, отправилась въ городъ съ византійскими депутатами. Потомъ проникла она въ станъ оттоманскій, и открывъ своему возлюбленному предпріятіе осажденныхъ, умоляла его воспользоваться случаемъ для побѣга въ монастырь Дизъ-Даркіойскій. Обманувъ ложными клятвами свою легкомысленную любовницу, коварный Турокъ воспользовался ея тайною. Предшествуемый злополучною красавицей, онъ помѣстивъ своихъ воиновъ въ лѣбныя корзины Византійцевъ, и съ наступленіемъ ночи со всѣхъ сторонъ ударилъ на осажденныхъ. Овладевъ монастыремъ, Турки предали мечу и пламени все, что до тѣхъ поръ имъ противилось». У *Теплякова* «Письма изъ Болгаріи» стр. 169—170. Ясно, что эта редакция преданія позднѣйшая. Ср. хаджи *Калфу*, *Vosna und Rumeli. Ueberg. von Hammer*. Wien. 1812 §. 31. О развалинахъ этого монастыря см. у *Теплякова*, тамъ же, стр. 166—167. Не эти ли развалины разумѣтъ хаджи *Калеа* подъ «развалинами крепости вренень невѣрныхъ»? *Ib.*, стр. 32.

Стр. 417, въ примѣч. 6 между словами; «but-lagă (или bêt-lagă — длиннаго размѣра бочка для водки)» и «и затѣмъ boutellus...» нужно вставить слѣдующее: βετία (въ греческой описи 6651 (1143 г.) имущества обители Ксилаургу въ «Актахъ русскаго на свитомъ Аеоиѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона. Кіевъ. 1873 г.», стр. 56)—овоный родъ кади. Сверху она дѣлается шире и къ концу идетъ уже, однакожь не дѣлаетъ изъ себя она конуса. Отверстіе ея сверху имѣетъ видъ овальный и въ такомъ видѣ простирается до низу. И всегда кади эти имѣютъ видъ уединенный. (Теперь принято ихъ называть паравѣтіа). Значительной величины бочки (напримѣръ, вмѣстимостью ведеръ въ 100 и болѣе) назывались иногда βετία—терминъ, встрѣчающійся преимущественно въ бумагахъ XVII и XVIII вв. (Тамъ же примѣч. на стр. 65), *ib.* *Butic*. Въ томъ же примѣч. послѣ «*Cihac'a, Diction...*» нужно прибавить: и *Frun-descu, Dictionarū topograficū si statisticū alū Romăniei. Bucurescī. 1872, pag. 82—73.*

Стр. 418. Послѣ «*Витоша* (название горы около Софіи)» нужно прибавить: «и *Витошевецъ*» и къ этому слѣдующее примѣч.: «*Милишевић*, Енежевина Србија. У Београду. 1876, стр. 776, гдѣ не сказано мѣстности ли, горы, села или рѣки это названіе».

„ Послѣ «или *Витошчѣ* въ Прилѣпскомъ округѣ (кавъ) Битольскаго вилаета» прибавить нужно: «и потомъ въ названіи караула: *Витлишта* на границѣ Ужицаго округа въ Сербіи» и примѣч.: «*Милишевић*, Енежевина Србија. У Београду. 1876, стр. 724».

„ Къ примѣч. 1 нужно прибавить: Ср. названіе горы *Битъ* въ грамотѣ Стефана Уроша, данной монастырю св. Николая на островѣ Схадрскаго

озера *Вранишъ*. *Ястребовъ*, Податци за исторію епископскѣ церкви. Београд. 1879, стр. 218, 213—214. *Гласник*, X, св. XXV (по старому счету) стр. 156—167, 187, 189.

„ Къ примѣч. 3 нужно прибавить: Ср. названіе села *Витачица* (въ округѣ Зихы въ Македоніи, *Темлово*, *Материалы для статистики...*, стр. 237), собственными именами у Болгаръ: *Вито* и (женск.) *Вита*, *Витанъ* и *Витана* (у Д. *Караселова*, *Памятники народнаго быта Болгаръ*. I, М. 1861, стр. 288. Ср. *Grundriss*, *Dictionar*u topograficū și statisticū alū Romāniei. Bucur. 1872, pag. 256—257) въ сравненіи съ *Голубъ* (весьма рѣдко встрѣчающееся у Болгаръ), *Галубъ* (у Сербовъ) и *Гулубъ* (Hulubŭ — прозваніе у Румыновъ). Ср. *Святосвита* и *Вита* у сѣверо-западныхъ Славянъ. Затѣмъ также ср. *Витовица*, рѣка, — притокъ р. Млавы, и монастырь; въ документахъ XIV в. *ВНТЕЛЪНИЦА Ѹ БРАНИЧЕКЪ* (*Гласник*, VII, св. XXVI (ст. сч.), стр. 264), а у сербскихъ Румыновъ — *Витовица* (у *Милихескића*, ор. с., стр. 1022 и прим. 1); *Витачица* (село въ Велеской епархіи въ Македоніи. *Материалы для изученія Болгаріи*. Ч. 3-я, в. V. Букурештъ, 1877, стр. 93) и др. *Вито* не нужно смѣшивать съ *Витя* и у румынск. *Витю* (Vitiu), уменьшительными отъ *Викторъ*, потому, что эти уменьшительными, во первыхъ, явились не давно, слѣдовательно, — на востокѣ Европы они новы, и восторныхъ, ни у Болгаръ, ни у Румыновъ между употребляемыми народомъ собственными именами ихъ нѣтъ.

„ Къ примѣч. 6 нужно прибавить: Ср. Черногорія — у Албанцевъ *Мализи* (наг. гора) — *зи* [черный], у *Ястребова*, Податци за исторію епископскѣ церкви. Београд. 1879, стр. 208.

Стр. 419. Послѣ: «и такимъ образомъ вышло Толи-монастырь» нужно еще прибавить: (какъ Булюк-Манастирь и др.).

Стр. 422. Послѣ: «тѣмъ сѣмѣиоу» нужно еще прибавить: «(ε)ἰς "Αρτεμιν», а къ цѣлой надписи, къ которой относится эти слова, нужно сдѣлать слѣдующее примѣч. «О. Антонинъ въ транскрипціи пропускаетъ цѣлую 4-ю строку надписи. ICARTEMIN, а между тѣмъ переводитъ пропущенное: «*равную Артемию*», читая, вѣроятно, ἰσ(ην) "Αρτεμιν.

Стр. 426. По окончаніи примѣч. 4 нужно прибавить: Ср. *Антонина*, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳонахъ. С.-Пб. 1874, стр. 81—82, г. св. 21, № 9, и *Срезневскаго*, *Палеографическія наблюденія по намятникамъ греческаго письма*. 1876, стр. 37—38, примѣч. 1 (на стр. 38).

Стр. 428. Вм. «св. Іоанна Римскаго» нужно: «св. Іоанна Рильскаго» и въ примѣч. 1 (строка 4-я) вм. «срест. I», слѣдуетъ читать: «срест. part. duae. I».

И. Сырку.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

... с пособіемъ отъ сельскихъ обществъ, земскихъ учреждений и частныхъ лицъ. Къ 1878 году состояло ихъ уже 878. Если принять во вниманіе, что для открытія училищъ этого типа требовались значительныя средства, то для открытія училищъ этого типа требовались значительныя средства.

часть ССХ, отд. 3.

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

I.

Правильная организація нашихъ начальныхъ школъ, какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ,—дѣло послѣдняго времени и принадлежитъ всецѣло министерству народнаго просвѣщенія. Если не брать въ расчетъ преобразованныхъ изъ уѣздныхъ городскихъ училищъ, представляющихъ высшія изъ начальныхъ школъ и по своему курсу въ общихъ предметахъ равняющихся учительскимъ семинаріямъ, то лучшими изъ низшихъ училищъ безспорно остаются сельскія министерскія одноклассныя и двухклассныя. Пора убѣдиться, что дѣло не только въ числѣ школъ, но и въ правильной организаціи ихъ учебной части. Въ то время, какъ училища, гдѣ обученіе ведется неудовлетворительно, посѣщаются неохотно и немногими изъ дѣтей, лучшія изъ начальныхъ школъ на столько переполнены учащимися, что часто нельзя бываетъ принять всѣхъ желающихъ безъ ущерба гигиеническимъ или педагогическимъ условіямъ. Эту потребность населенія въ правильно поставленныхъ начальныхъ школахъ министерство народнаго просвѣщенія предугадало еще въ 1869 году, внеся въ государственный совѣтъ проектъ объ учрежденіи двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ на средства казны, съ пособіемъ отъ сельскихъ обществъ, земскихъ учреждений и частныхъ лицъ. Къ 1878 году состояло ихъ уже 878. Если принять во вниманіе, что для открытія училищъ этого типа требовались зна-

чительныя жертвы и со стороны крестьянскихъ, и со стороны земскихъ учреждений, то уже одна цифра ихъ краснорѣчиво говоритъ о возрастающемъ довѣрїи къ нимъ населенія. Еще болѣе убѣждаемся мы въ сочувствїи общества къ министерскимъ сельскимъ училищамъ, сравнивая число учащихся съ среднимъ числомъ учениковъ во всѣхъ начальныхъ народныхъ школахъ. Изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1877 годъ видимъ, что на каждое двухклассное министерское училище среднимъ числомъ приходилось 85 учащихся, не смотря на то, что во многихъ училищахъ по тѣснотѣ помѣщенія или по другимъ причинамъ приходилось многимъ отказывать въ приѣмѣ дѣтей. Въ то же время на каждое начальное училище (считая школы всѣхъ наименованій) приходилось среднимъ числомъ 43 ученика. Такое быстрое возрастаніе, какъ самихъ министерскихъ училищъ, такъ и учащихся въ нихъ, можетъ быть объяснено только ихъ правильною организаціей; курсъ этихъ училищъ не чета курсу обыкновенныхъ сельскихъ школъ, существующихъ на основанїи положенія 1874 года. Двухклассныя училища даютъ учащимся почти столько же свѣдѣній, а по нѣкоторымъ предметамъ даже болѣе, чѣмъ давали, напримѣръ, преобразуемыя теперь уѣздныя училища, и притомъ въ системѣ несравненно лучшей, чѣмъ то было въ уѣздныхъ училищахъ. Ихъ цѣль не простая грамотность и сообщеніе тѣхъ или другихъ свѣдѣній, а нравственное и умственное развитіе дѣтей, и цѣль эта не забыта ни въ подробностяхъ программы, ни даже въ распредѣленїи числа еженедѣльныхъ уроковъ по отдѣленїямъ и предметамъ преподаванія. Учителя ихъ получаютъ достаточное содержаніе (330 р. въ годъ). Большинство министерскихъ училищъ снабжено въ достаточномъ количествѣ книгами и учебными пособїями. Они часто осматриваются инспекторами народныхъ училищъ, помогающими учителямъ совѣтами и указанїями.

Воспитательныя цѣли, положенныя въ основѣ министерскихъ программъ, такъ строго проведены и въ распредѣленїи уроковъ, что уклоненія отъ какихъ-либо подробностей инструкціи и измѣненія въ числѣ уроковъ по классамъ и отдѣленїямъ неизбѣжно должны, какъ это мы сейчасъ увидимъ, вести къ ущербу въ отношенїи воспитательнаго значенія учебныхъ занятій.

На сколько не цѣлесообразны бывають уклоненія отъ инструкціи, это мы рассмотримъ на росписанїи уроковъ, рекомендуемомъ г. Барановымъ для начальныхъ училищъ, состоящихъ при учительскихъ

семинаріяхъ ¹⁾). Мы останавливаемся на его распредѣленіи, потому что считаемъ г. Баранова болѣе другихъ потрудившимся надъ занимающимъ его вопросомъ.

Одинъ изъ наиболѣе важныхъ предметовъ преподаванія въ начальной школѣ—это законъ Божій, и правильная постановка преподаванія его въ министерскихъ училищахъ тѣмъ важнѣе, что цѣль преподаванія здѣсь не одно сообщеніе тѣхъ или другихъ свѣдѣній, а „воспитаніе дѣтей въ христіанской благочестивой жизни по закону православной церкви“.

Очевидно, что если живое слово преподавателя и его непосредственное воздѣйствіе на учениковъ есть вообще *conditio sine qua non* обученія, то въ преподаваніи закона Божія, имѣющемъ въ виду прежде всего воспитательныя цѣли, живое слово законоучителя является почти единственнымъ средствомъ къ достиженію этихъ цѣлей. Не самостоятельныхъ работъ, не заучиванія отмѣченныхъ преподавателемъ въ книжкѣ молитвъ и разказовъ требуетъ инструкція, а живой прочувствованной бесѣды законоучителя-пастыря съ дѣтьми въ классѣ. Можно, пожалуй, спорить (да и то едва ли) противъ мнѣнія, что заучиваніе молитвъ дома по книжкѣ, повтореніе на дому разказовъ по учебнику ослабляетъ чувствованія, въ которыхъ здѣсь вся сила. Можно, пожалуй, отстаивать право законоучителя относить повтореніе усвоеннаго изъ классныхъ бесѣдъ къ самостоятельнымъ работамъ. Но говорить серьезно, что ученики на урокахъ закона Божія должны быть заняты самостоятельными работами, въ чемъ бы эти послѣднія ни состояли, нельзя. Иначе—какое же нравственно-воспитательное значеніе имѣло бы такое преподаваніе, какое это было бы воздѣйствіе на сердце ребенка? Нѣтъ; нужно, чтобъ уроки закона Божія были бесѣдами пастыря съ дѣтьми; нужно, чтобы законоучитель обращался ко всѣмъ ученикамъ, и всѣ его слушали; нужно, чтобы дѣти не дѣлились на два, на три отдѣленія, занятія самостоятельными работами, а законоучитель не былъ бы простымъ надзирателемъ въ ихъ самостоятельныхъ работахъ.

Инструкція для сельскихъ министерскихъ училищъ имѣла это въ виду, и слѣдуя ей, приходится распредѣлять учебныя занятія такимъ

---

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1878 года № 12 и брошюра г. Баранова «Подробный планъ въ начальной народной школѣ съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ». 1871. Тверь.

образомъ, чтобъ ученики на урокахъ закона Божія все время находились подъ прямымъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ на нихъ преподавателя. Слѣдуя ей, законоучитель занимается съ однимъ только отдѣленіемъ. Вотъ еженедѣльное число уроковъ закона Божія въ классныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія:

Первый классъ.

1-й годъ	2-й годъ	3-й годъ
6 уроковъ	6 уроковъ	4 урока

Второй классъ.

4-й годъ	5-й годъ
4 урока	3 урока

Такое распредѣленіе уроковъ предполагаетъ не общепринятую систему, когда законоучитель одновременно занимается съ двумя-тремя группами, давая одной или двумъ изъ нихъ самостоятельную работу, а такую, когда онъ занимается съ одною частью класса въ то время, какъ законоучитель занимается съ другою; потому что въ противномъ случаѣ уроковъ въ 1-мъ и 2-мъ отдѣленіяхъ было бы столько въ каждомъ, сколько ихъ въ третьемъ отдѣленіи 1-го класса, а уроковъ въ младшемъ отдѣленіи 2-го класса было бы столько, сколько ихъ въ старшемъ отдѣленіи, что въ школахъ съ общепринятою системой распредѣленія уроковъ всегда такъ и бываетъ. Только при такомъ распредѣленіи уроковъ преподаваніе закона Божія станетъ бесѣдою, ведущею дѣтей къ благочестивой жизни, могучимъ, нравственно-воспитательнымъ средствомъ. Къ сожалѣнію, многія изъ нашихъ сельскихъ училищъ, сроднившіяся съ давно принятою системой, по недоразумѣнію или по чему-либо другому не сразу выступили на новый плодотворный путь, указанный инструкціей. За то училища, при распредѣленіи уроковъ руководившіяся ею, дорожатъ выгодами такого распредѣленія.

Въ статьѣ г. Баранова „Устройство учебной части въ начальныхъ училищахъ“ авторъ почему-то полагаетъ, что „указанное въ инструкціи число уроковъ по каждому предмету возможно только въ томъ случаѣ, когда каждое (?) отдѣленіе помѣщается въ особомъ помѣщеніи и имѣетъ отдѣльнаго учителя (?); дѣйствительное же число уроковъ учителя и законоучителя будетъ 20 въ недѣлю (?), или 6—въ младшемъ, 7—въ среднемъ и 7—въ старшемъ отдѣленіяхъ“.

Намъ трудно было понять сначала, какимъ образомъ г. Барановъ могъ истолковать такимъ образомъ требованія инструкціи, какъ

могъ онъ свести число уроковъ, назначенныхъ инструкціей, до такихъ ничтожныхъ размѣровъ. Внимательнѣе просматривая статью г. Баранова, мы нашли, что его расчетъ былъ слѣдующій. Онъ почему-то исключилъ изъ числа назначенныхъ 24 урока 4 урока черченія въ старшемъ отдѣленіи, хотя въ росписаніи, имъ самимъ составленномъ, черченіе имѣетъ мѣсто. Оставшіеся 20 уроковъ онъ распредѣляетъ между законоучителемъ и учителемъ такимъ образомъ, что оба они занимаютъ въ разное время и всегда съ тремя отдѣленіями каждый. Результатъ ясенъ: вмѣсто 40 уроковъ съ преподавателями, высчитанныхъ нами, мы имѣемъ только 20, да и значеніе этой послѣдней цифры умалется болѣе чѣмъ на половину, если принять во вниманіе, что урокъ одного учителя съ тремя отдѣленіями, при равныхъ другихъ условіяхъ, никогда не можетъ дать того, что дастъ урокъ съ однимъ и даже двумя отдѣленіями. Самъ г. Барановъ, когда расчетъ, имъ принятый, привелъ его къ заключенію, что „изъ всего учебнаго времени на занятія съ каждымъ отдѣленіемъ учитель можетъ удѣлить только третью часть, или другими словами, въ теченіе трехъ лѣтъ обученія въ школѣ ученики занимаются непосредственно съ учителемъ только одинъ годъ“, — удивляется и восклицаетъ: „Выводъ, по истинѣ, поразительный!“ Говоря о занятіяхъ учителя съ тремя отдѣленіями учениковъ, отличающихся, какъ по познаніямъ, такъ и по развитію, онъ вынужденъ прибавить: „Это обстоятельство въ высшей степени усложняетъ учебное дѣло; существуетъ даже мнѣніе, что занятія одного учителя съ нѣсколькими группами суть не болѣе, какъ фокусъ, доступный немногимъ учителямъ...»

Насчитавъ въ одноклассной министерской школѣ уроковъ съ преподавателями въ каждомъ отдѣленіи отъ 6 до 7 въ недѣлю, онъ говоритъ: „Такого числа уроковъ недостаточно на занятія съ учителемъ даже въ народныхъ школахъ“. Но вмѣсто того, чтобы исправить дѣло лучшимъ распредѣленіемъ уроковъ, онъ значительно увеличиваетъ общее число учебныхъ часовъ въ недѣлю и уменьшаетъ число уроковъ закона Божія вчетверо противъ требованій инструкціи. Основываясь на опытѣ и наблюденіяхъ, онъ находитъ возможнымъ и вполне достаточнымъ назначить въ начальномъ училищѣ при семинаріи—для младшаго отдѣленія 18 уроковъ въ недѣлю въ первое полугодіе и 24 урока во второе, для учениковъ средняго отдѣленія 28 уроковъ, и для учениковъ старшаго отдѣленія 30 уроковъ въ недѣлю. Изъ этого общаго числа на законъ Божій онъ отдѣляетъ

только 4 урока въ недѣлю на всѣ три группы начальной школы, а на каждую по 1½ часа въ недѣлю. Изъ этой ничтожной цифры въ дѣйствительности придется сдѣлать вычетъ на раздачу самостоятельныхъ работъ во время урока и на руководство ими, такъ какъ законоучитель занимается одновременно съ тремя отдѣленіями. Сколько же времени останется на дѣйствительныя занятія законоучителя съ каждымъ отдѣленіемъ, да и останется ли что-нибудь, и что можетъ быть сдѣлано при этомъ? Кромѣ того, чѣмъ занимаются ученики младшаго отдѣленія, когда законоучитель занимается съ среднимъ или старшимъ отдѣленіемъ? Можетъ ли здѣсь быть рѣчь о достиженіи цѣлей, поставленныхъ инструкціей относительно преподаванія закона Божія?

Жаль, что г. Барановъ не указалъ, на какомъ основаніи онъ считаетъ возможнымъ столь значительно уменьшить число уроковъ въ начальной школѣ по закону Божію. Это одинъ изъ главныхъ предметовъ въ начальномъ обученіи, а во всѣхъ правильно поставленныхъ школахъ принято сосредоточивать наибольшее число уроковъ на главныхъ предметахъ преподаванія. Цѣль, съ какою г. Барановъ замѣняетъ узаконенное распредѣленіе уроковъ по отдѣленіямъ и предметамъ преподаванія, цѣль, состоящая въ томъ, чтобы увеличить число уроковъ съ преподавателями, также не можетъ оправдать уменьшенія уроковъ по закону Божію, потому что было бы въ высшей степени странно уменьшать число уроковъ по одному изъ важнѣйшихъ предметовъ съ цѣлью увеличенія общаго числа уроковъ. Да и достигнута ли эта цѣль? Еслибы г. Барановъ оставилъ нетронутымъ общее число уроковъ, назначенныхъ инструкціей, а не заставлялъ 7—8-лѣтнихъ дѣтей сидѣть на скамьѣ 82 урока въ недѣлю вмѣсто назначенныхъ 60, то на занятія съ преподавателями онъ имѣлъ бы, по его собственнымъ словамъ, всего 20 часовъ въ недѣлю. Въ начальномъ училищѣ при семинаріи, то-есть, образовомъ для другихъ училищъ, конечно, преподаются и пѣніе, и гимнастика, и вѣроятно, ремесла; прибавьте все это—и девятилѣтній ученикъ старшаго отдѣленія начального училища будетъ сидѣть въ школѣ 7 часовъ въ день или 42 часа въ недѣлю, то-есть, гораздо болѣе, чѣмъ восемнадцатилѣтній ученикъ VII класса гимназій при несравненно лучшихъ гигиеническихъ условіяхъ. Такою дорогою цѣной г. Барановъ достигаетъ увеличенія уроковъ съ преподавателемъ до 30 въ недѣлю, по необходимости, впрочемъ, имъ самимъ созданной, относя остальные часы во всѣхъ отдѣленіяхъ на самостоятельныя

работы. Сопоставляя эту цифру съ распредѣленіемъ, приведеннымъ нами выше и отвѣчающимъ требованіямъ инструкціи, невольно приходишь въ недоумѣніе, какимъ образомъ г. Барановъ, стремясь увеличить число уроковъ съ учителемъ, заставляя съ этою цѣлію сидѣть учениковъ въ школѣ ежедневно до 7 часовъ и уменьшая ради той же цѣли число уроковъ по закону Божію до величины, теряющей въ дѣлѣ преподаванія съ тремя группами всякое значеніе,—приходить къ результату, совершенно обратному тому, къ какому хотѣлъ прійти.

Тщетно искали бы мы въ статьѣ и брошюрѣ г. Баранова какихъ-либо уважительныхъ оснований къ тому, чтобы отвергать распредѣленіе уроковъ, предлагаемое инструкціей. Вотъ все, что мы нашли: „Указанное въ инструкціи число уроковъ по каждому предмету возможно только въ томъ случаѣ, когда каждое отдѣленіе помѣщается въ особомъ классѣ и имѣетъ отдѣльнаго учителя“.

Мы видѣли уже, что нѣтъ крайней необходимости имѣть для cadaго отдѣленія особаго учителя; и при тѣхъ преподавательскихъ силахъ, какія есть въ каждомъ одноклассномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія, то-есть, при учителяхъ и законоучителяхъ, росписание уроковъ можетъ быть составлено такъ, что безъ всякаго увеличенія классныхъ ежедневныхъ занятій получится такое количество уроковъ съ учителемъ (40 уроковъ), какое самъ г. Барановъ считаетъ, „основываясь на опытѣ и наблюденіяхъ, вполне достаточнымъ“ не только для того, чтобы ученики усвоили курсъ одноклассныхъ училищъ, но и для того, чтобы сообщить имъ свѣдѣнія, отнесенныя инструкціей ко 2-му классу.

Что касается помѣщенія, то вовсе нѣтъ необходимости, чтобы въ каждомъ двухклассномъ училищѣ было 5 классныхъ комнатъ, а въ каждомъ одноклассномъ три, какъ это полагаетъ г. Барановъ. Сверхъ двухъ комнатъ въ двухклассномъ училищѣ и одной въ одноклассномъ, въ каждомъ изъ нихъ нужна только одна комната для учениковъ, съ которыми законоучитель занимается въ то время, какъ остальные ученики заняты съ учителемъ. Такъ какъ законоучитель всегда занимается съ однимъ отдѣленіемъ, то комната, о которой идетъ рѣчь, можетъ быть очень небольшая, и если такой нѣтъ при каждомъ училищѣ, то ее не трудно пристроить; лишь бы только не отвергали разъ установленныхъ требованій на какихъ-то никому непонятныхъ соображеніяхъ, лишь бы только не узаконяли такой организаціи учебной части въ начальномъ учи-

лицѣ, при которой закону Божию по числу уроковъ, назначенныхъ на его преподаваніе, отводится мѣсто второстепеннаго не стоящаго вниманія предмета, ученики сидятъ на скамьѣ до 7 часовъ въ день, а число уроковъ съ преподавателями представляетъ все-таки скромную цифру. Въ извѣстныхъ миѣ училищахъ, гдѣ введено вышеприведенное распредѣленіе уроковъ, при преподаваніи закона Божія одно отдѣленіе переходитъ или въ особо устроенную комнату, или же въ комнату, назначенную для ремесленныхъ занятій.

Самъ г. Барановъ въ другой статьѣ своей „Городскія училища“, требуя такой же организаціи всѣхъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ, какая допускается положеніемъ только въ трехклассныхъ, говоритъ, что если можетъ встрѣтиться къ тому препятствіе, состоящее въ недостаткѣ влассныхъ помѣщеній, то еіо „не трудно устранить заранѣе при открытіи каждаго училища“.

Возможно еще одно возраженіе противъ защищаемаго нами распредѣленія уроковъ въ министерскихъ училищахъ. Число уроковъ учителя возрастаетъ до 24 въ недѣлю, а число уроковъ законоучителя до 16; но, во первыхъ, по справедливому замѣчанію г. Баранова, „во всякой общественной дѣятельности, а тѣмъ болѣе въ дѣятельности учебно-воспитательной, личныя удобства и интересы должно ставить на второмъ планѣ“; во вторыхъ, вездѣ въ извѣстныхъ намъ училищахъ и учителя, и законоучители охотно берутъ это число уроковъ, лишь бы не заниматься со всѣми тремя отдѣленіями разомъ, лишь бы, благодаря значительному числу уроковъ съ учителями, преподаваніе шло успѣшно, лишь бы ученики возможно большее время пользовались непосредственнымъ воздѣйствіемъ преподавателя.

II.

Правильно поставленныя народныя школы поступаютъ вполне рационально, когда къ утреннимъ занятіямъ относятъ сообщеніе ученикамъ новыхъ свѣдѣній, требующихъ болѣе напряженнаго вниманія, а къ послѣобѣденнымъ — повтореніе уже пройденнаго.

Въ нашей педагогической литературѣ нерѣдко встрѣчаются однако требованія, противорѣчащія этому правилу. Такъ, г. Барановъ назначаетъ для начальныхъ училищъ, какъ мы видѣли, до 30 уроковъ въ недѣлю, не считая пѣнія, ремеслъ и гимнастики, а въ статьѣ „Го-

родскія училища¹⁾ для послѣднихъ онъ назначаетъ въ разныхъ отдѣленіяхъ, начиная со втораго года обученія, отъ 24 до 30 часовъ въ недѣлю, также не считая пѣнія, гимнастики, ремесль и дополнительныхъ предметовъ. Если припомнимъ, что какъ въ начальныхъ училищахъ, такъ и въ городскія, поступаютъ дѣти отъ 7-ми-лѣтняго возраста, то несообразность этого будетъ очевидною. Да и не одинъ г. Барановъ настаиваетъ на увеличеніи учебныхъ часовъ въ нашихъ начальныхъ училищахъ. Баронъ Корфъ доходитъ до того въ этомъ направленіи, что требуетъ шести-часовыхъ ежедневныхъ занятій отъ начинающихъ учиться дѣтей, не считая времени, назначеннаго на обученіе пѣнію и не упоминая о занятіяхъ гимнастикой. Впрочемъ, баронъ Корфъ къ утреннимъ занятіямъ относитъ только 4 часа въ день, назначая на обѣдъ и отдыхъ достаточное, по нашему мнѣнію, время отъ 12 до 2 часовъ, послѣ чего дѣти снова собираются въ школу на два часовыхъ урока. Не смотря на такую значительную продолжительность ежедневныхъ занятій, они менѣе утомляютъ ребенка, чѣмъ 5-ти-часовыя ежедневныя дообѣденныя занятія. Но баронъ Корфъ не дѣлаетъ никакой разницы между начинающими учиться и учащимися третій учебный годъ.

Г. Барановъ часто ссылается на „Руководство къ преподаванію по „Родному Слову“ Ушинскаго. Для него привести слова Ушинскаго нерѣдко значитъ доказать свою мысль. Покойный педагогъ въ томъ же руководствѣ говоритъ слѣдующее: „Я убѣжденъ²⁾, что усовершенствованіе педагогическихъ приемовъ приведетъ еще къ большому умѣнью пользоваться временемъ, и что даже то число часовъ, которое назначаютъ теперь въ лучшихъ школахъ для первоначальнаго обученія (позже мы увидимъ, сколько учебныхъ часовъ, по мнѣнію Ушинскаго, можетъ быть назначено въ хорошей школѣ) со временемъ покажется слишкомъ большимъ“. Въ этихъ словахъ, по нашему мнѣнію, заключается приговоръ системамъ и г. Баранова, и барона Корфа. Не мѣшаетъ запомнить гг. педагогамъ, что существеннымъ признакомъ правильно устроенной школы служитъ расчетливое распоряженіе временемъ.

Сколько же времени ученики разнаго возраста должны удѣлять ежедневно на учебныя занятія въ школѣ? Обращаясь къ указаніямъ на этотъ счетъ нашей педагогической литературы и практики, при-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1879 г. № 11.

²⁾ Руководство къ преподаванію по «Родному Слову», стр. 16.

помнимъ слова Ушинскаго: „Что касается до продолжительности урока, то на первое время довольно будетъ часа по утру и получаса послѣ обѣда. На слѣдующій годъ можно будетъ прибавить по получасу—полтора часа утромъ и часъ послѣ обѣда; далѣе—два часа утромъ и по крайней мѣрѣ до 9 лѣтъ не идти выше 3 часовъ ежедневныхъ занятій. Сначала черезъ каждые полчаса, а потомъ черезъ часъ давайте полный отдыхъ ребенку—пусть онъ немного побѣгаетъ, порѣзвится и привыкнетъ принуждать себя переходить отъ игры къ дѣлу“. Марсель говоритъ: „Уроки должны прекращаться прежде, чѣмъ ребенокъ выкажетъ какой-либо признакъ утомленія“.

Инструкція для сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія назначаетъ въ младшемъ и среднемъ отдѣленіи 1-го класса, гдѣ учатся дѣти отъ 7-лѣтнаго возраста, 18 часовыхъ уроковъ въ недѣлю или 3 урока въ день, въ старшемъ отдѣленіи—24 урока, а во 2-мъ классѣ—26 уроковъ въ недѣлю.

Положеніе о городскихъ училищахъ назначаетъ для 1-го класса, въ которомъ учатся дѣти отъ 7-лѣтнаго возраста, 18 уроковъ въ недѣлю, а для высшихъ классовъ—по 24 урока въ недѣлю, не считая пѣнія и гимнастики.

Такимъ образомъ и установленія нашего министерства народнаго просвѣщенія, и мнѣніе одного изъ лучшихъ нашихъ педагоговъ Ушинскаго, глубоко знавшаго природу дѣтей, все убѣждаетъ насъ, что 7-ми—9-ти-лѣтнаго ребенка нельзя безъ вреда для него заставлять учиться въ школѣ до обѣда болѣе 3 часовъ въ день, а учениковъ старшихъ классовъ низшихъ училищъ—болѣе 26-ти часовъ въ недѣлю.

Кто стоитъ близко къ народной школѣ, кому дорого здоровье и будущность дѣтей, кто видѣлъ 7—8-ми лѣтнаго ребенка послѣ трех-часовыхъ правильныхъ занятій въ училищѣ, всегда значительно утомляющихъ молодая силы, тотъ знаетъ, что вышеприведенныя цифры представляютъ максимумъ уроковъ въ народной школѣ до обѣда. Однажды надорванныя силы въ громадномъ большинствѣ случаевъ остаются надорванными на всю жизнь. Не поправимый вредъ принесетъ ребенку та школа, которая послѣдуетъ совѣтамъ людей, требующихъ—противно утвержденнымъ положеніямъ и указаніямъ лучшихъ педагоговъ—усиленія до обѣденныхъ занятій въ народной школѣ до шести часовъ въ день.

Одинъ изъ вопросовъ, которые мы предположили здѣсь рассмотреть, состоитъ въ томъ, сколько времени можетъ продолжаться безъ

перерывовъ самостоятельная работа учениковъ начальной школы, и часто ли слѣдуетъ прибѣгать къ перемѣнѣ однихъ занятій другими.

Можно признать безспорнымъ то мнѣніе, что ребенокъ, хотя и очень любитъ дѣятельность, и почти всегда, когда свѣжъ и здоровъ, сильно желаетъ быть занятымъ чѣмъ-нибудь, но не можетъ подолгу удерживать вниманіе на одномъ предметѣ и потому любитъ разнообразіе въ занятіяхъ. Это явленіе, очевидно, происходитъ отъ недостаточнаго развитія вниманія. Задача школы развить эту способность упражненіемъ, при чемъ переходъ отъ легкаго къ трудному обязательнѣе болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. „Для 8-ми или 9-ти-лѣтняго ребенка“, говоритъ въ своей педагогической антропологіи Ушинскій ¹⁾,— „почти не возможно вынести десятиминутнаго направленія вниманія на одинъ и тотъ же предметъ; но постепенная привычка можетъ расширить этотъ короткій промежутокъ времени до нѣсколькихъ часовъ“.

Стоитъ посмотрѣть, какъ хорошій, опытный учитель даетъ урокъ дѣтямъ, недавно начавшимъ посѣщать школу. Въ одинъ и тотъ же часъ онъ и познакомитъ ихъ съ новымъ звукомъ, и повторитъ старыя, заставитъ разложить на звуки нѣсколько новыхъ словъ, покажетъ новый элементъ буквы и предложитъ написать его въ сочетаніи съ элементами, усвоенными раньше; онъ дѣлаетъ все, чтобы не утомить начинающаго ученика какимъ-нибудь однороднымъ продолжительнымъ занятіемъ, переходя отъ одного упражненія къ другому, поддерживая веселое и доброе настроеніе класса.

Къ сожалѣнію, во многихъ начальныхъ училищахъ забывается требованіе, о которомъ идетъ рѣчь. Уроки нерѣдко распредѣляются такимъ образомъ, что каждая самостоятельная работа въ младшемъ отдѣленіи, состоящемъ изъ новичковъ, продолжается столько же, сколько и въ старшемъ отдѣленіи: и тѣ, и другіе сидятъ за каждою работою по цѣлому часу безъ перерывовъ. Баронъ Корфъ въ своей книгѣ „Русская начальная школа“ прилагаетъ нѣсколько росписаній учебныхъ занятій и всѣ они имѣютъ въ виду такую постановку самостоятельныхъ упражненій, что одна и та же работа продолжается цѣлый часъ, въ теченіе котораго учитель занимается съ другимъ отдѣленіемъ. Г. Барановъ, сравнивая способы занятій съ тремя отдѣленіями, отдаетъ преимущество тому изъ нихъ, когда „учитель, задавъ самостоятельныя работы двумъ отдѣленіямъ, занимается весь урокъ съ остальнымъ отдѣленіемъ и только въ концѣ урока удѣ-

¹⁾ Человекъ, какъ предметъ воспитанія. Часть I, стр. 22.

лаетъ нѣсколько времени на провѣрку исполненныхъ работъ". Онъ полагаетъ, что при этомъ способѣ самостоятельныя работы, задаваемые на большее время, могутъ быть серьезнѣе и принесутъ пользу. „Наконецъ“, прибавляетъ онъ, — „учитель здѣсь (при продолжительности самостоятельныхъ работъ до часа) легко можетъ распредѣлить самостоятельныя работы по предметамъ обученія и внести ихъ въ распisanіе классныхъ занятій, а это послужитъ къ установленію нѣкоторой системы и послѣдовательности въ классныхъ занятіяхъ". Но всѣ эти доводы нельзя признать убѣдительными.

Если нѣтъ основаній настаивать на томъ, чтобы часовой урокъ съ учителемъ былъ посвящаемъ не одному предмету, то это потому только, что учитель имѣетъ полную возможность разнообразить занятія и тѣмъ не дать утомиться даже ученикамъ младшихъ классовъ. На урокъ чистописанія, напримѣръ, ученики сначала смотрятъ, какъ пишетъ учитель на классной доскѣ, и слушаютъ его объясненія, а затѣмъ сами упражняются въ чистописаніи. На урокъ ариметики учитель при участіи учениковъ выводитъ то или другое правило, задаетъ задачи, наконецъ можетъ заставить учениковъ самихъ придумывать задачи и примѣры, къ усвоенному правилу относящіяся. Въ преподаваніи исторіи ученики слушаютъ разказъ, сами передаютъ его содержаніе, дѣлаютъ характеристики дѣйствующихъ лицъ, сближенія только что усвоеннаго событія съ другими, прежде пройденными. Во всѣхъ приведенныхъ нами здѣсь случаяхъ разнообразіе между отдѣльными частями урока такъ велико, и когда нужно, такъ легко можетъ быть увеличено еще больше, что вопросъ объ утомленіи на урокахъ съ учителемъ сводится только къ способностямъ преподавателя. Совсѣмъ другое дѣло—самостоятельная работа, обнимающая одну тему. Немного такихъ работъ, которыя, продолжаясь цѣлый часъ, не утомили бы начинающаго ученика. Весьма возможно также, что учениковъ, обучающихся третій годъ, не утомитъ часъ вниманія, направленнаго на одинъ предметъ, если школа въ первые два года обученія успѣла развить въ нихъ способность вниманія, и если работа, имъ данная, сама по себѣ достаточно разнообразна; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что самостоятельная работа въ младшемъ отдѣленіи не должна продолжаться болѣе получаса, а въ теченіе первыхъ недѣль обученія даже такая продолжительность работы должна быть признана утомительною.

Еще рѣзче бросается въ глаза неправильная постановка самостоятельныхъ работъ въ большинствѣ нашихъ начальныхъ школъ, если

мы обратимъ вниманіе на то, какія это работы. Г. Барановъ совершенно справедливо утверждаетъ, что въ большинствѣ народныхъ школъ всѣ самостоятельныя работы сводятся къ двумъ, а именно: механическому списыванію съ книги и рѣшенію задачъ. Немалая заслуга г. Баранова состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ первый, сколько намъ извѣстно, сдѣлалъ попытку привести всѣ самостоятельныя работы въ систему. При всемъ томъ планъ самостоятельныхъ работъ, предложенный г. Барановымъ, оставляетъ желать еще многого. По его плану ученики, только что начинающіе учиться, самостоятельно занимаются черченіемъ прямыхъ линий. Этой работѣ ученики младшаго отдѣленія въ первую недѣлю посвящаютъ четыре урока, при чемъ упражненіе продолжается безъ перерывовъ цѣлый часъ. Едва ли мы впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что трудно встрѣтить и взрослога человѣка, который не получилъ бы отвращенія къ занятію, еслибъ оно состояло въ томъ, чтобы въ продолженіе часа, сидя въ одной неподвижной позѣ, выводить правою рукою однѣ и тѣ же прямыя линіи. Одеревенѣетъ рука, опустѣетъ голова, возьметъ скука. Это относительно взрослога. Что же сказать, когда подобныя эксперименты прилагаются къ семилѣтнимъ дѣтямъ въ первые дни посѣщенія школы?

Кромѣ черченія прямыхъ, въ планѣ г. Баранова въ первую недѣлю обученія встрѣчаемъ очертанія простѣйшихъ предметовъ (4 урока). Для слѣдующихъ недѣль г. Барановъ предлагаетъ новыя самостоятельныя работы, какъ то: письмо буквъ, по мѣрѣ ихъ изученія, зачеркиваніе заученныхъ буквъ на доскуткахъ газетъ, письмо элементовъ буквъ, разложеніе изученныхъ чиселъ при помощи крестиковъ и черточекъ. Не трудно видѣть, что не слѣдуетъ ни одно изъ подобныхъ упражненій продолжать въ теченіе часа. Возьмите любого начинающаго ученика, заставьте его дѣлать одну изъ работъ, рекомендуемыхъ г. Барановымъ, и вы убѣдитесь, что чрезъ полчаса ребенокъ будетъ утомленъ. Минутный отдыхъ во время урока, какой рекомендуетъ баронъ Корфъ, мало принесетъ пользы при условіи продолженія одной и той же работы.

Полчаса, посвящаемыя работѣ въ младшемъ отдѣленіи, не мѣшаютъ ей быть серьезною и производительною, потому что серьезность и производительность ея зависятъ отъ иныхъ условій. Полчасовыя работы также, какъ и часовыя, могутъ быть заносимы въ распредѣленія классныхъ занятій и могутъ быть ведены въ неменѣе строгой послѣдовательности.

Что касается до учениковъ старшаго отдѣленія, то для нихъ не утомительна и часовая работа; но и здѣсь необходимо распределять дневныя занятія такимъ образомъ, чтобы сама смѣна ихъ служила отдыхомъ.

Еслибы предметы преподаванія на какой-либо день недѣли были расположены, наприимѣръ, такимъ образомъ, что за чтеніемъ слѣдовала бы ариметика, потомъ гимнастика, далѣе законъ Божій, и наконецъ, чистописание, то степень утомленія была бы гораздо меньше, чѣмъ еслибы за диктантомъ, наприимѣръ, слѣдовало чистописание, а далѣе черченіе и снова чистописание; результаты уроковъ, количество приобрѣтенныхъ свѣдѣній и навыковъ были бы при различныхъ системахъ распределенія уроковъ различны. Дѣло въ томъ, что въ числѣ предметовъ курса начальной школы нѣтъ ни одного, который требовалъ бы напряженія всѣхъ способностей ученика: предметы эти различны, какъ по содержанію, такъ и по тому, развитію какихъ способностей они служатъ. Второй изъ приведенныхъ нами случаевъ распределенія уроковъ требуетъ упражненія ограниченнаго круга способностей, и такъ какъ разнообразіе въ предметахъ, слѣдующихъ въ данномъ случаѣ одинъ за другимъ, очень не велико (во всѣхъ упражненіяхъ преобладаетъ механическая работа руки), то, во первыхъ, получается значительная степень утомленія, а во вторыхъ, многія изъ способностей, развитіе которыхъ лежитъ на обязанности школы, остаются въ теченіе дня не затронутыми. Совершенно обратное представляетъ первый случай распределенія уроковъ по часамъ дня. Приемы и направленіе мышленія, имѣющіе мѣсто при чтеніи книги совсѣмъ не похожи на тѣ, какіе употребляются при ариметическихъ вычисленіяхъ. Вотъ почему переходъ отъ урока чтенія къ ариметикѣ есть уже самъ по себѣ отдыхъ для учащагося. Слѣдующій затѣмъ получасовой урокъ гимнастики представляетъ новое освѣжающее средство. Урокъ закона Божія, отличаясь отъ трехъ первыхъ по содержанію своему, дѣйствующему на сердце ученика, въ то же время совпадаетъ въ большинствѣ школъ и съ перемѣной преподавателя, что также служитъ освѣжающимъ средствомъ. Послѣдній урокъ чистописанія рѣзко отличается отъ всѣхъ первыхъ. Такое разнообразіе между смѣняющимися другъ друга предметами экономизируетъ силы ученика, поддерживаетъ въ немъ свѣжесть и бодрость въ теченіе всего учебнаго дня, дѣйствуетъ ежедневно на развитіе всѣхъ его способностей.

Къ сожалѣнію, необходимость разнообразія въ учебныхъ занятіяхъ

начальной школы недостаточно сознаана многими изъ нашихъ педагоговъ. Вотъ росписание уроковъ приложенное къ „Русской Начальной Школѣ“ барона Корфа. Дообъденныя занятія. Суббота. 2-й классъ. 1-й урокъ—скоропись. 2-й урокъ—списываніе съ книги. 3-й урокъ—чистописание. 1-й классъ. 1-й урокъ—чистописание. 2-й урокъ—чтеніе. 3-й урокъ—тоже чтеніе. 4-й урокъ—скоропись. Вторникъ. До обѣда. 1-й классъ. 1-й урокъ—скоропись. 2-й урокъ—чтеніе. 3-й урокъ—списываніе съ книги. 4-й урокъ—чистописание. II-й классъ. 1-й урокъ—скоропись. 2-й урокъ—чтеніе. 3-й урокъ—чистописание. 4-й урокъ—упражненія (письменныя) по „Родному Слову“. Послѣ обѣда, отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ. Понедѣльникъ. I-й классъ. 1-й урокъ—скоропись. 2-й урокъ—чистописание. II-й классъ. 1-й урокъ—диктовка. 2-й урокъ—скоропись. Вторникъ. I-й классъ. 1-й урокъ—скоропись. 2-й урокъ—диктовка ¹⁾).

Въ распредѣленіяхъ уроковъ г. Баранова встрѣчаемъ едва ли не болѣе однообразія, чѣмъ у барона Корфа. Вотъ нѣсколько на удачу взятыхъ выдержекъ изъ „примѣрнаго“ росписанія, составленнаго авторомъ съ цѣлью „показать порядокъ ежедневныхъ занятій въ трехклассныхъ городскихъ училищахъ“: I-й классъ. Старшее отдѣленіе. Среда. 1-й урокъ—грамматика. 2-й урокъ—грамматическія упражненія. 3-й урокъ—законъ Божій. 4-й урокъ—законъ Божій. II-й классъ. Младшее отдѣленіе. Вторникъ. 1-й урокъ—Естественная исторія. 2-й урокъ—естественная исторія. 3-й урокъ—законъ Божій. 4-й урокъ—законъ Божій. Въ тотъ же день въ старшемъ отдѣленіи II класса. 1-й урокъ—арифметика. 2-й урокъ—арифметическія упражненія; 3-й урокъ—законъ Божій. 5-й урокъ—чтеніе. Тотъ же классъ. Старшее отдѣленіе. Четвергъ. 1-й урокъ—геометрія. 2-й урокъ—геометрическія упражненія. 3-й урокъ—законъ Божій. 4-й урокъ—законъ Божій ²⁾). Въ большинствѣ случаевъ разница между двумя слѣдующими одинъ за другимъ уроками заключается только въ томъ, что урокъ съ учителемъ смѣняется урокомъ безъ учителя по тому же предмету.

Почти то же видимъ мы и въ росписаніи уроковъ, составленномъ г. Барановымъ для начальныхъ училищъ. Но число уроковъ по закону Божію отнесено къ двумъ днямъ (вторнику и пятницѣ)—на каждый день по два урока, слѣдующихъ одинъ за другимъ. Въ по-

¹⁾ Русская начальная школа бар. Корфа, стр. 249.

²⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1879 г.

недѣльникъ ученики младшаго отдѣленія три часа посвящаютъ самостоятельнымъ упражненіямъ и только одинъ часъ занимаются съ учителемъ. Если принять во вниманіе, что самостоятельныя упражненія въ этомъ отдѣленіи крайне однообразны и въ первыя двѣ недѣли сводятся только къ черченію прямыхъ линій и къ рисованію очертанія простѣйшихъ предметовъ, то понятно, какъ они должны быть утомительны для дѣтей. Г. Барановъ рекомендуетъ въ иной день заниматься только двумя предметами, относя на каждый изъ нихъ половину учебнаго времени.

III.

Мы видѣли, что по мнѣнію барона Корфа и г. Баранова усвоеніе новыхъ свѣдѣній для ребенка также легко, какъ и повтореніе уже разъ усвоеннаго, что и то, и другое будто бы безъ вреда для успѣховъ обученія можно безразлично предлагать дѣтямъ, какъ тогда, когда мозгъ еще свѣжъ, такъ и тогда, когда онъ утомленъ самостоятельными работами и уроками ¹⁾. По видимому, эти нарушенія довольно извѣстныхъ требованій педагогической дѣлается въ виду нѣкоторыхъ практическихъ выгодъ. Г. Барановъ приводитъ мои слова: „Ученики среднихъ учебныхъ заведеній въ изобиліи снабжены всѣми нужными книгами и учебными пособиями; притомъ же они на столько развиты, что могутъ въ извѣстной степени пользоваться руководствами и безъ помощи преподавателя находятъ—къ кому могли бы обратиться за разъясненіями; между тѣмъ ученики начальной школы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ окруженные невѣжественными родителями и средой, едва имѣютъ одну книжку, часто весьма сомнительнаго достоинства, да еслибъ и были снабжены всѣми нужными пособиями, безъ посторонней помощи не могли бы пользоваться ими, а эту помощь можетъ оказать имъ только учитель“, — и вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: „На основаніи этихъ совершенно вѣрныхъ соображеній нужно придти къ тому заключенію, что обученіе въ этихъ училищахъ должно основываться на классныхъ занятіяхъ“.

¹⁾ Мы говоримъ здѣсь объ ученикахъ младшихъ отдѣленій; въ старшемъ отдѣленіи, по нашему мнѣнію, вполне возможны и такія самостоятельныя работы, которыя принесутъ не меньше пользы для учениковъ, но за то потребуютъ отъ нихъ и неменьшаго напряженія силъ, чѣмъ уроки съ учителемъ, напримеръ, письменное изложеніе видѣннаго и слышаннаго и. т. д.

Пока требованіе г. Баранова выражается въ такой общей формѣ, съ нимъ согласится каждый. Но выраженіе „классныя занятія“ допускаетъ слишкомъ широкое толкованіе. Нерѣдко это выраженіе прилагается къ такимъ упражненіямъ учениковъ, въ которыхъ только и есть классаго, что они производятся въ классной комнатѣ.

Г. Барановъ подѣляетъ классными занятіями разумѣетъ тѣ самостоятельныя работы, которыя исполняютъ ученики двухъ отдѣленій въ то время, когда учитель занятъ съ третьимъ. И вотъ чуть-ли не съ цѣлью дать возможно больше такихъ самостоятельныхъ работъ г. Барановъ и баронъ Корфъ значительно увеличиваютъ число ежедневныхъ часовыхъ уроковъ въ начальной школѣ.

Кому случалось давать урокъ въ начальной школѣ, тотъ знаетъ, что это дѣло не совсемъ легкое. Упростить предметъ съ цѣлью сдѣлать его болѣе доступнымъ, уловить моментъ, когда можно сообщить то, что есть самаго труднаго въ урокѣ, поддержать напряженное вниманіе 8-ми-9-лѣтняго ребенка, которому всегда трудно сосредоточиваться на одномъ предметѣ, постоянно повѣрять, хорошо ли всѣми усвоено только что сказанное, заставить учениковъ самихъ принять дѣятельное участіе въ отысканіи требуемаго вывода, обобщенія, сравненія и т. п., повторить старое въ сочетаніи съ новымъ, указать въ новомъ старое, прежде усвоенное, не дать прерваться логической связи между отдѣльными частями урока, — все это требуетъ не мало опытности. Если въ это время что-либо будетъ отвлекать учителя, то онъ не достигнетъ цѣли, а отвлекать его при системѣ, защищаемой г. Барановымъ, будутъ непременно. Въ той же комнатѣ находится одно или два другія отдѣленія, которымъ дана самостоятельная работа, доступная—какъ требуетъ г. Барановъ— „даже ученикамъ среднихъ способностей“. Дѣти со способностями ниже средняго уровня всего скорѣе не сумѣютъ сдѣлать такую работу: они или обратятся къ учителю за разъясненіями и тогда прервутъ его занятія, или же будутъ бездѣлничать и скучать. А въ школьной суетѣ—повторяемъ вмѣстѣ съ г. Барановымъ слова Ушинскаго — скрывается источникъ множества дѣтскихъ проступковъ и даже пороковъ: шалостей, лѣни, капризовъ, отвращенія отъ ученья, хитрости, лицемерія, обмановъ и тайныхъ грѣховъ. Избѣжать этого при общепринятой системѣ, гдѣ обученіе основано на массѣ самостоятельныхъ работъ, трудно, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ приравнивать самостоятельныя работы къ дѣтямъ низшаго уровня по развитію и способностямъ; это вредило бы лучшимъ.

Г. Барановъ понимаетъ, на сколько вредно, когда ученики, занимающіеся самостоятельными работами, отвлекаютъ учителя отъ урока, и требуетъ такого порядка въ школѣ, при которомъ учителя не тревожили бы пустыми вопросами. Любопытно однако, какъ можно научить дѣтей отличать пустой вопросъ отъ дѣльнаго. Положимъ, одинъ изъ занятыхъ самостоятельною работой учениковъ никакъ не можетъ рѣшить задачи, или не понимаетъ выраженія, слова, встрѣтившагося въ книгѣ, и проситъ учителя помочь ему: будетъ эта просьба пустою или дѣльною? Если такіе вопросы въ школѣ допускаются, то учителю очень часто придется отвлекаться, такъ какъ подобная просьба—самое обыкновенное явленіе въ начальной школѣ.

И такъ, если учитель долженъ быть сосредоточенъ на своемъ урокѣ съ однимъ отдѣленіемъ, если въ школѣ установленъ такой порядокъ, при которомъ ученикъ, занятый самостоятельною работой, затрудняется спросить учителя, обратиться къ нему за помощію, обязанъ не слушать словъ учителя, потому что слова эти обращены къ другому отдѣленію и могутъ только развлекать занятыхъ своею самостоятельною работой,—то при чемъ же тутъ руководство учителя, воздѣйствіе его на учениковъ, занятыхъ не съ нимъ, обязаныхъ его не слушать? А г. Барановъ утверждаетъ, что здѣсь-то именно (при веденіи самостоятельныхъ работъ такимъ способомъ) и „естъ то воздѣйствіе, которое желательно“. „Развѣ“, спрашиваетъ онъ,—такая работа (самостоятельная) обдумывается, задается и провѣряется не учителемъ?“ Далѣе онъ говоритъ: „Правда, при веденіи занятій съ двумя-тремя группами, вниманіе учителя, занимающагося съ одною группою, нѣсколько (?) отвлекается другими группами, исполняющими самостоятельныя работы; но въ этомъ случаѣ нуженъ болѣе всего учительскій глазъ, который необходимо долженъ видѣть все, что дѣлается въ классѣ“. Не много же приобрѣтутъ ученики отъ такого воздѣйствія, и нельзя назвать это само по себѣ почтенное средство (учительскій глазъ) главнымъ изъ тѣхъ, какими располагаетъ школа.

Но допустимъ, что учитель, основывающій успѣхъ школы на самостоятельныхъ работахъ, придающій имъ большее значеніе уже по тому одному, что ихъ число, при общепринятой организаціи начальной школы, вдвое больше числа учительскихъ уроковъ, станетъ руководителемъ работъ, не будетъ запрещать дѣтямъ обращаться къ нему за разъясненіями, будетъ наводить тѣхъ, кто затрудняется въ исполненіи работы, постарается предупреждать ихъ ошибки, — что же станется съ урокомъ, который онъ даетъ свободному отъ само-

стоятельныхъ работъ отдѣленію? Всего вѣроятнѣе, такого урока совсѣмъ не будетъ.

Г. Барановъ въ подтвержденіе защищаемой имъ постановки самостоятельныхъ работъ приводитъ прекрасное мѣсто изъ книги Ушинскаго о выгодахъ, какія достигаются тѣмъ, что ученикъ готовится всѣ уроки подъ руководствомъ учителя. Но эти слова говорятъ не за систему г. Баранова, а противъ нея. Они требуютъ не одного „учительскаго глаза“; они требуютъ, чтобъ учитель шагъ за шагомъ слѣдилъ за исполненіемъ учениками заданнаго урока; „изучалъ“ при этомъ индивидуальности „дѣтей“—что и кому изъ нихъ дается легко что и кому трудно; показывалъ имъ легчайшіе приемы изученія; отвѣчалъ на каждый идущій къ дѣлу вопросъ, — можетъ быть, и „пустой“ съ точки зрѣнія взрослого человѣка, но всегда важный для ребенка; достаточно подробно объяснялъ, чего не понимаетъ ученикъ (а начинающій не понимаетъ весьма многого и всего чаще даже такихъ вещей, что учитель и предвидѣть-то ихъ не всегда можетъ); замѣчалъ свои собственные ошибки, для чего внимательно наблюдалъ бы за исполненіемъ урока каждымъ ученикомъ; «предупреждалъ» всякое ложное пониманіе, часто превращающееся посредствомъ зазубриванія въ умственный недостатокъ, значить—наводилъ бы ученика на вѣрный путь при первомъ подозрѣніи ошибки.

Все это несомнѣнно плодотворныя занятія; учитель, слѣдующій такимъ совѣтамъ, сдѣлаетъ очень много; но такая работа поглотитъ все вниманіе учителя, все его время и потребуетъ отъ него не меньшаго напряженія силъ, чѣмъ и обыкновенные уроки; такая работа не мыслима, если учитель занятъ съ другимъ отдѣленіемъ; она не совмѣстна съ системой, защищаемою г. Барановымъ; вышеприведенныя слова Ушинскаго требуютъ совсѣмъ иной постановки самостоятельныхъ работъ; они требуютъ отъ учителя не простаго надзора и раздачи работъ, а дѣятельнаго руководства въ самостоятельныхъ учебныхъ упражненіяхъ. Надо отличать привидимыя, проведенныя въ книгѣ Ушинскаго, отъ подробностей въ примѣненіи ихъ на практикѣ, такъ какъ въ послѣднемъ отношеніи и у Ушинскаго встрѣчаются недостатки и противорѣчія.

Нѣтъ ничего легче для учащихся“ говоритъ Ушинскій, — „какъ отмѣтить ногтемъ или карандашемъ страницу въ книгѣ и задать ребенку выучить ее къ слѣдующему разу“. Но посмотрите, какъ ребенокъ, предоставленный слишкомъ рано самому себѣ, бьется надъ этою мучительною страницей, какъ зубрить ее безтолково, уде-

сятерая свой трудъ неумѣнъ за него взяться, какъ пачкаетъ и тетрадь, и руки, и лицо чернилами, какими горькими слезами оболеть иную не удавшуюся букву, — и вы поймете, отсюда иногда берется въ дѣтяхъ отвращеніе къ ученію⁴. Эти слова относятся почти столько же къ самостоятельнымъ работамъ въ томъ видѣ, въ какомъ рекомендуетъ ихъ г. Барановъ, сколько и къ самостоятельнымъ работамъ, задаваемымъ на домъ. И въ первомъ случаѣ ученіе почти не пользуется помощью учителя, а только его надзоромъ, въ которомъ нѣтъ недостатка, вѣроятно, и дома. Руководство учителя и въ томъ, и въ другомъ случаѣ сводится только къ тому, чтобъ „обдумать работу, задать ее и провѣрить“.

Обученіе стремится стать процессомъ саморазвитія — это несомнѣнно; но несомнѣнно также и то, что оно возможно лишь при дѣятельномъ участіи учителя, не только задающаго и провѣряющаго, но и руководящаго и помогающаго. Начинающіе учиться требуютъ отъ преподавателя больше помощи, старшіе ученики меньше; и общепринятая постановка самостоятельныхъ работъ грѣшитъ противъ учениковъ младшаго отдѣленія, исполняющихъ свои работы самостоятельно, безъ помощи учителя также, какъ и ученики старшихъ отдѣленій.

Разсмотрѣвъ ближе, какія работы рекомендуетъ г. Барановъ въ младшемъ отдѣленіи для уроковъ безъ учителя, мы увидимъ, что въ нихъ самодѣятельность учащихся во многихъ случаяхъ не играетъ почти никакой роли.

Если гдѣ индивидуальная, независимая дѣятельность ученика имѣетъ болѣе всего мѣста, такъ это при изученіи математики вообще и ариметики въ частности. За исключеніемъ немногихъ терминовъ и знаковъ, встрѣчающихся въ ариметикѣ, весь матеріалъ этого предмета можетъ быть разработанъ самимъ ученикомъ, если учитель сумѣетъ въ надлежащей системѣ предлагать ученикамъ данныя для выводовъ. Всѣ отношенія между числами, дѣйствія, примѣненія послѣднихъ къ рѣшенію задачъ, все это можетъ быть выведено самими учениками, при хорошемъ учителѣ. Поэтому естественно требованіе отъ самостоятельныхъ работъ по ариметикѣ, чтобъ онѣ болѣе служили саморазвитію учениковъ, чѣмъ работы по другимъ предметамъ. Между тѣмъ г. Барановъ рекомендуетъ вотъ какія самостоятельныя работы по ариметикѣ, начинающіяся лишь съ пятой недѣли обученія: Младшее отдѣленіе: 5-я недѣля: разложеніе изученныхъ чиселъ (изучено 1, 2, 3, 4, 5) при помощи крестиковъ, черточекъ (2 ур.). Недѣля 6-я тоже. Недѣля 7-я тоже и такъ далѣе до 10-й недѣли,

начиная съ которой и до конца года разложеніе чиселъ посредствомъ черточекъ вездѣ замѣняется составленіемъ табличекъ изученныхъ чиселъ. Такія занятія, по нашему мнѣнію, крайне мало возбуждаютъ самостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, число изучено на урокахъ съ учителемъ, а значить, и разложено, сдѣланы выводы изъ разложеній, рѣшено нѣсколько задачъ въ предѣлахъ изученныхъ чиселъ; ученики знаютъ, какъ разложить число и что получится послѣ каждаго отдѣльнаго разложенія. Чего же еще? Но ихъ заставляютъ разлагать тѣ же самыя числа, въ томъ же самомъ порядкѣ, получать каждый разъ тѣ же самыя выводы, какіе они сдѣлали и усвоили раньше. Гдѣ тутъ самостоятельность? И не дается ли такая работа главнымъ образомъ потому, что надо занять чѣмъ-нибудь отдѣленіе, которое безъ того будетъ мѣшать учителю? Сколько однообразія и скуки въ такихъ упражненіяхъ!

О нѣкоторыхъ другихъ самостоятельныхъ работахъ, рекомендуемыхъ г. Барановымъ для перваго года обученія, мы имѣли случай говорить ранѣе. Но здѣсь необходимо указать еще на одинъ родъ самостоятельныхъ занятій, внесенныхъ въ планъ г. Баранова и представляющихъ нарушеніе весьма важнаго требованія, о которомъ мы еще не имѣли случая говорить. Дѣло въ томъ, что при выборѣ самостоятельныхъ работъ во всякой школѣ, а въ начальномъ училищѣ, при краткости его курса, въ особенности, весьма важенъ вопросъ: какъ велика цѣна результата заданной работы съ цѣнностію другихъ работъ, и на сколько эта работа необходима? Въ начальныхъ школахъ много дается совершенно лишнихъ работъ, хотя каждая изъ нихъ и преслѣдуетъ какую-нибудь болѣе или менѣе опредѣленную цѣль. Счетъ буквъ, помѣстившихся въ строкѣ или страницѣ учебника, зачеркиванье тѣхъ или другихъ буквъ на лоскуткахъ газетъ и другія тому подобныя занятія, можетъ быть, тоже принесутъ ученику какую-нибудь пользу; но, во первыхъ, въ такихъ занятіяхъ нѣтъ необходимости, и вторыхъ, на ихъ мѣсто можно поставить другія работы, несравненно болѣе полезныя и необходимыя. Между тѣмъ въ планѣ г. Баранова въ младшемъ отдѣленіи, начиная съ 3-й недѣли и до 9-й включительно, мы встрѣчаемъ въ числѣ самостоятельныхъ работъ зачеркиванье изученныхъ буквъ на лоскуткахъ газетъ. Нужно ли говорить, что запоминаніе формы изученныхъ буквъ есть для начинающихъ учиться дѣло сравнительно легкое, и затрудненія въ обученіи чтенію никогда не сводились къ тому, чтобъ ученики часто забывали очертанія изученныхъ буквъ; но еслибъ это было и такъ,

то средство возобновить въ памяти ученика забытую букву всегда подъ руками и вездѣ практикуется. Оно состоитъ въ томъ, чтобы при изученіи новыхъ буквъ и соответствующихъ имъ звуковъ вводить ихъ въ сочетанія со всѣми прежде пройденными. Зачеркиванье буквъ тутъ ни при чемъ, потому что само по себѣ оно не воскресить въ памяти ученика забытой буквы, а тѣмъ болѣе звука, ея изображаемаго.

Въ то же время г. Барановъ въ своемъ конспектѣ упустилъ изъ виду нѣкоторыя крайне существенныя занятія. Растянувъ зачеркиванье буквъ на цѣлыя семь недѣль, онъ не нашелъ возможнымъ на наглядныя бесѣды удѣлить болѣе одного или двухъ уроковъ только въ первую недѣлю обученія, хотя никому не придетъ въ голову сравнивать послѣднія занятія съ первымъ по относительной ихъ пользѣ.

Слѣдуя составленному подобнымъ образомъ распредѣленію, преподаватели учатъ каждаго ученика, пробывшаго три года въ школѣ, не одинъ годъ (какъ это считаетъ необходимъ г. Барановъ), а два съ половиною года, и только на полгода оставляютъ ученика безъ своего непосредственнаго руководства.

Исходя изъ той мысли, что къ возможности независимаго отъ учителя труда ученикъ долженъ быть подготовленъ, и что самостоятельныя работы безъ руководства учителя для учениковъ младшаго отдѣленія чаще представляются мукой, чѣмъ ученьемъ, чаще отвращаютъ отъ школьныхъ занятій, чѣмъ приохочиваютъ къ нимъ, мы не отнесимъ для младшаго отдѣленія ни одного часа въ недѣлю на такія самостоятельныя работы, которыя исполнялись бы безъ всякой помощи учителя.

Желая внести возможно болѣе разнообразія въ дообѣденныя занятія, мы старались распредѣлить уроки по часамъ дня такимъ образомъ, чтобы самый переходъ отъ одного занятія къ другому представлялъ отдыхъ для ученика.

Въ распредѣленіе внесено нѣсколько такихъ уроковъ, когда учитель не занимается исключительно ни съ однимъ изъ трехъ отдѣленій, когда всѣ ученики заняты самостоятельными работами, а учитель руководить ими: предупреждаетъ ихъ ошибки, подмѣчаетъ, что изъ пройденнаго и въѣмъ именно недостаточно усвоено, восполняетъ пробѣлы въ ихъ познаніяхъ, помогаетъ слабымъ, даетъ новую работу тѣмъ, кто успѣшно покончилъ заданную, поддерживаетъ тѣхъ, кто, не найдя правильнаго рѣшенія вопроса, впадаетъ въ уныніе, бо-

рется съ привычками вредными въ какомъ-либо отношеніи, даетъ практическіе совѣты, какъ удобнѣе привыкаться къ работѣ, и проч.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такой постановкѣ самостоятельныхъ работъ, послѣднія могутъ быть несравненно серьезнѣе, чѣмъ тѣ, какія исполняются лишь подъ надзоромъ учителя. Такія работы могутъ преслѣдовать не только повтореніе стараго, но могутъ служить и къ изученію новаго. Вмѣсто того, напримѣръ, чтобы занимать учениковъ скучнымъ разложеніемъ уже разложенныхъ и изученныхъ чиселъ, какъ этого требуетъ для самостоятельныхъ работъ г. Барановъ, можно задавать разложить еще не пройденное число, разумѣется, въ томъ случаѣ, если учитель воспользовался предыдущими уровнями, чтобы выслѣпить учащимся приемы разложенія и составленія таблицъ.

Обращаясь къ послѣобъденнымъ занятіямъ, замѣтимъ, что они, по всему вѣроятію, будутъ сочувственно приняты и родителями учащихся въ сельской начальной школѣ. Мы недавно пришлось осмотрѣть нѣсколько частныхъ школъ грамотности, и я не встрѣтилъ ни одной изъ нихъ, гдѣ не было бы послѣобъденныхъ уроковъ. На вопросъ— что побуждаетъ дѣлать учебный день на двѣ половины, я слышалъ одинъ отвѣтъ: воля родителей.

Къ сожалѣнію, намъ приходится здѣсь напоминать, что повтореніе пройденнаго, при правильной постановкѣ этого дѣла, требуетъ меньшаго напряженія силъ, чѣмъ изученіе новаго. Г. Барановъ, напримѣръ, говоритъ, что самостоятельныя работы, предлагаемыя имъ въ своемъ планѣ, и преслѣдующія повтореніе усвоенныхъ уже свѣдѣній (а въ младшемъ отдѣленіи даже дословное повтореніе ихъ), утомляютъ болѣе, чѣмъ занятія съ учителемъ, то-есть, изученіе вновь. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Общеизвѣстное требованіе дидактики: поступи такъ, чтобы ученикъ видѣлъ старое въ новомъ— именно на томъ и основано, что все новое требуетъ отъ ученика наибольшаго напряженія силъ, а слѣдовательно, и болѣе его утомляетъ. Вотъ почему повтореніе усвоеннаго, приготовленіе уроковъ должно быть, по возможности, отнесено къ послѣобъденнымъ часамъ и не отнимать у дѣтей утреннихъ часовъ, которые слѣдуетъ посвящать болѣе труднымъ занятіямъ.

При такой организаціи школы, ученики приходятъ въ училище на часъ, на полтора послѣ обѣда для исполненія заданныхъ имъ работъ. Они занимаются не подъ надзоромъ только, а подъ непосредственнымъ и всегда дѣятельнымъ руководствомъ учителя; но руководство это не должно быть веденіемъ ученика „на помочахъ“. Пи-

шущій эти строки имѣлъ случай наблюдать послѣобѣденныя занятія самостоятельными работами и можетъ указать нѣкоторые детали такой постановки работъ.

При рѣшеніи ариметической задачи, ученикъ нерѣдко не умѣетъ расположить данныя на доскѣ, не сумѣетъ наибыгоднѣйшимъ образомъ расположить дѣйствія на бумагѣ,—учитель помогаетъ ему совѣтомъ, а при случаѣ покажетъ скорѣйшій приемъ дѣйствій надъ извѣстными числами, посоветуетъ повторить таблицу мѣръ, позабытую ученикомъ.

При исполненіи письменныхъ работъ, ученикъ часто неправильно держитъ перо, коверкаетъ извѣстную букву или слово. Чтобы не дать развиться вредному наряду, нужно съ особеннымъ тщаніемъ слѣдить за всѣмъ этимъ, потому что нѣтъ работы, болѣе трудной и непріятной для учителя и учениковъ, какъ бороться съ нарядомъ разъ привыкшемся. Въ школахъ, гдѣ самостоятельныя работы дѣлаются въ классной комнатѣ лишь въ присутствіи учителя, а не подъ его прямымъ руководствомъ, вредныя наряды среди учениковъ весьма многочисленны.

Если ученики учатъ наизусть объясненное стихотвореніе или готовить разказъ данной статьи, учителю приходится слѣдить—правильно ли произносятся слова, что особенно важно въ народныхъ начальныхъ школахъ, почти всегда состоящихъ изъ учениковъ, не привыкшихъ слышать литературную рѣчь и коверкающихъ чуть не каждое слово. Однихъ дообѣденныхъ занятій въ данномъ случаѣ недостаточно.

Почти во всякой школѣ приходится встрѣчать учениковъ съ недостатками органовъ произношенія, выговаривающихъ *p* какъ *л*, *m* какъ *с*, и проч. Уроковъ, заносимыхъ въ расписанія, мало для исправленія такихъ недостатковъ, а они должны быть и почти всегда могутъ быть исправлены.

Мы уже говорили, что въ школахъ приходится давать такіе уроки, которые соответствовали бы силамъ учениковъ по меньшей мѣрѣ среднихъ способностей. Если при этомъ не желательно, чтобы въ слабыхъ ученикахъ, встрѣчающихъ непреодолимыя трудности въ исполненіи урока, развилось отвращеніе къ ученью, то прямая учительская помощь для такихъ учениковъ необходима. Такой помощи не допускаетъ общепринятая организація самостоятельныхъ работъ, и удивительно ли, что въ нашихъ школахъ встрѣчаются ученики, махнувшіе рукой на всѣ уроки. Ихъ называютъ тупыми, лѣнивыми, идіотами,

а между тѣмъ нерѣдко оказывается впоследствии, что они и способны, и трудолюбивы. Объясненіе въ большинствѣ случаевъ таково: Встрѣтилось нѣсколько разъ затрудненіе при исполненіи урока, беспокоить учителя „пустыми“ вопросами запрещено, спросить товарища тоже, и вотъ мальчишъ мало по мало убѣждается, что ученье ему не по силамъ, превращается въ лѣнтя, начинаетъ ненавидѣть самостоятельныя работы а вмѣстѣ съ ними и школу, и учителя. А мало ли такихъ лѣнтяевъ, которые при лучшей постановкѣ самостоятельныхъ работъ могли бы быть и прилежными, и способными?

Извѣстно, что въ первый годъ обученія дѣти при чтеніи заданнаго склонны все свое вниманіе обращать на механизмъ чтенія, такъ какъ онъ для нихъ въ эту пору еще труденъ. Если при этомъ оставить учениковъ безъ дѣятельнаго руководства учителя, то они начинаютъ видѣть въ словѣ только буквы, сочтавшіяся извѣстнымъ образомъ, а не понятіе, имъ выражаемое, читать безъ толку и безъ смыслу. Чтобы не дать образоваться такому навыку, въ первое время ученья ребенка, необходимо заставлять его всматриваться въ смыслъ читаемаго не только на урокахъ чтенія, но и на самостоятельныхъ работахъ.

Чтобы удовлетворить указаннымъ выше требованіямъ отъ самостоятельныхъ работъ въ начальной школѣ, нужно, чтобы учениковъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ первыхъ лѣтъ обученія руководилъ въ дѣлѣ приготовленія уроковъ самъ учитель.

На практикѣ при введеніи послѣобѣденныхъ занятій не можетъ встрѣтиться какихъ-либо непреодолимыхъ препятствій. Ученики охотно соглашаются приходить въ школу послѣ обѣда, потому что при такой постановкѣ работъ легче и скорѣе готовятся уроки; потому что для нихъ гораздо менѣе изнурительно окончить всю работу въ два пріема, отвѣлаемые достаточно продолжительнымъ отдыхомъ, чѣмъ въ одинъ продолжительный срокъ времени.

В. Вахтеровъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НИКОЛАЕВСКАЯ ГЛАВНАЯ АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРІЯ ВЪ 1878—1879 ГОДУ.

Въ апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ уже было помѣщено извѣстіе о поѣздкѣ почтеннаго директора нашей знаменитой астрономической обсерваторіи академика О. В. Струве въ Сѣверную Америку въ 1879 году для заказа новаго рефрактора величайшихъ размѣровъ. Вслѣдствіе обстоятельствъ, связанныхъ съ осуществленіемъ этого важнаго предпріятія, имѣющаго оказать столь сильное вліяніе на будущую дѣятельность обсерваторіи, признано было полезнымъ, чтобъ отчетъ, ежегодно представляемый директоромъ обсерваторіи комитету ея, обнималъ на сей разъ дѣятельность обсерваторіи не за одинъ минувшій, а за два послѣдніе года. Предлагаемъ здѣсь извлеченіе изъ этого составленнаго О. В. Струве двухгодоваго отчета, не внося впрочемъ въ него то, что относится къ вышеупомянутой поѣздкѣ почтеннаго академика и къ заказу новаго рефрактора.

Прежде всего скажемъ однако о состояніи инструментовъ обсерваторіи. Устарѣлое устройство стараго рефрактора Николаевской обсерваторіи, при всемъ совершенствѣ его объектива, много мѣшало удобству наблюденія. Не говоря уже о томъ, что отъ 40-лѣтняго употребленія различныя части его обвѣтшали, главные недостатки его состояли въ слѣдующемъ: размѣры каменнаго пьедестала мѣшали наблюденію въ извѣстныхъ направленіяхъ; часовой механизмъ былъ стариннаго устройства, далеко уже не соотвѣтствовавшаго современ-
часть ссх, отд. 4.

нымъ требованіямъ науки; круги были слишкомъ малыхъ размѣровъ, и освѣщеніе поля и нитей представляло большія неудобства сравнительно съ новѣйшими приспособленіями. Для устраненія этихъ недостатковъ въ 1879 году перестройка штатива рефрактора была поручена гамбургской механической фирмѣ гг. Репсольдъ, которая обязалась окончить перестройку въ теченіе полутора года, но успѣтъ, кажется, исполнить ее гораздо раньше, такъ что, вѣроятно, еще осенью текущаго года можно будетъ продолжать наблюденія этимъ инструментомъ и строжайше испытать сдѣланныя въ немъ нововведенія въ виду примѣненія оныхъ при монтировкѣ новаго 30-дюймоваго рефрактора.

Устройство штатива новаго рефрактора потребуетъ, вѣроятно, отъ 1¹/₂ до 2 лѣтъ. Поэтому, если окончательный заказъ его будетъ сдѣланъ нынѣшнею осенью, можно рассчитывать, что весь инструментъ будетъ готовъ лѣтомъ или осенью 1882 г. Въ такихъ видахъ теперь уже представляется необходимымъ подумать о выборѣ мѣстности для помѣщенія новаго рефрактора. Башню для него предполагается поставить съ южной стороны обсерваторіи въ разстояніи отъ 30 до 40 саженъ отъ главнаго зданія. Башня эта должна имѣть діаметръ примѣрно въ 54 фута и такую же высоту надъ поломъ; самый же полъ будетъ возвышенъ надъ грунтомъ лишь на столько, чтобы лежалъ нѣсколько выше снѣжныхъ заносовъ. Башня будетъ состоять изъ двухъ частей—изъ кирпичной постройки, на которую будутъ положены рельсы, и изъ желѣзной подвижной части, покрытой съ обѣихъ сторонъ дурно проводящимъ тепло матеріаломъ. Въ настоящее время архитекторъ Царскосельскаго дворцоваго правленія Видовъ, нѣсколько лѣтъ уже руководящій постройками въ обсерваторіи, занятъ составленіемъ общаго проекта башни и связи ея съ главнымъ зданіемъ обсерваторіи. По полученіи отъ него этого проекта нужно будетъ вступить въ переговоры съ механическими заводами о постройкѣ подвижной части башни, которую, вѣроятно, можно будетъ заказать въ нашей столицѣ, за исключеніемъ развѣ рельсовъ, движущаго механизма и люковъ, которые всего удобнѣе и дешевле будетъ заказать у извѣстной фирмы Говарда Грубба въ Дублинѣ, специально занимающейся подобными сооруженіями. Кирпичную постройку предполагается сложить въ теченіе 1881 года, такъ что все будетъ приготовлено къ немедленной установкѣ инструмента, когда онъ получитъ на мѣстѣ лѣтомъ 1882 года.

Временное отсутствіе инструмента въ большой башнѣ обсервато-

риш еще въ 1879 году дало возможность тщательно осмотрѣть эту башню и исправить обвѣтшавшія въ ней части. Всѣ главныя части ея оказались совершенно здоровыми, за исключеніемъ люковъ и покрышки, которые и были возобновлены. Кромѣ того, остается еще исправить движущій механизмъ, сильно потерпѣвшій отъ долговременнаго употребленія. Лѣтомъ 1880 года предполагается сдѣлать еще постройку около этой башни. Вслѣдствіе роста деревьевъ, насажденных вокругъ обсерваторіи для огражденія ея отъ вѣтровъ и снѣжныхъ заносовъ, горизонтъ мѣстности въ самомъ сосѣдствѣ обсерваторіи начинаетъ такъ суживаться, что едва можно найти мѣсто для наблюденія земныхъ предметовъ и для обозрѣнія всего неба до горизонта. Для устраненія этого неудобства предположено передѣлать наклонную крышу окружающей башню бібліотеки въ платформу съ необходимыми для временной установки переносныхъ инструментовъ столбами. По мнѣнію архитектора, это измѣненіе легко выполнимо и не будетъ въ ущербъ общему виду обсерваторіи.

При ближайшемъ обсужденіи вопросовъ, сопряженныхъ съ приступленіемъ къ новому ряду фундаментальныхъ опредѣленій для эпохи 1885 г., оказалось желательнымъ, кромѣ исполненнаго уже передѣленія вертикальнаго круга, предпринять и нѣкоторыя другія усовершенствованія въ двухъ главныхъ меридіанныхъ инструментахъ, общающія еще болѣе увеличить точность наблюденій. Какъ въ пассажномъ инструментѣ, такъ и въ вертикальномъ кругѣ, устроено центральное освѣщеніе поля зрѣнія по способу гг. Репсольдъ, при помощи маленькаго зеркальца, помѣщеннаго на срединѣ внутренней поверхности объектива. Кромѣ того, для пассажнаго инструмента изготовляется теперь микрометръ для точнѣйшаго наблюденія преимущественно околополярныхъ звѣздъ. Въ вертикальномъ кругѣ исполнена трудная задача перешлифовки цапфъ, и устранена замѣченная наклонность круга, такъ что теперь во всѣхъ положеніяхъ круга отчивываніе его можетъ производиться съ одинакою легкостью и точностью. Передѣлки эти выполнены г. Гербстомъ по указаніямъ гг. Вагнера и Нюрена.

Часы Тиде, помѣщающіеся въ стеклянномъ цилиндрѣ подъ постояннымъ давленіемъ воздуха, осенью 1879 года опять установлены въ центральномъ подвалѣ, гдѣ температура измѣняется чрезвычайно медленно, въ предѣлахъ 4—5 градусовъ въ теченіе всего года. Пслѣднія изслѣдованія г. Гассельберга о сырости въ этомъ подвалѣ

дали недостаточно благопріятный результатъ, такъ что обыкновенныхъ часовъ нельзя поставить тамъ, не подвергая ихъ порчѣ отъ ржавчины. Но для часовъ Тиде, герметически замкнутыхъ въ цилиндръ, этой опасности не существуетъ, и въ самомъ дѣлѣ послѣ девятимѣсячнаго пребыванія въ подвалѣ, въ нихъ не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ ржавчины. Притомъ давленіе воздуха въ ихъ цилиндрѣ измѣнилось лишь на $\frac{1}{10}$ дюйма. Ходъ этихъ часовъ вообще удовлетворителенъ; чувствительныя неровности его, сопряженныя съ измѣненіями амплитуды качанія маятника, случались хотя лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, но нельзя не приписать ихъ самому устройству часовъ. Во избѣжаніе сомнѣній въ подобныхъ случаяхъ въ круглой залѣ обсерваторіи, гдѣ температура мѣняется также довольно медленно, установлены превосходные часы Говю и связаны проводомъ съ релѣ отъ часовъ Тиде, такъ что одни часы могутъ контролировать и въ случаѣ надобности замѣнять другія.

По распоряженію великаго князя генералъ-адмирала, инструменты обсерваторіи, употребленные для наблюденія прохожденія Венеры въ Приморской области Восточной Сибири, лѣтомъ прошлаго года возвращены въ Пулково, вмѣстѣ съ двумя изъ употребленныхъ тамъ же переносныхъ башенъ. Къ сожалѣнію, эти инструменты много пострадали во время морскаго пути отъ ржавчины. Наименѣе пострадалъ четырехдюймовый гелиометръ, и стараніями гг. Нюрена и Баклунда онъ снова приведенъ въ состояніе полной пригодности для наблюденій; онъ установленъ въ одной изъ переносныхъ башенъ съ южной стороны обсерваторіи. Въ ближайшемъ будущемъ предполагается приступить и къ основательному исправленію гелиографа въ механической мастерской обсерваторіи. Къ счастью, главныя оптическія части онаго, по видимому, пострадали немного, а повреждены только оси и часовой механизмъ.

Обращаемся къ произведеннымъ въ обсерваторіи астрономическимъ наблюденіямъ.

До лѣта 1879 года, когда приступлено было къ передѣлкѣ большаго пассажнаго инструмента и вертикальнаго круга, оба эти инструмента служили только для нѣкоторыхъ специальныхъ опредѣленій и изслѣдованій. Пассажнымъ инструментомъ г. Вагнеръ пронаблюдалъ всего 430 прохожденій звѣздъ при 208 отчетахъ меридіанныхъ марокъ и 113 нивелировкахъ оси, а вертикальнымъ кругомъ г. Нюрена сдѣлалъ 61 полное наблюденіе полярной звѣзды. Теперь оба инструмента приведены въ полную готовность для начатія новаго ряда

фундаментальных опредѣленій для эпохи 1885 г., къ которому будетъ приступлено въ августѣ текущаго года.

Свободнымъ отъ фундаментальных опредѣленій временемъ г. Нюрень воспользовался для новаго опредѣленія коэффициента аберраціи помощью пассажнаго инструмента, установленнаго въ первомъ вертикалѣ. Произведенный имъ для этой цѣли двухлѣтній рядъ наблюдений 4-хъ звѣздъ законченъ былъ осенью 1878 г. При обработкѣ этихъ наблюдений, прошлою весною, г. Нюрень пришелъ къ прискорбному заключенію, что всѣ эти наблюдения въ строгомъ смыслѣ неудовлетворительны для прямой ихъ цѣли. Оказались въ отдѣльныхъ опредѣленіяхъ зенитныхъ разстояній частію внезапные скачки, частію зависимость отъ времени года, которые, конечно, должны были имѣть значительное вліяніе на величины аберраціи, выводимыя изъ различныхъ звѣздъ, хотя можно было предположить, что, вѣроятно, это вліяніе уничтожилось бы въ среднемъ выводѣ. Принимая въ соображеніе, что подобнаго явленія въ прежнихъ опредѣленіяхъ покойнаго В. Я. Струве не встрѣчалось, нужно было заключить, что въ установкѣ инструмента въ теченіе времени произошли какія-нибудь перемѣны; и дѣйствительно, дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что мало по малу полъ зала немного опустился и пришелъ въ соприкосновеніе съ каменнымъ столбомъ инструмента. Достаточно было перейти наблюдателю съ одной стороны инструмента на другую, чтобы причинить замѣтное передвиженіе уровня, находящагося на оси инструмента. По открытіи этого обстоятельства, осенью прошлаго года, оно, конечно, было немедленно устранено, а г. Нюрень рѣшился совершенно бросить прежній рядъ наблюдений и приступить къ производству новаго. Такъ какъ именно въ настоящее время точнѣйшее опредѣленіе аберраціи имѣетъ особенную важность въ виду произведенныхъ разными учеными прямыхъ опредѣленій скорости свѣта, то предполагается теперь произвести новый рядъ наблюдений на болѣе широкихъ основаніяхъ. вмѣсто 4-хъ звѣздъ прежняго ряда теперь работа обнимаетъ 25 звѣздъ, на столько яркихъ, чтобъ ихъ можно было наблюдать въ такія времена года, когда вліяніе аберраціи довольно значительно. Начавъ новый рядъ 17-го декабря 1879 г., г. Нюрень успѣлъ уже, благодаря благоприятнымъ атмосферическимъ условіямъ, собрать къ 1-му мая текущаго года 158 полныхъ наблюдений 19 изъ этихъ звѣздъ, при 120 отчетахъ азимутальныхъ марокъ. По предварительному вычисленію оказывается, что замѣченныхъ въ прежнемъ ряду недостатковъ теперь совершенно незамѣтно. Поэтому можно надѣяться,

что чрезъ $1\frac{1}{2}$ года будетъ возможность представить ученому міру во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающее довѣрія опредѣленіе этого важнаго въ астрономіи элемента.

Наблюденія помощью меридіаннаго круга были продолжаемы г. Ромбергомъ съ обычнымъ его усердіемъ. Съ 1-го мая 1878 г. по 7-е іюня 1879 онъ успѣлъ совершенно окончить рядъ, имѣвшій предметомъ опредѣленіе положеній двойныхъ звѣздъ, произведя за этотъ промежутокъ времени не менѣе 7078 наблюденій. По окончаніи этого ряда наблюдателю доставленъ былъ желательный отдыхъ командированіемъ его на два мѣсяца за границу. До своего путешествія и послѣ него по 1-е мая текущаго года г. Ромбергъ собралъ еще 2272 наблюденія.

Во время путешествія г. Ромберга меридіанный кругъ переданъ былъ г. Бакланду, которому важно было ближе познакомиться съ этимъ инструментомъ въ виду порученнаго ему завѣдыванія окончательнымъ выводомъ главнаго каталога звѣздъ изъ наблюденій, произведенныхъ меридіаннымъ кругомъ съ 1839 по 1874 г. Г. Бакландъ воспользовался этимъ случаемъ для производства дополнительныхъ опредѣленій къ наблюденіямъ зоны, произведеннымъ имъ на Дерптской обсерваторіи.

Наблюденія самого директора обсерваторіи помощью большаго рефрактора обнимаютъ только годовой срокъ, именно до разборки инструмента въ исходѣ мая 1879 года. Въ теченіе этого времени сдѣлано было 165 измѣреній двойныхъ звѣздъ и нѣсколькихъ туманностей. Кромѣ того, въ 15 ночей комета Брорзена связана была съ близлежащими звѣздами.

Наблюденія г. Линдемана фотометромъ Целльнера надъ яркостью звѣздъ различныхъ классовъ въ послѣднее время часто прерывались другими не терпящими отлагательства работами. Всего имъ сдѣлано 107 наблюденій для означенной цѣли.

Шестидюймовый рефракторъ Репсолда, какъ и прежде, употребляемъ былъ г. Дубяго преимущественно для наблюденій двойныхъ звѣздъ, слишкомъ далеко отстоящихъ одна отъ другой для наблюденія въ большой рефракторъ. Г. Дубяго получилъ въ отчетный періодъ 136 микрометрическихъ измѣреній избранныхъ имъ звѣздъ. Кромѣ того, имъ сдѣлано 60 измѣреній 4-хъ звѣздъ, составляющихъ извѣстную трапецію въ созвѣздіи Оріона. Эти измѣренія ясно доказали, что наблюденія г. Дубяго, подобно наблюденіямъ г. Струве, подвержены довольно значительнымъ систематическимъ погрѣшностямъ.

Для двойныхъ же звѣздъ большаго разстоянія эти погрѣшности, какъ извѣстно, совершенно исчезаютъ. Наконецъ, г. Дубяго, получилъ еще 3 наблюденія кометы Брорзена и 6 наблюдений планеты Діапы, обработку которой для Berliner Jahrbuch онъ взялъ на себя.

Четырехдюймовый гелиометръ Репсольда, установленный въ ноябрѣ, временно переданъ г. Баклунду, который занимался въ зимніе мѣсяцы ближайшимъ опредѣленіемъ постоянныхъ величинъ инструмента. Для этого произведены имъ общепотребительныя для этой цѣли микрометрическія измѣренія Плеядъ и звѣздъ созвѣздія Гидры, а также нѣсколько измѣреній двойныхъ звѣздъ. Принимая въ соображеніе, что этотъ гелиометръ по своему устройству и оптическому достоинству принадлежитъ къ лучшимъ инструментамъ своего рода, г. Баклундъ намѣренъ произвести имъ рядъ измѣреній спутниковъ Юпитера для точнѣйшаго опредѣленія массы этой планеты, а также предпринять, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, новыя по возможности точныя измѣренія діаметровъ главныхъ планетъ.

Старый гелиометръ теперь употребляется какъ простая зрительная труба. Будучи снабженъ кольцевымъ микрометромъ, онъ заступаетъ мѣсто совершенно оставленной теперь безъ употребленія трубы Бадера и послужилъ г. Витраму для производства нѣсколькихъ наблюдений астероидовъ.

Переходя къ работамъ астрофизической лабораторіи, должно сказать, что согласно первоначальному плану, занятія въ ней преимущественно направлены были на изслѣдованіе измѣненной спектровъ при значительно измѣненныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Съ этою цѣлью въ первое время г. Гассельбергъ произвелъ рядъ опытовъ надъ вліяніемъ низкихъ температуръ на электрическія разряженія въ газахъ и надъ повышеніемъ температуры этихъ газовъ при такихъ разряженіяхъ. Вѣроятно, результаты его опытовъ найдутъ себѣ полезное примѣненіе для объясненія явленій въ кометахъ и въ туманностяхъ, для объясненія сѣвернаго сіянія и т. п.

Извѣстно, что спектры кометъ имѣютъ общій типъ, близко подходящій къ спектрамъ углеводородныхъ соединений; однако въ частностяхъ есть между ними довольно значительныя различія. Поэтому г. Гассельбергъ въ послѣднее время трудился надъ разысканіемъ условий, при которыхъ могли бы появиться въ спектрѣ углеводородовъ подобныя этимъ различіямъ отклоненія. Въ представленномъ имъ Академіи Наукъ мемуарѣ, дающемъ вмѣстѣ съ тѣмъ критическій разборъ всѣхъ спектральныхъ наблюдений кометъ, онъ представляетъ

отчетъ о томъ, до какой степени ему удалось произвести подобныя отклоненія.

Опыты эти до сихъ поръ произведены весьма несильнымъ спектроскопомъ, и безъ сомнѣнія, много выиграютъ въ точности и значенія, если для нихъ будутъ имѣться болѣе сильныя средства. Въ такихъ видахъ Николаевская обсерваторія вступила въ сношенія съ извѣстнымъ оптикомъ г. Пражмовскимъ въ Парижѣ, 30 лѣтъ тому назадъ служившимъ въ Пулковѣ, о доставленіи ей первокласснаго спектроскопа, при устройствѣ котораго были бы примѣнены всѣ новѣйшія пріобрѣтенія науки. Полученіе этого инструмента ожидается въ теченіе нынѣшняго года.

Какъ только возвращенный изъ Владивостока гелиографъ будетъ исправленъ, г. Гассельбергъ приступитъ снова къ производству фотографическихъ снимковъ солнца, съ цѣлю изслѣдованія обстоятельствъ, которыми обусловливаются результаты, выводимые изъ измѣреній этихъ снимковъ.

Спектральными наблюденіями свѣтилъ въ Николаевской обсерваторіи пока еще не занимались. Для нихъ представится болѣе удобный случай, когда старый ея рефракторъ получитъ новую монтировку. Между тѣмъ для наблюденія необыкновенныхъ явленій въ прошломъ году выписанъ малый астроспектроскопъ Фогеля, легко привинчивающійся къ любому инструменту.

Всѣ снаряды и химическіе матеріалы теперь установлены въ удобные шкафы. Эта мѣра должна служить не только для порядка вообще, но и для предохраненія приборовъ отъ столь возможныхъ при химическихъ манипуляціяхъ случайностей. Такъ, на примѣръ, небольшой взрывъ уже случился при работахъ г. Гассельберга надъ бензиновымъ газомъ, къ счастью, безъ другихъ вредныхъ послѣдствій, кромѣ разрушенія воздушнаго насоса, находившагося въ связи со стекляннмъ цилиндромъ, въ которомъ производились электрическія разряженія.

Къ числу важнѣйшихъ работъ обсерваторіи принадлежитъ вычисленіе и обнародованіе рядовъ наблюденій.

Во введеніи къ изданному въ началѣ 1878 года IX тому Пулковскихъ Наблюденій, содержащему въ себѣ микрометрическія измѣренія двойныхъ звѣздъ, произведенныя О. В. Струве, давнъ былъ окончательный выводъ формулъ, по которымъ эти измѣренія должны быть исправлены для освобожденія ихъ отъ систематическихъ погрѣшностей. По этимъ формуламъ вычислены теперь г. Дубяго поправки

всѣхъ наблюдений, помѣщенныхъ въ IX томѣ. Исправленные наблюдения опубликованы въ видѣ прибавленія къ этому тому.

Начатое въ 1878 г. печатаніе наблюденныхъ г. Вагнеромъ прямыхъ восхожденій звѣздъ фундаментальнаго каталога для эпохи 1865 г. совершенно окончено. XI томъ Наблюдений, содержащій въ себѣ на 58 печатныхъ листахъ наблюдения, произведенныя до конца 1865 г., уже изданъ. Остальная часть наблюдений г. Вагнера, заканчивающаяся 1872 годомъ и составляющая 37 листовъ XII тома, также отпечатана; но для изданія этого тома въ свѣтъ остается еще составить подробное введеніе и вывести окончательныя прямыя восхожденія фундаментальныхъ звѣздъ и по нимъ поправки другихъ пулковскихъ главныхъ звѣздъ. Большая часть приговорительныхъ работъ для этого введенія уже окончена.

XIII и XIV томы предназначены для наблюдений склоненій звѣздъ фундаментальнаго каталога для эпохи 1865 г. 26 листовъ XIII тома уже напечатаны, и г. Нюрень, завѣдывающій этою работою, надѣется, что этотъ томъ можетъ быть выпущенъ въ свѣтъ въ теченіе нынѣшняго года. Для составленія окончательнаго каталога склоненій пулковскихъ главныхъ звѣздъ всѣ приговорительныя вычисленія окончены.

Въ непродолжительномъ времени обсерваторія надѣется приступить къ печатанію еще не изданныхъ томовъ перваго ряда, именно VIII и X. Первый изъ нихъ долженъ содержать въ себѣ каталогъ 5363 звѣздъ, основанный на наблюденияхъ, произведенныхъ меридіаннымъ кругомъ съ 1839 по 1874 г. и напечатанныхъ въ VI и VII томахъ. Обработкой этого каталога до лѣта 1878 г. завѣдывалъ бывшій адъютантъ-астрономъ обсерваторіи фонъ-Астенъ, скончавшійся лѣтомъ 1878 г. Теперь этотъ трудъ переданъ его преемнику г. Бакунду, которому до исхода прошлаго года помогалъ г. Левицкій, оставившій нынѣ службу при обсерваторіи. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ относящихся сюда вычисленій переданы были постороннимъ вычислителямъ. Теперь работа эта на столько подвинулась, что понадобится едва ли болѣе полугода для составленія окончательнаго каталога.

Обработка микрометрическихъ измѣреній, имѣющихъ войдти въ X томъ, сама по себѣ не требуетъ обширныхъ вычисленій, за исключеніемъ лишь вычисленій поправокъ отъ рефракціи для паръ звѣздъ очень большаго разстоянія. Последнія вычисленія въ ближайшемъ времени будутъ окончены. Поэтому печатаніе этихъ измѣреній могло бы быть начато при первой для г. директора возможности заняться

имъ. Но по принятому плану желательно отложить на нѣкоторое время это изданіе, потому что г. Струве намѣренъ помѣстить въ немъ сравненіе абсолютныхъ и относительныхъ движеній наблюденныхъ паръ звѣздъ, а такъ какъ абсолютныя движенія должны быть выведены преимущественно изъ сравненія дерптскихъ меридіанныхъ опредѣленій съ новѣйшими подобными опредѣленіями г. Ромберга, то приходится выждать приведенія этихъ послѣднихъ.

Кромѣ составленія и печатанія исчисленныхъ выше томовъ Наблюденій, состоящими при обсерваторіи лицами напечатано 16 сочиненій, болѣе или менѣе объемистыхъ и относящихся къ разнымъ частямъ астрономическихъ знаній.

Библіотека обсерваторіи въ послѣдніе два года увеличилась на 362 тома книгъ и 342 брошюры и диссертациі. Изданій обсерваторіи разослано: за границу 1336, внутри имперіи 590 экземпляровъ. Печатаніе 2-й части систематическаго каталога библіотеки обсерваторіи, обработанной преимущественно г. Линдеманомъ, нынѣ окончено. Составляя 73 печатные листа, каталогъ этотъ содержитъ въ себѣ, въ круглыхъ числахъ, 2000 названій книгъ и 9000 названій журнальныхъ статей и брошюръ и представляетъ такимъ образомъ весьма важное дополненіе къ первому каталогу, содержащему въ себѣ 4000 названій книгъ и 15000 названій журнальныхъ статей и брошюръ. Остается только напечатать алфавитный указатель и введеніе, и книга можетъ поступить въ руки астрономовъ, которыми она давно ожидается, какъ важнѣйшее литературное пособіе при астрономическихъ занятіяхъ.

Изъ числа ученыхъ путешествій, предпринятыхъ лицами, принадлежащими къ составу обсерваторіи въ послѣдніе два года, важнѣйшее есть, безъ сомнѣнія, путешествіе г. директора для заказа большаго рефрактора. Кромѣ того, другими чинами обсерваторіи исполнены были слѣдующія поѣздки: для посѣщенія прошлогодняго собранія международнаго астрономическаго общества командированы были въ Берлинъ гг. Ромбергъ и Гассельбергъ. Послѣдній изъ нихъ представилъ подробный отчетъ о своемъ путешествіи, изъ котораго видно, на сколько оно было для него полезно и поучительно. Въ особенности на новой астрофизической обсерваторіи въ Потсдамѣ, состоящей подъ главнымъ управленіемъ гг. Ауверса, Кирхгофа и Ферстера, онъ видѣлъ много интереснаго по своей спеціальности, при обязательномъ содѣйствіи гг. Фогеля и Лозе.

Въ нынѣшнемъ году командированы за границу гг. Вагнеръ и

Нюрень. Первый изъ нихъ въ особенности имѣеть въ виду перегово-
ворить съ заграничными учеными и художниками объ удобнѣйшемъ
устройствѣ снаряда для опредѣленія абсолютныхъ личныхъ уравненій,
въ виду примѣненія онаго для нашихъ фундаментальныхъ опредѣле-
ній; г. же Нюрень преимущественно желаетъ посѣтить обсерваторіи
въ Лейденѣ, Гринвичѣ и Парижѣ, для ближайшаго ознакомленія со
способами фундаментальныхъ опредѣленій, принятыми на этихъ обсер-
ваторіяхъ.

Послѣ основанія главной обсерваторіи одною изъ первыхъ заботъ
В. Я. Струве было опредѣлить географическія ея координаты со
всевозможною точностью. Такъ какъ Пулково должно было служить
центромъ для всѣхъ астрономическихъ и геодезическихъ работъ
въ Россіи, то въ высшей степени важно было точнѣйшимъ обра-
зомъ связать его по долготѣ съ заграничными обсерваторіями; и
въ особенности съ Гринвичскою, которая 200-лѣтнею своею образ-
цовою дѣятельностью заслужила полное право считаться исходною
точкою счета всѣхъ долготъ, и для которой вычислялся единствен-
ный тогда въ своемъ родѣ англійскій морской мѣсяцесловъ. Для этой
цѣли произведены были подѣ главнымъ управленіемъ В. Я. Струве въ
1843 и 1844 годахъ двѣ большія хронометрическія экспедиціи, одна—
между Пулковымъ и Альтоной, и другая — между Альтоной и Грин-
вичемъ, представившія случай развить незадолго предѣ тѣмъ вошед-
шіе въ употребленіе способы опредѣленія и переноски времени. Въ
конечномъ результатѣ получена была разность долготъ $= 2^{\circ} 1' 18''$,
674 съ вѣроятною ошибкою $\pm 0''$, 057, изъ которой, вслѣдствіе измѣ-
неннаго съ тѣхъ поръ положенія Гринвичскаго пассажнаго инстру-
мента, нынѣ слѣдуетъ вычитать $0''$, 007. Высокая степень точности,
которую на Николаевской обсерваторіи приписали этому опредѣленію,
встрѣчена была тогда съ сомнѣніемъ нѣкоторыми первоклассными
астрономами; но въ новѣйшее время она блистательно подтверж-
дена. Когда, полтора года тому назадъ, сообщены были профессору Оп-
польцеру въ Вѣнѣ окончательные результаты произведеннаго въ
1875 г. телеграфнаго опредѣленія разности долготъ Пулкова и Вѣны,
и г. Оппольцеръ связалъ ихъ съ незадолго предѣ тѣмъ произведен-
нымъ опредѣленіемъ долготы Вѣны отъ Гринвича, получилась раз-
ность долготъ Пулкова и Гринвича $= 2^{\circ} 1' 18''$, 631, лишь на
 $0''$, 036 отличающаяся отъ нашего стараго опредѣленія.

Телеграфныя опредѣленія долготъ Варшава-Вильно, Варшава-
Бовель, Пулково-Дерптъ и Вильно-Рига произведены въ лѣтніе мѣ-

сяца 1878 и 1879 годовъ подполковниками Рыльке и Померанцевымъ согласно программѣ, составленной В. К. Делленомъ. При каждомъ опредѣленіи наблюдатели вмѣстѣ со своими инструментами мѣнялись мѣстами. Кромѣ того, они съ достохвальнымъ усердіемъ по нѣскольку разъ въ каждомъ году непосредственно опредѣляли свои личныя уравненія и собрали такимъ образомъ весьма драгоценный матеріалъ для изслѣдованія вопроса о томъ, на какую точность долготъ можно рассчитывать при употребляемыхъ нынѣ способахъ. Если удастся со временемъ совершенно отдѣлать постоянныя инструментальныя ошибки отъ личныхъ погрѣшностей, то это изслѣдованіе можетъ привести къ оставленію инструментовъ на мѣстѣ, и слѣдовательно, къ значительному сокращенію и труда издержекъ.

Въ послѣдніе предъ отчетнымъ періодомъ годѣ въ Николаевской обсерваторіи произведено было вычисленіе широтъ, опредѣленныхъ полковникомъ Пржевальскимъ во время его путешествія 1876 и 1877 годовъ. Послѣ того гг. Вагнеръ и Делленъ занимались возможно точнымъ вычисленіемъ сдѣланныхъ г. Пржевальскимъ, въ семи мѣстахъ, 11 рядовъ наблюденій высотъ луны. Хотя въ сущности нельзя было ожидать высокой точности отъ отдѣльныхъ опредѣленій, произведенныхъ при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ не менѣе довольно значительный трудъ, употребленный на эти вычисления, не остался безполезнымъ, такъ какъ полученныя абсолютныя долготы придадутъ картографіи пройденной знаменитымъ путешественникомъ страны значительно прочное основаніе. Притомъ, исполняя эту работу, обсерваторія воспользовалась случаемъ доставить нашимъ неутомимымъ и безстрашнымъ путешественникамъ ободряющую увѣренность, что она не жалѣеть силъ для извлеченія наилучшихъ результатовъ изъ наблюденій, добытыхъ съ такими трудами и лишениями.

Подобнымъ же образомъ г. Делленъ недавно участвовалъ въ вычисленіи астрономическихъ наблюденій, произведенныхъ г. Пѣвцовымъ въ 1878 и 1879 годахъ въ Монголіи и Китаѣ. Главною задачею было извлечь наибольшую пользу для долготъ изъ довольно значительнаго числа покрытій небольшихъ звѣздъ, наблюденныхъ въ разныхъ мѣстахъ безъ предварительнаго приготовленія, почему довольно трудно было идентифицировать эти звѣзды. Нѣкоторыя изъ нихъ вовсе не встрѣчаются въ болѣе точныхъ каталогахъ, а потому опредѣленія ихъ мѣстъ будутъ сдѣланы только будущей зимою.

Г. Вагнеръ окончилъ обработку наблюденій г. Рафаилова, про-

изведенныхъ во время путешествія г. Потанина по сѣверо-западной Монголіи. Статья, содержащая въ себѣ результаты его вычисленій, препровождена въ Императорское русское географическое общество для напечатанія.

При новѣйшихъ перевычисленіяхъ наблюденій прохожденія Венеры, произведенныхъ въ 1761 г., не разъ возникалъ вопросъ о точномъ географическомъ положеніи мѣстности, гдѣ аббатъ Шаппъ д'Отерошъ наблюдалъ это явленіе въ Тобольскѣ. Это обстоятельство послужило г. Вагнеру поводомъ ближе заняться этимъ предметомъ. Извѣстно было только, что Ганстенъ, Дуэ и Эрманъ, во время своего извѣстнаго путешествія по Сибири, разыскали мѣстность Шапповой обсерваторіи, но другихъ подробностей никогда не было обнаружено. Теперь г. Вагнеру обязательно доставлены были профессоромъ Фернлеемъ въ Христіаніи копія журнала Дуэ и письмо, относящееся къ этому предмету. При помощи этихъ данныхъ и плана города Тобольска отъ 1831 г., доставленнаго полковникомъ Коверскимъ изъ архива главнаго штаба, г. Вагнеру удалось точно отнести мѣсто Шапповой обсерваторіи къ пунктамъ города, опредѣленнымъ Федоровымъ.

Исслѣдованій компенсаціи хронометровъ въ послѣдніе два года не произведено въ обсерваторіи, потому что ограниченное число находившихся тамъ хронометровъ не могло бы оправдать труда, котораго стоитъ поддержаніе необходимыхъ для этихъ исслѣдованій постоянныхъ температуръ. Уменьшеніе числа наличныхъ хронометровъ произошло отъ того, что наибольшая часть принадлежащихъ военнотопографическому отдѣлу главнаго штаба хронометровъ въ 1878 г. была въ употребленіи при столь же превосходныхъ, сколь обширныхъ астрономическихъ и геодезическихъ работахъ, произведенныхъ на театрѣ нашихъ военныхъ дѣйствій, работахъ, которыя на всегда останутся славнымъ памятникомъ трудолюбія и искусства русскихъ геодезистовъ. По возвращеніи же этихъ хронометровъ, они нуждались въ тщательномъ осмотрѣ и чисткѣ, такъ что лишь весной текущаго года были возвращены въ Пулково.

За то въ теченіе послѣдняго года г. Делленъ произвелъ другія весьма любопытныя исслѣдованія о ходѣ 15 хронометровъ. Для удобства этихъ работъ, въ его квартирѣ устроено релѣ, соединенное съ нормальными часами, такъ что, не выходя изъ кабинета, онъ можетъ дѣлать во всякое время желаемыя наблюденія. Предметомъ его исслѣдованій были, во первыхъ, измѣненія въ ходахъ хронометровъ, за-

висація отъ наклоннаго положенія послѣднихъ, вовторыхъ, измѣненія суточныхъ ходовъ въ зависимости отъ времени, истекшаго послѣ ихъ заводки. Поводомъ къ первой части изслѣдованій послужили преимущественно замѣченныя генералъ-лейтенантомъ Маевскимъ измѣненія ходовъ двухъ принадлежащихъ ему отличныхъ хронометровъ Вирена при незначительномъ даже наклоненіи ихъ. Подобное вліяніе наклонности найдено было также въ нѣкоторыхъ другихъ хронометрахъ, и въ иныхъ даже еще въ большей степени. Поэтому весьма важно было обратить вниманіе художниковъ на это обстоятельство, котораго въ прежнихъ хронометрахъ Дента и Кессельса, лѣтъ 25—30 назадъ, не смотря на тщательное изслѣдованіе ихъ, не замѣчалось.

Испытанія хронометровъ относительно періодическихъ суточныхъ измѣненій дѣли вообще весьма благопріятный, въ смыслѣ ровности хода, результатъ. Однако нашлись нѣкоторые хронометры, въ которыхъ подобныя измѣненія столь значительны, что нельзя было бы пренебречь ими въ точнѣйшихъ опредѣленіяхъ, ваковы, напимѣръ, телеграфныя опредѣленія долготъ. При 48-часовомъ ходѣ хронометровъ измѣненія гораздо болѣе чувствительны. Такъ, напимѣръ, два хронометра, одинъ Вирена, другой Фроджема, дали суточные ходы, различныя на двѣ секунды, смотря по тому, были ли эти ходы выведены изъ первыхъ 8 часовъ послѣ заводки, или изъ послѣднихъ 8 часовъ до заводки.

Вышеупомянутый хронометръ Вирена—тотъ самый, въ которомъ сдѣлано устройство для отчитыванія размаховъ баланса. Г. Делленъ много трудился надъ изслѣдованіемъ его и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) замѣченныя въ этомъ хронометрѣ измѣненія суточнаго хода при заводкѣ чрезъ 48 часовъ совершенно совпадаютъ съ соотвѣтственными измѣненіями размаховъ баланса, такъ что по введеніи поправокъ отъ размаховъ восстанавливается изумительно правильный за весь промежутокъ ходъ; 2) коэффициентъ, найденный для поправки хода отъ періодическихъ измѣненій размаховъ, вполне примѣнимъ также къ поступательнымъ измѣненіямъ хода въ теченіе двухъ лѣтъ, выражающимся въ измѣненіяхъ размаховъ; 3) измѣненія хода хронометра отъ наклонности, хотя совпадаютъ съ измѣненіями размаховъ баланса, но слѣдуютъ другому закону, который нужно еще ближе изслѣдовать.

О работахъ, произведенныхъ въ механической мастерской обсерваторіи по исправленію главныхъ инструментовъ, уже упомянуто

выше. Онъ всѣ произведены г. Гербстомъ съ извѣстною его тщательностью. Здѣсь же должно сказать о произведенномъ, согласно желанію товарища генераль-фельдцейхмейстера, графа Баранцова, приспособленіи устроеннаго 25 лѣтъ тому назадъ по указаніямъ директора обсерваторіи дальномѣра къ употребленію въ полевой артиллеріи. Труднѣйшею задачей этого измѣненія было придать коллимаціи инструмента по возможности болѣе постоянства, такъ чтобъ она не измѣнялась при быстрой перевозкѣ инструмента вмѣстѣ съ батареями. Въ этомъ отношеніи задача рѣшена вполне удачно. Послѣ десятиверстной перевозки инструмента при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ на простой телегѣ, не замѣчено ни малѣйшаго слѣда измѣненій коллимаціи. Но, съ другой стороны, это усовершенствованіе сопряжено было съ значительнымъ увеличеніемъ вѣса инструмента, а потому удобопримѣнимость его для военныхъ цѣлей можетъ подлежать еще сомнѣнію.

Въ послѣднее время изготовлены г. Гербстомъ два универсальные инструмента для морскаго вѣдомства. По изслѣдованіи оба оказались устроенными весьма цѣлесообразно. Можно было бы только пожелать, чтобъ дѣленія, хотя для предстоящаго назначенія инструментовъ удовлетворительныя, еще въ большей мѣрѣ соответствовали другимъ отличнымъ качествамъ этихъ инструментовъ.

Въ кругъ дѣятельности обсерваторіи входятъ также и занятія учебнаго характера. Съ начала нынѣшняго года въ званіи сверхштатныхъ астрономовъ состоятъ при обсерваторіи кандидатъ Дерптскаго университета Людвигъ Струве и кандидатъ С.-Петербургскаго университета Левъ Вучиковскій. На днѣхъ командированъ въ обсерваторію отъ Харьковскаго университета кандидатъ Александръ Рейнбольтъ.

Въ концѣ 1878 г. окончили двухлѣтній практическій курсъ въ Пулковѣ три офицера Николаевской академіи генеральнаго штаба: капитанъ Гладышевъ и штабсъ-капитаны Назарьевъ и Барановъ. По успѣшности практическихъ занятій первыхъ двухъ изъ нихъ и по удовлетворительности представленныхъ ими сочиненій, ихъ можно было признать достаточно подготовленными для предстоящей имъ геодезической дѣятельности, почему они и были представлены къ переводу въ разрядъ геодезистовъ; что же касается до штабсъ-капитана Баранова, то какъ практической, такъ и теоретической его подготовкѣ значительно мѣшала болѣзнь его глазъ, и по результатамъ

всѣхъ вообще его занятій онъ могъ быть выпущенъ только по второму разряду.

Въ нынѣшнемъ году оканчиваютъ слушаніе здѣшняго курса также трое офицеровъ: майоръ Макаревичъ, капитанъ Поморцовъ и штабсъ-капитанъ Геденовъ.

Обыкновенно офицерами академіи генеральнаго штаба во второе лѣто ихъ пребыванія здѣсь исполняются подъ руководствомъ ихъ непосредственнаго наставника небольшія астрономическія и геодезическія операціи, при самостоятельной обработкѣ которыхъ они имѣютъ случай выказать пріобрѣтенныя на обсерваторіи познанія. Такъ лѣтомъ 1878 г. имъ предложена была задача: опредѣлить долготу и широту новой магнитно-метеорологической обсерваторіи въ Павловскѣ. Превосходно исполненныя наблюденія были тщательно обработаны капитаномъ Гладышевымъ въ видѣ темы для выпускнаго сочиненія. Г. Гладышевъ нашелъ, что Павловская обсерваторія лежитъ на 37° , $98'$ къ в. отъ Пулкова подъ широтою $59^{\circ}41'9''$, 1. Довольно замѣчательно, что этотъ выводъ въ обѣихъ координатахъ до сотыхъ долей секунды согласенъ съ координатами, выведенными А. Ф. Вагнеромъ изъ измѣренныхъ по его указаніямъ управлявшимъ Павловскою обсерваторіей г. Мильбергомъ горизонтальныхъ угловъ между различными, извѣстными по положенію, геодезическими пунктами. Это согласіе доказываетъ, что между Пулковымъ и Павловскомъ не замѣтно ни малѣйшаго слѣда отклоненія отвѣсной линіи.

Въ нынѣшнемъ году офицерами академіи между прочимъ будетъ сдѣлана точная нивелировка для опредѣленія высоты Павловска относительно Пулкова. Такимъ образомъ и третья координата Павловской обсерваторіи, именно высота ея надъ уровнемъ моря, имѣющая для этой обсерваторіи наибольшую важность, скоро будетъ извѣстна съ большою точностью.

Отъ гидрографическаго департамента командированы были на обсерваторію въ началѣ нынѣшняго года капитанъ Стенинъ и мичманъ Ланевскій-Вольскій для приготовленія подъ руководствомъ В. К. Деллена къ предстоящимъ имъ астрономическимъ опредѣленіямъ при гидрографическихъ работахъ въ Приморскомъ краѣ Восточной Сибири; первый изъ нихъ съ живѣйшимъ усердіемъ воспользовался пребываніемъ на обсерваторіи и дѣйствительно пріобрѣлъ такой навыкъ въ астрономическихъ опредѣленіяхъ, что можно ожидать отъ него вполне успѣшнаго выполненія возложенныхъ на него работъ. Къ сожалѣнію, пребываніе г. Ланевскаго на обсерваторіи было чрезвычайно

кратковременно, но можно надѣяться, что отличныя способности его вознаграждаютъ недостаточность его подготовки.

Наконецъ, остается упомянуть о пребываніи на обсерваторіи въ теченіе нѣсколькихъ недѣль геодезиста подполковника Померанцева, извѣстнаго превосходными своими телеграфными опредѣленіями долготъ. Будучи назначенъ помощникомъ начальника Туркестанскаго военно-топографическаго отдѣла, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ завѣдывать выстроенною недавно въ Ташкентѣ астрономическою обсерваторіей, а потому онъ желалъ поближе познакомиться съ приемами чисто научныхъ астрономическихъ наблюденій. Можно ожидать, что подъ его управленіемъ новая обсерваторія, кромѣ выполненія работъ для геодезическихъ цѣлей, приобрететъ достойное имя и на чисто астрономическомъ поприщѣ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1879 ГОДУ.

Минувшій годъ составляетъ, въ лѣтописяхъ Русскаго географическаго общества достойное продолженіе его прежняго многополезнаго существованія. Представляемъ обзорніе важнѣйшихъ событій этого года въ жизни общества, и прежде всего, упомянемъ о тѣхъ членахъ его, которыхъ въ минувшемъ году лишилось Общество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и географическая наука и связанная съ нею знанія.

Въ числѣ скончавшихся членовъ Общества должно назвать прежде всего митрополита Московскаго Иннокентія, прославившагося своею проповѣдью на Алеутскихъ островахъ и въ бывшихъ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ и описавшаго бытъ туземнаго населенія; затѣмъ А. И. Лезшина, извѣстнаго своимъ описаніемъ Киргизской орды и участіемъ въ статистическихъ работахъ министерства государственныхъ имуществъ; М. Л. Онацевича, заслужившаго извѣстность своими геодезическими и гидрографическими работами въ Восточномъ и Ледовитомъ океанахъ; извѣстнаго зоолога академика Θ. Θ. Брандта, и наконецъ, К. И. Тихонравова, автора многихъ статистическихъ, этнографическихъ и историко-археологическихъ изслѣдованій о Владимірской губерніи.

Текущая дѣятельность Общества выражается преимущественно въ ученыхъ экспедиціяхъ, имъ снаряженныхъ, и въ отдѣльныхъ поѣздкахъ его членовъ. Въ истекшемъ году количество научныхъ силъ, направленныхъ на изученіе окраинъ Россіи и прилежащихъ странъ, было столь же значительно, какъ и въ предшествующіе годы. Въ сѣверо-западной Монголіи по направленію къ Тибету производила свои из-

слѣдованія экспедиціи Н. М. Пржевальскаго; тамъ же, по сѣвернѣе, дѣйствовали Г. Н. Потанинъ и А. В. Адриановъ; тамъ же, по восточнѣе пролегалъ маршрутъ поѣздки М. В. Пѣвцова; ближе къ западу въ бассейнѣ Или и Текеса производилъ свои изслѣдованія г. Алфераки; на пространствѣ русскаго Туркестана, Бухары и Хивы работали подѣ начальствомъ великаго князя Николая Константиновича Н. А. Маевъ, И. В. Мушкетовъ, Н. Н. Зубовъ, Н. В. Сорокинъ; еще ближе къ западу, на низовьяхъ Аму, производили свои работы нѣсколько лицъ, входящихъ въ составъ правительственной экспедиціи, состоящей подѣ начальствомъ А. И. Глуховскаго. На другой, противоположной окраинѣ, именно на Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, продолжали свою дѣятельность поручикъ Тягинъ и молодой натуралистъ Оскаръ Нордкинъ, командированный Обществомъ къ участію въ экспедиціи профессора Норденшельда. Къ нимъ долженъ былъ присоединиться еще А. В. Григорьевъ, командированный Обществомъ на встрѣчу профессора Норденшельда; но это предпріятіе, къ сожалѣнію, окончилось неудачей.

Еще въ 1878 году представленъ былъ Н. М. Пржевальскимъ въ совѣтъ Археографическаго Общества проектъ новой экспедиціи въ среднюю Азію, которая должна была быть непосредственнымъ продолженіемъ только что оконченной неутомимымъ путешественникомъ экспедиціи на озеро Лобъ-Норъ.

Признавая полную невозможность пройти до Лассы черезъ Лобъ-норъ, въ особенности въ виду послѣднихъ событій въ Кашгаріи, г. Пржевальскій нашелъ необходимымъ избрать одинъ изъ болѣе далекихъ, кружныхъ путей. Сравнительная оцѣнка всѣхъ этихъ путей заставила его остановиться на двухъ изъ нихъ, какъ наиболѣе удобныхъ: одинъ, болѣе короткій, черезъ Гучень, Хама, Цайдамъ, Ша-джеу и верховья Голубой рѣки, представляетъ болѣе интереса по своей неизвѣстности и пролегаетъ черезъ мѣстности, почти совершенно неизслѣдованныя, но въ то же время нѣсколько опасенъ вслѣдствіе значительнаго количества китайскихъ войскъ, наполняющихъ сѣверные города этого пути; другой, болѣе далекій путь идетъ черезъ Ургу и Куве-норъ и далѣе большою караванною дорогою; волиѣ безопасный и спокойный, путь этотъ въ то же время тяжелъ по своей длинѣ, и пролегая по мѣстности, уже изслѣдованной, не представляетъ большаго научнаго интереса.

Предполагая достигнуть Лассы тѣмъ или другимъ путемъ, смотря

по обстоятельствамъ, г. Пржевальскій выразилъ въ своемъ проэктѣ намѣреніе посвятить около года на изученіе Тибета, сдѣлать экскурсію въ юго-восточную часть его и возвратиться въ Россію черезъ Западный Тибетъ, Хотанъ, Кашгаръ и Туркестанъ.

По одобреніи этого проэкта какъ совѣтомъ Общества, такъ и правительствомъ, 20-го января 1879-го года г. Пржевальскій со спутниками своими оставилъ Петербургъ, направляясь въ Зайсанскій постъ, гдѣ сложено было имъ на сохраненіе все снаряженіе экспедиціи.

Выступивъ изъ Зайсана въ началѣ апрѣля, экспедиція къ 1-му мая, достигла рѣки Булаганъ, пройдя около 600 верстъ отъ Зайсана черезъ Булунъ-тохой вверхъ по рѣкѣ Урунгу. Къ 30-му мая экспедиція была уже въ Хами, сдѣлавъ такимъ образомъ около трети пути, раздѣляющаго Зайсанъ отъ Гималаевъ. Китайскія власти въ Хами оказали экспедиціи самый радушный пріемъ, и что было особенно важно для Пржевальскаго, дали ему конвой изъ офицера и семи солдатъ. Присутствіе этого конвоя на пути, не огражденномъ пикетами, было чрезвычайно полезно для экспедиціи, такъ какъ гарантировало ей безопасность на случай возможнаго недоразумѣнія съ китайскими властями. За Хами, гдѣ окончилась населенная часть сѣверо-западной Монголіи, передъ нашими путешественниками лежала самая трудная и опасная часть пути: безконечная, песчаная раскаленная въ это время года Хамійская пустыня, такъ-называемая Мупуньская Гоби. 347-ми-верстный переходъ черезъ эту пустыню въ юго-восточномъ направленіи длился цѣлыя двѣ недѣли, съ 1-го по 14-е іюня. Переходъ этотъ былъ страшно труденъ: жара доходила днемъ до $+ 38^{\circ}$ Ц. почва же нагрѣвалась до $+ 68^{\circ}$. Сухость воздуха была огромная. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ идти впередъ днемъ было невозможно; приходилось подвигаться ночью. Переходъ впрочемъ окончился благополучно: потеряли всего лишь двухъ верблюдовъ. Животная и растительная жизнь степи оказалась крайне бѣдною: изрѣдка попадались мѣста съ тощею травою, но и эти оазисы отстоятъ одинъ отъ другаго верстъ на 70 и болѣе. Изъ животныхъ экспедиція встрѣтила только *Anilope subgutturosa* и дикихъ верблюдовъ, которые заходятъ сюда изъ пустынь Лобъ-пора. На всемъ протяженіи черезъ Гоби до Ша-джеу экспедицію провожалъ китайскій конвой, данный Пржевальскому Хамійскими властями.

Довольно продолжительное пребываніе въ Ша-джеу совершенно вознаградило путешественниковъ за перенесенныя ими лишенія. Оазисъ Ша-джеускій весьма плодороденъ: это лучшее, послѣ Кульджи, мѣсто

редней Азии. Тотчасъ за городомъ стоитъ гряда сыпучихъ песковъ, составляющихъ восточный край Лобъ-норскаго Кумъ-тага; за песками висятъ террасами громадныя горы, мѣстами переходящія за свѣжнующую линію. Здѣсь Лобъ-норскій Алтынъ-тагъ соединяется съ Кукенорскимъ Нань-шанемъ. Такимъ образомъ вопросъ объ этомъ соединеніи рѣшенъ окончательно. Во время своего пребыванія въ Ша-джеу г. Пржевальскій предпринималъ нѣсколько экскурсій въ близъ лежащія горы Нань-шань частью съ научною цѣлью, а частью для отысканія проводниковъ, которые могли бы указать экспедиціи путь на Кукеноръ, къ Тибету. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца попытки его встрѣтить проводниковъ оказывались безплодными; наконецъ, 24-го іюля, онъ встрѣтилъ въ горахъ трехъ Монголовъ, охотившихся тамъ, и собирая отъ нихъ разспросныя свѣдѣнія, узналъ, что они родомъ съ озера Сертень, которое лежитъ къ юго-западу отъ Ша-джеу, и отъ котораго путь идетъ прямо на Кукеноръ. Оставивъ Ша-джеу, г. Пржевальскій и его спутники направились черезъ Кукеноръ къ Цайдаму, а 12-го сентября, перейдя черезъ границы южнаго Цайдама, вышли на большую дорогу, ведущую изъ Китая въ Тибетъ и охраняемую китайскими пикетами.

Мѣстные монгольскіе чиновники Си-ниньскаго округа, у которыхъ г. Пржевальскій оставилъ на храненіе два ящика съ своими коллекціями, отговаривали нашего путешественника пускаться въ этотъ путь. Си-ниньскій (или Кукенорскій) амбанъ посылалъ къ г. Пржевальскому приближеннаго своего толмача, чтобы передать ему какія-то письма, вѣроятно, заключавшія въ себѣ совѣты и просьбы измѣнить направленіе и отправиться въ Сычуань, но толмачъ этотъ не засталъ уже г. Пржевальскаго въ предѣлахъ Си-ниньскаго округа и привезъ письма обратно къ амбану. По видимому, Китайцы не ожидали, что путешественникъ нашъ самъ найдетъ себѣ проводниковъ изъ Ша-джеу въ Цайдамъ и оттуда направится прямымъ путемъ, не заходя на Кукеноръ. Хорошее вооруженіе экспедиціи, при которомъ она не нуждается въ китайскомъ вооруженномъ конвоѣ, соединенное съ рѣшительностью и быстротою движеній ея начальника, разстроили до сихъ поръ всѣ планы Китайцевъ.

Дальнѣйшія извѣстія о г. Пржевальскомъ указываютъ однако, что онъ не могъ проникнуть въ Лассу и въ настоящее время уже направляется къ русскимъ предѣламъ чрезъ внутренній Китай.

Новая экспедиція Г. Н. Потапина въ сѣверо-западную Монголію является, точно также какъ и экспедиція г. Пржевальскаго, непо-

средственнымъ продолженіемъ только что оконченной. Разработывая собранный имъ матеріалъ, г. Потанинъ могъ убѣдиться, что Монголія представляетъ еще много новыхъ вопросовъ, не затронутыхъ имъ въ первую экспедицію. Такъ какъ совѣтъ Общества согласился съ этимъ мнѣніемъ, то и рѣшено было вновь командировать г. Потанина для посѣщенія тѣхъ частей сѣверо-западной Монголіи, которыя не были имъ осматрѣны въ первую поѣздку.

Исходнымъ пунктомъ, изъ котораго экспедиція вступила въ мѣстности, мало дотогѣ изслѣдованныя, былъ Кошагачъ. Оставивъ Кошагачъ 9-го іюня 1879 года, экспедиція отправилась на наемныхъ верблюдахъ въ Улангомъ, въ вершинахъ рѣки Тожонгты перевалила черезъ Сайлютемъ, и затѣмъ, оставивъ озеро Цаганъ-норъ въ правой рукѣ, спустилась въ долину Беконь-бере, и переправившись черезъ эту рѣку достигла урочища Алтынъ-хатысынъ, до котораго доѣзжалъ въ XVIII столѣтіи русскій посоль къ Алтынъ-хану—Старковъ. Отсюда экспедиція достигла до Улангома. Здѣсь г. Потанинъ купилъ верблюдовъ и поднялся, въ половинѣ іюля, на альпы, отдѣляющія низменность озера Убса отъ степной долины рѣки Беконь-бере. Во время путешествія Потанинъ собралъ образцы флоры пройденной мѣстности и взялъ образцы горныхъ породъ. Нанятый г. Потанинымъ въ Улауль крещенный и грамотный Телеутъ Иванъ Чивальковъ записалъ нѣсколько алтайскихъ былинъ на татарскомъ языкѣ. Кроме того, г. Потанинъ лично записалъ по русски много вариантовъ шаманскихъ легендъ. Спутникъ его А. В. Адриановъ, занимаясь естественно-историческими работами, въ то же время снялъ фотографически виды наиболѣе замѣчательныхъ мѣстностей, нѣсколько типовъ, предметы и принадлежности шаманскаго богослуженія и нѣсколько каменныхъ бабъ. Изъ Улангома, гдѣ къ экспедиціи примкнулъ топографъ г. Орловъ, экспедиція направилась на сѣверъ, въ систему Енисея. Обогнувъ озеро Убса съ запада, она достигла до устья рѣки Торхоликъ, самаго значительнаго притока озера Убса съ сѣвера; по долинѣ этой рѣки экспедиція углубилась въ ущелья хребта Танну-ола; влѣво отъ дороги были усмотрѣны ломки каменной соли, залегающей въ пластахъ песчаника и конгломератовъ. Линію монгольскихъ карауловъ дорога пересѣкаетъ при караулѣ Цициргана, который расположенъ на рѣкѣ Торхоликъ. Всѣ караулы къ западу отъ Дзиндзилика воинные, то-есть, такіе, на которыхъ Монголы служатъ только по три года и потомъ смѣняются, а потому здѣсь нѣтъ того богатства въ скотѣ, какое экспедиція ви

дѣла на линіи къ востоку отъ Дзиндзилика, гдѣ караулы имѣютъ постоянное населеніе. Изъ двухъ ближайшихъ горныхъ проходовъ экспедиція избрала западный, болѣе удобный, идущій чрезъ притокъ Торколика, рѣчку Абуръ-амрыкъ; подъемъ былъ пологій и мало лѣсистый, спускъ—крутой и густо заросшій лиственницей. Выходовъ кристаллическихъ породъ на гребнѣ не замѣчено; обнаженія на обоихъ склонахъ хребта состоятъ изъ песчаниковъ и конгломератовъ. Нѣсколько ниже по теченію экспедиція встрѣтила населеніе, состоящее изъ Урянхайцевъ и занятое уборкой хлѣбовъ. Отъ Торколика путь экспедиціи лежалъ вверхъ по долинѣ Улу-кема; 8-го октября (новаго стиля) экспедиція достигла устья рѣки Елегеша, выше котораго на берегу Улу-кема нашла займку минусинскаго купца Сафьянова. Выше устья Елегеша хребетъ Танну-ола отходить отъ Улукема на значительное разстояніе, и здѣсь на лѣвомъ берегу разстилается степь, на которой лежатъ озера: Тузь-куль, Джидеръ и Алгы; на первомъ Урянхайцы добываютъ соль и продаютъ русскимъ купцамъ. Устье рѣки Елегеша лежитъ между скалистыми горами, состоящими изъ песчаниковъ, между которыми залегаютъ пласты каменнаго угля. Отъ займки Веселкова до займки Сафьянова лѣвый берегъ Улу-кема плоскій. На Елегешѣ экспедиція нашла многолюдное населеніе изъ Урянхайцевъ, принадлежащихъ къ кошуну Уинь. Оставивъ русскія займки, экспедиція направилась вверхъ по лѣвому берегу рѣки Ха-кема. Чрезъ три перехода путешественники достигли до ставки огурда (князя) Сальджакъ-Урянхайцевъ, по имени Май-тере, близъ рѣки Бурень. Огурда принялъ экспедицію любезно и далъ проводниковъ и рабочихъ до озера Теръ-норъ или Теръ-куль. За одинъ переходъ до устья Бурена долина Улу-кема уже опять стѣсняется горами; выше Бурена Улу-кемъ течетъ въ тѣсныхъ берегахъ; дорога экспедиціи должна была проходить по гористой и лѣистой странѣ. Обыкновенно отъ Бурена до Теръ-нора считается 10 дней ходу на вьючныхъ лошадяхъ, но на верблюдахъ, и притомъ въ позднее время года, когда перевалы завалены глубокимъ снѣгомъ, путешественники должны были употребить 25 дней, чтобы дойти до береговъ Теръ-нора. Мѣстные жители по этой дорогѣ на верблюдахъ не ходятъ: хлѣбъ и соль съ Бурена на Теръ-норъ доставляются исключительно на вьючныхъ лошадяхъ. Оставивъ берегъ Бурена, дорога на Теръ-норъ близъ устья Бельбея подходитъ къ Ха-кему, но потомъ отклоняется далеко на югъ, почти къ вершинамъ его притока Большаго Джибея, и пересѣкаетъ долины другихъ притоковъ Ха-кема-Сидзима,

Малаго Джибея и Уима. Первые долины узки; вся окрестная страна представляет гористую, съ трудомъ проходимую тайгу изъ лиственницъ, елей и кедровъ; дорога проходить или по гребнямъ горныхъ грядъ, или по южнымъ косогорамъ, которые менѣе лѣсисты, чѣмъ сѣверные склоны горъ; по сѣвернымъ склонамъ, и особенно по дву долинь, заваленному валежникомъ, совсѣмъ нѣтъ проѣзда; да и тамъ, гдѣ проходить дорога, экспедиціи приходилось разчищать ее: постоянно четыре или два человѣка шли впереди каравана и рубили лѣсъ; иногда приходилось дѣлать дневку, пока люди были заняты рубкой лѣса; въ день приходилось дѣлать не болѣе семи верстъ. На этомъ пути экспедиціи встрѣчались только немногіе берестяные шалаши Урянхайцевъ-звѣропромышленниковъ. Долина Уима представляет высоко лежащую котловину въ нѣсколько верстъ ширины: дно ея—сплошное болото, въ этой пустынной мѣстности салдыжакъ-урянхайскій огурда выставляет пикетъ изъ нѣсколькихъ шалашей, который обязанъ возить почту и чиновниковъ. Пересѣвши рѣку Уимъ близъ ея впаденія въ Большой Джибей, а затѣмъ и этотъ послѣдній, дорога поднимается на горы, сопровождающія правый берегъ Джибея, и переваливъ черезъ нихъ, спускается къ вершинѣ рѣки Каптагай; долиною этой рѣки она выходитъ на долину рѣки Тарбагатай, а изъ послѣдней переваливаетъ въ долину рѣки Карги или Харги. Плоскій перевалъ отдѣляетъ эту рѣку отъ котловины, въ которой лежитъ озеро Терь-норъ. Озеро окружено со всѣхъ сторонъ горами, имѣетъ извилистые берега и много острововъ. На берегу его экспедиція застала жителей, которые составляютъ такъ-называемый озерный сумынъ (Нурь-сумынъ или Куль-сумынъ), подчиненный салдыжакскому огурдѣ. Жители имѣютъ стада коровъ, лошадей и овецъ и занимаются ловлей рыбы въ озерѣ посредствомъ сѣтей изъ конскаго волоса. По общему показанію мѣстныхъ жителей, рѣка, вытекающая изъ озера Терь-норъ, называется Ха-кемъ, или какъ произносятъ терь-норскіе жители, Ха-кемъ. Съ южнаго берега озера экспедиціи открылся видъ на высокой хребетъ Танну-олы, протянувшійся съ восточной стороны озера въ направленіи съ юга на сѣверъ. Изъ четырехъ горныхъ проходовъ, находящихся въ этомъ хребтѣ, экспедиція направилась на самый южный, лежащій въ вершинахъ рѣки Агашъ, которая течетъ въ Балджинъ-голь: перейдя въ бродъ послѣднюю, экспедиція по долинь небольшой рѣчки поднялась на перевалъ; здѣсь лиственничный лѣсъ доходить почти до вершины перевала; гребень хребта состоитъ изъ гранитовъ и гранито-сіенитовъ, которые вскорѣ въ до-

линѣ р. Термиса уступаютъ мѣсто известнякамъ, почти непрерывно тянущимся отсюда до береговъ Тельгира. Населеніе стало встрѣчаться только тогда, когда экспедиція спустилась къ нижней части теченія Термиса; сначала появились Урянхайцы озернаго сумына, а потомъ на Агырѣ и Дархаты. Отъ Термиса снѣга быстро уменьшаются, на днѣ же долины Агыра и Тельгира не было вовсе снѣга. Сюда приходятъ почти все Дархатское племя на зимовку; на сѣверной сторонѣ Танну-олы остаются только ламы, живущіе постоянно въ куренѣ на Шишкитѣ. Нѣкоторыя семьи пришли на зимовку только за нѣсколько дней до прибытія экспедиціи; такой поздній срокъ перекочевки объясняется тѣмъ, что въ видахъ засухи и неурожая травъ въ прошлое лѣто Дархаты дольше промедлили на сѣверной сторонѣ хребта, чтобы позже начать поправу тельгирскихъ степей. На Агырѣ г. Потанинъ нанялъ десять лошадей и налегкѣ выѣхалъ въ дархатскій курень, переваливъ еще разъ чрезъ Танну-олу по горному проходу Джамитенъ-дабанъ, лежащему между рѣками Алтрыкъ и Бальорыкъ. Миновавъ послѣдній, дорога переваливаетъ еще черезъ горный проходъ Олень-дабанъ и спускается въ долину р. Шишкита, верстахъ въ 40 выше куреня. Слѣдуя внизъ по правому берегу Шишкита, достигая до дархатскаго монастыря, довольно богатаго и обширнаго здѣсь экспедиція нашла дворъ русскаго купца Посылина, который ежегодно зимуетъ здѣсь, выѣзжая въ Иркутскъ только на одинъ мѣсяцъ среди зимы. Изъ дархатскаго куреня экспедиція отправилась въ Тунку; сначала ѣхали вверхъ по рѣкѣ Арасаю, потомъ по рѣкѣ Улей, впадающей въ него слѣва; въ вершинахъ этой рѣчки поднялись на переваль, и затѣмъ по другой рѣчкѣ, которая называется Ойгы, спустились къ берегу озера Косоголъ. Далѣе дорога идетъ на сѣверъ по западному берегу озера; проходитъ сначала по покатуму залавку, лежащему между озеромъ и сопровождающими его берегъ горами. Сѣвернѣе устья рѣки Хатынъ по берегу озера разстилается болотистая безлѣсная безснѣжная равнина, имѣющая до трехъ верстъ ширины и мало возвышающаяся надъ озеромъ; сѣверный берегъ озера извилистъ и часто образуетъ бухты, отрѣзанныя отъ него песчаными косами, по которымъ иногда и пролегаетъ дорога. Горный переваль изъ котловины Косогола въ долину рѣки Иркуты имѣетъ менѣе крутые спускъ и подъемъ, чѣмъ переваль между Косоголомъ и Шишкитомъ. 23-го ноября экспедиція выѣхала въ мѣстечко Мондъ, гдѣ нашла первыя деревянныя юрты нашихъ Бурятъ, а 25-го ноября добралась до первой казачьей деревни Туранъ, откуда началась

постоянная санныя дорога. 1-го декабря 1879 года г. Потанинъ и его спутники уже прибыли въ Иркутскъ, гдѣ намѣрены были провести зиму надъ разработкою собраннаго матеріала и съ наступленіемъ весны имѣють въ виду опять продолжать экспедицію.

Въ теченіе лѣта 1879 года экспедиціей пройдено 1,800 верстъ; опредѣлено г. Орловымъ 6 астрономическихкихъ пунктовъ, и составлены карты маршрутовъ 1) отъ Кошъ-агача до Улангома, 2) отъ Улангома до Кобдо и 3) отъ Улангома до сѣвернаго конца озера Косогола; сдѣланъ рядъ барометрическихкихъ наблюденій за весь пройденный путь; приготовлено 80 чучель птицъ, и собрано до тысячи экземпляровъ насѣкомыхъ, до 400 видовъ растений и 120 образцовъ горныхъ породъ.

Не распространяясь столь же подробно о другихъ экспедиціяхъ, совершенныхъ по иниціативѣ или при участіи Географическаго общества, замѣтимъ только, что всѣ онѣ дали существенные научные результаты. Такъ экспедиція М. В. Пѣвцова въ Куку-Хото, начатая еще въ 1878 году, доставила богатныя топографическія данныя о внутреннемъ Китаѣ: маршрутную съемку, географическое распредѣленіе 28 опорныхъ пунктовъ, барометрическія опредѣленія высотъ, рядъ геогностическихкихъ свѣдѣній и коллекціи естественно-историческихкихъ. Экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азиатской желѣзной дороги и р. Аму доставила матеріалы для пополненія картъ южной Бухары и Гиссара, подробно изучила р. Аму на всемъ протяженіи ея судоходности, произвела астрономическія опредѣленія нѣсколькихъ пунктовъ, также наблюденія метеорологическихкихъ и естественно-историческихкихъ и собрала значительный запасъ археологическихкихъ, этнографическихкихъ и статистическихкихъ свѣдѣній, преимущественно о Бухарѣ. Точно также опытъ учрежденія метеорологической станціи на Новой Землѣ увѣнчался полнымъ успѣхомъ и доставилъ богатый матеріалъ о климатѣ Новой Земли.

Поѣздки, совершенныя членами Географическаго общества въ предѣлахъ Европейской Россіи, имѣли въ 1879 г. по преимуществу характеръ антропологическихкихъ изслѣдованій. Такъ И. С. Поляковъ совершилъ поѣздки въ Тульскую, Воронежскую, Казанскую и Пермскую губерніи и въ Закавказьѣ, розыскивая во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ слѣды каменнаго вѣка; важнѣйшія изъ его находокъ въ этомъ отношеніи были сдѣланы у с. Костенокъ, въ Воронежской губерніи, гдѣ имъ найдены каменные орудія совмѣстно съ костями мамонта. Точно также обильную добычу каменныхъ и костяныхъ орудій до-историческаго вѣка, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько череповъ древнѣйшихъ людей, найдено А. А. Иностранцевымъ при рытвѣ Сясскаго канала близъ Ладожскаго озера. Наконецъ, К. С. Мережковскому удалось найти богатые залежи каменныхъ орудій въ южной части Брыма.

Кромѣ исчисленныхъ экспедицій и поѣздокъ отдѣльныхъ лицъ, Географическое общество содѣйствуетъ обогащенію географической науки чрезъ собраніе разнаго рода свѣдѣній при посредствѣ многихъ мѣстныхъ дѣятелей. Въ теченіе 1879 года этимъ путемъ оно получило обширный запасъ метеорологическихъ наблюденій, рядъ свѣдѣній по изученію способовъ землевладѣнія въ Россіи, нѣсколько записокъ о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, и наконецъ, вообще новыя матеріалы по русской этнографіи.

При такомъ разнообразіи развитіи своей исследовательной дѣятельности, Географическое общество естественно должно въ широкихъ размѣрахъ развивать и свою дѣятельность издательскую. Въ теченіе 1879 года имъ выпущены въ свѣтъ: 1) новый томъ перевода Риттера „Землевѣдѣнія Азіи“, заключающій въ себѣ описаніе Восточной Сибири; 2) Описаніе Кашгаріи, составленное А. Н. Куропатиннымъ; 3) VIII-й томъ Записокъ по общей географіи, и 4) XV-й томъ Извѣстій Общества. Приготовляются же къ печати, а частью и отпечатаны, описанія путешествій Н. М. Пржевальскаго, Г. Н. Потанина, А. А. Чекановскаго и новыя томы Записокъ по разнымъ отдѣленіямъ Общества.

Авторитетъ, который издавна приобрѣло себѣ Русское Географическое общество въ ученомъ мѣрѣ своею разнообразною дѣятельностью, сдѣлалъ для Общества обязательнымъ участіе въ разныхъ международныхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ географическимъ знаніямъ. Такъ, въ прошломъ году общество участвовало, чрезъ своихъ представителей, въ состоявшейся въ Гамбургѣ конференціи по вопросу объ учрежденіи международныхъ полярныхъ станцій и въ Парижскомъ международномъ конгрессѣ для обсужденія различныхъ проектовъ прорытія Панамскаго перешейка. Съ еще большимъ сочувствіемъ отнеслось Общество къ важному научному предпріятію, осуществленному въ минувшемъ году въ Россіи, именно къ Московской антропологической выставкѣ: въ этой выставкѣ Географическое общество имѣло свой особый отдѣлъ, на которомъ, по его инициативѣ, были собраны богатая коллекція предметовъ доисторической древности изъ разныхъ преимущественно петербургскихъ музеевъ казенныхъ и частныхъ.

Собранія общества, по примѣру прежнихъ лѣтъ, происходили какъ по отдѣленіямъ, такъ и общія, и были посвящены различнымъ сооб-

щеніямъ членовъ и постороннихъ лицъ о совершенныхъ ими нутешствіяхъ, изложенію новыхъ изслѣдованій какъ собственно по географіи, такъ и по этнографіи и статистикѣ, и обсужденію нѣкоторыхъ новыхъ явленій отечественной литературы по части географическихъ знаній. Въ связи съ этимъ послѣднимъ родомъ занятій Общества стоитъ и присужденіе имъ почетныхъ наградъ. Въ минувшемъ году состоялись слѣдующія присужденія: медаль имени почетнаго члена графа Ѳ. П. Литке присуждена А. А. Иностранцеву за его сочиненіе: „Геологическій очеркъ Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи; большая золотая медаль отдѣленія этнографіи—Н. И. Золотницкому за составленный имъ чувашско-русскій словарь; такая же медаль отдѣленія статистики В. И. Орлову за исполненные имъ по порученію Московскаго губернскаго земства труды: 1) Статистическія свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи Московскаго уѣзда, и 2) Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губерніи. Сверхъ того, Обществомъ выдано разнымъ лицамъ пять малыхъ золотыхъ медалей и 27 серебряныхъ за разные труды на пользу Географическаго общества.

СЕРВАС

PRAEMIA MILITIAE ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О НАДѢЛѢ ВETERANOVЪ ЗЕМЛЕЮ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ВЪ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Материалъ для нашего изслѣдованія дала главнымъ образомъ эпиграфика. Мы старались собрать все, что только можно было найти для нашего вопроса, и смѣемъ думать, что между изданными надписями отъ нашего вниманія не ускользнуло ничто существенное.

Что касается до литературнаго матеріала, то мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Въ корпусѣ граматиковъ *Scriptores rei agrariae* (или *Grammatici Veteres*—изданіе Lachmann, Blume, Rudorff) мы совершенно устранили изъ разсмотрѣнія всѣ данныя, какія представляетъ одна изъ его составныхъ частей—*Liber Coloniarum*. Профессоръ Моммзенъ считаетъ въ настоящее время эту книгу не болѣе какъ оригинальнымъ апокрифомъ. Онъ пришелъ къ этому мнѣнію при вторичной обработкѣ италіанскихъ надписей, которою онъ теперь занятъ. Мнѣніе Моммзена было въ этомъ случаѣ для насъ выше всякаго сомнѣнія.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о предшествующихъ обработкахъ нашего вопроса въ ученой литературѣ. Собственно говоря предметомъ спеціальнаго изслѣдованія онъ еще не былъ, но отдѣльныя стороны вопроса подвергались разсмотрѣнію. Назовемъ прежде всего—Zumpt: *Commentationes epigraphicae*, 1850; статья: *de coloniis militaribus*—и затѣмъ Marquardt—въ первомъ томѣ *Römische Staatsverwaltung* (*Handbuch der römischen Alterthümer*, томъ четвертый). Мы совершенно устранили изъ нашего изложенія какія бы то ни было полемическія отступленія, а потому не войдемъ въ нихъ и здѣсь.

Ограничимся лишь замѣчаніемъ, что какъ въ постановкѣ вопроса, такъ и въ частностяхъ, намъ слишкомъ часто приходится расходиться какъ съ Цумптомъ, такъ и съ Марквартомъ.

Именемъ *praemia militiae* принято обозначать тѣ вознагражденія, какія получали ветераны римскаго войска при выходѣ въ отставку. Для выраженія этого понятія у древнихъ не было точно установленнаго термина: тогда какъ въ актахъ официальнаго характера преобладаетъ слово *praemia* (безъ прибавки *militiae*), писатели употребляютъ большею частью общее слово—*commoda* ¹⁾. При первомъ обозначеніи придается факту вознагражденія ветерановъ характеръ государственнаго института, при второмъ выступаетъ наружу частный характеръ обычая. Второе обозначеніе древнѣе перваго: оно попадаетъ еще у писателей временъ республики.

Нашею задачей будетъ обзорѣть исторію этого вопроса въ періодъ Римской имперіи. Основанія такого ограниченія выяснятся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

I.

Въ періодъ Римской имперіи обычай вознаграждать ветерановъ существуетъ какъ твердо установленный государственный институтъ, но возникновеніе и утвержденіе его принадлежитъ эпохѣ республики. Въ республиканскомъ Римѣ обязанность защищать отечество лежитъ на всѣхъ гражданахъ. Постояннаго войска нѣтъ, но лишь только является надобность въ вооруженной силѣ, граждане берутъ оружіе и составляютъ легіоны. Государство не обязано вознаграждать воиновъ за ихъ труды и потери. Но уже изъ весьма ранней эпохи есть у насъ неоднократныя извѣстія о томъ, что, послѣ удачной войны, бывшіе участники похода получаютъ отъ полководца денежныя подарки. Суммы для этой цѣли брались часто изъ военной добычи ²⁾. По праву она принадлежала государству, и оно часто отчуждало опредѣленную часть въ пользу арміи. Для полководца этотъ обычай вознаграждать солдатъ за походъ былъ средствомъ снискать

¹⁾ Monumentum Ancyranum, III, 28: *praemia persolvi*, ср. III, 37; Digesta 21, 2, 11: *in praemia veteranis assignata*; Suet. Octav. 49 *commoda missionum*; Cicero Phil. V, 19: *Commoda militum veteranorum*; Suet. Vitell. 15: *Commoda iustae militiae*. Suet; Sallustius, 44 *Commoda emeritae militiae*.

²⁾ Marquardt, Römische Staatsverwaltung, II, 274 sqq.

себѣ популярности у народа, а потому понятно, что съ теченіемъ времени подарки такого рода становились съ каждымъ разомъ больше. Пагубное вліяніе на весь строй государственной жизни началъ обнаруживать этотъ обычай въ ту эпоху, когда началась въ Римѣ борьба за власть между отдѣльными полководцами. Въ эту эпоху постоянной революціи военная служба стала карьерой, гдѣ можно было скорѣе и больше нажить, и солдаты стали принадлежать уже не государству, а лично тому или иному полководцу. Отношенія между солдатами и его вождемъ приняли форму контракта, въ которомъ солдатъ выговаривалъ себѣ то или иное вознагражденіе. Благодаря этому обычаю, полководцы нашли способъ сдѣлать армию постоянною *de facto*, сохраняя при этомъ видимость законности. Для этой цѣли воспользовались однимъ древнимъ институтомъ римской государственной жизни: мы разумѣемъ надѣль гражданъ землей и выведение колоній.

Свидѣтельства о надѣлѣ землю гражданъ восходятъ къ самымъ древнимъ временамъ исторіи Рима. Въ постоянныхъ войнахъ съ сосѣдями Римъ расширилъ свою территорію и вновь приобрѣтенныя земли часто раздѣлялись между гражданами (*adsignatio viritana*). Само собою разумѣется, что граждане, сдѣлавшіе походъ, были первыми при этомъ раздѣлѣ. Одною изъ формъ, въ какой реализовался надѣль землю, было выведение колоній. Оно имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда граждане, получавшіе надѣль, обязывались переселиться въ новое мѣсто и образовать тамъ новую городскую общину. Обязанность организовать новый городъ, дать ему специальный законъ (*lex coloniae*) возлагалась на одного изъ магистратовъ Рима путемъ расширенія его *imperium*. Римская колонія была, какъ опредѣляли ее сами Римляне, *quasi effigies populi Romani* ¹⁾ и служила римскому народу какъ форпостъ (*propugnaculum* ²⁾ въ расширеніи его владычества. Такъ смотрѣли Римляне на свои колоніи въ первый періодъ своей исторіи. Но въ теченіе многовѣковой исторіи Рима этотъ институтъ служилъ разнымъ цѣлямъ и попадалъ въ разныя руки. Въ эпоху Гракховъ выведение колоній должно было послужить способомъ прочно обосновать демократію, воссоздавая исчезнувшій въ непрерывныхъ войнахъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Вскорѣ послѣ Гракховъ начинается борьба за *imperium* и вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха гос-

¹⁾ A. Gellius. *Noctes Att.* XVI, 13, 9.

²⁾ Cicero *leg. agr.* 2, 27, 73.

подства милитаризма. Институтъ выведенія колоній переходитъ въ новую фазу своего развитія: имъ овладѣваютъ полководцы и принимаютъ для своихъ цѣлей. Въ колоніи выводятся бывшіе солдаты.

Но выведение колоній было, какъ мы замѣтили выше, лишь одною изъ формъ, въ какой осуществлялся надѣлъ землею. Полководцы прибѣгали часто и къ *assignatio viritana*, при чемъ вовсе не стѣснялись въ средствахъ добывать необходимый для этого *ager publicus*. Такъ весьма часто случалось, что италіанскіе города должны были уступать часть своей территоріи въ пользу солдатъ: всѣ подобнаго рода поселенія военныхъ людей были въ рукахъ полководцевъ крѣпостями противъ древней республики. Опираясь на нихъ, новый монархическій принципъ все болѣе утверждался въ Римскомъ государствѣ.

Превращеніе ветерановъ въ земледѣльцевъ было не болѣе какъ расположеніемъ войскъ въ гарнизоны: полководецъ могъ при первой надобности обратить ихъ въ дѣйствительную армію, какъ дѣйствительно и случилось ¹⁾. Что касается до солдатъ, то они разсматриваютъ надѣлы землею какъ свое право. Для характеристики тогдашняго положенія Рима не лишено интереса обратить вниманіе на то, что право это за солдатами признаютъ не только представители милитаризма—полководцы, но также и старые республиканцы, партія сената. Дѣло идетъ прежде всего о томъ, чтобъ имѣть на своей сторонѣ армію, а приманить ее въ ту пору можно было только болѣе или менѣе обформленнымъ подкупомъ, и сенатъ не стѣснялся прибѣгать къ этому средству. Такъ, въ борьбѣ противъ Антонія партія сената устами Цицерона старается увѣрить солдатъ, что они, оставаясь на ея сторонѣ, не только достигнутъ всѣхъ тѣхъ же выгодъ, какихъ ждутъ отъ полководца, но даже могутъ получить больше. Въ пятой филиппикѣ Цицеронъ говоритъ: *C. Pansa A. Hirtius coss. alter ambove, si eis videretur, cognoscerent, qui ager in eis coloniis esset, quo milites veterani deducti essent, qui contra legem Iuliani possideretur ut is militibus veteranis divideretur; de agro Campano separatim cognoscerent inirentque rationem de commodis militum veteranorum augendis* ²⁾.

Тогдашнюю государственную практику въ области этого вопроса

¹⁾ Самый наглядный примѣръ подобнаго образа дѣйствій со стороны римскихъ полководцевъ даетъ намъ Аппіанъ въ своемъ повѣствованіи о первыхъ шагахъ Августа на поприщѣ политической дѣятельности *Bell. Civ. III, 12, 31, 42; ср. Sic. Flac. I, 162, 9 sqq.*

²⁾ Cicero, *Phil. V, 19, 13.*

характеризовалъ въ нѣсколькихъ словахъ одинъ позднѣйшій авторъ грамматикъ Гигинъ (начала втораго вѣка). Упоминая о наградахъ, какія выпадали на долю ветерановъ въ періодъ борьбы за единовластіе, онъ говоритъ: *terra tunc praemium erat* ¹⁾. Этому порядку былъ положенъ предѣлъ имперіей.

Побѣда императора надъ сенатомъ и утвержденіе монархіи было въ то же время побѣдой военнаго элемента въ государственной жизни Рима надъ гражданскимъ. Но если въ періодъ борьбы за власть армія занимала центральное положеніе въ Римскомъ государствѣ, если къ ней перешла *de facto* суверенность римскаго народа, то послѣ прочнаго утвержденія единовластія одною изъ первыхъ заботъ римскаго владыки явилось стараніе свести армію на степень необходимой функціи государственной жизни, сдѣлать ее орудіемъ въ рукахъ главы государства, отнявъ отъ нея все то значеніе, какое она имѣла въ революціонную эпоху. Армія дѣлается прежде всего постоянною ²⁾. *De facto* была она такою и прежде, но теперь санкціонируется этотъ фактъ на почвѣ законодательства. За этою общою мѣрой слѣдовала другая болѣе частнаго характера, а именно опредѣленіе продолжительности срока службы. Рядомъ съ этимъ проведена была еще одна знаменательная реформа: регламентація вознагражденія ветерановъ при выходѣ въ отставку. Прежній революціонный способъ дѣйствій полководцевъ въ области этого вопроса, при которомъ такъ часто страдали интересы италіанскихъ поземельныхъ собственниковъ, былъ теперь навсегда отмѣненъ. И сюда проникла строгая законность, которую имперія постепенно ввела во всѣ отрасли государственной жизни древняго міра. Вознагражденія, на какія могъ рассчитывать солдатъ по выслугѣ срока службы, были строго опредѣлены.

Свидѣтельства объ этихъ важныхъ реформахъ Августа имѣемъ мы у Светонія и Діона Кассія. Первый ограничивается слѣдующею короткою замѣткой: *Quidquid ubique militum esset, ad certam stipendiorum praemiorumque formulam adstrinxit, definitis pro gradu cuiusque et temporibus militiae, et commodis missionum* ³⁾. Если прежде каждый солдатъ, поступая на службу, имѣлъ надежду получить, по минованіи надобности въ его услугахъ ⁴⁾, участокъ земли въ Италіи (*terra tunc*

¹⁾ Gramatici Veteres, изданіе Лахманна. I p. 176.

²⁾ Dio Cassius, 52, 27; 56, 40, 2.

³⁾ Suet. Octav. 49.

⁴⁾ Veteranus было въ республиканскій періодъ понятіемъ противоположнымъ

praemium erat), и самъ Августъ, пока онъ былъ принужденъ бороться за власть, надѣлялъ солдатъ землею, то теперь разъ навсегда было установлено, что солдаты, по выслугѣ срока службы, имѣютъ право лишь на извѣстную сумму денегъ. Самымъ опредѣленнымъ образомъ свидѣтельствуетъ Діонъ • Кассійъ объ этой реформѣ въ слѣдующихъ словахъ: *διέταξε... τὰ χρήματα ὅσα παροῦμενοι τῆς στρατίας ἀντὶ τῆς χάρας, ἣν αἱ ἐπὶ ποτὲ ἤτοον, λήψουσιν* ¹⁾. Въ Monumentum Ancyranum, этомъ драгоценнѣйшемъ источникѣ для исторіи основателя Римской имперіи, понятія *praemia* и *rescipia* взаимно противопологаются какъ другъ друга исключаящія. Такъ на примѣръ I. 20 *rescipiam pro praemia a me dedi.*

Надѣлъ землею связанъ съ выведеніемъ получавшаго землю въ колонію или вообще съ водвореніемъ его, какъ полноправнаго члена, въ чуждой ему доселѣ городской общинѣ. Если же на мѣсто земли является опредѣленная сумма денегъ, то ветераны возвращаются въ свои прежнія *municipia*, и государство, послѣ уплаты денежной награды, не обязано было въ отношеніи къ нимъ никакою заботой. Наше утвержденіе основывается на словахъ Анкирскаго памятника. III, 22 и сл. Августъ упоминаетъ о надѣлахъ, которые онъ произвелъ въ 724 и 740 годахъ, и затѣмъ продолжаетъ такъ: *postea Ti. Nerone et M. Pisone Consulibus itemque C. Antistio et D. Laelio cos. et C. Calvisio et L. Pasieno consulibus et L. Lentulo et M. Messala consulibus et L. Caninio et Q. Fabricio consulibus veteranos emeritis stipendis in sua municipia remisit, praemia aere numerato persolvi...*

Перечисленные здѣсь консулы соотвѣтствуютъ слѣдующимъ годамъ—747, 748, 750, 751, 752. И такъ, всѣ ветераны, получившіе отставку въ эти годы, не были выведены въ колоніи и не получили земельныхъ надѣловъ, какъ это случалось прежде. Изъ противопоставленія, въ вышеприведенныхъ словахъ Августа, раздачи земли ветеранамъ и уплаты имъ денегъ, какъ двухъ фактовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ въ порядкѣ времени, мы въ правѣ заключить, что въ глазахъ самаго Августа уплата наградъ (*praemia*), деньгами была мѣрой, приведенною имъ въ замѣнъ прежней раздачи земель.

И такъ, Августъ, когда его единовластіе было прочно утверж-

---

tiro,—солдатъ уже сдѣлавшій походъ и вновь поступающій. Война могла продолжаться лишь нѣсколько мѣсяцевъ, всякій *tiro*, по ея окончаніи, былъ уже ветераномъ и имѣлъ право на вознагражденіе отъ полководца.

¹⁾ Dio Cassius 54, 25, 5.

дено, разорвалъ окончательно съ прежнимъ порядкомъ въ отношеніи арміи и на мѣсто прежней революціонной мѣры ввелъ въ практику вознагражденія солдатъ за ихъ службу строгій законный порядокъ.

II.

Переходимъ теперь къ изслѣдованію данныхъ касательно суммы вознагражденія, какъ ее установилъ Августъ, и затѣмъ — къ обзорѣ исторіи этого института до самаго его исчезновенія.

Свѣдѣнія наши по этому вопросу довольно скудны. Лишь два писателя—Светоній и Діонъ—даютъ намъ нѣсколько данныхъ; но если даютъ они немного, за то свѣдѣнія эти носятъ довольно опредѣленный характеръ и не даютъ мѣста какимъ-нибудь разнорѣчивымъ толкованіямъ ¹⁾. Діонъ Кассій въ описаніи дѣяній Августа сообщаетъ намъ, что, вмѣстѣ съ установленіемъ срока службы, Августъ опредѣлилъ также размѣры вознагражденія: 'Εψήφισθη τοῖς μὲν ἐκ τοῦ δοροφορικῆς πεντάκις χιλίας δραχμῶν, ἐπειδὴν ἑκαίδεκα ἔτη, τοῖς δὲ ἑτέροις τριῶν χιλίας ἐπειδὴν εἴκοσι στρατεύονται δίδουσαι (55,23). Считая на римскую монетную единицу, преторіанцы должны были получать двадцать тысячъ сестерцій, а легіонары—двѣнадцать. Деньги эти выплачивались изъ основанной Августомъ особенной кассы, которая носила имя *aerarium militare*. Объ основаніи и назначеніи ея мы имѣемъ свидѣтельство въ Анкирскомъ памятникѣ: *aerarium militare, quod consilio meo constitutum est, ex quo praemia darentur militibus, qui vicena plurave stipendia emeruissent...* (III, 35 sqq.). И такъ, по словамъ самаго Августа, единственное назначеніе военнаго эрарія было—выплачивать *praemiae* выслужившимъ свой срокъ и получающимъ отставку солдатамъ ²⁾.

¹⁾ Въ эпиграфическомъ матеріалѣ нѣтъ у насъ никакихъ извѣстій о *praemiae*, исключая одной надписи изъ времени императора Тиверія. Въ ней, правда, упоминается слово *praemiae*, но для исторіи вопроса она не даетъ ровно ничего. *Corpus Inscr. Lat.* V n. 5832—*veteranus sign(ifer...) aqullifer leg. V... accepit ab imperatore praemia duplicia*.

²⁾ Свѣдѣнія о военномъ эрарії имѣемъ мы также изъ Светонія и Діона. Первый въ жизнеописаніи Августа сообщаетъ слѣдующее: *utque perpetuo ac sine difficultate sumptus ad tuendas eos (milites) prosequendosque suppeteret aerarium militare cum vectigalibus novis instituit* (Octav. 49). Слова *prosequendos* и *tuendos* подали поводъ нѣкоторымъ ученымъ заключить, будто на военномъ эрарії лежала не только забота объ уплатѣ денегъ ветеранамъ (*tuendos*), но также и о

Что касается до размѣровъ суммы, которую получали ветераны, то она осталась неизмѣнною въ томъ видѣ, какъ ее установилъ Августъ, въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ—до царствованія императора Каракаллы. Но прежде чѣмъ говорить о переизмѣнѣ, которую произвѣлъ этотъ императоръ, мы должны оговорить небольшое колебаніе, имѣвшее мѣсто при императорѣ Гайѣ. Суммы, которыя государство принуждено было расходовать на ветерановъ, были, по всему вѣроятію, весьма значительны. Пускаться въ приблизительныя статистическія вычисленія—весьма рискованно; но довольно будетъ указать на то обстоятельство, что самъ Августъ не имѣлъ возможности исправно выплачивать фрагмента своимъ ветеранамъ; и многіе солдаты принуж-

навли ихъ землею (*prosequendos*). Одно уже то, что изъ словъ Августа въ *Monumentum Ancyranum* нельзя никоимъ образомъ этого вывести, позволяетъ намъ совершенно отстранить это искусственное толкованіе. Мнѣніе это разделяется и такими авторитетными людьми, какъ Hirschfeld и Rudorf. Первый изъ нихъ изложилъ свои взгляды въ статьѣ: *Das aerarium militare—Fleckeisens Jahrbücher*. 1868 (стр. 684 сл.). Что до втораго, то мы приведемъ два мѣста изъ его изслѣдованія объ аграрномъ вопросѣ—*Grammatici veteres II*, p. 332—*Augustus hat die Mittel für die Deduction der Colonien aus dem Militärarar genommen* и p. 365 — *aus ihm wurden die Landstücke gekauft*. Но у Рудорфа нѣтъ и намека на какое бы то ни было доказательство.

Кромѣ Светонія имѣемъ мы свѣдѣнія объ основаніи военнаго эрарія у Діона Кассія. Послѣдній упоминаетъ объ этомъ, разказывая событія 760 (6 по Р. X.) года. Сюда относится, между прочимъ, большое денежное пожертвованіе, которое сдѣлалъ Августъ въ военный эрарій (ср. *Monument. Ancyg. III*, 35 сл.). Діонъ сообщаетъ при этомъ также нѣсколько замѣчаній о лицахъ, на которыхъ возлагалось завѣдываніе этою кассой, но объ ея назначеніи не говоритъ намъ вовсе. Обыкновенно въ этомъ смыслѣ толкуютъ слѣдующія слова: *βλῆς καὶ τῆν τροφὴν καὶ τὰ γέρα λαμβάνουσι* (55, 24, 9), и Гиршфельдъ сопоставляетъ даже эти слова со словами Светонія—*prosequendos* и *tuendos*. Но тому, кто безъ предвзятаго мнѣнія прочтаетъ текстъ Діона въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ, совершенно невозможно согласиться съ такимъ объясненіемъ вышеприведенныхъ словъ Діона. Послѣдній упоминаетъ объ основаніи *aerarium militare*, разказывая о финансовыхъ затрудненіяхъ Августа (55, 24, 9, 25). При тогдашнемъ числѣ налоговъ Августу не хватало денегъ на военныя потребности государства. Онъ прибѣгаетъ сначала къ добровольнымъ пожертвованіямъ, затѣмъ самъ даетъ большую сумму денегъ въ военный эрарій, и наконецъ, устанавливаетъ для поддержанія новой кассы два новыхъ налога—*vigesima hereditatum* и *centesima rerum venalium*. Въ такой послѣдовательности излагается дѣло у Діона, и потому мнѣ кажется, что стоящія въ началѣ слова: *βλῆς τροφὴν καὶ γέρα λαμβάνουσι* никакъ не имѣютъ того смысла, какой имъ хочетъ дать Hirschfeld.

дены были ожидать своихъ наградъ, оставаясь въ строю долго послѣ срока службы. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ свидѣтельствуетъ Тацитъ, по поводу возстанія, которое разразилось въ Германіи и Панноніи въ первый годъ правленія Тиверія. Не лишено интереса указать при этомъ случаѣ и на то, что вопросъ о срокѣ службы дважды рѣшался Августомъ. Сначала Августъ принялъ такіе сроки: для преторіанцевъ — двѣнадцать лѣтъ, и для легіонаровъ — шестнадцать, какъ мы знаемъ о томъ изъ Діона ¹⁾; но затѣмъ, не имѣя возможности выплачивать праемія, такъ какъ число ветерановъ было при этихъ срокахъ весьма велико, Августъ установилъ новые сроки, а именно: для преторіанцевъ — шестнадцать, и для легіонаровъ двадцать лѣтъ, какъ мы знаемъ опять изъ того же Діона ²⁾. Но и при этихъ болѣе продолжительныхъ срокахъ военный эрарій не обладалъ достаточными средствами, чтобъ уплачивать праемія всѣмъ въ срокъ, и потому по смерти Августа оказалось въ арміи (какъ сообщаетъ Тацитъ) большое число солдатъ, которые оставались на службѣ тридцать и даже сорокъ лѣтъ ³⁾. Ревнивый къ своимъ правамъ, императоръ Тиверій былъ весьма строгъ въ отношеніи къ арміи. Онъ достигъ императорскаго сана по выбору сената, а потому и чувствовалъ себя совершенно независимымъ отъ солдатъ. Светоній въ его біографіи даетъ намъ прямое свидѣтельство объ этомъ: *militi nihil unquam largitus est* ⁴⁾. Институтъ праемія не былъ отиѣненъ, но въ это царствованіе было сильно замѣтно стараніе правительства удерживать ветерановъ при знаменахъ по выслугѣ лѣтъ службы. Въ организаціи римскаго войска существовала для этого особая форма. Мы разумѣемъ *vexillatio veteranorum*, о которой такъ часто идетъ рѣчь въ надписяхъ. Самый фактъ засвидѣтельствованъ въ слѣдующихъ словахъ Светонія: *missiones veteranorum garissimas fecit* ⁵⁾. Но какъ бы то ни было, при Тиверіи не было сдѣлано ни одного шага къ отиѣнѣнью права ветерановъ на денежныя награды по окончаніи службы. Шагъ этотъ былъ сдѣланъ при преемникѣ Тиверія, если

¹⁾ Dio Cassius 54, 25. Воспоминаніе объ этихъ старыхъ болѣе легкихъ срокахъ долго живо въ арміи; возмущившіеся легіоны германскіе (въ 14 году) хотѣли добиться ихъ восстановленія.

²⁾ Dio Cassius 55, 23.

³⁾ Tacitus Ann. I, 17.

⁴⁾ Suet. Tib. 48.

⁵⁾ Ibid.

не въ смыслѣ окончательнаго упраздненія этого института, то въ формѣ уменьшенія установленной Августомъ суммы. *Exerciti rescendo*—говоритъ Светоній въ жизнеописаніи Гайя—*commoda emeritae militiae ad sex milium summam rescidit* ¹⁾). Теперь сами собою ставятся вопросы: 1) простиралась ли эта мѣра на всю армию? и 2) была ли она послѣдовательно проведена и сохранилась ли послѣ смерти Калигулы?

Изъ связи, въ какой являются эти факты въ разказѣ Светонія, можно, какъ мнѣ кажется, отвѣчать отрицательно на эти вопросы. Мѣра эта проводится въ бытность Гайя при германской арміи, на ряду со многими другими, которыми императоръ хотѣлъ показать свою заботу о поддержаніи дисциплины въ войскахъ. Съ большою вѣроятностью можно предположить, что преемникъ Гайя, обязанный солдатамъ своимъ возвышеніемъ на престолъ и позорно купившій его у солдатъ, не придерживался въ вопросѣ объ уплатѣ ветеранамъ ихъ наградъ распоряженія своего предшественника и воротился къ тому образу дѣйствій, какой былъ веденъ Августомъ.

Отъ времени императора Клавдія нѣтъ въ нашихъ источникахъ какого бы то ни было извѣстія о реформѣ въ этомъ вопросѣ до эпохи императора Карагаллы. Ко времени послѣдняго относится значительное увеличеніе суммы вознагражденія. Діонъ Кассій сообщаетъ намъ слѣдующее: *τοῖς στρατιώταις ἄλλα τῆς στρατείας, τοῖς μὲν ἐν τῷ δοροφορικῷ τεταγμένοις ἑξάκις χιλίας διακοσίας πεντήκοντα, ταῖς δὲ πεντάκις χιλίας λαμβάνειν* ²⁾). 6250 драхмъ составляютъ 25 тысячъ сестерцій, пять тысячъ драхмъ — двадцать тысячъ сестерцій, что составляетъ противъ прежнихъ цифръ (двадцать и двѣнадцать тысячъ) значительное увеличеніе ³⁾). Военный эрарій, изъ котораго уплачивались деньги ветеранамъ, опирался главнымъ образомъ на налогъ *vigesima hereditatum*, который былъ введенъ Августомъ при основаніи этой кассы. Не безынтересно поэтому указать на то, что именно тотъ императоръ, который увеличилъ сумму *praemia*, удвоилъ также и этотъ налогъ (*ἀντὶ τῆς εἰκοστῆς ἢ δεκάτης*) ⁴⁾).

¹⁾ Sueton. Gaius, 44.

²⁾ Dio Cassius, 77, 24. Мы читаемъ съ исправленіемъ, предложеннымъ Lange.

³⁾ Надо впрочемъ замѣтить, что римская монета въ эпоху Карагаллы сильно понизилась въ цѣнѣ противъ перваго вѣка имперіи. См. Marquardt, *Staatsverwaltung*, II, p. 69 sqq.

⁴⁾ Dio Cassius, 77, 9, 4.

Вышеприведенное мѣсто Діона есть послѣднее наше извѣстіе объ уплатѣ денегъ ветеранамъ. Если мы поставимъ вопросъ о томъ: какъ долго сохранился въ римской государственной практикѣ обычай платить этотъ единовременный пансіонъ получающимъ отставку солдатамъ, — то надо сказать, что наши источники не дадутъ на него прямого отвѣта. Косвенныя указанія можно извлечь изъ тѣхъ извѣстій, какія мы имѣемъ касательно аераріумъ militare. Мы разумѣемъ надписи, въ которыхъ упоминаются завѣдывавшіе этимъ казнохранильщикомъ префекты (praefecti aerarii militaris). Въ настоящемъ случаѣ важность имѣютъ для насъ болѣе позднія по времени. Такъ, до насъ дошла одна надпись изъ времени императора Коммода ¹⁾.

S. SABVCIO. C. F. QVIR·MAIORI — — — PRAEF·AERARI·MIL.

Отецъ императора Элагабала, Sex. Varius Marcellus, былъ также префектомъ военнаго эрарія, какъ свидѣтельствуетъ надпись, сдѣланная на его гробѣ по приказанію его жены ²⁾. Наконецъ послѣдняя по времени надпись относится къ царствованію императора Александра Севера ³⁾.

P. IVLIO·IVNIANO·MARTILIANO·C·V· — — —
— — — PRAEFECTO·AERARI·MILITARIS· — — —

Это послѣднее свидѣтельство позволяетъ намъ предполагать, что при Александрѣ Северѣ уплата наградъ ветеранамъ еще продолжала существовать; но во всякомъ случаѣ институтъ этотъ не пережилъ третьяго вѣка нашей эры. То было бурное время для Римской имперіи: снаружи тѣснили ее варвары, внутри—раздирали смуты „тридцати тиранновъ“. Въ такое время не было возможности заботиться объ обезпеченіи ветерановъ. По всему вѣроятію, отмѣна этого института не была связана съ какимъ-нибудь государственнымъ актомъ, упразднявшимъ его; но онъ просто вышелъ изъ употребленія и былъ забытъ.

Въ законодательныхъ актахъ четвертаго вѣка возобновляются наши свѣдѣнія обо всѣхъ сторонахъ государственной жизни древняго міра, но при всемъ богатствѣ источниковъ въ области военныхъ древностей не слышно болѣе ни слова о правахъ ветерановъ на еди-

¹⁾ Wilmanns, Exempla Inscriptionum latinarum, n. 1196.

²⁾ Латинскій и греческій текстъ этой надписи—Wilmanns, n. 1208.

³⁾ Wilmanns, n. 1214.

новременное денежное пособие отъ государства. Институтъ *praemia militiae* пересталъ существовать.

III.

Обезпеченіе солдатъ деньгами при выходѣ ихъ въ отставку было—какъ мы говорили выше—замѣной прежняго обычая награждать ихъ землей. Но и послѣ установленія этого новаго порядка надѣлъ солдатъ землею не прекратился. Въ теченіе всего перваго и втораго вѣка попадаются то у писателей, то въ подписяхъ, указанія на факты этого рода. Самъ собою ставится вопросъ: въ какомъ отношеніи находится выведение солдатъ въ колоніи (*deductio*) и надѣлъ ихъ землею къ новому порядку уплаты *praemia* деньгами?

Наши источники не даютъ намъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ; что же до попытокъ объясненія, то мы, съ своей стороны, предлагаемъ слѣдующую: Августъ снялъ съ государства обязанность обезпечивать важдаго ветерана поземельнымъ надѣломъ, которую создали полководцы въ періодъ борьбы за *imperium*; но онъ не имѣлъ въ то же время никакой надобности ограничивать себя на будущее время, а потому за государствомъ осталось право замѣнять по своему усмотрѣнію деньги землею.

Бывали ли такіе случаи при Августѣ послѣ тѣхъ дедукцій, какія были имъ предприняты непосредственно послѣ битвы при Акціумѣ и затѣмъ около 740 (14) года,—объ этомъ нѣтъ извѣстія въ нашихъ источникахъ ¹⁾. Для времени Тиверія и Гаяя наши источники опять таки совершенно молчатъ объ этомъ; но при двухъ послѣднихъ императорахъ изъ дома Юліевъ—при Клавдіи и Неронѣ, надѣлъ ветерановъ землей и выведение ихъ въ колоніи засвидѣтельствовано са-

¹⁾ Есть одно мѣсто у Тацита, которое принято истолковывать въ такомъ смыслѣ, но на немъ, какъ мнѣ кажется, весьма трудно основываться. Разумно мѣсто изъ рѣчи Песценнія къ вѣбунтовавшимся солдатамъ германскаго войска: *Appales I, 17: Ac si quis tot casus vita superaverit, trahi adhuc diversas in terras, ubi per nomen agrorum uligines paludum et inculta montium accipiant.* Мнѣ кажется, что одно уже то, что эти слова составляютъ часть рѣчи, ослабляетъ ихъ значеніе. Тацитъ старается собрать все, на что солдатъ можетъ жаловаться, и въ данномъ случаѣ онъ перенесъ въ прошлое условія своего времени: въ концѣ перваго и въ началѣ втораго вѣка подобныя надѣлы землею въ далекихъ углахъ провинцій были дѣйствительно часты (какъ будетъ указано въ дальнѣйшемъ изложеніи), но для эпохи Августа и Тиверія — это болѣе нежели сомнительно.

нимъ положительнымъ образомъ. Мы попытаемся дать по возможности полный перечень этихъ фактовъ, но прежде этого необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній болѣе общаго характера.

Право вѣдать землею, принадлежащей римскому народу (*ager publicus*), входитъ въ прерогативы императорской власти съ самаго начала монархическаго порядка въ Римѣ. Оно перешло въ имперію какъ традиція прошлаго. Полководцы республиканскаго Рима революціонной эпохи постоянно добивались права распоряжаться „общественною землею“. Имъ обыкновенно удавалось получить это право законнымъ путемъ—черезъ комиціи (*lex de agris dandis adsignandis* или *lex de coloniis deducendis*), и они примѣняли его затѣмъ въ своихъ видахъ, а именно надѣляли землею своихъ ветерановъ. Часто полководцамъ не хватало общественной земли для удовлетворенія требованій солдатъ; въ такомъ случаѣ они не задумывались прибѣгать къ депоседированію собственниковъ. Такъ было при Суллѣ, такъ было и при триумвирахъ. Со времени утвержденія монархіи право вѣдать *ager publicus* принадлежитъ нераздѣльно императору. Это случилось не въ силу какого-нибудь закона или формальнаго распоряженія, но вошло въ комплектъ правъ императора какъ фактъ. Августъ въ первые же годы своего единовластія вознаградилъ собственниковъ за отнятыя отъ нихъ въ прежнее время земли ¹⁾. Въ этомъ событіи заключалось торжественное признаніе неприкосновенности частной собственности. Что же касается до *ager publicus*, то тутъ императоръ удержалъ за собою абсолютное право вѣдѣнія и распоряженія.

Въ вопросѣ о правѣ собственности на землю существовало въ Римскомъ государствѣ огромное различіе между Италіей и провинціями. Такъ какъ оно имѣетъ существенное значеніе для нашего вопроса, то намъ необходимо остановить здѣсь на немъ вниманіе. Различіе это состояло въ томъ, что только въ Италіи земля могла принадлежать въ полную собственность по римскому праву; что же до провинцій, то ихъ территорія съ точки зрѣнія права была *ager publicus*. Легко видѣть, какія важныя практическія послѣдствія должно было повлечь за собою это теоретическое различіе. Въ виду этого мы разсмотримъ сначала факты исторіи надѣла солдатъ, имѣвшіе мѣсто въ Италіи, а потомъ перейдемъ къ провинціямъ.

Ager publicus, который образовался въ Италіи въ періодъ ея завоеванія, и съ исторіей котораго связаны имена государственныхъ

¹⁾ Monumentum Ancyranum, III, 22 сл.

дѣятелей отъ Спурія Кассія до Юлія Цезаря, этотъ историческій *ager publicus* не дошелъ до имперіи. Переходъ его въ частное владѣніе совершался двойнымъ путемъ: съ одной стороны, государство отчуждало его въ пользу оккупировавшихъ его богачей ¹⁾, съ другой — пользовалось имъ для основанія колоній и раздачи гражданамъ мелкими участками. Еще ранніе имперіи полководцы принуждены бывали прибѣгать къ насильственному захвату частной собственности для удовлетворенія требованія ветерановъ. Гдѣ же слѣдуетъ искать тотъ *ager publicus*, которымъ могли располагать императоры?

Существованіе *ager publicus* въ Италіи находитъ себѣ объясненіе въ общемъ отношеніи государства къ землѣ, на которой была основана колонія. Дѣло въ томъ, что всѣ участки, оказавшіеся по какимъ бы то ни было причинамъ безъ владѣльцевъ, считались собственностью государства ²⁾. Причины, по которымъ участки могъ оказаться безъ владѣльца, могли быть слѣдующія: во первыхъ — если владѣлецъ умеръ безъ наслѣдниковъ и завѣщанія; во вторыхъ — если владѣлецъ покинулъ свой участокъ. Послѣдній случай повторялся нерѣдко въ военныхъ колоніяхъ, что и весьма понятно, если принять въ соображеніе, каковъ былъ контингентъ колонистовъ ³⁾.

Былъ и еще одинъ общій фактъ, благодаря которому оставались въ разныхъ городахъ Италіи участки земли, принадлежащіе государству. Мы разумѣемъ вопросъ о *subseciva*. *Subseciva* существовали въ городахъ, основанныхъ Римлянами, какъ результатъ ихъ системы межеванія. Какъ извѣстно, территория колоніи дѣлилась на *centuriae*, четырехугольные участки размѣромъ въ двѣсти югеровъ. Формы, какія допускало традиціонное искусство землемѣровъ, были — квадратъ, прямоугольникъ и ромбъ. Все, что не могло войти въ эти правильныя фигуры, оставалось внѣ раздѣла. Кромѣ того могло случиться, что при выведеніи колоніи число участковъ превосходило число колонистовъ; въ такомъ случаѣ оказывались въ территоріи города участки, никому не принадлежащіе.

¹⁾ Главное значеніе въ этомъ вопросѣ принадлежитъ закону 111 (643) года; см. Marquardt, Staatsverwaltung. I, 441 sq.

²⁾ Мы не беремся доказывать этого относительно древнихъ колоній, но что касается до *coloniae militares*, то въ корпусѣ грамматиковъ не мало указаній на такое отношеніе государства.

³⁾ Примѣры — *Siculus Flaccus* — Gram. vet. I, 162; Tacitus Ann., 14, 27 по поводу колонизаціи Анціума и Тарента.

Всѣ подобнаго рода земли, какъ не вошедшія вовсе въ раздѣлъ, такъ и не доставшіяся никому въ частную собственность, назывались *subseciva*. Временно всѣ они принадлежали городской общинѣ, въ области которой онѣ находились. Но право собственности на нихъ принадлежало государству, и потому города обязаны были платить государству за пользованіе ими извѣстный налогъ ¹⁾.

И такъ участки, покинутые своими владѣльцами или выморочные и *subseciva*, представляли въ Италіи тотъ *ager publicus*, располагать которымъ могли императоры. Само собою разумѣется, что у нихъ былъ всегда въ рукахъ способъ создать *ager publicus* путемъ покупки, и они—какъ мы будемъ имѣть случай указать впоследствии—дѣйствительно прибѣгали къ этому образу дѣйствій.

Послѣ этихъ замѣчаній мы переходимъ къ перечисленію отдѣльныхъ фактовъ по вопросу о надѣлѣ земли ветеранамъ въ Италіи. Матеріалъ, какимъ въ настоящее время обладаетъ наука, не представляетъ большаго изобилія; слѣдуетъ впрочемъ прибавить, что врядъ ли можно надѣяться на увеличеніе нашихъ свѣдѣній по этому вопросу въ будущемъ, такъ какъ эпиграфическія находки послѣднихъ десятилѣтій не прибавили, можно сказать, ничего къ тому, что было извѣстно въ этой области ²⁾.

Первое извѣстіе, какое мы имѣемъ о надѣлѣ земли ветеранамъ въ Италіи въ императорскій періодъ Рима, принадлежитъ эпохѣ Клавдія. Городъ *Teanum Sidicinum*, въ Кампаніи, былъ колонизованъ при этомъ императорѣ, какъ свидѣтельствуетъ его имя, дошедшее до насъ на двухъ надписяхъ ³⁾—*COL. CL(audia) FIRMA. TEANVM*. Къ сожалѣнію, эти двѣ надписи составляютъ нашъ единственный источникъ въ этомъ случаѣ, а потому намъ приходится ограничиться по отношенію къ этому факту однимъ лишь допущеніемъ, что колонія была туда выведена ⁴⁾. Изъ времени Нерона свѣдѣнія наши уже много богаче. Тацитъ называетъ четыре города, куда въ это царствованіе были выведены ветераны, а именно—*Carua, Nu-*

¹⁾ *Gramatici Veteres*. I 132, 81, 6, 7.

²⁾ Въ настоящее время надписи Италіи подвергнуты новой обработкѣ профессоромъ Моммзенемъ. Онѣ составятъ IX и X томы *Corpus Inscriptionum Latinarum*.

³⁾ *Inscriptiones Regni Neapolitani*, nn. 3989 и 3999.

⁴⁾ *Liber coloniarum*, pp. 232, 10 и 238, 19, говоритъ о выведеніи ветерановъ при Клавдіи въ Кумы и Велитры, но такъ какъ мы приняли эту книгу за апокризъ, то мы оставляемъ безъ вниманія эти данныя.

ceria, Tarentum, Antium ¹⁾). Тацитъ не оставляетъ насъ въ невѣдѣніи касательно цѣлей, которыя руководили въ данномъ случаѣ правительствомъ. Въ первыхъ трехъ городахъ поселеніе ветерановъ было вызвано обезлюденіемъ ихъ; прискорбный фактъ этотъ не былъ чѣмъ нибудь исключительнымъ въ тогдашней Италиі. Правительству приходилось заботиться объ укрѣпленіи городовъ—*firmare colonias, locorum infrequentiae subvenire*, какъ выражается Тацитъ. Производить колонизацію, посылая солдатъ въ колоніи, было въ то время традиціей, а потому совершенно естественно, что прибѣгли къ выведенію ветерановъ и при Неронѣ, когда опустѣніе древнихъ городовъ привлекло на себя вниманіе правительства. Забота объ обезпеченіи солдатъ не играла тутъ ровно никакой роли; напротивъ того: правительство воспользовалось ветеранами для достиженія государственныхъ цѣлей.

Что до четвертаго изъ вышеназванныхъ городовъ — колоніи Antium, то выведеніе сюда ветерановъ было вызвано особеннымъ обстоятельствомъ. Въ этомъ городѣ родился Неронъ. Выведеніе въ него ветерановъ было дѣломъ честолюбія императора: онъ хотѣлъ придать городу больше блеска, а потому въ число его гражданъ приписаны были богатые примипилары и преторіанцы. *Antium coloniam deduxit—* говоритъ Светоній ²⁾—*adscriptis veteranis e praetorio additisque per domicilii translationem ditissimis primipilariis*. Муниципальная жизнь въ древней Италиі налагала на богатыхъ гражданъ обязанность дѣлать щедрые подарки городу: такъ, напримѣръ, воздвигать статуи, предпринимать постройки общественныхъ зданій и т. д.; а поэтому естественно было ожидать, что приливъ богатыхъ гражданъ въ Анціумъ послужитъ къ украшенію и обогащенію города.

Послѣ смерти Нерона наступилъ двухлѣтній періодъ борьбы за имперію, окончившійся утвержденіемъ Флавіевъ на престолѣ Юліевъ. Подъ управленіемъ перваго императора изъ новой династіи слышимъ мы гораздо чаще, чѣмъ при прежнихъ, о надѣлѣ солдатъ землею. Сюда относится, во первыхъ—свидѣтельство Гигина о раздачѣ земель въ Самніумѣ: *comperi in Samnio, uti quos agros veteranis divus Vespasianus assignaverat* ³⁾. Къ сожалѣнію, надписи не даютъ намъ въ

¹⁾ Tacitus Ann. 14, 27 и 13, 31.

²⁾ Sueton. vita Neronis. 9.

³⁾ De generibus controvers. Grom. Veteres. I, 131, 17.

этомъ случаѣ никакой помощи ¹⁾). Вовторыхъ—въ области древняго Сабинума есть у насъ надпись изъ города Reate, которая говоритъ о ветеранѣ, получившемъ земельный надѣлъ въ его территоріи ²⁾:

— — — VETERANVS. LEG. VIII. AVG.

DEDVCTVS. AB. DIVO VESPASIANO.

QVIRIN. REATE. — —

Втретьихъ—въ Кампаніи древняя колонія Puteoli получаетъ имя COL. FL. AVG. PVTEOLI. Имя Flavia несомнѣнно указываетъ на то, что населеніе этого города было увеличено при Флавіяхъ выведеніемъ ветерановъ ³⁾.

Есть нѣкоторая вѣроятность, что и Капуа получила новыхъ колонистовъ около того же времени. Въ такомъ смыслѣ можно истолковать слѣдующія надписи, найденныя на территоріи этого города:

VET. LEG. XII. FVL.—Inscriptiones Regni Neapolitani n. 3627

— — — LEG. V. MAC. " " " " n. 3630

VET. LEG. X. FRETENSIS. " " " " n. 3629

Всѣ эти три легіона стояли въ Іудеѣ подъ командой Веспасіана, *vetus Vespasiani miles*, какъ называется ихъ Тацитъ ⁴⁾.

Наконецъ, вчетвертыхъ—въ Луканіи. Здѣсь въ городъ Paestum выведены были солдаты мизенскаго флота. Объ этомъ фактѣ говоритъ намъ одинъ изъ недавно открытыхъ военныхъ дипломовъ, выданный отъ имени Веспасіана въ 71 году ⁵⁾. Мы приводимъ изъ него нѣсколько строкъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ нашему вопросу:

VETERANIS. QVI. MILITAVERVNT IN.

CLASSE MISENENSI. — — —

ET. SVNT. DEDVCTI. PAESTVM. — — —

¹⁾ Одна надпись изъ Bovianum могла бы быть истолкована въ этомъ смыслѣ, если читать ее такъ, какъ она издана профессоромъ Моммзеномъ въ *Inscriptiones Regni Neapolitani*—n. 4987:

— — — VESPASIANI. — — D. LEG. XI. CL.

Букву D проф. Моммзенъ объясняетъ прежде какъ сокращеніе слова *deductus*; но при новой обработкѣ италянскихъ надписей онъ убѣдился, что слѣдуетъ читать не D, а C то-есть, *centurio*. Въ виду этого мы исключаемъ эту надпись изъ разсмотрѣнія: присутствіе центуріона ровно ничего не доказываетъ въ нашемъ вопросѣ.

²⁾ Wilmanns, n. 2095.

³⁾ *Inscr. R. N.*, nn. 2492, 2493, 2495, 2491.

⁴⁾ Tacitus *Hist.* V, 1.

⁵⁾ *Ephemeris Epigraphica*, II, p. 457 sqq.

Это сравнительное изобиліе извѣстій о надѣлѣ земли ветеранамъ изъ времени императора Веспасіана не можетъ быть простымъ случаемъ. Съ большою вѣроятностью можно допустить, что самые факты этого рода были при немъ чаще, чѣмъ при другихъ императорахъ.

Причину же тому слѣдуетъ искать въ томъ пути, какимъ Веспасіанъ достигъ трона. Ему выпало на долю завоевать Италію, чего не приходилось дѣлать ни одному изъ его предшественниковъ со времени Юлія Цезаря. Надѣляя солдатъ землею, Веспасіанъ вознаграждалъ ихъ за труды и опасности, понесенные ими во славу его имени. Говоря объ этихъ фактахъ, нельзя оставить безъ вниманія слѣдующее обстоятельство: Всѣ наши источники называютъ Веспасіана въ одинъ голосъ „бережливымъ“; какъ же удалось ему, не приводя никакой революціонной мѣры, надѣлять солдатъ землею въ Италіи? Разгадку даетъ намъ въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, извѣстіе объ отношеніи Веспасіана къ Subseciva. Онъ требовалъ строгаго соблюденія правъ государства на эти земли. Subseciva omnia—говоритъ Гигинъ ¹⁾—*quae non vaniissent aut aliquibus personis non cessassent, sibi vindicasset*. По всему вѣроятію, границы между землей, принадлежащею городу и находившеюся только въ пользованіи у него, приходили съ теченіемъ времени въ забвеніе, и налогъ за право пользованія не выплачивался. Веспасіанъ попытался ввести строгую отчетность этого отношенія. Сохраняя за государствомъ право собственности на subseciva, онъ имѣлъ подъ руками большую возможность замѣнять уплату праемія земельнымъ надѣломъ.

Но вскорѣ послѣ Веспасіана вопросъ о subseciva подвергся коренной реформѣ. Императоръ Домиціанъ предоставилъ всѣ земли этого рода въ полную собственность тѣмъ, у кого онѣ были во владѣніи въ моментъ изданія эдикта. Четыре автора свидѣтельствуютъ объ этой мѣрѣ—Светоній, Гигинъ, Фронтинъ и Агенній Урбигъ ²⁾. Намъ трудно оцѣнить теперь значеніе этой мѣры съ положительной стороны при полной невозможности собрать какія бы то ни было статистическія данныя по этому вопросу. По существу же этотъ эдиктъ Домиціана представляетъ большую аналогію съ закономъ 111 года до Р. Х., въ которомъ государство отказалось отъ права собственности на земли, занятыя оптиматами. Теперь повторилось, въ мень-

¹⁾ Gromatici veteres I, p. 132 sqq.

²⁾ Frontinus Grom. Vet., p. 54, 11. Agennius Urbicus ibid., p. 81. Hyginus—ibid., p. 133, 13. Sueton. Vita Domitiani, c. 9.

шихъ размѣрахъ, то же самое. Эдиктъ Домиціана былъ принятъ современниками какъ большое благодѣяніе. Онъ долженъ былъ повлечь за собою большое облегченіе въ торговыхъ оборотахъ съ землею.

Въ данномъ случаѣ для насъ важно указать на тотъ результатъ распоряженія Домиціана, что съ его проведеніемъ *ager publicus* въ Италіи былъ доведенъ до своего *minimum*'а, а потому и возможность надѣла солдатъ землею была на будущее время сильно затруднена. Помимо выморочныхъ владѣній въ колоніяхъ (о чемъ мы говорили выше) оставался только одинъ способъ добывать *ager publicus* для надѣловъ, а именно: покупать землю у частныхъ людей. Такъ и случилось дѣйствительно: преемникъ Домиціана, императоръ Нерва, принявъ рѣшеніе вывести нѣсколько колоній въ Италіи, дѣлаетъ прежде всего распоряженіе о покупкѣ земли подъ колоніи ¹⁾.

Какія колоніи были выведены Нервой—этого мы не знаемъ; но дошла до насъ одна надпись изъ Нолы, въ которой рѣчь идетъ о солдатахъ, получившемъ надѣлъ въ этомъ городѣ по распоряженію императора Нервы ²⁾:

MIL. EEG. XV. APOLL. MIL. CON. XI. VRB.
VETERANO. CON. EIV(sdem)
DEDVCTO. A. DIVO. N(erva)

Эта надпись есть послѣднее по времени свидѣтельство о надѣлѣ ветерановъ землею въ Италіи. Матеріаль, которымъ обладаетъ наука въ настоящее время, не даетъ для позднѣйшаго времени ни одного намека на какой-нибудь фактъ этого рода. Этимъ мы и заканчиваемъ отдѣлъ нашего изслѣдованія, посвященный Италіи, и переходимъ въ провинціямъ.

IV.

Мы уже имѣли случай отмѣтить разницу, какая была между Италіей и провинціями въ отношеніи правового положенія земли и поземельной собственности. Всякая провинціальная территорія была съ точки зрѣнія права—*ager publicus*; провинціалъ былъ по этому на своей землѣ не собственникъ, а только *possessor*, право же собственности на землю принадлежало римскому народу или императору, на котораго пере-

¹⁾ Свидѣтельства, сюда относящіяся, собраны у Моммзена: *Staatsrecht* II, 955.

²⁾ *Inscr. R. Near.*, n. 1993.

шла суверенность народа. *In solo provinciali*—говорит юристъ Гай—*dominium populi Romani est vel Caesaris, nos autem possessionem tantum vel usufructum habere videmur* ¹⁾).

Такимъ положеніемъ провинціальной земли объясняется та свобода, съ какою Римляне выбирали мѣста для своихъ колоній, прокладывали свои прямыя и широкія дороги и отчуждали землю участками въ пользу того или другаго гражданина ²⁾. То же самое отношеніе выражалось въ тѣхъ налогахъ, какими облагалась поземельная собственность въ провинціяхъ, въ противоположность Италіи, гдѣ, какъ извѣстно, земля была свободна отъ податей ³⁾. Налогъ лежалъ на самой землѣ, а потому и взимался со всякаго, кто владѣлъ ею независимо отъ того, былъ ли онъ римскій гражданинъ, или провинціалъ. Здѣсь у мѣста будетъ замѣтить, что Римляне придумали въ послѣдствіи способъ освобождать себя и въ провинціяхъ отъ уплаты поземельной подати: для этого создана была форма *jus italicum*. Римскіе города, получавшіе это право, считались стоящими на италіанской землѣ, а потому и не платили поземельной подати со своихъ территорій. Врочемъ эти маленькіе оазисы терялись на огромномъ пространствѣ провинцій Римской имперіи, и въ общемъ можно разсматривать всю провинціальную землю подлежащую уплатѣ поземельной подати.

Выведеніе римскихъ колоній въ провинціи не было въ императорскій періодъ дѣломъ новымъ: оно началось еще со времени Гаю Гракха. Но цѣли, какія преслѣдовались тогда, были существенно

¹⁾ Gai Institutiones II, 7.

²⁾ Факты этого рода случались еще въ третьемъ вѣкѣ нашей эры, какъ свидѣтельствуемъ о томъ одно мѣсто юриста Павла, дошедшее до насъ въ Дигестахъ 21, 2, 11. Нѣкто купилъ землю въ провинціи Германіи на берегу Рейна и уплатилъ часть ея стоимости. Но прежде чѣмъ онъ вошелъ во владѣніе своимъ приобрѣтеніемъ, оказалось, что правительство обратило часть этого имѣнія на участки ветеранамъ. Покупщикъ, въ виду уменьшенія приобрѣтенной имъ земли, отказывается уплатить всю сумму, за которую было ему продано имѣніе. Дѣло переносится на судъ римскаго юриста, и онъ рѣшаетъ его въ пользу продавца. И такъ надъ провинціальной землей лежала всегда тяжелымъ бременемъ опасность отчужденія ея въ пользу государства или въ пользу частнаго лица, которому правительство считаетъ себя почему либо обязаннымъ доставить поземельную собственность.

³⁾ Привилегированное положеніе Италіи продолжалось до конца третьяго вѣка. Императоръ Діоклеціанъ сравнилъ Италію съ провинціями. Marquardt, R. Staatsverwaltung, I, 80.

отличны отъ тѣхъ, которыя имѣло въ виду императорское правительство. Провинціальныя колоніи Августа стоятъ на рубежѣ двухъ эпохъ и потому не представляютъ чистаго типа, какой носятъ позднѣйшія, а потому мы, оставляя ихъ въ сторонѣ, обращаемся къ колоніямъ, выведеннымъ при преемникѣ Августа.

Наши источники не даютъ намъ никакихъ свѣдѣній касательно выведенія колоній въ провинціи при двухъ первыхъ преемникахъ Августа: лишь начиная съ эпохи Клавдія знаемъ мы факты этого рода. Мы склонны думать, что отсутствіе свѣдѣній не есть простой случай, а что дѣйствительно только со времени Клавдія начинаются дедукціи; причину тому слѣдуетъ, по всему вѣроятію, искать въ слѣдующемъ: Царствованіе Клавдія отличается отъ двухъ предшествующихъ особенно рѣзко въ одномъ отношеніи: оно богато внѣшними войнами, а съ войнами шло рядомъ основаніе колоній. Такъ, на западѣ была присоединена къ имперіи цѣлая провинція — Британнія. Послѣ перваго удачнаго похода, совершеннаго подѣ личнымъ командованіемъ императора, была возведена колонія ветерановъ въ кельтское селеніе *Samulbdunum*. Ей было дано имя *Colonia Claudia Viericensis*, при чемъ послѣдній эпитетъ долженъ былъ напоминать о побѣдѣ императора надъ кельтскими племенами ¹⁾. Объ основаніи Камуладунума Тацитъ говоритъ слѣдующими словами: *colonia Samuladunum Valida veteranorum manu deducitur in agros captivos, subsidium adversus rebelles et imbuendis sociis ad officia legum* ²⁾. И такъ, эта колонія соответствуетъ тому же самому назначенію, какое имѣли колоніи перваго періода римской исторіи: она должна служить какъ *propugnaculum imperii Romani*.

На другой окраинѣ имперіи — въ Африкѣ видимъ то же самое. Царь Мавретаніи, Птолемей, былъ умерщвленъ въ Римѣ по приказу Калигулы. Клавдій, по возшествіи на престолъ, хотѣлъ сдѣлать страну римскою провинціей. Это удалось ему только послѣ двухлѣтней войны ³⁾. Когда страна была окончательно умиротворена, туда были выведены слѣдующія колоніи: двѣ—въ западной половинѣ Мавретаніи—*Liscas* и *Tingi*, одна—въ восточной—*Oppidum Novom* ⁴⁾.

¹⁾ *Corpus Inscr. Lat.* VII, p. 33.

²⁾ *Tacitus Ann.* 12,32.

³⁾ *Dio Cassius*, 60, 8, 9.

⁴⁾ *Plinius. Nat. Hist.* V, 1,2 и 3 *ibid.* 20: *eiusdem (Claudii) iussu deductis veteranis oppidum Novom*. Мы пока оставляемъ въ сторонѣ то обстоятельство,

Въ восточной половинѣ имперіи знаемъ мы также нѣсколько колоній Клавдія. Такъ, во первыхъ, въ Финикіи Colonia Claudia Caesaris Ptolemais, о которой сообщаетъ Плиній ¹⁾. Касательно этой колоніи знаемъ мы даже, какимъ легионамъ принадлежатъ выведенные сюда ветераны: то были — шестой, девятый, десятый и одиннадцатый, какъ свидѣтельствуется одна монета, принадлежащая этому городу ²⁾. Что касается до причинъ, вызвавшихъ основаніе этой колоніи, то изъ географическаго ея положенія можно заключить, что оно состоялось подъ вліяніемъ присоединенія Іудеи къ провинціи Сиріи ³⁾. Наконецъ, на Балванскомъ полуостровѣ относится къ тому же царствованію если не основаніе одной колоніи, то по крайней мѣрѣ усиленіе въ ней римскаго элемента: а именно Colonia Aepensis—во Фракіи носятъ всегда имя Claudia ⁴⁾. Въ 46 году стала эта страна римскою провинціей, а потому совершенно естественно, что около того же времени былъ усиленъ лежавшій въ ней римскій городъ.

Во всѣхъ вышеперечисленныхъ колоніяхъ ясно видны стратегическія цѣли правительства. Основаніе другихъ если и не преслѣдуетъ прямо стратегическія цѣли, то во всякомъ случаѣ ясно свидѣтельствуется о заботахъ правительства объ укрѣпленіи римскаго элемента въ далекихъ провинціяхъ. Такія колоніи были: Archelais въ Каппадоніи ⁵⁾, Colonia Claudia Aequum въ Далмаціи ⁶⁾, Colonia Claudia Savaria въ Норикѣ ⁷⁾, и наконецъ, Colonia Claudia Agrippinensium въ Галліи ⁸⁾.

Всѣ эти колоніи предполагаютъ ветерановъ какъ колонистовъ.

что хотя этотъ городъ получилъ *колонію ветерановъ*, но, какъ городъ, не былъ возведенъ на степень *колоніи*.

¹⁾ Plinius, N. H. V, 75.

²⁾ Eckhel, Doctrina Nummorum III, 424. Легионы названы церами, какъ и слѣдуетъ въ оціяльномъ языкѣ; съ прозвищами то будутъ — VI Ferrata, X Fretensis, XI Claudia, IX Hispana.

³⁾ Marquardt, Staatsverwaltung, I, 253.

⁴⁾ Corpus Inscr. Lat. III, 386, изъ п. 326, можно заключить, что этотъ городъ былъ и раньше колоніей.

⁵⁾ Plinius, N. H. VI, 8.

⁶⁾ C. I. L. III, p. 360, n. 2026: Colonia Aequitas.

⁷⁾ Plin. N. H. III, 146. C. I. L. V, n. 1011. Впослѣдствіи граница между Норикомъ и Панноніей прошла иначе, и городъ этотъ лежалъ въ Панноніи.

⁸⁾ Имя города читается различно въ надписяхъ, то—Colonia Agrippinensis—Wilmanns, n. 2283, то Colonia Claudia Agrippinensium—Inscr. Regni Neap., n. 1426, то Colonia Agrippinensium—Wilmanns, n. 833.

Такимъ образомъ, во время императора Клавдія обезпеченіе солдатъ землею случалось довольно часто, какъ мы можемъ заключить изъ сравнительно большаго числа колоній, обязанныхъ ему своимъ основаніемъ. Для нашей цѣли весьма важно указать на ту огромную разницу, какая лежитъ между военными колоніями Клавдія и Августа. При Августѣ, точно также какъ и до него, въ періодъ борьбы за *imperium*, необходимость наградить солдатъ за службу есть тотъ мотивъ, который побуждаетъ императоровъ выводить колоніи; теперь же правительство преслѣдуетъ при ихъ основаніи свои цѣли, и солдаты служатъ лишь орудіемъ въ его рукахъ.

Въ царствованіе Клавдія надѣлъ солдатъ землею осуществляется не только въ формѣ выведенія колоній, но также и въ другой, болѣе простой, а именно—въ формѣ раздачи ветеранамъ участковъ на прострѣствѣхъ территоріи провинціальныхъ городовъ. Для ветерана фактъ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ право гражданства въ данной городской общинѣ; что же до города, то ни его устройство, ни правовое положеніе въ имперіи не измѣнялись отъ перемѣны въ составѣ его гражданъ. Мы знаемъ два такіе случая изъ времени правленія Клавдія: *Oppidum Novum* — въ Мавретаніи (о чемъ было упомянуто выше), и *Sicum*—въ Далмаціи—*in quem locum*—какъ говоритъ Плиній ¹⁾—*divus Claudius veteranos misit*. Быть можетъ, сюда слѣдуетъ присоединить еще третій случай: въ далматинскомъ городѣ *Scardona* найдена надпись, въ которой рѣчь идетъ о центуріонѣ ветерановъ четвертаго легіона (*centurio veteranorum leg. IV Mac.*). Профессоръ Моммзенъ предполагаетъ, на основаніи этой надписи, что и въ этотъ городъ были также выведены ветераны ²⁾.

Мы представили полный перечень фактовъ касательно надѣла землею ветерановъ въ провинціяхъ, которые относятся ко времени императора Клавдія. По порядку времени слѣдуетъ перейти къ Нерону; но изъ этого царствованія мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ одномъ фактѣ этого рода. Изъ эпохи борьбы за престолъ знаемъ мы два случая подновленія колоній—такъ называемая *adiectio familiarum*. Они имѣли мѣсто въ двухъ испанскихъ колоніяхъ—*Hispalis* и *Eme-*

¹⁾ Plinius Hist. Nat. III, 141.

²⁾ С. I. L., III, 2817. Мы приводимъ этотъ фактъ какъ предположеніе Моммзена; другихъ данныхъ нѣтъ, а свидѣтельство надписи далеко не убѣдительно; легко могло случиться, что пребываніе центуріона ветерановъ въ этомъ городѣ не находилось ни въ какой связи съ выведеніемъ.

rita Augusta. Предприняты были они по распоряженію императора Отона, какъ о томъ свидѣтельствуемъ Тацитъ ¹⁾.

Изъ времени царствованія Веспасіана, отъ котораго дошло до насъ столько памятниковъ по надѣлу солдатъ землей въ Итали, есть у насъ свѣдѣнія объ аналогичныхъ фактахъ и въ провинціяхъ.

Такъ прежде всего—въ Иудеѣ, гдѣ Веспасіанъ, а послѣ него Титъ, вели войну. Въ связи съ умиротвореніемъ провинціи находится основаніе колоніи—Prima Flavia ²⁾. Кромѣ того, въ городѣ Эммаусъ было поселено восемьсотъ ветерановъ, какъ свидѣтельствуемъ о томъ Иосифъ Флавій: οκταχοσίαις — — ἀπὸ τῆς στρατῆς διαφεμεύοις χωρίον ἔδωκεν εἰς κατοίκησιν, ὃ καλεῖται μὲν Ἀμμαοῦς ³⁾. Далѣе, въ восточной половинѣ имперіи знаемъ мы еще слѣдующія колоніи Веспасіана: во Фракіи—Deultum, о чемъ сообщаетъ Плиній ⁴⁾. Этотъ фактъ подтвержденъ въ настоящее время недавно отысканною надписью, называющею и легіонъ, ветераны котораго были сюда выведены ⁵⁾. Для насъ имѣютъ важность слѣдующія слова этой надписи:

IN·COLONIA·FLAVIA·PACIS·DEVLTENSIVM.
— — CVM·MILITAVERIMVS·IN·LEG·VIII·AVG.
·ET·POTITI·HONESTA·MISSIONE·A·SACRATISSIMO.
IMP·IN·COLONIAM·DEVLTVM·DEDVCTI·SIMVS. — —

Въ верхней Панноніи Веспасіаномъ основана COLONIA FLAVIA SISCIA ⁶⁾. О томъ, какіе ветераны были сюда выведены, узнаемъ мы изъ „военнаго диплома“, выданнаго въ 71 году ⁷⁾.

VETERANIS·QVI·MILITAVERVNT·IN·
CLASSE·RAVENNATE — — — ·ET·DEDVCTI·
SVNT·IN·PANNONIAM. — —

На территоріи древней Силезіи найдена одна надпись, которая

¹⁾ Tac. Hist. I, 78.

²⁾ Plin. Nat. Hist. V, 69: Caesarea, nunc Colonia Flavia Prima a Vespasiano imperatore deducta.

Ср. Paulus—Dig. 50, 18, 8, 7: Divus Vespasianus Caesarienses fecit colonos, non adiecto ut iuris italici essent, sed tributum his remisit capitis; sed divus Titus etiam solum immune interpretatus est.

³⁾ Flavius Josephus, Bell. Jud. VII, 6, 6.

⁴⁾ Plin. N. H., IV, 45: Deultum cum stagno quod nunc Deultum vocatur veteranorum.

⁵⁾ C. I. L. VI, n. 3828.

⁶⁾ C. I. L. III, p. 501 sqq.

⁷⁾ Wilmanns, n. 2862.

можетъ подтвердить наше предположеніе, что солдаты равненскаго флота были выведены именно въ этотъ городъ Панноніи ¹⁾:

(ve)T·EX·OPTION(e. cl. prae)TORIAE·RAVEN(natis).

Всѣ до сихъ поръ перечисленныя колоніи принадлежать восточной половинѣ имперіи; что касается до западной, то тутъ мы назовемъ прежде всего весьма важную въ стратегическомъ отношеніи колонію Aventicum въ Галліи. Самое имя ея COL·FL·CONSTANS·EMERITA·HEL·(vetiorum) ясно говоритъ о томъ, что сюда были выведены ветераны ²⁾.

Можно назвать еще двѣ колоніи Веспасіана, но о нихъ, къ сожалѣнію, эпиграфика не дала до сихъ поръ ни одного извѣстія, такъ что даже ихъ топографическое положеніе остается до сихъ поръ воицѣ неизвѣстнымъ. Мы разумѣемъ города: Flaviobriga—въ Испаніи ³⁾ и Flaviopolis—во Фракіи ⁴⁾.

Мы перечислили всѣ колоніи Веспасіана, на сколько позволяютъ намъ это источники. Изъ времени его сыновей знаемъ мы одну колонію въ Панноніи — Colonia Flavia Sirmium, которая, по всему вѣроятію, принадлежитъ Домиціану и находится въ связи съ дакійскимъ походомъ этого императора ⁵⁾. Династія Флавіевъ заканчиваетъ собою первый вѣкъ нашей эры. Намъ удалось такимъ образомъ прослѣдить основаніе военныхъ колоній въ теченіе всего перваго вѣка. Переходя ко второму вѣку, мы не станемъ пытаться представить полный перечень фактовъ этого рода, такъ какъ въ настоящее время это дѣло представляетъ слишкомъ существенныя затрудненія. Мы ограничимся поэтому только главнѣйшими и болѣе достоверными. Вотъ рядъ такихъ колоній: При императорѣ Нервѣ—въ Африкѣ ⁶⁾:

COL·AVG·MARTIALIS·VETERANORVM·SITIFENS(is)

При императорѣ Траянѣ—

въ Панноніи: COL·VLPIA·POETOVIONSIS. ⁷⁾

въ Дакии: COL·SARMIZEGETVSA. ⁸⁾

¹⁾ С. I. L. III, n. 3971.

²⁾ Inscriptiones Confoederationis Helvetiae (Mommсен), nn. 175, 179.

³⁾ Plin. Nat. Hist. IV, 110.

⁴⁾ Ibid. IV, 47.

⁵⁾ С. I. L. III, n. 3230 и стр. 418 sqq.

⁶⁾ Renier, Inscriptions de l'Algérie, nn. 3274, 3277.

⁷⁾ С. I. L. III, 753.

⁸⁾ Ibid. 1443.

въ Африкѣ: CO(lonia mar) C(i)ANA.TR || ANA·T(hamugadensium)¹⁾.
При императорѣ Адрианѣ —

въ Палестинѣ, какъ результатъ окончательнаго умиротворенія
страны; Colonia Aelia Capitolina²⁾;

въ Панноніи—Colonia Aelia Mursa³⁾.

При императорѣ Маркѣ Аврелии —

въ Дакіи: COL·AVR·APVLVM. (какъ называетъ этотъ городъ
недавно найденная надпись⁴⁾).

Наконецъ, при императорѣ Септиміи Северѣ—въ Иудеѣ колонія—
Sebaste⁵⁾.

Перечисленныя нами колоніи далеко не представляютъ собою
всѣхъ. Мы ограничиваемся приведеніемъ ихъ потому, что связь каж-
дой изъ нихъ съ выведеніемъ ветерановъ можно вообще доказать или
есть, по крайней мѣрѣ, основаніе допускать ее. Мы изложимъ наши
основанія для каждой изъ нихъ въ частности. Что касается до той,
которая стоитъ первою въ нашемъ перечнѣ, Sitifensis, то въ ея име-
ни слово veteranorum ясно говоритъ намъ объ ея происхожденіи.
Изъ времени Траяна имѣемъ мы прямыя свидѣтельства о надѣлѣ
солдатъ землею. Такъ, на территоріи Poetovio найдена надпись, при-
надлежащая ветерану втораго легіона (Legio II Adiutrix) слѣдующа-
го содержанія⁶⁾:

CORNELIVS. C. F. POM. DETR. VERVS.

VET. LEG. II. ADL DEDVCT. C(oloniam) V(lpianam)
T(raianam) P(aetovionem)

MISSIONE. AGR. II (missione agraria altera).

Свидѣтельство этой надписи слѣдуетъ привести въ связь со слѣ-
дующими словами граматика Гигина⁷⁾ evocatus Augusti — — — in
Pannonia agros veteranis ex voluntate et liberalitate imperatoris Tra-
iani Augusti Germanici adsignaverat. О другой колоніи Траяна, Сар-

¹⁾ Renier, Ibid., n. 1479.

²⁾ Dig. 50, 15, 1, 7.

³⁾ С. I. L. III, n. 2279.

⁴⁾ Ephemeris Epigraphica II, n. 405.

⁵⁾ Dig. 50, 15, 1, 7.

⁶⁾ С. I. L. III n. 4057. Какой смыслъ имѣютъ слова missio agraria altera—
это остается до сихъ поръ открытымъ вопросомъ.

⁷⁾ Gramatici Veteres I, 121. 8.

мизегетузѣ выведеніе туда ветерановъ засвидѣтельствовано юристомъ Павломъ ¹⁾, а также и надписями ²⁾.

Касательно колоніи Адріана *Aelia Mursa* мы имѣемъ такое же прямое свидѣтельство въ одной надписи, гдѣ этотъ императоръ называется *Conditor*, при чемъ упоминается имя втораго легіона—*legio II Adiutrix* ³⁾. Все это достаточно опредѣленно говоритъ о происхожденіи этой колоніи. Что до колоніи въ Палестинѣ *Aelia Capitolina*, то она слишкомъ близко связана съ іудейскою войною, чтобы мы могли предположить иныхъ колонистовъ, кромѣ военныхъ.

Для эпохи Марка Аврелія привели мы колонію *Arulim*. Городъ этотъ существовалъ до возвышенія его на степень колоніи, какъ *capitae* тринадцатаго легіона (*legio XIII Gemina*); позднѣе является онъ какъ *colonia Aurelia Arulim*. Допущеніе, что возведенію на степень колоніи дѣйствительно предшествовало выведеніе сюда ветерановъ, основывается на слѣдующемъ обстоятельстве:

Въ періодъ времени отъ Марка Аврелія и до 238 года надписи называютъ *Arulim* одновременно колоніей и муниципіей. Эту двойственность можно объяснить только такимъ образомъ, что право колоніи (*ius coloniae*) простиралось только на часть городской общины, и именно на вновь поселенныхъ туда колонистовъ, тогда какъ коренные жители города остались на положеніи *municipes* ⁴⁾.

Намъ остается еще упомянуть о послѣдней изъ названныхъ нами колоній—*Sebaste*, изъ времени императора Септимія Севера. Наше допущеніе основывается въ данномъ случаѣ на цитатѣ изъ Ульпіана, дошедшей до насъ въ *Дигестахъ* ⁵⁾: *divus quoque Severus in Seba-stenam civitatem coloniam deduxit*.

Рядъ колоній, которыя мы представили, обнимаетъ собою эпоху первыхъ двухъ вѣковъ нашей эры. А такъ какъ основаніе колоній для императорской эпохи совпадаетъ съ фактомъ дедукціи ветерановъ, то мы въ правѣ утверждать, что фактъ уплаты солдатамъ ихъ *graciam* поземельнымъ надѣломъ находилъ отъ времени до времени себѣ примѣненіе въ государственной жизни имперіи до начала третьяго вѣка.

¹⁾ Dig. 50, 15, 1.

²⁾ С. I. L. III, p. 228. Предисловіе Моммзена къ надписямъ Сармизегетузы.

³⁾ С. I. L. III n. 3279.

⁴⁾ С. I. L. III p. 182. Высказанное здѣсь мнѣніе Моммзена вполне подтвердилось недавнею находкой, изданною въ *Ephemeris Epigr.* II, n. 405.

⁵⁾ Dig. 50, 15, 1.

Но послѣ Септимія Севера нѣтъ уже никакой возможности наслѣдить подобнаго рода фактъ. Правда, новыя колоніи возникаютъ отъ времени до времени, но тутъ уже можно стойкою опредѣленностью констатировать фактъ разрыва между понятіями *deductio* и *colonia*, который подготовлялся еще съ перваго вѣка. Искать первыхъ признаковъ этого разъединенія повело бы насъ слишкомъ далеко отъ разбираемаго нами вопроса изоставило бы насъ войти въ область болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній, а потому мы ограничимся указаніемъ на факты болѣе достовѣрные. Но прежде чѣмъ перейти къ самымъ фактамъ, необходимо выяснитъ тѣ общія условія, которыя содѣйствовали разъединенію понятій колонія и дедуція.

Колонія была римскимъ городомъ съ извѣстнымъ внутреннимъ устройствомъ. Какія побужденія правительства ни вызывали бы ея основанія, какія цѣли ни преслѣдовало бы оно при этомъ, были ли получавшіе надѣлы въ новомъ городѣ—*militēs* или *togati*, выводилъ ли ее императоръ въ силу своей власти, или въ силу спеціальнаго закона (*lex*),—коль скоро колонія была основана, всѣ эти условія не имѣли болѣе никакого значенія: колонія продолжала затѣмъ существовать какъ городъ съ извѣстными правами и привилегіями. Это значеніе римской колоніи было причиной того, что вскорѣ послѣ упроченія монархіи выработалось въ римской государственной практикѣ понятіе *ius coloniae*. Права и привилегіи, составлявшія его, имѣли своимъ результатомъ то, что для города, лежавшаго въ предѣлахъ имперіи ¹⁾, возвышеніе на степень колоніи было и въ высшей степени почетно, и выгодно. Понятно такимъ образомъ, почему Тацитъ ²⁾ могъ выставить выведеніе колоніи въ городъ *Ara Ubiorum*, какъ проявленіе честолюбія Агриппины: здѣсь родилась она во время пребыванія Германика на Рейнѣ, и теперь, ставъ императрицей, возвысила его на степень колоніи, *effigies populi Romani*.

Въ данномъ случаѣ сообщенію *ius coloniae* провинціальному городу предшествуетъ дедуція ветерановъ; но изъ того же царствованія знаемъ мы фактъ дарованія городу колоніальнаго права внѣ всякой связи съ дѣйствительною его колонизаціей. Мы разумѣемъ городъ Цезарею въ Мавретаніи. *Caesarea*— —*Iubae regis*, говоритъ Плиній,

¹⁾ Мы дѣлаемъ эту оговорку, чтобъ исключить изъ разсмотрѣнія *civitates liberae et foederatae*, такъ какъ эти послѣднія, съ точки зрѣнія права, лежатъ внѣ имперіи, стоятъ рядомъ съ нею.

²⁾ Тас. *Ann.* 12, 27.

a divo Claudio coloniae iure donata ¹⁾. Другой такой случай имѣлъ мѣсто при Неронѣ въ Италиі: *vetus oppidum Puteoli ius coloniae et cognomentum a Nerone ariscuntur* ²⁾.

Во второмъ вѣкѣ дарованіе городу „права колоніи“ становится гораздо чаще. Весьма замѣчательный фактъ этого рода принадлежитъ времени Траяна. Въ Нижней Германіи вблизи лагеря тридцатаго легіона образовалось мало по малу обширное городское поселеніе. Императоръ возводилъ его на степень колоніи. Такъ возникла *Colonia Traiana* на римскомъ Рейнѣ ³⁾.

При императорѣ Адрианѣ случаи сообщенія *ius coloniae* были весьма часты. По словамъ сына Геллія, многіе города обращались къ императору съ просьбой сдѣлать ихъ колоніями (*in ius coloniarum mutari*), и многіе достигли желаемаго. Говоря объ этомъ, Гелліи сообщаетъ намъ нѣсколько драгоцѣнныхъ замѣчаній, которыя наглядно характеризуютъ современное ему состояніе вопроса о колоніяхъ. Упомянувъ о рѣчи, которую императоръ произнесъ въ сенатѣ по поводу ходатайства испанскихъ городовъ, просившихъ о дарованіи права колоніи, Гелліи говоритъ, что императоръ высказалъ удивленіе тому—*quod et ipsi Italicenses et quaedam item alia municipia antiqua in quibus Uticenses nominat, cum suis moribus legibusque uti possent, in ius coloniarum mutari gestiverint* ⁴⁾. Изъ этихъ словъ Адриана, равно какъ и изъ затрудненія самого Геллія опредѣлить—что такое колонія, и чѣмъ она отличается отъ другихъ городовъ,—видно какъ въ ту пору затемнилось первоначально столь простое понятіе. Понятія *colonia* и *deductio* разъединились съ теченіемъ времени все больше и больше. Особенно характеристичный фактъ въ этомъ отношеніи можно указать изъ времени императора Коммода. Его биографъ приводитъ ⁵⁾, какъ проявленіе дикой надменности этого императора, то, что онъ потребовалъ, чтобы городъ Римъ назывался *Colonia Commodiana*. Возможность подобнаго факта ясно говоритъ, какъ мало значили въ ту пору жители колоніи, и какъ мало осталось въ немъ отъ его первоначальнаго значенія.

Но какъ ни затемнилось бы въ ту пору первоначальное понятіе

¹⁾ Plin. Nat. Hist. V, 20.

²⁾ Tacit. Ann. 14, 27.

³⁾ Hermes, VII, статья Моммзена *Lagerstädte*, p. 323.

⁴⁾ A. Gellius, *Noctes Atticae*, 16, 13.

⁵⁾ Script. Hist. Aug. *vita Commodi*, c. 8.

колоніи, съ этимъ именемъ соединялись все-таки извѣстныя права и преимущества. Допустить это принуждаетъ насъ то обстоятельство, что пожалованія городовъ правомъ колоніи можно прослѣдить и много позднѣе императора Адриана. Особенно часты этого рода факты при Септиміи Северѣ. Въ Дигестахъ сохранилось свидѣтельство о трехъ городахъ въ Сиріи, которые получили отъ него *ius coloniae*. *Tyriorum colonia... huic divus Severus ob insignem fidem ius italicum dedit, Heliopolitana... per belli occasionem italicae coloniae rempublicam accepit, Laodicensa colonia in Syria Coele, cui divus Severus ius italicum ob belli civilis merita concessit* ¹⁾. Въ Мэзій городъ Трэсмисъ, служившій долго лагеремъ тринадцатаго лѣгіона (*legio XIII Gemina*), получилъ колоніальное устройство одновременно съ перемѣщеніемъ этого лѣгіона въ Дакію ²⁾. Самый интересный примѣръ представляетъ *Potaissa*. Это селеніе было *vicus*, то-есть, съ точки зрѣнія права, не было общиной, самостоятельнымъ цѣлымъ. Когда же туда былъ помѣщенъ лѣгіонъ для постоянного пребыванія, то *Potaissa* была возведена на степень колоніи ³⁾. Изъ времени императора Карагаллы есть одно извѣстіе о подобнаго рода фактѣ. Оно засвидѣтельствовано Ульпіаномъ: *et Emisenaе civitati Phoenices imperator poster ius coloniae dedit iurisque italici eam fecit* ⁴⁾.

Число колоній было въ Римской имперіи весьма велико. Обо многихъ изъ нихъ можно сказать, какому императору обязаны онѣ этимъ титуломъ, о другихъ можно только съ нѣкоторою вѣроятностію указать на эпоху, къ которой относится ихъ возвышеніе на степень колоніи. Но допускать связь между началомъ колоніальнаго устройства въ отдѣльныхъ городахъ и выведеніемъ туда ветерановъ, — какъ обыкновенно дѣлается до сихъ поръ ⁵⁾, — вполне неосновательно. Факты надѣла солдатъ землею въ связи съ основаніемъ колоніи никоимъ образомъ не идутъ дальше эпохи Септиміи Севера. Государство мало по малу совершенно отстранило отъ себя заботу о ветеранахъ. Селить же ихъ для упроченія римскаго духа въ провинціяхъ не представлялось тогда никакой надобности, такъ какъ провинціи

¹⁾ Dig. 50, 15, 1.

²⁾ Hermes VII, p. 323 сл.

³⁾ Dig. 50, 15, 1. *Vicus Potavissensium (sic) qui a divo Severo ius coloniae impetravit*. Ср. Hermes VII, цитованная статья Моммзена.

⁴⁾ Dig. *ibid.*

⁵⁾ Marquardt. Staatsverwaltung I, p. 457. Веронская надпись вовсе не говоритъ того, что въ ней хотѣтъ вычитатьъ.

были уже вполне романизованы. Но если теперь не надо было больше основывать *grorignacula impregii Romani* для успешнаго хода романизации завоеванных провинцій, за то настоящая борьба на всѣхъ границахъ повела къ сооруженію крѣпостей, въ нашемъ смыслѣ слова, въ пунктахъ важныхъ въ стратегическомъ отношеніи, а также и вдоль границъ. Но для нихъ было бы уже недостаточно ветерановъ: ихъ занимали гарнизоны изъ дѣйствующей арміи.

V.

Для полноты нашего изслѣдованія мы должны перейти теперь къ новой формѣ, въ какой осуществлялся надѣлъ ветерановъ землею въ третьемъ вѣкѣ нашей эры. Имперія находилась въ эту эпоху въ постоянной войнѣ съ внѣшними врагами: варвары тѣснятъ ее на всемъ протяженіи ея границъ. Отстоять цивилизованный міръ отъ напора варваровъ является главнымъ дѣломъ императоровъ.

Въ видахъ охраненія границъ была проведена между прочимъ слѣдующая мѣра: въ пограничныхъ округахъ ветераны и солдаты получали землю съ обязательствомъ охранять за это границу на опредѣленномъ протяженіи. Другое требованіе, которое правительство предъявляло такимъ поселенцамъ, — была обязательность военной службы для ихъ дѣтей. Въ царствованіе какого императора создана была эта мѣра—рѣшить этотъ вопросъ совершенно невозможно. Первое же свѣдѣніе о фактическомъ примѣненіи этой новой формы надѣла имѣемъ мы изъ времени Александра Севера. Биографъ его рассказываетъ слѣдующее: *Sola, quae de hostibus capta sunt, limitaneis ducibus et militibus donavit, ita ut eorum essent, si heredes eorum militarent, nec unquam ad privatos pertinerent, dicens attentius eos militaturos, si etiam sua rura defenderent. Addidit sane his et animalia et servos, ut possent colere quod acceperant, ne per inopiam hominum, vel per senectutem possidentium desererentur rura vicina barbariae* ¹⁾.

И такъ, земля становится собственностью солдатъ; но владѣютъ

¹⁾ *Scrip. Hist. Aug. v. Alex. c. 58.* Резонирующій тонъ этого послѣдняго замѣчанія, которое начинается словомъ *sane*, заставляетъ насъ сомнѣваться въ томъ—нашелъ ли Лампридій въ своемъ источникѣ эти детали, или же просто это его догадка. У него былъ предъ глазами обычный образъ дѣйствій правительства касательно *agri vasantes*; быть можетъ, онъ просто перенесъ въ прошлое современный ему образъ дѣйствій. Нельзя пройти молчаніемъ и того, что *duces limitanei*—понятіе четвертаго, а не третьяго вѣка.

они ею уже не на тѣхъ условіяхъ, на какихъ получали надѣлы ветераны при выведеніи колоніи (то была полная квиритская собственность): ихъ право владѣнія подходитъ скорѣе подъ понятіе *possessio*.

Объ этомъ въ высшей степени интересномъ для насъ событіи Лампридій говоритъ вскользь, такъ что изъ его словъ нельзя даже съ точностью опредѣлить мѣсто, гдѣ императоръ Александръ создалъ военныя поселенія этого рода. Самый фактъ упомянуть у Лампридія въ связи съ тѣми счастливыми войнами, которыя Александръ Северъ вель въ Африкѣ, Иллирикѣ и Арменіи. Отсюда можно, по видимому, предполагать, что эти поселенія имѣли мѣсто въ обѣихъ пограничныхъ провинціяхъ, то-есть, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Арменіи.

Весьма вѣроятно, что институтъ надѣла землею съ сервитутомъ охраны границъ и военной службы для дѣтей получавшаго землю — получилъ уже въ началѣ третьяго вѣка большое распространеніе. Весьма драгоцѣнною находкой для исторіи этого вопроса былъ недавно найденный фрагментъ военнаго диплома изъ первой половины третьяго вѣка ¹⁾. Дѣло идетъ о ветеранахъ нѣсколькихъ когортъ, которые становятся *militēs castellanī* въ Нижней Панноніи (около города *Vetus Salina*). Въ данномъ случаѣ достойно замѣчанія и то обстоятельство, что землю получаютъ ветераны когортъ, то-есть, *auxiliāres*. Въ первомъ вѣкѣ въ колоніи выводились только ветераны легионовъ. При Веспасіанѣ удостоены были того-же самаго флотскіе солдаты, но мы не знаемъ ни одного подобнаго случая относительно *cohortales*. Въ эпоху начала имперіи существовала огромная разница между солдатами легионовъ и когортъ: тогда какъ въ первые открыты были доступъ исключительно римскимъ гражданамъ, когорты и вообще *auxilia* состояли изъ варваровъ. Всякое племя, включенное въ Римскую имперію, обязано было поставлять опредѣленное число годныхъ для военной службы людей, которые затѣмъ формировались въ *cohortes* и *alae* (то-есть, отряды пѣшихъ и конныхъ). Вооружены были они большею частью своимъ туземнымъ оружіемъ ²⁾, и какъ выражается Тацитъ ³⁾, — *militia tantum disciplinaque romana habebantur*.

¹⁾ Надпись издана Моммзеномъ: *Archäologische Mittheilungen aus Oesterreich*. 1879 выпускъ I.

²⁾ Tac. Hist. II, 89: *dein quatuor et triginta cohortes ut nomina gentium aut species armorum forent discretæ*.

³⁾ Tac. Ann. III, 42.

Въ третьемъ вѣкѣ процессъ романизации былъ во многихъ частяхъ имперіи законченъ, право гражданства распространено на всѣхъ свободно-рожденныхъ подданныхъ императора, такимъ образомъ и прежнее различіе между легіонарами и аукзиіарами должно было исчезнуть. Если же эти послѣдніе продолжаютъ существовать въ третьемъ и четвертомъ вѣкахъ ¹⁾, то уже не какъ варвары въ противоположность гражданамъ, а просто какъ болѣе подвижная часть арміи, въ противоположность къ крупнымъ единицамъ, каковы легіоны (позднѣ numeri). Служба во „вспомогательныхъ отрядахъ“ (auxilia) была легче чѣмъ въ легіонахъ въ эту позднѣйшую эпоху Имперіи, какъ свидѣтельствуемъ о томъ Вегетій: *plerique in auxiliariis festinant militiae sacramenta percipere, ubi et minor sudor et maturiora sunt praemia* ²⁾.

Дипломъ когорталовъ изъ *Vetus Salina* интересенъ еще въ одномъ отношеніи. Въ немъ мы впервые встрѣчаемъ терминъ *militēs castellanī*: такъ называются обитатели вновь созданныхъ государствомъ военныхъ поселеній.

Въ законодательныхъ актахъ пятого вѣка попадаются еще отголоски мѣры — укрѣплять границу этимъ способомъ. Мы разумѣемъ слѣдующіе законы: въ Теодосіанскомъ Кодексѣ — VII, 15, 2 и въ Юстиніановомъ — XI, 60, 3. Оба они вызваны незаконнымъ переходомъ принадлежащихъ военнымъ поселеніямъ земель (*fundi limitrophī*) въ частныя руки. Новые владѣтели не знаютъ ничего о сервитутахъ, которые лежатъ на этихъ земляхъ. Императоры повелѣваютъ устранить этотъ незаконный порядокъ, возстановить—*quae antiquitas indicavit* и передать эти земли въ ихъ прежнихъ границахъ „пограничнымъ солдатамъ“ (*militēs limitanei*) ³⁾—*sine ullo collationis onere* ⁴⁾. Частные люди (*homines conditionis privatae*), которые были повинны въ незаконномъ владѣніи, должны немедленно подъ страхомъ наказанія (и притомъ *capitalis sententia cum publicatione bonorum*) отступиться отъ этихъ земель (*cedere atque deferre*).

Въ видахъ охраненія границъ примѣнялась еще и другая мѣра. Пограничныя земли отдавались во владѣніе такъ называемымъ *Gen-*

¹⁾ *Codex Theodosianus* VII, 20, 4 законъ 325 года.

²⁾ *Vegetius de re mil.* II, 3.

³⁾ Термины *militēs limitanei* и *militēs castellanī* употребляются какъ однозначащія въ языкѣ Кодексовъ.

⁴⁾ Объясненіе см. Kuhn, *Die S. und G. Verfassung des R. Reichs.* I, p 61.

tiles съ тѣмъ же самымъ обязательствомъ относительно государства ¹⁾. Въ Теодезіанскомъ кодексѣ дошелъ до насъ одинъ императорскій указъ, выданный на имя викарія Африки въ 409 году, который говоритъ о надѣлахъ этого рода, какъ о старинномъ учрежденіи (*antiquorum humana provisione*) ²⁾. *Gentiles* обязаны заботиться о томъ, — *ne fossati limitisque nulla in parte timoris esset suspicio*. Этотъ указъ вызванъ тѣмъ же обстоятельствомъ, какъ и тѣ два, о которыхъ мы только что говорили, а именно: многія земли этого рода перешли въ частныя руки. Въ виду этого, императоръ повелѣваетъ: или, чтобы лица, владѣющія такими землями, приняли на себя охраненіе границъ, или, чтобы *gentiles* были восстановлены въ своихъ правахъ.

Охрана границъ посредствомъ *milites castellani* и *gentiles* — суть двѣ мѣры, которыя созданы для одной и той же цѣли, а потому онѣ могутъ замѣнять другъ друга. Заключить это можно изъ слѣдующаго: викарію Африки предоставляется право передавать ветеранамъ земли, принадлежавшія *gentiles*, лишь бы только государство ничего отъ этого не теряло и ветераны были бы обязаны той же службою, какая возложена была на *gentiles* при отдачѣ имъ земель.

Факты, разсмотрѣнные нами выше, побуждаютъ насъ указать здѣсь на одну въ высшей степени замѣчательную черту государственной жизни позднѣйшаго періода Римской имперіи. Мы разумѣемъ возникновеніе наследственнаго военнаго сословія. Первый случай обязательной военной службы для дѣтей солдатъ, какой даютъ наши источники, относится ко времени царствованія Александра Севера: *milites limitanei* получаютъ пограничныя земли съ обязательствомъ отдавать дѣтей своихъ въ солдаты. Надпись изъ *Vetus Salina*, о которой было выше упомянуто, также говоритъ объ этомъ обязательствѣ (*in provincia probatis filiis ex se procreatis*). О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и слѣдующая замѣтка въ жизни императора Проба — *veteranis omnia illa, quae auguste adeuntur loca privata (in Isauria) donavit, addens, ut eorum filii ab anno octavo decimo, mares dumtaxat ad militiam mitterentur* ³⁾. Но если въ III вѣкѣ дѣти ветерановъ обязаны поступать въ военную службу только въ томъ случаѣ, когда

¹⁾ Подъ этимъ именемъ разумѣются племена варварскихъ народовъ, селившіеся въ предѣлахъ имперіи, но сохранившія при этомъ свое родовое устройство. Уже во II вѣкѣ въ надписяхъ слово *gens* имѣетъ этотъ смыслъ.

²⁾ Cod. Theod. VII.

³⁾ Script. Hist. Aug. vita Probi, с. 16.

родители ихъ удостоиваются особенной милости отъ государства, а именно получаютъ землю (что носить характеръ случайности), то уже въ самомъ началѣ IV вѣка дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. Въ Теодозіанскомъ кодексѣ имѣемъ мы цѣлый рядъ законовъ (отъ 312 до 398 года), которые всѣ подтверждаютъ обязательность военной службы для дѣтей солдатъ¹⁾. Основаніе требовать отъ солдатъ ихъ дѣтей на службу видать законы въ тѣхъ привиллегіяхъ, какими пользуются ветераны: *privilegia parentibus eorum indulta*²⁾. Солдатскія дѣти, когда имъ исполнится 16 лѣтъ, обязаны явиться къ чиновникамъ, завѣдывавшимъ приѣмомъ на службу³⁾. Неоднократно повторяется: *sciant veterani liberos suos... offerendos esse militiae*⁴⁾. Рядомъ съ этимъ читаемъ мы слѣдующую фразу: *quicumque castrensi stirpe progenitus diversis se officiis indiderunt, etiam manu iniecta retrahatur*⁵⁾.

Въ чемъ же состояли эти привилегіи, на которыя императоры ссылаются, требуя отъ солдатъ опредѣлять дѣтей въ военную службу? Уравновѣшивали ли они тяжесть возлагаемой за пользованіе ими обязанности?

Прежде всего надо замѣтить, что въ Теодозіанскомъ кодексѣ нѣтъ вообще никакихъ общихъ постановленій касательно этого пункта. Преимущества, которыя тотъ или другой императоръ сообщаетъ своимъ ветеранамъ такой-то арміи, являются въ формѣ указа *ad hoc*. Сопоставляя эти указы между собою, можно, конечно, составить себѣ понятіе объ общей тенденціи привилегій: они всѣ сводятся на изъятія отъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ тяжелыхъ обязанностей оброчковъ, какими обременяла имперія въ это время своихъ подданныхъ. Такъ, наприимѣръ, ветеранамъ обыкновенно предоставляется свобода отъ поголовной подати, или употребляя нашъ терминъ — отъ подушной. Иногда солдатъ получаетъ эту свободу и для жены, но это уже исключеніе и находится въ зависимости отъ числа выслуженныхъ лѣтъ и отъ рода войскъ, гдѣ солдатъ служилъ. Объ уплатѣ какихъ-нибудь праеміа деньгами—нѣтъ и помину, какъ объ этомъ имѣли мы случай

¹⁾ Codex Theodos. VII, 21.

²⁾ Ibid., 21, 2.

³⁾ Ibid., 4.

⁴⁾ Ibid., 7 et 9.

⁵⁾ Ibid.

сказать выше. Само собою разумѣется, что государство не беретъ на себя заботы объ обезпеченіи ветерана землемъ, но тѣмъ не менѣе существуетъ и теперь для ветерановъ возможность перехода къ жизни земледѣльца, а именно—государство позволяетъ ветеранамъ занимать необработанныя и никому непринадлежащія земли и признаетъ право собственности на нихъ за тѣмъ, кто возьметъ на себя ея обработку. Чтобы возбудить у ветерановъ охоту приниматься за плугъ, государство общаетъ имъ *immunitas* — свободу отъ поземельнаго налога. Вотъ слова закона: *vacantes terras accipiant easque perpetuo habeant immunes* ¹⁾). Для того чтобы облегчить обзаведеніе необходимыми хозяйственными принадлежностями, государство общаетъ выдать желающему приняться за обработку земли извѣстную сумму денегъ (въ одномъ законѣ — *viginti quinque millia follium*—VII, 20, 3) и кромѣ того дать безвозмездно пару воловъ и пятьдесятъ модіевъ различныхъ продуктовъ на сѣмена (*amplius addentes*—какъ читаемъ въ другомъ законѣ—VII, 20, 8—*ut etiam ad culturam eorumdem agrorum et animalia et semina praebeamus*). Кто выходилъ въ отставку изъ разряда войскъ, носившаго имя *protectores*, тотъ получалъ двѣ пары воловъ и сто модіевъ. За землей ветерана признавало государство свободу отъ повинностей—*nullum ex his agris stipendium* (VII, 20, 8) *nullamque annuam praestationem*. Не смотря на всѣ эти льготы и привилегіи, правительству врядъ ли удавалось привлечь ветерановъ къ земледѣлію: главное занятіе, къ которому они обращались, была торговля. Государство даетъ здѣсь извѣстныя привилегіи ветеранамъ. Такъ, они не платятъ таможеннаго сбора съ опредѣленнаго *taximum*'а товаровъ. Вотъ слова одного изъ относящихся сюда законовъ (VII, 20, 2)—*qui negotii gerendi habuerit voluntatem huic centum follium summam immunem habere permittimus* ²⁾). Другой законъ (*ibid.*, 9) позволяетъ ветеранамъ *emere vendere negotiari ab omni munere universisque redivibus auri et argenti, sed et portorii indemnes esse oportet* ³⁾). Они свободны отъ *lustralis collatio*—по XIII, 1, 2; но и здѣсь опять-таки съ извѣстными ограниченіями, причемъ принимается во вниманіе родъ войска и число лѣтъ службы ⁴⁾).

¹⁾ Cod. Theodos. VII, 20, 3.

²⁾ Законъ относится къ 326 году.

³⁾ Налогъ, называвшійся *aurum et argentum*, соответствовалъ приблизительно нашимъ гильдейскимъ сборамъ.

⁴⁾ Cod. Theodos., XIII, 1, 7 и 14.

Юліанъ Кулаковскій.

ПО ПОВОДУ JUVENAL. SAT. VII. 88—89.

При чтеніи статьи, помѣщенной въ этомъ отдѣлѣ выше на стр. 181—218 подъ заглавіемъ: „О жизнеописаніи Ювенала“, не можетъ не поражать то обстоятельство, что авторъ ея, г. Нагуевскій, относится къ своимъ источникамъ недостаточно критически. Странное впечатлѣніе производитъ сопоставленіе такихъ именъ, какъ Фридендера, О. Яна, ученыхъ, пользующихся высокимъ научнымъ авторитетомъ, съ компиляторами въ родѣ Жанена, Деча ¹⁾ и Вейднера. Еслибы г. Нагуевскому извѣстна была рецензія изданія Вейднера, помѣщенная въ *Zeitschr. f. d. Gymnasialwesen*, XXIII, p. 210—239, то онъ отнесся бы, вѣроятно, къ произведенію новѣйшаго нѣмецкаго издателя Ювенала менѣе серьезно; а во всякомъ случаѣ ему не слѣдовало на стр. 198, прим. 1, названной статьи слѣпо выписывать примѣчаніе Вейднера къ *Juv. Sat. VII 89*, ни принимать его чтеніе, давнымъ давно исправленное *Θ. Моммзенемъ*. Г. Нагуевскій читаетъ разбираемые стихи Ювенала, вмѣстѣ съ Вейднеромъ, такимъ образомъ: *Ille (то-есть, Paris) et militiae multis largitur honorem, Semenstri digitos vatum circumligat augo*, и прибавляетъ къ нимъ слѣдующее объясненіе: „Подъ выраженіемъ *semenstre augum* разумѣется здѣсь военное трибунство (*Plin. Ep. IV 4*), соединенное со временемъ Цезаря и Августа со всѣми правами и преимуществами, которыми пользовались римскіе всадники. Къ числу отличій сословія римскихъ всадниковъ принадлежало и золотое кольцо. Безъ сомнѣнія, въ видахъ предоставить военное трибунство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всадническія права, большому числу лицъ,

---

¹⁾ Называемаго на стр. 188 «новѣйшимъ знатокомъ (!) Ювенала» ср. о Дечѣ (*Doetsch*): *Jahresber. ueber die Fortschr. d. class. Alterth. II p. 1146.*

изъ огромной массы искателей этой должности, срокъ ея былъ ограниченъ во время Домиціана 6-ю мѣсяцами“. Послѣднія слова почти совпадаютъ съ концомъ примѣчанія Вейднера.

Подъ словами *semenstre aurum* можно было бы подразумѣвать только золотое кольцо, свойственное римскимъ всадникамъ какъ знакъ отличія, такъ какъ съ званіемъ военнаго трибуна сопряжено было званіе всадника; ср. *Arrian. Rip.* 104 ἀπὸ τῆς σφραγίδος εὐρών—χρυσόφορος ἄρ τῶν στρατευομένων οἱ χιλίαρχοι. Съ другой стороны, извѣстно, что какъ скоро кто разъ получилъ это кольцо, то онъ носилъ его въ продолженіе всей своей жизни,—развѣ только въ силу навазанія лишался этого права. На такомъ основаніи нѣкоторые ученые предполагали, что въ рукописномъ чтеніи разбираемаго мѣста Ювенала заключается ошибка, и что вм. *semenstri* слѣдуетъ читать *semenstris*, соединяя послѣднее слово съ предыдущимъ *militiae*. Моммзенъ, въ своихъ *Epigraphische Analecten* въ *Berichte ueber die Verhandlungen der K. Saechsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philologisch-histor. Klasse*, 1852, IV, p. 250, не измѣняя рукописнаго чтенія, предлагаетъ читать: *ille et militiae multis largitur honorem semenstri, vatum digitos circumligat auro*, при чемъ указываетъ на то, что въ надписи, находившейся прежде въ замкѣ Thorigny на лѣвой сторонѣ камня въ строку 13-ой (*Semenstris autem epistolam, ubi propediem vacare coeperit, mittam, cuius militiae salarium, id est HS XXV n. in auro suscipe*) такимъ же образомъ встрѣчается *semenstris* безъ прибавленнаго *tribunatus*. Кромѣ того, *semenstris* встрѣчается безъ существительнаго въ *vita Juvenalis II* у Яна, стр. 387. Толкованіе мѣста Ювенала, предложенное Моммзеномъ,—единственно возможное, и оно принято О. Яномъ въ послѣднемъ его изданіи Ювенала. О томъ, чтобы срокъ военной службы трибуновъ формально былъ ограниченъ, какъ утверждаютъ гг. Вейднеръ и Нагуевскій, рѣшительно ничего неизвѣстно. Вѣроятно, трибуны служили номинально одинъ годъ, за чтѣмъ и получали годовое жалованіе (см. вышеприведенную надпись), а фактически шесть слишкомъ мѣсяцевъ (*maiorem partem anni*).

Всѣ эти свѣдѣнія г. Нагуевскій могъ бы найдти у Becker-Marquardt, *Roem. Alterthuemer*, III, 2, p. 278, или у Marquardt, *Roem. Staatsverwaltung*, II, p. 357.

Э. Вергъ.

БИБЛОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ по греческой филологіи, вышедшихъ въ Россіи въ 1879 году.

Приступая къ обзору книгъ, вышедшихъ у насъ по греческой филологіи въ прошломъ году, мы должны предварительно оговориться, что пока мы можемъ дать отзывъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ какъ, къ сожалѣнію, оказывается дѣломъ далеко не легкимъ достать во-время все, чтоъ появляется у насъ въ печати по какой бы то ни было отрасли науки.

Больше всего вышло переводовъ, къ которымъ мы относимъ не только переводы греческихъ авторовъ на отечественный языкъ, но также и переводы съ новѣйшихъ языковъ сочиненій, относящихся къ греческому языку, литературѣ и древностямъ. Затѣмъ слѣдуетъ небольшое число изданій греческихъ авторовъ, частью со словарчиками, частью съ комментаріями, и наконецъ—самое небольшое число приходится на самостоятельныя изслѣдованія.

Въ 1879 году появились слѣдующіе переводы греческихъ авторовъ:

1) Исторія Греціи—Ксенофонта, переведенная Яичевецкимъ (который еще раньше издалъ переводъ Анабазиса, Меморабилій, Киропедіи и къ 1880 г. обѣщаетъ напечатать переводъ мелкихъ статей Ксенофонта).

2) Анабазисъ—Ксенофонта, перевелъ Тимошенко. Кіевъ.

3) Критонъ—Платона, перевелъ Горбовъ (судя по тому, что Критонъ составляетъ 1-й выпускъ, можно думать, что переводчикъ намѣренъ перевести и другіе діалоги Платона). Замѣтимъ кстати, что Критонъ Платона

былъ еще раньше переведенъ Аристовымъ и въ нынѣшнемъ году вышелъ уже вторымъ изданіемъ.

4) Жизнеописанія — Плутарха, переводъ подъ редакціей Гербе; вып. I. Москва.

5) Страбонъ. Географія, въ XVII книгахъ, переводъ съ предисловіемъ и указателемъ Ѡ. Мищенко. Москва.

6) Война мышей и лягушекъ, забавная поэма Гомера, перевелъ В. Воскресенскій. С.-Пб.

Отлагая на будущее время разборъ вышеозначенныхъ переводовъ, мы напередъ замѣтимъ, что вообще признаемъ пользу только такихъ переводовъ, которые, отличаясь вѣрностью и точностью, въ то же время не лишены литературнаго достоинства. Переводы же, которые дѣлаются исключительно съ цѣлью помочь ученикамъ, по нашему мнѣнію, составляютъ величайшее зло въ школьномъ дѣлѣ, потому что они, во первыхъ лишаютъ учениковъ самодѣятельности и такимъ образомъ въ самомъ корнѣ подрываютъ цѣль изученія классическихъ языковъ, и вовторыхъ, приучаютъ ихъ къ употребленію такого русскаго языка, какимъ никто не говоритъ и не пишетъ. Мы, разумѣется, не желаемъ, чтобъ это замѣчаніе отнесли къ вышеупомянутымъ переводамъ, такъ какъ мы до сихъ поръ не имѣли случая познакомиться съ ними. Случайно достали мы только Анабазисъ Ксенофонта, переведенный г. Янчевецкимъ (изд. 2-е, 1879 Кіевъ). Перелистывая переводъ г. Янчевецкаго, мы замѣтили, что онъ вообще мало передаетъ простоту и изящество Ксенофоновой рѣчи. Нерѣдко попадаютъ мѣста, напоминающія собою тяжеловатость и вычурность дословныхъ переводовъ и въ то же время не вполне точно передающія смыслъ греческаго текста. Вотъ нѣсколько выдержекъ.

Стр. 50, кн. 2, гл. 5, § 10: „и если бы мы теперь убили тебя, то иначе ли мы поступили бы, чѣмъ послѣ убійства своего благодѣтеля начали бы борьбу съ царемъ, самымъ могучимъ новымъ противникомъ (πρὸς βασιλέα τὸν μέγιστον ἑφείδρον)? А сколько надеждъ и ваковыхъ я лишилъ бы себя допустивъ сдѣлать тебѣ что-либо дурное, объ этомъ я сейчасъ буду говорить“ (εἰ σέ τι καχὸν ἐπιχειρήσαιμι ποιεῖν, ταῦτα λέξω).

Стр. 51, кн. 2, гл. 5, § 18: „или, быть можетъ, ты находишь, что у насъ недостаетъ мѣстностей, удобныхъ для нападенія? Не таковыя ли вы проходите съ трудомъ и притомъ преданныя намъ низменности? не таковыя ли вы видите лежащія на вашемъ пути горы“

(οὐ τοσαῦτα μὲν παῖδια ἡμῖν φίλια ὄντα σὺν πολλῶ πόνῳ διαπορεύεσθε, τοσαῦτα δὲ ὄρη ὑμῖν ὄρατε ὄντα πορευτέα) и проч.

Стр. 56, кн. 2, гл. 6, § 18: „но стремясь къ такимъ важнымъ цѣлямъ, онъ, съ другой стороны, явно держался того, что не желалъ достиженія ничего путемъ несправедливости, напротивъ по его убѣжденію слѣдовало достигать цѣлей рука объ руку съ справедливостью и порядочностью; а безъ этихъ качествъ нельзя“ (σὺν τῷ δικαίῳ κα χαλῶ).

Встрѣчаются также и невѣрные переводы. Такъ на стр. 5 (кн. 1, гл. 2, § 12) слова Ксенофонта ἐλέγετο δὲ καὶ συνγιένεσθαι Κύρον τῇ Κιλίκισσῃ переводятся слѣдующимъ образомъ: „говорили, что Киръ заключилъ союзъ съ этой Киликіянкой“. Въ текстѣ говорится вовсе не о политическомъ союзѣ, а о любовныхъ связяхъ Кира съ Киликіянкой. На стр. 7 (кн. 1, гл. 2 § 20) читаемъ, что „Киръ казнилъ Персе Мегаферна, придворнаго сановника въ красномъ платьѣ (?) и еще одного вельможу изъ мѣстныхъ правителей“. Это переводъ греческаго текста: Κύρος ἀπέχετευεν ἄνδρα Πέρσην Μεγαφέρην, φοινικιστὴν βασιλείου, καὶ ἕτερόν τινα τῶν ὑπάρχων δυνάστην.

Впрочемъ, въ пользу г. Янчевецкаго можно сказать то, что онъ, перевода Ксенофонта, не имѣлъ въ виду однихъ только учениковъ гимназіи, потому что тогда не для чего было бы переводить ему такія сочиненія Ксенофонта, которыя никогда не читаются въ гимназіяхъ. Поэтому мы совѣтуемъ ему при новомъ изданіи исправить неровности слога и неточности въ передачѣ греческаго текста и снабдить свой переводъ большимъ числомъ примѣчаній.

Кромѣ переводовъ греческихъ авторовъ, въ текущемъ году вышло также нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго языка частью учебниковъ частью сочиненій, относящихся къ греческой филологіи. Мы пока представимъ только перечень этихъ переводныхъ сочиненій, отлагая, разборъ ихъ на будущее время:

- 1) Синтаксисъ по Коху—Григоревскаго.
- 2) Греческая этимологія по учебнику Коха—Чернаго.
- 3) Книга упражненій по греческой этимологіи по руководству Везенера съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ, составленная Чернымъ.
- 4) Нидерле, Грамматика Греческаго языка. Этимологія; съ чешскаго перевелъ Мейеръ.
- 5) Вонницъ, О происхожденіи Гомеровскихъ поэмъ, перевелъ Мейеръ

6) Бэкъ, Энциклопедія и методологія філологической науки, перевелъ Аландскій.

7) Штоллъ, Герои древней Греціи, переводъ подъ редакціей Васильевскаго. Изд. 2-е.

Если принять во вниманіе переводныя сочиненія не только за нынѣшній годъ, но и за предыдущіе годы, то окажется, что болѣе всего переводится грамматикъ и упражненій къ нимъ. По крайней мѣрѣ почти всѣ лучшія греческія грамматики, существующія на нѣмецкомъ языкѣ, переведены, нѣкоторыя даже по нѣскольку разъ, какъ, напримѣръ, грамматика Курціуса. Пора, кажется, попробовать изложить греческую грамматику болѣе самостоятельно, а также болѣе самостоятельно составить и упражненія къ переводамъ съ русскаго языка на греческій. Мы, конечно, не требуемъ, чтобы составители учебниковъ по грамматикѣ придумали что-нибудь совершенно новое, но полагаемъ, что матеріаль грамматическій можно распределить и изложить—и не стѣсняясь нѣмецкими учебниками. Лучшіе иностранныя учебники по греческому языку могутъ и должны служить только пособіями, но рабски подрезать имъ нѣтъ никакой надобности. Самый матеріаль грамматическій, не смотря на то, что онъ вѣжется совершенно установленнымъ, все-таки не мѣшастъ провѣрять и дополнять по лучшимъ критическимъ изданіямъ авторовъ и по изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ. Точно также не слѣдуетъ думать, что всѣ этимологическія особенности греческаго языка объяснены окончателно и вполне удовлетворительно (напомнимъ только о формахъ гомеровскихъ). Особенно желательно было бы, чтобы синтаксисъ греческаго языка былъ обработанъ болѣе сравнительно съ русскимъ и церковно-славянскимъ языкомъ и такимъ образомъ сдѣлался бы болѣе доступнымъ для пониманія учащихся. Такъ, напримѣръ, ученіе о временахъ глаголовъ, о причастіи, о неопредѣленной формѣ и т. п. можно изложить гораздо яснѣе и понятнѣе, если сблизить и сравнить ихъ съ соотвѣтствующими формами русскаго языка. Затѣмъ нѣкоторыя статьи синтаксиса слѣдовало бъ изложить подробнѣе, а нѣкоторыя — сокращеннѣе, чѣмъ это дѣлается въ нѣмецкихъ учебникахъ. Такъ, напримѣръ, ученіе о членѣ уже потому слѣдовало бы изложить обстоятельнѣе, что въ русскомъ языкѣ ничего подобнаго не существуетъ. Правила же объ употребленіи падежей можно и сократить и вообще передѣлать, имѣя въ виду сходство въ этомъ отношеніи греческаго языка съ русскимъ. Впрочемъ опытъ болѣе самостоятельнаго изложенія синтаксиса сдѣланъ г. Чернымъ (Греческая грамма-

тика гимназическаго курса Э. Чернаго. Часть II. Синтаксисъ. Москва. 1879). Особенно удачно изложена у него статья объ употребленіи временъ глагола. Къ наименѣе удачнымъ слѣдуетъ отнести самую первую главу его Синтаксиса, въ которой говорится о членѣ. Особенно показался намъ страннымъ способъ рубрикаціи примѣровъ, приведенныхъ для поясненія общаго правила (которое—встать замѣтимъ—выражено слишкомъ сжато и неудобопонятно). Употребленіе греческаго члена (говорится въ синтаксисѣ г. Чернаго) лучше всего объясняется слѣдующими примѣрами:

a) ἡ σοφία σώζει τὸν ἄνθρωπον: мудрость спасаетъ человѣка (die Weisheit rettet den Menschen);

b) ὁ σοφὸς φεύγει τὸ ἄγαν (чрезмѣрно) χαίρειν (радоваться): мудрецъ избѣгаетъ чрезмѣрной радости;

c) τὸ ἀγαθόν, bonum, добро, благо; и пр.

d) τὰ ἡμέτερα, τὰ ἡμῶν (αὐτῶν) nostra, nostra res, наше (имущество) и т. д.

Едва ли ученикъ изъ этихъ примѣровъ лучше выучится употребленію члена, чѣмъ изъ отдѣльныхъ правилъ съ соотвѣствующими примѣрами. Не пойметъ онъ также, почему ὁ σοφὸς отнесено къ одной рубрикѣ, а τὸ ἀγαθόν къ другой. Наконецъ, не поможетъ ему и указаніе на то, что греческій членъ въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствуетъ опредѣленному члену въ нѣмецкомъ и во французскомъ языкахъ, а отсутствіе греческаго члена большею частью соотвѣтствуетъ случаямъ употребленія нѣмецкаго и французскаго неопредѣленнаго члена,—такъ какъ нѣмецкій и французскій членъ составляетъ такой же камень преткновенія для учащагося, какъ и греческій. Къ слабымъ сторонамъ Синтаксиса г. Чернаго слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести и нѣкоторую несистематичность въ распредѣленіи матеріала. Такъ ученіе объ употребленіи падежей разбито у него на двѣ отдѣльныя статьи, изъ которыхъ первая (вѣроятно—общая) помѣщена непосредственно послѣ ученія о согласованіи подлежащаго и сказуемаго, а другая (спеціальная или дополнительная) — въ концѣ Синтаксиса. Сравнивая эти два отдѣла, нельзя понять, почему одни случаи отнесены къ первому, а другіе—къ второму отдѣлу. Такъ въ 1-мъ отдѣлѣ, на стр. 12, приводятся глаголы, которые въ греческомъ языкѣ сочиняются съ винительнымъ, а въ русскомъ съ дательнымъ, потому что они въ греческомъ языкѣ принимаются за переходные глаголы, напримѣръ, εὐεργετεῖν, ὠφελεῖν τινα. Во 2-мъ отдѣлѣ, на стр. 104, особо упоминаются глаголы θεραπεύειν, θηπεύειν, ἀμείβεσθαι, какъ

будто они также не подходят под это правило. Вслѣдствіе того, что ученіе о падежахъ разорвано на двѣ части, встрѣчаются и повторенія. Такъ на стр. 12, въ отдѣлѣ о винительномъ падежѣ, замѣчается, что глаголы βοηθεῖν, συμφέρειν, λυσιτελεῖν сочиняются съ дательнымъ; то же повторяется еще разъ на стр. 104, притомъ также въ отдѣлѣ о вин. падежѣ. Въ общемъ отдѣлѣ о дательномъ падежѣ, на стр. 14, приводятся всего два правила: вопервыхъ, что въ греческомъ языкѣ существуетъ сходный съ латинскимъ *dativus possessivus* при глаголѣ „быть“, и вторыхъ, что глаголы, выражающіе взаимное, совмѣстное, общее дѣйствіе или сообщество сочиняются съ дательнымъ. То же повторяется еще разъ въ дополнительномъ отдѣлѣ о дат. пад. на стр. 110 (§ 119, § 121). Вся равница заключается въ томъ, что въ дополнительномъ отдѣлѣ приводятся еще нѣсколько новыхъ глаголовъ, которые легко могли бы быть помѣщены и въ общемъ отдѣлѣ; разрывать же ихъ и составлять изъ нихъ особое правило нѣтъ никакого основанія. Вообще ученіе о падежахъ въ Синтаксисѣ г. Чернаго представляетъ конгломератъ разныхъ практическихъ правилъ, частью по сравненію съ латинскимъ языкомъ, частью по сравненію съ русскимъ, безъ всякой внутренней связи. Впрочемъ, не смотря на эти недостатки, Синтаксисъ г. Чернаго, какъ опытъ изложенія синтаксическихъ правилъ сравнительно съ русскимъ и латинскимъ языками, заслуживаетъ полного вниманія. Замѣтимъ кстати, что г. Черный составилъ весьма полезный русско-греческій словарь гимназическаго курса, приспособленный преимущественно къ его же Сборнику матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго и латинскаго языка на греческій для 4 высшихъ классовъ гимназій.

Переходимъ теперь къ изданію греческихъ классиковъ для гимназій. Сколько намъ извѣстно, въ прошлыхъ годахъ выходили изданія классиковъ большею частью съ краткими словарчиками, безъ всякихъ комментаріевъ. Большинство такихъ изданій принадлежитъ г. Кремеру. До какой степени они распространены, служитъ доказательствомъ то, что, напримѣръ, *Иліада* Гомера вышла уже четвертымъ изданіемъ, а *Анабазисъ* Ксенофонта—шестымъ изданіемъ. Пока не имѣлось у насъ греческо-русскаго словаря, приспособленнаго къ потребностямъ гимназій, изданія Кремера были, конечно, полезны, такъ какъ они выручали учениковъ изъ бѣды. Съ появленіемъ же греческо-русскаго словаря необходимость и значеніе ихъ вообще умалились. Не говоря ужь о томъ, что приобрѣтеніе такихъ отдѣльныхъ словар-

чиковъ съ текстомъ обходилось слишкомъ дорого, замѣтимъ только, что словарчики г. Кремера далеко не даютъ ученику всего того, что можно и должно было бы ожидать отъ специальныхъ словарей. Во-первыхъ, въ нихъ не указаны ни формы, ни конструкціи, встрѣчающіяся у автора, и весьма мало обращено вниманія на фразеологію. Затѣмъ имена собственные большею частью только переводятся, а не объясняются, а если объясняются, то недостаточно; напримѣръ: *Αθάνα* дор. вм. *'Αθηνᾶ*, *Αἰώνα*, *Ἄδραστός* Адрасъ, *Αἴγυπτος* Египеть, *Αἰνείας* Эней и т. п. Наконецъ, главный ихъ недостатокъ заключается въ томъ, что при словѣ не отмѣчается ни этимологія, ни коренное значеніе его, а дается только то значеніе, которое пригодно для перевода, при чемъ нерѣдко встрѣчаются неточные и невѣрные переводы словъ и фразъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ словарчика г. Кремера къ трагедіямъ Софокла (замѣтимъ встати, что трагедіи Софокла изданы г. Кремеромъ въ двухъ выпускахъ: первый содержитъ въ себѣ трагедіи: Аяксъ, Электра, Эдипъ царь, второй—остальные трагедіи: Эдипъ въ Колонѣ, Антигона, Трахиніянки и Филоклетъ; не смотря на то, что каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ разныя трагедіи, однако и къ тому, и къ другому выпуску присоединенъ одинъ и тотъ же словарчикъ):

ἄγᾶλη стадо быковъ;

ἄγονος 2 не рождающійся (?);

ἄγόμενος 2 не мучимый;

ἄγυα улица во мн. страна, деревня, село, область;

αἰόλα νύξ (подъ сл. *αἰόλος*) свѣтлая ночь;

ἄμπυξ колесо;

ἀμφίθραπτος 2 кругомъ сгущенная, запекшаяся кровь (= *αἶμα πεπτηγός*);

ἀμφικίων кругомъ основанный на колоннахъ (?);

ἀναγκαῖος 3 необходимый, *τέθνηκ'* *'Ορέστης ἐξ ἀναγκαίας τύχης* Орестъ скончался пагубною судьбою;

ἀκουστός слушаемый (вм. слышимый);

ἀνταῖπον и *ἀνταίρηκα* возражаю (вм. возразилъ);

ἄντοξ колесо;

ἄπορδοῶ управляю, веду;

ἀπόματος чего отрицаніе можно утверждать клятвою;

ἄραγμός удары въ грудь;

ἄτραχτος стрѣла;

ἄτροτος безпрестанный;

ἄχνη роса;

βραχίον часть руки отъ локтя до кисти;

δεινόπους ужасный, страшный; διάστροφος помраченный;

διήνεμος открытый для вѣтеръ (?), высокій;

δίπαλτος 2 στρατός греческое воинство, воспламененное противъ

Аякса двумя полководцами.

δόσαυλος 2 дѣлающій несноснымъ пребываніе гдѣ л.;

ἐγγενῶς (при сл. ἐγγενής) съ природною вѣрностью;

(ἐκρήγνυμι)—καθ' ἡμᾶς ὀπισθ' ἐκρήξει μάχη сраженіе не простирается до насъ; и т. д. и т. д.

Къ этимъ недостаткамъ присоединяются еще разныя погрѣшности противъ русскаго языка. Какъ въ переводахъ, такъ и въ объясненіяхъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ фразъ, попадаются обороты не русскіе, неправильные и иногда неудобопонятные. Вотъ нѣсколько примѣровъ: ἀγγήντων ποιεῖν τι обратитъ что либо случившееся въ небывалое; Διὸ νοσος Діонисій (вм. Діонисъ или Вакхъ), сынъ Зевса и Семелы, божество, въ которомъ олицетворено дѣйствіе и обработка (?) винограда, энергическое образованіе первобытной, дикой природы и высшее, благородное одушевленіе; при сл. ἔκτοπος—ὀδδαὸς πρὸς ἔκτοπου τέθνηκε она умерла своею рукою, не чуждою (?), и др. Всякій согласится, что въ настоящее время изданія греческихъ авторовъ съ такими словарчиками составляютъ нѣчто совершенно лишнее.

Гораздо настоятельнѣе чувствуется нынѣ потребность въ изданіяхъ авторовъ съ комментаріями, которые помогали бы ученикамъ основательнѣе и глубже понять содержаніе читаемаго. Написать хорошій комментарий къ автору—дѣло далеко не легкое. Кромѣ основательнаго знакомства съ языкомъ автора, а также съ содержаніемъ его сочиненій, необходимо еще имѣть педагогическую опытность и педагогическій тактъ, чтобы при объясненіи автора дать ученику именно то, что нужно, и не дать ничего лишняго и пустаго. Лишнимъ считаемъ мы, напримѣръ, объясненіе такихъ словъ и формъ, которыя ученикъ при помощи лексикона и грамматики самъ безъ труда можетъ разобрать, или же толкованіе какой-нибудь самой простой мысли, которую ученикъ и самъ можетъ легко понять. Не только лишнимъ, но и положительно вреднымъ, считаемъ мы простыя переводы отдѣльныхъ словъ и цѣльныхъ фразъ, такъ какъ они лишаютъ ученика всякаго самостоятельнаго труда и такимъ образомъ прямо противодѣйствуютъ той цѣли, для которой читаются авторы. Если не такъ легко избѣжать всего лишняго въ комментаріяхъ, то еще

труднѣе дать то, что положительно необходимо для болѣе основательнаго и глубокаго пониманія автора. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ не только сообразоваться съ характеромъ литературнаго произведенія, которое объясняется, но и съ степенью знанія и развитія тѣхъ, для кого оно объясняется. Одно требуется, напримѣръ, для объясненія поэта, другое—для объясненія прозаика, одно—для Гомера, другое—для Демосоеена или Платона. Точно также иначе приходится писать комментарія для начинающихъ, иначе для людей знакомыхъ уже съ элементарными знаніями по грамматикѣ, литературѣ и древностямъ греческимъ.

Пока у насъ вообще мало вышло изданій греческихъ авторовъ съ комментаріями. Въ текущемъ году, сколько намъ извѣстно, появилось всего три такихъ изданія, а именно слѣдующія:

1) Иліада Гомера съ комментаріями для употребленія въ гимназіяхъ, I и II пѣснь, составилъ I. I. Гроспичъ.

2) Плутарховы жизнеописанія Демосоеена, Цицерона, Цезаря со словаремъ и комментариемъ, составилъ Лѣсковецъ.

3) Одиссея Гомера съ примѣчаніями, выпускъ 3-й, Е. Шмида.

Мы пока можемъ сообщить наши замѣчанія только объ Иліадѣ г. Гроспича (Плутарховы жизнеописанія г. Лѣсковеца намъ не удалось достать, а 3-й выпускъ Одиссеи г. Шмида мы получили на дняхъ, такъ что не имѣли возможности просмотрѣть его; впрочемъ о достоинствахъ труда г. Шмида былъ уже помѣщенъ отзывъ на страницахъ этого журнала). Комментаріи къ Иліадѣ г. Гроспича по объему довольно обширны, но, къ сожалѣнію, скудны и неудовлетворительны по содержанію. Прежде всего избилуютъ они переводами какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ выраженій, притомъ переводами не всегда точными или удачными. Для образчика выпишемъ переводы, помѣщенные въ примѣчаніяхъ г. Гроспича къ первымъ стихамъ Иліады: Πηληιάδῳ Πηλεεω сына, οὐλομένην гибельный, ἔθηκε причинилъ, ἰφθίμουс могучій: προἶαφεν отослалъ (!) низринулъ, αὐτούς ихъ самихъ, ἐλώρια добычею, ἐταλείετο совершалось, ἐξ οὗ δὴ τὰ πρῶτα съ того времени какъ въ первый разъ, ἐρίσαντε состязавшись (!), δῖος превосходный, а не божественный; σφωῆ ихъ обоихъ, ἔριδι ζωνέηκε привелъ къ спору (!), χολωθεῖς разсердившись, и т. д. и т. д.

Переводъ слова сопровождается обыкновенно кое-какими примѣчаніями, не всегда впрочемъ идущими къ дѣлу или вѣрными. Какой ученіеъ пойметъ, напримѣръ, слѣдующее примѣчаніе къ выраженію ἐρίδι ζωνέηκε: „привелъ къ спору; но должно принять въ соображе-

ніе, что воля бога не состоитъ въ томъ, чтобы ссорить Ахиллеса съ Агамемнономъ; язва, посланная имъ, даетъ поводъ къ ссорѣ ихъ". Особенно странны примѣчанія г. Гроспича по части грамматики и метрики. Они напоминаютъ намъ то давно минувшее время, когда все, что составляло особенность или стариннаго языка или діалекта и не подходило подъ правила вульгарной грамматики, приписывалось обыкновенно прихоти поэта, такъ называемой поэтической вольности или же требованіямъ размѣра. Не странно ли читать въ настоящее время такое примѣчаніе, какое, напримѣръ, дѣлается при словѣ οὐλομένην (2 ст., стр. 1): „двугласная буква οο вмѣсто гласной ο поэтому пишется (!) во многихъ словахъ, какъ-то οὐσοον, Οὐλόμποιο“ и пр., или къ слову χρῶσέφ (ст. 15, стр. 3) „contractio у поэта обыкновенно не соблюдается“; или къ слову ἐέλωρ (ст. 41, стр. 7): „гласная ε предпослана этому слову, подобно какъ въ εἰοῖσι, ἐέ“, и т. п. Точно поэтъ, по своей прихоти, могъ коверкать языкъ, какъ угодно: и удлинять звуки, и сливать или не сливать ихъ, и даже приставлять къ слову какой-нибудь звукъ и т. п. Требованіе размѣра играетъ у г. Гроспича тоже не малую роль. Имъ объясняется и „раздѣленіе въ словѣ οἶω двугласной οι на двѣ отдѣльныя гласныя“ (ст. 59, стр. 10), и форма „ἐταίροις вм. ἐταίροις“ (ст. 153, стр. 23), и между прочимъ, даже употребленіе τόξα во множ. числѣ (ст. 45, стр. 8), и многое другое. Попадаютъ также и грубыя ошибки въ этимології; такъ на стр. 9, ст. 59, при словѣ πλάγχθεντας поставлены въ скобкахъ слѣдующія настоящія времена отъ этого причастія: πλάζω и πλῆσσω. Въ предисловіи авторъ, между прочимъ, обѣщаетъ обратить особенное вниманіе на изложеніе мифическихъ преданій, обычаевъ, обрядовъ и народныхъ повѣрій, также дать примѣчанія о древней географіи, жизни героевъ, подвиги которыхъ прославляются въ Иліадѣ и вообще о собственныхъ именахъ (предисловіе, стр VI). Къ сожалѣнію, г. Гроспичъ больше обѣщаетъ, чѣмъ выполняетъ. Такъ, напримѣръ, на 1-й же страницѣ его комментаріевъ не только ничего не сообщается о жизни героевъ Ахилла и Агамемнона (что, пожалуй, не особенно и нужно), но не говорится даже, кто былъ Ахиллъ и отецъ его Пелей; точно также какъ ничего не сказано объ Агамемнонѣ и не объяснено, почему онъ названъ ἀναξ ἀνδρῶν. Не находимъ мы также никакихъ примѣчаній ни о Зевсѣ (стр. 2), ни о Герѣ (стр. 9), ни объ олимпійскихъ жилищахъ боговъ (ст. 18), ни о Талейбѣ и Еврибатѣ и вообще о роли глашатаевъ у древнихъ Грековъ (ст. 320), ни о многомъ другомъ. Иногда даются довольно

куръезныя объясненія греческихъ обрядовъ. Такъ, на стр. 46 и 47 (къ ст. 449 и 462) говорится, между прочимъ, что за немѣнимъ ячменя жертвоприносяще посыпали голову жертвеннаго животнаго чѣмъ-нибудь другимъ, напримѣръ, дубовыми листьями, а за немѣнимъ вина окропляли сожигаемую жертву водою. Г. Гроспичъ возводитъ въ обрядъ народію на обрядъ, о которой разказывается въ XII пѣснѣ Одиссеи. Впрочемъ, выставляя недостатки комментаріевъ г. Гроспича, мы не желаемъ сказать, чтобы трудъ его былъ совершенно негоденъ. Рядомъ съ примѣчаніями лишними и невѣрными попадаетъ также много вѣрныхъ и пригодныхъ. Но мы должны замѣтить, что если г. Гроспичъ желаетъ съ пользою продолжать свой трудъ, то долженъ, вопервыхъ, въ объясненіяхъ грамматическихъ и метрическихъ строго держаться научнаго метода, вовторыхъ, обратить больше вниманія на объясненіе содержанія, не упуская ничего, но притомъ и не вдаваясь въ лишнія подробности, и наконецъ, оставить совершенно не педагогическій методъ переводить почти всякое слово и объяснять то, что ученики должны уже знать изъ грамматики, какъ-то: о значеніи настоящаго времени или прошедшаго несовершеннаго и т. п.

Такъ какъ рѣчь зашла объ учебникахъ, то мы присоединимъ встать еще нѣсколько словъ о довольно куръезномъ трудѣ, написанномъ также въ пособіе учащимся. Полное заглавіе его слѣдующее: Словарь особенностей греческихъ діалектовъ дорическаго, эолическаго, іоническаго и аттическаго съ образцами этихъ діалектовъ. Пособіе при чтеніи греческихъ классиковъ, составилъ по Гедеріку, Папе и Коссовичу Ф. Добрянскій. Вильна, 1879 ¹⁾. Уже одно заглавіе обнаруживаетъ въ авторѣ не только незнаніе источниковъ, по которымъ можно было бы составить подобный трудъ, но и полнѣйшую неразборчивость въ пользованіи второстепенными пособіями; потому что только такимъ образомъ можно объяснить, почему г. Добрянскій не ограничился однимъ Папе, и если этого было мало, не присоединилъ къ нему Пассова, а вмѣсто того взялъ устарѣлаго Гедеріка и лексиконъ Коссовича, который, какъ извѣстно, составленъ отчасти по Пассову, отчасти по Папе. Впрочемъ это была бы еще не большая бѣда, еслибы только г. Добрянскій дѣйствительно со-

¹⁾ Замѣтимъ, что это вовсе не словарь, а алфавитный index или указатель діалектическихъ формъ, встречающихся у авторовъ, впрочемъ безъ всякихъ цитатъ.

ставилъ свой словарь по Гедерику, Папе и Коссовичу. На дѣлѣ оказывается однако совершенно иное. Его словарь на каждой страницѣ испещренъ самыми грубыми и непростительными ошибками, какихъ нѣтъ ни въ одномъ изъ указанныхъ имъ пособій. Возьмемъ хотя бы 17-ю страницу:

ἄ, мѣстоименіе притяжательное женскаго (!) рода эп. вм. ἐὰ отъ ἐός;

ἄἄθην, I аор. стр. эп. вм. ἦθην, отъ ἄω (ни ἄἄθην, ни ἦθην нигдѣ не встрѣчаются);

ἄἄσθην, I аор. стр. эп. отъ ἄω (не отъ ἄω, а развѣ отъ ἄάω);

ἄβράχηςαν, I аор. іон. вм. ἦβράχηςαν, отъ ἄβραχέω или ἄβράχω (это слово неизвѣстно откуда взято г. Добрянскимъ, ужь не ἄβραχηςαν ли это?);

ἄγάγας, прич. 2 аор. іон. вм. ἀγαγών, атт. вм. ἀγών отъ ἄγω;

ἀγαχτιμέναν, вин. ед. прич. пр. сов. стр. дор. и эол. вм. ἀγαχτισμένην, отъ ἀγαχτίζω (!), и т. д.

Для курьеза прибавимъ еще нѣсколько примѣровъ, которые случайно намъ бросились въ глаза при перелистываніи книги: ἦομεν, 1 л. мн. 2 аор. атт. вм. εἶομεν отъ εἶμι; ἦδρω 2 л. ед. 1 аор. атт. и іон. вм. ἦδρησω (такъ поставлено удареніе у г. Добрянскаго); φῆζи 3 ед. 2 аор. сосл. іон. вм. φῆ и т. п. Кто пишетъ пособие для учащихся, тотъ по крайней мѣрѣ долженъ знать склоненія и спряженія.

А. Вейсманъ.

(Продолженіе будетъ).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устноѣ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ А. *Радонежскій*.

Изданіе шестое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену и К^о*.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 75 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ Москву, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ.

Адресъ издателя: Пантелеймоновская ул., д. № 7, кв. 8.

1-го ЮЛЯ вышла и разслана подписчикамъ VII-я, ЮЛЬСКАЯ,
книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. 6-е юня—день открытія памятника Пушкину.— II. Рѣчь профессора О. Ф. Миллера, сказанная 6-го юня въ память Пущкина.— III. А. С. Пушкинъ, біографическій очеркъ, окончаніе, подъ ред. П. А. Ефремова.— IV. Жобаръ и А. С. Пушкинъ, сообщ. В. В. Никольскій.— V. Посланіе въ стихахъ и письмо А. С. Пушкина, 1819—1823 гг.— VI. Письма А. С. Пушкина къ Н. И. Гнѣдичу, 1820—1830 гг. Сообщ. П. А. Ефремовъ.— VII. Письмо А. С. Пушкина къ П. Б. Мансурову, 1819 г. Сообщ. акад. Я. К. Гротъ.— VIII. Воспоминанія А. М. Наратыгиной о знакомствѣ ея съ А. С. Пушкинымъ.— IX. Встрѣчи съ А. С. Пушкинымъ въ 1824 и 1829 гг. воспоминанія Н. Б. Потоцкаго.— X. Обзоръ новаго изданія «Собранія сочиненій Пушкина».— XI. Стихотвореніи М. П. Бестужева-Рюмина, Н. И. Гнѣдича, А. Писарева.— XII. Присоединеніе Грузіи къ Россіи, историческій очеркъ (окончаніе), Ад. П. Берже.— XIII. Записки профессора Д. М. Ростиславова.— XIV. Записки принца Евгенія Виртембергскаго: война въ 1828 г.— XV. Переписка императора Николая Павловича съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ, 1828 г.— XVI. Записки сельскаго священника: житіе-бытíе сельскаго пастыря со дня прѣзда его въ приходъ.— XVII. Слово о полку Игоревѣ—въ переводѣ Герасима Петровича Павскаго.— XVIII. А. В. Фрейгангъ † 1880 г.— XIX. Разсказы и замѣтки: Кн. А. И. Барятинскій.— Архіепископъ Иринеи Нестеровичъ.— Архимандритъ Гавриилъ Воскресенскій.— День 14-го декабря.— Корнетъ Атуевъ въ 1850 г.— Даль и Нашковнѣ и проч. XX. Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ. Сост. профессоръ В. С. Иконниковъ.

Приложенія: Къ этой книгѣ приложены два снимка, исполненные въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ подлинныхъ двухъ черновыхъ писемъ А. С. Пушкина къ барону Гекерну, 1836 г.

Портретъ А. С. Пушкина въ гробу съ рисунка одного изъ учениковъ К. П. Брюллова, гравюра Академика Сѣрнова получена изъ Ниции (по случаю болѣзни гравера) только 29-ю юня, поэтому не могла быть отпечатана при этой книгѣ, а будетъ разслана при Августовской книгѣ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г.

Подписка на „Русскую Старину“ 1880-го года [одинадцатый годъ изданія] продолжается. Цѣна за 12 книгъ въ годъ съ портретами и проч. приложеніями ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою. (Осталось немного экземпляровъ. Печатается второе изданіе первыхъ четырехъ книгъ). Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у **Мамонтова**, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у **Мамонтова**, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербур-
бургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», на Большую
Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1880 г. *не-
прѣменно* при каждой книгѣ) **ВОСЕМЬ** руб. съ пересылкой.

Можно получить—«Русскую Старину», съ портретами, 1870 г. (3-е изд.),
1876 г. (второе изд.), 1877 г. (съ 10 гравированными на мѣди и на деревѣ
портретами), 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и
другими портретами, и 1879 года съ гравированными при каждой книгѣ
портретами. Цѣна за каждый годъ **ВОСЕМЬ** руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. И. Семевскій.**

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАДАШЕВА

Екатеринскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90-1.

1880.

Средняя Подъёмная, 1.
8126.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

ДАННЫЙ НА ИМЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
МАРИИ ПАВЛОВНЫ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО.

По дѣйствующимъ положенію о женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія и уставу женскаго, графа Дмитрія Николаевича Блудова, училища въ Острогѣ (Волинской губерніи), попечительницы названныхъ заведеній утверждались въ своемъ званіи и увольнялись отъ онаго властію въ Божѣ почившей Любезнѣйшей Супруги Нашей Императрицы Марии Александровны; сверхъ сего, женскія гимназіи и прогимназіи министерства народнаго просвѣщенія, равно какъ вѣденское и холмское маріинскія женскія училища состояли, по уставамъ ихъ, подъ Августѣйшимъ Ея покровительствомъ.

Нынѣ признали Мы за благо ввѣрить вѣдѣнію, покровительству и материнскому попеченію Вашего Императорскаго Высочества вышеупомянутыя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, со всѣми правами, принадлежавшими блаженной памяти Императрицы Марии Александровны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Искренно васъ любящій

АЛЕКСАНДРЪ“.

4-го іюля 1880 года. Въ Царскомъ Селѣ.

1*

II. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

1880 года іюля 5-го. Оберъ-прокурору перваго департамента правительствующаго сената, тайному совѣтнику Маркову — Всемило-стивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра народнаго просвѣ-щенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

III. ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

8. (6-го мая 1880 г.). О преобразованіи Либавской Николаев-ской гимназіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи Либавской Нико-лаевской гимназіи Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ ис-полнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ госу-дарственной экономіи и законовъ въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Либавской Николаевской гимназіи, мнѣніемъ положилъ:

1) Существующую въ гор. Либавѣ шестиклассную Николаевскую гимназію преобразовать, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, въ семиклассный составъ, съ примѣненіемъ къ ней учебнаго курса и учебныхъ плановъ прочихъ гимназій Дерптскаго учебнаго округа.

2) Проектъ новаго штата Либавской Николаевской гимназіи пред-ставить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержде-ніе; и

3) Сумму, ассигнуемую нынѣ на содержаніе означенной гимназіи изъ государственнаго казначейства, отпускать и на будущее время

въ томъ же размѣрѣ, т. е. по шести тысячъ ста восьмидесяти шести руб. въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

ШТАТЪ

ЛИБАВСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ГИМНАЗИИ.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.		Классы и разряды.		
		Одному.	Всѣмъ.	По должности.	По штату на мундиръ.	По пенсін.
		Р у б л и.				
Директоръ (онъ же и старшій учитель), добавочнаго жалованья по сему званію	—	800	800	V	V	Въ разрядѣ пенсій, положенныхъ для Дерптской гимназін.
Инспекторъ (онъ же и старшій учитель); добавочнаго жалованья по сему званію	—	300	300	VI	VI	
Ему же столовыхъ	—	150	150	—	—	
Законоучитель православнаго исповѣданія	1	300	300	—	=	
Старшіе учителя { наукъ . . . . . русскаго языка и словесности	5	700	3500	VIII	VIII	
	1	700	700	VIII	VIII	
Имъ же квартирныхъ	—	240	1440	—	—	
Младшіе учителя { наукъ . . . . . русскаго языка. французск. языка	3	550	1650	IX	IX	
	1	550	550	IX	IX	
	1	550	550	IX	IX	
Имъ же квартирныхъ	—	140	700	—	—	
Учитель русскаго языка при параллельныхъ классахъ	1	550	550	IX	IX	
Ему же столовыхъ	—	140	140	—	—	

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.		Классы и разряды.		
		Одному.	Всѣмъ.	По должности.	По штату на мѣсяцъ.	По пенсіи.
		Р у б л и.				
Учители искусства (рисованія, черченія и чистописанія. . . . .)	1	250	250	X	X	VIII
пѣнія	1	150	150	—	—	—
гимнастики	1	160	160	—	—	—
Письмоводитель	1	400	400	X	X	VIII
На канцелярскія потребности	—	—	50			
На усиленіе канцелярскихъ средствъ для русской переписки	—	—	800			
На учебныя пособия	—	—	150			
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы	—	—	1200			
И Т О Г О	17	—	14490			

Примѣчанія: 1-е. Кромѣ окладовъ, опредѣленныхъ въ штатѣ учителямъ наукъ, а также русскаго языка и словесности, лицамъ симъ производится особое изъ городскихъ доходовъ и изъ сбора за ученіе добавочное содержаніе по 600 руб. каждому, всего на сумму 6600 руб. въ годъ.

2-е. Въ счетъ исчисленныхъ по сему штату суммъ, отпускаются: 6186 руб. изъ государственнаго казначейства, 8700 руб. изъ доходовъ города Либавы и 6204 руб. изъ сбора за ученіе.

3-е. Могущіе быть отъ сихъ суммъ остатки по окончаніи года раздѣляются на двѣ части: одна треть этихъ остатковъ, на общемъ основаніи, передается въ государственное казначейство, а двѣ трети представляются въ распоряженіе Либавской училищной коллегіи, для употребленія исключительно на нужды мѣстной гимназіи.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

22-го апрѣля 1880 года. (№ 6). Производятся, за отличіе: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Василій Ефремовъ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Владиміръ Морковниковъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, деканъ физико-математическаго факультета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Теофилактовъ—ректоромъ сего университета на четыре года, съ 28-го марта 1880 года, съ увольненіемъ отъ должности декана (Выс. пов. 7-го апрѣля 1880 года).

Отставной гвардіи полковникъ князь Голицынъ—почетнымъ попечителемъ Тульской гимназіи, на три года.

Статскій совѣтникъ Бѣлаго, отставной гвардіи поручикъ Устимовичъ и потомственный почетный гражданинъ Нечаевъ, вновь почетными попечителями реальныхъ училищъ на три года: Бѣлаго—Ливенскаго, Устимовичъ—Кременчугскаго Александровскаго и Нечаевъ—Тверскаго; послѣдніе два съ 4-го апрѣля 1880 года.

Назначается: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Родевичъ—дѣлопроизводителемъ V класса сего департамента.

Зачитается въ командировку за границу съ ученою цѣлю: экстраординарному академику Императорской академіи наукъ Шмидту—отпускъ за границу на одинъ мѣсяць.

Ординарному академику Императорской академіи наукъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Овсянникову—отпускъ за границу на два мѣсяца и шесть дней.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, статскому совѣтнику Данилевскому—на одинъ годъ.

Командируются съ ученою цѣлю: въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Владимірскій-Будановъ—на одинъ годъ, съ 15-го августа 1880 года.

За границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго Вар-

шавскаго университета, статскій совѣтникъ Навроцкій — на два мѣсяца, съ 20-го мая 1880 года.

Вице-директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вагнеръ и старшій астрономъ сей обсерваторіи, надворный совѣтникъ Нуренъ — на два мѣсяца.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Успенскій и экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Герцъ — на лѣтнее вакаціонное время 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Первольфъ — на лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней, считая съ 20-го мая 1880 года.

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Наукъ и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эргардтъ — на три мѣсяца, съ 1-го іюня 1880 года.

Ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стржедвинскій — на три мѣсяца и двѣнадцать дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Морковниковъ — на три мѣсяца и двадцать шесть дней, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на два мѣсяца.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Толстопятовъ и лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета Львовъ — на четыре мѣсяца.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Соколовъ — на четыре мѣсяца, съ 15-го мая 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Бекетовъ — и доцентъ сего университета Гоби — на четыре мѣсяца, съ 1-го іюня 1880 года.

Кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Селивановъ — на четыре съ половиною мѣсяца.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Цвѣтаевъ — на шесть мѣсяцевъ, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на два мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ Нерсесовъ — на одинъ годъ.

Продолжается срокъ отпуска за границу: сверхштатному помощнику прозектора Императорскаго Варшавскаго университета Эдльенбергу—до шести мѣсяцевъ.

Увольняется въ отпускъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Невѣровъ—на три мѣсяца, къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ по болѣзни.

Увольняются, согласно прошеніямъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, тайный совѣтникъ Бунге — отъ должности ректора сего университета, съ 28-го марта 1880 года (Выс. пов. 7-го апрѣля 1880 года).

Почетные попечители гимназій: Симферопольской, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ Маразли, Астраханской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣевъ и Одесской третьей, Степанъ Ралли—отъ сихъ должностей.

Почетный попечитель Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища Павелъ Ралли—отъ сей должности.

17-го мая 1880 года. (№ 7). Производится ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Вальтазаръ Богичичъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ 26-го апрѣля 1880 года (Выс. пов. 26-го апрѣля 1880 г.).

Утверждается: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, деканъ медицинскаго факультета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ковалевскій—ректоромъ сего университета, на четыре года съ увольненіемъ отъ должности декана.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: доктору медицины Татаринову—на одинъ годъ.

Ординарному академику Императорской академіи наукъ, тайному совѣтнику Бетлингу—на три года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Финшъ-фонъ-Вальдгеймъ—съ 10-го іюня по 20-е іюля 1880 года.

Директоръ главной физической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вильдъ и ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стида—оба на два мѣсяца, съ 20-го іюля 1880 года.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Фойникій—на четыре мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему двухмѣсячнаго заграничнаго отпуска.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета Ковалевскій—на два года.

Увольняется, согласно прошенію: почетный попечитель Херсонской гимназіи Маврокордато—отъ сей должности.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

23. (20-го февраля 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Владиміра Ипполитовича Доргобужинова при Костромской гимназіи.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Собранныя по подпискѣ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, служащихъ въ Костромской губерніи и другихъ лицъ всѣхъ сословій, сумма въ 3,700 р. назначается для учрежденія въ Костромской гимназіи стипендіи имени тайнаго совѣтника Доргобужинова, въ память 11-ти лѣтняго сличномъ служенія его начальникомъ Костромской губерніи.

2) На присвоеніе сей стипендіи имени тайнаго совѣтника Владиміра Ипполитовича Доргобужинова 15 февраля 1880 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

3) Вышеозначенный капиталъ заключающійся въ пяти билетахъ государственнаго банка за №№ 18,041, 109,525, 9,610, 43,633 и 114,795 на 3,650 рублей и одной пятидесяти рублевой облигаціи восточнаго займа за № 446,593, составляя неприкосновенную собственность Костромской гимназіи, хранится въ Костромскомъ-губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ суммъ гимназіи и проценты съ капитала, въ количествѣ 185 р. въ годъ, употребляются на содержаніе стипендіата.

4) Стипендіатъ назначается: при жизни тайнаго совѣтника Доргобужинова по его избранію, безъ всякихъ ограниченій, а послѣ смерти его по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи утверждаемому попечителемъ Московскаго учебнаго округа преимущественно изъ дѣтей чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ Костромской губерніи и предпочтительно предъ другими изъ круглыхъ сиротъ и полусиротъ, заслуживающихъ пособія по своимъ успѣхамъ и поведенію.

5) Такъ какъ при выборѣ стипендіата будетъ обращаться вни-

маніе на успѣхи и поведеніе избираемаго, то, въ случаѣ пониженія успѣховъ стипендіата къ концу учебнаго года, зависящихъ не отъ болѣзни или причинъ, признанныхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи вполне уважительными, или, при неудовлетворительности поведенія, педагогическому совѣту, въ согласіи тайнаго совѣтника Доргобужинова, а по смерти его, съ разрѣшенія начальства Московскаго учебнаго округа предоставляется право лишать стипендіи такого стипендіата, въ которомъ будетъ замѣчена вышеуказанная переѣмна къ худшему, и опредѣлять на мѣсто его другаго, болѣе достойнаго, указаннымъ въ 63 пунктѣ порядкомъ.

6) Избранный стипендіатъ содержится на проценты съ пожертвованнаго капитала въ состоящемъ при гимназіи пансіонѣ. Если же по количеству процентовъ не представится возможности вносить въ пансіонъ полной положенной платы, то, при несогласіи родителей, воспитателей или опекуновъ добавлять ежегодно недостающія до полной платы деньги, проценты съ капитала должны быть выдаваемы имъ по ассигновкамъ директора гимназіи, впередъ за полугодіе.

7) Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ должны быть, по мѣрѣ накопленія, обращаемы въ процентныя бумаги и присоединяемы къ основному капиталу, доколѣ проценты со всего капитала не составятъ суммы, необходимой для полнаго взноса въ пансіонъ за содержимаго стипендіата. Въ случаѣ же если и за симъ будутъ остатки отъ процентовъ, то они должны храниться на особомъ счету и изъ этихъ остатковъ по постановленію педагогическаго совѣта, съ согласія тайнаго совѣтника Доргобужинова, а по смерти его съ утвержденія попечителя московскаго учебнаго округа, могутъ выдаваться особымъ пособіемъ окончившимъ вполне успѣшно гимназическій курсъ и поступающимъ въ высшія заведенія стипендіатамъ.

8) По окончаніи въ заведеніи курса, стипендіатъ не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

24. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ, учрежденныхъ при С.-Петербургской пятой гимназіи въ память умершаго С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Николая Алексѣевича Погребова.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Умершій С.-Петербургскій 2-й гильдіи купецъ Николай Алексѣевичъ Погребовъ, по третьему пункту духовнаго завѣщанія, утвер-

жданнаго С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ къ исполненію 9-го августа 1879 г., завѣщаль ввѣстити въ совѣтъ 5-й С.-Петербургской гимназіи два 5% билета государственнаго банка за №№ 371 и 372 то 5000 руб. каждый, всего на сумму десять тысячъ (10000) рублей, съ текущими при нихъ купонами, завѣщанные имъ на вѣчныя времена, для учрежденія изъ % съ этого капитала при С.-Петербургской 5-й гимназіи пяти стипендій его имени, на слѣдующихъ условіяхъ.

2. Стипендіи эти должны быть навсегда предоставляемы недостаточнымъ ученикамъ чисто русскаго происхожденія и преимущественно купеческаго и мѣщанскаго сословія города С.-Петербурга, и въ случаѣ, еслибы таковыхъ достойныхъ не оказалось, то и изъ крестьянскаго званія, но никакъ не распространяя права полученія этихъ стипендій на учениковъ другихъ сословій.

3. Назначеніе стипендіатовъ должно зависѣть отъ выбора педагогическаго совѣта, который, однако, долженъ руководствоваться условіями, упомянутыми въ II пунктѣ сего положенія.

4. Изъ ста (100) рублей, предназначенныхъ каждому стипендіату, должна быть прежде всего удерживаема установленная въ пользу гимназіи плата за право ученія, а остающаяся затѣмъ сумма выдается ученику, по полугодію, на одежду и покупку учебныхъ пособій.

5. Стипендіату, окончившему курсъ въ гимназіи и желающему продолжать свое образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, выдача таковой стипендіи можетъ быть продолжена еще на одинъ годъ, если педагогическій совѣтъ гимназіи признаетъ это необходимымъ для обезпеченія существованія стипендіата, причѣмъ должно быть представлено въ гимназію удостовѣреніе, что нуждающійся въ продолженіи стипендіи дѣйствительно принятъ и состоитъ въ числѣ воспитанниковъ высшаго учебнаго заведенія.

При выходѣ въ тиражъ котораго либо изъ помянутыхъ въ I пунктѣ сего положенія билета, педагогическій совѣтъ гимназіи обязанъ замѣнить оный новымъ равной цѣнности изъ числа бумагъ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ; при этомъ остатокъ, могущій образоваться при покупкѣ новаго билета, долженъ быть употребленъ на единовременное пособіе какъ ученикамъ, такъ въ особенности окончившимъ курсъ и нуждающимся въ средствахъ къ существованію.

7. На присвоеніе симъ стипендіямъ имени С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Николая Алексѣевича Погребова, 14-го марта 1880 г., послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

25. (22-го марта 1880 г.). Правила для съѣздовъ представителей гимназій Дерптскаго учебнаго округа.

(Утверждены г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Учительскіе съѣзды представителей гимназій Дерптскаго учебнаго округа созываются для обсужденія и разработки возникающихъ изъ практики гимназій педагогическихъ вопросовъ.

2. Съѣзды открываются, по представленію попечителя учебнаго округа, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Промежутки времени между каждымъ съѣздомъ долженъ быть отъ 2-хъ до 5-ти лѣтъ, смотря по количеству и важности накопившихся вопросовъ.

3. Для участія въ съѣздѣ, конференціи гимназій Дерптскаго учебнаго округа, соображаясь съ свойствомъ предложенныхъ съѣзду вопросовъ, выбираютъ изъ своей среды тѣхъ лицъ, которыя по своей спеціальности и большей или меньшей компетентности могутъ принести наиболѣе пользы въ работахъ съѣзда. Попечитель, съ своей стороны, можетъ приглашать на съѣздъ тѣхъ лицъ, присутствіе которыхъ онъ признаетъ нужнымъ. Отъ него зависятъ также, смотря по характеру вопросовъ, предлагать подлежащему факультету университета прислать на съѣздъ своего представителя.

4. Директорамъ и конференціямъ гимназій, а также съѣздамъ дозволяется представлять на усмотрѣніе попечителя учебнаго округа тѣ вопросы, обсужденіе которыхъ на слѣдующемъ съѣздѣ они считаютъ желательнымъ. Тѣ изъ этихъ вопросовъ, которые будутъ попечителемъ одобрены, а равно и вопросы, выбранные самимъ попечителемъ, сообщаются отдѣльнымъ гимназіямъ для предварительнаго обсужденія въ конференціяхъ, а затѣмъ, по поступленіи отъ нихъ заключеній, попечитель, по каждому изъ вопросовъ, который имѣетъ быть предложенъ съѣзду, назначаетъ изъ числа директоровъ или учителей гимназіи референта и кореферента по возможности различнаго по этому вопросу образа мыслей и имъ передается заблаговременно весь матеріалъ для разработки и подготовки.

5. Засѣданія съѣздовъ не публичны, но въ качествѣ посѣтителей могутъ на нихъ присутствовать профессора Дерптскаго университета, члены конференціи гимназій округа и тѣ лица, которымъ предсѣдателемъ съѣзда будетъ дано особое разрѣшеніе.

6. Для руководства совѣщаніями съѣзда попечитель назначаетъ предсѣдателя. Съѣздъ самъ выбираетъ своихъ дѣлопроизводителей.

7. Подробности порядка предварительной подготовки и разъясне-

нія вопросовъ на самомъ сѣздѣ опредѣляются председателемъ сѣзда, при чемъ, кромѣ общихъ засѣданій, могутъ быть образованы комиссіи изъ отдѣльныхъ членовъ сѣзда для ближайшей разработки отдѣльныхъ вопросовъ, прежде передачи ихъ на общее обсужденіе.

8. Каждый, окончательно разработанный, вопросъ вносится председателемъ въ общее засѣданіе сѣзда. Обсужденіе дѣла начинается съ доклада референта и замѣчаній кореферента, послѣ чего открываются пренія, которыми руководить председатель. Отъ сего послѣдняго зависитъ пригласить къ участію въ преніяхъ и кого-либо изъ педагоговъ, присутствующихъ на засѣданіи въ качествѣ посѣтителей, если ихъ опытность и познанія могутъ быть полезными для разъясненія дѣла.

9. Результатъ совѣщанія опредѣляется голосованіемъ, при чемъ когда въ числѣ членовъ сѣзда будутъ нѣсколько представителей одной и той же гимназіи, то они имѣютъ всѣ вмѣстѣ лишь одинъ голосъ.

Исключеніе изъ этого правила составляетъ лишь председатель сѣзда, который хотя бы и принадлежалъ къ личному составу гимназіи, имѣетъ самостоятельный голосъ.

10. Протоколы засѣданій сѣзда ведутся сообща дѣлопроизводителями, а на слѣдующемъ же засѣданіи представляются на утвержденіе сѣзда и подписываются председателемъ и дѣлопроизводителями. По окончаніи сѣзда председатель съ приложеніемъ всѣхъ протоколовъ доноситъ о ходѣ сѣзда попечителю округа, который въ свою очередь доноситъ каждый разъ министру народнаго просвѣщенія.

11. Участіе въ сѣздѣ принимается каждымъ по добровольному согласію и потому путевыя и другія издержки несутся членами сѣзда, вообще говоря, на свой счетъ. Но отъ гимназіи и ея директора зависитъ установленнымъ порядкомъ просить о назначеніи командированнымъ ихъ представителямъ пособія изъ спеціальныхъ средствъ заведенія, если состояніе этихъ средствъ это позволяетъ.

12. Расходы по самому сѣзду, на канцелярскіе и другія потребности, печатаніе протоколовъ и т. д. распределяются по расчету, утвержденному попечителемъ, на всѣ гимназіи округа и покрываются изъ ихъ спеціальныхъ или хозяйственныхъ суммъ. Каждая гимназія получаетъ въ свое распоряженіе опредѣленное количество печатныхъ экземпляровъ протоколовъ, известное число которыхъ представляется также попечителю округа.

26 (2-го апрѣля 1880 г.) Положеніе о стипендіи, учрежден-

денной при Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Государя Императора отъ злодѣйскаго покушенія 2-го апрѣля 1879 года.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 30-й день марта 1880 г., при Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ учреждается одна стипендія въ память избавленія драгоцѣнной жизни Его Императорскаго Величества отъ угрожавшей опасности 2-го апрѣля 1879 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ пять сотъ руб., пожертвованнаго преподавателями Бѣлостокскаго реального училища: надворнымъ совѣтникомъ Н. Н. Маракуевымъ и состоящимъ въ VIII классѣ П. А. Двукраевымъ.

2) Пожертвованный капиталъ хранится, въ пяти 5% билетахъ 3-го восточнаго займа, въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Бѣлостокскаго реального училища, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Въ случаѣ закрытія Бѣлостокскаго реального училища, капиталъ этотъ передается, съ тѣмъ же назначеніемъ, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа, въ другое подобнаго рода мужское учебное заведеніе.

4) Въ случаѣ имортизаціи билетовъ 3-го восточнаго займа, на вырученную стоимость ихъ имѣютъ быть приобрѣтены училищемъ другіе государственные 5-ти процентные билеты.

5) Стипендією пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища, изъ русскихъ подданныхъ, православнаго исповѣданія, оказавшій при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

6) Проценты съ стипендіальнаго капитала обращаются на уплату за право ученія стипендіата въ училищѣ, но, въ случаѣ освобожденія его отъ платы за ученіе, они могутъ выдаваться на руки стипендіату за каждое истекшее полугодіе.

7) Выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту.

8) Стипендіатъ пользуется стипендією до окончанія курса или выхода его по какимъ-либо причинамъ изъ училища; но и во время пребыванія въ заведеніи онъ можетъ быть лишень стипендіи по малоуспѣшности или неодобрительному поведенію, вслѣдствіе опредѣленія о томъ педагогическаго совѣта.

9) По выходѣ изъ училища, вслѣдствіе окончанія курса или по

ДРУГИМЪ КАКИМЪ-ЛИБО ПРИЧИНАМЪ, СТИПЕНДІАТЪ НЕ ПОДЛЕЖИТЪ НИКАКИМЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ.

27 (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи Его Величества Императора Александра II-го, при Астраханской мужской гимназии.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Почетный попечитель гимназій, члены педагогическаго совѣта, служащіе въ Астраханской гимназій и егиторъ гимназической церкви, въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія благополучнаго царствования Государа Императора, собрали капиталъ, составившій, въ пятипроцентныхъ бумагахъ третьяго восточнаго займа, 600 руб.

2) На проценты съ означеннаго капитала, учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 30-го марта 1880 г., при Астраханской гимназій стипендія Имени Его Величества Императора Александра II и ученикъ, пользующійся ею, называется стипендіатомъ Его Величества Императора Александра II-го.

3) Стипендіею можетъ пользоваться только ученикъ Астраханской гимназій, который удовлетворяетъ условію § 31 устава гимназій, Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 г., т. е. сынъ совершенно недостаточныхъ родителей, заслуживающій стипендіи по своему поведенію и прилежанію.

4) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназій, который и лишаетъ стипендіата права на полученіе стипендіи, если онъ перестаетъ удовлетворять условію § 31 устава.

5) Ежегодный процентъ, по назначенію педагогическаго совѣта, употребляется на приобрѣтеніе для стипендіата учебныхъ пособій и, по мѣрѣ возможности, на покупку или ремонтъ бѣлья, платья и обуви для него. Отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ выдать и всѣ 30 руб. на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата.

6) Стипендіатъ освобождается отъ взноса денегъ за право ученія, если только число освобожденныхъ отъ платы учениковъ не достигло еще 10⁰/₀ общаго числа освобождаемыхъ отъ платы учениковъ гимназій.

7) На обязанности директора гимназій лежитъ полученіе процентовъ съ капитала и, въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ билетовъ, своевременный обмѣнъ ихъ на другія, гарантированныя правительствомъ, выгодныя процентныя бумаги.

8) Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ, по случаю пе-

ремѣшенія вакансіи или по другимъ причинамъ, по распоряженію педагогическаго совѣта, или выдаются по окончаніи стипендіатомъ курса, или же присоединяются къ неприкосновенному капиталу для увеличенія его.

28. (2-го апрѣля) 1880 г.) Положеніе о стипендіи Государя Императора Александра II, учрежденной при Томскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Въ ознаменованіе перваго двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора, на проценты съ капитала въ 400 р., собраннаго по добровольной подпискѣ служащими при Томскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ, учреждается при училищѣ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 30-го марта 1880 г., стипендія на вѣчныя времена подъ наименованіемъ стипендіи Его Величества Императора Александра II-го.

2) Проценты съ означеннаго капитала ежегодно употребляются на уплату за право ученія стипендіата, а остатокъ, могущій образоваться отъ незамѣненія вакансіи, присоединяется къ основному капиталу для увеличенія онаго.

3) Стипендіей можетъ пользоваться только ученикъ Томскаго Алексѣевского реальнаго училища, преимущественно изъ крестьянскаго сословія, оказывающій хорошіе успѣхи въ наукахъ и отличнаго поведенія, который въ этомъ случаѣ носитъ названіе стипендіата Его Величества Императора Александра II-го.

4) Выборъ стипендіата представляется педагогическому совѣту Томскаго Алексѣевского реальнаго училища.

5) Означенный въ § 1 капиталъ, по обращеніи его въ правительственныя процентныя бумаги, составляетъ неприкосновенную собственность Томскаго Алексѣевского реальнаго училища, хранится, вмѣстѣ съ спеціальными средствами училища, въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, и на хозяйственный комитетъ училища возлагается обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ былъ своевременно обмѣняваемъ на выгодныя правительственныя процентныя бумаги.

6) Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса ученія или выхода по какимъ-либо причинамъ изъ училища, но и во время пребыванія въ заведеніи можетъ быть лишенъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта реальнаго училища, стипендіи, по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному поведенію.

29. (5-го апрѣля 1880 г.) Положеніе о стипендіи Василя и Сергѣя Сорокиныхъ, учрежденной при Бѣлевской прогимназіи.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ пожертвованнаго, въ ознаменованіе исполнѣннѣйшаго 25-ти-лѣтія царствованія Государя Императора, потомственною почетною гражданкою Сорокиною капитала въ 1000 р. заключающагося въ 5% билетѣ государственнаго банка 2-го выпуска, учреждается при Бѣлевской прогимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 15-го февраля 1880 г., одна стипендія, съ наименованіемъ оной: „стипендія Василя и Сергѣя Сорокиныхъ“.

2) Проценты съ означеннаго капитала, хранящагося въ Бѣлевскомъ уѣздномъ казначействѣ, выдаются ежегодно одному изъ бѣдныхъ учениковъ Бѣлевской прогимназіи, отличному по поведенію и успѣхамъ.

3) Право выбора стипендіата предоставлено жертвователю педагогическому совѣту Бѣлевской прогимназіи.

4. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей до окончанія курса въ прогимназіи, если онъ постоянно будетъ имѣть, при отличномъ поведеніи, хорошіе успѣхи.

30. (17-го апрѣля 1880 г.) Положеніе о стипендіи имени Его Величества Императора Александра II.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го апрѣля 1880 г., при Рыбинской 6-ти классной мужской прогимназіи учреждается на пожертвованный педагогическимъ совѣтомъ капиталъ пятьсотъ руб., заключающійся въ пяти облигаціяхъ восточнаго займа 1877 г. за № 511900, 511901, 511902, 511903 и 511919, одна стипендія подъ наименованіемъ: „стипендія Его Величества Государя Императора Александра II“.

2) Стипендіею имѣютъ право пользоваться преимущественно дѣти крестьянъ Рыбинскаго уѣзда, а за отсутствіемъ таковыхъ, дѣти мѣщанъ города Рыбинска.

3) Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту.

4) За безуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе воспитанникъ лишается стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта.

5) Стипендіатъ, оставшійся на другой годъ въ томъ же классѣ, можетъ сохранить стипендію только по особо уважительнымъ причинамъ.

6) Обезпечивающій стипендію капиталъ хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ. Если отъ процентовъ этого капитала, по какому-либо причинамъ, образуется свободный остатокъ, то онъ присоединяется къ главному капиталу.

31. (1-го іюня 1880 г.) Уставъ общества международнаго права.

(Утвержденъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

І. Цѣль и составъ общества.

§ 1. Общество международнаго права имѣетъ цѣлю:

- 1) содѣйствовать развитію международнаго права;
- 2) содѣйствовать распространенію правильныхъ воззрѣній на международныя отношенія;
- 3) покровительствовать всѣмъ попыткамъ кодификаціи принциповъ международнаго права;
- 4) содѣйствовать установленію и укрѣпленію дружескихъ международныхъ отношеній и миролюбивыхъ воззрѣній.

§ 2. Для достиженія означенныхъ цѣлей общество имѣетъ періодическія собранія, издаетъ свои протоколы и записки, устраиваетъ, съ разрѣшенія правительства, публичныя лекціи, назначаетъ преміи за составленіе или изданіе подходящихъ къ цѣлямъ общества сочиненій, актовъ и матеріаловъ и т. п.

Вообще общество принимаетъ всѣ мѣры, которыя признаетъ полезными для разработки международнаго права и распространенія здравыхъ понятій о международныхъ отношеніяхъ.

§ 3. Общество составляютъ члены: а) дѣйствительные, б) почетные и в) сотрудники.

§ 4. Членами общества могутъ быть какъ русскіе подданные, такъ и иностранцы.

§ 5. Дѣлами общества управляетъ совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя, вице-предсѣдателя общества, членовъ и секретаря. Одинъ изъ членовъ совѣта исправляетъ должность казначея.

• § 6. Общество имѣетъ свою печать съ надписью: „Общество международнаго права“.

II. Избраніе членовъ общества и управленіе дѣлами общества.

§ 7. Дѣйствительными членами общества могутъ быть лица, извѣстныя своею ученою или практическою дѣятельностію на пользу науки международнаго права и мирнаго развитія международныхъ отношеній.

§ 8. Кандидаты въ дѣйствительные члены должны быть предложены не менѣе двумя дѣйствительными членами. Предложенія разсматриваются въ совѣтъ общества и, по одобреніи ихъ, поступаютъ для баллотировки въ общее собраніе дѣйствительныхъ членовъ.

§ 9. Дѣйствительные члены вносятъ въ кассу общества, ежегодно, не менѣе 10 р. Ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ во 100 р.

§ 10. Почетные члены избираются обществомъ, по предложенію совѣта, изъ числа лицъ, имѣющихъ особыя заслуги на поприщѣ развитія международнаго права и мирнаго теченія международныхъ отношеній. Почетные члены имѣютъ всѣ права и обязанности дѣйствительныхъ членовъ, но денежнымъ взносомъ не обязаны.

§ 11. Члены-сотрудники избираются обществомъ, по предложенію совѣта, изъ числа лицъ, изъявившихъ готовность быть полезными обществу и оказать ему свое содѣйствіе. Члены-сотрудники могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ общества, но имѣютъ голосъ только совѣщательный.

§ 12. Дѣйствительный членъ, два года не внесшій слѣдующихъ съ него денегъ, считается сложившимъ съ себя сіе званіе.

§ 13) Предсѣдатель общества и совѣта, вице-предсѣдатель и члены совѣта избираются на два года изъ числа дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ по списку кандидатовъ, предлагаемыхъ на каждую изъ тѣхъ должностей совѣтомъ.

Примѣчаніе. Если Особа Императорской фамилии удостоитъ общество принятіемъ на себя званія предсѣдателя, то изложенный выше порядокъ выбора примѣняется только къ избранію вице-предсѣдателя.

§ 14. Секретарь общества избирается, тѣмъ же порядкомъ, изъ числа дѣйствительныхъ членовъ на три года. На его обязанность возлагается составленіе протоколовъ засѣданій общества, переписка по дѣламъ общества и исполненіе рѣшеній общества, подъ руководствомъ предсѣдателя.

§ 15. Казначей общества избирается изъ числа членовъ совѣта

на 3 года; на его обязанности лежитъ веденіе отчетности по завѣдыванію денежными суммами, принадлежащими обществу.

§ 16. Всѣ выборы какъ въ члены общества, такъ и въ поименованныя выше должности по одному, производятся въ собраніяхъ, закрытыми баллотировками, простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 17. Совѣтъ назначаетъ вопросы, подлежащіе обсужденію въ собраніяхъ, утверждаетъ задачи на преміи, производитъ всѣ расходы или утверждаетъ ихъ.

§ 18. Для дѣйствительности засѣданія совѣта требуется присутствіе не менѣе трехъ членовъ. Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ: при раздѣленіи голосовъ поровну, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

III. О собраніяхъ общества.

§ 19. Собранія общества созываются предсѣдателемъ, съ согласія совѣта, и бываютъ годовыя и обыкновенныя.

§ 20. Годовое собраніе созывается ежегодно 28-го февраля, въ день изданія Императрицею Екатериною II деклараціи о первомъ вооруженномъ нейтралитетѣ.

§ 21. Собраніе выслушиваетъ отчетъ о дѣятельности общества за прошлый годъ и предположенія совѣта о вопросахъ, подлежащихъ разработкѣ и обсужденію; избираетъ должностныхъ лицъ; раздаетъ преміи или награды и избираетъ трехъ членовъ комиссіи для разсмотрѣнія отчетности общества.

§ 22. Обыкновенныя собранія происходятъ не менѣе шести разъ въ годъ, съ ноября по май. Въ этихъ собраніяхъ дѣлаются сообщенія по предметамъ, подлежащимъ обсужденію общества, читаются статьи, дѣлаются предложенія относительно разработки какого нибудь спеціальнаго вопроса изъ области международныхъ отношеній и т. под.

§ 23. Наблюденіе за порядкомъ въ собраніяхъ принадлежитъ предсѣдателю общества или, въ его отсутствіе, вице-предсѣдателю.

§ 24. Всѣ сообщенія и статьи должны быть изложены на русскомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Употребленіе языковъ иностранныхъ можетъ быть допускаемо, въ исключительныхъ случаяхъ, съ особаго **каждый** разъ разрѣшенія предсѣдателя.

§ 25. Для предварительнаго изученія подлежащихъ обсужденію

вопросовъ и составленія докладовъ собранію общества, могутъ быть образуемы спеціальныя комиссіи изъ членовъ общества. Члены такихъ комиссій избираются обыкновенными собраніями изъ числа членовъ общества, по предложеніямъ совѣта.

32. (21-го іюня 1880 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ отмініи представленія министерству отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

На основаніи циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія отъ 4-го ноября 1870 г. и дополнительныхъ къ сему циркуляру распоряженій, управленія учебныхъ округовъ сообщаютъ на разсмотрѣніе министерства отчеты директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, представляемые ими по мѣрѣ обзорнія школъ.

Находя, что въ настоящее время, по истеченіи почти десятилѣтія со времени организаціи инспекціи, не настоятъ болѣе прежней надобности въ разсмотрѣніи инспекторскихъ отчетовъ въ центральномъ управленіи министерства, я призналъ нужнымъ отмінить существующій на основаніи упомянутыхъ мною распоряженій порядокъ отчетности директоровъ и инспекторовъ народныхъ школъ и сосредоточить въ управленіяхъ учебными округами ближайшее наблюденіе и направленіе дѣятельности инспекціи, при чемъ предоставляю вашему превосходительству установить, по ближайшему соображенію съ мѣстными условіями, тотъ порядокъ доставленія вамъ директорами и инспекторами отчетовъ, который вы признаете наиболѣе цѣлесообразнымъ и наименѣе обременительнымъ для инспекторовъ, возложеніе на которыхъ слишкомъ обширныхъ канцелярскихъ обязанностей не можетъ не отозваться вредно на общемъ характерѣ ихъ дѣятельности, требующей по преимуществу живаго, а не бумажнаго отношенія къ дѣлу.

Затѣмъ прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ для свѣдѣнія тотъ порядокъ, который вами въ этомъ отношеніи будетъ установленъ, и о дѣятельности лицъ инспекторскаго надзора по осмотру училищъ и по благоустройству ихъ благоволить въ годовыхъ по управленію округа отчетахъ излагать подробныя данныя и ваши заключенія по каждой въ отдѣльности губерніи.

33. (10-го іюля 1880 г.). Правила о стипендіи ординарнаго

профессора Московскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Захарьина.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ десять тысячъ рублей, пожертвованнаго ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Григоріемъ Антоновичемъ Захарьинимъ и заключающагося въ 10-ти облигаціяхъ 3-го восточнаго займа учреждается при Московскомъ университетѣ одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 7-го іюля 1880 года, носитъ наименованіе „стипендія ординарнаго профессора Григорія Антоновича Захарьина.

§ 2. Размѣръ стипендіи пятьсотъ руб. въ годъ.

§ 3. Стипендія назначается для студентовъ медицинскаго факультета, исключительно русскаго происхожденія.

§ 4. При назначеніи стипендіи, принимаются во вниманіе лучшіе успѣхи на переходныхъ экзаменахъ и медали за сочиненія, а для студентовъ перваго курса—лучшія отмѣтки по аттестатамъ зрѣлости и окончаніе курса въ среднемъ учебномъ заведеніи съ медалью. При одинаковыхъ успѣхахъ, рѣшающее значеніе при назначеніи стипендіи должны имѣть бѣдность, семейное положеніе и тому подобныя обстоятельства.

§ 5. Въ случаѣ не перехода стипендіата въ слѣдующій курсъ, стипендія можетъ быть оставлена за нимъ лишь въ томъ случаѣ, если переходъ не состоялся вслѣдствіе болѣзни, или другихъ уважительныхъ причинъ, засвидѣтельствованныхъ факультетомъ.

§ 6. Порядокъ назначенія стипендіи опредѣляется существующими на сей предметъ правилами.

§ 7. Свободные остатки отъ процентовъ съ капитала, образовавшіяся по какому бы то ни было случаю, присоединяются къ капиталу.

VI. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

19-го апрѣля 1880 года (№ 5). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Тольскій—деканомъ медицинскаго факультета сего университета, по 13-е ноября 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго универси-

тета, статскій совѣтникъ Троицкій — деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леваковскій — деканомъ математическаго факультета сего университета.

Исправляющій должность директора училищъ Тобольской губерніи Пановъ — въ сей должности.

Исполняющій обязанности инспектора Одесской второй гимназіи, статскій совѣтникъ Нейкирхъ — директоромъ Мариупольской гимназіи.

Исправляющій должность директора Томскаго Алексѣевского реальнаго училища Тюменцевъ — въ сей должности.

Исправляющій должность директора Омской учительской семинаріи, надворный совѣтникъ Водяниковъ — въ сей должности.

Назначаются: управляющій Нижегородскою удѣльною конторою, статскій совѣтникъ Сиверсъ — членомъ попечительства Нижегородскаго реальнаго училища, на три года.

Надворный совѣтникъ Мионовъ, есауль Мионовъ, сотникъ Билевъ, казакъ торговаго общества Авдѣевскій и купецъ Москалевъ — членами попечительства Урюпинскаго реальнаго училища, на три года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, согласно прошенію: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Бѣляевскій, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 12-го апрѣля 1880 года.

Переводится на службу въ министерство народнаго просвѣщенія: причисленный къ государственному контролю коллежскій секретарь Штиглицъ, съ причисленіемъ къ сему министерству, съ 12-го апрѣля 1880 года.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ, съ 25-го марта 1880 года.

Командируются: астрономъ Императорскаго Новороссійскаго университета Бловъ — на двадцать восемь дней, въ Тифлисъ, и лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета Пельцамъ — на два мѣсяца, въ Москву и С.-Петербургъ; оба съ ученою цѣлю.

Причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: коллежскій ассессоръ Арнольдъ и статскій совѣтникъ Бѣляевскій — въ

Томскъ, считая командировку перваго съ 22-го марта 1880 года, а послѣдняго съ 12-го апрѣля 1880 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на пятнадцать дней: директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, коллежскій ассессоръ Котельниковъ—въ С.-Петербургъ.

На двадцать одинъ день: директоръ Уральской войсковой гимназій, статскій совѣтникъ Любарскій—въ С.-Петербургъ.

На двадцать восемь дней: начальникъ Радомской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лебединцевъ—въ гор. С.-Петербургъ, Вильно и Кіевъ.

На двадцать девять дней: окружный инспекторъ Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимоеевъ—въ Пермскую, Вятскую и Пензенскую губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: директоръ Варшавской VI мужской гимназій, завѣдывающій Варшавскою III женскою гимназіею, титулярный совѣтникъ Стефановичъ—въ Гродненскую и Ковенскую губерніи и въ С.-Петербургъ, и директоръ Царицынской Александровской прогимназій, коллежскій совѣтникъ Третьяковъ—въ Самарскую губернію и въ Крымъ; послѣдній по болѣзни.

Съ 10-го мая по 1-е іюля 1880 года: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леонтовичъ—въ Москву.

На три мѣсяца: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Янкевичъ—въ разныя губерніи, по болѣзни.

Въ Россіи и за границу: дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій ассессоръ Камовскій—на два мѣсяца.

Наставникъ-руководитель гимназій Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій совѣтникъ Мусселиусъ—на лѣтнее вакаціонное время и сверхъ онаго по 1-е сентября 1880 года.

За границу: съ 17-го мая по лѣтнее вакаціонное время 1880 года: исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Зенгеръ, по болѣзни, независимо отъ разрѣшеннаго уже ему отпуска на вакаціонное время.

На двадцать восемь дней: экстраординарный профессор Императорскаго Новороссійскаго университета Волковъ.

Съ 15-го іюня по 31-е іюля 1880 года: учитель Псковской гимназіи, надворный совѣтникъ Прохаска.

Съ 1-го іюля по 15-е августа 1880 года: учитель Кіевскаго реальнаго училища Хоминъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, статскій совѣтникъ Лясковскій, м св. Владимира, Кистяковскій, экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: протоіерей Дьячупъ, статскій совѣтникъ Барановскій, коллежскій ассесоръ Крышка и Вржесніевскій, доценты Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, статскій совѣтникъ Вольфрингъ и Дерптскаго, надворный совѣтникъ Вальтцъ и Мазингъ, наставникъ-руководитель гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, завѣдывающій оною, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейлисовъ, инспекторъ училищъ города Варшавы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Горнбергъ, заслуженный преподаватель Симферопольской гимназіи Хамарито, старшій учитель Рижской губернской гимназіи, надворный совѣтникъ Курцъ, учителя гимназій; С.-Петербургскихъ: второй, статскій совѣтникъ Кенигъ, коллежскій совѣтникъ Дроатьеръ и состоящій въ VIII классѣ Давиденковъ, пятой, Гошеронъ-де-Ляфоссъ и шестой, Кабеле, Астраханской, Фуксъ, Симферопольской, Кашпаръ, Варшавскихъ мужскихъ: II — статскій совѣтникъ Складовскій, Рудзинскій, Влошекъ, Крминскій, Герцъ, Околовъ, Баранецкій и Дуйсбургъ, III—надворный совѣтникъ Шумовскій, Хойко, Пухевичъ, Тиме, Яселевичъ, Бондзкевичъ и Дембицкій, Калишской мужской, статскій совѣтникъ Фукъ, коллежскіе совѣтники Домбровскій и Ковальскій, титулярный совѣтникъ Бальчевскій, Смогоржевскій, Реутъ, Гиллеръ и Пикъ, Кѣлецкой мужской, надворный совѣтникъ Шперль, Кремеръ, Вабнеръ, Матулевичъ, Чарпецкій и Рыбарскій, Плоцкой мужской, статскій совѣтникъ Масловскій, Щербовичъ-Вечоръ и Токсъ, учителя прогимназій: Варшавскихъ мужскихъ: I—коллежскій ассесоръ Коперницкій, II—Грубецкій, Ченстоховской мужской, Крживицкій, Ростковскій и Грабовскій, Сандомирской мужской, Кауцъ, Вильновскій и Цѣлиховскій, Херсонской, Твердый, Глуховской, Рѣшетиловичъ, учителя реальныхъ училищъ: Одесскаго, статскій

совѣтникъ Сергѣевъ коллежскій совѣтникъ Кальсадо, Екатеринославскаго, Гонсбергеръ, Варшавскаго, статскій совѣтникъ Налепинскій, коллежскій совѣтникъ Мальмъ, Бялэкъ, Глембоцкій, Жолтовскій, Делаacroa, сверхштатный учитель сего училища Вроблевскій, Влоцлавскаго, Коссовскій и Ловичскаго, Сикорскій и Грабовскій, учителя училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ: статскій совѣтникъ Дитманъ, надворный совѣтникъ Бреше, коллежскій ассесоръ Кенигъ, состоящій въ VII классѣ Фаберъ и пасторъ Отто, помощникъ инспектора Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Маркевичъ. учителя сего училища: статскій совѣтникъ Грофе, коллежскій совѣтникъ Шмидтъ и Фуксъ, врачъ того же училища Вольбергъ, учителя Варшавскаго рисовальнаго класса: титулярный совѣтникъ Каминскій в Герсонъ, начальница Херсонской Марининской женской гимназіи Софья Говадинова, преподавательница сей гимназіи Едена Гозадинова, надзирательницы женскихъ гимназіи: Симферопольской, Марья Хамарито и Варшавской IV, Филипеусъ, классныя дамы женскихъ прогимназіи: Замостской, Боровская и Петровской, Костенецкая, учитель Варшавской учительской семинаріи Клемме, исправляющій должность штатнаго смотрителя Фелинвскаго уѣднаго училища Веке, начальница Дерптскаго городского высшаго дѣвичьяго училища фонъ-Ривгофъ, учителя одноклассныхъ гиминныхъ начальныхъ общихъ училищъ Кѣлецкой учебной дирекціи: Слабошевскаго, Вернасъ и Прандоцинскаго, Хеллеръ и второй учитель двукласснаго Влоцлавскаго городского мужскаго училища Сартисъ; изъ нихъ по болѣзни: Дьячанъ, Барановскій, Кришка, Вржесниовскій, Нейлисовъ, Горнбергъ, Складовскій, Рудзинскій, Влошекъ, Околовъ, Баранецкій, Дуйсбургъ, Фукъ, Домбровскій, Ковальскій, Бальчевскій, Смогорженскій, Реутъ, Гиллеръ, Пикъ, Кремеръ, Вабнеръ, Матуловичъ, Чарнецкій, Рыбарскій, Щербовичъ-Вечоръ, Коперницкій, Грубецкій, Каунъ, Вильновскій, Налевинскій, Мальмъ, Бялэкъ, Жолтовскій, Вроблевскій, Коссовскій, Каминскій, Герсонъ, Софья Говадинова, Марья Хамарито, Филипеусъ, Боровская, Костенецкая, Вернасъ, Хеллеръ и Сартисъ.

На два мѣсяца: директоръ Лифляндской общественной гимназіи въ гор. Фелинѣ, коллежскій ассесоръ Зеземанъ, учитель Бѣлоцерковскаго реальнаго училища Мысливецъ, начальница Азовской женской прогимназіи княгиня Абхази и канцелярскій чиновникъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Орлай.

Съ 3-го іюня по 20-е августа 1880 года: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Струве, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и десять дней: исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета Андрузскій, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и пятнадцать дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Дыдынскій, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать дней: классная дама Радомской женской гимназіи Марія Зомбковская и учительница сей гимназіи Іоанна Зомбковская, обѣ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время и по 10-е сентября 1880 года: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій ассессоръ Шеборъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Косинскій, Московскаго, Бабухинъ и Дерптскаго, статскій совѣтникъ Гершельманъ, учителя С.-Петербургскихъ гимназій: Ларинской, состоящій въ VIII классѣ Влумбергъ и шестой, статскій совѣтникъ Клеманъ и начальница Тульской женской гимназіи Быкова; изъ нихъ: Косинскій, Бабухинъ, Влумбергъ, Клеманъ и Быкова по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать девять дней: ординарные профессора Императорскаго Дерптскаго университета, статскіе совѣтники Митгофъ и Гофманъ, и доцентъ сего университета Кохъ; изъ нихъ Гофманъ съ 13-го мая 1880 года.

На два вакаціонные мѣсяца и двадцать восемь дней: библиотечаръ Императорской Публичной Библіотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасовъ.

На три мѣсяца: учитель Тверской гимназіи Крупаръ, по болѣзни.

Съ 1-го іюня по 18-е сентября 1880 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Хлѣбниковъ и доцентъ сего университета Базаровъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и два мѣсяца: директоръ С.-Петербургской пятой гимназіи Шрамекъ, по болѣзни.

На четыре мѣсяца: учительница Ревельскаго высшаго городского двѣвчьяго училища Меннике, по болѣзни.

Увольняются, согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковского университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масловскій—отъ должности декана физико-математическаго факультета сего университета.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета статскій совѣтникъ Клейнъ — отъ должности декана медицинскаго факультета сего университета.

Объявляется признательность министерства народного просвѣщенія: почетному попечителю Кишиневской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера, Геращеневскому—за усердіе его на пользу народного образованія.

Предсѣдателю Аккерманской уѣдной земской управы, Вессарабской губерніи, Мерману—за полезную дѣятельность его по улучшенію состоянія народныхъ школъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ.

Исключается изъ списковъ умершій: директоръ Мариупольской гимназіи Хартакай.

18-го мая 1880 г. (№ 6). Утверждаются: приватъ-доцентъ Вюрцбургскаго университета, докторъ Эминсгаузъ—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ психіатріи, съ 3-го апрѣля 1880 г.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ монгольской и калмыцкой словесности, докторъ монгольской словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голстунскій—въ сей должности, съ 7-го апрѣля 1880 г.

Имѣющій свидѣтельство на званіе домашняго учителя Лешъ — директоромъ мужскаго училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской св. Петра и Павла церкви въ Москвѣ, съ 22-го апрѣля 1880 г.

Исправляющій должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народного просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Эриксонъ—въ сей должности, съ 22-го апрѣля 1880 г.

Титулярный совѣтникъ Рюминъ—почетнымъ попечителемъ Александровской Серпуховской прогимназіи, на три года.

Иноходецъ Олекминскаго округа и того же улуса Степанъ Идельгинъ — почетнымъ попечителемъ Якутской прогимназіи, на три года.

Назначаются: дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ князь Кантакузинъ, графъ Сперанскій—дѣлопроизводителемъ VI класса сего департамента, съ 22-го апрѣля 1880 г.

Дѣлопроизводителемъ VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Талантовъ—дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 22-го апрѣля 1880 г.

Столоначальникъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, титулярный совѣтникъ Корейца—членомъ совѣта попечителя сего округа, съ 12-го апрѣля 1880 г.

Инспекторъ Ярославской гимназіи, статскій совѣтникъ Роговинниковъ—исправляющимъ должность директора Шуйской гимназіи, съ 1-го апрѣля 1880 г.

Виленьскій губернскій архитекторъ, статскій совѣтникъ Чагинъ, директоромъ Виленьской астрономической обсерваторіи, полковникъ Смысловъ и управляющій Виленьскимъ газовымъ заводомъ Шенфельдъ—вновь членами попечительства Виленьскаго реальнаго училища, на три года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи, статскій совѣтникъ Сомчъ, съ 21-го октября 1879 г.

Директоръ народныхъ училищъ Московскои губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Краснопѣвковъ, съ 6-го декабря 1879 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ фонъ-Эттингенъ, съ 17-го апрѣля 1880 г.

Командируется съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Штукенбергъ—на четыре мѣсяца и двадцать дней, въ Закаспійскій край и на Кавказъ.

Продолжается срокъ отпуска за границу: врачу Московскои четвертой гимназіи Родіонову—на два мѣсяца, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на двадцать восемь дней: директоры гимназій: Троицкой, статскій совѣтникъ Будде—въ Москву и Тульской, статскій совѣтникъ Новоселовъ—въ С.-Петербургъ, Москву и Тверь; послѣдній по болѣзни.

Съ 20-го іюня по 1-е августа 1880 г.: директоръ народныхъ

училищъ Олонецкой губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соколовъ—въ разныя губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г.: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, тайный совѣтникъ Лавровскій—въ разныя губерніи, директоры гимназій: Варшавской III мужской, статскій совѣтникъ Солдцевъ—въ Гродненскую губернію и Симферопольской, надворный совѣтникъ Тимошевскій—въ разныя губерніи, директоръ Ростовскаго Петровскаго реальнаго училища Урусовъ—въ Развильскую губернію, директоръ Виленскаго учительскаго института, надворный совѣтникъ Крачковскій—въ Виленскую, Гродненскую и Варшавскую губерніи, директоръ Преславльскаго учительскаго семинарія, коллежскій ассессоръ Паховскій—въ С.-Петербургъ и на Кавказъ, исправляющій должность директора Новинскаго учительскаго семинарія, титулярный совѣтникъ Томаревскій—въ Гродненскую губернію и начальникъ Одесской Маринской женской гимназійи Патлаевская—въ разныя губерніи; изъ нихъ Солдцевъ и Томаревскій по болѣзни.

На дѣтнее вакаціонное время 1880 г. и семь дней: директоръ Слуцкой гимназійи, статскій совѣтникъ Носовичъ—въ разныя губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и десять дней: директоръ Александровской Сумской гимназійи, статскій совѣтникъ Сибилевъ—въ Москву и С.-Петербургъ, по болѣзни.

На два мѣсяца: начальникъ архива министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ошметковъ—въ разныя губерніи и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь Новицкій—въ Новгородскую губернію, оба по болѣзни.

За границу и въ Россію на два мѣсяца и двадцать девять дней: помощникъ почетнаго Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малиновскій, по болѣзни.

За границу: на четырнадцать дней: учитель Шавельской гимназійи Семонъ.

На три недѣли: директоръ рижской городской гимназійи, статскій совѣтникъ Шведеръ и инспекторъ Рижскаго городского реальнаго для гражданъ училища, коллежскій ассессоръ Бергъ, оба со второй половины августа 1880 года.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, Гаттен-

бергеръ и Станкевичъ, Дерптскаго, статскій совѣтникъ Ле-нинъ, Варшавскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ Тырхов-скій, Симоненко и Вислоцкій, экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Гиршманъ, доцентъ Императорскаго Московскаго университета Ковалевскій, лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Бергъ, директоры гимназій: Варшавской IV мужской, надворный совѣтникъ Бульмерингъ и Гольдингенской, коллежскій совѣтникъ Бютнеръ, инспекторъ Новгородской гимназій, статскій совѣтникъ Мичатекъ, учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: первой, статскій совѣтникъ Балье, седьмой, Мерсио, Новгородской, Яновскій, Псковской, коллежскій совѣтникъ Витошинскій, Московскихъ: первой, Гавелька, пятой, Некачевъ, Рязанской, коллежскій ассесоръ Рейнеръ, Варшавскихъ мужскихъ: IV—статскій совѣтникъ Залъскій, коллежскій совѣтникъ Бенончинскій, Радлинскій, Радзюкинасъ, Квѣтневскій, Полкотыцкій, Попловскій и коллежскій секретарь Наркевичъ, VI—Медингъ, Веттихеръ, Гольдбергъ, Гомелевскій, Красносельскій и Дикштейнъ, Радомской мужской, Бадовскій, Брузендорфъ и Служевскій, Петровской мужской, Канскій, Витебской, Анто-ненко, Ршелевской, Бавлинка, Оренбургской Рихтеръ и Вавра, Митавской, Детлофъ, старшій учитель Ревельской губернской гим-назій, надворный совѣтникъ Кирхгоферъ, помощникъ классныхъ наставниковъ Бѣлецкой мужской гимназій Червинскій, исправляю-щій должность учителя Сиферопольской женской гимназій Билли-кевичъ, инспекторы прогимназій: Одесской первой, коллежскій ассес-соръ Гаспль и Азовской, Якимовъ, учителя прогимназій: Прилук-ской: коллежскій совѣтникъ Зарицкій, Шуйской, Янушка, учителя реальныя училищъ: С.-Петербургскаго втораго, Мабиль, Севасто-польскаго Константиновскаго, Корвенъ, Кишиневскаго, Демченко и Рижскаго для гражданъ, Пельхау, учитель главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Пе-тербургѣ Бруннеръ, инспекторъ С.-Петербургскаго реформатскаго училища Тидеманъ, учителя сего училища: Гартманъ, Гаге, Петрикъ, Майеръ, Брокнеръ и Ирекъ, штатный смотритель Вен-денскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ Вемъ, классная дама Рижской женской Ломоносовской гимназій фонъ-Миллеръ, учительницы Калужской женской гимназій Гафнеръ и Симонова, преподавательница Дерптскаго городского высшаго дѣвичьяго учи-

лица Кеммереръ и учитель Рижскаго городскаго начальнаго для дѣвочекъ училища св. Іоанна, коллежскій регистраторъ Бернгардтъ; изъ нихъ по болѣзни: Тырховскій, Симоненко, Вислоцкій, Бергъ, Бульмерингъ, Витонинскій, Залѣскій, Конопчинскій, Радлинскій, Радзюкинскій, Квѣтневскій, Полкотицкій, Поплонскій, Нарковичъ, Бадовскій, Брузендорфъ, Служавскій, Канскій, Червинскій, Корвель, фонъ-Миллеръ, Гафнеръ, Симонова и Бернгардтъ.

На десять дней и лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дювернуа и учитель Острожской прогимназіи Шармаркевичъ; послѣдній по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и четырнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бродовскій, по болѣзни.

На семнадцать дней и лѣтнее вакаціонное время 1880 года: второй прозекторъ Императорскаго Дерптскаго университета Браунъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и восемнадцать дней: учитель Варшавской V мужской гимназіи Машевскій, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Карастелевъ, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, Шерцль, Варшавскаго, Гейеръ, экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Бланцковъ, исправляющій должность доцента Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій совѣтникъ Окромчаделовъ-Серебряковъ, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера, Ляхницкій, учитель Ревельской губернской гимназіи, коллежскій секретарь Шпренгель, наставникъ Казанской учительской семинаріи Бабровниковъ, штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Вальскаго, коллежскій ассессоръ Даббертъ и Епаторійскаго, коллежскій ассессоръ Штейнъ; изъ нихъ: Карастелевъ, Гейеръ, Окромчаделовъ-Серебряковъ, Ляхницкій, Шпренгель, Даббертъ и Штейнъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать девять дней: лекторъ Императорскаго Дерптскаго университета де-Виво.

До конца лѣтнаго вакаціоннаго времени 1880 года: старшій учитель Рижской губернской гимназій Тилингъ, по болѣзни, считая съ 8-го мая 1880 года.

Съ 1-го іюня по 1-е августа 1880 года: учитель Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища Павровскій.

На три мѣсяца: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Патлаевскій и учитель С.-Петербургской седьмой гимназій, статскій совѣтникъ Лефренцъ; оба по болѣзни.

На четыре мѣсяца: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ Броссе, по болѣзни.

Увольняются: окружный инспекторъ Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Падренъ-де-Карне — отъ службы, за выслугою срока, съ 1-го мая 1880 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Волковъ — отъ ея должности, согласно прошенію.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: дѣйствительному тайному совѣтнику Мальцеву, попечителю Нечаевскаго народнаго училища, землевладѣльцу Касаткину и Ковровскому купцу Герасимову, за пожертвованія въ пользу начальныхъ народныхъ училищъ: первымъ — Гусевскихъ двухклассныхъ мужскаго и женскаго и Уршальскаго однокласснаго, вторымъ — Нечаевскаго и третьимъ — Тучковскаго, во Владимірской губерніи.

Попечительницѣ Даниловскаго училища княгинѣ Грузинской и почетной благодѣтельницѣ Гусевскаго женскаго двухкласснаго училища Гайдуковой — за заботы о вѣреннѣхъ попеченію ихъ училищахъ, во Владимірской губерніи.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Лавитскій.

28-го мая 1880 года. (№ 7). Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманиновъ — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 7-го апрѣля 1880 года по 18-е февраля 1883 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Минаевъ — ординарнымъ профессо-

ромъ сего университета по кафедрѣ сравнительнаго языкованія, съ 15-го мая 1880 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ государственнаго права Загоскинъ — ordinary профессоромъ сего университета по кафедрѣ исторіи русскаго права, съ 9-го апрѣля 1880 года.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: ordinary профессоръ Императорской медико-хирургической академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Склифасовскій, съ утвержденіемъ ordinary профессоромъ Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ хирургической факультетской клиники, съ 15-го мая 1880 года.

Совѣщательный членъ ветеринарнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ Гордѣевъ, съ утвержденіемъ экстраordinary профессоромъ частной патологіи и терапевтической клиники Харьковскаго ветеринарнаго института, съ 3-го ноября 1879 года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: бывший учитель С.-Петербургской пятой гимназіи, магистръ Императорскаго Дерптскаго университета, Луниакъ, съ 1-го марта 1880 года.

Изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановскій, съ 15-го мая 1880 года.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: заслуженный ordinary профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Буличъ, съ 3-го апрѣля 1880 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на шесть недѣль: председатель Виленской комисіи для разбора древнихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій—въ Могилевскую губернію, директоръ Алферовской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кулинъ—въ Прибалтійскія губерніи и Виленскій директоръ народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Поповъ—въ южныя губерніи; послѣдніе два по болѣзни.

Съ 20-го іюня по 3-е августа 1880 года: начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, коллежскій совѣтникъ Барановъ—на Кавказъ, по болѣзни.

На полтора мѣсяца: начальникъ Ломжинской учебной дирекціи, надворный совѣтникъ Стронинъ—въ Гродненскую губернію, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: директоры гимназій:

Екатеринославской, статскій совѣтникъ Алаевъ — на Кавказъ, въ Крымъ и С.-Петербургъ, Кишиневской, статскій совѣтникъ Колловичъ Немировской статскій совѣтникъ Кизимовскій и Новгородсѣверской статскій совѣтникъ Порскаловъ—въ разныя губерніи, директоры реальныхъ училищъ: Александровскаго Орловскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кривоносъ—въ разныя губерніи, Кишиневскаго, статскій совѣтникъ Кодрякъ—во внутреннія губерніи, Херсонскаго, статскій совѣтникъ Месняевъ—въ Харьковскую и Таврическую губерніи, Николаевскаго Александровскаго, статскій совѣтникъ Тарапыгинъ—на Кавказъ, Вольскаго, статскій совѣтникъ Можайскій—въ Крымъ, директоры прогимназій: Херсонской, статскій совѣтникъ Супруненко—въ Херсонскую и Таврическую губерніи, Прилукской, статскій совѣтникъ Каменскій—въ разныя губерніи, Феодосійской, состоящій въ V классѣ, Виноградовъ и директоръ Байрамчиской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Блохинъ—въ разныя губерніи; изъ нихъ Можайскій, Каменскій и Блохинъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и десять дней: директоръ Вологодской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Красовъ—въ разныя губерніи.

На два мѣсяца: директоръ Нижегородской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Садоковъ—въ Нижегородскій уѣздъ и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Преображенскій—въ разныя губерніи.

На два съ половиною мѣсяца: директоръ Одесской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поруновъ — въ разныя губерніи и начальница Бердянской женской гимназіи Щепетова-Семгина—на Кавказъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней: директоръ Московской второй гимназіи, коллежскій совѣтникъ Гулевичъ—во внутреннія губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать девять дней: директоры гимназій: Николаевской Царскосельской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пискаревъ—въ Галсаль и во внутреннія губерніи и Полтавской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шафрановъ—въ разныя губерніи; оба по болѣзни.

За границу и въ Россіи: на лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ Благовѣщенскій.

За границу: на пятнадцать дней: учителя дивабургскаго реального училища Пежо и Булле.

На двадцать восемь дней: ординарный профессор Императорскаго Новороссійскаго университета Верига.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ординарный профессор Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Бруннеръ, прозекторъ сего университета, надворный совѣтникъ Вилгемейскій, доцентъ того же университета, надворный совѣтникъ Бергбомъ, лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета Дзевульскій, лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ Флери, наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій совѣтникъ Шмидъ, преподаватель сего института и состоящей при немъ гимназіи коллежскій совѣтникъ Голубовъ, старшій титорскій помощникъ лицея Цесаревича Николая Юргенсонъ, директоръ Московской VI гимназіи Лавровскій, учителя гимназій: С.-Петербургской шестой, статскій совѣтникъ Бастень, Киевской второй, статскій совѣтникъ Ростоцкій, Курской, Брезоваръ, Рязанской, Проданъ, Виленской, Цейдлеръ, Керченской Александровской, Гроликъ, Холмской мужской, Бобрукъ, Мариампольской мужской, Островскій и Гольдштейнъ и Ломжинской мужской, Кершъ, старшіе учителя: гимназій: Рижской губернской, коллежскій совѣтникъ Кольбергъ и Арнсбургской, надворный совѣтникъ Гольцмайеръ, инспекторъ Ченстоховской мужской прогимназіи Дахновичъ, учитель С.-Петербургской пятой прогимназіи Ганске, учителя реальныхъ училищъ: Кишиневскаго, Бриавуанъ-де-Леге, Астраханскаго, Викманъ и Бѣлостокскаго, де-Мобежъ, учителя Варшавской III женской гимназіи Глясъ и Фровейнъ, классная дама Варшавской IV женской гимназіи Гончарова, старшая надзирательница Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Полубинская, учительница сего института Доманская и учителя того же института: Раковскій, Витковскій, Круликовскій и Новицкій, учителя Варшавскихъ воскресно-ремесленныхъ училищъ: 12-й—Сегеть, 8-й и 10-й—Комаръ и однокласснаго Конинскаго начальнаго общаго училища Тимъ; пѣзники по болѣзни: Бергбомъ, Лавровскій, Шмидъ, Голубовъ, Кольбергъ, Дахновичъ, Кершъ, Гончарова, Полубинская, Доманская, Раковскій, Витковскій, Круликовскій, Новицкій, Сегеть, Комаръ и Тимъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и четырнадцать

дней: классная дама Варшавской II женской гимназіи Богоявленская, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и четырнадцать дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Гаусманъ.

На лѣтнее вакаціонное время по 15-е августа 1880 года: учитель Уфимской гимназіи Паскало.

На два мѣсяца; почетный попечитель Гатчинской учительской семинаріи Бурда и директоръ Смоленской гимназіи Гобза; изъ нихъ Бурда по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Карѣевъ и классная дама Варшавскаго II женской гимназіи Дементьева; послѣдняя по болѣзни.

На четыре мѣсяца: почетный смотритель С.-Петербургскаго Рождественскаго городскаго училища, надворный совѣтникъ Воронинъ.

Увольняется, согласно прошенію: отставной тайный совѣтникъ Максимовичъ—отъ званія члена особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, съ 1-го мая 1880 года.

Дозволяется носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, должности присвоенный: бывшему окружному инспектору Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику Падренъ-де-Карне.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: бывшему врачу Аккерманской Павловской женской прогимназіи, надворному совѣтнику Герценштейну—за безмездную семилѣтнюю службу его въ этомъ заведеніи.

Бывшему врачу Преславльской учительской семинаріи Сысоеву—за безмездную службу въ сей семинаріи.

Почетному блюстителю Шаблыкннскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Карачевскаго уѣзда, статскому совѣтнику Блохину—за содѣйствіе его къ лучшему устройству сего училища.

Учителю музыки Варшавской учительской семинаріи, директору оркестра Варшавскихъ театровъ Мюнхгеймеру—за постоянное его вниманіе къ нуждамъ учащихся и за устроенные имъ въ текущемъ учебномъ году въ пользу ихъ концерты.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Базилевскому—за сдѣлан-

ное имъ денежное пожертвованіе въ пользу Уфимской Маріинской женской гимназіи.

Чистопольскому 1-й гильдіи купцу Челышеву—за пожертвованіе его на отдѣлку зданій для Богородскаго и Полянскаго сельскихъ училищъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу подъ заглавіемъ: „Краткіе очерки классической міеологии для учащихся обоого пола, съ изображеніями верховныхъ Олимпійскихъ боговъ. Составилъ Ѡ. Брамсонъ. Одесса. 1880 г.“—допустить какъ пособіе по міеологии для среднеучебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Избранныя сочиненія Платона. П Лакхетъ. Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями и введеніемъ. Издалъ А. О. Поспишилъ, преподаватель древнихъ языковъ при Кіевской 1-й гимназіи. Кіевъ. 1880 г. цѣна 75 к.“,—внести въ число одобренныхъ для гимназій министерства народнаго просвѣщенія учебныхъ пособій.

— Брошюру „Anhang zum Stufengang für das schriftliche Rechnen; von Heinrich Wöhler. Москва. 1880 г.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособія въ Дерптскомъ учебномъ округѣ и вообще во всѣхъ училищахъ, ведущихъ преподаваніе ариметики на нѣмецкомъ языкѣ, и рекомендовать ее основнымъ бібліотекамъ гимназій и реальныхъ училищъ всѣхъ другихъ учебныхъ округовъ.

— Книгу „Очеркъ греческихъ древностей“. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ. Составилъ преподаватель Виленской гимназіи В. Латышевъ. Часть I. Государственныя и военныя древности. Вильна. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к.—внести въ списокъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для гимназій и прогимназій учебныхъ пособій по греческому языку.

— Брошюру: „Заразныя и повальныя болѣзни. Отчего онѣ происходятъ и какія слѣдуетъ принимать мѣры противъ ихъ распростра-

ненія. Общедоступное изложенеіе. В. Попадопуло. М. 1880 г.,—допустить въ библіотеки низшихъ училищъ для чтенія взрослыхъ.

— Книгу подь заглавіемъ: 1) „Исторія русской словесности, древней и новой. Сочиненіе А. Галакова. Т. I и II, изданіе второе, съ переиѣнами. С.-Петербургъ 1880 г. 2) То же сочиненіе. Т. I, отдѣлъ 2-й. С.-Петербургъ 1880 г.“—рекомендовать какъ пособіе для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебная книга русской исторіи. Соч. С. Соловьева, изданіе 8-е. Москва. 1880 г. Цѣна 1 р. 35 к.“—рекомендовать какъ руководство при преподаваніи русской исторіи.

— Книгу подь заглавіемъ: „Анабазисъ Ксенофонта съ комментаріями и словаремъ, составленными Я. Левенштейномъ, преподавателемъ Московской 2-й гимназіи. Москва 1880 г. Цѣна 1 р. 50 к.“—допустить къ употребленію въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку.

— Книгу: „Отечественная исторія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, съ приложеніемъ хронологической таблицы и трехъ картъ. Сост. С. Рождественскій. Изд. 6-е. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 1 р.“—одобрить въ видѣ руководства для гимназій.

— Брошюру: „Таблицы русскихъ склоненій правильныхъ и неправильныхъ. Составилъ С. Шафрановъ. Полтава. 1880 г.“—одобрить какъ учебное пособіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ, и въ реальныхъ училищахъ, для низшихъ классовъ, а равно въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

— Книгу подь заглавіемъ: „Зубы, уходъ за зубами, сохраненіе и сбереженіе зубовъ на долгое время и ихъ лѣченіе безъ выдергиванія. С.-Петербургъ 1880 г.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу подь заглавіемъ: „Общій курсъ словесности. Составилъ М. Калмыковъ, преподаватель словесности въ Новочеркасской гимназіи. Изданіе 2-е исправленное. Новочеркасскъ 1880 г.“—одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи словесности.

— Книгу: „Г. В. Штоль. Мѣны классической древности. Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Покровскаго и П. А. Медвѣдева. Томъ I, изд. 2-е. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 коп.“—признать полезною и нужною для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Изъ древней исторіи Болгарь. Сочин. Матвѣя Соколова. С.-Пб. 1879 г.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (для учениковъ старшаго возраста).

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, рассмотрѣвъ изданную г-жею А. Бахметовой брошюру: „Какъ освободилась Русь изъ-подъ ига Татарскаго въ 1480 г. М. 1880 г.“—признавъ возможнымъ допустить означенную брошюру въ библіотеки народныхъ училищъ. Съ таковымъ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета изволилъ согласиться и г. управляющій министерствомъ.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, рассмотрѣвъ составленную протоіереемъ горнаго института А. Рудаковымъ книгу: „Наставленіе въ законѣ Божіемъ. С.-Пб. 1877 г.“ признавъ возможнымъ, согласно съ заключеніемъ духовно-учебнаго комитета при святѣйшемъ Синодѣ, утвержденнымъ опредѣленіемъ святѣйшаго Синода, допустить названную книгу въ употребленію въ качествѣ руководства по закону Божію въ начальныхъ сельскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Съ таковымъ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета изволилъ согласиться и г. товарищъ министра.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 11-й день іюня 1880 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: 5-й С.-Петербургской гимназіи и 6-й С.-Петербургской прогимназіи портретовъ г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣй-

ствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго, а въ актовомъ залѣ Екатеринбургской гимназіи—портретовъ графа Дмитрія Андреевича Толстаго и бывшаго попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Лавровскаго.

— Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 17-й день мая 1880 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ Киевской 3-й гимназіи и Киевской прогимназіи портретовъ бывшаго попечителя Киевскаго учебнаго округа, генераль-лейтенанта Антоновича.

— Его превосходительство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія 3-го іюля 1880 г. разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ открываемомъ въ текущемъ году въ г. Минскѣ реальномъ училищѣ по сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его превосходительство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія 3-го іюля 1880 г. утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Костромской гимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной гимназіи, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, въ нормальныхъ классахъ по двадцать четыре руб., а въ приготовительномъ по шестнадцать р. въ годъ съ каждаго ученика.

— Его превосходительство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія 28-го іюня 1880 г. разрѣшилъ оставить параллельное отдѣленіе при III-мъ классѣ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и на будущій учебный годъ и открыть параллельное отдѣленіе при I-мъ классѣ этой гимназіи, въ замѣнъ параллельнаго отдѣленія при II-мъ классѣ, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію сихъ отдѣленій на счетъ суммъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

— Его превосходительство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія 28-го іюня сего 1880 г. утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Орловскаго Александровскаго реальнаго училища размѣръ платы за ученіе въ названномъ училищѣ, съ начала будущаго 1880—1881 г. по тридцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Съ 1-го іюля текущаго года открывается въ г. Черкасѣ 4-хъ классная прогимназія. Инспекторомъ этой прогимназіи назначенъ учитель Киевской 2-й гимназіи, статскій совѣтникъ Подгаецкій.

— 3-го минувшаго мая открыто одноклассное начальное училище министерства народнаго просвѣщенія въ м. Михалполѣ, Летишевскаго уѣзда Подольской губерніи.

— 19-го минувшаго мая послѣдовало открытіе Биларскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи. При открытіи сего училища поступило въ оное 111 учениковъ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ ЛАНГО- БАРДСКОЙ ИТАЛІИ ¹⁾.

IV.

Общественный строй Лангобардскаго королевства.

Если судить о всемъ бытѣ Лангобардской Италіи по тому перевороту, который завоеваніе произвело въ ея политическомъ строѣ, то придется заключить, что съ 568 года для нея началась совершенно новая исторія, отрѣзанная отъ предшествовавшихъ событій, не нуждающаяся для своего объясненія въ явленіяхъ Готеской и Римской эпохъ. Въ государственной сферѣ измѣнились не только имена, но и самая сущность дѣла: исчезла правильная, сложная администрація, исчезла подать, власть какъ-то разошлась между королемъ и областными вождями, при чемъ ихъ взаимныя отношенія опредѣлялись не столько закономъ, сколько фактическими силами.

Сравнивая строеніе общества до Лангобардскаго завоеванія и послѣ него, мы находимъ глубокія различія, но связь между обѣими эпохами и преемственность развитія очевидны. Трудно сказать, увеличилось или уменьшилось народонаселеніе вслѣдствіе завоеванія, вознаградили ли Италію приплывъ новыхъ поселенцевъ и завоевателей за истребленіе и продажу въ рабство части Римлянъ ²⁾. Несомнѣнно, что если не

¹⁾ *Продолженіе*. См. апрѣльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Пертилл*, *Storia de la diritto italiano*, IV, 253, 254, утверждаетъ, что Лангобарды дали какъ бы новое населеніе многимъ опустѣвшимъ частямъ Италіи, и въ доказательство ссылается на конецъ 32-й главы II книги Павла Діакона: *Populi, qui more segetum excreverant*. Между тѣмъ Павелъ діаконъ, очевидно, говорить

количественно, то качественно появленіе лангобардскаго элемента имѣло обновляющее значеніе. Финансовый гнетъ, который оказывалъ такое важное вліяніе на общественный бытъ Римской имперіи, ведя къ прикрѣпощенію свободныхъ арендаторовъ, къ приниженію мелкихъ свободныхъ людей, финансовый гнетъ исчезъ въ новомъ варварскомъ государствѣ, сословія котораго получили возможность развиться свободнѣе и самостоятельнѣе. Явилась масса свободныхъ людей и получила свободные надѣлы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, на время по крайней мѣрѣ, наполнился промежутокъ между владѣльцами латифундій и пролетаріями, рабами, крѣпостными; громадныя владѣнія распались. Нѣтъ надобности прибѣгать къ отдѣльнымъ свидѣтельствамъ, чтобы доказать, что дѣло было именно такъ—гуть говорятъ достаточно громко общія соображенія; относительно главныхъ, только что указанныхъ результатовъ не могло быть и не было разногласія. По эти несомнѣнные и общіе факты приобрѣтають особенный интересъ и значеніе при близкой оцѣнкѣ; являются вопросы: въ какой степени устранило завоеваніе неравенства собственности, на сколько времени задержало ихъ развитіе, въ какой мѣрѣ эти неравенства вліяли на сословное положеніе и на распредѣленіе политической власти у Лангобардовъ, какъ отразились германскія и римскія формы на правѣ вещномъ и личномъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ свидѣтельства толкуются и комбинируются различно ¹⁾. Относительно распредѣленія общественной массы на классы и сословія, по видимому, не можетъ быть сомнѣній: законодательные памятники укажутъ намъ, если не численныя отношенія между отдѣльными группами, то ихъ характеристическія черты и проведенныя между ними въ правѣ границы. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается однако, что и въ этомъ случаѣ, уже при самомъ началѣ изслѣдованія, приходится идти весьма осторожно, чтобы достигнуть вѣрныхъ заключеній. Прежде всего, ко-
 тутъ о многочисленномъ населеніи византийскаго периода, которое Лангобарды истребляли при герцогахъ. Мѣсто, вѣроятно, взято изъ какого-нибудь римскаго источника, можетъ быть, представляетъ *resumé* жалобъ папы Григорія Великаго.

¹⁾ Я, конечно, не имѣю въ виду въ настоящей главѣ представить всестороннее и подробное изслѣдованіе о массахъ лангобардскаго общества или его земельныя. Касаясь только существеннѣйшихъ или прямо относящихся до моея спеціальной цѣли вопросовъ, я отсылаю для остальныхъ подробностей главнымъ образомъ къ слѣдующимъ сочиненіямъ: *Baudi di Vesme e Fossati, Vicende della proprietà fondiaria in Italia*; *Schupfer, Degli ordini sociali e del possesso fondiario appo Langobardi*, въ *Sitzungsberichte der K. Akademie zu Wien, XXXV*; *Perzile, Storia del diritto italiano, III* и *IV*.

вечно, необходимо принять во вниманіе, что законодательныя свидѣтельства не представляютъ однороднаго цѣлаго, а распадаются на двѣ главныя массы, изъ которыхъ первая относится къ половинѣ VII, а вторая расположена между десятиными и пятидесятыми годами VIII вѣка.

Постановленія Лиутпранда и Аистульфа не просто дополняютъ постановленія Ротари, а часто измѣняютъ ихъ или свидѣтельствуютъ о совершившихся независимо отъ законодательства измѣненіяхъ. Ясно, что мы должны разобрать ихъ сначала порознь, а затѣмъ уже постараться установить связь преемственности и развитія.

Эдиктъ Ротари, какъ и всѣ варварскія законодательства, не задается цѣлью представить систематическую и полную характеристику правовыхъ отношеній. Всего менѣ старались составители изобразить точную схему сословій и классовъ. Но въ двухъ отношеніяхъ существовавшая въ дѣйствительности схема отражается косвенно въ эдиктѣ: наиболѣе мѣста въ немъ занимаетъ опредѣленіе вознагражденій пострадавшихъ отъ преступленія, опредѣленіе, которое столько же зависитъ отъ положенія обиженныхъ, сколько отъ свойства обиды; затѣмъ, нѣсколько параграфовъ посвящено отношеніямъ зависимыхъ людей.

Оба рода постановленій рѣзко различаютъ только два состоянія людей—свободныхъ и рабовъ¹⁾. Существуютъ, правда, различные разряды вольноотпущенныхъ, но они тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ, съ одной стороны—къ свободнымъ, съ другой—къ рабамъ. Объ однихъ намъ придется еще говорить, когда мы коснемся людей свободного состоянія; теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о такъ-называемыхъ альдіяхъ²⁾. Хотя для достиженія альдіоната необходимо пройти черезъ извѣстный обрядъ отпуска на волю³⁾, хотя раза два

¹⁾ Поэтому въ 13-мъ и 14-мъ параграфахъ, напримѣръ, противопоставляются просто homo liber, baro liber и servus. О второстепенныхъ разрядахъ не упоминается. Относительно юридическаго положенія рабовъ см. обстоятельное изложеніе Шунфера въ *Wiener Sitzungsber.* XXV, 270—276.

²⁾ Ср. *Pertile*, Storia del diritto, III, 28; *Boos*, Liten und Aldionen; *Гегель*, Städteverfassung, I, 398, совершенно произвольно, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ, приравниваетъ ихъ къ fulfreal'амъ. А между тѣмъ альдіонатъ какъ разъ для Гегеля имѣетъ особенное значеніе.

³⁾ *Ed. Rotharis*, 224: Item qui haldium facere voluerit, non illi dit quattuor vias. Haec sunt quattuor genera manumissionum. Tamen necesse est propter futuri temporis memoriam, ut qualiter liberum aut liberam thingaverit, ipsa manumissio

принадлежность альдіевъ къ свободнымъ ¹⁾ оговаривается прямо, тѣмъ не менѣе они отдѣляются отъ рабовъ весьма незначительнымъ промежуткомъ, который притомъ въ большинствѣ случаевъ остается незамѣтнымъ. По цѣнности (60 солидовъ ²⁾, альдійъ едва возвышается надъ такъ-называемымъ *servus ministerialis* (50 солидовъ ³⁾, а при вознагражденіи за раны и увѣчья не принимается въ расчетъ даже это отличіе — альдійъ просто приравненъ къ несвободному министріалу ⁴⁾. Самостоятельно правоспособною личностью альдійъ не является ни разу въ эдиктѣ Ротари; между прочимъ, пени за понесенный ему вредъ идутъ господину ⁵⁾. Оттого эдиктъ, когда дѣло идетъ о перечисленіи главныхъ состояній, иногда обходитъ альдіевъ и очевидно подводитъ ихъ подъ родовое понятіе рабовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ положеніи нѣкоторой примѣси личной свободы. Эта примѣсь отличаетъ альдіевъ отъ рабовъ въ римскомъ смыслѣ, сближаетъ ихъ съ римскими колонами, но вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не противорѣчитъ германскимъ традиціямъ о рабствѣ. Известно, какъ Тацитъ, который на нѣсколькихъ страничкахъ своей „Германіи“ оставилъ намъ сборникъ основныхъ и исконныхъ принциповъ германской культуры, характеризуетъ германское рабство. Эта характеристика вполне подходитъ къ альдіонату. Въ связи со всемъ сказаннымъ я рѣшаюсь предложить объясненіе одного загадочнаго мѣста эдикта, толкованіе котораго играло важную роль въ разсужденіяхъ о взаимномъ положеніи Римлянъ и Лангобардовъ послѣ завоеванія. Я разумѣю 194-й параграфъ ⁶⁾.

in cartolam libertatis commemoretur. Et si cartolam non fecerit, tamen libertas ei permaneat.

¹⁾ Roth. 205: Si quis haldiam alienam, id est qui iam de matre libera nata est, violentiam fecerit, conponat solidos quadraginta. Cp. 206; Roth. 217: Si haldia aut liberta in casa aliena ad maritum intraverit et servum tulerit, libertatem suam amittat. Et si dominus nelexerit eam replecare ad servitium, mortuo tamen marito, vadat sibi una cum filiis suis et cum omnis res suas, quantas in tempore, quando ad maritum intravet, secum adduxit. Nam amplius nulla consequatur: vitium suum reputit, quia servum consensit. Cp. *Schupfer, Wiener Sitzungsab.* XXXV, 294.

²⁾ Roth. 129.

³⁾ Roth. 130.

⁴⁾ Roth. 76 и сл.

⁵⁾ Это видно косвенно изъ того, что позднѣйшее право дѣлаетъ робкія попытки хоть часть штрафовъ передать альдіямъ. См. ниже.

⁶⁾ Roth. 194: Si quis cum ancilla gentile fornicatus fuerit, conponat domino eius solidos viginti; si cum romana ancilla conponat sold. duodicem.

Большую частію въ немъ видѣли доказательство того, что всѣ классы римскаго общества, даже до рабовъ включительно, были поставлены ниже соотвѣствующихъ германскихъ классовъ по праву и по цѣнности. Такого рода объясненіе довольно естественно и удовлетворительно, если взять разбираемый параграфъ въ отдѣльности, но совершенно неприменимо, если смотрѣть на него какъ на одинъ изъ 362 параграфовъ эдикта Ротари. Отчего этотъ единственный разъ сказалась разница оцѣнки, въ массѣ же остальныхъ случаевъ принадлежность Римскому или Германскому племени нисколько не видоизмѣняетъ оцѣнки, не квалифицируетъ преступления? Эдиктъ не могъ сто разъ игнорировать племенное различіе и разъ, въ совершенно третъстепенномъ случаѣ, подчеркнуть его, но онъ могъ весьма легко, держась вообще извѣстной терминологіи для обозначенія сословій, въ видѣ исключенія, употребить для нихъ другое обозначеніе, соотвѣствующее вполнѣ дѣйствительности и потому всѣмъ понятное. Мнѣ кажется, что подъ *ancilla* готана въ нашей статьѣ разумѣется раба въ полномъ смыслѣ этого слова, обыкновенно обозначаемая простымъ терминомъ „*ancilla*“. Въмѣсто же альдіи говорится о германской рабѣ, *ancilla gentilis*. Кромѣ того, что это толкованіе устраняетъ необходимость неудовлетворительнаго объясненія, изложеннаго выше, оно подтверждается двумя весьма существенными обстоятельствами. Во-первыхъ, если устранить предлагаемое мною объясненіе, то останется совершенно не оговореннымъ весьма часто встрѣчавшійся, конечно, случай прелюбодѣнія альдіи ¹⁾. Во-вторыхъ, значительная разница въ размѣрахъ штрафа (12 и 20 солидовъ) соотвѣствуетъ, вообще говоря, отношеніямъ между штрафами за альдіевъ и за рабовъ ²⁾. Въ 194-й статьѣ интересно не само по себѣ курьезное отступленіе отъ обычной терминологіи, а выражающійся въ этомъ отступленіи проблескъ историческаго движенія, которое привело къ альдіонату. Рабы,

¹⁾ Параграфъ 205-й сюда не подходитъ, потому что трактуетъ объ изнасилованіи. Ему соотвѣтствуетъ § 207—объ изнасилованіи рабыни.

²⁾ Штрафъ за альдіевъ обыкновенно вдвое больше, нежели за простыхъ рабовъ, но это правило допускаетъ значительныя исключенія. Такъ, отрубившій ухо рабу платитъ тѣ же два солида, что и отрубившій ухо альдію. Roth., 83 и 107. Вообще замѣчательны безпричинныя, по видимому, колебанія въ оцѣнкахъ которыми не позволяютъ составить сколько-нибудь правильныя схемы штрафовъ на основаніи трехъ рядовъ постановленій Ротари: 45—75 относительно свободныхъ, 76—102 относительно альдіевъ и министеріаловъ, 103—126 относительно рабовъ. Если брать только главныя цѣны, то онѣ будутъ относиться другъ къ другу приблизительно, какъ единица къ двумъ и шести.

приведенные Лангобардами, и по происхождению, и по роли на столько отличаются отъ массы рабовъ, найденныхъ на римской почвѣ, что имъ отводится особое положеніе, къ которому естественно должны прикнуть колонны, лично свободные люди, прикрѣпощенные имперіей, отданные почти въ полное распоряженіе господина остготеской эпохой. Со всѣмъ тѣмъ, хотя для германскихъ рабовъ, для альдіевъ, прискано это отдѣльное положеніе, они все-таки, во множествѣ случаевъ на столько связаны съ общою массою рабовъ, что не можетъ быть и рѣчи о приведеніи всего римскаго населенія въ состояніе, столь близко граничащее съ рабствомъ.

Эдиктъ Ротари указываетъ намъ только въ общихъ чертахъ мѣсто класса и не даетъ никакихъ прямыхъ и положительныхъ опредѣленій ¹⁾, но для ихъ приниженаго положенія во время Ротари характерно и то обстоятельство, что единственный разъ, когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ альдія къ господину, а не къ третьимъ лицамъ, ограждается интересъ господина ²⁾.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться подробно на статьяхъ эдикта, посвященныхъ рабамъ: онѣ сами за себя говорятъ. Обращаю вниманіе только на то, какъ значительно разчлененъ классъ, очевидно, благодаря своей долгой исторіи, предшествовавшей лангобардскому завоеванію. Онъ распадается на три главные разряда по роду занятій: министеріалы ³⁾ или домашніе рабы, пастухи ⁴⁾ и земледѣльческіе рабы ⁵⁾. Въ каждой изъ этихъ профессій не трудно различить верхній и нижній, администрирующий и подначальный слой ⁶⁾: даже

¹⁾ Сколько-нибудь подробно эдиктъ занимается только вопросомъ о вознагражденіи за вредъ, нанесенный альдіямъ, и объ ихъ бракахъ съ людьми другаго состоянія.

²⁾ § 235: Non liceat haldius cuiuscumque, qui haamund factus non est, sine voluntate patroni sui terra aut mancipia vindere, sed neque liberum dimittere.

³⁾ Roth., 130: Si quis servum alienum ministeriale occiserit probatum, ut supra, ant doctum, conponat solidos, quinquagenta. Cp. 76: De illos vero ministeriales dicimus, qui docti domui nutriti aut probati sunt.

⁴⁾ Roth., 133, 135, 136.

⁵⁾ Roth., 132, 134.

⁶⁾ § 131: De alio vero ministeriale, qui secundus ei (esse?) invenitur, tamen nomen ministeriale habet, si quis occiderit, conponat solidos viginti et quinque. § 134: Si quis servum alienum rusticanum qui cum massario est occiserit, conponat solidos sedicem. § 135: Si quis porcarium alienum occiserit, magestrum tamen illum, qui sub se discipulos habit duo aut tres aut amplius, conponat solidos quinquagenta. De inferiores autem porcarios, si quis occiderit, conponat solidos viginti et quinque. Cp: Schupfer въ *Wiener Sitzungsab.* XXXV, 280.

на основаніи скудныхъ и мимоходныхъ упоминаній эдикта можно заключить о существованіи многочисленныхъ рабскихъ хозяйствъ съ твердою организациею и значительнымъ раздѣленіемъ труда. Можно уловить еще одну любопытную черту этихъ хозяйствъ: обработка земли ведется не плантаторскимъ способомъ, не большими, движимыми господиномъ или управляющимъ группами, а отдѣльными мелкими дворами (*massae*). Но эта сторона лангобардскаго быта выясняется гораздо лучше изъ грамотъ, нежели изъ законодательныхъ памятниковъ.

Кромѣ рабовъ и альдіевъ, эдиктъ Ротари постоянно упоминаетъ о свободныхъ — *liberi*, *barones liberi*. О какихъ-либо аристократическихъ родахъ или привилегированныхъ лицахъ не говорится ни разу. Неужели, однако, свободные люди представляли однообразную массу, лишнюю всякихъ степеней и отгѣнковъ? Первое указаніе на то, что дѣло было иначе, даетъ эдиктъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о вознагражденіи за убійство свободаго человѣка. Эдиктъ не опредѣляетъ штрафа или штрафовъ, а говоритъ, что они опредѣляются *secundum angargathungi* ¹⁾. Самое выраженіе *angargathungi* толкуется — *secundum qualitaem personae* ²⁾ или же *secundum nobilitatem et generositatem* ³⁾.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, прямое указаніе на различія дѣльности по качеству убитаго лица, которое, въ свою очередь, сводится на различіе знатности или родовитости ⁴⁾. Ни о какомъ возвышеніи головщины сообразно служилому или землевладѣльческому положенію нѣтъ пока рѣчи. Кромѣ указанія, заключающагося въ упомянутыхъ статьяхъ эдикта, въ нихъ содержится и не лишенный интереса вопросъ: должны ли мы предположить, что суммы головщины, которыя составляютъ такую важную составную часть варварскихъ законодательствъ и въ то же время обойдены такъ странно въ древнѣйшей лангобардской Правдѣ,—должны ли мы предположить, что эти суммы

¹⁾ Roth., 14.

²⁾ Roth., 48, 74. Cp. Liutpr., 62.

³⁾ Roth., 75: Si infans in utero matris suae nolendo occisus fuerit ab aliquem: si ipsa mulier libera est et evaserit, adpraectietur ut libera secundum nobilitatem suam, et medietatem quod ipsa voluerit, infans ipse componatur. Nam si mortua fuerit, componat eam secundum generositatem suam, excepto quod in utero eius mortuum fuerit, ut supra, cessante faida, eo quod nolendo fecit.

⁴⁾ Понятіе родовитости, очевидно, выражено въ самомъ словѣ или словѣ *angargathungi*. Cp. Gattung.

были уже фиксированы, если не въ какомъ-либо не дошедшемъ до насъ памятникѣ, то въ народномъ сознаниі и обычаяхъ? Предполагаетъ ли ссылка на *angargathungi* нѣсколько установившихся градаций свободнаго состоянія, которымъ соответствуетъ нѣсколько постоянныхъ штрафовъ, или мы должны думать, что ни градации, ни штрафы не были еще приведены въ окончательную ясность, и за всякимъ убійствомъ слѣдовала самостоятельная оцѣнка убитаго въ судѣ, оцѣнка, при которой главное вниманіе обращалось на знатность рода, и допускались весьма субъективныя отгѣнки и колебанія? Я рѣшительно склоняюсь на сторону послѣдняго мнѣнія, въ пользу котораго можно указать на слѣдующіе факты: Вопервыхъ, не имѣло бы смысла говорить въ эдиктѣ о цѣнности альдіевъ и рабовъ и умалчивать о цѣнности свободныхъ людей, еслибъ эта цѣнность могла выразиться двумя-тремя опредѣленными суммами. Вовторыхъ, когда Лиутпрандъ счелъ нужнымъ ввести законодательныя опредѣленія относительно головщины, онъ ограничился указаніемъ максимума и минимума, допуская для промежуточныхъ ступеней колебанія субъективной оцѣнки ¹⁾. Втретьихъ, въ томъ случаѣ, когда эдиктъ осмысливается на точныя цифры цѣнности, то-есть, въ случаѣ вознагражденія за рабовъ и полусвободныхъ, онъ употребляетъ постоянно выраженіе „*qualiter adpretiatus fuerit*“ ²⁾. Это выраженіе само по себѣ отлично шло бы и къ постоянному вергельду свободныхъ, но эдиктъ его сознательно обходитъ и замѣняетъ уже упомянутымъ: „*secundum angargathungi*“. Въ результатѣ мы должны принять, что хотя масса свободныхъ далеко не представлялась чѣмъ-то однообразнымъ, хотя были уже въ эпоху Ротари отличія и градации сообразно родовитости ³⁾,

¹⁾ Liutpr., 62: *Reminiscimur enim, qualiter iam statuimus: qui hominem liberum occiserit, ut res suas in integrum perdat. — Consuetudo enim est, ut minima persona, qui exercitalis homo esse invenitur, centum quinquaginta solidos componatur, et т. д.*

²⁾ Roth., 14: *Si quis homicidium in absconse penetraverit in barone libero, aut servo vel ancilla, et unus fuerit aut duo tantum, qui ipsum homicidium fecerint, noningentos solidos componat. Si vero plures fuerint, si ingenuus, qualiter in angargathungi (id est secundum qualitatem personae Roth. 48) ipsum homicidium componat; si servus aut libertus, componat ipsum ut adpraetiatus fuerit. Et si expolia de ipso mortuo tulerit, id est prodraup, componat octugenta solidus. Cp. 81 и др.*

³⁾ Лѣтописные источники вообще даютъ скудный матеріалъ для оцѣнки юридическихъ отличій, и потому я не прибѣгаю къ ихъ помощи въ этой главѣ. Но въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, совершенно уместно сослаться на знамени-

тѣмъ не менѣе, расчлененіе общества ея еще не пошло на столько далеко, чтобы вызвать признаніе обычаемъ или закономъ нѣсколькихъ опредѣленно разграниченныхъ классовъ, главнымъ признакомъ которыхъ являлись бы видоизмѣненія вергельда.

Одно подраздѣленіе уловить было особенно легко и его дѣйствительно можно замѣтить уже въ адиктѣ Ротари. 224-я и 225-я статьи даютъ намъ возможность наблюдать за тѣмъ, какъ вступаютъ въ состояніе свободныхъ людей лица, первоначально ему не принадлежавшія ¹⁾. При этомъ оказывается, что термины „свободный“ и „независимый“ человекъ не покрываютъ другъ друга: можно сдѣлать раба или альдія свободнымъ (*fulfree* или *fulcfree*) и не предоставить ему независимости (*non haamund*). Выдѣляется разрядъ свободныхъ людей, подчиненныхъ извѣстному патронату, и законодательство указываетъ, какъ они въ отношеніи наследства уступаютъ совершенно независимымъ людямъ. Безъ сомнѣнія, это было не единственное различіе между двумя разрядами вольноотпущенныхъ: самое понятіе патроната или *mundium*'а, примѣненное къ власти отпускающаго на волю, предполагаетъ нѣчто большее, нежели простое зачисленіе патрона по наследству непосредственно вслѣдъ за дѣтми вольноотпущеннаго, предполагаетъ покровительство, съ одной стороны, и извѣстное подчиненіе—съ другой. Размѣры этого покровительства и подчиненія опредѣлять на основаніи законодательства Ротари невозможно. Можно сказать одно: завязывающаяся связь аналогична съ дружинными отношеніями, при которыхъ заработанное дружинникомъ имущество также

тое мѣсто Павла Діакона о назначеніи Гизульва герцогомъ въ Фриуль. Paul. Diac., II, 9.

¹⁾ Roth. 224: — Item qui fulcfree fecerit et quatuor vias ei dederit, et haamund a se, id est extraneum non fecerit, talem legem patronus cum ipso vivat tamquamsi cum fratrem aut cum alio parente suo libero, langobardo: id est si filius aut filias legitimas, qui fulcfree factus est non dimiserit, patronus succedit, sicut supter scriptum est. § 225: Si libertus, qui fulcfree factus est, filius dereliquerit legitimus, sint illi heredes; si filias, habeant legem suam; si naturales, habeant et ipsi legem suam. Et si casu faciente sine heredes mortuus fuerit, et antea indicaverit se vivo res suas proprias, id est ande-gawere et ari-gawere secundum legem langobardorum, habeat cui donaverit. Nam quantum de res benefactori suo per donum habuit, si eas non obligavit in libertatem, ad ipsum patronum aut ad heredes eius revertantur. Et si alequid in gasindio ducia, aut privatorum hominum obsequium, donum munus acquisivit, res ad donatore revertantur. Alias vero res, si, ut dictum est, heredes non dereliquerit, aut se vivo non indicaverit, patronus succedat sicut parenti suo.

точно не поступаетъ вполне въ собственность служившаго, а продолжаетъ оставаться отчасти подъ вліяніемъ вожда и пожалователя ¹⁾). Во всякомъ случаѣ—и это особенно важно—мы имѣемъ въ лангобардскихъ „fulfree“ разрядъ людей хотя вполне свободныхъ, но находящихся подъ покровительствомъ и защитой другихъ свободныхъ людей. Нѣтъ основанія ограничивать этотъ разрядъ рабами, отпущенными на извѣстныхъ условіяхъ. Прежде всего, ихъ положеніе придется распространить также на ихъ потомковъ, освобожденіе которыхъ отъ зависимости иначе было бы оговорено. Но самое названіе fulfree ручается за то, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло не съ простою категоріей вольноотпущенныхъ, въ родѣ франкскихъ *denariales*, *homines regii*, *homines ecclesiastici*, а съ подраздѣленіемъ въ средѣ свободныхъ людей, къ которому, при извѣстныхъ условіяхъ, выводилъ отпускъ на волю.

Таковы главные результаты, которые можно добыть изъ эдикта Ротари относительно сословной организаціи. При Гримоальдѣ и особенно при Лиутпрандѣ и Аистульфѣ многое представляется въ совершенно иномъ видѣ.

Что касается низшихъ классовъ—рабовъ и альдіевъ, то имъ отведено въ позднѣйшихъ эдиктахъ гораздо менѣ мѣста, чѣмъ у Ротари, но въ то же время замѣчается стремленіе хотя сколько-нибудь улучшить и оградить ихъ существованіе. Весьма ясный отпечатокъ этого стремленія носить уже первая статья Гримоальда ²⁾, по которой господамъ воспрещается произвольно увеличивать оброки альдіевъ, статья, повторяющая въ данномъ случаѣ извѣстныя постановленія римскихъ законовъ относительно колоновъ. У Лиутпранда является совершенно новое юридическое представленіе объ альдіяхъ и рабахъ, какъ о лицахъ, которыхъ необходимо вознаграждать за понесенный ими ущербъ, а не какъ о предметахъ, за ухудшеніе которыхъ вознаграждается ихъ владѣлецъ. Новый взглядъ и новое правило высказываются въ 139-й статьѣ Лиутпранда ³⁾ и въ 3-й и 4-й статьяхъ, такъ

¹⁾ Roth., 177: Si quis liber homo potestatem habeat intra dominium regni nostri cum fara sua megrare ubi voluerit—sic tamen si ei a rege data fuerit licentia,—et si aliquas res ei dux aut quicumque liber homo donavit, et cum eo noluerit permanere, vel cum heredes ipsius: res ad donatorem vel heredes eius revertantur.

²⁾ Grim., 1: Similiter et si haldius fuerit, inpendat obedientia patrono suo, sicut per trigenta annos fecit, et ei nova a domino suo amplius non inponatur, sed liceat cum res suas habere, quas per trigenta annorum spatia iuste possedit.

³⁾ Liutpr., § 139: Si haldius cuius cumque haldiam alienam tulerit, aut servus

называемаго *notitia de actoribus regis* ¹⁾, которая, по всей вѣроятности, также принадлежитъ этому королю. Въ послѣднемъ случаѣ примѣненіе принципа ограничено царствованіемъ короля, издавшаго распоряженіе ²⁾. Но главный интересъ возбуждаютъ не изолированныя статьи, а тѣ части позднѣйшаго законодательства, которыя раскрываютъ передъ нами процессъ раздробленія массы свободныхъ людей, возвышенія своеобразныхъ аристократическихъ слоевъ. 62-я статья Ліутпранда, опредѣляя крайніе размѣры головщины, свидѣтельствуетъ о весьма значительныхъ неравенствахъ въ средѣ Лангобардовъ, потому что за человѣка низшаго разбора назначаетъ полтораста, а за человѣка перваго сорта, если можно такъ выразиться—триста солидовъ. Между этими двумя предѣлами можетъ колебаться вергельдъ. На тѣ же крупныя неравенства указываетъ и 89-я статья, которая позволяетъ судѣ дать своей женѣ мету въ размѣрѣ четырехсотъ

---

ancilla, et antequam de ipso coniugio aliquam convenientia domini eorum inter se faciant, contegerit, ut quispiam miser homo ipsam haldiam aut ancilla, qui est uxor alterius, fornicatu fuerit, ita previdimus ut ei de ipsa culpa debeat subiacere ille qui hoc malum perpetraverit, cuius uxorem adulteravit; nam dominus eiusdem mulieris tantum mundium de ea suscipiat, si aldia fuerit, sicut lex est; et si fuerit ancilla, accipiat exinde pretium aut vegariam, sicut convenerit. Hoc autem ideo prospeximus de uxore de servo vel aldione, quia si de libero hominem quispiam miser homo mulierem adulterant, ad maritum eius componit, ut etiam non habeat eam mundiatam, nam non ad parentes.

¹⁾ § 3: *Si quis servus noster occisus fuerit, duas partis de ipsa compositionem tollat curtis nostra, et tertiam pars parentis ipsius servi nostri defuncti, sicut superius diximus. Hoc autem in diebus nostris et in tempore regni nostri statuimus, quamvis lex nostra non sit: post autem nostrum decessum, qui pro tempore princeps fuerit, faciat, sicut ei deus inspiraverit aut rectum sicut secundum animam suam previderit. Quia non semel, sed multotiens cognovimus ubi talis causam emergerit, quoniam nec in rebus publicis, nec nulla rationem palatii profuerit, quod exinde actoris nostri tollerunt; et insuper invenimus et cognovimus multos actores nostros, qui tollebant de singulis unde decem solidos, unde sex, unde amplius, et dabant talem spatium atque tranquillum, donec ipse qui homicidium faciebat obsequare potuisset, ut exinde nihil daret. Proindeque previdimus statuere: curtis nostra medietatem de aldiones et quas partes de servas sicut super diximus, habeat, et relinqua parte ipsi parentis propinqui, ut unde habent dolore, habeant in aliquo propter mercedem consolationem.—§ 4: Propter deum et eius misericordia precipimus atque statuimus sola pietatis causa, ut si aldius noster occisus fuerit, medietatem de ipsa compositionem tollat curte nostra, et medietatem parentes ipsius defuncti, si vivo patrem habuerit aldione nostro, sibe matrem, sibe fratres, sibe filii.*

²⁾ *Boretius, Die Capitularien im Langobardenreich.*

солидовъ; остальные „знатные“ люди могутъ дать триста солидовъ, и не больше; наконецъ, просто свободные люди даютъ по желанію ¹⁾. Ни та, ни другая статья не показываютъ намъ однако, на чемъ основано было привилегированное положеніе „первыхъ и знатныхъ“. Видно только, что оно было независимо отъ службы, потому что въ 62-й статьѣ оговаривается особая привилегія газиндовъ, а въ 89-й— привилегія судей.

Служба создаетъ преимущества, но онѣ сравнительно незначительныя, и аристократическіе слои развиваются независимо отъ нея. Болѣе опредѣленное понятіе о свойствѣ дѣлений свободного класса мы получимъ, если сравнимъ съ только что приведенными статьями другой рядъ постановленій, который, правда, не стоитъ съ ними въ очевидной связи, но, какъ мнѣ кажется, представляетъ ту же сословную организацію только со стороны обязанностей, а не преимуществъ: я разумѣю статьи относительно воинской повинности. Всѣ свободные люди Лангобардскаго королевства, безъ различія племени и землевладѣнія, были призваны служить въ войскѣ и потому синонимомъ слова „свободный“ являются термины: „*arimannus* и *exercitalis*“. Разграниченіе, которое иногда пытались проводить ²⁾ между свободными землевладѣльцами, несущими конную службу ариманнами, и просто свободными людьми, идетъ въ разрѣзъ съ очевиднѣйшимъ свидѣтельствомъ источниковъ; службой обязаны были не одни землевладѣльцы, а всѣ свободные, но тѣмъ не менѣе отбывалась служба не всѣми одинаково, потому что существовали весьма значительныя неравенства. 83-й параграфъ Лиутпранда показываетъ намъ, какого рода изыятія допускались по отношенію къ низшимъ слоямъ. Бѣднѣйшіе, безземельные люди не освобождаются всѣмъ классомъ отъ воинской повинности, но изъ ихъ числа судья, шультгейсъ и десятникъ имѣютъ право обратиться на исполненіе необходимыхъ въ ихъ отсутствіе хозяйственныхъ работъ. Точно также они могутъ оставить

¹⁾ Liutpr., § 89: Si quis coniugi suae metam dare voluerit, ita nobis iustum esse comparuit, ut ille, qui est index, debeat dare, si voluerit, in solidos quadringentos, amplius non, minus quomodo convenerit; et reliqui novillis homenis debeant dare in solidos trecentos, amplius non; et si quisquamque alter homo minus voluerit, quomodo convenerit.

Baudi di Vesme e Fossati, Vicende della proprietà, 193; *Schupfer Wiener Sitzungsab.* XXXV, 395 и 416 и сл.; *Troya* Condizione dei Vinti Romani. Несоостоятельность различія указана уже *Геттелемъ*, *Städteverfassung*, I, 395. Ср. также *Пертмиле*, *Storia del diritto*, III, 100.

дома нѣсколько человѣкъ изъ таковыхъ, которые содержатъ только одну лошадь, при чемъ лошади берутся подъ вьюки отправляющагося въ походъ начальника ¹⁾).

Если 83-я статья Лиутпранда имѣетъ дѣло съ самыми послѣдними ступенями свободнаго состоянія, то 2-я статья Анстульфа, регулирующая вооруженіе, показываетъ намъ болѣе достаточные классы. Анстульфъ разбиваетъ все воинство на три группы по вооруженію ²⁾: младшіе, вѣроятно тѣ же, о которыхъ шла рѣчь въ § 82 Лиутпранда, должны являться въ войско съ лукомъ, стрѣлами и колчаномъ; ратники втораго разряда вооружены щитомъ и копьемъ и обязаны явиться верхомъ; наконецъ, лучшимъ людямъ обязательно имѣть панцырь. При этомъ устанавливается своего рода цензъ, по которому ариманъ зачисляется въ тотъ или другой классъ; по поводу этого ценза необходимо отмѣтить затрудненіе въ толкованіи. Текстъ постановленія говоритъ прямо, что тотъ, кто владѣетъ семью оброчными дворами, долженъ имѣть панцырь, кто имѣетъ сорокъ югеровъ земли, выѣзжаетъ верхомъ со щитомъ и копьемъ. И въ томъ, и другомъ случаѣ опредѣляется, по видимому, minimum владѣнія, подразу-

¹⁾ Liutpr., 83: De omnibus iudicibus, quando in exercito ambolare necessitas fuerit, non dimittant alios homenis, nisi tantummodo qui unum cavallo habent, hoc est homines sex, et tollant ad saumas suas ipsos cavallos sex; et de minimis hominibus, qui nec casas nec terras suas habent, dimittat homenis decem: et ipsi homenis ad ipsum iudicem faciant per ebdomata una operas tres, usque dum ipse iudex de exercito revertitur. Sculdahis vero dimittat homenis tres, qui cavallus habent, ut tollant ad saumas suos cavallos tres; et de minoribus hominibus dimittat homenis quinque, qui faciant ei operas, dum ipse reversus fuerit, sicut ad iudicem dixemus, per ebdomata una operas tres. Saltarius quidem tollat cavallo uno, et de minoribus, qui ei operas faciat, tollat homine uno, et faciat ei operas, sicut supra legitur. Et si amplius iudex vel sculdahis aut saltarius dimittere presumpserit homines sine regis permissio aut iussione, qui in exercito ambolare devit componat wirtgild suo in sagro palatio.

²⁾ Ahist., 2: De illos homines qui possunt loricam habere et minime habent, vel minores homines, qui possunt habere cavallum et scutum et lanceam et minime habent, vel illi homines qui non possunt habere nec habent unde congregare, debeant habere scutum et coccura. Et stetit ut ille homo, qui habet septem casas massarias, habeat loricam suam cum reliqua conciantura sua debeat habere et cavallos; et si super habuerit per isto numero debeat habere caballos et reliqua armatura. Item placuit, ut illi homines, qui non habent casas massarias et habent quadraginta iugis terrae, habeant cavallum et scutum et lanceam; item de minoribus hominibus principi placuit, ut si possunt habere scutum, habeant coccora cum sagittas et areum.

мѣшается выраженіе „по меньшей мѣрѣ“, но дѣло въ томъ, что во второй разрядъ зачисляются не всѣ владѣльцы, имѣющіе не менѣе сорока югеровъ и менѣе семи оброчныхъ дворовъ: напротивъ того, прибавлено весьма ясно: *qui non habent casas massariicias*. Спрашивается: въ какой разрядъ попадаетъ, на примѣрѣ, владѣлецъ пяти дворовъ? Такъ какъ границы втораго разряда непреложно ясно проведены съ обѣихъ сторонъ (*habet—XL juga terre; non habet—casas massariicias*), то остается одно только средство, чтобы выйти изъ затрудненія, — отступить отъ обыкновеннаго, и на первый взглядъ, весьма естественнаго толкованія мѣста о первомъ разрядѣ и принять, что семь оброчныхъ дворовъ являются *maximum*'омъ, а одинъ оброчный дворъ, сверхъ воздѣлываемой собственными руками земли, — *minimum*'омъ при опредѣленіи его положенія. Такое толкованіе вполнѣ подтверждается тѣмъ, что за все лишнее противъ семи дворовъ владѣлецъ долженъ держать соотвѣтствующее число лошадей и доспѣховъ. Въ результатѣ получается слѣдующая схема классовъ: люди безземельные или сидящіе на неполныхъ надѣлахъ; владѣльцы полнаго свободнаго надѣла (*Vollhufner*), и вообще мелкіе землевладѣльцы, сами обрабатывающіе землю; помѣщики, владѣющіе, помимо своего надѣла, оброчными дворами, отъ одного до семи и даже больше. По перечисленнымъ тремъ разрядамъ распредѣляются не только землевладѣльцы, но и купцы, состояніе которыхъ не заключается въ подвижной собственности, или по крайней мѣрѣ, не можетъ быть мѣрено ею ¹⁾. Упомянутіе о купцахъ, безъ сомнѣнія, весьма интересно, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о довольно значительномъ развитіи торговли, съ одной стороны, и о присутствіи и скопленіи денежныхъ капиталовъ — съ другой. Но во всякомъ случаѣ на образованіе классовъ торговая дѣятельность имѣетъ совершенно второстепенное вліяніе. Это ясно уже изъ крайней неопредѣленности, съ которою говорится о распредѣленіи торговаго люда: законодатель даже не пытается провести какія-либо точныя границы, а просто упоминаетъ о крупныхъ, слѣдующихъ за ними по состоянію (*sequentes*) и мелкихъ торговцахъ. Землевладѣніе является главнымъ основаніемъ для распредѣленія общественныхъ тягостей между свободными людьми, потому что глав-

¹⁾ *Ahist.*, 3: *Item de illis hominibus, qui negotiantes sunt et pecunias non habent: qui sunt maiores et potentes, habeant lorcam et cavallo; scutum et lanceam; qui sunt sequentes, habeant aballos, scutum et lanceam; et qui sunt minores, habeant coccoras cum sagittas et arcum.*

нымъ образомъ землевладѣніе создавало значительныя неравенства между ними. Вліяніе этихъ неравенствъ на отбытіе важѣйшей государственной обязанности мы должны прослѣдить въ подробностяхъ, и при этомъ естественно является предположеніе, что классы по отбытію повинности устанавливались не случайно, а примѣнительно къ уже сложившимся дѣленіямъ. Повинности, возложенной по размѣру состоянія, должны соответствовать преимущества, вытекающія изъ состоянія; кто сильно служилъ, тотъ больше и цѣнился. Потому, мнѣ кажется, не будетъ ошибкой, если мы посмотримъ на статьи о вергельдѣ, метѣ и воинской повинности, какъ на постановленія друга друга дополняющія и призванныя регулировать съ разныхъ сторонъ одну и ту же организацію общественныхъ классовъ, развѣтвившуюся постепенно изъ массы свободнаго состоянія, благодаря образованію крупныхъ земельныхъ неравенствъ. Нашъ пріемъ находитъ себѣ подтвержденіе, кромѣ общихъ соображеній, въ сравненіи съ аналогическими явленіями у Англосаксовъ и въ томъ характерномъ фактѣ, что въ серединѣ всей военной дѣстности Аистульфа, въ положеніи, такъ-сказать, нормальнаго ариманна, находится владѣлецъ сорока югеровъ, то-есть, нормальнаго германскаго надѣла — гуфы¹⁾.

Такимъ образомъ, въ основаніи расчета находится какъ разъ величина не случайная, а какъ бы каноническая, величина, тѣсно связанная съ понятіемъ о средне-свободномъ чловѣкѣ не только у Лангобардовъ, но и у племенъ внутренней Германіи.

Если признать, что въ войсковыхъ дѣленіяхъ Аистульфа мы имѣемъ главные классы свободнаго общества его времени, то вмѣстѣ съ тѣмъ выяснится, при сравненіи съ данными эдикта Ротари, слѣдующій любопытный фактъ: въ началѣ VII вѣка сильное вліяніе на цѣнность личности оказываетъ ея принадлежность къ старому знатному роду; въ половинѣ VIII вѣка главнымъ мѣриломъ оцѣнки является состояніе, прежде всего землевладѣніе. Я не хочу сказать, чтобы въ эпоху Ротари совсѣмъ не принимался въ расчетъ послѣдній элементъ, чтобы при Лиутпрандѣ и Аистульфѣ старые роды были уже совершенно затерты — промежутокъ между эдиктами слишкомъ коротокъ для того, чтобы предположить подобнаго рода полную перемѣну. Но несомнѣнно, что центръ тяжести въ обществѣ перемѣстился отъ старой племенной знати, вытѣсненной во время блужданій и войнъ

¹⁾ Schupfer въ *Wiener Sitzungsab.*, XXXV, 419.

Лангобардовъ у Балтійскаго моря и въ Панноніи ¹⁾, къ новому аристократическому слою, обяванному своимъ могуществомъ земельной собственности и королевской службѣ.

Фактическія неравенства богатства и могущества порождаютъ въ мало развитомъ обществѣ не только социальна-политическія неравенства сословій и классовъ, ведутъ не только къ расчлененію общественной массы и къ обособленію ея частей: они въ то же самое время вызываютъ соединенія сильныхъ и слабыхъ, при которыхъ первые призваны преобладать, покровительствовать и распоряжаться, послѣдніе подчиняются и служатъ. На перерѣзъ горизонтальнымъ сословнымъ отложениямъ идутъ, если можно такъ выразиться, въ вертикальномъ направленіи нити частныхъ союзовъ. Чѣмъ слабѣе государство, тѣмъ болѣе значенія приобрѣтаютъ эти союзы, тѣмъ болѣе они поглощаютъ чисто политическихъ элементовъ. Законодательные памятники Лангобардскаго племени отражаютъ намъ отчасти и этотъ второй социальный процессъ. Я уже отмѣтилъ въ 224-й статьѣ Ротари существованіе интереснаго разряда вольноотпущенныхъ, которые получили право свободныхъ людей, но остались отъ прежнихъ господъ въ нѣкоторой зависимости. 11-я статья Аистульфа показываетъ, что отпущенные даже въ лучшемъ случаѣ (*qui hamund facti sunt*) считались нравственно обязанными повиноваться отпустившему, какъ благодѣтелю, и это нравственное обязательство было возведено Аистульфомъ въ юридическое правило ²⁾.

Не одни рабы и вольноотпущенные окружаютъ сильнаго, богатаго и щедраго человѣка—вокругъ него собираются свободные помощники и дружинники, которые за свою службу, на время своей службы, полу-

¹⁾ Ср. *Schupfer* въ *Wiener Sitzungs.*, XXX, 421; *Pertile*, *Storia del diritto*, III, 121.

²⁾ *Abist.*, 11: *Anterioris edicti leguntur capitula, ut quis langobardus pertinentem suum in quarta manum tradiderit et ad se hamunt fecerit, ant circa altario deducendum sacerdoti tradiderit, soluti ab omnem conditionem servitutis permanerint. Sed quoniam perversi hominis benefactores suos accepta libertatem postponebant, et ipsi eum postmodum retinere nequaquam valebant, multi hominis timentis ne sui liberti eos postponerent, libertatem eis facere obmittebant. Propterea statuimus, ut si quis langobardus pertinentem suum thingare voluerit in quarta manum et cartola illi fecerit, et sibi reservaverit servitium ipsius dum advixerit, et decreverit, ut post obidum eius liber sit: stabilem debeat permanere secundum textu cartule quam ei fecerit, quia iustum nobis apparuit, ut homo benefactorem suum, vivente eum, dimittere non debeat. Nam qui in ecclesia liberum dimiserit per manus sacerdotis, sic maneat ei libertas, sicut anterior edictus continet.*

часть отъ него подарки ¹⁾. Его покровительства и заступничества на судѣ ищутъ вдовы, сироты и бѣдные. Постановленія королей VIII вѣка показываютъ намъ, эти кружки частнаго вліянія на столько сложившимися и крѣпкими, что государственная власть считаетъ необходимымъ частью воспользоваться ими, частью ограничить ихъ дѣйствіе. Съ одной стороны, крупный землевладѣлецъ призванъ развѣскивать своего арендатора, повиннаго въ убійствѣ ²⁾; съ другой—короли стараются уничтожить подрывающій правосудіе обычай магнатовъ вступаться на судѣ за своихъ кліентовъ ³⁾, какъ показываетъ самое двукратное повтореніе, законодательное предписаніе не производить въ данномъ случаѣ надлежащаго дѣйствія. И не мудрено, потому что относительно своихъ приближенныхъ, своихъ газиндовъ короли сами отступаютъ отъ начала равноправности и равноподчиненности всѣхъ подданныхъ. Въ случаѣ столкновения съ простымъ арманномъ, газиндъ не подвергается обыкновенному суду, не подпадаетъ даже непосредственно рѣшенію какаго-либо чрезвычайнаго,

¹⁾ Roth., 177.

²⁾ Liutpr., 92: Si quis liber homo, in terra aliena resedens livellario nomine, homicidium fecerit et fugam lapsus fuerit, tunc ille, in cuius terra ipse homicida habitavit, habeat spatium in mense uno ipsum hominem perquirendum; et si eum invenerit, licentiam habeat ipsum hominem, quamvis liber sit, conpraehindendum et tradendum in manus illius cui homicidium fecit. Et si hoc non fecerit, dare debeat medietatem de omnibus rebus movilibus, excepto tectoras, quas in ipsa casa ipse homicida habuit. Quod si nec hoc voluerit facere ipse cuius terra est, dare debeat livellario nomine ipsa terra ei, cui homicidium factum est, ut reddat ei exinde, sicut ille reddebat, qui ipsum homicidium fecit. Tamen de his trebus capitulis in illius sit potestatem elegendi, cuius terra est, at faciat exinde unam qualem voluerit.

³⁾ Ratchis, 3: Et hoc volumus, ut nullus homo presumat causa alterius ad dicendum supprehendere aut causare, nisi cum notitia de iudice suo, causam de vidua aut de orphano dicendum. Nam qui, ut diximus, de conliberto suo causa supprehendere aut causare presumpserit, componat widrigild suum, medietatem regi et medietatem iudici suo. Et si iudex, qui fuerit ante quem causa altercat, hoc fieri permiserit aut consenserit, componat regi widrigild suum.—Ratchis 11: Si quis causam alterius agere aut causare presumpserit in presentia regis aut iudicis, excepto si rex aut iudex licentiam dederit de vidua aut de orphano aut de tale hominem qui causam suam agere non potit, componat wirigild suo, medietatem regi et medietatem ei contra quem causaverit. Et si forte aliquis per simplicitatem causam suam agere nescit, veniat ad palatio, et si rex aut iudex praeviderit, quod veritas sit, tunc ei dare debeat hominem, qui causam ipsius agat.

положимъ — королевскаго трибунала: онъ вызывается, страннымъ образомъ, быть судьей въ собственномъ дѣлѣ ¹⁾). Понятно, что если въ этомъ отношеніи преимущества газиндовъ доведены до такого крайняго предѣла, почти до абсурда, то и относительно зависимыхъ людей они не подчинены общимъ правиламъ. По 11-му параграфу Рахиса газиндъ можетъ заступаться за своего челоуѣка на судѣ ²⁾). Совокупность приведенныхъ постановленій, какъ они ни отрывочны, показываетъ намъ въ полномъ дѣйстви въ Лангобардскомъ королевствѣ такъ-называемую комментацію, притомъ не въ смыслѣ частноправоваго подчиненія, однохарактернаго съ теперешними служебными отношеніями между свободными людьми, а въ смыслѣ политическаго соединенія, которое восполняетъ государство и вмѣстѣ разлагаетъ его. Множество послѣдствій этого союза остаются не тронутыми лангобардскимъ законодательствомъ, — мы не знаемъ, давалась ли какая-либо присяга вступающимъ въ службу своему вождю, не знаемъ, въ какомъ отношеніи находилась личная связь комментаціи къ земельнымъ отношеніямъ по арендѣ, влекло ли за собою вступленіе въ чей-либо *mundium* переводъ титула собственности на покровителя; можемъ только догадаться относительно громаднаго вліянія могущественнаго землевладѣльца и патрона въ своемъ околдѣ по хозяйству и по суду, по церковнымъ и военнымъ дѣламъ, относительно громаднаго фактическаго давленія такого магната на людей свободнаго положенія, но малой силы.

Что мы во всякомъ случаѣ не преувеличиваемъ значенія указаннаго явленія, называя его прямо комментаціей, комбинируя его разсѣянные черты въ законодательствѣ и предполагая еще большее развитіе его на практикѣ, — доказательствомъ тому можетъ служить тотъ замѣчательный фактъ, что франкскіе завоеватели Италіи, у которыхъ комментація играла такую важную роль и существовала въ такой развитой формѣ, не перенесли ея въ Италію, потому что нашли ее уже вполне готовою. 22-й параграфъ капитуларія Пипина ³⁾, по

¹⁾ Ratchis, 14.

²⁾ Ratchis, 11: Si enim quisquam liber homo in servitio de gasindio regis, aut eius fidelis introierit, et iudex, de sub quem fuerit, dolose eum obpremere quesierit, pro eo quod ipse in alterius servitio introivit, et per ipsum dolum inlecite ei iudicaverit, et forsitan ab ipso iudice suo iustitia invenire non potuerit: tunc componat iudex, sicut supra legitur, et ille in cuius obsequio est, habeat licentia causam eius agere, et usque ad legem perducere; sic tamen, ut antea vadat ad iudicium de iudice suo, ut ad ipsum suscipiat iustitiam.

³⁾ § 22: Stetit nobis de illis hominibus liberis Longobardis, ut licentiam ha-

необходимости требующій широкаго распространительнаго толкованія разобранныхъ выше статей Лиутпранда и Рахиса, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ любопытное указаніе на то, какого способа критики и объясненія нужно вообще держаться относительно отрывочныхъ, неохотно и неполно высказывающихся варварскихъ Правдъ ¹⁾).

Для поправки и пополненія добытаго до сихъ поръ изъ скуднаго законодательнаго источника обратимся къ матеріалу, доставляемому грамотами. Факты не столь цѣнны, но за то ихъ гораздо больше.

Первое, что насъ поражаетъ при чтеніи различныхъ завѣщаній, дарственныхъ грамотъ, арендныхъ договоровъ и тому подобныхъ документовъ, которые сохранились въ довольно большомъ количествѣ отъ VIII вѣка,—это рѣзкое раздѣленіе общества на два отдѣла. Въ законодательствѣ рѣзко выставляется впередъ различіе свободныхъ и рабовъ, а всѣ остальные дѣленія являются совершенно второстепенными; въ грамотахъ черта между двумя группами проходитъ иначе и гораздо выше: выдается различіе между свободными собственниками, распоряжающимися землею, и массой мелкаго люда, находящагося въ чужой волѣ и считающагося при землѣ. Масса эта состоитъ изъ людей различнаго сословнаго положенія, изъ рабовъ, альдіевъ и свободныхъ; въ извѣстныхъ намъ изъ законовъ сословнымъ элементамъ примѣшиваются и другіе, не подпавшіе подъ законодательныя опредѣленія: старый классъ колоновъ, представители промежуточныхъ ступеней между рабствомъ и свободой, люди, находящіеся въ фактическомъ рабствѣ и пользующіеся фактическою свободой (*pro servis, pro liberis*) ²⁾. Въ грамотахъ всѣ эти разряды лицъ значительно сближаются, потому что на нихъ падаютъ весьма сходныя, иногда одинаковыя обязанности. Отличія альдія, раба и ливелларія существуютъ, но они ступеневываются передъ противоположностью между господскимъ

---

beant se commendandi ubi voluerint, sicut a tempore Longobardorum fecerunt, in tantum ut suo comiti faciant rationabilia quae debent.

¹⁾ Ср. *Шуцферъ* въ *Wiener Sitzungsab.* XXXV, 488; *Эрико Паджи*, *Cenni storici intorno alle leggi riferibtili ale'agricoltura*, I, 61 выводитъ комментацію изъ стремленія побужденныхъ Ремлянъ достигнуть сколько-нибудь безопаснаго положенія.

²⁾ Одинъ примѣръ изъ многихъ въ дарственной грамотѣ Аутона аббатству Фаревъ отъ декабря 767 года. *Troya*, *Cod. diplomatico langobard.* № 881; V, 433: *casalem qui dicitur sisinnianus cum colonis servis ancillis familiis universis, liberis, pro'liberis, servis, prosercis.*

дворомъ—*curtis dominica* ¹⁾, *sala* ²⁾, *sundro* ³⁾, *domus culta* ⁴⁾, и зависимыми дворами—*casae massariciae, coloniciae, tributariae* ⁵⁾.

О рабахъ упоминается рѣдко, больше въ общихъ перечисленіяхъ, когда стараются не пропустить ни одного разряда ⁶⁾, нежели въ частныхъ случаяхъ. Разъ только мы встрѣчаемъ упоминаніе о весьма значительномъ числѣ рабовъ (64; 92, если считать съ только что отпущенными на волю ⁷⁾). Однако, если *servi* и *ancillae* упоминаются сравнительно рѣдко, то изъ этого обстоятельства мы въ правѣ заключить только, что ихъ мало держали въ домѣ ⁸⁾: въ деревняхъ рабское население весьма многочисленно, но обозначеніемъ его служить терминъ—*massarii* ⁹⁾, взятый отъ оброчнаго двора (*massa*). Самое измѣненіе названія свидѣтельствуетъ объ улучшеніи быта рабовъ, о переходѣ ихъ къ быту крѣпостныхъ крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя господа распоряжаются еще личною массаріевъ, жертвуютъ и завѣщаютъ ихъ, но дѣлаютъ они это, за самыми немногими исключеніями ¹⁰⁾, при распоряженіи своимъ земельнымъ участкомъ, такъ что связь массарія съ землей, его пользованіе надѣломъ не нарушается. Точно также устанавливается извѣстный канонъ по отношенію къ obroку и къ барщинѣ, который, какъ ни былъ бы онъ тяжелъ подъ часъ, исключаетъ произвольныя вымогательства помѣщика. Въ случаѣ перехода собственности изъ рукъ въ руки, этотъ канонъ весьма часто оконча-

¹⁾ *Troya*, № 718; IV, 658. Ср. *Schupfer, Wiener Sitzungsab.* XXXV, 455, и сл.

²⁾ Ed. Roth. 133, ср. 352. *Troya*, № 663.

³⁾ *Troya*, № 603, IV, 248; № 738, V, 65.

⁴⁾ *Troya*, № 641; IV, 373; № 757, V, III; № 839, V, 326. Особенно настаиваю на этомъ пунктѣ потому, что большею частью подъ «*domus culta*» разумѣютъ дворъ раба или оброчнаго крестьянина.

⁵⁾ *Troya*, passim; *Schupfer*, въ *Wiener Sitzungsab.*, XXXV, 460 и сл.

⁶⁾ Напримѣръ, *Troya*, № 867; V, 395.

⁷⁾ Раздѣльный актъ между епископомъ Передеемъ Луккскимъ и его племянникомъ Сундерадомъ отъ 15-го мая 761 г. *Troya*, № 765; V, 127 и сл.

⁸⁾ Mon. Hist. Patr. XIII, 11: *tam intrinsecus domos cum familia quamque colonas cum omnibus cespitibus*. Тоже различіе между рабой, quae mihi ad manus servire videtur, и колоной у *Troya*, № 711; IV, 644.

⁹⁾ Ed. Roth., 234.

¹⁰⁾ Мѣновалъ грамота между Передеемъ Луккскимъ и Алаундомъ аббатомъ св. Петра in Samaiore отъ 5-го февраля 761 г.; *Troya*, № 755: V. 106: — et recepid a te per alia pagina in Camvio pro suprascriptam rem casa vestra in loco Agello—ubi residet quidam Rateaus Massarius vester cum omnia mobile vel immobile—excepto homenis de predictas casas, quod minime cambiavimus inter nos.

тельно закрѣпляется завѣщателемъ или договаривающимися сторонами¹⁾). Въ общемъ, положеніе крестьянъ рабскаго происхожденія на столько возвысилось, что иногда, если дѣло идетъ о повинностяхъ и отношеніи къ землѣ, ихъ приравниваютъ къ полусвободнымъ и даже къ свободнымъ сѣмщикамъ. Такъ, въ 764 году свободный человѣкъ Лунтпертъ арендуетъ землю у Луккского епископа Передея и при этомъ обѣщаетъ платить оброки и справлять барщину, *sicut est consuetudo vobis facere alii massarii de ipso loco*²⁾). Въ 767 г. Гальдоннъ жертвуетъ церкви Спасителя въ Нобуле (*Val di Serchio*) „*una casa mea massaricia in Quesa*“, въ которой сидитъ свободный человѣкъ³⁾).

Такого рода примѣровъ можно бы подобрать много изъ коллекцій лангобардскихъ грамотъ у Тройа.

Отличія альдіевъ отъ простыхъ массаріевъ менѣе всего отражаются въ грамотахъ. Правда, *casae aldionales* противопоставляются иногда такъ-называемымъ *casae massariciae*, *aldiones* упоминаются раздѣльно отъ „*servi*“⁴⁾); тѣмъ не менѣе въ свойствахъ повинностей и общаго положенія различій не замѣчается. Мы знаемъ изъ юридическихъ памятниковъ, что личность альдіи цѣнилась выше, нежели личность раба, что она была защищена до извѣстной степени закономъ отъ произвола господина, но въ грамотахъ всѣ эти черты не находятъ выраженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждается общее, высказанное

¹⁾ Дарственная грамота Альфреда, Януарія и Гарона монастырю св. Петра, Павла и Θεониста въ Чивитатека около Тревизо отъ 710 г.; *Troya*, № 387, III, 113, 114: *dono familias tres in vico ubi dicitur Pimano, id est Vectore Joanne, et Marino Massari cum omnia quidquid ad eos pertinere videtur qualiter eorum senso fecimus*. Завѣщаніе Ариправда въ пользу церкви св. Θомы въ Луккѣ, св. Петра и Квирика въ Оливето, отъ октября 758 г.; *Troya*, № 723; IV, 680: *Sic tamen ut homenis qui in casas massaricias meas nunc presenti abitant, qui mihi aliquid pertenuerunt aut perteneunt, aut eorum filiis vel nepotes, vel quis ex eorum germine procreati fuerint, vel procreati sunt, pro unoqueque anno persolvant redditum curte ubi resiederit, sicut est consuetudo in suprascriptas Ecclesias. Nam nullus nullo tempore angarias vel quolibet schuphias in jam dictas Ecclesias facere debeant: et si quis rector de predictas Ecclesias ad suprascripti homenis aliquid superposuerit, aut subtraxerit, aut foras expellere quieserit, aut angaria, aut quolibet scuphia super posuerit, hoc insituo ut si provatum fuerit, tunc ab illo die omni tempore tertia portione de ipsa casa in pefinito donata et cessa sit illi homini, cui aliquid, ut supra dictum est, superpositum fuerit.*

²⁾ *Troya*, № 810; V, 252.

³⁾ *Troya*, № 867; V, 395.

⁴⁾ Напримѣръ, въ только-что приведенной грамотѣ Гальдонна: *casas massaricias et aldionales — — servos, ancillas, aldionibus et aldiones.*

выше наблюденіе, что, въ сущности, альдіи не составляли раздѣльнаго сословія наравнѣ съ рабами и свободными, а тѣсно примыкали къ первому изъ этихъ двухъ состояній. Для ихъ неопредѣленнаго положенія характерно то обстоятельство, что хотя случаи отпуска на волю являются весьма часто, отпускаемые всегда переводятся не изъ класса рабовъ въ классъ альдіевъ, а изъ того и другаго въ классъ свободныхъ ¹⁾. Если такимъ образомъ отрицательныя, такъ сказать, свидѣтельства характеризуютъ соприкосновеніе между разрядами крестьянъ полусвободныхъ и несвободныхъ, то съ другой стороны, по отношенію къ весьма многочисленнымъ свободнымъ сѣмщикамъ чужихъ земель проводится весьма рѣзкая и замѣтная грань, которая дѣлитъ все зависимое населеніе на двѣ половины. Грань эта всего лучше видна въ судебномъ рѣшеніи по дѣлу между альдіемъ Луціемъ и его господиномъ Тотонемъ de Sampigne ²⁾. Луцій старается доказать, что онъ служилъ, платилъ оброки и исправлялъ барщину, какъ свободный арендаторъ и потому имѣетъ право во всякое время оставить свой участокъ, избавиться отъ подчиненія. Тотонъ доказываетъ, что Луцій несъ службу не по договору, а какъ принадлежащій ему альдій, въ силу личной зависимости, которая можетъ быть прекращена только волею господина. При этомъ выдѣляются два факта: съ одной стороны, ясно созннанное юридическое различіе между людьми, принадлежащими господину своею личностью, лишенными свободы идти куда глаза глядятъ ³⁾, и людьми, обязанными только въ силу собственной рѣшимости, служащими не господину, а землевладѣльцу; съ другой стороны, фактическая однохарактерность жизни и обязанностей этихъ двухъ классовъ, которая въ частныхъ случаяхъ затрудняла рѣшеніе вопроса о томъ, къ какой группѣ принадлежитъ человѣкъ, и даже, гдѣ кончается одна, гдѣ начинается другая группа. Въ указанномъ нами процессѣ, напимѣрь, трудно отдѣлаться отъ подозрѣнія, что состоявшееся въ пользу Тотона рѣшеніе было непра-

¹⁾ Напимѣрь, завѣщаніе Грато изъ Монцы, отъ августа 769 года. Monum. N. P. XIII, 74, № 39: *servos et ancillas, aldiones vel aldianes liberos et liberar civesque Romanos esse constituit.*

²⁾ Mon. Hist. Patr., XIII, 133, № 73.

³⁾ Бауди ди Весме и Фоссати, *Vicende della proprietà fondiaria*, 170, полагаютъ, что главное различіе между альдіями и колонами въ томъ, что первые не прикрѣплены къ землѣ. Они, можетъ быть, болѣе колоновъ прикрѣплены къ землѣ, потому что принадлежать ей хозяину, тогда какъ нѣкоторые изъ колоновъ могутъ оставить свой участокъ.

вилъное, что могущественный землевладѣлец воспользовался давностью поселенія крестьянина, сходствомъ между службою свободной и несвободной, наконецъ, слабостью и безгласностью маленькаго человека, чтобы навсегда прикрѣпить его къ своимъ владѣніямъ.

Тѣ же самыя характерныя черты бросаются въ глаза, если обратиться къ тѣмъ грамотамъ, которыя прямо говорятъ о живущихъ на чужой землѣ свободныхъ людяхъ (*liberi, qui terra aliena resident*). Есть рядъ грамотъ, который специально посвященъ опредѣленію ихъ отношеній: это арендные договоры, такъ-называемыя „*libelli*“ или *conventioniae*¹⁾. Довольно много такихъ договоровъ дошло до насъ еще отъ періода самостоятельнаго существованія Лангобардскаго королевства, хотя послѣ 774 года число ихъ значительно увеличивается, содержаніе становится разнообразнѣе, и выясняются нѣсколько главныхъ видовъ договоровъ. Эти обстоятельства едва ли должно объяснять однимъ увеличеніемъ общаго числа грамотъ, сравнительнымъ богатствомъ дипломатическаго матеріала: вѣдь число грамотъ другаго рода, напримѣръ, дарственныхъ, въ то же самое время относительно уменьшается. Необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя общія особенности содержанія либеллярныхъ договоровъ, какъ на характерный признакъ времени. Позднѣйшіе договоры могутъ быть прежде всего раздѣлены на два главные класса: въ одномъ случаѣ мы имѣемъ настоящую аренду на опредѣленный срокъ, на нѣсколько поколѣній, или, наконецъ, на вѣчныя времена, при которой связь между договаривающимися опредѣляется чисто условіями договора и не ведетъ за собою какого-либо личнаго подчиненія или надзора, при этомъ нѣтъ рѣчи о пребываніи снимающаго на участкѣ—онъ можетъ быть имъ переданъ, эксплуатированъ съ помощью другихъ лицъ, и т. п. Вторую категорію составляютъ „колонатныя“ договоры: крестьянинъ снимаетъ землю „*ad resedendum et legitimum censum reddendum*“, попадаетъ въ личную зависимость отъ помѣщика, обыкновенно получаетъ отъ него хозяйственную помощь рабочимъ инвентаремъ или сѣменами и подвергается хозяйственному надзору.

До 774 года рѣшительно преобладаетъ аренда втораго рода²⁾: снимаютъ небольшіе участки на одну семью мелкіе безземельные люди, или же владѣніе участками предоставляется отпущеннымъ на волю альдіямъ и рабамъ; въ обоихъ случаяхъ крестьянинъ самъ воз-

¹⁾ Ср. *Schupfer* въ *Wiener Sitzungsab.* XXXV, 471, 474 и сл.

²⁾ Ср. *Schupfer* въ *Wiener Sitzungsab.* XXXV, 472, 473.

дѣлываетъ участокъ, который отъ него и получаетъ имя. Крупныя и срочныя аренды составляютъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе ¹⁾, Срокъ въ контрактѣ вообще не оговаривается, хотя разрывъ контракта предусмотрѣнъ: съемщикъ волею уйдти съ земли, но въ такомъ случаѣ онъ оставляетъ всю свою движимость, или по крайней мѣрѣ, большую часть ея ²⁾. Это послѣднее обстоятельство весьма важно въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, оно служитъ косвеннымъ доказательствомъ, что собственникъ обыкновенно доставляетъ рабочій инвентарь; вовторыхъ, оно объясняетъ неопредѣленность срока и какъ бы невыгодное положеніе собственника, который не былъ огражденъ отъ внезапнаго ухода крестьянина: de facto, послѣднему приходилось держаться разъ занятаго мѣста, чтобы не потерять все, что онъ наработалъ (laborem perdere). Такимъ образомъ, эти свободные договоры, въ сущности, порождали постоянную зависимость либелларіевъ отъ собственниковъ и значительно приближали низшіе классы свободнаго населенія къ массѣ альдіевъ и рабовъ. Отбывая однѣ и тѣ же патримоніальныя повинности, селясь въ перемежку съ крѣпостными, не имѣя фактической возможности покинуть свой надѣлъ, свободные земледѣльцы на чужой землѣ впадали въ состояніе весьма близко подходящее къ тому, въ которомъ находились ихъ собратья несвободнаго происхожденія. Если это сближеніе опутывало свободнаго человѣка крѣпостными узами, то оно же содѣйствовало переходу людей низшаго разбора въ число лично свободныхъ. Какъ легко и почти незамѣтно совершался переходъ, видно, напримѣръ, изъ только что приведенной тосканской грамоты 736 года ³⁾. Свободные люди Файхизи и Пасквале вступаютъ по отношенію къ монастырю св. Са-

¹⁾ Въ 757 году, напримѣръ, Гундуальдъ беретъ въ управление такъ-называемую «curtis germanicana», отъ которой зависѣло множество мелкихъ участковъ, *Troya*, № 718, IV, 658. Примѣръ срочной аренды въ № 854, V.

²⁾ *Troya*, № 502, III, 617: Si nos pasquale et faichisi vel nostros heredes de ipsa casa exire voluerimus aut ipsas warciniscas facere minime voluerimus exeamus bacui et inanis. *Troya*, № 510, III, 682: Si exinde exire volueris cum tantum exeat quantum adduxet ipse aut filii ejus et si ego Taso aut filii ejus menare volueris exeas cum medietatem de omnem res movile. Ср., напримѣръ, *Troya*, № 627, IV, 346. См. также *Schupfer* въ *Wiener Sitzungsab.* XXXV, 489.

³⁾ *Troya*, № 502, III, 615: manifestum est quod de libera mater natis sumus et de istato nostro nulla condicione bovis redivibamus nisi tantum bovis de ipsa casa vel omni res patris nostro Warcinisca facere diveamus sicut pater noster quondam Veninatus usam facere fuet ad pratam sicandi stabulum faciendum in via ubi vovis opum fuerit sicut unum de Warcini vestri etc.

турнина въ Тосканеллѣ въ тѣ же точно отношенія, въ какихъ находился ихъ отецъ альдіи Бененать; сословное положеніе измѣнилось, но служба и владѣніе остались тѣми же.

То же самое явленіе находитъ себѣ краснорѣчивое выраженіе въ завѣщаніяхъ и купчихъ, которыми извѣстное лицо передаетъ другому какія-либо земли съ сидящими на нихъ рабами и рабынями, альдіями мужскаго и женскаго пола, и свободными людьми: послѣдніе, благодаря своей оброчности и связи съ землею, становятся предметами распоряженія наравнѣ съ людьми, лишенными своей воли. Повторяется явленіе фактическаго прикрѣпощенія крестьянскаго класса, на которое мы указывали уже въ Римской имперіи III вѣка. При этомъ экономическій процессъ прикрѣпленія къ надѣлу раба и свободного человѣка сопровождается социальнымъ процессомъ смягченія этихъ рѣзкихъ сословныхъ противоположностей и постепеннаго преобразования сословнаго порядка отъ распредѣленія общества по личному состоянію его членовъ, къ распредѣленію по занятіямъ и главное по отношенію къ землѣ. И та, и другая сторона дѣла, особенно же послѣдняя, выражается, кромѣ уже приведенныхъ фактовъ, въ слѣдующемъ явленіи. Лангобардскія грамоты VIII вѣка особенно часто упоминаютъ при описаніи земельныхъ хозяйствъ, заключеній договоровъ о землѣ, и т. п. о „колонахъ“. Въ этомъ разрядѣ колоновъ сходятся свободные и несвободные элементы, его различныя части объединяются только одинаковымъ землевладѣльческимъ положеніемъ, которое становится такимъ образомъ показателемъ личнаго положенія¹⁾. Самый терминъ „колонъ“ приходится переводить неопредѣленнымъ въ сословномъ отношеніи, но опредѣленнымъ по характеристикѣ занятій, русскимъ терминомъ „крестьянинъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, мы встрѣчаемся съ такими колонами, которые, очевидно, мало чѣмъ отдѣляются отъ рабовъ или, по крайней мѣрѣ, отъ полусвободныхъ. Въ 709 году Ромуальдъ II Веневетскій жалуетъ монастырю св. Петра ad aquam S. Petiti четырехъ колоновъ съ участкомъ земли²⁾. Въ знаменитомъ завѣщаніи

¹⁾ *Шупферъ*, трактатъ о колонахъ въ *Запискахъ Вѣнской академіи*, XXXV, 465 и сл. совершенно игнорируетъ разнородность состава этого класса и потому изображаетъ его невѣрно. Очень недостаточно также изложеніе *Нертмиле*, *Storia del diritto*, III, 33. Образованіе крѣпостнаго состоянія онъ относитъ уже къ концу X вѣка (III, 36).

²⁾ *Troya*, № 385; III, 109: Concedimus Zillonem et Warnecausum, Stephanum

Сенатора и Теоденды (714 года) колонны съ ихъ землями поставлены рядомъ съ домашними рабами какъ рабы земледѣльческіе ¹⁾. Точно также не свободными были колонны, жившіе на казенной землѣ въ герцогствѣ Сполетскомъ ²⁾. Самое названіе колонъ указываетъ намъ на характеръ и происхождение зависимости этихъ людей. Это наслѣдники многочисленнаго класса римскихъ колоновъ, первоначальная свобода которыхъ успѣла значительно затереться, благодаря законодательству римскихъ императоровъ и остготскихъ королей. Исчезнуть этотъ классъ не могъ уже по своей распространенности и значительности; кромѣ того, по своему характеру, онъ вполнѣ отвѣчалъ требованіямъ времени, наконецъ, онъ находилъ у самихъ Лангобардовъ родственное себѣ явленіе альдіоната, членовъ котораго онъ и могъ привлечь къ себѣ. Однако, въ то же время ясно, что далеко не всѣ лангобардскіе колонны VIII вѣка принадлежатъ къ несвободнымъ или полусвободнымъ людямъ. Въ составъ класса входятъ элементы, которые только по названію не подходятъ подъ рубрику свободныхъ либелларіевъ. Въ 748 году, Бона жертвуетъ аббатству Фарфѣ свой дворъ de Fornicata ³⁾. Отъ него зависятъ колонны, которымъ предоставляется сохранить свои участки подъ условіемъ несенія прежнихъ повинностей. Но они могутъ и не пожелать этого, и въ такомъ случаѣ они вольны уйти и даже унести съ собою движимость—условіе указывающее на особенно льготное положеніе. Въ 765 году Кувимундъ жертвуетъ свою недвижимую собственность нѣсколькимъ церквямъ въ Серніо ⁴⁾. При этомъ упоминаются участки съ колоннами, но колонны въ данномъ случаѣ сидятъ по договору съ собственникомъ, то-есть, какъ либелларіи. Но самый любопытный случай, на которомъ, такъ

---

seu et Thersegradom cum casa et terrula, in quantum habere visi sunt, qui fuerunt coloni nostri de subactione nominati Anumis actionari nostri.

¹⁾ Mon. Hist. Patr. XIII, 2, № 1.

²⁾ Судебное рѣшеніе по дѣлу о границахъ лѣсной дачи св. Акинѣя. Троя, № 602; IV, 241. Дарственная грамота герцога Лупо Сполетскаго Фарфѣ, отъ 750 года. Троя, № 637, IV, 364 и сл.

³⁾ Троя, № 622; IV, 338: Si ipsi homines coloni nostri residere voluerint in ipso casale, omne servitium aut dationem quod nobis fecerunt de predicto casale Fornicata qui in suprascripto *gualdo* esse videtur, persolvant in ipso Dei coenobio tantummodo ut nulla eis fiat superimpositio, nisi ut superius diximus quantum de prenominate casale nobis persolverant. Et si minime Coloni ipsi in eodem casale residere voluerint habeant licentiam exeundi de casale ipso cum mobilibus suis.

⁴⁾ Троя, № 839, V, 326: — — cum omnibus colonis qui ipsam terram per carta illam percolere videmini.

сказать, встрѣчаются два сословныя значенія термина колонъ, мы находимъ въ грамотѣ 757 года ¹⁾. Колонъ Феликсъ, очевидно, свободный по состоянію человекъ, жертвуетъ Фарфѣ при землѣ колону Чоттуллу, очевидно женщину не свободнаго состоянія, къ которой непосредственно вслѣдъ за этимъ приравнивается уже прямо рабыня (et aliam ancillam meam nomine Ansulam).

Въ послѣднемъ случаѣ разница состоитъ въ томъ, что одна служить „ad manus“, то-есть, занята ручною домашнею работою на господина, а другая обрабатываетъ съ своимъ сыномъ какой-нибудь клочекъ земли. Приведенныхъ примѣровъ, мнѣ кажется, достаточно для подтвержденія сказаннаго выше о слятіи разнородныхъ по сословному положенію классовъ въ одну массу крѣпостнаго крестьянства, массу еще далеко не обособившуюся, своими нижними слоями впадающую въ полное рабство и въ то же время тягивавшую въ свою среду множество свободныхъ людей. Я не буду здѣсь говорить о характерѣ и сравнительной тяжести повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ, но мнѣ кажется необходимымъ, прежде чѣмъ перейти къ классу земельныхъ собственниковъ, прибавить два слова относительно понятія о крестьянскомъ надѣлѣ или участкѣ, какъ оно вырабатывается и высказывается уже въ VIII вѣкѣ.

Послѣ всего сказаннаго о фактическомъ возвышеніи несвободныхъ и фактическомъ приниженіи и прикрѣпленіи свободныхъ крестьянъ, не покажется страннымъ, если я буду говорить не о *rescium*'ѣ однихъ и арендномъ участкѣ другихъ, а о крестьянскомъ надѣлѣ и хозяйствѣ вообще. Подъ прикрытіемъ полной собственности свободныхъ землевладѣльцевъ и въ подчиненіи ей образуется, такъ сказать, зависимая собственность или наследственное владѣніе на крестьянскихъ участкахъ. Участки всякаго рода колоновъ, изъ рабовъ, альдіевъ и свободныхъ, передаются по наследству, потому что господину невыгодно согнать раба, арендатору невыгодно бросить аренду, потому что состоялся опредѣленный уговоръ или распоряженіе; какъ бы то ни было, первый шагъ на пути развитія земельной собственности низшихъ классовъ отъ временнаго, случайнаго пользованія и *rescium*'а къ цензуальному владѣнію, обложенному всякаго рода повинностями въ

¹⁾ *Troya*, № 711; IV, 644: — — et colonam meam nomine Ciottulam cum filio suo Teoderico et filia sua Formulosa, et aliam ancillam meam quae mihi ad manus servire debet nomine Ansulam et *meditatem de puero meo* Maurontone, vel quidquid habere visus fuero vel moriens derelinquo.

пользу сеньера, и наконецъ, къ свободной мелкой собственности—первый шагъ, состоящій въ признаніи наслѣдственности участковъ уже сдѣланъ въ VIII вѣкѣ. Грамоты уже говорятъ о колонахъ, какъ о владѣльцахъ лѣсной дачи, которую собственникъ, герцогъ Сполетскій, жалуетъ Фарфѣ ¹⁾, упоминаютъ мимоходомъ о наслѣдственномъ правѣ вольноотпущенныхъ либелларіевъ на свои надѣлы, какъ о вещи, само собою разумѣющейся ²⁾.

Въ то же самое время вѣрному или свободному арендатору не уступлено право самовольно распоряжаться землею, видоизмѣнять ея хозяйственное назначеніе, отчуждать или дробить ее ³⁾. Въ соответствіи неприкосновенности наслѣдственнаго владѣнія является неприкосновенность самаго надѣла, а однимъ изъ главныхъ условій послѣдней служить въ свою очередь нераздѣльность его. Семья рабовъ или колоновъ потому не снимается господиномъ съ участка, что она составляетъ съ нимъ хозяйственное единство, но по той же самой причинѣ и самый участокъ не долженъ быть раздробленъ. Наслѣдственность владѣнія при этихъ условіяхъ влечетъ за собою не семейные раздѣлы, на чужой землѣ немислимые, а образованіе домовыхъ общинъ, которыя сдерживаются нераздѣльностью своего двора и поля. Отсюда постоянныя упоминанія о нѣсколькихъ *consortes, compartionarii*, которые сидятъ на одномъ и томъ же участкѣ. Несвободная семья, обрабатывающая одинъ надѣлъ, называется въ грамотахъ *condoma*—господинъ распоряжается не порознь ея членами, а всей ея совокупностью ⁴⁾. Образованіе такого рода домовыхъ общинъ не ограничивалось однѣми семьями рабовъ и альдіевъ, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго документа. Бонуальдъ и Родулъ, свободные либел-

¹⁾ *Troya*, № 607; IV, 256: *Concessimus gualdum — — cum terris de colonis qui ipsum gualdum possederunt.*

²⁾ Бунчая между монахами Аллономъ и Альбуинномъ и аббатствомъ Фарфѣй отъ 761 года. *Troya*, № 751; V, 97: *Si autem quoquo tempore ipsiam dicti homines ab hac luce abstracti fuerint absque haerede, ipsa res ad sacrosantum monasterium revertatur.*

³⁾ Roth., 235. Cp. *Notitia de actoribus regis*, и Roth., 234.

⁴⁾ Пожалованіе Ремуальда Беневентскаго вестарарію Уроу отъ 720 года *Troya*, № 430, III, 309: *Concessimus — — condomam nomine Ioannis cum uxore, filii, et filiabus, quae fuerunt de Graeci — — cum casa, vineis, territorio, cultum vel incultum, cum mobili et immobili, omnia et in omnibus.* Cp. *Troya*, №№ 559 (IV, 118), 568 (IV, 150) и множество другихъ. *Schupfer* въ *Wiener Sitzungsab.* XXXV, 292, не достаточно выясняетъ это любопытное явленіе.

ларіи, не будучи въ состояніи уплачивать оброки и нести положенную барщину за пользованіе своимъ участкомъ берутъ себѣ помощниковъ и допускаютъ къ равному участию въ выгодахъ Марціанула; онъ вступаетъ въ ихъ семью на правахъ брата и сонаслѣдника ¹⁾). Вообще, явленіе совмѣстнаго владѣнія нѣсколькихъ лицъ на крестьянскихъ земляхъ на столько распространено, что мы наталкиваемся на его слѣды почти во всѣхъ грамотахъ, упоминающихъ о крестьянскомъ населеніи.

Отъ описанія различныхъ подраздѣленій нижняго общественнаго слоя крестьянскаго населенія и его трехъ степеней зависимости, мы должны теперь перейти къ характеристикѣ слоя свободныхъ землевладѣльцевъ, господствовавшего надъ только что описанными классами. Грамоты въ этомъ случаѣ даютъ только весьма недостаточный отвѣтъ. Такъ какъ матеріалъ достался намъ исключительно изъ церковныхъ и монастырскихъ архивовъ, то свѣтское землевладѣніе представлено въ немъ настолько неполно, что нельзя составить себѣ точнаго понятія о распредѣленіи собственности въ какой-нибудь отдѣльной области. Даже о количествѣ и формахъ духовнаго владѣнія мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній, какъ по отдаленности эпохи, такъ и потому, что многіе документы, касающіеся матеріальныхъ интересовъ церкви, подложны или сильно интерполированы.

Такъ, напримѣръ, совершенно нельзя судить о недвижности аббатства Нонантулы въ VIII вѣкѣ по грамотамъ, которыя будто бы даны ему въ этотъ періодъ? Какъ доказалъ Вюстенфельдъ, послѣ пожара монастыря въ концѣ IX вѣка (889 и 899 гг.) древніе документы были реставрированы по благоусмотрѣнію монаховъ X вѣка ²⁾). Но во

¹⁾ *Troya*, № 684, IV, 535: Ideo constat nos Bonnaldum et Rodulum germanos, considerantes parvultatem nostram et quod minime censum vel angarias de portiuncula nostra dominis nostris persolvere valeamus. per concessum et jussionem Domini Fulcoaldi Abatis Monasterii sanctae Dei genitricis semperque virginis Mariae in cujus Casale nomine Fornicata videmur residere. Iterum et cum concessum Domini Fulculi et Domini Mauri in cujus Casale id est Casula portionem nostram tenemus, te Martianulum germanum matris nostrae in ipsa substantiuncula nostra affratamus: et in tertia portione te heredem esse volumus. In ea vero ratione ut seu angarias seu census nobiscum pariter persolvere debeas: et, si alicuo tempore nos dividere voluerimus, terra vineas olivas cultum vel incultum mobilia vel immobilia tam de Fornicata quam etiam de Casula, omnia ex omnibus, sicut superius diximus, velut uterinus noster nobiscum dividere debeas.

²⁾ *Wüstenfeld*, delle falsificazioni di alcuni documenti concernenti la Storia d' Italia, въ *Archivio Stor. ital.* N. Ser. X, 81.

всякомъ случаѣ, если не можетъ быть и рѣчи о какой-либо даже приблизительной статистикѣ земельной собственности до франкскаго завоеванія, находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ позволяетъ намъ составить общее понятіе о движеніи, происходившемъ въ средѣ земельныхъ собственниковъ, позволяетъ намъ подобрать примѣры для характеристики главныхъ чертъ этого движенія. Свѣтское землевладѣніе, хотя и недостаточно, но все-таки изображается нашими грамотами или въ тотъ моментъ, когда оно, въ силу завѣщанія или дарственнаго акта, переходитъ въ область владѣнія церковнаго, или же даже и въ предшествовавшіе моменты — въ силу того, что церковь приняла вмѣстѣ съ недвижимостью и относящіяся до нея документы. При этомъ мы можемъ наблюдать не самые классы свободнаго населенія, а тѣ экономическія неравенства, на которыхъ основаны эти классы.

Неравномѣрность въ распредѣленіи собственности громадная. Съ одной стороны, являются передъ нами небольшіе участки; на нихъ свободная семья едва успѣваетъ сохранить свою полную, обезпеченную землей, самостоятельность, едва удерживается, чтобы не впасть въ положеніе безземельнаго, оброчнаго люда, о которомъ мы говорили выше. Мы узнаемъ объ участкахъ, которые продаются за кусокъ сала и шесть мѣръ проса общео цѣнностью въ одинъ солидъ ¹⁾. Иногда документъ отмѣчаетъ самый переходъ отъ свободнаго владѣнія къ оброчному, передачу земли подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, сосѣду, крупному собственнику.

Такъ, въ 765 году, Бонуль продаетъ свою землю Гунтефриду и получаетъ ее обратно въ наслѣдственную аренду, обязуясь работать 12 дней въ году на новаго господина ²⁾. Съ другой стороны, во всѣхъ частяхъ лангобардской Италіи обнаруживаются громадныя скопленія

---

¹⁾ Купчая, заключенная между Мауриссономъ и Убальдумъ съ одной стороны, аббатствомъ Фарой, съ другой, въ 760 году. *Troya*, № 743, V, 79. Ideoque constat nos Maurissonem et Ubaldulum *Compartionarios*, de proprio nostris, spontanea et bona voluntate nostra vendidisse tibi Raginfredo Monacho de Monasterio Sanctae Dei genitricis semperque virginis Mariae *terram nostram* in Septempontio, in appretiato solido uno. Et recepimus nos suprascripti Maurisso et Ubaldulus pro ipso solido passam de lardo unam pro medio Solido et *sex modia milii* pro medio solido.

²⁾ *Troya*, № 844, V, 334. Примѣры перевода земли въ руки церкви у Шундфера, въ *Wiener Sitzungsab.* XXXV, 484 и сл. Ср. *Enrico Poggi*, *Cenni storici*, II, 69 и сл.

недвижимой собственности въ рукахъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Менѣ всего выставляются крупныя свѣтскіе собственники въ Сполето и Беневентѣ, гдѣ герцогская власть дѣйствуетъ особенно самостоятельно, сосредоточиваетъ вокругъ себя не только политическое значеніе, но и массу недвижимости. За то въ сѣверныхъ провинціяхъ, въ такъ-называемой Австріи и Невстріи, а особенно въ Тосканѣ, мы номинутно наталкиваемся на чрезвычайно крупныхъ владѣльцевъ. Стоитъ прочесть дарственную грамоту Сенатора и Теоделинды въ Павіи ¹⁾, (714 г.), завѣщаніе Тассилона въ Луккѣ ²⁾ (768), раздѣльный актъ епископа Передея съ своимъ племянникомъ Синдерадомъ въ Луккѣ ³⁾ (762 г.), актъ основанія монастыря св. Петра in Palazzuolo Вальфредомъ въ Пизѣ ⁴⁾ (754 г.), протоколъ допроса королевскаго нотаріуса Гунтерама по дѣлу между епископами Сіены и Ареццо ⁵⁾ (715 г.), чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какими

¹⁾ Mon. Hist. Patr., XIII, 2. Надо замѣтить, что послѣдній издатель грамоты, Порро Ламбертени считаетъ ее подложною, какъ мнѣ кажется, безъ достаточныхъ основаній. См. однако Holder-Egger, Regesten, № 49.

²⁾ Troya, № 884, V, 440.

³⁾ Troya, № 778; V, 164.

⁴⁾ Troya, № 687, IV, 544.

⁵⁾ Troya, № 406; III, 186 и сл.: (I свид.) — — nam tempore suo quondam Willerat et ejus filio Zotto eum (monasterium S. Ampsani) a fundamentis restaurasset — — in ipso monasterio me Willerat et Zotto ordinaverunt quia servus eorum proprius fui. — — (V) Presbiter Deusdedit senex de baptisterio S. Joannis in Rancia interrogatus dixit: — — misit me Willerat a Bonum hominem episcopum aretine ecclesie ut ipse me consecraret. — — (VII) Septimus Presbiter Garibald de monasterio S. Archangeli in Fundoluco interrogatus dixit: monasterio ipso fundavit Zotto, et pecunia ibidem dedi — — me consecrabit bone memorie Vitalianus episcopus Aretine ecclesie per rogo quondam Zottoni, quia cum epistola ejus ad eum ambulavi. (XXI) — — isto monasterio (S. Donati ab Apso) domnus Aripertus Rex instituit, atque donavit propter suam mercedem, sed Warmnefrit gastaldus de sua substantia hic beneficio fecit. Nam cum epistola Warnefrit fuemus. — — Nam et S. Donato in Cintiliano Vitalianus episcopus sagravit per rogo sacerdotum Aretine ecclesie — — Homines fuerunt senenses, ambulabant ad S. Felice diocea Clusina. Postea quod Uuillerat subtraxit eos de plebe Clusina. (XXIII) — — Nam et in ecclesia S. Quirici in diocea S. Donati ambulabamus ad baptismum et ad consignationem per manus episcopo Aretino, nam antiquo tempore ad S. Felice qui est diocea Clusina ambulabamus, sed quia fuemus homines senenses, subtraxit nos exinde Willerat Gastaldus et fecit nos plebe S. Donati — — (XXVIII) cum epistola Willerat multoties electus clericus venire ad ecclesiam S. Donati — — (LIX) Item Gaudiosus liber homo similiter dixit: quinquaginta anni sunt, quod de Lucana civitate hic me collocavi. Et sedeo in terra quondam Zottani. — Поправки и до-

имѣніями, или лучше сказать, какимъ количествомъ имѣній владѣли лангобардскіе аристократы различныхъ мѣстностей. По послѣднему изъ приведенныхъ документовъ въ центрѣ всего дѣла епископовъ за пограничные приходы оказывается могущественная семья Виллерада и Цотто, которая держитъ въ своихъ рукахъ гастальдаты въ Сиенѣ и въ то же время владѣетъ массою земель въ спорныхъ округахъ. Семья эта способствуетъ восстановленію правильной церковной организаціи въ предѣлахъ гастальдата, возобновляетъ разрушенныя церкви и строить новыя. Какъ гастальды сиенскіе, эти магнаты стараются расширить вліяніе епископа Сиенскаго на всю область гастальдата и вытѣснить изъ нея чужихъ епископовъ Кіузи и Ареццо, не находящихся подъ ихъ могущественной рукою. Даже на основаніи отрывочныхъ и косвенныхъ данныхъ процесса можно составить себѣ представленіе о честолюбивой, широкой, насильственной политикѣ этихъ Виллерадовъ и Варнефридовъ, соединявшихъ силу должностнаго положенія съ земельнымъ богатствомъ. И если даже епископу Ареццо, человѣку также весьма сильному, имѣвшему непосредственный доступъ къ королю, было такъ трудно отбиться отъ подобныхъ враговъ, то каково же было бороться съ ними простымъ ариманнамъ! И замѣчательно, что этотъ примѣръ сосредоточенія мѣстной силы въ рукахъ одного владѣльца относится чуть ли не къ половинѣ VII вѣка.

Нужно ли говорить, что богатство церквей и особенно монастырей, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ общественное вліяніе, начинаютъ слагаться и даже достигаютъ весьма значительной степени еще въ эпоху самостоятельнаго лангобардскаго королевства? Монастыри св. Маріи въ Павіи, св. Софьи въ Беневентѣ, св. Викентія на Вольтурно, знаменитыя аббатства Боббіо, Нонантула, Фарфа основаны и разрослись при лангобардскихъ короляхъ. Когда намъ придется, на основаніи подробныхъ свидѣтельствъ IX и X вѣка, характеризовать социальное значеніе этихъ церковныхъ центровъ, мы вернемся къ тѣмъ даннымъ, которыя остались намъ для оцѣнки ихъ вліянія и богатства въ періодъ предшествовавшій 774 году. Въ настоящее время мы должны коснуться еще тѣхъ случаевъ, когда въ грамотахъ выразилась уже не количественная или экономическая разница между крупными собственниками, съ одной стороны, мелкими владѣльцами и арендаторами,

---

поднятія сравнительно съ изданіями Брунетти и Тройя сдѣланы по копіи XI вѣка, святой примидеріемъ Герардомъ. Рукопись хранится въ архивѣ соборнаго капитула въ Ареццо, за № 2.

съ другой, а политическія отличія этихъ общественныхъ классовъ. Феодальныя отношенія существенно характеризуются, между прочимъ, тѣмъ, что крупное землевладѣніе привлекаетъ къ себѣ политическую силу и разлагаетъ государственное верховенство; путями къ этому результату являются у Франковъ коммендація и иммунитетъ; и мы видѣли, на основаніи законодательныхъ памятниковъ, что, по крайней мѣрѣ, первое изъ этихъ явленій замѣчается въ лангобардской исторіи. Оно оставило нѣкоторые слѣды и въ грамотахъ, хотя мы и не находимъ на лангобардской почвѣ тѣхъ постоянныхъ упоминаній о „*mitium*“, „*sermo*“, „*mundium*“, какія встрѣчаются во франкскихъ договорахъ, или такого развитаго института, какъ англо-саксонскій глафордаты. Тѣмъ не менѣе, и у Лангобардовъ упоминаются, кромѣ рабовъ, либелларіевъ и дружинниковъ лица, находящіяся подъ личнымъ покровительствомъ и въ зависимости, лица, которыя, вѣроятно, отвѣчаютъ франкскимъ *in mundio vel in sermone positi*. Въ одномъ завѣщаніи 760 года нѣкто Атолькери оставляетъ часть своего имущества Синдрудѣ, которую онъ называетъ „*obsequialis mea*“¹⁾. Въ 761 г. монахи Алло и Альбуинъ продаютъ аббатству Фарфѣ свои земли²⁾ и людей. При этомъ они упоминаютъ о вольноотпущенныхъ, поставленныхъ подъ защиту монастыря*. *Qui pro defentiore ipsorum ad ipsum superascriptum monasterium aspectum et defensione habere debeant salva libertate sua*„. Въ мѣновомъ актѣ 764 г. мы находимъ упоминаніе о платежѣ, по самому имени своему связанномъ съ отношеніями покровительства, „*mundium*’а“³⁾. Оставляя уцѣлокъ свобод-

¹⁾ *Troya*, № 742, V, 77: *Si Sindruda obsequiale mea super decessu meo vixerit, volo ut parte de vinea mea posita trans flumen in loco Iselito in integrum. simul et terra mea in Arena, mea portione in integrum: haec omnia post meo decessu sit in potestate ipsius Sindrude usufructuando et regendo tantum.*

²⁾ *Troya*, № 751, V, 97. *Шунферъ*, въ *Wiener Sitzungsbb.*, XXXV, 490 приводятъ больше свидѣтельствъ, но подбираетъ ихъ, между прочимъ, изъ актовъ IX вѣка.

³⁾ *Troya*, № 825, V, 299, 300: *Ego Lupo actionarius filius cujusdam Rodeparti comsambiani tibi venerabilis Halane abbas de M. S. Dei genitricis Marie quod situm est in Acutiano vel cuncte congregationi M. hoc est tertiam portionem de casale qui est in Scandiliano quantum a fratribus meis mihi in parte venit cum colonis qui in ipsa portione resident hoc est vobis in integrum tradidimus possidendum excepto quos filii ipsorum colonorum, qui liberi sunt de ipsa portione si exire voluerint mundionem quem nobis dare debent in M. S. Marie persolvant — cum colonis qui in ipso casale resident hoc est Barosulo Corvuli et Godulo et alii homines liberos qui in ipso casale in colonia resident et in M. vel vobis mundionem habent dare mihi persolvere debeant.*

нымъ, колонны должны откупаться у господина, заплативъ ему „*shindionem*“.

Коммѣндація возникаетъ вслѣдствіе приобрѣтенія власти надъ лицами, иммунитетъ—слѣдствіе приобрѣтенія власти надъ территоріей; послѣдній институтъ во всѣхъ отношеніяхъ шире перваго. Тѣмъ не менѣе, между ними существуетъ несомнѣнное сродство. Охватывая всѣхъ свободныхъ людей, поселенныхъ на извѣстной территоріи, коммѣндація естественно переходитъ въ иммунитетъ. Недостаетъ только прямого признанія правительствомъ исключительной власти, сложившейся въ территоріи. И въ этомъ отношеніи первые, хотя весьма перѣшитательные, шаги сдѣланы уже въ лангобардскую эпоху. Шупферъ ¹⁾ указываетъ на льготы и изъятія въ отношеніи пошлинъ и государственныхъ повинностей, которыми короли и герцоги надѣляютъ монастыри. Но для нашей цѣли особенно интересна привилегія, выданная св. Викентію на Вальтурно, въ которой прямо упоминается о юрисдикціи монастыря надъ своими зависимыми людьми ²⁾. Случай этотъ, правда, совершенно изолированный, но обстоятельство это объясняется легко именно тѣмъ, что впослѣдствіи, какъ замѣчаетъ Шупферъ,—иммунитетныя привилегіи поддѣлывались. Мы въ правѣ предположить, что во многихъ монастыряхъ подлинныя грамоты, которыя, можетъ быть, изобразили бы намъ, болѣе или менѣе подробно, лангобардскій иммунитетъ, были замѣнены поддѣльными, распространявшими понятіе иммунитета до предѣловъ, которые оно получило въ франкскую эпоху.

Остается сгруппировать разрозненныя черты, на которыя я указывалъ до сихъ поръ, и возстановить передъ собою, насколько возможно, общій видъ лангобардскаго общества въ періодъ самостоятельности Лангобардскаго государства. Послѣ всего, что говорилось до сихъ поръ о неравенствахъ собственности, на каждомъ шагѣ поражающихъ насъ при чтеніи лангобардскихъ грамотъ, повліявшихъ

¹⁾ Istituzioni. 407 и сл. Ср. *Baudi di Vesme e Fossati*, *Vicende della proprietà fondiaria*, 217.

²⁾ Жалованная грамота Гизульва II Беневентскаго на церковь св. Маріи «in Locosano» *Troja*, № 649; IV, 394: *Concedimus etiam, ut illi homines, qui super terram ipsius Ecclesiae ordinati fuerint ad laborandum, nullum publicum servitium facere alicui, nisi eidem sacro loco. Omnia vero in praedicta Ecclesia Sanctae Mariae concessa cum ipsa Ecclesia sub jurisdictione Monasterii Sancti Vincentii Martyris subijcimus perpetuis permanenda temporibus absque ullius molestia, vel contradictione.*

на сословныя разграниченія и выразившихся поэтому въ юридиче-скихъ памятникахъ, нѣтъ, кажется, надобности особенно настаивать на томъ, что лангобардское завоеваніе не повлекло за собою подчиненія италянскаго землевладѣнія сельской общинѣ, которая, если не уничтожила, то сдерживала бы неравенства съ помощью передѣловъ и аграрной полиціи. Индивидуальный принципъ господствуетъ не всецѣло, но онъ стѣсняется не родою или сельскою общиною, а представленіемъ о солидарности семьи въ имущественномъ отношеніи и о правахъ сыновей на наслѣдство ¹⁾. Нѣтъ данныхъ, чтобы предполагать вліяніе на имущество лица болѣе широкихъ круговъ нежели семейный. Само по себѣ крайне невѣроятное предположеніе, что вся система римской собственности подверглась полной перемѣнѣ и уступила мѣсто общинной германской собственности, падаетъ совершенно вслѣдствіе того, что мы въ источникахъ постоянно слышимъ о частной собственности, свободномъ распоряженіи ею, сосредоточеніи ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакихъ указаній на сколько нибудь значительное распространеніе общиннаго владѣнія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ выводить существованіе передѣловъ у италянскихъ Лангобардовъ изъ такихъ свидѣтельствъ, какъ приводимая Шупферомъ ²⁾ купчая, заключенная между Тинкуломъ и Мапціоломъ,—съ одной стороны, и Мауриціемъ—съ другой, въ 730 году. Продавцы обязуются, въ случаѣ, если казна отберетъ у нихъ землю *de fivadia*, за которую они взяли деньги, вознаградить покупателя въ другомъ мѣстѣ ³⁾. Не говоря о фантастичности толкованія *fivadia* отъ *Fi* (*pecus*) и *wadia* (*fidejussio*), между тѣмъ какъ имѣется въ виду просто *Viehweide*, надо замѣтить, что ничто не заставляетъ предполагать какіе-либо передѣлы, а гораздо скорѣе можно думать въ данномъ случаѣ о предварительномъ раздѣлѣ или выдѣленіи земли казною, за которымъ и послѣдовала продажа, при естественной оговоркѣ о возможности другаго надѣленія. Притомъ, если даже предположить тутъ передѣлъ, все-таки нѣтъ никакой возможности на основаніи одного подобнаго факта говорить о владѣніи общин-

¹⁾ *Pertile*, Storia del diritto, III, 365. См. слѣдующую главу.

²⁾ *Schupfer* въ *Sitzungsber.* XXXV, 433 и сл. Ср. *Istituzioni politiche* 404, гдѣ объясненіе, пожалуй, еще курьезнѣе.

³⁾ *Troya*, № 481, III, 534; — — Si qualire tempore forsitans ipsa terrola portionem nostra in integro publicum requisierit, et ad devesionem revinerit cuicumque in alio homine, et novis in alio locum ad vicem sorte redditum fuerit, si volueris tu Mauricius ipsa terra, nos tibi sine aliqua mora ipsa terra reddamus.

номъ въ строгомъ смыслѣ въ лангобардской Италіи ¹⁾. Въ то же время нельзя отрицать общаго пользованія нѣкоторыми угодьями, такъ какъ упоминанія о „*silvae communes*“, „*campi communes*“ встрѣчаются въ достаточномъ числѣ въ нашихъ памятникахъ ²⁾. Говоря о самомъ завоеваніи и заселеніи страны лангобардами, я привелъ одно мѣсто Павла Діакона, которое отлично объясняетъ спорадическое упоминаніе объ угодьяхъ въ общинномъ пользованіи. Я разумю мѣсто относительно поселенія различныхъ Сарматовъ и Свевовъ цѣлыми отдѣльными деревнями ³⁾. Въ подобной деревнѣ, занятой людьми одного племени, легко могли сохраниться порядки общиннаго пользованія хотя и тутъ примѣръ окрестныхъ римскихъ и смѣшанныхъ поселеній долженъ былъ приводить къ быстрому разложенію прежнихъ обычаевъ. Какъ бы то ни было, въ большинствѣ случаевъ завоеватели приобрѣли землю среди Римлянъ и черезъ Римлянъ, не внесли въ Италію какихъ-либо новыхъ экономическихъ принциповъ, а примѣнились къ существовавшимъ до завоеванія формамъ владѣнія и хозяйства ⁴⁾. Оттого и самый общественный строй, основанный на землевладѣніи, измѣнился только въ частности вслѣдствіе толчка, даннаго завоеваніемъ; въ сущности же, главные общественные классы, ихъ отношенія и тенденціи развитія остались весьма сходными въ лангобардскую эпоху съ тѣмъ, чѣмъ они были въ эпоху римскую. Если что измѣнилось, то благодаря радикальной перемѣнѣ въ политической организаціи. Хотя завоеваніе дробитъ крупную собственность, создаетъ довольно многочисленный классъ среднихъ и мелкихъ собственниковъ германскаго происхожденія, тѣмъ не менѣе весьма быстро число ихъ уменьшается по причинамъ, которыя отгадать не трудно — благодаря обременительной тяжести военной

¹⁾ *Wiener Sitzungsab.* XXXV, 433: Queste parole riassumano un'intera storia. Anzitutto la divisione e ridivisione delle sorti fra i cittadini del regno, il carattere pubblico di queste sorti, la fideiussione ad esse congiunta, il loro vincolamento a determinate famiglie o genti и пр. и пр. Ср. Pertile, Storia del diritto, IV, 323. *Baydi du Vesme* и *Fossati* прибѣгаютъ для объясненія къ гипотезѣ вторичнаго раздѣла земель ок. 730 года, *Vicende della proprietà fondiaria*, 164.

²⁾ *Schupfer* въ *Wiener Sitzungsab.* XXXV, 436.

³⁾ Paul. Diac. II, 32.

⁴⁾ *Baydi du Vesme* и *Fossati* держатся иного взгляда. Они устанавливаютъ четыре вида права на землю и на вещи. Такого рода дѣленіе получается однако вслѣдствіе смѣшенія понятій о власти собственности и власти должностнаго лица. *Vicenda della proprietà fondiaria in Italia*, 159, и сл.

службы, благодаря затрудненію для мелкихъ людей охранять свою личную безопасность и собственность среди постоянныхъ смуть и борьбы, благодаря давленію сильныхъ сосѣдей, которые скупаютъ земли, отбираютъ ихъ за долги, наконецъ, просто отнимаютъ. Все это вліянія, неизбежныя въ исторіи варварскихъ государствъ и тѣмъ болѣе могущественныя, что правительственная власть слишкомъ слаба и проникнута частнымъ характеромъ, чтобы воспротивиться этимъ вліяніямъ или хотя бы даже относиться безпристрастно къ возгорѣвшейся въ обществѣ борьбѣ за преобладаніе, собственность и существованіе. Правительственная власть становится сама орудіемъ для частныхъ цѣлей своихъ слугъ,—работаетъ ихъ обогащенію и социальному возвышенію. Повсюду образуются на счетъ мелкихъ свободныхъ владѣльцевъ громадныя комплексы собственности въ рукахъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; при сосредоточеніи собственности сохраняется, вслѣдствіе отсутствія капитала и администраціи дробность хозяйства и разрозненность пользованія: при дробности хозяйства различныя, совершенно разнородныя классы зависимаго населенія сливаются въ общую массу полусвободныхъ оброчныхъ владѣльцевъ; при сосредоточеніи собственности слагается аристократія, которая не только отмѣчается въ обществѣ сословными привилегіями и обязанностями, но, кромѣ того, захватываетъ по отношенію къ зависимому населенію долю политическаго покровительства и вліянія.

Такимъ образомъ въ социальномъ отношеніи лангобардская эпоха продолжаетъ дѣло римской эпохи по образованію колонатныхъ хозяйствъ на крупныхъ комплексахъ собственности и подготавливаетъ дѣло франкской и феодальной эпохъ по приведенію мелкаго свободнаго земледѣльческаго населенія въ политическую зависимость отъ аристократіи.

II. Виноградовъ.

МАКСЪ МЮЛЛЕРЪ И ФИЛОСОФІЯ ЯЗЫКА.

Сочиненіе Лудвига Нуаре ¹⁾.

IV.

Максъ Мюллеръ и проблема происхожденія языка.

„Какъ ни казалось бы это парадоксальнымъ, но я утверждаю, что мы совершенно не можемъ знать индивидуумовъ и никогда не будемъ въ состояніи опредѣлить индивидуальность какой-либо вещи.

„Нарицательныя имена не только имѣютъ важное вліяніе на развитіе языковъ, но и прямо необходимы для нихъ. Еслибы существовали только собственныя имена (*nomina propria*) индивидуальныхъ вещей и не было именъ нарицательныхъ (*nomina appellativa*), тогда вовсе невозможно было бы говорить“.

Этими замѣчательными словами въ „Nouveaux essais sur l'entendement humain“ великій Лейбницъ пролилъ новый свѣтъ на сущность языка и мышленія. Предшественникомъ его былъ Локкъ. Онъ также сказалъ: „То, что обозначаютъ слова, есть общія понятія (*general-ideas*)“.

„Такимъ образомъ“, продолжаетъ Лейбницъ, говоря о происхожденіи и образованіи общихъ понятій, — „все ученіе о родахъ и видахъ, которое производитъ столько шума между записными учеными, а помимо ихъ не пользуется большимъ вниманіемъ, вполне сводится

---

¹⁾ Окончаніе. См. июльскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

только къ образованію абстрактныхъ понятій бѣльшаго или меньшаго объема, имѣющихъ извѣстныя названія“.

Не достойны ли вниманія эти слова и въ настоящее время? Не заключаютъ ли они въ себѣ мудраго наставленія о томъ, чтобы мы, прежде чѣмъ спорить о происхожденіи родовъ и видовъ во внѣшнемъ мірѣ, постарались уяснить себѣ, что разумѣется подъ этими словами, и какимъ образомъ такіа понятія образуются въ нашемъ мысленіи, въ нашемъ духѣ? Замѣтимъ это кстати.

Анализируя человѣческой языкъ, мы изумляемся и поражаемся тѣмъ же, что обнаруживаетъ природа во всѣхъ своихъ созданіяхъ, именно—необъятнымъ, безконечнымъ разнообразіемъ формъ при невѣроятной простотѣ и скудости средствъ. Кто могъ бы повѣрить (еслибы самъ не обратилъ на то вниманія), что весь человѣческой языкъ осуществляется посредствомъ различныхъ комбинацій самаго незначительнаго количества звуковъ, и что весь процессъ человѣческаго мысленія, неразрывно связаннаго съ этимъ незначительнымъ средствомъ, совершается чрезъ посредство въ высшей степени простаго механическаго аппарата, приспособленнаго къ производству членораздѣльныхъ звуковъ?

Но что же такое то внутреннее, духовное, что соотвѣтствуетъ этому механизму, слову, по скольку оно есть звукъ? Что такое понятіе, значеніе словъ? Какимъ образомъ отдѣльныя понятія могутъ выражаться отдѣльными звуками и быть понятными? Можетъ быть, это предметы внѣшняго міра, удерживаемые и воспроизводимые нами посредствомъ фонетическихъ знаковъ, то-есть, какъ говорить Цицеронъ: „Vocabula sunt notae rerum“, изреченіе, которымъ до Лейбница и Локка, по видимому исчерпывалась сущность языка?

Эти вопросы вновь должны быть подвергнуты серьезной критикѣ, если желаемъ пролить новый свѣтъ на необыкновенно важную и столь же темную проблему происхожденія языка. И кажется, наступило время для болѣе энергичнаго и успѣшнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, если только великіе результаты языковѣдннн сущъ не бесполезно нагроможденный матеріалъ, а драгоцѣнная собственность человѣчества для рѣшенія послѣднихъ, важнѣйшихъ вопросовъ философіи и антропологии.

Въ этомъ то и проявилось глубокомысліе и философскій духъ Макса Мюллера. Онъ первый изъ изслѣдователей языка рѣшился съ факеломъ эмпирическаго знанія (сознаніе необходимости его онъ также высказалъ въ числѣ первыхъ) заглянуть въ тѣ темныя глубины,

откуда только и можно ожидать удовлетворительнаго отвѣта на великій, загадочный вопросъ о происхожденіи человѣческаго духа.

Исходнымъ пунктомъ для него служатъ вышеприведенные взгляды Локка на сущность и особенность человѣческаго языка. Онъ приводитъ подлинныя слова знаменитаго англійскаго мыслителя, который, объяснивъ — какъ образуются общія понятія, какъ умъ, наблюдая одинъ и тотъ же цвѣтъ въ извести, снѣгѣ и молокѣ, соединяетъ эти частныя представленія подъ общимъ понятіемъ бѣлизны,—продолжаетъ: „Если у кого-либо возникнетъ сомнѣніе относительно того, не могутъ ли и животныя такимъ же образомъ соединять и распространять до известной степени свои понятія, то, по моему мнѣнію, можно положительно утверждать, что способность абстракціи имъ совершенно чужда, что, напротивъ того, способность образованія общихъ понятій составляетъ существенное отличіе человѣка отъ животныхъ и наше преимущество, котораго никогда животныя не могутъ достигнуть“¹⁾.

Но эта способность абстракціи или образованія общихъ понятій, продолжаетъ Максъ Мюллеръ,—можетъ проявиться только при посредствѣ языка, который составляетъ исключительную особенность человѣка, принадлежитъ ему по столько, по сколько онъ—человѣкъ. То, что во внѣшнемъ мірѣ — языкъ, то во внутреннемъ — разумъ. Онъ есть самый рѣзкій отличительный признакъ различія между человѣкомъ и животнымъ. Поэтому тайна происхожденія человѣка можетъ быть освѣщена только объясненіемъ происхожденія языка. Какія же объясненія даетъ намъ сравнительное языкознаніе на основаніи изслѣдованнаго до сихъ поръ матеріала, объясненія, съ помощью которыхъ за рѣшеніе этого вопроса можно было бы приняться съ большею надеждой на успѣхъ.

„Результатъ моихъ лекцій“,—говоритъ нашъ авторъ, „таковъ: послѣ того какъ мы объяснили въ развитіи языка все доступное объясненію, остается не объясненнымъ одно—такъ-называемый корень. Эти корни составляютъ существенные элементы всѣхъ языковъ. Открытіе это чрезвычайно упростило проблему происхожденія языка. Оно навсегда покончило съ тѣми мечтательными описаніями его, которыя обыкновенно предпосылались доказательству въ пользу божественнаго происхожденія языковъ. Мы уже не услышимъ болѣе о томъ чудесномъ средствѣ, которое можетъ выражать все, что мы воспринимаемъ по-

¹⁾ Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, S. 305.

средствомъ зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія, которое есть живой отпечатокъ вселенной, которое даетъ форму возвышеннымъ чувствамъ нашей души и тѣлесный образъ самымъ смѣлымъ грезамъ нашей фантазіи, которое въ точной умственной перспективѣ соединяетъ настоящее, прошедшее и будущее и на всемъ выражаетъ различные отбѣнки увѣренности, сомнѣнія, случайности. Все это совершенно вѣрно, но уже не кажется намъ чудеснымъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ сказки изъ „Тысячи и одной ночи“. Умозрительный духъ, говоритъ д-ръ Фергюсонъ,—при сравненіи первой и послѣдней ступени прогрессивнаго развитія языка чувствуетъ такое же изумленіе, какъ путешественникъ, который, постепенно поднявшись на горныя высоты и потомъ внезапно взглянувъ оттуда внизъ въ неизмѣримо глубокую пропасть, думаетъ, что онъ могъ подняться на такую ужасную высоту только при посредствѣ сверхъестественной помощи. Нѣкоторымъ, умамъ кажется заблужденіемъ и униженіемъ перейти съ этой возвышенной точки зрѣнія на историческую почву. Они предпочитаютъ непонятное, которому могутъ удивляться, понятному, которое могутъ уразумѣть. Но для зрѣлаго ума дѣйствительность привлекательнѣе вымысла, и простота идей дороже запутанности. Хотя эти корни покажутся, можетъ быть, сухими въ сравненіи со стихотвореніями Гёте, однако въ одномъ корнѣ заключается нѣчто болѣе изумительное, чѣмъ во всей лирической поэзіи міра.

„Что же такое эти корни? Въ нашихъ новыхъ языкахъ они могутъ быть обнаружены только посредствомъ научнаго анализа, и относительно древнихъ языковъ до санскрита включительно мы можемъ сказать, что собственно корень никогда не употреблялся въ качествѣ пошеп или *verbum*. Но первоначально однако онъ употреблялся такимъ образомъ, и въ китайскомъ языкѣ, къ счастью, сохранился представитель той первоначальной корневой формации языка, лежащей, подобно граниту, подъ другими пластами человѣческой рѣчи. Поэтому корни суть не просто научныя абстракціи, какъ обыкновенно утверждаютъ, но они первоначально употреблялись какъ настоящія слова. Теперь мы должны рѣшить: какой внутренней духовной фазисъ соответствуетъ этимъ корнямъ, какъ зародышамъ человѣческой рѣчи?“

Сколько новыхъ истинъ, высказанныхъ въ простой, удобопонятной формѣ! Какъ много въ нихъ наставленія и возбужденія для философской мысли, хотя, къ сожалѣнію, для большинства нынѣшнихъ философовъ слова эти остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! Про-

блема происхожденія языка приведена въ такую простую форму, указана узкая тропинка, хотя чрезъ густую чащу терновника, но прямо ведущая къ цѣли. Исслѣдуйте происхожденіе этихъ корней, этихъ *residua*, оставшихся въ тиглѣ химика; языковѣдѣе открываетъ предъ вами клѣтчатый періодъ жизни языка. *Omne vivum ex ovo*,—эти ова, открытыя физиологіей языка въ ея эмпирическихъ изслѣдованіяхъ, суть корни. Посредствомъ еще не выясненнаго наукою развитія и роста ихъ всѣ языки возвысились на степень чудныхъ образовъ, чувственныхъ формъ разума и внѣшняго средства духа. Съ помощью этихъ корней и внутренняго ихъ содержанія человѣкъ всю вселенную обратилъ въ свою духовную собственность, выражая и отпечатлѣвая ее въ этихъ формахъ.

Откуда же взялись эти корни? Какъ они произошли? Какъ стали они постоянною собственностью человѣка? Какъ получили они свои значенія? Когда Максъ Мюллеръ читалъ свои лекціи, между языковѣдами были въ ходу преимущественно два мнѣнія по этому вопросу: энергическая борьба съ этими мнѣніями и окончательное изгнаніе ихъ изъ области языковѣданія составляетъ исключительную, прочную его заслугу.

Оба эти мнѣнія основываются на одномъ, всюду распространенномъ, естественномъ и потому извинительномъ заблужденіи. Именно, такъ какъ языкъ все выражаетъ посредствомъ звуковъ, то очень естественно было, по крайней мѣрѣ по отношенію къ его элементамъ, то-есть, корнямъ, изслѣдовать причинную связь, каковая предполагалась между звукомъ и значеніемъ его.

Излюбленною у языковѣдовъ древняго и новаго времени была теорія звукоподражательная, или какъ назвалъ ее Максъ Мюллеръ, „гав-гав-теорія“. „Такъ какъ являющееся намъ во внѣшнемъ мірѣ“, говоритъ Гейгеръ, — „не представляетъ другаго пункта сравненія со словомъ, кромѣ того, что оно также можетъ быть воспринято слухомъ и притомъ чрезъ посредство какого-либо похожаго на слово звука, то понятно, почему эта гипотеза могла показаться необыкновенно ясною и удачною“.

Еще божественный Платонъ въ своемъ безконечно прекрасномъ діалогѣ „Кратилъ“ указалъ на возможность такого происхожденія словъ, при чемъ однако сдѣлалъ въ высшей степени глубокомысленное замѣчаніе: „Подражать голосамъ животныхъ отнюдь не значить называть ихъ“ (то-есть, животныхъ).

Лейбницъ ¹⁾ также признавалъ звукоподражательность, и именно по отношенію къ голосамъ животныхъ, обильнымъ источникомъ множества коренныхъ словъ: „Сюда относится, напримѣръ, латинскій глаголъ *соахаге*“, говоритъ онъ, — „который употребляется о лягушкахъ и соотвѣтствуетъ нѣмецкому *quaken* (русск. квакать). Вообще, и многія другія нѣмецкія слова заимствованы, кажется, отъ крика и шума этихъ животныхъ. Такъ, до настоящаго времени употребляется производное отъ этого глагола слово въ формѣ уменьшительнаго имени о праздномъ болтунѣ и пустомелѣ „*Quackeler*“ (собств. „квакунъ“). А такъ какъ звукъ или крикъ животныхъ служитъ признакомъ жизни, и по немъ узнаютъ живое существо, не видя его, то отсюда жѣ произошло древнее нѣмецкое слово „*quack*“ (англ. *quick*). Ясные слѣды этого слова сохранились до сихъ поръ въ языкѣ: *Quecksilber* = *vif-argent* (живое серебро, ртуть), *erquicken* (оживлять, укрѣплять); точно также словомъ *Quacke* называется неистребимая, повсюду встрѣчающаяся на поляхъ сорная трава“ (пырей). Едва ли нужно прибавлять, что эти сравненія въ сущности несостоятельны.

Гердеръ тоже держался этой теоріи; голоса животныхъ, по его мнѣнію, служатъ для наблюдающаго человѣческаго духа признакомъ отличія. „Ты—блеющее“, говоритъ человѣкъ овцѣ, и вслѣдъ затѣмъ звукъ животнаго неразрывно соединяется съ представленіемъ самаго животнаго. Точно также и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ въ своемъ гениальномъ сочиненіи: „О различіи организмовъ человѣческаго языка и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода“ ²⁾ признавалъ подражаніе звукамъ природы важнымъ факторомъ при образованіи языка, хотя отъ него не скрылась слабость и сомнительность этой гипотезы, по смыслу которой человѣчeskій языкъ въ продолженіе извѣстнаго времени былъ концертомъ голосовъ различныхъ животныхъ. „Это“, говоритъ онъ, — „настоящая живопись въ словахъ: какъ картина представляетъ видъ, въ какомъ предметъ является взору, такъ языкъ обозначаетъ то, что дѣйствуетъ на слухъ. Такъ какъ здѣсь для подражанія берется не членораздѣльный звукъ, то этотъ способъ выраженія находится нѣкоторымъ образомъ въ противорѣчій съ членораздѣльностью слова: отъ этого противорѣчія въ звукоподражательныхъ словахъ физическій звукъ или преобладаетъ во вредъ членораздѣльности, или самъ ослабѣваетъ до того, что те-

¹⁾ *Nouveaux essais*, livre III, chap. 2.

²⁾ Русскій переводъ П. Билярскаго. С.-Петербургъ. 1859, стр. 76.

рается звуковое сходство съ предметомъ—смотря по тому, въ какой мѣрѣ сильно или слабо чувство членораздѣльности дѣйствуетъ на образованіе такихъ словъ. Поэтому звукоподражательность, если она сильно развита въ языкѣ, подвергается его упреку въ нѣкоторой грубости, и тамъ, гдѣ господствуетъ вѣрное чувство языка, звукоподражаніе является рѣдко и при дальнѣйшемъ развитіи языка все болѣе и болѣе исчезаетъ“.

Эта теорія, какъ бы ни казалась она ясна и заманчива, противорѣчить всѣмъ извѣстнымъ до сихъ поръ фактамъ языка. Эту истину съ величайшею опредѣленностью и рѣшительностью высказалъ Максъ Мюллеръ и тѣмъ навсегда устранилъ постоянно повторявшіяся попытки производить языкъ изъ того источника, которому суждено то появляться, то вновь теряться въ песокъ. „На это мы возразимъ“, говоритъ онъ ¹⁾,—„что хотя во всякомъ языкѣ есть слова, образовавшіяся посредствомъ простаго звукоподражанія, но они составляютъ самую незначительную часть словаря. Они—игрушки, а не орудія языка и всякая попытка привести самыя обыкновенныя и употребительныя слова къ звукоподражательнымъ корнямъ, въ концѣ концовъ кончается полною неудачей... Нельзя, конечно, отрицать того, что какой-либо отдѣльный языкъ могъ образоваться на началахъ звукоподражанія, но имѣемъ полное право утверждать, что до сихъ поръ не найдено ни одного языка, который дѣйствительно образовался бы на этихъ началахъ. Есть, конечно, нѣкоторые слова, какъ, напримѣръ, кукушка, составленныя очевидно по звукоподражанію. Но такого рода слова подобны искусственнымъ цвѣтамъ, не имѣющимъ корня. Они бесплодны и неспособны выразить ничего иного, кромѣ того предмета, звуку котораго подражаютъ. Такъ какъ слово кукушка не выражаетъ ничего другаго, кромѣ крика извѣстной только птицы, то его нельзя было примѣнить къ обозначенію какого-либо общаго качества, которое было бы принадлежностью и другихъ живыхъ существъ.... Слово кукушка никогда не могло ничего иного обозначать, кромѣ кукушки, и между тѣмъ какъ слово Rabe (воронъ) (производимое отъ богатаго значеніями корня RU = шелестить, шумѣть, кричать) указываетъ на многія родственныя по происхожденію слова отъ ruhoг (шумъ) до rufen (звать), отъ raunen (шептать) до англ. to roun, — кукушка стоитъ совершенно отдѣльно и одиноко, какъ

¹⁾ Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, I, S. 309.

старый холостякъ, какъ сухой колъ въ живой, покрытой свѣжими листьями изгороди.

„Какъ бы мы ни старались отыскивать внутреннюю связь между звукомъ и значеніями словъ въ нашихъ теперешнихъ языкахъ, думая, напримѣръ, въ squirrel слышать шелестъ бѣлки, въ Krähe (ворона), Katze (кошка) и т. п. звуки, свойственные этимъ животнымъ, однако всѣ эти звукоподражанія исчезнуть, какъ скоро мы прослѣдимъ темы, послужившія къ образованію словъ, до ихъ происхожденія изъ корней. Однимъ словомъ, несомнѣнно, что извѣстные намъ языки не образовались изъ ревушихъ, шипящихъ, бречащихъ, трескучихъ, шумящихъ и гремачихъ звуковъ природы, а указываютъ на другое происхожденіе“.

Вторая теорія, также имѣющая видныхъ представителей между философами языка, производила языкъ, по примѣру Эпикура, а изъ новыхъ Де-Бросса (*Traité de la formation mécanique des langues* 1756 ¹⁾) и Кондильяка, отъ звуковъ, выражающихъ чувствованія чело-вѣка. Эту теорію, признающую звуки, восклицанія радости и скорби зачатками человѣческой рѣчи, Максъ Мюллеръ кратко и мѣтко называлъ „фу-фу-теоріей“ или междометкой.

Эта теорія также вполне опровергается выводами языкознанія „Безъ сомнѣнія“, говоритъ Максъ Мюллеръ ²⁾, „во всякомъ языкѣ есть междометія, и нѣкоторыя изъ нихъ могли войти глубже въ составъ языка и послужить къ составленію сложныхъ словъ. Но все-таки это не языкъ. Языкъ начинается тамъ, гдѣ кончаются междометія. Между настоящимъ словомъ, напримѣръ, смѣяться“ и восклицаніемъ ха! ха!, между „страдать“ и „ох!“ такая же разница, какъ между произвольнымъ актомъ и звукомъ чиханья и глаголомъ „чи-

¹⁾ Такъ какъ эта теорія, не смотря на ясное какъ божій день опроверженіе Макса Мюллера, находитъ еще много приверженцевъ между естествоиспытателями, то пусть будетъ извѣстно имъ, что они напрасно изощряютъ свою фантазію: въ этой остроумной книгѣ они найдутъ все, что можно было сказать разумнаго, если только можно построить что-либо разумное на противорѣчащемъ здравому смыслу основаніи, а именно, что г, *litera canina*, обозначаетъ неприятное, что голосъ скорби глубоокъ—oh, heu, hélas,—голосъ изумленія отличается высотой—oh, ah, голосъ радости—краткій и повторяющійся—ha, ha, ha, he, he, he, неудовольствіе и отвращеніе выражается губными звуками—fl, vas, puh, pfui, сомнѣніе и отрицаніе носовыми—hum, hom, pop и т. д., и что отъ нихъ происходятъ самыя употребительныя слова!

²⁾ Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache I, S. 315.

хоть". Огромную разницу между языкомъ и междометіями прекрасно высказалъ еще Горнъ Тукъ: „Царство языка“, говоритъ онъ, — „основывается на упадкѣ и гибели междометій“. Безъ искусной изобрѣтательности языка человѣческаго ничего не имѣлось бы, кромѣ междометій, для взаимной явустной передачи всѣхъ своихъ чувствъ. Ржаніе лошади, ревъ коровы, лай собаки, чиханье, кашель, стонъ, крикъ съ такимъ же правомъ могутъ быть названы частями рѣчи, какъ и междометія. Произвольно употребляются междометія только тогда, когда сила и внезапность душевнаго волненія или страсти возвращаютъ человѣка къ естественному состоянію и заставляютъ его на время забыть употребленіе языка или вслѣдствіе какого-нибудь обстоятельства краткость времени не позволяетъ воспользоваться имъ.

„Правда, одно краткое междометіе можетъ быть выразительнѣе, точнѣе, краснорѣчивѣе цѣлой длинной рѣчи; правда, восклицаніе, соединенное съ оживленными тѣлодвиженіями, съ выраженіемъ глазъ, гораздо лучше можетъ выразить содержаніе чувствованія, чѣмъ всѣ слова, но все-таки это не языкъ, по крайней мѣрѣ не тотъ языкъ, который является намъ въ качествѣ человѣческаго языка всюду, гдѣ мы встречаемся съ людьми... Что касается попытки этимологически производить прямо отъ междометій нѣкоторыя изъ нашихъ словесныхъ формъ, то онѣ всегда будутъ безуспѣшны, и именно вслѣдствіе того ложнаго мнѣнія, по которому мы видимъ въ звукѣ элементъ выразительности.

Обѣ теоріи, какъ звукоподражательная, такъ и междометная, опровергаются тѣми философскими соображеніями, сущность которыхъ высказана Лейбницемъ въ словахъ, приведенныхъ въ началѣ этой главы:

„Еслибы существенные элементы человѣческой рѣчи были или только простыми восклицаніями, или подражаніями звукамъ природы, то трудно было бы понять, почему животныя не имѣютъ языка. Не только попугай, но и пересмѣшникъ, и другія птицы очень удачно подражаютъ членораздѣльнымъ и членонераздѣльнымъ звукамъ, и нѣтъ почти ни одного животного, которое не могло бы произнести такихъ междометій, какъ бэ, уа и т. п. Очевидно также, что если обладаніе общими понятіями обуславливаетъ полное различіе между человѣкомъ и животнымъ, то языкъ, основывающійся на междометіяхъ и подражаніяхъ крикамъ животныхъ, не могъ бы служить вышнимъ выраженіемъ этой отличительной способности человѣка. Въ такомъ случаѣ всѣ слова, по крайней мѣрѣ въ началѣ (а это только и занимаетъ насъ теперь), были бы знаками индивидуаль-

ныхъ впечатлѣній и ощущеній и только постепенно, мало по малу, примѣнялись бы къ выраженію общихъ понятій“¹⁾).

„Теорія, основывающаяся на анализѣ языка по законамъ языкознанія, прямо противорѣчитъ вышеприведеннымъ воззрѣніямъ. Въ концѣ концовъ мы получаемъ корни, изъ которыхъ каждый выражаетъ общую, а не индивидуальную идею. Каждое слово, если мы анализируемъ его, заключаетъ въ себѣ предикативный корень, по которому мы узнаемъ предметъ, къ нему относящійся“.

Другими словами, сущность языка состоитъ не въ томъ, что извѣстнымъ предметомъ внѣшняго міра вызывается звукъ изъ глубины чувствующаго и воспринимающаго существа — этому воззрѣнію соотвѣтствуетъ теорія рефлексивныхъ звуковъ Штейнталя, — но въ томъ, что этимъ звукомъ нѣчто сказывается, что при этомъ нѣчто мыслится и нѣчто предиктируется о предметѣ.

Въ этомъ отношеніи Максъ Мюллеръ высказалъ великую, неопцѣнимо важную истину (за которую мыслящіе люди дадутъ ему прозваніе: „Дарвинъ духа“), выставивъ непрерывную, обусловливаемую продолжительнымъ развитіемъ преемственность понятій, какъ несомнѣнный, важный выводъ языкознанія.

„Никогда“, говоритъ онъ, — „не бываетъ въ исторіи развитія языка, на сколько оно доступно нашему наблюденію, чтобы объектъ или понятіе соединилось со звукомъ вдругъ, какъ бы ни съ того, ни съ сего, какъ бы чрезъ нѣкотораго рода *generatio aequivoca*. Объектъ существуетъ для нашего сознанія только въ понятіи, которое мы о немъ имѣемъ, а само понятіе существуетъ только въ звукѣ, то-есть въ тѣлѣ, во внѣшнемъ знакѣ, если угодно“.

Къ такому же выводу пришелъ и Лазарь Гейгеръ. Въ виду важности предмета я позволю себѣ привести наиболѣе важныя мѣста изъ его сочиненія „*Ursprung der Sprache*“ (стр. 127 и 64), которыя еще болѣе подтверждаютъ и унять мысль Макса Мюллера:

„Въ духовной природѣ также не бываетъ скачковъ, какъ и въ физической, духовное развитіе слагается изъ столь же малыхъ элементовъ, какъ и физическое.

„Медленность развитія, выдѣленіе противоположности изъ незамѣтныхъ уклоненій повсюду въ исторіи служитъ причиною, съ одной стороны, раздѣленія значенія, и съ другой — уясненія его... Я не могъ отыскать такого пункта, когда понятіе являлось бы вдругъ, — такое

¹⁾ Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache I, S. 318.

понятіе, которое не происходитъ отъ другаго, уже существующаго, когда, слѣдовательно, духъ принужденъ былъ для представленія искать внѣшняго выраженія въ звукѣ или вслѣдствіе новаго впечатлѣнія возбуждать себя къ воспроизведенію звука⁴.

Свое мнѣніе Гейгеръ основываетъ, какъ видно изъ этихъ словъ, на любимой мысли великаго Лейбница, что природа нигдѣ не допускаетъ скачковъ, что, напротивъ, всѣ измѣненія, какъ переходы только, въ высшей степени незначительны,—на мысли, которая, по выразительному замѣчанію Лейбница, поднимаетъ вопросъ о переходныхъ ступеняхъ между животнымъ и человѣкомъ. Эти посредствующія существа, хотя и погребенныя подъ развалинами необъятнаго прошедшаго, нѣкогда дѣйствительно существовали, жили; надъ оживленіемъ или восстановленіемъ ихъ соединенными силами работаютъ языковѣдѣніе и философія, стараясь открыть засыпанный источникъ происхожденія языка.

Но и основная мысль преемственности или генетической связи всѣхъ человѣческихъ понятій была уже въ гениальной головѣ Лейбница, хотя и не такъ ясно сознавалась имъ, какъ могли ее высказать Максъ Мюллеръ и Гейгеръ, смотря съ высотъ науки на громаду бывшаго въ ихъ распоряженіи матеріала. Вообще изъ тѣхъ идей, которыя наиболѣе интересуютъ современные умы, нѣтъ почти ни одной, которой въ зародышномъ состояніи нельзя было бы найти въ сочиненіяхъ Лейбница. Въ доказательство я приведу нѣкоторыя мѣста изъ его „Nouveaux essais“ (IV, chap. 4):

„Развѣ вы забыли, любезный Филалетъ, что наши идеи искони лежатъ въ нашей душѣ, и что всѣ наши мысли происходятъ изъ своего собственнаго источника, помимо непосредственнаго вліянія на душу постороннихъ факторовъ“, говоритъ Лейбницъ въ опроверженіе теоріи Локка о происхожденіи нашихъ идей изъ чувственнаго наблюденія.

Если эта мысль истинна, если ее подтверждаетъ и громко высказываетъ языковѣдѣніе, признаніемъ именно этой истины, возведенное на степень науки, то мы приобретаемъ драгоценную, прочную почву для дальнѣйшаго изслѣдованія, и исчезающая до сихъ поръ въ туманной дали проблема происхожденія языка вдругъ приближается на доступное намъ разстояніе, вдругъ появляется на видимомъ для насъ горизонтѣ съ ясно обозначенными границами.

Выводы, которые сдѣлалъ самъ Максъ Мюллеръ изъ этой важной основной истины, суть слѣдующіе:

1) Звуки языка вездѣ и во всѣ времена обладали извѣстнымъ значеніемъ, и звуками языка они стали по столько, по сколько имѣли это свойство. Этимъ выводомъ ниспровергаются обѣ теоріи: и междометная, и звукоподражательная.

2) Въ языкѣ нѣтъ ничего мертвого, что не было бы нѣкогда живымъ. Этимъ положеніемъ объясняется и устраняется видимая исключительность флексій, образовательныхъ слоговъ и всего формальнаго состава языка. Слово *frucht-bar* не могло бы явиться, еслибы второй слогъ не имѣлъ собственнаго, самостоятельнаго значенія; а если въ сознаниі современнаго языка утратилось его значеніе, то наука объясняетъ намъ, что слово это имѣло такое же значеніе, какъ *frucht-bringend*¹⁾.

3) Начиная съ простыхъ элементовъ—односложныхъ, первичныхъ корней, языкъ прошелъ періодъ вторичныхъ, третичныхъ корней, потомъ возроставшее обиліе образованій и формъ полисинтетическаго или агглютинирующаго періода, прежде чѣмъ достигъ ясности, точности, чуднаго богатства мыслей и выразительности, свойственныхъ періоду флективному и новѣйшимъ языкамъ. Путь науки долженъ быть, конечно, обратный. Цѣль языковнани тамъ, гдѣ—волыбель языка.

4) Въ духѣ корнямъ соотвѣтствуютъ прочные, постоянные элементы разума; почти всѣ они предикативнаго характера, и только немногіе изъ нихъ, именно мѣстоименныя темы, указательныя. Такимъ образомъ, по сколько корни, какъ звуки, суть фонетическіе типы, по столько въ духѣ имъ соотвѣтствуютъ логическіе типы, типы мысли, тѣ — *phonetical types*, а эти — *conceptual types* или *rational concepts*. Другими словами, эти послѣдніе суть постоянныя формы и нормы, въ которыхъ языкъ, то-есть, мысль разума, отпечатлѣла и обратила въ свою собственность все твореніе.

5) Первоначальнымъ духовнымъ содержаніемъ, древнѣйшими значеніями корней, на сколько они доступны анализу изслѣдователя, было ничто иное, какъ чувственныя воспріятія, впечатлѣнія, *sensuous impressions*.

---

¹⁾ Въ русскомъ языкѣ оба эти прилагательныя *fruchtbar* и *fruchtbringend* имѣютъ значеніе—плодородный, плодоносный. Чтобы показать на русскомъ языкѣ различіе между ними съ разсматриваемой точки зрѣнія, въ соотвѣтствіе первому изъ нихъ, можно, можетъ быть, поставить неупотребительное въ простомъ видѣ прилагательное (без—, много—) плод—н—ый; тогда второму будетъ соотвѣтствовать плод—о—носный, плодъ приносящій. *Прим. перев.*

На этомъ положеніи, какъ на пунктѣ, до котораго въ лицѣ Макса Мюллера дошло языкознаніе по вопросу о происхожденіи языка, считавшемуся до сего времени не разрѣшимымъ, я долженъ остановиться нѣсколько долѣе. Съ этого пункта и самъ Максъ Мюллеръ производилъ изслѣдованіе; но изслѣдованіе его не могло быть особенно плодотворнымъ, потому что положеніе это хотя и заключаетъ въ себѣ истину, но высказываетъ не всю ее, а скорѣе только половину, одну сторону истиннаго содержанія дѣла.

Въ виду важности предмета, я приведу подлинныя слова его: „All roots i. e. all the material elements of language, are expressive of sensuous impressions, and of sensuous impressions only“ (Lectures on the science of language, edit. II, p. 372) (всѣ корни, то-есть, всѣ матеріальные элементы языка, выражаютъ чувственные впечатлѣнія, и только одни чувственные впечатлѣнія). „The only definition we can give of language, during that early state is, that it is the conscious expression in sound, of impressions received by all the senses“ (Chips from a German Workshop, vol. II, p. 54) (единственное опредѣленіе, которое мы можемъ дать языку въ такомъ раннемъ его состояніи, это то, что онъ есть сознательное выраженіе въ звукѣ впечатлѣній, ощущаемыхъ всѣми чувствами).

Я сказалъ: съ этого пункта Максъ Мюллеръ производилъ изслѣдованіе таинственнаго, скрывавшагося до сихъ поръ отъ взоровъ смертнаго, происхожденія языка и разума. Построенная имъ сообразно съ этою основною мыслью теорія слѣдующая ¹⁾:

„Существуетъ законъ, общій почти для всей природы, по которому всякая существующая вещь издаетъ звукъ. Всякое вещество имѣетъ свой особенный звукъ. О болѣе или менѣе совершенномъ строеніи металловъ мы можемъ судить по ихъ сотрясеніямъ, по отбѣту, который даютъ они, если спросить у нихъ о свойственномъ имъ отъ природы звукѣ. Золото звучитъ иначе, нежели свинецъ, дерево иначе, нежели камень, и это различіе звуковъ обуславливается различіемъ сотрясеній тѣлъ. То же было и съ человѣкомъ, совершеннѣйшимъ изъ организмовъ между всѣми созданіями природы. Чело-

---

¹⁾ Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Deutsch von Böttger, S. 331. Статьи замѣтимъ здѣсь, что профессоръ Максъ Мюллеръ самъ никогда не удовлетворялся этою, соединяющеюся съ именемъ Гейзе, теоріей, принимая ее только за неизмѣнимъ лучшей. Это видно, напримѣръ, изъ его «Vorlesungen über Darwins Sprachphilosophie», гдѣ онъ искалъ другаго рѣшенія даннаго вопроса.

вѣкъ въ совершенномъ первобытномъ состояніи былъ одаренъ не одною только способностью выражать свои чувствованія междометіями и свои ощущенія—звукоподражаніями, подобно животнымъ; онъ обладалъ также способностью придавать разумнымъ концепціямъ своего духа болѣе совершенное, членораздѣльное выраженіе. Эту способность онъ не самъ образовалъ. Это былъ инстинктъ, инстинктъ духа, столь же произвольный, какъ и всякій другой инстинктъ. Человѣкъ утрачиваетъ свои инстинкты, когда перестаетъ нуждаться въ нихъ; вѣшнія чувства его ослабѣваютъ, когда они становятся бесполезными для него, какъ напримѣръ, чутье. Такъ утратилась та творческая способность, дававшая каждому представленію, послѣ перваго его образованія въ мозгу, звуковое выраженіе, когда исполнила свое назначеніе. Число этихъ фонетическихъ типовъ въ началѣ должно было быть почти бесконечно велико, и только благодаря процессу естественнаго выдѣленія, который мы еще можемъ наблюдать въ древнѣйшей исторіи словъ, постепенно уничтожились нѣкоторые изъ массы болѣе или менѣе синонимическихъ корней, и всѣ они приведены къ извѣстному количеству опредѣленныхъ типовъ. Въмѣсто того, чтобы производить языкъ отъ девяти корней, какъ дѣлаетъ д-ръ Меррей (Muggey), или отъ одного, мы должны признать, что первому образованію корневыхъ элементовъ предшествовалъ періодъ неограниченнаго роста—весна языка, за которою послѣдовала не одна осень“.

Здѣсь, я полагаю, будетъ умѣстно привести тѣ пункты, въ которыхъ Лазарь Гейгеръ отступаетъ отъ Макса Мюллера, съ которымъ онъ почти вездѣ согласенъ, и выбираетъ путь, болѣе правильный по моему мнѣнію и ближе ведущій къ цѣли. Эти два пункта слѣдующіе:

1) Большая послѣдовательность въ отношеніи къ тому главному принципу, что языкъ производитъ, развиваетъ одно понятіе изъ другаго.

О гипотезѣ Макса Мюллера въ частности Гейгеръ говоритъ слѣдующее: „Предположеніе утраченной въ настоящее время способности къ созданію языка и соединяющаеся съ этимъ мнѣніе о совершенствѣ первобытнаго состоянія приводятъ насъ къ непонятному, и мы не далеки отъ признанія того, что по самой природѣ вещей для насъ навсегда невозможно понять истинный смыслъ первоначальныхъ корней и объяснить фактъ происхожденія языка“. Самъ Гейгеръ остался вѣренъ основному положенію, что при происхожденіи языка дѣло совершалось точно также, какъ совершается теперь при развитіи

всѣхъ языковъ, только несравненно медленнѣе; поэтому онъ предполагаетъ въ началѣ не безчисленное множество звуковъ, а одинъ только звукъ, вызванный извѣстнымъ представленіемъ. „Ключъ къ значенію слова лежитъ въ утратившемся значеніи... Масса дѣйствительно присущихъ всѣмъ словамъ значеній, можетъ во всякомъ случаѣ быть сведена къ одному центральному пункту, и пунктъ этотъ не иначе гдѣ, какъ въ происхожденіи самаго языка... Но почему же слова первоначально имѣютъ такъ мало значеній, и чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ меньше? На это я могу дать только одинъ отвѣтъ: потому что въ началѣ человѣкъ такъ мало замѣчалъ“ (Ursprung der Sprache, S. 130).

2) Чувственные ощущенія, которыя признаетъ Максъ Мюллеръ въ качествѣ источника происхожденія языка, допуская дѣйствіе впечатлѣній всѣхъ вишнихъ чувствъ (impressions received by all the senses), Гейгеръ ограничиваетъ однимъ чувствомъ зрѣнія. „Неопровержимое убѣжденіе, вынесенное мною изъ наблюденія надъ всѣмъ вещественнымъ составомъ языка, на сколько онъ былъ доступенъ моему наблюденію, слѣдующее: Ощущеніе, о постепенномъ возрастаніи котораго свидѣтельствуетъ языкъ, есть ощущеніе зрительное... Различеніе предметовъ посредствомъ зрительныхъ ощущеній, и интересъ именно къ этому, составляетъ отличительную особенность человѣка“ (Ursprung der Sprache, S. 142).

Но не смотря на эти новыя и несомнѣнно плодотворныя разъясненія, Гейгеръ не рѣшился подойти къ самой цѣли, хотя надѣялся на достиженіе и даже, какъ видно изъ собственныхъ его намековъ, полагалъ, что достигъ ея. Вообще собственнымъ путемъ языкованіе не могло достигнуть ея; для этого надобно было производить изслѣдованіе съ другой стороны, именно со стороны философіи, науки о человѣческомъ духѣ, и потомъ уже со средствами и выводами языкованія произвести послѣднюю, рѣшительную попытку подъ руководствомъ философской мысли.

Послѣ чтенія моей книги „Ueber den Ursprung der Sprache“ Максъ Мюллеръ, признавая сдѣланный въ ней шагъ впередъ, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Я все-таки остаюсь при своихъ затрудненіяхъ. Сущность проблемы, мнѣ кажется, заключается въ происхожденіи мышленія, или коротко говоря, въ переходѣ отъ воспріятія къ понятію. Кто объяснитъ мнѣ, какъ приходитъ человѣкъ къ понятію „два“, тотъ объяснитъ мнѣ происхожденіе языка“. Въ этихъ словахъ глубокая истина. Отъ чисто чувственнаго ощущенія невозможно

дойти до мысли, также невозможно, какъ изъ движущейся матеріи не возможно вывести духа. Только подъ условіемъ предположенія способности воспріятія можемъ мы понять развитіе міра, только подъ условіемъ предположенія понятій можемъ мы дойти до происхожденія разума.

Между тѣмъ какъ всѣ предшествующіе философы языковѣды, велячая сюда Макса Мюллера и Лазаря Гейгера, производили языкъ и мышленіе, согласно съ общераспространеннымъ воззрѣніемъ (а также и мнѣніемъ всей философіи), изъ ощущенія, то-есть, пассивнаго акта, я первый выбралъ противоположный путь и сказалъ: „Языкъ есть дѣтя воли, а не страданія; корни языка выражаютъ собственную дѣятельность человѣка, и характеръ ихъ опредѣляется дѣйствіемъ этой дѣятельности, по скольку она обнаруживается въ проявленіи. Мысль человѣческая исходитъ изъ двойнаго источника: субъективной дѣятельности—воли, и объекта, доступнаго чувственному наблюденію“. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ вполне согласился Максъ Мюллеръ.

Это—необыкновенно великая и важная задача (оцѣненная и принимаемая, если не многими, то по крайней мѣрѣ наиболѣе проникательными умами), надъ исполненіемъ которой въ настоящее время работаютъ языковѣданіе и философія. Дѣло идетъ не о чемъ иномъ, какъ о возобновленіи, восстановленіи и окончаніи исполнскаго дѣла могучаго Канта, о томъ, чтобъ изслѣдовать и понять происхожденіе, образованіе, ростъ и усовершенствованіе величайшаго чуда вселенной, человѣческаго разума. Съ этою задачей можетъ помѣряться въ важности только ученіе объ образованіи и раздѣленіи планетныхъ системъ ¹⁾.

---

¹⁾ Если кому-либо это утверженіе покажется слишкомъ смѣлымъ, то я приведу свидѣтельство автора, котораго нельзя заподозрить въ преувеличеніи. Боэль, самый рѣшительный, по моему мнѣнію, и послѣдовательный изъ новѣйшихъ детерминистовъ, то-есть, послѣдователей того направленія философіи, которое всюду видѣть одинъ желѣзный законъ природы, принужденъ былъ высказать слѣдующее, съ его точки зрѣнія во всякомъ случаѣ въ высшей степени замѣчательное признаніе: The highest of our so-called laws of nature are as yet purely empirical. You are startled at that assertion; but it is literally true. Not one single physical discovery that has ever been made has been connected with the laws of the mind that made it; and until that connexion is ascertained, our knowledge has no sure basis. On the one side we have *mind*; on the other side we have *matter*. These two principles are so interwoven, they so act upon and perturb each other that we shall never really know the laws of the one, unless we also know

Если найдено слово освобожденія, то вся будущая философія будетъ философіей языка, какъ съ полнымъ убѣжденіемъ, которое раздѣляю и я, сказалъ Максъ Мюллеръ.

the laws of both. Every thing is essential; everything hangs together and forms part of one single scheme, one grand and complex plan, of which the universe is the theatre.—They who discourse to you of the laws of nature, as if those laws were binding on nature, or as if they formed part of nature, deceive both you and themselves. The laws of nature have their sole seat, origin and function in the human mind» (*A. Buxle, The influence of women on the progress of knowledge. Lecture delivered 1858*). («Самые важные изъ известныхъ намъ, такъ называемыхъ, законовъ природы имѣютъ до сихъ поръ характеръ чисто эмпирическій. Васъ удивляетъ эта мысль, но она буквально справедлива. Ни одно изъ открытій, сдѣланныхъ въ естествознаніи, не связано съ законами ума, сдѣлавшаго это открытіе, а до тѣхъ поръ, пока связь эта не будетъ опредѣлена, знаніе наше не можетъ быть прочно. Съ одной стороны, мы имѣемъ умъ, съ другой—матерію. Оба эти начала такъ тѣсно связаны между собою, такъ сильно вліяютъ другъ на друга, что мы не будемъ знать одного изъ нихъ, не зная законовъ обихъ. Въ природѣ все цѣльно, все связано, и каждое составляетъ только часть цѣлаго, одинъ изъ эпизодовъ той величественной драмы, театромъ для которой служитъ вселенная. Люди, разказывающіе о законахъ природы, управляющихъ ею и составляющихъ часть ея, обманываютъ и себя, и всѣхъ. Законы природы существуютъ, рождаются и дѣйствуютъ только въ умѣ человека (*Бокля, «Этюды»*. Переводъ съ англійскаго. С.-Пб. 1867. Вліяніе женщины на успѣхи знанія, стр. 203—204).

Исследованіе и изученіе законовъ этого духа въ его истинной, существенной функціи — *мысленіи*—составляетъ задачу, высокую цѣль языкованія. Слова Бокля ясно указываютъ на отрадное явленіе, незамѣтно совершающееся въ наше время, а именно—на то, что приближается конецъ господству *материализма*, что мѣсто его скоро займетъ болѣе высокое, благородное и достойное человѣка міросозерцаніе. Всѣ факты говорятъ за то; господство великаго синтеза, исповни составившаго послѣднюю цѣль всей философіи, наступитъ прежде, чѣмъ окончится наше столѣтіе. Я приведу еще одно мѣсто изъ напечатаннаго въ *Revue des deux mondes* сочиненія объ ученіи Эпикура, вполне согласное съ мнѣніемъ Бокля:

«Epicure est le premier dans l'antiquité qui ait nié résolument ce qui était hors des prises directes et de la portée des sens. A ce titre, il peut être considéré comme l'expression confuse et inconsciente du *positivisme* qui déclare qu'il n'y a pas d'objet pour l'esprit humain en dehors des lois de la nature. Il a le premier creusé le fossé qui s'élargit tous les jours et qui sépare la métaphysique de la science de la nature. Pour les esprits spéculatifs les questions d'origine et de fin sont les plus importantes de toutes celles, auxquelles tout le reste se rapporte; pour les autres il n'y a qu'une seule étude, celle des phénomènes et de leur dépendance réciproque.... demandant seulement à la nature morte les secrets qu'elle lui révèle pour éclairer le jeu et les ressorts de l'organisme vivant. Cette sépara-

V.

Моя теорія происхожденія языка.

Хотя эта брошюра имѣетъ другую цѣль, однако я считаю не-
 бесполезнымъ привести здѣсь, по крайней мѣрѣ въ самыхъ общихъ
 чертахъ, то рѣшеніе проблемы, какое я далъ въ своемъ сочиненіи
 „Ursprung der Sprache“. Наиболѣе цѣлесообразно будетъ, если я по-
 ложение вопроса, представленное Максомъ Мюллеромъ въ заключи-
 тельныхъ словахъ первой серіи „Lectures on the Science of language“
 въ качествѣ послѣдняго результата его многостороннихъ и глубо-
 кихъ изслѣдованій языка (который онъ такъ мѣтко названъ „тѣ-
 ломъ человѣческой мысли), какъ исходный пунктъ для дальнѣйшихъ
 заключеній философіи изложу собственными его словами.

Читатель увидитъ изъ этого, какъ близокъ былъ Максъ Мюллеръ
 къ рѣшенію вопроса, даже, можетъ быть, удивится, что онъ не от-
 ворилъ послѣдней двери, которая отдѣляла его отъ сокровеннаго мѣ-
 ста рожденія человѣческой мысли и могла привести къ объясненію со-
 вершенно удовлетворительному, въ самомъ себѣ находящему оправданіе.
 Мы уже видѣли, что одну изъ главныхъ заслугъ Макса Мюллера

---

tion date d'Epicure: si une telle gloire a été réservée à celui qui a divisé l'esprit
 humain en deux parties presque irréconciliables, quelle gloire n'attend pas celui
 qui fera cesser ce divorce et qui, par la *metaphysique et la physique réconciliées*
 dans une juste mesure d'indépendance et de services réciproques, reconstruira
 l'unité scientifique de l'esprit?» (E. Caro въ Rev. d. d. t. Nov. 1878, p. 112).
 (Эпикуръ первый изъ древнихъ рѣшительно отвергъ то, что не подлежитъ не-
 посредственному познанію и чувственному воспріятію. Съ этой точки зрѣнія на
 его ученіе можно смотрѣть, какъ на смутное и бессознательное выраженіе *позити-*
цизма, не признающаго никакого объекта познанія для человѣческаго духа
 внѣ законовъ природы. Онъ первый прорылъ ровъ, съ каждымъ днемъ увели-
 чивающійся, который отдѣляетъ метафизику отъ естествознанія. Для умовъ спе-
 кулятивныхъ вопросъ о началѣ и цѣли имѣетъ первостепенную важность — къ
 нему сводится все остальное, для другихъ же существуетъ только одинъ пред-
 метъ изученія—это явленія и ихъ взаимная зависимость другъ отъ друга. Они
 стараются постигнуть таинства жертвой природы, чтобы объяснить двѣтальность
 и измѣненія живаго организма. Это раздѣленіе началось съ Эпикура; если такая
 слава осталась за тѣмъ, кто раздѣлил на двѣ почти несоединимыя области, то
 какаѣ же славы ожидаетъ того, кто уничтожитъ это раздвоеніе, и примиривъ
метафизику съ физикой, признавъ самостоятельность ихъ и взаимную необходи-
 мость другъ для друга, возстановитъ *единство научнаго духа?*)

составляетъ энергическая, постоянная борьба и побѣда надъ исконнымъ, укоренившимся заблужденіемъ, по которому вещи, какъ таковыя, соединились въ человѣческомъ духѣ съ звуками, которые кажимъ-то необъяснимымъ образомъ стали именами или звуковыми обозначеніями этихъ вещей ¹⁾. Тѣмъ труднѣе искоренить это заблужденіе ²⁾, что оно покоится на непоколебимомъ убѣжденіи, на увѣренности въ томъ, что міръ объективный, міръ предметовъ, воспринимаемыхъ нашими внѣшними чувствами, составляетъ наиболѣе древній, необходимый и естественный источникъ человѣческаго познанія, а слѣдовательно, и человѣческаго языка; что, слѣдовательно, ясное небо было познано и названо прежде, чѣмъ ясное расположеніе духа, дыханіе прежде, чѣмъ наказаніе, образъ прежде, чѣмъ воображеніе. Несомнѣнно, въ чемъ вполне согласны филологія и философія, что духовныя свойства гораздо позднѣе стали доступны языку, чѣмъ чувственные объекты ³⁾.

¹⁾ «Vocabula sunt potae regum», сказалъ еще Цицеронъ, и это же положеніе взялъ Гердеръ эпиграфомъ къ своему составляющему эпоху въ наукѣ сочиненію «Ueber den Ursprung der Sprache».

²⁾ Какъ укоренилось это заблужденіе, можно видѣть изъ того, что даже такой замѣчательный лингвистъ, какъ М. Бреаль, не смотря на ясное, какъ день, опроверженіе Макса Мюллера, вновь возвращается къ нему, и напрямѣръ, подъ корнемъ bhag ставятъ такой вопросъ: «обозначалъ ли онъ *носильщика тяжести*, или самую *тяжесть*... или *дитя*, которое мать носить въ утробѣ?» Далѣе: «Невѣроятно, чтобы въ односложномъ періодѣ не было выраженій для обозначенія *солнца, грома, пламени*. Но какъ только эти слова пришли въ соприкосновеніе съ мѣстоименными элементами и образовали глаголы, значеніе ихъ сдѣлалось растяжимѣе, и они *разрѣшились въ корни*, которые имѣли значеніе *сѣтять, времять, пылатъ*» (M. Bréal, Les racines des langues Indo-Européennes, p. 3 et 4). Это значитъ представлять дѣло какъ разъ наоборотъ, сажать дерево верхушкой въ землю, а корнемъ вверхъ! Положеніе, высказанное Бреалемъ на стр. 6, что корень sag указываетъ на имя пресмыкающагося, что названія частей тѣла радъ нога, пѣсъ носъ, dent зубъ, card сердце, какъ соотвѣтствующія наиболѣе простымъ понятіямъ, должны были существовать *прежде* глагольныхъ корней, живо напоминаетъ мнѣ шутку Потта и замѣчаніе Курціуса по поводу ея (Griech. Etymol., S. 108): «Поттъ въ шутку, какъ примѣръ такого представленія дѣла, приводитъ для gena корень gen «быть щекой», а для корня az, который Лео Мейеръ извлекаетъ изъ asinus, въ такомъ случаѣ не остается много выбора, кромѣ значенія «быть осломъ».

³⁾ Тотъ фактъ, что всѣ слова, обозначающія отвлеченныя понятія, происходятъ отъ словъ, выражающихъ чувственныя понятія, въ первый разъ ясно и опредѣленно былъ высказанъ Локкомъ; онъ теперь вполне подтверждается выводами *сравнительнаго языковѣдѣнія*. Всѣ корни, то-есть, всѣ матеріальные элементы языка, обозначаютъ чувственныя впечатлѣнія, и такъ какъ всѣ слова,

Но иное дѣло, что эти объекты были древнѣйшимъ предметомъ, первоначальнымъ матеріаломъ мысли и языка, и иное дѣло, какъ они первоначально были познаны и названы.

Далѣе я предоставлю говорить Максу Мюллеру:

„Въ языкѣ есть какъ бы окаменѣлая философія, и если мы станемъ искать древнѣйшее слово для *Naмен*, то найдемъ въ санскритѣ *nâman*, въ латинскомъ *popen*, въ готскомъ *namo*. Это *nâman* стоитъ вмѣсто *gnâman* и произведено отъ корня *gnâ*, знать, слѣдовательно, оно означало первоначально то, посредствомъ чего мы познаемъ вещи, дѣлаемъ ихъ доступными познанію.

„Какъ же мы познаемъ вещи?

„Первый шагъ къ истинному познанію, шагъ, который, какъ бы ни казался онъ незначительнымъ, всегда отличаетъ человѣка отъ животныхъ, есть наименованіе вещи. А наименованіе есть не что иное, какъ классифицированіе, подчиненіе частнаго общему; и все, чтò мы знаемъ эмпирически или научно, мы знаемъ въ силу и посредствомъ своихъ общихъ понятій.

„Именно тамъ, гдѣ человѣкъ расходится съ міромъ животныхъ, въ томъ пунктѣ, гдѣ мы замѣчаемъ первый проблескъ разума, какъ откровеніе внутренняго міра, видимъ мы истинное начало языка. Анализируйте какое угодно слово, и вы найдете, что оно выражаетъ общее понятіе, свойственное тѣмъ индивидуальнымъ предметамъ, которые обозначаются названіемъ.

„Чтò значитъ слово мѣсяць?—Мѣритель. Солнце?—Родитель. Чтò значитъ слово земля?—Вспаханная. Если змѣя по санскритски называется *sagra*, такъ это произошло отъ того, что ее представляли подъ общимъ понятіемъ пресмыкающагося, выражаемымъ корнемъ *srîr*. Однимъ изъ древнѣйшихъ названій для человѣка было санскр. *marita*, греч. *βροτος*, латинск. *mortalis*. *Marta* значитъ „смертный“, и замѣчательно, что въ томъ мірѣ, гдѣ все измѣняется, увядаетъ и умираетъ, это именно слово было выбрано, какъ характеристическое для обозначенія человѣка.

„Было еще много другихъ названій для человѣка, какъ вообще въ древнемъ языкѣ было много различныхъ именъ для всѣхъ предме-

---

даже наиболѣе отвлеченныя и возвышенныя, происходятъ отъ корней, то выводы философа Локка, какъ вполне подтверждающіеся выводами науки о языкѣ, должны быть признаны вѣрными». *Max Müller, Lectures on the Science of language.* 9 edit. II, p. 372.

товъ. Одна какая-нибудь черта, показавшаяся особенно характеристичною наблюдающему, становилась причиною образованія новаго названія. Въ обыкновенныхъ санскритскихъ словаряхъ находимъ 5 названій для руки, 11 для свѣта, 15 для облака, 20 для луны, 26 для змѣи, 33 для убійства, 35 для огня, 37 для солнца. Солнце могло быть названо блестящимъ, свѣтящимъ, грѣющимъ, хранителемъ, губителемъ, волкомъ, львомъ, окомъ неба, отцомъ свѣта и жизни. Отсюда такое обиліе синонимовъ въ древнѣйшихъ языкахъ, отсюда та борьба за существованіе между словами, которая ведетъ къ уничтоженію менѣе сильныхъ, менѣе удачныхъ и менѣе плодотворныхъ словъ и оканчивается побѣдой одного приуроченнаго, приличнаго названія для каждаго предмета во всякомъ языкѣ. Этотъ процессъ естественнаго подбора (natural selection), или какъ онъ правильнѣе называется, разумной элиминаціи (rational elimination), то-есть, страхиванья засохшихъ плодовъ съ жизненнаго дерева языка, можно наблюдать, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, и въ нынѣшнихъ языкахъ, даже въ такихъ старыхъ, многолѣтнихъ, каковы французскій и англійскій. Какъ происходило это дѣло въ то время, когда языки въ первый разъ покрылись роскошными почками, можно судить по нѣкоторымъ отдѣльнымъ фактамъ, на примѣръ, по тому, что фонъ-Гаммеръ насчитываетъ 5744 слова, употреблявшіяся по отношенію къ верблюду.

„Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ языкознанія составляетъ открытіе того, что всякое слово первоначально есть предикатъ, что всё безъ исключенія слова, хотя бы они служили для обозначенія индивидуальныхъ понятій, происходятъ отъ общихъ понятій. Уже прежде было извѣстно, что языкъ составляетъ отличительный признакъ чловѣка; извѣстно было и то, что обладаніе общими понятіями, способность отвлеченія, составляетъ непреходимую границу между чловѣкомъ и животнымъ, но что то и другое суть различныя выраженія одной и той же способности, было понято только тогда, когда теорію корней предпочли звукоподражательной и междометной. Однако, хотя наша новѣйшая философія не вѣдала этого, древнимъ поэтамъ и художникамъ языка истина эта была очень хорошо извѣстна ¹⁾. Такъ, Греки называли языкъ logos, но logos значить также лежащая въ основѣ языка духовная сила—разумъ, и alogon служило

¹⁾ Древняя философія также не нашла иного лучшаго выраженія для миро-стронительнаго, всевластнаго начала, какъ два родственныя слова *νοῦς* и *λόγος*.

обозначеніемъ, и притомъ особенно характеристичнымъ, животнаго. Ни одно животное, за исключеніемъ человѣка, не думаетъ, не говоритъ. Языкъ и мысль нераздѣлимы. Слова безъ мыслей — мертвые звуки, мысли безъ словъ — ничто. Думать—значить говорить безъ словъ, говорить—значить думать въ звукахъ“.

„Послѣдній вопросъ нашей науки таковъ: какъ можетъ звукъ стать выраженіемъ мысли? Какъ корни сдѣлались знаками общихъ понятій? Какъ абстрактное понятіе измѣренія стало выражаться корнемъ *mā* понятіе мысли—*man*? Какъ *gā* получило значеніе ходить, *sthā*—стоять, *sad*—сидѣть, *dā*—давать, *mar*—умирать, *char*—ходить, *kar*—дѣлать?

„Четыреста-пятьсотъ корней, остающіеся въ различныхъ семействахъ языковъ въ качествѣ послѣднихъ, неразложимыхъ элементовъ,— не междометія и не звукоподражанія. Ихъ можно назвать первообразами звуковъ, фонетическими типами (*phonetic types*); какъ бы ни объяснял ихъ психологъ или метафизикъ, а для языковѣда они— послѣдніе факты (*ultimate facts*)“.

Далѣе слѣдуетъ приведенная въ предыдущей главѣ попытка объяснить происхожденіе корней по примѣру Гейзе. Но при этомъ авторъ разумно отдѣляетъ научно обоснованное отъ простой гипотезы, присоединяя слѣдующее замѣчаніе:

„Подобныя теоріи, конечно, имѣютъ извѣстное значеніе; однако я не согласился бы подписаться подъ ними, потому что мы не имѣемъ права сказать, что смѣлая аналогія можетъ быть пригодна для дѣйствительнаго объясненія проблемы происхожденія языка. А изъ результатовъ, до которыхъ мы дошли послѣ тщательнаго, свободнаго отъ предвзятыхъ мнѣній анализа имѣющихся у насъ фактовъ, имѣемъ право выдавать за истину только то, что всякій языкъ начинается съ корней, и что корни эти ни болѣе, ни менѣе, какъ фонетическіе, звуковые типы. То, чтò за ними, то уже не языкъ, хотя оно также можетъ представлять интересъ для психологическихъ изслѣдованій. А все то, чтò мы наблюдаемъ въ дѣйствительномъ языкѣ, произошло изъ этихъ корней. Слова суть только различные оттиски съ этихъ фонетическихъ матрицъ, или если угодно, варіаціи, модификаціи (и притомъ совершенно понятныя въ своемъ образованіи) тѣхъ типическихъ звуковъ, которые на основаніи несомнѣнныхъ свидѣтельствъ признаны за *residuum* всей человѣческой рѣчи“¹⁾.

¹⁾ *Max Müller, Lectures on the Science of language, p. 432 sq.*

Такъ говорилъ и писалъ Маекъ Мюллеръ въ 1860 году, и спустя 18 лѣтъ послѣ того, онъ имѣлъ полное право сказать:

„Читатели моихъ „Лекцій по наукѣ о языкѣ“ припомнить, съ какою энергіей противился я всякой попыткѣ со стороны языковѣдовъ перейти за эти корни, какъ старался выставить ихъ послѣдними результатами тщательнаго анализа звуковъ. Можетъ быть, иные подумали тогда, что мои протесты противъ всѣхъ и всякой попытки игнорировать или обойти эти корни и произвести какое-нибудь слово или какую-нибудь грамматическую форму отъ простыхъ восклицаній или подражаній звукамъ природы, были слишкомъ сильны. Но теперь, я думаю, всѣ, даже бывшіе мои противники, согласатся, что малѣйшая уступка тому, что я тогда не для ироніи, а только для выразительности назвалъ „гавъ-гавъ-теоріей“ и „фу-фу-теоріей“, привела бы къ полному паденію языкознанія“¹⁾.

Далѣе Маекъ Мюллеръ говоритъ:

„Но если къ какой-либо возвышающейся стѣною горѣ, которая съ нашей стороны непереходима, указанъ извѣстный и притомъ единственно правильный путь, это еще отнюдь не значитъ, что за той высокою стѣною нѣтъ или не можетъ быть ничего. Еслибы мы стали судить о корняхъ на основаніи того, какъ нѣкоторые изслѣдователи языка говорятъ о нихъ, то намъ пришлось бы признать, что они не только *indescrībilia*, а просто упавшіе съ неба алладіумы, сущность и происхожденіе которыхъ совершенно недоступны нашему пониманію²⁾. Чтобы предохранить себя отъ такого воззрѣнія, я счелъ необходимымъ присоединить нѣсколько словъ въ заключеніе моихъ лекцій, подобно живописцу, который, орончивъ ландшафтъ, проводитъ нѣсколько штриховъ на заднемъ планѣ, чтобы показать, что и тамъ еще есть мѣръ. Языкознаніе, по моему мнѣнію, исполнило свое дѣло, выразивъ смѣлую проблему происхожденія языка въ болѣе опредѣленной формѣ: „какъ произошли корни?“ Сколько мы выиграли съ этою переимѣною фасада, лучше всего могутъ оцѣнить тѣ, кто изу-

¹⁾ *Contemporary Review*, February 1878: „On the Origin of Reason“, pag. 466.

²⁾ Такая односторонность и косность господствуетъ въ противоположной партіи, у философовъ, не могущихъ ни признать зависимости мышленія отъ языка, «ни на волосъ отступить отъ обычной теоріи, по которой люди въ извѣстное время получили безыменные общія понятія, коимъ потомъ, съ развитіемъ взаимныхъ сношеній и духовнаго общенія, дали тѣ фонетическіе ярлыки, которые мы называемъ словами». *Max Müller, Lectures on the Science of language*, II, p. 371.

члѣ многочисленныя попытки прошлаго столѣтія объяснить происхожденіе языка.

„Но далѣе того пунета, гдѣ языковѣдъ принужденъ первичные элементы языка сложить, такъ сказать, къ ногамъ философа, одно языковнаіе, въ отдѣльности отъ науки мышленія, не можетъ насъ вести. Приходится производить новую очистку и притомъ въ противоположномъ направленіи. Чтобы показать, въ какой лагерь я смотрѣлъ, отъ кого ожидалъ рѣшенія послѣдней проблемы происхожденія корней, я обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что всякій предметъ въ природѣ при колебаніи сотрясается и производитъ сотрясенія. Это мнѣ казалось высшимъ распространеніемъ и глубочайшимъ распространеніемъ того, что я разумѣлъ подъ языкомъ. Объ проблемы, какъ относительно измѣненія простыхъ восклицаній, междометныхъ или звукоподражательныхъ, въ фонетическіе типы, такъ и относительно перехода простыхъ ощущеній въ понятія, я оставилъ нетронутыми, въ надеждѣ, что собственно философы скоро поймутъ, какъ могутъ быть освѣщены электрическимъ свѣтомъ языковнаія нѣкоторые изъ наиболѣ темныхъ пунктовъ психологіи, и съ живѣйшею энергіей примутся за переданный имъ матеріалъ, вполне готовый для того, чтобъ изъ него построить здравую и прочно обоснованную философскую систему“.

Благосклонный читатель можетъ подумать, что это обращеніе къ „философамъ-специалистамъ“ встрѣтило непосредственный, живой откликъ. Какая высокая и прекрасная задача была предложена философіи, задача столь же достойная ея самой, сколь необходимая и полезная для всего ея развитія! Съ какою жадностью должна была бѣ она ухватиться за этотъ случай оправдаться въ глазахъ свѣта, того самаго свѣта, въ которомъ вотъ уже почти пятьдесятъ лѣтъ какъ идутъ опасныя толки о томъ, что вся философія есть не что иное, какъ толченіе воды въ ступѣ, неудобоваримое пустословіе, къ которому теперь нивого калачомъ не заманишь, и которое годно на то лишь, чтобы набивать пустыя головы доцентовъ высокоуміемъ и чванствомъ, а студенческія — сумасбродствомъ и пустыми фантазіями! Нис Rhodus, hic salta! Покажите свои силы! Философія, которая разрѣшитъ одинъ такой вопросъ, дастъ вѣрное ручательство своего внутренняго достоинства и получитъ полное право на всеобщее уваженіе.

Но что же на самомъ дѣлѣ вышло? Объ этомъ скажетъ намъ Максъ Мюллеръ:

„Я, признаться, часто удивлялся равводушію, особенно психоло-

говъ, къ тому полному перевороту, который совершился у нихъ на глазахъ въ области языкознанія. Они смотрѣли на это такъ, какъ будто дѣло вовсе не касалось ихъ. Что же это значить? Еслибъ языкъ былъ только внѣшнею формою мысли, то и тогда никакая философія, желающая проникнуть въ существо мысли и объяснить происхожденіе ея, не должна была бы пренебрегать тщательнымъ изученіемъ его. Чего не дали бы Гоббесъ, Локкъ за „сравнительную грамматику“ Боппа! Что сказали бы мы, еслиби биологи объясняли природу и законы органической жизни, не обращая вниманія на живое тѣло? А гдѣ же мы будемъ искать и гдѣ найдемъ живое тѣло мысли, какъ не въ языкѣ? Что такое эти двѣ проблемы, оставленныя безъ отвѣта языкознаніемъ:

„1) Какъ могутъ простыя восклицанія стать фонетическими типами?

„2) Какъ могутъ ощущенія перейти въ логическія понятія?

„Что такое обѣ эти проблемы, взятыя вмѣстѣ, какъ не высочайшая проблема всей философіи:

„Какъ произошелъ разумъ?

Исходными пунктами при рѣшеніи этой проблемы служили для меня слѣдующія положенія:

1) Языкъ есть продуктъ общественности и общественнаго инстинкта; онъ развился, возросъ и достигъ высшаго совершенства среди общественной жизни.

2) Языкъ есть дитя воли, дѣятельности, а не страданія. На мѣсто чисто чувственныхъ воспріятій (sensations), изъ которыхъ никогда не могло образоваться ничего подобнаго концепціямъ разума (rational concepts), прочнымъ, типическимъ, постоянно возобновляющимся при посредствѣ слова построеніямъ разума, мы должны поставить активную волю, самопроизвольную дѣятельность, которая, по общепринятому мнѣнію, присущи и животной жизни, а по ученію монистической философіи лежатъ въ основѣ всей природы, всѣхъ безъ исключенія явленій.

3) Изъ двухъ приведенныхъ пунктовъ выходитъ слѣдующее положеніе: существуетъ не только симпатія страданія, радости — обѣ специфически обнаруживаются у человѣка плачемъ и смѣхомъ, а также возбужденными совокупными движеніями, изъ которыхъ потомъ развиваются танцы, пѣніе и музыка,—но и симпатія воли, дѣятель-

ности, направленной на внѣшній міръ и обнаруживающейся въ дѣйствіи.

4) Эта взаимная, симпатическая дѣятельность сопровождалась первоначально звуками, которые, какъ при танцахъ и игрѣ, вырывались невольно вслѣдствіе сильнаго стѣсненія одушевленія отъ взаимныхъ дѣйствій, и такъ какъ они всякій разъ являлись при извѣстной дѣятельности, то въ концѣ концовъ такъ тѣсно соединялись съ нею, что пріобрѣтали способность напоминать объ этой дѣятельности. Здѣсь начало человѣческой мысли, потому что здѣсь начало корней.

5) Изъ этихъ положеній само собою слѣдуетъ, что мысль человѣческая происходитъ изъ двойнаго источника, вопервыхъ, собственно дѣятельности, которая, будучи неразрывно соединена съ человѣкомъ, во всякое время находится въ его распоряженіи для того, чтобы произвести любое дѣйствіе, и во вторыхъ, самаго этого дѣйствія, которое, будучи видимымъ чрезъ воспріятіе зрѣнія, обусловливаетъ возможность пониманія и объясненія ¹⁾. Только при посредствѣ этого дѣйствія звуки получали свои значенія, и чѣмъ болѣе эти дѣйствія, то-есть, дѣятельность создававшихъ языкъ поколѣній, специализировались, тѣмъ болѣе значеній пріобрѣтали корни языка.

6) Поэтому жизнь языка стоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ самой человѣческой дѣятельности. Вовсе не вслѣдствіе случайнаго совпаденія, въ то самое время, какъ великая наука сравнитель-

---

¹⁾ Это соотношеніе, до сего времени упускавшееся изъ виду *всего* философией, имѣетъ высокое, даже, можно сказать, *фундаментальное* значеніе для *всей* философіи. Здѣсь въ первый разъ ставится *terminus medius* между субъектомъ и объектомъ, считавшимися до сего времени несоединимыми, дѣятельность и дѣйствіе соединяются въ одно, какъ актъ. Хотя это отношеніе съ наибольшою ясностью и очевидностью должно обнаруживаться и обнаруживается на духовномъ созданіи человѣка—языкѣ, однако открыть его здѣсь стоитъ не малаго труда. Происходитъ это отъ того, что одиной источникъ, субъективный, силой и поразительною ясностью втораго, объективнаго, такъ былъ заслоненъ, что его совершенно упускали изъ виду или считали несущественнымъ. Но то, что выступаетъ предъ нами съ поразительною ясностью въ духовной жизни, то *лежитъ въ основѣ всего сущаго* и можетъ послужить къ пониманію и объясненію глубочайшей и послѣдней тайны міра, жизни индивидуальной. Предчувствіе этой истины можно замѣтить у нѣкоторыхъ изъ выдающихся естествоиспытателей. Такъ, знаменитый Кюлье Бернарь говоритъ: «*Matière vivante et conditions extérieures: la vie résulte constamment du rapport réciproque de ces deux facteurs*» (жизнь есть результатъ постоянного взаимодѣйствія двухъ факторовъ: живой матеріи и внѣшнихъ условій).

наго языкованія старается прослѣдить человѣческія понятія до ихъ глубочайшихъ корней, скрытыхъ въ тысячелѣтнихъ шахтахъ,—антропология съ тою же цѣлью слѣдитъ за исторіей человѣческой дѣятельности до самыхъ темныхъ нея зачатковъ, открывающихся въ грубыхъ каменныхъ орудіяхъ, этихъ свидѣтеляхъ tool-making animal, какъ говоритъ Франклинъ, или какъ мы говоримъ, not only gregarious, but cooperative animal. И этотъ параллелизмъ одинаково знаменателенъ и ясенъ, потому что, какъ эти орудія съ приближеніемъ ко временамъ первобытнымъ становятся все грубѣе, несовершеннѣе, такъ что въ грубо отесанномъ камнѣ мы имѣемъ какъ бы зародышъ теперешняго топора, клина, ножа, молота, пилы и т. п., такъ и слова, чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ слабѣе относительно значенія, тѣмъ болѣе, такъ сказать, приближаются къ моллюскамъ и вмѣсто того, чтобы твердо соединяться съ извѣстнымъ значеніемъ, какъ бы распливаются въ рукахъ изслѣдователя.

7) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что древнѣйшими значеніями коренныхъ словъ были человѣческія дѣятельности. Философія могла бы и собственнымъ путемъ дойти до этого заключенія, потому что наиболѣе близкимъ, извѣстнымъ и понятнымъ должна была быть собственная дѣятельность. Всякій непредубѣжденный изслѣдователь убѣдится въ этомъ, если заглянетъ въ любой словарь корней. Не солнце и луна, не носъ и ротъ, не я или ты встрѣтитъ онъ тамъ, но и не свѣтитъ или горѣтъ — никакой основательный этимологъ, еслибъ онъ и нашелъ ихъ тамъ, не сочтетъ такихъ значеній основными,— но копать, бить, рыть, скоблить, рвать; встрѣтитъ онъ много корней съ значеніемъ тереть, и отсюда мазать, намазывать, красить, другіе—плести, связывать, еще другіе—дѣлать, раздѣлять.

Если вы подумаете о томъ, какъ мысль, то-есть, языкъ пришелъ къ понятію блестятъ или свѣтитъ, то вамъ можетъ показаться, что такое представленіе—одно изъ самыхъ простыхъ и естественныхъ. Но нѣтъ! Первобытный человѣкъ былъ нѣмъ предъ свѣтомъ и не могъ его назвать, потому что назвать—значить перенести извѣстное качество на что-либо, а вовсе не значить произнести безсодержательный звукъ. Здѣсь недоставало, слѣдовательно, одного изъ двухъ источниковъ мысли,—собственной дѣятельности, а только отъ нея мысль могла дойти до этихъ понятій¹⁾. Точно также свѣтъ и мракъ, день

¹⁾ Яковъ Гриммъ въ своей Нѣмецкой грамматикѣ (II, 85), по поводу перехода понятій изъ одной области ощущеній въ другую—отъ звука къ свѣту, напри-

и ночь, огонь и солнце представляли для языка цвѣтъ, или скорѣе нѣчто окрашенное, а это именно и было понятно, потому что человекъ самъ красился. Значеніе „красить“ указываетъ на древнѣйшее „намазывать“, а это вполне естественно имѣетъ въ основѣ „тереть“, „растирать“. До какой степени мы и теперь находимся подъ вліяніемъ этого первобытнаго возрѣнія, читатель можетъ понять изъ того, что мы и теперь на небѣ ничего не видимъ, кромѣ цвѣтовъ.

8) Но не все, что мы привыкли обозначать именемъ человѣческой дѣятельности, находить себѣ выраженіе въ тѣхъ сокровенныхъ глубинахъ корней. Дѣтски наивная и ужъ вовсе не научная философія языка, прямая наслѣдница ловкаго на объясненія чего бы то ни было XVIII столѣтія, имѣющая и до сихъ поръ послѣдователей, выставляла въ началѣ образованія языка такія понятія, какъ^o папа, мама, ѣсть, пить и т. п. основными, изъ которыхъ развилось все остальное. Эта гипотеза также вполне опровергается изслѣдованіемъ корней. Длинными-длинными окольными путями дошелъ языкъ, то-есть, человѣческая мысль, до такихъ понятій, какъ голодъ и жажда. Да и какъ понимается ѣда? Какъ дѣленіе. Нѣм. Metzger (мясникъ) и Messer (ножъ) восходятъ къ корню mat, раздѣлять; готск. mats значить

мѣръ, hëllan (sonare), hëll (sonorus, поздне lucidus), др.-в.-нѣм. braht (strepitus), н.-в.-нѣм. Pracht. (splendor), говорятъ: «Странно, что въ большей части этихъ приѣмовъ первое мѣсто принадлежитъ звуку—значеніе цвѣта позднеѣе!» По нашей теоріи въ этомъ вовсе ничего нѣтъ страннаго. То, что проявляется въ этихъ словахъ, есть сила, энергія, а они могутъ происходить только изъ субъектнаго источника, могутъ быть обнаружены только самопроизвольною дѣятельностью. А съ этою областью совпадаетъ міръ звуковъ, но не міръ свѣта. Я могу произвести громкій звукъ (Schall, Hall (scal) посредствомъ сильного удара (Schlag), производящаго звукъ (ср. Donnerschlag), но не могу собственною дѣятельностью произвести свѣтъ. Поэтому мы говоримъ о *громкомъ* цвѣтѣ, даже о *громкомъ* вкусѣ. Такъ говоритъ Ригъ-Веда: «Огонь кричитъ свѣтомъ» (Rv. 6. 3, 5) и «Солнце кричитъ какъ новорожденное дитя» (Rv. 9, 73, 1). Точно также говоритъ и новый поэтъ:

La dove 'l sol tace *) (Dante, Inf. I, 63)

Io venni in loco d'ogni luce muto **) (ibid. 5, 28).

Это даетъ намъ указаніе относительно основнаго, кореннаго значенія латинскаго clatus; первоначально было не *clara luce*, какъ стоитъ въ словаряхъ, но *clara voce*.

*) «Гдѣ солнца лучъ, *смолая* не живить» (букв. солнце молчитъ) (Данте. Адъ. Перев. съ италянскаго В. А. Петрова. С.-Пб. 1871, I, 61).

**) «Гдѣ свѣтъ дневной *безмолвемъ* пораженъ» (букв. въ пространство *безмолвное отъ свѣта*) (ibid. 5, 28).

пища (meat), matjan— ѣсть. Нѣм. Heischer соотвѣтствуетъ лат. carni-fex, греч. δαιτρός, то-есть, тотъ, кто раздѣляетъ, раздробляетъ на куски; къ этому же слову относятся δαίνομαι, ѣсть, и δαΐς, пирь. Интересенъ слѣдующій стихъ Гомера:

Μοίρας δισσάμενοι δαίνοντ' ἐρκοδέα δαΐτα (Od. γ, 66),

какъ примѣръ специализированія словъ, происходящихъ отъ основныхъ понятій (rational concepts), первоначально совершенно сходныхъ. Если въ этомъ предложеніи подставить въ качествѣ подлежащаго δαίτο μόνος, то оно, примѣнительно къ древнѣйшему образу выраженія, получить такую форму: „Дѣла тели раздѣлили дѣлимое и раздѣляли прекрасное дѣленіе“, то-есть, гости раздѣлили порціи и наслаждались прекраснымъ пиромъ. Въ такомъ же отношеніи стоятъ другъ къ другу евр. akal, ѣсть, и шаakelet, ножъ: послѣднее понимается вовсе не какъ „орудіе ѣдн“, но оба слова указываютъ на древнѣйшее значеніе akal, раздѣленіе, раздробленіе пищи на куски.

Какъ же объясняется это? По нашей теории, находящей здѣсь сильное подтвержденіе, дѣло объясняется самымъ простымъ образомъ. Не индивидуальная ѣда и питье были въ началѣ предметомъ названія: это животныя функціи, которыя могутъ совершаться безъ языка и служить къ сохраненію жизни; но только тамъ, гдѣ эти дѣйствія переходятъ въ фокусъ общаго воззрѣнія, становятся общими, когда, слѣдовательно, они производятся при участіи всѣхъ членовъ общества, когда они разсматриваются, понимаются съ точки зрѣнія совокупности, тогда дѣлаются они предметомъ названія, то-есть, объектомъ разума.

Точно также очень легко объясняется совпаденіе понятій пасты и удѣлять, какъ, напримръ, въ греч. γέρω; Як. Гриммъ приводитъ много примѣровъ совпаденія понятій брать и пастбище¹⁾; если нѣмецкіе крестьяне называютъ поля своей общины Gemarkung, то это даетъ объясненіе относительно др.-нѣм. слова Mark=Wald (лѣсъ), при чемъ это послѣднее вовсе нельзя, подобно I. Гримму и Вейганду, объяснять чрезъ „темный“: оно вмѣстѣ съ Makre, merken и т. п.^A указываетъ на слово обозначенія (границы, межи); нѣм. das Vieh, гот. faihu, санскр. расу, лат. ресу, имѣютъ первоначальнымъ значеніемъ „привязанное“ (санскр. рас, раса, узы); Гейгеръ изъ rescunia, англ. fee и подобнаго же перехода понятій въ евр. miqneh (собственность и скотъ), гот. skatts, сокровище, др.-фризск. sket, слав.

¹⁾ Geschichte der deutschen Sprache, p. 29.

скотъ, выводитъ значеніе „собственность“; такой же переходъ понятій повторяется и въ нынѣшнемъ англійскомъ языкѣ, гдѣ *cattle* произошло изъ *capitale*. Все это вновь доказываетъ, какъ превратна теорія звукоподражанія: въ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ языка мы встрѣчаемъ не ревушій скотъ или шумящіе лѣса, а скорѣе то, что мы привыкли называть абстракціей, и что есть именно отпечатокъ человѣческой мысли.

9) Человѣческая мысль, мышленіе, есть самопроизвольная, самосознательная дѣятельность, а не случайная игра бессознательныхъ атомовъ, какъ воображаетъ близорукой матеріализмъ. Мы произвели ее изъ общей дѣятельности; на этомъ прочномъ основаніи она покоится съ перваго вступленія человѣка въ царство разума. Съ этою дѣятельностью она находится въ неразрывной связи многія тысячелѣтія, которыя должно было прожить человѣчеству, чтобы подняться на нынѣшнюю высоту. Языкъ есть голосъ общества. И въ настоящее время высшимъ назначеніемъ его служить устроеніе, направленіе и употребленіе отдѣльныхъ силъ для общихъ цѣлей, для общественной, органической дѣятельности, то-есть, труда, потому что трудъ есть не что иное, какъ органическая дѣятельность, почему празднующіе и пользуются общимъ презрѣніемъ; благодаря ему именно, осуществились безчисленныя чудеса промышленности, измѣненія земной поверхности для господства человѣка. Безконечнымъ удивленіемъ будемъ мы поражены, если подумаемъ, что все это, рассматриваемое съ внѣшней стороны, есть дѣйствіе слабаго дыханія устъ, раздающагося звука, то-есть, незначительнаго сотрясенія воздуха.

Если я въ предыдущемъ изложеніи (которое въ узкихъ границахъ этого сочиненія должно быть, конечно, очень краткимъ, общимъ) разрѣшилъ поставленную Максомъ Мюллеромъ задачу, если я показалъ,

какъ концепціи разума могли и должны были произойти естественнымъ путемъ;

какъ они соединились со звуками, которые чрезъ это именно получили свои значенія, между тѣмъ какъ прежде они были внѣшними выраженіями инстинктивнаго побужденія, и стали такимъ образомъ звуковыми типами, то-есть, словами;

то въ заключеніе я не могу обойти вопроса, какъ міръ вещей, который, по обычному мнѣнію, обозначается и характеризуется языкомъ по присущимъ этимъ вещамъ качествамъ, могъ войти въ ясно освѣщенное пространство мысли разума, или что то же, въ область звуковаго выраженія въ языкѣ. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ

жизнь или смерть моей теории; если въ этомъ пунктѣ факты несогласны съ нею, то она неизбежно падаетъ,—если же факты согласны, она получаетъ новое блестящее подтвержденіе, приближающее ее къ высшей степени человѣческой достовѣрности.

Но чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, должно предварительно рѣшить другой, метафизическій вопросъ, а именно: что такое вещь? Впрочемъ, я избавляю читателя отъ этихъ изслѣдованій и удовольствуюсь опредѣленіемъ, которое даетъ Ланге въ своей прекрасной „Исторіи матеріализма“¹⁾:

„Вещью называется группа явленій, которая мы понимаемъ единично, абстрагируя множество сдѣланныхъ и внутреннихъ измѣненій“.

Ужъ изъ этого опредѣленія само собою слѣдуетъ, что для животныхъ вещи не существуютъ. Утверждать, что они способны постигнуть нѣчто подобное, не рѣшатся и самые крайніе дарвинисты.

Для человѣка дерево, выросшее изъ корня, имѣющее стволъ и вѣтви, есть отдѣльная сущность или вещь. Но этого не знаетъ и наиболее совершенная обезьяна, взбирающаяся на свое дерево и находящая себѣ пріютъ и обыкновенное мѣстопребываніе подъ хорошо извѣстнымъ ей покровомъ листьевъ. Никогда и нигдѣ не видано, чтобы какая-либо толпа обезьянъ сдѣлала попытку вырвать дерево изъ земли и пересадить его на другое мѣсто. Если въ новѣйшихъ естественныхъ исторіяхъ говорится о земледѣльцѣ трудолюбивыхъ муравьяхъ, обрабатывающихъ свои поля и терпѣливо дожидаящихся, когда они созрѣютъ, то самое снисходительное названіе для такихъ фантазій: ученое сумасбродство!

Какимъ же образомъ для человѣка существуютъ вещи?

Причина этого простая, и именно—та, что онъ имѣетъ языкъ, даетъ имъ названія. При этомъ должно замѣтить, что эта высшая сила его вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для него источникомъ безконечнаго заблужденія, заставляя его воображать, что вездѣ, гдѣ дано слово, существуетъ эквивалентное ему существо или вещь. Справедливо говорить Лазарь Гейгеръ: „На дѣлѣ видимъ мы, какъ мышленіе борется со словами и лишь съ трудомъ освобождается отъ ихъ оковъ, а часто въ продолженіе всего извѣстнаго намъ времени до настоящаго дня старается изслѣдовать природу существъ, которыя

¹⁾ Lange, Geschichte des Materialismus, 3-te Aufl. II, p. 217.

нигдѣ не существуютъ, кромѣ представленій далекаго прошедшаго, гдѣ живутъ они въ тѣхъ чудныхъ звукахъ¹⁾.

Названіе вещей должно отличать отъ обозначенія ихъ. Я могу обозначить совершенно неизвѣстный мнѣ предметъ (напримѣръ, мѣсто), такъ что впослѣдствіи могу найти его. Названіе же всегда есть нѣчто осмысленное—перенесеніе уже извѣстнаго качества, обобщеніе, классифицированіе.

Но названіе для мышленія человѣка есть въ то же время и обозначеніе вещей. Только прежде самыя вещи должны быть отличены посредствомъ своихъ отличительныхъ признаковъ, чтобы затѣмъ къ нимъ могли быть приложены названія, съ помощью которыхъ онѣ могутъ быть классифицированы, или какъ говоритъ Кантъ, познаны въ понятіи (то-есть, словѣ)²⁾.

При этомъ мы вовсе не должны думать, что та чудная сила интеллекта, мыслительной дѣятельности разума, властно господствующая надъ нами теперь и составляющая истинное существо наше, та способность, посредствомъ которой мы отличаемъ, изслѣдуемъ, обозначаемъ и называемъ вещи по ихъ отличительнымъ признакамъ, была присуща человѣку въ первобытномъ состояніи. Это значило бы представлять дѣло слишкомъ легкимъ, это было бы истинное *petitio principii*, объясненіе посредствомъ того, что само болѣе всего нуждается въ объясненіи.

Нѣтъ, человѣкъ называлъ не за тѣмъ, чтобы называть, и обозначалъ не за тѣмъ, чтобы обозначать.

Но онъ обозначалъ и достигалъ этимъ возможности называть, то-есть, обозначенное вновь обозначалъ посредствомъ звука. Какъ происходило послѣднее, я сказалъ выше, и это составляетъ важнѣйшую часть моей теоріи.

Какъ же и зачѣмъ обозначалъ онъ вещи? А просто тѣмъ, что своею дѣятельностью, общественною работою для цѣлей жизни модифицировалъ ихъ, что копалъ пещеру, сплеталъ древесныя вѣтви, сдиралъ съ животныхъ кожу, съ дерева кору. Такимъ образомъ разви-лась та чудная, до сихъ поръ не объясненная способность абстракціи самымъ естественнымъ путемъ. Человѣкъ научался понимать вещи,

¹⁾ Geiger, Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft, I p. 100.

²⁾ Кантъ различаетъ воспріятіе въ ощущеніи, воспроизведеніе въ фантазіи и познаніе въ понятіи.

создавая ихъ. Его собственныя созданія и были для него первыми вещами. Эти вещи получали для него самостоятельное существованіе внутри его,—то начинался періодъ созданія духа, слабо и незамѣтно загорался тотъ свѣтъ, который теперь освѣщаетъ землю и далекія небесныя пространства.

Я поясню сказанное слѣдующимъ мѣстомъ изъ своего сочиненія о происхожденіи языка ¹⁾:

„Объектомъ дѣятельности служитъ то, что языкъ вмѣщаетъ въ безопасное русло развитія, и изъ чего онъ творитъ міръ абстрацій, перваго зародыша которыхъ должно искать въ общественной работѣ, направленной на видоизмѣненіе, модификацію окружающей природы. Такъ, пещера, яма есть уже абстрація: она можетъ быть большая или маленькая, каменная или песчаная: она можетъ быть здѣсь или тамъ; она можетъ быть въ двухъ или трехъ экземплярахъ, а все-таки сущность ея, которой соотвѣтствуетъ извѣстное слово, остается одна и та же. Такое измѣненіе міра, входя въ человѣческое сознаніе, упрочиваясь въ немъ, чтобы никогда болѣе не исчезать ²⁾, есть первая

¹⁾ *L. Noire: Der Ursprung der Sprache*, p. 346.

²⁾ Такъ какъ оно служило къ поддержанію жизни, было самопроизвольно и потому постоянно возобновлялось. «Not every random perception is raised to the dignity of a general notion, but only *the constantly recurring*, the strongest, the most useful; and out of the endless number of general notions that suggest themselves to the observing mind, those only survive and receive definite phonetic expression which *are absolutely requisite for carrying on the work of life*». *Max Muller, Lectures on the Science of language II*, p. 340. (Не всякое случайное ощущеніе возводится въ достоинство общаго понятія, но только постоянно возвращающееся, сильнѣйшее, наиболѣе полезное, и изъ безконечнаго числа общихъ понятій, которыя выдвигаются въ наблюдающихъ умахъ, только тѣ уживаются и получаютъ звуковое выраженіе, которыя необходимо нужны для продолженія труда жизни).

Нѣтъ ничего естественнѣе и понятнѣе того, что ежедневныя занятія служили источникомъ опредѣленія понятій, происхожденія постоянныхъ типическихъ формъ разума или возрвнй. Отъ корня *vabh*, ткать, происходитъ не только санскр. *ṛpavābhī*, паукъ, но и *βυλος*, сотканная повтомя пѣнь. Мы говоримъ теперь: *слетать изъмну*, *ковать злодѣйскіе замыслы*, Греть говорилъ: *βολος* καὶ μῆτις *βραίνετι*, Римлянинъ: *conspicere dolos, texere fraudes*. Прекрасно и очень живописно говоритъ Гомеръ: *καὶ φρεσὶ βυσσοδομεῖσιν*, въ глубинѣ, то-есть, въ сокровенномъ мѣстѣ, въ засадѣ.

Посмотрите, какъ до сего времени самыя абстрактныя науки—математика и астрономія, которыя, по видимому, совершенно чужды непосредственной дѣятельности, стоятъ на той же точкѣ зрѣнія! Чтò такое дуга, хорда, радіусъ,

ступень, которую человѣческой разумъ помощью звуковъ языка высѣкаетъ на твердой гранитной скалѣ, чтобъ отсюда перейти на вторую ступень и такъ же постепенно подниматься все выше, пока, наконецъ, послѣ многихъ тысячелѣтій, не достигнетъ онъ той высоты, гдѣ онъ поставилъ свой тронъ, и смотря съ него на землю, какъ на поприще своего могущества и власти, порывается взлетѣть на неизслѣдимыя небесныя пространства и находить возможность держаться и тамъ точно также, какъ въ началѣ, при помощи своихъ собственныхъ, конечно, совершенно идеальныхъ, построеній*.

Теперь я могу сказать: Кажется страннымъ, но въ то же время служить неопровержимымъ подтвержденіемъ моей теоріи, что всѣ вещи вступаютъ въ горизонтъ человѣческаго разума, то-есть, такимъ образомъ становятся вещами въ той мѣрѣ, въ какой онѣ претерпѣваютъ человѣческую дѣятельность, и что онѣ соотвѣтственно тому получаютъ свои обозначенія, свои имена. Это исключительный законъ происхожденія древнѣйшихъ существительныхъ, которыя всѣ, какъ мы уже сказали, по необходимости принадлежать міру объективному. Человѣческая дѣятельность отличала вещи, постепенно приближаясь къ нимъ, привлекая ихъ въ свое владѣніе и видоизмѣняя ихъ сообразно съ своими потребностями. Обозначенныя такимъ образомъ вещи тотчасъ получали свои имена отъ примѣненной къ нимъ дѣятельности.

Въ силу такого обозначенія языка дерево является какъ обдѣланное — ободранное, лишенное коры или какъ горючій матеріалъ; хлѣбъ (grain) есть растертое, смолотое; почва (der Grund), земля (terra) получаетъ имя отъ растиранья, раскрашиванья (раскрошить), Meer (море, mare, mor) родственно съ Moor, Morast (болото, топъ), расплывающуюся, тинистой массой. Животное есть мясо, добыча охоты, ободранное. Корень глагола обдирать, снимать обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ кожу или шкуру, а также мясо, такъ какъ то и другое является результатомъ дѣятельности; это, слѣдовательно, генетиче-

---

▲. —————
 кругъ? Возьмите любое предложеніе, напримѣръ, начало перваго Кеплерова закона: The areas swept out by the vector drawn from the sun etc. (Путь, проходимый по вектору отъ солнца и т. д.). Чтò такое area?—высушенное, утоптанное мѣсто для постройки, топъ; чтò такое swept?—выметенный, вычищенный; чтò такое vector?—тотъ, кто ведетъ, движетъ повозку; чтò такое to draw?—англоглосакс. dragan, идти и нести, др.-в.-нѣм. tragan. Почему эти понятія такъ прочно утвердились въ нашей памяти? Это не трудно понять, нужно только *пожелать* понять.

ское, а также наглядное обозначеніе. Такъ, рыба чешуя представляется для человѣка только чрезъ скобленіе, чашечка (Schale) плода чрезъ раскалываніе (skat, skal); потомъ это слово чрезъ чашу для питья (Trinkschale) получило значеніе черепа, который въ качествѣ вмѣстилища мозга (Hirnshale) служилъ для той же цѣли. Лазарь Гейгеръ, открывшій этотъ законъ развитія значеній, не сдѣлавъ впрочемъ необходимыхъ выводовъ изъ него, выразилъ его въ одномъ положеніи, которое я съ необходимыми измѣненіями, слѣдующими изъ моей теоріи, передамъ въ такомъ видѣ ¹⁾:

„Отъ дѣйствій человѣка — этого главнаго источника мысли, — исключительно интересующихъ первое создающее языкъ поколѣніе, наименованіе непосредственно переходитъ къ вещамъ — второму главному источнику мысли, — когда онѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ человѣческой дѣятельностью, происходятъ изъ нея или претерпѣваютъ видоизмѣненія; оно генетически представляетъ безчисленное множество орудій, слѣдитъ за деревомъ, начиная съ того момента, когда оно въ видѣ дровъ поступаетъ въ распоряженіе человѣка, чрезъ всѣ стадіи измѣненія его въ бревно, доску, столъ и такимъ образомъ постепенно проходитъ чрезъ всѣ его видоизмѣненія, достигая каждая ни прежде, ни послѣ, какъ именно тогда, когда оно въ своей пассивной роли приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ общественною дѣятельностью человѣка, главнымъ и постояннымъ стимуломъ способности языка“.

Такъ какъ Гейгеръ не сдѣлалъ самыхъ важныхъ и послѣднихъ выводовъ отсюда, то онъ часто высказываетъ удивленіе, открывая дѣйствительно замѣчательные факты, которые находятся въ полномъ согласіи съ приведеннымъ закономъ, но только въ моей теоріи находятъ вполне удовлетворительное и несомнѣнное объясненіе.

Такъ, онъ говоритъ:

„Дерево, имя котораго въ ἄλγ и materia образовалось на основѣ общаго понятія о матеріи, составляетъ господствующій матеріалъ первобытнаго времени и получило свое названіе отъ скобленія какъ то видно, напримѣръ, изъ греч. ξύλον и нѣм. Schaft (стержень); δένρον обозначаетъ сверхъ того дерево какъ матерію и уже древними было производимо отъ основнаго значенія сдирать кору (δερῶ); это слово особенно важно по причинѣ своего распространенія во всѣхъ семей-

¹⁾ Geiger, Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft, I, p. 42; L. Noiré, Ursprung der Sprache, p. 311.

ствахъ индо-европейскихъ языковъ ¹⁾. Тотъ фактъ, что удаленіе коры а не срубка дерева, ведетъ къ понятію дровъ, можетъ быть объясненъ двумя причинами, которыя, кажется, обѣ могутъ быть приняты. Впервыхъ, понятіе дровъ, безъ сомнѣнія, древнѣе обладанія орудіями, необходимыми для срубки дерева; а новторыхъ, здѣсь при наименованіи выступаетъ на сцену принципъ наглядности, потому что дрова, собственно мяско дерева, обнаруживаются только по снятіи коры ²⁾. Но въ высшей степени замѣчательно, что и дерево было названо отъ дровъ, и слѣдовательно, какъ живой организмъ, заимствовало свое имя отъ человѣческой дѣятельности ³⁾.

Читатель, для котораго моя теорія ясна, не найдетъ ничего удивительнаго въ аналогичномъ переходѣ понятій отъ wood къ tree.

Далѣе Гейгеръ говоритъ: „Разсматривая слова, обозначающія тѣло, почти всегда можно замѣтить, что это названіе перенесено съ мертваго тѣла, съ трупа, на живое тѣло. Ζῷον, какъ замѣтилъ еще Аристархъ, употребляется у Гомера только о мертвомъ тѣлѣ. Откуда эта странность языка, что онъ отъ понятія мертваго тѣла переходитъ къ названію своего собственнаго тѣла?“ ⁴⁾

Я, признаться, вовсе не нахожу этого страннымъ; для меня, напротивъ, было бы въ высшей степени удивительно, еслибы переходъ понятій совершился иначе. Человѣческое познаніе исходитъ изъ міра объективнаго, и съ отдѣльныхъ частей тѣла животныхъ или человѣка названіе переносится на собственное тѣло. Мы, конечно, говоримъ теперь о своемъ мясѣ, своей кожѣ, своихъ костяхъ, не думая о происхожденіи этихъ понятій. Но все-таки самое поверхностное размышленіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что они не могли имѣть другаго происхожденія. Отсюда тотъ фактъ, что большинство членовъ человѣческаго тѣла понимается языкомъ, какъ суставы, а отсюда ясно, что такія производства, какъ Боппово, по коему кара, рука, производится отъ kar, дѣлать, и представляется значеніе „органа дѣятельности по преимуществу“, несостоятельны.

¹⁾ Самскр. drus, дрова и дерево, dāgu, дрова, drūs, дерево, dōru, дрова, коше, готск. triu, англ. tree, ирл. daug, др.-слав. дрѣво. Оно же сохранилось въ Hol-lun-der (бузина), Wachhol-der (можжевельникъ, Lin. Juniperus).

²⁾ δῆρον, санскр. dar. готск. gataira, to tear, сдирать кору.

³⁾ Geiger, Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft, II, p. 27.

⁴⁾ Ibid., p. 136.

Я удовольствуюсь этими немногими примѣрами въ доказательство того, что этимологическіе факты согласны съ моею теоріей, что для языка вещи существуютъ не по столько—какъ предполагается междо-метною теоріей—по сколько онѣ возбуждаютъ удовольствіе или отвращеніе, и еще менѣе—какъ воображаетъ звукоподражательная теорія—по сколько предметы внѣшняго міра воютъ, режутъ, свистятъ, но и не по столько—по крайней мѣрѣ судя по древнѣйшимъ свидѣтельствамъ языка, по сколько они дѣятельны, но единственно по столько, по сколько они соприкасаются съ человѣческой дѣятельностью, молифицируются, видоизмѣняются, или коротко говоря, по сколько они принимаютъ извѣстный видъ.

Это одинъ изъ важнѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ результатовъ языковѣдѣнія; съ нимъ согласно еще и то, что даже тѣ вещи, которыя по своей природѣ стоятъ внѣ человѣческаго вліянія, точно такимъ же образомъ становятся объектами человѣческой мысли, какъ и остальные, что онѣ называются такимъ образомъ, какъ будто бы сдѣланы рукою человѣка.

Такимъ образомъ, слова *der Teich* (to dig, прудъ), *lacus*, *Lache* (болото, лужа), *Loch* (яма), какъ и кельнское *loch*, сводятся къ основному воззрѣнію замѣшеннаго и выкопаннаго; точно также отъ корня *ku* или *sku* происходятъ какъ нѣм. *hohl* (пустой) и *Höhle* (пещера), такъ и греч. *κοῖλος*, и лат. *coelum*, то-есть, небесный сводъ; такъ, мы до сихъ поръ говоримъ о шпигѣ, вершинѣ горы, хотя *Spitze* значитъ собственно заостренное, сдѣланное острымъ; такъ, основное представленіе о тканѣ, плетеніи, сгибаніи приводитъ не только къ произведеніямъ человѣческихъ искусствъ, но и къ обозначенію того, что представляетъ однородное или подобное воззрѣніе, и такимъ образомъ къ сплетнямъ, вдору, тростнику. Такъ, *face* происходитъ отъ *facies*, первоначально работа или фигура вещи, выраженіе, повторяющееся въ новѣйшихъ языкахъ, гдѣ *feature*, очевидно, испорченное *factura*, работа; точно также слово *figura* по своему значенію прямо родственно съ *figo*, *figulus* и указываетъ на свое происхожденіе отъ горшечнаго искусства; также и *forma*, если мы сравнимъ его съ санскр. *gharma*, горшокъ, и *formaseus*, глиняный. Такимъ образомъ даже свою паружность, наиболѣе извѣстное и дорогое для него, человѣческое лицо человѣкъ могъ обозначить не иначе, какъ привелъ его въ связь съ своею дѣятельностью, представивъ его себѣ такъ, какъ будто бы оно было продуктомъ этой дѣятельности.

Эта способность пониманія міра вещей по ихъ наружности, это отличеніе находящихся во взаимной связи явленій вѣшняго міра по яснымъ, все болѣе и болѣе опредѣленнымъ очертаніямъ—способность, которая развилась до такой степени, что теперь научный глазъ видитъ наружность вещей тамъ, гдѣ конкретный глазъ, даже вооруженный самыми совершенными инструментами, ничего не можетъ различить,— есть исключительно человѣку свойственный даръ воззрѣнія. Животныя лишены этого дара, за исключеніемъ незначительныхъ зачатковъ, а въ человѣкѣ онъ есть плодъ языка и соединенной съ нимъ творящей и образующей дѣятельности. Читатель ясно можетъ понять это, если подумаетъ, какъ различно зрѣніе у различныхъ людей, если вспомнить, что мастеръ, привыкшій производить вещи, будетъ ли онъ слесарь, механикъ, архитекторъ или скульпторъ, смотреть на произведенія своего искусства совершенно иначе, нежели профанъ или праздный зѣвака.

Фигура есть общій факторъ всѣхъ вещей: всякое усовершенствованіе, всякій успѣхъ въ человѣческой дѣятельности и устройствѣ обнаруживается на ней. Она стоитъ ближе всего къ разуму, потому что она есть нѣкотораго рода наполненіе пространства и воспринимается наиболѣе духовнымъ изъ нашихъ чувствъ, глазомъ, такъ какъ мышленіе есть внутреннее видѣніе, а языкъ, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, находится въ непосредственной связи со свѣтомъ и звукомъ. Поэтому въ видоизмѣненіи наружности вещей заключается непрерывный послѣдовательный прогрессъ, основной характеръ развитія. А непрерывный, послѣдовательный, незамѣтный, но тѣмъ не менѣе прочный прогрессъ и составляетъ сущность языка.

Я опредѣлилъ въ самыхъ общихъ чертахъ древнѣйшій періодъ происхожденія и развитія языка. Это было время на нашей землѣ, когда для человѣка, по крайней мѣрѣ для его мышленія, не существовало ни мужчины, ни женщины, ни дитяти, ни солнца, ни мѣсяца, ни животного, ни дерева, ни я, ни ты, ни здѣсь, ни тамъ, а существовалъ только небольшой запасъ звуковъ, которые сопровождали его дѣятельность и соединались съ объектами, производившими или видоизмѣняемыми этой дѣятельностью.

Этотъ періодъ объективнаго созданія языка.

Громадный переворотъ долженъ былъ произойти въ духовной жизни, послѣ того какъ люди начали поднимать свои взоры отъ земли, къ которой они до тѣхъ поръ были прикованы, къ вѣчнымъ звѣздамъ, къ небу, оставшемуся неизмѣннымъ и неподвижнымъ, въ

то время какъ сами они разцвѣтали, увядали и умирали, къ утренней зарѣ, приводившей съ собою новый день и прогонявшей мракъ ночи, къ гонимымъ бурями облакамъ, которыя послѣ томительнаго долгаго зноя

gnädig ernst den langerflehten Regen
mit Donnerstimme und mit Windesbrausen
in wilden Strömen auf die Erde schütten

(съ суровою щедростію въ бурныхъ потокахъ изливали на землю давно желанный дождь съ грозой и бурей).

Несомнѣнно, что долженъ былъ нѣкогда паступить таковой переворотъ — не вдругъ, какъ-бы экспромтомъ, а медленно и постепенно, какъ всякое развитие, — когда дѣйствующимъ силамъ природы стали приписываться чувства, и онѣ, благодаря дѣйствию распаленной фантазіи, стали считаться живыми дѣятельными существами, когда объекты незамѣтно превратились въ субъекты, и языкъ, мышленіе получили тотъ характеръ, который мы теперь знаемъ за ними, и который кажется намъ столь естественнымъ, что мы воображаемъ, что и всегда такъ должно было быть.

Этотъ періодъ совпадаетъ съ происхожденіемъ религіи, которая, по словамъ Гейгера, оказала невѣроятное, почти неограниченное вліяніе на образованіе человѣческаго чувства. Происхожденіе міеологіи есть необходимая, высоко важная ступень развитія въ жизни языка и духовной жизни человѣчества. Лингвистически онъ можетъ быть обозначенъ какъ періодъ, когда субъекты впервые стали выдѣляться изъ неопредѣленности мыслительнаго процесса и получать самостоятельное существованіе.

Эту истину предчувствовалъ еще Отфридъ Мюллеръ: „Міеологическій образъ выраженія“, говоритъ онъ, — „превращающій всѣ существа въ лица, всѣ отношенія въ дѣйствія, есть нѣчто столь своеобразное, что для развитія его мы должны предположить особый періодъ въ цивилизаціи народовъ“¹⁾.

Но здѣсь я умолкаю, потому что здѣсь человѣкъ началъ говорить²⁾, а у него мы должны учиться и пока только учиться.

¹⁾ *Otfried Müller*, Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie, p. 73.

²⁾ *Max Müller*, Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by the religions of India. London, 1878.

И. Громовъ.

ТЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ КАКЪ ПИСАТЕЛЬ ¹⁾.

VII.

Литературная и общественная дѣятельность Теофана въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго. Педагогическія сочиненія; сочиненія объ обрядахъ; отношеніе къ расколу. «Правда воли монаршей» и историческіе труды. Проповѣди. Царствованіе Екатерины I и Петра II. Новое положеніе Теофана и вліяніе ввѣшнихъ обстоятельствъ на его литературную дѣятельность.

Выступая рѣшительнымъ противникомъ и беспощаднымъ гонителемъ ложныхъ вѣрованій и пристрастія къ буквѣ въ дѣлѣ вѣры, Теофанъ Прокоповичъ, какъ мы видѣли, сознавалъ необходимость бороться со всѣми тѣми проявленіями религіознаго чувства, которыя онъ считалъ неправильными, искажающими чистоту и смыслъ христіанскаго вѣроученія, бороться не столько карательными мѣрами, сколько путемъ нравственнаго убѣжденія и наставленія, путемъ прямого, положительнаго изложенія тѣхъ правилъ вѣры и нравственности, какія желательно было провести въ народное сознаніе. Съ этою цѣлью въ Духовномъ Регламентѣ было предписано епископамъ и священникамъ—ближайшимъ учителямъ народа—проповѣдывать въ церквахъ; но въ виду недостатка въ средѣ духовенства такихъ учительныхъ людей, которые могли бы съ успѣхомъ исполнять эту обязанность, признава была „всеконечная нужда имѣти нѣкія краткія и простыя челоуѣкамъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть,—и тыя книжицы прочитывать по частямъ, въ недѣльные и праздничные дни, въ церкви предъ народомъ. А хотя и есть таковыхъ книгъ

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. июльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

довольное число“, прибавляетъ Регламентъ,—„сія есть „Омологія“ или „Исповѣданіе Православное“, такожъ и нѣкихъ великихъ учителей святыхъ толковательныя бесѣды и слова правоучительныя; обаче се есть неудобное всему, наипаче простому народу ученіе. Ибо книга Исповѣданія Православнаго немалая есть, и для того въ памяти простыхъ чловѣкъ неудобъ вмѣщаема, и писана не просторѣчно, и для того простымъ не вельми внятна¹⁾. Такожъ и книги великихъ учителей... писаны суть еллинскимъ языкомъ, и на томъ токмо языкѣ вняты суть, а переводъ ихъ славянскій сталъ темень и съ трудностію разумѣется отъ чловѣкъ и обученныхъ, а простымъ невѣжамъ отнюдь непостижаемый есть...²⁾ А простому народу внушать подобаетъ то, что самое есть всѣмъ обще, и всякому собственно по своему званію должное... Аще бы вѣдали вси самыя главнѣйшія вѣры нашея догматы, и кое есть устроенное отъ Бога спасенія нашего смотрѣніе; и аще бы вѣдали заповѣди Божія, еже уклонитися отъ зла и творити благое: то довольное бы имъ было наставленіе“. Въ виду всего этого, признано было необходимымъ „сочинить три книжицы небольшія: первую—о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашея, такожъ и о заповѣдяхъ Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ; вторую — о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью такую, въ которой собранныя будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ, и собственно о должностяхъ всякаго чина. Первая и вторая книжица имѣть будетъ доводы своя отъ самаго Св. Писанія, но внятныя всѣмъ и краткія; третія жъ отъ св. отецъ тое жъ, что въ первой и во второй поучающая“. Эти книжицы предполагалось читать въ церквахъ въ такомъ порядкѣ, чтобы всѣ три могли быть прочитаны въ четверть года; кромѣ того, Регламентъ замѣчаетъ, что „первую и вторую книжицу могутъ и дѣти учить изъ начала букварнаго своего ученія“.

Задачу составленія такихъ „книжицъ“ взялъ на себя самъ авторъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о такъ называемомъ «Большомъ катихизисѣ», составленіе котораго приписывается Петру Могиля. Первое изданіе этой книги на славянскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Православное исповѣданіе вѣры», вышло въ Москвѣ въ 1696 г., второе—тамъ же, 1709 г. См. *Лекарскаго*, Н. и Л., II, 189—191.

²⁾ Еще въ XVII вѣкѣ орловскій проповѣдникъ находилъ, что сочиненія Симеона Полоцкаго «за высоту словесъ» народу совершенно недоступны; а о сочиненіяхъ Златоустаго не только міряне, но и священники говорили, что они писаны на иностранномъ языкѣ. Опис. Рум. Муз., стр. 632.

Духовнаго Регламента, и притомъ одновременно съ составленіемъ послѣдняго. Еще до выхода его въ свѣтъ, въ 1720 году, напечатана была, по повелѣнію государя, небольшая книжка подъ заглавіемъ „Первое ученіе отрокомъ“, заключающая въ себѣ азбуку вмѣстѣ съ краткимъ объясненіемъ десяти заповѣдей, молитвы „Отче нашъ“, символа вѣры и девяти блаженствъ. Эта книжка вскорѣ сдѣлалась обязательнымъ руководствомъ для обученія всѣхъ русскихъ дѣтей¹⁾; она печаталась въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, для разсылки по епархіямъ; синодъ предписалъ, „дабы всякій священникъ, и дьяконъ, и причетникъ имѣли у себя букварь, и прилежно по сему заповѣди Божія съ толкованіемъ и прочее въ твердую память принимали“; эту же книжку приказано было читать по церквамъ, „вмѣсто книгъ Ефрема Сирина и отъ Соборника и прочихъ нѣкоторыхъ“²⁾.

Такимъ образомъ, букварь Феофана Прокоповича имѣлъ двойное назначеніе: онъ долженъ былъ служить первою книгой, какая дается въ руки дѣтямъ, начинающимъ учиться; онъ же долженъ былъ служить для простаго народа замѣною устной церковной проповѣди. Толкованія заповѣдей и символа вѣры предлагались дѣтямъ, какъ матеріалъ для перваго упражненія въ чтеніи и для заучиванія наизусть, — предлагались народу, какъ средство для правильнаго уразумѣнія основъ православной вѣры. Такимъ соединеніемъ двухъ задачъ въ одной и той же книгѣ наглядно характеризуется взглядъ Феофана и Петра Великаго на народъ, какъ на толпу неразумныхъ дѣтей, которыхъ надо воспитывать и учить при помощи тѣхъ же приемовъ, какіе прилагались къ малолѣтнимъ — при помощи букваря и лозы. Послѣднюю держалъ въ своихъ рукахъ Петръ, о первомъ заботился Феофанъ.

Въ предисловіи къ „Первому ученію“, онъ такъ излагаетъ свои мнѣнія объ этомъ предметѣ: отъ воспитанія зависитъ вся жизнь человѣка, чтò подтверждается примѣромъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ: „въ которомъ народѣ многія свары, нена-

¹⁾ Въ указѣ 31-го мая 1722 г. говорится: «Понеже совершеннѣйшихъ ученій богословскаго и философскаго, такожъ и нужнѣйшихъ языковъ искусства еще за скудностію довольныхъ къ сему учителей преподать невозможно: того ради учить... по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжкамъ, букварями именуемымъ»; при этомъ учителя должны всего болѣе стараться «такъ (ученикамъ своимъ) оныя буквари въ твердую память положить, дабы изустно читать могли». П. С. З., VI, № 4021.

²⁾ Пекарскій, Н. и Л., II, 549—550. П. С. З., VII, № 4172.

висти, коварства, татьбы, разбои и прочія злонравія—не усумнѣвайся, что въ немъ нѣтъ добраго наставленія дѣтямъ^а. Правда, что наклонность ко злу есть во всякомъ человѣкѣ, какъ свойство врожденное, какъ послѣдствіе перваго грѣхопаденія; но эта наклонность еще болѣе усиливается отъ общенія съ злыми людьми и можетъ обратиться въ привычку. „Какова же добра надѣяться, гдѣ нѣтъ добраго дѣтямъ воспитанія? А воспитаніе таковое въ Россіи — кто не видитъ, какъ скудно? Мнози и благочестніи у насъ и богобоющіеся человѣцы, не вѣдая силы закона Божія, многихъ своихъ грѣховъ не вѣдаютъ и въ безстрашіи пребываютъ. Все богопочтеніе полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи... Не многіе ли обрѣтаются книгоции, которые заповѣдей Божіихъ, и символа вѣры, и силы молитвъ не знаютъ? Ей, многожды худшіе и злѣйшіе бывають! Не имуще бо страха Божія за лишеніемъ добраго воспитанія, когда читать и писать научились, глухое тое искусство обращаютъ себѣ на орудіе злобы, и пишутъ клеветы, ябеды, соблазны, хулы, пасевили, портятъ записи, договоры, духовниці, притворяють указы¹⁾. Нѣдци же, помышляя о себѣ, что понеже читать умѣють, весьма мудры суть, держаютъ вымышлять плевельная ученія, мнимая имъ богословская, и въ народѣ расколъ дѣлають“. Отроки до сихъ поръ были лишены подобающаго воспитанія, говоритъ Теофанъ,—потому что учебныя книги для нихъ хотя и существовали, но были писаны „словенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ“, и вслѣдствіе этого для дѣтей были непонятны. Еслибы Теофанъ захотѣлъ быть откровеннѣе, то онъ могъ бы пояснить еще, что всѣ прежнія книжицы для первоначальнаго обученія, буквари и прописи, внушали дѣтямъ безусловную покорность авторитету старины, святости преданія, суевѣрную боязнь „мнѣнія“, какъ источника всѣхъ золъ; и презрѣніе къ иноземнымъ ересямъ,—слѣдовательно, именно все то, противъ чего Петръ и Теофанъ особенно возставали²⁾. Народъ необходимо было перевоспитать, внушить молодому поколѣнію уваженіе и стремленіе къ тому,

¹⁾ Изъ этого видно, какъ высоко стоялъ Теофанъ, какъ общественный дѣятель, сравнительно съ нѣкоторыми нашими публицистами недавняго времени: послѣдніе вовсе отрицали необходимость народнаго образованія, основываясь на томъ, что грамотность въ рукахъ мужика является только средствомъ для подѣлки паспортовъ: Теофанъ, указывая на подобныя злоупотребленія, рекомендуетъ искоренять ихъ путемъ «ученія добраго и основательнаго»...

²⁾ Объ этихъ книгахъ см. *Лекарская*, Н. и Л., I, 167—179.

чего прежде учили бояться, дать ему возможность воспринять тѣ идеи, которыя проводились въ жизнь реформою. „Первое учение отрокомъ“ было однимъ изъ орудій для достиженія этой цѣли.

Какъ мы уже видѣли, Теофанъ Прокоповичъ, по складу своего ума, былъ мыслитель, не столько развивавшій какую-нибудь положительную доктрину, сколько старавшійся, путемъ критики, устранять препятствія, тормозившія движеніе въ обществѣ новыхъ идей. Теофанъ—плохой систематикъ; даже заранѣе опредѣливъ планъ, которому онъ находить нужнымъ слѣдовать въ своихъ разсужденіяхъ, онъ рѣдко умѣетъ удержаться въ предѣлахъ этого плана, и почти всегда вдается въ постороннія полемическія разсужденія по поводу вопросовъ второстепенныхъ, повторяетъ одно и то же нѣсколько разъ, много не договариваетъ, и т. д. Словомъ, онъ не можетъ долго удержаться на отвлеченной высотѣ и всюду ищетъ непосредственнаго отношенія къ окружающей его дѣйствительной жизни, или по крайней мѣрѣ, повода къ тому, чтобы высказать свой взглядъ на извѣстныя житейскія явленія. Даже въ курсѣ богословія всего болѣе заботится онъ не о положительномъ разъясненіи догматовъ, а о томъ, чтобы доказать справедливость своихъ мнѣній отрицаніемъ противоположнаго, критикою, полемикою; эту критику и полемику онъ умѣетъ вести чрезвычайно искусно, подмѣчая малѣйшіе промахи своихъ противниковъ и выставляя ихъ мнѣнія въ смѣшномъ или нелѣпомъ видѣ. Эта отрицательная сторона во всѣхъ его сочиненіяхъ занимаетъ главное мѣсто; онъ является критикомъ и разрушителемъ старыхъ понятій вездѣ, даже и тамъ, гдѣ, по самой задачѣ сочиненія, ему слѣдовало бы строго ограничиться одною положительною стороною дѣла. Такъ, напримѣръ, „Первое учение отрокомъ“ представляетъ не что иное, какъ азбуку и краткій катихизисъ, который, по мысли автора, долженъ былъ заучиваться дѣтьми наизусть тотчасъ же вслѣдъ за азбукою, вмѣсто псалмовъ и молитвъ; слѣдовательно, въ этой первой книжкѣ, которая дается въ руки дѣтямъ, повидимому, вовсе не должны были бы имѣть мѣста никакія отрицательныя и полемическія замѣчанія, тѣмъ болѣе, что для дѣтей они и не могли быть вполнѣ понятны. На самомъ дѣлѣ вышло, однакоже, иное. Теофанъ и здѣсь не могъ строго выдержать несвойственнаго ему положительнаго тона, и, объясняя заповѣди и символъ вѣры, счелъ нужнымъ вставить въ это толкованіе двусмысленныя и насмѣшливыя отзвuky о древне-русскомъ благочестіи, о почитаніи иконъ, мощей, священныхъ мѣстъ и пр.: „Идолослуженіе есть“, говоритъ онъ,—„когда часть ссх, отд. 2.

кто честь Божию воздаеть образу или подобію коей-либо вещи... идоли, то-есть—образишки; о христіанскихъ же иконахъ что разумѣти подобаеть?... Лгутъ на Бога онѣ проклятїи лестцы, которыя иконамъ святымъ, или мощамъ, или жѣсту нѣкоему притворяють чудеса и откровенїя... Нерѣдко таковыя явишася прелестницы, которыя прибытка ради притворныя за святыхъ мощи пронесоша, якоже въ Москвѣ иногда случися, что всѣмъ извѣстно есть ¹⁾. И иная нѣкая симъ подобная, подъ покрываломъ святости, лестцы оныя простымъ людемъ утвердиша, якоже млеко пресв. Богородицы, кровь Іисуса Христа и власы браны его, что все противно истинѣ, и т. п.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ „Первомъ ученїи“ относительно мощей, иконъ и нѣкоторыхъ обрядовъ почти дословно повторено то-же самое, что было сказано въ Регламентѣ; но Регламентъ назначался для взрослыхъ людей, и притомъ для тѣхъ, которымъ вмѣнялось въ спеціальную обязанность блюсти за чистотою православнаго вѣроученїя, а букварь имѣлъ въ виду читателей, только что познакомившихся съ азбукою. Очевидно, Теофанъ не находилъ нужнымъ дѣлать различїя между тѣми и другими, хотѣлъ въ самомъ раннемъ возрастѣ подорвать ту вѣру въ непреложность стараго преданїя, какая внушалась дѣтямъ прежними учителями, и заронить въ дѣтскую душу сѣмена сомнѣнїя и критики.

Эта особенность, рѣзко отличавшая новый букварь отъ всѣхъ прежнихъ, а также совершенное игнорированїе освященнаго обычаямъ порядка обученїя дали противникамъ Теофана удобный поводъ сильно напасть на его произведенїе. „Нѣкоторые изъ Русскихъ“ (писателей), говоритъ біографъ Прокоповича,—„не одобряли его катихизиса, потому что ученїе о поклоненїи иконамъ изложено въ немъ иначе, чѣмъ у Яворскаго въ „Камень Вѣры“. Изъ этихъ противниковъ одни нападали на „Первое ученїе“ по принципу, какъ на произведенїе, противное духу православїя, другїе—просто изъ желанїя излить свою досаду на Тео-

¹⁾ Изъ дома секретаря монастырскаго приказа Макара Бѣляева былъ взятъ въ синодъ серебряный ковчегъ съ изображенїемъ мученика Христофора; въ ковчегѣ хранились мощи, которыя, по освидѣтельствованїи, оказались слоновою костью. Петръ приказалъ перелить ковчегъ въ какой-нибудь церковный сосудъ, а слошовую кость положить въ синодальную кунсткамеру и написать на нее трактатъ съ такимъ объявленїемъ, что прежде, когда духовныхъ инквизицій не было, употреблялись такія и тому подобныя суперстїици, которыя и отъ приходящихъ въ Россїю грековъ производились, что нынѣ синодальнымъ тщанїемъ уже истребляется. *Соловьевъ*, XVIII, 217.

φана, котораго считали виновникомъ всѣхъ золъ. Изъ возраженій перваго рода намъ извѣстно одно, принадлежащее перу молдавскаго господаря, князя Дмитрія Кантемира (сынъ котораго, Антиохъ, былъ такимъ горячимъ поклонникомъ Прокоповича). Человѣкъ, по отзыву современниковъ, „вѣло разумный“ и образованный, Кантемиръ, однакоже, былъ горячимъ сторонникомъ древняго греческаго благочестія и образованія, а потому къ отрицательнымъ мнѣнiямъ Θεοφανα отнесся очень подозрительно и строго. Написанный имъ разборъ „Перваго ученiя“ имѣеть цѣлью доказать, что эта книга несогласна съ духомъ православiя и потому вредна ¹⁾. Мы не станемъ подробно разсматривать этотъ разборъ, такъ какъ онъ уже изложенъ и разсмотрѣнъ довольно обстоятельно въ статьѣ г. Извѣкова, пришедшаго къ тому заключенiю, что возраженiя Кантемира „иногда натянуты и мелочны до пустого словопренiя, иногда послѣшны и неосмотрительны, но въ большинствѣ случаевъ мѣтки, здравы и доказательны“. Последнее замѣчанiе относится къ тѣмъ частямъ рецензiи, гдѣ Кантемиръ отстаиваетъ древне-русское благочестiе и религиозное чувство противъ двусмысленныхъ и насмѣшливыхъ отзывовъ Θεοφана, находя, что подобный тонъ въ дѣтской книгѣ совсѣмъ не у мѣста. Значенiе „Перваго ученiя“, какъ букваря, рельефно отгѣняется нападками критика на смѣлость автора, покинувшаго торную дорогу своихъ предшественниковъ и пренебрегшаго завѣщаннымъ стариною правиломъ обучать „въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбукѣ, потомъ же часовники и псалтыри и прочiя божественныя книги“ ²⁾. Θεοφанъ, какъ мы

¹⁾ «Мѣста призрачныя въ катихизисѣ, иже отъ безыменнаго автора на славянскомъ языкѣ изданъ и «Первое ученiе отрокомъ» именованъ есть»—рук. И. П. Б., Q. I, № 273 (изъ собр. гр. Θ. А. Толстова, II, 433); то-же сочиненiе на латинскомъ языкѣ—въ рук. Моск. дух. акад., № 277. См. статью г. Извѣкова: «Одинъ изъ малоизвѣстныхъ литературныхъ противниковъ Θ. Прокоповича», въ *Зарѣ*, 1870, VIII; *Чистовича* 50—54 *Пекарскаго*, Н. и Л., I, 179—181. Кантемиръ, по всей вѣроятности, написалъ свое возраженiе на латинскомъ языкѣ, и затѣмъ оно было переведено на русскiй, можетъ быть, тѣмъ самымъ Ильинскимъ, который жилъ въ домѣ князя въ качествѣ учителя и переводилъ его «Книгу систему или состоянiе мухамеданскiя религiи». Ср. *Пекарскаго*, Н. и Л., II, 584.

²⁾ «Издравле русскимъ дѣтководцамъ и учителямъ обычай былъ и есть учить малыхъ дѣтей въ началѣ—азбукѣ, потомъ — часословцу и псалтыри, а также писать; потомъ нѣкоторые преподають чтенiе апостола. Возрастающихъ же препровождаютъ къ чтенiю библии, бесѣдъ евангельскихъ и апостольскихъ, и къ разсужденiю высокаго разумнiя, заключающагося въ тѣхъ книггахъ». *Заблiизъ*, Опыты изуч. русск. др. и ист., I, 69.

сказали выше, тотчасъ вслѣдъ за азбукою и складами даетъ толкованіе заповѣдей, молитвы „Отче нашъ“ и символа вѣры; Кантемиръ находитъ, что это противорѣчитъ постановленіямъ православной церкви, которая сама расположила, когда чему учить изъ писанія; а именно—азбуку должны предшествовать и за ней слѣдовать извѣстныя молитвы, въ порядкѣ, разъ навсегда опредѣленномъ; затѣмъ — символъ вѣры, часословъ, октоихъ и псалтырь: „И сей убо чинъ есть и наставленіе, еже долгимъ уже временемъ и отъ толикихъ вѣковъ всегда соблюдаемо толикое возимъ употребительство, яко аще бы инъ нынѣ иный, кромѣ сего ученія, отрокомъ усиловался привести чинъ, хотя благочестнымъ и ревностнымъ сіе началъ бы тщаніемъ, обаче едва ли никакоже могъ-бы, яко мню, избыти порока подозрѣнія; кольми паче или древняго обычая истребитель мнимъ и презираемъ былъ бы“. Такимъ образомъ, даже нарушеніе порядка преподаванія въ глазахъ защитниковъ старины было тяжкимъ грѣхомъ, чуть не ересью; поэтому можно судить, какъ отнеслись люди стараго образа мыслей къ новымъ идеямъ, которыя Теофанъ пытался проводить даже въ букварѣ. Кантемиръ, вообще избѣгающій рѣзкихъ полемическихъ выходовъ, заключаетъ свой разборъ „Перваго ученія“ ироническимъ замѣчаніемъ на счетъ автора этой книги: „Мнози быти могутъ, иже отънѣ жезлъ и одежду пастырскую носити являютя; внутрь-же суть наемницы, волкамъ безопасно похищати попущающіи; паче же сами, овчею прикрывшися кожею, волцы суть... Восклипаше иногда Киверонъ, римскаго краснословія начальниче: о tempoга, о tempoга! не нетребѣ и нынѣ восклицати: о церкви, о пастырей!“

Теофанъ Прокоповичъ, имѣвшій право считать себя и по уму, и по образованію гораздо выше своихъ противниковъ, относился къ нимъ съ глубокимъ пренебреженіемъ; въ его глазахъ эти люди были „прекословцы, буесловцы, пружи, безумные разкащики, не разумѣющіе писанія и сражающіеся съ собственными мечтами и сновидѣніями, школярики, латиною губы примаравшіе, собирающіе свои познанія только пошептомъ отъ ересей папешскихъ, сумасброды и неужи, не вѣдущіе не токмо св. писанія, которое и что есть не знаютъ, но и самаго того ремеслинца, которыхъ хвалятся“. Противорѣчіе раздражало его, и нерѣдко, благодаря такому отношенію къ противникамъ, онъ забывалъ тѣ благоразумныя правила ученой полемики, которыя когда-то внушалъ своимъ кievскимъ слушателямъ¹⁾. Доказательствомъ

¹⁾ См. выше, въ 3-й главѣ.

ѳтому можетъ служить его отвѣтъ на критику Кантемира, изложенный въ формѣ письма къ какому-то „преподобнѣйшему отцу“, — по вѣроятной догадкѣ г. Чистовича—къ Аванасію Кондоиди, греческому священнику, жившему въ домѣ Кантемира. Не останавливаясь на подробномъ разборѣ возраженій своего критика, Θεοφάνης даетъ имъ общую оцѣнку съ особенной, ему одному только свойственной точки зрѣнія: „Многое искусство въ томъ имѣти подобаетъ“, говоритъ онъ, — „въ чемъ кто учителемъ хочетъ быть. Но искусный долженъ есть долго и прилежно и слова, и вещь, и самой вещи естество и обстоятельства, и вся оной, тако рещи, утробы разбирать, рассуждать и проникать, когда хочетъ произнести судъ свой въ чуждемъ мнѣніи и ученіи. Не многи же обрѣтаются такъ искусни и такъ прилежни, ово за невеликое остроуміе, ово за несильное въ богословіи обученіе; того ради глаголетъ Духъ Святый, да не мнози касаются дѣла учительскаго, боящеса большаго осужденія. Что бо слѣдуетъ таковому легкомысленному учительству? Первое—распри, а въ народѣ сумнительство, потомъ и расколы, и ереси и факціи... Отъ такихъ любопытельныхъ совопросниковъ въ нашемъ семъ съ прекословцами дѣлѣ не слѣдуетъ-ли сіе, что слышавше оное прекословіе человекцы прости не похотятъ отрокомъ своимъ сего толь полезнаго давати наставленія, и тако многіе отроцы въ грубости и неставленіи останутся, и желаніе царскаго величества и желаніе всѣхъ, нелицемѣрно благочестныхъ, вотще пойдетъ за положенное ученію сему препятіе прекословіемъ толь неискуснымъ и неправеднымъ...“

Такимъ образомъ, человекъ, позволяющій себѣ критически относиться къ воззрѣніямъ Прокоповича, совершаетъ чуть не государственное преступленіе; отъ критики, несогласной съ тѣми положеніями, которыя Θεοφάνης признаетъ единственно вѣрными, происходятъ и ереси, и политическіе заговоры! Впослѣдствіи, по поводу другихъ возраженій, Θεοφάνης высказалъ эту мысль въ самой опредѣленной и рѣзкой формѣ: „Не на единого же писателя ищетъ толкаго осужденія (говоритъ онъ объ одномъ изъ наиболѣе ярыхъ своихъ критиковъ),—но и на тѣхъ, которые дерзнули сія въ церковь вносить: какъ и въ прежнихъ словахъ своихъ на тѣхъ наступаетъ, которые дерзнули печатать порицаемыя отъ него книжицы. А внесль оныя въ церковь Петръ Великій и, по его указу, св. синодъ и вси російскіе архіереи“¹⁾.

¹⁾ Чистовичъ, 237.

По свидѣтельству Антіоха Кантемира ¹⁾, „Катихизисъ православныхъ вѣры Ѡ. Прокоповича на многіе чужестранныя языки переведенъ, печатанъ, и въ европейскихъ разныхъ школахъ читается“. Намъ извѣстенъ только одинъ переводъ его на нѣмецкій языкъ ²⁾. По словамъ самого Ѡеофана, по этой книгѣ учился Петръ II.

Дальнѣйшимъ развитіемъ правоучительной части „Перваго ученія“ служить книга „Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе“, написанная Ѡеофаномъ по спеціальному порученію Петра и напечатанная въ 1722 году (три изданія въ одинъ годъ). По свидѣтельству Голикова ³⁾, въ памятной книжкѣ Петра Великаго было между прочимъ, записано: „Написать книгу о ханжахъ и изъявить блаженства (кротость Давидову и пр.), что не такъ, какъ они думаютъ, и приплестъ къ требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣльцемъ ростовскаго (то-есть, епископа Димитрія) съ товарищи... также, что не противились мученики въ свѣтскихъ дѣлахъ“. Отвѣтомъ на это требованіе была книга о блаженствахъ, по словамъ Ю. Самарина — одно изъ лучшихъ произведеній Ѡеофана, объясняющее очень многое въ тогдашнемъ умственномъ и нравственномъ развитіи Русскаго народа.

Книга эта послана была царю, находившемуся тогда въ Астрахани, и очень ему понравилась: „Книгу о блаженствахъ всю челъ“ писалъ онъ),—,которая зѣло изрядна и прямой путь христіанскій; только надлежитъ предисловіе сдѣлать, въ которомъ розныя наши толкованія неправыя ханжевскія всѣ выяснитъ, дабы читающій перво свой порокъ узналъ, а потомъ пользу прямую и истинную. Такожь въ концѣ силу всей книги зѣло короткою выпискою безъ толку (понеже оный уже выше писанъ) положить, дабы могъ на память оное имѣть, понеже всей книги на память невозможно имѣть“... ⁴⁾ Извѣстно, кромѣ того, что Петръ и самъ написалъ нѣсколько замѣтокъ о ханжествѣ и лицемѣрїи; въ его бумагахъ найдена небольшая записка съ толкованіемъ заповѣдей, въ которой доказывается, что ханжество и святошество заключаютъ въ себѣ грѣхи противъ всѣхъ

¹⁾ Сочиненія, изд. Глазунова, I, 78.

²⁾ Erste Unterweisung der Jugend, enthaltend das ABC—Büchlein, etc. Auf Befehl Sr. Czar. Majest. Petri I in den Druck gegeben. S. l. et a., 4°. (И. П. В.)

³⁾ Дѣянїя П. В., XI, 493.

⁴⁾ Пекарскій, Н. и Л., II, 552. Къ книгѣ о блаженствахъ, двѣствительно, приложенъ такой краткій конспектъ.

десяти заповѣдей ¹⁾. Видя въ древне-русскомъ благочестіи почти исключительно суевѣріе и лицемерную набожность, служащую прикрытіемъ для цѣлей вовсе не религіозныхъ, онъ особенно интересовался подробною разработкою этого вопроса, служившаго въ то время темою для очень многихъ литературныхъ произведеній. Этому же вопросу посвящена и книга Прокоповича, представляющая практическое примѣненіе его богословскихъ идей. Мы уже видѣли, что Феофанъ, въ своемъ ученіи объ „оправданіи“, выступилъ противникомъ господствовавшей въ нашемъ народѣ и раздѣлявшейся нашими богословами идеи, что вѣчную жизнь можно заслужить извѣстными подвигами, достоинство которыхъ измѣряется ихъ трудностью, опасностью или сопровождающими ихъ лишеніями и страданіями. Вслѣдствіе того онъ относится и къ монашеству если не совсѣмъ отрицательно, то, по крайней мѣрѣ, не очень благосклонно, признавая аскетическій идеалъ несостоятельнымъ вообще, а практическое приложеніе его требованій въ Россіи — несовмѣстимымъ съ понятіемъ благоустроеннаго, строго централизованнаго государства, въ которомъ каждый подданный долженъ нести извѣстныя повинности. Между тѣмъ, масса народа не хотѣла пассивно воспринимать новыя идеи, внесенныя къ намъ преобразовательною дѣятельностью правительства, и вступила съ его централизаторскими стремленіями въ активную борьбу, выдѣляя изъ среды своей то цѣлыя толпы неповорныхъ, то отдѣльныя личности, громко заявлявшія о своемъ нежеланіи подчиняться новому порядку вещей. Конецъ XVII и начало XVIII вѣка—эпоха, когда эта противоположность между стремленіями народными и правительственными достигла уже значительной рѣзкости—представляетъ множество примѣровъ людей, умышленно бросающихся въ опасности, искавшихъ мученій и смерти и думавшихъ такимъ образомъ спасти свою душу отъ царства антихристова. Въ такихъ людяхъ Феофанъ видѣлъ невѣждъ, фанатизированныхъ ханжами и лицемерами ради какой-нибудь корыстной цѣли; поэтому онъ направилъ свои удары не столько на первыхъ, сколько на вторыхъ, которымъ и посвящена большая часть книги о блаженствахъ. Необходимость изданія этой книги доказывается, въ предисловіи, тѣмъ, что „многи кривотолки блаженства оныя не прямо разсуждаютъ и не въ своей ихъ силѣ разумѣютъ, и потому аки воздухъ біюще подвизаются и слѣпо идутъ въ вѣчную погибель“. Толкованіе каждаго блаженства дѣлится на двѣ части: въ первой ав-

¹⁾ Соловьевъ, XVIII, 201.

торъ имѣеть цѣлью „отринуть непрямой“, а во второмъ—„показать прямой словесъ Христовыхъ разумъ“. Особеннаго вниманія заслуживаетъ первая часть, такъ какъ въ ней заключается опроверженіе различныхъ ложныхъ мыслей, которыя въ то время были въ ходу въ народѣ, и подробное разсужденіе о добровольномъ мученичествѣ.

Въ толкованіи перваго блаженства (блажени нищія духомъ) авторъ доказываетъ, что здѣсь разумѣется нищета не вещественная, „якоже толкуютъ по себѣ человекѣи лѣннivi, прошаки и волокиты безстудни и прочіи имъ подобни; ибо вещественная нищета сама собою есть вещь средняя, ниже Богу любимая, ниже Богу противная“. Такъ же объясняется и выраженіе „блажени алчущіи и жаждущіи правды“. Въ статьѣ о „кроткихъ“ находимъ характеристику лицемѣровъ, увлекающихъ народъ своею мнимою святостью: „Суть и таковіи, которыхъ опасный человекъ не трудно признаеть, сіе же наипаче потому, что или преизлишше смиряются, или дѣйствія нѣкая природѣ своей противная показываютъ. Голову, наприкладъ, на едино плечо преклоняють, голосъ отончеваютъ, оскабляются безвременно, воздыхаютъ часто и безъ причины, и пр. Даль-бы Богъ, дабы умудрился иногда простой народъ, и хотя бы отъ сихъ удобопознаваемыхъ лестцовъ оберегалъ себе. Зѣло вредни спасенію суть вышеупомянутіи искусніи лестцы, но и сіи простая сердца уловляютъ“.

Въ статьѣ о „миротворцахъ“ Теофанъ снова касается вопроса о ложномъ мирѣ и мнимои благополучіи, о которомъ онъ говорилъ въ словѣ при открытіи синода: „Прелестнии суть миротворцы или миросказатели и они, которіи не попускають проповѣдати въ народѣ, каковая у насъ вражда съ Богомъ и междособная съ ближними... Таковіи суть отъ духовнаго чина они, которіи, оберегая себе, да не стыдно имъ будетъ, яко невѣжди суть и во своемъ званіи нерадивіи, еще и искуснѣйшей отъ нихъ братіи завидя, обывли на дѣло учительское прерипати: на что намъ учителя и ученія, на что проповѣди? православніи христіане есмы, сіяеть благочестіе, церковь святая процвѣтаетъ... Но мнимый се и мечтанный миръ проповѣдуете, о друзи! лице притворное, а не сущую вещь повазуете“.

Послѣднія три блаженства соединены въ одну статью и, по всей вѣроятности, составляютъ именно тотъ трактатъ о мученичествѣ, о которомъ говоритъ Теофанъ въ письмѣ къ Марковичу. Говоря о людяхъ, добровольно идущихъ на страданія и смерть, Теофанъ обращаетъ вниманіе на различные мотивы, побуждающіе ихъ къ этому. Прежде всего, говоритъ онъ, есть такіе меланхолики, которые не мо-

гутъ равнодушно видѣть чужого благополучія и потому радуются страданіямъ ближняго и восхваляютъ страдающихъ; затѣмъ, бываютъ и такіе, которые, страдая вполне заслуженно, за свои злодѣяства, стараются представить себя мучениками за правду; далѣе, есть люди, которые, „не по разуму ревнуя, страдать готовы за мнимую имъ правду, не разсуждая, достойно ли есть толикой ревности, о чемъ ревнуютъ до крове своей; многожды бо что они помышляютъ истинно быти, ложно есть; что вѣрняютъ въ правду, самая есть неправость“... Теофанъ доказываетъ, что невѣдѣніе въ подобныхъ случаяхъ не можетъ служить извиненіемъ, такъ какъ всякій долженъ всѣми средствами доискиваться истины и въ ней стремиться. Наконецъ, „еще суть и такові безумніи, которіи слышаніемъ или чтеніемъ славныхъ подвиговъ мученическихъ услаждаемы и акибы завидяще славы ихъ, ищутъ и безъ причины страданія, или сами себѣ смерти предаются... Въ Россіи у насъ голосная повѣсть вездѣ, что множество таковыхъ океанскихъ волею себе предали сожженію... И зри, каковыя плоды изыти могутъ отъ таковыхъ безумныхъ страдалцевъ: когда бо таковой слышитъ законъ Божій—якоже хотите, да творятъ вамъ чловѣци, и вы творите имъ такожде — помыслити въ себѣ можетъ: я хошу, дабы мене мучили, то и мнѣ не грѣхъ другого погубить... Не такові ли суть и наши раскольщики, излиха враждебни, яростію дышущіи, верховной власти зложелатели, щастливыхъ намъ викторій не любящіи, злключеніемъ отечества веселящіяся, весьма чловѣконенавистницы“. Они, „бѣшеною нѣкоею похотію жаждуще мученія, сами на себе лгутъ и вину, мученія достойную, притворяютъ себѣ, да мучими будутъ“; но между ними встрѣчаются и такіе, которые нарочно совершаютъ преступленія съ цѣлью заслужить мученической вѣнецъ; такъ, напримѣръ, „явились одинъ и другій, которіи на высочайшую власть не за нѣкую ея неправду, но славящися дерзновеніемъ своимъ, не убоились излелавати досадительная мервословія, хулы и укоризны, симъ будущія славы мечтаніемъ услаждающе себе: хвалимъ буду и блажимъ отъ всѣхъ, аще за сіе постражду; напишется о мнѣ исторія, пронесется всюду похвала: не одинъ, удивляясь, скажетъ о мнѣ: великодушень мужъ былъ, царя обличилъ, мукъ лютыхъ не убоился... О, океанскіи сумасброды! Мало такихъ бѣшенными нарицати: есть се нѣкое зло, равнаго себѣ имени не имущее“!

Одною изъ причинъ подобныхъ явленій Теофанъ признаетъ невѣжество, и въ особенности — недостатокъ богословскихъ знаній: „невѣжды бо злбніи и гордіи, читать только грамоты изучившіися, меч-

таютъ о себѣ, что суть они уже совершенніи мудрецы; не знающе же, что разумѣется во имени семъ писаніе божественное, кую-либо тетрадь, аще и пребезумно составленную, нарицаютъ божественнымъ писаніемъ; и когда набредутъ на нѣкія повѣсти о мученикахъ недостовѣрныя (яковихъ въ разная темная времена безъ числа наплетено), и увидятъ, что будто страдалецъ хулительно и укоризненно кричалъ на властей, услаждаются тѣмъ, яко мужественнымъ нѣкіимъ, по мнѣнію своему, дерзновеніемъ... и тако окаяніи мужественно въ пропасть адскую летятъ, и многимъ прочимъ путь погибельный показываютъ“.

Это разсужденіе о мнимомъ мученичествѣ вошло, въ сокращенномъ видѣ, въ увѣщаніе, изданное отъ синода 16-го іюля 1722 года ¹⁾, и имѣющее цѣлю показать, что „не всякое страданіе, но токмо страданіе законно бываемое, то-есть за извѣстную истину, за догматы вѣчныя правды, за непремѣнный законъ Божій, полезно и богоугодно есть“. Повторяя дословно главнѣйшія положенія, заключающіяся въ книгѣ о блаженствахъ, Теофанъ замѣчаетъ, что въ Россіи, какъ въ государствѣ православномъ, никогда не можетъ быть гоненія правды ради: но что еслибы таковое и произошло, то все-таки не слѣдуетъ, безъ особаго изволенія Божія, рѣшиться на мученическій подвигъ, и „когда возможно укрытися, тогда бѣгати богоугодно есть“. Доказывая, далѣе, что властямъ слѣдуетъ повиноваться и ихъ почитать, Теофанъ говоритъ, что у насъ противники правительства—„сіи прельщающіи и прельщаеміи глупцы, православнаго монарха безчестить, и аще бы могли—и низринуть, и за таковую безбожную дерзость страдать до крове не стыдятся“; въ примѣръ приводится „злодѣй разстрига“ Василій Левинъ. Въ заключеніе синодъ обращается ко всѣмъ благомыслящимъ людямъ съ увѣщаніемъ, „да внимаютъ наставленію, которое отъ божественныхъ и учительскихъ писаній пространно утверждено есть въ новопечатной книжицѣ о блаженствахъ евангельскихъ“. Это увѣщаніе, точно также, какъ и самую книгу о блаженствахъ, было велѣно, „всенароднаго ради вѣдѣнія, священникамъ повсямѣсячно, въ воскресные дни и господскіе праздники во святыхъ церквахъ, а при ярманкахъ, гдѣ многонародное бываетъ собраніе,—и предъ церквами для множества людей по литургіи во услышаніе всѣмъ читать, дабы оное увѣщательное разсужденіе, во общую пользу сочиненное, всякъ вѣдалъ, и невѣдѣніемъ никто бъ не отговаривался“.

¹⁾ П. С. З., VI, № 4053 (стр. 742—746).

Книга о блаженствахъ служила также учебною книгою для дѣтей, какъ дополненіе въ катихизису, читалась и твердилась наизусть въ школахъ.

Въ 1721 году Феофанъ Прокоповичъ, по порученію царя и отъ имени синода, написалъ небольшое разсужденіе по вопросу, для того времени весьма важному—о бракахъ съ иновѣрцами, то-есть, о томъ, могутъ ли иностранцы жениться на православныхъ, не принимая православнаго исповѣданія. Этотъ вопросъ поднимался еще въ 1644 году, когда пріѣзжалъ въ Москву датскій принцъ Вольдемаръ, чтобы жениться на одной изъ дочерей царя Михаила Теодоровича; въ то время наши богословы рѣшили его отрицательно; но постоянно увеличивавшійся съ тѣхъ поръ наплывъ европейцевъ въ Россію и болѣе тѣсное сближеніе съ ними настоятельно требовали перерѣшенія этого вопроса. Продолжительное пребываніе въ плѣну множества Шведовъ, взятыхъ во время войны съ Карломъ XII и сосланныхъ въ Сибирь, сдѣлало ихъ какъ бы природными Русскими; очень многіе изъ нихъ, потерявъ надежду на размѣнъ или выкупъ, были не прочь совсѣмъ остаться въ мѣстахъ своей ссылки и тамъ жениться; но для этого имъ необходимо было переходить въ православіе, что, конечно, служило немаловажнымъ препятствіемъ для таковаго рода браковъ. Петръ, цѣнившій шведскихъ плѣнниковъ, какъ людей, полезныхъ своими указаніями и трудами въ горнозаводскомъ дѣлѣ, которое въ то время у насъ было еще въ зародышѣ, поручилъ синоду издать указъ, разрѣшавшій имъ жениться на русскихъ безъ перемѣны вѣроисповѣданія, на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какія сохраняются и въ нынѣ дѣйствующемъ нашемъ законодательствѣ по этому предмету ¹⁾). Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воспользовался этимъ частнымъ случаемъ для того, чтобы возвести его въ общее правило, и поручилъ Феофану написать разсужденіе, въ которомъ аргументами изъ св. писанія, твореній отцовъ церкви и историческими „прикладами“ доказывался, что браки православныхъ съ христіанами другихъ исповѣданій не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ и потому не должны возбуждать никакого „сумнительства совѣсти“. Это разсужденіе, по объему очень небольшое, было издано въ томъ же году, въ видѣ „посланія къ православнымъ“ отъ синода ²⁾, и въ количествѣ 1,000 экземпляровъ разослано по всѣмъ епархіямъ.

¹⁾ Указъ 23-го іюня 1721 г., въ П. С. З., VI, 3798.

²⁾ 28-го августа 1721 г., П. С. З., VI, 3814. См. *Пекарскаго*, Н. и Л., II, 506—507 и *Büsching's Magazin für die Neue Historie und Geographie*, IX, 340—341.

Къ этому же разряду сочиненій Прокоповича относится небольшое разсужденіе, изданное въ 1724 году подъ заглавіемъ: „Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ“¹⁾. Вопросъ о совершеніи обряда крещенія какъ мы уже говорили въ 1-й главѣ, имѣлъ у насъ въ XVII вѣѣ особенную важность и возбуждалъ сомнѣнія и недоумѣнія. Въ Потребникѣ иноческомъ, изданномъ въ 1637 году въ Москвѣ, предписано вторично крестить погруженіемъ всѣхъ тѣхъ, кто „не истинно крещень — обливань“; въ 1645 году, во время пребыванія въ Москвѣ датскаго принца Вольдемара, „Дмитрей Франзбековъ да большого собору Пречистыя Богородицы ключарь Іоаннъ Насѣткинъ“ имѣли объ этомъ предметѣ продолжительный споръ съ датскаго королевича нѣмчиномъ Матвѣемъ Андреевымъ съ товарищи, котораго „уличали“ евангеліемъ, св. отцами, правилами апостольскими и даже нѣмецкою книгой Децинаріемъ, а также рукописными церковно-славянскими книгами; но Матвѣй остался при своемъ, и споръ окончился тѣмъ, чѣмъ кончается большинство споровъ на Руси²⁾. Между тѣмъ, въ Малороссіи обрядъ крещенія съ давнихъ поръ совершался обливаніемъ, которое и узаконено малороссійскими требниками. Это обстоятельство, при появленіи въ Москвѣ южно-русскихъ ученыхъ монаховъ и при той полемикѣ, какая вскорѣ возникла у нихъ съ представителями московской книжности, давало послѣднимъ поводъ обвинять Кіевлянъ въ неправославіи, въ латинствѣ. Мы знаемъ, что даже Стефана Яворскаго называли Ляшенкомъ и обливанникомъ. Разсужденіе Теофана Прокоповича имѣетъ цѣлью доказать, что крещеніе посредствомъ обливанія столь же законно и согласно съ правилами православной церкви, какъ и крещеніе погруженіемъ, и такимъ образомъ, окончательно очистить репутацію малороссійскаго духовенства отъ нареканій и упрековъ въ неправославіи. Отчасти это разсужденіе вы-

¹⁾ Полное заглавіе см. у *Пекарскаго*, II, 610 — 611. Третье изданіе этой книги вышло въ М., 1784; кромѣ того, она перепечатана въ IV части сочиненій Теофана (М. 1774). Въ Москвѣ же, въ 1779 г., напечатанъ переводъ ея на латинскій языкъ.

²⁾ Онъ безусловно отрицалъ отеческія творенія и русскія рукописи; «и какъ Дмитрей положилъ ихъ немецкую книгу децинарію, и они въ ней смотрели и разсуждали, и въ ней написано по гречески и по немецки погруженіе, а не обливаніе... И стали вельми браниться, и книгу свою децинарію учалъ онъ, нѣмчинъ Матвѣй, о столь битъ», и т. д. (Изъ рукописи Кіевской дух. академіи, цитируемой въ статьѣ г. *Петрова* въ *Тр. К. Ак.*, 1872, IV, 23).

звано, можетъ быть, и личными обстоятельствами, потому что если „черкашишки“ вообще, за немногими исключениями, не пользовались расположеніемъ старо-церковной партіи, то самъ Θεοφανъ, какъ главный представитель новаго направленія, всего болѣе подвергался нападкамъ и обвиненіямъ въ ереси; очень можетъ быть, что при этомъ, въ числѣ прочихъ доказательствъ его неправославія, служило и то, что онъ „не истинно крещенъ“. Такимъ образомъ, возстановляя репутацію малороссійскаго духовенства вообще, онъ возстановляетъ и свою собственную.

Но „Истинное оправданіе“ имѣетъ еще и другую сторону, для насъ гораздо болѣе интересную. Дѣло въ томъ, что возраженія противъ поливательнаго крещенія могли исходить не отъ всей старо-церковной партіи, въ средѣ которой многія лица были сами крещены точно также, а именно отъ представителей коренной московской старины, и всего болѣе, всего сильнѣе — отъ представителей древняго благочестія, стараго обряда. Это обстоятельство даетъ Θεοфану удобный поводъ всею силою обрушиться на старообрядческихъ учителей; обличенію ихъ невѣжества и закоснѣлости посвящено обширное предисловіе къ „Истинному оправданію“, написанное въ юмористическомъ тонѣ, напоминающемъ „разговоръ селянина съ гражданиномъ да дьячкомъ“. Это предисловіе, вмѣстѣ съ нѣсколькими страницами проповѣдей, трактующихъ о томъ же предметѣ, даетъ очень ясное понятіе о взглядахъ и приемахъ Θεοфана, и потому мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ подробнѣе.

Какъ человѣкъ просвѣщенный, Θεοфанъ презираетъ религіозныя умствованія простаго народа — „мужицкую, а паче бабскую богословію и философію“, — и негодуетъ на то, что невѣжды осмѣливаются учить другихъ. „Невѣждамъ“, говоритъ онъ, — „подобало бы, когда рѣчь есть о тайнахъ богословскихъ, требовать яснаго наставленія отъ свѣдущихъ лицъ, самимъ не мѣшаться не въ свое дѣло, молчать и всячески языкъ свой обуздывать; но противное видимъ: и особы ученые же такъ дерзновенно разглагольствовати обыкли, якоже слѣпцы невѣжи многіи. Они охотники, когда ничего не вѣдаютъ, о всемъ и говорить, и писать, и препираться. Дивная вещь: откуда бы имъ такъ безумная охота?“

Причину такого стремленія къ умствованію — стремленія, по понятіямъ Прокоповича, совершенно неумѣстнаго и продерзостнаго — онъ видитъ въ двухъ обстоятельствахъ: „Первое, что самое оныхъ невѣжество, которымъ слѣпцы суще, ничего богословскаго не вѣдаютъ,

творить ихъ невѣдущими и самихъ себе, и не допускаеть знать быть себе невѣжливыхъ; но когда слоговъ книжныхъ изучатся, и честь и писать могутъ, — помышляютъ, что уже все получили и не осталось, что бы имъ еще познать подобало... сколько до ихъ рукъ придется нѣкихъ тетрадей, и то неискусно сошитыхъ, по большой же части и смѣха достойныхъ, напимѣръ, — проповѣдей Аввакумовыхъ, сказы о 12 пятницахъ, притворныхъ откровеній, чудесныхъ ложныхъ повѣстей, суетныхъ нѣкихъ преданій и прочихъ басней, сія они писанишка получивше, помышляютъ, что уже получили и обняли вся предѣлы мудрости и дошли до самаго дна богословія... Вторая же вина таковой продерзости есть киченіе и чванство и желаніе славы учительской. Сія вина не особо дѣйствуетъ, но вышеупомянутой первой сопослѣдствуетъ. Помышляя бо бездѣльникъ о себѣ, что мудръ есть, желаетъ, дабы и вси тожь о немъ думали, и яко премудра славилы и почитали; и тако не можетъ терпѣть молчанія, опасаяся, да не помыслить кто о немъ, что онъ не все знаетъ. Того ради никакого въ разговорѣ съ людьми не упуститъ случая, въ которомъ бы можно ему, какъ воронѣ, голосъ испустить... и видя простолюдину, что угодны къ прельщенію, а не имѣя самъ довольнаго къ прельщенію ни ума, ни слова, во утверженіе басенъ своихъ, часто, ово лицемѣрно воздыхая, ово гордо поднося бровь и щечки своя надымая (кажется бо ему, что такъ мудріи дѣлають) часто сихъ между разказами своими рѣчей употребляетъ: „великое дѣло богословія! не всякъ постизаетъ глубину богословія! не всякъ знаетъ силу св. писанія!“ и прочая, симъ подобная. Се-же того ради повторяеть, дабы слышанціи помышляли, что онъ все тое до дна знаетъ; а онъ — и что есть писаніе, и что богословія такъ не вѣдаетъ, какъ подземный кротъ о дневному свѣтѣ“... ¹⁾).

¹⁾ Въ одной изъ своихъ проповѣдей (1728 г.) Теофанъ повторяеть то же самое: «И жалостно, и смѣшно видѣти, когда человекъ, перомъ только пачнати и нѣчто по книгамъ слышати навывишій, въ богословенія дѣла вступивъ, учеть врать и сказывать о Бозѣ, о ангелахъ, о бвсахъ... да о всемъ томъ такъ смѣло и дерзновенно пустословить, будто онъ восхищенъ былъ до третяго небесе, и тамо всему тому научился. Часто воспоминаеть священная писанія, а думаетъ о тетрадкахъ Аввакумовыхъ, или другихъ подобныхъ; часто на св. отецъ шлется, хотя доселѣ и вѣдомости не получилъ, кто и гдѣ они; многаяжды восклицаетъ: «глубина богословія! великое дѣло богословія!» — а онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ каковыи архитектуру. Какъ же разумному человеку не смѣшно слышати такъ глупыя погудки? какъ же и не жалостно видѣти слышного,

Этими взглядами на расколъ опредѣляется и отношеніе къ нему Теофана Прокоповича. Въ расколѣ онъ видитъ, прежде всего, результатъ крайняго невѣжества: „Аввакумъ располь, Лазарь, Никита и прочіи возопили въ народѣ, яко пьяніи или бѣшенни, безумнымъ кликомъ, наблевали на св. церковь ложныхъ клеветъ, напели безъ чина суевѣрій и неслыханныхъ преданій, и весьма христіанству странныхъ и отечеству нашему студныхъ и срамотныхъ догматовъ; что же сдѣлалось? о, стыдѣнія твоего, Россіе! такъ многое число вѣрующихъ и послѣдовавшихъ себѣ получили, что мѣста не обрящемъ, гдѣ бы оныхъ лестцовъ не были наслѣдники и ученики, ово тайни, ово же и явны“. Наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для борьбы съ расколомъ Теофанъ признаетъ, поэтому, просвѣщеніе, и вообще — мѣры кротости и увѣщанія. Съ другой стороны, онъ находитъ, что „учители раскола російскаго — тупы и грубы сумасброды, и единой части христіанскаго исповѣданія не знающіи, но токмо обманомъ простого народа чреву своему служащіи, сущіи атеисти, прямые безбожники“, — люди, возбуждающіе темную массу къ бунту и неповиновенію властямъ и, слѣдовательно, весьма вредные для государства; противъ такихъ людей онъ рекомендуетъ строгія репрессивныя мѣры. Въ Духовномъ Регламентѣ предписывается „по всей Россіи никого отъ раскольщиковъ не возводить на власти, не токмо на духовныя, но и на гражданскія, даже до послѣдняго начала и управленія, чтобъ не вооружать намъ на насъ же лютыхъ непріятелей, и государству, и государю непрестанно зло мыслящихъ“. Но подобнымъ мѣрамъ Теофанъ, очевидно, придавалъ только значеніе мѣръ исключительныхъ, чрезвычайныхъ; вообще же онъ относился къ расколу, для тогдашняго времени и для своего положенія, довольно либерально, и въ этомъ отношеніи стоялъ гораздо выше своихъ современниковъ. Въ книгѣ „О блаженствахъ“ Теофанъ, говоря о необходимости умиротворенія церкви, даетъ замѣчательныя наставленія, какъ слѣдовало-бы обращать раскольниковъ и вообще вести споры о предметахъ вѣры: „Должны убо суть искусніи учителя, аще великаго сего миротворенія участницы желаютъ быти, искусно, ясно и доводно показовати народу, что помянутыя и имъ подобныя вещи (пункты разногласія старообрядцевъ съ господствующею церковью) весьма

даровенно бродячаго по мѣстамъ бѣдственнымъ и отвсюду пропастьми окружаемымъ, каковъ есть путь богословскій, по которому и высокоученіи не безбѣдно ходять?» (Слова и Рѣчи, II, 245—246).

суть среднія, и преніе о оныхъ есть суетное... Должны же суть (учители) блюстися всѣхъ таковыхъ, и въ дѣлѣ, и въ словѣ, и въ пишемыхъ отъ себе разсужденіяхъ, дѣйствій, которая раздражаютъ сердце человѣческое: ибо таковая раздражительная дѣйствія не токмо мира составить не могутъ, но еще и вящшыя распри и раздоры вводятъ. Суть же именно сія наипаче: слово или тѣлесное движеніе гордое, презрѣніе и руганіе лицъ спорныхъ, клевета на своихъ соперниковъ и насильное на несогласующихся намъ наступательство... И неразумно творять тѣ, которые въ проповѣдяхъ, или въ разговорахъ, или и въ пишемыхъ отъ себе книгахъ на противниковъ православія ругательныя рѣчи и притчи бодущія, досады и лаи мещутъ на нихъ. Не помнать таковыи дѣла своего; дѣло бо пріемлютъ обращати заблуждающа; якое же надѣяніе обращенія можетъ быти, когда тыхъ, которыхъ обратити хожемъ, жестоко раздражаемъ? И неправильная отговорка, естли кто скажетъ: „съ еретиками или раскольниками дѣло мнѣ, злыхъ злѣ потчю“; но помнати долженъ еси, что дѣло твое? не казнити бо, но врачевати злыхъ хожеши, лаями же и укуризнами не уврачуеши... Насильное на противныхъ наступательство не годно есть, когда кто иновѣрныхъ разграбленіемъ имѣнія, узами и темницами и смерти угроженіемъ хоцетъ понудити къ обращенію; таковыми бо лютоостыи паче раздражается, нежели преклоняется сердце мучимаго“.

Въ этихъ словахъ—строгое осужденіе той системы, которой держались, по отношенію къ старообрядцамъ, представители нашей церкви, или раздѣлявшіе взгляды московскихъ книжниковъ XVII вѣка, или воспитавшіеся на католической доктринѣ о безошадномъ преслѣдованіи еретиковъ: Питиримъ епископъ Нижегородскій, Теофилактъ Лопатинскій, Стефанъ Яворскій и многіе другіе. Извѣстно, что эти лица въ своей полемикѣ съ расколомъ не только не считали возможнымъ обходиться безъ самой энергичной брани, какая только извѣстна въ русской печати, но не отступали даже и передъ несправедливыми обвиненіями, передъ извращеніемъ фактовъ и подлогомъ, если надѣялись этимъ способомъ выиграть дѣло; въ практической же своей дѣятельности по обращенію раскольниковъ нерѣдко прибѣгали къ самому грубому насилію, которое вполнѣ оправдывалось ихъ теоретическими взглядами. Достаточно сравнить приведенныя нами выше (во 2-й главѣ) выраженія Стефана Яворскаго о раскольникахъ и главу „О наказаніи еретиковъ“ въ его „Камнѣ Вѣры“ съ выдержками изъ книги о блаженствахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какая бездна раздѣляетъ понятія

объ этомъ предметѣ представителей старо-церковной партіи и Теофана. Послѣдній, не скрывая своей досады на раскольниковъ, какъ на людей невѣжественныхъ, толкующихъ о томъ, чего сами не понимаютъ, выражается, однако, гораздо рѣзче о тѣхъ представителяхъ официально-учительнаго класса, которые, „миѣнія ради высокаго о латинскомъ ученіи своемъ, зѣло себе мудрыхъ быти мечтаютъ и все, что имъ на умъ привернется, абіе безъ размышленія, право ли, худо ли, приемятъ; николиже истины познати не могутъ, но, угождая себѣ, всегда оной противляются“. Онъ признаетъ, что основные пункты разногласія съ раскольниками—„вещи весьма среднія“, и замѣчаетъ, что „аще кто вещь среднюю упрямствомъ своимъ поставитъ въ догматъ, той уже самъ еретикъ есть, понеже дѣлаетъ то составомъ вѣры, что Богъ не сдѣлалъ“. Этотъ упрекъ въ равной степени прилагается какъ къ раскольникамъ, такъ и къ представителямъ официального православія, не видѣвшимъ въ расколѣ ничего, кромѣ „перстовъ“, да „аллилуйи“, и съ своей стороны хлопотавшимъ только о томъ, чтобы раскольники ходили въ православные храмы, хотя бы и изъ страха. Теофанъ понимаетъ, что дѣло вовсе не въ „перстахъ“; онъ не прочь, иногда, посмѣяться надъ „бабской богословіей“, но серьезное вниманіе считаетъ нужнымъ обращать только на государственное и общественное значеніе раскола, какъ силы, протестующей противъ новыхъ порядковъ, противъ централизма, уничтожавшаго старую земщину. Покуда несогласіе съ господствующимъ порядкомъ выражается только въ спорѣ о церковныхъ обрядахъ—несогласныхъ слѣдуетъ оставить въ покоѣ; это—невѣжество, неразуміе, съ которымъ бороться можно только увѣщаніями и „добрымъ ученіемъ“, а не принудительными мѣрами, не достигающими никакой цѣли. Но если „церковные противники“ являются противниками правительства, отказываются исполнять общія для всѣхъ подданныхъ предписанія верховной власти и открыто возстаютъ противъ нея, тогда—другое дѣло: тогда ихъ нужно преслѣдовать и искоренять всѣми мѣрами, но совѣтъ не за то, что они крестятся двумя перстами—пусть хоть и вовсе не крестятся,—а за то, что они—бунтовщики. Таковъ былъ взглядъ Теофана Прокоповича на расколъ; это была точка зрѣнія совершенно государственная, девизомъ которой было „distinguo“—слово, значеніе котораго было совершенно непонятно для людей, стоявшихъ за старину и привыкшихъ отождествлять церковь съ государствомъ. Строгое ограниченіе сферы дѣятельности церкви и подчиненіе ея государству—дѣло, въ которомъ Теофанъ

часть ссх, отд. 2.

играль такую важную роль,—опредѣлило и воззрѣнія его на расколъ. Церковь имѣетъ власть только духовную, нравственную, и потому должна дѣйствовать только поученіемъ и увѣщаніемъ, а не принудительными мѣрами, право примѣнять которыя принадлежитъ только государственной власти; какъ церковь не должна вмѣшиваться въ дѣла государственныя, такъ и государственная власть не должна преслѣдовать людей за релігіозныя убѣжденія, если эти люди живутъ мирно и безпрекословно исполняютъ распоряженія власти. Этотъ взглядъ у Теофана, можетъ быть, выдержанъ не вполне послѣдовательно, проведенъ недостаточно опредѣленно; но Теофана, все-таки, слѣдуетъ признать первымъ русскимъ писателемъ, высказавшимся въ духѣ вѣротерпимости, и первымъ русскимъ іерархомъ, примѣнявшимъ—или, по крайней мѣрѣ, старавшимся примѣнять этотъ принципъ на практикѣ, совѣтуя царю дѣлать соответствующія распоряженія. Петръ, какъ извѣстно, и самъ раздѣлялъ мнѣнія Теофана, и еще въ 1716 г. включилъ въ архіерейскую присягу обязательство „съ противными церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостію поступать“¹⁾. Въ 1722 году отъ синода было издано увѣщаніе, написанное въ томъ же духѣ и, по всей вѣроятности, при ближайшемъ участіи Теофана; въ этомъ увѣщаніи синодъ, послѣ пространнаго разсужденія о невѣжествѣ и происходящемъ отъ него вредѣ, заявляетъ о своемъ намѣреніи „отвратить невѣждъ отъ суевѣрія“ и приглашаетъ всѣхъ раскольниковъ, сомнѣвающихся и колеблющихся въ вѣрѣ, явиться къ опредѣленному сроку „должнаго ради съ синодомъ о несогласіи ихъ разглагольствія, нескрѣтно и безъ всякой боязни“, съ тѣмъ, что имъ будетъ дана полная свобода и безопасность для изложенія своихъ мнѣній²⁾. Срокъ, назначенный для „разглагольствія“, нѣсколько разъ откладывался, причемъ прибавлялось уже, что съ неявившимися поступлено будетъ „безъ послабленія“; но раскольники, очевидно, хорошо помнили „смирненную, кроткую и душеполезную“ бесѣду съ ними Питирима и другихъ подобныхъ ему пастырей, и не смотря на самыя настоятельныя приглашенія, въ синодъ не шли, а заслушавъ о приближеніи къ ихъ скитамъ и пустынямъ „начальства“ и ожидая, по прежнимъ примѣрамъ, истязаній и мученій, предпочитали имъ добровольное самоожоженіе... Новое „пастырское увѣщаніе къ православнымъ христіанамъ“, изданное синодомъ

¹⁾ П. С. З., V, 2985, § 2.

²⁾ П. С. З., VI, 3891.

15-го января 1725 года ¹⁾, указывая на такіе факты, жалуется на раскольниковъ, которые „на безопасный тѣлесному и душевному здравію полезный разговоръ явитися не хоцуть... и тако сіи безсовѣстїи, безбожїи, не по совѣсти, ни по закону Божію ходящїи, нерадящїи о своемъ спасенїи, возлюбивше паче тьму, неже свѣтъ, не хотятъ прїити ко свѣту, да не обличатся дѣла ихъ лукавая. Влюдитесь убо таковыхъ — увѣщеваеть синодъ — яко псовъ, яко злыхъ дѣлателей, льстецовъ, лжеучителей; не мните быти у нихъ коему основанїю зловѣрія ихъ,—аще бо имѣли что, пришли бы и объявили бы намъ; на единомъ упрямствѣ точїю лжи и прелести утверждаются, не имуще вины о грѣсѣ своемъ, и весьма безсовѣстїи суть. Не токмо же блюдитесь ихъ, но и обличайте таковыя, и открывайте укрывающихся, и представляйте праведному суду государеву“.

Противорѣчіе раздражаетъ. Синодъ не выдержалъ мягкаго тона, рекомендованнаго Оеофаномъ, и по прежнему, разразился бранью на невѣжды, дерзнувшихъ не послушаться, когда ихъ снисходительно уговаривали и „честью просили“. Такая же двойственность замѣтна и въ дѣйствїяхъ правительства по отношенїю къ расколу. До слѣдствїя по дѣлу царевича Алексѣя, Петръ относился къ расколу съ полнымъ равнодушіемъ, не смотря на представленїя Стефана Яворскаго, которому поручено было вѣдать раскольниковъ дѣла,—о необходимости искоренить „язву“. По расчетамъ экономическимъ, онъ нашелъ нужнымъ даже юридически признать, и такъ сказать, оформить существованїе раскола, приказавъ заносить раскольниковъ въ двойной подушный окладъ. „Если они подлинно честны и прилежны“, говорилъ онъ,—„то пусть вѣруютъ, чему хотятъ; когда нельзя обратить ихъ отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособятъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками быть за глупость—ни они той чести не достойны, ни государство отъ того пользы имѣть не будетъ“ ²⁾. Вслѣдствїе такого взгляда на дѣло, по словамъ старообрядческаго писателя, „великому Петру монаршескую прїемлющу область, всюду гоненїя и муки о староцерковномъ благочестїи преставаху царскимъ милосердіемъ“ ³⁾. Вообще, Петръ хотѣлъ, главнымъ образомъ, только того, чтобы точно опредѣлить численность приверженцевъ раскола, для цѣлей фискальныхъ, и потому требовалъ, чтобы всѣ рас-

¹⁾ П. С. З., VII, 4635.

²⁾ Голицовъ, Дѣянїя, III, 156—157; VIII, 152.

³⁾ Правосл. Обзор. 1865, XI, 419.

кольники перешли въ „записные“, назначая строгія наказанія за ихъ укрывательство. Послѣ суда надъ царевичемъ, обнаружившаго между прочимъ, что въ расколѣ заключалось ядро народной оппозиціи противъ правительственныхъ нововведеній, Петръ сталъ, какъ будто, болѣе склоняться на сторону мѣръ, предлагавшихся Яворскимъ и другими духовными лицами, раздѣлявшими мнѣнія автора „Камня Вѣры“. Впрочемъ, и теперь не было рѣшительнаго поворота къ гоненію, и Петръ велѣлъ прибѣгать къ строгимъ наказаніямъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда „возможно явную вину сыскать, кромѣ раскола“¹⁾, и внушать раскольникамъ, что они преслѣдуются не за старую вѣру, а за неповиновеніе властямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ считалъ возможнымъ и нужнымъ дѣйствовать на расколъ путемъ миссіонерскимъ. Такъ, одновременно съ изданіемъ перваго синодскаго увѣщанія, въ 1722 году, въ одинъ изъ центровъ раскола— въ „Выгорѣцію“—былъ посланъ архимандритъ Неофитъ, которому дана особая инструкція. „Святѣйшій синодъ“, сказано въ ней,—„не намѣренъ ни каковымъ образомъ оныхъ (раскольниковъ) озлоблять, но со усердіемъ требуетъ свободнаго о противности съ ними разглагольствія“, устраняя всякія принудительныя мѣры со стороны гражданской власти. Неофиту данъ совѣтъ—„пригласить ландрата и прочихъ знатныхъ персонъ“, но не „для иныхъ какихъ способовъ, а единственно достовѣрнаго ради свидѣтельства, котораго-бъ никто пороковать не могъ,; велѣно раскольниковъ „къ скорому и неосмотрительному отвѣту не принуждать, а дать справиться съ книгами; съ упорными и непокорными никакой жестокости не употреблять, и свободы ихъ не пресѣкать“²⁾.

Феофанъ Прокоповичъ лично, какъ мы уже замѣтили, находилъ въ расколѣ только „смѣха и жалости достойную матерію“. При первомъ появленіи своемъ въ Великороссіи, онъ былъ пораженъ тою неудержимою страстью къ теоретическимъ богословскимъ спорамъ, какою отличались не только духовныя, но и свѣтскія лица; онъ замѣтилъ, что при крайне ничтожномъ количествѣ положительныхъ знаній, всякій считаетъ себя непогрѣшимымъ мудрецомъ, и что всѣ эти люди будучи „глуше Римскаго папы“, страдаютъ „болѣзнью богословство-

¹⁾ *Есиновъ*, Раск. дѣла XVIII ст., II, 221—222.

²⁾ Разказъ объ этой миссіи см. въ ст. *Н. И. Барсова* «Братья Денисовы», въ *Прог. Обзорніи* 1865, XII, и въ книгѣ *Г. В. Есинова* «Раск. дѣла XVIII ст.», т. II, статья «Бержевы».

ванія“; что вмѣсто стремленія къ истинѣ господствуютъ предразсудки, всякій лѣзетъ въ учителя, а учиться никто не хочетъ, „всѣ догматствуютъ, всѣ богословствуютъ, опредѣляютъ, рѣшаютъ, постановляютъ; число богослововъ почти равняется числу смертныхъ, и у каждаго свои догматы“. Эти слова, сказанныя, собственно, о московскихъ „латынщикахъ“, Θεοφάνη примѣняетъ и къ представителямъ древняго благочестія: „пьяные солдаты, негодные подъячїе, купцы и ремесленники, деньщики и маританты, даже женщины—превосходныя учительницы!—всѣ богословствуютъ“¹⁾). Ясно, что авторъ этихъ словъ руководится не злобою на еретиковъ, а досадою на людей, которые, ничего не смысля, мѣшаются не въ свое дѣло, въ спеціальность, о которой они имѣютъ такое же понятїе, какъ Калмыки объ архитектурѣ. При такомъ образѣ мыслей Θεοφана становится вполне понятнымъ, отчего онъ не могъ полемизировать съ расколомъ въ духѣ „Жезла Правленія“ и „Увѣта Духовнаго“, какъ полемизировалъ Θεοφιλάκτη Λοπατινσκїй, авторъ „Обличенія неправды раскольниковъ“, и не могъ предлагать противъ раскола такія рѣзкія мѣры, какія совѣтовались тѣмъ же Θεοφιλάкτoмъ и Θεοδοσίeмъ Яновскимъ. Послѣдніе считали, напримѣръ, необходимымъ совершенно разорить Выговское общежительство, между тѣмъ какъ Θεοφάνη велъ съ Семеномъ Денисовымъ богословскую переписку, и по словамъ раскольниковъ писателя, „словесы своими за Выговлянъ великимъ персонамъ возношаше“. Великія персоны склонялись на сторону Прокоповича, и Θεοδοσίη съ досадою отзывался, что „габнеть-де раскольникамъ прибѣжище и заступленїе“. Съ своей стороны, и расколъ съ благодарностью вспоминаетъ о „Θεοφάνη Προκοπίeвичѣ, архїепископѣ

¹⁾ Epistolae, pp. 53—57, 58. Ср. слова Дмитрія Ростовскаго: «Съ трудомъ можно гдѣ найти истиннаго сына церкви; почти въ каждомъ городѣ обрѣтается особая вѣра; простые мужики и бабы догматизуютъ и учатъ о вѣрѣ». (*Соловецкѣ*, XVI, 28). Θεοφιλάκτη Λοπατινσκїй также говорилъ: «Что мужикъ—то вѣра, что баба—то уставъ».

Выше (въ 1-й главѣ) мы упомянули о подобномъ же отзывѣ Григорїа Назїанзина, слова котораго примѣнялись нашими писателями къ своему времени и народу. Вотъ этотъ отзывъ: «Византія наполнена ремесленниками и рабами, глубокомысленными богословами, которые проповѣдуютъ въ своихъ мастерскихъ и на улицахъ. Если ты придешь къ мѣняль размѣнять серебряную монету, то онъ не пропуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ въ Троицѣ отличается Отецъ отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стоитъ фунтъ хлѣба,—онъ тебѣ отвѣтитъ, что Сынъ стоитъ ниже Отца; а на вопросъ, испеченъ ли хлѣбъ, скажетъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего».

Новоградскомъ“, не смотря на то, что Теофанъ не всегда дѣйствовалъ однѣми только мѣрами кротости ¹⁾).

Кромѣ всѣхъ этихъ сочиненій и трактатовъ, имѣющихъ непосредственную или отдаленную связь съ Духовнымъ Регламентомъ, Теофанъ написалъ, по порученію царя, особый политическій трактатъ въ оправданіе суда надъ наслѣдникомъ русскаго престола и новаго указа о престолонаслѣдіи. Этотъ указъ или „уставъ“, опубликованный 5-го февраля 1722 года, заключается въ слѣдующемъ:

„Объявляемъ, понеже всѣмъ вѣдомо есть, какою авессаломскою злостію надменъ былъ сынъ нашъ Алексѣй, что не раскаянемъ его оное намѣреніе, но милостію Божіею ко всему нашему отечеству пресѣлось; а сіе не для чего иного у него взросло, токмо отъ обычая стараго, что большому сыну наслѣдство давали... сей недобрый обычай не знаю, чего для такъ былъ затвержденъ (въ доказательство его негодности приводятся примѣры изъ св. писанія, изъ Степенной книги, и ссылка на царя Ивана Васильевича, который похвалемъ за то, что нѣсколько разъ перемѣнялъ назначенныхъ наслѣдниковъ престола), на что и другіе, сему подобныя есть довольныя примѣры, о которыхъ, краткости ради времени, нынѣ здѣсь не упоминаемъ, но впредь оныя особливо выданы будутъ въ печать.. заблагоразсудили мы сей уставъ учинить, дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оной хочетъ, тому и опредѣлить наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, дабы дѣти и потомки не впади въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ“ ²⁾).

Обѣщаніе издать особливо „довольныя примѣры“ было исполнено Теофаномъ, который въ томъ же 1722 году написалъ подробное

¹⁾ Чистовичъ въ *Чт. Общ. Ист.*, 1859, 136; *Есиповъ*, Люди стараго вѣка, 267 и сл.; *Барсовъ*, *Н. И.*, Историч., критич. и полемич. опыты, стр. 114—127 («Личность Теофана»). Въ раскольничьей библиотекѣ *Павла Любопытнаго* (*Чт. Общ. Ист.*, 1863, I, 50) говорится, что Семень Денжсовъ написалъ Теофану «важное и трогательное, благочестія и вѣтійства исполненное посланіе о православіи вѣры, о догматахъ и обрядахъ Христовой и Никоновой вѣры». Биографъ Теофана у *Шерера* (*Nord. Nebenst.*, I, 261) говоритъ, что онъ «hos schismaticos scriptis et consillis sapientissimis, tam moderatis, quam pro ratione temporis severioribus, impugnavit, plures claustris ad meliorem frugem et informationem inclusos, ab errore ad gremium ecclesiae revocavit». Слова Теофосія—въ *Русск. Арх.* 1864 стр. 135.

²⁾ П. С. З. VI, 3893. Ср. *Büsching's Magazin*, IX, 347 п XX, 392.

разсужденіе подъ заглавіемъ: „Правда воли монаршей во опредѣленіи наслѣдника державы своей“¹⁾, представляющее, въ сущности, подробное развитіе мыслей, высказанной въ „уставѣ“. Въ предисловіи къ этой книгѣ говорится, что она написана не для того, чтобы предохранить „уставъ“ отъ „прекословія нѣкихъ въ политическомъ ученіи сильныхъ противниковъ: ибо отъ числа таковыхъ философовъ ни единого, который бы уставъ сей опорочити имѣлъ, отнюдь не надѣемся;—и не для того, чтобы уставу подати нѣкое пособіе, еже бы увѣщать и преклонить подданныхъ къ принятію его: уставы бо и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ, яко должнаго. Едина же сочиненія книжицы сея вина есть, что понеже въ народѣ нашемъ обрѣтаются такъ непокойныя головы и страстію прекословія свербящая сердца, что никакогого установленія, отъ державной власти произносимаго, похвалити не хотятъ... и сѣютъ въ отечествѣ нашемъ мятежей плевелы, а иностраннымъ подаютъ безчестное мнѣніе о народѣ российскомъ, яко бы въ немъ варварскіе нравы и государямъ своимъ вѣрность притворная, и послушаніе за гнѣвъ токмо, а не за совѣсть, рабски, а не сыновнѣ творимое.. того ради, по согласію духовнаго и мирскаго главнаго правительства²⁾, судилося за благо сочинить сію книжицу, дабы безумнымъ, но упрямымъ уста заградить, простосердечныхъ же, но невѣжливыхъ отъ вреднаго оныхъ блазнословія сохранить невредимыхъ, купно же и иностраннымъ порочное о народѣ нашемъ мнѣніе отнять, и подати имъ вину лучшихъ о насъ помысловъ“³⁾. Цѣль, слѣдовательно—вполнѣ патріотическая: съ одной стороны—убѣдить „свербозычныхъ роптателей“, о чемъ Феофанъ особенно старался во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, потому что роптателей этихъ было не мало, и argumenta baculina Преображенскаго приказа оказывались для нихъ, не смотря на всѣ усилія Ромодановскаго, и Толстаго недостаточ-

¹⁾ Помѣщена въ П. С. З., VII, № 4870 (стр. 602—643) и у *Туманскаго*, Собр. разн. записокъ и соч., служ. къ доставл. свѣд. о жизни Петра В., X (1788), 123—243. Объ отдѣльныхъ изданіяхъ см. *Пекарскаго*, Н. и Л., II, 571—575, 664—665.

²⁾ Собственно—по указу царя, переданному черезъ новгородскаго архіепископа Феоносія и Петра Андреевича Толстаго (*Чистовичъ*, 120).

³⁾ Вѣроятно, съ этою послѣднею цѣлью «Правду» перевели на нѣмецкій языкъ и издали въ Берлинѣ, въ 1724 году.

ными ¹⁾; съ другой стороны—внушить иностранцамъ, что Русскіе—народъ благонравный, и что отзѣвы въ родѣ тѣхъ, какой сдѣланъ, на примѣръ, Гербиніемъ (и приведенъ нами выше) несправедливы. Если труды Теофана потратились понапрасну, такъ это зависѣло, конечно, не отъ него—онъ исполнилъ свою задачу вполне добросовѣстно,—а отъ того принципа, который онъ взялся защищать...

„Правда“ начинается восхваленіемъ „устава о наслѣдствіи“, который, по словамъ автора, „есть аки презерватива или предохранительное врачевство, и къ полученію добраго, и къ отдаленію злаго состоянія преполезнѣйшее“; онъ „не токмо никому же о неправдѣ подозрѣнію не подлежитъ, но какъ здравому и естественному разуму, такъ и самого Бога неложному слову согласуетъ“. Въ доказательство этого слѣдуютъ „резоны или доводы“, подтверждающіе, что какъ вообще отецъ можетъ лишить своего сына наслѣдства, такъ и государь можетъ избирать себѣ наслѣдникомъ кого угодно и отстранять отъ наслѣдства своихъ преемниковъ по закону. Въ этихъ доводахъ, представляющихъ, такъ сказать, философію произвола, Теофанъ воспользовался всѣмъ арсеналомъ своей учености; здѣсь находимъ самыя разнообразныя цитаты—изъ Св. Писанія и кодекса Юстиніана, изъ отцовъ церкви и Гуго Гроція, Ливія, Цицерона, Светонія, Кассіодора, Прокопія и пр. Разсуждая о различныхъ видахъ правленія, Теофанъ высказываетъ мнѣніе, что всякое правительство основано на общественномъ договорѣ,—„имѣетъ начало отъ перваго въ семь или ономъ народѣ согласія, всегда и вездѣ по волѣ своей, премудро дѣйствующю смотрѣнію Божію. Сіе же глаголемъ,—прибавляетъ онъ,—„о честномъ и правильномъ началѣ монархіи, не вспоминая здѣ монархій оныхъ, которыя начало приняли отъ нѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, насильствомъ народъ себѣ покорившаго“. Далѣе слѣдуетъ разсужденіе о преимуществахъ наслѣдственной монархіи предъ избирательною—тема, которой Теофанъ уже касался, какъ мы видѣли выше, въ одной изъ проповѣдей 1716 года ²⁾. Послѣ „резонновъ“ приводятся многочисленные „экземпли или примѣры, которые свободу и власть родительскую въ опредѣленіи наслѣдниковъ

¹⁾ Въ „Уставѣ“, впрочемъ не забыты и этого рода аргументы: «Кто же сему будетъ противенъ или инако какъ толковать станетъ—сказано тамъ,—тотъ за измѣнника почтенъ, смертной казни и церковной клятвѣ подлежать будетъ».

²⁾ Слова п Рѣчи, I, 101 п сл.

утверждаютъ“; примѣры эти дѣлятся на двѣ группы— „отъ исторій человѣческихъ“ и „отъ исторій Св. Писанія“.

Трактатъ заключается побѣдоноснымъ обличеніемъ приверженцевъ старины: „Узрѣвъ толикую доводовъ силу и толикій свидѣтелей облакъ, отъ естественнаго разума, отъ законовъ народныхъ, отъ примѣровъ историческихъ, еще же и отъ неложнаго слова Божія, не токмо видить (роптатель), что трудно ему аки противъ рожна прати, но и устами зѣнути отнюдь не можетъ. Что бо здѣ вопреки намъ речеть? Не оный ли безумный, упрямый и безотвѣтнымъ обычный отвѣтъ: дѣло новое? О, студнаго и окаяннаго суесловія! Аще бы и новое се дѣло, что же самая новость вредить?... Зло—и старое зло есть: добро—и новое добро есть. Развѣ бы еще сказалъ кто, что дѣло сіе у насъ не бывало. Хотя бы и не бывало—что противно?... Что же, хотя бы у насъ и не бывало, если доброе и полезное есть, яко же есть—бѣдны мы были, если не было у насъ, а благополучно, что у насъ настало. Первѣе явилося огненное оружіе у прочихъ народовъ, нежели у насъ; но если бы и къ намъ оное довелъ не пришло, — что бы было и гдѣ бы уже была Россія? Тожде разумѣи и о книжной типографіи, о архитектурѣ, о прочихъ честныхъ ученіяхъ. Разумный есть и человѣкъ, и народъ, который не стыдится перенимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ; безумный же и смѣха достойный, который своего и худаго отстать, чуждаго же и добраго принять не хочетъ... И отъ сихъ извѣстно, что упрямому прекословцу ничтоже ино здѣ остается, только нестерпимый студъ и жегомой совѣсти страданіе“.

Въ императорской публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ, въ отдѣлѣ иноязычныхъ книгъ о Россіи, находится небольшое разсужденіе нѣкогого Трейера (Gottlieb Samuel Treuer, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, касающихся Россіи) на ту же тему, на каковую написана „Правда воли монаршей“. Это—небольшая (24 стр. in—40) брошюра, впервые указанная Пекарскимъ ¹⁾ и озаглавленная: „Untersuchung nach dem Recht der Natur, wie weit ein Fürst Macht habe seinen Erst gebohrnen Printzen von der Nachfolge in der Regierung auszuschliessen“; она напечатана въ 1718 году, по поводу суда надъ Алексѣемъ Петровичемъ, о чемъ говорится въ ея предисловіи („das notable Exempel eines der grössesten Potentaten in Europa, welches zu dieser Scrifft Gelegenheit gegeben“...), и состоитъ изъ трехъ главъ: въ первой разсматривается вопросъ: имѣеть

¹⁾ Н. и Л., II, 428.

ли старшій сынъ государя естественное право на престолонаслѣдіе— и рѣшается утвердительно; во второй говорится о томъ, можетъ ли государь располагать престоломъ по своей волѣ, и въ какихъ именно предѣлахъ, и утверждается, что государь самодержавный имѣетъ право предоставлять престолъ, кому пожелаетъ; въ третьей излагаются причины, по которымъ сынъ государя можетъ быть устраненъ отъ престолонаслѣдія— „злонравіе“, неспособность и т. п. Заключение свои авторъ подтверждаетъ историческими и даже мнѣологическими примѣрами, ссылаясь, какъ и Теофанъ, на древнихъ классиковъ и на Гроція. При всемъ сходствѣ темы и содержанія въ „Исслѣдованіи“ Трейера и въ „Правдѣ воли монаршей“, нѣмецкая книжка, вѣроятно, не была извѣстна Теофану. Заключаемъ такъ, во первыхъ, потому, что Теофанъ не зналъ по нѣмцу, а во вторыхъ, потому, что онъ, придавая особенную цѣну свидѣтельствамъ иностранцевъ, не преминулъ бы упомянуть объ этой книжкѣ, если бы она была у него въ рукахъ.

Въ лейпцигскомъ изданіи Acta eruditorum 1723 года ¹⁾ появилась рецензія на трактатъ Теофана (можетъ быть, имъ же самимъ и написанная), въ которой излагается содержаніе книги и находится сочувственный отзывъ о распоряженіи царя, рѣшившагося предпочесть добродѣтель праву первородства, поставившаго благо страны выше своихъ личнымъ чувствъ.

Трактатъ Прокоповича, напечатанный вмѣстѣ съ „Уставомъ о наслѣдствіи російскаго престола“, тѣмъ самымъ приобрѣталъ силу законодательнаго акта. Еще большее значеніе получилъ онъ въ царствованіе Екатерины I, когда, вслѣдствіе распространившихся въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ подметныхъ писемъ, противники „устава“ были преданы торжественной анаемѣ (форму которой сочинилъ тотъ же услужливый Теофанъ), а „Правду“ нашли нужнымъ напечатать въ количествѣ 20 тысячъ экземпляровъ и разослать по всѣмъ провинціямъ для всенароднаго чтенія въ церквахъ. Изъ одного синодскаго дѣла ²⁾ видно, что ее предполагалось даже перевести на шведскій языкъ; но указомъ Петра II, въ іюлѣ 1727 года, велѣно было ее отъ всѣхъ

¹⁾ August., p. 348—353. Чистовичъ, 120—121.

²⁾ Дѣла архива св. синода, типогр., 1727 г., марта 20-го, № 4: „Ежели конечно шведскихъ кирахъ тѣ книги безпереводу ерускаго на шведской языкъ читать не могутъ, велеть и перевести и читать“ — распоряженіе Выборгской провинціи оберъ-коменданта Шувалова. Ср. *Историческія*, Н. и Л., II, 664.

отбирать. Четыре года спустя, при Аннѣ Іоанновнѣ, на „Правду воли монаршей“ снова ссылаются, какъ на актъ законодательный; вообще, на нее считали нужнымъ и удобнымъ сослаться въ оправданіе произвола въ дѣлѣ престолонаслѣдія ¹⁾. Впослѣдствіи князь М. М. Щербатовъ называлъ эту книгу „памятникомъ лести и подбострастія монашескаго изволенію государскому“; для того, чтобъ эту характеристику признать вѣрною, слѣдовало бы прибавить, что Теофанъ въ „Правдѣ“, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ этого періода, не смотря на ихъ льстивый тонъ, не говорилъ ничего такого, что противорѣчило бы его убѣжденіямъ; такимъ образомъ, его „подбострастіе“ заключалось, главнымъ образомъ, въ преувеличеніи тѣхъ частныхъ выводовъ и примѣненій къ современности, какіе дѣлались имъ изъ основнаго общаго принципа божественнаго права и пассивнаго повиновенія. Этотъ принципъ, къ которому привела Теофана безусловная преданность идеѣ реформы, и защитникомъ котораго онъ остался въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности, будучи проведенъ съ систематическою послѣдовательностью до самыхъ крайнихъ предѣловъ, имѣлъ для Теофана роковыя послѣдствія. Разъ вступивъ на этотъ скользкій путь, сойдти съ него уже трудно. Оправдывая всѣ дѣйствія Петра, Теофанъ былъ, по крайней мѣрѣ, панегиристомъ, истолкователемъ и защитникомъ реформы, въ которой видѣлъ залогъ благоденствія Россіи; но обстоятельства измѣнились, и Прокоповичъ, оставаясь вѣрнымъ своему принципу, неминуемо долженъ былъ, по выраженію того же князя Щербатова, „жертвовать законъ изволеніямъ Бирона“ и оставить въ исторіи свое имя на ряду съ именемъ ненавистнаго временщика....

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ Теофана исторіей. Мысль о составленіи русской исторіи вообще, и исторіи своего времени въ особенности, какъ извѣстно, сильно занимала Петра Великаго; онъ дѣлалъ распоряженія о собираніи историческихъ матеріаловъ, поручалъ разнымъ лицамъ „изъ русскихъ лѣтописцевъ выбирать и въ согласіе приводить прилежно“, самъ отмѣчалъ, что нужно „вписать въ исторію“ и т. д. Составленіе русской исторіи было еще въ 1708 году поручено Федору Поликарпову; тотъ занимался этимъ дѣломъ семь лѣтъ, за труды получилъ 200 рублей, однако его исторія „не очень благоугодна была“ ²⁾. По заключеніи Ништадтскаго мира

¹⁾ П. С. З. VII, 5131; VIII, 5909.

²⁾ См. *Пекарскаго*, Н. в Л., I, 315—323; *Соловьева XIII*, 190; *Смирнова*, Ист. моск. слов. — гр.-лат. акад., 74.

Петръ началъ заботиться о составленіи исторіи шведской войны, которую считалъ важнѣйшимъ событіемъ своего царствованія; плодомъ этихъ заботъ былъ сборникъ извѣстій о походахъ, сраженіяхъ и распоряженіяхъ царя по управленію, изданный впоследствии, по повелѣнію Екатерины II, кн. Щербатовымъ, подъ заглавіемъ: „Журналъ или поденная записка Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія ништадтскаго мира“. Есть основаніе предполагать, что матеріалы, занесенные въ журналъ въ сыромъ видѣ, имѣлось въ виду обработать и вообще „со украшеніемъ исторію сію собрать“, и что именно это дѣло было поручено Теофану. Во время Персидскаго похода въ 1722 году, Петръ сообщалъ Прокоповичу свои указанія на этотъ счетъ; Теофанъ отвѣчалъ: „Что присланнымъ нынѣ вашего величества указомъ въ достопамятныхъ славныхъ в. в. дѣлъ исторіи пополнить и исправить мнѣ повелѣно, то дѣломъ исполнить усердно тщуся“. Въ результатъ этого „тщанія“, получилась рукопись, также изданная впоследствии (1773 и 1788 гг.) кн. Щербатовымъ, подъ заглавіемъ: „Исторія императора Петра Великаго отъ рожденія его до полтавской баталіи, сочиненная Теофаномъ Прокоповичемъ“. Г. Чистовичъ, обозрѣвъ рукопись, служившую оригиналомъ для этого изданія¹⁾, пришелъ къ заключенію, что она вовсе не есть сочиненіе Теофана, а была только просмотрѣна и исправлена имъ по порученію государя, какъ дѣлалось это и съ другими сочиненіями и переводами²⁾. Въ общемъ это заключеніе совершенно вѣрно; но что касается до частныхъ, то намъ кажется, что г. Чистовичъ слишкомъ увлекся наружнымъ видомъ рукописи и, можетъ быть, не особенно внимательно отнесся къ ея содержанію; иначе онъ едва ли ограничилъ бы участіе Прокоповича въ этомъ трудѣ одними только незначительными поправками, касающимися „главнымъ образомъ — измѣненія словъ и оборотовъ изъ церковно-славянскаго языка на русскія“. Внимательное чтеніе этого труда должно привести къ нѣсколькимъ инымъ результатамъ. Прежде всего замѣтимъ, что книга дѣлится на четыре главы или „книги“. Первая—самая короткая—говоритъ о рожденіи Петра Великаго и о событіяхъ до начала Шведской войны, въ особенности—о стрѣleckихъ бунтахъ, о флотѣ и о путешествіи Петра за границу. Во второй начинается исторія Шведской войны, о причинахъ которой го-

¹⁾ Находилась прежде въ госуд. архивѣ, а теперь въ Публ. Библиотекѣ — Эрк. 1, 2, 73.

²⁾ О. Прокоповичъ, 121—124.

ворится согласно съ извѣстнымъ „Разсужденіемъ“; разказъ о войнѣ прерывается, въ началѣ третьей книги, отступленіемъ, трактующимъ объ основаніи и расположеніи Петербурга, и затѣмъ продолжается, уже безъ всякихъ отступленій, до Полтавской битвы, описаніемъ которой оканчивается вся книга. Разказъ о войнѣ основывается на походныхъ журналахъ, донесеніяхъ главнокомандующихъ, въ особенности же—на „Книгѣ Марсовой“ или собраніи реляцій о баталіяхъ до 1713 года. Изъ этихъ источниковъ дѣлаются, въ хронологическомъ порядкѣ, длинныя дословныя выписки; выписываются даже вѣдомости о томъ, сколько пушекъ взято или сколько выстрѣловъ сдѣлано въ томъ или иномъ сраженіи. Ясно, слѣдовательно, что большую часть книги нельзя считать сочиненіемъ Теофана. Онъ только внѣшнимъ образомъ соединялъ эти disjecta membra исторіи, вставляя въ текстъ, гдѣ находилъ нужнымъ, нѣсколько словъ, а чаще дѣлая на поляхъ замѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: „О семь справится надобѣ — о семь подлиннѣе писать—зри, здѣ пространнѣе положить (о томъ то)—реляцію вписать о баталіи“, и т. п. Изъ этихъ замѣтокъ только одна, по своей характерности, заслуживаетъ вниманія: въ разказъ о пребываніи царя въ Кіевѣ (1706 г.) Теофанъ находилъ нужнымъ вставить описаніе свадьбы свѣтлѣйшаго князя, то-есть, Меншикова....¹⁾.

Но, кромѣ этихъ краткихъ замѣтокъ и поправокъ, въ „Исторіи“ есть вставки болѣе обширныя и—несомнѣнно—принадлежащія перу Теофана. Таковы во второй книгѣ—рѣчи Карла XII и Петра Великаго къ своимъ войскамъ подъ Архангельскомъ и въ началѣ четвертой—характеристика Мазепы и Запорожской Сѣчи. Эти двѣ вставки мы считаемъ несомнѣнными произведеніями Прокоповича, потому что въ первой четверти XVIII столѣтія въ Россіи такъ писать могъ только онъ одинъ. Приведемъ, въ подтвержденіе сказаннаго, характеристику Мазепы, въ которой тонкая наблюдательность Теофана соединяется съ присущимъ ему малороссійскимъ юморомъ:

„Былъ въ то время въ Малой Россіи гетманъ Иванъ Мазепа, родомъ и самъ малороссійчикъ, или, какъ просто зовуть, черкасинъ, но понеже въ юномъ возрастѣ въ польскихъ дворахъ служилъ и всѣмъ тамошнимъ правамъ приобыкъ, хотя и безчестно оттуда (какъ повѣсть несетъ) вышелъ; однакъ къ народу оному весьма преклоненъ и паче нежели къ своему отечеству добротенъ являлся. Видѣли то

¹⁾ Ист. Петра В., изд. 2-е, М. 1788, стр. 162.

на немъ не по одному дѣлу, которые сблизка сообщаться ему могли; однакъ такъ хитрый былъ и пристрастїя своя утаивати искусенъ, что людемъ, которыхъ опасался, весьма не таковъ, каковъ внутри былъ, мнился быти. Великороссійскому наипаче народу, котораго весьма ненавидѣлъ, такъ любовнымъ, доброжелательнымъ и привѣтливымъ себя ставилъ, что таковой его злобы, какую послѣ изблевалъ, отнюдь начаятися было можно. Такъ и царскому величеству увѣривъ себя, не преставаъ различными мнимыми услугами и всякимъ вѣрности видомъ утверждать доброе о себѣ мнѣніе... Еще-жь и немощъ себѣ и всего тѣла дряхлость притворялъ, не былъ бо вонстинну такъ безсиленъ, какова являлъ себя, аки бы и стояти, и сидѣти долго не могъ; однакъ неотступныхъ держалъ лѣварей и часто отъ одра не вставалъ, весь пластырями обложенъ, стена тяжко и едва голосъ издавая, аки разслабленъ и полумертвъ. Такими притворы такъ обаялъ многихъ, что всякъ дерзнулъ-бы засвидѣтельствовать, не быти въ немъ кромѣ смерти иного чаянїя. Былъ догадливъ и мнителенъ паче мѣры, во всѣхъ словахъ и дѣлахъ чуждыхъ усматривая, нѣтъ-ли кося тайны. Но сіе свое любопытство съ великимъ и хитрымъ опасеніемъ хранилъ, такъ лице и очи въ бесѣдахъ управляя, будто онъ произнесенную отъ другого рѣчь, хотя и была иносказательна, не больше разумѣлъ, только какъ слышалъ. Если же нѣчто ясно было предложено, тшился умно отвѣтствовать, дабы его прочїи имѣли за простосердечнаго, да не за глупаго; хитростенъ же вельми былъ, какъ пристрастїя людскїя познавать, и кто кому доброжелателенъ или противенъ и къ чему преклоненъ, увѣдать, различныя на сіе способы прибирая; наипаче же проискивалъ того въ пированїи, щедродарствуя и учреждая допьяна, такожь и самъ, якобы излишне хмѣленъ, открывая будто сердце свое, и въ толикихъ коварствахъ своихъ часто съ воздыханіемъ прережалъ на хитрыхъ людей, и простосердечїе похвалялъ; и такъ и присутствующихъ гостей ловилъ, и черезъ нихъ извѣдывалъ и иныхъ, друговъ и господиновъ ихъ; такожь поступать научалъ и нѣкихъ тайниковъ своихъ, однакъ таковыхъ и таковой видъ являющихъ, чтобъ не можно гостеви познать, что они его секрету служатъ... А понеже намѣренїе его было отторгнуть отъ російской державы Малую Россїю и паки подвести подъ иго польское; того ради, дабы народъ малороссійскїй, яко отъ природы отъ поляковъ отвращенъ, не догадался таковыхъ его умысловъ, великимъ показывался православїя ревнителемъ, — церкви каменныя сози-

далъ, сосуды и утвари церковныя и иная его подаянія всуды были...“¹⁾).

Не говоря о слогѣ, — кн. Щербатовъ самъ сознается, что онъ исправлялъ слогъ „Исторія“, — намъ кажется, что всякій, знакомый съ трудами Феофана и его манерою выражаться (вообще, а не съ его языкомъ въ частности), прочитавъ этотъ отрывокъ, долженъ признать его вышедшимъ изъ-подъ пера Прокоповича, на томъ простомъ основаніи, что кромѣ его написать это было некому. То же слѣдуетъ сказать и объ упомянутыхъ нами рѣчахъ, и о изображеніи Запорожья, которыхъ мы здѣсь не станемъ выписывать. Къ Сѣчи Феофанъ относится очень строго, называя ее, какъ и Стефанъ Яворскій, гнѣздомъ разбойниковъ, буйною ватагою, не знавшею закона; это и понятно при той роли, какую играли Запорожцы въ Шведской войнѣ, и съ той точки зрѣнія, съ какой Прокоповичъ вообще смотрѣлъ на событія русской исторіи.

И такъ, „Исторія Петра Великаго“, въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась въ рукописи и дважды издана Щербатовымъ, представляется намъ въ такомъ видѣ: это были черновыя тетради, въ которыя кто-нибудь, по приказанію царя, выписывалъ изъ реляцій и другихъ документовъ свѣдѣнія о событіяхъ, располагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ; Феофанъ заботился объ „украшеніи“ этой исторіи, поправляя слогъ, дополняя разказъ своими вставками, связывая воедино отдѣльныя его части; при этомъ онъ набрасывалъ и самъ нѣсколько страницъ, въ родѣ указанныхъ нами (болѣе мелкія вставки трудно видѣлить). Затѣмъ все это было переписано набѣло, и Феофанъ снова сталъ просматривать рукопись и поправлять слогъ, при чемъ на поляхъ дѣлалъ замѣтки о томъ, что ему казалось нужнымъ внести въ нее. Такимъ образомъ, и эта вторая рукопись, попавшая въ печать, есть не болѣе, какъ черновая, не отдѣланная окончательно. Можетъ быть, этой окончательной отдѣлкѣ помѣшала смерть царя; можетъ быть, и самъ Петръ былъ не особенно доволенъ представленною ему въ такомъ видѣ исторіей — теперь сказать трудно.

Феофанъ вообще интересовался исторіей и на занятія ею посвящалъ часть своего времени. Татищевъ, близко его знавшій, говоритъ, что онъ „въ испытаніи древности великое показалъ тщаніе“. Тотъ-же Татищевъ сообщаетъ, что Прокоповичъ сочинилъ книжицу объ Амазонкахъ, въ которой „многими отъ древнихъ доводы“ доказы-

¹⁾ Тамъ-же, 184—187.

вадь, что онѣ были славянскаго происхожденія. „О томъ, что они были Славяне“, говоритъ Татищевъ, — „онъ пространно доказывалъ, что мнѣ не весьма памятно, и книжицы оной ни въ кабинетѣ, ни въ бібліотекѣ его величества не отыскано, токмо вѣдаю, что черная въ его письмахъ осталась“¹⁾. Не ошибается ли, однако, нашъ историкъ? Дѣло въ томъ, что въ 1722 году была напечатана „Книга історіографія початія имене, славы и разшіренія народа славянскаго“ — переводъ сочиненія Мавра Орбини „Il Regno degli Slavi“; въ этой книгѣ авторъ-католикъ утверждаетъ, что просвѣтитель Славянъ Кириллъ былъ посвященъ въ епископы папой Адрианомъ III, а Меоодій, братъ Кирилла, скончался въ Римѣ. Въ русскомъ изданіи, въ концѣ книги, помѣщено „разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меоодіи“, въ которой приведенное выше мнѣніе опровергается цитатами изъ сочиненій Кедрина, Куропалата, Зонары, Баронія, Нестора, Длугоша, Венцеслава, лѣтописца чешскаго, Блюдуса, Сабелликуса и Кромера. Это разсужденіе въ перечнѣ сочиненій Прокоповича — въ собраніи его словъ и рѣчей, — у митр. Евгенія и Филарета и у Пекарскаго приписывается Теофану; но г. Чистовичъ документально доказалъ, что оно составлено Теофилактомъ Лопатинскимъ. Такъ какъ въ прошломъ столѣтіи участіе Теофана въ русскомъ изданіи Орбини считалось несомнѣннымъ, а въ книгѣ этой есть, между прочимъ, глава „О амазонахъ женскаго полу, славныхъ войнахъ славянскихъ“, то не былъ ли Татищевъ введенъ этимъ въ заблужденіе, тѣмъ болѣе что по собственному его сознанию, сущность дѣла была ему „не весьма памятна?“ Вопросъ этотъ, конечно, остается открытымъ, потому что нѣтъ основанія положительно утверждать, что Теофанъ самъ не могъ высказать объ Амазонкахъ подобное мнѣніе; извѣстно, что Тредіаковскій думалъ о нихъ точно также²⁾.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ разсужденіи Прокоповича, относящемся къ тому же времени. Въ 1722 году, по возвращеніи изъ Персидскаго похода, царь, на одномъ праздникѣ, заведъ рѣчь о языческой религіи, и узнавъ, что объ этомъ предметѣ есть сочиненіе Аполлодора, приказалъ въ синодѣ перевести его на русскій языкъ, что и было исполнено типографскимъ справщикомъ Барсовымъ. Книга напечатана въ январѣ 1725 года, подъ заглавіемъ: „Аполлодора грамматика аеинейскаго бібліотеки или о

¹⁾ Ист. Росс., I (М., 1768), 41, 436, 438.

²⁾ Пекарскій, Н. и Л., I, 331—332, Чистовичъ, 30.

богахъ“¹⁾. Петръ поручилъ Феофану написать къ ней предисловіе, въ которомъ „объяснить намѣреніе, съ каковымъ книга та переведена, и въ концѣ той книги окончаніе изъ христіанскихъ писаній, для вѣдѣнія толъ книги прочитывающимъ, въ которомъ объявить, како язычники, прежде повнанія христіанскаго благочестія, въ невѣрствіи своемъ заблуждалися, и каковыхъ боговъ имѣли“. Исполняя это порученіе, Феофанъ объясняетъ читателямъ, какая польза для христіанина заключается въ томъ, чтобы знать, въ чемъ именно состоитъ „мерзкое многобожія зловѣріе“, перечисляетъ боговъ греческой и римской мнелогіи, говоритъ о поэтахъ, и т. п.

По свидѣтельству біографа Феофана у Шерера, онъ написалъ еще (неизвѣстно только, въ какую именно пору своей жизни) церковную исторію, въ которой описалъ ученіе и священные обряды православной церкви до Константина Великаго и показалъ происхождение различныхъ суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ²⁾. Сочиненіе это, о которомъ нигдѣ болѣе не упоминается, слѣдуетъ, вѣроятно, считать утраченнымъ.

Въ этомъ періодѣ своей дѣятельности Феофанъ, повидимому, рѣдко произносилъ проповѣди; по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ свѣдѣнія только о пяти проповѣдяхъ его (по одной на каждый годъ). Это и неудивительно, такъ какъ онъ и безъ того былъ чрезвычайно занятъ дѣлами по синоду и по составленію разсмотрѣнныхъ нами выше сочиненій.

28-го января 1722 года, въ Москвѣ, во время торжествъ по поводу заключенія Ништадтскаго мира, Феофанъ, по повелѣнію царя и въ его присутствіи, произнесъ (въ Успенскомъ соборѣ) обширное слово о значеніи счастливо окончившейся продолжительной войны со Шведами³⁾. Тема этого слова, которую разрабатывали и другіе проповѣдники—Яворскій, Бужинскій, Лопатинскій—заключается въ сравненіи обѣихъ воевавшихъ сторонъ между собою, и затѣмъ—въ сравненіи Россіи допетровской съ Россіей, преобразованною Петромъ, — „ибо“, говоритъ Прокоповичъ,—„соразсужденіе бывшихъ нашихъ немощей съ силою противившейся намъ стороны покажетъ ясно, какое милостивое сотворилъ съ нами смотрѣніе свое Вышній въ прошедшей войнѣ, чрезъ сего великаго министра своего, державнѣйшаго

¹⁾ Пекарскій, Н. и Л., II, 630—632; Голиковъ, Дѣянія, XV, 244—245.

²⁾ Чистовичъ, 590.

³⁾ Напечатано 2-го августа 1723 г.—Слова в Речи. II, 71—97.

нашего императора". Война началась съ того, что „раздраженная отъ Швеціи Россія яко съ просонья на противника своего устремилася, и метнувшись на Швецію, силы оной не разсуждала“; всѣ выгоды были на сторонѣ непріятелей, но побѣда, все-таки, осталась за нами— явное доказательство особеннаго благоволенія Божія къ Россіи. Сдѣлавъ краткій обзоръ войны съ этой точки зрѣнія, проповѣдникъ приходитъ къ заключенію, что „главное дѣло смотрѣнія Божія—данный Россіи во главу тѣлѣй и толь дивными талантами обогащенный мужъ. Видимо смотрѣніе отъ начала царствованія его: коль страшная безбожныхъ мятежниковъ возстанія — ужасно и воспоминати; мощно знати, что шатался то діаволь; однакожь все оное шатаніе не человѣческою, но нѣкоею невидимою силою укрощено, намѣреннаго конца своего не получило. Когда же воспоминаемъ, что выше-помянутымъ злодѣямъ или помогало, яко собою возъярившимся, или вмѣсто орудія вражды своя, яко на зло готовыхъ, употребило лицо другое... кто таковъ? которое лицо? увы, бѣдствія и стыда! срамно говорити: лицо, ему (царю) единоутробное... да кто же онъ таковъ? оле! трепещеть языкъ таковаго имени въ таковомъ дѣлѣ произносити! оле! увы! сестра! родная сестра, да природному своему званію противная и аки бы утробу свою отъ себе извергшая...“ Далѣе, въ томъ же тонѣ, вспоминается 1718 годъ — „неслыханное и необычное бѣдство — сыновнее на отца возстаніе, да каковое? и сродными, и кровными сконники вооруженное, и разнообразныхъ злодѣевъ, лукавыхъ рабовъ, и лицемѣрныхъ святцевъ, и сильныхъ, и немощныхъ, и богатыхъ, и нищихъ суккурсами поддержанное“, — „свирѣпый бунтъ донскій и жестокий мятежъ астраханскій“ и измѣна „окаяннаго“ Мазепы. Послѣ всего этого проповѣдникъ указываетъ на счастливыя послѣдствія, какія имѣла для Россіи война именно со Шведами, а не съ какимъ-либо инымъ изъ сосѣднихъ народовъ: „аще бы нѣтъ кто-либо къ войнѣ возбудилъ Россію, все не то было бы, что уже есть; мало то, что отнятыя нѣкія страны не были бы возвращены: но то большее, что не умѣла бы еще Россія и трактовати, и воевати съ европейскими народами: не разумѣла бы намѣреній, претенсій и хитростей ихъ, не вѣдала бы силъ и регулъ воинскихъ, не отворила бы себѣ моря сѣвернаго, и къ честной съ лучшимъ свѣтомъ коммуникаціи, и къ безопаснѣйшему предѣловъ своихъ охраненію... нынѣ же чрезъ сію войну получила Россія все лучшее, изучилася недовѣдомыхъ себѣ, земный и водный путь къ пользѣ и славѣ своей отворила и великимъ безопасіемъ оградила отечество свое“.

Послѣ этого объясненія, проповѣдникъ задается вопросомъ: чѣмъ мы можемъ и должны благодарить Бога за такое благоволеніе къ Россіи? Такая благодарность должна состоять, вопервыхъ, въ стараніи всѣми силами поддерживать и развивать то, что создано Петромъ Великимъ,—регулярное войско и флотъ; во вторыхъ, въ заботѣ правительственныхъ лицъ о всенародной пользѣ. Вы желаете, говорить Ѣофанъ,—чтобы весь народъ сознательно радовался миру; но какъ же можетъ онъ радоваться, если не будетъ ощущать на себѣ благихъ послѣдствій этого мира? „Мира плоды отъ внѣ—безпечаліе отъ нашествія и безопасности къ чужимъ странамъ, купли ради и политическихъ пользъ многихъ, исходы и входы; но сія уже благополучнымъ самодержца нашего оружіемъ получили мы. Плодъ же мира отъ внутри есть умаленіе народныхъ тяжестей, что будетъ, если не будетъ расхищеніе государственныхъ интересовъ; плодъ мира есть—своей всякому чести и имѣнія цѣлость, питомъ правды сохраняема, что будетъ, если не будетъ въ судѣхъ тлетворныя страсти и злодѣйственныхъ взятокъ; плодъ мира есть общее и собственное всѣхъ изобиліе, что будетъ, если переведется многое множество тунеядцевъ, искоренятся татбы и разбой, и искусство экономическое заведется; плодъ мира есть всякихъ честныхъ ученій стяжаніе,—что будетъ, если отложя высокое о насъ мнѣніе, гнушаться начнемъ грубости и невѣжества и дѣтямъ нашимъ лучшаго во всемъ (ревнуя прочимъ честнымъ народамъ) исправленія возжелаемъ“. Во всѣхъ публицистическихъ сочиненіяхъ Ѣофана это мѣсто—едва ли не единственное, гдѣ онъ, какъ будто, обращается не отъ имени правительства къ обществу, какъ обыкновенно говорилъ онъ,—а отъ имени общества къ правительству, являясь не истолкователемъ правительственныхъ мѣропріятій, а ходатаемъ въ пользу элементарныхъ народныхъ нуждъ предъ лицомъ власти. Онъ и самъ, по видимому, сознаетъ, что заговорилъ въ необычномъ для него тонѣ, и тутъ же старается поправить свою „неловкость“ оговоркою, что „не моего искусства есть о семъ подробну разсуждати: искуснѣе о семъ разсудятъ высокоправительствующая сословія“. Такимъ образомъ, на примѣрѣ Ѣофана — образованнѣйшаго русскаго человѣка своего времени—оправдались слова, сказанныя вѣкогда Крижаничемъ: „Базенная дума есть одинъ изъ наипотребнѣйшихъ промысловъ для Русскаго народа. Въ иныхъ земляхъ и народахъ могло бы быть сіе казенное думанье излишне, то-есть, тамъ, гдѣ людство само по себѣ и отъ природы своей есть быстрого разума, домысливо, работ-

ливо, заботливо; а въ семь русскомъ преславномъ государствѣ казенныя думы никакъ не лишни, но всячески корыстны и потребны: ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, аще имъ ся не покажетъ...¹⁾ Теофанъ является во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ именно защитникомъ „казенной думы“, и съ своей стороны считаетъ совершенно неумѣстнымъ вдаваться въ какія бы то ни было разсужденія объ общественныхъ нуждахъ и интересахъ съ точки зрѣнія самого общества. Последнее, по его понятіямъ, не должно имѣть въ своихъ дѣлахъ никакого голоса: для этого оно не компетентно, все это гораздо „искуснѣе“ разсудить другіе; ему же нѣтъ надобности объ этомъ заботиться — за него думаетъ и все дѣлаетъ „казенная дума“, такъ что ему остается только повиноваться и благодарить. Даже приведенное нами выше мѣсто изъ проповѣди Теофана, гдѣ онъ, по видимому, обмолвился, въ сущности, представляетъ отголосокъ той же „казенной думы“ — рѣчи Петра къ сенату, въ которой кратко сказано то же самое, что проповѣдникъ развилъ подробнѣе, въ болѣе изящной литературной формѣ...

Въ слѣдующемъ (1723) году Теофанъ произнесъ проповѣдь въ день царскихъ именинъ, въ Троицкомъ соборѣ. Изъ синода былъ посланъ Гавріилу Бужинскому указъ „оную проповѣдь напечатать, въ обычномъ тетрадей числѣ, немедленно“; но Бужинскій указа не принялъ, отвѣчаясь, что „означенной проповѣди ему отъ преосв. Теофана не отдавано, и печатать безъ той формы (!) нечего, а какъ оная форма ему будетъ отдана, тогда бѣ оной указъ и принести“. Болѣе мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этой проповѣди²⁾. Можетъ быть, это была импровизація, не записанная авторомъ.

7-го мая 1724 года Петръ короновалъ свою супругу въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ. Проконовичъ произнесъ при этомъ похвальное и привѣтственное слово, въ которомъ доказывалъ историческими „прилогами“, что изъ всѣхъ женщинъ, когда-либо носившихъ корону, Екатерина — самая достойная, потому что въ ея великой душѣ всѣ добродѣтели „во вселадкую армонію согласуются“, и что, конечно, „самъ Богъ высокое свое къ монархинѣ нашей благоволеніе, многообразными знаменіи показанное, преславною сею коронаціею запечатлѣти изволилъ“³⁾.

¹⁾ Русск. Госуд., I, 42—43.

²⁾ Пекарскій, Н. и Л., II, 595.

³⁾ Слово это напечатано (безъ конца) въ Собраніи словъ и рѣчей Теофана, II, 103—111.

Наконецъ, въ день новаго (1725) года Феофанъ произнесъ (въ Петербургѣ) небольшую проповѣдь, разъясняющую смыслъ христіанскаго поздравленія съ новымъ годомъ ¹⁾. Эта проповѣдь замѣчательна по вставленной въ нее юмористической выходкѣ противъ раскольниковъ, выразившихъ свое недовольство по поводу обращенія сентябрьскаго новолѣтія въ январское ²⁾. „Новый годъ отъ сего дне начинаемъ“, говоритъ Феофанъ,—„слава Богу! но не слава Богу у лжебратіи нашей раскольниковъ. Ибо ихъ учителя, желая славиться видомъ всякія премудрости, не довольно себѣ имѣютъ показывать искусство свое въ богословіи, чудныя воистинну составляя догматы и священнымъ писаніемъ нарицая тетради невѣдомыхъ авторовъ. Еще къ тому служить имъ и фісика, о зачатіи, на примѣръ, младенца во чревѣ матернемъ, и грамматика, о нарѣчій „вѣкомъ“, а не „вѣковъ“, и о имени Иисусовѣ, и географія, о земномъ раи, о Римакъ, о Вавилонакъ, и ариметика, о аллилуи, и архитектура, о дѣланіи крестовъ, и музыка, о церковномъ пѣніи, и мануфактура, о камилавкахъ и клобукахъ, и еще не знаю какая хитрость о сложеніи перстовъ, буде то не хиромантія: такъ много знаютъ они господа! Что же? чудо было бы, если бы они оставили хронологію; не оставили, ибо перенесенное отъ септемвриа на генварь новолѣтіе, которое уставилъ державнѣйшій монархъ нашъ лучшаго ради сословія съ народами европейскими въ контрактахъ и трактатахъ... ставятъ въ великую ересь панамари апостати, и погубленіемъ лѣтъ Божіихъ нарицають. Се видимъ—и хронологи они суть изрядніи!“ Проповѣдникъ доказываетъ, что нѣтъ непреложнаго закона, который бы обязывалъ начинать годъ съ того, а не съ другаго дня, и что „въ вещехъ среднихъ, каковое есть новолѣтіе, если что опредѣляютъ власти верховныя, всякаго подданнаго совѣсть одоужается къ послушанію“.

¹⁾ Напечатана 8-го января того же года.— Слова и Рѣчи, II, 113—125.

²⁾ «И той лже-Христосъ... въ 1700 году возобнови, по совершенномъ своемъ злобѣ совершеніи, новолѣтіе янусовское... Собра весь свой поганскій синглитъ и постави храмъ идолу ветхо-римскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, чрезъ діавола, подъ видомъ евангазіи, и вси воскликнуша ему единогласно: «Вивать, вивать Новый Годъ!» и отъ того дни расосла своя указы во всю Россію... Въ господни лѣта истреблены, а сатанины возвѣщены». *Чтенія Общ. Ист.*, 1863, I, смѣсь, стр. 53—55.

28-го января того же года Петра Великаго не стало. Теофанъ, вмѣстѣ съ недругомъ своимъ, Теофилактомъ Лопатинскимъ, присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ жизни царя и оставилъ объ этихъ минутахъ „Краткую повѣсть“¹⁾. Поводомъ къ написанію этой „Повѣсти“ послужило, по словамъ автора, между прочимъ, и то, что „о семъ несовершенныя повѣсти, отъ иностранныхъ печатанна, произошли; и какъ онны“, прибавляетъ Теофанъ,—„много отъ сущей истины отстоятъ, понеже составлены изъ реляцій куріозныхъ, и отъ совершеннаго извѣстія о семъ не имѣющихъ людей начало свое имѣютъ, то понуждаютъ насъ, дабы мы, какъ самовидцы-свидѣтели, которымъ все сіе извѣстно есть, истинную повѣсть написали, которую, свидѣтельствующей намъ совѣсти нашей, никаковымъ работствуя страстемъ, прямо, какъ дѣлалось, предложимъ“. Теофанъ разказываетъ, довольно обстоятельно, о болѣзни царя, и о томъ, съ какими чувствами находились у его смертной постели разныя приближенныя лица, въ особенности же государыня; подробно передаетъ обстоятельства смерти Петра, не упоминая, однако, о томъ, что за нѣсколько часовъ предъ смертью онъ хотѣлъ писать завѣщаніе; затѣмъ разказываетъ о вступленіи на престолъ Екатерины I: „Нѣдцы разсуждать почали, подаетъ ли право такое (на престолъ) коронація; когда и въ прочихъ народахъ царицы коронуются, а для того наслѣдницами не бывають. Но тогда нѣкто²⁾ вспомнулъ, съ какимъ намѣреніемъ государь супругу свою короновалъ... (для того) что еще бы какимъ случаемъ его не стало, прездный престолъ тако безъ наслѣдника не остался бы и всякая вина мятежей и смущеній благовременнѣе пресѣчена быть могла бы. О такомъ намѣреніи покойнаго императора оный нѣкто вспомнать, слался на свидѣтельство слышавшихъ оное государево слово и здѣ присутствующихъ; что единъ первѣе ясно подтвердилъ, таже и прочіе засвидѣтельствовали. И тако безъ всякаго сумнительства явно показалося, что государыня императрица державу российскую наслѣдствовала, и что не елекція дѣлается, понеже прежде уже наслѣдница толь чинно и славно поставлена“.

Въ этомъ объясненіи—причина и цѣль изданія книжки Теофана.

¹⁾ О смерти Петра Великаго краткая повѣсть. С.-Пб. 1726 (по *Сомикову*, I, 826,—1725, 4°). Впоследствии перепечатана въ С.-Пб. 1819 и 1831 г., 8°.

²⁾ Самъ Теофанъ: см. разказъ *Бассевича* въ *Русск. Арх.* 1865 года, стр. 628—632.

Устраненіе отъ престола малолѣтняго сына царевича Алексѣя и необычное, по тому времени, воцареніе женщины вызвало разныя „сумнительства“ не только въ народѣ на который не обращали особеннаго вниманія, но и въ высшихъ классахъ общества, на что указываетъ и Феофанъ; кромѣ того, неизвѣстно еще было, какъ будетъ принято воцареніе Екатерины иностранными державами. Въ виду всего этого, было необходимо найти и представить какое-нибудь вѣское доказательство правильности и законности совершившагося факта.

Такимъ доказательствомъ послужили приведенныя Феофаномъ и засвидѣтельствованныя другими лицами слова Петра, ясно выражавшія его волю. Напечатаніе „Краткой повѣсти“ и ея распространеніе въ переводахъ на латинскій и нѣмецкій языки было, такимъ образомъ, дѣломъ политической необходимости.

„Повѣсть“ оканчивается подробнымъ описаніемъ церемоніала погребенія царя.

На смерть Петра Великаго Феофанъ произнесъ двѣ проповѣди: первую—въ день погребенія царя, 1-го марта, вторую—въ день Петра и Павла ¹⁾. Проповѣдь на погребеніе долгое время считалась образцовою и помѣщалась въ христоматіяхъ, хотя, въ сущности, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Она очень коротка и состоитъ почти изъ однихъ восклицаній и уподобленій; но она не есть порывъ непосредственнаго скорбнаго чувства, вылившагося въ сильномъ словѣ; она представляетъ произведеніе искусственное, кабинетное, строго-размѣренное, написанное по всѣмъ правиламъ школьной риторики. Самаринъ ²⁾ справедливо замѣчаетъ, что въ Феофанѣ элементъ мыслительности преобладалъ надъ чувствомъ, и что его критическое направленіе, обсуживаніе, анализъ, выражающійся во всѣхъ

¹⁾ Обѣ эти проповѣди, напечатанныя отдѣльно въ томъ же году, были переведены самимъ авторомъ на латинскій языкъ и напечатаны вмѣстѣ съ латинскими же переводомъ «Краткой повѣсти», въ 1726 г., въ Ревелѣ и Гамбургѣ, подъ заглавіемъ: «Lacrymae Roxolanae, seu de obitu Petri Magni brevis narratio duaeque de laudibus ejusdem divi principis orationes». Въ томъ же году въ Гамбургѣ вышелъ и нѣмецкій переводъ этой книжки: «Russland's Thränen, oder kurze Nachricht vom Tode Petri des Grossen. Aus d. latein. ins teutsche übersetzt». 4°. Латинскій переводъ перепечатанъ впоследствии (1743) въ «Lucebrationes Th. Prokopowicz», р. 5—84; по русски обѣ проповѣди—въ собраніи словъ и рачей Феофана, II, 127—169.

²⁾ Сочиненія, V, 442.

его трудахъ, не допускалъ въ немъ сильнаго порыва. Приступъ надгробнаго слова—такъ называемый „стремительный“:

„Что се есть? до чего мы дожили, о Россіане! что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? ахъ, какъ истинная печаль! ахъ, какъ извѣстное наше злоключеніе! Виножникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толкую силу и славу, или паче—рождшій и воспитавшій, прямой сынъ отечества своего отецъ... противно желанію и чаянію скончалъ жизнь“... Затѣмъ проповѣдникъ говоритъ о значеніи этой утраты для Россіи и въ рядѣ сравненій перечисляетъ качества и труды Петра: „Се оный твой, Россіе, Сампсонъ... се твой первый, о Россіе, Іафеть... се Моисей твой... се твой Соломонъ... се твой, о церкви Россійская, и Давидъ, и Константинъ...“ Далѣе слѣдуетъ утѣшеніе: Петра не стало, но духъ его живетъ съ нами въ его дѣлахъ, живетъ въ достойной его преемницѣ — Екатеринѣ. Слово заключается молитвою къ Богу о утѣшеніи печали и обращеніемъ къ Россіи: „Но, о Россіе! види, кто и каковый тебе оставилъ, виждь и какову оставилъ тебѣ“.

Другое, пространное слово Теофана — „на похвалу Петра Великаго“—представляетъ подробную и полную характеристику лучшихъ сторонъ личнаго характера царя и перечень важнѣйшихъ событій его царствованія, такъ-сказать общій выводъ изъ всѣхъ прежнихъ похвальныхъ и привѣтственныхъ проповѣдей Проклоповича. Какъ почти всѣ эти проповѣди, слово это дѣлится на двѣ главныя части: „Посмотримъ“; говоритъ Теофанъ, — „на двойственную должность и дѣло, — первое, яко просто царя, второе, яко царя христіанскаго, и каковъ и коликъ въ обоихъ сихъ Петрѣ показался“. Обязанности царя вообще заключаются въ защищеніи и добромъ управленіи государства, для чего необходимо обладать военною силою и политическимъ разумомъ; Петрѣ обладать обоими этими качествами, и при томъ въ высшей степени. Теофанъ говоритъ о рано проявившейся въ Петрѣ склонности къ воинскимъ занятіямъ, объ учрежденіи регулярнаго войска, о построеніи флота, наконецъ—о войнахъ съ Турціей и Швеціей. Говоря о первой, онъ затрогиваетъ и „восточный вопросъ“, замѣчая, что „крѣпкое его (царя) намѣреніе было поирати и умертвити дракона Магометова, или поне изгнати его изъ рая восточнаго,—и не безнадежное того чаянія было, аще бы ты, о добрая Европа! отстала права и обычая своего, то-есть не согласія и рве-

ня, и еще бы другъ другу, во общемъ всѣхъ бѣдствіи, не завидѣль, но споспѣшествовалъ“. Говоря о второй войнѣ, повторяетъ то, что было сказано въ проповѣдяхъ по поводу Полтавской побѣды и Ништадтскаго мира. Переходя затѣмъ къ государственной дѣятельности Петра, проповѣдникъ замѣчаетъ, что онъ принадлежалъ къ числу немногихъ государей, умѣвшихъ соединять съ войною попеченія о гражданскомъ устройствѣ и внутреннемъ исправленіи. Онъ отправился въ далекое, необычное и трудное путешествіе по Европѣ, не для своей только, но для общей пользы всего своего народа: „Единоличное свое и собственное добро, еслибы не сообщилъ всему отечеству своему, никогда бы въ добро себѣ не поставилъ.. и мало ли тщаніемъ своимъ сдѣлалъ? что не видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣдомое,—не все ли то его заводы? если на самое малѣйшее нѣчто, честное же и нужное посмотримъ, на чиннѣйшее, глаголю, одѣяніе и въ дружествѣ обхожденіе, на трапезы и пиrowанія, и прочія благопріятныя обычаи,—но исповѣмы ли, что и сего Петръ насъ научилъ? И чимъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся. Что же рещи о ариметикѣ, геометріи и прочихъ математическихъ искуствахъ, которымъ нынѣ дѣти россійскіи съ охотою учатся, съ радостію навыкають, и полученная показуютъ съ похвалою? тая прежде были ли? не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ цирликиъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано; а если бы гдѣ нѣкое явилося ариметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано... Но тако по одному дѣла Петрова исчисляя, никогда конца не дойдемъ: лучше все двѣма силами оглавити, которыхъ себѣ отъ государей своихъ всякій народъ требуетъ. Сіе же суть: народная польза и безпечаліе“.

Польза заключается въ учрежденіи различныхъ коллегій, а также—заводовъ, фабрикъ, въ проведеніи путей сообщенія и т. п.; безпечаліе—въ правосудіи, въ войскѣ, флотѣ, крѣпостяхъ. Петръ основалъ Петербургъ—„врата на море, когда оно везетъ къ намъ полезная и потребная, замокъ тому же морю, когда бы оно привозило на насъ страхи и бѣдствія“; онъ „сочинилъ довольные регламенты и многія скривали законныя... и дабы всякое злодѣйство яко въ зеліи ехидна сокрытися не могло, чинъ фискальства опредѣлилъ, и одолжилъ (то-есть обязалъ) оное не токмо траты государственнаго интереса, но и персональныя подданныхъ своихъ обиды усматривати и объявляти, таковыхъ наипаче бѣдныхъ челоуѣкъ, которіи суда и управы искати или ради худости своей не могутъ, или ради силы

обидящихъ не смѣютъ ¹⁾. Все же то утвердилъ и заключилъ высочайшимъ правительствомъ сенатскимъ. Сенатъ—дѣйствительная рука монаршая; сенатъ—орудіе орудіе и правительство правительствъ. Коллегіи прочія яко весла и парусы, а сенатъ—кормило⁴.

Затѣмъ Теофанъ переходитъ ко второй части—къ характеристикѣ Петра, какъ государя христіанскаго. Эта часть проповѣди замѣчательна тѣмъ, что Теофанъ, вмѣстѣ съ дѣлами Петра, оправдываетъ и восхваляетъ свои собственныя. Сначала онъ повторяетъ общія соображенія, высказанныя въ „Розыскѣ“ о понтифексахъ: „И яко не должны царіе воинствовать, развѣ или за нужду, или за охоту свою, а дабы порядочно дѣйствовало воинство, смотрѣти должны; и яко упражняться купечествомъ не царское дѣло, а дабы обманства въ купляхъ не было, наблюдать дѣло царское есть, тоже разумѣти о ученіяхъ философскихъ, и о разныхъ мастерствахъ, и о земледѣліи, и о всей прочей экономіи; тако хотя проповѣдію слова утверждати благочестіе на царехъ не лежитъ долгъ, однакожь долгъ ихъ есть, и великій, о томъ пешися, дабы и было, и прямое было ученіе христіанское и церкви христіанской правленіе“. Петръ и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ весьма много полезнаго: „Вѣдалъ онъ, каковая темнота и слѣпота лжебратія наша — раскольниковъ: безприкладное воистину безуміе, весьма же душевредное и пагубное, а коликое бѣднаго народа множество отъ оныхъ лжеучителей прельщаемо погибаетъ—и по отеческому своему сердоболію не оставилъ ни единого способа, чѣмъ бы тому оную прогнати и помраченныхъ просвѣтити: велѣлъ писати увѣщанія, и проповѣдми наставляти, и общаніемъ милости и нѣкимъ утѣшеніемъ, то-есть, десными и шуими отъ заблужденія отводить, и на мирный разговоръ призывать; и не безплодное попеченіе его явилось: многія тысячи обращенныхъ на письмѣ имѣемъ ²⁾, а упряміи и жестоковѣрніи горшаго себѣ осужденія, яко безответніи, ожидаютъ“. Петръ постоянно заботился о томъ, чтобы разсѣять мракъ невѣжества и просвѣтити суевѣровъ; проповѣдникъ перечисляетъ мѣры, принятыя съ этою цѣлью. Онъ искоре-

¹⁾ Интересна противоположность въ отзывѣхъ объ этомъ учрежденіи Прокоповича и Яворскаго (въ словѣ «О храненіи заповѣдей Господнихъ»): первый смотритъ съ точки зрѣнія оофициальной, правительственной, второй—съ точки зрѣнія практической, общественной...

²⁾ Оставаясь откровеннымъ, Теофанъ долженъ былъ-бы прибавить: «*и только на письмѣ*».

налъ предразсудки: „Возбуждалъ аки отъ сна чинъ пастырскій, дабы суетная преданія исторгали, въ обрядахъ вещественныхъ силѣ спасительской не быти показывали, боготворити иконы запрещали, и учили бы народъ духомъ и истиною поклоняться Богу“. Онъ ненавидѣлъ лицемеріе „и отъ сея сладкія отравы всякими образы подданныхъ своихъ оберегати тщался: притворная чудеса, сновидѣнія, бѣснованія искоренялъ, льстецовъ, колтунами, желѣзами и рубищами, и лукавымъ смиреніемъ, и воздержаніемъ къ виду святыми позлащающихъ себе, познавати училъ, и ловити и истязовати приказывалъ“; заставлялъ всѣхъ ходить въ церковь; сюда же относятся „повелѣнныя имъ заводы школъ, сочиненія книжиць богословскихъ, древнихъ учителей и историковъ церковныхъ переводы, священнаго писанія исправленіе; суды смотрѣли и старинныя артикулы монашескія возобновленныя, и правила священства и всего церковнаго клира, и дабы въ сѣмени и корени начиналось добро, поданное отрокомъ вѣры прямой ученіе“ (то-есть, „Первое ученіе отрокомъ“), и учрежденіе синода.

Заботы Петра о пользѣ народа не ограничивались настоящимъ временемъ: онъ имѣлъ въ виду и будущее, и потому, отходя въ вѣчность, оставилъ Россіи вполнѣ достойную преемницу и продолжательницу своихъ дѣлъ—Екатери́ну.

За изображеніемъ Петра, какъ царя, слѣдуетъ характеристика его, какъ человѣка, гдѣ, между прочимъ, восхваляется онъ и за то, что „гдѣ подобало, знаніе свое прикрывалъ, что политическіи учителя диссимуляціею нарицають и въ первыхъ царствованія полагають регулахъ“.

Слава Петра признана и провозглашена всѣмъ міромъ. (Приводятся различныя свидѣтельства иностранцевъ, при чемъ указывается, между прочимъ, на Аста Егидитогим и на книгу Буддея). Вся Россія есть статуя Петра, весь міръ—проповѣдникъ его славы. Самъ Богъ засвидѣтельствовалъ свое благоволеніе къ нему, хранилъ его невредимымъ среди бѣдствій, ему угрожавшихъ, и не оставилъ его въ послѣднія минуты жизни. Оеофанъ повторяетъ сказанное о смерти Петра въ „Братской повѣсти“ и влагаетъ ему въ уста слова къ Россіи, на которую устремлены его взоры съ высоты неба. Проповѣдь заключается утѣшеніемъ и молитвою.

Блестящая характеристика Петра, сдѣланная Прокоповичемъ, не имѣетъ себѣ равной въ русской литературѣ XVIII столѣтія, за исключеніемъ только похвальнаго слова Ломоносова. Ни одинъ изъ

современниковъ Петра, даже изъ тѣхъ, которые были горячими защитниками его дѣяній, не сумѣлъ отнестись къ нему съ практической, государственно-общественной, точки зрѣнія, не сумѣлъ соединить всѣ выдающіяся черты его личности и дѣятельности въ одинъ яркій, реальный образъ, выдвинувъ на первый планъ именно тѣ стороны, которыя всего болѣе заслуживали вниманія. Въ подтвержденіе нашихъ словъ уважемъ на слово Гавріила Бужинскаго, произнесенное 28-го января 1726 года, которое, по свидѣтельству Новикова, „столько тогдашними слышателями было уважено, что, кромѣ російскаго тисненія, трудами бывшаго тогда въ Санктпетербургѣ англійскаго пастора Томы Консета ¹⁾ въ пользу иностранныхъ и на латинскій діалектъ переведено и въ Берлинѣ въ 1726 году напечатано“. Слово это и по тону, и по приѣмамъ чрезвычайно похоже на риторическія упражненія Стефана Яворскаго. Указавъ на общую печаль по поводу смерти царя — отца отечества, — проповѣдникъ находить нужнымъ „разсудити, что есть смерть, одина-ли она есть, или многія суть на насъ смерти; каковаго она рода и фамиліи, кто ея отецъ“ и даже описать ея наружность: „иконописцы ю пишутъ безтѣлесну, токмо едиными высохлыми костями состоящуюся, и не много бы отъ ея вкуса въ кушаньи, чаеся, накипѣло“. Обо всемъ этомъ говорится довольно пространно, для того, чтобы доказать, что коса смерти „нашла на камень Христа Господня“, вслѣдствіе чего Петръ Великій, „аще и умре, но живъ есть, предлежитъ во гробѣ тѣломъ, но живетъ Богови, живетъ богохранимой своей фамиліи, живетъ любимому своему отечеству“ и царствуетъ въ Россіи въ лицѣ Екатерины. „Се уже имаша, Россіе, пластырь на сердечную язву твою!“ восклицаетъ проповѣдникъ, заключая свое слово самою краткою, самою общою характеристикою Петра, въ которой говорится больше о его твердой вѣрѣ, чѣмъ о его дѣлахъ, и внушается слушателямъ, что они должны подражать его вѣрѣ, чтобы, умирая тѣлесно, избѣжать смерти духовной ²⁾.

Вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ Теофанъ похоронилъ лучшую, самую блестящую пору своей литературной дѣятельности, ту пору, когда дарованія его раскрылись во всей своей полнотѣ. Связанный съ царемъ-преобразователемъ единствомъ основныхъ убѣжденій, бывший его совѣт-

¹⁾ *Consett*, авторъ сочиненія «The present state and regulations of the church of Russia», 2 vols. London, 1729.

²⁾ Проповѣди *Бужинскаго*, 224—263.

никогъ и однимъ изъ самыхъ умѣлыхъ исполнителей его воли, Феофанъ въ этомъ періодѣ дѣйствовалъ почти самостоятельно, не стѣсняясь никакими вѣшними препятствіями, не имѣя никакой задней мысли. Побѣда въ борьбѣ съ людьми стариннаго закала давалась ему легко, да и сами эти люди не смѣли открыто выступать противъ него, видя, что онъ дѣйствуетъ подъ защитою „долгихъ рукъ царскихъ“; протестъ могъ выражаться только въ глухомъ ропотѣ, да время отъ времени—въ подметныхъ письмахъ — этомъ единственно-возможномъ въ то время способѣ полемики съ официальной литературою. Обстоятельства, при которыхъ Феофану пришлось дѣйствовать въ теченіе послѣднихъ 11-ти лѣтъ своей жизни, имѣли, какъ увидимъ ниже, совершенно иной характеръ.

Съ вступленіемъ на престолъ Екатерины I положеніе Феофана не измѣнилось; напротивъ, какъ одинъ изъ людей, болѣе всего содѣйствовавшихъ (конечно, по личнымъ причинамъ) воцаренію Екатерины, онъ приобрѣлъ, въ первое время, сильное вліяніе и даже, какъ извѣстно, успѣлъ погубить новгородскаго архіепископа Феоодосіа Яновскаго и занять его мѣсто. Правда, ему приходилось заискивать передъ Меншиковымъ, — передъ тѣмъ, кого онъ нѣкогда обѣщалъ восхвалять вѣчно, а теперь, въ интимныхъ разговорахъ, называлъ „недобрымъ человѣкомъ, который многимъ злости дѣлаетъ, а показывается богомоль“¹⁾; но Феофанъ не грѣшилъ недостаткомъ той диссимуляціи, которую восхвалялъ въ Петрѣ Великомъ и того умѣнья наружно согласовать свои поступки съ желаніемъ сильныхъ міра сего, — умѣнья, котораго зачастую не хватало у его соперниковъ. Впрочемъ, Феофану не долго пришлось оставаться въ покоѣ: Меншиковъ, не смотря на заискиванія новгородскаго архіепископа, началъ смотрѣть на него косо, явно благоволивъ представителю староцерковной партіи, ростовскому архіерею Георгію Дашкову, и провель его въ синодъ, въ качествѣ „третьяго члена“ (первымъ былъ Феофанъ, вторымъ — Феофилактъ Лопатинскій, относившійся къ Прокодовичу, какъ мы видѣли, не особенно дружелюбно). Съ появленіемъ въ синодѣ Дашкова — человѣка честолюбиваго и ненавидѣвшаго малороссійскихъ архіереевъ — между нимъ и Феофаномъ неизбежно должна была начаться борьба, и она началась, какъ на почвѣ общихъ убѣжденій, такъ и еще болѣе на почвѣ личной, въ слѣдующемъ же, 1726 году, доносомъ Маркелла Родышевскаго „о непри-

¹⁾ Чистовичъ, 203—204.

стойныхъ словахъ и церковныхъ противностяхъ“ Теофана, которому пришлось отписываться и оправдываться даже отъ такихъ обвиненій, что онъ „сказывалъ, будто при успеніи Богоматери апостолы на облакахъ собраны не были“. Тайная канцелярія звѣщивала богословскіе аргументы противниковъ и рѣшала, кто изъ нихъ мыслить согласно съ православнымъ ученіемъ... Не смотря на подробныя объясненія, данныя Теофаномъ по поводу „Маркеллова мятежнаго плевосянія“, императрица указала „впрѣдъ ему, архіерею, противностейъ св. церкви, какъ показалъ на него оный архимандритъ, никакихъ не чинить, но имѣть бы чистое и безоблаженное житіе, какъ всѣ великороссійскіе православные архіереи живутъ, также въ служеніи и въ прочихъ церковныхъ порядкахъ чтобы ни малой отъѣны не чинилъ передъ великороссійскими архіереи; а ежели онъ въ противности св. церкви по чьему изобличенію явится виноветь, и въ томъ ему отъ ея императорскаго величества милости показано не будетъ“.

Это было первое предостереженіе, для Теофана, очевидно, совершенно неожиданное. Выслушавъ этотъ указъ, онъ былъ такъ пораженъ, что когда ему приказали росписаться: „Сей его императорскаго величества указъ слышалъ я, Теофанъ“, и пр., то онъ, отъ волненія, пропустилъ въ этой подпискѣ слово „указъ“¹⁾.

Эти обстоятельства достаточно объясняютъ, почему литературная дѣятельность Теофана въ это время не представляетъ такого разнообразія и обилія произведеній, какъ въ царствованіе Петра Великаго. Ему приходилось писать очень много, но не проповѣдей и трактатовъ, а разсужденій на темы, задаваемыя Тайною канцеляріей,—приходилось доказывать свою невинность и виновность своихъ противниковъ. Борьба, начавшаяся въ 1726 году, продолжалась до послѣдняго дня жизни Теофана; на нее онъ потратилъ весь запасъ своего таланта и остроумія, все свое умѣнье „разбирать, разсуждать и пронизать утробы“ людей, всѣми силами старавшихся его уничтожить. Нужно прочесть эти документы, сохраненные архивами страшной канцеляріи, чтобы видѣть, съ какимъ необыкновеннымъ искусствомъ изворотливый умъ Теофана въ самыхъ ничтожныхъ словахъ находить „годное къ истязанію“,—чтобы понять, что онъ не даромъ прошелъ школу іезуитскихъ контроверсій. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ Теофанъ разбираетъ каждое слово, каждую

¹⁾ *Чтенія Общ. Ист. и Др.*, 1862, кн. I, отд. II. 51.

букву въ „тетрады“ и „доказательства“ своихъ противниковъ, неутомимо пишетъ листъ за листомъ, и его труды увѣнчиваются успѣхомъ: десятки людей водятъ въ застѣны по спицамъ, поднимаютъ на дыбу, бьютъ кнутомъ и батогами „нещадно“, ссылаютъ „неизходно“ въ отдаленнѣйшіе монастыри, ведутъ на плаху... Мы не будемъ касаться подробностей этой продолжительной борьбы, представляющей очень краснорѣчивую и характерную страницу въ исторіи русскаго общества; она подробно, по источникамъ разказана въ книгѣ г. Чистовича; мы обратимъ вниманіе только на тѣ ея стороны, которыя имѣли отношеніе къ литературной дѣятельности Теофана, такъ какъ приемы, имъ впервые внесенные въ литературныя отношенія и нашедшіе у насъ такое обширное примѣненіе впоследствии, объясняютъ очень многое какъ въ нашей общественной жизни, такъ и въ литературѣ...

Въ царствованіе Екатерины I литературная дѣятельность Теофана ограничивалась только проповѣдничествомъ. Кромѣ двухъ, рассмотрѣнныхъ нами выше, проповѣдей, посвященныхъ Петру Великому, онъ произнесъ еще слово въ день воспоминанія коронаціи Екатерины, 7-го мая 1726 года ¹⁾. Проповѣдь эта, въ сущности, представляетъ повтореніе главной темы „Слова о власти и чести царской“: Теофанъ снова поднимаетъ вопросъ: „что дѣло монарховъ и какое подданныхъ долженство“, а затѣмъ объясняетъ „коликую подала намъ пользу августы наша коронація и коликаго требуетъ отъ насъ Богу благодаренія“. Сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи и значеніи короны, онъ останавливается на томъ, что корона означаетъ славу и честь, и что честь эта выражается въ св. писаніи тѣмъ, что цари называются богами. Отсюда слѣдуетъ, что они „никоимъ по Божѣ власти не подлежатъ, ни каковому суду о дѣлѣхъ своихъ отвѣтствовать не должны, отнюдь на земли не судими и неприкосновенни,—что и другимъ доводомъ въ книжицѣ „Правда воли монаршей“ прежде отъ насъ показано“. Отсюда же слѣдуетъ, что всѣ подданные должны безпрекословно повиноваться царю и ни въ какомъ случаѣ не роптать на него. Теофанъ приводитъ, по этому поводу, стихъ Екклесіаста: „Въ совѣсти твоей не кляни царя, и въ клѣти ложницы твоея не кляни богатаго, якѣ птица небесная донесетъ гласъ твой“. Этотъ стихъ онъ повторялъ и впоследствии, охотно принимая

¹⁾ Слова и Рѣчи, II, 171—192; въ первый разъ напечатано въ С.-Пб. 25-го іюня 1726 года.

на себя роль небесной птицы, когда это было для него выгодно, и оправдывая свой образъ дѣйствій подобающими текстами.

Послѣ этого общаго разсужденія, Теофанъ обращается къ короначи Екатерины и доказываетъ, что Петръ короновалъ жену свою „не ради нѣвѣжихъ персональныхъ своихъ или склонностей, или интересовъ, но ради всенародной пользы и отъ многихъ бѣдъ предохраненія“, и, конечно—„по особому въ семь дѣлѣ смотрѣнію Божию“. Наконецъ, проповѣдникъ находитъ нужнымъ остановиться на „прекословіи такихъ малоконтентовъ, которіи косыма очима на свипетръ, въ женской десницѣ держимый, смотря, и не обрѣтая никакого на владѣтельство сіе порока, тѣмъ единымъ порицати дерзнуть, что женское есть, и невѣждамъ оно показуя, аки бы не бывалое и неприличное, могутъ смущати сердца простая“. Отвѣчать на такое возраженіе, конечно, было необходимо, такъ какъ съ незапамятныхъ временъ женщина не занимала русскаго престола. Теофанъ приводитъ „многія царствовавшихъ женъ экземпли или образы“ въ доказательство того, что царствованіе женщины не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго: „Не видать сего тѣи, которіи въ исторіяхъ не обучаются, и не дивно то; дивно, что многіи суть, которіи чего не вѣдаютъ, о томъ, аки бы и никогда не бывало, помышляютъ; но такихъ и прочіихъ невѣжество отсебѣ безотвѣтно будетъ“.

Другое слово, касающееся Екатерины и произнесенное 16-го мая 1727 года, было — слово надгробное ¹⁾. Теофанъ выхваляетъ Екатерину, и сравнивая ее съ Петромъ Великимъ, находитъ, что она, какъ при жизни царя, такъ и послѣ его смерти, была вѣрною его помощницей и исполнительницей его предначертаній. Потеря Россіи велика; но Богъ не до конца прогнѣвался на насъ, и отнявъ у насъ Петра и Екатерину, далъ намъ юнаго императора — Петра Втораго который, дастъ Богъ, будетъ вторымъ Петромъ Великимъ. „Ты испѣлишь болевни наша, ты отрешь слезы сѣтующей Россіи“, обращается проповѣдникъ къ 12-лѣтнему императору, — „отъ тебе надѣмся сладкихъ и здравыхъ плодовъ истиннаго правосудія, государственнаго тихомірія, благоутробныя ко всѣмъ милости и всенароднаго исправленія и благосостоянія“, и т. д.

На дѣлѣ, однакоже, новое царствованіе не могло быть утѣшитель-

¹⁾ Напечатано 14-го іюня 1727; Слова и Рѣчи, II, 193—201. Въ нѣмецкомъ переводѣ находятся у *Martini, Nachricht aus Russland* (Frankf. и Lpz. 1731), S. 223—232.

нымъ для Θεοφана. На престолъ вступилъ сынъ злополучнаго царевича—того самаго, противъ котораго Прокоповичъ гремѣлъ въ своихъ проповѣдяхъ, гибель котораго онъ оправдывалъ въ ученomъ трактатѣ, —сынъ челоѡка, имѣвшаго „великое пристрастiе къ повамъ“, то-есть, къ староцерковной партiи. Эта партiя подняла теперь голову. „Смертью Петровою“, пишетъ авторъ „Молотка на Камень Вѣры“, —„воскресоша паки Яворскаго единомышленники: Θεοφιлакть Лопатинскiй, епископъ Тверскiй, Георгiй Дашковъ, такожь епископъ Алексiй Титовъ Коломенскiй помощiю суетѣрныхъ, паче же Петру и отечеству невѣрныхъ рабовъ, вступя въ синодъ, все доброе сѣмя исторгнули и, по своимъ прихотямъ прилежа, о тиранствѣ папешскомъ трудились; изъ которыхъ добрый пастырь стада кобылъ, Дашковъ, уже такъ близко былъ къ патриаршеству, что никакого сумнительства къ возведенiю на престолъ не осталось“¹⁾. Реакцiя въ пользу старины дѣлала быстрые успѣхи. Взглядами новаго правительства на прошедшее и настоящее, естественно, руководила мысль о несчастной участи царевича Алексiя и нерасположенiе къ Петру Великому и его ближайшимъ помощникамъ, въ числѣ которыхъ Прокоповичъ выдѣлялся рѣзко. Столицею государства опять сдѣлалась Москва; Петербургъ—созданiе Петра Великаго—забытъ; царица Евдокиа Θεодоровна торжественно возвращена ко двору, и людямъ, ее осуждавшимъ, пришлось теперь гнуться и занскивать передъ нею. Иностранные резиденты сообщали своимъ правительствамъ, что Русское государство скоро возвратится въ прежнее свое состоянiе, и что великiя предпрiятiя Петра I скоро разлетятся прахомъ. „Полудержавный властелинъ“ Меншиковъ, старавшiйся упрочить свое шаткое положенiе при новомъ дворѣ, не могъ простить Θεοфану обиднаго отзыва и явно былъ на сторонѣ его враговъ; всѣ сочиненiя, въ которыхъ говорилось что-либо противъ царевича Алексiя, были запрещены, а въ томъ числѣ и „Правда воли монаршей“, на которую правительство ссылалось за два мѣсяца передъ тѣмъ²⁾; Θεοфану пришлось первымъ поставить свою подпись на синодскомъ протоколѣ объ отобранiи и уничтоженiи этой книги³⁾. Даже типографiи, въ ко-

¹⁾ Чистовичъ, 397—398.

²⁾ Въ манифестѣ 27-го мая 1727 года, о винахъ Антона Девiера и товарищей. П. С. З., VII, 5084.

³⁾ Указъ верховнаго тайнаго совѣта, 26-го iюля 1727 г., въ П. С. З., VII, 5131; дѣло арх. св. синода, типогр., 1727 г., № 4, протоколъ 28-го iюля; Пекарскiй, Н. и Л., II, 664—666; Чистовичъ, 223—224.

торыхъ, при Петрѣ I, напечатана большая часть сочиненій Теофана, — и тѣ были закрыты, и впредь велѣно церковныя книги печатать подъ наблюденіемъ синода въ Москвѣ, а гражданскія — тоже не иначе, какъ съ аппробаціи синода — въ Петербургѣ, при академіи наукъ. „Мое положеніе“, писалъ Теофанъ въ это время одному изъ русскихъ архіереевъ, — „было такъ стѣснено, что я думалъ, что все уже для меня кончено... казалось, я находился уже въ царствѣ молчанія“. Паденіе Меншикова (октябрь 1727) облегчило Теофана, выразившаго въ своихъ письмахъ чрезмѣрную радость по поводу этого событія и не пощадившаго при этомъ прежняго своего милостивца. Говоря о Меншиковѣ, онъ какъ будто даже затрудняется подобрать достаточно сильныя выраженія для того, чтобы выказать всю свою ненависть къ временщику, передъ которымъ еще наканунѣ сгибался до земли: онъ называетъ его нечестивѣйшимъ тиранномъ, безразсуднѣйшимъ человекомъ, воплощеніемъ порока, негоднѣйшею изъ всѣхъ двуногихъ тварей (*omnium bipedum nequissimus*). „Онъ былъ возведенъ почти до царскихъ палатъ и выказалъ столь же великую неблагодарность, сколь велики были оказанныя ему благодѣянія... Взвѣсивъ на судьбы божественнаго промысла, я, въ глубинѣ души, былъ убѣжденъ, что близокъ уже часъ, когда Богъ ниспровергнетъ этого атеиста, возвысившагося до вершины могущества и преступленій. И вотъ, мы видимъ, что такъ и случилось. Этотъ колоссъ, выросшій изъ пигмея, оставленный своею фортуною, которая довела его до опьяненія, упалъ съ великимъ шумомъ... Богъ, воскрешающій мертвыхъ, защитникъ нашъ, Богъ Іакова, разрушилъ совѣты нечестивыхъ и, сомкнувши уста зіявшаго на насъ земного тартара, оживотворилъ насъ по безпредѣльному своему милосердію“, и т. д. ¹⁾).

Но противники Теофана не дремали. Дашковъ употреблялъ всѣ старанія, чтобы достигъ патриаршества; существуетъ извѣстіе, что изъ верховнаго совѣта былъ даже посланъ въ синодъ запросъ о томъ, „можно ли въ нынѣшнее время быть въ Россійской церкви патриарху“, и что на этотъ запросъ отвѣчалъ Теофанъ, приводя „важные резоны“ въ доказательство невозможности восстановленія патриаршества ²⁾. На Теофана, какъ на главнаго дѣятеля и представителя церковно-административной реформы, направлены были удары партій, имя которой было — легионъ, а орудіе — тотъ же Марвелль Родышев-

¹⁾ *Epistolae*, pp. 63—64, 69—73; *Труды Кіевск. Ак.* 1865, № 4, стр. 596—600.

²⁾ *Русск. Арх.*, 1863, стр. 705—706.

скій, отъ котораго Феофанъ, не смотря на всѣ старанія, не могъ отдѣлаться. Въ доношеніяхъ, подаваемыхъ на имя императора, Маркеллъ увѣрялъ, что „Феофанъ ересіархъ, Гавріилъ Евреанинъ, Кроликъ зловѣрный и иные, симъ подобныя, сборище суть злочестивое“¹⁾ перечислялъ всѣ сочиненія Прокоповича, и доказывая, что его ученіемъ „многіе могутъ кальвинскою и лютеранскою ересью заразиться и отъ церкви отпасти“, просилъ всѣ эти сочиненія (и конечно, самого ихъ автора) „отъ церкви святой отрыгнуть и воничтожить“²⁾. Феофану снова пришлось отписываться и оправдываться; на этотъ разъ онъ выступилъ уже обвинителемъ Маркелла въ государственномъ преступленіи—въ поношеніи чести Петра Великаго, по указу и съ одобренія котораго издавались книги, обличаемыя Маркелломъ въ разныхъ ересяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, придавая своей борьбѣ съ Маркелломъ характеръ борьбы науки съ невѣжествомъ, Феофанъ доказывалъ, что Родышевскій превосходитъ „оныхъ лжеучителей, Аввакума съ товарищи, которые сдѣлали расколъ, безчисленнымъ душамъ пагубный и того ради вельми плачевный“,—превосходитъ ихъ потому, что „хотя и весьма грубый и ненаученный есть, и свѣта ученій, по природной своей тупости достать отнюдь не могъ и не можетъ, но понеже слышится, что онъ въ училищахъ былъ и самъ безстыдно о томъ хвалится, можетъ у простыхъ получить о себѣ мнѣніе высокаго мудреца, и потому могутъ невѣжи удивиться разказамъ его“. Этимъ Феофанъ достигъ своей цѣли: ему удалось „убрать“ Родышевскаго, хотя только на время, „до указу“.

Защитникомъ и покровителемъ Прокоповича въ эту, трудную для него, пору былъ Остерманъ, воспитатель молодого императора. За Феофана, по справедливому замѣчанію Соловьева³⁾, были люди, которымъ дорогъ былъ новый порядокъ вещей, новорожденное русское просвѣщеніе, люди, въ глазахъ которыхъ ударъ Феофану былъ тяжелымъ ударомъ этому просвѣщенію; можно сказать, что въ глазахъ этихъ людей, для которыхъ новый порядокъ вещей представлялся свѣтомъ въ сравненіи съ тьмою,—что въ глазахъ этихъ людей Феофанъ былъ наслѣдникомъ Петра, главнымъ носителемъ идеи преобразованія въ смыслѣ образованія... Низверженіе ученѣйшаго епископа Новгородскаго было бы, въ глазахъ этихъ людей и въ глазахъ Европы,

¹⁾ Шкарскій, Н. и Л., I, 236.

²⁾ Чистовичъ, 230—244.

³⁾ XIX, 127—128.

самымъ вѣрнымъ знакомъ разрушенія дѣла Петрова и возвращенія къ прежнему варварству; но подать этотъ знакъ никакъ не могли согласиться люди, у которыхъ не сходило съ языка, по крайней мѣрѣ официально, имя Петра Великаго. Остерманъ, разумѣется, не могъ желать ни восстановленія патриаршества, ни вообще поворота къ старинѣ и въ этомъ вполнѣ сходился съ умнымъ и ловкимъ архiereемъ. Оба они были дѣти однихъ и тѣхъ же условій извѣстнаго времени и должны были подать другъ другу руки для поддержанія того направленія, которое ихъ воспитало. „Ѳеофанъ Прокоповичъ“, говоритъ Соловьевъ¹⁾,—„могъ быть свергнутъ только такимъ же Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, но никакъ не Георгіемъ Дашковымъ съ товарищи“.

Въ 1727 году Остерманъ составилъ краткіе учебные планы для занятій съ царемъ различными науками; книжка эта издана въ томъ же году подъ заглавіемъ: „Расположеніе ученій е. и. в. Петра Втораго“, и пр.; въ концѣ ея (стр. 67—82) помѣщено „мнѣніе“ Ѳеофана, „каковымъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ“. Эта программа преподаванія закона Божія представляетъ, въ сущности, популярно изложенную (и разумѣется, значительно сокращенную) программу Ѳеофанова богословскаго курса: сначала приводятся доказательства бытія Божія и божественнаго происхожденія Св. Писанія, затѣмъ „разрушаются неправые законы и ереси“ (то, что въ курсѣ составляетъ предметъ введенія); далѣе излагается положительное ученіе о Богѣ и его свойствахъ (de Deo ad intra) и догматы православной вѣры.

Ѳеофанъ, не удовлетворяясь этими теоретическими разсужденіями, сдѣлалъ попытку осуществить ихъ на практикѣ и съ этою цѣлью написалъ небольшой катихизисъ или „Краткое ученіе христіанское, малому отроку и невѣжѣ всякому прислушающее, бесѣдами учителя и ученика составленное“²⁾. Въ предисловіи Ѳеофанъ говоритъ, отъ имени учителя, что книги вообще бываютъ вредныя и полезныя; слѣдуетъ остерегаться первыхъ и читать послѣднія. Изъ нихъ же одни полезны для жизни временной, другія—для жизни вѣчной. Послѣднія составляютъ библію; слѣдовательно, ее необходимо читать и почитать болѣе всѣхъ другихъ книгъ. Но для того, чтобы читать и понимать ее, нужно предварительно „познать сокращенное сказаніе основа-

¹⁾ Тамъ же, 186.

²⁾ Находится въ рукописи П. Библиотекы, изъ собр. Погодина, № 1175.

тельнаго (то-есть, основнаго) въ книгахъ сихъ ученія“, которое и излагается въ катихизисѣ кратко и ясно, по довольно своеобразному методу: ученикъ задаетъ учителю разные вопросы (расположенные, конечно, систематически); учитель отвѣчаетъ и объясняетъ; затѣмъ, по окончаніи каждаго отдѣла, учитель начинаетъ спрашивать тѣми же вопросами, какіе дѣлалъ прежде ученикъ, а послѣдній отвѣчаетъ словами учителя.

Катихизисъ Феофана и планъ преподаванія закона Божія молодому царю заслужили хвалебные отзывы со стороны жившихъ въ Россіи иностранцевъ. Бассевичъ писалъ, что это произведеніе „заслуживаетъ удивленія и можетъ быть образцовымъ во всякой религіи“; въ 1731 году Шумахеръ сообщалъ въ Москву академику Гроссу: „Наставленіе pro orphanogenito риего его преосвященства будетъ напечатано, согласно переданному вами приказанію; только не извѣстно-ли вамъ, позволяется-ли намъ также напечатать это наставленіе по нѣмецки? Это такое произведеніе, которое доставитъ много удовольствія иностранцамъ“. И дѣйствительно, оно скоро было переведено на нѣмецкій языкъ ¹⁾.

Стараясь упрочить свое пошатнувшееся вліяніе, Феофанъ не упускалъ ни малѣйшаго случая, чтобы сдѣлать государю что-нибудь пріятное и тѣмъ расположить его къ себѣ. Въ январѣ 1728 года Петръ II посѣтилъ Новгородъ. Феофанъ, встрѣчая его во главѣ всего духовенства, вывелъ съ собою „малыхъ отроковъ“, которые привѣтствовали царя рѣчью, указывая, что и „пастырь ихъ“ желаетъ ему много лѣтъ жить и царствовать. Затѣмъ, Феофанъ предложилъ царю угощеніе „въ великосредней архіерейской палатѣ, которая была украшена—потолокъ и стѣны—сдѣланными лавровыми вѣтвями дивно въ узоръ, померанцевыми и апельсиновыми яблоками, висящими въ ихъ листьяхъ... Во время обѣда играла музыка въ другой палатѣ; при столѣ его величества пѣли собственные архіерейскіе пѣвчіе псалмы Давидовы, къ царевымъ лицамъ написанные, такжеже и многолѣтствія. По окончаніи же стола раздаваны отъ его преосвященства изданные на латинскомъ языкѣ печатные вирши, къ предшествію воспріятія короны е. и. величества“. Вечеромъ была иллюминація и фейерверкъ ²⁾.

¹⁾ *Русск. Арх.*, 1865, стр. 621; *Пекарскій*, Ист. Аг. Н., I, 519. «Vorschläge wie ein Printz in der christlichen Religion solle unterrichtet werden», s. l. et a., 8°.

²⁾ *Др. Росс. Библиолика*, изд. 2-е, IX, 484—494.

Латинская ода Теофана, написанная однимъ изъ любимыхъ метровъ Горация, напечатана въ „Miscellanea Sacra“¹⁾. Передадимъ ея содержание.

„Спѣвши, подѣ покровомъ Божества, туда, куда оно благосклонно призываетъ тебя; спѣвши, Москва нетерпѣливо ждетъ тебя, готова тебѣ царскій вѣнецъ; тебя охраняютъ ангелы; къ тебѣ широкимъ потокомъ отовсюду стекается народъ, жаждущій тебя увидѣть,—пустѣютъ города и деревни, всѣ бѣгутъ на дорогу, у всѣхъ одно желаніе—насладиться твоимъ лицезрѣніемъ, увидѣть тебя въ порфирѣ, на царскомъ престолѣ. На этомъ престолѣ ты явишь собою примѣръ справедливаго и мудраго судьи, карающаго преступленія, коварство, хитрость и обманъ; ты твердою рукою поразишь вредоносную клевету и ненасытное любостязаніе, и унизишь горделивые замыслы (намекъ на Меншикова); насъ же, людей, которые проявляютъ простосердечную преданность и святую вѣрность царю и Богу, ты будешь всегда имѣть своими ближними совѣтниками (намекъ на себя самого). Злодѣй не посмѣетъ приблизиться къ твоему порогу, и быстро удалится въ изгнаніе. И такъ, взойди на тронъ, возьми сильною рукою наследственный скипетръ, и будь вторымъ Петромъ Великимъ. А ты, о Боже! дай, чтобы все это исполнилось ко благу общему.

„Такъ пѣлъ, послѣшая на встрѣчу, смиренный Теофанъ“²⁾.

Въ Москвѣ Прокоповичъ снова встрѣтилъ царя привѣтственной рѣчью отъ лица всего духовенства; онъ же совершалъ, 25-го фев-

¹⁾ Стр. 150—153. Вотъ первыя строфы оды:

Contende felix, auspice Numine,
Quo te serenis nutibus evocat,
Votisque perducit tuorum,
Petre, decus columenque nostrum.
Te Mosqua summo poscit anhelitu,
Sanctumque, coeli consilio, decus
Offerre festinat, tuaeque
Laeta parat diademma fronti, etc.

²⁾ При этомъ Теофанъ показалъ свое искусство и въ составленіи стихотворныхъ игрушекъ, какія были въ ходу въ Киевской академіи въ его время: онъ приписалъ въ концѣ оды еще два стиха, гекзаметромъ, для обозначенія, римскими буквами-цифрами, года ея написанія:

ReX regVM Petro sanCIVIt regna seCVnDo (=1727),
nVnC DeCVs IMperII tribVIt bonVs arbiter IꝛsI (=1727).

рала, обрядъ коронаціи, при чемъ снова произнесъ очень льстивое пріяѣтствіе ¹⁾, представляющее, въ главныхъ чертахъ, повтореніе латинской оды.

Бстатіи объ этой послѣдней. Тредіаковскій, въ первомъ изданіи своего „Разсужденія о одѣ вообще“, вышедшемъ еще при жизни Оеофана (1734 г.), далъ о ней чрезвычайно восторженный отзывъ. Оеофанъ, по словамъ его, „какъ другій Горацій, толь благородно и высоко, славно и великолѣпно вознесся въ своей предражайшей одѣ..., что Горацій бы самъ, посмотрѣвъ оную, въ удивленіе пришелъ, и тужь бы его преосвященству справедливость похвалы учинилъ, которую я ему теперь отдаю. Я когда пріѣхалъ изъ Франціи въ С.-Петербургъ и черезъ пріяѣтство одного мнѣ друга лишь впервые сталъ читать сообщенную мнѣ ту оду, и почувствовалъ энтузіасмъ ея превысокій, то въ толь великій энтузіасмъ удивленія и самъ пришелъ, что не могъ, свидѣтельствуясь совѣстію моею, удержаться, чтобъ съ дважды или съ трижды не вскричать: Боже мой, какъ эта ода хорошо и мастерски сдѣлана!“... Однако впослѣдствіи, въ 1752 году, когда автора этой оды давно уже не было на свѣтѣ, Василій Кирилловичъ, переиздавая свое разсужденіе въ „Собраіи сочиненій и переводовъ“, счелъ нужнымъ этотъ восторженный отзывъ вовсе исключить ²⁾.

Оеофанъ написалъ манифестъ о коронаціи; но участіе его въ этомъ торжествѣ проявилось еще и другимъ, довольно оригинальнымъ образомъ: для въѣзда царя въ Москву строились триумфальныя ворота, и Оеофану, какъ человѣку, знающему толкъ въ „исторіяхъ“, приказано было отъ верховнаго тайнаго совѣта сочинить къ этимъ воротамъ эмблемы, что онъ и исполнилъ вмѣстѣ съ Оеофилактомъ Лопатинскимъ ³⁾. Это былъ, впрочемъ, не первый примѣръ подобнаго рода; еще при Петрѣ Великомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось что-нибудь „ко украшенію изобрѣсти“, обращались къ синоду, потому что тамъ сидѣли люди ученые, которые могли выдумать все, что нужно. Такъ, въ 1721 году, по случаю заключенія Ништадтскаго мира, царь указалъ построить въ Москвѣ триумфальныя ворота, а „рисунки тѣмъ всѣмъ воротамъ и проблемы (?),

¹⁾ Эти рѣчи напечатаны въ собр. словъ и рѣчей Оеофана, II, 221—227.

²⁾ Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ, II, 46, 47.

³⁾ Чистовичъ, 228

какія гдѣ пристойно.—сочинить въ духовномъ синодѣ¹⁾. Мы имѣемъ отъ царствованія Петра II еще два свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что Теофану (какъ впоследствии — Ломоносову) приходилось заниматься рѣшеніемъ такихъ „ученыхъ“ задачъ. Это—письма его къ „сіятельнѣйшему и превосходительнѣйшему господину“, по всей вѣроятности—къ Остерману. Въ одномъ изъ нихъ, писанномъ въ 1728 году, Теофанъ говоритъ:... „Изволите требовать отъ меня изобрѣтенія нѣкоей эмблемы на фейерверкъ въ честь е. в. великой княжны (то есть Натальи Алексѣевны, сестры Петра II), въ день рожденія ея; и я, любовь превосходства вашего за утвержденіе моея къ вамъ любви имѣя, на толь честное и важное ваше требованіе охотно склоняюсь, сколько могль, о требуемомъ изображеніи помислилъ. И пришло мнѣ на память, что у древнихъ поэтовъ луна сестрою солнцу нарицается; извѣстно же, что луна отъ солнца свѣтъ свой пріемлетъ; и того ради показалася мнѣ не неприличная торжественію сему эмблема: въ концахъ полусферы земной на одной сторонѣ—солнце, а на другой—луна, отъ солнца просвѣщается, въ знаменованіе сестры государевой, славу свою отъ государя, брата своего, имѣющей; и надъ ними—треугольникъ сіяющій, свѣтъ, всѣхъ свѣтлостей виновный, съ надписаніемъ, на три мѣста разнятымъ: „отъ того, чрезъ сего, свѣтъ мой“.

Изъ этого видно, что въ фейерверочной изобрѣтательности ученый богословъ и публицистъ-проповѣдникъ не уступалъ какому-нибудь Штелину..

Другое письмо къ тому же Остерману было вызвано приготовленіями къ свадьбѣ Петра II, въ 1729 году. Оберъ-гофмейстеръ спрашивалъ ерхіерея, какіе вѣнцы находить онъ болѣе удобными для предстоящей церемоніи. Теофанъ, отвѣчая на этотъ вопросъ, счелъ нужнымъ пуститься въ пространное разсужденіе о происхожденіи вѣнцовъ, съ цитатами изъ сочиненій митрополита Оивандскаго, изъ Евкологія (требника) греко-латинскаго, Якова Гоара, и даже изъ Сидонія Аполлинарія, съ указаніями на обычаи и обряды еврейскіе, греческіе, грузинскіе, и т. д., все это для того, чтобы въ концѣ концовъ предложить самую обыкновенную вещь—„подѣлать короны“ съ образами, потому что въ нашихъ церквахъ употребляются вѣнцы, похожіе на царскіе²⁾.

¹⁾ П. С. З., VI, 3830.

²⁾ Оба эти письма напечатаны въ *Маякѣ* 1842, т. I, смѣсь, 122—124; последнее, кромѣ того, въ *Москвитинѣ* 1852, № 22, и въ *Трудахъ Киевск. Акад.* 1865, стр. 611—613.

Неблагоприятныя вѣшнія обстоятельства роковымъ образомъ отозвались на литературной дѣятельности Оеофана. Проповѣди, произнесенныя имъ въ царствованіе Петра II, служатъ этому доказательствомъ. Въ нихъ проповѣдникъ уже не является, какъ прежде, ораторомъ-публицистомъ, смѣло берущимся за обсужденіе важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ своего времени; напротивъ, онъ всѣми силами старается удержаться въ предѣлахъ церковнаго поученія на отвлеченныя евангельскія темы, вернуться къ той порѣ, когда онъ только что начиналъ свою проповѣдническую дѣятельность и произносилъ въ Кіевѣ свои первыя „orationes asceticae“. Но привычка къ практической, реальной постановкѣ всякаго рода вопросовъ, хотя бы самыхъ отвлеченныхъ, не смотря на все противодѣйствіе, беретъ свое и въ рѣчи Оеофана, правда—только изрѣдка, прорывается, нарушая постно-благочестивый тонъ, бойкая фраза, мѣткое сравненіе, юмористическая выходка. Такова, напримѣръ, уже цитированная нами выше характеристика раскольниковъ въ словѣ въ день Петра и Павла (1728 г.). Въ этой же проповѣди Оеофанъ, говоря о суетумудріи, указываетъ въ примѣръ на людей, смотрящихъ на религію только съ вѣшней стороны: „Что видать, христіаномъ обычное, вѣшнее,—церемоніи или обряды, ходити, напримѣръ, въ церковь, хранить посты уставленныя, весело проводить праздники, вжигати свѣщи, употреблять крестное знаменіе и прочая: то и сами они дѣлають, но дѣлають, какъ мартышки“, и т. д. Здѣсь же онъ нападаетъ на „умствованіе любителей невѣжества“, которые полагають, что „всякое спасительное вѣдѣніе политическому человѣку есть непристойно: извѣствуемса о семъ отъ того, что часто, когда рѣчь есть о наставленіи благородныхъ дѣтей, слышимъ голоса, что дѣтей таковыхъ св. писанію обучати не надлежитъ, и что поповское то дѣло, попамъ о томъ мороковать должно. О, голоса безумныя!“ восклицаетъ проповѣдникъ, — „о, рѣчи безстудныя и богопротивныя! Тебѣ же, господине добрый, для того, что господинъ ты, стыдно знати спасительный о насъ промыслъ Божій?“ и т. д. Обращаясь къ царю, Оеофанъ внушаетъ ему о необходимости заботиться о вѣчномъ спасеніи народа, — „да не возникаютъ безбожія, да не умножаются бусловія, ереси, раздоры, суетвѣрія, да не будетъ въ людяхъ и душевредное безстрашіе, и словомъ реши—да не возстанутъ передъ нами окаяннїи мудрецы, но да процвѣтають боголюбивїи младенцы“ ¹⁾). Уже изъ этого можно

¹⁾ Слова и Рѣчи, II, 247, 249, 256.

видѣть, до какой степени измѣнился общій тонъ Теофана. Не даромъ же Меншиковъ читалъ ему мораль, внушая, что онъ долженъ жить, „какъ всѣ Великороссійскіе архіереи живутъ“; не даромъ и Родышевскій доносилъ на „поученія, не именно въ разныхъ годѣхъ напечатанныя“. Въ трудной и опасной борьбѣ съ многочисленными врагами, Теофану, конечно, было не желательно давать имъ въ руки лишній поводъ къ обвиненію или безъ необходимости раздражать ихъ, и безъ того раздраженныхъ, рѣзкими нападками. Теофанъ надѣялся, что счастье опять повернется на его сторону, но до времени находилъ нужнымъ выждать. Онъ выждалъ.

II. Морозовъ.

(Окончаніе будетъ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА ¹⁾.

IV.

Въ предыдущихъ отдѣлахъ своей статьи мы постарались извлечь и расположить въ порядкѣ все содержаніе трехъ монастырскихъ актовыхъ книгъ, изданныхъ въ сборникѣ Миклошича и Мюллера, отмѣтивъ не только то, что важно теперь и можетъ быть приурочено къ настоящему состоянію византійскихъ званій, но и то, что можетъ оказаться цѣннымъ въ будущемъ, при сопоставленіи съ новыми имѣющими появиться на свѣтъ матеріалами, при боѣ глубокомъ и широкомъ сравнительномъ изученіи византійскаго внутренняго быта. Кромѣ того, сдѣланное нами подробное обзорѣніе всего наличнаго содержанія Вѣнскаго сборника должно было восполнить недостатки или пробѣлы этого изданія, которые дѣлали его почти недоступнымъ для пользованія ученыхъ, не имѣвшихъ возможности или желанія погружаться въ специальное изученіе всѣхъ его документовъ по порядку. Теперь мы должны, согласно съ нашею программой, обратиться къ Аѳонскимъ актамъ, при чемъ предметомъ нашихъ разсужденій могутъ быть только тѣ изъ нихъ, которые уже обнародованы въ печати, то-есть, главнымъ образомъ Акты русскаго Пантелеймоновскаго монастыря; не изданныя сокровища этого рода, находящіяся уже съ давняго времени весьма не далеко отъ насъ,

---

¹⁾ Окончаніе. См. июльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

въ двухъ нашихъ столицахъ, все-таки не на столько легко для насъ доступны, чтобы мы могли включить ихъ въ область своихъ занятій.

Для ознакомленія съ тѣмъ, что сдѣлано относительно Аеона, и что еще предстоитъ сдѣлать во имя русской ученой чести, мы еще разъ рекомендуемъ въ высшей степени интересное и живое изслѣдованіе нашего молодого слависта, Т. Д. Флоринскаго, которое онъ самъ называлъ библиографическимъ разысканіемъ (заглавіе его приведено въ началѣ нашей статьи). Тамъ можно найти исторію знакомства съ аеон-архивами, начиная со временъ нашего путешественника XVIII вѣка, скимъ пѣшеходца о. Василя Барскаго, и до новѣйшихъ временъ, въ которыхъ эпоху составляютъ дѣятельность пресвященнаго Порфирія (Успенскаго) и экспедиція на Аеонъ П. И. Севастьянова. Г. Флоринскій представилъ наконецъ ученому міру—и въ этомъ его главная заслуга—подробный отчетъ о томъ, что сдѣлалось съ большимъ собраніемъ фотографическихъ снимковъ съ Аеонскихъ актовъ, вывезеннымъ нѣбогда изъ двухъ путешествій на Аеонъ Севастьяновымъ и потомъ какимъ-то страннымъ образомъ затерявшимся въ Россіи. Не г. Флоринскій первый, и не онъ одинъ интересовался этимъ вопросомъ: сколько мы знаемъ, приходили на этотъ счетъ запросы даже изъ-за границы; но никто, кромѣ его, не имѣлъ столько энергіи и настойчивости, чтобы добратъя наконецъ до послѣднихъ слѣдовъ и снять съ драгоценныхъ собраній покрывку неизвѣстности (употребляемъ его собственное выраженіе), которая на нихъ лежала въ продолженіе двадцати лѣтъ. Г. Флоринскій имѣлъ, такимъ образомъ, полное право упрекать русскихъ ученыхъ въ равнодушіи и безучастіи къ самымъ близкимъ своимъ задачамъ и обязанностямъ, и сказать то, что написано на стр. 20-й его разысканія: „Право, горько и обидно дѣлается за такое небрежное отношеніе представителей русской науки къ трудамъ замѣчательнаго путешественника, и просто досадно, что такіе цѣнные матеріалы остаются неизвѣстными и даже просто теряются“. Не ограничиваясь сѣтованіями, что съ нами довольно таки часто бываетъ, г. Флоринскій не только сдѣлалъ подробное обзорѣніе греческихъ и славянскихъ актовъ собранія Севастьянова, или частей его, отысканныхъ въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ и въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ, но и положилъ начало ихъ изданію въ печати. Исходя изъ своихъ специальныхъ ученыхъ интересовъ, онъ остановился на документахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ славянской, въ частности сербской исторіи временъ Стефана Душана, и напечаталъ въ своей книгѣ шесть грамотъ этого періода на сла-

вянскомъ языкѣ и семь актовъ на греческомъ языкѣ. И это еще не все. Въ видѣ вполне заслуженной награды за свой благородный пылъ и любовь къ ученому дѣлу, г. Флоринскій въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ кто-либо другой, и ближе, чѣмъ кто-либо другой, получилъ возможность познакомиться — все-таки, впрочемъ, съ одною только частицею — другаго обширнаго собранія копій аеонскихъ письменныхъ памятниковъ всякаго рода; мы разумѣемъ старѣйшее и еще болѣе обширное собраніе преосвященнаго Порфирія. Вопреки всякимъ слухамъ, ходившимъ въ ученыхъ кружкахъ и даже вопреки распространеннымъ вездѣ обычаямъ ученой ревливой несообщительности по отношенію ко всему не изданному и рѣдкому, достойный и ученый архипастырь не только доставилъ нашему молодому слависту возможность воспользоваться своимъ собраніемъ для изученія данной эпохи, но и позволилъ теперь же напечатать шесть драгоценныхъ греческихъ актовъ царя Стефана Душана. Такимъ образомъ, г. Флоринскій издалъ тринадцать греческихъ актовъ, ведущихъ свое происхожденіе съ Аеона; мы воспользуемся ими, равно какъ и четырнадцатью хрисулами, данными монастырю св. Іоанна Предтечи въ городѣ Серѣ (Σέρραϊς) какъ самимъ Стефаномъ Душаномъ, такъ и его родственниками, Византійскими императорами Андроникомъ II и Андроникомъ III ¹⁾, при своихъ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ, которыя мы намѣрены приурочить къ актамъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря. Кто дастъ себѣ трудъ прочесть изданную Саею грамоту Стефана Душана Серскому монастырю вслѣдъ за напечатанными выше десятью грамотами Андрониковъ, тотъ убѣдится, что нѣтъ никакого различія между хрисулами, подписанными Византійскими императорами, и между греческими грамотами Сербскаго царя Стефана. Само собою является предположеніе, что и славянскія грамоты Сербскихъ и Болгарскихъ государей должны находиться въ близкомъ родствѣ съ греческими и византійскими актами и могутъ служить къ объясненію послѣднихъ, равно какъ и наоборотъ сами могутъ быть объясняемы ими. Нѣкоторые примѣры того мы увидимъ ниже.

Теперь мы возвращаемся къ главному нашему предмету. Сборникъ „Актовъ русскаго на святомъ Аеонѣ монастыря св. Пантелей-

---

¹⁾ Μεσαιωνική βιβλιοθήκη ἐπιστολά Κ. Ν. Σαῦθ. Τόμος I, 201—242. Эти хрисулы изданы по копіямъ, которыя были переписаны въ началѣ XVIII столѣтія патріархомъ Іерусалимскимъ Хрисанеомъ Нотарой и сохранились въ манускриптѣ, принадлежащемъ бібліотекѣ константинопольской церкви св. Гроба.

мона^{хъ} вышелъ въ Кіевѣ, въ 1873 году, на средства самой обители, подавшей добрый, но однако до сихъ поръ остающійся бесплоднымъ, примѣръ другимъ аеонскимъ монастырямъ. Въ этомъ сборникѣ заключаются: 32 византійскихъ документа, изъ коихъ самый древній относится къ 1080 году, а самые новые принадлежатъ Константинопольскимъ патріархамъ первой половины настоящаго столѣтія; одинъ сербскій документъ на греческомъ языкѣ, 13 молдаво-влахійскихъ грамотъ на греческомъ языкѣ, 15 сербскихъ грамотъ на сербскомъ языкѣ, 6 русскихъ на русскомъ языкѣ, 3 молдаво-влахійскихъ на славянскомъ языкѣ и 15 молдаво-влахійскихъ по языку, какъ и по принадлежности; всего 86 документовъ. Византійская часть содержитъ въ себѣ жалованныя грамоты и царскіе привазы, юридическіе и межевые документы, весьма важныя и любопытныя по содержанию. Греческій текстъ, равно какъ и румынскій, сопровождается параллельнымъ русскимъ переводомъ, и сверхъ того, многіе изъ документовъ снабжены комментаріями, объясняющими темныя и неудобопонятныя выраженія; въ началѣ книги помѣщена краткая исторія самаго монастыря. Вообще нѣжно отдать честь настоятельству почтенной русской обители; оно приняло всѣ мѣры, чтобы сдѣлать свое изданіе всѣмъ доступнымъ и какъ можно болѣе полезнымъ. Русскій переводъ, сдѣланный лицомъ, обладающимъ живымъ знакомствомъ съ современнымъ народнымъ греческимъ языкомъ, составляетъ несомнѣнную заслугу даже и предъ лицомъ науки; только относительно пояснительныхъ примѣчаній мы должны замѣтить, что они не всегда стоятъ на высотѣ ученыхъ требованій и не обличаютъ въ составителѣ спеціальнаго знакомства съ византійскими податными и правительственными порядками ¹⁾. Все-таки мы считаемъ своимъ долгомъ принести великую благодарность переводчику и объяснителю греческихъ документовъ Пантелеймонскаго сборника. Сдѣлавъ ихъ несравненно болѣе понятными и доступными, чѣмъ акты, изданныя Миклошичемъ и Мюллеромъ, онъ освобождаетъ насъ отъ необходимости примѣнять въ отношеніи къ нимъ тотъ же примѣръ подробнаго обзорнія всего содержанія, какой

¹⁾ На стр. 161 онъ оставляетъ безъ перевода слово *τοῦ ἐλάτικου*, не зная, по собственному признанію, о чемъ тутъ говорится; на стр. 209 онъ недоумѣваетъ, какое собственно понятіе выражается словами *ἀπογραφικῆ ἐπίστασις*, и только предположительно говоритъ о значеніи зевгарія и модія. Но первое есть, конечно, *ἐλάτικόν*, то-есть, плата за вѣду (или *зоженое*, по старому русскому выраженію), а второе означаетъ уравнительную (приправочную) перепись. О зевгарь и модіи сейчасъ будетъ рѣчь.

былъ нами принятъ въ отношеніи къ сборнику, вышедшему въ Вѣнѣ. На этотъ разъ мы можемъ избрать другую систему. Мы воспользуемся актами Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря, съ прибавленіемъ другихъ отчасти означенныхъ выше пособій (акты гг. Флоринскаго и Саэы), для разъясненія нѣсколькихъ основныхъ вопросовъ византійской податной системы, то-есть, постараемся извлечь изъ нихъ то, что кажется наиболѣе цѣннымъ намъ самимъ, представляя другіе поиски другимъ изслѣдователямъ.

Мы остановимся прежде всего на вопросѣ о величинѣ зевгарія и модія, изъ коихъ послѣдній особенно часто встрѣчался намъ въ актахъ малоазійскихъ монастырей въ смыслѣ единицы поземельнаго измѣренія, но безъ всякихъ опредѣленныхъ указаній или даже намековъ на его дѣйствительную величину. Что касается зевгарія, также очень обычнаго термина, то уже филологическимъ путемъ не трудно дойти до справедливой догадки, что это греческое выраженіе соотвѣтствуетъ латинскому *jugum* (яро); а *jugum*, со времени податной реформы Діоклетіана и Константина Великаго, означало земельный надѣлъ, служившій основаніемъ для раскладки поземельнаго налога; въ смыслѣ единицы распредѣленія *jugum* вполне соотвѣтствуетъ древне-русской сохѣ. Благодаря недавно найденнымъ и только что теперь вполне изданнымъ сирійскимъ отрывкамъ, содержащимъ въ себѣ переведенный съ греческаго сборникъ законовъ V вѣка по Р. X., въ настоящее время нѣтъ уже сомнѣній, что римская соха (*jugum*) или голова (*caput*), по крайней мѣрѣ на востокѣ, представляла не отвлеченную фиктивную величину цѣнностію въ 1000 солидовъ, какъ думали прежде, а совершенно реальную единицу измѣренія полей и земель, устанавливаемую закономъ въ соотвѣствіи съ различнымъ качествомъ земли въ различныхъ мѣстахъ и потому не вездѣ одинаковую по величинѣ. Вотъ два важные для насъ пункта, которые теперь подтверждаются сирійскимъ Законникомъ и могутъ считаться вполне несомнѣнными. При Діоклетіанѣ совершенно было всеобщее измѣреніе недвижимыхъ имуществъ въ имперіи, или—другими словами—введенъ былъ кадастръ, составлены писцовыя книги, должествовавшія подлежать общему пересмотру чрезъ 15 лѣтъ. При этомъ единицей измѣренія служить югеръ (*jugugum*), римская четверть, составляющая именно четвертую почти часть нашей десятины (2518 м. 22) ¹⁾. Но податною величиною, подлежащею позе-

¹⁾ Югеръ почти равняется прусскому моргену; 500 югеровъ=494 моргенамъ; прусскій же моргенъ равняется 0,23337 десятины. Слѣдовательно, югеръ даже

мельному налогу, единицею распределенія его—считалась соха (jugum) или сарит, которая состояла не всегда изъ одного и того же количества югеровъ или четвертей, а заключала ихъ въ себѣ больше или меньше, смотря по тому, къ какому изъ семи опредѣленныхъ закономъ классовъ принадлежала земля ¹⁾. Въ Сиріи существовала слѣдующая норма для воздѣланной земли (помимо пастбищъ):

Соха равняется 5 югерамъ земли подъ виноградникомъ:			
„	=	20	„ „ перваго класса.
„	=	40	„ „ втораго или худшаго
„	=	60	„ „ третьяго „
„	=	225	деревьямъ масличной или оливковой плантаціи перваго класса.
„	=	450	деревьямъ масличной плантаціи втораго класса.

Такимъ образомъ, если мы оставимъ въ сторонѣ виноградныя и масличныя насажденія, то уже въ Римской имперіи земля по качеству почвы раздѣлялась на три разряда, точно такъ какъ это было послѣ

менше одной четверти десятины; но для удобства счета, въ точности котораго пока нѣтъ специальной нужды, мы вездѣ принимаемъ югеръ и моргенъ за четверть десятины.

¹⁾ Не имѣя возможности пользоваться новѣйшимъ переводомъ сирійско-римскаго Законника (Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem V Jahrhundert, herausgg. von *Bruns* und *Sachau*. Leipzig, 1880), приводимъ сдѣлавшееся классическимъ мѣсто по переводу Рёдигера, исправленному и обнародованному Моммсеномъ въ журналѣ *Hermes* (за 1869 годъ), III, 430: Agros vero rex Romanus mensura perticae sic emensus est. Centum perticae sunt πλέθρον. Ιούγον αὐτεμ diebus Diocletiani regis emensum et determinatum est. Quinque jugera vineae quae X πλέθρα efficiunt, pro uno jugo posita sunt. Viginti jugera seu XL πλέθρα agri consiti annonas dant unius jugi. Trunci CCXXV olearum vetustarum unius jugi annonas dant; trunci CDL in monte unum jugum dant. Similiter si ager deterioris et montani nomine positus est, XL jugera, quae efficiunt LXXX πλέθρα, unum jugum dant. Sin in τρίτη positus seu scriptus est, LX jugera, quae efficiunt (CXX) πλέθρα, unum jugum dant. Montes vero sic scribuntur. Tempore scriptionis ii, quibus ab imperio potestas data est, aratores montanos ex aliis regionibus advocant, quorum δοκιμασία scribunt, quot tritici vel hordei modios terra montana reddat. Similiter etiam terram non consitam, quae pecudibus minoribus pascua praebet, scribunt, quantam συνέλαιαν in ταμίσιον factura sit, et postulatur pro agro pascuo, quem in ταμίσιον quotannis offerat, denarius (aureus) unus seu duo seu tres et hocce tributum agri pasculi exigunt Romani mense Nisan (апрѣль) pro equis suis. Cp. *Marquardt*, Staatsverwaltung, II, 219; *Daremberg* et *Saglio*, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines—sub v. *sarrit* (sixième fascicule, pag. 914). Но въ послѣднемъ—ошибочныя цифры.

въ Византійской имперіи, а затѣмъ и въ Московскомъ государствѣ; въ послѣднемъ, при опредѣленіи величины сохи, то-есть, при опредѣленіи количества податей на ту или другую мѣстность, принималось въ соображеніе качество почвы, раздѣлявшейся въ этомъ отношеніи на худую, среднюю и добрую. Вообще способъ распредѣленія поземельныхъ налоговъ, употреблявшійся въ Московскомъ государствѣ, едва ли слѣдуетъ считать совершенно оригинальнымъ ¹⁾). Обращаемся къ главной нашей темѣ. Относительно величины зевгарія или сохи въ Византійской имперіи среднихъ вѣковъ, притомъ въ европейскихъ ея частяхъ, все-таки оставалось сомнѣніе, такъ какъ одной аналогіи съ восточными областями было недостаточно, а другихъ прямыхъ данныхъ не было. Понятно послѣ этого, какую желанную находку представляютъ указанія на величину зевгарія, заключающіяся въ актахъ Руссика и совсѣмъ не оцѣненные по достоинству комментаторомъ. Пусть они относятся къ очень позднему времени; это не отнимаетъ у нихъ ихъ высокаго значенія, потому что отношенія такого рода никогда не мѣняются быстро и скоро. Вотъ подразумеваемая нами даннныя: Въ 1407 году императоръ Мануилъ Палеологъ пове-

¹⁾ Дѣлаемъ небольшую выписку изъ наиболее новаго сочиненія, трактующаго о предметѣ, которая можетъ послужить и къ объясненію нашихъ намековъ, и къ разъясненію самаго существа дѣла. «Податная система древней Россіи представляетъ въ высшей степени *своеобразное* явленіе.... Подати налагались въ древней Россіи не на лицо, а на имущество. Такъ какъ имущество состояло главнымъ образомъ въ землѣ, то она и была преимущественнымъ предметомъ обложенія. Для распредѣленія поземельныхъ налоговъ употреблялся весьма *оригинальный* способъ. Вся занятая земля Московскаго государства раздѣлялась на участки, называемые *сохами*, такимъ образомъ, что каждый изъ этихъ участковъ по доходности былъ равенъ другимъ и могъ быть обложенъ въ одинаковыхъ размѣрахъ съ другими. Понятно, что при различныхъ достоинствахъ земли, *соха* не могла представлять какой-либо опредѣленной величины и измѣнялась по времени и мѣстнымъ условіямъ. Вникая въ смыслъ системы, вѣрнѣе было бы сказать, что дѣлилась не земля, а сумма налога раздѣлялась на опредѣленные равныя доли, которыя потомъ и разлагались по землѣ, при чемъ равноувѣренность обложенія не могла быть иначе достигнута, какъ только пропорціональнымъ измѣненіемъ величины участковъ. При опредѣленіи величины сохи, то-есть, при опредѣленіи количества податей на ту или другую мѣстность, принималось въ соображеніе, во первыхъ, качество почвы, раздѣлявшейся въ этомъ отношеніи на худую, среднюю и добрую. Первой полагалось на соху больше, второй менѣе, третьей еще менѣе: такъ если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то средней земли шло 1000 четвертей, худой уже 1200» и т. д. *П. А. Соколовскій*, Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи предъ крѣпостнымъ правомъ. С.-Петербургъ. 1878.

лѣтъ отвести Русскому монастырю три сохи (зевгарія) изъ свободной царской земли лучшаго качества (№ 25, стр. 127). Исполняя этотъ приказъ, царскіе чиновники озаботились прискаиіемъ „таковой и то-ликой“ земли въ особенномъ опредѣленномъ мѣстѣ, но такъ какъ не возможно было найти столько сплошной земли столь хорошаго качества, то они взяли участіи въ разныхъ мѣстахъ, но тоже наилучшаго и перваго качества, смѣрили ихъ землемѣрно и передали монахамъ по описи, въ которой и обозначена въ модіяхъ общая величина всѣхъ участковъ. Сколько же было всѣхъ модіевъ въ трехъ сохахъ или зевгаріяхъ? Всѣхъ модіевъ сами чиновники насчитали 748, а за исключеніемъ какихъ-то неподлежащихъ счету земель,—616 модіевъ. Итакъ, мы имѣемъ положительное указаніе на величину зевгарія въ византійское время—и въ европейскихъ ея частяхъ. Зевгарь или византійская соха равняется 205 или даже 249 модіямъ. Къ сожалѣнію, и модій не представляетъ совершенно ясной и точно опредѣлимой величины. Первоначально, это есть мѣра емкости сыпучихъ тѣлъ, и уже потомъ, вслѣдствіе перенесенія, сталъ означать поземельную мѣру: въ этомъ отношеніи модій имѣетъ сходство съ древнерусскимъ коробомъ, хотя по величинѣ гораздо меньше его. Спрашивается: въ какомъ отношеніи находится модій, какъ поземельная мѣра, къ римскимъ югерамъ? Если бы мы не имѣли другихъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ, то должны были бы удовольствоваться сопоставленіемъ 20 югеровъ лучшей земли, составлявшихъ одинъ зевгарь на востокъ по сирійскому Законнику, съ 249 модіями, составлявшими зевгарь на западѣ, и отсюда вывести заключеніе, что югеръ равнялся двѣнадцати съ половиною модіямъ съ небольшимъ, и что на нашу десятину приходилось бы около сорока-шести модіевъ. Но есть другія, болѣе правильныя указанія на величину модія, какъ мѣры поверхности; хотя эти указанія и принадлежатъ еще римскимъ временамъ, но опять-таки въ этомъ отношеніи нельзя предполагать большую перемѣну для среднихъ вѣковъ. Римскіе землемѣры считали три модія въ югерѣ¹⁾; модій составляетъ одну треть римской четверти и $\frac{1}{12}$ нашей десятины. По этому расчету зевгарь или соха заключаетъ въ себѣ 68 югеровъ или даже 83 югера лучшей земли (19 или 20,5 десятины) — вмѣсто 20 старой сирійской нормы. Вотъ

¹⁾ *Gromatici veteres*, ed. *Blume und Rudorff*, I, 96: In centuria agri jugera CC, modii DC. Ibid., pag. 359: Jugerum unum pedes CCXL et in latitudine pedes O faciunt terra modiorum III.

другой примѣръ: Въ 1419 году (№ 26) Русскому монастырю переданы были на полуостровѣ Кассандріи тридцать зевгарей земли безъ опредѣленія ея качества; по межевой описи оказалось въ этихъ тридцати византійскихъ сохахъ $4039\frac{1}{2}$ квадратныхъ модіевъ ¹⁾. Судя по этому, зевгарь заключалъ въ себѣ 134 модія съ небольшимъ или 45 югеровъ ($10\frac{1}{10}$ десятины): впрочемъ, нужно замѣтить, что количество $4039\frac{1}{2}$ модіевъ въ тридцати надѣлахъ оказалось только по вычетѣ (ἀποδεχισμός) безполезной и неудобной земли, и что всей земли было нѣсколько большее количество модіевъ. Прибавимъ еще одно свѣдѣніе, относящееся къ южной Италиі. Здѣсь, въ бывшихъ византійскихъ владѣніяхъ, въ Норманнской періодъ полагали въ зевгарѣ 30 модіевъ, слѣдовательно, 10 югеровъ ²⁾.

Сообщенія новѣйшихъ греческихъ ученыхъ могутъ служить къ дальнѣйшему разъясненію дѣла, и особенно къ разъясненію неравномѣрности зевгаріевъ. Отъ нихъ мы узнаемъ, что зевгарь еще и теперь встрѣчается въ греческихъ областяхъ Турецкой имперіи (но не въ королевствѣ); онъ состоитъ обыкновенно изъ такого пространства пахатной земли (γῆ ἀρόσιμος), для обработки котораго требуется пара воловъ; не пахатная земля, находящаяся внутри пространства, не принимается въ расчетъ; поэтому зевгарь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полей мало, а много лѣсу или горъ, можетъ достигать весьма большаго объема; но тамъ, гдѣ вся земля сплошь пахатная, объемъ зевгарія равняется 100—200 гонамъ, στρέμμα, смотря по качеству земли; а одинъ гонъ, στρέμμα, единица измѣренія, часто встрѣчавшаяся намъ въ первой половинѣ статьи, равняется приблизительно $\frac{1}{10}$ нашей десятины, слѣдовательно, зевгарь достигаетъ при различныхъ условіяхъ 10—20 десятинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Турки переняли отъ Византійцевъ измѣреніе земли зевгаріями, и что посредствомъ сокращенія выраженія ζευγάρι образовалось слово чифъ, а затѣмъ чифлыкъ, означающее совокупность зевгаріевъ, составляющихъ одно имѣніе опять-таки не одинаковой величины ³⁾.

¹⁾ ἄτινα μετὰ τὸν ἀποδεχισμὸν (ἐνταῦθα ἐντὸς τοῦ περιόριστου εὐρίσκειται καὶ μέρος ἀχρησίμευτον καθόλου καὶ τραχύτατον) συμφηφιζόμενα κατὰ κεφαλὴν καὶ πόδας ἀποτελοῦσι γῆν μοδιῶν и т. д.

²⁾ Spata, Diplomi greci inediti, pag. 422. (Мы имѣемъ оттискъ изъ неизвѣстнаго намъ италіанскаго изданія или журнала).

³⁾ Καλλιγᾶς, περὶ δουλοπαροικίας παρὰ Ῥωμαίους καὶ Βυζαντινοῖς: журналъ Πανδῶρα 1859, Φυλλίδ. 223, pag. 146 и отдѣльно: Ταῦτα πάντα τὰ χαρακτηριστικὰ συμ-

При введеніи новой податной системы при Диоклетіанѣ предполагалось, что перепись земель, кадастровыя или писцовыя книги, служащія основаніемъ для раскладки поземельнаго налога и указывающія число сохъ, находящихся въ областяхъ, общинахъ и во владѣнннхъ отдѣльныххъ лицъ, будутъ возобновляемы чрезъ каждыя пятнадцать лѣтъ, другими словами—имѣлись въ виду пятнадцатилѣтнія общія ревизіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, бюджетные періоды, называемые индиктими. Но въ нашихъ источникахъ нигдѣ не видно слѣдствъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ когда-либо вновь совершалась подобная обширная операція; напротивъ. мы имѣемъ такой разказъ, что когда при императорѣ Василиѣ I Македонянинѣ тогдашній глава приказа большой казны (ὁ τῆν τοῦ γεικοῦ τὸ τηλικαῦτα διέπων ἀρχήν) предложилъ послать по всѣмъ округамъ или воеводствамъ (темамъ) такъ-называемыхъ приправщиковъ и доворцевъ, то царь отвергъ это предложеніе, хотя и обѣщавшее увеличеніе казенныхъ доходовъ, вопервыхъ, потому, что представленныя министромъ кандидаты для исполненія предполагаемаго порученія, избранныя изъ лучшихъ чиновниковъ, все-таки показались Василию ненадежными и недостойными; вовторыхъ, потому, что самъ царь не могъ взяться за это дѣло безъ нарушенія приличій, хотя важность его, пожалуй, того бы и требовала, и втретьихъ, потому, что два высшіе сановника, на честность и безкорыстіе которыхъ можно было положиться, не согласились взяться за многосложное и хлопотливое дѣло подъ предлогомъ своихъ преклонныхъ лѣтъ: такимъ образомъ, во все царствованіе Василія не было переписи ¹⁾—судя по буквальному смыслу словъ автора его біографіи, ни общей, ни частной.

πίπτουν ἀκριβέστατα πρὸς τὸ ἄλλοτε παρ' ἡμῖν, καὶ νῦν ἐν Τουρκίᾳ, ἐν χρήσει ζευγάριον, διότι τοῦτο ἀποτελεῖ τὴν ἕκτασιν τῆς ἀροσίμου γῆς, ὅσην ζεῦγος βοῶν δύναται ἐν τῷ ἔτει ν' ἀροτριάσῃ. Ἡ πρὸς τῇ ἀροσίμῳ γῇ περιλαμβανομένη μὴ ἀροσίμος, ὀση-δὴποτε καὶ ἂν ἦναι, πάντοτε συναπαρτίζει τὸ ζευγάριον, μὴ συνυπολογιζομένη. τὸ ὅποιον ἐπομένως, ὅταν ἢ μὴ ἀροσίμος εἶναι πολλή, τοὔτεστι δάσος, ὄρεινῆ ἐπιφανείᾳ καὶ γῆ τραχεῖα, δύναται νὰ περιλάβῃ μεγίστην ἕκτασιν. Ὅταν ὁμως ὅλη ἢ γῆ τοῦ ζευγαρίου εἶναι ἀροσίμος, ὡς ἐν πεδινῇ χώρᾳ, ἢ ἕκτασις αὐτοῦ εἶναι μεταξὺ 100 καὶ 200 στρέμματα (décares), κατὰ τὴν ποιότητα τῆς γῆς. Οὐδεμίᾳ ὑπάρχει ἀμφιβολία, ὅτι οἱ Ὀθωμανοὶ παρὰ τῶν Βυζαντινῶν ἐδέχθησαν τὴν εἰς ζευγάριον καταμέτρησιν τῶν κτημάτων καὶ ἐν τοῦ περιεκτικοῦ τοῦ ζευγαρίου (τζίφ) ἐσχηματίσθη ἢ δηλοῦσα τὰ κτήματα λέξις τζίφлик, ἧτοι ἄθροισμα ζευγαρίων.

¹⁾ Theophanis continuat. lib. V, pag. 346, 347, ed. Bonn. Біографія Василія, составляющая эту пятую книгу, приписывается его внуку, Константину Багрянородному.

Последнее довольно невѣроятно; во всякомъ случаѣ, въ другихъ источникахъ весьма часто говорится о частныхъ ревизіяхъ по областямъ, округамъ и даже отдѣльнымъ большимъ комплексамъ монастырскихъ земель, для чего давались иногда полномочія обыкновеннымъ областнымъ начальникамъ (отсюда нѣсколько разъ встрѣчавшійся намъ титулъ: *δοδὲ καὶ ἀναγραφῆος*; см. предыдущую книжку Журнала Министерства Народн. Просвѣщ., стр. 107—112 и т. д.), для чего существовала громадная армія писцовъ, дозорщиковъ, приправчиковъ (*ἀναγραφῆαις, ἐπόλται, εἰσιῶται*): въ Византіи мы находимъ всю терминологию древней московской податной системы, и въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго, если мы согласимся съ мнѣніемъ, уже давно высказаннымъ, что самыя земельныя описи и писцовыя книги древней Руси ведутъ свое начало отъ византійскихъ образцовъ¹⁾. Пока извѣстный участокъ земли не былъ записанъ въ податныхъ или писцовыхъ книгахъ за новымъ владѣльцемъ, пріобрѣтшимъ его куплей или какимъ другимъ способомъ, поземельную подать за этотъ участокъ вносили, конечно, тотъ, кто владѣлъ имъ прежде; другими словами — требованія сборщиковъ податей обращались къ тому, за кѣмъ участокъ записанъ былъ въ книгѣ, чей стихъ или столбецъ онъ составлялъ тамъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересны многочисленныя примѣры сдѣловъ между старымъ и новымъ владѣль-

¹⁾ Еще Невольнымъ, въ рѣчи объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи (Полное собраніе сочиненій, VI, 446), высказана мысль, что образцами древнихъ русскихъ инвентарныхъ описей, слѣды которыхъ сохранились въ Уставѣ Святослава 1137 года о церковной дани и въ Уставныхъ грамотахъ Ростислава Смоленскаго, были византійскія имущественныя описи церквей и монастырей. Въ нашемъ изложеніи, можетъ быть, найдется нѣчто подрывающее эту мысль, но мы представляемъ угадывать аналогіи проницательности читателей. Отвѣтимъ только одну мелочь, которая иначе, пожалуй, останется незамѣченной, и которая имѣетъ близкое отношеніе къ вопросу. Мы просимъ припомнить византійскую ставродиавасію, кресто-прохождение (см. июльской книжки стр. 141, 142, 161). Вотъ русская тому аналогія: «*Образное жожденіе* было доказательство, основанное на вѣрѣ и совѣсти и употреблявшееся въ тѣхъ случаяхъ (спора о межахъ), когда не было никакой возможности обнаружить истину. Оно состояло въ томъ, что одинъ изъ тяжущихся, вслѣдствіе брошеннаго жребія или добровольнаго съ обѣихъ сторонъ согласія, взявъ образъ Господа или Божіей Матери или одного изъ болѣе почитаемыхъ святыхъ угодишковъ — —, и постави на голову, шелъ по спорному пункту; пройденное пространство означало межу» и т. д. *П. Иванова*, Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи (Москва, 1846) стр. 33. Ср. Сочиненіе *Неволина*, VI, 408, 481.

цами, особенно часто встрѣчавшіеся въ актахъ монастыря Лемвиотиссы и отмѣченные нами въ своемъ мѣстѣ. Купивъ за деньги известное количество модіевъ, пріобрѣтатель, вопервыхъ, уплачиваетъ опредѣленную договоромъ поувунную сумму. и затѣмъ принимаетъ на себя обязанность ежегодно вносить казенную подать, отдавая ее либо въ руки продавца, иначе прежняго хозяина, отвѣчающаго за ея поступленіе предъ казною, либо прямо сборщикамъ податей: возможно то и другое, есть указанія на тотъ и на другой способъ¹⁾. Это—такъ называемая въ актахъ ἐπιτέλεια, всегда означаемая опредѣленною цифрою, что и открываетъ возможность полезныхъ соображеній о высотѣ поземельной византійской подати: встрѣчается ἐπιτέλεια въ одну номисму (золотую монету) за 18 маслинъ, стоящихъ пять номисмъ (см. предыдущую книжку Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія, стр. 134); но встрѣчается также ἐπιτέλεια въ $\frac{1}{2}$ иперпира за 40 маслинъ, проданныхъ за 36 иперпировъ (стр. 137), и даже восемь коквиевъ, то-есть, $\frac{1}{3}$ иперпира за 46 маслинъ (стр. 133). Сопоставленіе этихъ данныхъ, которыя уже собраны нами въ первой половинѣ статьи, во всякомъ случаѣ будетъ свидѣтельствовать о неравномѣрности обложенія, а въ большинствѣ случаевъ и о крайней высотѣ его.

Поземельная подать легко узнается въ византійскихъ актахъ подъ названіемъ зевгаратикія (ζεωγαρaticιον); но она же должна быть разумѣема и подъ ситаркіей (σιταρχία, ситархία и ситархеія), которую мы уже встрѣчали въ документахъ Вѣнскаго сборника и которую на русскомъ языкѣ мы выражали названіемъ „житнаго“, имѣя въ виду попадающійся въ болгарскихъ грамотахъ терминъ „житарство“. Такого объясненія мы, правда, не найдемъ ни въ словарѣ Дюканжа, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ; но на него наводитъ прямое замѣчаніе одного аэоно-пантелеймоновскаго документа (№ 21, стр. 174): τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρχίας ἤ γουον τοῦ ζεωγαρaticίου, что въ русскомъ переводѣ совершенно неправильно объяснено взыскомъ по статьѣ о хлѣбномъ продовольствіи войска, то-есть, зевгаратнымъ взыскомъ (стр. 175): нужно было сказать „по статьѣ житнаго сбора, то-есть, поземельной подати“. Въ другомъ документѣ того же монастыря со-

¹⁾ Acta graeca IV, 125 въ началѣ (сравни. въ июльской книжкѣ Журнала Минист. Народн. Просвѣщ., стр. 135): ὀφείλτε δὲ ἐπιτελεῖν πρὸς ἡμᾶς καθ' ἕκαστον χαίρον. Acta, pag. 121 ὡς ὀφειλοντος ἐπιτελεῖν — εἰς τὸν στίχον ἡμῶν (ср. Журналъ М. Н. Пр., тамъ же стр. 154 и 155).

общается еще и третье названіе поземельной подати: ἀλωματικὸς ἤτοι σιταρχίας (№ 20, стр. 166). Последнее наименованіе, означающее гумевный сборъ (отъ ἀλώνιον, гумно), равно какъ и первое, означающее первоначально хлѣбную доставку или провіантъ, какъ бы указываютъ на то, что поземельная подать взималась натурой. Такъ дѣйствительно и бывало въ римское время, откуда ведутъ свое начало всѣ эти податные порядки и обычаи; главный налогъ на землю взимался тогда то деньгами, то натурою. Римской традиціи достаточно, чтобы объяснить происхожденіе термина ситархіи, и нѣтъ нужды предполагать, что и въ византійское время сохраняло свою силу натуральное государственное хозяйство. Въ актахъ монастыря Лемвотиссы мы встрѣтили прямое указаніе на то, что поземельная подать и тогда, когда она именовалась житною (ситархіей), все-таки взималась въ монетѣ. Монастырекъ св. Георгія Экзокастрита платилъ одинъ иперирій въ видѣ ситархіи (Acta graeca, IV, 45: ὑάριον σιταρχίας ὑπέρτορον ἔν; ср. июльскую книжку Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, стр. 127); въ другомъ мѣстѣ (стр. 86) мы встрѣчаемъ житныя монеты, νομίσματα ἀγάλης, σιταρχίας, взимаемая съ париковъ.

Вопросъ о томъ, сохранялась ли нѣтъ въ византійское время наравнѣ съ поземельною и подушная или поголовная подать со свободныхъ людей, и если сохранялась, то подъ какими именно наименованіями, вопросъ, разрѣшеніемъ котораго занимался Цахарію въ своемъ извѣстномъ мемуарѣ, посвященномъ римской податной системѣ¹⁾, не находитъ себѣ въ нашихъ актахъ на столько положительнаго и яснаго рѣшенія, чтобы можно было замѣнить догадки изслѣдователя чѣмъ-нибудь новымъ и несомнѣннымъ. Внимательный читатель могъ замѣтить, что въ нашемъ изложеніи актовъ Вѣнскаго сборника только однажды встрѣтилось выраженіе „поголовная подать“ (июльская книжка Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, стр. 106), которымъ мы передали греческое выраженіе κεφαλιόγραφον, въ самомъ дѣлѣ не могущее означать ничего другаго. Въ аеонскихъ актахъ изъ собранія преосв. Порфирія, напечатанныхъ г. Флоринскимъ, два раза встрѣчается выраженіе κεφάλαιον въ смыслѣ поголовной подати. Стефанъ Душанъ прощаетъ Иверскому монастырю требуемая со стороны казны поголовную и поземельную подать за имѣніе Радоливо:

¹⁾ Zur Kenntniss des römischen Steuerwesens — въ *Запискахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ* 1863 г.

εὐεργετῆ τὸ ἀπὸ τοῦ Ραβολίβου ἀπαιτούμενον παρὰ τοῦ μέρους τοῦ δημοσίου κεφαλαίου (безъ всякаго сомнѣнія, нужно читать: κεφάλαιον) καὶ τὸ ζευγαράτιον (стр. 93). Въ другой грамотѣ того же государя и той же обители говорится, что Иверскій монастырь до 1346 г. платилъ за имѣніе Радоливо двѣсти иперпировъ въ видѣ поземельнаго налога, и двѣсти — въ видѣ поголовнаго¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности рѣшить, на сколько близкую копию представляетъ грамота царя Стефана Душана въ отношеніи къ предшествовавшему того же содержанія хрисовулу, который данъ былъ Иверскому монастырю императоромъ Михаиломъ Палеологомъ, такъ какъ хрисовулу Палеолога объ имѣніи Радоливо остается не издавшимся. Трудно все-таки думать, что упоминаніе о поголовной подати составляетъ особенность сербскихъ податныхъ порядковъ, тѣмъ болѣе, что въ одной изъ грамотъ Душана прямо дѣлается ссылка на прежнія, то-есть, византійскія времена. Что касается капνικόν, подымнаго, представляющаго, по весьма авторитетному мнѣнію, видоизмѣненіе и замѣну старой поголовной подати послѣ ея довольно ранней отмѣны для свободныхъ людей, то въ тѣхъ актахъ, которые составляютъ для насъ ближайшій предметъ изученія, не встрѣчается такого выраженія. Не въ греческой, а въ славянской части пантелеймоновскаго сборника встрѣчаемъ мы „дымнину“, явный переводъ слова капνικόν. Царь Стефанъ Душанъ въ 1350 году (№ 49, стр. 358) освобождаетъ свободныхъ людей, имѣющихъ поселиться на землѣ, принадлежащей Габровской церкви, „одъ приселище и димнина“ (стр. 360). Дымнина встрѣчается также въ грамотѣ Болгарскаго царя Константина Асѣна (ранѣе 1278 г.), представляющей подтвержденіе привилегій, дарованныхъ монастырю св. Георгія Побѣдоносца въ Скопін прежними, то-есть, Византійскими государями²⁾. Въ греческихъ актахъ встрѣчается каπνολόγιον, очевидно, одно и то же съ капνικόν, въ Янинской грамотѣ императора Андроника II 1319 г.: ἵνα οὐδὲν ἀπαιτῆται ἄλλως εἰς αὐτῶν βιολόγιον ἢ καπνολόγιον ἢ νόμιστρον, λιμνῶν πακτων, ἢ ζευγολόγιον, ἢ ὀρικὴ, ἢ μελισσονόμιον ἢ χοιροδεκτία³⁾,—а равнымъ

¹⁾ τὰ μὲν διακόσια ὑπέρπορα ὑπὲρ ζευγαράτιου, τὰ δὲ διακόσια ὑπὲρ κεφαλαίου (стр. 95).

²⁾ Грамота издана у Срезневскаго, Свидѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и маловѣстныхъ памятникахъ. Приложение къ XXXIV тому *Записокъ Академіи Наукъ*.

³⁾ Χρονογραφία τῆς Ἠπειροῦ, II, 306.

образомъ въ современныхъ ей ессалійскихъ грамотахъ ¹⁾. Въ эфирской грамотѣ *καπνολόγιον* непосредственно слѣдуетъ за *βιολόγιον*, и по видимому, отличается отъ этого послѣдняго (ѣ раздѣлительное, а не объяснительное). Но *βιολόγιον* и по мѣсту, которое оно занимаетъ, и по филологическому составу и смыслу выраженія — всего скорѣе означаетъ поголовную подать, единственную изъ основныхъ податей, не встрѣчающуюся въ дальнѣйшемъ перечисленіи (поземельная подать разумѣется подъ *ζεογολόγιον*); съ *βιολόγιον*, вѣроятно, тождественно τὸ *βιωτικόν*, встрѣчающееся въ грамотѣ Стефана Душана, изданной г. Флоринскимъ ²⁾. Основываясь на указанномъ отличеніи, мы позволяемъ себѣ усумниться въ тождествѣ поголовной и подымной подати, не смотря на авторитетъ Пахаріа ³⁾. Намъ кажется, что даже и тѣ тексты, которые прежде были извѣстны, не давали полного права на отождествленіе. Приведенный нами еще прежде въ нашихъ Материалахъ (апрѣльская книжка 1879 г., стр. 400) отрывокъ изъ „Судебной практики“ (Παῖρα) Евстація показываетъ, что подымное есть сборъ съ населенныхъ имѣній; съ пустой земли и съ одинокой человѣческой головы онъ не взимается. *Καπνικόν* могъ существовать самостоятельно на ряду съ поголовною податью, и при сложности византійской податной системы въ этомъ не будетъ ничего страннаго. Мы склонны думать, что византійская подымная подать находится въ ближайшемъ родствѣ съ податью, взимаемою, по видимому, съ жилья и усадебной земли, которая изрѣдка встрѣчается въ греческихъ и славянскихъ грамотахъ подъ греческимъ названіемъ *οἰκόμοδος*: „взимати одѣ икономодѣ имущимъ стас (то-есть, *στάσον*) на три перпера“, говорится въ хиландарской сербской описи (у Флоринскаго, Аеонскіе акты, стр. 31); „ни дани взяти, ни комад, ни митаты (такъ слѣдуетъ писать вмѣсто „мита ты“), ни десятокъ“ — читается въ болгарской грамотѣ Іоанна

¹⁾ *Heusey et Daumet*, Mission archéologique de Macédoine, pag. 456.

²⁾ Аеонскіе акты, стр. 83. Здѣсь *βιωτικόν*, выраженіе, кстати сказать, не обрѣтаемое ни въ какихъ словаряхъ, стоитъ рядомъ съ другими терминами, чтеніе которыхъ очень затрудняло нашего слависта, и которыя, по нашему мнѣнію, могутъ относиться тоже къ *поземельнымъ* сборамъ: объ этомъ сейчасъ будетъ сказано ниже, а теперь мы должны только замѣтить, что нѣтъ ничего невозвратнаго въ употребленіи сербскими составителями греческой грамоты всѣхъ трехъ синонимическихъ выраженій для одного и того же понятія.

³⁾ См. *Zur Kenntniss des römischen Steuerwesens*, pag. 13.

Александра (Срезневскаго, Свѣдѣнія и замѣтки въ вышеуказанномъ изданіи, стр. 32); въ одножъ документѣ смирнскаго монастыря Лемвотиссы мы встрѣтили *οἰχοδοπαράσπορον*, въ значеніи повинности, платимой париками—нужно думать—за жилье (*οἶκος*) и усадебную землю (*παράσπορον*).

У Цахаріа приведены еще два важныя указанія о византійской „дымвинѣ“, заслуживающія и нашего вниманія. Продолжатель хроники Θεοφана разказываетъ о Михаилѣ Аморейскомъ (820—828 гг.), что онъ, желая изъяснить свое благоволеніе двумъ азіатскимъ провинціямъ (Обсикианской и Арменіаковъ) за ихъ вѣрность во время востанія, простилъ имъ изъ платимой въ казну подымной подати одинъ миліарисій (серебряную монету); жители всѣхъ другихъ провинцій, между прочимъ и этихъ двухъ, съ давняго времени платили ежегодно въ видѣ подымнаго по два миліарисія, а теперь имъ былъ прощень одинъ изъ этихъ миліарисіевъ¹⁾. Итакъ, въ началѣ IX вѣка подымная подать составляла одну шестую номисмы или византійскаго золотого (номисма заключала 12 миліарисіевъ), около 60 копѣекъ—съ дыма. Объ императорѣ Іоаннѣ Цимисихѣ говорится, что онъ простилъ такъ-называемое подымное всѣмъ тяглымъ людемъ во всѣхъ провинціяхъ²⁾. Намъ кажется, однако, что нѣтъ никакой необходимости въ томъ и другомъ случаѣ думать о настоящей законодательной мѣрѣ, обязательной для послѣдующихъ временъ; и въ первомъ, и во второмъ случаѣ, была только временная царская милость, имѣвшая значеніе на одинъ годъ, въ родѣ прощенія недоимокъ. Цимисій торжествовалъ означеннымъ способомъ свою побѣду надъ Святославомъ Русскимъ³⁾.

1) Theophan Continuât., ed Bonn., pag. 54: τὸ εἰς, τὸ βασιλικὸν τελοῦμενον ταμιεῖον δημόσιον καπνικὸν οὕτω λεγόμενον μιλιарισιον ἐν συγκεχώρηται: τῶν γὰρ ἄλλων πάντων ἀνά δύο τελοῦντων ἀνέκαθεν μιλιарισίων, ἀλλὰ καὶ αὐτῶν τούτων, τότε τὸ ἀφεῖθη διὰ τὴν εὐνοίαν.

2) Cedren. II, 413: Ἀφῆκε δὲ καὶ τοῖς ὑποφόροις πᾶσι τῶν ὅλων θεμάτων τὸ λεγόμενον καπνικόν.

3) Уже Цахаріа въ своемъ мемуарѣ указалъ на несправедливость мѣрѣнн Балигаса, что подымное есть первоначально общинный сборъ, превратившійся въ государственный и *поступавшій въ пользу епископовъ*. Церковный сборъ, называвшійся то каноническимъ, то подымнымъ, существовалъ отдѣльно отъ государственной сошпенной подати. Полагаемъ, что и на Руси въ московскій періодъ «великаго государя подати и подымные дѣти» должны быть отмѣчаемы

Итакъ, мы отвергаемъ тожество поголовной и подымной податей. Но за то, на основаніи изданныхъ и не изданныхъ грамотъ, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, мы положительно можемъ утверждать, что такъ называемое *ἀερίκον* и *ἀήρ* есть не что другое, какъ та же поголовная подать подъ другимъ названіемъ, ибо въ актахъ встрѣчаются такіа выраженія: „ἀπατήσαι καὶ συζητήσαι καφαλαίου ἢ ἀέρος (не изданная грамота Михаила Палеолога), ὑπὲρ ἀέρος τῶν τοιοῦτων ὄλων παροίκων (Практиκὸν Иверскаго монастыря). Въ греческой грамотѣ Стефана Душана изъ собранія преосвященнаго Порфирія, изданной г. Флоринскимъ, *ἀήρ* встрѣчается въ слѣдующей связи: Сербскій царь заявляетъ, что онъ освобождаетъ Иверскій монастырь отъ всякой подати за мѣстныя Радиво—отъ поголовной и отъ поземельной (мѣсто приведено выше стр. 368); вслѣдствіе того, продолжаетъ дальше грамота,— всѣ входящія въ составъ имѣнія имущества и метохи должны быть соблюдаемы свободными не только отъ казенныхъ статей, взысканій и дачъ, но и отъ взысканія поземельной подати: ἀλλὰ καὶ τῆς ἀπατήσεως τοῦ ζευγαρικίου, τῆς ὀρεικῆς καὶ καстроκτησίας, τοῦ ἐννομίου τῶν ζώων αὐτῶν, τῶν προβάτων χοίρων καὶ μελισσῶν, τοῦ ἀέρος, τοῦ ἐλαχύρου, τοῦ μεττάτου. Такъ какъ здѣсь, при параллельности обоихъ мѣстъ, повторена во второмъ отрывкѣ поземельная подать, упомянутая въ первомъ, то слѣдуетъ ожидать повторенія во второмъ отрывкѣ и поголовной подати (*καφαλαίου*)—хотя бы подъ другимъ названіемъ. Но изъ всѣхъ перечисленныхъ податей только одинъ *ἀήρ* означающій воздухъ, которымъ дышутъ всѣ, допускаетъ возможность отождествленія или приуроченія къ поголовной подати; всѣ другія названія имѣютъ очень понятный и совсѣмъ иной смыслъ. Въ другой грамотѣ того же Стефана Душана изъ собранія Севастьянова г. Флоринскій (Аеонскіе акты, стр. 83) разобралъ слѣдующее: ὡσαύτως εὐεργετῆ ἢ βασιλεία μου τὴν ταύτην μονὴν τὸ ζευγαρικίον — — — — — τὸν ἄ. . ρά (?) τὸ χαρέσιον (χαρέβιον)? τὸ βωτικόν. Мы уже объяснили послѣднее выраженіе въ смыслѣ поголовной подати; предлагаемъ теперь, что не было нужды предаваться недоумѣніемъ и предъ двумя предшествующими выраженіями: подъ несомнѣнно разобраннѣмъ *ἄ. . ρα* скрывается, конечно, *ἀέρα*; *χαρέσιον* можетъ быть только *χαράττιον* = *χάραγμα* = *νόμισμα χαράγματος*, то-есть, поголовный

отъ того подымнаго, что «митрополичъ десятильникъ емлетъ — — подымное со крестьянскаго всякаго двора по денгъ». Ср. Исторія финансовыхъ учреждений Россіи. Графа Дмитрія Толстаго, стр. 16.

сборъ, поздѣйшій турецкій харачъ. Однимъ словомъ, мы думаемъ, что всѣ три выраженія означаютъ одно и то же, приведены и поставлены рядомъ въ видѣ синонимовъ ¹⁾.

Мы нѣсколько углубились въ сложный лабиринтъ византійской податной системы, хотя сдѣлали только самую слабую попытку къ разъясненію ужасающей номенклатуры разныхъ повинностей и сборовъ, встрѣчаемыхъ въ греческихъ актахъ и грамотахъ. Интересъ задачи, которой мы посвятимъ еще нѣсколько строкъ, усиливается близкимъ отношеніемъ византійской номенклатуры къ загадочнымъ иногда выраженіямъ сербскихъ и болгарскихъ грамотъ; а съ другой стороны, и самое изслѣдованіе предмета облегчается возможностью сравнительнаго изученія византійскихъ и славянскихъ источниковъ. Несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ славянскія выраженія объясняются греческими и на оборотъ. Приведемъ одинъ примѣръ. Стефанъ Душанъ о землѣ, принадлежавшей церкви св. Николая и передаваемой имъ патриарху, пишетъ (Акты Пантелеймоновскаго монастыря, № 50, стр. 366): „и сию землю више писанною цркви стаго Николи никто по силѣ да ю не тежи, тько кому ю дає митрополить изъ десетька, развѣ парикъ що се обрѣта, да си своє бацине тѣже безъ десетька, а що имоу тежати землю црковноу лихо своє бацине, да даю и париди сотъ тогази цркви десетькъ“. При объясненіи этого мѣста всегда будетъ полезно припомнить и византійскихъ париковъ, и византійскую морту, которая здѣсь называется десяткомъ, а равно и часто встрѣчающееся выраженіе „родовая земля“ (γῆ γονικῆ), отчина, которая бываетъ и у париковъ и вполне соответствуетъ бацинѣ. Приведемъ еще одинъ примѣръ, который и воротитъ насъ снова къ византійской податной системѣ, къ знаменитымъ четыремъ или тремъ статьямъ, составлявшимъ ея основу и часто упоминаемымъ въ Аѳонскихъ актахъ. Въ грамотѣ Александра, царя Болгарскаго, Зографскому монастырю 1342 года, два раза говорится объ освобожденіи обители отъ взноса пятидесяти иперпировъ, которые онъ собственно долженъ былъ бы уплачивать „ради житарства и горнины

¹⁾ Формула постановленія царемъ въ катепаны (καταπάνικιον), изданная теперь *Саею* (Bibliotheca graeca. VI, 641), гдѣ встрѣчается упоминаніе объ аерѣ, была еще известна *Дюканжу*, который и привелъ соответствующую выписку въ своемъ словарѣ sub voce ἀερίον.

и градоузданія“¹⁾). Полагаемъ, что и знающій славистъ не вдругъ догадается, что нужно разумѣть подъ житарствомъ и что подъ горниною. Съ другой стороны, если не много узнится значеніе греческой ситаркіи чрезъ сопоставленіе ея съ житарствомъ, то по крайней мѣрѣ для насъ, смыслъ греческаго слова *ὄρικη*, означающаго подать, сдѣлался вполне яснымъ только послѣ того, какъ мы убѣдились въ тождествѣ его съ горниною. Въ вышеприведенномъ отрывкѣ болгарской грамоты мы имѣемъ три изъ знаменитыхъ „четыре-хъ статей“ византійскихъ, которыя иногда являются и самостоятельно, безъ дополненія четвертою статьею. Слѣдующее сопоставленіе сдѣлаетъ это несомнѣннымъ: Въ хрисовулѣ императора Андроника монастырю Предтечи въ городѣ Сѣрѣ (*Σερρών*), данномъ по просьбѣ Стефана Душана, мы читаемъ (*Sathas, Bibliotheca graeca I, 217, 218*), что онъ не будетъ взыскивать ни ситархіи (житарства), ни *ὄρικης* (горнины), ни градоузданія, ни пастбищнаго (*ἄννομιου*). То же самое повторяется и во многихъ другихъ грамотахъ. Стр. 226: *ἀπατήσεως τῶν δημοσιακῶν κεφαλαίων τῆς σιταρχίας, τῆς ὄρικῆς, τῆς καστροκτισίας καὶ τοῦ ἄννομιου*, (то же самое стр. 227 въ той же грамотѣ). Стр. 229: *ἀνάτερη δὲ ταῦτα καὶ τῆς τῶν δημοσιακῶν κεφαλαίων διατηρεῖσθαι ἀπατήσεως, σιταρχίας, καστροκτισίας καὶ ὄρικῆς, ἐπὶ δὲ καὶ ἄννομιου* (то же самое на стр. 231 той же грамоты). Стр. 235: *τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρχίας, τῆς ὄρικῆς, τῆς καστροκτισίας, τοῦ ἄννομιου* и т. д. стр. 240: *τῆς σιταρχίας, τῆς καστροκτισίας, τῆς ὄρικῆς, τοῦ φόρου καὶ τῆς εὐρέσεως τοῦ θησαυροῦ*. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ *ὄρικη*, горнина, является въ числѣ четырехъ статей на ряду съ *ἄννομιον*, пастбищнымъ, хотя обѣ подати почти совершенно однородны, такъ какъ горнина означаетъ поборъ со скота, пасущагося въ горахъ, а *ἄννομιον* поборъ со скота, пасущагося на поляхъ и лугахъ. Градоузданіе, древнее русское городовое дѣло, *καστροκτισία*, не требуетъ объясненій: оно означало здѣсь, какъ и вездѣ, обязанность дѣлать городъ (валы и ограды), возить для этого камень, известь и т. п. Въ другихъ грамотахъ четыре статьи формулируются нѣсколько иначе, чѣмъ въ вышеприведенныхъ случаяхъ. 1) Вмѣсто ситаркіи часто стоитъ *ζευγαράτικιον*, и въ случаѣ своего присутствія почти постоянно на первомъ планѣ, какъ и ситаркія, которая уже всегда отсутствуетъ при *ζευγαράτικίῳ*: новое доказательство тождества поземельной подати (*ζευγαράτικія*) и ситаркіи или житнаго сбора. 2) Вмѣсто паст-

¹⁾ *Срезневскаго, Свидѣнія и замѣтки, LXXXI, 27. Въ указанномъ изданіи.*

бищнаго является загадочная пареенофеорія, двѣростлѣніе, которую Цахаріе даже во второмъ изданіи своего классическаго сочиненія принималъ за что-то въ родѣ феодальнаго права, *droit de seigneur, jus primae noctis* ¹⁾: ошибка, которая теперь, послѣ изданія значительнаго числа неизвѣстныхъ прежде грамотъ, была бы невозможна. 3) Иногда же, въ замѣнъ другихъ статей, на ряду съ пареенофеоріей является душегубство и обрѣтеніе сокровища. Именно это сосѣдство и это сопоставленіе пареенофеоріи, двѣростлѣнія, съ душегубствомъ и доказываетъ, что тутъ дѣло идетъ не о какомъ-либо позорномъ правѣ, потому, что еще никогда нигдѣ ни монахамъ, ни кому другому не давалось еще права на убійство, а рѣчь идетъ просто о судебныхъ пошлинахъ за извѣстныя преступленія, какъ это относительно душегубства и объясняется въ эфирской грамотѣ Андроника II. Тамъ же дается объясненіе и подати, называемой „обрѣтеніемъ сокровища“ — въ томъ весьма простомъ и естественномъ смыслѣ, что всякіе клады, оказавшіеся дѣйствительно существующими, принадлежатъ царской казнѣ. Самый текстъ будетъ приведенъ ниже, вслѣдъ за другими примѣрами, которые мы заимствуемъ изъ Пантелеймоновскихъ и вообще Аеонскихъ актовъ. По хрисовулу императора Андроника Русскому монастырю (акты Пантелейм. мон. № 20, стр. 166), обитель освобождается отъ всякаго взыскапія и отагощенія, существующаго въ области, опричь слѣдующихъ четырехъ статей: убійства, двѣростлѣнія, обрѣтенія сокровища и гуненнаго, то-есть, житнаго сбора ²⁾. Въ грамотѣ Стефана Душана митрополиту города Зяхиъ (*Sathas, Bibliotheca graeca, I, 235*) въ слѣдъ за ситархіей, горнивою, градозданіемъ и пастбищнымъ (четыре статьи), слѣдуютъ еще: пчелиный сборъ (съ ульевъ), свиной и овечій десятокъ и затѣмъ двѣростлѣніе. Въ другомъ греческомъ хрисовулѣ Стефана Душана (изъ собранія преосв. Порфирія, у г. Флоринскаго, стр. 93): взыскапіе зевгаратикія, горнины, градозданія,

¹⁾ *Geschichte des griechisch-römischen Rechts, p. 247: Hier (въ хрисовулѣ Андроника Младшаго 1331 года) kommt sogar die пареенофеорія d. i. das jus primae noctis. Такимъ образомъ Цахаріе зналъ, очевидно, одинъ только случай упоминанія о пареенофеоріи: теперь, когда мы можемъ указать ихъ болѣе десятка, и почти всегда въ одной и той же связи, гдѣ двѣростлѣніе является въ видѣ общегосударственнаго дохода или повинности, мы безъ всякаго труда исправляемъ его ошибку.*

²⁾ *ἀνευ μόνων τῶν καθολικῶς τεταγμένων τεσσάρων τούτων κεφαλαίων, ἤτοι φονικῆς, παρθενοφθορίας, εὐρέσεως θησαυροῦ καὶ ἀλωνιατικῆς ἤτοι σιταρχίας.*

пастбищнаго, — аера, дровъ и соломы, военного постоя, а равно всѣхъ другихъ взыскаемыхъ и даваемыхъ казенныхъ статей, и самаго душегубства или убійства, пареенофеорин, обрѣтенія сокровища ¹⁾. Тамъ же (стр. 94) говорится ниже о трехъ статьяхъ—убійствѣ, дѣворастлвннн и обрѣтеннн сокровища ²⁾. Въ грамотѣ Иверскому монастырю (у Флоринскаго № 3, стр. 97) на первомъ мѣстѣ стоитъ зевгаратикій (поземельная подать), затѣмъ слѣдуетъ градовиданіе, пастбищное со скота, а потомъ „такъ-называемый губелатикъ, обычно взимаемый въ Римскомъ государствѣ“ (τὸ λέγόμενον γουβελιάτικον, ὅπερ ἤν συνήθες ἀπακτεῖσθαι ἐν τῇ τῶν Ῥωμαίων ἀρχῇ): такъ что мы готовы опять видѣть здѣсь душегубство, производя загадочное слово отъ корня губить (если только тутъ нѣтъ ошибки вмѣсто βυγιάτικον, сторожевое). Наконецъ, значеніе нашихъ трехъ статей окончательно разъясняется слѣдующими данными: Въ одномъ славянскомъ хрисовулѣ Сербскаго краля Степана Уроша (Флоринскій, стр. 24) дается такая привиллегія одной церкви: „И що се оучини вражда (φόνος) мегоу црковными людьми, да оузима црковь, такожде и дѣчь (дѣвичь) разбой (=пареенофеорія)“ ³⁾. Въ эпирской грамотѣ, о которой мы говорили выше, жителямъ города Янины дается право наказывать того, кто впадетъ въ вину душегубства, по мѣстному обычаю: „А когда случится обрѣтеніе сокровища кѣмъ-нибудь, то если въ самомъ дѣлѣ такое оказывается существующимъ, найденное принимается и вносится въ богохранимую казну (θεοφρούρητον βεστιάριον); если же слухъ о сокровищѣ будетъ ложнымъ и будетъ пущенъ изъ злобы противъ кого-нибудь, то пусть произведено будетъ разслѣдованіе, и когда обнаружится истина, пусть не тревожатъ болѣе человѣка, на котораго сказано было обрѣтеніе сокровища“ ⁴⁾. Какъ важенъ былъ во-

¹⁾ Подлинный греческій текстъ отчасти уже приведенъ выше (стр. 371) при объясненіи «аера». Приводимъ здѣсь ради одного нужнаго замѣчанія продолженіе, тамъ не помѣщенное: καὶ πάντων τῶν ἀπαιτουμένων καὶ διδομένων ἐτέρων δημοσιακῶν κεφαλαίων, καὶ αὐτοῦ τοῦ ἀβιστικίου, ... τε τοῦ φόνου, τῆς παρθενοφθορίας, τῆς εὐρέσεως τοῦ θησαυροῦ. Мы полагаемъ, что между двумя подчеркнутыми словами и вмѣсто точекъ, указывающихъ на неразборчивость письма, просто слѣдуетъ читать ἤτε (или): въ такомъ случаѣ ἀβιστικίον будетъ то же самое, чтὸ φόνος, какъ это допускаетъ и этимологія слова.

²⁾ τριῶν κεφαλαίων τοῦ φόνου, τῆς παρθενοφθορίας καὶ τῆς εὐρέσεως θησαυροῦ.

³⁾ Срав. стр. 75: о судѣ старцевъ за вражду. Ср. Jus Graecorum., III, 367.

⁴⁾ Χρονογραφία τῆς Ηπείρου, II, 304: Ἐτι ἵνα ὁ μέλλων ἐμπεσεῖν εἰς φόνον, παιδείηται ὑπὲρ τοῦτου κατὰ τὴν ἐκείσε συνηθείαν.

прось о сокровищахъ и кладахъ въ Византійской имперіи, объ этомъ свидѣлствуютъ слова знаменитаго Аѳинскаго митрополита Михаила Авомината въ рѣчи къ одному вновь поставленному (въ концѣ XII вѣка) областному правителю, гдѣ онъ рисуетъ наступившую новую эру справедливости и благополучія: „Теперь нивого не потянутъ въ суду, по поводу обрѣтенія кладовъ, влязвники, откапывающіе такого рода дѣла; никто не будетъ принужденъ платить груды денегъ, какъ будто онъ напалъ на заповѣдныя сокровища Креза или Мидяса“¹⁾.

Поземельная (посошная) и подымная подать съ ихъ менѣе обычною спутницею—поголовною или подушною (аеромъ), и четыре, либо три статьи, о которыхъ сейчасъ была рѣчь, далеко не исчерпываютъ списка тягостей, лежавшихъ на землевладѣльцахъ и крестьянскомъ населеніи. Слѣдуетъ еще цѣлый рядъ повинностей, съ большею или меньшею подробностью исчисляемыхъ въ царскихъ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ съ цѣлью освобожденія обитателей отъ всякаго рода взысканій и чиновничьихъ злоупотребленій. На первомъ мѣстѣ часто ставится ямская повинность, ангарія и парангарія, состоявшая въ обязанности поставлять подводы, коней, воловъ, ословъ, и конечно, нужныхъ при этомъ людей для провоза разныхъ царскихъ сановниковъ и гонцевъ, а равно солдатъ, и также для перевозки военныхъ принадлежностей²⁾. Составляя наслѣдіе Римской имперіи, въ которой почтовая повинность вызывала самыя горькія жалобы и почти отчаяніе городскихъ обществъ, ангарія теперь лежала преимущественно на крестьянствѣ.

Какимъ образомъ производилась раскладка повинности—мы точно не знаемъ. По всей вѣроятности, не всѣ селенія исправляли ее натурою, то-есть, поставляли лошадей на станціи или по нашему ямы; селенія, отдаленныя отъ обычныхъ мѣстъ передвиженія, могли вно-

¹⁾ Οὐκέτι οὐδ' ἐφ' εὐρέματι θησαυρῶν ἐλκουθήσεται τις παρὰ τῶν ἀνορεττόντων δίχας τοιαύτας καὶ βιασθήσεται δῆχας χρημάτων ἀποδοῦναι ὡς τὰ τοῦ Κροίσου, ἢ Μίδου εὐρηχώς. Λάμπροϋ, Μιχαὴλ τοῦ Αχομινάτου τὰ σωζόμενα (ἐν Αθῆναις, 1879), pag. 177.

²⁾ Ангарія (ἀγγαρεία, но и ἀγχαρία: Флоринскій, Аѳинскіе акты, стр. 86) встрѣчается весьма часто. Любопытно упоминаніе ея въ болгарскихъ грамотахъ: «ни конъ егарепсати, ни воловы, ни ослате, ни подводу взати» (Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, стр. 33); «ни имъ зевгаре егарепсати то ни конъ, ни сло-тану (тамъ же, стр. 38).

сечь деньги, какъ это было въ Московскомъ государствѣ (ямщина, ямскія деньги). Въ Патмосской грамотѣ Алексѣя Комнина, сверхъ того, отмѣчается сюда же принадлежащая обязанность сельскихъ жителей содержать дороги, мосты, разнаго рода пристанища и загоны для прикрытія и отдохновенія людей и скота ¹⁾).

Съ ямскою повинностью соединялась постоянная, состоявшая въ обязанности не только давать помѣщеніе, но и содержаніе или кормы проезжающимъ. Извѣстно, что въ римское время путешественникъ получалъ подорожную, въ которой и обозначалось, имѣеть ли онъ право только на *evectio* (провозъ), или же вмѣстѣ съ тѣмъ и на *tractoria* (содержаніе); пользоваться послѣднимъ можно было отъ двухъ дней до пяти, но притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ Патмосской грамотѣ 1088 года, вообще содержащей въ себѣ наиболѣе подробныя свѣдѣнія по данному предмету, эта повинность называется *ἀκλήκτων*, словомъ, обыкновенно употреблявшимся для военнаго постоя ²⁾). Правомъ постоя и кормовъ, по этой грамотѣ, могутъ пользоваться судьи, воеводы, сборщики податей, практоры, дуки, ватепаны, чужеземные послы и проводники ихъ, проводники ссыльных ³⁾, и вообще царскіе люди, посылаемые по какой-нибудь казенной надобности. Здѣсь же исчисляются предметы, которыхъ могли требовать путешественники; поставка ихъ жителями замѣняла постоянную повинность ⁴⁾; поименованы слѣдующія животныя: мулы, полумулы, ослы, полuosлы, лошади, кобылы, лошаки, овцы, козы, олени, собаки, охотничьи и пастушьи, гуси, утки, фазаны, журавли, павлины, голуби, а вмѣстѣ съ тѣмъ и птичьи яйца. Сановники и чиновники имѣютъ право на помѣщеніе и пріемъ, *κἀβίαια καὶ ὑποδοχῆ*; они могутъ требовать вина, мяса, хлѣба, ячменя, овса, всякихъ огородныхъ растений, масла и т. д.

Военный постоя, *μετάτον, μητάτον, μιτάτον*, соединялся точно также съ обязанностию прокармливать войско, идущее въ походъ или возвращающееся изъ него ⁵⁾).

Еще разъ должна быть отмѣчена военная или ратная повинность и упоминаемая рядомъ съ нею корабельная или морская:

¹⁾ *Zachariae*, Jus Graecogoth. III, 374. *ὁδοστῶν, γασφρῶν, παροικιατῶν, ἐννόμων, φραγγομιτῶν, φραγγετῶν.*

²⁾ *ἀκλήκτων, μετακλήκτων κριτῶν, στρατηγῶν, ἀπακτιτῶν.* Вместо *ἀκλήκτων* слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, читать «*ἀπλήκτων*».

³⁾ *μανδατόρων τοῦ δρόμου πρέσβεις ἀγοντῶν ἢ ἐξοριστοῦ.*

⁴⁾ *καὶ ὑπὲρ τῶν ἀπλήκτων χορείας χρειαῶν.*

⁵⁾ *φοσσάτου διατροφῆς καὶ ἀπλήκτων ἐπὶ πόλεμον ἀπίοντος ἢ ὑποστρέφοντος.*

вооруженіе моряковъ, стрѣлковъ пѣшихъ и конныхъ, палиценощевъ (μαζουκάτων), копѣйщиковъ и другихъ стратіотовъ. Патмосская грамота говоритъ о многихъ частностяхъ и подробностяхъ, но къ сожалѣнію, изложеніе ея такъ беспорядочно, что нельзя иногда угадать, къ какой главной статьѣ эти подробности относятся. Къ военной повинности и къ строенію каторгъ, то-есть, военныхъ судовъ (καταρχοκτοία), иначе, къ военно-морской повинности, относится, можно думать, обязанность рубить и перевозить лѣсъ, пилить доски, давать парусину, къ чему другія грамоты прибавляютъ еще паклю, коноплю, смолу и т. д. Къ военно-постоянной повинности принадлежитъ, вѣроятно, обязанность давать желѣзо и гвозди дляковки лошадей (σιδηρού δόρατος ἢ χαρροκατάλου καὶ μαγείου); вообще же къ постоя—обязанность давать дрова и солому (βυλάχρον), сѣно (χέρτασμα) и т. п. Отдѣльно отъ „пастбищнаго“ стоитъ во многихъ грамотахъ водать съ домашняго скота разнаго рода: съ овецъ, особенно со свиней (овчій и свиной десятокъ славянскихъ грамотъ), и даже со пчель или пчелиныхъ ульевъ (μελισσοκόμιον, пчельный десятокъ), и отъ приплода скотнаго¹⁾. Очень рѣдко въ греческихъ документахъ говорится о повинностяхъ, относящихся къ царской охотѣ, тогда какъ въ сербскихъ аеонскихъ и не аеонскихъ грамотахъ обыкновенно упоминается освобожденіе отъ псаля и соколара (сокольниковъ). Несомнѣнно однако, что и Византійскіе государи имѣли свое забриную и птичью охоту, соединенныя съ содержаніемъ извѣстнаго штата завѣдующихъ оными лицъ и съ разными привилегіями, отягчительными для подданныхъ. Мы видѣли, что въ грамотѣ Никифора Ангела, деспота Эпирскаго, говорится о его царскихъ птичницахъ, которымъ запрещается чего-нибудь требовать въ имѣніяхъ одного монастыря²⁾. У Анны Комнины (Alexiad., VII, 370) упоминаются царскіе ястребы (βασιλικοὶ ἰέρακις). У Михаила Палеолога его приближенный, Константинъ Хадинъ, о которомъ рѣчь была выше, носилъ званіе протоіеракарія, по нашему—главнаго сокольничаго. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ геракаремъ сербской грамоты Стефана Душана,

¹⁾ παροῦς γενημάτων. Въ формулахъ, изданныхъ теперь Савою (Bibliotheca graeca, VI, 645), тотъ, кому поручается сборъ десятины, обязывается брать τὸ δέκτον γενημάτωνικῆς πάσης εἰσόδου и πάσης γενημάτωνικῆς καταπορίας καὶ εἰσόδου. и проч. Въ грамотѣ Стефана Душана (у Флоринскаго, стр. 86) слѣдуетъ читать: συνδοσίας γενημάτων.

²⁾ См. юльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.*, стр. 164. О Константиинѣ Хадинѣ: тамъ же, стр. 124.

при которомъ ея издатель поставилъ знакъ вопроса, разумѣется также сокольничій (ιεραρχίος, какъ въ греческомъ актѣ прото-ιεραρχίος). Въ перечисленныхъ разрядахъ повинностей намъ остается прибавить нѣсколько отдѣльныхъ терминовъ и выраженій, имѣющихъ либо синонимическое, либо частное значеніе. Φωροζήμια, хлѣбное взысканіе, очевидно, находится въ связи съ постоянной повинностью и относится къ содержанію чиновниковъ; это то же самое, что и упоминаемая въ другихъ грамотахъ δόσις αἰτου καὶ οἰνοελαίου, дача хлѣба, вина и масла; βυλιάτικον (Флоринскій, Аеонскіе акты, стр. 98) не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ сторожевой службы; διάβατον, встрѣчающееся въ греческомъ актѣ Стефана Душана (ibid.),—то же самое, что діавато, стоящее на ряду съ коумеркемъ (коумеркъ) въ болгарской грамотѣ (Свѣдѣнія и Запѣтки, стр. 38), слѣдовательно, взысканіе, относящееся къ товарамъ и торговлѣ; такъ какъ κομμερτικον означаетъ собственно таможенную пошлину, то діавато должно означать пошлину за провозъ (транзитъ) товаровъ внутри страны. Это то же самое, что διαβατικόν въ грамотѣ Андроника Младшаго городу Монеμβасіи (см. у Джуканжа). Νομιστρον или νομιτρον есть только другое выраженіе для ἐννομιου и означаетъ пастищный сборъ со скота. Жировнина славянскихъ грамотъ равняется греческому βαλάνιστρον и заимствуетъ свое названіе отъ дубовыхъ желудей.

Пахаріе-фонъ-Лингенталь, какъ извѣстно—первый авторитетъ въ вопросахъ, соприкасающихся съ исторіей византійскаго права, могъ указать только три хрисовула, содержащихъ въ себѣ наиболѣе подробное исчисленіе повинностей, лежавшихъ на нарибахъ. Это были хрисовулы Алексѣя Комнина Христодулу, основателю монастыря на островѣ Патмосѣ (объ этой грамотѣ рѣчь была выше), хрисовулы Іоанна Вататци о возстановленіи монастыря Лемвиотиссы близъ Смирны 1228 года, и хрисовулы Андроника Младшаго относительно правъ и привилегій монастыря на островѣ Патмосѣ. Дополнивъ сдѣланныя въ текстѣ указанія ссылкой въ примѣчаніи еще на двѣ грамоты, изъ коихъ одна есть извѣстная намъ эфирская грамота Андроника II, Пахарію дѣлаетъ такую замѣтку, сопровождаемую притомъ знакомъ восклицанія, что, быть можетъ, какому-нибудь греческому ученому и удастся объяснить эти отчасти загадочныя подати и повинности ¹⁾). Перечитывая теперь

¹⁾ Vielleicht dass es einem griechischen Gelehrten gelingt, diese zum Theil räthselhaften Abgaben und Reallasten zu erklären! Geschichte des griechisch-römischen Rechts, pag. 247.

снова указанные хрисовулы, мы, къ немалому своему удивленію, замѣчаемъ, что для насъ почти ничего не остается въ нихъ темнаго и затруднительнаго, и что если есть что-нибудь непонятное въ первой Патмосской грамотѣ 1088 года, то это не относится собственно къ названію и сущности податей, а къ поименованію двухъ-трехъ предметовъ, взысканіе которыхъ входило вмѣстѣ съ другими въ составъ известной повинности. Въ видѣ повѣрки мы представляемъ, во первыхъ, переводъ на русскій языкъ соответствующаго мѣста изъ грамоты Смирискому монастырю Лемвиотиссъ (Acta graeca, IV, 4). Монастырскіе парики селенія Миль освобождаются: „отъ всякой и всяческой тягости, ямской повинности и ямщины (ангаріи и парангаріи), какъ всякаго другаго, такъ и хлѣбнаго взысканія (псомозиміи), городоваго дѣла (кастроктисіи), стройки судовъ (катергоктисіи), рубки и доставки какого бы то ни было лѣса, доставки пакли, конопли, смолы, пережиганія углей, содержанія постоевъ для военныхъ людей и для гражданскихъ лицъ (μτὰ τοὺς κηταβέζωας καὶ ἀπλήκτου), отъ потребъ воеводскихъ и катепавскихъ, отъ пастбищнаго, отъ поголовнаго (ἀέρος), отъ поставки моряковъ и вопѣйщиковъ, отъ требованія десятины¹⁾, отъ дачи овецъ, поставки упряжныхъ телегъ, исключая ситархію и любовь, двѣ статьи, подлежащія взысканію въ пользу казны²⁾. Затѣмъ говорится еще о специальныхъ поборахъ съ рыбной ловли, устроенной монастыремъ. Если будутъ приняты высказанныя нами соображенія относительно а е р а и с и т а р х і и, то во всемъ этомъ не совсѣмъ понятнымъ останется только одна ἀγίακη, стоящая рядомъ съ ситархіей (житарствомъ); но почти нѣтъ сомнѣнія, что это есть синонимическое выраженіе для одной изъ уже известныхъ намъ податей, можетъ быть, для которой-нибудь изъ четырехъ статей³⁾. Въ описи имѣній монастыря Лемвиотиссы, составленномъ въ 1235 году (Acta Graeca, IV, 17), къ сожалѣнію, не повторены тѣ повинности, которыя остаются на монастырскомъ помѣстьѣ Милахъ: иначе мы могли бы имѣть разъясненіе недоумѣнія; за то опять перечисляются всѣ снимаемая повинности и подати, начиная съ «зера того селенія» (καὶ τὸν ἀέρα τοῦ αὐτοῦ

¹⁾ ἀπαιτήσεως οὐδεοσίων: почему мы переводимъ это слово десятиною, объясненіе тому находится выше въ примѣчаніи на стр. 378.

²⁾ Но очевидно, вопросъ, поставленный нами выше, въ одномъ изъ примѣчаній о тожествѣ ἀγίακη съ поголовною податью, получаетъ отвѣтъ отрицательный. См. июльскую книжку, стр. 118.

χρῆσις), а за выгономъ двухъ упряжныхъ телегъ еще прибавлена поставка парусинной ткани и вашихъ-то казакадъ (ἀρμενοπάνων καὶ χαζακάδων), очевидно, также какой-нибудь матеріи или ткани. Что касается второй Патмосской грамоты 1331 года, то здѣсь весьма кратко перечислены главнѣйшія подати, отъ которыхъ освобождаются парики монастыря съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ, о чемъ прямо сдѣлана оговорка въ документѣ.

Вотъ самѣй текстъ, сообщаемый нами въ подлинникѣ, такъ какъ чтеніе, устанавливаемое Пахаріа, требуетъ легкой, но довольно важной по своимъ послѣдствіямъ поправки: τοῦ τε κεφαλαίου, τῆς σιταρχίας, τοῦ ἀέρος, τοῦ ἀβιωτικίου, τῆς παρθενοφθορίας, τοῦ ξενωτελοῦς λεγομένου, τοῦ μνηματικοῦ, τοῦ ἀλατοτέλοος, τοῦ ζωγαρατικίου... Если въ самомъ дѣлѣ поставить запятую послѣ слова κεφαλαίου, то оно само по себѣ будетъ означать поголовную или подушную подать, и слѣдовательно, слово ἀέρος, читаемое дальше, уже будетъ выражать что-нибудь другое, а не поголовную подать, какъ мы принимали. Но нѣтъ сомнѣнія, что запятая стоитъ ошибочно и неправильно, въ чемъ убѣдится всякій, кто дастъ себѣ трудъ просмотрѣть параллельныя мѣста во вновь изданныхъ грамотахъ ¹⁾: κεφάλαιον значитъ здѣсь не capitatio, а capit, не головища, а глава; и переводъ отрывка будетъ слѣдующій: „Освобождаемъ монастырскихъ париковъ отъ всякаго угнетенія и отягощенія, а равно отъ всѣхъ обычныхъ мѣстныхъ взыскацій, именно отъ статьи, называемой житнымъ сборомъ, отъ поголовной подати, отъ убійства, дѣвораствлѣнія (дѣвичьяго разбоя), такъ называемой гостинной подати, помѣсячнаго (двѣ послѣднія суть, очевидно, мѣстныя подати), отъ соляной подати и отъ поземельной“, отъ всѣхъ другихъ казенныхъ взыскацій и требованій ²⁾. И здѣсь все понятно, за исключеніемъ двухъ мѣстныхъ податей. Впрочемъ, легко догадаться о значеніи по крайней мѣрѣ одной изъ нихъ: гостинная

¹⁾ Флоринскій, Аеонскіе акты, стр. 44: οὐτα γὰρ τὸ κεφάλαιον τῆς (τε) σιταρχίας ἀπατηθήσεται ἐξ αὐτῶν. Ср. стр. 77 и 81.

²⁾ Въ этой грамотѣ упомянуто дѣвораствлѣніе, но вмѣстѣ душегубства, обыкновенно стоящаго съ нимъ рядомъ, наавано здѣсь ἀβιωτικίου. Такимъ образомъ, наше объясненіе слова подтверждается, и нисколько не противорѣчитъ этому объясненію, очевидно, другое значеніе термина, встрѣчающагося однажды въ другой связи, именно: въ значеніи третьей части или въ известномъ случаѣ половины имущества, достающагося послѣ смерти парика его господину или землевладѣльцу, въ значеніи mortuarium. См. Zachariae, Gesch. des gr.-römisch. Rechts, 248.

подать можетъ означать постоянную повинность, а мѣсячная — либо пастбищное, налогъ на скотъ, страннымъ образомъ опущенный, либо сборъ въ пользу мѣстныхъ властей. Наконецъ, въ первой Патмосской грамотѣ 1088 года только вскользь упоминаются главные подати, между прочимъ сборы, поголовные и подъемные (προσόδων ἀρρίων καὶ κελνίων), обязательная продажа хлѣба по пониженнымъ цѣнамъ (συνωνή), а все вниманіе устремлено на болѣе подробное описаніе постоянной повинности, разнаго рода кормовъ и повинности военно-морской. Здѣсь совершенно непонятною остается, между прочимъ, вслѣдствіе дурнаго состоянія подлинной рукописи и недостающихъ въ изданіяхъ словъ для контекста, собственно только одна строка съ выраженіями: ζερμῶνων πολυρικῶν, χαρβῶν καὶ λοιπῶν ἄλλων. Здѣсь возможны только догадки: χαρβός, вѣроятно одно и то же съ χαρβαλον и въ такомъ случаѣ означаетъ rannum viliosem, crassiosem, грубую ткань, въ соотвѣтствіи съ парусиною, о которой упоминалось выше ¹⁾. Военные верманы напоминаютъ еракійскіе плащи или накидки, называемыя у Геродота *ирами* (ζιράς περιβεβλημένοι ποικίλας VII, 75); въ родствѣ ли онѣ съ казакадами—сказать трудно ²⁾, но во всякомъ случаѣ неясность относится здѣсь не къ существу дѣла, а къ второстепеннѣйшимъ его подробностямъ. Выводъ, къ которому мы хотѣли прійти, состоитъ въ томъ, что чѣмъ больше будетъ издаваемо грамотъ, тѣмъ легче будетъ намъ становиться изученіе ихъ содержанія, тѣмъ болѣе будутъ исчезать трудности, пока останавливающія даже такихъ знатоковъ дѣла, какъ Пахаріа. Простая частица „то-есть“ (ἴγουν), стоящая въ одномъ аеонскомъ актѣ между ситархіей и зевгаратикіемъ, дала намъ возможность понять настоящій характеръ такъ часто упоминаемой ситархіи, а союзъ „или“ (ἢτε), стоящій между ἀβιστίκων и убійствомъ, φόνος, объяснилъ непонятное прежде значеніе этого слова среди исчисления разнаго рода повинностей.

Наименованіе и количество византійскихъ податей и повинностей, конечно, даетъ нѣкоторое представленіе о тяжести того бремени, которое лежало на земледѣльческихъ классахъ. Можетъ быть, и справедливо замѣчаніе, которое нерѣдко дѣлаютъ новые историки, что именно здѣсь находится объясненіе, почему христіанское населеніе азіатскихъ, а послѣ—и европейскихъ частей имперіи сравнительно

¹⁾ Въ такъ-называемомъ варварскомъ текстѣ Никиты Хониата (pag. 783) τὰ χαρβαλα καὶ ἐσχισμένα βδουχα.

²⁾ Можно также предположить, что ζερμῶνες = δερμῶνες отъ δέρμα, кожа.

легко примирялось съ владычествомъ Турокъ-Сельджуковъ и Турокъ-Османовъ. Сами византійскіе историки, объясняющіе, что ихъ соотечественники добровольно иногда бросались въ огонь рабства, спасаясь отъ дыма домашней податной системы (*κατὸν φορολογίας* Никиты Хониата pag. 97), могутъ быть считаемы первыми распространителями такого взгляда. Но для болѣе вѣрнаго и полнаго пониманія подобныхъ отбывовъ нужно еще имѣть въ виду другую сторону дѣла, которая, можетъ быть, заставитъ насъ свазать, что не столько количество налоговъ, сколько способъ ихъ взиманія былъ причиною жалобъ и стоновъ. Мы не будемъ останавливаться на общей характеристикѣ византійскаго чиновничества, количество котораго въ концѣ XI вѣка считалось, говорить современникъ,—десятками тысячъ ¹⁾, и даже не будемъ заниматься специальнымъ изученіемъ приемовъ и обычаевъ, которыми отличались разнаго рода сборщики податей, данщичи, писцы, дозорщики и т. п., хотя на это нашлось бы достаточно матеріала въ давно извѣстныхъ источникахъ, между прочимъ, въ весьма любопытныхъ страницахъ Никиты Хониата, съ особаго рода юморомъ изображавшаго нравы выснихъ представителей управленія именно со стороны ихъ финансовой политики ²⁾. Пока мы отмѣтимъ только нѣкоторыя интересныя черты, заключающіяся въ недавно изданной перепискѣ знаменитаго Пселла (пятый томъ Средневѣковой Греческой Библиотеки, издаваемой Саею). Мы видимъ отсюда, что въ его время (XI вѣкъ) служба по сбору податей была обыкновеннымъ началомъ служебной карьеры для способныхъ молодыхъ людей, какъ это было и съ самимъ Пселломъ; здѣсь мы можемъ наблюдать крѣпкія связи столичнаго чиновничества съ провинціальнымъ и общіе взаимные интересы, связывавшіе мелкаго начинающаго практора или нотарія, съ его покровителемъ при царскомъ дворѣ, защищающимъ своего protégé противъ всякаго рода напастей. Вотъ, на примѣръ, письмо Пселла, уже важнаго тогда сановника при царскомъ дворѣ, въ областному начальнику Фравійской области, Кеиру (№ 47, pag. 279): Пселлъ ходатайствуетъ за какаго-то нотарія, который былъ вызванъ Кеиромъ изъ столицы къ мѣсту своего служенія и долженъ былъ отдать отчетъ въ неправильно взысканныхъ деньгахъ: по просту говоря, онъ былъ уличенъ въ лжонимствѣ и вымогательствѣ при сборѣ податей. Чтѣ

¹⁾ Attaliat, pag. 275. Πᾶσα ἡ σύγκλητος ὑπὲρ μισθιάδας ἀνδρῶν παραμετρουμένη.

²⁾ См. для примѣра характеристика министровъ Мануила, особенно Іоанна Пуццискаго—хотя въ русскомъ переводѣ; стр. 70—73.

же писать въ защиту его нашъ философъ? „Не всѣ“, говоритъ онъ— „апостолы, не всѣ Миносы и Радаманонъ“. А затѣмъ, въ концѣ концовъ, оказывается, что лихоимецъ былъ должникъ Пселла и началъ свои операціи на его деньги, въ чемъ и не постыдился сознаться сановный заступникъ. Вотъ письмо Пселла (№ 100, стр. 343), въ которомъ онъ рекомендуетъ другому областному правителю тоже сборщика податей: тотъ—еще новичекъ въ искусствѣ вансацій, или какъ выражается ученый корреспондентъ,—„первоупряжный жеребчикъ на податныя дѣла“, и потому нуждается въ хорошемъ руководителѣ, который, въ случаѣ нужды, сдержалъ бы его горячность и уклоненія въ сторону, на подобіе опытнаго возницы: пусть самъ вестархъ (титულъ провинціального сановника) будетъ такимъ руководителемъ. Вотъ еще одно посланіе Пселла (№ 104), въ которомъ онъ обращается къ областному правителю (судѣ) Пелопонниса и Эллады уже съ просьбой оказать покровительство противъ мѣстныхъ сборщиковъ податей одному изъ его знакомыхъ, носившему духовный санъ епископа. „Предъ другими“, старается онъ умиловать самаго безжалостнаго и жаднаго представителя тогдашней сановой іерархіи (это былъ Низифорича, о которомъ есть не мало разсказовъ у современнѣхъ и позднѣйшихъ историковъ),—„предъ другими изъ судей имѣютъ силу либо рука, дающая взятку, либо слеза, текущая изъ очей, а предъ тобою достаточно одного слова“. Вѣроятно, или по крайней мѣрѣ, такъ мы должны думать изъ уваженія къ Пселлу, что въ числѣ этихъ сборщиковъ податей не былъ тотъ, котораго онъ самъ рекомендовалъ правителю Пелопонниса и Эллады (№ 32, pag. 269), какъ достойнаго молодого человѣка, притомъ хорошаго рода, который сдѣлаетъ честь всѣмъ практорамъ строгою справедливостію своихъ взысканій, и который въ самомъ дѣлѣ не былъ, но видимо, такъ ловокъ, какъ другіе; онъ жаловался своему покровителю (см. № 33, стр. 268) на свою судьбу, на то, что онъ на первый разъ не успѣлъ убѣдить Элладу внести казенныя подати и заставилъ Пселла ходатайствовать предъ областнымъ начальникомъ о содѣйствіи ему. Но можетъ быть, тутъ подразумѣвался тотъ другой сборщикъ, который тоже началъ свою карьеру подъ покровительствомъ Пселла, тоже жаловался ему на трудности взысканія податей (№ 34, pag. 269), и который оказался его родственникомъ (№ 144, pag. 383): чрезъ посредство его Пселлъ, вѣроятно, и долженъ былъ получить въ подарокъ изъ Эллады античныя статуи, противъ ожиданія—не дошедшія до него. На этихъ ука-

заняты мы останавливаемся ¹⁾. Еще болѣе враспорѣчиво говорить тѣ документы, которые обличают не лица, а самую систему. Вотъ именно двумъ изъ такихъ документовъ, ближе знакомыхъ намъ съ механизмомъ византійской системы взиманія податей и налоговъ, мы и посвятимъ остальную часть нашей статьи. Мы при этомъ не нарушимъ ни внутренней связи нашего изслѣдованія, ни прямаго отношенія его къ изучаемымъ нами монастырскимъ актамъ, такъ какъ именно въ этихъ документахъ мы найдемъ объясненіе разницъ отдѣльными выраженіями, встречающимися и въ актахъ. Эти документы суть: 1) счетное руководство для сборщиковъ податей императора Алексѣя Комнина и 2) докладная записка Михаила Авожигата, митрополита Аонійскаго, императору Алексѣю Ангелу, о состояніи Аонійской области.

V.

Взиманіе главной, то-есть, поземельной подати въ Византійской имперіи сопряжено было съ нѣкоторыми затрудненіями для самихъ податныхъ чиновниковъ, и во всякомъ случаѣ, требовало отъ сборщиковъ податей довольно сложныхъ вычисленій, потому, во-первыхъ, что поземельная подать сопровождалась разными дополнительными сборами, взимаемыми пропорціонально съ количествомъ основной цѣфы (въ родѣ французскихъ *centimes additionels*), и потому, во-вторыхъ, что въ имперіи не всегда обращалась монета одного и того же достоинства; напротивъ, нѣкоторые изъ государей прибѣгали къ порчѣ денегъ, такъ что подъ именемъ номисмы или иперпира начинала ходить монета совершенно другаго вѣса, почти даже другаго металла, чѣмъ настоящій старій иперпиръ или златница.

Прежде всего относительно монеты нормальнаго чекана намъ нужно знать слѣдующее: Со времени Константина Великаго и до конца имперіи господствовала система, въ которой главною денежною единицею былъ золотой имперіаль, такъ называемый солидъ, номисма, иперпиръ; ихъ полагалось 72 на фунтъ (литру) золота; слѣдовательно, иперпиръ долженъ былъ вѣсить 4,55 гр. и стоить на наши деньги около 4 рублей (4 талера 6,9 Silbergr.). Затѣмъ слѣдовала серебряная монета, тысячникъ, *millagense* или *μικροτάσιον*, названная такъ потому, что на фунтъ золота первоначально полагалось 1000

¹⁾ См. еще №№ 65 (о тяжести налоговъ), 138 (о парикахъ, отошедшихъ отъ монастыря), 93, 26, 165, 192 и т. д.

этихъ серебряныхъ монетъ, а на одинъ солидъ или иперпиръ приходилось бы $13\frac{8}{10}$ или 14; но на самомъ дѣлѣ считалось 12; слѣдовательно, миліарсіей стоилъ приблизительно отъ 30 до 35 копѣекъ. Была еще въ употребленіи болѣе мелкая серебряная монета въ половину миліарсіей или тысячника; это кератій кератіон, сродни нашему пятиалтынному. Кератіевъ было 24 въ номисмѣ; слѣдовательно, и коккій, хохкион, который намъ встрѣчался въ актахъ Милонича, есть тотъ же кератій. Затѣмъ оставалась мѣдная разнѣнная монета—пули или фоллы (φόλλος, φόλη), которыхъ сначала было 210 въ номисмѣ, а потомъ считалось 144, какъ было и въ періодъ, ближе насъ касающійся; это—наши двѣ копѣйки или немного того болѣе. Дабы предупредить поддѣлку золотой монеты и всякаго рода искаженія ея доброкачественности, что могло быть причиною многихъ неудобствъ въ торговлѣ и столкновеній между подданными, постановлено было еще въ римское время, что монета будетъ приниматься по вѣсу, сообразно съ образцовыми экземплярами, имѣвшими особую форму и полный вѣсъ $\frac{1}{72}$ фунта въ точности; такіе образцовые иперпиръ, рассылаемые по вѣмъ главнымъ городамъ имперіи, именовались скагіа, то-есть, вѣсовыми ¹⁾. Изъ многихъ примѣровъ, приведенныхъ нами въ изложеніи содержанія актовыхъ книгъ малоазійскихъ монастырей, видно, что и въ XIII вѣкѣ въ сдѣлкахъ купли и продажи между частными людьми постоянно дѣлались оговорки относительно качества платёжныхъ единицъ; когда выговариваются ἐξάγια, то это значитъ, что требуются полновѣсные старые иперпиръ или златницы. Въ то время, которымъ мы занимаемся, эти оговорки нужны были не только въ виду существованія порченной или обрѣзанной монеты, но и въ виду худшей нязкопробной монеты, пущенной въ оборотъ самими государями. Особенно сильныя упреки за порчу монеты раздаются въ источникахъ противъ императора Алексѣя I Комнина. „Этотъ императоръ“, читаемъ мы у Зонары (ed. Dindorf, IV, 240),—„уже нашедшій номисму испорченною его предшественниками, сталъ ее выдѣлывать изъ мѣди и употреблялъ такую монету для своихъ царскихъ расходовъ; между тѣмъ, уплаты податей онъ требовалъ настоящими золотыми; иногда, впрочемъ, онъ принималъ и другую монету, также золотую, но полузолотую, отчасти даже мѣдную“. Не совсѣмъ ясный для насъ смыслъ приведенныхъ словъ историка объяснится далѣе. Изъ документа, которымъ мы намѣрены заняться ниже сего, мы увидимъ, что въ самомъ дѣлѣ

¹⁾ Sabatier, Description générale des monnaies byzantines, I, 53 (Paris, 1862).

Алексѣй Комнинъ, подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ и почти волнаго финансоваго разоренія, на ряду съ прежними золотыми номисмами въ 12 миліарсій (серебряныхъ монетъ), пустилъ въ оборотъ какой-то сплавъ изъ мѣди и золота или серебра и золота, долженствовавшій ходить за номисму или иперпиръ, носившій ея имя, но равнявшійся по цѣнности четыремъ миліарсіямъ = $1\frac{1}{2}$ рубля вмѣсто четырехъ рублей. Падати онъ, дѣйствительно, жалелъ получить въ хорошей монетѣ, но во всякомъ случаѣ было бы клеветой противъ него утверждать, что онъ отказывался отъ своей собственной низкопробной монеты; онъ самъ, какъ увидимъ, готовъ былъ принимать ее по курсу. Долго ли была въ ходу низкопробная монета, введенная Алексѣемъ Комнинимъ, намъ не извѣстно. Въ началѣ XIII столѣтія, какъ мы узнаемъ изъ весьма любопытнаго сообщенія одного современнаго и вполне достовѣрнаго западнаго писателя, — въ имперіи обращались иперпиръ, хотя и низшаго достоинства сравнительнаго съ полновѣсными номисмами стараго образца, но все-таки несравненно вышенаго, чѣмъ номисмы въ четыре миліарсія. „Иперпиръ есть золотая монета и стоитъ три серебряныхъ солида“, пишетъ Радульфъ de Coggeshale ¹⁾. Безъ сомнѣнія, подъ солидомъ онъ разумѣетъ англо-

¹⁾ Radulphi de Coggeshale Chronicon Anglicanum ed. Stevenson, pag. 150 (Въ собраніи *Scriptores rerum Britannicarum*). Denique dicunt redeuntes, quod quotidianus redditus imperatoris continet XXX millia perpres; perpre vero est nummus aureus, et valet tres solidos argenti. Еще болѣе, чѣмъ переложеніе иперпара на шиллинги, интересна первая часть показанія, говорящая о ежедневномъ доходѣ императора въ 30,000 золотыхъ. Рѣчь идетъ здѣсь объ императорѣ Балдуинѣ; но въ отношеніи къ нему сумма представляется столь невѣроятною, что ее можно считать только традиціей изъ недавнихъ временъ самостоятельности Восточной имперіи, перенесенною на латинскаго еоодальнаго государя завоеванной Византіи. Очень возможно, что при Комнинахъ и даже Ангелахъ доходъ казны простирался въ годъ до 10,950,000 иперпировъ: для XII и XIII вѣка это громадная сумма. При возшествіи на французскій престолъ Филиппа-Августа, налоги приносили королю только 8,000 ливровъ; благодаря дѣятельности Филиппа, они достигли 72,000 ливровъ; въ 1372 году государственные расходы во Франціи простирались до 1,172,000 франковъ, изъ коихъ 68,000 на содержаніе королевскаго дома (*Nervo, Les Finances Françaises*, I, 13, 68). Но патріотическому новѣйшему греческому ученому историку Папарригопуло 10 милліоновъ кажется мало. Онъ полагаетъ тоже, что сообщаемая Радульфомъ цифра относится собственно къ доходамъ византійскаго періода и управленія, но только той именно части прежней имперской территоріи, которая досталась Балдуину (очень сложно и совсѣмъ невѣроятно). А такъ какъ это будетъ только четвертая часть всѣхъ земель бывшей Византійской имперіи, то для періода Комниновъ и Ангеловъ нужно будетъ при-

норманской шиллингъ, наиболѣе употребительную тогда въ Британіи монету, въ 4—5 пенни; она содержала въ себѣ чистаго серебра 144 грана (теперешній шиллингъ 80, 7), и равнялась 1, 9408 теперешняго шиллинга ¹⁾. Итакъ, хотя и не совсѣмъ точно, а только приближенно въ иперпирѣ XIII столѣтія заключалось до шести нинѣшнихъ шиллинговъ, не менѣе 1, 80 коп. на серебро. По другимъ даннымъ, на которыхъ основываются новѣйшіе ученые спеціалисты въ данной области, иперпиръ и въ XIV столѣтіи равнялся 8 франкамъ (Heud, Geschichte des Levanthandels, I, 543, и приводимыя тамъ сочиненія). Какъ бы то дѣло ни было, все-таки въ монѣтѣ XI, и конечно, въ XII вѣкѣ приходилось при сборѣ податей производить расчетъ по

нать сумму вчетверо большую. Если мы согласимся съ этимъ, то все-таки не поймемъ какимъ образомъ у него изъ 30 тысячъ золотыхъ въ день сдѣлалось 184.000,000 драхмъ въ годъ, а изъ учетверенныхъ 30 тысячъ иперпировъ въ день (=43.600,000 въ годъ) сдѣлалось годовыхъ 730.000,000 драхмъ. По сколько же драхмъ онъ считаетъ на иперпиръ? Дамирозъ Старшій, которому-онъ, не видящему, слѣдуетъ (см. *Paparrhigop. Histor.*, V, 991), принимаетъ для XIII столѣтія цѣнность иперпира въ $11^{20/100}$ нинѣшнихъ франковъ: счетъ ввротню, увеличенный, — но намется, это все-таки менѣе 15 драхмъ. Наконецъ, перевода византійскіе милліоны на нинѣшніе, Паларригопуло (IV, 47) полагаетъ, что 730,000,000 равняются нинѣшнимъ тремъ съ половиною милліардамъ (3,500 мил.), такъ какъ нужно принять въ расчетъ относительную цѣнность денегъ или золота тогда и теперь. Но вѣтъ ли и тутъ большой ошибки? Мы знаемъ, что дѣйствительно цѣнность денегъ уменьшилась или другими словами цѣны товаровъ увеличились въ новѣйшихъ государствахъ Европы въ сравненіи съ средними вѣками почти въ десять разъ. Волъ стоялъ въ Англіи: въ 1145 году, 3 шиллинга, въ 1185—5 $\frac{1}{2}$, шиллинга, въ 1194—4 шиллинга, въ 1230—8 шиллинговъ. Теперь—30 ф. (*Vocke, Geschichte der Steuern des Britishch. Reichs: Leipzig. 1866, p. 5*). Но это было въ такихъ странахъ, которыя шли отъ варварства къ цивилизаціи, отъ первобытнаго хозяйства къ болѣе развитому и сложному, отъ бѣдности къ богатству. Если Византія въ среднихъ вѣкахъ была несравненно богаче деньгами, чѣмъ Англія, то и цѣны товаровъ въ ней тогда были несравненно выше и вовсе не увеличились впослѣдствіи такъ, какъ въ Англіи. Мы теперь знаемъ, что корова стояла въ предѣлахъ Византійской имперіи 3 $\frac{1}{2}$ полновѣсныхъ номисмы уже въ 987 году, волъ стоялъ 9 полновѣсныхъ золотыхъ монетъ въ 1271 году, 9 монетъ въ 1272 (см. іюльской книжки стр. 104, 168). Невѣроятно, чтобы въ теперешней Греціи эти предметы стояли въ пять разъ болѣе. Много разсуждая о сомнительномъ сообщеніи Веніамина Тудельскаго, Паларригопуло не отмѣтилъ наиболѣе достовѣрной цѣны, относящейся къ исторіи византійскихъ финансовъ, именно—свидѣтельства Никиора Григоры, что въ его время (XIV вѣкѣ) поземельный налогъ приносилъ ежегодно одинъ милліонъ иперпировъ.

¹⁾ *Маклеодъ*, Основанія политической экономіи (русскій переводъ, стр. 489).

двойной монетѣ, по двойному, такъ сказать, курсу: понятно, какое обширное поле открывалось для злоупотребленій византійскихъ чиновниковъ, слышномъ всегда склонныхъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для вымогательствъ и обмана. Чтобы помочь дѣлу и обуздать хищныхъ агентовъ своей казны, императоръ Алексѣй приказалъ составить два образцовые разчета для взиманія податей: одинъ для старой, прежде уваженной, номисмы, и другой для новой, низкочисленной монеты. Первая формула или норма приписывается, въ надписаніи. любопытнато памятника, даже не Константину Великому, а самому императору Августу.¹⁾ представленіе, основанное на ложномъ уваженіи къ старинѣ, однако на сей разъ совершенно неосновательное.

Неосновательность представленія о собственно римскомъ происхожденіи стариннаго: счетнаго руководства доказывается добавочными статьями, которыя, какъ мы сказали, сопровождали поземельную подать, и способъ взиманія и учета которыхъ также сообщается въ нашемъ памятникѣ. Не всѣ изъ этихъ добавочныхъ статей ведутъ свое начало изъ такой глубокой древности. На первомъ мѣстѣ стоитъ статья, называемая дивератомъ, какъ бы десяти-алтынниковъ (два кератія, а кератій можно сравнить съ пятиалтыннымъ). По свидѣтельству Теофана (Theophani Chronogr., I, 634), подать эта была введена первыми изъ иконоборческихъ императоровъ, послѣ большого землетрясенія въ 740 году. Такъ какъ жители Константинополя не въ состояніи были возстановить разрушенныхъ землетрясеніемъ стѣнъ столицы, то Левъ Исавръ взялъ это на счетъ казны, а въ замѣнъ того надбавилъ къ податямъ всѣхъ своихъ подданныхъ по одному миліарсію (=два кератія) на каждую золотую монету (хатъ олохотіви). Такая добавочная подать, очень естественно, осталась и послѣ возстановленія стѣнъ, ее взимали при Алексѣѣ Комнинѣ съ каждой номисмы старой и новой, съ каждой доли номисмы въ соответствующей пропорціи. Вторая надбанка, вѣроятно, еще позднѣйшая, состояла изъ шести нуль или фолловъ на количество основной подати, превышающее $\frac{1}{6}$ номисмы; она поэтому и называлась эксафолловъ (шестишувльникомъ, ἑξαφολλον). Это еще не все. При руководствѣ для податныхъ разчетовъ мы читаемъ слѣдующее замѣчаніе (Zachariae, p. 391): „Вотъ что требуется и взыскивается ради казны. Кромѣ этого, сбор-

¹⁾ Памятникъ въ первый разъ былъ найденъ Монеокопомъ, а теперь находится въ собраніи вонанъ *Центріе Жи Страсбургъ*, III, 385—400.

щикъ (практоръ) всегда имѣлъ обыкновеніе нѣчто спрашивать и въ свою пользу; именно на каждую номисму одинъ милліарсіей номлины (это букввальное значеніе слова *συνήθαλα*) или номинка, что составляетъ $\frac{1}{12}$ номисмы, а сверхъ того, въ видѣ вознагражденія за негоутомленіе (*ποδοκότηον*) того егѣ чловѣка, который привлекаетъ плательщика къ взносу должнаго казнѣ,—погоннаго (=хожеаго, *ἐλαττικόν*) 12 пулъ или $\frac{1}{24}$ номисмы. Такъ какъ диверато-эксафолль-ный сборъ принадлежалъ казнѣ, то онъ отиѣчался въ счетѣ (*κατά-τιχον*), представляемомъ сборщикомъ въ главнейшій приказъ. Пошлины (номинки *συνήθαλα*) и погонное вносились также въ казну и въ главный приказъ, но казначейскія вѣдомости (листы, *ἐκθέσεις*) о пріемѣ ихъ выдавались отсюда приказными отдѣльно на каждый податной участокъ согласно съ представленнымъ счетомъ (*κατὰ τὴν ἄδελφον ἐλάσ-της τῶν διοικήσεων*—то-есть безъ повѣрки?), такъ какъ они взыскива-лись, какъ сказано, въ пользу сборщика и людей его. Они вносились въ его счетъ (*εἰς τὸ κατάτιχον αὐτοῦ*), но не вносились въ квитанцію плательщика, выдаваемую послѣднему сборщикомъ. Однако, вполнѣд-ствіи времени, и эти оба сбора взяты были за себя казною, и съ тѣхъ поръ они означаются подробно въ квитанціи плательщиковъ извѣст-наго селенія—примѣрно такъ: (поземельной подати) сумма: сто номисмъ; диверату сто милліарсіей, то-есть, восемь номисмъ съ третью ($8\frac{1}{3}$); эксафолла 25 милліарсіей= $2\frac{1}{12}$ номисмы; пошлина или номин-ковъ 3 номисмы; погоннаго или хожеаго 1 номисма, а всего ввѣстѣ съ диверато-эксафолломъ, пошлиной и хожеаымъ 114 номисмъ съ одною третью и съ $\frac{1}{12}$ -ю^а.

Итакъ, уже отсюда мы видимъ, что вслѣдствіе добавочныхъ статей подать увеличилась на $10\frac{5}{12}\%$. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что над-бавки въ пользу сборщика и его людей (*συνήθαλα* и *ἐλάττικόν*) не могли простираться выше десяти номисмъ и оставались неподвижными, на-чиная съ податнаго основнаго взноса въ 200 иперпировъ. Тутъ скривается нѣкоторое покровительство капиталистамъ и богачамъ, или по византійскому выраженію, особамъ; чѣмъ крупнѣе была сумма (основнаго) налога, и чѣмъ она болѣе превосходила сумму въ 200 мо-нетъ, тѣмъ менѣе становился процентъ надбавки вслѣдствіе непо-движности „пошлины и хожеаго“ или погоннаго. Съ другой сто-роны, спрашивается: чѣмъ же вознаграждали себя сборщики съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ стали отбирать въ казну взымавшіеся ими прежде для себя поборы? Такъ какъ жалованья имъ не выдавалось, то ко-нечно, они создали себѣ въ замѣтъ старинъ новіе поборы. Государ-

ственное казначейство или приказъ большой (собственно общей) казны выдавалъ сборщикамъ акростихи, то есть, податные листы, по которымъ они и взимали подать въ своихъ участкахъ съ крестьянъ и особъ (*χωρίται καὶ πρόσωπα*). Сборщики потомъ усчитывались въ казначействѣ и отвѣчали предъ нимъ за полное поступленіе всего количества податей по акростихамъ или по росписаніямъ; слѣдовательно, они должны были употреблять всяческія средства къ тому, чтобы не заплатить самимъ, но чтобы взыскать какъ можно больше. Мы уже замѣтили, что сложность расчета вслѣдствіе многихъ добавочныхъ статей была такъ велика, что могла затруднять даже благонамѣренныхъ сборщиковъ; что же сказать о тѣхъ, которые захотѣли бы воспользоваться ею съ лихоимственными цѣлями?

Въ приведенномъ нами выше отрывкѣ уже сообщена нормальная формула расчета при ста номисмахъ основной подати. Съ одной номисмы требуется:

- 1) дикератъ 1 милліарсій = $\frac{1}{12}$ номисмы
- 2) эжафолъ 6 фолловъ (пулъ) = $\frac{1}{48}$ „
- 3) пошлина 1 милліарсій = $\frac{1}{12}$ „
- 4) за ѣзду и хоженое 12 фолловъ (пулъ) = $\frac{1}{24}$ „

Въ первой части нашего памятника, посвященнаго образцовому расчету взиманія податей по старому монетному курсу, подробно излагается развитіе приведенной сейчасъ формулы по всѣмъ четыремъ или пяти элементамъ. Въ новѣйшемъ изданіи, какъ и слѣдовало, сплошной текстъ подлинника обращенъ въ таблицы. Первая таблица служитъ для объясненія дробныхъ чиселъ поземельной или основной подати, такъ какъ она могла быть и меньше одной цѣльной золотой единицы. Таблица имѣетъ слѣдующій характеръ:

	$\frac{1}{48}$ номисмы	=	6	фолламъ	
	$\frac{1}{24}$	„	=	12	„
	$\frac{1}{24} + \frac{1}{48}$	„	=	18	„
	$\frac{1}{8}$	„	=	36	„
	$\frac{1}{8} + \frac{1}{48}$	„	=	42	„
	$\frac{1}{12}$	„	=	1	милліарсій
	$\frac{1}{6}$	„	=	2	„
	$\frac{1}{4}$	„	=	3	„ и т. д.

Во второй таблицѣ прибавляется къ расчету дикератъ; въ ней объясняется сколько дикерата нужно взимать при основной подати

въ $\frac{1}{48}$ номисмы и т. д., и сколько это будетъ составлять вмѣстѣ. Таблица имѣетъ приблизительно слѣдующій видъ:

Номисм.	Дикерать въ фолл.	Сумма или:
$\frac{1}{48}$	1	7 ф.
$\frac{1}{12}$	2	26 ф. = 1 милл. 2 ф.
$\frac{1}{4}$	6	$\frac{1}{4}$ $\frac{1}{48}$ ном. = 3 милл. 6 ф.
$\frac{1}{3}$	8	$\frac{1}{3}$ $\frac{1}{48}$ и 2 ф. = 4 милл. 12 ф.
$\frac{1}{2}$	12	$\frac{1}{24}$ ном. = 9 милл. 12 ф.
$\frac{1}{2}$ $\frac{1}{48}$	13	$\frac{1}{24}$ $\frac{1}{48}$ ном. и 1 ф. = 6 милл. 19 ф. и т. д.

Затѣмъ слѣдуютъ другія двѣ гораздо болѣе сложныя таблицы. Въ первой прибавляется къ основной подати и дикерату еще экзафоллъ, начинающійся при основной подати въ $\frac{1}{6}$ номисмы ($\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{6}$; ἀπὸ τοῦ ἡμισσοῦ ἕκτου ἤτοι δι-μοίρου). Здѣсь расчетъ усложняется еще такъ-называемою антистрофою, то-есть, указаніемъ мелкихъ денегъ, выдаваемыхъ плательщику въ видѣ сдачи, такъ какъ плательщикъ долженъ былъ по возможности вносить свою подать цѣльными золотыми монетами, а не обременять казну негодною мѣдью. Наконецъ, послѣдняя таблица прибавляетъ къ расчету и пошлину (поминокъ) съ коженымъ или погоннымъ. Въ первой таблицѣ счетъ доведенъ до 10,000 номисмъ включительно, а во второй—только до 200, по причинѣ, для насъ понятной. Вотъ какъ идетъ онъ въ той и другой: слѣдуетъ поземельный подати $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{6}$ номисмы или двѣ части (δίμορον); къ этому дикерата слѣдуетъ 16 фолловъ, экзафоллу—6 фолловъ; вмѣстѣ это будетъ $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{6}$ $\frac{1}{24}$ $\frac{1}{48}$ номисмы и 4 фолла, или же 8 милліарисіевъ и 22 фолла; слѣдуетъ требовать одну цѣльную монету (χαραγματος νόμισμα) и въ видѣ антистрофы воротить $\frac{1}{4}$ номисмы и 2 фолла. Впрочемъ, начиная съ двухъ цѣлыхъ номисмъ основной подати, таблица становится гораздо проще и ограничивается расчетомъ двухъ добавочныхъ статей и указаніемъ общей суммы. Примѣръ изъ другой таблицы: подати одна номисма; дикерату $\frac{1}{12}$ номисмы, экзафоллу $\frac{1}{48}$ номисмы; пошлины $\frac{1}{12}$ номисмы; коженаго $\frac{1}{24}$ номисмы; все вмѣстѣ $\frac{1}{6}$ $\frac{1}{24}$ $\frac{1}{48}$ номисмы. Первая таблица даетъ возможность переложить доли иперіфира или номисмы въ ходячую монету.

Мы до сихъ поръ имѣли дѣло со старымъ образцовымъ расчетомъ; теперь мы должны перейти къ еще болѣе сложному новому, который въ самомъ заглавіи памятника приписывается императору Алексѣю Комнину и былъ вызванъ распространеніемъ новыхъ денегъ низшаго

достоинства. Введеніемъ къ нему служитъ рядъ документовъ, содержащихъ въ себѣ, съ одной стороны, недоумѣнія и запросы, повергнутые на разсмотрѣніе императора высшими финансовыми чиновниками, а съ другой—рѣшенія императора. Здѣсь весьма много любопытнаго. Прежде всего мы знакомимся изъ доклада главнаго государственнаго казначея съ слѣдующими фактами: Въ двухъ европейскихъ провинціяхъ, Фракіи и Македоніи, подати каждый годъ взывались по старому типу. Въ III индиктѣ (XIII ?....) Димитрій Каматиръ согласился внести подать съ этихъ провинцій вдвое противъ прежняго (значить, взялъ ее какъ бы на откупъ), и такъ какъ этого не исполнилъ, то домъ его былъ преданъ разграбленію. Потомъ на XIV индиктѣ (1091 г.) сборъ подати былъ порученъ Никифору Артавазду, который сдалъ ее въ томъ же индиктѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ, чтобъ она была поручена ему и на XV индиктѣ 1092 г.). При семъ въ своей памятной запискѣ онъ признался, что, взывая подати въ сказанныхъ провинціяхъ, онъ нашелъ такой порядокъ, при которомъ въ однихъ селеніяхъ вмѣсто одного милліарсіа спрашивалась одна номисма, въ другихъ — вмѣсто двухъ милліарсіевъ одна необтертая (τραχὺ) номисма, въ другихъ же брали ее за три и за четыре милліарсіа; напротивъ, всѣ особы (πρόσωπα) и монастыри, а также нѣкоторые изъ селеній вносили номисму только за 12 милліарсіей¹. Отсюда мы видимъ, что съ крестьянъ сборщики податей могли брать въ шесть и двѣнадцать разъ болѣе надлежащаго. Артаваздъ не отрицалъ, что и самъ онъ слѣдовалъ примѣру предшественниковъ, и только спрашивалъ, какой системы онъ долженъ будетъ держаться въ слѣдующемъ году (XV индиктѣ).

Императоръ отвѣчалъ на запросъ, что слѣдуетъ взывать со всѣхъ, съ крестьянъ и особъ одинаково, именно—при взиманіи прибавочныхъ статей (дикератоэксафолла, пошлины и погоннаго) слѣдуетъ требовать вмѣсто милліарсіа или прежней небольшой серебряной монеты одну новую номисму, что составляло увеличеніе вчетверо¹), а при требованіи основной подати, рассчитывавшейся всегда примѣнительно въ золотой монетной единицѣ²), спрашивать старую золотую номисму съ ея приложениями. Но такой способъ взисканія пока-

¹) ἀντὶ ἀργυροῦ ἑνὸς ἤτοι μιλιαρσίου ἐν νόμισμα ἐν εἰσπράττεσθαι διὰ τε τοῦ δικερατοεξαφόλλου κ. τ. δ.

²) ἐπὶ δὲ τῇ ἀπαιτήσῃ τῶν νομισμάτων τὸ τραχὺ παλαιὸν ἐν ἀπαιτεῖσθαι νόμισμα μετὰ τῶν παρακολουθημάτων αὐτοῦ.

зался плательщикамъ податей слишкомъ тяжелымъ, — нужно думать, не столько даже вслѣдствіе возвышенія, происшедшаго отъ замѣны прежней серебряной монеты новою, сколько отъ разныхъ злоупотребленій сборщиковъ, пользовавшихся запутанностію расчетовъ по двойной монетной системѣ. Какъ бы то дѣло ни было, императору сдѣланъ былъ новый докладъ вышесказаннымъ Артаваздомъ съ ходатайствомъ объ облегченіяхъ. На это послѣдовало рѣшеніе, общій смыслъ котораго, по видимому, заключался въ томъ, что генеръ всѣ податныя расчеты предписывалось производить на новую монету: 1) начиная снизу, позволялось мелкія доли (λεπτά φηρία), преобладавшія, конечно, при податныхъ расчетахъ, то-есть, величины въ $\frac{1}{100}$ — $\frac{1}{12}$ номисмы и т. д., вносить новыми мѣдными деньгами, — до четырехъ милліарсіей; а какъ скоро нѣтъ сложенія этихъ мелкихъ долей составлялось четыре милліарсія, то требовалась соотвѣтствующая имъ по цѣнности новая—полусеребряная бѣлая номисма. Такъ какъ за 12 милліарсіевъ теперь взыскивалось такихъ номисмъ три, и такъ какъ приложения или добавочныя статьи, слѣдовавшія за каждою номисмою, начинались теперь гораздо скорѣе, увеличивались втрое, то очевидно, для казны не было никакой потери отъ введенія единообразнаго расчета. Но въ высшей степени любопытно и характеристично толкованіе, которое дали царской резолюціи сборщики податей. Они поняли въ ней только то, что полныя суммы, равняющіяся одной новой монетной единицѣ, должны быть взыскиваемы именно въ видѣ этой новой единицы, то-есть, бѣлой номисмы; но мелкія доли они продолжали рассчитывать по старой системѣ, то-есть, по курсу 12 милліарсіевъ въ номисмѣ, не смущаясь тѣмъ, что вслѣдствіе ихъ расчетовъ часть выходила гораздо болѣе цѣлаго. Положимъ, что съ известнаго плательщика слѣдовало взыскать $1\frac{1}{2}$ номисмы; за одну цѣлую номисму съ него совершенно законно брали монету въ четыре милліарсія, новую монету Алексѣя Комнина, но половину номисмы считали ему по прежнему въ шесть милліарсіевъ (такъ какъ прежняя номисма ихъ имѣла 12), и потомъ эти шесть милліарсіевъ перелажали на новый счетъ, то-есть, брали за нихъ одну новую номисму и два милліарсія. Такимъ образомъ, выходило, что за половину взыскивали въ полтора раза болѣе, чѣмъ за цѣлое: и даже болѣе, чѣмъ въ полтора раза, такъ какъ за номисмою, полученною посредствомъ сложенія мелкихъ долей, при уплатѣ основнаго налога сейчасъ же слѣдовали всѣ приложения, всѣ добавочныя статьи. Къ чести приказа большой казны нужно замѣтить, что такой расчетъ произвелъ тамъ

нѣкоторое недоумѣніе и даже споры; часть приказныхъ (секретикой) утверждали, что царскій указъ разумѣлъ медвіа доли, λεπτά φηρία, по расчету четырехъ милліарисіевъ въ номисмѣ, что поэтому $\frac{1}{2}$ номисмы равняется только двумъ милліарисіямъ. Но такъ какъ для рѣшенія спора нужно было обращаться къ государю, а онъ долгое время находился въ отсутствіи, на западныхъ границахъ имперіи, тревожащихъ Бодиномъ и Волганомъ Сербскими, отчасти же въ Филиппополѣ, то рѣшено было держаться толкованія болѣе выгоднаго для интересовъ казны, и въ продолженіе двухъ индиктовъ XV и I (1091—1093 годы отъ сентября по сентябрь) подати собирались по изложенной системѣ. Когда, въ 1094 году, царь вернулся въ столицу, и ему сдѣланъ былъ докладъ о бывшихъ недоумѣніяхъ и о принятомъ рѣшеніи, то онъ высказалъ строгое порицаніе и полное неудовольствіе. Мое рѣшеніе было совершенно ясно и недвусмысленно, говорилось въ новой его резолюціи;—мною было повелѣно выскрывать цѣльныя суммы въ одну номисму новыми бѣлыми номисмами ¹⁾, а медвіа доли мѣдными деньгами—по расчету четырехъ милліарисіевъ въ номисмѣ, такъ что тотъ, за кѣмъ причиталось $\frac{1}{2}$ номисмы, долженъ былъ внести два милліарисіа,

кто долженъ былъ $\frac{1}{3}$ — 1 милл. 8 фолл.

$\frac{1}{4}$ —	1	"	—	"
$\frac{1}{6}$ —	"	16	"	"
$\frac{1}{8}$ —	"	12	"	"
$\frac{1}{12}$ —	"	8	"	"
$\frac{1}{24}$ —	"	4	"	"
$\frac{1}{48}$ —	"	2	"	"

Источникомъ мнимои неясности, по словамъ царской резолюціи, было только постыдное лихоимство сборщиковъ податей; императоръ не рѣшается обвинять и приказныхъ (секретикой); хотя они и знали, что взиманіе податей производится не соотвѣтственно съ царскимъ повелѣніемъ, но можетъ быть, они съ самаго начала имѣли намѣреніе усчитывать сборщиковъ по ихъ же собственной системѣ расчета, о которой теперь и докладываютъ царю. Дѣйствительно, императоръ повелѣлъ взыскать со сборщиковъ все то, что они сами взыскивали съ народа, дабы придуманная ими неясность не послужила имъ въ поль-

¹⁾ τὸ μὲν χάραγμα νόμισμα διὰ τραπεζῶν ἀσπρων νομισμάτων ἀπαγγέλλεται.

зу ¹⁾. Они, собственно говоря, заслуживали бы даже наказанія, но по челоуѣколюбію своему императоръ довольствуется отобраніемъ отъ нихъ въ свою казну плодовъ ихъ бесовѣстнаго обмана, имѣвшаго послѣдствіемъ тяжкое обремененіе народа. Только на будущее время имъ предписывается быть осторожнѣе и держаться законныхъ нормъ, указанныхъ царемъ. Послѣ, какъ мы узнаемъ изъ третьяго доклада чиновниковъ казначейства, не встрѣчалось уже прежнихъ недоумѣній; а если они возникли, то въ другомъ видѣ и не со стороны сборщиковъ податей. При собираніи податей послѣ 1094 года, въ столицѣ нашлись такіе плательщики, которые считали неправильнымъ и нелогичнымъ платить за новую номисму, втрое меньшую прежней и требуемую съ нихъ несравненно чаще, чѣмъ прежняя, тѣ же 30 фолловъ приложеній или добавочныхъ статей дикератоэксафолла, какія прежде сопровождали настоящую золотую номисму; они полагали, что согласно съ пониженіемъ номисмы втрое, и приложеній съ нею слѣдуетъ брать втрое меньше, то-есть, 10 фолловъ. Послѣдовала третья царская резолюція, которая указала средній примирительный путь, то-есть, постановила взимать приложеній съ номисмы—не втрое, а вдвое менѣе прежняго, другими словами—15 фолловъ съ номисмы. Вопросъ о поборахъ пошлинномъ (*συνήθια*) и погонномъ (*ἀλατῶν*) все-таки потребовалъ новаго доклада и новой резолюціи. Онъ былъ рѣшенъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и вопросъ о дикератоэксафоллѣ, то-есть, опредѣленъ въ 18 фолловъ съ номисмы. Такимъ образомъ теперь за номисмою слѣдовало всего 33 фолла вмѣсто прежнихъ 66 фолловъ. Таблицы разъясняютъ новую систему въ ея подробностяхъ.

Эти добавочныя статьи при новомъ расчетѣ дѣлались особенно тягостными при замедленіяхъ и отсрочкахъ въ уплатѣ податей, при существованіи недоимокъ; милліарисіи (четвертаки) тогда превращались въ номисмы (рубли), и съ каждой номисмы вновь слѣдовала надбавка приложеній. Напримѣръ, плательщикъ долженъ былъ вносить ежегодно одну номисму и три милліарисія, и просрочилъ два года. Его долгъ будетъ уже три $\frac{1}{2}$ номисмы, ибо 4 милліарисія составляютъ одну номисму; а дополнительныхъ статей будетъ слѣдовать къ этимъ $3\frac{1}{2}$ номисмамъ 115 фолловъ; при прежнемъ расчетѣ: но-

¹⁾ ἵνα οἱ μὲν διοικῆται λογαριασθῶσι καθὼς ἀπῆρτησαν, τὸ τῶν διοικήσεων ἀκρόστιγον.

нисма въ 12 милл., приложеніе въ 66 фолловъ,—приложеній было бы номисма 165 фолловъ.

За царскими революціями и таблицею расчета, на нихъ основанною, въ нашемъ документѣ слѣдуетъ еще приписка, вѣроятно—повѣнѣйшая, потому что въ ней предлагаются два образца для расчета, изъ коихъ первый основанъ уже на томъ предположеніи, что 16 мѣдныхъ фолловъ составляютъ одну новую (трахó шероховатую, не обтертую) номисму, а второй на томъ, что номисма равняется даже 12 фолламъ: порча монеты достигла такой степени, что она упала до $\frac{1}{3}$ своей цѣнности. По второй парадигмѣ оказывается, что платательщикъ, обязанный уплатою подати въ одну номисму и 9 милліарсіевъ и просрочившій два года, уплачиваетъ съ приложениями ни болѣе ни менѣе какъ 56 номисмъ новаго чекана. Вотъ этотъ краснорѣчивый расчетъ:

1) недомка	2 номисмы	
2) приложеній къ нимъ	—	66 фолл.
3) недомка	18 милл.	= 132 ,
4) за 18 милліарсіей или за $4\frac{1}{2}$ номисмы приложеній по 83 фолла на номисму.		148 $\frac{1}{2}$,

А всего 2 номисмы, 646 $\frac{1}{2}$ фолловъ; такъ какъ 12 фолловъ составляютъ номисму, то и слѣдуетъ за двѣ номисмы и 18 милліарсіевъ требовать 56 номисмъ. Предъ этимъ нѣмѣютъ всякія дальнѣйшія разсужденія.

Въ заключеніе мы сообщаемъ въ своемъ переводѣ другой весьма любопытный и важный документъ, тоже бросающій яркій свѣтъ на византійскую податную систему. Разумѣемъ знаменитый докладъ Михаила Акомината, Аенискаго митрополита, императору Алексію Ангелу (1195 — 1203 гг.), содержащій въ себѣ жалобу на бѣдствія его епархіи отъ разныхъ золъ, преимущественно отъ тяжести налоговъ. Этотъ документъ въ подлинникѣ былъ изданъ уже давно и не одинъ разъ ¹⁾; знакомство съ нимъ сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ, интересующихся судьбою Аенія въ средніе вѣка; существуютъ его переводы не только на нѣмецкомъ, но и на русскомъ языкѣ ²⁾.

¹⁾ Прежде всѣхъ онъ былъ изданъ Тафелемъ въ его изслѣдованіи «De Thesalonica ejusque agro»; потомъ былъ перепечатанъ Елласеномъ въ сочиненіи «Michael Acominatos», 118—126, и Минемъ, въ Patrologia graeca, t. 140.

²⁾ Нѣмецкій переводъ Елласена въ вышеуказанномъ сочиненіи, русскій въ Православномъ Обзорѣніи 1873 года, № 11, стр. 705—709.

Однако, мы должны сказать, что если прежнія изданія текста и оказываются довольно исправными даже послѣ новой тщательной проверки рукописей и новой перепечатки документа въ полномъ собраніи сочиненій Акомината, издаваемомъ ученымъ Грекомъ Лампросомъ ¹⁾, то переводы, особенно нѣмецкій переводъ Еллисена, были неудовлетворительны и страдали немаловажными промахами. Мы воздерживаемся отъ подробныхъ и длинныхъ комментаріевъ на докладную или памятную записку Михаила Акомината. Матеріалъ для нихъ находится отчасти въ рѣчахъ митрополита къ современнымъ ему преторамъ, то-есть, гражданскимъ правителямъ Элады и Пелопонниса (называемымъ у Пселла судьями), которыя еще ранѣе изданія Лампросомъ были списаны нашимъ русскимъ ученымъ Θ . И. Успенскимъ, сообщившимъ обширныя извлеченія наиболѣе интересныхъ мѣстъ на страницахъ этого самаго журнала, отчасти же въ не изданныхъ письмахъ Акомината, съ которыми еще не успѣлъ насъ познакомить и Θ . И. Успенскій (статьи его о неизданныхъ сочиненіяхъ Михаила Аѳинскаго въ этомъ журналѣ не кончены); отрывки изъ нихъ сообщаетъ тотъ же самый Лампросъ, который потомъ взялъ на себя задачу полного изданія сочиненій Михаила, въ своемъ предшествовавшемъ трудѣ „Аѳины въ концѣ XII вѣка“ (1878 г., въ Аѳинахъ). Но мы пока не воспользуемся этимъ матеріаломъ; мы надѣемся, что послѣ всего предыдущаго разсужденія о податяхъ и повинностяхъ содержаніе рѣчи будетъ понятно читателю и безъ большихъ объясненій. Михаилъ Акоминатъ жалуется на слишкомъ частыя переписи и межеванія, которымъ подвергалась Аѳинская область, и которыя, конечно, сопровождалась различными поборами въ пользу писцовъ и дозорщиковъ, на часто повторяющееся и не пропорціональное взиманіе „корабельныхъ денегъ“ ²⁾; затѣмъ упоминаетъ мимоходомъ о по-

¹⁾ Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χαρίτου τὰ σωζόμενα. Τόμος I. Ἐν Ἀθήναις 1879. Второй томъ долженъ былъ явиться весной текущаго года, но пока еще мы не имѣемъ извѣстій объ его выходѣ. Греческія изданія здѣсь получаютъ съ большимъ трудомъ; наши казенныя бібліотеки, Публичная и Академія Наукъ, остаются при старыхъ привычкахъ и не имѣютъ сношеній съ Аѳинами, не смотря на то, что правительство принимаетъ мѣры для учрежденія тамъ Русской археологической школы. Мы обязаны принести благодарность одному изъ нашихъ академическихъ друзей, прое. И. Е. Троицкому, любящему личныя связи съ Аѳинами чрезъ посредство греческихъ духовныхъ особъ, за дорого цѣнимую намъ возможность знакомства съ трудами и наградами ученыхъ Эллискаго королевства.

²⁾ Къ сомаліямъ, здѣсь въ греческомъ подлинникѣ вывали цѣны, обозначающія количество взысканныхъ суммъ, и остались только условные знаки, выражающіе слово «номисма».

земельной подати и о набѣгахъ пиратовъ, господствовавшихъ тогда въ греческихъ водахъ и опустошавшихъ приморскія области на далекое разстояніе внутрь материка—объ этой главной причинѣ разоренія и обезлюденія Элады весьма часто говорится въ указанныхъ выше сочиненіяхъ, — онъ переходитъ къ подробному описанію нашествія на Аѣны чиновниковъ, сопровождающихъ претора, то-есть, гражданскаго губернатора Пелопонниса и Элады, которому подчинены были и Аѣны, не смотря на нѣкоторыя свои привилегіи: рѣчь идетъ о требованіяхъ, предъявляемыхъ на основаніи постоянной и ямской повинностей. Два мѣста въ концѣ документа остаются не совсемъ понятными. Въ одномъ говорится о какомъ-то отношеніи къ сбору податей придворнаго сановника, называемаго мистикомъ: мы можемъ указать только на то, что по одной грамотѣ Алексѣя II (Jus Graecogoth. III, 506) мистикъ долженъ былъ принимать мѣры въ защиту монастырей, подвергшихся неправильнымъ податнымъ взысканіямъ. Въ другомъ мѣстѣ сказано нѣсколько словъ въ защиту селъ и участковъ крестьянскихъ противъ такъ-называемыхъ „замковыхъ“, *καστρηχῶν*: *καστρηχῶν*, *castrenses*, *castriciani* и *καστρηνοί* суть солдаты, составляющіе постоянный гарнизонъ какой-нибудь крѣпости или лагеря. Совершенно понятно, что солдатамъ, составлявшимъ гарнизонъ Аѣнскаго „замка“ (акрополя?), могло быть воспрещено пріобрѣтеніе крестьянскихъ земельныхъ участковъ; трудность заключается въ дальнѣйшихъ словахъ нашего документа: *εις συντριβὴν γὰρ τοῦτο, τῶν δροῦγγῶν καὶ βλαδρον ἀφορᾶ· ἡ δὲ τῶν δροῦγγῶν ἀπόλεια τοῦ καθ' ἡμᾶς ὀρίου παντός ἐστι ἀπόλεια*. Дампросъ (Аѣны въ концѣ XII в., стр. 94) не находитъ удовлетворительнаго объясненія, какъ не дали такого Елисенъ и Гонфъ. Мы перевели слово *δροῦγος* (*caterva militum*) выраженіемъ почти противоположнымъ по значенію: (крестьянская) община, — и только такимъ образомъ получили удовлетворительный смыслъ. Мы видѣли (см. іюльской книжки стр. 123), что *κατεπανικίεμα* называется территорія или округъ, обязанный поставкой извѣстнаго количества судовъ; точно также, думаемъ мы, еще меньшая территорія или крестьянская община, обязанная поставить извѣстное количество военныхъ ополченцевъ — сухопутныхъ или морскихъ, могла быть названа „отрядомъ“ (*δροῦγος*). Слѣдуетъ самѣй текстъ нашего перевода:

„Недостойные и ничтожные рабы могущественнаго и святаго царскаго величества твоего осмѣливаются просить тебя о слѣдующемъ,

господинъ нашъ святой! Наша Аѳинская область, съ давняго времени уменьшающаяся въ числѣ своихъ жителей вслѣдствіе непрерывныхъ тяжелыхъ поборовъ, въ настоящее время подвергается опасности превратиться въ то, что называется Скиескою пустынею. Причина этому опять-таки та, что мы обременены всяческими поборами (ἐπιτρήσεις), даже болѣе многочисленными и тяжелыми, чѣмъ прочія намъ сосѣднія области. Мы два и три раза, и вообще, слишкомъ часто въ сравненіи съ нашими сосѣдними странами подвергались переписямъ и межеваніямъ, при которыхъ почти божественными шагами измѣрялась наша песчаная и бесплодная почва, пересчитывался каждый волосъ на головѣ, тѣмъ болѣе каждый листъ винограда или другаго растенія ¹⁾. Мало того и прочія мірскія тягости и повинности—въ другія области, или совсѣмъ съ самаго начала не взыскиваются, или облегчаются преторами, которые могутъ имъ оказывать такого рода милость, такъ какъ они же сами часто и за-

¹⁾ Οὐ μόνον γάρ ἡμεῖς δις καὶ τρίς καὶ κολλάσις παρὰ τὰς γειτονοῦντας ἡμῶν χώρας ἐπέστημεν ἀναγραφὰς καὶ ἐπιτρήσεις ἀναφορῶν (Λαμπρ. ἀναγραφῶν), γεωμετροῦσάν ἴχνυσι φυλλῶν ἀντικρὺς τὰ ὑπόψαμμα ταῦτι καὶ λυπρότα ἡμῶν γῆδια. Относительно чтенія, какъ видно, существуетъ сомнѣніе: вѣсто ἐπιτρήσεις ἀναφορῶν, какъ было у Таела, Лампроеъ читаетъ ἐπ. ἀναγραφῶν, не объясняя однако, есть ли это его поправка, или чтеніе бывшаго въ его рукахъ кодекса. Во всякомъ случаѣ новое чтеніе не представляетъ удовлетворительнаго смысла: какое же различіе между описаніями и наблюденіями или зрѣлищемъ описей? Зачѣмъ такая тавтологія? Изъ дальнѣйшаго видно, что намѣреніе Акомината было, на ряду съ отвлеченнымъ указаніемъ на перепись, представить бѣдствіе въ живомъ конкретномъ образѣ; повтому предъ словомъ: γεωμετροῦσάν, измѣряющихъ, слѣдовало бы ожидать указанія или на лицъ, производящихъ измѣреніе, или же на матеріальныя орудія измѣренія и межеванія. Мы предполагаемъ послѣднее. Правда, что слово «ἀναφορά» не встрѣчается въ совершенно подходящемъ значеніи, но есть ἀναφορῶν и ἀναφορεῖς въ значеніи *шеста*, на которомъ носить тяжесть, или коромысла, и самое ἀναφορά одинъ разъ встрѣчается въ значеніи верхней настѣлки, потолка (tabulatum supernum Georonic liber VI, cap. 1, ed. *Niclas*. 1721, tom. I, 427). Мы догадываемся, что подъ «анафорой» и въ данномъ мѣстѣ разумѣется либо *шестъ* (pertica), которымъ производится измѣреніе, либо *мензула* (planchette). Авторъ записки хотѣлъ сказать: мы слишкомъ часто испытывали зрѣяще шестовъ, измѣряющихъ эту песчаную землю, и т. д. Въ текстѣ мы поставили вѣсто того отвлеченное выраженіе «межеваніе». Переводъ Еллисена гласитъ: denn nicht nur haben wir zwei und drei und mehr mal so viel, als unsre Nachbarlandschaften an *Erpressungen* und *Aufpassereien der Zollerheber* anzustehen; и согласно съ тѣмъ русскій переводчикъ: «мы подвергаемся вымогательствамъ и грабежу сборщиковъ податей».

вѣдуютъ ихъ взыскаіемъ, или по крайней мѣрѣ, принимаютъ въ томъ участіе своимъ содѣйствіемъ ¹⁾). А у насъ всѣ эти поборы и повинности взыскиваются, и притомъ всѣ со всею тяжестью, и при томъ у насъ гораздо прежде, чѣмъ у другихъ, хотя мы и находимся въ самомъ углу Эллады.

Примѣромъ можетъ служить только что минувшее лѣто. Когда назначена была постройка судовъ (катергъ), мы первые, и притомъ мы одни изъ всѣхъ, заплатились за это, хотя никакихъ судовъ не было на самомъ дѣлѣ построено. Когда потомъ воротился (катапаламоѳотос) Павсій Стиріонъ, опять мы одни внесли корабельныя деньги. Наконецъ еще разъ мы дали известное количество Сгуру и претору, когда съ насъ, противъ нашей воли, взыскали столько, сколько не заплатили даже Оивы и Еврипъ. Между тѣмъ на нашу область и по древнему обычаю, и на основаніи опредѣленнаго въ уважѣ росписанія приходится въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ должны вносить двѣ упомянутыя области.

Мы не будемъ жаловаться на взысканіе поземельной подати, на разбой морскихъ разбойниковъ ²⁾. Но какъ могли бы мы безъ слезъ разсказать о преторскомъ вымогательствѣ и насиліи! Такъ какъ преторъ не имѣетъ никакого отношенія къ нашей маленькой области—ни по вниманію податей, ни по отправленію преторской юрисдикціи,—ибо царская золотая грамота воспрещаетъ ему самый входъ въ Аены; то, какъ бы изъ уваженія къ золотымъ грамотамъ онъ придумываетъ несѣять насъ ради „поклоненія“ (святынѣ, ради богомоля). Онъ является во всеоружіи, съ дѣлнымъ сонмомъ своихъ слугъ, привлекая и мѣстныхъ трутней, разныхъ продажныхъ людшесъ (ἀνδράρια ἄστα τρεβολυψία); какъ будто собравшись сдѣлать вторженіе въ землю неприятельскую и варварскую, онъ добываетъ себѣ ежедневное пропитаніе грабежемъ и хищеніемъ. Впереди его, говоря словами Писа-

¹⁾ ἢ συνεργούτων πάντως τοῖς ἐνεργοῦσιν. Переводъ Еллисона: oder doch dem *Belasteten* auf alle Weise *beizubringen*—свидѣтельствуетъ о полномъ незнакомствѣ съ византийскою еразеологіей; да и вообще «ἐνεργοῦντες» никакъ не можетъ значить «современныхъ», а скорѣе «обременяющихъ». Русскій переводчикъ: «преторами, — которые содѣйствуютъ имъ (плательщикамъ) въ отбываніи ихъ (налоговъ)».

²⁾ Εἴμεν ἀναφείειν τὴν τοῦ κήνσου ἀπαίτησιν, τὴν λεηλασίαν τῶν θαλαττίων ληστῶν.

ніа, бѣжитъ гибель, такъ-называемые „пріемщики“¹⁾; они требуютъ на каждый день по пятьсотъ медниковъ жита для людей и лошадей; имъ нужны цѣлыя стада овецъ, цѣлыя стаи птицъ и всѣ виды морской рыбы, а вина—такое количество, что столько и не наберется на нашихъ виноградникахъ: не будемъ однако, слишкомъ распространяться, исчисляя все въ подробности²⁾. Сверхъ того, они еще требуютъ за это платы себѣ, какъ будто какіе благодѣтели, и платы не плохой какой-нибудь и маловѣсной, но такое количество тяжелого золота, которое могло бы удовлетворить желанія ненасытной души ихъ. Затѣмъ является самъ преторъ и прежде чѣмъ совершить свое поклоненіе Богородицѣ, на одного онъ накладываетъ руки³⁾ за то, что тотъ будто бы не вышелъ ему, на встрѣчу, другаго запираетъ въ тюрьму и подвергаетъ пенѣ по другой причинѣ. Такимъ образомъ, утощавшись нами столько дней, сколько ему заблагорассудится, онъ требуетъ себѣ челобитья (буквально: поклоннаго проскинуτήχιου)—не знаемъ, потому ли, что онъ самъ поклонился (билъ челомъ) Богородицѣ,—и не только онъ самъ этого требуетъ, но и казначей (λογηραστής), и протопестарій, и протокентархъ, и даже вса его свита. Онъ заявляетъ намъ, что не прежде поднимется отсюда, какъ собственными руками получивъ что слѣдуетъ. Мы усердно просимъ и клянемся, что не иначе можемъ внести это, какъ сдѣлавъ общую складчину (εἰ μὴ κοινὸς ἔρανος γένοιτο). Онъ мало по малу смягчается, и оставивъ сборщика, долженствующаго взыскать деньги, собирается въ дальнѣйшій путь. Но потомъ—рѣдкое вьючное животное уйдетъ отъ повозы (отъ мясной повинности). А еще хуже—мное, будучи взято подъ предлогомъ мясной повинности, продается потомъ собственному хозяину, да не одинъ разъ, а часто и дважды. И всякая скотина, какого бы то ни было рода, похищается и потомъ продается (своему же хозяину) или взятая совсѣмъ уходитъ.

„Къ чему же это, святой государь нашъ, такая на насъ гибель?“

¹⁾ ὀπιοδοχάτορες Ср. Niceph. Phocae de velitat. bellica: ὀπιοδοχάριοι. У Болгаръ: подахатори. *Иречекъ—Брукъ*, Истор. Болгарь, 524.

²⁾ καὶ ἵνα μὴ μακροχρόνως, τοῖς κατὰ μέρος ἐπεχίοντες. Елисенъ это переводитъ: «und die ausserdem, um uns kurzzufassen, noch die Leute einzeln verfolgen und in Strafe nehmen. Русскій переводчикъ: «и которые (чтобы не говорить намъ долго) еще преслѣдуютъ и наказываютъ частныя лица».

³⁾ τοῦ μὲν καταχράρις: чтеніе Лампроса наиболее идущее къ двлу; другія чтенія праведны тамъ-же въ примѣчаніи.

Казна отъ этого не только не получаетъ никакой выгоды, напротивъ, терпитъ ущербъ, такъ какъ отъ этого въ короткое время очень многіе изъ насъ выселяются, и наша страна дѣлается почти пустынною, какъ мы сказали выше, а вмѣстѣ съ тѣмъ сокращается количество признанной поземельной подати (κολοβοῦται τὸ ἐγνωσμένον ἀκρόστυχον). Посему, поставивъ на видъ только небольшую часть того, что мы терпимъ, просимъ человеколюбивѣйшее царство ваше оказать и къ намъ состраданіе, усмирить бурное наводненіе налоговъ (κοῦσασαι τὸν κατακλυσμὸν τῶν ἐκτρεφέων), или же опредѣлить, чтобы они сдѣлались болѣе умѣренны, для насъ выносимы и соответствовали находящимся у насъ царскимъ опредѣленіямъ, ибо мы ничего не просимъ новаго или вреднаго для казны. Впервыхъ, мы просимъ избавить насъ отъ преторскаго нашествія, набѣга и разоренія, такъ чтобы данный намъ защитникъ, высокопревосходительный мистикъ, отнятое (у насъ) получалъ изъ взносовъ преторскихъ, и пусть будетъ дано какое-нибудь письменное внушеніе и угроза, что они подвергнутся крайнему наказанію¹⁾, если они не будутъ воздерживаться отъ Аѳинской области. Потомъ, пусть мы будемъ давать складки на суда и морской сборъ (συνδοσίας πλοίων καὶ πλωίρους) въ томъ количествѣ, сколько на насъ положила раскладка (ἀπογραφή) дромологоета, киръ Іоанна Дуки, и не болѣе того, и пусть бы вмѣсто падающаго на насъ по этой раскладкѣ сбора съ насъ не требовали взносовъ безъ всякаго (царскаго) опредѣленія, потому что надъ нами несчастными иногда сбывается и это.

„Такъ какъ мы подвергались многимъ переписямъ, о чемъ мы уже выше докладывали, то мы просимъ, чтобы бремя переписи не было еще разъ налагаемо на страну нашу, еслибы даже и рѣшена была въ какихъ другихъ сосѣднихъ странахъ (ἐν ταῖς ἄλλαις χώραις τῶν κατωτέρων) таковая перепись, но чтобы подтверждено было данное намъ на этотъ счетъ высокочтимое опредѣленіе твоего царства, и чтобы равнымъ об-

¹⁾ У Тафеля, Еллисона и даже у Лампроса одно чтеніе: τὰ ἐσχάτα παίδεσθαι, которое слѣдуетъ признать совсѣмъ негоднымъ. Еллисонъ переводитъ: durch eine schriftliche Bekanntmachung und Drohung ihnen angedeutet wird, in *Allem zu gehorchen*, wenn Sie nicht das Gebiet von Athen meiden wollten. Русскій переводчикъ: «повели имъ во *всемъ слушаться* (твоей воли), если не хотятъ быть высланы изъ округа аѳинскаго». Несомнѣнно, что въ текстѣ слѣдуетъ читать: τὰ ἐσχάτα πείθεσθαι (отъ πείρω) и переводить соответствующимъ образомъ:

разомъ были подтверждены другія въ разное время данныя намъ опредѣленія, запрещающія всякому изъ замковыхъ захватывать какимъ бы то ни было способомъ и пользоваться селами и участками крестьянскими; ибо это ведетъ къ разоренію и гибели (крестьянскихъ) общинъ, а гибель ихъ есть гибель всего нашего округа. Если это будетъ сдѣлано, то и мы могли бы спастись и спасены были бы для казны слѣдующіе съ насъ доходы, и спасшись, мы не перестали бы молиться о святомъ твоёмъ царствѣ, къ которому какъ недостойные рабы, рѣшились обратиться этимъ прошеніемъ“.

В. Васильевскій.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Геродотъ и его музы. Историко-литературное изслѣдованіе Ф. Н. Дьячана.
Часть I. Варшава. 1877.

Предъ нами лежитъ лишь первый томъ труда г. Дьячана. Онъ посвященъ главнымъ образомъ изложенію жизни Геродота. Авторъ говоритъ сначала подробно о родинѣ Геродота, составляетъ дошедшія до насъ свѣдѣнія изъ исторіи Галикарнасса; входитъ затѣмъ въ обсужденіе вопроса о семьѣ Геродота и годѣ его рожденія. Затѣмъ слѣдуетъ весьма обширный отдѣлъ о „воспитаніи и образованіи Геродота“. Авторъ воспользовался этимъ отдѣломъ, чтобы дать довольно обстоятельное изслѣдованіе о поэтахъ, коихъ творенія были близко знакомы Геродоту, а такъ какъ Геродотъ зналъ чуть ли не всю поэтическую литературу своего времени, то этотъ отдѣлъ книги г. Дьячана разросся въ исторію греческой поэзіи вообще до времени Геродота. Далѣе слѣдуетъ глава о Самосѣ, который былъ второю родиной Геродота. Слѣдующій отдѣлъ: „Приготовленіе Геродота къ исторіографіи“ обнимаетъ собою исторію исторіографіи до Геродота съ подробнымъ перечисленіемъ сочиненій такъ-называемыхъ логографовъ. Въ седьмой главѣ описаны путешествія Геродота. Здѣсь авторъ даетъ подробное перечисленіе странъ и народовъ, которыхъ посѣтилъ Геродотъ, локализуя данныя Геродотовой исторіи. Въ восьмой главѣ: „Гдѣ и когда написалъ Геродотъ свою исторію“ представленъ враткій очеркъ исторіи возникновенія Геродотовой исторіи. Въ двухъ послѣднихъ главахъ—IX и X—излагается исторія основанія города Турій, обсуждается вопросъ о годѣ этого событія, участіе въ немъ Геродота,

смерть его въ этомъ городѣ и предлагается вѣроятное рѣшеніе о годѣ его смерти.

Таково содержаніе первой части сочиненія г. Дьячана. Что будутъ обнимать слѣдующія—на это авторъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека ни во введеніи, ни въ самой книгѣ. Мы упоминаемъ объ этомъ обстоятельстве, потому что оно ставитъ насъ въ нѣкоторое затрудненіе касательно вопроса, который неоднократно задавали мы себѣ при чтеніи книги: намѣренно ли то или другое опущено авторомъ, чтобы войти во вторую часть, или же мы въ правѣ высказать свое недоумѣніе относительно подобныхъ случаевъ, такъ какъ авторъ вообще закончилъ свое изложеніе даннаго вопроса? Чтобы перейти къ частностямъ, обращаемся къ восьмой главѣ: о времени и мѣстѣ возникновенія исторіи Геродота. Эта глава обнимаетъ всего 14 страницъ въ книгѣ г. Дьячана. Тотъ, кому знакомо современное направленіе въ изученіи классическихъ писателей, преимущественно въ Германіи, знаетъ, конечно, какой особенно напряженный интересъ вызываютъ въ настоящее время вопросы объ исторіи—если можно такъ выразиться—композиціи сочиненій древнихъ авторовъ, о времени и мѣстѣ возникновенія отдѣльныхъ частей ихъ, и наконецъ, объ источникахъ каждаго автора.

На послѣдній изъ этихъ трехъ вопросовъ авторъ отвѣчаетъ довольно пространно въ главахъ о воспитаніи и образованіи Геродота (IV), о приготовленіи его къ исторіографіи (VI) и объ его путешествіяхъ (VII), хотя и тутъ мы имѣемъ кое-что замѣтить; но вопросъ о композиціи творенія Геродота дѣйствительно не въ должной степени рассмотрѣнъ авторомъ. Такъ, напримѣръ, г. Дьячанъ вовсе даже не упоминаетъ въ этой главѣ о статьяхъ берлинскаго профессора А. Кирхгофа, которыя, какъ извѣстно, породили большіе споры въ ученомъ мірѣ. Правда, статьи эти не были ему неизвѣстны, онъ упоминаетъ ихъ въ другомъ мѣстѣ, но именно тутъ, гдѣ, кажется, ихъ всего болѣе слѣдовало бы имѣть въ виду, тутъ-то онѣ почему-то и оставлены имъ безъ вниманія. Впрочемъ, онѣ не только неизвѣстны автору, но онъ пользуется даже выводами профессора Кирхгофа въ своей послѣдней главѣ. Профессоръ Кирхгофъ, утверждаетъ, что послѣдняя часть Геродотова труда написана была въ Афинахъ послѣ 433 года. Онъ сопоставляетъ всѣ намеки, которые попадаются у Геродота на событія первыхъ годовъ Пелопоннесской войны, и доказываетъ также, что въ исторіи Геродота нѣтъ слѣдовъ событій позже 425 года. Всѣ аргументы Кирхгофа вос-

произведены въ книгѣ г. Дьячана. Правда, въ заключеніи есть небольшая разница: г. Дьячанъ предполагаетъ, какъ и большинство ученыхъ, что Геродотъ умеръ около этого времени, не успѣвъ докончить своего сочиненія; Кирхгофъ же готовъ допустить, что онъ просто пересталъ писать подъ вліяніемъ тяжелыхъ событій Пелопоннесской войны: онъ-де мечталъ дать картину возвеличенія и не виданнаго дотождѣ блеска и славы демократическихъ Аѳинъ, — теперь же, послѣ смерти Перикла, послѣ язвы, послѣ разореній, причиненныхъ войной, положеніе было такъ безотрадно, что перо выпадало изъ рукъ, и Геродотъ пересталъ писать, не доведя своего труда до конца. Признаемся, что эти соображенія профессора Кирхгофа кажутся намъ слишкомъ патетичными, и предположеніе, что Геродотъ умеръ около 425 года, — которое разделяетъ и г. Дьячанъ, — кажется намъ гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ эта трагическая подавленность тяжелымъ настоящимъ; но замѣтимъ также, что г. Дьячанъ принужденъ признать 425 годъ годомъ смерти Геродота и потому еще, что онъ помѣщаетъ годъ его рожденія раньше, чѣмъ какъ то дѣлаютъ обыкновенно, а именно въ 490 годъ (стр. 34), а о выходящей изъ ряда вонъ долголѣтности Геродота у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Возвращаясь къ главѣ о композиціи творенія Геродота, замѣтимъ, что авторъ весьма сбѣгло коснулся тутъ не безынтереснаго вопроса: дѣйствительно ли твореніе Геродота возникло въ той послѣдовательности, въ какой мы его имѣемъ, или же передъ нами лежитъ лишь окончателъная редакція, въ которой Геродотъ выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе во время пребыванія въ Туріяхъ?

Авторъ склоняется въ пользу втораго предположенія, но онъ не извлекаетъ отсюда никакихъ заключеній; допущеніе же это важно, на примѣръ, въ слѣдующемъ вопросѣ: какую часть своего сочиненія читалъ Геродотъ въ Аѳинахъ? было ли то начало творенія въ той послѣдовательности, въ какой мы его имѣемъ теперь, то-есть, мидійская исторія и начало и возростаніе Персидской монархіи, или же то было что-нибудь другое: на примѣръ, походъ Ксеркса? Профессоръ Кирхгофъ не задумывается признать первое; но вслѣдствіе, кто внимательно прочтетъ первую книгу Геродота, не можетъ не прийти къ убѣжденію, что многія историческія детали обработаны здѣсь въ связи съ тѣми свѣдѣніями, которыя Геродотъ собралъ въ Италіи, то-есть, послѣ 444 года. Хотя живую и подвижную военную публику могла самымъ непосредственнымъ образомъ заинтересовать и эта часть сочиненія, но изъ того, что Аѳиняне назначили Геродоту вознагражденіе

изъ государственной кассы, не будетъ ли естественнѣе предположить, что онъ выбралъ для чтенія въ Аѳинахъ именно ту часть своего труда, въ которой онъ возвеличилъ Аѳины, а именно эпоху Персидскихъ войнъ, гдѣ одни Аѳины стояли на высотѣ панэллинскаго патріотизма?

Выше было уже упомянуто, что авторъ довольно подробно останавливается на вопросахъ о приготовленіи Геродота къ дѣятельности историографа. Въ этихъ главахъ мы напомнимъ, впервыхъ, слѣдующее: Авторъ даетъ перечисленіе путешествій Геродота по даннымъ, какія легко извлекаются изъ его сочиненія, и при этомъ онъ локализуетъ факты, сообщаемые Геродотомъ, въ разныхъ городахъ и странахъ, какіе посѣтилъ Геродотъ. Мы должны сознаться, что въ частностяхъ мы очень часто не можемъ согласиться съ авторомъ. Какъ, напримеръ (стр. 163), говоря о пребываніи Геродота въ Лидіи, авторъ помѣщаетъ сюда также мнѣ о происхожденіи Этрусковъ отъ Лидійцевъ, которые выселились въ Италію, бывъ принуждены къ тому голодомъ, посѣтившими ихъ страну на долгіе годы? Если строго анализировать это извѣстіе Геродота (I, 94), то кажется, нельзя не прійти къ мысли, что весь этотъ мнѣ есть сдѣланная Геродотомъ комбинація двухъ извѣстій: въ Лидіи онъ слышалъ, быть можетъ, о переселеніи части Лидійскаго племени въ одну изъ сосѣднихъ областей въ Малой Азій, въ Италію же узналъ о вторженіи Этрусковъ въ страну Умбровъ (послѣднее могъ онъ узнать лишь послѣ 444 года, то-есть, послѣ своего переселенія въ Турин); затѣмъ онъ комбинируетъ эти данныя, увлекаясь, быть можетъ, сходствомъ именъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ, и такимъ образомъ возникъ мнѣ о лидійскомъ происхожденіи Этрусковъ.

Совершенно то же слѣдуетъ сказать и о другомъ извѣстіи. На стр. 168 г. Дьячанъ говоритъ, что Геродотъ узналъ отъ Финикійцевъ, что они перешли въ страну, которую они тогда занимали, съ береговъ Краснаго моря. Здѣсь опять ложная комбинація Геродота: онъ дѣйствительно могъ слышать отъ Финикійцевъ о переходѣ ихъ изъ восточныхъ странъ на западъ, но это восточное море могло быть не чѣмъ инымъ, какъ Мертвымъ моремъ, котораго Геродотъ совсѣмъ не знаетъ.

На стр. 173 авторъ цитуетъ Her. III, 119, и Sophocles Antigone 905 sqq.—какъ доказательство близкихъ связей Геродота съ Софокломъ. Хотя, правда, авторъ имѣетъ за себя авторитетъ Кирхгофа (который, впрочемъ, тутъ не названъ), тѣмъ не менѣе надо сказать,

что большинство ученыхъ считаетъ эти стихи не принадлежащими Софоклу.

На стр. 177 перечисляются данныя, которыя Геродотъ узналъ отъ дельфійскихъ жрецовъ. Позволимъ себѣ замѣтить, что на этотъ источникъ необходимо свести гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ какъ то дѣлаетъ авторъ; такъ, на примѣръ, большую часть исторіи Креза, всѣ или почти всѣ свѣдѣнія, касающіяся „семи мудрецовъ“ (они локализовались тамъ около знаменитаго треножника, побывавшаго у нихъ всѣхъ и посвященнаго затѣмъ Аполлону), а также и многое другое.

На стр. 204, говоря о посѣщеніи Геродотомъ города Кретона, авторъ продолжаетъ: „Здѣсь, безъ сомнѣнія, узналъ онъ и о всѣхъ заключеніяхъ врача Демонета, Кретонца по происхожденію, съ которымъ въ свое время никто не могъ соперничать въ его искусствѣ“. Мы рѣшаемся предложить нѣкоторую перемѣну въ локализациі этого извѣстія. Анализъ его гораздо скорѣе указываетъ на Тарентъ, чѣмъ на Кретонъ, а присматриваясь ближе къ разказу, пожалуй, можно прійти къ мысли, что и самый авторъ этого разказа названъ Геродотомъ. Геродотъ упоминаетъ (III, 130) имя раба Демонетова *Εχίτων*,—онъ и есть, по всему вѣроятію, авторъ этого разказа, въ которомъ его господинъ играетъ такую видную роль, такъ старательно выдвинутъ на первое мѣсто, при чемъ историческая правда навѣрное сильно пострадала.

По поводу главы о путешествіяхъ Геродота позволимъ себѣ замѣтить еще слѣдующее: Г. Дьячанъ извлекаетъ изъ сочиненія Геродота указанія на то, какія страны были имъ посѣщены, но вопросъ о послѣдовательности этихъ путешествій оставленъ совершенно въ сторонѣ. Авторъ считаетъ подобнаго рода изысканія безплодными гаданіями, результатъ которыхъ никогда не можетъ быть достовѣрнымъ фактомъ (стр. 159). Конечно, нельзя въ общемъ не согласиться съ авторомъ, что изысканія подобнаго рода имѣютъ характеръ довольно проблематичный, но есть случаи, гдѣ съ большою достовѣрностію можно установить послѣдовательность путешествій Геродота. Такъ, на примѣръ, городъ Газа зовется у Геродота *Κάζωτις*, то-есть, по египетски—*Kazatu*, тогда какъ еврейское его имя 'Azza, ассир. *Chazita*. Не слѣдуетъ ли отсюда съ достовѣрностію заключить, что Геродотъ попалъ въ Сирію изъ Египта, а не наоборотъ? А такъ какъ мы знаемъ, что онъ былъ въ Сиріи, и что ему знакома сухонутная дорога изъ Сиріи въ Египетъ, то мы въ правѣ заключить, что это послѣднее путешествіе въ Сирію случилось позднѣе, чѣмъ его посѣщеніе Египта. Мы не сомнѣваемся,

что такихъ указаній можно найти не мало въ трудѣ Геродота, но авторъ не хотѣлъ ихъ касаться изъ принципа, и пожалуй, онъ правъ въ томъ отношеніи, что подобнаго рода мелочи имѣютъ довольно маловажное значеніе; приведенный же выше примѣръ съ достаточною убѣдительностью говоритъ, что дѣло идетъ не всегда о беспочвенныхъ комбинаціяхъ и фантазіяхъ ученыхъ и не о случайныхъ намекахъ Геродота, а о данныхъ подъ часъ довольно положительнаго характера.

Въ главахъ „О воспитаніи и образованіи Геродота“ и „О приготовленіи его къ историографіи“ авторъ довольно обстоятельно излагаетъ исторію какъ поэтической, такъ и прозаической литературы до Геродота. Можно бы, пожалуй, оспаривать правильность помѣщенія очерка поэтической литературы въ главу о воспитаніи и образованіи Геродота, тѣмъ болѣе, что въ изложеніи автора нигдѣ не отмѣчено, гдѣ же собственно начинается образованіе этого писателя. Авторъ такъ подробно говоритъ о томъ, что поэзія составляла сущность древняго воспитанія, что, читая эту главу, по неволѣ приходишь къ мысли, что — по мнѣнію г. Дьячана — Геродотъ изучилъ всѣхъ греческихъ поэтовъ въ нколѣ. Но останавливаться на этомъ — значило бы придавать слишкомъ много значенія нѣкоторому недостатку въ расположеніи матеріала. Что же касается до знакомства Геродота съ поэтами, то оно не подлежитъ никакому сомнѣнію, и мы можемъ быть только благодарны автору за то, что онъ собралъ и сопоставилъ матеріалъ по этому предмету. Иначе должны мы отнестись къ другой главѣ: „Приготовленіе Геродота къ историографіи“. Здѣсь авторъ даетъ очеркъ всѣхъ историковъ, писавшихъ до Геродота, выражая при этомъ полную увѣренность, что Геродотъ не только зналъ ихъ, но и пользовался ими. Тутъ дѣло много труднѣе, чѣмъ относительно поэтовъ. Такъ, на примѣръ, авторъ не видитъ причины сомнѣваться въ томъ, „что Геродотъ былъ знакомъ съ сочиненіемъ Ксанѳа“ (стр. 151). Ксанѳъ Мидянинецъ писалъ раньше Геродота, а потому нѣтъ ничего невозможнаго въ этомъ предположеніи, но такъ какъ Геродотъ самъ ни разу не упоминаетъ о Ксанѳѣ, то единственная возможность рѣшить вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ авторовъ есть анализъ тѣхъ главъ Геродота, гдѣ разказана лидійская исторія; при внимательномъ же анализѣ оказывается слѣдующее: отдѣльныя черты Геродотовой исторіи Лидійскаго царства собраны имъ или въ Дельфахъ, или непосредственно отъ жителей города Сарды, или отъ милетскихъ Іонянъ. Если въ частныхъ случаяхъ и можно

прійдти въ мысли, что у Геродота былъ подъ руками письменный источникъ (какъ, напримѣръ, въ замѣткахъ о завоеваніи греческихъ городовъ Лидянами), то въ этомъ источникѣ можно признать развѣ только Гежатея, а никакъ не Ксанеа. Вообще, что касается до критики Геродота у г. Дьячана, то какъ въ изложеніи путешествій Геродота, такъ и здѣсь, приходится замѣтить, что анализъ Геродота по отношенію къ вопросу объ его источникахъ или идетъ слишкомъ недалеко, или вовсе отсутствуетъ; а между тѣмъ критика Геродота въ этомъ отношеніи весьма важна не только для уразумѣнія самаго сочиненія, но и для болѣе прочнаго обоснованія историческихъ фактовъ, которыми мы обязаны Геродоту.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ отмѣтить нѣсколько мелочей, которыя намъ попались на глаза.

Стр. 22, имя Tzschirner слѣдуетъ по русски передавать Чирнеръ, а не Чширнеръ.

Стр. 2. Авторъ говоритъ о началѣ исторіографіи у Грековъ и приводитъ этотъ фактъ въ связь съ персидскимъ завоеваніемъ. „Потерявъ политическую самостоятельность и почувствовавъ надъ собою власть персидскихъ деспотовъ, жители цвѣтущихъ іонійскихъ колоній должны были, какъ естественно, отказаться отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ и сосредоточить всю свою умственную дѣятельность на чтеніи и изученіи родной литературы и созерцаніи прошлой славы“. Мы совершенно несогласны съ этимъ представленіемъ о персидскомъ игѣ. Изъ словъ г. Дьячана можно, пожалуй, заключить, что и въ самомъ дѣлѣ Персы уничтожили всякую самостоятельность въ греческихъ городахъ, ввели строго централизованную администрацію и т. д. Но ничего подобнаго и не было, отношенія были самыя свободныя, и Греки весьма мало чувствовали свою зависимость.

Стр. 82. Авторъ упоминаетъ о свиданіи Креза съ Солономъ, ни однимъ словомъ не давая замѣтить, что весь этотъ разказъ—вымышленный, что историческая критика давно отказала ему въ достоверности. То же самое слѣдуетъ сказать о мнимомъ переименованіи города изъ Αἰλαία въ Σόλοι, сдѣланнаго будто бы царемъ этого города въ честь Солона. Имя Αἰλαία есть переводъ финкійскаго имени Σόλοι, которое значитъ скала.

Стр. 187. Авторъ упоминаетъ о путешествіи Геродота въ Колхиду и о второмъ путешествіи его въ Египетъ, при чемъ Геродотъ будто бы сдѣлалъ его, чтобы провѣрить показаніе Колхидянъ о происхожденіи ихъ отъ Египтянъ. Авторъ цитуетъ здѣсь комментарий Штей-

на къ II, 104. Намъ удивило, что Штейнъ въ своемъ примѣчаніи предостерегаетъ именно отъ такого заключенія, къ какому пришелъ г. Дьячанъ; цитата же у этого послѣдняго должна служить, повидимому, подтвержденіемъ его мнѣнія.

Ю. В.

Поѣздка въ Румелию. Сочиненіе архимандрита *Антонина*, члена сотрудника Императорскаго Русскаго археологическаго общества. С.-Пб. 1879.

Къ концу прошлаго года Императорское Русское Археологическое Общество издало это сочиненіе архимандрита Антонина, написанное за 14 лѣтъ передъ симъ. Этотъ фактъ, позднее появленіе въ печати рассматриваемой книги, необходимо имѣть постоянно въ виду при ея чтеніи. Записываніе и объясненіе письменныхъ памятниковъ — вотъ главный пунктъ тяготѣнія въ розысканіяхъ нашего археолога; изданіе же ихъ 14 годами позже, чѣмъ они имъ записаны и объяснены, хотя, конечно, не можетъ ни охлаждать такого дѣлателя, ни отнимать его правъ на старшинство открытій, все же не можетъ не вредить дѣлу науки. Принимать въ расчетъ время написанія этого сочиненія нужно еще и потому, что тяжкимъ положеніемъ Болгаръ въ 1865 г., когда происходила поѣздка о. Антонина, объясняются отчасти тѣ ощущенія жгучаго страданія, которыя приходилось ему переживать тогда въ душѣ своей, и которыя ярко отпечатлѣлись въ его записной книгѣ.

Не часто надѣляютъ насъ учено-литературными описаніями православнаго Востока наши тамошніе старожилы: тѣмъ болѣе радостно привѣтствуемъ эту „Поѣздку въ Румелию“, написанную однимъ изъ нашихъ археологовъ, однимъ изъ немногихъ у насъ знатоковъ исторіи и современнаго положенія единовѣрнаго намъ Востока.

Съ 1874 г. публикѣ нашей стало доступнымъ капитальное изслѣдованіе архимандрита Антонина: „О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аеннахъ“¹⁾. Покойный И. И. Срезневскій, подвергнувшій это изслѣдованіе обстоятельному разбору, приписываетъ ему „безспорно самое важное мѣсто въ ряду новыхъ трудовъ, по увеличенію запаса греческихъ христіанскихъ надписей... Трудъ архимандрита Антонина досто-

¹⁾ О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аеннахъ. Архимандрита *Антонина*. С.-Пб. 1874. (Стр. 84. Приложены 25 л., изъ которыхъ одинъ съ рисунками, а прочіе 24 съ эпиграфическими снимками, исполненными въ литографіи В. А. Прохорова).

ить полнаго вниманія и признательности⁴, прибавляетъ Срезневскій,— „какъ потому, что въ немъ находится много новаго, дополняющаго прежніе запасы, такъ и потому, что онъ исправляетъ многія неправильности чтенія, осмысленія и объясненія прежде списанныхъ ассирическихъ надписей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сводитъ частныя наблюденія къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ“¹). Такъ оцѣненъ былъ по достоинству исключительно эпиграфическій трудъ нашего ученаго.

Сочиненіе, на которое обращаемъ теперь вниманіе читателей, „Пѣзджа въ Румелію“, носитъ менѣе спеціальннй характеръ. Оно изложено въ видѣ дневника, веденнаго авторомъ со дня его выѣзда изъ Константинополя 13-го мая 1865 г. до выѣзда его изъ Битоли 31-го мая того же года. Къ впечатлѣніямъ, переживаемымъ въ каждый изъ этихъ 18 дней, онъ присоединяетъ то разсказъ объ историческихъ событіяхъ посѣщаемой мѣстности, то краткое описаніе памятниковъ древняго и новаго зодчества, то чтеніе, переводъ и разборъ списанныхъ имъ надписей. Мы сперва послѣдуемъ за путникомъ по мѣстностямъ, имъ осмотрѣннымъ, и передадимъ коротко нѣкоторыя его впечатлѣнія, замѣчанія и мысли, а потомъ познакомимъ читателей съ нѣкоторыми изъ его находокъ, присоединяя и свои замѣтки.

Завидѣнный архимандритомъ Антонинимъ съ парохода Каллиполь напоминаетъ ему переправу Турокъ съ азіатскаго берега на европейскій въ 1356 г. Это былъ первый городъ въ Европѣ, которымъ они овладѣли. „Теперь кто ни начинаетъ говорить о Каллиполѣ“, пишетъ авторъ,— „это первое, чѣмъ онъ, такъ сказать, тычетъ въ глаза оговоренному мѣсту...“ Но справедливость заставляетъ нашего ученаго указать на то, что христоненавистное знамя аравійскаго реформатора развѣвалось уже больше чѣмъ за шесть вѣковъ до Каллипольской переправы въ Испаніи и во Франціи, больше чѣмъ за пять вѣковъ въ Италіи, за 118 лѣтъ въ Россіи, и наконецъ, въ самой Оракии задолго до того были хорошо извѣстны самые Турки подъ ихъ собственнымъ именемъ. Приводятся факты²). Каллипольская переправа Турокъ допущена была, по мнѣнію автора, вслѣдствіе сближенія Іоанна

¹) Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма. *И. И. Срезневскаго*. Въ прилож. къ XXVIII т. *Записокъ Императ. Академіи Наукъ* № 3. С.-Пб. 1876. См. стр. 8. Къ этому труду своему И. И. Срезневскій приложилъ: «Замѣчаніе объ ассирической надписи со словомъ *Κριός*» проф. *Θ. Θ. Соколова*, и мое письмо о паремонской надписи, начинающейся со словъ: *Αὔτα Μαρία*.

²) Пѣзджа въ Рум., стр. 25—26.

Кантакузина съ Турками, а это сближеніе объясняется необходимо-
 стію. „Въ возникшее междоусобіе между Кантакузиномъ и „законнымъ“
 императоромъ, онъ уже прямо призываетъ на помощь турецкія орды,
 окончательно пріучивъ ихъ такимъ образомъ къ мысли о завладѣніи
 Фракією, а слѣдовательно, и Константинополемъ. Человѣкъ съ госу-
 дарственнымъ умомъ, патриотизмомъ и гуманными стремленіями не
 могъ дѣйствовать на обумъ или по увлеченію... Крайность заставляла
 его, повидимому, отбиваться отъ наступающаго врага (къ сожалѣнію,
 иногда и личнаго) всѣмъ, что есть подъ руками, а слѣдовательно, и
 Турками. Все равно, своего греческаго войска не было. Разныя
 Алане, Комане, Варяги и tutti quanti, къ коимъ привыкла прибѣгать
 имперія, ничѣмъ не представлялась лучше Турковъ“¹⁾). Прибавимъ
 отъ себя: имперія давнымъ давно имѣла эту вредную привычку—при-
 бѣгать къ чужеземнымъ наймитамъ, привычку, которую постоянно
 порицали историки современныя или близкіе къ событіямъ. Не нахо-
 димъ ли въ средневѣковыхъ греческихъ историкахъ возобновляющагося
 протеста противъ такой политики? И ничто однако не помогло.
 Далѣе авторъ все болѣе и болѣе раскрываетъ свои возрѣнія на от-
 ношенія Византійской имперіи къ султанамъ и на самого I. Кан-
 такузина.

Вотъ ѣдутъ мимо Лампсака. Здѣсь отпразднована была въ 1234 г.
 свадьба между сыномъ Никейскаго императора Іоанна Ватаци и до-
 черью краля Болгарскаго Асена. По случаю этой свадьбы находились
 на лицо и самъ императоръ съ женою и сыномъ, и королевна-невѣста;
 но самого краля тутъ не было, онъ остался въ Калиполѣ. Это
 обстоятельство вызываетъ у путешественника-мыслителя такой рядъ
 замѣчаній: „Нельзя понять, отчего самъ краля не отправился вмѣстѣ
 съ ними на свадьбу... Вѣрно, онъ на досугѣ высматривалъ тѣмъ
 временемъ, какъ и что прибрать къ своимъ рукамъ, при удобномъ слу-
 чаѣ, у Риги²⁾ то или у царя—все равно, на столь значительномъ
 стратегическомъ пунктѣ, каковъ Эллиспонтъ... Дѣти были повѣн-
 чаны; но отсутствующій Асень послѣ брака заговорилъ о разводѣ...“
 своей іерархіи съ Константинопольскимъ престоломъ. По его желанію
 и императорскому настоянію, тутъ же составленъ былъ синодальный
 актъ, предоставлявшій Терновскому архіерею независимость церковную

¹⁾ Поездка въ Рум., стр. 31.

²⁾ Это былъ Владуинъ II.

и патриаршіи титулъ..... Константинопольскій державецъ ¹⁾ перепутанъ былъ этимъ родственнымъ союзомъ единовѣрныхъ государей. Пана увидѣлъ, что столькихъ лѣтъ дѣло уніи въ Болгаріи было простою комедіей, заключившейся автономіею церкви Болгарской. Продолжись только согласіе и единодушіе Ватади и Асена и ихъ преемниковъ, православіе восторжествовало бы на Востокъ и надъ папствомъ, и надъ исламомъ, и надъ активангелическими идеями „народности“ въ Христовой церкви. Но... Давно не видать ни Каллиполя, ни Ламисака. Держимся ближе къ южному берегу пролива“ ²⁾ и т. д. Изъ приведеннаго мѣста виденъ отчасти взглядъ автора на возможность днаго исхода судебъ Балканскаго полуострова, еслибы между Греками и Славянами XIII в. было больше пониманія своей обоюдной пользы.

Спорадскіе острова, одинъ за другимъ показывавшіеся вворамя путешествіи, напоминали ему собою разныя міеологическія сказанія, прикованныя къ этимъ островамъ, и вызвали въ немъ попытки ихъ объясненія ³⁾. Первою мѣстностію на материкѣ, къ которой причалилъ пароходъ, былъ Порто-Лаго, второю—Кавала или Неаполь времени апостольскихъ ⁴⁾. Путники воспользовались остановкой парохода въ Кавалѣ и пошли къ старымъ стѣнамъ этого городка. Стали подниматься въ гору по направленію этихъ старыхъ стѣнъ и осмотрѣли пять башенъ. У второй изъ нихъ увидали развалины церкви до того малой, что нельзя было рѣшить, для кого и для чего она существовала въ древности. На мѣстѣ бывшаго престола поставленъ черепокъ, и въ немъ видишь нѣсколько крупнонь недожженнаго ладана. Трогательное усердіе христіанское! Не менѣе трогаетъ и терпимость мусульманская. Освященное мѣсто совершенно чисто“ ⁵⁾. Вотъ ѣдутъ мимо Аэона. Интересно слѣдить за о. Антонинномъ, какъ онъ съ палубы парохода издали узнаеть, глядя въ трубу, одинъ за другимъ монастыри аеонскіе, давно ему знакомые, и перебираеть одне за другимъ самыя разнохарактерныя воспоминанія ⁶⁾. Пристали къ Фессалоникѣ. Въ этомъ городѣ, посѣщенномъ авторомъ уже въ тре-

¹⁾ Это тотъ же Балдуинъ.

²⁾ Повебка въ Рум., стр. 37—38. Рѣчь идетъ о Дарданельскомъ проливѣ.

³⁾ Повебка въ Рум., стр. 45—47, 61—62. См. особенно замѣтку о ламческихъ таинствахъ, стр. 52—53 и прим. 2.

⁴⁾ П. въ Р., 59—60.

⁵⁾ Повебка въ Рум., стр. 61. Общій видъ Кавалы л. 1.

⁶⁾ Тамъ же, 75—78. Общій видъ Аэона л. 1.

тій разъ, пробылъ онъ болѣе двухъ сутокъ, и съ него-то начинается сухопутное его странствованіе. Приводятся данныя о Солунской кафедрѣ. „Она одна изъ немногихъ, удержавшихся на высотѣ древняго положенія митрополій или лучше архіепископій въ первоначальномъ смыслѣ слова, какими были и именовались кафедры Кесарійская, Ефесская, Мирская..., коихъ предстоятели были дѣйствительными „начальниками епархій“ известной области. Ей подвѣдомы до сихъ поръ восемь епископій, въ числѣ коихъ двѣ—Дойранская и Полянская, исключительно славянскія, хотя и въ другихъ епархіяхъ большинство населенія, судя по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Константинополѣ, тоже составляютъ Болгаре“¹⁾. По статистикѣ Фессалоники сообщено, что „приходскихъ церквей въ ней 12, включая въ то число и митрополию, и монастырь Чауши. Кромя ихъ, есть еще 5—6 церквей въ разныхъ (преимущественно святогорскихъ) подворьяхъ... Всѣхъ православныхъ жителей въ городѣ полагаютъ круглымъ числомъ 10,000, — вдвое меньше Евреевъ и втрое противъ Турокъ. Преобладающая рѣчь турецкая и греческая. Евреи въ большинствѣ знаютъ ту и другую“²⁾.

При обзорѣннѣ Фессалоники даются нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о св. Софій (нынѣ мечеть)³⁾. Отмѣчено, что рѣдчайшія, если не единственныя по своей древности, мозаическія изображенія въ куполѣ чрезвычайно древней церкви св. Георгія (Ротондѣ) не проливаютъ желаннаго свѣта на вопросъ о времени, когда это святилище языческое обращено въ христіанскую церковь. „Имена изображенныхъ въ этомъ куполѣ святыхъ, исторически известныя, принадлежатъ III вѣку христіанскому. Это наибольшую часть мученики изъ воиновъ... Замѣчательно, что въ числѣ изображенныхъ мучениковъ нѣтъ св. Димитрія, ни св. Георгія, коего именемъ украшалось когда-то зданіе. Не были ли они изображены на той части купольнаго свода, которая повреждена (именно восточной)—сказать не можемъ“, заключаетъ нашъ археологъ⁴⁾. Сомнѣнія его относительно времени возстановленія церкви св. великомученика Димитрія и относительно мѣстоположенія Киворія заслуживали бы ближайшаго рассмотрѣнія со

¹⁾ Повѣдка въ Рум., стр. 85. Очень жаль, что не сказано, гдѣ нынѣются означенныя свѣдѣнія—въ патриархіи или въ русскомъ посольствѣ.

²⁾ Тамъ же, стр. 86.

³⁾ Тамъ же, стр. 88. Планъ св. Софій на Л. 2.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 89—90.

стороны знатоковъ этого дѣла ¹⁾. Въ этой же церкви прочтена надпись о кончинѣ Спандони, о которой рѣчь еще впереди. Церковь св. Апостоловъ обращена въ мечеть; церковь св. Теодоры не досталась исламу ²⁾. Очень замѣчательнъ перечень святыхъ, принадлежащихъ Фессалоникѣ; онъ заготовленъ былъ еще дома ³⁾. Сличивъ этотъ перечень съ Тафелевымъ, мы находимъ, что сіи перечни могли бы во многомъ другъ друга дополнить ⁴⁾. Далѣе нѣсколько свѣдѣній о писателяхъ, пишущихъ отношеніе къ Фессалоникѣ ⁵⁾, и историческій очеркъ судебъ этого города. „Я ограничусь тѣмъ“, заявляетъ о. Антонинъ,—„что сдѣлаю сколокъ съ той эпохи Фессалоники, когда она величалась столицей соименной себѣ державы“ ⁶⁾. Но то, что самъ авторъ называетъ на стр. 111 сколкомъ, а на 154 ветхимъ или ветошнымъ словомъ о Палеологахъ, которое стоило ихъ, то мы, не обинуясь, должны охарактеризовать, какъ краткіе, общедоступные очерки судебъ Фессалоники отъ исхода XII в. до второй четверти XV, и видѣть въ нихъ заслугу автора. Очерки эти, хотя и составлены наскоро, но основаны на чтеніи нѣкоторыхъ источниковъ и представляютъ вѣрный, какъ намъ кажется, взглядъ на общее положеніе дѣлъ въ названнаго времена. Глубокаго изслѣдованія предмета искать въ нихъ не слѣдуетъ, и это снимаетъ съ критики обязанность относиться къ нимъ со всею научною строгостію: но они живы и интересны и многихъ изъ читателей познакомятъ впервые съ этою эпохой, у насъ мало извѣстною. Скажемъ больше: и тѣмъ изслѣдователямъ, которые научно займутся исторіей Фессалоники, Славянъ и Византіи за означенныя времена, не слѣдовало бы обойти эти очерки, которые ихъ во всякомъ случаѣ ознакомятъ съ опредѣленно высказаннымъ взглядомъ на тѣ времена такого знатока минувшаго и настоящаго положенія православнаго Востока, каковъ о. Антонинъ. На прощаніе съ Фессалоникой, при посѣщеніи Чаушскаго монастыря ⁷⁾, авторъ успѣлъ таки пересмотрѣть его рукописныя книги, и

† ¹⁾ Тамъ же, стр. 94—97. Ср. относительно возстановленія церкви св. Дмитрія соображенія *Табела*, De Thessalonica ejusque agro, Berol., 1839, стр. 123 и далѣе. Планъ и внутренность въ *Повѣдкѣ*, на л. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 104.

³⁾ *Повѣдка* въ Рум., 106—109.

⁴⁾ Ср. *Tafel*, *Th. L. F.*, De Thessalonica, стр. 144—155.

⁵⁾ *Повѣдка* въ Рум., 109—111.

⁶⁾ *Повѣдка* въ Рум., стр. 111.

⁷⁾ Онъ прежде именовался Хорватскимъ и Влатейскимъ.

сличивъ ихъ съ имѣющимся въ монастырѣ каталогомъ, исправить и значительно пополнить его ¹⁾.

18-го мая, выѣздъ изъ Фессалоники. Отправились на коняхъ. Пересѣвши двѣ рѣки Галикѡ (древній Эхедоръ) и Вардаръ (древній Авсій), доѣхали до хана Бани. Въ верстѣ отъ него—сѣвернѣе находятся, какъ полагаютъ, развалины древней столицы Македоніи—Пеллы, въ теперешней деревушкѣ Аллах-киса, по болгарски Палатица, на высшемъ сравнительно мѣстоположеніи. Поздняя пора дня и обезсиленіе путешественника отъ слишкомъ послѣдней, непривычной ему, верховой ѣзды препятствовали ему осмотрѣть Пеллу ²⁾. По дорогѣ между Енидже (Яницей) и Гроиню ему приходило на умъ, что „когда въ цѣлый долгій перѣѣздъ не увидишь ни города, ни села, ни кола ни двора, никакого признака укоренившейся осѣдлой жизни, то поневолѣ станешь думать: значить, тутъ несподручно жить добрымъ людямъ“ ³⁾. Рецензенту, при чтеніи этого мѣста, невольно пришла на память поговорка Грековъ: „Гдѣ ступитъ турецкая нога, тамъ трава не растетъ“. Когда вслѣдъ затѣмъ стали видѣться вдали селенія, не у кого было освѣдомиться, какъ они зовутся и кѣмъ обитаются; нашъ путешественникъ почти постоянно отставалъ отъ своихъ сопутниковъ, догоняя ихъ черезъ каждыя десять минутъ, а когда равнялся съ ними, то не имѣлъ уже охоты пускаться въ разговоръ ⁴⁾. Но вотъ, 19-го мая доѣхали до города Водены. Привѣтствуя этотъ край, авторъ пишетъ: „Мѣстныя имена Водена, Быстрица говорятъ уже велегласно, что мы достигли настоящей земли славянской. Вся область Воденская у мѣстныхъ жителей носитъ имя Мѡглена ⁵⁾, отъ слова мѡгла или мгла, обозначающаго физическій характеръ мѣстности, переносимой водянными испареніями“ ⁶⁾. Живописно изображены Воденскіе водопады ⁷⁾. Попытку миеологическаго и ис-

¹⁾ Повѣдка въ Рум., стр. 187.

²⁾ Повѣдка въ Рум., стр. 173—174.

³⁾ Тамъ же, стр. 183.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 184.

⁵⁾ Г. Сырку противопоставляетъ атому послѣднему свѣдѣнію о протяженіи Мѡглены, другія болѣе подробныя свѣдѣнія, но къ сожалѣнію, также, какъ и о. Антонинъ, умалчиваетъ о своемъ источникѣ. См. рецензію г. Сырку на Повѣдку въ Румелию въ июньской книжкѣ сего года *Журн. Мин. Нар. Пр.*, стр. 409 в прим. 1.

⁶⁾ Повѣдка въ Рум., стр. 187.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 189.

торическаго очерка Эдессы—Водены читатель найдетъ у автора нѣсколько ниже ¹⁾).

Особенное вниманіе наше обратили на себя двѣ догадки о. Антонина, одна по поводу осады Водены Іоанномъ Ватаци въ 1251 г., другая по случаю осады того же города Іоанномъ Кантакузиномъ въ 1328 г. Первая осада описана очевидцемъ ея, вполне надежнымъ человѣкомъ, Георгіемъ Акрополитомъ ²⁾. „Намъ кажется страннымъ“, недоумѣваетъ о. Антонинъ, — „зачѣмъ тутъ было производти осадѣ. Уже ли городъ могъ быть приверженъ къ своему слѣпому, старому, и силю навязанному, властителю? ³⁾ Не знаемъ, не было ли это дѣломъ какой-нибудь факціи „родолюбцевъ“ ⁴⁾ въ городѣ, для которой и самая тѣнь самостоятельности политической была дорога, въ виду всепоглощающаго византизма, котораго естественнымъ представителемъ былъ императоръ“ ⁵⁾. Пишущій этотъ отзывъ не отрицаетъ вѣроятности такого рѣшенія этого труднаго вопроса и замѣчаетъ только, что партія, сопротивлявшаяся Іоанну Ватаци (если таковая была), могла отстаивать свою независимость, состоя и не изъ однихъ Болгаръ или даже и изъ однихъ Грековъ. Не нужно было принадлежать непременно къ Славянскому племени для того, чтобы не сочувствовать давленію крайняго византизма. Притомъ же жители Водены, кто бы они ни были, могли при всей ненависти своей къ латинскому игу, не желать господства надъ собою царя Никейскаго. Однимъ словомъ, партія ли то была, или все населеніе, а попытка отбить Іоанна Ватаци могла производти по разнымъ причинамъ совершенно независимо отъ племени, къ которому эта партія и это населеніе принадлежали. Для опредѣленія же народности жителей Водены въ серединахъ XIII в. недостаточно того предположенія, которое высказано авторомъ, а нужны какіе-либо ясные факты или доводы. Благодаримъ автора за поставленный вопросъ и за попытку его разрѣшенія; чего больше и желать отъ воспоминаній ученаго? Не пожелать ли побольше такого рода воспоминаній отъ путешествующихъ ученыхъ? Не шевелить ли такіе вопросы и догадки застойныхъ понятій сидней науки?

¹⁾ Тамъ же, стр. 191—200.

²⁾ Georgius Acropolita, с. 49, р. 97. Въ Corp. Script. Hist. Byz.: Constantinus Manasses, Joël, Georgius Acropolita. Ed. Bonn. 1837.

³⁾ Θεόδωρου Κομνηνου-Αγγελου, бывшему императору Фессалоническому.

⁴⁾ Подъ «родолюбцами» авторъ Повѣдн постоянно разумѣетъ Болгаръ.

⁵⁾ П. въ Рум., стр. 197.

Другую осаду Водены, относящуюся къ 1328 году, изображаетъ самъ осаждавшій ее Іоаннъ Кантакузинъ. Историкъ-очевидецъ упоминаетъ объ озерѣ, при которомъ стоялъ этотъ городъ. „Понятъ нельзя“, утверждаетъ археологъ-очевидецъ, — „какое и гдѣ тутъ могло быть озеро. Развѣ предположить, что водопадъ былъ когда-нибудь завруживаемъ“¹⁾. Это предположеніе путеописателя кажется намъ правдоподобнымъ, если нельзя допустить, что озеро въ теченіе времени совершенно высохло, или что воды его, прорвавшись черезъ какую-нибудь естественную препопу, утекли въ сосѣднія болѣе низменныя лощины. Такъ-называемыя въ Греціи катавоеры (καταβόρα) содѣйствуютъ стоку излишней воды. Объяснить переворотъ въ природѣ воденскихъ окрестностей—дѣло физической географіи. Допустить порчу въ текстѣ Кантакузина нѣтъ возможности, потому что этотъ текстъ, кромѣ слова λίμνη = озеро, представляетъ еще и выраженіе οἱ ἀπὸ τῶν τριήρων = дѣйствовавшіе съ триеръ²⁾. Съ другой стороны, нѣтъ основанія заподозрить вѣрность разказа Кантакузина.

Мы остановились на двухъ осадахъ Водены, потому что археологъ нашъ является тутъ толкователемъ историческихъ источниковъ.

По выѣздѣ изъ Водены путники оставили влѣвъ *viam Egnatiam*, (направленія которой держались при совершеніи пути изъ Фессалоники въ Водену) и предпочли ѣхать въ Битоль другою дорогою, болѣе прямою³⁾. Когда перевалили черезъ гору Нидже, на незначительной сравнительно высотѣ ея, открылась передъ всадниками великая равнина древней Пелагоніи, называемая теперь Битольскою⁴⁾. Наконецъ, прибыли въ Битоль. Производству этого имени отъ „обитель“ дается предпочтеніе передъ объясненіемъ его отъ албанскаго „битойя“. Второе значить по албански „голубь“, стало быть имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ и греческое имя сосѣдней горы „Перистеря“, но въ пользу происхожденія отъ „обитель“ свидѣтельствуетъ другое имя этого города „Монастиръ“⁵⁾. Изъ Битоли совершена поѣздка въ село Слѣниште, близъ котораго находится монастырь Іоанна Предтечи, заключающій въ себѣ старыя рукописи. Для этого „направи-

¹⁾ П. въ Р., стр. 199, пр. 1.

²⁾ *Corpus Sc. N. V. Ioan. Cantacuzenus*, III, 128, 19 и 129, 5 ed. Bonn. 1828.

³⁾ Пове: въ Рум., стр. 235.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 239.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 253—3. См. видъ горы Перистеря, л. 6. Въ своей рецензій г. Смижу входитъ въ подробныя разсужденія по этому предмету. *Ж. М. Н. Пр.*, июнь, 1880, 415—419.

лись прямо къ сѣверу, но не большою Прилѣпскою дорогою, пересѣкающею діагонально Пелагонскую равнину, а другою, какъ бы параллельною той, западнѣе ея, по не широкой долинкѣ, отдѣленной отъ большой равнины невысокимъ горнымъ хребтомъ" ¹⁾. Миновавъ четыре хана, прибыли въ церковь св. Николая, въ селѣ Слѣниште, гдѣ досмотрѣлись старыхъ рукописныхъ и рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ ²⁾. Близъ села находится на возвышенномъ и прекрасномъ мѣстѣ монастырь св. Іоанна Предтечи. „Темныя стѣны его сразу высказали его значительную древность" ³⁾. Красивая церковь въ византійскомъ вкусѣ съ куполомъ оказалась совершенно новою ⁴⁾. На замѣчаніе нашего путешественника, „что еслибы такая благолѣпная церковь была въ селѣ, а не въ пустынкѣ, отъ нея больше было бы пользы для мѣста, монастырь и при старой церкви имѣлъ бы то же значеніе, полученъ отвѣтъ, что монастырская церковь выстроена на пожертвованія, собиравшіяся прямо и исключительно на нее; при иномъ назначеніи пожертвованій, самый сборъ оказался бы невозможнымъ... И такъ, не только у насъ", заключаетъ о. Антоній, — „но и въ остальномъ православномъ мірѣ идея монастыря беретъ верхъ надъ идеей приходской церкви. Не замѣчательно ли это?" ⁵⁾ Здѣсь осмотрѣно и описано до сорока рукописей, почти все церковно-славянскихъ, — греческихъ же только четыре: всѣ духовнаго содержанія. Изъ церковныхъ диптиховъ и съ иконъ выписаны имена нѣсколькихъ братьевъ и игуменовъ монастыря ⁶⁾. Отсюда отправились къ большому селу Варошу, гдѣ былъ Прилѣпъ старыхъ временъ; тутъ посѣтили монастырь св. Архангеловъ, гдѣ нашли двѣ иконы краля Марка ⁷⁾. Поднимались на Маркову гору, гдѣ находятся развалины Маркова замка ⁸⁾. Слѣдуютъ домыслы автора объ этомъ замкѣ и о Прилѣпѣ, какъ родинѣ Марка Краевича ⁹⁾. Марковъ замокъ отождествленъ авторомъ съ При-

¹⁾ Позв. въ Рум., стр. 276.

²⁾ Позв. по Рум., стр. 276—280. Описаніе ихъ, стр. 280—282.

³⁾ Стр. 285.

⁴⁾ Стр. 286.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 286—287.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 288—302.

⁷⁾ Позв. въ Рум., стр. 312—313; 324—325. На одной изъ этихъ иконъ славянская надпись съ именемъ краля Марка, ср. л. 5, рядъ 2, въ снимкахъ.

⁸⁾ Позв. въ Рум., стр. 314—315.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 316—317.

лѣпскою крѣпостью византийскихъ писателей ¹⁾. Третья славянская обитель, разсмотрѣнная авторомъ, это—Богородица, по народному зову, а прозваніе Тресковецъ; имѣеть при себѣ школу ²⁾. Здѣсь найдено нѣсколько надписей языческихъ и христіанскихъ (къ которымъ мы еще обратимся далѣе) и славянскій хрисовулъ, данный Стефаномъ IV Тресковецкой обители, который, судя по видѣнной о. Антонинномъ копіи, считаетъ оны сомнительнымъ ³⁾. Въ той же обители найдены и описаны двѣ церковно-славянскія рукописныя книги; а на одной иконѣ прочтено имя митрополита Прилѣпскаго Іосифа (1569 или 1599 г.), неизвѣстнаго Лекену въ его *Oriens Christianus* ⁴⁾. Въ Варошѣ описаны три церкви, всѣ древнія ⁵⁾; въ Буковскомъ монастырѣ четыре церковно-славянскія рукописи ⁶⁾, въ Христофоровомъ монастырѣ списана греческая надпись, о которой скажемъ ниже. Обѣ эти обители находятся между Варошемъ и Прилѣпомъ. Въ этомъ городѣ о. Антонинъ осмотрѣлъ и описалъ нѣсколько надписей, о которыхъ мы тоже будемъ говорить далѣе. Въ концѣ книги выражено намѣреніе автора ѣхать въ старую Болгарію ⁷⁾.

Во все время своего проѣзда отъ Тессалоники до Прилѣпа изслѣдователь нашъ донскаивался древнихъ памятниковъ. Сняты имъ надписи въ литографическихъ копіяхъ помѣщены, на четырехъ листахъ, приложенныхъ къ разбираемой нами книгѣ, а именно на 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ; на остальныхъ четырехъ листахъ — рисунки видовъ и церквей. Всѣхъ надписей 52; изъ нихъ 3 латинскія, 5 славянскихъ и 44 греческія. Мы займемся только нѣкоторыми изъ греческихъ.

Опредѣлить время возстановленія церкви св. Димитрія въ Тессалоникѣ ни по памятникамъ, ни по историческимъ свидѣтельствамъ, пока еще нельзя. Нашъ археологъ прочелъ на одной плитѣ (у бывшихъ входныхъ дверей) 6983 г.=1475, а на другой 6989=1481; на основаніи этихъ датъ можно бы строить предположеніе, что 50 лѣтъ спустя по завоеваніи города Турками, церковь св. Димитрія еще продолжала быть домомъ христіанской молитвы ⁸⁾. Подобное предполо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 322.

²⁾ Тамъ же, стр. 331; ср. 344. См. рисунки на л. 7 и 8.

³⁾ Тамъ же, стр. 338—339.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 341.

⁵⁾ Позв. въ Рум., стр. 344—346. Ср. рисунки на л. 8.

⁶⁾ Стр. 457—360. Ср. ниже здѣсь стр. 31.

⁷⁾ Позв. въ Рум., стр. 376.

⁸⁾ Позв. въ Рум., стр. 101. Надѣюсь, ни авторъ, ни издатель не посягнутъ

женіе высказано было и Тафелемъ на основаніи второй изъ упомянутыхъ здѣсь плитъ, описанной Кузинери. На второй изъ плитъ о. Антонинъ читаетъ фамилію *Σπανδονῆς*, что вѣроятно, точнѣе, чѣмъ *Σπαντοῦης*, какъ у Кузинери: фамилія Спандони, поясняетъ онъ,—и теперь слышится кое-гдѣ на Востокѣ. На плитѣ этой, въ то время, когда видѣлъ ее означенный французскій ученый, находились въ началѣ похвальные стихи Лукъ Спандони, потому то же извѣстіе о кончинѣ этого лица, что и у нашего археолога, и въ концѣ извѣстія, послѣ 6989 г., еще обозначеніе января мѣсяца. Ни о мѣсяцѣ, ни о стихахъ не упоминаетъ о. Антонинъ; значить, одна часть плиты откололась, другая либо откололась, либо истерлась ¹⁾. Вотъ участь памятниковъ образованности въ странахъ необразованныхъ: кто могъ бы лучше списать, тотъ пришелъ позже. Сгѣшите, молодые ученые на Востокъ; спасите, что осталось; доройтесь до новыхъ находокъ старой отжившей жизни; дополните скудные наличные запасы.

Водена дала нѣсколько цѣнныхъ написей языческихъ и цѣлую группу написей надгробныхъ христіанскихъ. Прекрасно сохранившимся памятникомъ съ именами эфиварха и эфивовъ пополняется число найденныхъ до 1865 года однородныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о томъ высоко-нравственномъ возрѣніи на свою молодежь, какое имѣли древніе Греки. Годъ 328 македонской эры (=16 по Р. X.) не подлежитъ сомнѣнію.

На первый разъ ограничимся немногими замѣтками. Здѣсь имя отца Клавдія Серина (=Серена) заключаетъ въ себѣ пропускъ одной буквы, судя по снимку ²⁾; это подтверждается и особымъ замѣчаніемъ самого о. Антонина, что „слово: *δοξο* не представляется испорченнымъ“ ³⁾. Рецензентъ предлагаетъ вставить ρ, и читать тутъ извѣстное имя ΔΟΡΚΟΥ. Затѣмъ чтенію: „Анивить, Александръ Папа... дровцевъ“ предпочитаетъ, основываясь на заглавіяхъ самого автора, (см. прим. 1, къ стр. 205), читать: „Анивить Александръ, сынъ Папы“ = *Ἀνιῆτης Ἀλέξανδρος Πάπας*. При такомъ чтеніи: вопер-

на меня за то, что я, когда это можно, не повторяю описокъ и опечатокъ и не оговариваю каждой изъ нихъ отдѣльно.

¹⁾ См. *Tafel*, De Thessalonica, стр. 125—127, который перепечатываетъ и стихи и запись по *Cousinéry*, Voyage dans la Macédoine, I, 42 и слѣд. Ср. Позв. въ Румъ., стр. 101 и прим. 3. Ср. прим. 2 къ стр. 401, Журн. М. Н. II, июнь, гдѣ Г. Сырку высказываетъ сходную догадку.

²⁾ Л. 3, на лѣвомъ столбцѣ.

³⁾ Стр. 205, прим. 1.

выхъ, имѣемъ два имени для того же лица и имя его отца, чѣмъ сохраняется обычная формула, преобладающая въ этой надписи: восторныхъ, оставляемъ при этомъ лицѣ достопамятное сочетаніе „... побѣдимый Александръ (=заступникъ мужей). Окончаніе „... дровцевъ“, показывающее, что ΔΡΩΒΥΟΣ принято было прежде за род. пад., исправлено самимъ постоянно слѣдящимъ за собою археологомъ нашимъ, который пишетъ ¹⁾: „Похоже какъ бы на то, что ката есть род. п. извѣстнаго и изъ нашихъ святцевъ (16-го марта), подобнаго имени, а слѣдующее за нимъ имя начиналось или съ αν или съ φα или еще иначе какъ“. То-есть, по мнѣнію автора, это либо Ἀνδρόβιος, либо Φαδρόβιος ²⁾. Изъ семи языческихъ, большею частію, надгробныхъ памятниковъ важны, по обозначенію года, двѣ: Л. Э. Эпафродита (316 г. Мак. эры) и С. Педія (276 г. М. эры). Въ первомъ говорится, что господинъ ставитъ надгробіе своимъ отпущеннымъ на волю рабамъ. Списавшій спрашиваетъ. „Не кроется ли причина такого рѣдкаго вниманія въ какихъ-нибудь неявныхъ родственныхъ отношеніяхъ перваго къ послѣднимъ? И онъ Юлій, и тѣ зовутся Юліемъ и Юліей. Какъ будто не даромъ такая щедрость на знаменитое имя. Притомъ же Юлій junior прозванъ еще побѣдоносцемъ, а Юлія (сестра его?) и прямо возвеличена прозваніемъ Рима (Ῥώμη)... Что-то довольно замысловато“ ³⁾. Рецензентъ изъ тѣхъ же семи языческихъ памятниковъ останавливается еще передъ двумя. Одному изъ нихъ о. Антониномъ представлена такая транскрипція: Γ. Πέδου καὶ Ὀστρίᾳ Καδίῳ καὶ Ἀτιᾷ Παραμόνῳ καὶ Σαβίῳ τῶ τέκνῳ ζώνταῖς ἑαυτοῦ ἐποίησαν, и переводить: Г. Педу и Острія, Кадіонъ и Атія, Парамона и Сабина чаду при жизни самимъ себѣ сдѣлали. Объясняетъ же о. Антонинъ эту надпись такъ: „Въ настоящемъ случаѣ родители, лишившись безвременно своего чада, устроили для него саркофагъ, предназначая его въ то же время и для самихъ себя, только не сумѣли складно заявить о томъ. Но это—наименьшая изъ несообразностей разсматриваемой надписи. Если слѣдовать предложенному нами чтенію, то выйдетъ, что у шести родителей было одно чадо, и то осталось не поименованнымъ! Другаго же чте-

¹⁾ Стр. 206, прим. 1.

²⁾ Нѣкоторыя изъ надписей, ссылаемыхъ о. Антониномъ, были изданы прежде изданія его снимковъ, хотя списаны послѣ него. Мы жалѣемъ, что не можемъ, по нездоровью, воспользоваться какъ бы слѣдовало, работами другихъ.

³⁾ Повз. въ Рум., стр. 224; сним. л. 3, правый столб.

нія мы пока не придумаемъ. А допускать неполноту или поврежденіе текста нѣтъ никакого основанія⁴. Но не прибавляя подписной йоты подъ словами τῶ τακῶ, то-есть, принимая эти два слова въ двойственномъ числѣ, я перевожу слѣдующимъ образомъ: „Гаій Педовъ и Острія Кад... (?), и Атія Парамона и Савина, двѣ ихъ дочери, заживо самими себѣ устроили“¹). Любопытнѣ эпиграфическій обломокъ слѣдующій:

ΡΟΤΙΝ
ΜΕΡΟΥΤΩ ΝΚΑΘΟΣΙΩ
ΜΕΝΩ ΝΣΕΚΟΥΝΔΑΝΩΔ.

Авторъ „Поѣздки“ переводитъ: „...приверженныхъ Секундановъ...; но отъ дальнѣйшаго объясненія отказывается²). Соглашаясь вполне съ такимъ переводомъ, мы представимъ нашу попытку объясненія. Секундановъ (Secundani) нахожу въ 8-й главѣ Нотиціи Востока въ числѣ воиновъ, состоявшихъ въ распоряженіи magistri militum per Illyricum; въ этому свѣдѣнію Нотиціи, издатель ея Бѣкиннгъ даетъ такую замѣтку: „i. e. Legionis II Secundanorum colonia Akausio (hod. Orange) fuit (Plin. III. 4., sect. 5)“³). И такъ, „Секунданы“, это имя легіона. Но здѣсь τῶν Σεκουδάνωνъ зависитъ отъ слова, котораго сохранилась лишь вторая часть, а эта часть не являетъ ничего похожаго ни на στρατόπεδον, τάγμα, σύνταγμα, которыми Греки переводили латинское legio въ болѣе древнее время, ни на λεγών, какъ передавалось оно позже: эту вторую часть μεροῦ легко возстановить въ (νυ)μεροῦ, а нумеромъ (numerus, воѣваросъ) въ позднѣйшія времена иногда означали когорту или вообще какую-либо часть легіона. Такъ, въ одной написи читаемъ: C. Annius Valens VETeranUS EXNUMero FRUMentariORum LEGionis III, гдѣ нумеръ значитъ сотню⁴). Въ житіи св. Георгія сказано, что онъ находился ἐν νυμέρῳ ἐπιστήμῳ τῶν Ἀχιλῶρων (cod. 1447 Pag. Gr. и въ житіи его по Метафрасту, ἐν νυμέρῳ τῶν

⁴ ¹) Пезъ. въ Рум., стр. 226, прим. 1; снимковъ л. 3, столб. правый. Какъ понимать Καδίω? Есть возможное имя Κάδος, имя города Κάδοι (въ Меоніи), названіе части Иллиріи Καδία (см. *Пане-Бенцелера*, Wörterbuch der Griech. Eigennamen): но сія имена не помогаютъ объяснить высѣченнаго на камнѣ Καδίω.

²) Стр. 227 и прим. 3; снимковъ л. 3., столб. лѣвый внизу.

³) Notitia Orientis, ed. *Boeckling* I, p. 35, p. 228, not. 19.

⁴) *Marquardt*, Handbuch d. Röm. Alterth. III, 2, p. 391, въ прим. 2247, гдѣ выписка изъ Grut. 520, 8.

Ἀνιχίων (cod. 1178 olim 148) Par. Gr. и cod. 123 Vienn. Theolog Gr. ¹⁾). Секунданы, отмѣченные въ Воденской надписи, имѣли, какъ видно изъ оной, почетное прозвище „приверженныхъ“ = καθοσθημένοι, прозвище близкое къ *pia fidelis* и т. п., аналогичное съ *victrix* и т. п., какими величались, помимо разныхъ мѣстныхъ и личныхъ *cognomina*, какъ легіоны, такъ и отдѣльныя когорты. Остается подрѣзанное въ своемъ началѣ *ροτιν*: если прочесть здѣсь *πρωτην*, то къ какому существительному отнести это? разумѣть ли *ἐκατονταρχίαν* (= *centuriam*), то есть, 60-ю часть легіона или же *ἄλην* (= *turram* = *эскадронъ*), утверждать не рѣшаюсь.

Христіанскіе греческіе памятники въ Воденѣ, кромѣ своей многочисленности (ихъ 18), важны еще и потому, что болѣею частью принадлежать къ одному кладбищу. Почти всѣ они на самыхъ надписяхъ своихъ имѣютъ первымъ словомъ *μνηρίον* (= *memoria*). Слово это, хотя и занесено въ *Thesaurus linguae Graecae* и въ *Glossarium m. et. inf. gr.* Дюканжа, съ обозначеніемъ его смысла, но только въ формѣ *μηρίον*, а не *μνηρίον*: по этому *μνηρίον*, такъ явственно повторяющееся столько разъ на памятникахъ, современныхъ его употребленію, представляетъ фактъ новый и интересный. За сямъ словомъ слѣдуютъ на памятникахъ болѣею частію званія и имена почившихъ. Между званіями читаемъ: пресвитеръ, діаконалисса, дѣвственница, пѣвецъ, чтець, икономъ, коневрачъ (*ἰπποατρῆς* л. 4, № 14), икодомъ (*οικοδομῆς* л. 4, № 6 = *строитель*). *Ἰπποατρός* извѣстное въ позднее время, у классиковъ не встрѣчается. (*Thes. l. G.* подъ этимъ словомъ). *Οικοδομῆς* любопытно тѣмъ, что, принадлежа классической эпохѣ, удержалось въ византійской письменности болѣе въ смыслѣ домостроительства духовнаго; здѣсь же въ древнемъ смыслѣ строителя зданія. „Всѣ надписи христіанскія“, полагаетъ о. Антонинъ (исключая № 18); —, по характеру письма представляются принадлежащими одной и той же эпохѣ, и такъ какъ, по счастію, на одной изъ нихъ оказалась хронологическая дата, слѣдующая общепринятой въ Македоніи эрѣ, не оставляющая сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ IV вѣкомъ христіанскимъ, то сегодняшнюю находку нашу, не обинуясь, можно назвать „сокровищемъ“. Сличая христіанскія надписи съ языческими, дѣйствительно, убѣждаешься, что ихъ раздѣляетъ небольшой (сравнительно) промежутокъ времени. Начертаніе буквъ въ

¹⁾ Сими указаніями на рукописи житія св. Георгія я обязанъ прое. А. Н. Веселовскому.

первыхъ почти не разнятся отъ послѣднихъ. Недостаётъ въ нихъ только Ω, Σ, и Ε, замѣняемыхъ ω, σ и ε, которыхъ употребленіе встрѣчается, впрочемъ, и въ языческихъ, особенно же въ № 25. Исключительная особенность христіанскихъ есть слитное начертаніе двогласнаго οο въ видѣ ο, хотя наравнѣ съ нимъ (и даже въ одномъ и томъ же словѣ, напримѣръ, ΔΟΥΛΚΙΤΙς) встрѣчается и раздѣльная форма письма¹⁾. (Дальше о матеріалѣ). Выписанныя здѣсь наблюденія опытнаго палеографа вызываютъ вниманіе знатоковъ и любителей эпиграфики. Не могу вступать съ нимъ въ состязаніе, не считая себя достаточно хорошо подготовленнымъ и обстановленнымъ: но не смотря на то, прошу, по поводу Воджскихъ меморій, выслушать одно замѣчаніе, неотвязно меня занимающее. Тотъ самый „меморій“, который, по мнѣнію уважаемаго палеографа, своею лѣтовисною отиѣвкой опредѣляетъ и возрастъ всего открытаго имъ христіанскаго кладбища, онъ-то самый и вызываетъ во мнѣ недоуѣріе—по характеру языка. Надпись начинается съ ΙΧΘΥΣ²⁾. Исследователь говоритъ: „Считать слѣдующія за словомъ ἰχθῦς три буквы χϛ̄ продолженіемъ заключающагося въ немъ тайнаго смысла, мы не находимъ возможнымъ, потому что, если еще съ натяжкой можно въ ϛ̄ предполагать сокращеніе μέγας, то въ χ положительно нельзя угадать никакого таящагося подходящаго смысла, а главное—потому, что самымъ естественнымъ образомъ усматривается въ нихъ хронологическая цифра, дающая 643-й годъ Александровой или Македонской эры, соответствующій 331-му христіанскаго лѣтосчисленія“³⁾. Съ приведеннымъ мнѣніемъ мѣшаешь согласиться языкъ надписи, приведшій въ сомнѣніе и самого отерывшаго ее. „Несовсѣмъ грамотное выраженіе ἔνα.. καὶ τὸ ἔνα“, объясняетъ онъ,—„выдаетъ вполнѣ безграмотную руку писца, не знавшаго, что слово μῆμορίον средняго рода, и что слѣдовало ему писать, вмѣсто ἔνα, ἔν.“⁴⁾. Пишущему эту статью кажется, что здѣсь вопросъ не въ томъ, зналъ ли писецъ, что μῆμορίον средняго рода, или не зналъ этого, а въ томъ—могла-ли въ первой половинѣ IV в. до Р. X. существовать форма ἔνα вмѣсто ἔν, могъ ли кто-либо въ то время сказать или написать: μῆμορία δύο ἔνα (такого-то) καὶ τὸ ἔνα (того-то)?

1) П. въ Рум. 227—228.

2) Позв. въ Р. ст. 216. Сникк. т. 4, № 6.

3) Тамъ же.

4) П. въ Р. пр. 1 въ стр. 214.

Мнѣ кажется, что не могъ; и я не могу отказаться отъ этого мнѣнія, пока не будетъ доказана рядомъ письменныхъ свидѣтельствъ возможность означенной формы и означеннаго словосочиненія въ IV в. нашей эры. Правда, въ пользу древности памятника служить начертаніе письменъ и $\chi\theta\omicron\kappa$: но не могло ли то и другое являться изъ подражанія болѣе древнимъ памятникамъ? Которому же признаю дать предпочтеніе въ настоящемъ случаѣ: формамъ ли языка, больше или меньше исторически обследованнымъ, или такому сочетанію буквъ ($\chi\mu\gamma$), которое, какъ число—невѣроятно, а какъ монограмма—загадочно? Итакъ, если меморій съ начальнымъ $\chi\theta\omicron\kappa$ значительно позднѣе IV в., то по всей вѣроятности, и прочія христіанскія надгробія, открытыя нашимъ археологомъ въ Воденѣ, сходныя съ упомянутымъ по характеру письменъ, не могутъ принадлежать къ IV в., а должны относиться ко времени значительно позднѣйшему.

Изъ написей, найденныхъ и списанныхъ въ Тресковцѣ, особенно интересны двѣ языческія: на одной Аполлонъ Этевданискъ, на другой Аполлонъ Этевданъ¹⁾. Автору не удалось объяснить что прозвище: мы также отказываемся отъ всякаго толкованія о немъ. На написи, гдѣ упомянутъ царь Стефанъ, относимой по тому арх. Антониномъ не раньше 1333 г., и нѣкто Николай Тосуй ($\theta\omicron\sigma\gamma\upsilon\iota\varsigma$), сохранившіяся въ предпоследней строкѣ семь буквъ: $\text{I}\Delta\Delta\text{N}\text{A}\text{P}\text{H}$, я думаю, составляютъ середину слова (μ)λλισαρχή(σων), означающаго монету въ двѣнадцатую долю солида. Здѣсь это слово, вѣроятно, во множ. ч., но не видать, въ какомъ падежѣ²⁾. Въ славянской написи о Дабиживѣ (1362 года) читается „енохияръ“, что авторъ производитъ изъ греч. $\omicron\upsilon\nu\chi\omicron\alpha\rho\eta\varsigma^*$ = виночерпій, или изъ $\eta\nu\chi\omicron\alpha\rho\eta\varsigma^*$ = конюшій, давая предпочтеніе первому словопроизводству³⁾. Не зная такихъ словъ въ греческомъ языкѣ, мы обозначили ихъ звѣздочкой, какъ догадки о. Антонина. Нѣчто подобное первому, быть можетъ, и найдется (слич. $\omicron\upsilon\nu\chi\epsilon\iota\omicron\nu$ у Дюканжа).

Въ Старомъ Прилѣпѣ (= селѣ Варошѣ) описаны три церкви, которыхъ построеніе авторъ относитъ къ XIII — XIV вв.: это мнѣніе основано на томъ, что церкви сіи видимо принадлежатъ къ одному и тому же времени, а въ одной изъ нихъ, церкви св. Николая, на

¹⁾ П. въ Р., стр. 333. Снимк. л. 5, въ 4 ряду.

²⁾ Тамъ же, стр. 335. Снимк. л. 5, въ 4 ряду.

³⁾ Тамъ же, 337—338.

чертано: ἐκ βῆθρου ἀνεγέρθη... εἰς Νοεμβρίου...=, съ основанія воздвигнута въ 6807* (= 1299 г.)¹⁾. Христіанская греческая надпись, святая въ Христофоровомъ монастырѣ, гласитъ, по чтенію и истолкованію арх. Антонина, „окончій, случившейся въ ноябрѣ мѣсяцѣ, нѣкоего Марка, по поводу чего и признаются святые апостолы и ученики принести молитву владыкѣ Спасу Христу о (упокоеніи) души его“. Нельзя не согласиться съ такимъ объясненіемъ въ общемъ его смыслѣ; но въ частности есть затрудненіе, вслѣдствіе искаженнаго состоянія надписи. Послѣднія слова ея по снимку:

ΠΡ.. ΕΓΟΝΤΕ
ΑΗΝΑΙΤ... ΥΧΗ..
ΑΥΤΟΥ

Перепись нашего палеографа значительно подвигаетъ дѣло: κρ(αβ)ῶοντα(ς)... αἴψα τ(ήν) ψυχ(ήν) αὐτοῦ. Толкованіе же „объ упокоеніи“ навело меня на чтеніе (δ)αἴψα= „научиться, познать“. Моленіе о томъ, „чтобъ душа его пришла къ познанію“ (Господа, въ посмертномъ своемъ состояніи). Полная ὑψος, ἐπίρυσος Вога, по апостолу, является лишь послѣ смерти (1 Кор. 13, 2). Поэтому предлагаемое нами восполненіе текста и графически, и по значенію кажется намъ подходящимъ²⁾.

Въ самомъ городѣ Витоля (стр. 365), въ саду митрополита, списана слѣдующая прекрасная надпись:

ΑΥ. ΙΟΥΔΙΑΝΟΣ
ΑΥ. ΑΜΙΑΝΤΗΝ
ΣΥΜΒΙΟΝ
ΙΣΑΡΤΕΜΙΝ
ΑΝΕΘΗΚΟΝ
ΚΑΤΑ ΚΕΛΕΥΣΙΝ
ΤΗΣ ΘΕΟΥ

Переводъ списавшаго: „Ав(релій) Юліанъ Ав(реліу) Амiанту сожительницу, равную Артеמידѣ. Воздвигъ по повелѣнію богини“. Ἰσάρτεμιν въ томъ видѣ, какъ это слово находится на плитѣ, конечно, значитъ: „равную Артеמידѣ“. Не смотря на то, научный скептицизмъ переводчика назвалъ его самого

¹⁾ П. въ Р., 346. См. планы и рисунки церквей на л. 8.

²⁾ П. въ Р., 363. Снимк. л. 5, рядъ 5.

на сомнѣніе въ вѣрности такого пониманія, въ данномъ случаѣ: „Могъ бы кто-нибудь“, продолжаетъ онъ, — „отъ такого ревниваго божества ожидать скорѣе казни новой Ниобѣ, дерзнувшей сравняться съ нимъ, чѣмъ ласки и почести. Развѣ предположить, что къ вѣку Авреліевъ и Аврелій и самыя божества колоніальной Греціи присмирѣли и сдѣлались человѣчнѣй подъ римскою ферулой“. Но сомнѣніе, высказанное толкователемъ, натолкнуло насъ на другое предположеніе: мы читаемъ „εἰς Ἄρτεμιν ἀνέθηκον“ = „я посвятилъ Артемидѣ“ (то-есть, мою сожигательницу). Рѣзчикъ вырѣзалъ, какъ произносится: ἱσαρτεμιν = εἰς αρτεμιν. Замѣна же дат. падежа, въ которомъ слѣдовало бы поставить лицо, которому сдѣлано посвященіе, винительнымъ съ предлогомъ εἰς—дѣло очень простое во II в. нашей эры; вѣдь и ἀνέθηκον не по аттически. При такомъ ἀνέθηκα, какъ мы его разумѣемъ, не приходилось бы супругу опасаться гнѣва ревнивой богини¹⁾. Есть еще двѣ очень интересныя языческія греческія написи²⁾: на первой изъ нихъ упомянуто о завѣщаніи Веттія Филонова, по коему онъ предоставилъ совѣту города право получать проценты съ опредѣленнаго капитала (на ней 243 г. Мак. = 70 л. до Р. Хр.). Въ написи о Фронтонѣ Діонисіевѣ отмѣтимъ порядочный неологизмъ окончаніе ες, а не ες въ τοὺς κλειούς, заставляющій жалѣть, что годъ ея подлежитъ сомнѣнію.

Ближайшее разсмотрѣніе написей, снятыхъ о. Антонинномъ, ихъ переписи, ихъ объясненія, выводовъ, сдѣланныхъ имъ изъ своего новаго запаса, покажетъ высокое значеніе этого труда.

Въ разбираемомъ сочиненіи многихъ читателей привлечетъ къ нему высказанное авторомъ живое сердечное сочувствіе къ необходимости водворенія среди населенія славянскаго церковной службы на церковно-славянскомъ языкѣ. И въ школѣ славянской желаетъ онъ находить азбуку, а не алфавитарій. Взглядъ свой по этимъ вопросамъ проводить онъ черезъ весь свой трудъ сильно и настойчиво, по временамъ даже рѣзко. Все это вполне понятно, особенно когда вспо-

¹⁾ П. въ Р., с. 365; Снимк. л. 5, рядъ 7. Объясненія о. Антонина и наши останутся совершенно непонятными для читателя, который ограничится транскрипціей, находящеюся въ текстѣ о. Антонина, и не посмотритъ на самый его снимокъ. Въ текстѣ пропущено ΙΣΑΡΤΕΜΙΝ. Г. Сырку вѣрно прочелъ εἰς Ἄρτεμιν, но невѣрно приписалъ о. Антонину чтеніе ἱσ(η)ν Ἄρτεμιν, котораго о. Антонинъ и не предлагалъ, и не могъ предложить.

²⁾ П. въ Р., ст. 366, 370; Снимк. л. 6.

³⁾ П. въ Р., с. 372; снимк. л. 5, рядъ 5.

нимъ, что все это писалось еще въ 1865 г. Мы смотримъ на сдѣланныя авторомъ наблюденія надъ всѣмъ имъ видѣннымъ, какъ на одинъ изъ источниковъ, изъ которыхъ будетъ черпать, и къ которымъ критически отнесется будущій историкъ болгарскаго возрожденія. Многосторонняго разсмотрѣнія и систематическаго изложенія означенныхъ вопросовъ, равно какъ и другихъ съ ними смежныхъ, болѣе или менѣе затрагивающихъ идею славянскихъ національностей, — мы здѣсь не находимъ; да несправедливо было бы и искать этого въ дневникѣ. Откровенныя же признанія, даже сердитыя выходы гораздо явственнѣе высказываютъ и положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и личное настроеніе русской души всѣми уважаемаго лица, нежели вѣчныя недомолвки, отъ которыхъ вѣтъ неправдой.

Гавриилъ Дестунисъ.

Приписка о Александрѣ Великомъ у старої сръбскої књижевности. Критичен текст и расправа од Стојана Новаковича. У Београду. 1878.

Какъ на Руси, такъ и у Сербовъ, исторія объ Александрѣ Великомъ („Александрія“) была въ старину одною изъ любимѣйшихъ книгъ народнаго чтенія. Интересное ея содержаніе, удовлетворявшее во многомъ любознательности пытливаго ума, было одною изъ главныхъ причинъ ея распространенности у народовъ Азии и Европы. При скудости свѣдѣній о народахъ и природѣ разныхъ странъ, средневѣковый читатель могъ найдти здѣсь этнографію, исторію и географію неизвѣстной ему части свѣта, и притомъ еще обставленную романическимъ колоритомъ. Эта завлекательность „Александріи“ должна быть принимаема въ расчетъ при возникновеніи различныхъ редакцій ея — у Славянъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ.

Ко времени появленія „Александріи“ въ славянскихъ литературахъ, первоначальная основа ея, восходящая, — по вѣрному замѣчанію А. Н. Пыпина — къ ближайшему времени самой эпохи Александра Великаго и состоявшая сперва изъ разказовъ о геройскихъ подвигахъ и удивительныхъ странствованіяхъ Македонскаго царя, которые уже въ то время приняли отчасти легендарный характеръ, мало по малу приобрѣла ту форму, которая, понятно, стала мало походить на ея первообразъ ¹⁾. Въ этой позднѣйшей формѣ находимъ смѣшеніе элемен-

¹⁾ А. Н. Пыпинъ, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 32.

товъ языческихъ съ христіанскими. На ряду съ именами языческихъ боговъ и героев поставлены христіанскій Богъ и библейскія лица. Такъ, Македонскій царь Филиппъ, возвратившись изъ своего далекаго похода въ Азію въ Филиппополь, по случаю вѣсти о рожденіи дотогѣ безплодною женой его Олимпиадою сына Александра, привѣтствуетъ своего наслѣдника слѣдующими словами: „Радуйся, второй прекрасный Іосифе, второй храбрый Ахиллесъ! Ты иждъ дарованъ; всякъ даръ совершенъ исходитъ отъ Бога“ ¹⁾. Но кто первоначально сообщилъ ему эту вѣсть? языческій богъ Аммонъ; когда Филиппъ былъ еще въ Азіи, этотъ богъ явился ему во снѣ и повѣдалъ ему о томъ ²⁾. По повѣсти однако выходитъ, что настоящій отецъ Александра есть Египетскій царь Нектенабъ, и этотъ царь, умирая отъ руки своего сына Александра, объявляетъ сыну: „Я отхожу, сынъ мой Александръ, въ адъ, въ подземную, гдѣ всѣ эллинскіе боги заключены великимъ богомъ Саваоомъ“ ³⁾.

Ко времени появленія „Александрія“ въ славянскихъ литературѣхъ, образовались двѣ редакціи ея—греческая и латинская, которыя распространились и у Славянъ: первую приняли восточные Славяне, а вторую—западные. Въ настоящей статьѣ приходится говорить только о греческой редакціи, перешедшей въ литературы болгарскую, русскую и сербскую. Греческая редакція первоначально появилась у Славянъ въ болгарскомъ переводѣ, который перешелъ въ Россію и Сербію ⁴⁾. Времени возникновенія этого болгарскаго перевода можно полагать вторую половину XII в. или первую XIII в., но никакъ не раньше и не позже. Доказательство тому, что раньше—напримѣръ, въ половинѣ XI в.—не могъ явиться этотъ переводъ, мы имѣемъ въ томъ фактѣ, что онъ неизвѣстенъ нашему лѣтописцу Нестору; Несторъ,

¹⁾ По изд. проф. Янча въ кн. III Starin., стр. 226.

²⁾ Ibid., стр. 225.

³⁾ Ibid., стр. 228. Кроме того, въ уста языческихъ царей впадаютъ изреченія премудраго Соломона, см. стр. 233, 234, 254, 264, 281 и др.

⁴⁾ Извѣстны три текста греческой редакціи. Г. Новаковичъ въ предисловіи къ своему изданію сербской Александріи ставитъ вопросъ: по какому изъ трехъ греческихъ текстовъ, принятыхъ во вниманіе издателемъ К. Миллеромъ въ XXVI кн. *Scriptorum graecorum bibliotheca*—древнѣйшему ли, съ началомъ IX в., или двумъ позднѣйшимъ, изъ которыхъ каждый представляетъ въ себѣ отлечія,—сдѣланъ славянскій переводъ?—и отвѣчаетъ, что по виду греческаго текста можно опредѣлить вѣкъ возникновенія славянскаго текста (стр. V). Но, вѣдь, славянскій переводчикъ имѣлъ одинаковую возможность въ позднѣйшее время воспользоваться спискомъ древнѣйшимъ или позднѣйшимъ.

говора о нашествіи Половцевъ въ 1096 г. и о дивномъ чудѣ въ Югрѣ, заимствуетъ свой разнасъ о нечистыхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ Мамадожскимъ, не изъ псевдо-Каллисеева въ болгарскомъ переводѣ, а изъ Мееодія Патарскаго. Какъ это могло случиться? Вполнѣ основательны слова А. Н. Пыпина: „Можно было бы ожидать, что лѣтописецъ нашъ, говоря о народахъ, заключенныхъ Александромъ, сослался бы на псевдо-Каллисеева, если бы дѣйствительно Александрія наша была современна переводу Малали, — потому что это преданіе очень тѣсно связано съ дѣяніями Александра“¹⁾. Не въ слѣдующихъ вѣтвяхъ словахъ того же изсѣдателя: „Слѣдовательно, называя Мееодія Патарскаго, онъ или выражаетъ свое предпочтеніе къ его авторитету, или же простое незнаніе „Александрія“, которая въ то время еще не появилась въ русской письменности“²⁾, нельзя не видѣть нѣкотораго противорѣчія: пресвитеръ Григорій перевелъ греческую хроникку Малали вмѣстѣ съ псевдо-Каллисеевомъ; славянскимъ переводомъ этой хроникки пользуется Несторъ, но однако ему неизвѣстно происхожденіе псевдо-Каллисеева „Александрія“. Доказательство тому, что болгарскій переводъ „Александрія“ не могъ явиться позже первой половины XIII в., мы находимъ въ томъ фактѣ, что переводъ этотъ уже внесенъ въ лѣтопись Переяславля Суздальскаго, писанную 1261 г.³⁾

Но кромя этого болгарскаго перевода, на Руси извѣстенъ былъ и сербскій переводъ. Уже Востокъ, разбирая одинъ сербскій и русскіе списки „Александрія“, указалъ на то, что послѣдніе происходятъ изъ сербской редакціи⁴⁾; самый сильный доводъ въ пользу этого мнѣнія — присутствіе въ русскихъ спискахъ объясненій греческихъ словъ сербскими. Такъ, въ сербскомъ спискѣ № 175 (въ Румянц. муз.) читаемъ: Александръ основалъ одинъ городъ и нарече имя ему Драмъ, по сербскому же языку наречется потчища“⁵⁾; въ русскихъ спискахъ, напримѣръ, въ Погодинскомъ сборникѣ Импер. Публичной Библиотекки, XVII в., № 1172, на л. 225, читаемъ: „градъ же ту созда и нарече имя ему Драмъ, иже по сербскому языку потчищу наречется“⁶⁾;

1) Очеркъ, стр. 46.

2) Ibid.

3) Предисловіе князя Оболенскаго къ изданію лѣтописца Переяславля Суздальскаго.

4) Опис. рип. Румянц. муз., подъ № 175.

5) См. также изд. проф. Яича Star. III, стр. 229—230.

6) А. Н. Пыпинъ, Очеркъ ист... стр. 29.

а въ одномъ спискѣ слово „сербскій“ измѣнено, по невѣжеству писца, на „сибирскій“ (по сибирскому языку). Подобныя объясненія греческихъ словъ сербскими не единичны, а потому не могутъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что составитель сербской редакціи былъ Сербъ; переводилъ онъ прямо съ греческаго подлинника, какъ это доказали сначала проф. Ягичъ ¹⁾, а затѣмъ проф. Новаковичъ. Послѣдній сказалъ послѣднее слово о сербской редакціи „Александрія“. Г. Ягичъ въ предисловіи къ своему изданію „Александрія“ писалъ: „Не можемъ отвѣчать на вопросъ—всѣ ли извѣстные сербскіе списки представляютъ одну и ту же редакцію“ ²⁾. Г. Ягичъ, значить, оставался еще при мнѣніи, высказанномъ имъ въ „Исторіи сербско-хорватской литературы“, что возможна сербская „Александрія“, какъ списокъ съ древняго болгарскаго перевода, на ряду съ чисто-сербскою редакціей, представляющею прямой переводъ съ греческаго подлинника.

Такое мнѣніе совершенно вѣрно. Напротивъ того, г. Новаковичъ, признавъ точно также двѣ редакціи перевода „Александрія“ въ сербской письменности—старую и новую ³⁾, рѣшительно высказался въ пользу самостоятельности сербскаго перевода каждой изъ нихъ. Уважаемый ученый устранилъ нѣкоторое проглядывающее въ вышеприведенныхъ словахъ профессора Ягича недоумѣніе, но самъ слишкомъ увлекся, когда говоритъ о невозможности перехода болгарскаго перевода „Александрія“ въ Сербію. Основанія для подобнаго мнѣнія г. Новаковича не вполне убѣдительны: полного вліянія болгарской литературы на сербскую до XV в. отрицать нельзя, — мнѣніе это, кажется, не нуждается въ особнхъ доказательствахъ. Держась такого воззрѣнія на этотъ предметъ, мы считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что составитель „жизія“ короля Степана Дечанскаго, первый продолжатель труда архіепископа Давида, при замѣтываніи своихъ цитатъ изъ „Александрія“, долженъ былъ пользоваться болгарскимъ переводомъ „Александрія“, занесеннымъ въ Сербію. Если же принять, напротивъ, самостоятельность сербскаго перевода этой старой редакціи, то на кого изъ сербскихъ книжниковъ XIV в. могли бы мы указать, какъ на автора этого перевода? Главные сербскіе дѣятели на поприщѣ письменности въ первой половинѣ XIV в.—архіепископъ

¹⁾ Star., II, 1871 г., стр. 213—215.

²⁾ Ibid., стр. 208.

³⁾ См. его предисловіе къ изд. Александрія, стр. XXII.

Никодимъ и Даниилъ II, не могли взятъся за этотъ переводъ. Желая устранить разногласіе мнѣній, мы обратили вниманіе на сличеніе цитатъ въ „житіи“ Степана Дечанскаго (по „Родослову“) съ редакціями болгарскою и сербскою; но работа эта ни къ чему не привела, такъ какъ составитель „житія“ не цитировалъ „Александрію“, а лишь ограничился, такъ сказать, однимъ общимъ впечатлѣніемъ, какое онъ самъ имѣлъ, отъ чтенія этой повѣсти: изъ рѣчей, приведенныхъ въ „Александріи“, мы не находимъ въ „житіи“ ровно ничего. Имѣемъ право, поэтому, полагать, что составитель не особенно близко былъ знакомъ съ нею: одна ссылка на источникъ, безъ полного пользованія имъ, не свидѣтельствуетъ о настоящемъ знакомствѣ съ нимъ.

Самостоятельный сербскій переводъ „Александріи“ съ греческаго подлинника могъ появиться скорѣе всего въ періодъ усиленной литературной дѣятельности у Сербовъ, въ правленіе миролюбиваго деспота Степана Лазаревича (1389—1427 гг.).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о самой „повѣсти“ и о времени ея появленія въ сербской литературѣ, обратимъ вниманіе на самый текстъ ея, какой читаемъ въ изданіи профессора г. Новаковича. Признать его вполне удовлетворительнымъ нельзя. Цѣль настоящей статьи — указать замѣченныя нами невѣрности въ текстѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, сравнительно съ чтеніемъ дерптскаго списка „Александріи“, копія коего хранится въ Москвѣ въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 175. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что указываемъ лишь такія отличія, которыя или измѣняютъ смыслъ, или представляютъ болѣе старое чтеніе.

Въ дерптскомъ спискѣ читаемъ: „Елдамской отоць обладаше“ (л. 1), чему въ изданіи проф. Новаковича соотвѣтствуетъ: „еладскимъ островомъ обладающагоу Філіппоу...“

Можно принять чтеніе дерптскаго списка въ разказѣ о томъ, какіе народы составили союзъ противъ волхва-царя Нектенава: „Вѣкъ же свѣщали овѣи езицы на Нектенава Перси, Ивери, и Арапи, и Абѣяни, Виошѣ, и Елапи, и иние вѣсточни овѣци“ (л. 2), тогда какъ въ текстѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, читаемъ: „Переціи, Ивери, Біане, Арапи, Іегнопіа, Гелаги“ и пр. (л. 2)¹⁾. Этими устраняется загадочное названіе народа—Кіанъ.

¹⁾ Свидѣнія этого нѣтъ въ Михаевичевомъ спискѣ № 31, хранящемся въ настоящее время въ библиотекѣ Юго-Славянской академіи въ Загребѣ.

Въ изданіи г. Новаковича читаемъ, что на извѣщеніе Вербеха (Верверья, по дерптск. сп.) о движеніи на Египетъ царя Дарія съ другими восточными царями, Нектенавъ отвѣтилъ: „ти оубо вѣрною ти работоу добръ съвршилъ еси, о нашествіи Іезръксена краля на Іегуптъ и вѣсточ'ныхъ царь“ (стр. 4), то-есть, замѣчается несоотвѣтствіе въ обозначеніи именъ, чего нѣтъ въ дерптскомъ спискѣ: „добро сътворилъ еси понеже въвѣстилъ еси мнѣ дошавшіе црѣа Дарія и дрѣгихъ вѣсточныхъ црѣа“ (об. л. 2) ¹⁾.

У Новаковича (Нектенавъ): „вълнебную леканомать начать творити“ (стр. 4; чего нѣтъ въ сп. Михановича, № 31); въ дерптск. сп.: „въховно врачеваніе сътвори“ (л. 3) ²⁾.

Въ описаніи образа бога Аммона по тексту, принятому въ изданіи проф. Новаковича, читаемъ: „крилоути же грѣпсови, алети и чръни“ (стр. 7; въ Миханов. сп. № 31, стр. 4); но въ спискѣ дерптскомъ чтеніе болѣе вѣрно: „крила Грифова злата и червлена“ (л. 5).

Въ изданіи г. Новаковича читаемъ, что Александръ „олиадоу и ок'соу (въ Миханов. сп. — отлнсно) за годиште наоучи“ (стр. 10), а въ дерптск. сп.: „научивься Иліадѣ и Сидію за годище“ (об. л. 6).

Вмѣсто неяснаго слова въ рѣчи Аристотеля къ Александру, по изданію г. Новаковича: „Фер'нире Алексан'дре, аште царь на земли наречеши се“ (стр. 11), въ спискѣ дерптскомъ имѣемъ: „ѿ крабриа Александрѣ“ и пр. (об. 7).

Вмѣсто читаемаго у г. Новаковича: „отъ вигоже (Нектенава) наоучи (Александръ) хожденія небеснаа. Ёі живот'ныхъ и ѿ планитъ, сль'ноу, лоу'ноу и лоу'ноу извѣсте, акинось, снеронось, афро-диги'еръ идол'ноумъ ира; сиа же на кседесъ оуписан'на бѣхоу по подобію“ (стр. 12), въ дерптскомъ спискѣ имѣемъ: „... б'лице и л'н'н'н'зна наинтій сърасонь, Арисъ, Авродитъ, Ермисъ, и вса сіа на да сце ношане, оуписанно же бѣше всако по своемъ редѣ“ (л. 7—8).

Въ изданіи г. Новаковича читаемъ: „бехоу (Елиношъ игри) сице: олимп'біа, и стан'іа, емеа, посидона“ (стр. 15), а въ дерптск. сп.: „бѣхѣ сице: С'лимп'біа, Истем'ія, Емеа и Сидона“ (л. 10).

Вмѣсто неяснаго въ изданіи г. Новаковича выраженія: „Тоу же

¹⁾ Нѣтъ въ спискѣ Михановича.

²⁾ Въ сп. Михановича совсѣмъ иное чтеніе.

Александръ пришѣдъ съ неглиторьскими витезема борити се въручи, Лаомедоушемъ же и Калистеноушемъ, онъ же съ воеводою своимъ Потоломеемъ" (стр. 15),—въ дерптск. сп. читаемъ: „тѸ (на мѣста игрѣ) Александръ пришѣдъ, и повелѣ витезомъ своимъ биѣшсе на немъ ЛаомедошѸ и КалистенашѸ" и пр. (л. 10).

Въ изданіи г. Новаковича число убитыхъ Александромъ Македонскимъ Куманъ обозначено: „и тисоушть" (стр. 17), а въ дерптск. сп.: „кѣ тисѸщъ" (об. л. 11); но въ послѣднемъ не обозначено число убитыхъ Македонянъ.

Въ изданіи г. Новаковича нѣтъ слѣдующихъ строкъ: „и Македоняне тѸ (у трупа царя Филиппа) стоеще рѣше, тако да бѸдетъ въсемъ противляющимся АлександрѸ, Слимбѣада же тѸ стоеще плакашесе горко; тѣло же Филиппово (на златомъ шдре положише)" (л. 13); ср. стр. 19 изданія г. Новаковича.

Въ изданіи г. Новаковича: „къ Филипоустоу брати се рече" (стр. 20), вѣрнѣе въ сп. дерптск.: „къ ФилиппѸсѸ градѸ събиратисе повелѣ (Александрѣ) (об. л. 13).

Въ рѣчахъ главныхъ представителей народа на собраніи, созванномъ Александромъ послѣ смерти Филиппа, Александръ титулуется „кралемъ" по изданію г. Новаковича (стр. 20—21), а въ дерптскомъ спискѣ онъ называется „царемъ" (об. 13—14).

Въ изданіи г. Новаковича „Римъ же на оп'кине дрѣжаше се, такоже и Аевтане" (стр. 32), въ сп. дерптск.: „Римъ же на велико съдрѣжашесе якоже и Аевна" (л. 23).

Въ отличіе отъ текста г. Новаковича, въ которомъ сказано, что жители Рима поднесли Александру „блюдь самотвор'нихъ тисоуштоу и двѣ сти" (стр. 33), въ сп. дерптск., какъ и въ Михановичевомъ ¹⁾, сказано: „изнесоме емѸ кѣ. блюдь самотворнихъ Ѡ кѣ. камень многоцѣвнихъ" (л. 24). Послѣднее чтеніе вѣрнѣе, ибо соотвѣтствуетъ дальнѣйшему разказу.

Въ спискѣ дерптскомъ есть слѣдующее мѣсто: „Александръ же ѿ семь (дарахъ Римлянъ и другихъ западныхъ царей) Ѹмилисе, и повелѣ имъ дани дати ²⁾ за кѣ лѣтъ, и войскъ ѡрѸжнѸю повелѣ дати имъ, Лаомеда же нѣкоего приснаго своего и вѣрна дрѣга въ Римъ прѣа постави, и всѣмъ западнымъ прѣмъ послушати его повелѣ,

¹⁾ Подъ строкой въ изданіи Новаковича выдержка изъ него (стр. 33, сноски ⁴⁾.

²⁾ Въ спискѣ описки—дани.

злата же многа и войски великіе Ѡтѣдѣ съвѣзамъ, на южные Ѡстр'мисе страны" (об. л. 25); въ изданіи г. Новаковича изъ начала приведеннаго здѣсь мѣста кое-чего нѣтъ, а вмѣсто южные стоятъ: „на оучеш'коу землю" (стр. 35).

Въ изданіи г. Новаковича читаемъ: Александръ дошелъ „до Окіана рѣкъ... и трехъ рѣкъ иже в'соу землю обгичють" (стр. 35), а въ дерпск. сп.: „до Окіана моря приспѣвъ, иже всѣ обгичеть землю" (л. 26) ¹⁾.

Вмѣсто „къ стране придиской (фаридиской—сп. Михаи.) приде" (Александръ), въ изданіи г. Новаковича (стр. 37), — въ дерптск. сп. читаемъ: „къ фридидской възратисе земли" (об. 27). Минерва въ спискѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, названа кралицею (стр. 39), въ спискѣ Михаиновича госпожею (ib.), а въ дерптскомъ богинею: „Извесоме емѣ на иконѣ Ѡписанъ образъ богине Менерве" (об. л. 28).

Согласно съ Михаиновичевымъ спискомъ, въ дерптскомъ сказано, что Александръ Македонскій пробылъ внѣ предѣловъ Македоніи 17 лѣтъ (стр. 41).

Согласно съ Михаиновичевымъ спискомъ, и въ дерптскомъ въ письмѣ Египтянъ къ врачу Александру Филиппу добавлено, что за отравленіе Александра онъ будетъ много награжденъ. Прибавку эту г. Новаковичъ счелъ бессмыслицею ²⁾, но въ то же время текстъ дерптскаго списка представляетъ нѣсколько иной вариантъ: „аще Александръ врачевнымъ и ядовитымъ биликмъ Ѡморіши, всемѣ Египтѣ цр'а сътворити те имамы, и Ѡ Даріа велми почтень бѣдеши" (об. л. 37) ³⁾.

Въ изданіи г. Новаковича: „Алексен'дръ рече прѣстати рвани" (стр. 52); въ рѣше въ сп. дерптск.: „Александръ же рванію престати повелѣ" (л. 39).

Въ изданіи г. Новаковича читаемъ: „Даріе же призва воєводу великаго, Миман'доу именовемъ, и въ нѣмоу рече: шесть (ств) тисоунтъ въз'мь избран'ныхъ Пер'сы и двѣств' тисоунтъ Мид'ны (и. б. тисоунте Етиопъ) и. д. ста тисоунтъ пешецъ стрѣльць" (стр. 54), а въ дерпск. сп. имѣемъ слѣдующее чтеніе: „Даріе же великии цр'ь призвавъ великаго своего воєводѣ Миманта и въ немѣ рече г. сътъ

¹⁾ И въ Михаиновичевомъ спискѣ не говорится о трехъ рѣкахъ (см. подстр. примѣчаніе въ изданіи г. Новаковича (стр. 35).

²⁾ Подстроч. примѣчаніе 12 (стр. 50—51).

³⁾ Ср. стр. 50 въ изданіи г. Новаковича.

тисѹщъ Персъ избранниѹ възамъ, и двѣ тисѹща мидь, и чѣтиреста тисѹщъ съ стрѣлами пѣшьць, и двѣстѣ тисѹщъ Еѳиопъ“ (об. л. 40).

Нѣскольکو отличное чтеніе представляетъ слѣдующее мѣсто въ дерптск. сп.: „Амвись же къ Дарію пришѣдь, и възвѣсти емѹ вса гаже сътвори и како Александръ животь емѹ дарова. Тогда Даріе покимавъ головою своєю и рече: ми елико възможемъ да творимъ, и Амвись рече къ нему: себе работѹ мою мѣчемъ моимъ дѣсь платихъ и животь мой ѿ рѹки Александровы възехъ“ (л. 46) ¹⁾.

Въ изданіи г. Новаковича читаемъ: „Алексѣндрю же въ тоу ношть гави се пророкъ Іереміа съ философомъ Іерусалимскимъ“ (стр. 63), а въ сп. дерптск. „съ Финеесомъ архiereемъ иерлмскимъ“ (об. л. 47).

Въ изданіи г. Новаковича: „Рѣка бо асирскаа всакоу ношть замръзаше“ (стр. 68), а въ дерптск. сп.: „Рѣка бо Арсинойская бѣше такова“ и пр. (л. 42).

Въ изданіи г. Новаковича: „елико очима нашима могохомъ разоумѣти, да д. ста тисоуште тисошть бѣхоу“ (войска Порова) (стр. 69), а въ дерптск. сп.: „елико ѡчима нашима видѣхомъ и тако разѹмѣхомъ до чѣтири тисѹщъ тисѹща бѣше“ (об. л. 53).

Послѣ побѣды Александра надъ Даріемъ, Персы идутъ на поклонъ Александру и говорятъ: „многа гѣта Александрѹ великомѹ, всего свѣта црѹ и Персидскомѹ гѣнѹ, съ дѣщерію Даріевою Роксандою“ по списку дерптскому (об. л. 45) ²⁾, тогда какъ въ изданіи г. Новаковича читаемъ: „И тако приведоше прѣдъ нѣга персидскоу царицоу, съ дѣштерію Роксандою“ (стр. 72).

Вмѣсто слѣдующихъ словъ въ изданіи г. Новаковича „и се рѣкъ мамѣше ихъ“ (стр. 78) въ дерптск. сп. имѣемъ: „Сія жеимъ гѣе льсте ихъ бѣше, яко да не ѹвѣдетъ снѣ (посланіе царя Сенхоса) и ѹстрашетсѣ, и задѹ да не возвратетсѣ“ (л. 50).

Въ дерптск. сп.: „Макари бо по Словѣнскомѹ езикѹ блаженъ наричѹтсѣ“ (об. л. 57), а въ изданіи г. Новаковича: „по сѣрбскомъ кязыкоу“ (стр. 88).

Въ дерптск. сп.: „они же ѡ вьсненіи его много жалостни бѣхѹ“ (об. л. 58), а въ изданіи г. Новаковича: „они же о крѣсманіи его много жалостни бѣхоу“ (стр. 89).

¹⁾ Ср. стр. 61 въ изданіи г. Новаковича.

²⁾ Ошибочно повторена номерация.

Въ спискѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, опущены слѣдующія слова: „поля нѣкоего широка дошдь“ (об. л. 58) (Александръ), на котормъ онъ нашель глубокой ровъ ¹⁾).

Слѣдующее мѣсто въ дерптскомъ спискѣ отличается отъ соотвѣтствующаго мѣста въ изданіи г. Новаковича: „и се рѣкъ (Александръ) воисцѣ направитисе повелѣ без' срдѣжїа, и съ собою х'рѣи и пардосы повести повелѣ, и тако горѣ снѣ съ воискомъ обшдь и ѓ. тисѣщъ людий Ѡ нихъ ѣхвати, и въ станове всѣхъ ихъ приведе“ (л. 61); ср. въ изд. Новаковича стр. 93.

Болѣе соотвѣтствуетъ смыслу рѣчи выраженіе поразихомсе (дерпск. сп., л. 66) вмѣсто сразихом'се (въ изд. Новаковича, 100) въ рѣчи Пора къ вельможамъ, послѣ его пораженія Александромъ: потеря со стороны Пора и Александра обозначена въ дерптскомъ спискѣ нѣсколько различно: „и тѣ Александръ Ѡ Поровеи войске ѣби ѓ.ста тисѣщъ и Ѡ Алеѣандровыхъ падѣ ѣ. тисѣщъ и тако“ (об. л. 66); ср. въ изд. Новаковича, стр. 100.

Разница въ перечисленіи нечистыхъ народовъ, закованныхъ Александромъ: въ дерптскомъ спискѣ читаемъ: „сѣуть же сѣицы тисѣ ихъ же заклопи тамо Алеѣандръ Гоѣ, Имагоѣи, Навагѣсы, Агисѣи, Еѣданихѣи, Диварѣсы, Фотинѣи, Невни, Фарзаны, Климады, Занарты, Оѣгани, Марматїани, Хяхони, Агримарды, Снѣфаги, Углавы, Фардѣи, Насинѣ, Аласинѣ, Фосоникѣи, Салатарї“; въ изданіи г. Новаковича „Насинѣ“ совсѣмъ нѣтъ, если не слѣдуетъ видѣть ихъ въ „Ансинѣи“, которые въ текстѣ г. Новаковича занимаютъ предпоследнее мѣсто; Салатарамъ списка дерптскаго соотвѣтствуютъ въ сп. г. Новаковича Татари; врата, за конми были закованы эти народы, названы въ сп. г. Новаковича „каскѣа врата“, а въ дерптскомъ: „касписка“ (ср. стр. 110 изд. Новаковича и л. 73 дерптск. сп.).

Согласно съ Михановичевымъ спискомъ, и въ дерптскомъ спискѣ Амастронская царица Клеофила названа „Клесфила Кандакїа Амастрїдонска црїца“ (л. 73); ср. изд. Новаковича, стр. 110.

Въ спискѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, не находится въ перечисленіи раздѣловъ Александровой монархіи слѣдующей добавки: „Фи-

¹⁾ Ср. Новаковичъ, стр. 90.

ничѣ же даде Нѣмьчѣю землю и Фрачѣжское господство" (об. л. 85); ср. стр. 126 изд. г. Новаковича.

Нѣтъ въ сп. Новаковича слѣдующаго: „аще ли промысло^{мъ} твоимъ и враче всакого (sic, вм. врачевьского) хитростію, паки сьравняются кола иже сѣтъ сьставы, тогда паки сѣ дшею здравствѣеть, огнь топльѣ обѣ земли сѣсѣ, въздѣхъ хракотина чрна жельчь, огнь и въздѣхъ противное, огнь сьединение, и въздѣхъ земле мокрѣ и обѣ, рода и стѣденѣ и обѣ, а се чѣтиремъ сьставомъ ими^{мъ} члѣвское состоитсѣ тѣло, имѣей ѣмь да разѣмѣеть“ (об. л. 89); у г. Новаковича этому соотвѣтствуютъ только слѣдующія слова: „Аште ли промысломъ твоимъ и врачевскою хитростію паки чѣтири има истьбенеть се кола, кже соутъ сьставы, тог'да паки тѣло сѣ дшею здрав'ствоуєтъ“ (стр. 130).

Во многомъ отличается слѣдующее мѣсто въ дерптскомъ спискѣ: „тогда (послѣ полученія письма отъ матери Олимпиады чрезъ Аристотеля) рече Александръ, блженъ естъ всаекъ члѣкъ, кои слѣша родитель своихъ заповедь, паки рече къ Аристотелю: піши книгѣ и вськоре пошли, да приидеть къ намъ прѣца Улимбиада, и паки да идемо заедно въ Македонію, но мнѣ речено естъ въ веки Македоніе не видети, и тако на убедѣ сѣдоше властелі и енези, всѣхъ по достоянію нареди яко же подобаеть Потоломея, Филона, и Антиоха и Селевѣуша близъ себе посади на шестои степені, Аристотеля же ѣчѣтеля своего посади више всѣхъ, потомъ вьста Аристотель сѣ убѣда и изнесе дари“ (л. 92) Ср. въ изд. г. Новаковича (стр. 134, гл. 22).

Изъ представленныхъ выше указаній можно усмотрѣть ближайшее сходство дерптскаго списка съ Михановичевымъ. Начиная же приблизительно съ главы 22-й по 26-ю (стр. 134 по изданію г. Новаковича), замѣчается различіе въ чтеніи, но не въ содержаніи. Стоитъ для этого сравнить мѣсто, гдѣ разказывается, какъ Александръ Македонскій посмѣялся надъ однимъ персидскимъ вельможею старикомъ, который подкрашивалъ свои волосы и бороду, желая казаться молодымъ (см. у г. Новаковича стр. 136)¹⁾.

¹⁾ Основываемся на нѣкоторыхъ вариантахъ изъ Михановичева списка въ изд. г. Новаковича.

Съ большею или меньшею вѣрностью можно признать подобное же отношеніе и дальнѣйшей части съ 26-й главы (по изд. Новаковича) между спискомъ дерптскимъ и даннымъ у г. Новаковича: различій въ содержаніи нѣтъ. Отмѣчаемъ впрочемъ одно: въ дерптскомъ спискѣ Александрія досталась, по смерти Александра, Птоломею и Филону (л. 105), тогда какъ въ текстѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, она досталась одному Птоломею (стр. 150).

Владиміръ Качановскій.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Травинъ. Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству различнаго рода съемокъ и нивелированія. Съ приложеніемъ XII таблицъ чертежей. Москва. 1880.

Объемистый трудъ г. Травина раздѣленъ на 11-ть главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ описаны инструменты и способы, прилагаемыя къ съемкѣ участковъ большихъ размѣровъ. Въ первой главѣ обстоятельно разбазывается (на 46 стран.) объ устройствѣ, повѣркѣ и употребленіи повторительнаго и простаго теодолитовъ и универсальнаго инструмента. Во второй главѣ изслѣдуются вѣрность градусныхъ дѣленій лимба, верниеры и эксцентричность центра вращенія алидады и алидадныхъ круговъ. Третья глава посвящена производству съемокъ, основанныхъ на триангуляціи. Въ главахъ IV, V, VI и VII излагаются топографическій и геодезическій способы нивелированія, съ описаніемъ относящихся сюда приборовъ. Въ главѣ VIII говорится о топографической съемкѣ и способахъ изображенія неровностей на земной поверхности, а въ IX—о производствѣ глазомѣрной съемки. Въ гл. X разбираются вопросы, рѣшаемые по снятымъ планамъ, и между прочимъ, излагаются различные способы возобновленія межъ. Наконецъ, гл. XI посвящена „перерисовкѣ плановъ, безъ измѣненія и съ измѣненіемъ масштаба“, и описанію пантографовъ. Послѣднія 27 страницъ книги заняты таблицами различнаго рода.

Достоинство труда г. Травина, помимо опрятной внѣшности и отчетливости чертежей, заключается въ полнотѣ содержанія, мѣстами переходящей даже въ излишество; недостатки—въ нагроможденіи ме-

лочей, многословіи и стилистическихъ промахахъ. Не довольствуясь подробнымъ описаніемъ топографическихъ и геодезическихъ инструментовъ, авторъ „Руководства“ нерѣдко входитъ въ мельчайшія изслѣдованія несовершенствъ въ устройствѣ послѣднихъ, прибѣгая при этомъ даже къ помощи дифференціального вычисленія (стр. 150 и др.). Наклонность автора къ многорѣчию и погонѣ за мелочами видна, на примѣръ, изъ статьи „опредѣленіе количества земли, какъ всего пространства (,) изображеннаго на планѣ, такъ и въ отдѣльныхъ угодьяхъ“ (стр. 259—306), статьи, занимающей 32 страницы, не считая 16-ти страницъ, отошедшихъ подъ описаніе планиметровъ. Въ эту статью вошелъ, между прочимъ, и перечень геометрическихъ теоремъ, служащихъ къ опредѣленію площадей наиболѣе употребительныхъ очертаній (§ 160).

Нельзя не замѣтить при этомъ, что растянутостью описаній въ „Руководствѣ“ не всегда обусловливается ясность изложенія. Такъ, на примѣръ, на объясненіе опредѣленія угловъ по способу покойнаго академика В. Струве потрачено 5 страницъ (18—22), даже приложенъ „журналъ наблюденій“, и все-таки, сущность самаго дѣла, дѣла нехитраго, осталась не вполне разъясненной. Ясности изложенія не мало повредили, какъ упомянуто выше, еще и недостатки стилистическаго характера. Такія выраженія, на примѣръ, какъ: „координаты точки, на горизонтѣ которой опредѣляется азимуть (,) вычитать изъ координата точки, для направленія на которую ищется азимуть“ (правило, напечатанное курсивомъ на стр. 89), или: „если длинны межники полосъ кривые опредѣлены промѣромъ линій pp' , qq' , gg' , то...“ (стр. 305),—въ сожалѣнію, не рѣдкость въ книгѣ г. Травина.

Впрочемъ, занимающее насъ сочиненіе, по обилію собраннаго въ немъ матеріала и по общему характеру изложенія, можетъ служить бесполезною справочною книгой для преподавателей землѣмѣрія и нивелировки.

Курсъ топографіи или низшей геодезіи. Составилъ С. Бѣликовъ, корпуса военныхъ топографовъ геодезистъ, штабсъ-капитанъ, преподаватель 3-го военного Александровскаго училища. Часть I. Введеніе. Черченіе плановъ и пользованіе ими. Ч. II. Инструментальная съемка. Съ чертежами въ текстѣ. Москва, 1880.

По заявленію автора въ предисловіи, названное сочиненіе предназначено „не для спеціалистовъ, но для большинства людей, которымъ встрѣчается, или можетъ встрѣтиться, надобность имѣть свѣ-

дѣнія по топографіи“. Предполагая въ читателяхъ лишь элементарныя познанія изъ алгебры, геометріи и тригонометріи, г. Бѣликовъ ограничился въ своемъ „Курсѣ“ изложеніемъ свѣдѣній, необходимыхъ только для пользованія топографическими планами и при производствѣ простѣйшихъ геодезическихъ работъ. Первая часть „Курса топографіи“ посвящена черченію и чтенію плановъ, вторая — „инструментальной съемкѣ“. О черченіи и чтеніи плановъ авторъ говоритъ въ пяти главахъ, изъ которыхъ въ самой обширной, 3-й, занимающей, впрочемъ всего 39 страницъ, разказано о способахъ „изображенія на планахъ неровностей мѣстности“. Изложеніе всей первой части сжатое, но удобопонятное, не смотря на шероховатости, какъ, напримѣръ:

„Изложивъ условія составленія плановъ и картъ, полное опредѣленіе ихъ (условій, или плановъ и картъ?) будетъ заключаться въ слѣдующемъ“ (стр. 5).

„Такъ какъ онѣ (постоянныя величины К и С) зависятъ отъ ея длины (ножки планиметра), то ей дадутъ такой размѣръ...“ (стр. 76).

Отмѣтимъ мимоходомъ и не совсѣмъ точное опредѣленіе „карты“ (стр. 6):

„Изображеніе на бумагѣ горизонтальнаго проложенія значительнаго пространства, составляемое помощю высшей геодезіи(,) называется картою“.

Вторая часть „Курса топографіи“ состоитъ, какъ и первая, тоже изъ пяти главъ: въ первой говорится объ измѣреніи линій на мѣстности и описывается мѣдная цѣпь, тесьма и веревка, стальная лента, эклиметръ и три вида эккерровъ; во вторую, по поводу измѣренія угловъ на мѣстности, вошли описанія нониуса, визирныхъ приборовъ, инструментовъ для опредѣленія вертикальнаго и горизонтальнаго направленій, астролябій; устройство мензулы съ принадлежностями и опредѣленіе посредствомъ ея величины угловъ и положенія точекъ, находящихся на мѣстности, помѣщено въ третьей главѣ, а производство съемки мензулою—въ четвертой; въ послѣдней главѣ трактуется объ измѣреніи угловъ наклоненій, объ опредѣленіи высотъ и значеній горизонталей на планѣ.

Не смотря на сжатость и мѣстами неправильность языка, эта часть „Курса“ читается также легко, какъ и первая. Неправильность языка преимущественно замѣтна тамъ, гдѣ автору приходилось имѣть дѣло съ дѣепричастіями, или нѣкоторыми мѣстоименіями, или съ союзомъ „пока не“:

„Направивъ діаметръ ab на точку D , нить съ отвѣсомъ будетъ находиться противъ дѣленія“... (стр. 9).

.....„Обрашая его (предметное стекло) къ предмету AB ,... внутри трубы получится обратное изображеніе“ (стр. 24).

„Чтобы ориентировать по ней (линии ab) мензугу, становятся съ нею въ одну изъ точекъ данной линіи, положимъ, $A(,)$ и приводятъ ее въ горизонтальное положеніе“... (стр. 48). Въ этомъ нескладномъ періодѣ, словомъ „она“ замѣняется въ первый разъ „линія“, въ послѣднихъ же двухъ—„мензуга“.

...(стр. 3) „давая ему знать, чтобъ онъ подвигался вправо или влѣво до тѣхъ поръ, пока вѣха (не) совпадетъ съ отвѣсной плоскостью“... Такое передвиженіе provádивающихся продолжается до тѣхъ поръ, пока они (не) вступятъ въ такія точки“...

Книжки г. Бѣликова изданы довольно опрятно, но къ сожалѣнію, пущены въ продажу по слишкомъ высокой цѣнѣ (2 р. 15 коп. за 167 страницъ); не оправдываемой даже присутствіемъ въ нихъ 128 чертежей.

Практическое общешкольное руководство къ элементарному изученію начертательныхъ искусствъ, примѣнительно къ курсамъ реальныхъ училищъ, техническихъ, заводскихъ, желѣзно-дорожныхъ и другихъ школъ, въ V отдѣлахъ: 1) геометрическое линейное черченіе съ курсомъ элементарной геометріи и сборникомъ задачъ; 2) ученіе о прозекціяхъ; 3) ученіе о тѣняхъ; 4) перспектива; 5) рѣшеніе геометрическихъ задачъ на мѣстности. Съ приложеніемъ отдѣльнаго атласа чертежей. Оставлено учителемъ 3-й Московской гимназій и Строгановскаго центрального училища технического рисованія *А. Заруцкимъ* и преподавателемъ математики въ 3-й Московской гимназій *К. Тадеромъ*. Москва, 1876.

Авторы названной книги поставили себѣ задачей составить „общепонятное руководство къ элементарному изученію начертательныхъ искусствъ“ примѣнительно къ потребностямъ такихъ учебныхъ заведеній, цѣли, образовательныя средства и программы которыхъ совершенно различны. Въ самомъ дѣлѣ, много ли общаго, у реальныхъ, напримѣръ, училищъ, въ основаніе которыхъ положенъ стройный, вполне законченный курсъ элементарной математики, и заводскихъ или желѣзно-дорожныхъ школъ, преслѣдующихъ, главнымъ образомъ, тѣ или другія спеціальныя цѣли? Только одинаковость названій въ которыхъ предметовъ преподаванія — рисованіе, черченіе, начертательная геометрія и др., излагаемыхъ, смотря по школѣ, въ различныхъ объемахъ, и конечно, по разнымъ методамъ. Ученики реальныхъ

училищъ обязаны относиться вполне сознательно къ проведенію всякой линіи на чертежѣ, отъ нихъ требуется умѣнье объяснить тотъ или другой приемъ въ составленіи рисунка. При этомъ, изящество работы, быстрота выполненія, конечно, не упускаются изъ виду, но они отодвинуты на второй планъ въ общеобразовательномъ заведеніи. Отъ учащихся въ спеціальныхъ школахъ требуются, прежде всего, близкое знакомство съ технической стороной начертательнаго искусства, спорвка, навыкъ, а затѣмъ уже теоретическія познанія въ известномъ объемѣ. Принимая все это во вниманіе, должно признать что составить одно вполне удовлетворительное руководство по какому-либо предмету для заведеній, преслѣдующихъ различныя цѣли, при неодинаковой технической подготовкѣ учащихся, очевидно, дѣло невозможное.

Обращаясь къ труду гг. Заруцкаго и Тадера, отмѣтимъ въ немъ, изъ 5-ти отдѣловъ, четыре (I, II, IV и V), входящіе въ курсъ реальныхъ училищъ, хотя и не въ тѣхъ объемахъ, въ какихъ они изложены упомянутыми авторами. Первый отдѣлъ—„геометрическое линейное черченіе“—подходитъ довольно близко подъ требованіе реальныхъ училищъ, за исключеніемъ, однако, излагаемаго въ немъ курса геометріи, уже слишкомъ элементарнаго. „Ученіе о проеціяхъ“ (отд. II) и „рѣшеніе геометрическихъ задачъ на мѣстности“ (отд. V) изложены въ „Практическомъ общепонятномъ руководствѣ“ ниже, а „перспектива“ (отд. IV) выше требованій реальныхъ училищъ, въ которыхъ проходятся начертательная геометрія и низшая геодезія (землемѣрие и нивелировка); о перспективномъ же черченіи сообщаются учащимся лишь весьма ограниченныя свѣдѣнія. „Ученіе о тѣняхъ“, составляющее III-й и довольно обстоятельно развитый отдѣлъ „Практическаго общепонятнаго руководства“, совсѣмъ не входитъ въ программы реальныхъ училищъ.

И такъ, со стороны содержанія, трудъ гг. Заруцкаго и Тадера, не смотря на указанное выше несогласіе его съ программами, нельзя назвать совершенно непригоднымъ для реальныхъ училищъ.

Взглянемъ теперь на внутреннія его качества. Языкъ „Практическаго общепонятнаго руководства“, говоря вообще, довольно удобопонятенъ, но не чуждъ крупныхъ шероховатостей. Приведемъ примѣры:

Параллелепипедъ названъ въ книгѣ гг. Заруцкаго и Тадера параллелоипедомъ (стр. 169, 358, 362).

На стран. 77 напечатано: „Построить многоугольникъ, подобный данному многоугольнику ABCDEF, положимъ (,) для прим. (,) въ

$\frac{1}{2}$ его (?) величины“. Задача формулирована неясно, и только изъ приложеннаго къ ней рѣшенія можно догадаться, что слова „его величины“ относятся къ длинѣ триметра даннаго многоугольника.

На стран. 117: „.... въ такихъ случаяхъ (то-есть, когда чертежъ назначенъ для практической цѣли) необходимо имѣть чертежи, которые представляли бы совершенно изображенное на нихъ, со всѣми отличіями геометрическихъ формъ каждой части предмета въ точнѣйшихъ ея измѣненіяхъ“.

На стран. 153: „Затѣмъ, послѣ объясненія учителемъ назначенія и размѣровъ предмета, который ученики будутъ чертить, предлагается (?) имъ сдѣлать масштабы, принявши, наприимѣръ, вершокъ за сажень и самъ чертить масштабъ на доскѣ“, и проч.

Подобныхъ выписокъ можно было бы сдѣлать весьма много (см. стран. 15, 114, 129, 248, 359, 366 и др.).

Нельзя не замѣтить, что ясности изложенія „общепонятнаго руководства“ сильно вредитъ неправильная разстановка знаковъ препинанія, изъ которыхъ не посчастливилось преимущественно запятымъ, разбросаннымъ, если судить по многимъ мѣстамъ въ текстѣ, какъ бы совершенно случайно (стр. 129, 202, 204, 232, 251, 275, 281 и мн. др.).

Опечатокъ въ рассматриваемой книгѣ—многое множество (стр. 12, 13, 15, 16, 18, 22, 24, 26, 27 и т. д.). Изъ нихъ особенно неумѣстны, разумѣется, вкравшіяся въ ссылки на §§ и чертежи (стр. 43, 49, 50, 52, 65 и много др.). Вообще, текстъ труда гг. составителей, небогатый литературными достоинствами, изданъ, въ корректурномъ отношеніи, весьма небрежно. О послѣднемъ обстоятельствѣ нельзя не пожалѣть, въ виду серьезности содержанія книги, значительности затратъ на ея изданіе, и въ то же время, явнаго нежеланія даже оговорить хотя бы важнѣйшіе изъ опечатокъ и редакціонныхъ промаховъ.

Перечисленные нами немаловажные недостатки „Практическаго общепонятнаго руководства“ въ значительной мѣрѣ искупаются, по счастью, почти безукоризненно составленнымъ „атласомъ чертежей“, изящно отлитографированныхъ на 48 листахъ плотной бумаги.

А. Г. Гавловскій. Руководство геометрическаго черченія. Одобренное главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, какъ учебникъ для военныхъ гимназій. Курсъ V класса. Черченіе плоскихъ фигуръ. С.-Пб., 1880.

Руководство геометрическаго черченія, составленное по программѣ военныхъ гимназій преподавателемъ геометрическаго черченія въ 1-й С.-Петербургской военной гимназій **А. Г. Гавловскимъ** и одобренное главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, какъ учебникъ геометрическаго черченія въ военныхъ гимназіяхъ. I. Теорія проэкцій. II. Теорія перспективы. III. Построеніе тѣней въ перспективѣ. С.-Пб. 1879.

Какъ первое, такъ и второе сочиненія г. Гавловскаго приурочены исключительно къ программѣ военныхъ гимназій, во многомъ отличающейся отъ программъ геометрическаго черченія и начертательной геометріи реальныхъ училищъ. Такъ, въ курсъ V-го класса военныхъ гимназій не входятъ: построенія оваловъ, іониковъ и спиралей различныхъ видовъ, вычерчиваніе кривыхъ линий при помощи лекаль, спрямленіе окружности круга и рѣшеніе задачъ, относящихся къ нѣкоторымъ случаямъ разыскиванія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ. Всѣхъ этихъ статей нѣтъ и въ той части „Руководствъ“ г. Гавловскаго, которая носитъ заголовокъ „Черченіе плоскихъ фигуръ“, а между тѣмъ онѣ обязательны для реальныхъ училищъ.

Во второмъ сочиненіи г. Гавловскаго, опять вслѣдствіе вышеупомянутой разницы въ програмахъ военныхъ гимназій и реальныхъ училищъ, не нашли себѣ мѣста, между прочимъ, ни свойства касательныхъ плоскостей къ конусу и цилиндру, ни вычерчиваніе винтовъ съ треугольной и квадратной нарѣзками; но за то теорія перспективы изложена въ названномъ сочиненіи подробнѣе, чѣмъ требуется въ реальныхъ училищахъ, и имѣется статья о „построеніи тѣней въ перспективѣ“, не входящая въ программу реальныхъ училищъ.

Впрочемъ, не смотря на все вышесказанное, мы не затрудняемся признать обѣ книги г. Гавловскаго полезными учебными пособиями, между прочимъ, и для реальныхъ училищъ, именно „Черченіе плоскихъ фигуръ“ — для IV и V классовъ, второе же сочиненіе — для VI класса, такъ какъ въ „Руководствахъ“ г. Гавловскаго наибольшая часть матеріала, входящаго въ программы названныхъ классовъ, разработана весьма обстоятельно, ясно и правильно.

Можно посоветовать, однако, почтенному автору, при новомъ изданіи „Руководствъ“, устранить нѣкоторыя неправильности и шероховатости языка, въ родѣ нижеслѣдующихъ:

„Изъ точки С, данной внѣ прямой АВ, провести къ ней (точкѣ?) параллельную“ (§ 17 курса V класса),

„Можетъ случиться, что (.) возставивъ перпендикуляры изъ срединъ линій АВ и ВС, перпендикуляры эти не пересѣдутся“ (Курсъ V класса стр. 26).

„Полученныя прямыя (m, m') есть искомыя“ (стр. 32 въ теоріи проежцій). „Послѣднія есть точки схода“... (стр. 56, тамъ же).

„Въ томъ случаѣ, когда линія... лежитъ въ плоскости..., то общее правило опредѣленіе (α) ихъ слѣдовъ непримѣнимо“ (стр. 25, теор. прож.).

Также нежелательно было бы встрѣтиться въ новомъ изданіи книгъ г. Гавловскаго съ ошибочными равенствами, напечатанными на страницахъ 66 и 70 „Курса V-го класса“, съ искаженіемъ слова, „параллелепипедъ“ (на стр. 40 и 100 теоріи проежцій), а равнымъ образомъ и съ пропускомъ указаній на таблицы, при ссылкахъ на чертежи, впрочемъ, отлично исполненнаго атласа.

Упрощенное счетоводство по русской системѣ. *И. Г. Савелова*. С.-Пб. 1879.

Сущность предлагаемаго г. Савеловымъ счетоводства заключается въ записи всѣхъ торговыхъ операцій однѣми только „цифрами безъ текста“ въ единственную книгу—„книгу счетовъ“, приходо-расходную. Хозяинъ или завѣдующій торговымъ домою предварительно составляетъ занумерованный списокъ счетовъ тѣхъ товаровъ, лицъ и учреждений, которые входятъ въ сферу дѣятельности фирмы. Въ счетахъ, помѣченные присвоенными имъ номерами, записываются, на приходъ или расходъ, всякая запись или торговая операція только цифрами, ибо послѣдними, проставленными въ соответственныхъ графахъ, выражаются не только денежные суммы, но и названія мѣстъ, товаровъ и лицъ, къ которымъ имѣетъ отношеніе произведенная операція. Названія учреждений, товаровъ и лицъ, прикосновенныхъ къ торговой дѣлѣ, замѣняется номеромъ, взятымъ изъ вышеупомянутаго занумерованнаго списка. Всѣ частныя записи счетовъ вносятся, также цифрами, и въ „счетъ торговаго дома“ (собственно, въ „итоги счетовъ“), съ тою лишь разницей, что всякое полученіе суммъ, всякая прибыль или приращеніе наличнаго имущества вписываются въ расходъ торговаго дома, а выдачи, убытки и расходы по торговлѣ—въ приходъ. Вслѣдствіе такого распредѣленія записей, частныя суммы, значащіяся въ расходъ и приходъ лицъ и учреждений, ведущихъ дѣла съ торго-

вой фирмой, входить въ составъ прихода-расходныхъ итоговъ общаго счета послѣдней. Признакомъ вѣрности записей по книгѣ счетовъ служитъ равенство суммы итоговъ всѣхъ частныхъ счетовъ съ итогами въ счетѣ фирмы. Оправдательные документы—накладныя, ордера, ассигновки и т. под.—занумеровываются, для облегченія справокъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, и выставленный на нихъ номеръ вносится, въ книгѣ счетовъ, въ графу „NN документовъ“. Ошибки и утайки въ предлагаемомъ г. Савеловымъ счетоводствѣ могутъ быть открыты безъ особеннаго труда, если хозяева фирмы будутъ внимательно относиться къ своему дѣлу, напримѣръ, аккуратно записывая, хотя бы опять цифрами, всякую торговую операцію, помимо „счета торговаго дома“, еще въ свою памятную книжку.

Прекрасно изданная, хотя и недешевая, брошюра г. Савелова состоитъ изъ краткаго „Введенія“, поясняющаго основную мысль автора, изъ образчика „Памятной книжки“ и образчика „Книги счетовъ“.

Руководство минералогіи для реальныхъ училищъ. Составилъ А. Я. Гердъ. Второе переработанное изданіе. Съ 108 рисунками въ текстѣ ¹⁾. С.-Пб. 1890 г.

Сочиненіе это не представляетъ строго систематическаго изложенія минералогіи; но такъ какъ оно назначается для реальныхъ училищъ, а по учебнымъ планамъ этихъ заведеній (гдѣ вся естественная исторія проходитъ въ 8 уроковъ) курсъ минералогіи полагается не систематическій и сокращенный, то отсутствіе строго систематическаго порядка не можетъ препятствовать разбираемой книгѣ служить руководствомъ въ реальныхъ училищахъ. Расположеніе предметовъ въ ней приблизительно соответствуетъ учебному плану. Именно изложеніе собственно минералогическихъ свѣдѣній начинается съ разсмотрѣнія породъ (Глава V. Строченіе земли. Почва. Понятіе о горныхъ породахъ). Точно также особую главу составляютъ руды и металлы (глава IX). Есть и таблица для дихотомическаго опредѣленія почвъ (стр. 92), минераловъ, входящихъ въ составъ горныхъ породъ (стр. 198—200), и т. п. Наконецъ, сообразно съ учебными планами, авторъ вездѣ указываетъ техническое примѣненіе

¹⁾ Такъ означено на первомъ листѣ; но на второмъ стоитъ: со 150 рисунками въ текстѣ; но оказывается 155 рисунковъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, впрочемъ, соединяются по двѣ по три въ одинъ рисунокъ.

описываемыхъ минераловъ, довольно долго останавливается на добычаніи соли, желѣза и т. п. Въ концѣ книги есть краткій очеркъ горнаго промысла въ Россіи. Въ другихъ отношеніяхъ авторъ дѣлаетъ отступленія отъ учебнаго плана. Именно главы о химическихъ свойствахъ и о кристаллографіи, которыя предполагается проходить въ VI классѣ, стоятъ въ разбираемомъ руководствѣ прежде тѣхъ главъ о породахъ, которыя проходятся въ V классѣ. Да и вообще, объемъ предметовъ, излагаемыхъ въ этой книгѣ, нѣсколько болѣе того, что требуется учебнымъ планомъ. Сверхъ того, есть главы совершенно лишнія; такъ, первая глава (о земномъ шарѣ) относится собственно къ математической географіи, глава—физическія свойства воздуха—къ физикѣ, и т. п. Подобныя перестановки и избытки не представляютъ однако препятствія въ употребленію книги, какъ скоро она въ другихъ отношеніяхъ составлена сообразно со своею цѣлю.

Научный матеріалъ книги можно признать довольно доброкачественнымъ, такъ какъ въ немъ замѣчаются лишь мелкія неточности и не встрѣчается никакихъ грубыхъ ошибокъ. Главное достоинство изложенія автора заключается въ легкости и занимательности, хотя занимательность, какъ, впрочемъ, обыкновенно бываетъ, часто происходитъ изъ интересовъ постороннихъ минералогіи. Авторъ вставилъ даже нѣкоторые разказы, впрочемъ очень идущіе къ дѣлу, наприкладъ, объ обвалѣ горы Россбергъ (стр. 49), описаніе копей Велички (стр. 132) и т. п.; разказы эти напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Вслѣдствіе живости изложенія, книга г. Герда представляетъ многія мѣста, которыя будутъ не просто изучаться, а читаться учениками, что, конечно, нужно одобрить, если при этомъ нѣтъ ущерба сущности дѣла.

Къ сожалѣнію, чисто-научный интересъ не всегда выдержанъ, какъ слѣдуетъ. Такъ, на стр. 12 и 13 очень любопытно разказаны опыты Монгольфьеровъ, но затѣмъ самый принципъ поднятія воздушныхъ шаровъ объясненъ (въ концѣ стр. 18) неудовлетворительно. Аэростаты поднимаются на основаніи такъ-называемаго начала Архимеда, а вовсе не потому, что „шары воздуха падаютъ къ землѣ и вытѣсняють съ дороги болѣе легкія аэростаты“, какъ выражается авторъ. Предположеніе этихъ шаровъ, придуманное авторомъ, не мало не объясняетъ дѣла, а скорѣе затемняетъ его. Между тѣмъ принципъ Архимеда, конечно, долженъ быть отчетливо усвоенъ каждымъ ученикомъ реальнаго училища.

Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснелѣсье (хвойный лѣсѣ). Составилъ *Дмитрій Кайгородовъ*, преподаватель С.-Петербургскаго Лѣснаго института. (Со многими рисунками). С.-Пб. 1880.

Пѣль книги г. Кайгородова состоитъ въ томъ, чтобы познакомить читателей съ хвойными деревьями, растущими въ Россіи и составляющими тотъ лѣсѣ, который нашъ народъ называетъ краснелѣсьемъ. Въ слѣдующемъ выпускѣ авторъ предполагаетъ дать понятіе о чернолѣсѣ¹⁾. Бесѣды написаны для читателей неспеціальныхъ; поэтому авторъ сначала даетъ читателямъ нѣкоторыя общія свѣдѣнія о строеніи и жизни растений вообще и деревьевъ въ особенности, а затѣмъ описываетъ довольно подробно сосну, ель, лиственницу, кедръ, пихту и можжевельникъ. Кромѣ ботаническаго описанія дерева, мы находимъ въ бесѣдахъ г. Кайгородова свѣдѣнія о различныхъ разновидностяхъ хвойнымъ деревьямъ, о почвѣ, гдѣ они лучше растутъ, о способѣ разведенія лѣсовъ и роцъ изъ сосны, ели и лиственницы, объ употребленіи древесины, о выгонкѣ смолы и другихъ древесныхъ продуктовъ и т. под.; такимъ образомъ разсматриваемая книга содержитъ много свѣдѣній, въ высшей степени полезныхъ для всякаго грамотнаго человѣка. Изложеніе удобопамятно и не отличается сухостью; напротивъ, г. Кайгородовъ, очевидно, самъ любить лѣсѣ; статьи его написаны съ очевиднымъ желаніемъ передать это чувство и его читателямъ. Встрѣчаются, правда, выраженія не совсемъ правильныя, но все-таки въ общей сложности слѣдуетъ признать, что изложеніе книги удовлетворительно. Рисунковъ въ книгѣ много и они очень хороши. Какъ специалистъ по лѣсоводству, авторъ, конечно, не впадаетъ въ научныя ошибки, и выборъ ботаническихъ свѣдѣній сдѣланъ разумно, то-есть, ограничивается тѣмъ, что нужно для знакомства съ жизнью дерева и пониманія наставленій относительно практическаго пользованія выгодами лѣса. Можно сдѣлать лишь одно замѣчаніе относительно расположенія матеріала въ книгѣ г. Кайгородова. Напрасно онъ не отдѣлилъ отъ описанія сосны (перваго изъ описываемыхъ имъ деревьевъ) многія общія разъясненія, которыя черезъ-чуръ разстали статью объ этомъ деревѣ и были бы болѣе уместны въ первой бесѣдѣ, въ которой говорится о жизни дерева вообще. Издана книга очень изящно, даже слишкомъ роскошно.

¹⁾ Этотъ второй отдѣлъ сочиненія г. Кайгородова — о *чернолѣсѣ* — помещенъ отдѣльными статьями въ издаваемомъ г-жею Кашпиревой журналѣ *Семейные Вечера* 1879 и 1880 годовъ.

Стѣнной зоологическій атласъ изъ 36 таблицъ, по акварелямъ *Лейтсмана*, изданіе *Лейсмана*.

Ручной зоологическій атласъ, изъ тѣхъ же 36 таблицъ, только меньшаго размѣра.

Атласы эти представляютъ собраніе довольно красивыхъ картинокъ, такъ какъ животныя изображены въ живописныхъ позахъ и раскраска, очевидно, нѣсколько отступающая отъ природы, имѣетъ нѣчто эффектное. На каждой таблицѣ изображено, за двумя-тремя исключеніями, только по одному животному; слѣдовательно, всего не болѣе сорока животныхъ, что, конечно, очень мало для зоологическаго атласа, особенно для ручнаго. Приэтомъ рисунки не содержатъ ничего поучительнаго, какъ обыкновенно выражаются натуралисты. Поучительнымъ называется изображеніе какихъ-нибудь частностей организаци, важныхъ для изученія животнаго и трудныхъ по нѣкоторой сложности или мелкости. Такъ и въ этихъ атласахъ на рисункѣ, изображающемъ аиду, представлена ея необыкновенная икра, на рисункѣ шелковичной бабочки—ея коконъ, гусеница, лички. Но на другихъ рисункахъ ничего подобнаго нѣтъ. Такимъ образомъ, по содержанію, этотъ атласъ очень бѣденъ и уступаетъ множеству другихъ, хотя менѣе красивыхъ, но за то менѣе дорогихъ и болѣе приспособленныхъ къ дѣлу.

Поэтимъ основаніямъ едва ли можно одобрить выборъ, сдѣланный Н. Фену. Нельзя также не видѣть, что русскія надписи, сдѣланныя въ русскомъ атласѣ, на которомъ г. Фену подписался издателемъ, и который онъ почему-то назначаетъ для начальныхъ школъ, составлены очень ошибочно, безъ всякаго знакомства съ дѣломъ. Такъ, напримеръ, *Pteropus edulis* переведено летучая мышь, тогда какъ это не наша летучая мышь, а животное Индѣйскаго архипелага и по-русски называется криланъ сѣвѣжнѣй. *Mustela martes* переведено просто куница, тогда какъ это лѣсная куница. *Vos americanus* переведено буйволъ, тогда какъ это не буйволъ, а бизонъ. *Aquila fuvia* переведено карагужъ (то-есть, *A. pavia*), что невѣрно, а въ скобкахъ поставлено хѣлзанъ—названіе, которому одному и слѣдовало бы стоять. Всего интереснѣе, что надъ изображеніемъ осетра, *Acipenser Sturio*, написано было сперва обыкновенный лосось, потомъ это названіе заклеено и поставлено стерлядь, что, конечно, ближе, но тоже не вѣрно. Не станемъ перечислять другихъ ошибокъ, но замѣтимъ одно непростительное упущеніе. На рисункѣ пчелы въ стѣнномъ атласѣ объяснены по нѣмецки

всѣ отдѣльныя изображенія, обозначенныя для того особыми номерами. Но въ ручномъ атласѣ, вѣроятно для удобства начальныхъ школъ, номера уничтожены и никакихъ объясненій нѣтъ, а только на верху вмѣсто простаго пчела написано рабочая пчела, что относится собственно только къ фигурѣ въ лѣвомъ углу, къ насѣкомому, сосущему медь изъ цвѣтка.

Такое недостаточное и крайне небрежное изданіе, притомъ дорогое, не можетъ быть полезно при преподаваніи.

Элементарный географическій атласъ по квадратнымъ кліткамъ, составленный С. А. Бобровскимъ. М. 1879 г.

16 таблицъ квадратныхъ клітокъ для черченія географическихъ картъ. Приложеніе къ атласу С. А. Бобровскаго.

Элементарный атласъ г. Бобровскаго состоитъ изъ двухъ тетрадей. Первая изъ нихъ содержитъ въ себѣ 16 картъ, изображающихъ цѣлыя материка, важнѣйшія части нѣкоторыхъ изъ нихъ, и наконецъ, главное, — моря; всѣ эти карты, на которыхъ моря и рѣки раскрашены, изображены на квадратныхъ сѣткахъ; эта часть атласа предназначена служить образцомъ при черченіи картъ. Вторая тетрадь состоитъ изъ такого же числа и такихъ же размѣровъ квадратныхъ сѣтокъ; на этихъ сѣткахъ ученики, по мысли автора, должны чертить карты по соответствующимъ упомянутымъ образцамъ. Курсъ этотъ г. Бобровскій предназначаетъ для дѣтей до-школьнаго возраста и для низшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Окончательная цѣль, которую задается составитель, состоитъ въ томъ, чтобы довести учащихся до возможности безъ руководства преподавателя чертить каждую карту на память и безъ сѣтокъ; при этомъ авторъ предполагаетъ, что черченіе должно начинаться съ отдѣльныхъ частей материка. Употребленіе квадратныхъ клітокъ при начальномъ рисованіи и геометрическомъ черченіи съ давнихъ поръ уже освящено педагогическою практикой и считается несомнѣнно полезнымъ, о чемъ можно судить по большому числу пособій, существующихъ въ нѣмецкой учебной литературѣ. По аналогіи можно было бы заключить, что квадратныя сѣтки могутъ быть съ такою же пользою примѣняемы къ черченію географическихъ картъ, какъ и къ обыкновенному черченію; но это едва ли такъ. Два названные рода черченія имѣютъ совершенно различныя цѣли, поэтому одно средство для обоихъ видовъ черченія пригодиться уже не можетъ. При рисованіи, окончательною цѣлью

служить правильность линий, симметрия въ частяхъ; при черченіи географическомъ правильное начертаніе составляетъ только начало и должно быть названо дѣломъ второстепеннымъ; дажѣ, при навыкѣ въ рисованіи, клѣтки легко оставляются безъ вреда дѣлу, такъ какъ въ воображеніи воспитанника цѣльный образъ предмета удерживается относительно легко; при черченіи же географическомъ, вниманіе учениковъ необходимо должно болѣе сосредоточиваться на клѣткахъ въ виду разнообразія линий и по причинѣ трудности держать въ воображеніи предметъ въ цѣломъ видѣ. На этомъ основаніи ученикъ, учившійся рисовать по клѣткамъ въ извѣстный періодъ, тѣ же предметы рисуетъ совершенно свободно, не думая о клѣткахъ; при черченіи на память какой-либо географической карты, ученикъ неизбѣжно долженъ держать въ воображеніи своемъ квадратныя клѣтки; это послѣднее обстоятельство неизбѣжно будетъ служить для него помѣхою въ то время, когда придется чертить карты уже по градусной сѣткѣ, и эта помѣха будетъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе у ученика память. Въ виду этого обстоятельства, съ дидактической точки зрѣнія, никоимъ образомъ нельзя оправдать намѣреніе г. Бобровскаго черченію по градуснымъ сѣткамъ предпосылать еще цѣлый курсъ черченія по квадратнымъ клѣткамъ: это значило бы идти къ цѣли обученія непрямымъ методическимъ путемъ. Таковой курсъ можетъ быть уместенъ, только тамъ, гдѣ при небольшомъ числѣ уроковъ по географіи невозможно требовать надлежащаго черченія картъ, какъ, напри- мѣръ, въ учительскихъ семинаріяхъ, коты и въ виду такихъ курсовъ необходимо, чтобы мѣстности, находящіяся на одной широтѣ и на одномъ меридіанѣ, были и на квадратныхъ клѣткахъ на одной линіи, чего, между прочимъ, мы не видимъ у г. Бобровскаго; а равно необходимо было бы держаться при всѣхъ картахъ единообразнаго масштаба, чего мы опять-таки не находимъ у г. Бобровскаго.

Для другихъ учебныхъ заведеній, какъ, напри- мѣръ, гимназій, атласъ г. Бобровскаго можетъ имѣть значеніе не въ качествѣ элементарнаго курса черченія, а какъ пособіе, въ томъ случаѣ, когда по какимъ-либо обстоятельствамъ преподаватель не руководитъ учениковъ при черченіи географическихъ картъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда преподавателю понадобилось бы дать въ руки ученикамъ ясную, упрощенную карту для копированія ея при помощи клѣтокъ. Этой послѣдней цѣли можетъ служить, за исключеніемъ полушарій, каждая карта г. Бобровскаго, ибо всѣ карты составлены такъ тщательно и ясно, что не остается желать ничего лучше.

Въ помощь учащимся. Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. (съ IX по XIV ст.). Составилъ *В. Д. Сиповскій*.—53 поли-
типажныхъ изображеній въ текстъ и два рисунка *В. М. Васнецова* на
отдѣльныхъ листкахъ. С.-Пб. 1879.

Въ предисловіи г. Сиповскій весьма подробно объясняетъ назна-
чение и характеръ своего труда.

Книга его представляетъ общедоступное и довольно подробное
изложеніе важнѣйшихъ событій древняго періода русской исторіи (до
Куликовской битвы). Она предназначается преимущественно въ
помощь учащимся отъ 13 до 15 лѣтъ, которымъ еще недоступны не
только большіе научные труды по русской исторіи, но и христоматіи,
представляющія сборникъ отрывковъ изъ научныхъ сочиненій и ста-
тей и рассчитанныя на старшій возрастъ. Сообразно съ своею цѣлью,
авторъ старался ближе держаться непосредственныхъ первоначаль-
ныхъ источниковъ, хотя пользовался и новѣйшими учеными трудами.
Сказанія первоначальной лѣтописи и литературно-историческіе памят-
ники, подобные поученію Владиміра Мономаха, Слово о полку Иго-
реви, житію св. Θεодосія,—переданы почти дословно. Особенное вни-
маніе обращено на то, чтобы, не вреда серьезности, довести языкъ
книги до возможно большей простоты. Для болѣе нагляднаго озна-
комленія учащихся съ битвою стороною жизни предковъ помѣщены
рисунки, изображающіе древнія зданія, вооруженія, одежды.

Съ своей стороны, мы должны сказать, что вообще авторъ выпол-
нилъ поставленную себѣ задачу съ большою старательностію, умѣнемъ
и соответствующимъ успѣхомъ. По отношенію къ содержанію можно
сдѣлать только два замѣчанія. Для дѣтскаго возраста, можетъ
быть, совсѣмъ излишни толкованія объ источникахъ нашего зна-
нія о прошедшемъ—о значеніи народнаго преданія, лѣтси, лѣто-
писи; во всякомъ случаѣ, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они изложены
въ книгѣ, эти разсужденія, полагаемъ, будутъ слишкомъ утоми-
тельны для дѣтей 13-ти лѣтъ, не смотря на всѣ старанія автора
сдѣлать ихъ живѣе и доступнѣе. То же самое мы думаемъ и о второй
главѣ: „Какъ жили наши предки за тысячу слишкомъ лѣтъ
назадъ“, посвященной описанію страны, народнаго быта, нравовъ
и обычаевъ, вѣрованій. Глава эта совершенно умѣстна въ популяр-
ной книгѣ, назначаемой для чтенія взрослыхъ людей, мало знако-
мыхъ съ событіями отечественной исторіи; но дѣти даже въ томъ
возрастѣ, о которыхъ говоритъ г. Сиповскій, предпочтутъ прямо
перейти къ отдѣльнымъ живымъ лицамъ и ихъ дѣяніямъ;—ин-

тересоваться политическимъ и общественнымъ бытомъ и нравами безличныхъ народныхъ массъ—не въ ихъ природѣ. Только въ пользу дикарей дѣлаютъ они исключеніе—совершенно понятное. Всѣ старанія автора о наглядности и изобразительности тутъ ничему не помогутъ. Благодаря этимъ заботамъ, только растягивается описаніе того, о чемъ свѣдѣнія лучше было бы сообщить въ краткихъ и сжатыхъ чертахъ, если уже это необходимо. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, задача книги, назначаемой для школы, не совсѣмъ сходится съ задачами популярной книги. Далѣе мы замѣчаемъ, что, пользуясь новѣйшими учебными трудами по русской исторіи, г. Сиповскій однако устоялъ противъ соблазна разныхъ новыхъ теорій о происхожденіи Русскаго государства и спокойно держится въ этомъ вопросѣ лѣтописнаго преданія, какъ это и подобаетъ въ книгѣ для первоначальнаго чтенія. Можетъ быть указанъ одинъ случай, гдѣ г. Сиповскій отступаетъ отъ своего мудраго правила—соблюдать уваженіе къ преданіямъ русской первоначальной лѣтописи. Исторія Святослава и его борьбы съ Цимискіемъ разказана, главнымъ образомъ, по византійскимъ источникамъ; сдѣлана только робкая попытка удержать изъ русскаго источника то, что болѣе интересно. Многія выраженія и подробности разказа указываютъ здѣсь прямо на заимствованія изъ „Исторіи Россіи“ г. Иловайскаго, который, какъ извѣстно, совершенно отвергаетъ значеніе русской лѣтописи въ данномъ случаѣ; именно отсюда, изъ этого источника ведутъ свое начало двѣ-три сомнительныя, хотя не особенно важныя, черты (голова у Святослава—была бритая, Руссы отступали—закинувъ за спину свои огромныя щиты и т. п.) Такимъ образомъ и здѣсь г. Сиповскій могъ бы сложить съ себя отвѣтственность на другаго, еслибы мы вѣдували обвинять его за отступленіе отъ своего правила въ главѣ о Святославѣ; — но мы полагаемъ, что именно въ данномъ случаѣ отступленіе было всего болѣе необходимо, такъ что остается извинить только мелкіе частныя промахи. Вообще, въ самомъ существенномъ отношеніи — въ выборѣ историческаго матеріала и въ способѣ его передачи книга—г. Сиповскаго заслуживаетъ всяческой похвалы. Въ ней несомнѣнно проглядываютъ даже такія качества, которыя всего рѣже встрѣчаются въ книгахъ, имѣющихъ родственное назначеніе—искреннее сочувствіе къ предмету и теплое отношеніе къ родной сторонѣ, хотя иной разъ слышится нѣкоторая изысканность и манерность простоты. Очень важное, даже первостепенное значеніе въ книгахъ, назначаемыхъ для дѣтей и для народа,

имѣть языкъ. Совершенно справедливо, что на эту сторону предмета обращено было особенное вниманіе автора. Мы признаемъ, что онъ достигъ своей цѣли: книга его написана яснымъ и простымъ языкомъ, совершенно доступнымъ пониманію грамотнаго простолюдина и тѣмъ болѣе ученика гимназіи 1-го класса. Мы назвали бы этотъ языкъ вполне безукоризненнымъ, еслибъ иногда онъ не сбивался безъ нужды на простонародный тонъ и складъ. Совсѣмъ не нравится намъ, между прочимъ, постоянно встрѣчающаяся частица коли, особенно излюбленная г. Силовскимъ. Почему думаетъ онъ, что коли понятнѣе и проще, чѣмъ если? Во всякомъ случаѣ, на тѣхъ страницахъ, гдѣ употребляются такіа выраженія, какъ „раздѣленіе труда“, „жизнь не стоитъ“, можно обойтись и безъ коли. И въ лѣтописи Святославъ не говоритъ: „коли сложу свою голову, то думайте о себѣ сами“ (стр. 41). Вѣроятно, и препод. Сергій Радонежскій, которому авторъ посвятилъ нѣсколько страницъ, очень хорошо написанныхъ, не выражался такъ, какъ это значитъ на стр. 212: „коли самъ Богъ претерпѣлъ всякіа лишенія, то намъ—не великое дѣло потерпѣть лишенія за свои грѣхи“. Въ другомъ отношеніи неправильно выраженіе на стр. 166 о Татарахъ: „происходили они изъ Монгольскаго племени“. Можно было сказать: „принадлежали они къ Монгольскому племени“—и т. п. или „были Монгольскимъ племенемъ“. Что касается рисунковъ, изображающихъ древнія одежды, вооруженія, зданія и т. п., то они, конечно, будутъ приняты всѣми съ благодарностью и похвалою. Замѣчанія возможны только по отношенію къ такимъ картинамъ, которыя представляютъ сцены историческихъ событій, воспроизведенныя путемъ новѣйшаго художественнаго вымысла, какъ, напримѣръ, послѣ 58 стр. картина „Крещеніе Кіевлянъ“. Позволяемъ себѣ выразить сожалѣніе, что къ книгѣ не приложено никакой историко-географической карты.

Книга издана въ высшей степени тщательно, опрятно и даже красиво. Печать разборчивая и четкая. Опечатокъ почти нѣтъ.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Синтаксисъ для младшаго возраста. Составилъ К. Ѡ. Петровъ. С.-Пб. 1880.

Хотя авторъ и выставилъ въ заглавіи, что его русская грамматика изложена по новому плану, мы не видимъ, въ чемъ заключается эта новость. Вышедшій первый курсъ состоитъ изъ трехъ частей ссх, отд. 3.

отдѣловъ; въ первомъ говорится о простомъ предложеніи, во второмъ—о частяхъ рѣчи, въ третьемъ—о предложеніи сложномъ. Содержаніе каждаго отдѣла распадается на нѣсколько уроковъ, и каждый урокъ излагается въ такомъ порядкѣ: примѣры, выводы изъ нихъ и задачи на объясненный урокъ; затѣмъ, въ концѣ каждаго отдѣла, помѣщены: образцы упражненій, статьи для повторенія и вопросы для повторенія. Если такое распрежденіе уроковъ и отдѣловъ, по мнѣнію автора, есть нѣчто новое, то онъ ошибается: оно скорѣе старое, каждому преподавателю очень извѣстное и во многихъ прежнихъ руководствахъ употребленное.

Можетъ быть, новостью называется такое распрежденіе всего грамматическаго курса, которое на первой ступени ставитъ сокращенный синтаксисъ, для младшаго возраста (въ 1-мъ классѣ), на второй—этимологию (для 2-го класса) и на третьей—пространный синтаксисъ (для 3-го класса). Но и въ такомъ предположеніи книга г. Петрова не безъ предшествовавшихъ образцовъ. Въ литературѣ грамматической давно извѣстенъ учебникъ А. П. Смирнова, состоящій также изъ трехъ курсовъ и съ такимъ же содержаніемъ въ каждомъ курсѣ. Но дѣло въ томъ, что по учебнымъ планамъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 8-го іюня 1877 г., въ 1-мъ классѣ гимназій изъ русской грамматики положено проходить этимологию до ученія о словообразованіи, во 2-мъ окончаніе этимологии и синтаксисъ простаго и слитнаго предложеній, главнаго и придаточнаго, а въ 3-мъ—синтаксисъ сложнаго предложенія. Поэтому опытъ практическаго учебника русской грамматики г. Петрова не приурочивается къ 1-му классу гимназій, но все же онъ можетъ быть признанъ за книгу, которая содержитъ въ себѣ ясное, сокращенное и точное изложеніе русской грамматики.

Краткая систематическая грамматика нѣмецкаго языка. Составилъ Бергъ. Часть I. Этимологія. Часть II. Синтаксисъ. Москва. 1879.

Означенная „Грамматика“, при составленіи которой авторъ, какъ онъ говоритъ, руководствовался „разными иностранными и здѣшними учебниками“, состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть—этимологія—представляетъ сухой перечень голыхъ, такъ называемыхъ, этимологическихкихъ правилъ съ дѣленіями, подраздѣленіями и дробленіями, обозначенными цифрами и буквами въ слѣдующемъ родѣ: § 54 склоненіе притяжательныхъ мѣстоименій показано въ § 5, 4, 7 а; въ § 7 а; въ

26, д, е.—§ 12. 4. в: en безъ перезвучія гласной принимаютъ имена упомянутыя въ § 12, 2, а, в и т. д.—Впрочемъ, этимологія г. Берга не представляетъ ничего новаго. Планъ и приемы въ ней тѣ же, что и у г. Кейзера (Краткая нѣмецкая грамматика, I часть. Этимологія, 1-е изданіе: 1860 года). Иногда новый авторъ слово въ слово повторяетъ правила стараго. Напримѣръ:

г. Кейзеръ.

(Грамм. изд. 13-е 1879) стр. 6.

5. Удвоенныя и составныя гласныя всегда произносятся долго (протяжно); напримѣръ das Haar (волосъ)... das Haus домъ. Стр. 14.

18. Родъ узнается по значенію (nach der Bedeutung) и по окончанію (nach der Endung) и обозначается числомъ.

Г. Бергъ, конечно, не всегда передаетъ свои правила точь въ точь въ томъ видѣ, въ какомъ они изложены у г. Кейзера, напримѣръ, статья 10:

„Средняго рода (суть): имена металловъ, земель, городовъ, собирательныхъ и вещественныхъ предметовъ и другихъ частей рѣчи, употребляемыхъ въ видѣ существительныхъ; напримѣръ, das Eisen, das Paris, das A и B“.

Излишнимъ считаемъ указывать на нѣкоторую разницу въ распредѣленіи этого правила у г. Кейзера (стр. 16); замѣтимъ только, что примѣръ das Paris принадлежитъ г. Бергу и что буквы A и B, названныя имъ частями рѣчи, являются уже у г. Кейзера подъ этимъ неправильнымъ названіемъ.

Измѣненія, предложенныя г. Бергомъ, сами по себѣ ничтожныя, не могутъ быть признаны улучшеніями. Такъ, напримѣръ, въ существительномъ жепскаго рода, во множественномъ числѣ смягчающимъ коренную гласную и кончающимся въ И. Р. В. на e, а въ Д. на eu, г. Бергъ (стр. 22) прибавилъ еще слѣдующія: die Noth, die Zucht, die Statt, die Flucht. Прибавленія совершенно излишнія. Множественное число первыхъ двухъ существительныхъ употребляется изрѣдка и то только въ дат. падежѣ съ предлогами, что слѣдовало бы оговорить; множественное число существительнаго die Statt, въ свою очередь, употребляется только въ дат. пад. съ предлогами и притомъ не

смягчая гласной, въ такихъ выраженіяхъ, какъ, на примѣръ, von Stat-ten gehen, zu Stat-ten kommen; наконецъ, die Flucht образуетъ множественную форму, употребляется во всѣхъ падежахъ, но она звучитъ не Flüchte, дат. Flüchtен (какъ выходитъ по объясненію г. Берга), а Fluchten (во всѣхъ падежахъ).—Нѣкоторыя правила унущены авторомъ, на примѣръ, правило о родѣ именъ существительныхъ сложныхъ, хотя онъ приводитъ „das Frauenzimmer, die Mannsperson и др. существительныя сложныя въ видѣ примѣровъ, не подходящихъ подѣ общее правило о родѣ именъ существительныхъ по значенію. Въ статьѣ „О нарѣчій“ г. Бергъ, опустивъ общую часть, говоритъ лишь о степеняхъ сравненія тѣми же словами, какъ г. Кейзеръ; только въ примѣрахъ произошла нѣкоторая разница, и то, большею частью, вслѣдствіе типографскихъ погрѣшностей, которыхъ въ этой маленькой брошюркѣ много. Въмѣсто nicht ein geringsten напечатано im geringsten (и безъ отрицанія), въмѣсто „въ высшей степени“—высшей степени.

Объ употребленіи союзовъ и въ предлагаемомъ „Синтаксисѣ“ ничего не говорится, за то въ немъ появляются нѣкоторыя другія статьи и параграфы, находящіеся въ этимологіи г. Кейзера и опущенныя въ этимологіи г. Берга. Наибольшія измѣненія, сдѣланныя г. Бергомъ, часто весьма неудачны. Такъ, на примѣръ, въ § 49 этого „Синтаксиса“ говорится: „тап (французское on) употребляется въ 3-мъ лицѣ ед. числа, когда означается дѣйствіе безъ дѣйствующаго лица“. Въ этимологіи г. Кейзера (стр. 51) точнѣе сказано, „дѣйствіе безъ означенія дѣйствующаго лица“. Замѣчательно еще, что этотъ § у г. Берга озаглавленъ „употребленіе неопредѣленныхъ мѣстоименій“, хотя въ немъ говорится только объ одномъ тап. Впрочемъ, нашъ разборъ сдѣлался бы слишкомъ пространнымъ по отношенію къ такой маленькой книжкѣ, какъ предлагаемый „Синтаксисъ“, еслибы мы стали провѣрять его съ тѣми руководствами, которыми г. Бергъ вѣроятно пользовался. Къ тому же „Синтаксисъ“ этотъ не составленъ по готовому образцу (какъ этимологія того же автора), но за то онъ отличается отсутствіемъ всякаго опредѣленнаго плана, всякой системы. Правила въ немъ, или лучше сказать, обрывки такъ-называемыхъ правилъ не только не находятся между собою въ логической связи, но, и взятыя порознь, оказываются крайне произвольными и невѣрными. Возьмемъ для примѣра „употребленіе члена при именахъ вещественныхъ“. Приводятся четыре правила.

§ 9 членъ ставится при именахъ вещественныхъ:

а) „Когда означается опредѣленное количество вещества“.

Правило невярно; примѣры „das Wasser der Nawa; das Brod des Arbeiters ist sauer“ вовсе не выражаютъ опредѣленнаго количества ни воды, ни хлѣба.

б) „Когда передъ нимъ находится прилагательное“. Это правило тоже лишено основанія, и самъ авторъ на той же страницѣ говоритъ „Frisches Wasser ist gesund“.

в) „Когда дѣлается сравненіе; напримѣръ: das Eisen ist hart, das Blei ist weich. Man glaubte früher, das der Mond nicht grösser als ein Käse sei“. Въ первомъ примѣрѣ никакого сравненія не происходитъ. Во второмъ—названіе вещества, именуемаго сыромъ, сопровождается членомъ, но сравненіе тутъ не при чемъ. Членъ ein передъ Käse имѣетъ обособляющее значеніе и показываетъ, что рѣчь идетъ объ отдѣльномъ кругѣ этого вещества.

г) „Иногда для обозначенія падежа; напримѣръ: er gab ihm Wasser anstatt der Milch“. Членъ въ этомъ примѣрѣ „для обозначенія падежа“ совершенно лишній. Другое дѣло, еслибы сказано было: онъ предпочитаетъ одно вещество другому, тогда при одномъ изъ нихъ членъ былъ бы необходимъ. Но такого примѣра г. Бергъ не приводитъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ четырехъ правилъ нѣтъ ни одного, которымъ можно было бы руководствоваться. Не многимъ лучше объясняется „опущеніе члена при имени вещества“ въ трехъ правилахъ:

§ 10. „Членъ не ставится при именахъ вещественныхъ“:

а) „Когда говорится о какомънибудь веществѣ вообще; напримѣръ: Frisches Wasser ist gesund“.

б) „Когда говорится о неопредѣленномъ количествѣ вещества; напримѣръ: gieb mir Brod“. Это второе правило ничѣмъ не отличается отъ перваго, потому что—„говорить о какомънибудь веществѣ вообще“ все равно, что говорить о „неопредѣленномъ количествѣ“ этого вещества. Притомъ, когда говорятъ о совершенно опредѣленномъ количествѣ вещества, то при названіи его также опускается членъ, напримѣръ: gieb mir ein Pfund Brod.

в) „Когда говорится о перечисленіи вещества; напримѣръ: er hat Milch, Butter und Käse gekauft“. Это невярно. Перечисленіе, въ данномъ случаѣ, на опущеніе члена никакого вліянія не имѣетъ. Еслибы говорилось о покупателѣ, купившемъ одно какоенибудь вещество, то членъ при немъ все равно былъ бы опущенъ. Достаточно, кажется, приведенныхъ образчиковъ, чтобы признать несостоятельность означеннаго „Синтаксиса“.

Концентрическіе курсы. Переводы при изученіи нѣмецкаго языка съ прибавленіемъ концентрической грамматики и алфавитнаго словаря, съ указаніемъ всѣхъ измѣненій словъ, встрѣчаемыхъ въ этихъ курсахъ. Составилъ А. Шмидтъ. Первая часть. Первый и второй курсы. Цѣна 70 коп. Вторая часть. Третій и четвертый курсы. С.-Петербургъ. 1878.

Первый изъ означенныхъ „курсовъ“ заключаетъ въ себѣ упражненія въ переводахъ съ изучаемаго языка на русскій и обратно. „Въ слѣдующихъ „курсахъ“ не дается болѣе образцовъ, такъ какъ по окончаніи перваго „ученикъ (по словамъ г. Шмидта) уже приобрѣлъ въ переводѣ нѣкоторый навыкъ и самостоятельность“.

Этотъ первый курсъ, которому составитель придаетъ такое значеніе, состоитъ изъ текста и приуроченныхъ къ нему грамматическихъ правилъ: Текстъ въ 39 упражненіяхъ представляетъ фразы, изложенныя въ четырехъ оборотахъ рѣчи—начиная съ перваго упражненія, и расширяющіяся до придаточнаго предложенія — начиная со втораго.

„Въ придаточномъ предложеніи—говорить 8-е правило—спрягаемая форма глагола ставится на концѣ, напримѣръ: Marie lernte, während Luise spielte“. Примѣромъ, показывающимъ спрягаемую форму глагола на концѣ, какъ въ придаточномъ, такъ и въ главномъ предложеніи, также поясняется правило. Кроме того, составитель, поторопившись введеніемъ придаточнаго предложенія, забылъ о главномъ: ученику неизвѣстно, что въ такихъ фразахъ 2-го упражненія, какъ, напримѣръ: „когда я плакалъ, онъ смѣялся“, главное предложеніе подвергается обратному словорасположенію. Что же касается придаточнаго, то оно въ упражненіяхъ, слѣдующихъ за вторымъ, такъ рѣдко появляется, что незачѣмъ было бы его и вводить: „онъ кончилъ, когда я началъ“. „Когда я началъ“ ученикъ невѣрно передастъ „als ich fing an“, на основаніи приуроченнаго къ упражненію правила: „если удареніе на частицѣ, то она отдѣляется въ простыхъ спрягающихъ формахъ глагола“. Въ этомъ случаѣ, составитель забылъ о придаточномъ предложеніи.

Вмѣстѣ съ придаточномъ предложеніемъ вводится во второе упражненіе Imperfectum и Perfectum. Столько трудностей за-разъ для ученика слишкомъ обременительно, а сложная форма прошедшаго совершеннаго не соответствуетъ степени усвоенныхъ ученикомъ знаній. Одина эта форма, введенная въ началѣ курса, весьма рѣдко свидѣтельствуетъ о неправильномъ распредѣленіи въ немъ учебнаго матеріала.

„Perfectum—говорить 6-е правило—составляется изъ Praesens глаголовъ haben или sein (смотря по тому, съ какимъ изъ глаголовъ данный глаголъ спрягается) и съ 2 Participium (см. 74 правилъ) даннаго глагола“.

Отыскавъ во второмъ курсѣ 74 правило о томъ, что „zweites Participium слабого спряженія оканчивается на t или et и начинается обыкновенно съ префиксомъ ge“, ученикъ, начиная съ 4-го упражненія 1-го курса, встрѣчаетъ глаголы: besuchen, verkaufen, unterrichten и проч., ничего не зная о глаголахъ съ неотдѣляемыми частицами, образующихъ второе причастіе несогласно съ общимъ правиломъ, а въ 10-мъ упражненіи онъ для перевода фразы „отослалъ ли ты уже наши письма?“ долженъ составлять второе причастіе глагола abschicken, не имѣя никакого понятія ни о существованіи глаголовъ съ отдѣляемыми частицами, ни о томъ, что такого рода глаголы, въ свою очередь, образуютъ названную форму по своему. Во второмъ упражненіи ученикъ знакомится съ такими фразами, какъ „ich habe gelernt“ (я учился), не зная собственнаго значенія глагола haben, изученіе котораго ему предстоитъ въ 8-мъ упражненіи: глаголъ sein (разомъ Praesens, Imperfectum, Perfectum, Futurum, Imperativ) изучается въ 6 упражненіи. Правила же о томъ, какіе глаголы спрягаются съ глаголомъ haben, какіе съ глаголомъ sein, нѣтъ ни въ первомъ, ни во второмъ курсѣ.

Все это весьма неудобно. Приуроченныя же къ упражненіемъ правила таковы, что они окончательно собьютъ ученика съ толку. Ограничиваемся немногими примѣрами.

Правилъ 2-е: „Нарѣчіе обыкновенно стоитъ на концѣ предложенія“. Вопреки этому правилу, начиная со втораго упражненія, нарѣчіе (впрочемъ, совершенно правильно) стоитъ на 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ, и т. д., мѣстѣ отъ конца, даже въ самомъ началѣ предложенія.

Правило 16-е: „Мѣстоименія втораго лица обыкновенно пишутся прописною буквою“. Въ упражненіяхъ названныя мѣстоименія въ такомъ видѣ не представляются. Составитель, вѣроятно, хотѣлъ сказать „третье лицо множ. числа“, употребляемое въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто втораго. Но и это 3-е лицо во всѣхъ упражненіяхъ г. Шмидта, сколько мы замѣтили, напечатано строчною буквою.

34-е правило: „Числительное ein... склоняется какъ членъ. Остальныя числительныя мало измѣняются“.

32-е правило: „Послѣ именъ числительныхъ, начиная со слова два, имена существительныя ставятся въ именительномъ падежѣ

множ. числа, напримѣръ, Uhren, drei Nüsse". Таковыми вырванными изъ связи словами правило плохо поясняется. Лучше было бы просклонять ихъ. На основаніи же правила ученикъ безграмотно напишетъ: Vor drei Jahre (вм. Jahren).

На 37 стр. своихъ грамматическихъ упражненій г. Шмидтъ приводитъ фразу: er hat viele Messer въ доказательство, что „послѣ viele имя существительное употребляется въ именительномъ падежѣ, а не родительномъ“. Существительное Messer въ приведенной фразѣ употребляется, конечно, въ винительномъ падежѣ. Опять слѣдуетъ сказать, что авторъ лучше сдѣлалъ бы, еслибы просклонялъ:

- N. Viele Messer.
- G. Vieler Messer
- D. Vielen Messern.
- A. Viele Messer.

Въ 16-мъ упражненіи авторъ знакомитъ ученика съ глаголами сильнаго спряженія по образцу неправильнаго глагола stehen и даже формулируетъ правило по этому случаю: „Въ сильномъ спряженіи коренная гласная буква измѣняется, напримѣръ, stehen, stand, gestanden“.

Deutsche Chrestomathie für russische Gymnasien, Progymnasien und Realschulen mit sprachlichen und sachlichen Eckklärungen und einem deutsch-russischen Wörterbuche von Friedrich Brandt. S.-Petersburg. 1877.

Названная хрестоматія, предназначенная для русскихъ учебныхъ заведеній, заключаетъ въ себѣ нѣмецкія статьи для упражненія въ переводѣ на русскій языкъ. Статьи расположены по родамъ литературныхъ произведеній, къ которымъ относятся, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) басни, 2) параболы, 3) сказки, 4) легенды, 5) аллегоріи, 6) историческіе отрывки, 7) баллады и романы, 8) драмы. Каждому отдѣлу предпосылается краткое вступленіе на нѣмецкомъ языкѣ, поясняющее тотъ родъ литературы, которому посвящается этотъ отдѣлъ. Сверхъ того, статьи сопровождаются, большею частью, разными замѣтками, написанными также по-нѣмецки. Въ концѣ книги приложено алфавитный нѣмецко-русскій словарь.

Наибольшимъ почетомъ въ хрестоматіи пользуются басни, параболы и сказки; историческихъ отрывковъ, сравнительно, мало; баллады и романы, за исключеніемъ „Лѣснаго царя“ Гете, всѣ принадлежатъ Шиллеру.

На синтаксическія особенности и рѣдко употребляемыя въ новомъ нѣмецкомъ языкѣ выраженія не обращено никакого вниманія. Такіе обороты, какъ, на примѣръ (на стр. 4): *sie hatte sich ihres Gebens erwoogen* ученикъ долженъ переводить при объясненіи (въ словарѣ), что *erwoogen* по-русски „разсматривать, обдумывать, соображать“. Вообще очень трудно опредѣлить характеръ сообщаемыхъ замѣтокъ, которыя нерѣдко приводятся совершенно неожиданно и некстати. На примѣръ, по поводу того, что лисица (въ баснѣ *Fuchs ohne Schwanz*, стр. 10) говорила съ Цицерономъ, объясняется: „*Marcus Tullius Cicero, geb. d. 3 Januar 106 v. Ch. и т. д. wurde am 7 December d. Jahres 43 ermordet.* Въ другой баснѣ (стр. 15) молодой парень *Fritz*, съ успѣхомъ занимающійся дрессировкою собакъ, шутя называется „профессоромъ“. *Professor*—объясняетъ примѣчаніе—*Lehrer einer Universität, auch verdiente Lehrer an Gymnasien erhalten im einigen Ländern das Prädikat Professor.* На 1 стр. сообщается въ замѣткахъ, что словомъ „лутъ“ (*Schalk*) новыя писатели особенно обозначаютъ купидона.

Непонятна вообще цѣль этихъ замѣтокъ. Если онѣ, по мнѣнію составителя, служатъ разъясненіемъ трудныхъ въ текстѣ мѣстъ, то онѣ должны были бы быть написаны по русски. Въ предлагаемомъ же видѣ онѣ налагаютъ на ученика двойной трудъ.

Теоретическо-практическое руководство къ изученію французскаго языка для женскихъ учебныхъ заведеній, въ семи частяхъ, составилъ *Ф. А. Дюсиметьеръ*, преподаватель 1-й Харьковской гимназіи. Часть первая. Харьковъ. 1879.

Изъ предисловія къ первой части названнаго руководства видно, что авторъ его, г. Дюсиметьеръ, находитъ большинство существующихъ учебниковъ несоотвѣтствующими условіямъ преподаванія иностранныхъ языковъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и потому задумалъ цѣлью составить учебникъ специально для этихъ заведеній. Находя при томъ, что измѣненіе метода преподаванія, происходящее отъ перемѣны учебниковъ по классамъ, оказываетъ вредное вліяніе на занятія и дѣлаетъ невозможными правильные и быстрые успѣхи, авторъ нашелъ нужнымъ раздѣлить свой трудъ на семь частей, чтобы дать для каждаго класса книгу, составленную по одному общему методу. Мотивы эти, конечно, важны по отношенію къ элементарнымъ классамъ; но съ той поры, какъ изученіе этимологическихъ формъ,

часть ссх, отд. 3. 3

съ главнѣйшими положеніями синтаксиса закончены, нѣтъ, кажется крайней надобности составлять для каждаго класса отдѣльную книгу; если такое дробленіе учебника представляетъ удобство въ экономическомъ отношеніи, то оно имѣетъ также свои невыгоды при справкахъ и повтореніи курсовъ старшихъ классовъ.

Представленная первая часть труда г. Дюсиметьера, назначенная для 1-го класса женскихъ заведеній, заключаетъ шесть отдѣловъ. Первый изъ нихъ посвященъ изученію произношенія, правилъ образованія женскаго рода въ прилагательныхъ и множественнаго числа; во второмъ — рѣчь идетъ объ отрицаніи, о членахъ опредѣленномъ и неопредѣленномъ и объ именахъ числительныхъ; въ третьемъ — о глаголѣ, о вопросительной формѣ, о личныхъ мѣстоименіяхъ; въ четвертомъ — о неправильныхъ глаголахъ; въ пятомъ — о частичномъ членѣ, о предлогахъ à, de, dans, en, мѣстоименіяхъ en, y и о степеняхъ сравненія. Изъ этого краткаго перечня заглавій видно, что г. Дюсиметьеръ беретъ для перваго класса слишкомъ широкую грамматическую задачу. Весь этотъ курсъ распадается на 70 уроковъ, изъ которыхъ многіе, начиная съ пятаго, заключаютъ почти страницу текста, такъ что за-разъ не могутъ быть выучены. Если каждый изъ нихъ дѣлить только на двѣ части, то слова и переводъ ихъ могутъ быть выучены 10-ти лѣтними дѣтьми не менѣе какъ въ 140 уроковъ. Прибавивъ къ этому 6-й отдѣлъ — то-есть, статьи для перевода, стихи для заучиванія, таблицу неправильныхъ глаголовъ, переводъ грамматическихъ объясненій на французскій языкъ, а также переводы съ русскаго, встрѣчающіеся иногда между уроками, получится такая масса работы, для которой женскія заведенія не имѣютъ въ одномъ классѣ достаточнаго числа уроковъ, ни 10-ти лѣтнія дѣвочки достаточно развитія и силъ. Разматривая эту массу нагроможденнаго матеріала нужно удивляться, какъ авторъ понималъ цитату изъ Квинтиліана, которую онъ избралъ какъ бы своимъ девизомъ и которою начинаетъ свое предисловіе. Въ русскомъ переводѣ эта цитата гласитъ: „Учитель, которому приходится руководить юными умами, обязанъ имѣть въ виду ихъ слабость и не слишкомъ обременять ихъ непосильными уроками; онъ долженъ воздерживаться отъ излишней поспѣшности и приноравливаться къ своей юной аудиторіи, потому что умъ ребенка подобенъ сосуду съ узкимъ горломъ, который остается пустымъ, если въ него льютъ воду большею струей, но который незамѣтно наполняется, когда ту же воду льютъ въ него по-

немногу—капля за каплей“. Имѣя въ виду, что 1-я часть учебника г. Дюсиметера заключаетъ 171 страницу учебнаго матеріала при очень широкой грамматической задачѣ, нужно сказать, что авторъ желаетъ влить французскій языкъ въ головы 10-ти-лѣтнихъ дѣвочекъ весьма большою струею, и что онъ совершенно пренебрегъ разумными совѣтами Квинтиліана. Въ системѣ автора нѣтъ правильного равновѣсія: изученіе глагола начинается только въ третьемъ отдѣлѣ, а на протяженіи 34 огромныхъ уроковъ упражненія построены только на 3-мъ лицѣ глаголовъ *avoir* и *être* и нѣсколькихъ глаголовъ 1-го спряженія въ *présent* и также въ 3-мъ лицѣ, которые даются просто какъ вокабулы. Неправильные глаголы, конечно, нужны, но въ первомъ курсѣ можно бы обойтись меньшимъ ихъ числомъ и меньшимъ числомъ временъ, пока ученицы еще не могли укрѣпиться въ правильныхъ спряженіяхъ, которыя даются то же какъ-то съ-разу и большою струею. Авторъ боится на протяженіи 21 урока сказать ученицѣ, что французскія существительныя имѣютъ при себѣ членъ, или что есть *h-aspirée*, а уже въ пятомъ урокѣ снѣшить преподавъ, гдѣ слѣдуетъ ставить прилагательныя, обозначающія цвѣтъ предмета.

Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ даетъ только правила безусловно вѣрныя. Впрочемъ, его правила далеко не всѣ выражены удобопонятно для маленькихъ дѣтей, и восторыхъ, не всѣ безусловно вѣрны. Такъ, на стр. 21, сказано: „слова, которыя оканчиваются въ единственномъ числѣ на *al*, измѣняютъ это окончаніе во множественномъ числѣ на *a ux*. Одно слово *bal* имѣетъ во множественномъ числѣ *s*“. Такъ какъ слова: *carnaval*, *régat*, *pagat*, *original*, *chacal* также принимаютъ *s*, то вышеприведенное правило съ однимъ исключеніемъ не безусловно вѣрно, и если въ 1-мъ классѣ не слѣдуетъ давать всѣхъ исключеній изъ правила, то также не слѣдуетъ говорить безусловно, что есть только одно исключеніе, тогда какъ ихъ существуетъ много. На стр. 63 въ правилѣ 2-мъ сказано: „подлежащее въ третьемъ лицѣ ставится послѣ глагола только тогда, когда выражено мѣстоименіями *il*, *elle*, *ils*, *elles*“. А гдѣ же ставится подлежащія *se* и *on* въ вопросительномъ оборотѣ? Если приведенное правило не безусловно вѣрно, то также не вѣрно и слѣдующее за нимъ на той же страницѣ подъ № 3-мъ. На стр. 68 правило № 2 (говорится о глаголахъ 2-го спряженія): „если же гласная окончанія будетъ одно только *i*, то коренное *i*, вмѣстѣ

съ окончаніемъ, сливается въ одно ;, что бываетъ въ passé défini и въ формѣ, служащей для составленія сложныхъ формъ (participe passé): fini". Не говоря уже о томъ, что подобное объясненіе совершенно лишне для 10-ти лѣтнихъ дѣвочекъ, оно рѣшительно невѣрно въ научномъ отношеніи. Такихъ безусловно „вѣрныхъ“ правилъ съ точки зрѣнія г. Дюсиметъера можно бы набрать очень много въ его первой части.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ РУССКОЙ УЧЕНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ВЪ ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

Въ ноябрѣ 1876 года князю В. А. Черкасскому, въ то время назначенному состоять при его высочествѣ великомъ князѣ главнокомандующемъ Дунайскою арміею, а впослѣдствіи исполнявшему обязанности начальника гражданскаго управленія въ Болгаріи, — представлена была однимъ изъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ А. Н. Пыпинъ записка, въ которой развивалась мысль о необходимости и своевременности историко-этнографическаго изученія южно-славянскихъ земель.

„Русское государство и общество“, говорилъ въ своей запискѣ г. Пыпинъ, — „оказываютъ единоплеменнымъ народамъ юга содѣйствіе своего могущества и своего сочувствія. Въ настоящую минуту идетъ первоначальный и основной вопросъ политическаго обезпеченія ихъ національнаго бытія. Но когда это обезпеченіе будетъ въ извѣстной мѣрѣ достигнуто, тогда можетъ и долженъ выступить другой вопросъ — не менѣе существеннаго значенія, и въ которомъ государство и общество могутъ имѣть свое различное участіе. За помощью матеріальною должна слѣдовать помощь нравственная, которая, не ограничиваясь однимъ сочувствіемъ единоплеменности и единовѣрія, заявляла бы себя содѣйствіемъ нравственнымъ и умственнымъ интересамъ южно-славянскихъ народовъ. Это могла бы быть помощь для бѣдной матеріально и угнетенной морально церкви, помощь для народной школы. Наконецъ, могла бы быть оказана южно-славянскимъ народностямъ

услуга, которая въ то же время составила бы интересъ самаго русскаго общества, и даже государства. Это—ближайшее изученіе южно-славянскихъ земель, въ особенности именно тѣхъ, которыя до сихъ поръ своимъ политическимъ положеніемъ были закрыты даже для научнаго изученія, именно Болгаріи, а также Герцеговины, Старой Сербіи и Босніи“.

Дѣйствительно, обстоятельное изученіе этихъ странъ одинаково важно какъ для ихъ собственныхъ будущихъ судьбъ, такъ и по давнимъ историческимъ отношеніямъ къ нимъ Русскаго народа. Эта мысль обстоятельно развита г. Пыпинимъ въ его запискѣ: „Извѣстны“, говоритъ онъ, — „тѣсныя связи древней Руси съ южнымъ Славянствомъ — связи религіозныя (отъ южнаго Славянства пришло къ намъ Священное Писаніе, религіозныя книги, первое духовенство); связи образовательныя (первые начатки письменности состояли въ усвоеніи старо-славянскихъ книгъ, приходившихъ съ юга); связи общественно-политическія (съ юга пришелъ старо-славянскій переводъ „Кормчей“, перваго церковнаго законодательства), и т. д. Въ послѣднія десятилѣтія наша историческая наука тѣмъ больше расширяетъ свои изслѣдованія, тѣмъ больше находитъ фактовъ многообразныхъ политическихъ и образовательныхъ связей древней Руси съ народами южно-славянскими. И когда говорится объ этихъ историческихъ связяхъ древней Руси съ южнымъ Славянствомъ, то подъ этимъ послѣднимъ надо разумѣть въ особенности Болгарію. Извѣстно (хотя до сихъ поръ мало объяснено это явленіе), что одинъ изъ первыхъ Русскихъ князей думалъ даже перенести центръ своего господства въ Болгарію: такимъ образомъ, и до принятія Русью христіанства, Русскихъ влекло въ эти южныя страны, занятая родственнымъ племенемъ. Вслѣдствіе этихъ историческихъ отношеній, изученіе болгарской древности есть во многихъ случаяхъ изученіе древности русской. Такое историческое изученіе, понимаемое въ широкомъ научномъ смыслѣ, предполагаетъ, конечно, много различныхъ сторонъ, начиная отъ чистой археологіи до изученія современнаго быта, поэзіи и преданій. Особенная необходимость подобныхъ изученій въ Болгаріи является, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что именно Болгарія изъ всѣхъ славянскихъ странъ была, къ сожалѣнію, всего менѣе доступна для русскаго изученія. Въ то время, какъ въ европейской литературѣ явилась въ послѣднія десятилѣтія цѣлая масса путешествій и книгъ о Болгаріи (Ami Boué, A. Blanqui, Lejean, Paton, Barth, M. A. Walker, Mackenzie and Irby, Toser, Saint-Clair and Brophy, Kanitz, Aug.

Dozon, Barkley и проч.), русская литература съ 1840-ых годовъ можетъ указать почти только одно путешествіе, сдѣланное въ тѣ годы известнымъ профессоромъ В. И. Григоровичемъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы недостатокъ русскихъ путешествій происходилъ отъ одного недостатка интереса: онъ объясняется просто трудностью для Русскаго вообще путешествовать въ странѣ, гдѣ самая безопасность его была бы мало обезпечена, и попытки изученія страны и народа навлекли бы подозрѣніе. Путешествія Русскихъ въ славянскія земли въ послѣднее время были дѣломъ довольно обыкновеннымъ, но только кромѣ Болгаріи и вообще турецкихъ земель. Могутъ сказать, что Болгарія, испытавшая съ XIV вѣка столько историческихъ переворотовъ, опустошеній, постоянного подавляющаго гнета, можетъ не представить никакой добычи для историческаго изученія, о которомъ выше упомянуто. Но, вопервыхъ, этого никакъ нельзя сказать впередъ, и притомъ самое этнографическое изученіе современнаго народнаго быта (которое теперь только еще начато немногими попытками самихъ Болгаръ), — не говоря о томъ, какое значеніе имѣетъ оно само по себѣ, — можетъ представить неожиданныя открытія несомнѣнной исторической цѣнности. Кромѣ того, есть положительныя основанія думать, что не смотря на всѣ опустошенія отъ Турокъ и истребленіе славянской старины отъ фанаріотовъ, въ этихъ странахъ еще могутъ найдтись замѣчательные памятники древности. Объ этомъ свидѣлствуютъ находки Григоровича, которому при всей скромности его средствъ удалось открыть и спасти для науки драгоценныя памятники древнѣйшей болгарской письменности, между прочимъ, неизвѣстные дотолѣ памятники о дѣятельности св. Кирилла и Меодія. Покойный Гильфердингъ, въ своемъ путешествіи по Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи и позднѣе въ Болгаріи, успѣлъ также приобрѣсти рѣдчайшіе письменные памятники, между прочимъ, до него также совершенно неизвѣстные и исполненные интереса для разьясненія не только южно-славянской, но и древней русской письменности.

Но и независимо отъ тѣсныхъ отношеній къ древней Руси, страны южнаго Славянства, ихъ жители и нравы представляютъ предметъ изученія, являющій собою живѣйшій историческій интересъ въ общеславянскомъ смыслѣ. Въ запискѣ г. Пыпина обращено вниманіе и на эту сторону вопроса: „Чемъ начиналась ихъ исторія? Съ какими задатками выступали они на свое поприще? Какъ послѣ страшвой катастрофы и подъ тяжкими испытаніями могометанскаго ига они

умѣли сохранить свою народную личность? Какія моральныя основанія имѣеть и можетъ имѣть ихъ ожидаемое и желаемое возрожденіе? Все это вопросы, къ которымъ не можетъ не обращаться вниманіе историка и этнографа, вниманіе единоплеменнаго общества и вниманіе всякаго друга человѣчества. Нѣсколько вѣковъ страшная судьба турецкихъ Славянъ совсѣмъ срывала ихъ изъ виду, — до нихъ не доходили ни человѣколюбивыя сочувствія, ни историческое знаніе. Пора позаботиться, чтобы до нихъ достигло и то, и другое. Уже не одинъ разъ было замѣчено, что объ этихъ странахъ гораздо больше писано и извѣстно въ нѣмецкой и англійской литературѣ, нежели въ русской: фактъ дѣйствительно бросающій неблагопріятный свѣтъ на внутреннія между-славянскія отношенія".

Наконецъ, есть еще обстоятельство, которое — по мнѣнію г. Пипина — должно побудить насъ къ историческому и этнографическому изученію балканскаго Славянства: „Болгарская народность находится еще на первой ступени своего возрожденія, на той ступени, которая уже пройдена другими славянскими народностями. Въ то время, когда другіе, — благодаря въ особенности болѣе благопріятнымъ политическимъ условіямъ, — приобрѣли уже (какъ, напримѣръ, Сербы) извѣстную долю образованности, имѣютъ своихъ ученыхъ (въ томъ числѣ дѣйствительно серьезныхъ) и свои учебныя учрежденія, Болгары еще только стремятся приобрести средства образованія. Они, вѣроятно, приобретутъ возможность правильнаго образованія лишь тогда, когда эта возможность дана будетъ сколько-нибудь своснимъ политическимъ положеніемъ. Крайняя бѣдственность ихъ положенія не допускаетъ самаго появленія такихъ передовыхъ и дѣятельныхъ личностей, которыя могли бы стать во главѣ пробуждающагося національнаго сознанія, какими были Палацкій, Шафарикъ или Колларъ у Чеховъ, Караджичъ у Сербовъ и т. д.; у Болгаръ братья Миладинови погибли безвѣстной смертью въ турецкой тюрьмѣ, едва успѣвъ начать свой трудъ національныхъ неученій (ими сдѣланъ лучшій доселѣ сборникъ болгарскихъ пѣсень). Не смотря на то, въ Болгарскомъ народѣ обнаруживается въ послѣднія десятилѣтія несомнѣнное стремленіе къ національному самосознанію. Всякое національное возрожденіе, — примѣровъ его совершилось очень много съ конца прошлаго столѣтія, — начиналось обыкновенно обращеніемъ къ старинѣ и изученію народности, стремленіемъ къ отыскиванію исторической древности, къ изученію народной поэзіи и преданій, и т. д. И это очень естественно: народъ, подавленный тяжелою исторіей или угнетенный

чужою иноязычною цивилизаціей, при первомъ возникновеніи самосознанія стремится возстановить свою національную личность, и не находя ея организовъ и выражений въ настоящемъ, ищетъ ее—вопервыкъ—въ историческомъ прошломъ, гдѣ она была нѣкогда сильна и свободна, гдѣ она имѣла свое полное проявленіе,—и восторыхъ—въ національномъ преданіи, то-есть, народной поэзіи, обычаяхъ и повѣрьяхъ, которыя во времена чужаго гнета оставались (болѣе или менѣе) неприкосновеннымъ наслѣдствомъ старины, выраженіемъ бытовой личности, задушевной народной мысли и поэтического чувства. Подобные поиски за стариной и народностью никогда не оставались бесплодными: Чехи въ подобныхъ поискахъ нашли замѣчательные памятники, у Сербовъ нашелся богатый запасъ народной героической поэзіи, который въ началѣ столѣтія произвелъ такое сильное впечатлѣніе даже въ европейскомъ литературномъ мірѣ,— и то, и другое являлось какъ драгоценное народное достояніе; воскресшія преданія старины становились предметомъ новой національной гордости и новымъ поощреніемъ для возрождавшейся литературы. Въ періоды возрожденія лучшіе умы часто отдавали свои силы именно этому поприщу, и предшественниками политическаго возрожденія бывали историки-филологи, этнографы, археологи. Эти предметы бывали самыми живыми предметами національной литературы и получали значеніе, какого не могли бы вовсе имѣть въ литературѣ, прочно установившейся.

„На этой стадіи развитія находится теперь и болгарская образованность и литература. Правда, нынѣшнія условія иныя, чѣмъ были у Чеховъ, Хорватовъ, Сербовъ: политическое развитіе славянскихъ сосѣдей, достаточно сильныя литературы ихъ должны вліять на болгарскую литературу, на примѣръ, доставить ей много готоваго историческаго содержанія и т. п.; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что вопросы историческаго и этнографическаго самоизученія получаютъ, или уже имѣютъ, и здѣсь тотъ же спеціальныи интересъ и національно-образовательное значеніе.

„Поддержка этихъ изученій, русскими, а также и болгарскими силами съ русскимъ содѣйствіемъ и ободреніемъ, была бы благородною и цѣною помощью, значеніе которой не довольно понимается или вовсе не понимается людьми, мало вникающими въ подобные вопросы, но которая несомнѣнно послужила бы сильною нравственною связью возрождающейся народности съ Русскимъ государствомъ и обществомъ. Здѣсь образовалась бы общая почва научныхъ и лите-

ратурныхъ интересовъ, и общеніе, которое основалось бы въ этой области, не осталось бы безъ благотворнаго вліянія на взаимное пониманіе двухъ обществъ, взаимное пониманіе, которое можетъ быть существенно полезно въ международныхъ отношеніяхъ Славянства, и недостатокъ котораго, къ сожалѣнію, мы имѣли недавно случай видѣть въ сербскихъ дѣлахъ. Эта общія почва можетъ образоваться тѣмъ легче и естественнѣе, что болгарское національное движеніе уже имѣло своихъ дѣятелей въ нашей средѣ: въ русской литературѣ совершалась дѣятельность Юрія Венедина, который одинъ изъ первыхъ имѣлъ сильное возбуждающее вліяніе на умы Болгаръ; въ русской литературѣ дѣйствовали и дѣйствуютъ на пользу своего народа многіе образованные и ученые Болгары (Априловъ, Палаузовъ, Живаиновъ, Каравеловъ, Дриновъ и проч.).

„Поддержка о которой мы говоримъ, была бы необходима, и безъ сомнѣнія, высоко оцѣнена Болгарами потому, что до сихъ поръ вслѣдствіе ихъ политическаго положенія и тѣ ихъ силы, какія есть, остаются крайне разбросаны и дѣйствуютъ подъ различными вліяніями чужой обстановки: въ Константинополѣ, въ Вѣнѣ, въ Бухарестѣ; въ наиболѣе выгодномъ положеніи могли быть тѣ, которые дѣйствовали въ Россіи, но во всякомъ случаѣ эти силы не имѣли до сихъ поръ своего собственнаго національнаго средоточія, не могли организоваться въ цѣльную работу. Они не имѣютъ наконецъ и матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для ученыхъ розысканій, путешествій и предпріятій. У насъ не однажды высказывались упреки южному Славянству, что его дѣятели иногда слишкомъ поддаются чужимъ не славянскимъ вліяніямъ, вредящимъ истинно-славянскому интересу, при чемъ подразумевается упрекъ, что они не ищутъ своихъ идей въ Россіи; но справедливость требуетъ признать, что мы съ своей стороны сами сдѣлали очень немного (и пока въ настоящемъ положеніи литературы не могли сдѣлать много) для того, чтобы привязать ихъ къ себѣ нравственными и умственными узами.

„Еслибы Россія, какъ государство и какъ общество, приняла на помощь балканскому Славянству, и особенно Болгаріи, и въ этомъ отношеніи,—мы думаемъ, что это было бы такимъ удовлетвореніемъ національной потребности южнаго Славянства, такимъ вниманіемъ къ народному чувству, котораго осталось бы однимъ изъ лучшихъ свидѣтельствъ истинно братскаго отношенія къ родственному племени“.

Результатомъ всѣхъ такихъ соображеній и разсужденій г. Пинина является мысль о сдѣланіи историко-этнографической экспе-

дивии для изученія Болгарии, а также старой Сербии, Боснии и Герцеговины, экспедиции, которая могла бы дѣйствовать подъ покровительствомъ русской власти, на пользу обоихъ народовъ.

По предположенію г. Пыпина, въ кругъ предметовъ занятій экспедиции должно войти изученіе вещественныхъ памятниковъ, памятниковъ письменныхъ, этнографическаго распредѣленія племенъ славянскихъ и не славянскихъ на Балканскомъ полуостровѣ, народной поэзии и языка. Размѣры экспедиции могутъ опредѣлиться только тѣми обстоятельствами, при которыхъ она можетъ быть снаряжена, и самое осуществленіе ея г. Пыпинъ предполагаетъ возможнымъ при соединенномъ участіи разныхъ русскихъ ученыхъ учреждений.

Проектъ этотъ встрѣтилъ живое сочувствіе со стороны князя Черкаскаго; но во время развитія военныхъ дѣйствій онъ не могъ заняться этимъ дѣломъ, а затѣмъ кончина его въ самый день заключенія Санъ-Стефанскаго договора остановила дальнѣйшій ходъ предпріятія.

Слова вопросъ о проектѣ г. Пыпина возбужденъ былъ только въ исходѣ 1879 года. Въ засѣданіи 7-го декабря отдѣленіе этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества выслушало записку г. Пыпина, въ которой и отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ; присутствовавшій въ этомъ засѣданіи академикъ Я. К. Гротъ заявилъ, что предпріятіе это, проектъ котораго былъ уже ранѣе представленъ въ Императорскую Академію Наукъ, встрѣчаетъ полное одобреніе и со стороны Академіи, которая готова оказать ему свою нравственную поддержку. Сверхъ того, находившійся въ томъ же засѣданіи отдѣленія этнографіи секретарь Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (въ С.-Петербургѣ), профессоръ И. В. Помаловскій, предложилъ внести вопросъ о предполагаемой экспедиции на обсужденіе этого общества, а предсѣдатель предварительнаго комитета VI съѣзда русскихъ естествоиспытателей, профессоръ А. Н. Бекетовъ, заявилъ о своемъ намѣреніи представить означенному съѣзду предложеніе объ изученіи Балканскаго полуострова въ естественно-историческомъ отношеніи.

Въ виду столь очевидно выразившагося общаго сочувствія въ изложенному предположенію, отдѣленіе этнографіи образовало комиссію для выработки подробнаго плана экспедиции. Въ комиссіи этой приняли участіе: профессоръ В. В. Богишичъ, профессоръ В. Г. Васильевскій, профессоръ А. Н. Веселовскій, профессоръ В. И. Ламанскій, Л. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ, В. В. Стасовъ и П. А. Сырку; а позднѣе, когда предложеніе о снаряженіи экспедиции было разсмо-

тѣмъ и съ тѣмъ же сочувствіемъ встрѣчено въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ, къ составу комиссіи присоединились, какъ представители этого общества, академикъ А. Ѡ. Вычковъ и профессора И. В. Помяловскій и А. В. Праховъ.

Образовавшаяся въ такомъ составѣ комиссія, независимо отъ принятаго ею на себя порученія выработать планъ экспедиціи и разныя программы для работъ ея членовъ, признала полезнымъ отнестись къ тѣмъ ученымъ и писателямъ русскимъ и ино-славянскимъ, которые научно занимались какою-либо областью славяновѣдѣнія или лично посѣтили Балканскій полуостровъ, съ просьбою дать свои отзывы касательно задачъ и способовъ дѣйствія экспедиціи. Подобныя же просьбы были обращены отъ лица комиссіи ко многимъ русскимъ и ино-славянскимъ ученымъ обществамъ, занятія которыхъ сопрягаются съ предметомъ экспедиціи. На письма эти получено много отвѣтовъ, въ которыхъ выраженіе сочувствія къ дѣлу экспедиціи соединяется съ весьма важными научными указаніями: въ этомъ обстоятельстве нельзя не видѣть того, что мысль, заявленная въ отдѣленіи этнографіи, находитъ себѣ живое одобреніе среди знатоковъ Славянства ¹⁾. Изъ числа ученыхъ обществъ, приславшихъ комиссіи отвѣтъ, должно назвать въ особенности два: Общество любителей древней письменности (въ С.-Петербургѣ), изъявившее готовность принять на себя изданіе особенно замѣчательныхъ рукописей, если таковыя будутъ найдены членами предполагаемой экспедиціи, и Московское археологическое общество, которое, по мысли своего предсѣдателя графа А. С. Уварова, приняло на себя трудъ составить полный очеркъ программы для археологическаго отдѣла экспедиціи.

На основаніи какъ собственныхъ соображеній комиссіи, такъ и указаній, сообщенныхъ отъ тѣхъ лицъ, съ коими она вступала въ сношенія, задача и планъ экспедиціи опредѣляются въ слѣдующихъ чертахъ.

---

¹⁾ По настоящее время отвѣтныя письма получены отъ слѣдующихъ лицъ: оо. архимандритовъ Антолина и Леонида, гг. И. А. Воюена де-Бургена, Р. Ѡ. Брандта, А. С. Будковича, Л. Гейтлера, Е. Е. Голубинскаго, М. С. Дринова, К. О. Иреча, Ф. Каница, Кентрижинскаго, А. А. Кочубинскаго, Г. Брека, А. А. Брынскаго, П. А. Кулаковскаго, П. А. Лавровскаго, А. А. Майкова, В. В. Макушева, П. Матковича, Ф. Миклошича, Л. Милковскаго, Р. И. Недзвецкаго, Г. Г. Первольфа, М. П. Петровскаго, Н. А. Попова, А. А. Потебни, П. А. Ровинскаго, А. Яблоновскаго и В. Я. Ягича.

Предполагаемая экспедиция должна имѣть въ виду цѣли: 1) этнографическія и 2) археологическія.

Съ точки зрѣнія этнографіи населеніе Балканскаго полуострова представляетъ соединеніе нѣсколькихъ народностей, связанныхъ между собою какъ прошлою, такъ и настоящею своею жизнью. Поэтому, хотя первоначальная идея экспедиціи имѣла въ виду изученіе только однихъ племенъ южно-славянскихъ, комиссия, при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса, не могла не придти къ заключенію, что работы экспедиціи должны быть расширены и распространены болѣе или менѣе и на другіе народы, обитающіе на Балканскомъ полуостровѣ въ соосѣдствѣ съ Болгарами и Сербами. Въ такомъ же смыслѣ высказались въ своихъ отзывахъ и нѣкоторые изъ тѣхъ ученыхъ, къ которымъ обращалась комиссия. Взаимное вліяніе, которое оказывали съ давнихъ поръ и продолжаютъ оказывать другъ на друга южные Славяне, Румыны, Греки, Албанцы и Турки, служить достаточнымъ подтвержденіемъ для такого воззрѣнія. Согласно тому комиссия полагаетъ, что изученіе южно-славянскихъ племенъ должно быть поставлено въ центрѣ задачи будущей экспедиціи, какъ главный предметъ изслѣдованія, но что вмѣстѣ съ тѣмъ экспедиція должна обратить свое вниманіе и на другіе народы полуострова и ихъ также подвергнуть изученію—прежде всего въ ихъ отношеніяхъ къ Славянамъ, а затѣмъ и самостоятельно—въ тѣхъ случаяхъ, если они до сихъ поръ мало подвергались научному наблюденію. Изъ числа обитателей Балканскаго полуострова не-славянскаго происхожденія, Румыны за Дунаемъ и Албанцы остаются изученными, безъ сомнѣнія, столь же мало, какъ и южные Славяне; поэтому комиссия полагаетъ, что вьадунайскіе Румыны и Албанцы должны привлечь въ себѣ столь же полное вниманіе членовъ экспедиціи, какъ и Сербь, и Болгары. Напротивъ того, Грековъ и въ особенности Турокъ члены экспедиціи могли бы изучать лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для выясненія ихъ вліянія на прочія народности полуострова.

Затѣмъ, въ предѣлахъ самого населенія южно-славянскаго не всѣ части его требуютъ изученія одинаково всесторонняго, да и не всѣ части полуострова представляютъ одинаковыя удобства для научныхъ изслѣдованій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи многое, безъ сомнѣнія, будетъ зависетьъ, съ одной стороны, отъ благоприятнаго оборота обстоятельствъ, а съ другой—отъ осторожности и такта самихъ членовъ экспедиціи.

Переходя затѣмъ къ самымъ предметамъ изслѣдованія, должно сказать, что по части этнографіи они должны заключаться:

- 1) въ изученіи мѣстныхъ языковъ съ ихъ нарѣчійми и говорами, какъ основъ племеннаго дѣленія;
- 2) въ изученіи быта народовъ, обитающихъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Ближайшее изученіе строя и состава болгарскаго языка составляетъ одну изъ настоятельнѣйшихъ потребностей славянскои филологіи. Изученіе это должно дать богатые матеріалы для рѣшенія вопроса о томъ—возможно-ли считать Болгарію родиною такъ-называемаго церковно-славянскаго языка, затѣмъ должно указать весьма мало извѣстныя до сихъ поръ различія болгарскихъ говоровъ, въ особенности западныхъ, и ихъ отношеніе къ языку сербскому, наконецъ — должно внести въ словарь болгарскаго языка значительный вкладъ, который имѣетъ съ тѣмъ послужить матеріаломъ для опредѣленія отношеній болгарскаго языка къ языкамъ сосѣднихъ народовъ. Точно также, на территоріи сербскаго языка необходимо подвергнуть изслѣдованію еще не изученныя до сихъ поръ областныя говоры его въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Наконецъ, то же должно сказать и относительно мѣстныхъ отбѣнковъ въ языкахъ румынскомъ и болгарскомъ.

Указанный отдѣлъ изслѣдованій экспедиціи дастъ возможность опредѣлить какъ границы распространенія каждаго изъ названныхъ языковъ, такъ и раздѣльныя линіи въ области каждаго изъ нихъ. Особенно важно въ этомъ отношеніи точно изслѣдовать и опредѣлить границу между областями языковъ болгарскаго и сербскаго. Совокупность тѣхъ вопросовъ, которые должны войти въ составъ діалектологическихъ изслѣдованій экспедиціи, имѣетъ быть изложена въ особой программѣ, основанной на указаніяхъ какъ членовъ комиссіи, такъ и другихъ ученыхъ, изъявившихъ готовность доставить ей свои отзывы.

Основнымъ матеріаломъ для діалектологическихъ и вообще лингвистическихъ изслѣдованій должно служить собраніе образцовъ живой народнои рѣчи изъ разныхъ мѣстностей и записываніе памятниконъ народнаго творчества. Этотъ предметъ долженъ составить особую заботу членовъ экспедиціи, и притомъ записываніе пѣсенъ, пословицъ и вообще образцовъ народнаго языка должно производиться по однеобразнымъ правиламъ, о предварительномъ установленіи которыхъ озаботится комиссія.

При записываніи памятниконъ народнаго творчества должно имѣть

въ виду и интереси историко-литературные; такъ, напимѣрь, желательно собраніе быльвыхъ болгарскихъ пѣсень; между прочимъ, о краевичѣ Маркѣ; въ особенности необходимо заняться собраніемъ памятниковъ болгарскаго эпоса въ Родопскихъ горахъ и такимъ образомъ здѣсь, на мѣстѣ, провѣрить существованіе въ устахъ народа тѣхъ пѣсень, которыя изданы Ст. Верковичемъ подъ заглавіемъ „Славянской Вѣды“ и подали поводъ къ сомнѣніямъ въ ихъ подлинности.

Наконецъ, при записываніи народныхъ пѣсень желательно обращать вниманіе на размѣръ и напѣвъ ихъ, для чего въ составѣ экспедиціи необходимо имѣть—конечно временно—особое лицо со спеціальными свѣдѣніями по музыкальной части.

Кромѣ вопросовъ о языкѣ, этнографическій отдѣлъ экспедиціи имѣеть заняться задачами, касающимися собственно изученія быта народнаго: сюда входятъ наблюденія по части нравовъ, обычаевъ, обрядовъ, повѣрій, внѣшней обстановки народной жизни, домашняго хозяйства, занятій, промысловъ, и наконецъ, состоянія образованности. Наблюденія надъ всѣми этими предметами среди Болгаръ, Румыновъ за Дунаемъ и Албанцевъ были до сихъ поръ производимы почти исключительно одними иностранцами, которые многого не могли замѣтить и записать. Конечно, и члены предполагаемой экспедиціи, какъ путешественники, пребываніе которыхъ въ той или другой мѣстности должно быть ограничено известнымъ періодомъ времени, не могутъ изслѣдовать бытъ мѣстныхъ жителей въ совершенной полнотѣ, для чего, какъ известно, необходимы продолжительныя наблюденія въ одной мѣстности; уже упомянуто выше, что и не всѣ народности полуострова нуждаются въ обследованіи одинаково подробно; такъ, напимѣрь, Сербы княжества описаны въ этнографическомъ отношеніи весьма обстоятельно. Но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы работы экспедиціи дали отвѣтъ на главные вопросы изъ этнографической сферы, какъ, напимѣрь, характеристику осмотровѣнныхъ народностей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ являются въ наиболѣе чистомъ видѣ, а также характеристику ихъ въ зависимости отъ географическихъ условій страны (жители горъ и жители долинъ), очеркъ мѣстностей, гдѣ замѣчается смѣшеніе народностей, и гдѣ одна оказываетъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на другую, и т. д. Описаніе такихъ представителей населенія какъ Гагаузы—Болгары, почти утратившіе свой родной языкъ и замѣнившіе его турецкимъ, какъ Помаки—также Болгары, принявшіе исламъ, но сохранившіе свой народный языкъ, какъ Куповлахи въ Македоніи, Фессалии и Эпирѣ, какъ нѣкоторые племена Черногор-

свѣя (напримѣръ, Вассоевичи), можетъ по своей новостѣ представить большой научный интересъ даже и въ томъ случаѣ, если не будетъ совершенно полнымъ. Весьма важное значеніе могутъ также имѣть замѣтки русскаго наблюдателя о населеніи, обитающемъ у сербо-болгарской этнографической границы, или о степени утрусости румынскаго элемента въ отношеніи, какъ къ Сербамъ, такъ и къ Болгарамъ, и т. п.

Для руководства при этнографическихъ наблюденіяхъ члены экспедиціи могутъ пользоваться общею этнографическою программой, изданною Географическимъ Обществомъ, которую коммиссія нѣсколько переработала и расширила, примѣнивъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ къ мѣстнымъ условіямъ Балканскаго полуострова. Эта же программа, переведенная на болгарскій, а въ случаѣ надобности, и на другіе мѣстные языки, должна быть распространяема среди интеллигентныхъ лицъ изъ мѣстнаго населенія, съ просьбой о доставленіи на нее отвѣтовъ. Такимъ образомъ можетъ отчасти быть пополненъ тотъ недочетъ въ этнографическихъ подробностяхъ, небытка которыхъ и нельзя ожидать отъ странствующихъ членовъ экспедиціи.

Подобнымъ же образомъ должна быть распространяема среди мѣстной интеллигенціи и особая программа по собиранію свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ, составленная примѣнительно въ жизни южно-славянскихъ племенъ В. В. Богшичемъ ¹⁾. Коммиссія полагаетъ, что вообще на юридическій бытъ населенія должно быть обращено особое вниманіе экспедиціи, а притомъ необходимо имѣть въ виду и пріобрѣтеніе письменныхъ памятниковъ, относящихся до юридическаго быта—въ подлинникахъ или копіяхъ.

Какъ въ сообщеніи мѣстныхъ этнографическихъ свѣдѣній, точно также представители мѣстной интеллигенціи могутъ оказать экспедиціи помощь и въ собираніи памятниковъ устнаго народнаго творчества (пѣсенъ, сказокъ, преданій, пословицъ и пр.), и въ указаніи мѣстныхъ древностей. Поэтому замѣтки по означеннымъ предметамъ также внесены въ общую этнографическую программу.

Собираніе статистическихъ свѣдѣній, которыя относились бы ко всей совокупности тѣхъ странъ, гдѣ должна дѣйствовать экспедиція, какъ, напримѣръ, свѣдѣній объ общемъ количествѣ населенія, не

¹⁾ Программа эта, написанная первоначально по сербски, существуетъ уже въ болгарскомъ переводѣ и съ небольшоими измѣненіями переведена также на русскій и румынскій языки.

может быть возложено на членов ея—даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ пользоваться покровительствомъ Болгарскаго правительства, на которое впрочемъ экспедиція имѣетъ полное основаніе рассчитывать. Все, чего можно требовать отъ членовъ экспедиціи въ отношеніи статистики, это—приобрѣтеніе нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ о промыслахъ въ той или другой мѣстности, согласно указаніямъ, которыя также вложены въ общей этнографической программѣ, въ отдѣлѣ о промыслахъ. Но было бы совершенно необходимо, одновременно съ открытіемъ дѣйствій экспедиціи, ходатайствовать передъ Болгарскимъ правительствомъ о производствѣ нѣкоторыхъ статистическихъ обследованій силами мѣстной администраціи. Въ этомъ отношеніи прежде всего полезно было бы составленіе полныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ, списковъ, которые могли бы служить основой для всякихъ другихъ статистическихъ работъ; въ дальнѣйшемъ же будущемъ, особенно въ случаѣ организаціи статистической части въ Болгаріи, можно было бы имѣть въ виду установленіе метрическихъ записей по приходамъ, которыя могли бы дать матеріалъ для статистики движенія населенія. Составленіе же списковъ населенныхъ мѣстъ, съ означеніемъ ихъ названій на всѣхъ тѣхъ изъ мѣстныхъ языковъ, на коихъ эти названія существуютъ, представить важное подспорье для распредѣленія этнографическихъ особей на вартѣ полуострова, а также дать богатый матеріалъ по географической номенклатурѣ, весьма полезный для исторической этнографіи и географіи Балканскаго полуострова.

По части древностей Балканскій полуостровъ—если не считать его южную оконечность, собственно Грецію, да Константинополь—представляется еще менѣе изслѣдованнымъ, чѣмъ въ отношеніи этнографическомъ. Между тѣмъ находки, случайно до сихъ поръ сдѣланныя, указываютъ на богатство почвы полуострова въ отношеніи древностей. Здѣсь встрѣчаются:

- 1) памятники первобытной древности или доисторическіе;
- 2) памятники древности классической, то-есть, греческіе и римскіе, а также принадлежащіе мѣстнымъ народамъ, современнымъ греко-римскому классическому періоду;
- 3) памятники византійскіе христіанскіе;
- 4) памятники болгарской и сербской древности.

Наконецъ, могутъ быть встрѣчены и древности восточныя.

Все это должно сдѣлаться предметомъ разсказанія, описанія, сри-

сохраненія или фотографированія, измѣренія и вообще научнаго обследованія.

Отъ количества средствъ, которыя окажутся въ распоряженіи экспедиціи, будетъ зависѣть—какіе размѣры можно придать такого рода археологическимъ работамъ, каковы изслѣдованія древле-обитаемыхъ пещеръ, древнихъ путей, городищъ, раскопки кургановъ и т. п. По мнѣнію комиссіи, подобныя поиски могутъ быть произведены экспедиціей только въ видѣ опыта или предварительной развѣдки, болѣе же полное изслѣдованіе такого рода памятниковъ должно быть предоставлено будущему. Во всякомъ случаѣ заслугой экспедиціи будетъ, если она соберетъ возможно большее количество топографическихъ указаний относительно находящихся въ осматрѣнной ея территоріи земельныхъ и каменныхъ сооружений, или вообще такихъ памятниковъ, изслѣдованіе которыхъ требуетъ раскопокъ. Для облегченія членовъ экспедиціи въ этомъ отношеніи комиссія полагаетъ снабдить ихъ особыми историко-географическими справками, которыя могутъ пригодиться имъ при осматрѣ мѣстностей полуострова, особенно замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи.

Комиссія полагаетъ, что особенное вниманіе археологическаго отдѣла экспедиціи должны привлечь въ себѣ тѣ вещественные памятники, которые находятся надъ землей и подвергаются возможности уничтоженія, перемѣны или утраты въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Таки памятники архитектурныя — церкви, монастыри, кельи, дома жителей и проч., должны быть тщательно осматрѣны, срисованы, изнесены на планы и измѣрены, какъ снаружи, такъ и внутри. То же должно дѣлать и относительно памятниковъ живописи, именно—церковныхъ фресокъ, и относительно всякаго рода рельефныхъ изображеній и надписей. Не должны быть забыты и мелкія рѣзные изображенія изъ кости и дерева, и вообще предметы такъ-называемыя художественно-промышленныя, относящіяся къ церковной и домашней утвари, посудѣ, одеждѣ и ея украшеніямъ, оружію и т. п. Все это должно быть срисовываемо, воспроизводимо въ снимкахъ, а если возможно, то и приобретаемо въ подлинникахъ.

Общая программа для археологическихъ изслѣдованій экспедиціи имѣетъ быть выработана — какъ уже сказано выше — Московскимъ археологическимъ обществомъ. Съ своей же стороны комиссія озабочена составленіемъ особаго наставленія членамъ экспедиціи для дѣланія снимковъ съ рельефныхъ изображеній и надписей. Сверхъ того, такъ какъ для указанія и собранія разнаго рода древностей

весьма полезны могутъ быть представители мѣстной интеллигенціи, комиссія полагаетъ нужнымъ снабдить членовъ экспедиціи особою запиской о собираніи древностей, составленною на основаніи „Записки о русскихъ древностяхъ“, которая издана Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, для того чтобъ эта записка могла быть распространяема между мѣстными образованными людьми.

Наконецъ, еще одинъ предметъ долженъ войти въ кругъ занятій экспедиціи: это—розысканіе памятниковъ письменности и старопечати. Хотя древніе письменные памятники уже неоднократно привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ, посѣщавшихъ Балканскій полуостровъ, и многія рукописи были уже оттуда вывезены, тѣмъ не менѣе весьма позволительно надѣяться, что могутъ еще быть сдѣланы значительныя находки въ этомъ отношеніи, и во всякомъ случаѣ будетъ полезно произвести такого рода поиски, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вовсе не были дѣлаемы; такъ, напримѣръ, слѣдуетъ искать древнихъ болгарскихъ грамотъ у Помаковъ въ Родопскихъ горахъ; тамъ же, гдѣ существованіе письменныхъ памятниковъ уже было указано, какъ, напримѣръ, въ разныхъ монастыряхъ, въ томъ числѣ и Аеонскихъ, необходимо провѣрить прежде сдѣланныя описи. Произведенія старопечати славянской, румынской и греческой, которыя могутъ встрѣтиться членамъ экспедиціи, также не должны быть оставляемы ими безъ вниманія, такъ какъ нѣкоторыя южно-славянскія изданія восходятъ къ XV—XVI вѣкамъ, когда на полуостровѣ существовали уже славянскія типографіи; весьма возможно, что между книгами, которыя могутъ быть такимъ образомъ найдены, встрѣтятся экземпляры такихъ изданій, которыя вовсе неизвѣстны библиографамъ.

Такова, въ краткихъ словахъ, программа экспедиціи, выработанная комиссіей. Совѣтъ Географическаго Общества принялъ ее съ полнымъ одобреніемъ и въ настоящее время приступилъ къ изысканію способовъ для осуществленія этого предпріятія, которое можетъ принести существенную пользу отечественной наукѣ и въ то же время много содѣйствовать развитію народнаго самосознанія среди нашихъ южныхъ единоплемниковъ и единовѣрцевъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ РУМЫНСКИХЪ УЧЕНЫХЪ ПО СЛАВЯНСКИМЪ ЗЕМЛЯМЪ.

Прежде нынѣшнихъ Румынъ, послѣ паденія римско-византійскаго владычества въ большей части Балканскаго полуострова и въ Дакіи, постепенно подпали владычеству и вліянію Болгарь. Территорія, нынѣ обитаемая Румынами, входила въ составъ Болгарской державы Крума, Бориса, Симеона, и можетъ быть, Петра и Самуила, послѣ котораго въ Болгаріи начинается періодъ почти двухсотлѣтняго византійскаго владычества. Чтò было съ Румынами, или вѣрнѣе, чтò происходило въ странахъ, занимаемыхъ нынѣ Румынами, за весь этотъ послѣдній періодъ — трудно теперь сказать; мы объ этомъ знаемъ очень мало или почти ничего. Только опять видимъ мы Болгарію и Румынію подъ однимъ скиптромъ Болгарскаго царя Іоанна Асѣня, о національномъ происхожденіи котораго, въ наше время, стали спорить румынскіе и славянскіе историки. Были ли и теперь Румыны, или то, чтò нынѣ называется Румыніей, въ прежнихъ или же иныхъ отношеніяхъ къ Болгарамъ, — объ этомъ также ничего почти неизвѣстно, какъ неизвѣстно окончательно и то, когда, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ образовались Молдавія и Валахія, откуда пошла румынская народность, и такою ли была она въ то время, какова теперь, или нѣтъ.

Несомнѣнно, повидимому, что съ того времени, какъ Славяне Балканскаго полуострова, и преимущественно Болгары, стали терять свою политическую и нравственную почву, или лучше сказать, свою политическую роль на Балканскомъ полуостровѣ вслѣдствіе вторженія ви-

зантійской порчи въ ихъ соціальную и нравственную жизнь, порчи, поддерживавшей у нихъ азіатскую дикость и грубость нравовъ и невѣжество, а также вслѣдствіе частыхъ нападений на полуостровъ разныхъ азіатскихъ народовъ, и наконецъ, Османовъ, сперва въ такъ называемой Молдавіи, а потомъ и въ Валахіи образуется по княжеству, во главѣ которыхъ стоятъ Славяне, суда по собственнымъ именамъ первыхъ основателей этихъ княжествъ. По моему, это собственно не образованіе новыхъ княжествъ, а только перенесеніе лучшими или передовыми людьми изъ среды болгарскихъ Славянъ, раздѣленными, быть можетъ, на двѣ партіи, центра тяжести политической и нравственной, а потомъ и политической самостоятельности—съ праваго, южнаго берега Дуная на лѣвый, сѣверный, гдѣ во все продолженіе владычества Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ ведется съ послѣдними борьба, правда, иногда лишь подпольная, за самостоятельность. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ тому служить то важное обстоятельство, что послѣ покоренія Турками славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ Молдавію и Валахію стремятся всѣ почти лучшіе люди южнаго Славянства. Стремилась ли она сюда и во время существованія еще отдѣльныхъ славянскихъ политическихъ единицъ на полуостровѣ—это въ настоящее время мало извѣстно; но румынскія лѣтописи прямо и ясно говорятъ, что новыя княжества съ первыхъ годовъ своего существованія находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ южнымъ Славянствомъ, и не видно, чтобъ эти сношенія были враждебны.

Какія условія и какіе этнографическіе элементы представляли Молдавія и Валахія для образованія новыхъ княжествъ—не такъ-то легко рѣшить, какъ, по видимому, кажется съ перваго взгляда. Извѣстно, между прочимъ, что Крумъ перевезъ своихъ адрианопольскихъ плѣнниковъ на сѣверный берегъ Дуная. Затѣмъ, нужно было бы удивляться тому обстоятельству, что Болгары до самыхъ послѣднихъ моментовъ существованія турецкаго владычества въ сѣверной Болгаріи почти всегда находили радушный пріютъ въ Румыніи, куда они стремились въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ другую какую-либо изъ славянскихъ державъ или какое-либо другое европейское государство. Конечно, для объясненія этого обстоятельства должно имѣть въ виду, въ числѣ другихъ причинъ, и географическое положеніе Румыніи и Болгаріи. Но мнѣ кажется, не менѣе выгодъ представляетъ въ этомъ отношеніи и Сербія, и даже болѣе, если имѣть въ виду племенное родство и почти одинаковыя политическія обстоятельства Сербіи и

Болгаріи. Однако, въ Сербію болгарскіе поселяне ходятъ почти исключительно на заработки, а нѣсколько попытокъ къ сближеніямъ иного рода между Сербами и Болгарами окончились совершенно неудачно и породили даже непріязнь между тѣми и другими. Австрія, часть которой входила нѣкогда въ составъ Болгарскаго царства, и притомъ болѣе сильная во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ Румынія или Сербія, могла бы служить въ нѣкоторомъ родѣ спасительнымъ якоремъ для Болгаріи въ турецкое время, тѣмъ болѣе, что этого желало, для нѣкоторыхъ цѣлей, само австро-венгерское правительство; въ Седмиградіи мы видимъ даже болгарскія поселенія, явившіяся здѣсь при Маріи Терезіи; въ послѣднее время завязываются торговныя сношенія, — въ Вѣнѣ появляются болгарскіе купцы и предприниматели; болгарскіе поселяне съ давнихъ поръ приходили сюда на заработки, какъ и въ Румынію; въ разныхъ австрійскихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ воспитываются молодые Болгаре, Австрійцы изучаютъ Болгарію и пишутъ о ней книги. Но при всемъ томъ, въ Австріи Болгаринъ не чувствовалъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ чувствовалъ себя въ Румыніи, и не могъ быть полезнымъ для своей родины на столько, на сколько онъ былъ полезенъ ей, живя въ Румыніи, гдѣ онъ былъ какъ у себя дома, ибо тамъ почти цѣлые города, въ особенности придунайскіе, до недавняго времени были почти болгарскими, да и легенды объ основаніи нѣкоторыхъ изъ румынскихъ городовъ связаны съ именами равныхъ юго-славянскихъ вельможъ, можетъ быть, и сказочныхъ. Значитъ, если признать, что одною изъ главныхъ причинъ перенесенія центра тяжести политической самостоятельности болгарской съ праваго берега Дуная на лѣвый было выгодное географическое положеніе Румыніи, то нужно признать и то, что эта причина была не единственною, а были еще и какія-либо другія, которыя еще нужно опредѣлить.

Восточные, сѣверные и западные предѣлы Румыніи всегда соприкасались, и такъ сказать, переплетались съ предѣлами славянскихъ поселеній, и до настоящаго времени трудно еще найти этнографическую, исторически вѣдѣваемую, границу между тѣми и другими. Исторія князя Данила Романовича Галицкаго, исторія Бырладской республики въ Молдавіи и многіе другіе историческіе факты служатъ слишкомъ яснымъ тому доказательствомъ.

Еще болѣе заставляетъ меня вѣрить въ предположеніе о перенесеніи центра политической самостоятельности Болгаріи съ праваго берега Дуная на лѣвый еще одно очень важное обстоятельство —

именно, что языкъ въ новыхъ княжествахъ съ самаго ихъ основанія и почти вплоть до XVII в., какъ въ церкви, такъ и въ официальныхъ и отчасти неофициальныхъ бумагахъ, а можетъ быть, и въ высшихъ слояхъ общества, былъ славянскій, и притомъ онъ былъ такъ распространенъ, что подъ влияніемъ характера и особенностей румынскаго языка получилъ нѣсколько иную окраску, отличающую его отъ дѣловаго языка Болгаріи, Сербіи и южной Руси. Благодаря этому обстоятельству, литературныя сношенія Румыніи съ Болгарами и вообще со Славянствомъ и Аеономъ были очень долгое время постоянными, и даже можно сказать, непрерывными, а впоследствии Румыніа была литературнымъ и отчасти политическимъ передаточнымъ пунктомъ между южнымъ Славянствомъ сперва, а потомъ Аеономъ—и южною Россіей, а позже и Москвой. Отъ обстоятельнаго, безпристрастнаго и чисто научнаго разъясненія этихъ явленій зависитъ выясненіе многихъ вопросовъ румынской исторіи, остающихся до настоящаго времени весьма темными; таковы—вопросы объ образованіи румынской народности, введеніи и распространеніи христіанства въ Румыніи, началъ самостоятельной Румынской церкви, переводъ румынскихъ богослужбныхъ книгъ, зарожденіи національной литературы и проч.

Какъ извѣстно, румынскій языкъ состоитъ почти на половину изъ славянскихъ словъ, которыя, не смотря на тщательныя старанія Миклошича и Чихака, не всѣ еще собраны, — словъ, фонетическій строй которыхъ обличаетъ въ нихъ глубокую древность. Вопреки установившемуся мнѣнію можно думать, что изслѣдованія въ области румынскаго языка окажутъ большую пользу славянской филологіи, въ особенности относительно нарѣчій южно-славянскихъ, и преимущественно болгарскаго; изслѣдованія эти возбуждаютъ между прочимъ цѣлую массу вопросовъ касательно соединенія двухъ элементовъ — славянскаго и латинскаго въ румынскомъ языкѣ, вопросовъ о томъ, въ какой мѣрѣ и степени происходило это соединеніе, то-есть, на чьей сторонѣ было превосходство: на латинской или на славянской, а до этого—при какихъ условіяхъ уживались эти два элемента, и какая была предварительная работа, какіе остатки романизма или румынизма видны еще въ нынѣшнихъ языкахъ славянскихъ и не славянскихъ Балванскаго полуострова, и каково ихъ взаимное воздѣйствіе и т. п., однимъ словомъ, цѣлый рядъ вопросовъ, не только не затронутыхъ, но и не возбужденныхъ еще наукой, и въ довершеніе всего—вопросъ о томъ, можно ли признать, что Румыніа есть пунктъ,

гдѣ встрѣтились, соединились и даже слились два мировые элемента, двѣ культуры—римская и греко-славянская.

При такой постановкѣ вопросовъ въ сферѣ изученія румынской исторіи, а отчасти и исторіи южныхъ Славянъ, изслѣдованія въ области той и другой получаютъ нѣсколько иное направленіе, чѣмъ то, котораго придерживаются преимущественно румынскіе историки, руководимые въ большинствѣ случаевъ при рѣшеніи вопросовъ, касающихся исторіи своего народа, національными тенденціями новаго заката, вслѣдствіе чего историческіе вопросы лишь больше запутываются и получаютъ заключенія, совсѣмъ несогласныя съ строгими требованіями исторической правды и справедливости. При этомъ же направленіи будетъ ясно, что румынская исторія безъ исторіи славянской всегда будетъ мало понятна, чтобы не сказать, совсѣмъ непонятна и неполна—подобно тому какъ во многихъ отношеніяхъ не будетъ понятна и полна и исторія южныхъ Славянъ, а отчасти и юго-западной Россіи, безъ серьезнаго и основательнаго изученія румынской исторіи.

Ни у Славянъ, ни у Румыновъ почти нѣтъ людей, вполне подготовленныхъ для того, чтобы приступить къ изученію исторіи Румыніи въ необходимой связи съ исторіей Славянъ, и наоборотъ, — нѣтъ людей знакомыхъ съ языками, жизнію, литературой и т. п. той и другой народности. Между тѣмъ такіе люди болѣе всего нужны въ настоящее время, когда не имѣется почти никакихъ пособій, подготавливающихъ работъ, чтобы прямо взяться за самое дѣло.

Собственно говоря, отъ румынскихъ ученыхъ болѣе, чѣмъ отъ славянскихъ, слѣдовало бъ ожидать работъ по собиранію и разработкѣ источниковъ и матеріаловъ, касающихся исторіи Румыновъ, въ связи съ исторіей славянской, потому что подобнаго рода работъ по преимуществу входятъ въ область ихъ исторіи. Между тѣмъ, Румыны немного сдѣлали въ этомъ отношеніи. Михаилъ Коголничану ¹⁾, Папій Иларіанъ ²⁾, Треб. Лауріану ³⁾, Александръ Одобес-

¹⁾ Въ *Archiva romanéca*, вышедшемъ подъ его редакціей въ Яссахъ въ 2-хъ томахъ. Онъ же издалъ и молдавскія лѣтописи два раза: въ Яссахъ, въ 3-хъ томахъ, въ 1845—1852 гг., и въ Бухарештѣ въ 1872—1874 гг.; вышло только 3 тома, а должны выйдти еще два, въ которыхъ будутъ заключаться валашскія лѣтописи.

²⁾ Въ «*Tesauru de monumente istorice pentru România atâtu din vechiu tiparite cătu și manuscripte cea mei mave parte straine, adunate, publicate cu preparatiuni și note illustrate*», издававшемся подъ его редакціею въ 1862, 1863 и 1865 гг. въ Бухарештѣ.

³⁾ Въ *Magazinu istoricu pentru Dacia*, изд. въ Бухарештѣ въ 5-ти томахъ

ку ¹⁾), епископъ Мелхиседекъ ²⁾), Евдоксій Гурмузали ³⁾) и немного другихъ издали лишь кое-какіе матеріалы, къ разработкѣ которыхъ еще никто почти изъ румынскихъ ученыхъ, за весьма небольшими исключеніями, не приступалъ. Можно сказать, одинъ только нынѣшній директоръ румынскихъ государственныхъ архивовъ, В. І. Хындеу, собралъ и собираетъ, издавалъ и издаетъ почти больше, чѣмъ всѣ его предшественники, матеріаловъ и документовъ, имѣющихъ значеніе и для исторіи Румыновъ, и для исторіи Славянъ, и продолжаетъ разрабатывать до нѣкоторой степени нѣкоторые вопросы, относящіеся къ исторіи того и другихъ народовъ ⁴⁾). Славянскіе ученые во всякомъ случаѣ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ румынскіе, сдѣлали въ дѣлѣ изученія отношеній Румыновъ

подъ редакціей его и *Никол. Блческу*. Томы III и V содержатъ въ себѣ документы, относящіеся къ исторіи славянской и румынской.

¹⁾ Въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, издававшихся и издающихся въ Букурештѣ и Яссахъ и преимущественно въ издававшейся подъ его редакціей въ продолженіе трехъ лѣтъ въ Букурештѣ *Revista română*.

²⁾ Въ своихъ: «*Chronica Husilor*» si a episcopiei cu asemenea numire. Dupre documentele episcopiei si alte monumente ale terei. Bucuresci. 1878, «*Chronica Romanului* si a episcopiei de Romani. Compusa dupre documente nationali-romane si streine, edite si inedite. Buc. 1875 г. въ 2-хъ частяхъ и «*Lipovenismulu* adică schismaticii seî răscolnicii si ereticii rusesci. Dupre autorii rusi si irvóre nationale române. Bucuresci. 1871 г, гдѣ на стр. 176—141, 414—494 и 515—538 подробно говорится о русскихъ раскольникахъ и разныхъ русскихъ мистическихъ сектахъ въ Румыніи.

³⁾ Собранные вмѣ «*Documente privitoare la istoria Românilor*. Bucuresci» и издаваемые особою комиссіей на средства румынскаго министерства народнаго просвѣщенія. Издавы до сихъ поръ томы VI (1879) и VII (1876), заключающіе въ себѣ документы изъ XVIII в. (всѣхъ томовъ будетъ 7); его же «*Fragmente zur Geschichte der Rumänen*. I В. Bucuresci. 1878 (румынскій переводъ, впрочемъ, довольно плохой, издавъ тамъ же въ 1879 г.).

⁴⁾ Свои труды, касающіеся исторіи Славянъ и Румыновъ, Хындеу печаталъ въ лессинхъ и букурештскихъ періодическихъ изданіяхъ, изъ которыхъ можно указать, какъ самыя главные, слѣдующіе: *Arhiva istorică a României*, издававшійся въ Букурештѣ въ 1864—1865 и 1867 гг. на средства румынскаго министерства народнаго просвѣщенія подъ редакціей Хындеу; здѣсь Хындеу напечаталъ, между прочимъ, много документовъ, важныхъ для исторіи сношеній Румыновъ съ Россіей; *Trăianii*, издававшійся Хындеу всего годъ, тамъ же; въ немъ онъ напечаталъ, между прочимъ, свое довольно длинное разсужденіе о славянскихъ элементахъ въ румынскомъ языкѣ. По прекращеніи этого изданія, Хындеу издавалъ въ продолженіе 8-ми лѣтъ до 1877 г. включительно *Columna lui Trăian* — журналъ-газету научную, литературную и промышленную, посвященную исторіи, политическимъ наукамъ, праву, медицинѣ, естественнымъ наукамъ, поэзіи,

къ той или другой изъ славянскихъ народностей; да и раньше Румыновъ они стали собирать касающіеся этого предмета документы и матеріалы. Труды Миклошича, Венелина, Григоровича, Стадницкаго ¹⁾, Палаузова и др. по отмѣченному мною вопросамъ давно уже извѣстны,—нѣкоторые изъ этихъ трудовъ сдѣлались даже настольными книгами для занимающихся изслѣдованіями по исторіи отношеній Славянъ къ Румынамъ. Недавніе труды Яблоновскаго ²⁾, Калужницкаго ³⁾, а также небольшой сборникъ молдавскихъ грамотъ, выпедшій въ текущемъ году въ Коломнѣ, и множество грамотъ, актовъ и разныхъ другихъ документовъ, разсѣянныхъ по русскимъ и не русскимъ специальнымъ изданіямъ и относящихся къ исторіи Румыновъ въ связи съ исторіей Славянъ,—составляютъ очень цѣнные данныя для изученія исторіи взаимныхъ отношеній тѣхъ и другихъ народовъ.

библиографіи, народной словесности и пр., а съ 1876 г. только исторіи, языковеденію и народной психологіи. Здѣсь Хыдшеу напечаталъ, кромѣ грамотъ на русскомъ и славянскомъ языкахъ, много весьма интересныхъ и дѣльныхъ замѣтокъ по вопросамъ, относящимся къ исторіи литературныхъ связей и сношеній Славянъ, преимущественно южныхъ, и Румыновъ. Его во многихъ отношеніяхъ важная для слависта «Istoria critica a Romanilor» имѣетъ своимъ предметомъ историческое обозрѣніе румынской территоріи. Къ сожалѣнію, эта исторія прервалась на началѣ второго тома, выдержавъ два изданія перваго. Наконецъ, самый капитальный, послѣдній донныи изъ трудовъ Хыдшеу, издающійся на средства управленія румынскими государственными архивами и выходящій подъ общимъ заглавіемъ: **ВЪКЕТЕ ДЕ БЪТРИНЬ** (Старинныя рѣчи), не менѣе, а можетъ быть, болѣе, чѣмъ все его прежніе труды, важенъ для слависта-историка и языковѣда. До этихъ поръ вышло только *два* тома, изъ которыхъ въ первомъ, носящемъ заглавіе: «Limba româna vorbită între 1550—1600» (Румынскій разговорный языкъ 1550—1600. Studii paleografice-linguistic. Bucuresci. 1878), затрогивается не мало вопросовъ, касающихся славянской филологіи, а во второмъ, озаглавленномъ «Cărtile poroane ale Românilor în secolul XVI (Румынскія народныя книги XVI в. Bucur. 1879), сравниваются нѣсколько рукописныхъ текстовъ апокрифическихъ сказаній съ нѣкоторыми славянскими и отчасти западно-европейскими.

¹⁾ O wsiach tak zwanych wołoskich. Lwow. 1848.

²⁾ Documenta moldawskie i multenskie z archiwum miasta Lwowa (Odbitka z tomu VII u Aktów grodzkich). We Lwowe 1878, in 4° (стр. 60, со снимка съ грамотъ). Ему же принадлежит и большая часть изслѣдованія «Ueber die Wanderungen der Rmnnen in den Dalmatinischen Alpen und den Karpaten. Von Dr. Franz Miklosich. Wien. 1879.

³⁾ Sprawy wołoskie za Jagiellonów. Actai listy. Warszawa. 1878, составляющія т. X историческаго «Zródła dziejowe».

Но всё собранное и отчасти изданные до настоящего времени документы и памятники этого рода составляютъ весьма небольшую часть всего, что относится къ исторіи Румыновъ, находится въ неизвѣстности и разсѣяно по разнымъ славянскимъ и отчасти неславянскимъ архивамъ и бібліотекамъ; и по видимому, Румыны еще не скоро смогутъ воспользоваться всеми этими сокровищами славянскихъ бібліотекъ и архивовъ, такъ какъ большинство румынскихъ ученыхъ почти совершенно незнакомо до настоящего времени со славянскими нарѣчіями, древностями, исторіей, литературами, жизнью и бытомъ славянскихъ народностей. Вслѣдствіе того труды румынскихъ ученыхъ по собиранію матеріаловъ для исторіи Румыніи въ большинствѣ случаевъ ограничивались собираніемъ документовъ и памятниковъ, написанныхъ не на славянскомъ языкѣ, а по преимуществу на латинскомъ, въ меньшемъ количествѣ — на греческомъ, затѣмъ — на нѣмецкомъ и другихъ языкахъ. Незнакомствомъ румынскихъ ученыхъ со славянщиной объясняется и то печальное обстоятельство, что румынскіе историки не могли до настоящего времени пользоваться массой документовъ весьма важныхъ для исторіи не только Румыніи, но и Славянскихъ народовъ, по преимуществу южныхъ, документовъ, написанныхъ послavianски и отчасти чисто славянскихъ, лежащихъ въ небреженіи въ бібліотекахъ и архивахъ Румыніи или же разсѣянныхъ и нерѣдко обреченныхъ на совершенную гибель въ разныхъ закоулкахъ румынскихъ монастырей и церквей, какъ въ самой Румыніи, такъ и внѣ ея нынѣшнихъ предѣловъ.

Я не задаюсь въ настоящей статьѣ цѣлью изложить исторію румынской исторіографіи, но намѣренъ сдѣлать лишь очеркъ путешествій румынскихъ ученыхъ съ ученою цѣлью по славянскимъ землямъ и по Аеоу.

Съ тѣхъ поръ, какъ у румынскихъ ученыхъ усилилось сознание необходимости въ критической разработкѣ румынской исторіи, явилась, какъ мы уже видѣли, и необходимость приступить къ собиранію и изученію нужнаго для того матеріала. Но при этомъ оказалось, что масса матеріала для румынской исторіи разсѣяна въ заграничныхъ бібліотекахъ, архивахъ и музеяхъ, преимущественно въ славянскихъ, и потому явилась надобность предпринимать путешествія съ цѣлью собирать этого рода матеріалъ.

Это сознание пробудилось сперва у отдѣльныхъ лицъ, занимающихся исторіей Румыніи, и потому инициатива собиранія историческихъ матеріаловъ въ Румыніи, можно сказать, всецѣло принадлежитъ

отдѣльными личностямъ. Только не очень давно правительство румынское явилось на помощь ученымъ; по инициативѣ послѣднихъ, а въ последнее время, и румынскаго академическаго общества, румынское министерство народнаго просвѣщенія устроило нѣсколько командировокъ, между прочимъ, и въ славянскія земли Австро-Венгрии, Россію и на Балканскій полуостровъ—для изученія, собиранія и списыванія, а если возможно, и для пріобрѣтенія въ подлинникахъ актовъ, документовъ и вообще матеріаловъ для исторіи Румыніи, хранящихся въ тамошнихъ бібліотекахъ, архивахъ, музеяхъ и у частныхъ лицъ.

Количество данныхъ и матеріаловъ, имѣющихся у меня подъ руками для составленія этой статьи, заставляетъ меня начать обзоръ путешествій румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ съ обзорѣмъ путешествій двухъ изъ нихъ по Россіи и съ изложенія результатовъ ихъ поисковъ въ здѣшнихъ бібліотекахъ, архивахъ и музеяхъ. Впослѣдствіи я изложу путешествія румынскихъ ученыхъ съ ученою цѣлью на Балканскій полуостровъ, и наконецъ, въ славянскія земли Австро-Венгрии.

I.

Румынскіе ученые или забывали, или просто не хотѣли до сихъ поръ знать, какія сокровища заключаютъ въ себѣ русскіе архивы и книгохранилища для исторіи и даже для старой литературы Румыніи, для политическихъ и торговыхъ сношеній Молдаво-Валахскихъ господарей съ Московскими царями, а потомъ и для литературныхъ сношеній преимущественно Молдавіи съ юго-западною Россіей и Польшей, и между прочимъ, съ Могилянскою академіей въ Кіевѣ, основателемъ которой былъ Румынъ, митрополитъ Петръ Могила. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить результаты работъ гг. Одобеску и Точилеску, и особенно послѣдняго, въ русскихъ бібліотекахъ, архивахъ и музеяхъ.

Александръ-Іонъ Одобеску, изъ знатнаго боярскаго рода, бывшій во время Кузы министромъ народнаго просвѣщенія, а нынѣ профессоръ археологіи въ Букурештскомъ университетѣ,—одинъ изъ самыхъ видныхъ писателей и ученыхъ румынскихъ настоящаго времени. Румынія можетъ гордиться Одобеску, какъ своимъ первымъ археологомъ, и какъ таковой, онъ можетъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ Европѣ. Его „Исторія археологіи“¹⁾, остающаяся почти безъ

¹⁾ Cursul de archeologiea. Istoria archeologiei. Studii introductivă la această sciință. I. Anticitatea. Renascerea. Bucuresă. 1877. XV+763, in 8°.

вниманія, такъ какъ написана на малоизвѣстномъ румынскомъ языкѣ, составляетъ немаловажный вкладъ въ археологическую литературу. Онъ одинъ изъ румынскихъ ученыхъ довольно основательно знакомъ съ русскими христіанскими и отчасти до-христіанскими древностями, также очень хорошо знакомъ съ древностями византійскими, а до нѣкоторой степени и со славянскими. Основательно зная старую румынскую литературу, жизнь Румыновъ и ихъ народное искусство и будучи отчасти знакомъ съ славянскимъ и русскимъ языками, онъ не обладаетъ лишь основательнымъ знаніемъ одного изъ живыхъ славянскихъ языковъ, чтобы пользоваться безъ затрудненія всеѣмъ тѣмъ, что представляютъ въ настоящее время литературы Славянъ по археологіи.

Одобеску былъ въ Россіи въ 1869—1870 гг.; посѣтилъ Одессу, Москву, Троицко-Сергіевскую лавру и Петербургъ, гдѣ занимался преимущественно археологіей, а именно скискими и русско-византійскими христіанскими древностями и ознакомился съ русскою литературою по археологіи и съ тѣмъ, что издано было у насъ изъ матеріаловъ для румынской исторіи. Подробные результаты его научныхъ занятій въ Россіи до настоящаго времени еще не обнародованы. Въ данную минуту я могу указать только на два его труда, составленные, между прочимъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ въ Россіи, а именно—очень дѣльное и серьезное въ научномъ отношеніи изслѣдованіе о скискихъ древностяхъ, очень недавно напечатанное въ Лѣтописяхъ румынскаго академическаго общества (т. XI, отд. II)¹⁾, и небольшую статью: „Воздухъ съ вышитымъ изображеніемъ положенія Спасителя во гробъ, пожертвованный въ 1601 г. въ русскій Тихвинскій монастырь и найденный въ Быстрицкомъ монастырѣ въ Валахіи“, съ обширными и богатыми примѣчаніями²⁾. Кроме того, есть нѣсколько замѣтокъ и краткихъ описаній древностей въ Россіи въ „Исторіи археологіи“.

Уѣзжая изъ Москвы дѣйствительнымъ членомъ Московскаго археологическаго общества, А. Одобеску унесъ съ собою пріятное вос-

¹⁾ О содержаніи этого весьма любопытнаго изслѣдованія было недавно сдѣлано сообщеніе въ Московскомъ археологическомъ обществѣ.

²⁾ Эта статья помѣщена въ не совсемъ удовлетворительномъ русскомъ переводѣ съ французскаго языка съ 3-мя отдѣльными снимками въ *Трудахъ Московскаго археологическаго общества*, издающихся подъ заглавіемъ *Древности*. Томъ IV, М. 1879, стр. 1—36.

поминаніе и дружеское чувство въ своимъ русскимъ пріятелямъ и къ Россіи, какъ государству съ блестящимъ будущимъ и славною исторіей.

Молодой ученый Григорій Точилеску, по окончаніи курса по юридическому факультету въ Букурештскомъ университетѣ, былъ отпраздненъ румынскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Прагу, въ тамошній университетъ, для изученія славянскаго языка и славянской исторіи, съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи въ Румынію, занять имѣвшую открыться катедру славянскаго языка и исторіи въ Букурештскомъ университетѣ. Но выборъ лица со стороны министерства оказался неудачнымъ для указанной цѣли. Г. Точилеску пробылъ въ Прагѣ два года и получилъ тамъ степень доктора философіи, но славянскаго языка и славянской исторіи не изучилъ, тѣмъ болѣе, что къ этому совершенно не былъ подготовленъ, да и охоты особенной къ тому не прибрѣлъ. Вслѣдствіе того и открытіе славянской катедры въ Букурештскомъ университетѣ, къ сожалѣнію, отсрочено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, то-есть, до того времени, пока не найдется человекъ, достойный и способный занять ее.

И вотъ этого-то доктора философіи Пражскаго университета, по инициативѣ румынскаго академическаго общества, румынское министерство народнаго просвѣщенія командировало въ Россію съ ученою цѣлью.

Но прежде чѣмъ сказать—что именно долженъ былъ сдѣлать и что сдѣлалъ г. Точилеску въ Россіи, я изложу причины, побудившія румынское академическое общество затѣять эту командировку, тѣмъ болѣе, что эти причины могутъ служить довольно рельефною характеристикой взглядовъ румынскихъ ученыхъ на важность, значеніе и необходимость изучать памятники румынской литературы и документы касательно исторіи Румыніи, хранящіяся въ иностранныхъ бібліотекахъ и архивахъ.

Еще съ самаго начала своего существованія, румынское академическое общество рѣшило издать латинскій подлинникъ и новый румынскій переводъ труда Молдавскаго господаря Димитрія Кантемира: „Описаніе Молдавіи“; изданіе это должно было служить началомъ полнаго изданія сочиненій Кантемира по рукописямъ, которыя общество имѣло получить изъ Петербурга, отъ академіи наукъ; кромѣ того, предположено было составить и издать подробное жизнеописаніе Д. Кантемира съ критическимъ обзоромъ его литературныхъ

трудоѡ и сочиненій ¹⁾). Изданіе „Описанія Молдавіи“ и составленіе жизнеописанія Кантемира общество возложило на одного изъ своихъ членовъ, Папія Иларіана ²⁾, который и принялъ было на себя это порученіе, но почти чрезъ годъ заявилъ обществу, что жизнеописанія Кантемира онъ не могъ до того времени приготовить, такъ какъ у него подъ руками не было всѣхъ литературныхъ трудовъ и сочиненій Д. Кантемира, а именно: „Moldaviae nobilitatis genealogiae“ и „Historia Vlahica“, а также и переписки Д. Кантемира съ Берлинскою академіей наукъ, переписки, которая, по предположенію издателя, должна была существовать, такъ какъ Д. Кантемиръ былъ членомъ этой академіи. Помимо этого Иларіану заявилъ, что не знаетъ русскаго языка, на которомъ написаны были весьма важные труды по этому предмету ³⁾. Какъ бы то ни было, но Папія Иларіанъ успѣлъ издать въ 1872 году латинскій подлинникъ „Descriptio Moldaviae“, но на румынскій языкъ перевелъ изъ него для изданія только два печатныхъ листа. Послѣ того Иларіанъ заболѣлъ, а потомъ вскорѣ и умеръ.

Новое изданіе румынскаго перевода „Описанія Молдавіи“ вышло въ свѣтъ въ 1875 г. подъ редакціей другаго члена академическаго общества, Юсифа Ходоша ⁴⁾. Вопросъ о жизнеописаніи Д. Кантемира такимъ образомъ остался открытымъ. Въ слѣдующемъ 1876—1877 г. впервые изданъ былъ румынскій переводъ „Исторіи Оттоманской имперіи“ Д. Кантемира подъ редакціей того же І. Ходоша и также по порученію академическаго общества; за этимъ рѣшено было приступить къ изданію самаго капитальнаго труда Д. Кантемира — „Молдаво-Валашской хроники“.

Но уже при самомъ началѣ изданія сочиненій Д. Кантемира явилась необходимость имѣть подъ руками подлинники этихъ сочиненій. Румынскія изданія нѣкоторыхъ изъ нихъ хотя и существовали, но переводы и списки для нихъ были сдѣланы съ русскихъ, нѣмецкихъ и новогреческихъ изданій и переводовъ сочиненій Д. Кантемира. Рукописные подлинники почти всѣхъ сочиненій Молдавскаго господаря хранятся въ русскихъ библіотекахъ и музеяхъ, такъ какъ Д. Канте-

¹⁾ *Annalile societatei academiei romane*. Sesiunea an. 1870. T. III. Bucuresci. 1871, pag. 48. T. IV, p. 53, 143—5 и предисловіе къ „Descriptio Moldaviae“. Bucur. 1872, p. IX.

²⁾ *Annal. soc. acad. romane*, t. III, стр. 48 и t. IX, p. 143—145.

³⁾ *Ibid.*, t. IV, p. 143.

⁴⁾ Предувѣдомленіе къ румынскому переводу „Descriptio Moldaviae“. Bucur. 1875, p. IV.

миръ долго жилъ и умеръ въ Россіи, да и большую часть своихъ произведеній написать здѣсь: вслѣдствіе того академическое общество, затѣвая изданіе полнаго собранія сочиненій Д. Кантемира, должно было такъ или иначе обратиться по этому поводу къ Россіи. Еще 21-го августа 1871 г. академическое общество избрало делегатовъ изъ своихъ членовъ для сношенія и объясненія съ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Букурештѣ по вопросу о полученіи всѣхъ рукописныхъ и не рукописныхъ сочиненій Д. Кантемира для снятія съ нихъ копій ¹⁾. И дѣйствительно, въ засѣданіи историческаго отдѣленія академическаго общества 27-го августа 1874 г. былъ представленъ списокъ нѣкоторыхъ рукописныхъ сочиненій и дѣловыхъ бумагъ Антіоха Кантемира, полученный въ Букурештѣ чрезъ русскаго генеральнаго консула изъ Московскаго Румянцевскаго музея и Императорской Публичной Библиотеки, но о „Молдаво-валашской хроникѣ“ и вообще о сочиненіяхъ Д. Кантемира въ этомъ списокѣ не было и помину, такъ какъ русскій генеральный консулъ забылъ упомянуть объ этихъ послѣднихъ въ своемъ донесеніи нашему министерству иностранныхъ дѣлъ по этому предмету. Полученныя рукописи академическое общество признало для себя не нужными, и возвративъ ихъ русскому консулу, рѣшило обратиться къ нему вторично съ просьбой о присылкѣ обществу рукописи „Молдаво-валашской хроники“ Д. Кантемира ²⁾.

Въ засѣданіи общаго собранія академическаго общества 20-го августа 1877 года представленъ былъ ему при отношеніи русскаго генеральнаго консула барона Стюарта списокъ нѣкоторыхъ рукописныхъ сочиненій Д. Кантемира и рукописныхъ и печатныхъ произведеній Антіоха Кантемира съ интересною объяснительною запиской нашего почтеннаго академика А. А. Куника относительно нѣкоторыхъ рукописныхъ и печатныхъ произведеній Д. Кантемира. Изъ отношенія было видно, что рукопись „Молдаво-валашской хроники“ хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда, по положенію объ архивѣ, рукописи и книги не выдаются и посланы быть не могутъ куда бы то ни было. Баронъ Стюартъ совѣтовалъ обществу послать въ Москву лицо, которое сняло бы копію съ рукописи ³⁾. Послѣ этого, по опредѣленію общества, членъ онаго Одобеску обратился къ извѣстному нашему ученому,

¹⁾ *Annale societatiei academice romane*, t. IV. Buc. 1872, p. 144—5.

²⁾ *Ibid.*, t. VII (Bucur. 1874), p. 88—90.

³⁾ *Ib.*, t. X, sect. I (Bucur. 1877), p. 15—18.

графу А. С. Уварову съ просьбой: не найдетъ ли онъ въ Москвѣ чело-
вѣка, который снялъ бы копію съ „Молдаво-валашской хроники“. Но такъ какъ графъ Уваровъ долго не давалъ отвѣта на просьбу г. Одобеску¹⁾, то отдѣленіе, чтобы не останавливать работъ по изда-
нію сочиненій Д. Кантемира, постановило напечатать небольшое приписываемое ему сочиненіе: „Біографія семействъ Бранковановъ и Нантакузинныхъ“, которое и было издаво въ 1878 г. вмѣстѣ съ неболь-
шимъ философскимъ трактатомъ того же автора: „Диванъ, или сперь мудреца съ міромъ или судъ между душою и тѣломъ“; для снятія же копій со всей рукописи „Молдаво-валашской хроники“, а также и другихъ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ румынской исто-
ріи и литературѣ, хранищихся въ русскихъ архивахъ и бібліоте-
кахъ, оно позволило командировать въ Россію Григорія Точилеску. „Молдаво-валашскую хронику“ рѣшено было издать въ слѣдующемъ году. На путешествіе г. Точилеску въ Россію опредѣлено было иско-
датыствовать отъ правительства сумму въ 2500 франковъ²⁾.

Весьма характерны мнѣнія, выраженные по этому вопросу чле-
нами академическаго общества. Одинъ изъ нихъ, Т. Лауриану, выска-
зался противъ этой командировки. Онъ говорилъ, что, не будучи въ
принципѣ противъ ученыхъ командировокъ, онъ однако считаетъ нуж-
нымъ сообразоваться съ несостоятельностью общества и правительства
относительно матеріальныхъ средствъ; онъ выразилъ опасеніе, что
сумма въ 2500 франковъ будетъ недостаточна и вызоветъ еще но-
вые расходы. Кромѣ того, онъ высказалъ убѣжденіе, что скопированіе
„Молдаво-валашской хроники“ не такъ необходимо, какъ кажется,
тѣмъ болѣе, что яское изданіе означенной хроники 1835 г. сдѣлано
покойнымъ филологомъ, профессоромъ Сеулеску, какъ положительно
извѣстно, при самомъ тщательномъ изученіи ея подлинника, и потому
командированное обществомъ лицо найдетъ, вѣроятно, очень неболь-
шія различія между изданнымъ текстомъ хроники и рукописнымъ, и
то разій только въ правописаніи. Притомъ, собственно говоря, реаль-
ное значеніе Д. Кантемира, какъ писателя, не такъ велико, и обще-
ство только изъ чувства уваженія къ личности этого писателя пред-
приняло новое изданіе его сочиненій. Содержаніе хроники довольно
хорошо извѣстно, слѣченіе же печатнаго изданія съ московскою ру-
кописью, подлинность которой сомнительна, г. Лауриану считалъ без-

¹⁾ Ibid., p. 40.

²⁾ Ibid., p. 39—41.

полезнымъ и слишкомъ дорого стоящимъ. Вслѣдствіе того г. Лауріану полагають, что уваженіе общества къ личности Д. Кантемира будетъ слишкомъ дорого оплачено, если на командировку въ Россію будутъ употреблены средства, которыя можно посвятить дѣламъ болѣе важнымъ ¹⁾).

На это почтенному члену были представлены слѣдующіе доводы въ пользу необходимости командировки: Изданіе полнаго собранія сочиненій Д. Кантемира предпринято обществомъ не только изъ чувства уваженія къ знаменитому румынскому писателю, но и вслѣдствіе важнаго научнаго значенія этихъ сочиненій, призваннаго иностранцами, издавшими и переведившими эти произведенія. Но кромѣ того, самое важное значеніе этихъ сочиненій заключается въ томъ, что у Д. Кантемира видно стремленіе исправлять румынскій языкъ внесеніемъ въ него элементовъ латинскаго языка, которымъ такъ прекрасно владѣлъ бывшій Молдавскій господарь. Въ этомъ отношеніи Д. Кантемиръ есть лучшій приверженецъ великихъ идей румынизма, которыя проглядывали еще въ писаніяхъ румынскихъ лѣтописцевъ: Ворника Уреки, и въ особенности, Мирона Костина, и которыя достигли своего апогея у Шинкая, Петра Маіора и другихъ румынскихъ трансильванскихъ писателей. Какъ ни казались бы мало научными для настоящаго времени эрудиція и стиль Д. Кантемира, но нельзя допустить никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ — слава румынской націи, въ которой никто не можетъ относиться безъ уваженія. Нужно, чтобъ его писанія и дѣла служили назидательнымъ образцомъ въ дѣлѣ литературномъ и политическомъ ²⁾. Въ виду этого даже одно изданіе полнаго собранія сочиненій Д. Кантемира, предпринятое и сдѣланное подъ ручательствомъ со стороны академическаго общества, весьма важно и необходимо, и это можетъ служить полнымъ и достаточнымъ основаніемъ для снаряженія командировки. Даже одно простое сравненіе текста рукописи съ текстомъ изданнымъ могло бы быть достаточною причиною для командировки въ виду важности Кантемирова правописанія и чистоты языка; ибо если въ румынскихъ типографіяхъ, при всѣхъ усовершенствованіяхъ, до какихъ дошли онѣ въ настоящее время, допускается множество погрѣшностей и ошибокъ, то что же можно ожидать отъ митрополичьей яесской типографіи 42 года тому назадъ (это было сказано въ 1877 году), даже

¹⁾ Ibid., p. 29—30.

²⁾ Ibid.

при самомъ добросовѣстномъ отношеніи почтеннаго Сеулеску къ дѣлу ¹⁾). Впрочемъ, можно сомнѣваться въ научномъ отношеніи издателя „Молдаво-валашской хроники“ къ дѣлу, если взять во вниманіе его увлеченія при обсужденіи нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ, чему доказательствомъ служить изводъ Кланау, приписываемый имъ Д. Кантемиру ²⁾).

Какъ бы то ни было, но г. Точилеску получилъ инструкціи отъ академическаго общества и 15-го октября 1877 г. выѣхалъ изъ Букурешта въ Россію. По этимъ инструкціямъ онъ долженъ былъ, кромѣ снятія копій съ рукописи „Молдаво-валашской хроники“, хранящейся въ бібліотекѣ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, и кромѣ подробнаго сравненія текста рукописи съ текстомъ печатнаго изданія, сравнить подлинную румынскую рукопись хроники съ рукописью латинскою: „*Historia Moldaviae*“ или *Descriptio antiqui et moderni status Moldaviae*“ (въ бібліотекѣ азіатскаго музея), отмѣтить различія въ обѣихъ рукописяхъ и затѣмъ снять копій съ слѣдующихъ рукописныхъ сочиненій Д. Кантемира: *Istoria Ieroglifica*, написанной по румынски въ 1700 г. (въ бібліотекѣ главнаго московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ), *Moldaviae nobilitatis genealogiae*, *Vita Constantini Cantemiri Cagnomento senis Mold. P. P.* (въ бібліотекѣ азіатскаго музея въ Петербургѣ), *Principis Demetrii Cantemiri variae schedae et excerpta e autographo descripta* (тамъ же), а также и другихъ румынскихъ или латинскихъ рукописей того же Кантемира, съ указаніемъ названія и мѣста ихъ храненія. Кромѣ того, ему поручено было узнать—не находятся ли въ какой-либо изъ русскихъ бібліотекъ рукописи: „*Theologo-Physica*“ или „*Monarchiarum physica examinatio*“ и „*Исторіи семействъ Бранковановъ и Кантакузинныхъ*“; затѣмъ сравнить латинскій текстъ академическаго изданія „*Descriptio Moldaviae*“ съ рукописью, находящеюся въ бібліотекѣ азіатскаго музея въ Петербургѣ, при чемъ обратить вниманіе на отмѣтки автора на поляхъ рукописи; также сравнить румынскій переводъ академическаго изданія: „*Istoria crecerei si scaderei imperiului Ottomanu*“ съ рукописями: итальянскою (въ бібліотекѣ главнаго московскаго архива министерства

¹⁾ Ibid., p. 29.

²⁾ Ibid., p. 30. Подробности объ изводѣ Кланау у *J. Biani*, «*Vietia di activitatei lui Maniu Samuilu Miculu, alias Clain de Sadu*» въ *Annal. societ. academ. romane*, t. IX. Buc. 1876, p. 94—96 и у *Энцеля*, *Geschichte der Moldau und Walachey*, стр. 26.

иностранныхъ дѣлъ) и латинскою (въ библіотекѣ азіатскаго музея въ Петербургѣ), съ означеніемъ различій. Далѣе ему поручено было собирать всякаго рода документы, касающіеся подробностей жизни Д. Бантемира, обращая вниманіе на его письма и библіографическія указанія, относящіеся къ его сочиненіямъ; затѣмъ изучить и описать два рукописныхъ румынскихъ словаря, изъ которыхъ, по указаніямъ А. Хиллдеу, одинъ хранится въ библіотекѣ общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, а другой — въ библіотекѣ, бывшей графа Толстаго, и наконецъ, собирать всякаго рода документы, относящіеся къ исторіи и литературѣ румынской, которые найдутся въ библіотекахъ и архивахъ Москвы и Петербурга, а если позволятъ средства и обстоятельства, Кіева и Одессы ¹⁾).

Далѣе мы увидимъ—каковъ былъ уснѣхъ поѣздки г. Точилеску.

---

¹⁾ Ibid., t. XI, sect. I, (Bucurescı 1879), p. 43—45.

II. Сырну.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1879 году; личный составъ преподавателей; вакантіи кафедр; мѣры для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ занятіями ихъ; присужденіе наградъ за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлю; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; ученые общества при университетѣ.

Въ Казанскомъ университетѣ къ 1-му января 1880 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ 7, доцентовъ 2, лекторовъ 2, всего 11; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ 9, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 2, лаборантовъ 4, астрономъ-наблюдатель 1, всего 20; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарный 1, доцентъ 1, всего 8; по медицинскому: ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарныхъ 2, доцентовъ 10, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 3, лаборантовъ 2, ординаторовъ 10, всего 30. Сверхъ того, при университетѣ состоялъ по штату профессоръ православнаго богословія. Общее число штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ было: профессоръ православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 36, экстраординарныхъ 7, доцентовъ 15, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 3, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантовъ 6, лекторовъ 2, ординаторовъ 7, всего 80. Сверхштатныхъ было: 1 помощникъ прозектора, 2 лаборанта, 2 ординатора и 9 ассистентовъ. Привать-доцентовъ имѣлось часть ссх, отд. 4.

9, по слѣдующимъ предметамъ: латинскому языку, греческому языку, славянской филологіи, физической географіи, уголовному праву, агрономической химіи, теоріи эллиптическихъ функцій, семіотикѣ и діагностикѣ, практическому гражданскому судопроизводству, математикѣ и технологіи. Сверхъ того, приглашены были къ временному преподаванію: римской словесности—профессоръ Казанской духовной академіи Красинъ и логики и психологіи—профессоръ той же академіи Снегиревъ. Изъ положенныхъ по дѣйствующему уставу каедръ-вакантными были слѣдующія: римской словесности со 2-й половины 1869 года, исторіи всеобщей литературы и теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ—со времени введенія въ дѣйствіе нынѣшняго устава, вторая каедрa математики—съ декабря 1871 года, агрономической химіи съ марта 1870 года, физической географіи съ 1863 года, каноническаго права съ сентября 1869 года, исторіи славянскихъ законодательствъ съ 1863 года, политической экономіи и статистики—съ марта 1878 года, исторіи иностранныхъ законодательствъ съ января 1876 года, энциклопедіи права съ октября 1879 года и общей патологіи.

Въ 1879 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—23, въ числѣ которыхъ 7 были, между прочимъ, для производства испытаній на ученые степени и званія и одно публичное для защищенія диссертациі *pro venia legendi*; физико-математическій—31, юридическій—19 обыкновенныхъ и одно публичное; медицинскій—22, въ числѣ коихъ три публичныя. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями, приняты были слѣдующія мѣры: На историко-филологическомъ факультетѣ, сверхъ переводныхъ испытаній, для студентовъ 1-го курса назначены были въ декабрѣ репетиціи изъ пройденнаго въ первое полугодіе по основнымъ предметамъ этого курса. Въ результатѣ оказалось, что изъ 23 студентовъ получили въ среднемъ выводѣ: семь—балы 4, два—4, девять—болѣе 3 и пять не держали или не окончили репетицій по болѣзни и потому допущены къ экзамену въ маѣ. Съ раздѣленіемъ факультета на отдѣленія признано болѣе цѣлесообразнымъ подвергнуть репетиціямъ и студентовъ II курса вмѣсто подачи семестровыхъ сочиненій, которыя могли отвлекать ихъ отъ изученія основныхъ предметовъ и въ то же время не могли быть, въ большинствѣ случаевъ, самостоятельными произведеніями, какъ показалъ опытъ многихъ лѣтъ. Въ результатѣ оказалось, что изъ 22 студентовъ въ среднемъ выводѣ получили: восемь—болѣе 4, три 4, семь—болѣе 3 и четыре

не окончили репетицій по болѣзни и потому допущены къ экзамену въ маѣ. Относительно студентовъ послѣднихъ трехъ курсовъ еще до раздѣленія факультета на отдѣленія, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, обращено было факультетомъ на письменныя, болѣе или менѣе самостоятельныя работы и каждый студентъ обязанъ былъ представить, по крайней мѣрѣ, одну работу въ годъ по какому либо изъ факультетскихъ предметовъ. Всѣхъ такихъ работъ въ 1879 году представлено было 38. Сверхъ годовыхъ письменныхъ работъ, для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія и другихъ студентовъ, готовящихся къ учительскому званію, въ III курсѣ,—гдѣ и до раздѣленія факультета на отдѣленія, каждый изъ нихъ долженъ былъ опредѣлить свою спеціальность,—и въ IV-мъ ведены были, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, особыя практическія занятія, подъ руководствомъ: по русской словесности—профессора Булича, въ которыхъ принимали участіе четыре студента; по русской исторіи и географіи—профессора Фирсова, руководившаго трехъ студентовъ, практическія занятія котораго посѣщали и студенты младшихъ двухъ курсовъ, по всеобщей исторіи и географіи — профессора Осокина, имѣвшаго въ своемъ руководствѣ пять студентовъ; по греческой и римской словесности — профессора Бѣляева и приватъ-доцентовъ Берга и Гвоздева, руководившихъ 8 студентовъ. Эти занятія, происходившія въ особые отъ лекцій часы, состояли въ ближайшемъ ознакомленіи студентовъ съ ученою и педагогическою литературою предметовъ, въ непосредственномъ ознакомленіи съ источниками наукъ, въ чтеніи студентами пробныхъ уроковъ по предметамъ будущихъ ихъ профессій и въ разборѣ таковыхъ со стороны научной и педагогической, въ которомъ допускалось участіе и товарищей лекторовъ, въ переводѣ съ русскаго на классическіе языки и, наконецъ, въ разборѣ годовыхъ письменныхъ работъ студентовъ. Практическія занятія по греческому языку и словесности, кромѣ упражненія въ переводахъ съ русскаго на греческій, состояли въ первой половинѣ года въ чтеніи и объясненіи со студентами лириковъ, а во второй половинѣ студенты объясняли пѣтику Аристотеля, причѣмъ требовался подробный и тщательный разборъ назначенныхъ каждому студенту главъ, какъ относительно содержанія, такъ и относительно грамматики и критики текста. Практическія занятія въ семинаріяхъ по предметамъ гимназическаго курса считаются на столько цѣлесообразными для приготовления учителей гимназій, что занимающіеся въ семинаріяхъ студенты, окончившіе курсъ въ университетѣ, ежегодно освобождаются

отъ особыхъ спеціальныхъ испытаній на званіе учителя гимназій и прогимназій. Кромѣ того, профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ велъ слѣдующія практическія занятія: а) въ первомъ полугодіи: по санскриту (начальный курсъ два часа въ недѣлю), по высшему курсу санскрита, состоявшему въ чтеніи и объясненіи Риг-Веды, по литовскому языку (два часа въ недѣлю), по славянской діалектологіи и по сравнительной грамматикѣ вообще; б) въ обоихъ полугодіяхъ: ознакомленіе съ новѣйшими открытіями въ области языковѣдѣнія, состоявшее въ отчетахъ о нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ и важнѣйшихъ лингвистическихъ сочиненіяхъ и разсужденіяхъ. Въ этихъ занятіяхъ, кромѣ желающихъ изъ студентовъ, принимали участіе: въ первомъ полугодіи—два оставленные при университетѣ кандидата и одинъ кандидатъ духовной академіи, во второмъ полугодіи—два кандидата. Въ этомъ же полугодіи В. Радловъ сообщалъ на практическихъ занятіяхъ результаты своихъ изслѣдованій о тюркскихъ нарѣчіяхъ Сибири и о туранскихъ языкахъ вообще. Для возбужденія въ учащихся научнаго духа и научныхъ стремленій и для привлеченія студентовъ къ университету и университетскимъ занятіямъ, факультетомъ составленъ проектъ мѣръ, который представленъ начальству округа. На физико-математическомъ факультетѣ практиковались тѣ же мѣры, которыя, по опыту прежнихъ лѣтъ, оказались дѣлесообразными, именно: экзамены, полугодовныя репетиціи и практическія занятія студентовъ обоихъ разрядовъ въ лабораторіяхъ и кабинетахъ, подъ руководствомъ преподавателей и ихъ ассистентовъ. Въ частности, эти занятія состояли въ слѣдующемъ: профессоръ Янишевскій велъ со студентами всѣхъ курсовъ математическаго разряда практическія упражненія въ рѣшеніи задачъ по преподаваемымъ курсамъ. Доцентъ Суворовъ велъ практическія упражненія со студентами I-го курса въ рѣшеніи задачъ по аналитической геометріи и сферической тригонометріи въ аудиторіи, въ особо-назначенные, свободные отъ лекцій, часы; кромѣ того, онъ предлагалъ студентамъ первыхъ трехъ курсовъ задачи для письменнаго рѣшенія, а для разъясненія задачъ болѣе трудныхъ назначалъ часы внѣ лекцій. Въ физическомъ кабинетѣ велись практическія занятія, обязательныя для студентовъ I курса обоихъ разрядовъ и для студентовъ II курса математическаго разряда. Студенты I курса занимались, подъ руководствомъ профессора Колли, опредѣленіемъ удѣльнаго вѣса, теплоемкости тѣлъ, скрытой теплоты пара и коэффициента расширенія стекла; студенты II курса измѣряли коэффициенты упругости твер-

дыхъ тѣлъ и электровозбудительныя силы и сопротивленіе. По астрономіи студенты разрѣшали практическія задачи во II, III и IV курсахъ подъ руководствомъ профессора Ковальскаго. По кристаллографіи и минералогіи студенты I курса занимались разборомъ сложныхъ формъ кристалловъ; студенты II курса практически изучали физическія свойства и микроскопическій анализъ минераловъ; студенты III курса производили опыты съ паяльной трубкой, а студентъ IV курса Зайцевъ занимался изслѣдованіемъ минеральнаго состава и микроскопическаго строенія массивныхъ кристаллическихъ породъ, выступающихъ въ мѣстности по верхнему теченію рѣки Нижней Тунгузки, и полученные результаты изложилъ въ своей кандидатской диссертациі. Подъ руководствомъ профессора Глинскаго, студенты I курса естественнаго разряда практически изучали способы возстановленія металловъ, приготовленіе и очищеніе кислотъ, оснований и солей, въ часы свободныя отъ лекцій. Студенты II курса математическаго разряда упражнялись въ качественномъ химическомъ анализѣ. Профессоръ Зайцевъ со студентами II курса естественнаго разряда велъ практическія занятія по качественному анализу, а со студентами III курса по количественному анализу. Студенты IV курса производили самостоятельныя изслѣдованія по нѣкоторымъ вопросамъ изъ области органической химіи, каковыя работы напечатаны въ журналѣ русскаго химическаго общества. Въ технической лабораторіи студенты IV курса занимались практически изученіемъ объемнаго анализа въ примѣненіи къ матеріаламъ и продуктамъ техники, подъ руководствомъ лаборанта. Кромѣ того, студентъ IV курса Котовъ занимался изслѣдованіемъ смолы, получаемой на Казанскомъ заводѣ при добываніи свѣтильнаго газа изъ нефти, и опредѣлилъ содержаніе въ ней антрацита. Подъ руководствомъ профессора Мельникова, студенты первыхъ двухъ курсовъ упражнялись въ опредѣленіи животныхъ и въ приготовленіи зоологическихъ препаратовъ микроскопическихъ животныхъ. По физиологіи студенты III курса практически изучали гистологическое строеніе животныхъ тканей по готовымъ препаратамъ, и кромѣ того, упражнялись въ производствѣ физиолого-химическихъ анализовъ. По сравнительной анатоміи профессоръ Зеленскій, въ первое полугодіе, занимался со студентами II курса практическими занятіями по анатоміи органовъ животной жизни, а во второе полугодіе—со студентами II и III курсовъ по анатоміи органовъ растительной жизни. По геологіи, подъ руководствомъ профессора Штукенберга, въ первое полугодіе студентъ IV курса Зайцевъ за-

нимался разработкой матеріала, собраннаго имъ во время геологическаго изслѣдованія въ Казанской и Самарской губерніяхъ. Студенты III и IV курсовъ занимались опредѣленіемъ горныхъ породъ и окаменѣлостей. На юридическомъ факультетѣ способы контроля надъ занятіями студентовъ состояли, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ годичныхъ испытаніяхъ, полугодовыхъ репетиціяхъ, письменныхъ работахъ и практическихъ занятіяхъ. На медицинскомъ факультетѣ къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ приняты были слѣдующія мѣры: введеніе практическихъ занятій по дѣтскимъ больницамъ и механургіи, перенесеніе практическихъ экзаменовъ студентовъ V курса на первое полугодіе шестаго года. Сверхъ того, для бѣдшаго сосредоточенія студентовъ V курса на клиническихъ занятіяхъ, и теоретическіе экзамены для оканчивающихъ курсъ студентовъ перенесены также на первое полугодіе шестаго года. Способы контроля надъ занятіями студентовъ приняты были тѣ же, какъ и въ 1878 году.

Для соисканія наградъ медалями предложены были слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета — „Исторія языка и литературы Лужичанъ“ и отъ медицинскаго — „Экспериментальная разработка вопроса о просасываніи венозной крови къ сердцу“. За представленныя на эти темы сочиненія удостоены серебряными медалями: студентъ 2-го курса историко-филологическаго факультета С. Вуличъ и студентъ 5-го курса медицинскаго факультета (нынѣ лекарь) Ив. Львовъ.

Въ 1879 году преподаватели Казанскаго университета и другія служащія въ ономъ лица напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: Н. А. Осокинъ издалъ 3-ю часть „Исторіи среднихъ вѣковъ“; И. А. Бодуэнъ-де-Журтенэ напечаталъ: въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета — начало „Подробной программы лекцій въ 1877/78 учебномъ году“, въ Филологическихъ Запискахъ — „Труды филологическіе и лингвистическіе, помѣщенные въ изданіи Rad yugoslavenke Akademije znanosti i umjetnosti u Zagrebu, 1876—77“, въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ — „Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ Славянъ“, критическую замѣтку о брошюрѣ „Восемь гимновъ Ригъ-Веды“, въ польской газетѣ Nowiny — замѣтку о той же брошюрѣ, рецензію на „Народије пјесме из старијихъ, назвише Приморскихъ записа. Сабрао и на свиеја издао. В. Вочинилъ. Виоград. 1878“, рецензію на сочиненіе Ант. Будиловича „Первобытныя Сла-

ване въ ихъ языкѣ, бытїи и поватїяхъ по даннымъ лексикальнымъ“; Д. А. Корсаковъ напечаталъ: въ Извѣстіяхъ общества археологїи, исторїи и этнографїи при Казанскомъ университетѣ— „О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученїю исторїи Казанскаго края“, въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета— „Отчетъ о занятїяхъ въ архивахъ и библіотекахъ С.-Петербурга и Москвы, съ 5-го октября 1877 по 1-е сентября 1878 г.“ въ сборникѣ Древняя и Новая Россїя— „Князь И. А. Долгорукій, фаворитъ и оберъ-камергеръ императора Петра II“, и „Судъ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ; А. И. Смирновъ продолжалъ печатать въ Ученыхъ Запискахъ „Англїйскіе моралисты XVII вѣка. Историко-критическое обзорѣніе моральныхъ теорїй въ Англїи отъ Бэкона и Гоббза до настоящаго времени“; Н. В. Крушевскій напечаталъ: въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета— „Наблюденїя надъ нѣкоторыми фонетическими явленїями, связанными съ акцентуаціей“ и „Восемь гимновъ Ригъ-Веды“ и въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ— „Объ аналогїи и народной этимологїи (Volksetymologie)“ и дополнительную записку къ этой статьѣ; Ф. Ф. Розенъ помѣстилъ статьи: въ Трудахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ— „Къ вопросу о характерѣ послѣтретичныхъ образованїй по Волгѣ“ и въ Приложенїи къ протоколамъ общества естествоиспытателей— „Отчетъ о геологическихъ изслѣдованїяхъ въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской и Самарской“; В. В. Заленскій напечаталъ: въ Трудахъ общества естествоиспытателей— „Исторїя развитїя стерляди“ и въ Zoologischer Anzeiger— „Ueber die Entwicklung der Gehörknöchelchen“; Колли помѣстилъ статьи: въ Annalen der Physik— „Ueber die Polarisation in Electrolyten“ и въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета— первый выпускъ „О законѣ сохранения энергїи“; Сорокинъ напечаталъ: въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета— „Къ вопросу о строенїи нѣкоторыхъ непредѣльныхъ соединенїй съ повторяющеюся двойною связью“ и „О строенїи ддлалїла“ и въ Журналѣ Русскаго химическаго общества— „Образованїе метилоксиглютаровой кислоты, при окисленїи ддлалїла“; В. М. Рудневъ помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета статью: „Объ амидныхъ соединенїяхъ третичныхъ углеводородныхъ радикаловъ“; Загоскинъ напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета двѣ статьи: „Исторїя права Московскаго государства. Т. II. Центральное право Московскаго государства. Вып. II“ и „Уложенїе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича

и земскій соборъ 1648—1649“; И. М. Гвоздевъ помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета статью: „Переводъ студентами судебной медицины Гофмана“; И. М. Догель напечаталъ статьи: въ Archiv für Anatomie und Physiologie von du-Bois — Reymond — „Ueber die Ursache der Geldrollenbildung im Blute des Menschen und der Thiere“ и въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ — „Пути зараженія чумнымъ ядомъ; средства уничтожающія и предохраняющія человѣческой организмъ отъ его дѣйствія“; А. Ю. Фрезе помѣстилъ: въ Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ — статью „Объ отношеніи помѣшательства къ уголовному закону“, и въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета — „Отчетъ о первомъ десятилѣтніи Казанской окружной лечебницы“; Е. В. Адамюкъ напечаталъ: въ журналѣ Кнаппа и Гиршберга — „Материалы къ патологій линзы“ (на нѣмецкомъ языкѣ) въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ — „Объ амилоидномъ перерожденіи хрящей въѣкъ“, въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета 3-й выпускъ „Офтальмологическихъ наблюденій“ и приготовилъ 4-й выпускъ этого труда; А. Я. Щербаковъ помѣстилъ въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ: „О значеніи дезинфекціи и нѣкоторыхъ дезинфицирующихъ веществъ“, „Къ вопросу о Казанскомъ городскомъ кладбищѣ“ и „Докладъ о дезинфекціи“ совместно съ А. М. Зайцевымъ и И. П. Скворцовымъ; Л. Л. Левшинъ редактировалъ переводъ хирургіи Кленига и снабдилъ прибавленіями; А. Г. Ге помѣстилъ: въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ — „Можетъ ли мягкій шанеръ сифилитика передать сифилисъ здоровому“, въ Vierteljahresschrift für Syphilis- und Dermatologie — „Ueber Reizung und Syphilis“, и въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета — „Курсъ венерическихъ болѣзней“; Н. Ѳ. Высоцкій редактировалъ „Сборникъ статей о чумѣ“ и напечаталъ статью: „О чумѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ“ и „Докладъ о дѣятельности особой комиссіи, назначенной обществомъ врачей для разработки вопроса о чумѣ“; П. П. Скворцовъ помѣстилъ въ Сборникѣ статей о чумѣ: „О заразныхъ болѣзняхъ вообще и о чумѣ въ частности“, „Очеркъ санитарныхъ мѣръ въ виду и во время эпидеміи“, „Ветлянская эпидемія и вызванныя ею санитарно-медицинскія мѣры“ и „Докладъ о дезинфекціи“; Ф. М. Флавицкій напечаталъ: въ Журналѣ русскаго физико-химическаго общества — „О нѣкоторыхъ производныхъ лѣваго терпена изъ французскаго скипидара“, въ Бюллетенѣ С.-Петербургской академіи наукъ — „Ueber die Umwandlungen des linds-

drehenden Terpens ans dem französischen Terpentinal vermittelst Hydratation und Dehydratation“ и сдѣлалъ на VI създѣ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ сообщеніе „О нѣкоторыхъ свойствахъ терпеновъ“; Н. И. Студенскій помѣстилъ: въ Медицинскомъ Вѣстникѣ — „Сравнительное достоинство антисептическихъ веществъ, наиболѣе употребительныхъ въ хирургіи“, въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ — „Симптоматологія и леченіе чумныхъ бубоновъ и карбункуловъ“, и въ Ученыхъ Запискахъ университета — „Фунгозное воспаленіе позвоночника“; М. М. Маліевъ напечаталъ въ Трудахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ статью „Московская антропологическая выставка 1879 г.“; Н. И. Котовщиковъ — помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ статью „Современное состояніе ученія объ аускультативныхъ явленіяхъ въ артеріяхъ и венахъ“; Н. М. Любимовъ напечаталъ въ Virchow's Archiv статью „Zur Frage über die Histogenese der Riesenzellen in der Tuberculose“; то же сочиненіе на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Къ вопросу о развитіи гигантскихъ клѣтокъ при туберкулезѣ“ помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета; сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ гистологіи Сизовъ — помѣстилъ въ Трудахъ естествоиспытателей статью „Къ вопросу объ окончаніи обонятельнаго нерва у лягушки“; сверхштатный помощникъ прозектора Миславскій напечаталъ въ Протоколахъ общества естествоиспытателей „Замѣтку объ измѣненіи сердечныхъ тоновъ послѣ перерѣзанія блуждающихъ нервовъ“; ординаторы: Васильевъ помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ три статьи: „Повторная литотомія“, „Случай огнестрѣльной раны голени у беременной на 9-мъ мѣсяцѣ“ и „Случай pustulae malignae internaе“; Годневъ напечаталъ въ томъ же изданіи статьи: „О лихорадочныхъ болѣзняхъ съ опухолью шейныхъ железъ“ и „Нѣсколько случаевъ мозгового сифилиса“; лаборантъ Никольскій помѣстилъ въ журналѣ Archiv für Anatomie und Physiologie von His u. Braune und von E. du Bois-Reymond статью „Ein Beitrag zur Physiologie des Nervi erigentis“. Публичные лекціи читали: экстраординарные профессора: Ворошиловъ — о явленіяхъ чувства и движенія и объ ученіи объ органахъ чувствъ, Буличъ — о Грибоѣдовѣ и его комедіи, Догель — о свойствахъ чумнаго и о мѣрахъ протівъ зараженія ямъ, и Виноградовъ — о чумѣ и доцентъ Скворцовъ — о заразныхъ болѣзняхъ вообще и о чумѣ въ частности.

Совѣтъ Казанскаго университета имѣлъ въ теченіе 1879 года 19

засѣданій. Въ видахъ лучшаго распредѣленія предметовъ преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ былъ составленъ проектъ раздѣленія этого факультета на три отдѣленія: классическое, славяно-русской филологіи и историческое. По этому распредѣленію, утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія и введенному въ 1879 году въ дѣйствіе, нѣкоторые предметы, называемые основными, преподаются въ первыхъ двухъ курсахъ всѣмъ студентамъ, а другіе, спеціальные, и особые курсы основныхъ предметовъ читаются въ послѣднихъ двухъ курсахъ по отдѣленіямъ. Кромѣ того, введено впервые преподаваніе новыхъ предметовъ, именно: общаго государственнаго права, политической экономіи и физической географіи. Измѣненій въ отношеніи раздѣленія прочихъ факультетовъ на отдѣленія, соединенія и раздѣленія каедръ, не было. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: въ степени доктора: доцентъ, магистръ Загоскинъ—государственнаго права, помощникъ прозектора, лекарь Любимовъ—медицины; въ степени кандидата и въ званіи дѣйствительнаго студента утверждены: въ степени кандидата — 18, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету 3, по физико-математическому 8, по юридическому 7; въ званіи дѣйствительнаго студента — 28, именно: по историко-филологическому факультету 2, по физико-математическому 10, по юридическому 16. Медицинскихъ степеней и званій удостоено: лекаря 44, уѣзднаго врача 40, провизора 13, аптекарскаго помощника 35, оператора 2, дантиста 3, повивальной бабки 28, изъ коихъ 6 изъ ученицъ повивальнаго класса Казанскаго университета, а остальные изъ другихъ родовспомогательныхъ учреждений. Для усовершенствованія въ избранныхъ спеціальностяхъ и для приготовленія къ экзамену на степень магистра оставлены при университетѣ кандидаты: Смирновъ—по всеобщей исторіи, Архангельскій—по русской словесности, Крушевскій—по сравнительному языкованію, Щегловъ—по государственному праву, и Иваковскій—по полицейскому праву. Съ тою же цѣлью оставались при университетѣ избранные въ 1878 году кандидаты: Владиміровъ—по русской словесности, Львовъ—по политической экономіи и статистикѣ и Соколовскій—по полицейскому праву.

Командированы были съ ученою цѣлю: за границу—профессоръ Боуэнъ-де-Куртенэ, приватъ-доценты Васильевъ и Егоровъ, лекторъ Колмачевскій и сверхштатный ассистентъ Асташевскій; внутри Россіи—профессоръ Буличъ, хранитель музея Соколовскій и лаборантъ

Рудневъ, а профессоръ Сорокинъ и лаборантъ Пельцамъ командированы были въ средне-азиатскую экспедицію.

Денежныя средства Казанскаго университета въ 1879 году находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныхъ суммъ поступило 334,891 р. 56 коп., изъ нихъ израсходовано 315,113 руб. 45 коп., въ остаткѣ къ 1-му января 1880 года имѣлось 19,778 руб. 11 коп. Специальныхъ средствъ: а) платы за слушаніе лекцій: оставалось отъ 1878 года 2,033 руб. 92½ коп., въ теченіе 1879 года поступило 16,875 руб. 91 коп., израсходовано 16,662 руб. 11 коп., въ остаткѣ къ 1880 г. было 2,247 руб. 72½ коп., б) доходовъ отъ университетской типографии: оставалось къ 1-му января 1879 года 2,218 руб. 5¼ коп., въ теченіе года поступило 14,962 руб. 97 к., израсходовано 15,552 р. 81 коп., къ 1880 году оставалось 1,628 руб. 21¼ коп., в) пожертвованныхъ: отъ 1878 года оставалось 154,439 руб. 89¼ к., въ 1879 г. поступило 18,990 руб. 11 коп., израсходовано 7,227 руб. 69 коп., къ 1-му января 1880 года оставалось 166,202 руб. 31¼ коп. Изъ суммы сбора за ученіе произведены слѣдующіе расходы: на вознагражденіе преподавателей, ординаторовъ и прочихъ лицъ за исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей 14,524 руб. 79 коп., на ученыхъ командировки и подъемныхъ 900 руб., на медали для награжденія студентовъ 987 руб. 32 коп., на леченіе и погребеніе 250 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1879 г. состояло 646; въ теченіе года поступило 164 (изъ гимназій 129, изъ духовныхъ семинарій 10, изъ другихъ заведеній 25); въ теченіе года вышло 131 (до окончанія курса 46, по окончаніи курса 85); затѣмъ къ 1-му января 1880 г. оставалось 679, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: въ историко-филологическомъ 68, въ физико-математическомъ 70 (по разряду математическихъ наукъ 53, по разряду естественныхъ наукъ 17), въ юридическомъ 87 (по разряду юридическихъ наукъ 77, по разряду государственныхъ наукъ 10), въ медицинскомъ 454; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 636, римско-католиковъ 14, лютеранъ 17, евреевъ 7, магометанъ 5; в) по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ 217, духовнаго званія 286, почетныхъ гражданъ и купцовъ 56, мѣщанъ и разночинцевъ 50, крестьянъ 29, нижнихъ воинскихъ чиновъ 8, казаковъ 18, иностранныхъ подданныхъ 2, другихъ сословій 13; г) по предварительному образованію: гимназистовъ 432, семинаристовъ 242, изъ другихъ заведеній 5. Изъ общаго числа студентовъ освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій

251, то-есть 37%. Стипендіями пользовались 175 студентовъ на сумму 58,125 р. 67 к.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Казанскаго университета находились въ 1-му января 1880 г. въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ имѣлось: книгъ русскихъ и иностранныхъ 39,719 сочиненій 83,417 томовъ, періодическихъ изданій 819 названій 13,327 томовъ и тетрадей, рукописей 811 томовъ, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 793 листа, всего въ библіотекѣ на сумму 278,840 р. Въ ботаническомъ кабинетѣ: сухихъ растений, инструментовъ, приборовъ, коллекцій моделей и препаратовъ 419 номеровъ 24,284 экземпляровъ на 13,006 р. Въ гигиеническомъ кабинетѣ съ лабораторією: аппаратовъ, инструментовъ, приборовъ, посуды, реактивовъ и препаратовъ 602 номера 1,497 экземпляровъ на 3,110 р.; книгъ, рисунковъ, плановъ и моделей 28 названій на 646 р. Въ фармацевтической лабораторіи и фармакогностическомъ кабинетѣ: книгъ 25 названій на 365 р.; препаратовъ, секретныхъ и восточныхъ средствъ, моделей кристалловъ, снарядовъ и проч. 1,534 номера на 1,901 р. Въ кабинетѣ общей патологіи, приборовъ, инструментовъ, разныхъ матеріаловъ 192 номера на 1,725 р. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторією: минераловъ, моделей, рисунковъ, камней, химическаго матеріала и проч. 7,327 номеровъ 15,922 экземпляра на сумму 21,003 р. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: книгъ 20 сочиненій на 597 р.; инструментовъ, снарядовъ, приборовъ, препаратовъ и проч. 639 номеровъ на 6,183 р. Въ технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи: образцовъ фабрично-заводскихъ продуктовъ, моделей, машинъ, приборовъ, инструментовъ, реактивовъ и проч. 2,041 номеръ 9,361 экземпляръ на 9,083 р. Въ агрономическомъ кабинетѣ и лабораторіи: сухихъ растений, моделей, образцовъ, реактивовъ, матеріаловъ и проч. 870 номеровъ 1,714 экземпляровъ на 2,288 р. Въ геологическомъ кабинетѣ: книгъ, картъ и рисунковъ 13 названій 22 экземпляра на 220 р.; горныхъ породъ и окаменѣлостей, химическаго матеріала, приборовъ, инструментовъ и проч. 9,749 номеровъ 26,488 экземпляровъ на 6,910 р. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: препаратовъ, реактивовъ, приборовъ и проч. 1,844 экземпляра на 1,793 р. Въ кабинетѣ инструментовъ госпитальной хирургической клиники разныхъ предметовъ 532 номера 1,181 экземпляръ на 2,964 р. Въ химической лабораторіи: книгъ 21 сочиненіе 52 тома на 285 р.; химическихъ препаратовъ, реактивовъ, инструментовъ, снарядовъ и другаго имущества 621 номеръ на 9,356 р. Въ кабинетѣ физической

географіи, практической механики и метеорологической обсерваторіи: инструментовъ, снарядовъ, моделей и проч. 1,441 номеръ на сумму 37,192 р. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи: препаратовъ, моделей, инструментовъ и проч. 772 номера 2,547 экземпляровъ на 3,350 р., книгъ 7 сочиненій 13 томовъ на 110 р. Въ музей этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ: этнографическихъ и археологическихъ предметовъ 1,584 номера на 3,684 р., книгъ 1,142 сочиненія, брошюръ, картъ и гравюръ 2,759 названій, рукописей 17 номеровъ, всего на 13,616 р. Въ глазной клиникѣ: инструментовъ и приборовъ 490 номеровъ на 3,207 р. Въ медико-химической лабораторіи: препаратовъ, реактивовъ и проч. 482 номера 1,993 экземпляра на 6,066 р. Въ амбулаторіи дѣтскихъ болѣзней разныхъ предметовъ 33 номера 52 экземпляра на 645 р. Въ физиологическомъ кабинетѣ физико-математическаго факультета: матеріаловъ, инструментовъ и проч. 491 номеръ 1,303 экземпляра на 5,457 р. Въ кабинетѣ при терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники разныхъ предметовъ 153 номера 238 экземпляровъ на 2,574 р. Въ астрономической обсерваторіи: разныхъ инструментовъ, приборовъ и проч. 89 номеровъ на сумму 41,718 р. Въ физиологической лабораторіи медицинскаго факультета: книгъ 2 сочиненія 54 тома на 70 р.; аппаратовъ, снарядовъ, моделей, препаратовъ и проч. 991 номеръ 4,024 экземпляра на 8,986 р. Въ хирургической факультетской клиникѣ разныхъ хирургическихъ инструментовъ и прочихъ предметовъ 1,153 номера 2,550 экземпляровъ на 8,766 р. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи: препаратовъ, рисунковъ, моделей, инструментовъ и проч. 3,065 номеровъ 7,080 экземпляровъ на сумму 15,910 р. Въ ботаническомъ саду: растений, деревьевъ, кустарниковъ и травъ 6,348 номеровъ на 13,575 р. Въ музей физиологической анатоміи: инструментовъ, приборовъ, пособій, препаратовъ, скелетовъ и проч. 2,008 номеровъ на 4,912 р. Въ хирургической факультетской клиникѣ: инструментовъ и другихъ предметовъ 1,153 номера 2,550 экземпляровъ на 8,766 р. Въ музей патологической анатоміи: препаратовъ и разнаго имущества 1,094 номера на сумму 12,007 р.

Движеніе больныхъ въ клиникахъ Казанскаго университета въ 1879 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ акушерской клиникѣ (113 кроватей) больныхъ отъ 1878 г. оставалось 4, въ теченіе 1879 г. вновь поступило 97, въ теченіе года выздоровѣло 82, умерло 3, затѣмъ къ 1-му января 1880 г. состояло на излеченіи 12; въ гинекологической (12 кроватей): къ началу 1879 г. оставалось 8, въ 1879 г.

прибыло 41, въ теченіе года выздоровѣло и вышло 32, умерло 3, осталось къ 1880 г. 6; приходившихъ больныхъ въ этой клиникѣ вмѣстѣ съ акушерскою было 464; въ хирургической госпитальной (35—40 кроватей): отъ 1878 г. оставалось 27, въ 1879 г. вновь поступило 212, выздоровѣло и ушло 191, умерло 24, осталось къ 1880 г. на излеченіи 24, приходило за совѣтами 1,000; въ главной факультетской (14 кроватей): къ 1-му января 1879 г. имѣлось 14, въ теченіе 1879 г. поступило 117, выздоровѣло и вышло 121, осталось къ концу года 10, приходившихъ больныхъ было 1,897; въ факультетской терапевтической (28 кроватей): отъ 1878 г. оставалось 23, въ 1879 г. прибыло 74, выздоровѣло и вышло 54, умерло 18, оставалось къ 1880 г. 24, являлось за совѣтами больныхъ 1,443; въ хирургической факультетской (15 кроватей): къ началу 1879 г. состояло 12, въ теченіе 1879 г. поступило 84, выздоровѣло и вышло 70; умерло 4, къ концу года оставалось 10, приходившихъ больныхъ было 1,242; въ госпитальной терапевтической (отъ 30 до 50 и болѣе кроватей): къ 1-му января 1879 г. имѣлось 30, въ теченіе года прибыло 565, выздоровѣло и вышло 553, умерло 84, оставалось къ января 1880 г. 42, приходило за совѣтами 1,344.

При Казанскомъ университетѣ состоятъ три ученыя общества: общество естествоиспытателей, общество археологій, исторіи и этнографіи и юридическое. Состояніе и дѣятельность сихъ обществъ въ къ 1879 г. представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Научная дѣятельность общества естествоиспытателей проявлялась въ организаціи экскурсій для соотвѣтствующаго цѣлямъ общества изслѣдованія различныхъ территорій мѣстнаго края. Засѣданія общества посвящены были сообщенію работъ членовъ общества. Лѣтомъ предприняты были слѣдующія экскурсіи на средства общества: А. А. Штукенбергъ производилъ изслѣдованія въ Казанской и Самарской губерніяхъ въ области Каспійскаго бассейна постъ-плиоценоваго періода; П. И. Кротовъ производилъ геологическія изслѣдованія въ Пермской губерніи, А. П. Ивановъ — геологическія и археологическія изслѣдованія въ мѣстности, лежащей по верхнему теченію Камы въ Пермской и Вятской губерніяхъ; Э. Д. Пельцамъ, участвовавшій въ экспедиціи въ Среднюю Азію, по порученію общества, собралъ нѣкоторыя зоологическія и антропологическія коллекціи. Въ засѣданіяхъ общества члены онаго сдѣлали слѣдующія научныя сообщенія: В. В. Заленскій сообщилъ о развитіи слуховыхъ косточекъ у млекопитающихъ; Н. М. Мельни-

ковъ представилъ главнѣйшіе результаты экскурсій члена Пельцама: а) предпринятой въ Печерскій край, и б) предпринятой съ цѣлю изученія мѣстныхъ форалей и миногъ; Ф. Ф. баронъ Розенъ представилъ отчетъ объ экскурсіяхъ, произведенныхъ имъ въ 1875 — 1878 гг. для изслѣдованія послѣ-третичныхъ образованій; А. П. Сизовъ сообщилъ о слуховомъ лабиринтѣ хрящевыхъ рыбъ; Н. А. Миславскій—о замѣченной имъ связѣ съ Н. А. Толмачевымъ замѣнѣ систалическаго тона сердца шумомъ, слѣдующей за перерывкой блуждающихъ нервовъ; Н. М. Маліевъ сдѣлалъ сообщеніе о Московской антропологической выставкѣ и реферировалъ о нѣкоторыхъ антропологическихъ работахъ русскихъ ученыхъ; А. А. Штукенбергъ сообщилъ о слѣдахъ поселеній каменнаго вѣка по Волгѣ въ Казанской губерніи и представилъ матеріалъ для сравненія фауны прѣсныхъ водъ востока Россіи съ фауной верхней террасы; И. М. Дагель сообщилъ о новыхъ изслѣдованіяхъ иннервации сердца; Н. О. Высоцкій сдѣлалъ нѣсколько сообщеній о Московской антропологической выставкѣ и реферировалъ сводъ изслѣдованій по вопросу о нахожденіи челоуѣка въ третичную эпоху; П. И. Кротовъ и А. П. Поповъ представили отчеты о своихъ экскурсіяхъ. Кроме того, въ общество были представлены статьи: П. И. Кротова — „Матеріалы для геологіи Вятской губерніи“, М. Н. Богданова—„Птицы Кавка за“ С. М. Чугунова „Матеріалы для антропологіи востока Россіи, отчетъ о раскопкахъ древнихъ кладбищъ въ г. Симбирскѣ и его окрестностяхъ въ 1878 году“ и „Антропологическій матеріалъ антрополого-археологической выставки въ г. Казани въ 1879 году“; барона Ф. Розена — „Къ вопросу о характерѣ послѣ-третичныхъ образованій по Волгѣ“; А. А. Штукенберга—„Геологическія изслѣдованія въ области Каспійскаго бассейна постъ-плиоценоваго періода“ и „Буровая скважина въ г. Балахи“; В. В. Заленскаго — „Исторія развитія стерляди, ч. 2-я“. Часть этихъ статей и часть указанныхъ сообщеній уже напечатана въ изданіяхъ общества, которое въ 1879 году выпустило въ свѣтъ VIII томъ своихъ Трудовъ и одинъ томъ Протоколовъ съ приложениями. Не ограничиваясь указанною дѣятельностію, общество принимало, въ 1879 году, участіе въ московской антропологической выставкѣ, и затѣмъ само организовало антрополого-археологическую выставку въ Казани, получивъ приглашеніе отъ Московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи участвовать въ устраиваемой симъ послѣднимъ антропологической выставкѣ; общество приняло это приглашеніе, и постано-

вило устроить на московской выставкѣ особый отдѣлъ изъ антропологическихъ и частію археологическихъ коллекцій, принадлежащихъ какъ обществу, такъ и Казанскому университету и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. По возвращеніи коллекцій изъ Москвы, была устроена выставка ихъ въ Казани, причемъ явилась возможность пополнить ихъ при участіи Казанскаго общества археологій, исторіи и этнографіи, 1-й Казанской гимназіи и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Эта выставка, продолжавшаяся съ 30-го сентября по 14-е октября, то-есть въ теченіе двухъ недѣль, привлекала до 1,160 посѣтителей. Въ концѣ 1879 года общество состояло изъ 19 почетныхъ членовъ, 53 дѣйствительныхъ и 12 членовъ-сотрудниковъ. Поддерживая и развивая сношенія съ другими учеными обществами и учрежденіями, общество высылало свои изданія 63 ученымъ учрежденіямъ. Вслѣдствіе полученія въ обмѣнъ изданій другихъ обществъ, бібліотека общества значительно пополнилась. Денежныя средства общества находились въ слѣдующемъ положеніи: въ теченіе года поступило 2,875 руб. 44½ к. израсходовано въ теченіе года 2,724 руб. 60 коп., затѣмъ въ 1-му января 1880 года оставалось 150 руб. 84½ коп. Главнѣйшіе расходы были слѣдующіе: на экскурсіи 1,050 руб., на напечатаніе изданій 868 руб. 92 коп., на отправленіе коллекціи и уполномоченныхъ на московскую выставку 400 руб.

Юридическое общество открыто лишь въ началѣ апрѣля 1879 года. Не смотря однако на столь малое время своего существованія, оно успѣло обратить на себя вниманіе, такъ что различныя учрежденія начали уже обращаться къ обществу за содѣйствіемъ къ разрѣшенію возбужденныхъ у нихъ вопросовъ права, а лица, живущія въ различныхъ концахъ Россіи, заявили желаніе быть членами общества. Общество открылось при наличности 9-ти членовъ-основателей, то-есть членовъ юридическаго факультета и избранныхъ ими въ дѣйствительные члены 103 лицъ. Въ теченіе всего періода времени число членовъ увеличивалось, такъ что къ 1-му января 1880 года состояло всего: дѣйствительныхъ членовъ 136, въ томъ числѣ 18 иногородныхъ, и сотрудниковъ 3. Общество имѣло шесть засѣданій, то-есть одно въ мѣсяцъ, за исключеніемъ положеннаго по уставу вакантнаго времени. Первые засѣданія общества были посвящены установленію правилъ внутренняго распорядка, причемъ выработаны: правила порядка веденія занятій въ собраніяхъ общества; правила для бібліотеки; правила храненія и расходованія денежныхъ средствъ. Съ октября начали появляться заявленія членовъ о заготовленныхъ

ими рефератахъ. Первый рефератъ, „О порядкѣ совершенія выдѣла соучастника изъ общаго имущества“, былъ доложенъ Н. В. Рейнгардтомъ въ засѣданіи 25-го ноября, пренія по которому продолжались въ остальныхъ засѣданіяхъ 1879 года. На очереди стояли слѣдующіе рефераты: И. И. Степанова—„О присвоеніи недвижимаго имущества (по поводу 1680 ст. улож. о наказ.), Н. П. Загоскина—„О рукописномъ сборникѣ новоуказныхъ статей по вотчиннымъ и помѣстнымъ дѣламъ“, М. В. Шимановскаго — „О желѣзно-дорожномъ дѣлѣ въ Россіи“, А. М. Осипова — „О раздѣлѣ наслѣдства по русскому праву вообще и шаріату въ особенности“ и рефератъ комиссіи объ обще-германскомъ вексельномъ уставѣ. Библиотека общества формировалась путемъ пожертвованій и заключаетъ въ себѣ 120 названій въ 160 томахъ. Каталогъ книгъ библиотеки уже изготовленъ къ печати и будетъ помѣщенъ въ Трудахъ общества. Денежныя средства общества находились въ слѣдующемъ видѣ: членскихъ взносовъ поступило 515 руб., изъ нихъ израсходовано 101 руб. 23 коп., такъ что къ 1-му января 1880 года оставалось на лицо 413 руб. 77 коп.

Общество археологій, исторіи и этнографіи въ 1879 году вступило во второй годъ своего существованія; о дѣятельности этого общества въ минувшемъ году уже было сообщено въ юньской книжкѣ Журнала.

ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ П. ОВИДІЯ НАЗОНА.

I.

Дафне.

(Кн. I, ст. 452—567).

Дафне, Пенеева дочь, была Аполлона предметомъ
Первымъ любви; но не случай слѣпой, а гнѣвъ Купидона
Въ Фебѣ ту страсть возбудилъ. Гордяся побѣдой надъ змѣемъ,
Фебъ Аволлонъ, Купидона увидя однажды, какъ богъ сей
Лукъ съ тетивою тугой напрягалъ, обращаясь къ нему такъ:
„Рѣзвый ребенокъ, сказалъ онъ, съ оружіемъ этимъ тяжелымъ.
Что за игра у тебя? Дослѣхи такіе приличны
Плечамъ моимъ лишь, и я лишь одинъ поражаю такъ мѣтко
Дикихъ звѣрей и враждебныхъ! Множество стрѣлъ издержавши,
Я лишь одинъ поразилъ смертоноснаго змѣя—Писона!
Ты жь будь доволенъ и тѣмъ, что огнемъ ты своимъ возжигавъши
Страсти любви, я не знаю, и какъ и какія! Оставь же
Мнѣ тн оружье мое!“ На это ему сынъ Венеры:
„Лукъ твой стрѣлами, о Фебъ Аполлонъ, поражаетъ животныхъ;
Мѣткія жь стрѣлы мои поразятъ и тебя и—сколько
Ты побѣждаешь животныхъ, на столько жь еще твоя слава
Меньше моей!“ И крыльями воздухъ расцѣпи своими,
Выстро влетѣлъ Купидонъ—богъ въ тѣнистой вершинѣ Парнасса.
Двѣ онъ послѣшно различныхъ стрѣлы достаетъ изъ колчана.
Страсть возбуждаетъ одна, другая же страсть прогоняетъ,

Та, что страсть возбуждаетъ, съ блестящимъ концомъ золотая,
 Свойства иного стрѣла съ концомъ затупленно-свинцовымъ.
 Дочь Пеней стрѣлою второй Купидонъ поражаетъ,
 Въ кости до мозга стрѣлу золотую вонзиль Аполлону.
 Страстью тогда жь запылалъ Аполлонъ; но его избѣгаетъ
 Нимфа и имени даже—и къ дѣвѣ Діанѣ ревнуя,
 Въ лѣсъ убѣгаетъ, стремясь за добычей звѣрей съ наслажденьемъ.
 Связаны были лишь лентой одной волоса безъ порядка.
 Юношей много ея домогалось, она отвергала
 Ихъ предложенья и въ темныя дебри лѣсовъ убѣгала,
 Бога Гимена, узъ брачныхъ, Амура и въ мысляхъ не зная.
 Часто отецъ говорилъ ей: „должна ты, о дочь, дать мнѣ зятя“.
 Часто отецъ говорилъ: „Произвестъ мнѣ должна ты, дочь, внуковъ“.
 Какъ преступленья, такъ факеловъ брачныхъ она не хотѣла,
 И покрывала стыдливость ее; и повиснувъ на шею,
 Съ лаской отца обнимала руками и такъ говорила:
 „Добрый родитель! позволь навсегда остаться мнѣ дѣвой,
 Прежде—Юпитеръ для дѣвы Діаны на то согласился!“
 Просьбамъ отецъ уступая, ей такъ говоритъ: „Исполненью
 Воли твоей и обѣтовъ мѣняеть, дочь, видъ твой прекрасный!“
 Любить Аполлонъ и брачнаго ложа онъ съ Дафне желаетъ,
 Тщетно имѣя надежду. Такъ жметъ ему свой же оракулъ.
 И какъ соломенный стебель пылаетъ по сжатии колосьевъ,
 Или придорожный плетень, у котораго путникъ случайно
 Близко огонь разложилъ или искру оставилъ подъ утро,
 Также пылаетъ любовью и Фебъ Аполлонъ и сгораеть
 Сердце все въ немъ, но надеждою тщетной любовь онъ питаетъ.
 Видитъ Фебъ, какъ разметалась коса безъ убранства по шеѣ,
 „Еслибы волосы эти, мечтаетъ онъ,—убраны были!“
 Видитъ, блистають огнемъ глаза Нимфы и звѣздамъ подобны;
 Видитъ уста (недовольно ихъ видѣть); его восклицаютъ
 Пальцы и плечи полуобнаженной руки и прекрасной.
 То жь, что сокрыто отъ взоровъ, прекраснѣй себя представляетъ.
 Дафне же легкаго вѣтра быстрѣ бѣжитъ и не хочетъ
 Бѣгъ свой замедлить, внимая такой рѣчи Феба: „О Нимфа!
 Дочь Пеней! постой, умоляю, слѣжу не враждебно
 Я за тобою! о Нимфа, постой! Убѣгаетъ такъ быстро
 Только отъ хищнаго волка овца и олень боязливый,
 Льва опасаясь, и, клюва орла избѣгая, голубка!

Каждый бѣжить отъ врага своего! Побуждаемъ любовью,
 Слѣдую я за тобой! Но бѣжишь ты! О я несчастный!
 Будь осторожна, унасть берегися, колючій терновникъ
 Можетъ тебя узавить и той боли причиной я буду!
 Гдѣ ты бѣжишь, здѣсь опасны мѣста, умоляю, о Нимфа,
 Тихе бѣги, побѣгу и я тихе. Но кто тебя любить,
 Нимфа, узнай! Нѣтъ, не горный я житель, не грязный пастухъ я,
 Эти стада стерегущій! Дельфы и царство Патара,
 И Тенедось, и Кларось повинуются мнѣ. Ты не знаешь,
 Нѣтъ, отъ кого ты бѣжишь, потому и бѣжишь ты. Юпитеръ
 Есть мой родитель! И что происходитъ, что было и будетъ,
 Я открываю и я жь научилъ людей музыкѣ съ пѣньемъ!
 Стрѣлы хотъ мѣтки мои, но стрѣла Купидона вѣрнѣе;
 Нѣжной любовью она поразила свободное сердце.
 Людямъ открылъ я дѣварства и помощь несущимъ зовуся
 Я потому отъ людей, и хотъ свойства мнѣ травъ всѣхъ извѣстны,
 Но въ себѣ рану, увы! исцѣлить не могу я травами!
 Такъ самому бесполезно мнѣ то, чѣмъ другимъ служу въ помощь!*
 Такъ говорилъ Аполлонъ и еще говорить продолжалъ бы,
 Нимфа жь бѣжала, оставивши Феба съ неконченной рѣчью,
 И тогда большія Нимфы красoty при бѣгѣ открылись.
 Вѣтры взвивали одежды и тѣло ея обнажали
 И отвѣвались назадъ тихимъ волосы Дафне Зефиромъ.
 Вотъ восклицаній ужь больше напрасно своихъ не теряя,
 Юноша-богъ, побуждаемъ любовью, преслѣдуетъ Нимфу.
 Какъ за добычей, на ноги надѣясь, лишь зайца завидитъ
 Галльская мчится собака, звѣря настигнуть стараясь,
 Кажется, вотъ настагаетъ, лишь вытянуть морду и шею,
 Вотъ, вотъ схватитъ добычу. Напрасно! Въ ногахъ полагаетъ
 Также и зайца надежду, и кажется, вотъ уже схваченъ;
 Но увернулся и сзади себя оставляетъ собаку.
 Такъ ускоряютъ свой бѣгъ Фебъ надеждой и страхомъ — дѣвица!
 Но Аполлонъ, помогаемый страстью, стремится быстрѣе,
 Быстро преслѣдуетъ нимфу и вотъ, вотъ коснется бѣгущей,
 Вотъ ужь дыханье коснулось волосъ распустившихся Нимфы.
 Утомленная бѣгомъ поспѣвшимъ и силы лишившись,
 Дафне блѣднѣетъ и глядя въ Пенеевы волны сказала:
 „Ежели волны причастны твои божеству, о родитель!
 Помощь подай мнѣ и видъ мой, которымъ я нравлюсь, который

Лишь къ оскорбленю вѣдетъ, о земля, во мнѣ измѣни ты!⁶
 Только лишь кончить свои заливанія Дафне успѣла,
 Какъ цѣпенѣють всѣ члены ея и ужь мягкой корою
 Въ ней покрывается нѣжная грудь; обратилися въ вѣтви
 Руки ея и въ зеленую листву волосы Нимфы,
 Крѣпкими стали корнями недавно поспѣвшими ноги;
 Стала вершиной древесной глава и отъ Нимфы прекрасной
 Нѣжность одна лишь осталась. Но въ видѣ и этомъ Фебъ Нимфу
 Любить и правую руку свою приложивши ко древу
 Чувствуетъ онъ, какъ подъ новою сердце той бьется корою.
 Вѣтви, какъ члены, обнавши руками, то древо Аполлонъ
 Нѣжно цѣлуетъ; но самыхъ древо его подцѣлуевъ
 Тѣхъ избѣгаетъ. Тогда-то, къ нему обращаясь, сказала Фебъ:
 „Если, о Нимфа, супругой мнѣ быть не могла ты, то будешь
 Древомъ конечно моимъ! Отини, о Лавръ, украшеньемъ
 Будешь всегда ты волосъ Аполлона, волчана и лиры
 И украшеніемъ будешь героямъ Латинскимъ, когда звукъ
 Трубный раздастся и пышный триумфъ Капитолій увидитъ.
 Будешь, какъ символъ, ты мирнаго царства при входѣ въ Палацій
 И съ тобой вмѣстѣ дубовый державный вѣнокъ. Какъ юность
 Длинные кудри мои означаютъ, жельза не зная,
 Будешь и ты украшаться зеленой всегдашнею листвою!“
 Такъ сказалъ Фебъ Аполлонъ! Закачались зеленія вѣтви,
 Точно глава превращенной, тряхнулась Лавра вершина.

II.

Іо. — Аргусъ. — Сиринксъ.

(Кн. I, ст. 568—747).

Есть подъ названіемъ Темпейской въ предѣлахъ Гемоніи роща,
 Лѣсъ отовсюду огромный собой окружаетъ ту рощу;
 Взявши начало теченю въ вершинахъ высокаго Пинда,
 Катитъ Пеней здѣсь по рощѣ священной пѣнистыя волны;
 Брызги дождемъ орошаютъ вершины деревь и туманы
 Дыму подобно надъ нимъ собрались отъ его водопадовъ.
 Шумъ раздается далеко кругомъ. Здѣсь бога Пеней
 Домъ и жилище и, здѣсь обитая въ каменномъ гротѣ,
 Нимфами править рѣчными рѣчной богъ и бурнымъ потокомъ.
 Боги всѣхъ рѣкъ Тессалійскихъ сюда — то приходятъ къ Пенею,
 Сами не зная еще принести ли отцу поздравленье

Иль утѣшенье—и тонолеродный Сперхій, и тихій
 Амфривъ, и старецъ Апидавъ, и бурный Енипей, и Эась.
 Съ тѣми пришли и другіе, которне къ морю стремятся,
 Воды свои послѣ многихъ изгибовъ въ него изливая.
 Нѣтъ одного лишь Инаха. Сокрывшись въ глубокой пещерѣ
 И умножая лишъ волны слезами, о дочери плачетъ,
 Плачетъ о дочери Іо, не зная, дышетъ ли жизнью
 Иль умерла ужъ она; но Іо нигдѣ не нашедши,
 Инахъ погибшей считаетъ, боится и большихъ несчастій.
 Видѣлъ Юпитерь, когда отъ рѣки удалялася Іо.
 „О съ Юпитеромъ брака, сказала онъ, достойная дѣва!
 Ложе съ собой раздѣлить, я не знаю, кого ты избрала!
 Жаркое солнце пока совершаетъ свой путь полуденный,
 Скройся подъ тѣнію рощи!“ И самъ указалъ ей на рощу.
 „Если жъ боишься одна ты проникнуть въ густую дубраву,
 То подъ моимъ руководствомъ безвредно достигнешь середины:
 Богъ я держащій во власти и скипетръ и молнію и громы,
 Не убѣгай отъ меня!“ Но Нимфа бѣжала и скоро
 Іо Лирцея поля и дугъ миновала Лернейскій.
 Между тѣмъ землю Юпитерь покрылъ наведенною тьмою,
 Нимфу бѣгущую скоро настигъ и стыдливость похитилъ.
 Съ неба на землю тѣмъ временемъ смотритъ богиня Юнона
 И удивляется дню превращенному въ ночь облаками;
 Но понимаетъ богиня, что тѣ облака происходятъ
 Не отъ земли иль воды, и кругомъ она ищетъ супруга,
 Много ужъ разъ замѣчая его въ непозволенныхъ связяхъ.
 Но не нашедши его, говорить: „Или я ошибаюсь,
 Или супругъ оскорбляетъ меня“ и спустившись на землю
 Съ высей небесныхъ велитъ тѣмъ исчезнуть скорѣе туманамъ.
 Зналъ напередъ появленіе супруга Юпитерь и тотчасъ
 Нимфу, дочь Инаха, въ бѣлую онъ превращаетъ телицу.
 Іо прекрасной явилась телицей! Невольно Юнона
 Видъ восхваляетъ телицы и хочетъ узнать отъ супруга,
 Какъ бы не зная—изъ стада какого и чья та телица?
 Чтобъ прекратить распросы о томъ, кто виновникъ телицы,
 Ложно телицу Юпитерь назвалъ возрожденной землею.
 Просить въ подарокъ Юнона телицу. Что дѣлать супругу?
 Страсти предметомъ пожертвовать было бѣ жестоко и тяжело,
 Но и отказъ подозрителенъ! Что предъ супругой внушаетъ

Стыдъ, то любовь воспрещаетъ. Конечно, любовь побѣдила бѣ,
 Но чрезъ отказъ сей въ телицѣ могла бѣ не телица открыться.
 .....И получивши любовницу мужа, своихъ опасеній
 Не оставляетъ Юнона и мысли о связяхъ съ ней мужа,
 Нимфу пока не отдастъ на храненіе Арестора сыну.
 Сынъ же Арестора Аргусъ имѣлъ окруженную сотней
 Голову глазъ и смыкались для сна, предаваясь повою,
 Два только глаза, безъ сна оставались для стражи другіе.
 Такъ предъ глазами была постоянно несчастная Ю,
 Аргусъ смотрѣлъ на нее, хотя бы и былъ отвернувшись.
 Днемъ сторожилъ онъ ее на лугу и телица питалась
 Горькой травой и листвою деревъ; но когда же спускалось
 Солнце подъ землю, то въ хлѣвъ запиралъ, привязавши веревкой.
 Въмѣсто мягкаго ложа ложилась на голую землю
 Часто несчастная Нимфа, пила лишь болотную воду.
 Къ Аргусу руки съ мольбою когда бѣ протануть захотѣла
 Жалкая Ю, то даже и рукъ для того не имѣла!
 Просьбу старалась сказать, издавала она лишь мычанье,
 Звуковъ пугалась своихъ и ей страшнымъ свой голосъ казался.
 Вотъ устремилась къ ручью, у котораго часто играла,
 Вотъ подошла къ берегамъ Инахидскимъ, но въ волны взглянувши,
 Прочь убѣгаетъ, роговъ на себѣ и себя ислугавшись.
 Не узнаютъ ни Наады ее; ни самъ Инахъ не можетъ,
 Кто та, признать. Телица-жь слѣдитъ за отцомъ и сестрами;
 Ихъ удивленіе и ласки къ себѣ обратить она хочетъ.
 Вотъ сѣдой Инахъ телицу питаетъ сорванною травой;
 Лижетъ она его руки, цѣлуя отцовы ладони,
 И полились ея слезы; а еслибы слово сказалось,
 Имя свое и несчастья повѣдавъ, она испросила бѣ
 Помощь отца! Но не могли сказать, начертила ногою
 Знаки она на пескѣ о печальномъ своемъ превращеніи.
 „О я несчастный!“ Инахъ восклицаетъ, и крѣпко руками
 Шею своей бѣлоснѣжной телицы съ рогами обнявши,
 „О я несчастный!“ Инахъ повторяетъ: „Ты ль это повсюду
 Мною исканная дочь? Я плакалъ, тебя потерявши;
 Слезъ еще больше достойно теперь мнѣ твое возвращеніе!
 Уже не можешь на ласки мои ты отвѣтить словами,
 Молча, лишь вздохи глубокіе ты исторгаешь изъ груди
 И отвѣчаешь на слово мое ты однимъ лишь мычаньемъ.“

Я же въ незнааніи и факель тебѣ, и ложе Гимена,
 Зята съ потомствомъ тобою увидѣть надѣясь, готовилъ.
 Нынѣ же, вижу, ты въ стадѣ найдешь себѣ мужа съ потомствомъ.
 Самою смертию. увы! мнѣ нельзя сихъ окончить страданій,
 Вредъ лишь приносить мнѣ то, что я богъ. Не доступными смерти
 Вѣчными будутъ страданья мои, какъ и дни мои вѣчны".
 . . . . . Аргусъ, явившись тогда, прерываетъ стезанья Инаха.
 И изъ объятій отцовскихъ увлекши, дочь гонить на пастьбу.
 Самъ же вершину высокой горы занимая, садится,
 Взоры свои по всѣмъ сторонамъ обращая оттуда.
 Самъ владыка всевышній несчастій такихъ Фороиды
 Долше не можетъ сносить и, рожденного свѣтлой Плеядой
 Сына къ себѣ призывая, его посылаетъ скорѣе
 Аргуса смерти предать. Тотчасъ же къ ногамъ привязавши
 Крылья, покрывши главу и снотворный свой жезлъ взявши въ руки,
 Съ неба Юпитера сынъ изъ высокаго замка стремится.
 И, какъ спустился на землю, съ главы украшенье, съ ногъ крылья
 Только лишь жезлъ у себя оставляя, снимаетъ Меркурій.
 И по пустыннымъ полямъ какъ пастухъ на свирѣли играя,
 Козъ мимоходомъ украденныхъ гонить жезломъ тѣмъ посланникъ.
 Новые звуки плѣнили Юнонина сторожа: „Гей ты!“
 Аргусъ сказалъ, „вотъ на этой горѣ здѣсь со мною садиться,
 Кто бы ты ни былъ, ты можешь. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ скоту ты
 Лучшей травы не найдешь, а въ тѣни пастухамъ здѣсь приятно“.
 Съѣлъ съ нимъ потомокъ Атланта и многообильною рѣчью
 Съ Аргусомъ день сокращаетъ текущій и хочетъ Меркурій
 Сномъ уснуть, на свирѣли играя, бессонныя очи;
 Но чудовище сна избѣгаетъ и два только глаза,
 Водро другими смотря, для покоя смыкаетъ лишь Аргусъ,
 И предлагаетъ Меркурію Аргусъ вопросъ: „По какому
 Случаю стала открыта свирѣль, что открыта недавно“?
 И отвѣчая Меркурій сказалъ такъ: „Межъ всѣхъ Нонакридскихъ
 Гамадриадъ на холодныхъ Аркадіи горной вершинахъ
 Славной была Наада одна, по названію Сиринксы;
 Много ужъ разъ уклонялась она отъ искательствъ Сатировъ,
 Съ тѣмъ и прочихъ боговъ по полямъ и лѣсамъ обитавшихъ,
 Чта Ортигійскую дѣву Діану занятъемъ и дѣвствомъ.
 Сходной съ Діаной казалась она и одеждой; одинъ лишь
 Лукъ роговой отличалъ отъ Діаны ее златолукой.

Такъ была сходна съ богинею Сириксъ Наяда. Однажды
 Сириксъ спускалась съ Ликейской вершины. Увидя Наяду
 Панъ богъ, себя увѣнчавши сосновоколючимъ вѣнкомъ, ей
 Такъ говорить „...И богу слова лишь сказать оставалось,
 Какъ не внимая рѣчамъ, убѣжала прочь Нимфа Наяда
 И, добѣжавши до водъ рѣки Ладо песчаной, преграду
 Сириксъ дальнѣйшему бѣгству встрѣчаетъ въ волнахъ этой Ладо...
 Молить тогда своихъ свѣтлыхъ сестеръ о своемъ превращеннѣ;
 А межъ тѣмъ, въ мысляхъ надѣясь обнять уже Сириксъ руками,
 Панъ обнималъ лишь болотный тростникъ вмѣсто Сириксъ Наяды
 И въ тростникѣ томъ воздухъ, спираясь отъ вздоховъ Наяды,
 Звукъ порождалъ и печальный и нѣжный, и сладостью звуковъ
 Тѣхъ очарованный богъ воскликнулъ тогда: „О Сириксъ!
 Пусть хотя это отнынѣ мнѣ связію будетъ съ тобою!“
 Такъ-то тогда изъ многихъ тростинокъ слезенная Паномъ
 Съ помощью воска свирѣль получила та имя Наяды.
 Вдругъ замѣчаетъ Меркурій, что Аргуса очи закрылись.
 Свой прерываетъ тогда же разказъ уроженецъ Циллены
 И отягчаетъ снотворнымъ жезломъ сномъ закрытыя вѣки;
 Тотчасъ затѣмъ поражаетъ мечемъ онъ чудовища шею,
 И низвергаяся трумъ запятналъ своей кровью утесы!
 „Аргусъ! лежишь ты, и сколько бъ ни было въ глазахъ твоихъ свѣта,
 Весь онъ погашенъ и сто твоихъ глазъ темнотою покрыты!“
 Аргуса жъ очи Юнона собираетъ и, такъ какъ звѣздами,
 Ими священной ей птицы и перья, и хвостъ украшаетъ.
 Снова тогда закипѣла мечь въ сердцѣ Юноны; не медля
 Страшныхъ Эринній она передъ умъ и глаза представляетъ
 Дѣвы Аргосской, и робость безумную въ сердце вложивши,
 Мужа любовницѣ всюду въ тревогѣ скитаться судила.
 Нилъ! Ты послѣднимъ изъ всѣхъ очевидцевъ былъ Io страданій.
 Нила достигши, къ землѣ приклонила тельца колѣни,
 И устремляя глаза свои къ небу и вытянувъ шею,
 Плачемъ, слезами и жалкимъ, исполненнымъ скорби, мычаньемъ
 Просить конца Io такимъ страданьямъ, пеняя Зевесу.
 Нѣжно супругу обнявши, такъ просить Юпитерь Юнону,
 Чтобъ наконецъ прекратила богиня страданія Io:
 „Страхъ свой оставь навсегда, говорить онъ, ужъ больше не будетъ
 Io причиною скорби твоей“ и велитъ это слышать
 Стиска волнамъ. Смягчилась богиня. Тотчасъ принимаетъ

Нимфа видъ прежній и стала такою-жъ, была какъ и прежде;
 И уничтожились шерсть и рога; и зрачки стали уже;
 Зевъ сократился въ уста; возвратились и плечи и руки,
 Въмѣсто копытъ появились пальцы: отъ вида телицы
 Только осталась одна бѣлизна. Поднимается Нимфа
 На двѣ ноги, промывать онасясь подобно коровѣ,
 Слово боится сказать и неясно лепечеть лишь звуки.
 Нынѣ же чтится богиней она жрицъ льненосныхъ толпою.

III.

Фаэтонъ.

(кн. I, ст. 748—779)

. . . . Былъ, по преданью, рожденный отъ славной Юпитера крови
 Сынъ у ней Эпафъ. Онъ съ матерью вмѣстѣ былъ чтимъ городами
 И алтари имѣлъ общіе съ нею. Ему тогда равнымъ
 Былъ Фаэтонъ и годами и духомъ, рожденный отъ Солнца.
 Феба имѣя отцомъ, Фаэтонъ похвалялся однажды
 Родомъ своимъ предъ Эпафомъ, его не желая быть ниже.
 Инаха внукъ, тщеславья не снесши, сказалъ: „О безумный!
 Матери ль вѣрить во всемя и родителемъ ложнымъ гордиться?
 И покраснѣлъ Фаэтонъ и свой гнѣвъ отъ стыда подавивши,
 Объ оскорбленіи Эпафа томъ такъ говорилъ онъ Клименъ:
 „Многопечально, о мать, мнѣ, что я, столь и сильный и твердый,
 Передъ врагомъ своимъ долженъ молчать. То въ стыдъ мнѣ, что
 могутъ

Мнѣ оскорбленіе сказать и нельзя мнѣ его опровергнуть.
 Ты же, о мать моя! Если съ неба мой родъ происходитъ,
 Рода такого дай знакъ и небесный мой родъ докажи мнѣ“.
 Съ рѣчью такою въ объятіяхъ мать Фаэтонъ сожмивая,
 Дать объ родителяхъ знакъ несомнѣнный ее умоляетъ
 Бракомъ сестеръ, головою своей, головою и Мерона.
 Тронувшись болѣе, трудно сказать, иль своимъ оскорбленьемъ
 Или же просьбами сына, Климена, поднявъ обѣ руки
 Къ небу и взоръ устремляя свой къ солнцу, такъ говорила:
 „Этимъ свѣтомъ блестящимъ, который насъ видитъ и слышитъ,
 Сынъ! я клянуса тебѣ, отъ солнца, которое видишь,
 Солнца блестящаго, міра правителя произомель ты!
 Если-жъ неправду я говорю; то пусть свѣтъ не допустить

Видѣть мнѣ больше себя и послѣднимъ мнѣ будетъ день этотъ!
 Трудъ для тебя небольшой, чтобъ достигнуть отцовскаго дома,
 Мѣсто его восхожденья сосѣдить съ сей нашей землею,
 Можешь идти и узнать отъ него самого, если хочешь!“
 Рѣчью такой восхищенный сынъ Феба, отъ радости блещеть,
 Мысленно онъ ужъ восходитъ на небо,—и Фебова отрасль
 И Эіопскую область и Индіи жаркія страны
 Скоро минуетъ и къ мѣсту подходитъ отцова восхода.

IV.

Судьба Фаэтопта.

(Кн. II, ст. 1—339).

Золотомъ ярко блистая и пламенодобнымъ треномъ,
 Былъ дворецъ Солнца высокъ, утвержденъ на высокихъ колоннахъ,
 Костью слоновой блестящей вершина дворца покрывалась,
 Блескомъ лучей серебристыхъ сіяли двустворныя двери.
 Но матеріалъ превышало искусство. На зданіи Феба
 Море, кругомъ обтекаеть что землю, Вулканъ отчеканилъ,
 Такъ же и шаръ отчеканилъ земной и надъ шаромъ тѣмъ небо.

Въ морѣ представилъ лазурныхъ боговъ и Тритона межъ ними,
 И Нереидъ, и Дориду; однѣ изъ нихъ плаваютъ въ морѣ,
 Косы зеленыя сушатъ другія, сидя на утесахъ;
 Вздять на рыбахъ иныя;—лицомъ коть не сѣжи,
 И не различны однакожь онѣ, какъ прилично быть сестрамъ,
 И многоличнаго бога Протея и то, какъ Эгеонъ
 Киятовъ огромныхъ хребты сжимаетъ своими руками.

Землю представилъ съ людьми, городами, звѣрями, лѣсами,
 И божества полевныя представилъ и съ Нимфами рѣки,
 Свѣтлое небо Вулканъ начерталъ надъ землею, представилъ
 Шестъ созвѣздій какъ справа, такъ столько-жъ и слѣва на дверяхъ.

Кончилъ когда сынъ Климены на небо путь круто-высокій,
 Входитъ въ дворецъ онъ отца, оставался который сомнѣннымъ,
 И направляетъ шаги свои прямо къ отцовскому лику;
 Но не могли, близко стоя, перенести его блеска,
 Сталъ вдалекѣ. Воссѣдалъ, облеченный въ пурпурной одеждѣ,
 Фебъ на престолѣ сіяющемъ блескомъ свѣтащихъ смарагдовъ.
 Съ лѣвой и правой стороны у него въ разстояніи равномъ
 Были Часы, стояли тутъ также и Годъ и Столѣтъя,

Мѣсяцъ и День и Весна молодая въ цвѣточной коронѣ;
Тутъ же и жаркое лѣто, держа пугъ колосевицъ; имѣя
Сбора слѣды винограднаго, тутъ находилась и осень;
Здѣсь и зима съ волосами сѣдыми была ледяная.

Солнце, всесразами видя очами съ середины собранья
Юношу, былъ пораженъ новизною предметовъ вторыхъ.
Такъ говоритъ: „Какая причина пути, и въ сей замокъ
Съ цѣлью какою стремился ты, милый мой сынъ несомнѣнный?“
И Фаетонтъ отвѣчаетъ: „О свѣтъ непредѣльному міру
Общій, о Фебъ мой отецъ, если такъ называть тебя смѣю
И не срываешь Климена вины своей вымысломъ ложнымъ!
Дай мнѣ, родитель, залогъ, по которому бѣ могъ я быть признанъ
Сыномъ твоимъ и тѣмъ въ сердцѣ моемъ уничтожь ты сомнѣнье!“
Такъ онъ сказалъ. И родитель, лучи съ головы своей сжавши
Яркоблестящія, сыну велитъ подойти къ себѣ ближе
И обнимая его говоритъ: „Достоинъ назваться
Сыномъ можешь ты, и правду о родѣ сказала Климена,
И чтобы больше не было сомнѣнья, проси себѣ дара,
Вѣрно его ты получишь; обѣту-жь свидѣтелемъ будетъ
Пусть незримое мною белото, которымъ кланутся
Боги“. Лишь кончили Фебъ, просить сынъ у отца колесницы
И крылоногихъ отцовскихъ коней лишь на день во владѣніе.
Въ вл�тѣвѣ раскаялся Фебъ и трижды и много разъ—много
Свѣтлой главой потрясая, сказалъ: „Черезъ твое безразсудство
Рѣчь и моя безразсудною стала; о еслибъ могъ я,
Могъ не исполнить обѣта! О сынъ! отказать только въ этомъ
Могъ я тебѣ и отъ этого можно ль тебя отклонить мнѣ?
Не безопасно желаніе твое, сынъ; ты многого просишь,
Что не по силамъ тебѣ, Фаетонтъ, и годамъ твоимъ юнымъ!
Будучи смертнымъ, ты просишь того, что не смертнаго дѣло.
Большаго даже, чѣмъ что достижимо едва ли безсмертнымъ!
Каждый изъ нихъ захотѣлъ бы того и себѣ, еслибъ могъ кто!
Но, исключая меня, не возможетъ никто удержаться
На огненной оси, ни даже владыка Олимпа,
Тотъ, что бросаетъ изъ страшной десницы ужасныя молнии.
Той не возможъ бы провестъ колесницы, а кто его больше?
Путь тотъ сначала крутъ и по немъ только свѣжіе кони
Могутъ подняться по утру; но самая вѣсь по среднѣмъ.
Мнѣ самому посмотреть оттуда на море и землю

Часто страшно бываетъ и сердце такъ бьется отъ страха.
 Далѣе-жь путь тотъ стремителенъ; нуженъ хорошій возничій;
 Даже и Тетисъ, которая въ волны меня принимаетъ,
 Въ страхѣ бонится тогда, чтобы я не упалъ извергаюсь.
 Знай ты въ тому же, что небо кружится всегдашнимъ круженьемъ,
 Быстро вокругъ обращаешь и звѣзды съ собой увлекая!
 Знай, что стремлюсь я и ѣду напротивъ вращенія неба,
 Ёду напротивъ вращенія, съ которымъ все вмѣстѣ вертится.
 Вообрази же, что ты получилъ колесницу. Что дѣлать?
 Можешь ли ты совершить путь напротивъ вращенія неба?
 Не былъ лишь сброшенъ бы ты съ колесницы. Быть можетъ, мечтаешь
 Встрѣтить ты тамъ города и дома и лѣса и съ огромнымъ
 Храмы богатствомъ? Напротивъ, лишь бѣди въ пути томъ и зѣври!
 Чтобы путь совершить и проѣхать безъ всякой ошибки,
 Долженъ Тельца ты тамъ встрѣчнаго рогъ миновать, а тамъ дальше
 Стрѣлы Стрѣльца Тессалии и страшно свирѣпаго Льва пасть.
 Долженъ пройти Своріона и Рака, свои изогнувшихъ
 Клепви ужасныя другъ противъ друга въ огромные круги.
 И не легко тебѣ справиться конями, когда разъярятся
 Пламенемъ тѣмъ, что нѣютъ въ груди и его извергаютъ
 И изо рта и ноздрей. Едва мнѣ удастся управить
 Ими, когда разъярятся и удиль противятся слушать.
 Ты же, мой сынъ, чтобы не быть мнѣ печальнаго дара причиной,
 Сынъ, берегись и желанье исправь, пока еще можно.
 Просишь ты, чтобы убѣдиться, отъ крови ль моея ты родился,
 Вѣрнаго знака!... Но стратомъ дамъ тебѣ знакъ снѣгъ вѣрнѣйшій,
 Страхъ мой отцовскій во мнѣ ли отца не является! Въ лицо ты
 Мнѣ посмотри и о еслибъ въ сердце ты могъ бы глазами
 Мнѣ заглянуть и внутри тамъ извѣдать отцовскія скорби!
 Но посмотри, наконецъ, на богатства всѣ этого міра
 И изъ всего, что ни есть въ немъ прекраснаго въ морѣ и небѣ
 И на землѣ, ты проси, чего хочешь, отказа не будетъ;
 Просьбу лишь эту оставь потому, что не въ честь тебѣ будетъ,
 Но въ наказанье она. Наказанія—не дара ты просишь!
 О Фаэтонтъ! и къ чему ты меня обнимаешь такъ лѣзно.
 Клялся я Стикса водами и все безъ сомнѣнія получишь,
 Все, пожелаешь чего ты, будь только въ желаньяхъ разумнѣй".
 Кончилъ такъ Фебъ увѣщанья, но рѣчи отца противляясь,
 Сынъ подтверждаетъ свое предложеніе, прося колесницы.

Медилъ родитель, пока было можно; къ высокой подводитъ
 Юношу онъ наконецъ колесницѣ—Вулкана подарку.
 Ось колесницы и дѣшло изъ золота скованы были,
 Были ободья колесъ золотыя, серебряны спицы,
 И хризолиты и камни цвѣтные на упряжи были.
 Ярко блистали они, отраженъемъ лучей бога Феба.
 Все то пока въ колесницѣ разсматривалъ сынъ Аполлона
 И удивлялся искусству, какъ вотъ на Востоку блестящемъ
 Пурпуру видомъ подобныя двери Аврора отперла
 И обиталище полное розъ. Удаляются съ неба
 Звѣзды, Дициферъ послѣднимъ ночью за другими звѣздами.
 Послѣ того, какъ увидѣлъ Фей, что небо и земли
 Краснымъ зардѣлися свѣтомъ, и мѣсяцъ съ своими рогами
 Какъ бы исчезъ послѣ вѣха, лошадей запрягать велитъ Титанъ
 Горамъ поспѣшнѣе. Богини проворно приказъ исполняютъ
 И огнедышанихъ коней, насыщенныхъ сокомъ Амброзы
 Тотчасъ отъ яслей высокихъ приводятъ, узду налагая.
 Фей тогда сыну лицо натираетъ священнымъ составомъ
 И терпѣливымъ чрезъ то его дѣлаетъ къ сильному жару,
 Голову сына украсилъ лучами. Потомъ, испуская
 Вздохи—предвѣстники горя изъ сердца за тѣмъ говорятъ такъ:
 „Если ты можешь, хоть въ этомъ отцова совѣта послушай,
 Возжи ты крѣпче держи и не думай коней погонять, сынъ,
 Сами собою спѣшатъ и ихъ ярость удерживать трудно.
 Знай, что лежитъ поворотами въ разныхъ стороны путь твой
 И изъ пяти по одной дугѣ прямо пути не держи ты;
 Но направляясь въ предѣлахъ трехъ поясовъ, то удаляйся
 Полюса Юга, то также Медвѣдицы съ бурями дружной:
 Путь твой пусть будетъ мешь ними; еще тамъ моеи колесницы
 Ясны слѣды! А чтобъ жаръ одинаковъ землѣ былъ и небу,
 Не направляй колесницы ты слишкомъ ни къ низу, ни къ верху.
 Къ верху подыавшись высоко, важнешь ты небесные дома,
 Землю жъ—чрезъ мѣру спустившись: безвредно пройдешь по сре-
 динѣ.

Знай, колесницей на правой рукѣ миновать звѣзду Змія,
 А на лѣвой—держатъ отъ звѣзды Алтара отдаленной:
 Правь между ними; ввѣряю Фортунѣ я все остальное.
 Пусть помогаетъ она и управитъ путь лучше, чѣмъ ты самъ!
 Но посмотри, ужъ ночь покрываетъ Гесперскія земли,

Тьма ужъ встала и блещетъ Аврора и насъ ожидаетъ.
 Въ руки ты возжи бери, или, если измѣнишь правъ твоихъ,
 Пользуйся лучше совѣтомъ мойнѣ, чѣмъ моею колесницей;
 Можно, пока и въ вѣрномъ убѣжденіи ты пребываешь,
 И колесницей пока, не умѣя, ты править не начала.
 Пользуйся свѣтомъ спокойно и мнѣ освѣтить ты дай землю!⁴
 Но восходя, занимаетъ при семъ Фаэтонъ колесницу,
 Легкій и юный сынъ Феба, и видя въ рукахъ своихъ возжи,
 Радуюсь скорбному онъ выражаетъ отду благодарность.
 Между тѣмъ быстрые Солнцези кони.—Ниромъ и Дусъ,
 Этонъ и Флегонтъ своимъ оглашаютъ весь ржаніемъ воздухъ,
 Дышутъ огнемъ и ногами своими въ заповрь ударяютъ.
 Только лишь, жребія внука не зная, богиня заповрь тотъ
 Тетисъ отяла и мѣръ необъятный ихъ всорамъ открылся,
 Быстро они устремилися въ путь, и по воздуху мчяся,
 Всѣ облака разсѣкаютъ ногами и съ помощью крыльевъ
 Оперезаютъ и Эвра, возникшаго въ тѣхъ же предѣлахъ.
 Тяжесть легка и узнать колесницы той кони не могутъ,
 Чуютъ однакожъ, что тяжести должной армо не имѣтъ.
 Какъ корабли, приличнаго груза въ себѣ не имѣя,
 По бурному воеютъ морю, съ легкостью быстро качаясь,
 Такъ колесница безъ тяжести должной несется по выси,
 Дѣлая слишкомъ большіе скачки, какъ будто пустая.
 Кони же, легкость почуя, свой бѣгъ ускоряютъ; оставивъ
 Путь свой обычный, несутся впередъ не по прежней дорогѣ.
 И испугался сынъ Солнца, не вѣдал, какъ бы направить
 Коней ему и куда,—испугался незнающаго дороги.
 И раскалились тогда отъ лучей Тріоны впервые
 И погрузиться отъ жара напрасно стараются въ море,
 И къ ледовитому полюсу, Змѣй, что лежитъ приближеннѣмъ,
 Прежде морозомъ окованный ютнмъ, змѣй тихій, не страшный,
 Нынѣ согрѣлся и новую ярость отъ жара воспринялъ.
 Шагъ свой и ты, о Вооть, говорятъ; усвоилъ возмущенный,
 Тихимъ и медленнымъ бывши всегда со своею телѣгой!
 Между же тѣмъ, какъ несчастный сынъ Солнца съ високаго неба
 Взоръ обратилъ свой на Земли, что были въ далекомъ пространствѣ,
 Блѣдностью весь онъ покрылся, колѣна отъ страха дрожали,
 И потемнѣло въ глазахъ Фаэтона отъ сильнаго свѣта,
 И ужъ коней отцовскихъ ему бѣ получать не хотѣлось.

Кается онъ, что и родъ узнавалъ свой и въ просьбѣ успѣхъ былъ.
 Сынномъ Меропи желая ужъ зваться, несется онъ также,
 Какъ и гонимый Бореемъ корабль, на которомъ оставивъ
 Кормчій и парусъ и руль отдается богамъ и обѣтамъ.
 Что-жь дѣлать? Ужъ Фаэтонъ миновалъ много неба несчастный,
 Больше-жь еще впереди, измѣряетъ онъ то и другое.
 Смотритъ сынъ Феба на Западъ, достигнуть котораго рокомъ
 Было ему не дано; также смотритъ назадъ и къ Востоку.
 Что ему дѣлать, не зная, — въ сомнѣннхъ возей не спускаетъ,
 Ни управлять онъ не можетъ, ни коней называть именами.
 Въ страхъ къ тому же онъ видитъ на небѣ повсюду чудовищъ,
 Образы видитъ повсюду разсѣянныхъ дивныхъ животныхъ.

Есть на пути одно мѣсто, гдѣ изгибаетъ въ два лука
 Клепни свои Скорпионъ и далеко по небу въ предѣлы
 Знаковъ другихъ простираетъ изогнутый хвостъ свой и ноги.
 Только лишь юный возничій увидѣлъ, какъ ядомъ обильный
 Раны грозится нанести Скорпионъ остриемъ изогнутымъ,
 Мысли лишился и возжи изъ рукъ выпускаетъ въ испугъ.
 Коня-жь, почуявъ, что брошены возжи изъ рукъ, имъ на спину,
 Путь свой оставивъ, безъ всякой узды, по странамъ неизвѣстнымъ
 Мчатся и лишь подчиняясь стремленью, свой бѣгъ ускоряютъ.
 То направляются въ звѣздамъ, на высяхъ небесныхъ висящимъ,
 То увлекаютъ они колесницу въ глубокія бездны,
 То устремляются къ небу они, то несутся оттуда
 Близко и круто къ землѣ, по стремнистымъ путямъ ниспущаясь.
 Видитъ Луна съ удивленьемъ, что братнины кони несутся
 Ниже ея воной. Вотъ облака, загорѣвшись, дымятся,
 Вотъ уже пламя вершины земли охватило собою;
 Щели даетъ расколовшись земля и, утративши влагу,
 Сохнетъ отъ жара, желтѣютъ луга, деревья горятъ съ листвою,
 Нива, изсохши, даетъ врагу новую пищу собою.

Бѣдствій сихъ мало, — и вотъ города погибаютъ съ стѣнами,
 Въ пепель сжигаея пожаръ истребляетъ и цѣлыя страны
 Вмѣстѣ съ народами. Вмѣстѣ съ горами сгораютъ лѣса всѣ;
 Вотъ горятъ Атосъ и Тавръ Киликійскій и Эта и Тмолюсъ,
 Нынѣ изсохши сгораютъ ручьями столь славная Ида,
 Музамъ священный горитъ Геликонъ, сгораютъ и Гемосъ,
 Сильнымъ огнемъ воспладала и Этна въ безмѣрномъ пожарѣ,
 Съ нею и Эриксъ и Отрисъ и Цинесъ и Парнасъ двувершинный,

Также Родопъ, долженствующій свѣга лишиться, и Мимасъ,
И Клееронъ, посвященный для жертвъ, и Диндигъ и Мивале,
И бесполезны морозы для Синои, горы Кавказа,
Осса, и Пиндъ, и Олимпъ, высочайшій обоихъ, пылають,
Альпы пылають, горитъ Апеннинъ, собирающій тучи.

Видитъ тогда Фаэтонъ, что цыкаетъ повсюду въ пожаръ
Весь земной шаръ и не можетъ уже самъ сносить жара такого,
Дуетъ въ лицо ему вѣтеръ горячій, какъ бы изъ горнила,
Чувствуетъ онъ, колесница его раскалалась отъ жара,
Искръ разлетаемыхъ съ пенломъ сносить Фаэтонъ уже не можетъ
Дольше и дымъ отовсюду его окружаетъ—густой дымъ.
И затемненный, покрытый онъ черною сажей не знаетъ,
Гдѣ онъ и гдѣ его путь... но какъ птицы влемутъ его кони.
Въ это-то время народъ Эѳіопскій, гласится въ преданьи,
Темный свой цвѣтъ получили ради крови, приклянувшейся къ кождѣ.
Въ это-то время, лишася воды отъ столь сильного жара,
Либія стала пустыней. Тогда-то оплакали Нимфы
Рѣки, озера, ключи, волоса распустивъ отъ печали.
Ищетъ Беотія Дирце, Аргосъ Амимону, Пирену
Ищетъ Коринѣъ. Не остались тогда безопасны и рѣки.
Волнъ посреди ихъ своихъ загорѣлись Танаисъ широкій,
Старецъ Пеней и Калкъ изъ горы Тевераитейской текущій,
Быстрый Исменъ съ Эрманеомъ рѣкою въ предѣлахъ Фокиды,
Желтый Ликормасъ и Ксанъ, обреченный вторично дымиться,
Меласъ, текущій въ Мигдонской землѣ и Тенарскій Евротасъ,
Также и ты, о игривый Меандръ въ берегахъ искривленныхъ.
Дымомъ дымилась, гора, Вавилонскій Евфратъ и Ороатесъ,
Гангесъ и Фазисъ, и Истеръ и быстробурливый Термодонъ,
Воды кипѣли Алфея, и Сперкій огнемъ обнимался,
Пламенемъ текъ и несущій въ волнахъ своихъ золото Тагосъ.
Лебеди вмѣстѣ погибли съ Канстромъ-рѣкою отъ жара,
Лебеди, что оглашаютъ Меонию пѣньемъ предсмертнымъ.
Нилъ, устранившись пожара, бѣжалъ на край свѣга далеко
И неизвѣстно до нынѣ, гдѣ спряталъ свою онъ вершину;
Семь его устьевъ песчаныхъ теперь семь долинъ суть безводныхъ.
Той же судьбою насохли во Фракіи Гебръ со Стримономъ,
И Гесперійскія рѣки, и Рома, и Ренъ, и Падъ,
И наконецъ славный Тибръ, предназначенный царствовать въ мирѣ.

Вся расщелилась земля, и севозъ трещины свѣтъ проникала
 Въ Тартаръ, подземнаго бога съ супругой своею смущаетъ.
 Самая область морей уменьшилась; песчаное поле
 Тамъ появилось, гдѣ было море, и горы возникли
 Водъ изъ глубинихъ и массу Цикладовъ собой умножаютъ.
 Въ глубь устремляются рыбы; дельфины по прежней привычѣ
 Больше не смѣютъ всплывать надъ водой, поднимаясь къ верху;
 И опрожижившись навзничь, лежать на поверхности моря,
 Жизни лишася, тюлени. Нерей самъ, гласится въ преданьи,
 вмѣстѣ съ дѣтьми и Доридой въ нагрѣвшихся скрылся нещерахъ.
 Трижды Нептунъ съ осерженнымъ лицомъ изъ-подъ водъ покушался
 Руки поднять, и воздушнаго жара онъ трижды не вынесъ.
 Вотъ наконецъ окруженная понтонъ земля посрединѣ
 Водъ океана и всюду изскланныхъ истоновъ, что скрылись
 Въ нѣдра ея, какъ прохладныя матери нѣдра отъ жара,
 Всеприносащая ликъ свой подняла по самую шею,
 Но приложивъ къ лицу руки и сильно кругомъ все потрясши,
 Внизъ опустилась не много, и ниже, чѣмъ слѣдуетъ быть ей,
 Будучи, голосемъ хриплымъ отъ жара такъ говорила:
 „Если угодно такъ, о высочайшій, и я заслужила
 Гибель свою, то зачѣмъ твои молніи медлятъ, и если
 Должно погибнуть огнемъ мнѣ, огнемъ пусть погибну твоимъ я:
 Самая гибель моя отъ тебя мнѣ пріятнѣе будетъ!
 Только уста лишь открыть я для словъ сихъ успѣла, смотрю ужъ
 Дымъ задушаетъ меня! Опаленные волосы эти
 Видишь ли, видишь ли искръ на лицѣ и глазахъ моихъ сколько?
 Эту ли честь за мое плодородье, и эту ли цѣну
 Ты воздаешь мнѣ, которая столько страдаетъ отъ плуга,
 Столько страдаетъ и сносить работъ въ продолженіе года?
 Это ль за то, что рождаю я зелень животнымъ и пишу
 Роду людей, и за то, что даю иміамъ для бессмертныхъ?
 Но заслужила я гибель! Скажи мнѣ, въ чемъ братъ твой виновенъ,
 Въ чемъ преступленье его.. и за что убываютъ предѣлы
 Данныхъ ему океановъ и дальше отъ неба отходятъ.
 Если же нѣтъ ни во мнѣ въ тебѣ милости больше, ни къ брату,
 Небо свое пожалѣй ты и къ полюсамъ взоръ обрати свой!
 Видишь, дымятся ужъ оба, и если огонь ихъ разрушить,
 То и чертоги твои упадутъ; посмотри, и самъ Атласъ
 Ось раскаленную жаромъ съ трудомъ на плечахъ едва держитъ.

Если погибнуть моря, съ ними земли и небо исчезнуть,
 То мы смѣшаемся въ древнемъ Хаосѣ. Спаси жь отъ огня ты
 То, что осталось енге, и нежися о цѣлости міра!“
 Такъ говорила земля, и сносить долъше жара не могли,
 Больше не могли отъ дыма ни слова промолвить, скрываетъ
 Ликъ свой въ себя и пещерахъ глубокихъ и близкихъ къ Андѹ.

Слыша то, Зевсъ всемогущій клянется богами и тѣмъ, кто
 Даль колесницу, клянется, что міръ весь исчезнетъ въ пожарѣ,
 Если ему не помочь, и стремится къ высокому небу,
 Тучи откуда обычно на землю онъ всю посылаетъ,
 Грономъ оттуда гремитъ и гроуныя молныя бросаетъ;
 Но не случилось тогда облавовъ, чтобъ послать ихъ на землю,
 И не случилось дождей, чтобы съ неба прислать ихъ на землю.
 Вотъ загремѣлъ, и въ возничаго шлетъ онъ изъ праваго уха
 Грозную молнию и жнани его съ колесницей лишаетъ;
 Разомъ и пламя земли отъ огней тѣхъ небесныхъ исчезло.
 Кони, въ испугѣ отъ грома въ противныя стороны бросаясь,
 Шеи свои отъ ярма свободивъ, разбѣгаются. Видны
 Тамъ удила, здѣсь валяется ось, огломившись отъ дышла,
 Тамъ лежать спицы колесъ, разломавшихся въ мелкія части.
 Всюду кругомъ—сокрушенной лежать колесницы обломки.
 Самъ Фаэтонъ съ опаленной огнемъ головой тѣмъ небеснымъ
 Быстро по воздуху длинной чертою летитъ, низвергаясь.
 Такъ иногда низвергается, кажется, съ яснаго неба,
 Падая какъ бы, звѣзда, хотъ паденіе ей невозможно.
 И Фаэонта вдали отъ отчизны, въ другомъ полумірѣ
 Въ волны принялъ Эриданъ и отвелъ его ликъ почернѣлый.
 Нимфы Гесперіи трупъ Фаэонта, дымящійся молнией,
 Скрыли въ гробницу и съ надписью камень такою воздвигли:
 „Здѣсь погребенъ Фаэонтъ, колесницы отцовской возничій,
 Жертвою замисловъ смѣлыхъ онъ палъ, колесницей не справивъ“.
 Скрылъ тогда ликъ свой отецъ, пораженный по сынѣ великой
 Скорбью, и день прошелъ цѣлый безъ солнца, гласится въ преданьи,
 Если преданью намъ вѣрить, и свѣтъ доставляли пожары.
 Такъ и въ несчастьи такомъ міровомъ была нѣкая польза.
 Мать же Климена, сказавши сначала, что должно сказать ей
 Было въ несчастьи такомъ, пораженная горемъ, въ безумьи
 И разрывая одежды, обходить въ сматеніи міръ весь,
 Сына бездушныя члены желая найти, и нашедши

Кости одни, погребенныя въ чуждой землѣ и могилѣ,
Нѣжно припала къ могилѣ, и имя на мраморѣ сына
Мать обливаеъ слезами и грудью открытою грѣбеть.

V.

Геліады.

(Кн. II, ст. 340—366).

Дочери солнца не менѣ матери слезъ и рыданій
Жертвуютъ брату столь тщетныхъ для смерти даровъ, и
Въ грудь удара я руками и съ воплемъ напрасно взывая
Ночью и днемъ къ Фаэтонту, въ его упадаютъ могилѣ.
Вотъ ужъ четырежды въ кругъ соединила рога свои Феба,
Но Геліады обычно—обычною стала печаль ихъ—
Плачутъ о братѣ, и вотъ устремляясь угасть на могилу,
Чувствуетъ вдругъ Фаэтоза, что ноги ея цѣпекъютъ;
Свѣтлая, къ ней подойти направляясь, сестра Лампетія
Тутъ же на мѣстѣ осталась, приросши къ землѣ вдругъ корнями. И
Волосы третья сестра, съ головы своей рвать порываясь,
Листья срывала лишь. Видитъ одна сестра такъ превращенье
Ногъ своихъ въ древо, и рукъ превращеніе въ вѣтви другая.
И пока дочери солнца дивятся тому, покрываетъ
Ноги кора ихъ и чрево, и сердце, и руки, и плечи,
Только еще не покрыты уста ихъ, зовущія матерь!
Что жъ дѣлать матери? И покоряясь любви, прибѣгаетъ
Мать то къ одной, то къ другой и цѣлуетъ, доколь возможно.
Этого мало. Мать съ тѣла сорвать дѣтей хочетъ кору ту,
Силится вѣжныя вѣтви руками срывать, но оттуда
Капаютъ, такъ какъ изъ раны, кровавыя капаютъ капли
„О умоляемъ, о мать! восклицаютъ отъ боли ей дщери,—
Наше—о мать, пощади—уязвляется въ деревѣ тѣло!
Милая мать, прощай!“ И корою уста ихъ покрылись.
Слезы сочатся однѣ, и твердѣя отъ солнца, какъ камни
Падаютъ съ вѣтвей младыхъ янтарями, и во свѣтлыя волны
Ихъ принимаетъ рѣка и Латинкамъ шлетъ въ украшеніе.

VI.

Цигнусъ.

(Кн. II, ст. 366—400).

Цигнусъ, Стенела сынъ, былъ превращенья свидѣтель такого,
 Цигнусъ—тебѣ Фаетонтъ, хотя близкій по матерней крови,
 Болѣе близкій еще по душѣ. Онъ, оставивъ правленье
 (Правиль онъ родомъ Лигуровъ и ихъ городами большими),
 Пѣснями скорби рѣку Эриданъ оглашалъ съ берегами,
 Скорбью и дѣсь съ превращенными сестрами онъ оглашалъ весь.
 Вдругъ его голосъ столь сильный сталъ слабымъ, пухъ бѣлый тогда же
 вмѣсто волосъ появился, и длинная выросла шея,
 Пальцы его, вкраснѣвъ, межъ собой перепонкой связались,
 Перья покрыли бока, и уста замѣнились клювомъ:
 Птицей невиданной Цигнусъ явился. Себя не вѣрять
 Лебедь ни выси небесной, ни Зевсу, неправна молнія
 Помня его. Онъ стремится къ озерамъ и влажнымъ болотамъ,
 И ненавидя огонь, населяетъ иную стихію.

Между тѣмъ, мрачный отецъ Фаетонта и блѣдный — безъ блеска,
 Ставши такимъ, какъ бываетъ, когда онъ лишаетъ міръ свѣта,
 Въ скорби, и день, и свой свѣтъ, и себя самого ненавидя,
 Духомъ въ печаль погрузился и гнѣвъ прибавляетъ къ печали:
 Міру еще онъ не хочетъ служить, говоря такъ: „Довольно,
 Самыхъ временъ отъ начала была моя служба всегдашней,
 Жалко трудовъ безъ конца и награды—трудовъ постоянныхъ,
 Пусть колесницею свѣтонесущей богъ править иной кто,
 Если жъ никто изъ боговъ не найдется, и всѣ отрекутся,
 Править пусть самъ и на время, пока владѣть будетъ возжами,
 Молніи, чтѣ отнимаютъ дѣтей, онъ оставитъ, конечно!
 Пусть онъ узнаетъ, коней испытавъ огнеогихъ ретивость,
 Что недостоннъ тотъ смерти, управитъ кто ими не могъ бы“.
 Такъ говорилъ окруженный богъ-Солнце другими богами.
 Всѣ заблинаютъ его, чтобы мракомъ онъ міръ не покрылъ весь,
 Просить прощенія самъ и Юпитеръ, чтѣ молніи бросидъ,
 Но прибавляетъ къ мольбамъ сямъ владѣнка, какъ царь, и угрозы.
 Фебъ собираетъ тогда своихъ коней испуганныхъ, дикихъ,

И укрощая, онъ бьетъ ихъ бичемъ, ударяя имъ сильно;
Такъ онъ коней наказалъ, вмѣняя имъ сына погибель!

VII.

Похищеніе Европы, основаніе Фивъ и превращеніе Кадма и
Гармоніи.

(Кн. II, ст. 836—875; кн. III, ст. 1—137; кн. IV, ст. 563—603).

Сына въ себѣ признавая, Юпитеръ ему говоритъ такъ:
„Вѣрный моихъ исполнитель велѣній, о сынъ мой Меркурій,
Быстро, съ обычной скоростью, съ неба лети ты, не медля,
Въ землю, откудаhalb видна твоя мать и Сидонской
Жители что называютъ. Увидя тамъ царское стадо
То, что пасется нагорной травой, гони его къ морю“.
Такъ онъ сказалъ, и телицы по волѣ Зевеса стремятся
Вотъ уже къ берегу моря, гдѣ царская дочь предаваться
Вмѣстѣ съ тирійскими дѣвами играемъ обычай имѣла.
Тамъ же, оставивъ величье (не слишкомъ вѣдь скипетръ съ любовью
Между собою совмѣстны), боговъ и отецъ и правитель,
Молвы въ десницѣ едержитъ который и шаръ потрясаетъ,
Видъ принимаетъ быка, и съ телицами въ стадѣ смѣшавшись,
Ходитъ по мягкому луку, мыча и красуясь межъ ними.
Цвѣтомъ тотъ быкъ бѣлоснѣжный, не замаранъ онъ слѣдомъ туже-

лымъ,

И влажный еще не коснулся быка того Австеръ,
Мягкая шея, подгрудокъ виситъ, образуясь въ складки,
Были рога не велики, и думать бы можно, руками
Сдѣланы были и цвѣтнаго камня блистали ясные.
Грозень не былъ его лобъ, не внушали глаза его страха,
Смирнымъ казался по виду. Дивится Агенора дочь, что
Быкъ столь красивъ и что страха нисколько къ себѣ не внушаетъ,
Но прикоснуться къ нему опасается дѣва тотчасъ же.
Вотъ подошла и устамъ его чистымъ цвѣты доставляетъ.
Радъ измѣненный по виду любовникъ и лизаетъ онъ руки,
Счастія время пока не пришло, и едва лишь, едва лишь
Можетъ онъ далѣе ждать, и играетъ быкъ съ нею и скачетъ
Онъ по зеленой травѣ и на желтый песокъ упадетъ.
Мало по малу страхъ дѣвы исчезъ, подставляетъ тогда быкъ

Дѣвъ для ласки то грудь, то рога, чтобъ украсить вѣнками
 Ихъ было можно ей. Царская дочь на хребетъ ужъ рѣшилась
 Сѣсть и садится, не зная, садится на спину какую.
 Быкъ-богъ тогда по маленьку съ земли и съ прибрежья ступаетъ
 Въ воду у самаго края сначала, потомъ ступилъ дальше,
 Вотъ наконецъ уже мчитъ онъ добычу по самому морю.
 Видя оставшійся берегъ позади; Европа въ испугѣ
 За рогъ схватилась одною рукою, рукою другою
 Въ спину упершись сидитъ; лишь одежды взвиваются вѣтромъ.
 Быкъ, между тѣмъ съ похищенною дѣвою примчался къ Диктею.
 Тамъ, съ себя снявши обманчивый образъ быка, Зевсъ признался,
 Что то былъ онъ и на Критѣ остался съ Европой. Въ то время
 Кадма искать похищенную дочь посылаетъ Агенору
 И въ наказаніе, еслибы онъ не нашелъ ея, сонлеу,
 Нѣжный къ одной и жестокой къ другому, ему назначаетъ.
 Землю изслѣдовавъ всю (воровство же Юпитера свѣдѣтъ
 Можетъ ли кто?), отъ отцовскаго гнѣва бѣжитъ изъ отчизны
 Изгнанный Агеноридъ и къ оракулу Феба покорно
 Онъ прибѣгаетъ съ вопросомъ, гдѣ должно ему поселиться?
 Фебъ отвѣчалъ ему: „Встрѣтишь въ пустынныхъ поляхъ ты телицу,
 Съ игомъ и плугомъ еще незнакому. Путь свой за нею
 Ты совершай по слѣдамъ и на той травѣ, гдѣ она лежитъ,
 Стѣны построй, и создавъ, божійскими ихъ назови ты.
 Только лишь Кадмъ изъ пещеры Кастальской священной выходитъ,
 Видитъ идущую онъ безо всякаго стража телицу,
 Знака на шеѣ своей она рабства еще не имѣла.
 Слѣдуетъ онъ и идетъ по слѣдамъ за телицей и молча
 Феба-оракулодателя въ сердцѣ своемъ прославляетъ.
 Вотъ пройдены ужъ Цефизскій источникъ и нивы Паноны;
 Остановилась телица тогда наконецъ, и поднявши
 Лобъ свой широкой съ рогами высокими къ небу, мчавшемъ
 Воздухъ своимъ огласила; потомъ, посмотрѣвши на тѣхъ, что
 Шли за ней слѣдомъ, ложится, на мягкой травѣ опускаясь.
 Кадмъ возсылаетъ тогда благодарность богамъ и цѣлуетъ
 Новую землю, привѣтствуя чуждыя горы съ полями;
 Хочетъ и жертву Зевсу принесть Кадмъ и для волянья
 Спутниковъ шлетъ онъ воды почерпнуть изъ истока живаго.
 Древній, ничѣю рукою не тронутый, ресь волнѣи лѣсъ тамъ;
 Въ самой срединѣ его за вѣтвями скрывалась пещера,

Каменный сводъ въ той пещерѣ дугу представлялъ небольшую
 Много обильна водами была та пещера. Скрываясь,
 Марсовъ драконъ обиталъ здѣсь, блистая своей чешуею,
 Очи свѣтились огнемъ, было ядомъ пропитано тѣло,
 Три языка и три ряда зубовъ въ его пасти видѣлись.
 Послѣ того какъ Тирійскіе мужи вступили въ ту рошу
 (Рошь ихъ печаленъ былъ), и опущенные въ воду сосуды
 Издали звукъ, свою длинную голову змѣй изъ пещеры
 Выставивъ, страшный пустилъ шипъ. Отъ страха тотчасъ же изъ
 ружъ вонъ

Выпали урны, застыла кровь въ жилахъ и дрогнули члены.
 Змѣй же, суставы свои, чешуею покрытые, въ кольца
 Свивши, летитъ и въ полетѣ извился въ огромныя дуги,
 Къ верху часть большую тѣла поднявши; потомъ змѣй всю рошу
 Взоромъ своимъ обнимаетъ, и былъ онъ, всего есlibъ видѣть,
 Также великъ, какъ и тотъ, что Медвѣдицъ собой раздѣляетъ.
 Въ тотъ же моментъ Финкійцевъ, хотѣли ль они защищаться
 Или бѣжать, или страхъ воспрепятствовалъ въ томъ и другомъ имъ,
 Змѣй убиваетъ: однихъ—уязвляя, другихъ задушая
 Въ кольцахъ своихъ, ядовитымъ дыханьемъ сражая послѣднихъ.

Солнце, достигши вершины, ужъ дѣлало малня тѣни;
 Кадмъ удивляется, спутниковъ что бы могло задержать такъ.
 Вотъ онъ идетъ по слѣдамъ ихъ; одеждой была ему шкура,
 Снятая съ льва, а оружіемъ дротикъ и съ свѣтлымъ желѣзомъ
 Пика; но всякаго выше оружья была его храбрость.
 Какъ только въ рошу вступилъ Кадмъ, то спутниковъ блѣдныя трупы
 И по верху ихъ огромнаго вида врага онъ увидѣлъ,—
 Лижеть кровавымъ своимъ языкомъ змѣй ужасныя раны.
 „Буду или мстителемъ смерти я вашей, о вѣрные трупы,
 Или умру вмѣстѣ съ вами“, сказалъ Кадмъ. Сказавши, схватилъ онъ
 Камень жерновый и сильной рукою бросаетъ имъ въ змѣя:
 Стѣны высокія съ вѣщими башнями были бъ ударомъ
 Потрясены такимъ. Змѣй же остался и цѣлъ, и безъ раны;
 Бывъ защищенъ чешуею, какъ броней, и твердою кожей,
 Онъ отражалъ безъ вреда столь могучіе Кадма удары.

Но не могла предъ желѣзомъ быть твердою кожа дракона,
 Въ спину по самой срединѣ вонзенное Кадмомъ желѣзо
 Божу разсѣкло и въ самую внутренность змѣя проникло.
 Голову змѣй тогда, разсвирѣпѣлый отъ боли, закинулъ

На спину, и посмотрѣвши на рану, вонзенное твердо
 Древко хватаетъ зубами; съ усильемъ его раскатавши,
 Вырвать изъ тѣла успѣлъ, но желѣзо вонзилось въ кости.
 Новою болью тогда распаленъ былъ гнѣвъ змѣя обычный,
 Вздулоса горло и полныя жиламъ по немъ протянулись,
 Бѣлая пѣна покрыла его смертоносную челюсть,
 Землю своей бороздить чешуей такъ, что слышится тренье,
 Пасть его, аду подобно, дышетъ такимъ чернымъ дыханьемъ,
 Что очерняетъ собою и воздухъ, его заражая.
 Самъ же змѣй, то извивается въ кольца, подобно спирали,
 То поднимается кверху прямѣе высокаго древа.
 Вотъ устремился змѣй съ силой на Кадма, съ какою стремится
 Бурно разлившиися рѣка отъ дождей, и лѣсъ своей грудью
 Онъ поражаетъ. Не много Агеонора сынъ отступается;
 Львиною шкурой прикрытый, Кадмъ выдержалъ натискъ и змѣю
 Въ горло вонзаетъ желѣзо. Желѣзу змѣй въ ярости раны
 Тщетно наноситъ, ломаетъ лишь объ остріе свои зубы.
 Вотъ начала ужъ изъ тѣла, обильнаго ядомъ, сочиться
 Кровь, и зеленныя травы окрасились кровью нечистой;
 Но была рана легка, такъ какъ змѣй отъ удара подался
 Взадъ, и откинувъ назадъ свою шею, рану усилитъ
 Тѣмъ помѣшалъ и не далъ еще глубже желѣзу вонзиться.
 Кадмъ между тѣмъ нажимаетъ вонзенное въ горло желѣзо
 Глубже и имъ нажимаетъ до тѣхъ поръ, пока не уперся
 Змѣй въ отступленья на дубъ. И пронзилъ тогда шею и дубъ Кадмъ.
 Сталось тогда, что подъ тяжестью змѣя погнулся и дубъ тотъ,
 И застоналъ онъ, хвостомъ ударяемый злобнаго змѣя.
 Смотритъ тогда побѣдитель на то, какъ великъ былъ его врагъ!
 Вдругъ, неизвѣстно откуда, послышался голосъ. „Что смотришь,
 Отрасль Агенора, Кадмъ, на тобою убитаго змѣя?
 Нѣкогда будешь и ты въ видѣ змѣя такого жъ казаться“.
 Кадмъ поблѣднѣлъ, и отъ ужаса мысли его помутились,
 На головѣ его волосы встали отъ сильнаго страха.
 Вдругъ, ниспустившись съ высокаго неба, богиня Паллада
 Кадму предстала на помощь, и въ землю велитъ она кости
 Змѣя посѣять, какъ сѣмя людей, изъ земли что возстанутъ.
 Кадмъ повинуется; борозды плугомъ глубоко проводить,
 Сѣять въ нихъ зубы дракона, какъ сѣмя, по волѣ богини.
 Тотчасъ, едва тому вѣрить возможно, земля начала колебаться

И изъ бородѣ появился предъ Кадмомъ сначала строй копьевъ,
 Дальше и плечи, защита главы, съ разноцвѣтнымъ уборомъ.
 Вотъ уже видны и плечи, и грудь, и со стрѣлами руки;
 Жатва мужей, защищенныхъ щитами, расстеть вдругъ предъ Кадмомъ.
 Такъ, при поднятїи завѣсы во время торжественныхъ празднествъ
 Кажется только фигура сначала, потомъ видѣтъ образъ,
 Мало по малу и прочія части и лишь постепенно
 Все открывается взорамъ, какъ будто вблизи передъ нами.
 Новыхъ враговъ опасаясь, оружіе хочетъ ужъ ваять Кадмъ,
 Но восклицаетъ одинъ изъ рожденныхъ землею тогда такъ:
 „Кадмъ! не касайся оружья и въ братской войнѣ не участвуй!“
 Быстро затѣмъ поражаетъ изъ братьевъ рожденныхъ землею
 Онъ одного; но и самъ пораженъ былъ за то онъ тотчасъ же.
 Тотъ, кто нанесъ ему рану, однако не долѣе жертвы
 Жилъ, но тогда жъ, испускаетъ онъ духъ, что недавно лишь принималъ.
 Разсвирѣпѣла толпа вся; недавно рожденные братья,
 Раны другъ другу оружіемъ своимъ нанося, умираютъ.
 Вотъ ужъ на долю столь краткую жизнь получившіе мужи
 Къ матери, кровью обрызганной ихъ, своей грудью упали.
 Пять лишь осталось въ живыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ Эхионъ.
 Онъ по внушенію Паллады бросаетъ оружіе на землю,
 И предлагаетъ и проситъ у братьевъ любви и согласья.
 Сихъ-то помощниковъ гость сидонійскій имѣлъ въ предпріятїи,
 Городу давшій начало по волѣ оракула Феба.
 Вотъ ужъ основаны Тивы; въ изгнанїи самомъ ты могъ бы,
 Кадмъ, показаться счастливымъ; сталъ Марсу съ Венерой ты затемъ;
 Къ чести такой прибавь родъ, отъ супруги высокой рожденный,
 Рядъ сыновей съ дочерьми, и прїятный залогъ дѣдамъ, внуковъ,
 Юношей взрослыхъ; но должно, увы! ожидать челоуѣку
 Въ жизни всегда дня послѣдняго и называться счастливымъ.
 Ранѣе смерти съ могилой едва ли изъ смертныхъ кто должишь
 Видѣлъ погибель Кадмъ внука Амтеона, видѣлъ погибель
 Внука Пентея и... рода всего своего истребленье.
 Рядомъ несчастій и горемъ и множествомъ чудныхъ событїи,
 Видѣнныхъ имъ, наконецъ Кадмъ сраженный уходитъ изъ града,
 Самъ же которому далъ основанье, какъ будто судьбою
 Былъ не своею гонимъ онъ, а рокомъ злосчастнаго мѣста.
 Долго скитавшись, съ супругой достигъ наконецъ онъ Илирыи.
 Здѣсь, отягченные оба годами и горемъ, несчастья

Дома они своего и свои вспоминаютъ взаимно,
 И говорить тогда Кадмъ, обращаясь къ супругѣ Гармоніи:
 „Змѣй тотъ, котораго зубы посѣялъ я въ землю, какъ сѣмя,
 Богу какому ужели священнымъ былъ? Если жь за то намъ
 Боги отмщавтъ, о нусть тогда самъ я, боговъ умоляю,
 Змѣю подобно прострусь я на длинное чрево“. Сказалъ лишь
 Кадмъ такъ—и вотъ ужь, какъ змѣй, онъ простерся на длинное чрево;
 Чувствуетъ онъ, какъ на кожѣ его чешуя нарастаетъ
 И испестрилось зелеными пятнами черное тѣло.
 Вотъ ужь склонился и грудью къ землѣ, и сростаяся вмѣстѣ,
 Ноги его округленнымъ хвостомъ извиваются въ кольца.
 Руки одни лишь остались, и ихъ простирая къ супругѣ,
 Кадмъ со слезами еще на лицѣ человѣческой формы,
 Такъ говорить: „О приближься ко мнѣ, Гармоніа, приближься,
 И пока что-либо есть отъ меня, прикоснися, возьми ты
 Руку, пока она есть, и пока не совсѣмъ я стану змѣемъ“.
 Кадмъ говорить было больше хотѣлъ, но языкъ раздѣлился
 Вдругъ на двѣ части его, и ужь словъ ему больше не стало,
 И своихъ жалобъ сказать сколько разъ ни хотѣлъ онъ, свистѣлъ лишь.
 Голосъ такой лишь природой оставленъ былъ Кадму. Супруга,
 Въ грудь ударая себя обнаженную, такъ восклицаетъ:
 „Кадмъ! о, чудовищный видъ съ себя сбрось и останься собом.
 Что это, Кадмъ? о, гдѣ ноги твои и плечи и руки,
 Цвѣтъ твой лица и лицо, и пока говорю я, гдѣ весь ты?
 О, почему жь и меня вы не сдѣлали змѣемъ, о боги?“
 Такъ восклицала Гармоніа, змѣй же цѣлуетъ супругу,
 Къ лону ея онъ ползетъ, какъ знакомому, милому лону,
 И обвивая ее, онъ повисъ, какъ и прежде, на шеѣ.
 Всѣ, что тутъ были—а были всѣ спутники—страхомъ объаты;
 Но Гармоніа ласкаетъ драконову гладкую шею...
 Вдругъ уже два стало змѣя; ползутъ, извиваясь въ кольца,
 Рядомъ они и скрываются въ темныя норы лѣсныхъ.
 Эти два змѣя людей не звать и отъ нихъ не уходятъ;
 И въ тишинѣ вспоминаютъ о томъ они, чѣмъ были прежде.

VIII.

Источникъ Гяпнокрена, споръ Музъ съ Птеридами и превращеніе сихъ послѣднихъ въ сорокъ; похищеніе Прозерпина.

(Кн. V, ст. 250—408).

Съ братомъ своимъ, отъ дожда золотого рожденнымъ, Паллада, Странствуя долго и много, густымъ наконецъ прикрываясь Облакомъ, островъ Серифъ повидаетъ. Оставивъ направо Цюнь и Гіаръ, она самой кратчайшей дорогой надъ моремъ Къ Оивамъ стремится и Музамъ священной горѣ Геликону. Мѣста стремленій достигши, такъ мудрымъ сестрамъ говорила: „Слухи дошли до меня объ источникѣ новомъ, который Быстрая птица Медузы копытомъ своимъ просочила. Сей-то источникъ—причина пути моего; а желаю Видѣть столь дивное чудо; предъ взоромъ моимъ то случилось, Какъ отъ матерней крови рождался Пегасъ“. Уранія Такъ отвѣчаетъ: „Какая бъ причина пути, о богиня, Къ нашимъ жилищамъ тебѣ ни была, ты пріятнѣйшей будешь Намъ; справедлива молва объ источникѣ; истинно то, что Онъ отъ Пегаса начало воспринялъ“. И ведетъ Уранія Муза Палладу къ священнымъ волнамъ. Съ удивленьемъ смотрѣла Долго Паллада на ключъ, отъ удара ноги происшедшій; Смотритъ потомъ на пещеры она и на древнія рощи, Смотритъ на зелень съ обилемъ цвѣтовъ, и въ восторгѣ богиня, И по занятямъ и мѣсту счастливыми Музъ называетъ. Ей на то такъ изъ сестеръ отвѣчаетъ одна: „О богиня, Еслибы ты не стремилась къ славнѣйшимъ дѣламъ, то конечно, Ты бы участницей въ хорѣ была Мнемонидъ, о Паллада, Наши мѣста и занятія ты одобряешь по праву, Жребій счастливъ нашъ, когда бъ только мы въ безопасности были;

Но... запрещеннаго нѣтъ ничего преступленью. Пугаетъ Все умы дѣвъ и моимъ представляется все еще взорамъ Страшный Пирэней, и съ мыслями я еще все не собралась. Съ войскомъ Фракійцевъ преступный Фокиды поля и Давлиду

Занявъ жестокой Пирёней и царствомъ владѣлъ незаконно.
 Мы устремились къ Парнассу. Увидѣлъ въ пути насъ Пирёней.
 Ложно почтивъ насъ тогда, какъ богинь, онъ такъ говорилъ намъ:
 О Мнемониды! (онъ зналъ насъ) свой путь прекратите, молю васъ!
 Не сомнѣвайтесь на время погоды съ дождемъ (тогда дождь былъ)
 Въ домъ укрыться можемъ! Вѣдь, не рѣдко и боги взошли
 Въ малыя хижины!—Мы, согласившись, вступили къ нему въ домъ.
 Между тѣмъ дождь идти пересталъ! Авбилонъ тогда Австра
 Черныя тучи развѣвалъ и съ неба разгналъ ихъ. Хотѣли
 Было идти мы; но домъ тогда свой запираетъ Пирёней,
 Намъ замышляя насилье. Спаслись мы, на крыльяхъ поднявшись.
 Онъ же, преслѣдовать насъ преднамѣрясь, взомель на вершину
 Дома и такъ говоря: „куда вашъ путь, и мой туда жъ будетъ!“
 Съ самой вершины въ безуміи бросившись съ башни за нами,
 Паль на лицо и разбилъ себѣ кости. Убившись въ паденьи,
 Онъ, умирая, преступною кровью окрасилъ всю землю“.

Муза еще говорила, вдругъ крыльевъ по воздуху слышенъ
 Взмахъ сталъ и съ вѣтвей высокихъ привѣтственный голосъ раз-
 дался.

Взоръ подняла свой и Музу спросила богиня, откуда
 Голосъ такъ слышенъ, считая, что голосъ то былъ человѣка.
 Между тѣмъ голосъ тотъ птицы былъ. Сидя на вѣтвяхъ, на жребій
 Жалуясь свой, тамъ въ числѣ девяти находились сороки.
 Чудомъ такимъ удивленной богинѣ такъ Муза сказала:
 „Стая пернатыхъ собою умножили эти сороки,
 Бывъ побѣжденными въ спорѣ недавно. Родилъ ихъ въ богатыхъ
 Пеллы Пьерось поляхъ, изъ Пеоніи мать ихъ Евиппа.
 Девять разъ въ помощь она призывала богиню Люцину,
 Девять разъ въ чревѣ имѣя,—и сестры числомъ возгордились.
 Всѣ города миновавши, Гемоньи съ Ахайей, достигли
 Сестры до сихъ мѣстъ и рѣчью такой вызывали насъ къ спору:
 „Глупую чернь, Теспиады богини, прельщать перестаньте
 Тщетною сладостью пѣсенъ, и если увѣренность есть въ васъ,
 Съ нами вступите вы въ споръ: ни искусство, ни голосъ имѣемъ
 Мы передъ вами не ниже; число насъ такое жъ; уйдите
 Послѣ побѣды надъ вами иль вы отъ истоковъ Пегаса,
 Или уйдемъ за побѣду надъ нами съ полей Эматійскихъ
 Въ сибѣжныя страны Пеоніи мы, и пусть Нимфы рѣшаютъ

Споръ нашъ!“ Хотя низко вступать было въ споръ, отказаться, ка-
залось,

Было тѣмъ хуже. Попявшись водами, посредницы Нимфы
Межъ тѣмъ мѣста на скалахъ занимать. Тогда Піерида,
Ты, вызывала которая къ спору, безъ права по жребью
Первая пѣть начала и пость о сраженіи всевышнихъ;
Въ пѣсни своей незаконно она возвышала Гигантовъ,
Славу жъ великихъ дѣяній всевышнихъ боговъ уменьшала,
Пѣла о томъ, какъ, изъ нѣдръ преисподнихъ возставши, Тифей всѣхъ
Въ бѣгство боговъ обратилъ, поразивши ихъ страхомъ ужаснымъ;
Пѣла о томъ, какъ Египетъ и Нилъ семирѣчный приняли
Въ страхъ бѣжавшихъ боговъ, и о томъ, какъ сокрылися боги
Въ образахъ ложныхъ, когда тамъ явился Тифей земнородный;
Пѣла, что Зевсъ превратился въ водителя стада тогда, и
Съ тѣхъ поръ Ливійскій Аммонъ надѣленъ сталъ кривыми рогами,
Въ ворона богъ превратился Делоса, въ козла сынъ Семелы,
Кошкою Феба явилась сестра, дочь Сатурна коровой,
Рыбиной стала Венера, Цилленскій богъ—ибисомъ-птицей.

Пѣсню свою такъ, на цитрѣ играя, дочь пѣла Піера!
Вотъ вызываютъ и насъ . . . . . Но тебѣ, о богиня, быть можетъ,
Времени нѣтъ и досуга внимать пѣсни нашей? „Не думай,
Ей отвѣчаетъ Паллада,—того ты и мнѣ по порядку
Всю вашу пѣснь расскажи“. И садится подъ тѣнію рощи.
Муза тогда продолжала: „Вручили судьбу сестязанья
Всѣ мы одной. Калліона съ плющемъ, въ волосахъ перевитымъ,
Встала тогда и рукою коснулась струнъ жалобно звонкихъ;
Вотъ зазвучали подъ пальцами струны, и Муза запѣла:
„Все на землѣ даръ Цереры: кривымъ своимъ плугомъ раскрыла
Первая глыбы земныя она; даровала законы,
Пищу и плодъ получила земля отъ Цереры-богини.
Эту богиню мнѣ должно воспѣть, и о елибѣ могла я
Стихъ ей достойный воспѣть! Она пѣсней, конечно, достойна!
Есть большой островъ Тринакрия. Члены гиганта сокрыты
Въ немъ и надъ массой своею онъ держитъ гиганта Тифея:
Дерзостно тѣится гигантъ сей возстать на жилище небесныхъ!
Часто онъ хочетъ подняться и встать изъ-подъ массы давящей,
Но придавилъ его правую руку Пелоръ Авзонійскій;
Лѣвую ты, о Пахинъ, Лилибеємъ придавлены ноги;
Этна стоитъ на главѣ; изъ нея извергаетъ устами

Навзничъ подъ нею лежащій Тифей-гигантъ пламя и пепелъ;
 Часто стремится онъ сбросить съ себя тяготящую землю,
 Срыть города и низвергнуть огромныя горы. Трясется
 Шаръ отъ усилій гиганта тогда весь. Самъ царь преисподней
 Въ страхѣ боится тогда, чтобъ земля не раскрылась и въ щели
 Свѣтъ проникая дивной не смутилъ бы тѣней боязливыхъ.
 Бѣдствій такихъ опасаясь, изъ темнаго царь преисподней
 Царства выходитъ, и сѣвъ въ колесницу, запряжены были
 Мрачныя кони въ которую, смотреть внимательнымъ взоромъ
 Онъ основанья земли Сицилійской. Увидѣвъ, что въ прочней
 Крѣпости островъ находится, страхъ свой Плутона-богъ отбросилъ.
 Видитъ въ то время Плутона Венера съ вершини Эрикса,
 Ей посвященной горы, и объявни крилатаго сына,
 Такъ говоритъ: „О защита моя, о мой сынъ, моя сила,
 Крѣпкия стрѣлы возьми ты, которыми всѣхъ покоряешь,
 О Купидонъ! и вонзи ты тѣ стрѣлы скорѣ въ грудь бога,
 Царство которому третье на долю назначено жребьемъ!
 Власти покорны твоей самъ Юпитеръ, небесные боги,
 Боги морей и Нептунъ, надъ морскими богами владыка;
 Царь преисподней зачѣмъ же свободенъ? Зачѣмъ не расширишь
 Царство свое ты и матери? Тартаръ вѣдь третья часть міра!
 Вотъ ужъ на небѣ (и вотъ къ чему намъ терпѣнье ведетъ насъ)
 Насъ презираютъ; слабѣетъ съ господствомъ моимъ и твоя власть!
 Развѣ не видишь, Паллада съ искусной въ метаніи копьевъ
 Дѣвой Діаной ужъ мнѣ не покорны? Цереры дочь также.
 Если сносить то мы будемъ, останется дѣвой: имѣетъ
 Эту надежду она! Потому, если любишь меня ты,
 Вмѣстѣ съ тобою участницу въ царствѣ, то съ дѣдеи богиню
 Ты съедини!“ Такъ сказала Венера. По слову богини
 Взялъ свой колчанъ Купидонъ и изъ тысячи стрѣлъ выбираетъ
 Ту, что вѣрише другихъ и острѣе и къ луку пригоднѣй.
 Гибкій свой лукъ, прислонивши къ колѣву, вѣтомъ онъ сгибаетъ
 И поражаетъ стрѣлою язвительной сердце Плутона.

Есть недалеко отъ Генны глубокое озеро, Пергусъ
 Озеру званье; Каистръ лебединыхъ пѣсней не больше
 Слышитъ на волнахъ своихъ. Отовсюду, какъ будто короной,
 Лѣсъ окружаетъ тѣ воды и ихъ защищаетъ собою,
 Будто покровомъ, препятствуя Феба лучамъ проникать въ нихъ.
 Свѣжесть давалъ здѣсь тотъ лѣсъ и цвѣти пурпурныя почва.

Царство весны постоянной въ окрестностяхъ овера длилось.
 Въ сихъ-то мѣстахъ, предаваясь играмъ, пока Прозерпина
 Въмѣстѣ съ подругами рвала фіалки и бѣлыя лиліи,
 Ими наполнить желая корзины и складки одежды
 (Въ сборѣ цвѣтовъ превзойти она скоростью сверстницъ хотѣла),
 Богъ преспопной увидѣлъ ее, полюбилъ и похитилъ
 Въ тотъ же моментъ Прозерпину. Такъ скоро любовь возгораетъ!
 Въ страхѣ богиня зоветъ тогда мать и подругъ, но мать чаще;
 И разорванны въ испугѣ одежду, цвѣты рассыпаетъ;
 Но (такова простота годамъ свойственно дѣтскимъ) богинѣ
 Жалко и самыхъ цвѣтовъ. Похититель же бѣгъ ускоряетъ,
 Къ бѣгу коней возбуждаетъ, по имени ихъ называя
 Всѣхъ и уздой потрясая, покрытою ржавчиной черной.
 Быстро несется Плутонъ по глубокимъ озерамъ, и*быстро
 Онъ миновалъ въ своемъ бѣгѣ болота Паликомъ, что сѣршій
 Запахъ дадутъ изъ себя чрезъ отверстія въ прованной почвѣ,
 Быстро минуетъ и городъ Вакхидовъ, пришельцевъ Коринскихъ,
 Городъ, основанный ими среди двухъ неровныхъ заливовъ.

.....
 Мощной рукою свой царственный скипетръ бросаетъ въ дно моря
 Онъ наконецъ . . . . . и земля отъ удара раскрыла дорогу
 Въ Тартаръ ему и приняла Плутона въ себя съ колесницей.
 . . . . . Между тѣмъ дочь свою ищетъ въ смущеніи всаду напрасно
 Мать по морямъ и землямъ. Не видѣли медлившей матери
 Тамъ ни Аврора, ни Гесперъ. Церера тогда зажигаетъ
 Въ Этнѣ сосны двѣ смолистыхъ и съ ними въ теченіе ночи
 Ходить, ища свою дочь; искала ее она также
 Съ утра до вечера днемъ, когда Фебъ затмивалъ собой звѣзды.

.....
 Долго разказывать, гдѣ Прозерпину Церера искала,
 Гдѣ по какимъ и землямъ, и морямъ; наконецъ не осталась
 Мѣста нигдѣ, гдѣ бъ она не была. Возвратившись въ Сицилію,
 Снова дочь ищетъ богиня свою и приходитъ къ Піанѣ.
 Нимфа Піана, когда бъ не была превращенной въ источникъ,
 Все бъ рассказала Церерѣ; но рѣчи она не имѣла:
 Были языкъ и лицо у ней отнаты. Нимфа однакожъ
 Ясные знаки богинѣ даетъ и на поясъ упавшій
 Въ волны въ мѣстахъ тѣхъ случайно ей кажетъ. Узнала тотчасъ же
 Дочери поясъ она. О похищенной дочери сѣдавъ,

Волосы рветъ на себѣ безъ убранства лежавшіе матеръ,
 И повторяя удары, грудь поражаетъ руками;
 Мѣста не зная однакожь, гдѣ дочь ея скрыта, богиня
 Зѣмли влѣнетъ всѣ и неблагодарными ихъ называетъ,
 И недостойными даровъ ея, Сицилію же больше
 Прочихъ она упрекаетъ, въ ней слѣдъ похищенья нашедши.
 Въ гнѣвѣ потомъ разломала Церера плуги земледѣльца,
 Смерти предавъ земледѣльцевъ самихъ и быковъ, воспрещаетъ
 Почвѣ затѣмъ возродитъ даже сѣмя, всѣ зерна испортивъ.
 Стала пустой клѣбородствомъ столь славная въ мірѣ Сицилія.
 Жатвы погибши въ ней въ самомъ началѣ. Они погибали
 Или отъ жара, или отъ дождей заливныхъ; повреждали
 Также ихъ вѣтры и звѣзды; алчныя птицы, слетаясь,
 Самыя посѣвы истребляли; къ тому жъ заглушали собою
 Жатвы обильныя сорное терье и куколь съ волчцами.
 Голову Нимфа тогда Арегуза изъ волнъ приносявши,
 Такъ говоритъ, отметаая назадъ свои волосы: „О мать
 Всюду искомой дѣвницы, о мать всѣхъ плодовъ! прекрати ты
 Трудъ безпредѣльный и гнѣвъ свой на вѣрную землю. Открылась
 Для похищенья земля противъ воли; виновности нѣтъ въ ней!
 Я не за землю родную прошу: пришлица здѣсь я!
 Пииза мнѣ родина и изъ Элиды веду я начало!
 Я иностранка въ Сициліи; но всякой земли мнѣ милѣе
 Эта земля; основала я здѣсь и пенатовъ, и домъ свой;
 О пощади, всеблагая, ее! Мнѣ земля открываетъ
 Путь для теченья: скрываясь въ пустыняхъ ея сокровенныхъ,
 Здѣсь я опять появляюсь и вижу тѣ звѣзды, что скрыты
 Были отъ взоровъ моихъ. И такъ, протекая въ подземныхъ
 Безднахъ,—сосѣднихъ со Стиксомъ, я видѣла тамъ Прозерпину!
 Въ скорби она, и смущенье еще на лицѣ ея видно;
 Въ темномъ однакоже царствѣ она тамъ верховной царицей
 И пребываетъ царя превсподняго славной супругой!“
 Слыша то, камню подобною сдѣлалась мать; пораженной
 Долго она оставалась; когда же печалью смѣнились
 Тяжкою смутныя мысли ея, въ колесницѣ въ золотое
 Небо она улетаетъ, съ лицомъ омраченнымъ печалью
 И волосы распустивъ предъ Юпитера мать здѣсь предстала.
 „О! умоляю тебя за твою и мою кровь, Юпитеръ“,
 Такъ говорила Церера; „но если ты, мать, ужъ не цѣнишь

Больше совѣмъ, то дочь пусть тронетъ отца и за то, что
 Мною она рождена, пусть заботъ объ ней будетъ не меньше—
 О умоляю—твоихъ. Посмотри, наконецъ я нашла дочь,
 Долго искавши ее, если значить найти,—потерявши,
 Знать гдѣ она! О, прощу я ея похитителя, если
 Только онъ дочь возвратитъ! Похитителя ль дочь твоя стоитъ
 Мужемъ имѣть, если стоитъ того моя дочь?« Ей Юпитеръ
 Такъ отвѣчалъ: „И любовь, и забота о дочери обща
 Намъ обоймъ; но приличнымъ названьемъ назвать если дѣло,
 То не обиду оно, а любовь означаетъ. Не будетъ
 Зять намъ стыдомъ этотъ; только бы ты согласилась, богиня!
 Пусть не имѣетъ чего-нибудь онъ; но что значить то, что
 Братъ онъ Юпитеру! Воля судьбы та, что все онъ имѣя,
 Мнѣ одному уступаетъ. И если ты хочешь разрыва,
 То возвратится на небо дочь наша, но съ тѣмъ лишь условьемъ,
 Если еще не вкусила тамъ пищи. Судили такъ Парки!«
 Такъ отвѣчалъ ей Юпитеръ. Рѣшилась дочь вывести Церера,
 Но не рѣшили судьбы такъ за то, что дѣвица въ Аидѣ
 Правиль соблюсть не могла воздержанья. Въ невинности сердца
 Съ древа гранату, гуляя по саду, срываетъ, и снявши
 Кожицу съ ней, Прозерпина сѣждаетъ семь зеренъ. Изъ всѣхъ-то
 Видѣлъ одинъ Аскалафъ, котораго славная нимфа
 Между подземными нимфами Орфне въ пещерѣ родила
 Отъ Ахеронта. То видѣвъ, открылъ Аскалафъ и открытемъ
 Тѣмъ помѣшалъ Прозерпины возврату. Свидѣтеля тайны
 Въ мрачную птицу тогда превращая, царица Эрева
 Влагой рѣки Флегетонта его орошаетъ, и выросли вдругъ
 Перья и клювъ и большія глаза. Потерявши видъ прежній,
 Онъ надѣляется рыжими крыльями; выросли когти,
 Можетъ едва Аскалафъ свои взмахивать трудныя крылья.
 Сталъ онъ печальною птицей, предвѣстницей горя— совою,
 Мрачной совой, предвѣстницей смертныхъ грозящихъ несчастій.
 Пусть за языкъ Аскалафъ и открытѣ казаться виновнымъ
 Можетъ; откуда у васъ при дѣвичьемъ лицѣ появились
 Перья и ноги, что свойственны птицамъ, о Ахелойды?
 То ли вину, что были и вы, о сирены, въ то время,
 Какъ Прозерпина цвѣты собирала, съ ней вмѣстѣ? Но всюду
 Тщетно искавши ее на землѣ, наконецъ вы желали
 Крыльевъ, чтобъ съ помощью ихъ было можно, держася на волнахъ,

Всюду искать по морямъ Прозерпину. И вняли вамъ боги
 Въ вашихъ желаньяхъ; и скоро увидѣли вы, что покрылись
 Желтыми перьями вы. Но пріятное пѣніе ваше,
 Слѣхъ веселящее, даръ этотъ усть, не лишилося слова,
 И человѣческой голосъ съ дѣвичьимъ лицомъ вамъ остались.

Между сестрою посредствомъ скорбной своею и братомъ,
 Кругъ годовой раздѣлил на двѣ ровныя части Юпитеръ.
 Двухъ соучастница царствъ Прозерпина-богиня проводить
 Мѣсяцевъ съ матерью столько же, сколько съ супругомъ подземнымъ.
 Мысли съ лицомъ измѣнились у матери въ ту же минуту;
 Стало веселымъ лицо то, которое даже Плутону
 Мрачнымъ могло бѣ показаться, подобно тому какъ и солнце,
 Тучами раньше покрытое, яснымъ является послѣ.

Послѣ сего запрягаетъ Церера двухъ змій въ колесницу,
 И обуздавъ ихъ, по воздуху между землею и небомъ
 Путь совершаетъ. Приѣхавъ въ Аонны, свою колесницу
 Здѣсь отдаетъ Триптолему Церера, и давъ ему зеренъ,
 Часть ихъ посѣять велитъ ему въ дикую землю и послѣ
 Въ почвѣ воздѣланной той же посѣять и часть ихъ другую.
 Вотъ высоко надъ Европой и Азіей ѣдетъ Триптолемъ
 И направляется къ Скискимъ предѣламъ. Царемъ былъ тамъ Линкусъ.
 Входитъ въ дворецъ Триптолемъ, и будучи спрошенъ: „Какое
 Имя ему и какъ онъ прибылъ и зачѣмъ и откуда?“
 Такъ отвѣчалъ: „Триптолемомъ зовусь я, городъ Аонны—
 Славная родина мнѣ, ни землею пѣшкомъ, ни на суднѣ
 Моремъ прибылъ я: по воздуху—путь мой. Несу я съ собою
 Дары Цереры. Они, бывъ посѣяны въ землю, приносятъ
 Жатву обильную хлѣба и сладкую пшцу!“ Сгорасть
 Завистью варваръ. Желая быть дательемъ дара такого
 Самъ, принимаетъ онъ гостя и сномъ отягченнаго хочетъ
 Смерти предать; но Линкуса въ рысь превращаетъ Церера,
 Гостю за то, что хотѣлъ онъ жадно вопить и снова
 Юношу шлетъ въ колесницѣ священной по воздуху мчаться*.
 Пѣснь свою кончила такъ изъ насъ старшая Муза. Согласно
 Нимфы сказали, что дѣвы горы Геликона побѣду
 Въ спорѣ имѣютъ. Тогда побѣжденныя дѣвы злословить
 Насъ начинаютъ. „За то, что, тогда имъ сказала такъ Муза,
 (Мало ль, что вы заслужили себѣ наказаніе споромъ?)
 Вы прибавляете къ вашей винѣ и злословье, терпѣть ми

Больше не можемъ, и гнѣву послѣдуя, шлемъ наказанье“.
 Но Эматиды, смѣясь, презираютъ угрозы. Желая
 Все говорить и на насъ наложить съ бранью дерзкія руки;
 Вдругъ замѣчаютъ, что шерья выходятъ чрезъ ногти, и руки
 Ихъ покрываются пухомъ; видятъ, что въ твердые кѣновы
 Вдругъ выростаютъ ихъ лица и новыми птицами стали,
 Стали лѣсными онк. Въ отчаяннѣ бить себя силась
 Въ сердце, они отъ движенія крыльевъ поднялись на воздухъ
 И населили сороки лѣса, имъ позоръ составляя;
 Такъ и донныѣ осталась болтливость все та же въ сихъ птицахъ,
 Тотъ же и голосъ охрипшій, и страсть къ говорливости та же.

А. Страт.

DE VARRONIS LOCO QUODAM.

Nonius s. v. *assa voce* (pg. 54 ed. Gerlachianae, pg. 76, 77 ed. Mercerianae) habet haec:

Assa voce, sola voce, linguae tantummodo aut vocis humanae, non admixtis aliis musicis, esse voluerunt. Varro de vita populi Romani libro II: in conviviis pueri modesti ut cantarent carmina antiqua, in quibus laudis erant maiorum, et assa voce et cum tubicine.

Apparet haec suspensa aliunde ac supplenda ut puta talia: erat a maioribus institutum, quae nescio an sint addita a Nonio et omissa a librario. Praeterea pro laudis recte restitutum a doctis laudes, nisi putabimus Varronem usum antiqua nominativi pluralis numeri forma, de qua dixit Lachmannus comm. ad Lucret. I, 805. Deinde ab Aldo pro tubicine repositum tibicine; potuit scribi teibicine. Restat ut quaeratur, quid sibi velit illud pueri modesti; quod quomodo explicari possit, ego quidem non video. Nam ne credamus Varronem modestos dixisse pueros pro verecundis vel castis, ea vi prohibemur, quod supravacaneum plane est illud epitheton. Nimirum apparet ex eis quae sequuntur agi hic de conviviis priscorum Romanorum, ab omni luxuria et turpitudine alienissimis, quae viri pariter cum uxoribus et liberis solebant inire, describique morem etiam aliunde notum cantandi in con-

viviis egregia maiorum facinora, quorum memoria posteris ad similem excitarentur virtutem. Cf. Cic. Brut. 19, Tusc. disp. IV, 2; Horatii c. IV, 15, 25—32. Nihil igitur erat causae, cur modestos diceret pueros Varro, qui tibia carmina cantarent. Quod cum ita sit, suspicor scribendum esse duabus mutatis litteralis: honesti, i. e. honesto loco nati, ingenui. Ita si scripseris, apparet a Varrone comparari priscorum Romanorum simplicitatem cum luxuria sua saeculi, quo solebant servi ex Graecia vel Asia oriundi in conviviis recitare carmina frivola plerumque et lasciva, quae maledicendis auribus inservirent et vacuae oblectarent ingenia. Cicero autem, Catonem secutus, carmina illa antiquissimo tempore a singulis deinceps convivis cantata esse tradit. Ceterum cum testetur Varro carmina convivalia ista non ficta esse ab eis, qui canebant, sed repetita ex antiqua memoria, non videtur verum esse, quod iam plerique sibi persuaserunt, fuisse ea potius lyrica quam epica. Fuere tamen parva, minime proluxa, ἐπόλλια verius dicenda, quam ἔπη.

L. Mueller.

30

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшій рескриптъ,

данный на Имя Ея Императорскаго Высочества Великой
Княгини Маріи Павловны. 49

Именной Высочайшій указъ

данный правительствующему Сенату 50

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (14-го апрѣля 1880 года). Объ учрежденіи въ гор. Ново-
зыбковѣ четырехклассной женской прогимназіи. 3

2. (8-го апрѣля 1880 года). О пенсіяхъ лицамъ женскаго
пола служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова
училищѣ . . . . . —

3. (22-го апрѣля 1880 года). О присвоеніи Казанской жен-
ской прогимназіи, по преобразованіи ея въ гимназію, наимено-
ванія: „женская Ея Императорскаго Высочества, Великой Княж-
ны Ксеніи Александровны гимназія“ 4

4. (22-го апрѣля 1880 года). О принятіи пожертвованныхъ
дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Хаминнымъ
каменнаго дома и капитала 5

5. (1-го апрѣля 1880 года). О временныхъ правилахъ о
Туркестанской учительской семинаріи и штатѣ оной . . . . . —

6. (8-го апрѣля 1880 года). О преобразованіи Кіевской женской гимназіи, а также Бѣлоцерковской, Златопольской и Немировской женскихъ прогимназій.	9
7. (15-го апрѣля 1880 года). О преобразованіи Коломенской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассную.	10
8. (6-го мая 1880 года). О преобразованіи Либавской Никольской гимназіи.	50

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ВО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

31-го марта 1880 года (№ 5).	11
22-го апрѣля 1880 года. (№ 6).	53
17-го мая 1880 года. (№ 7).	55

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (18-го августа 1879 г.). Положеніе о стипендіи имени Александра Прейса.	11
2. (7-го ноября 1879 г.). Положеніе о стипендіи имени Московскаго генераль-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова.	13
3. (19-го января 1880 г.). Положеніе о стипендіи Московскаго почт-директора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена Сергѣевича Подгорѣцкаго, учрежденной при Московской 3-й гимназіи.	14
4. (18-го февраля 1880 г.). Положеніе о четырехъ стипендіяхъ имени книгопродавцевъ братьевъ Салаевыхъ при Московской 4-й гимназіи.	15
5. (20-го февраля 1880 г.). Положеніе о стипендіи педагогическаго совѣта Симбирской гимназіи въ память двадцатипятилѣтняго царствованія Государя Императора.	16
6. (20-го февраля 1880 г.). Положеніе о стипендіи, въ память 19-го февраля 1880 г.—дня 25-ти-лѣтія царствованія Государя Императора, учрежденной при Московской 1-й гимназіи.	—
7. (7-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи въ память чудеснаго спасенія жизни Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II, 2-го апрѣля 1879 года, при Одесской третьей гимназіи.	17

8. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи Андрея Константиновича Агѣева при Пермскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ. 18
9. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени 6-го гренадерскаго Таврическаго генералъ-фельдмаршала Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича полка. . . . . —
10. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи, учрежденной при Нарвской мужской прогимназіи, на капиталъ, именуемый „Александровскимъ“ 19
11. (17-го марта 1880 г.). Правила объ учрежденной при Рижской Александровской гимназіи стипендіи имени купеческой дочери Анны Кузьминичны Паниной. 20
12. (17-го марта 1880 г.). Правила объ учрежденной при Рижской Александровской гимназіи стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Всеволода Ермолаевича Попова 21
13. (22-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи Имени Его Величества Государа Императора Александра II, для одного бѣднаго приходящаго ученика Томской гимназіи . . . . . —
14. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи, учрежденной при Вѣлостокскомъ реальномъ училищѣ, въ память чудеснаго избавленія драгоцѣнной жизни Государа Императора отъ злодѣйскаго покушенія 2-го апрѣля 1879 г. 22
15. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи Его Величества Императора Александра II, при Астраханскомъ реальномъ училищѣ. 23
16. (27-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго томскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андрея Петровича Супруненко, учрежденной при Томскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ. 24
17. (27-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи Жарова при Астраханскомъ реальномъ училищѣ. 25
18. (21-го мая 1880 г.). Правила о единовременныхъ пособіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ въ память 25-лѣтняго царствованія Его Императорскаго Величества Государа Императора Александра Николаевича изъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго для сей цѣли вдовою статскаго совѣтника Кирьяковою-Кирдановскою. 26
19. (21-го мая 1880 г.). Правила о единовременномъ посо-

- біи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процен- товъ съ капитала въ тысячу руб., пожертвованнаго г-жею А., по- желавшею остаться неизвѣстною. 27
20. (21-го мая 1880 г.). Правила о ежегодномъ единовременномъ пособіи, учреждаемомъ при Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго вдовою лейбъ-гвардіи полковника Еленою Андреевною Голиковою и заключающагося въ облигация 3-го восточнаго займа. —
21. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи Розаліи Ивановны Троцкой, урожденной Рошковской 28
22. (9-го іюна 1880 г.). Правила о стипендіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго умершимъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Васильевичемъ Добротворскимъ и заключающагося въ 5% банковыхъ билетахъ. 29
23. (20-го февраля 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Владимира Ипполитовича Доргобужина при Костромской гимназій. 56
24. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ, учрежденныхъ при С-Петербургской пятой гимназій въ память умершаго С-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Николая Алексѣевича Погребова. 57
25. (22-го марта 1880 г.). Правила для съѣздовъ представителей гимназій Дерптскаго учебнаго округа. 59
26. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи, учрежденной при Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Государа Императора отъ злодѣйскаго покушенія 2-го апрѣля 1879 года 60
27. (2-го апрѣля 1800 г.). Положеніе о стипендіи Его Величества Императора Александра II-го, при Астраханской мужской гимназій. 62
28. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи Государа Императора Александра II, учрежденной при Томскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ. 63
29. (5-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи Василя и Сергѣя Сорокиныхъ, учрежденной при Бѣлевской прогимназій. 64
30. (17-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Его Величества Императора Александра II. . . . . —

31. (1-го іюня 1880 г.). Уставъ общества междунагоднаго права.	65
32. (21-го іюня 1880 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ отѣнѣ представленія министерству отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ	68
33. (10-го іюля 1870 г.). Правила о стипендіи ординарнаго профессора Московскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Захарьина.	68

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

29-го марта 1880 года. (№ 3).	30
5-го апрѣля 1880 года. (№ 4).	33
19-го апрѣля 1880 года (№ 5).	69
13-го мая 1880 года. (№ 6).	75
28-го мая 1880 года. (№ 7).	80

ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Учебникъ для инструментовъ, гимназій и учительскихъ семинарій“. Настольная книга для родителей и воспитателей. Выпускъ II. Дидактика и методика. Историческій очеркъ воспитанія и образованія вообще у древнихъ и новыхъ народовъ и въ частности въ Россіи. Составилъ П. В. Евстафьевъ 37

О книгѣ: „Пчела, ея жизнь и главные правила толковаго пчеловодства“. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е вновь пересмотрѣнное исправленное и дополненное. Сост. А. Буглеровъ. 38

О книгѣ: „Курсъ греческаго языка“. Ч. II. Сост. по Яоку М. Григоревскій. . . . . —

О книгахъ подъ заглавіемъ: 1) „Руководство геометрическаго черченія“. Черченіе плоскихъ фигуръ. Съ 4 таблицами чертежей. и 2) Руководство геометрическаго черченія I. Теорія проекцій. II. Теорія перспективы. III. Построеніе тѣней въ перспективѣ. Съ атласомъ чертежей. Сост. А. Г. Гавловскій . . . . . —

О книгѣ. „Греческая и римская метрика“, съ приложеніемъ: объ историческомъ ходѣ развитія древней метрики. Сост. Л. Миллеръ . . . . . —

- О книгѣ: „Учебная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества“. Выпускъ I. Составилъ К. Крафтъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 38
- О книгѣ: „Русская исторія въ источникахъ“. Составилъ С. Васильковскій. Часть I. . . . . —
- О журналѣ: „Россійская Библиографія“. Изд. Эмилемъ Гартъе. 39
- О книгѣ: „Этимологія русскаго языка“ (примѣнительно къ правописанію). Сост. А. Кирпичниковъ и Ѳ. Гуларовъ. Изданіе 15-е, исправленное и дополненное. . . . . —
- О книгѣ: „Начала Евклида, съ пояснительнымъ введеніемъ и толкованіями“. Сост. М. Е. Ващенко-Захарченко. . . . . —
- О книгѣ: „Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи“ Т. Румпеля. Переводъ П. М. Цейдлера. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. . . . . —
- О книгѣ: „Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ“. Д-ра Шютце. Перевелъ А. Бѣлявскій. . . . . —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Краткіе очерки классической мифологіи для учащихся обоаго пола“, съ изображеніями верховныхъ Олимпійскихъ боговъ. Составилъ Ѳ. Брамсонъ. 85
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Избранныя сочиненія Платона. П Лахетъ. Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями и введеніемъ. Издадеъ А. О. Поспишилъ . . . . . —
- О брошюрѣ: Anhang zum Stufengang für das schriftliche Rechnen von Heinrich Wöhler. . . . . —
- О книгѣ: „Очеркъ греческихъ древностей“. Сост. В. Латншевъ. Часть I. Государственныя и военныя древности: . . . . . —
- О Брошюрѣ: „Заразныя и повальныя болѣзни. Отчего онѣ происходятъ и какія слѣдуетъ принимать мѣры противъ ихъ распространенія“. Сост. В. Попандуло 85
- О книгахъ подъ заглавіемъ: 1) „Исторія русской словесности древней и новой“ 2) Тоже сочиненіе. Т. I, отдѣлъ 2-й Сочиненіе А. Галахова 86
- О книгѣ: „Учебная книга русской исторіи“. Соч. С. Соловьева, изданіе 8-е. . . . . —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Анабазисъ Ксенофонта съ комментаріями и словаремъ“, составленный Я. Левенштейномъ. . . . . —
- О книгѣ: „Отечественная исторія“, съ приложеніемъ хронологической таблицы и трехъ картъ. Сост. С. Рождественскій. —

О брошюрѣ: „Таблицы русскихъ склоненій правильныхъ и неправильныхъ“. Составилъ С. Шафрановъ.	86
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Зубы, уходъ за зубами, сохраненіе и сбереженіе зубовъ на долгое время и ихъ лѣченіе безъ выдергиванія“	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Общій курсъ словесности“. Сост. М. Калмыковъ	—
О книгѣ: „Г. В. Штоль. Миѣны классической древности“. Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Покровскаго и П. А. Медвѣдева.	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Изъ древней исторіи Болгарь“. Сочин. Матвѣя Соколова.	87

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Сборникъ арифметическихъ задачъ“. Вторая часть. Дробн. Сост. В. А. Евтушевскій, исправленное и дополненное.	39
О книгахъ: 1) Ensimmäinen Luku-kirja ja Aapinen. Kodin ja kensakoulun trpeeksi tehnyt. S. Länkelä, и 2) Suomalaisen kirjallisuuden Seuran soimituksia 23 Osa	40
О рукописи: „Кулакъ“ поэма И. С. Никитина. Ред. Д. Тихомирова	—
О книгѣ: „Дѣтскій міръ и христоматія“. Изд 18-е, окончательно исправленное и дополненное. Съ 105 рисунками въ текстѣ. Ч. I. Сост. К. Ушинскій	—
Объ изданіи редакціи журнала: „Досугъ и Дѣло“ брошюры 1) Кулибинъ „Русскій механикъ-самоучка“. 2) „Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ“ 3) „Дикіе люди жаркой полосы“ и 4) „Вулканы и землетрясенія“	—
О книгѣ: 1) „Русская азбука для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію“. Сост. В. Гербачемъ	—
О книгахъ: 1) „Грамматика для народныхъ школъ“ и 2) „Сборникъ статей и примѣровъ для разбора диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій Сост. А. Ждановымъ	—
О Брошюрахъ подѣ заглавіями: 1) „19-е февраля 1855—1880 годъ. Праздникъ въ аудиторіяхъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній 25-тилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора“, 2) „Петръ Великій“ по сочиненіямъ Пушкина А. Г. Филонова. и 3) Богомольцы у святыхъ Кіева“	—

О книгѣ: „Руководство для крестьянъ, волостныхъ судовъ, уѣздныхъ и губернскихъ“. Сост. В. Овчинниковымъ.	40
О брошюрѣ: „Какъ освободилась Русь изъ подъ ига Татарскаго въ 1480 г.“. Издан. А. Вахметовой.	87
О книгѣ: „Наставленіе въ законѣ Божиємъ“. Сост. А. Рудаковымъ.	—
Официальныя извѣщенія.	41/в 87

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Ееофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. П. Морозова.	1 и 293
Максъ Мюллеръ и философія языка. Н. Громова.	50 и 254
Легенды о Вѣчномъ Жидѣ и объ императорѣ Траянѣ А. Веселовскаго	85
Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства. В. Васильевскаго.	98 и 355
Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи. П. Виноградова	217
Поѣздка въ Румелію. Сочиненіе архимандрита Антонина, члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. И. Сырку.	171
Геродотъ и его музы. Историко-литературное изслѣдованіе Ф. Н. Дьячана. Часть I. Ю. К.	205
Поѣздка въ Румелію. Сочиненіе архимандрита Антонина, члена сотрудника Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Гавріила Дестуниса	412
Приповетка о Александрѣ Великомъ у старої сръпскої вѣжиственности. Критички текст и расправа од Стојана Новаковича. Владиміра Качановскаго, ...	431

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Объ организаціи учебной части въ начальныхъ училищахъ. В. Вахтерова.	1
Наша учебная литература	27

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ 1878—1879 году.	1 ✓
• Императорское Русское географическое общество въ 1879 г.	18
О предполагаемой Русской ученой экспедиціи въ Южно-славянскія земли.	29 ✓
Путешествія Румынскихъ ученыхъ по Славянскимъ землямъ.	
П. Сырку.	44
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній а) университеты.	61 ✓

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Præmia Militiæ въ связи съ вопросомъ о надѣлѣ ветерановъ землею. Юліана Кулаковскаго.	265
По поводу Juvenal. Sat. VII. 88—89 Э. Верта.	301
Обзоръ книгъ по греческой филологіи, вышедшихъ въ Россіи въ 1879 году. А. Вейсмана.	303
Изъ метаморфозовъ П. Овидія Назона. А. Страт.	315 ✓
De Varronis loco quodam. L. Mueller.	349 ✓

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устноѣ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ А. Радонежскій.

Изданіе шестое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ Фому и К^о.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 75 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ Москву, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ.

Адресъ издателя: Пантелеймоновская ул., д. № 7, кв. 8.

1-го АВГУСТА вышла в разослана подписчикамъ УПН-я, АВГУСТОВСКАЯ,
книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Переходъ черезъ Балканы зимою въ 1877 г. отряда генерала Гурко. Очеркъ А. К. Пузыревскаго.—II. Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра Павловича, 1815—1820 г.,—воспоминанія Топчѣва.—III. Институтъ Путей Сообщенія въ 1843—1848 гг., воспоминанія А. К. Б—ка.—IV. Записки сельскаго священника: житье-бытье сельскаго пастыря, отношенія къ прихожанамъ и властямъ.—V. Станиславъ Романовичъ Лепарскій, комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ, въ 1826—1837 гг., биографическій очеркъ.—VI. Записки М. В. Соловьева: двое изъ московскихъ генералъ-губернаторовъ въ старину.—VII. Царица Екатерина I въ 1707—1714 гг.—VIII. Императрица Елизавета Петровна въ 1760—1761 гг.—IX. Историческіе матеріалы: указы, письма, замѣтки, отлученіе отъ церкви (1720 г.); посланцы въ Россію изъ Афганистана въ 1833—1836 гг.; Романъ Медоксъ; піяність А. А. Герке и кн. В. Ѳ. Одоевскій.—X. Разказы и анекдоты изъ Записокъ Е. Н. Львовой.—XI. А. С. Пушкинъ: пять его писемъ 1830—1836 гг., сообр. А. Ѳ. Бычкова.—XII. Петръ Алексѣевичъ Зубовъ † 26 іюня 1880 г.—XIII. Библиографическій списокъ новыхъ книгъ.

При этой книгѣ приложены: I. Портретъ Александра Сергѣевича Пушкина въ гробу. Рисунокъ съ натуры ученика Брюллова; перерисованъ на дерево К. О. Брождъ. Гравированъ въ Ниццѣ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.—II. Портретъ Лепарскаго, коменданта Нерчинскихъ рудниковъ въ 1826—1837 гг., съ акварели Н. А. Бестужева, рисов. К. О. Брождъ, гравированъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.—III. Планы къ статьѣ Переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы въ 1877 г.—и IV Указатель личныя именъ въ XXVIII томѣ „Рус. Старина“.

Подписка на „Русскую Старину“ 1880-го года [одиннадцатый годъ изданія] продолжается. Цѣна за 12 книгъ въ годъ съ портретами и проч. приложеніями ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою. (Осталось весьма немного экземпляровъ. Печатается второе изданіе первыхъ четырехъ книгъ). Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у Мамонтова, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнечкій мостъ, д. Фирсанова, и у Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1880 г. непременно при каждой книгѣ) ВОСЕМЬ руб. съ пересылкою.

Можно получить—«Русскую Старину», съ портретами, 1870 г. (3-е изд.), 1876 г. (второе изд.), 1877 г. (съ 10 гравированными на мѣди и на деревѣ портретами), 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами, и 1879 года съ гравированными при каждой книгѣ портретами. Цѣна за каждый годъ ВОСЕМЬ руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семевскій.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Еваторикинскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, л. № 90—1.

1880.

Средняя Подъячская, 1.
2133.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

І. (23-го мая 1880 г.) Обь учрежденіи въ С.-Петербургѣ Общества международного права.

Въ Комитетѣ министровъ слушана записка управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ 17-го мая за № 6056 (по деп.), обь учрежденіи въ С.-Петербургѣ Общества международного права.

Комитетъ, согласно съ представленіемъ статсъ-секретаря Сабурова, полагалъ: на учрежденіе Общества международного права въ гор. С.-Петербургѣ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе, съ предоставленіемъ, по бывшимъ примѣрамъ, управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія утвердить уставъ сего Общества, по нѣкоторомъ исправленіи редакціи представленнаго проекта, согласно замѣчаніямъ комитета.

Государь Императоръ, на сіе Высочайше соизволилъ.

2. (4-го іюня 1880г.) Обь открытіи при Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ параллельныхъ отдѣленій для глухонѣмыхъ.

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, въ засѣданіяхъ 20-го и 27-го мая 1880 г., разсматривалъ представленіе бывшаго министра народнаго просвѣщенія отъ 29-го марта 1880 г. за № 3978, обь открытіи при Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ параллельныхъ отдѣленій для глухонѣмыхъ.

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, находя и съ своей стороны весьма полезнымъ открытіе параллельныхъ классовъ для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ Варшавѣ, не встрѣтилъ препятствій къ учрежденію оныхъ на предположенныхъ основаніяхъ. Принявъ при этомъ во вниманіе заявленіе министра финансовъ, что въ виду приведенныхъ въ настоящемъ представленіи доводовъ, онъ признавалъ бы возможнымъ предоставить учителю чистописанія и рисованія въ означенныхъ параллельныхъ классахъ право на эмеритальную пенсію по правиламъ учебной службы, что не должно однако служить основаніемъ на будущее время къ предоставленію такихъ же правъ учителямъ сихъ предметовъ въ другихъ могущихъ учредиться учебныхъ заведеніяхъ въ Царствѣ Польскомъ,—комитетъ полагалъ:

1) Открыть, съ начала 1880—1881 учебнаго года, при Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ параллельныя отдѣленія для глухонѣмыхъ, на имѣющіяся для сего въ распоряженіи института средства, предоставивъ законоучителю и преподавателямъ въ снѣгъ отдѣленіяхъ служебныя и пенсіонныя права, какими пользуются соответственные должностныя лица въ основныхъ классахъ означеннаго института; и

2) Предоставить управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія дать въ руководство снѣгъ отдѣленіямъ особую инструкцію.

Государь Императоръ на журналѣ Комитета, соизволилъ написать Собственноручно: „Исполнить.“

3. (11-го іюня 1880 г.). О зимней формѣ обмундированія учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Сибири и учащихся въ Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири и предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири вошли въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о дозволеніи ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ зимнее время носить, вмѣсто кепи, папахи, а вмѣсто форменныхъ пальто—крытые сукномъ или черныя полушубки, такъ какъ въ Сибири, гдѣ по цѣлымъ недѣлямъ сряду термометръ показывается не менѣе 20° R., а часто и болѣе 30°, нѣтъ обыкновенія удерживать дома учащихся и даже въ большіе морозы. Управляющій Оренбургскимъ учебнымъ округомъ, имѣя въ виду, что изслѣдованія показали, что учащіеся въ Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ чаще всего страдаютъ отъ про-

студы головы, просилъ дозволить ученикамъ этого училища въ зимнее время носить, вмѣсто форменныхъ кепи, папахи.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше на сіе соизволилъ.

4. (30-го іюля 1880 г.). О дозволеніи управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшать учрежденіе въ Дерптскомъ учебномъ округѣ реальныхъ училищъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 11 й день іюня 1880 г., Высочайше соизволилъ на дозволеніе управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, впредь до пересмотра нынѣ дѣйствующаго устава реальныхъ училищъ, разрѣшать учрежденіе въ Дерптскомъ учебномъ округѣ названныхъ училищъ тамъ, гдѣ для сего жертвуются мѣстными обществами необходимыя для содержанія ихъ денежныя средства, на основаніи Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1872 года устава реальныхъ училищъ, съ тѣми измѣненіями, какія по мѣстнымъ обстоятельствамъ Прибалтійскаго края, окажутся необходимыми, съ тѣмъ чтобы о таковыхъ измѣненіяхъ было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія.

Во исполненіе сего онъ, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, имѣлъ счастье всеподданнѣйше повергать на Высочайшее возвращеніе сводъ измѣненій въ Высочайше утвержденномъ 15-го мая 1872 года уставѣ реальныхъ училищъ при примѣненіи его къ реальнымъ училищамъ Дерптскаго учебнаго округа съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, который и удостоился Высочайшаго одобренія.

Сводъ измѣненій въ Высочайше утвержденномъ 15-го мая 1872 г. уставѣ реальныхъ училищъ при примѣненіи его къ реальнымъ училищамъ Дерптскаго учебнаго округа съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

1. Настоящія правила примѣняются лишь къ тѣмъ реальнымъ училищамъ Дерптскаго учебнаго округа съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, которыя вновь учреждаются или преобразуются изъ существующихъ училищъ на мѣстныя средства безъ новаго ассигнованія изъ государственнаго казначейства.

2. Завѣдываніе хозяйственною частью этихъ училищъ возлагается на училищныя collegіи, учрежденныя на основаніи ст. 244 устава Дерптскихъ училищъ 1820 г. и мѣстныхъ законовъ о городскихъ учрежденіяхъ.

3. Если въ какомъ-либо городѣ будетъ учреждена для завѣдыванія училищами, содержимыми новыми городскими учрежденіями, особая училищная collegія, то завѣдываніе реальными училищами, содержимыми на средства этихъ учреждений, переходитъ къ этой collegіи.

4. На обязанности означенной collegіи лежить:

а) о всѣхъ мѣрахъ къ улучшенію училищнаго быта дѣлать Попечителю Дерптскаго учебнаго округа надлежащія представленія;

б) управлять хозяйственною частью училища и представлять городскому управленію свои соображенія касательно увеличенія средствъ училища, построекъ и ремонтныхъ исправленій.

в) избирать директора, инспектора, учителей и врача училища и представлять объ ихъ утвержденіи;

г) въ случаѣ нужды представлять о возвышеніи размѣра платы за ученіе и, если обстоятельства позволяютъ, объ уменьшеніи этого размѣра;

д) заступать права и интересы училища какъ предъ отдѣльными лицами, такъ и передъ учрежденіями.

5. Затѣмъ статьи устава 15-го мая 1872 г. реальныхъ училищъ внутреннихъ губерній о почетномъ попечителѣ и попечительствѣ не должны имѣть примѣненія къ реальнымъ училищамъ Дерптскаго учебнаго округа.

6. Кромѣ предметовъ, входящихъ въ курсъ реальныхъ училищъ по уставу 15-го мая 1872 г., для желающихъ за особую плату можетъ быть допущено преподаваніе латинскаго языка, который не входитъ въ число обязательныхъ предметовъ.

7. Штаты каждаго реального училища опредѣляются министерствомъ народнаго просвѣщенія по соображеніи съ средствами, которыми они располагаютъ.

8. Инструкція и разъясненія, изданныя министерствомъ относительно подробностей примѣненія устава 1872 г., не распространяются на реальныя училища Дерптскаго учебнаго округа, которыя въ этомъ отношеніи подчиняются общимъ правиламъ, установленнымъ для учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа.

Подписалъ: управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь Сабуровъ. _____

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4-го іюня 1880 г. (№ 8). Утверждаются: адъюнктъ Императорской академіи наукъ, статскій совѣтникъ Веселовскій—экстраординарнымъ академикомъ сей академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности, со 2-го мая 1880 г.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Заринъ и потомственный почетный гражданинъ Кандинскій, почетными попечителями гимназій: Заринъ—Псковской и Кандинскій—Одесской третьей, на три года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Менделѣевъ—съ 15-го іюня по 10-е сентября 1880 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Кочубянскій—на лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать пять дней.

Частный преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистрантъ Эрнштедтъ и учитель Виленской прогимназіи Латышевъ—на два года, съ 1-го іюля 1880 г.

Увольняются въ отпускъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Поповъ—на двадцать восемь дней, въ разныя губерніи Россіи, по болѣзни.

Попечители учебныхъ округовъ: Виленскаго, тайный совѣтникъ Сергіевскій—на пять недѣль, во внутреннія губерніи Россіи, Одесскаго, тайный совѣтникъ Лавровскій—съ 15-го іюня по 7-е августа 1880 г., въ Тверскую губернію, Харьковскаго, генеральнаго штаба генераль-маіоръ Максимовскій—на два мѣсяца, въ Рязанскую губернію, и С.-Петербургскаго, егермейстеръ двора Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ князь Волконскій—(Высоч. пов. 22-го мая 1880 года), на три мѣсяца, во внутреннія губерніи Россіи и за границу; изъ нихъ Сергіевскій и князь Волконскій по болѣзни.

Увольняется, согласно прошенію: товарищъ министра народнаго просвѣщенія, сенаторъ, почетный опекунъ опекунскаго совѣта

учрежденій Императрицы Маріи, тайный совѣтникъ князь Ширинскій-Шихматовъ—отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ званіи сенатора и почетнымъ опенуномъ.

30-го іюня 1880 г. (№ 9). Назначается: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Оношковичъ-Яцына—дѣлопроизводителемъ V класса сего департамента, съ 7-го іюня 1880 г.

Утверждается: коллежскій совѣтникъ Гамперъ — почетнымъ попечителемъ Мариупольской гимназіи, на три года.

Командируются за границу: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гезенъ, на три мѣсяца.

Доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, коллежскій секретарь Хлюдзинскій, на десять дней.

Ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, Павинскій, съ 20-го августа по 1-е ноября 1880 года, и Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ фонъ-Эттингенъ, на четыре мѣсяца, оба съ ученою цѣлю.

Увольняется въ отпускъ: попечитель Московскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Мещерскій—на шесть недѣль, въ разныя губерніи.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о двадцати стипендіяхъ, учрежденныхъ при Казанскомъ реальномъ училищѣ въ память двадцатипятилѣтія достославнаго царствованія Его Величества Императора Александра II.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ внесеннаго Казанскимъ городскимъ и биржевымъ купечествомъ капитала въ 12,000 р., заключающагося въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, учреждается при Казанскомъ реальномъ училищѣ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 30-го марта 1880 г., двадцать стипендій въ память исполнившагося 19-го февраля 1880 г. двадцатипятилѣтія достославнаго царствованія Государя Импе-

ратора Александра II, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи Его Величества Императора Александра II“.

2) Проценты съ означеннаго капитала, обращаются въ уплату за право ученія за двадцать бѣдныхъ мальчиковъ, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

3) Право избранія учениковъ на эти стипендіи, преимущественно изъ бѣдныхъ дѣтей торговаго и промышленнаго класса города Казани, то-есть купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, принадлежитъ попечительному совѣту училища.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если не имѣется кандидатовъ на эти стипендіи, удовлетворяющихъ изложеннымъ условіямъ, попечительство училища можетъ назначить на нихъ кого-либо изъ наличныхъ бѣдныхъ учениковъ училища, заслуживающихъ того своими успѣхами и поведеніемъ, по своему усмотрѣнію.

4) Какъ только сдѣлаются вакантными означенныя стипендіи, педагогическій совѣтъ составляетъ списокъ всѣхъ бѣдныхъ учениковъ, какъ уроженцевъ города Казани, такъ и другихъ, какъ находящихся уже въ учебномъ заведеніи, такъ и вновь поступившихъ, и вноситъ его, черезъ посредство директора, въ попечительный совѣтъ, который и дѣлаетъ свой выборъ изъ этого списка, по своему усмотрѣнію, о чемъ и сообщается потомъ педагогическому совѣту.

5) Назначенные, такимъ образомъ, стипендіаты пользуются стипендіями до тѣхъ поръ, пока будутъ заслуживать того своими успѣхами и поведеніемъ; въ случаѣ, если кто-либо изъ стипендіатовъ останется въ томъ же классѣ на второй годъ по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, то это не лишаетъ его права на стипендію.

6) Если, по какому-либо случаю, одна или нѣсколько стипендій не будутъ замѣщены въ теченіе одного или нѣсколькихъ лѣтъ, то неизрасходованные проценты съ капитала могутъ быть, по усмотрѣнію попечительства, употреблены или одновременно на уплату за право ученія бѣдныхъ учениковъ, сверхъ 20 стипендіатовъ, или на вспоможеніе, вполнѣдствіи, избраннымъ стипендіатамъ.

7) Въ случаѣ увеличенія платы за право ученія и недостаточности процентовъ съ внесеннаго капитала для оплаты 20 стипендій при новомъ размѣрѣ этой платы, попечительный совѣтъ изыскиваетъ средства для дополненія основнаго капитала до потребнаго размѣра; до пополненія же этого капитала попечительство имѣетъ право употре-

бить проценты съ него на уплату за право ученія такого количества учениковъ, на которое этихъ процентовъ будетъ достаточно.

2. (27-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ отставнаго лейбъ-гвардіи Литовскаго полка полковника Карла Станиславовича барона Нолькена.

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. При Слуцкой гимназіи на капиталъ, пожертвованный по акту, состоявшемуся въ Варшавѣ 15-го (27-го) іюля 1848 г. по завѣщанію, составленному въ Эмсѣ (въ сѣверной Германіи), въ 1868 г. 25-го іюля (6-го августа) отставнымъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка полковникомъ Карломъ Станиславовичемъ барономъ Нолькеномъ, учреждаются съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 22-го апрѣля 1880 г. двѣ стипендіи имени барона Карла Станиславовича Нолькена: одна въ 50 р. съ процентовъ 5% билета государственнаго банка 2-го выпуска (въ 1,000 р.) за № 94848; другая въ 100 р. съ процентовъ четырехъ 5% билетовъ государственной комисіи погашенія долговъ 5-го займа (по 500 р. каждый) за № 323206—38206, 323222—38222, 323223—38223 и 323224—38224.

§ 2. Всѣ вышеозначенные билеты хранятся въ Слуцкомъ уѣздномъ казначействѣ, какъ спеціальныя суммы Слуцкой гимназіи.

§ 3. 5% билетъ государственнаго банка 2-го выпуска (№ 94848) въ 1,000 р. по истеченіи срока или при выходѣ въ тиражъ, гимназическое начальство должно замѣнить другимъ равносильнымъ государственнымъ банковымъ билетомъ; билеты же государственной комисіи погашенія долговъ, данные на безсрочный капиталъ, остаются неизмѣнными.

§ 4. Обѣими стипендіями пользуются воспитанники Слуцкой гимназіи, ближайшіе въ прямой линіи родственники завѣщателя изъ фамиліи Нолькеновъ въ теченіе полнаго гимназическаго курса, считая по одному году на каждый классъ.—Стипендіатъ, не удостоенный перевода въ слѣдующій классъ, сохраняетъ стипендію лишь въ томъ случаѣ, если неуспѣшность его будетъ признана педагогическимъ совѣтомъ, по большинству голосовъ, извинительною по особымъ неблагоприятнымъ условіямъ, въ которыя былъ поставленъ стипендіатъ.

§ 5. Стипендіями этими могутъ пользоваться мальчики Нолькены съ 9-ти лѣтняго возраста и до окончанія ими гимназическаго курса

въ Слуцкой гимназіи. Срокъ поступленія на эти стипендіи и пользованіе ими считается съ начала до конца учебнаго года. Если стипендіаты приняты будутъ въ Слуцкую гимназію не въ первый, но въ который нибудь изъ слѣдующихъ классовъ, то стипендіями этими будутъ пользоваться до окончанія полнаго гимназическаго курса, тоже считая по одному году на классъ.

§ 6 Еслибы ближайшій родственникъ завѣщателя по фамиліи Нолькенъ не могъ воспользоваться 100-рублевою стипендіею по поводу недостиженія имъ 9-ти лѣтнаго возраста, а таковою пользуется уже другой Нолькенъ, дальнѣйшій родственникъ завѣщателя, тогда, по достиженіи ближайшимъ родственникомъ 9-ти лѣтнаго возраста и поступленія его въ Слуцкую гимназію, стипендія эта дѣлится между ними поровну и одна половина выдается вновь поступившему, а другая остается за прежде поступившимъ. Когда же окончатъ курсъ гимназіи прежде поступившій на стипендію и пользующійся половиною ея Нолькенъ, то его половина стипендіи вполне обращается въ пользу послѣ поступившаго ближайшаго родственника пользовавшагося до сихъ поръ только половиною стипендіи Нолькена, до окончанія имъ гимназическаго курса. Въ случаѣ, еслибы ближайшій родственникъ, имѣя отъ роду только 8 лѣтъ, не могъ быть помѣщенъ на открывшуюся вакансію, то таковая не должна быть замѣщена никѣмъ; по достиженіи же 9 лѣтъ, онъ поступаетъ на полный фондущъ; а проценты отъ означеннаго фондуща за одинъ годъ обращаются на увеличеніе капитала согласно § 14.

§ 7. Въ случаѣ смерти, или исключенія изъ Слуцкой гимназіи стипендіата, свободно по сему случаю суммою процента педагогическій совѣтъ Слуцкой гимназіи распоряжается по своему усмотрѣнію. Буде же въ то время фондущъ сей, согласно § 6, будетъ раздѣленъ между двумя стипендіатами, то оставшійся въ гимназіи воспитанникъ долженъ пользоваться половиннымъ количествомъ того фондуща.

§ 8. Еслибы въ теченіе двухъ лѣтъ не явился никто изъ родныхъ завѣщателя по фамиліи Нолькенъ, для поступленія на вышеозначенныя стипендіи, то директоръ Слуцкой гимназіи обязывается вызывать таковыхъ посредствомъ публикацій (на счетъ свободныхъ стипендіальныхъ денегъ) въ „Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, „Виленскомъ Вѣстникѣ“ и „С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“. Если же и затѣмъ, по истеченіи еще годичнаго срока со дня послѣдней публикаціи, не явится никто изъ родственниковъ завѣщателя фамиліи Нолькеновъ, то стипендіями этими, въ изложенномъ выше

порядкѣ, имѣютъ право пользоваться родственники завѣщателя по женской линіи; а еслибы и такихъ не нашлось, то педагогическій совѣтъ Слуцкой гимназіи можетъ стипендіи эти, по указанному выше порядку, предоставить лучшимъ изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ другихъ семей.

§ 9. Стипендіаты Нолькена пользуются стипендіями этими, только находясь въ Слуцкой гимназіи, если же гимназія эта будетъ переведена въ другой городъ, то и стипендіи переводятся вмѣстѣ съ гимназіей туда же.

§ 10. Въ случаѣ преобразованія Слуцкой гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіи Нолькена становятся собственностью преобразованнаго учебнаго заведенія, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онѣ принадлежали Слуцкой гимназіи.

§ 11. Въ случаѣ закрытія Слуцкой гимназіи или преобразованнаго изъ нея заведенія, по распоряженію правительства, такъ что стипендіи Нолькена не удовлетворяли бы больше желанію завѣщателя—служить стипендіями для фамилии Нолькеновъ или для родственниковъ имъ семей въ Слуцкой гимназіи, то 2000 р. стипендіальнаго капитала употребляются, по распоряженію господина попечителя Виленскаго учебнаго округа, на стипендіи учениковъ другихъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а 1,000 р., согласно волѣ завѣщателя, переходятъ въ стипендію для родственной завѣщателю воспитанницы женскаго пансіона, по фамили Нолькенъ, если таковой будетъ существовать въ то время въ Слуцкѣ, если же не будетъ женскаго пансіона, то для таковой же воспитанницы другаго женскаго учебнаго заведенія въ Слуцкѣ.

§ 12. Въ случаѣ неизмѣнія кандидатокъ по фамили Нолькенъ, дирекція, въ вѣдѣніи которой находится Слуцкое женское учебное заведеніе, въ теченіе двухъ лѣтъ вызываетъ (на счетъ свободныхъ процентовъ 1,000 рублеваго билета) таковыхъ посредствомъ публикацій въ „Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, „Виленскомъ Вѣстникѣ“ и „С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“. Если же и затѣмъ, по истеченіи еще годичнаго срока, со дня послѣдней публикаціи, не явится никто изъ родственницъ завѣщателя фамили Нолькеновъ, то стипендіей этой имѣютъ право пользоваться родственницы завѣщателя по женской линіи. Еслибы и такихъ не нашлось, то дирекція, въ вѣдѣніи которой находится Слуцкое женское учебное заведеніе, предоставляетъ стипендію лучшей изъ бѣднѣйшихъ воспитанницъ другихъ семей.

§ 13. Въ случаѣ закрытія женскаго учебнаго заведенія въ Слуцкѣ, или несуществованія его въ то время, когда закрылась бы Слуцкая гимназія, или преобразованное изъ нея учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ въ 1,000 р. обращается, по усмотрѣнію господина попечителя Виленскаго учебнаго округа, на стипендіатовъ или стипендіатовъ другихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

§ 14. Проценты, которые накопились съ 1,000 рублеваго билета до приведенія въ дѣйствіе настоящаго положенія, по желанію душеприкащика завѣщателя барона Станислава Ивановича Нольдена, имѣютъ быть выданы воспитывающемуся въ Слуцкой гимназіи Ивану Нольдену по окончаніи имъ въ Слуцкой гимназіи полнаго курса съ аттестатомъ зрѣлости и при поступленіи его въ университетъ. Если же они не получаютъ этого назначенія, то какъ они, такъ и проценты накопившіеся, до приведенія въ дѣйствіе настоящаго положенія, съ билетовъ государственной комисіи погашенія долговъ (съ 2,000 р.) присоединяются къ стипендіальному капиталу въ 1,000 р. для увеличенія его. Равно проценты, которые образуются во время неиспользованія стипендіями и будутъ свободны, должны идти на увеличеніе того же капитала чрезъ приобрѣтеніе 5% государственныхъ билетовъ.

§ 15. Выдача каждой стипендіи производится по-полугодно впередъ, въ январѣ и августѣ каждаго года директоромъ гимназіи, по ассигновкамъ, родителямъ или опекунамъ стипендіатовъ, или самимъ стипендіатамъ по усмотрѣнію директора.

3. (6-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени „императора Александра I-го“ въ Нижегородскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 16 день декабря 1877 года, при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ учреждается, на вѣчныя времена, 10-ть стипендій имени „императора Александра I-го“, на счетъ процентовъ съ капитала 5,000 руб., пожертвованнаго Нижегородскимъ городскимъ обществомъ.

2) Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранящихся въ Нижегородскомъ отдѣленіи государственнаго банка, составляетъ неотъемлемую собственность Нижего-

родскаго реального училища и, въ случаѣ закрытія его передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобное учебное заведеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ, по усмотрѣнію г. попечителя учебнаго округа, согласованному съ желаніемъ городской думы.

3) Стипендіями пользуются дѣти бѣднѣйшихъ жителей г. Нижне-Новгорода всѣхъ званій, обучающіеся въ Нижегородскомъ реальномъ училищѣ.

4) Таковымъ стипендіатамъ присвоивается названіе „стипендіаты императора Александра I-го“.

5) Каждая стипендія состоитъ изъ 30 руб., — поступающихъ въ уплату за право ученія стипендіата.

6) Сумма 300 руб., поступающая за право ученія 10 стипендіатовъ и образующаяся изъ процентовъ на неприкосновенный капиталъ, означенный въ § 1-мъ, получается реальнымъ училищемъ непосредственно изъ Нижегородскаго отдѣленія государственнаго банка, ежегодно, въ январѣ и іюль, по 150 руб. за каждое полугодіе.

7) Избраніе стипендіатовъ принадлежитъ городской думѣ, въ которую для этой цѣли вносятся городскою управою поступившія прошенія о назначеніи стипендій и свѣдѣнія о бѣдности родителей и объ успѣхахъ и поведеніи дѣтей въ училищѣ, въ пользу которыхъ испрашиваются стипендіи.

8) Въ случаѣ, если число желающихъ получить стипендіи будетъ превышать число свободныхъ стипендій, городская дума отдаетъ предпочтеніе тѣмъ ученикамъ, которые при равныхъ условіяхъ бѣдности ихъ родителей, отличаются лучшими успѣхами и поведеніемъ.

9) Въ случаѣ освобожденія стипендіата императора Александра I-го отъ платы за ученіе, на основаніи § 28 уст., слѣдующая ему стипендія остается въ училищѣ и выдается стипендіату полностью съ процентами по окончаніи курса.

10) За полученіе стипендіи императора Александра I-го стипендіаты, по окончаніи курса въ реальномъ училищѣ, не подлежатъ никакимъ обязательствамъ.

4. (9-го мая 1880 г.). Положеніе объ Александровской стипендіи учрежденной при Рижскомъ реальномъ для гражданъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ собраннаго учениками Рижскаго реального для гражданъ училища въ память 25-тилѣтняго царствованія Госу-

даря Императора 19-го февраля 1880 года капитала, составляющаго нынѣ со взносами учителей этого училища, 514 р. учреждается при Рижскомъ реальномъ для гражданъ училищѣ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 4 мая 1880 г., стипендія съ наименованіемъ оной „Александровская стипендія“.

§ 2. Означенная стипендія производится одному изъ бѣдныхъ и прилежныхъ учениковъ Рижскаго реального для гражданъ училища, безъ различія вѣроисповѣданія и національности, по назначенію учительской конференціи означеннаго учебнаго заведенія.

§ 3. Стипендіатъ сначала получаетъ 20 руб. въ годъ пока капиталъ, чрезъ неизрасходованные проценты и могущія быть пожертвованія, не возрастетъ до 1,000 руб. тогда стипендіатъ получаетъ по 40 руб. въ годъ; когда же капиталъ возрастетъ еще болѣе, то стипендіатъ можетъ получить по 50 р. въ годъ, но не болѣе.

§ 4. При дальнѣйшемъ возрастаніи капитала учреждается новая вторая стипендія, сначала въ половинномъ размѣрѣ, а потомъ въ полномъ размѣрѣ и т. д.

§ 5. Обязанность завѣдывать стипендіями лежитъ на учительской конференціи училища, которая въ концѣ каждаго года имѣетъ представлять отчеты по сему предмету Рижской городской училищной коллегіи.

5. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи Имени Его Величества Императора Александра II-го при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Общество вспоможенія частному служебному труду въ Нижнемъ-Новгородѣ, желая ознаменовать двадцатипятилѣтіе царствованія Государя Императора, постановило: учредить при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ стипендію Имени Его Величества Императора Александра II-го, для чего и отчислило изъ суммъ общества капиталъ въ 1,200 руб., заключающійся въ 12 облигаціяхъ 3-го восточнаго займа.

§ 2. На присвоеніе сей стипендіи наименованія стипендія Его Величества Императора Александра II-го, послѣдовало 17-го мая 1880 г. Высочайшее соизволеніе.

§ 3. Означенный капиталъ долженъ храниться въ Нижегородскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ,

въ отдѣлѣ пожертвованій и оставаться неприкосновеннымъ на вѣчныя времена.

§ 4. Стипендія должна состоять въ ежегодный уплатѣ за право ученія въ продолженіе всего курса въ реальномъ училищѣ за одного бѣднаго ученика, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію, могущіе же образоваться отъ % остатки выдаются стипендіату на учебныя пособія или причисляются къ основному капиталу, по соглашенію педагогическаго совѣта училища съ правленіемъ общества.

5. Въ стипендіаты избирается ученикъ, родители котораго состоятъ или состоятъ членами общества; при равныхъ условіяхъ нѣсколькихъ дѣтей, выборъ стипендіата рѣшается по жребію; въ случаѣ же, если изъ дѣтей членовъ этого общества не окажется ни одного ученика, достойнаго по своимъ успѣхамъ и поведенію получать эту стипендію, выборъ изъ общаго числа учащихся принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 6. Воспитанникъ реального училища, за котораго уплачивается ежегодно за право ученія, именуется стипендіатомъ Его Величества Императора Александра II-го.

§ 7. Право избранія въ стипендіаты принадлежитъ правленію общества, которому училище сообщаетъ списокъ учениковъ, заслуживающихъ стипендіи и имѣющихъ по § 5 на нее право; по закрытіи же общества, право избранія въ стипендіаты принадлежитъ педагогическому совѣту Нижегородскаго реального училища.

6. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества коллежскаго совѣтника Ивана Катаржи въ память 19-го февраля 1880 г., при Кишиневской мужской прогимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 30 день марта 1880 г., при Кишиневской мужской прогимназіи учреждается стипендія съ наименованіемъ оной: „стипендія камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Ивана Катаржи въ память 19-го февраля 1880 г.“, на счетъ процентовъ съ капитала въ 1,000 руб., пожертвованнаго для этого почетнымъ попечителемъ Кишиневской прогимназіи Иваномъ Катаржи и заключающагося въ 5% билетѣ Государственнаго Банка въ тысячу руб.

2) Проценты съ означеннаго капитала употребляются на вспомо- ществованіе одному изъ недостаточныхъ учениковъ Кишиневской прогимназіи православнаго исповѣданія, отличающемуся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

3) Выборъ стипендіата предоставляется вполне педагогическому совѣту Кишиневской прогимназіи, самое же вспомоществованіе вы- дается избранному ежегодно 19-го февраля.

4) Пожертвованный капиталъ въ поименованномъ билетѣ или же за погашеніемъ его въ другихъ государственныхъ или гарантирован- ныхъ правительствомъ бумагахъ, составляетъ неотъемлемую собствен- ность Кишиневской мужской прогимназіи и остается неприкосно- веннымъ.

7. (21-го мая 1880 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Верхоленскаго первой гильдіи купца Петра Григорьевича Абрамова при Троицко-Савскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ десять тысячъ руб., пожертво- ваннаго въ 1873 г. наслѣдниками Верхоленскаго 1-й гильдіи купца Петра Григорьевича Абрамова учреждаются, съ Высочайшаго соиз- воленія, послѣдовавшаго 17-го мая 1880 г., при Троицко-Савскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ, на вѣчныя времена, двѣ стипен- діи имени Верхоленскаго первой гильдіи купца Петра Григорьевича Абрамова.

2) Избраніе стипендіатовъ изъ дѣтей всѣхъ сословій, но преиму- щественно изъ Кяхтинскихъ мѣщанъ предоставляется жертвователямъ то-есть наслѣдникамъ покойнаго Петра Григорьевича Абрамова, а по небытности ихъ—педагогическому совѣту, по соглашенію съ попечи- тельнымъ совѣтомъ Троицко-Савскаго Алексѣевскаго реальнаго учи- лища.

3) Изъ процентовъ, ежегодно получаемыхъ на означенный капи- талъ педагогическимъ совѣтомъ Троицко-Савскаго Алексѣевскаго ре- альнаго училища, производится выдачи на содержаніе двухъ стипен- діатовъ въ томъ училищѣ родителямъ учащихся, или заступающимъ ихъ мѣсто, а за обученіе вносится опредѣленная для вольноприходя- щихъ учениковъ сумма въ сборъ за право ученія. Если впослѣдствіи при училищѣ будетъ учрежденъ пансіонъ, то стипендіаты должны

содержаться въ ономъ и плата на содержаніе ихъ должна вноситься въ суммы пансіона.

4) Въ случаѣ выбитія стипендіата изъ заведенія, по какимъ-либо причинамъ, выдача ему стипендіи немедленно прекращается и на его мѣсто избирается новый стипендіатъ порядкомъ, указаннымъ въ § 3 сего положенія.

5) Если за выдачею стипендіи останется излишекъ отъ процентовъ, то этотъ излишекъ присоединяется къ основному капиталу, при увеличеніи котораго можетъ быть увеличенъ, или размѣръ стипендіи, если къ тому побудятъ мѣстныя условія, или учреждена на основаніи сихъ правилъ, третья стипендія, по испрошеніи на то особаго разрѣшенія.

6) Основной капиталъ стипендіи 10,000 руб. съ накопившимися на него неизрасходованными процентами, долженъ быть неприкосновеннымъ и обращенъ въ государственныя процентныя бумаги. Наблюденіе за своевременнымъ полученіемъ процентовъ, обіѣномъ билетовъ и отчетность въ расходахъ возлагаются на хозяйственный комитетъ училища.

8. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Его Величества Императора Александра II при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Общее собраніе членовъ Нижегородскаго соединеннаго всѣхъ сословій клуба, желая ознаменовать день чудеснаго избавленія драгоцѣннѣйшей жизни Государа Императора отъ угрожавшей опасности 19-го ноября 1879 года, постановило: учредить при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ стипендію имени Его Величества Императора Александра II, для чего и отчислило изъ запасныхъ суммъ клуба капиталъ въ 800 рублей, заключающійся въ восьми 5% облигаціяхъ втораго восточнаго займа 1878 года.

§ 2. На присвоеніе сей стипендіи наименованія „стипендія Его Величества Императора Александра II“ послѣдовало 17-го мая 1880 г. Высочайшее соизволеніе.

§ 3. Означенный капиталъ долженъ храниться въ Нижегородскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ, въ отдѣлѣ пожертвованій и оставаться неприкосновеннымъ на вѣчныя времена.

§ 4. Стипендія должна состоять въ ежегодной платѣ за право

ученія въ продолженіе всего курса въ реальномъ училищѣ за одного бѣднаго ученика, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію; могушіе же образоваться отъ $\frac{0}{100}$ остатка выдаются стипендіату на учебныя пособія, или причисляются къ основному капиталу, по соглашенію педагогическаго совѣта училища съ управленіемъ клуба.

§ 5. Въ стипендіаты избирается ученикъ, родители котораго состоятъ или состояли членами клуба; при равныхъ условіяхъ нѣсколькихъ дѣтей выборъ стипендіата рѣшается по жребію; въ случаѣ же, если изъ дѣтей членовъ клуба не окажется ни одного ученика, достойнаго, по своимъ успѣхамъ и поведенію, получать эту стипендію, выборъ изъ общаго числа учащихся принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 6. Воспитанникъ реального училища, за котораго уплачивается ежегодно за право ученія, именуется стипендіатомъ Его Величества Императора Александра II.

§ 7. Право избранія въ стипендіаты принадлежитъ управленію клуба, которому училище сообщаетъ списокъ учениковъ, заслуживающихъ стипендіи и имѣющихъ, по § 4, на нее право; по закрытіи клуба,—право назначенія въ стипендіаты принадлежитъ педагогическому совѣту реального училища.

9. (9-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II при Смоленской мужской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго проsvщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 4-й день іюня 1880 года, учреждается при Смоленской мужской гимназіи одна стипендія имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II въ память 25-тилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ р. пожертвованнаго членами педагогическаго совѣта и воспитанниками названной гимназіи.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5 $\frac{0}{100}$ билетахъ Государственнаго банка, хранится въ Смоленскомъ губернскомъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ гимназіи.

3) Невыданные по какому-либо случаю проценты съ этого капитала присоединяются къ капиталу стипендіи.

4) Съ увеличеніемъ капитала стипендіи увеличивается и размѣръ стипендіи.

5) Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназій изъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію недостаточныхъ учениковъ этого заведенія.

10. (9-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Анастасіи Алексѣевны Протопоповой при Слуцкой гимназій въ память 25-тилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 4-й день іюня 1880 г., учреждается при Слуцкой гимназій одна стипендія имени Анастасіи Алексѣевны Протопоповой, въ память двадцатипятилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ рублей, пожертвованнаго И. д. инспектора Слуцкой гимназій, статскимъ совѣтникомъ Протопоповымъ.

2) Пожертвованный капиталъ, обращенный въ облигаціи восточнаго займа на сумму 500 р., хранится въ Слуцкомъ уѣздномъ казначействѣ, въ специальныхъ средствахъ Слуцкой гимназій, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Въ случаѣ выхода облигацій въ тиражъ, стипендіальный капиталъ обращается въ соотвѣтственныя государственныя процентныя бумаги.

4) Въ случаѣ закрытія Слуцкой гимназій, капиталъ, обеспечивающій стипендію передается, съ тѣмъ же назначеніемъ, въ Каменецъ Подольскую мужскую гимназію, въ которой жертвователю началъ свою учебную службу.

5) Стипендіею этою пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Слуцкой гимназій, безъ различія исповѣданія, имѣющій изъ поведенія баллъ не менѣе 4, по выбору жертвователя, во все время его служенія въ этой гимназій, а затѣмъ по назначенію педагогическаго совѣта гимназій.

6) Проценты, съ стипендіального капитала, въ количествѣ 25 р., выдаются стипендіату, съ цѣлю употребленія ихъ на одежду и учебныя пособія, до тѣхъ поръ, пока, по поведенію, онъ удовлетворяетъ условію полученія стипендіи.

7. Всѣ могущія встрѣтятся, по отношенію къ настоящей сти-

пендіи, недоразумѣнія разрѣшаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

11. (9-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Царицынской Александровской прогимназіи въ память двадцатипятилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 4-й день іюня 1880 г., учреждается при Царицынской Александровской прогимназіи одна стипендія въ память двадцатипятилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II, на счетъ процентовъ съ капитала въ четыреста рублей, собраннаго служащими въ названной прогимназіи, съ наименованіемъ сей стипендіи „Александровскою“.

2) Капиталь, обезпечивающій стипендію, заключается въ облигаціяхъ восточнаго займа и хранится на вѣчныя времена неприкосновеннымъ въ Царицынскомъ уѣздномъ казначействѣ.

3) Проценты съ стипендіальнаго капитала употребляются на плату за право ученія въ Царицынской Александровской прогимназіи одного ученика, заслуживающаго того по удовлетворительнымъ успѣхамъ и отличному поведенію.

4) Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту прогимназіи.

5) Пользованіе стипендіею не соединено ни съ какими обязательствами.

6) Разъ получившій стипендію, пользуется ею во все время ученія въ прогимназіи.

12. (20-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Ярославской мужской гимназіи имени инженеръ-дѣйствительнаго статскаго совѣтника Боварда.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 17-й день іюня, учреждается при Ярославской мужской гимназіи стипендія имени инженеръ-дѣйствительнаго статскаго совѣтника Боварда, на

счетъ ‰ съ капитала въ четыреста (400) рублей, пожертвованнаго чинами V округа путей сообщенія и заключающагося въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа.

2) Стипендіальный капиталъ хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ, въ стипендіальныхъ средствахъ Ярославской мужской гимназіи и, составляя неотъемлемую собственность заведенія, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендіею пользуется одинъ изъ учениковъ гимназіи, сынъ, родственникъ или сирота чиновъ, служащихъ въ V или томъ округѣ, или управленія министерства путей сообщенія, въ районѣ котораго будетъ находиться г. Ярославль, и именуется „стипендіатомъ инженеръ-дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бокарда“.

4) Стипендія назначается со времени поступления стипендіата въ гимназію.

5) Выборъ стипендіата предоставляется инженеръ-дѣйствительному статскому совѣтнику Бокарду и его супругѣ, а послѣ смерти обоихъ, общему присутствію правленія V или того округа или управленія министерства путей сообщенія, въ районѣ котораго будетъ находиться г. Ярославль.

6) Проценты съ внесеннаго капитала обращаются въ уплату за право ученія стипендіата, или въ счетъ этой платы, если таковая будетъ увеличена; могущіе же образоваться отъ процентной суммы остатки выдаются стипендіату на учебныя пособія.

7) Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса гимназіи или выхода его изъ оной. Но и во время пребыванія въ заведеніи, при малоуспѣшности въ наукахъ, или неодобрительномъ поведеніи, по опредѣленіи о томъ педагогическаго совѣта заведенія — можетъ быть лишенъ стипендіи, о чемъ и доводится до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, согласно ст. 5 сего положенія.

8) Стипендіатъ по окончаніи въ заведеніи курса не несетъ никакихъ обязательствъ.

13. (20-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Ярославской женской гимназіи имени инженеръ-дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бокарда.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 17-й день іюня 1880 г., учреждается при Ярославской женской гимназіи,

стипендія имени инженеръ-дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бокарда, на счетъ процентовъ съ капитала, въ тысячу сто рублей, пожертвованнаго чинами V округа министерства путей сообщенія, заключающагося въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа.

2) Стипендіальный капиталъ хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ, въ специальныхъ средствахъ Ярославской женской гимназіи и, составляя неотъемлемую сооственность заведенія, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендіею пользуется одна изъ ученицъ гимназіи, дочь, родственница или сирота чиновъ, служащихъ въ V, или томъ округѣ или управленіи министерства путей сообщенія, въ районѣ котораго будетъ находиться г. Ярославль, и именуется стипендіаткою инженеръ-дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бокарда.

4) Стипендія назначается со времени поступленія стипендіатки въ гимназію.

5) Выборъ стипендіатки предоставляется инженеръ-дѣйствительному статскому совѣтнику Бокарду и его супругѣ, а послѣ смерти обоихъ, общему присутствію V или того округа или управленія, въ районѣ котораго будетъ находиться г. Ярославль.

6) Проценты съ внесеннаго капитала обращаются въ уплату за право ученія стипендіатки или въ счетъ этой платы, если таковая будетъ увеличена; могущіе же образоваться отъ процентной суммы остатка выдаются стипендіаткѣ на учебныя пособія.

7) Стипендіатка пользуется стипендіею, до окончанія курса гимназіи, или выхода ея изъ оной. Но и во время пребыванія въ заведеніи, при малоуспѣшности въ наукахъ, или неодобрительномъ поведеніи, по опредѣленіи о томъ попечительнаго совѣта заведенія, можетъ быть лишена стипендіи, о чемъ и доводится до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, согласно, ст. 5 сего положенія.

8) Стипендіатка, по окончаніи въ заведеніи курса, не несетъ никакихъ обязательствъ.

14. (10-го іюля 1880 г.) Положеніе о стипендіяхъ при Таганрогскихъ гимназіяхъ: мужской и женской Маріинской подъ наименованіемъ стипендіи Таганрогскаго окружнаго суда.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 7-й день іюля 1880 года, учреждаются, въ ознаменованіе десятилѣт-

няго существованія судебныхъ учреждений въ Таганрогскомъ округѣ, на счетъ $\frac{1}{2}$ съ капитала въ 5 т. р., составленнаго на добровольныя пожертвованія лицъ судебного вѣдомства означеннаго округа и заключающагося въ пяти облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, двѣ стипендіи въ размѣрѣ 125 р. сер. каждая, подъ наименованіемъ „стипендіи Таганрогскаго окружнаго суда“.

§ 2. Изъ числа означенныхъ двухъ стипендій одна учреждается при Таганрогской мужской гимназій, а другая при Таганрогской Маріинской женской гимназій.

§ 3) Исключительное право пользованія означенными двумя стипендіями принадлежитъ дѣтямъ бѣднѣйшихъ родителей изъ лицъ, состоящихъ или же состоявшихъ на службѣ въ вѣдомствѣ Таганрогскаго окружнаго суда, при чемъ разъ избранный стипендіатъ пользуется правомъ полученія стипендіи во все время пребыванія его въ одномъ изъ означенныхъ въ п. 2-мъ учебныхъ заведеній.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ въ означенныя въ п. 2-мъ учебныя заведенія принадлежитъ исключительно Таганрогскому окружному суду (по общему собранію онаго). Расходованіе суммъ, составляющихъ стипендіи, на избранныхъ окружнымъ судомъ стипендіатовъ, лежитъ на обязанности предсѣдателя мѣстнаго окружнаго суда, который въ израсходованія тѣхъ суммъ представляетъ ежегодно подробный отчетъ окружному суду.

§ 5) Означенная въ п. 1-мъ капитальная сумма хранится въ Таганрогскомъ уѣздномъ казначействѣ, депозитомъ Таганрогскаго окружнаго суда.

§ 6. О времени выбитія стипендіата Таганрогскаго окружнаго суда изъ гимназій начальство означенныхъ въ п. 2-мъ учебныхъ заведеній доводитъ до свѣдѣнія мѣстнаго окружнаго суда, съ объясненіемъ причинъ такового выбитія, для зависящихъ со стороны окружнаго суда распоряженій относительно избранія новаго стипендіата.

15. (13-го іюля 1880 г.). Правила о стипендіи покойнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира Василя Тимофеевича Покровскаго.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи шестьсотъ рублей, заключающагося въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа съ четырьмя отрѣзанными купонами, составленнаго изъ добровольныхъ

пожертвованій и изъ денегъ, собранныхъ отъ чтенія профессорами университета св. Владиміра публичныхъ лекцій, учреждается при семъ университетѣ одна стипендія, которая на основаніи Высочайшаго повелѣнія 7-го іюля 1880 года, именуется „стипендія статскаго совѣтника Василя Тимофеевича Покровскаго“.

§ 2. Проценты съ сего капитала въ количествѣ 180 рублей назначаются на содержаніе стипендіата при университетѣ св. Владиміра.

Примѣчаніе. Въ случаѣ поступленія дальнѣйшихъ пожертвованій размѣръ стипендіи можетъ быть увеличенъ.

§ 3. Стипендіатомъ профессора Покровскаго можетъ быть только студентъ медицинскаго факультета, православнаго исповѣданія.

§ 4. Замѣщеніе этой стипендіи предоставляется пожизненно вдовѣ профессора Покровскаго, Лидіи Алексѣевнѣ Покровской, а за тѣмъ принадлежитъ университету св. Владиміра.

§ 5. Стипендіатъ В. Т. Покровскаго обязанъ подвергаться установленнымъ испытаніямъ въ теченіе всего времени бытности своей въ университетѣ. Не выдержавшій удовлетворительно испытанія, равно какъ и неодобрительно аттестованный въ поведеніи, хотя бы и хорошо выдержалъ испытаніе, лишается стипендіи.

16. (16-го іюня 1880 г.) Правила для сѣздовъ представителей гимназій и прогимназій Виленскаго учебнаго округа.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1. Учительскіе сѣзды представителей гимназій и прогимназій Виленскаго учебнаго округа созываются для обсужденія и разработки возникающихъ изъ практики гимназій педагогическихъ вопросовъ.

2. Сѣзды открываются по представленію попечителя учебнаго округа, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Промежутки времени между каждымъ сѣздомъ должны быть отъ 2 до 5 лѣтъ, смотря по количеству и важности накопившихся вопросовъ.

3. Для участія въ сѣздѣ совѣты гимназій и прогимназій Виленскаго учебнаго округа, соображаясь съ свойствомъ предложенныхъ сѣзду вопросовъ, выбираютъ изъ своей среды тѣхъ лицъ, которыя по своей спеціальности и большей или меньшей компетентности, могутъ принести наиболѣе пользы въ работахъ сѣзда. Попечитель, съ своей стороны, можетъ пригласять на сѣздѣ тѣхъ лицъ, присутствіе которыхъ онъ признаетъ нужнымъ.

4. Директорамъ и совѣтамъ гимназій, а также сѣздамъ дозволяется представлять на усмотрѣніе попечителя учебнаго округа тѣ вопросы, обсужденіе которыхъ на слѣдующемъ сѣздѣ они считаютъ желательнымъ. Тѣ изъ этихъ вопросовъ, которые будутъ попечителемъ одобрены, а равно и вопросы, выбранные самимъ попечителемъ, сообщаются отдѣльнымъ гимназіямъ для предварительнаго обсужденія въ совѣтахъ, а затѣмъ, по поступленіи отъ нихъ заключеній, попечитель, по каждому изъ вопросовъ, который имѣетъ быть предложенъ сѣзду, назначаетъ изъ числа директоровъ или учителей гимназій или прогимназій референта и кореферента, по возможности различнаго по этому вопросу образа мыслей, и имъ передается заблаговременно весь матеріалъ для разработки и подготовки.

5. Засѣданія сѣздовъ не публичны, но въ качествѣ посѣтителей могутъ на нихъ присутствовать члены совѣтовъ гимназій округа и тѣ лица, которымъ предсѣдателемъ сѣзда будетъ дано особое разрѣшеніе.

6. Для руководства совѣщаніями сѣзда попечитель назначаетъ предсѣдателя. Сѣздъ самъ выбираетъ своихъ дѣлопроизводителей.

7. Подробности порядка предварительной подготовки и разъясненія вопросовъ на самомъ сѣздѣ опредѣляются предсѣдателемъ сѣзда, причемъ, кромѣ общихъ засѣданій, могутъ быть образованы комиссіи изъ отдѣльныхъ членовъ сѣзда, для ближайшей разработки отдѣльныхъ вопросовъ, прежде передачи ихъ на общее обсужденіе.

8. Каждый окончательно разработанный вопросъ вносится предсѣдателемъ въ общее засѣданіе сѣзда. Обсужденіе дѣла начинается съ доклада референта и замѣчаній кореферента, послѣ чего открываются пренія, которыми руководитъ предсѣдатель. Отъ сего послѣдняго зависитъ пригласить къ участію въ преніяхъ и кого-либо изъ педагоговъ, присутствующихъ на засѣданіи въ качествѣ посѣтителей, если ихъ опытность и познанія могутъ быть полезны для разъясненія дѣла.

9. Результатъ совѣщанія опредѣляется голосованіемъ, причемъ когда въ числѣ членовъ сѣзда будутъ нѣсколько представителей одной и той же гимназіи, то они имѣютъ всѣ вмѣстѣ лишь одинъ голосъ.

Исключеніе изъ этого правила составляетъ лишь предсѣдатель сѣзда, который, хотя бы и принадлежалъ къ личному составу гимназіи, имѣетъ самостоятельный голосъ.

10. Протоколы засѣданій сѣзда ведутся сообща дѣлопроизводи-

телями, на слѣдующемъ же засѣданіи представляются на утверждение съѣзда и подписываются предсѣдателемъ и дѣлопроизводителями. По окончаніи съѣзда, предсѣдатель, съ приложеніемъ всѣхъ протоколовъ, доносить о ходѣ съѣзда попечителю округа, который въ свою очередь доносить каждый разъ министру народнаго просвѣщенія.

11. Участіе въ съѣздѣ принимается каждымъ по добровольному согласію, и потому путевныя и другія издержки несутся членами съѣзда, вообще говоря, на свой счетъ. Но отъ гимназій и ея директора зависитъ установленнымъ порядкомъ просить о назначеніи командированнымъ ихъ представителямъ пособія изъ специальныхъ средствъ заведенія, если состояніе этихъ средствъ это позволяетъ.

12. Расходы по самому съѣзду, на канцелярскія и другія потребности, печатаніе протоколовъ и т. п. распределяются по расчету, утвержденному попечителемъ на всѣ гимназій и прогимназій округа и покрываются изъ ихъ специальныхъ или хозяйственныхъ суммъ. Каждая гимназія получаетъ въ свое распоряженіе опредѣленное количество печатныхъ экземпляровъ протоколовъ, извѣстное число которыхъ представляется также попечителю округа.

Примѣчаніе. Протоколы съѣзда, по распоряженію попечителя округа, могутъ быть печатаемы въ циркулярѣ Виленскаго учебнаго округа. Въ этомъ случаѣ, расходы по печатанію протоколовъ падаютъ на циркулярную сумму.

17. (17-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Рижской Александровской гимназій имени Александра Сергѣевича Пушкина.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 14-й день іюля 1880 г., учреждена на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго русскимъ обществомъ города Риги, по поводу открытія въ Москвѣ памятника поэту А. С. Пушкину, и заключающагося въ облигаціи III-го восточнаго займа въ 1000 руб., при Рижской Александровской гимназій, стипендія имени Александра Сергѣевича Пушкина.

2. Означенная стипендія, въ размѣрѣ 50 руб. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназій, преимущественно изъ дѣтей рижскихъ русскихъ гражданъ, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

3. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназіи.

4. Въ случаѣ временнаго незаѣщенія стипендіи Александра Сергѣевича Пушкина, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными, обращаются въ пособіе стипендіату.

5. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназіи, хранится, вмѣстѣ съ спеціальными суммами оной, въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

18. (18-го іюля 1880 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ учебныхъ занятіяхъ въ гимназіяхъ.

Высочайше учрежденная комиссія для разсмотрѣнія всеподданнѣйшаго отчета бывшаго министра народнаго просвѣщенія за 1878 г. высказала, между прочимъ, предположеніе, что было бы желательно издать отъ министерства циркуляръ, назначенный для опубликованія, въ которомъ изложить требованіе:

1) чтобы ученики гимназій вообще не обременялись излишними занятіями на дому;

2) чтобы преподаватели, нисколько не измѣняя учебныхъ плановъ, одобренныхъ министерствомъ, всецѣнно старались при исполненіи оныхъ не требовать отъ учениковъ младшаго возраста болѣе умственнаго труда, чѣмъ сколько требуется отъ старшихъ годами, а наоборотъ,

3) чтобы учителя обращали преимущественное вниманіе на учениковъ менѣе даровитыхъ и менѣе прилежныхъ и, занимаясь болѣе съ ними, тѣмъ самымъ облегчали бы имъ прохожденіе курса,

и 4) чтобы преподаватели никакъ не увеличивали учебный матеріалъ противъ того, который означенъ въ учебныхъ планахъ.

Вышеизложенное комиссія полагала передать на ближайшее соображеніе министерства народнаго просвѣщенія. Противъ сего мѣста на журналѣ комиссіи Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать „Да“.

Сообщая объ этомъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу передать изъясненныя Высочайшія указанія въ непремѣнному руководству педагогическимъ совѣтамъ гимназій ввѣреннаго Вамъ учебного округа и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить означеннымъ совѣтамъ

войдти въ возможно скорѣйшее время въ ближайшее обсужденіе о томъ, какія бы могли быть предложены практическія мѣры къ достиженію указанной въ приведенномъ Высочайшемъ повелѣніи цѣли.

Заключенія педагогическихъ совѣтовъ, вмѣстѣ съ отзывомъ по нимъ состоящаго при Васъ попечительнаго совѣта, покорнѣйше прошу представить мнѣ.

Вмѣстѣ съ симъ считаю долгомъ сообщить Вамъ, милостивый государь, что всѣ эти отзывы я полагаю подвергнуть обсужденію въ совѣтѣ министра въ концѣ декабря сего года при участіи и вашего превосходительства, если занятія Ваши по округу дозволятъ Вамъ къ этому времени прибыть въ Петербургъ и что въ виду сего весьма желательно, чтобы они были доставлены въ министерство къ 1-му ноября и могли быть заблаговременно изготовлены къ докладу въ совѣтѣ.

19. (19-го іюля 1880 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о равномерномъ дѣленіи директорами и инспекторами гимназій преподаваемыхъ ими предметовъ и о порядкѣ назначенія классныхъ наставниковъ.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія за 1878 г., между прочимъ, было объяснено, что изъ числа всѣхъ директоровъ гимназій и прогимназій 103 лица преподавали древніе языки и только 22 лица — русскій языкъ; изъ всего числа инспекторовъ 103 — преподавали древніе языки и 32 — русскій языкъ, а изъ общаго числа 1,168 преподавателей, исполнявшихъ обязанности классныхъ наставниковъ, болѣе половины, 648, — преподавали исключительно древніе языки и только 161 языкъ русскій.

Коммиссія, Высочайше учрежденная для рассмотрѣнія означеннаго отчета, пришла къ заключенію, что въ большей части гимназій и прогимназій оба начальствующія лица занимались преимущественно преподаваніемъ древнихъ языковъ; между тѣмъ, нельзя не признать столь же важнымъ и преподаваніе языка отечественнаго. Принимая засимъ во вниманіе, что качествами, необходимыми для успѣшнаго управленія заведеніемъ (извѣстнаго рода характеромъ, педагогическою опытностію, любовью къ дѣлу и умѣньемъ обращаться съ учениками), могутъ обладать не одни преподаватели древнихъ языковъ,

но и прочихъ предметовъ, и принимая въ соображеніе, что всякая въ семь отношеніи исключительность не желательна и можетъ вызвать справедливыми нареканіями со стороны преподавателей прочихъ предметовъ и даже родителей, комиссія пришла къ заключенію, что стремленіе министерства народнаго просвѣщенія въ семь отношеніи должно состоять въ томъ, чтобы директоръ и инспекторъ гимназій дѣлили между собою предметы преподаванія, а въ числѣ классныхъ наставниковъ являлись бы болѣе равномерно преподаватели древнихъ языковъ и языка отечественнаго, выборъ на эти должности лицъ былъ бы по возможности таковъ, чтобы одного назначать по отдѣлу словесному, а другаго по отдѣлу математики.

Вопросъ этотъ комиссія полагала предоставить дальнѣйшему соображенію министерства народнаго просвѣщенія для помѣщенія въ будущемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ надлежащаго по оному отзыва, и противъ сего мѣста на журналѣ комиссіи Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: „принять къ руководству“.

О вышензложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству къ надлежащему исполненію во вѣренному вамъ округу.

20. (19-го іюля 1880 года). Циркулярнаго предложеніе гг. почетителямъ учебныхъ округовъ объ ограниченіи частой перемены учебниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Циркулярнымъ предложеніемъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія отъ 9-го іюня 1879 г. за № 6412 объявлено было начальствамъ учебныхъ округовъ удостоившееся Высочайшаго одобренія мнѣніе Высочайше учрежденной комиссіи, разсматривавшей всеподданнѣйшій отчетъ по министерству народнаго просвѣщенія за 1877 г., о необходимости положить какой-либо разумный и практически болѣе полезный и справедливый предѣлъ касательно частой перемены учебниковъ.

Нынѣ Высочайше учрежденная комиссія для разсмотрѣнія всеподданнѣйшаго отчета бывшаго министра за 1878 г., имѣя въ виду, что въ этотъ отчетъ не могли еще войти надлежащія свѣдѣнія о послѣдствіяхъ вышеуказанной Высочайше одобренной мѣры, наша желательнымъ, чтобы въ будущихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ по министерству народнаго просвѣщенія помѣщались надлежащіе свѣ-

дѣнія о томъ, какихъ результатовъ достигаетъ означенная мѣра объ ограниченіи частой переимѣны учебниковъ.

Противъ сего мѣста на журналѣ комиссіи Его Императорскому Величеству благоудно было Собственноручно начертать: „принять въ руководство“.

Имѣю честь сообщить объ этомъ вашему превосходительству для соотвѣтственныхъ съ вашей, милостивый государь, стороны распоряженій.

21. (30-го іюля 1880 г.). Уставъ Псковскаго археологическаго общества.

(Утвержденъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

I. Цѣль общества.

§ 1. Псковское археологическое общество имѣеть цѣлію изслѣдованіе памятниковъ древности и старины, по преимуществу въ предѣлахъ Псковской губерніи.

§ 2. Общество занимается также историческими изслѣдованіями, какъ способствующими къ уясненію памятниковъ древности со стороны ихъ происхожденія и значенія.

§ 3. Общество не исключаетъ изъ своей задачи и этнографическихъ изслѣдованій, на сколько они соприкасаются съ археологическими и историческими изысканіями.

§ 4. Общество снаряжаетъ ученыя экспедиціи для изслѣдованія мѣстностей, а также и для обозрѣнія и описанія собраній древностей и памятниковъ, производитъ археологическія изслѣдованія и раскопки, даетъ порученія своимъ членамъ и постороннимъ лицамъ, изъявившимъ желаніе участвовать въ трудахъ его, содѣйствуетъ имъ своими указаніями, поощреніями, пособіемъ, и, въ случаѣ нужды, своимъ ходатайствомъ.

§ 5. Общество имѣеть свое собраніе древностей и бібліотеку, составленныя преимущественно изъ пожертвованій. Какъ музей, такъ и бібліотекѣ ведется систематическій каталогъ.

§ 6. Общество печатаетъ протоколы своихъ засѣданій въ неофициальной части губернскихъ вѣдомостей и, по мѣрѣ возможности, издаетъ свои труды и другія изслѣдованія и матеріалы въ видѣ періодическаго сборника или отдѣльныхъ изданій, руководствуясь существующими на сей предметъ узаконеніями.

§ 7. Всѣ изданія общества печатаются по его распоряженію, на основаніи существующихъ для сего узаконеній.

§ 8. Общество содѣйствуетъ помѣщенію трудовъ своихъ членовъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

§ 9. Денежныя средства общества состоятъ: а) изъ ежегодныхъ и единовременныхъ взносовъ отъ членовъ общества, на основаніи § 19 сего устава; б) пожертвованій отъ любителей археологіи въ пользу общества; в) денегъ, выручаемыхъ какъ отъ продажи изданій общества, такъ и отъ платы, получаемой отъ входа на публичныя лекціи, если такая плата будетъ установлена.

§ 10. Общество учреждаетъ публичныя чтенія по предмету своихъ занятій съ надлежащаго разрѣшенія.

II. Составъ общества.

§ 11. Общество составляютъ: члены почетные, члены дѣйствительные и члены-сотрудники.

§ 12. Общество избираетъ въ почетные члены лицъ, извѣстныхъ учеными трудами, или покровительствомъ наукамъ. Лица, оказавшія обществу помощь единовременнымъ взносомъ не менѣе 300 р., или подарившія обществу цѣнную археологическую коллекцію, могутъ быть избраны въ почетные члены.

§ 13. Почетнымъ членамъ выдаются на это званіе дипломы, за подписью предсѣдателя, трехъ членовъ и скрѣпою секретаря, съ приложеніемъ печати общества.

§ 14. Почетные члены пользуются правами дѣйствительныхъ членовъ, но къ принятію должностей по обществу не обязываются.

§ 15. Дѣйствительные члены избираются общимъ собраніемъ, по предложенію не менѣе одного почетнаго или двухъ дѣйствительныхъ членовъ, изъ лицъ извѣстныхъ обществу и могущихъ быть полезными для дѣятельности общества. Избранными считаются получившіе большинство голосовъ присутствующихъ въ засѣданіи почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ.

§ 16. Избранный въ дѣйствительные члены получаетъ на это званіе дипломъ, за подписью предсѣдателя и скрѣпою секретаря.

§ 17. Дѣйствительные члены присутствуютъ въ собраніяхъ общества съ правомъ голоса. Они избираются на всѣ должности по обществу.

§ 18. Каждый дѣйствительный членъ принимаетъ на себя обязан-

ность способствовать трудамъ общества, исполнять его порученія и вообще содѣйствовать цѣли его учрежденія.

§ 19. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно въ кассу общества не менѣе пяти руб. сер. Ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ въ 100 р.

§ 20. Лица, подписавшія проектъ устава общества, считаются членами-основателями и образуютъ, на правахъ дѣйствительныхъ членовъ, первый личный составъ общества.

§ 21. Лица, могущія доставлять постоянно обществу нужныя ему свѣдѣнія, принимаются по баллотировкѣ по запискамъ въ члены-сотрудники и получаютъ на это званіе дипломъ за подписью предсѣдателя и скрѣпою секретаря.

§ 22. Члены-сотрудники не обязываются къ денежнымъ взносамъ. Въ собраніяхъ общества они имѣютъ голосъ совѣщательный.

§ 23. Члены-сотрудники могутъ быть и дѣйствительными членами, поступая въ это званіе на общемъ основаніи.

§ 24. Дѣйствительный членъ, годъ не внесшій своего взноса, а сотрудникъ, три года не доставившій обществу никакихъ свѣдѣній, считаются сложившими съ себя свое званіе и получаютъ приглашеніе возвратить выданный имъ дипломъ.

§ 25. Члены общества могутъ быть исключены, но не иначе, какъ по баллотировкѣ шарами и по уважительнымъ причинамъ. Баллотировка предлагается по требованію не менѣе трехъ членовъ. Это предложеніе передается предсѣдателю или заявляется въ экстренномъ собраніи общества, гдѣ оно и обсуждается. Для принятія его требуется большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ присутствующихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, причемъ въ засѣданіи должно быть не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ общества, проживающихъ въ Псковѣ.

III. Собранія общества.

§ 26. Собранія общества бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя.

§ 27. Собраніе общества созывается его предсѣдателемъ.

§ 28. Обыкновенныя собранія бываютъ съ сентября до мая, не менѣе одного раза въ два мѣсяца. Для чрезвычайныхъ засѣданій срока не опредѣляется, они назначаются или предсѣдателемъ или по требованію пяти почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ.

§ 29. Засѣданія общества посвящаются: а) слушанію отчетовъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ общества и о новыхъ приобрѣтеніяхъ и по-

лученныхъ извѣщеніяхъ; б) выборамъ въ члены почетные и дѣйствительные кандидатовъ, предложенныхъ въ предыдущее собраніе, и предложенію новыхъ кандидатовъ; в) утвержденію, по предложенію предсѣдателя, расходовъ выше ста руб.; г) чтенію ученыхъ статей и устному сообщенію разныхъ извѣстій.

§ 30. Общее собраніе считается состоявшимся, если въ немъ присутствуетъ не менѣе 10 почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Въ случаѣ неприбытія указаннаго числа членовъ, назначается новое засѣданіе для рѣшенія тѣхъ же вопросовъ. Засѣданіе это считается состоявшимся при всякомъ числѣ прибывшихъ членовъ.

§ 31. Въ обыкновенномъ собраніи, съ разрѣшенія предсѣдателя, могутъ присутствовать и посторонніе посѣтители, введенные членами.

§ 32. Въ обыкновенныхъ собраніяхъ совѣщанія о правилахъ и объ управленіи общества не допускаются. Для этого, если нужно, могутъ быть назначаемы собранія чрезвычайныя.

§ 33. Въ годовомъ чрезвычайномъ собраніи общества читается общій годовой отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ общества, избираются должностныя лица и дѣлаются ученые сообщенія, изготовленныя къ годовому собранію.

IV. Объ управленіи дѣлами общества.

§ 34. Предсѣдатель общества и товарищъ его избираются общимъ собраніемъ на два года.

§ 35. Дѣйствительные члены изъ своей среды избираютъ секретаря и казначея общества на двухгодичный срокъ и къ нимъ кандидатовъ, которые, въ случаѣ ихъ болѣзни или отсутствія, занимаютъ ихъ должности.

Примѣчаніе. По открытіи дѣйствій общества, секретарь и казначей избираются на первый разъ на три года, чтобы избраніе ихъ впоследствии не совпадало съ избраніемъ предсѣдателя.

§ 36. Дѣлами общества завѣдуютъ предсѣдатель, секретарь и казначей.

§ 37. Секретарь, кромѣ веденія всей переписки по дѣламъ общества, принимаетъ на себя храненіе архива, бібліотеки и коллекцій общества, составляетъ протоколы его засѣданій, вскрываетъ всѣ поступающіе на имя общества пакеты и письма и докладываетъ о нихъ

собранію общества. Въ случаѣ увеличенія бібліотеки и коллекцій общества, общество избираетъ особаго хранителя этихъ собраній.

§ 38. Казначей наблюдаетъ за правильнымъ сборомъ ежегодныхъ взносовъ, хранитъ суммы общества и ведетъ приходо-расходныя книги.

§ 39. Общее собраніе опредѣляетъ особою инструкціею порядокъ храненія и пользованія бібліотекою и коллекціями, а также храненія и расходванія денежныхъ суммъ общества.

§ 40. вмѣстѣ съ избраніемъ предсѣдателя и другихъ должностныхъ лицъ, общество избираетъ на годичный срокъ ревизіонную комиссію, состоящую изъ трехъ дѣйствительныхъ членовъ, которая обязана повѣрять состояніе кассы и счетовъ общества и вѣрность веденія приходо-расходныхъ книгъ. Повѣрка кассы и приходо-расходныхъ книгъ производится одинъ разъ въ годъ, передъ годовымъ общимъ собраніемъ. Комиссія можетъ производить и экстренныя повѣрки кассы и приходо-расходныхъ книгъ въ продолженіе года.

§ 41. Общество входитъ въ сношенія, какъ внутри имперіи, такъ и за границей, съ учрежденіями, обществами и лицами, отъ которыхъ можетъ ожидать содѣйствія и сообщенія нужныхъ ему свѣдѣній.

§ 42. Общество имѣетъ печать съ изображеніемъ герба города Пскова и съ надписью: „Печать Псковскаго археологическаго общества“.

§ 43. Въ отсутствіе предсѣдателя, товарищъ его вступаетъ во всѣ его обязанности и права.

V. Объ измѣненіи статей устава и закрытіи общества.

§ 44. Въ случаѣ временнаго прекращенія дѣйствій общества, все имущество его хранится въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ, а въ случаѣ закрытія общества, для котораго требуется согласіе всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ, все его имущество поступаетъ въ собственность статистическаго комитета.

§ 45. Если по открытіи дѣйствій общества будетъ найдено нужнымъ сдѣлать какія-либо измѣненія и дополненія въ сему уставу, то такое можетъ послѣдовать не иначе, какъ по постановленію общаго собранія и притомъ по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ присутствующихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, съ надлежащаго утвержденія.

22. (31-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Казанскихъ: реальномъ училищѣ и 2-й женской гимназіи „имени Казанскаго губернатора и попечителя мѣстнаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета вѣдомства Императорскаго человеколюбиваго общества, тайнаго совѣтника Николая Яковлевича Скарятина“.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 28-й день іюля 1880 года, учреждаются, на счетъ процентовъ съ собраннаго, по подпискѣ, капитала въ тысячу семьсотъ пятьдесятъ рублей, заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа и въ 5% билетѣ государственнаго банка 1-го выпуска сторублеваго достоинства, при Казанскихъ: реальномъ училищѣ и при 2-й женской гимназіи, — три стипендіи „имени Казанскаго губернатора и попечителя мѣстнаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета вѣдомства Императорскаго человеколюбиваго общества, тайнаго совѣтника Николая Яковлевича Скарятина“.

§ 2. Изъ означеннаго капитала 1,200 руб. предназначаются на двѣ стипендіи при Казанскомъ реальномъ училищѣ и 550 руб. (въ томъ числѣ 5% билетъ государственнаго банка 1-го выпуска сторублеваго достоинства) на стипендію при 2-й Казанской женской гимназіи.

§ 3. Лица, пользующіяся означенными стипендіями, именуются стипендіатами и стипендіатками Казанскаго губернатора и попечителя Казанскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета вѣдомства Императорскаго человеколюбиваго общества, тайнаго совѣтника Николая Яковлевича Скарятина.

§ 4. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенную собственность Казанскихъ: реальнаго училища и 2-й женской гимназіи, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ сихъ заведеній. По выходѣ процентныхъ бумагъ, въ коихъ заключается означенный капиталъ, въ тиражъ погашенія, начальство учебныхъ заведеній обмѣниваетъ ихъ на соответственныя государственныя бумаги.

§ 5. Стипендіями этими могутъ пользоваться дѣти лицъ всѣхъ сословій, но изъ нихъ имѣютъ преимущество: а) круглыя сироты;

б) дѣти недостаточныхъ родителей; в) дѣти лицъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Казанскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета вѣдомства Императорскаго человеколюбиваго общества, и г) воспитанники и воспитанницы благонаправнаго поведенія, съ успѣхомъ проходящіе низшіе классы и подающіе надежду на будущіе учебные успѣхи.

§ 6. Стипендіаты и стипендіатки, не перешедшіе въ высшіе классы по малоспособности или замѣченные въ дурномъ поведеніи, лишаются права на стипендію.

§ 7. Право избранія стипендіатовъ и стипендіатокъ на вышеизложенныхъ началахъ (§ 5-й) сохраняется пожизненно за г. Казанскимъ губернаторомъ Николаемъ Яковлевичемъ Скарятинимъ, который письменно увѣдомляетъ объ утвержденныхъ имъ лицахъ подлежащее начальство и сообщаетъ Казанскому попечительному о бѣдныхъ комитету къ свѣдѣнію; а впослѣдствіи право назначать таковыхъ переходить къ Казанскому попечительному о бѣдныхъ комитету.

§ 8. Лица, пользовавшіяся означенными стипендіями, по окончаніи курса, не стѣсняются никакими обязательствами за предоставленное имъ образованіе.

IV. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

15-го іюня 1880 года (№ 8). Утверждается: экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Лешке—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ древне-классической филологіи и археологіи, съ 8-го мая 1880 года.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ физики, коллежскій совѣтникъ фанъ-деръ-Флитъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ физики, съ 5-го мая 1880 года.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Везбородко въ Нѣжинѣ, магистръ философіи Гротъ—ординарнымъ профессоромъ сего института по предмету философіи, съ 14-го мая 1880 года.

Преподаватель Ташкентской прогимназіи Прилежаевъ—инспекторомъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края, съ 28-го мая 1880 года.

Мировой судья Миловидовъ и купецъ Коробковъ—членами попечительства Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища, на три года.

Переводятся на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному: старшій помощникъ дѣлопроизводителя департамента удѣловъ, надворный совѣтникъ Іосифъ Оношковичъ-Яцына и канцелярскій чиновникъ департамента полиціи исполнительный, коллежскій регистраторъ Иванъ Угрюмовъ; первый съ 23-го мая и второй съ 5-го іюня 1880 года.

Опредѣляется: отставной титулярный совѣтникъ Сорокинъ—почетнымъ попечителемъ Омской учительской семинаріи.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: причисленный къ IV отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, статскій совѣтникъ Александръ Слѣпцовъ, съ 5-го іюня 1880 года, съ оставленіемъ на службѣ при означенномъ отдѣленіи.

Кандидаты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Александръ Алехинъ, съ 18-го марта 1880 года, С.-Петербургскаго, Эрнестъ Радловъ, съ 3-го іюня 1880 года, съ командированіемъ для занятій въ Императорскую публичную бібліотеку, и Дерптскаго, баронъ Константинъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, съ 5-го іюня 1880 г., съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Московскаго учебнаго округа.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ Павловъ, со 2-го мая 1880 года.

Командируются въ Россіи съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шпилевскій—на четырнадцать дней въ Москву.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Вагнеръ—съ 15-го мая по 1-е августа 1880 года, на Бѣлое море.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета Горожанкинъ—съ 12-го мая по 1-е августа 1880 года, въ южныя губерніи и Закавказскій край.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Богдановъ—съ 15-го мая по 15-е сентября 1880 года, въ сѣверныя губерніи.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на двѣ недѣли: ди-

ректоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, коллежскій ассесоръ Котельниковъ— во внутреннія губерніи.

На пятнадцать дней: директоръ Херсонской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Кустовскій—въ разные города и директоръ Виленскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Голубиновъ—въ гор. Ригу.

На двадцать восемь дней: директоръ Саратовской гимназіи, статскій совѣтникъ Лакомте— въ гор. С.-Петербургъ, Москву и Казань.

На двадцать девять дней: ректоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головкинскій—въ Таврическую губернію, по болѣзни.

Съ 21-го августа по 20-е сентября 1880 года: директоръ Аваньевской гимназіи, статскій совѣтникъ Дьяконовъ—въ Крымъ, по болѣзни.

На четыре недѣли: Минскій директоръ народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Тимошеевъ—въ равныя губерніи.

На одинъ мѣсяцъ и десять дней: директоръ Бѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Гвайта—въ С.-Петербургъ, Остзейскія и западныя губерніи и директоръ Рыбинской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Захарбековъ— въ города Москву, Тулу и Гапсаль.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, тайный совѣтникъ Деляновъ—въ Калужскую губернію; директоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, надворный совѣтникъ Добровольскій— въ гор. Одессу, Кіевъ и посадъ Цѣхоцинскъ, Варшавской губерніи; директора гимназій: Таганрогской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейтлингеръ—въ Крымъ и на Кавказъ, Керченской Александровской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Брамсонъ— въ Таврическую и Херсонскую губерніи, Кіевской 2-й, статскій совѣтникъ Пясецкій—въ равныя губерніи, Сувалской, статскій совѣтникъ Михайловскій—въ гор. С.-Петербургъ, Варшаву и Нѣжинъ, Маріампольской, статскій совѣтникъ Абрамовичъ—въ гор. Псковъ и С.-Петербургъ и Холмской статскій совѣтникъ Гогоцкій—въ гор. Каменецъ-Подольскъ и Бессарабскую губернію; директора реальныхъ училищъ: Саратовскаго Александро-Маринскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мерцаловъ—въ равныя губерніи, Тульскаго, коллежскій совѣтникъ Зерновъ— въ

Московскую губернію, Мелитопольскаго, надворный совѣтникъ Милашевичъ—во внутреннія губерніи, Ровенскаго, коллежскій совѣтникъ Дзюблевскій-Дзюбенко—въ разныя губерніи и Роменскаго, статскій совѣтникъ Сербуловъ—въ разныя губерніи; директоръ Казанскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Парамоновъ—въ Казанскую губернію; директоры учительскихъ семинарій: Вольской, статскій совѣтникъ Зимницкій—въ разныя губерніи, Волчанской, коллежскій совѣтникъ Мальцовъ—въ разныя губерніи и Полоцкой, надворный совѣтникъ Бѣлецкій—въ Крымъ, и начальницы женскихъ гимназій: Таганрогской, Глезеръ—въ гор. Воронежъ, Симферопольской, Мунтъ—въ разные города и Ростовской на Дону Екатерининской, Симеоновская—въ разныя губерніи.

На шесть недѣль: директоръ Тверской гимназій, статскій совѣтникъ Фрезе—въ Эстляндскую губернію, по болѣзни.

На полтора мѣсяца: директоръ Могилевской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фурсовъ—на Кавказъ, директоръ Острогской прогимназій, статскій совѣтникъ Бѣлицкій, въ Таврическую губернію, и Могилевскій директоръ народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Ставровичъ—въ разныя губерніи; изъ нихъ Фурсовъ и Бѣлицкій по болѣзни.

Съ 20-го іюня по 10-е августа 1880 года: директоръ Еватеринбургской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ—въ разные города.

Съ 1-го іюля по 1-е августа 1880 года: директоръ Кременчугскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Самусъ—въ разныя губерніи.

На два мѣсяца: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грузовъ—на Кавказъ, дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Дукшта-Дукшинскій—въ разныя губерніи и бухгалтеръ сего департамента, надворный совѣтникъ Сафоновъ—въ разные города, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и семь дней: директоръ Кѣлецкой мужской гимназій, статскій совѣтникъ Воронковъ—въ Олонецкую губернію.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать дней: директоръ Курскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Радкевичъ—въ Крымъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двад-

пать восемь дней: директоръ С.-Петербургской первой гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чистяковъ—въ разныя губерніи, по болѣзни.

На три мѣсяца: директоръ Харьковской второй гимназій, статскій совѣтникъ Скворцовъ—въ Крымъ и на Кавказъ, по болѣзни, и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, кандидатъ московскаго университета Алехинъ—къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ.

За границу: съ 20-го іюля по 3-е августа 1880 года: учитель Лейненскаго начальнаго училища Барабашъ.

На шесть недѣль: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ фонъ-Эттингенъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Лашкевичъ, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета фонъ-Роландъ, доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Іезбера и того же университета: лекторъ Пржиборовскій, ординаторъ терапевтической факультетской клиники Гольдфлямъ и лаборантъ Знатовичъ, доцентъ Дерптскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Клеверъ, исправляющій должность инспектора Радомской мужской гимназій, коллежскій совѣтникъ Смородиновъ; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: третьей, коллежскій совѣтникъ Вильдъ и гор. Вычкова, Шмурло, Московской пятой, статскій совѣтникъ Бѣлявскій, Кіевской первой, Григоровичъ, Воронежской, Норупъ, Одесской второй, коллежскій совѣтникъ Чеховскій, Ршелевской, Дени, Таганрогской, Зико, Люблинской мужской, Козьминскій, Жловодскій и Прюсъ и состоящій при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Ивановскій, учитель гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, надворный совѣтникъ Вегеръ; старшій учитель Рижской городской гимназій, статскій совѣтникъ Гельзингъ; инспекторъ Одесской второй прогимназій, надворный совѣтникъ Ронталеръ; учителя прогимназій: Воронежской, Нѣмецкѣ, Пензенской, Якобъ и Варшавской первой, Горбалъ; директоръ Одесскаго реальнаго училища св. Павла, надворный совѣтникъ Шеттле; учителя реальныхъ училищъ: Одесскаго: надворные совѣтники: Бучинскій и Нѣмецъ и коллежскій ассесоръ Дородницынъ и Тверскаго, Мерсье, и учи-

тели институтовъ: С.-Петербургскаго учительскаго, Струве и Варшавскаго глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, Шиманскій; законоучитель римско-католическаго исповѣданія Ленчицкой учительской семинаріи, ксендзъ Качинскій; учителя городскихъ училищъ: Одесскаго, Коломойцевъ и Варшавскаго, Хмѣлевскій, исправляющій должность учителя Венденскаго уѣднаго училища Дайгъ; надзирательница Петроковской женской прогимназіи Маркевичъ; классныя дамы той же прогимназіи: Шимонская и Опицъ; классная дама Калишской женской гимназіи Пиге; учителя начальныхъ училищъ: Харлупскаго сельскаго, Баранскій, Ласкаго городского, Гержинскій, Трусколаскаго гминнаго, Музнеровскій и Праснышскаго городского, Тиммъ; изъ нихъ по болѣзни: Пржиборовскій, Гольдфлямъ, Знатовичъ, Смородиновъ, Вильдъ, Шмурло, Зико, Качинскій, Шиманскій, Хмѣлевскій, Маркевичъ, Шиманская, Опицъ, Баранскій, Гержинскій, Музнеровскій и Тиммъ.

На два мѣсяца: ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Везбородка въ Нѣжинѣ Фохтъ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Лѣсковъ; послѣдній по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и четырнадцать дней: надзирательница Калишской женской гимназіи Эбелингъ, по болѣзни.

Съ 29-го іюня по 1-е сентября 1880 года: учитель Киевскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ Кейхель, по болѣзни.

Съ 3-го іюня по 16-е августа 1880 года: воспитательница Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища Степанова, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Мѣржинскій и учителя реальныхъ училищъ: Курскаго, Римъ и Сумскаго, Мургуловичъ; изъ нихъ Римъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать девять дней: доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, надворный совѣтникъ Цагарели.

На два мѣсяца и пятнадцать дней: библиотекарь Императорской публичной библіотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вальтеръ.

На три мѣсяца: инспекторъ Житомирскаго еврейскаго учительскаго института, надворный совѣтникъ Гурляндъ, по болѣзни.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: управляющему Торгунскою и Камыцкою частями Внутренней Киргизской орды, Штабсъ-Ротмистру Шигаеву — за пожертвованіе въ пользу Таловской начальной киргизской школы.

Московскимъ 1-й гильдіи купцамъ: Эмилю Рингелю и Эмилю и Эдуарду Липгартамъ, за пожертвованіе ихъ на устройство зданія для начального училища съ селѣ Щуровѣ, Рязанской губерніи, и кромѣ того первымъ изъ нихъ на приспособленіе этого зданія и на устройство классной мебели.

Исключается изъ списковъ умершій: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Авентьевъ.

27-го іюня 1880 года. (№ 9.) Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Цингеръ — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 8-го іюня 1880 года, на три года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ всеобщей исторіи Гаусманъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ всеобщей исторіи, съ 30-го мая 1880 года.

Докторъ медицины и зоологіи Брандтъ — ординарнымъ профессоромъ Харьковскаго ветеринарнаго института по кафедрѣ зоотоміи и экстеріера домашнихъ животныхъ, съ 11-го іюня 1880 года.

Гласные Ростовской на Дноу городской думы: потомственные почетные граждане Томчѣевъ и Бойченко, протоіерей Ручкинъ и Ростовскій 1-й гильдіи купецъ Максимовъ — членами попечительства Ростовскаго-Петровскаго реальнаго училища на три года.

Опредѣляется: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Слѣпцовъ — членомъ ученаго комитета сего министерства, съ 9-го іюня 1880 года.

Переводится на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному: состоящій при министерствѣ финансовъ титулярный совѣтникъ Терне, съ 25-го іюня 1880 года.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: заслуженный орди-

нарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ Давидовъ, съ 8-го іюня 1880 года.

Командируется съ научною цѣлію: лекторъ Императорскаго Дерптскаго университета Веске — на лѣтнее вакаціонное время 1880 года и два мѣсяца, въ Финляндію и Эстляндскую губернію.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: съ 15-го іюня по 1-е августа 1880 года: директоръ С.-Петербургской Введенской прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Груздевъ — въ Костромскую губернію.

На двадцать восемь дней: директора гимназій: Костромской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масленниковъ — въ разныя губерніи и Рязанской, коллежскій совѣтникъ Кульчицкій — въ гор. Москву и Кострому.

На полтора мѣсяца: инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волынской, коллежскій совѣтникъ Сомчевскій — въ гор. Одессу, по болѣзни.

На четыре мѣсяца: ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Булгеровъ — въ разныя губерніи.

За границу: на двадцать восемь дней; врачъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, на дворный совѣтникъ Левесъ.

На одинъ мѣсяцъ: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ Фанъ-дербъ-Флитъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ординарные профессора Императорскаго Дерптскаго университета: статскій совѣтникъ Мюлау и Тейхмюллеръ, исправляющій должность доцента института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Красускій, учителя гимназій: Херсонской, Ростовскаго и Ломжинской мужской, Тувененъ и учитель Бобруйской прогимназіи Ивановскій.

На полтора мѣсяца: учитель Соломейскаго начальнаго училища Бедржицкій, по болѣзни,

На четыре мѣсяца: почетный смотритель Бѣльскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Бодеско, по болѣзни.

Объявляется признательность министерства на

роднаго просвѣщенія: почетному попечителю Ршмельевской гимназіи, въ званіи камергера, графа Толстому — за пожертвованіе его въ пользу сей гимназіи.

Начальнику Новородомскаго уѣзда, Петровской губерніи, коллежскому ассесору Малышевскому — за успѣшное содѣйствіе его въ обезпеченіи благосостоянія начальныхъ училищъ въ уѣздѣ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено: книгу „Греческій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ латинскимъ для высшихъ классовъ гимназій. Составилъ Ил. Рѣдниковъ. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Вятка. 1880“, — включить въ составъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для гимназій и прогимназій руководствъ по греческому языку.

— Книгу „Общій очеркъ исторіи Европы Эдуарда Фримана. Переводъ съ послѣдняго (пятого) англійскаго изданія, подъ редакціею Я. Г. Гуревича. Съ приложеніемъ хронологической таблицы Фримана. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 1 рубль“ — рекомендовать въ видѣ учебнаго пособия въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу „Задачи по начертательной геометріи. Сост. І. Миколецкій, преподаватель 1-го казеннаго училища въ Прагѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Лигинъ, ординарный профессоръ новороссійскаго университета. Одесса. 1880 г. Цѣна 45 к.“ — одобрить въ качествѣ полезнаго приобрѣтенія для основныхъ и ученическихъ библиотекъ при реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „А. Д. Пулята Космологія (общепонятное изложеніе). Часть первая: система міра. Книга первая: геометрическія и динамическія отношенія небесныхъ тѣлъ. Томъ первый. С.-Пб. 1876—1880 г. Цѣна 4 р.“ — одобрить какъ весьма полезное приобрѣтеніе для основныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также и для библиотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Брошюру „Ἰπποκράτους, τοῦ Κώου, τὸ περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων, ὁ ὄρκος συγγραμμά αὐτοῦ, καὶ περικοπὴ Ταλήνου. Ἐκδίδεται ὑπὸ τοῦ Ἑλληνοδιδασκάλου Δημητρίου Τ. Αραπάκη. Ἐν Κωνσταντινοπόλει. 1876“ — допустить къ приобрѣтенію для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій и прогимназій.

— Книгу „Элементарный учебникъ латинскаго языка для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Издавъ С. Блажевскій, преподаватель Московской 2 прогимназій. Москва. 1880 г. Цѣна 55 к.“ — допустить какъ учебникъ для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Изъ древней исторіи Болгаръ. Сочин. Матвѣя Соколова. С.-Пб. 1879 г.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (для учениковъ старшаго возраста).

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ книгу: П. Ершовъ, Конекъ-горбунокъ. Изд. 10-е. С.-Пб. 1880 г., — призналъ возможнымъ одобрить означенное 10-е изданіе русской сказки Конекъ-горбунокъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Съ таковымъ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета изволилъ согласиться и г. управляющій министерствомъ.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ составленную протоіереемъ Н. Каменскимъ книгу: „О Святомъ Евангеліи и святыхъ евангелистахъ съ указателями евангельскихъ чтеній и евангельскихъ событій. Казань. 1879 г.“ — призналъ возможнымъ, согласно съ заключеніемъ ученаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, утвержденнымъ опредѣленіемъ святѣйшаго синода, допустить названную книгу къ приобрѣтенію въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ. Съ таковымъ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета изволилъ согласиться и г. бывшій товарищъ министра.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государыня Великая Княгиня Александра Іосифовна совместно съ Августѣйшими сыновьями Великими Князьями Константиномъ и Дмитриемъ Константиновичами, изволили назначить тысячу руб., въ одновременное пособіе профессиональной школь г-жѣ Коробовой, въ С.-Петербургѣ, въ память въ Божѣ почившаго Великаго Князя Вячеслава Константиновича.

ФЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ КАКЪ ПИСАТЕЛЬ ¹⁾.

VIII.

Издание «Камня Вѣры»; полемика по поводу этого издания и участие въ ней Феофана Прокоповича. Царствование Анны; проповѣдническая и литературная дѣятельность Феофана въ этомъ періодѣ его жизни.

Литературныя связи и вліяніе Феофана: академики, Кантемиръ, Татищевъ. Отзывы о немъ современниковъ и позднѣйшихъ писателей. Заключение.

Положеніе Феофана Прокоповича въ царствованіе Петра II было, какъ мы видѣли, очень непрочно. Старо-церковная партія, съ Георгіемъ Дашковымъ во главѣ, подняла голову; реакція въ пользу старины сдѣлала большіе успѣхи; въ заинтересованныхъ кружкахъ громко говорили о патриаршествѣ; Феофана называли ересіархомъ и пророчили ему участь цирюльника Оомы, сожженнаго въ срубѣ по приказанію Стефана Яворскаго. Главнымъ преступленіемъ Прокоповича, за которое онъ, по мнѣнію противниковъ, заслуживалъ жестокой казни, конечно, выставялось его „лютерское“ ученіе. Противъ этого ученія существовала огромная книга, завѣщанная Стефаномъ Яворскимъ „подъ разсужденіе святаго церкви“, книга „Камень Вѣры“, которая при Петрѣ I и при Екатеринѣ не могла быть напечатана по причинѣ крайне рѣзкаго тона ея противъ-лютеранской полемики. Теперь, когда реакція противъ всего иноземнаго была въ полномъ ходу, когда представители старо-церковной партіи имѣли всякія основанія надѣяться на скорое возвращеніе въ времена мѣ до-петровскимъ, изданіе такой учительской книги, какъ сочиненіе

---

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.
ЧАСТЬ ССХІ, ОТД. 2.

Яворскаго, имѣвшее цѣлю „сокрушить челюсти“ всѣхъ, отступавшихъ въ чемъ бы то ни было отъ стариннаго, традиціоннаго православія, было какъ нельзя болѣе кстати: въ этой книгѣ заключался цѣлый готовый арсеналъ для „обличенія лютерскаго кривотолковія“ и для доказательства, что всякій лютеранинъ ipso facto есть чловѣкъ вредный, котораго слѣдуетъ избѣгать; въ этой же книгѣ находилась знаменитая глава „о наказаніи еретиковъ“, пропитанная духомъ инквизиціоннаго трибунала. И то, и другое было нужно для цѣлей реакціи, первое — противъ иностранцевъ и иностраннаго вліянія вообще, второе — противъ такихъ людей, какъ Теофанъ Прокоповичъ. Дѣло касалось какъ личныхъ счетовъ и интересовъ, такъ и общихъ вопросовъ о церковномъ устройствѣ, о правахъ и полномочіяхъ іерархіи, объ отношеніяхъ церкви къ государству, наконецъ — вопроса о томъ, какое направленіе возьметъ верхъ: прогрессъ въ смыслѣ петровской реформы или реакція въ пользу старины. Горячій поклонникъ Стефана, Теофилактъ Лопатинскій, и другія духовныя лица, признававшія необходимымъ изданіе „Камня“, стали хлопотать о напечатаніи этой книги и добились того, что она дѣйствительно была напечатана въ концѣ 1728 года, по указу верховнаго тайнаго совѣта, и затѣмъ, въ слѣдующіе два года, имѣла еще два изданія.

Это было весьма важное событіе для представителей реакціи, для которыхъ „Камень Вѣры“ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ катихизиса. Для Теофана появленіе этой книги въ печати, да еще какъ бы отъ имени правительства, было, конечно, большою неприятностью и дурнымъ предзнаменованіемъ; среди лютеранъ, жившихъ въ Россіи и уже привыкшихъ пользоваться религіозною свободою, книга эта должна была вызвать сильное неудовольствіе. По незнакомству съ русскимъ языкомъ иностранцы, по видимому, могли бы даже и вовсе не знать о существованіи книги Яворскаго и обойти ея появленіе молчаніемъ. На дѣлѣ, однако, вышло иначе: изданіе „Камня Вѣры“ вызвало въ Германіи, можно сказать, цѣлую литературу¹⁾.

Прежде всего, въ майскомъ выпускѣ лейпцигскихъ *Acta Eruditorum* 1729 года появилась замѣтка, въ рѣзкости выраженной не многимъ уступающая самому „Камню Вѣры“. Здѣсь говорится, что

¹⁾ Подробности о ней можно читать у *Чистовича*, 366—407, въ статьѣ г. Р***: «Матеріалы для ист. дух. литературы XVIII в.», въ *Прав. Обзор.* 1860, т. II, 577—591, и въ ст. г. *Изъкова*: «Изъ исторіи богословской полемики: лвт. XVIII столѣтія» — тамъ же, 1871, т. II, 139—171 и 267—307.

авторъ „Камня“ не постыдился „клеветать открыто, лгать нагло и оболгать неразумный народъ нелѣпыми баснями“; что онъ „наказалъ столько побасенокъ о видѣнїяхъ, объ одержимыхъ духами, о чудесахъ, происшедшихъ отъ креста, иконъ, мощей, что въ умныхъ людяхъ возбуждаетъ смѣхъ, а въ неразумныхъ — удивленіе... Впрочемъ, этому нечего особенно удивляться, потому что почти вся книга выписана изъ Беллармина и другихъ римскихъ полемистовъ, при чемъ авторъ руководился не столько желаніемъ объяснить, изложить и распространить догматы восточной церкви, сколько ненавистью къ лютеранамъ и реформатамъ, которыхъ ученіе, впрочемъ, ему неизвѣстно или имъ извращается“. Въ этой же замѣткѣ мимоходомъ сказано, что Теофанъ Прокоповичъ—*vir doctus, prudens et moderatus*— не одобрялъ книги Яворскаго, и выражено удивленіе, какъ рѣшился издать ее „смиранный“ Теофилактъ. Наконецъ, сообщается извѣстіе о томъ, что скоро должна выйдти книга знаменитаго ученаго Буддея, заключающая въ себѣ обстоятельное опроверженіе „Камня Вѣры“.

Ожидаемое сочиненіе Буддея не замедлило явиться, и въ октябрѣ того же года въ тѣхъ же Актахъ была помѣщена небольшая рецензія на него. Это была „Апология лютеранской церкви противъ клеветъ и навѣтовъ Стефана Яворскаго“, изложенная въ формѣ письма къ „другу, живущему въ Москвѣ“¹⁾. Авторъ начинаетъ свою книгу обращеніемъ къ этому московскому другу, объясняя происхожденіе своего труда такимъ образомъ: „Изъ прїятнѣйшаго письма твоего ученѣйшій мужъ, я узналъ, что среди васъ есть не мало людей, которымъ книга Яворскаго сильно не нравится, именно тѣмъ, что этотъ авторъ безъ конца и безъ мѣры осыпаетъ протестантовъ недостойными ругательствами, сплетнями и злоумышленными выходками, какія только былъ въ состояніи выдумать самъ или заимствовать у другихъ. Ты замѣчаешь, что онъ поступаетъ такъ для того, чтобы возбудить въ Русскихъ ненависть къ протестантамъ, — что онъ старается только о томъ, чтобы разрушить дружескія сношенія между ними и учить бѣгать отъ протестантовъ, какъ отъ чумы, и что по этой причинѣ не только живущіе въ Россіи иностранцы, но и русскіе вельможи (*proceres*),—люди, заслуживающіе уваженія не только

¹⁾ «*Epistola apologetica pro ecclesia lutherana contra calumnias et obtractationes Stephani Javorskii, Resanensis et Muromiensis metropolitae, ad amicum, Mosquae degentem, scripta a Jo. Fr. Buddeo*», Jenae, 1729. 4°, 138 p. — *Acta Eruditorum*, 1729, Octobr., p. 465—468.

по своему высокому сану, но и по уму и добродѣтелямъ, и очень хорошо понимающіе положеніе протестантовъ, выражаютъ желаніе, чтобы кто-нибудь, принявъ подъ свою защиту невинность, разсѣялъ эти тучи и защитилъ правое дѣло. Ты прибавляешь, что многіе благоразумные люди желаютъ, чтобы я оказалъ эту услугу не только нашей церкви, но и Русскому народу, тѣмъ болѣе, что многимъ изъ нихъ было не непріятно высказанное мною въ книжкѣ „О непримиримости Римской церкви съ Русскою..“ Ты сообщилъ мнѣ съ этою цѣлью выдержки изъ книги Яворскаго, представляющія, такъ сказать, образчики, по которымъ можно судить объ остальномъ ея содержаніи; кое-что изъ твоего письма уже напечатано въ Актахъ; здѣсь я воспользуюсь всѣмъ этимъ матеріаломъ“.

Происхожденіе книги ясно. Кто могъ быть *vir doctissimus*, переписывавшійся съ іенскимъ богословомъ и пославшій ему матеріалъ для апологіи? Конечно, только Теофанъ. Выше мы уже говорили о сношеніяхъ его съ Буддеемъ; мы видѣли, что книга послѣдняго „О непримиримости Римской церкви съ Русскою“ была обазана своимъ происхожденіемъ Прокоповичу, сообщившему въ Іену сорбонскую записку съ соотвѣтствующими комментаріями; мы знаемъ, что въ мартѣ 1729 года Буддей писалъ Теофану длинное письмо, въ которомъ касался вопроса объ отношеніяхъ протестантской церкви къ православной; есть ли какія-нибудь основанія не довѣрять выписанному нами выше предисловію къ „Апологіи“ и видѣть въ имени Буддея только псевдонимъ, за которымъ скрывается Теофанъ Прокоповичъ? На нашъ взглядъ, такое мнѣніе ничѣмъ не оправдывается. Правда, современники Теофана и враги его раздѣляли это мнѣніе: одинъ изъ нихъ, Теофилактъ Лопатинскій, задѣтый за живое отзывами иностранцевъ, говорилъ іеромонаху Іосифу Маевскому: „Вѣдаешь ли, кто въ Москвѣ Буддеевъ другъ?“ и когда тотъ отвѣчалъ „не вѣдаю“, то архіепископъ пояснилъ: „тотъ-де другъ преосвященный Новгородскій Теофанъ“. Спустя нѣсколько времени, Теофилактъ снова сообщилъ Маевскому, что „оннй Буддей еще до изданія книги померъ, а по слогу видно, что писателемъ книги былъ Новгородскій“; Маевскій усомнился: „какъ-же книга она печатана въ Іенѣ?“ и получилъ въ отвѣтъ: „будто у него нѣтъ друзей въ Ревелѣ, и я полагаю, что она именно печатана въ Ревелѣ“¹⁾. То же повторыли и другіе, приводя тѣ же доказательства.

¹⁾ *Чтенія Общ. Ист.*, 1863, IV, смѣсь, 63—64.

Разсмотримъ эти доказательства. Первое изъ нихъ — что Буддей умеръ до изданія книги—совершенно несправедливо, потому что Буддей умеръ 19-го ноября, а о книгѣ объявлено въ октябрьскомъ выпускѣ Актвъ; на самой же книгѣ помѣчено: „Scribentem Ienaе, Kal. Iun. 1729“. Могъ ли Буддей допустить, чтобы подъ его именемъ явилось сочиненіе, ему не принадлежащее?

Второе доказательство—„по слогу видно“. Но по слогу, да еще по латинскому, трудно рѣшать вопросъ объ авторѣ книги. Замѣтимъ однако, что Феофанъ, по свойству своей природы, любилъ относиться къ своимъ противникамъ юмористически, придумывать для нихъ смѣшныя названія, выставлять ихъ въ смѣшномъ и нелѣпномъ видѣ; это можно видѣть во всѣхъ его сочиненіяхъ, начиная курсомъ богословія и кончая письмами; между тѣмъ, въ „Апологіи“ этого нѣтъ; она написана серьезно, сдержанно, безъ шутокъ. Стало бытъ, если судить по манерѣ писать, то придется отрицать участіе Прокоповича въ составленіи „Апологіи“¹⁾. Слѣдуетъ еще прибавить, что православный архіерей, даже съ такими убѣжденіями, какія были у Феофана, едва ли могъ говорить о Лютерѣ и его ученіи такимъ тономъ, въ какомъ написана „Апологія лютеранской церкви“. Наконецъ, писать такую книгу и печатать ее тайкомъ въ Ревелѣ было, просто, неудобно и невыгодно для Феофана, особенно въ томъ положеніи, въ какомъ онъ въ то время находился. Ему было гораздо сподручнѣе дѣйствовать тѣмъ же путемъ, какимъ онъ дѣйствовалъ прежде относительно сорбонской записки.

Мы уже указывали на ту характерную черту образа мыслей Феофана, что во всѣмъ отвлеченнымъ идеямъ, въ томъ числѣ и къ ре-

¹⁾ Изъ новѣйшихъ изслѣдователей г. Иземковъ (Пр. Об. 1871, II, 162—163), по видимому, склоняется въ пользу мнѣнія Феофилакта Лопатинскаго, основываясь, главнымъ образомъ, на трехъ положеніяхъ: 1) Феофанъ ненавидѣлъ Яворскаго, слѣдовательно—могъ составить рецензію на его книгу; 2) между «Апологіей» и сочиненіями Феофана есть сходство по духу и приемамъ; 3) Феофанъ преслѣдовалъ Рибера, автора возраженій на книгу Буддея. Но 1) могъ написать не значить *написалъ*, а изъ рассмотрѣнія «Апологіи» оказывается, что и самая возможность авторства Прокоповича очень сомнительна; 2) изъ объясненій самого же г. Иземкова видно, что сходство заключается вовсе не въ духѣ и приемахъ, а въ томъ, что въ «Апологіи» изложено ученіе объ «оправданіи» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ развивалъ его Феофанъ, что и понятно, такъ какъ ученіе Феофана было близко къ лютеранскому; 3) трудно допустить, чтобы въ гониміи на Рибера главнымъ мотивомъ было оскорбленное авторское самолюбіе. Но о Риберѣ—послѣ.

лигіознымъ, онъ относился съ точки зрѣнія непосредственнаго при-
мѣненія ихъ къ общественной и государственной жизни, съ точки зрѣ-
нія тѣхъ результатовъ, къ которымъ приводятъ эти идеи въ житей-
ской практикѣ. Этими соображеніями объясняется и взглядъ его на
католицизмъ, какъ на проповѣдь еоократіи, умственного застоя и об-
скурантизма, — и на ученіе Лютера, какъ на энергическое слово,
освобождающее разумъ отъ давленія церковнаго авторитета, вносящее
въ область богословскаго и филофскаго міросозерцанія элементы кри-
тики и прогресса, наконецъ, провозглашающее верховныя права госу-
дарства. Вполнѣ сочувствуя этимъ идеямъ, носившимъ въ то время
название „лютеранскихъ“, Теофанъ всю свою жизнь преслѣдовалъ все,
что такъ или иначе напоминало ему доктрину Римской церкви въ
воззрѣніяхъ русскихъ богослововъ; это привело его къ продолжитель-
ной борьбѣ съ представителями русской старо-церковной партіи, не-
довольной дѣятельностью Петра Великаго и въ своихъ сужденіяхъ
о церковномъ вопросѣ нерѣдко очень близко сходящейся съ католи-
ками. Старо-церковная партія въ союзѣ съ католицизмомъ — вотъ глав-
ные враги Теофана; понятно, что протестантизмъ долженъ былъ сдѣ-
латься въ этой борьбѣ естественнымъ его союзникомъ ¹⁾. Взаимное
раздраженіе противниковъ постоянно усиливалось; полемика, начатая
на почвѣ отвлеченной, скоро перешла въ личности; Прокоповичъ,
считая „Камень Вѣры“ евангелиемъ своихъ враговъ, не могъ равно-
душно отнестись къ изданію этой книги, авторъ которой былъ, къ
тому же, личнымъ его непріателемъ. Молчать — значило признать за
врагами побѣду, доставить имъ легкое торжество; выступить съ воз-
раженіями было опасно: дѣло очень легко могло перейти въ „тай-
ную“, игравшую тогда роль высшаго богословскаго трибунала, и кон-
читься очень плохо для Прокоповича, который въ то время и безъ
того уже чувствовалъ, что подъ него подкапываются со всѣхъ сто-

¹⁾ *Пекарскій* (Ист. Акад. Наукъ, I, 216) приводитъ слѣдующія слова изъ
письма Гросса къ Байеру (1729 г.): «О книгѣ Яворскаго три главныя мнѣнія:
такъ много подраздѣленій въ религіозныхъ мнѣніяхъ между здѣшними, особенно
знатными и духовными! Вы сами знаете, что многіе склоняются къ принципамъ
Прокоповича: признать необходимость реформачи Лютера; а есть и такіе, ко-
торыя заботятся объ одномъ не болѣе, какъ о другомъ». *Самаринъ* (V, 155)
вполнѣ вѣрно замѣчаетъ что Стефанъ Яворскій, какъ консерваторъ, преслѣдо-
валъ реформачію просто за то, что она — реформачія, то-есть, предпочтеніе но-
ваго старому; между тѣмъ какъ прогрессисты Стефанъ смотрѣлъ на это собы-
тіе глазами протестантовъ.

ронъ. Знакомство съ Будеемъ вывело его изъ затрудненія. Какъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ, такъ и теперь, іенскій богословъ охотно согласился обработать матеріалы, доставленные ему изъ Москвы, обработать именно въ томъ духѣ и направленіи, какое было желательно для Феофана. Посылая Будею выписки изъ книги Яворскаго, подобранныя очень старательно и искусно, Прокоповичъ, конечно, постарался присоединить къ нимъ (какъ прежде къ сорбонской запискѣ) подобающій комментарий, объяснивъ, на что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Часть этого матеріала Будейю тотчасъ же передалъ для напечатанія въ Актахъ, а затѣмъ послѣшилъ обработать присланное въ „Апологию“. Задача эта была ему, конечно, по сердцу, потому что, полемизируя съ Яворскимъ, онъ въ то же время нападалъ и на католиковъ и затрогивалъ политическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ христіанскихъ церквей въ Россіи, вопросъ, имѣвшій чрезвычайную важность въ то время, когда мысль, вѣками приученная къ односторонности, все еще вращалась, почти исключительно, въ области интересовъ религіозныхъ, когда о всякомъ новомъ челоувѣкѣ прежде всего возбуждался вопросъ: православный ли онъ, или католикъ, или лютеранинъ? Православный—значило, для большинства, благочестивый и благонамѣренный; католикъ—благочестивый, но не совсѣмъ благонамѣренный; лютеранинъ—вовсе неблагочестивый и злонамѣренный. Этимъ опредѣленіямъ придавался практическій, общественный смыслъ, и въ Россіи было очень немного людей, которые, могли бы повторить поговорку Феофана: „*uti boni vini non est quaerenda regio, sic nec boni viri religio ac patria*“. Изданіе „Камня Вѣры“ имѣло смыслъ укора, обвиненія, брошеннаго старо-церковною партіей въ лицо не только людямъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, но и всѣмъ, раздѣлавшимъ воззрѣнія, считавшіяся тогда лютеранскими, всѣмъ, которые, по словамъ эпиграфа къ этой книгѣ, „смѣсишася во языцѣхъ и навывоша дѣломъ ихъ“. На это обвиненіе, на первый разъ, въ книгѣ Будея, данъ былъ отвѣтъ съ точки зрѣнія религіозной, церковной. Возраженія іенскаго ученаго касаются, главнымъ образомъ, догматовъ и обрядовъ и сводятся къ такому увѣщанію: „Отъ нашей (протестантской) церкви Русскіе не имѣютъ причинъ опасаться чего-нибудь для себя или для своей свободы, тогда какъ о Римскомъ первосвященникѣ всякому изъ нихъ извѣстно, что онъ старается подчинить Русскій народъ своему игу. Пусть справятся съ историческими памятниками, пусть посмотрятъ церковныя лѣтописи, пусть взвѣсятъ то, что происходило между Рим-

скими епископами и Константинопольскими патриархами, и увидать, что послѣдніе должны были биться за свою свободу. Если Русскимъ приятно испытать когда-нибудь всю тяжесть папской власти и интриги ея орудій,—пусть вѣрять Яворскому, пусть чуждаются протестантовъ, чтуть римлянъ и подставляютъ шею подъ папское ярмо¹⁾.

Книга Буддея написана, вообще, очень сдержанно; самыя сильныя выраженія были, очевидно, исключены изъ нея для помѣщенія въ Актахъ. Противники Теофана утверждали, что „Апология“ написана имъ; но, всматриваясь внимательно въ ея содержаніе, можно сказать, что Теофанъ едва ли даже былъ вполне доволенъ услугами Буддея: въ этой книгѣ недостаточно рѣзко, недостаточно определенно подчеркнута главная мысль, развитіе которой Теофанъ желалъ видѣть въ заграничной полемикѣ по поводу „Камня Вѣры“. Въ этомъ смыслѣ гораздо удачливѣе выполнилъ свою задачу тюбингенскій богословъ Іоганнъ-Теодоръ Яблонскій, издавшій въ 1730 г. (анонимно) небольшую брошюрку, также въ формѣ письма къ другу, подъ заглавіемъ: „Духъ Стефана Яворскаго“²⁾. Брошюрка эта написана очень живо и остроумно. Авторъ разказываетъ, что онъ шелъ по улицѣ и встрѣтилъ двухъ прохожихъ, бесѣдовавшихъ о Яворскомъ и его сочиненіи. Одинъ изъ этихъ прохожихъ — Русскій, лицо духовное, превозносилъ Стефана, удивлялся его эрудиціи, уму, дарованіямъ и искусству, называя его вторымъ Василиемъ Великимъ, Златоустомъ и т. п. Другой — протестантъ — скромно возражалъ ему. Эта бесѣда двухъ лицъ, изъ которыхъ первый названъ Северомъ, а второй — Модестиномъ, и составляетъ содержаніе брошюры. Рѣчи Севера — тѣ самыя рѣчи, которыя можно было слышать въ то время отъ сторонниковъ Яворскаго; возраженія прогрессиста Модестина сводятъ вопросъ съ отвлеченно-церковной почвы на общественно-политическую. „Я не хочу разсуждать объ учености“, говоритъ Модестинъ, — „я хочу только знать, съ какимъ намѣреніемъ и въ какомъ духѣ написано это сочиненіе“. Авторъ руководился ревностью по Бозѣ, отвѣчаетъ

¹⁾ Epistola apologetica, p. 3—4.

²⁾ Genius St. Javorscii, ex ejus opere posthumo theosophico, «Petra Fidei» dicto, in epistola familiari develatus. 4°, 28 p. Имя автора указано въ *P. E. Jablonscii Institutiones historiae christianae*, Francf. 1786, III, 187. Г. Чистовичъ (368), ошибочно считающій эту брошюрку «сочраженіемъ всей книги Яворскаго, говорить, что авторъ ея былъ родной братъ президента Берлинской академіи, Девинда-Эрнеста Яблонскаго, «хорошаго знакома Теофанова», но, къ сожалѣнію, не даетъ никакихъ указаній относительно этого знакомства.

Северъ;—онъ выказалъ почти геройское рвеніе въ преслѣдованіи еретиковъ. „А я думаю“, возражаетъ первый,—„что имъ руководила вовсе не любовь къ истинѣ, а ненависть къ протестантамъ. Еслибъ онъ имѣлъ въ виду только истину, то напалъ бы одинаково и на лютеранъ, и на папистовъ; а между тѣмъ послѣднихъ онъ только гладитъ по голове, всю силою обрушиваясь на первыхъ“. Это оттого, замѣчаетъ Северъ,—что лютеране для насъ, Русскихъ, гораздо опаснѣе, потому что мы находимся съ ними въ ежедневныхъ близкихъ сношеніяхъ. Модестинъ доказываетъ своему собесѣднику, что это мнѣніе несправедливо, что если лютеранство и можетъ считаться опаснымъ, то только для отдѣльныхъ личностей, между тѣмъ какъ папство грозитъ всей православной церкви, всему государству. У католиковъ есть тысячи способовъ, тысячи путей, которыми они преслѣдуютъ свою цѣль открыто или тайно; гдѣ нельзя дѣйствовать силой, тамъ они прибѣгаютъ къ хитрости и т. д. „Твой Яворскій“, говоритъ Модестинъ,—„прилежно учился въ римскихъ школахъ; всѣ его приемы это доказываютъ; онъ самъ напитался этимъ ядомъ, да и другихъ хочетъ имъ напитать. Можетъ быть, онъ дѣйствовалъ bona fide, самъ не сознавая, куда можетъ привести его книга, и сослужилъ службу врагамъ, коварно опутавшимъ его своими сѣтями. Но это уменьшаетъ только вину автора; книга же его, все равно, остается вредною“. Модестинъ напоминаетъ, что Петръ Великій осудилъ эту книгу, не позволивъ ее напечатать, и говоритъ, что этотъ государь угадалъ тайные замыслы Римской курии и ея эмиссаровъ, увидѣлъ, какою опасностью грозятъ они не только церкви, но и государству; съ другой стороны, онъ зналъ, какъ полезны сношенія съ иностранцами; а эти сношенія велись преимущественно съ Нѣмцами, Бельгійцами, Голландцами и Англичанами, то-есть, съ народами, ненавидящими папство. Этимъ иностранцамъ Петръ даровалъ въ Россіи свободу вѣроисповѣданія, а папистовъ выгналъ, зная, что спокойствіе народа и цѣлость государства несовмѣстимы съ принципами Римскаго престола. Яворскій же, вопервыхъ, представляетъ, что паписты почти не имѣютъ разногласія съ Русскою церковью и такимъ образомъ скрываетъ грозящую отъ нихъ опасность; вовторыхъ, старается возбудить ненависть къ лютеранамъ. Въ заключеніе Модестинъ указываетъ на единство своихъ интересовъ съ интересами православнаго населенія Польши и приглашаетъ православныхъ соединиться съ протестантами противъ общаго врага.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за догматическою полемикою Буддеа,

протестанты отвѣтили на „Камень Вѣры“ обвиненіями Яворскаго, а слѣдовательно, и всей старо-церковной партіи — въ пособничествѣ католической пропагандѣ и въ стараніи возбудить въ Русскомъ народѣ ненависть къ Нѣмцамъ — обвиненія, которыми, какъ увидимъ ниже, Теофанъ Прокоповичъ сумѣлъ искусно воспользоваться для своихъ цѣлей. Искра, ловко брошенная имъ въ среду протестантскихъ теологовъ, не погасла; полемическое движеніе продолжалось и усиливалось. Въ 1731 году I.-Хр. Маке напечаталъ въ Гельмштадтѣ диссертацию въ опроверженіе ученія „Камня Вѣры“ о наказаніи еретиковъ¹⁾. Здѣсь эта глава книги Яворскаго переведена цѣликомъ и разобрана подробно. „Еслибъ она была написана среди народа образованнаго“, говоритъ авторъ, — „то на нее не обратили бы никакого вниманія, и никто не сталъ бы серьезно опровергать ее; но Русскіе — народъ мало образованный; у нихъ еще почти нѣтъ хорошихъ книгъ“ — вотъ причина, побудившая автора диссертациі взяться за перо. Трудъ его, однако, не представляетъ почти ничего оригинальнаго; полемизируя съ Яворскимъ, онъ указываетъ на заимствованія его изъ Беллармина и затѣмъ повторяетъ обвиненія, высказанныя Буддеемъ и Яблонскимъ (на которыхъ и ссылается). То же самое повторялось относительно „Камня Вѣры“ и въ другихъ протестантскихъ сочиненіяхъ²⁾.

¹⁾ De poenis haereticorum cum Stephano Javorscio disputatio, quam, praesidente Jo. Laur. Moshemio, publicae disquisitioni ad 5 Maji 1731 subjiciet Jo. Chr. Make vismariensis, sv. Theologiae cultor. Helmst., 1731, 4°, 112 p. Изъ этого заглавія, кажется, ясно, что авторомъ диссертациі былъ Маке, а не Мосгеймъ, который только председательствовалъ на диспутѣ и далъ о книгѣ похвальный отзывъ, приложенный въ концѣ ея. Странно поэтому, что г. Чистовичъ (369) и составители каталога «Russica» Имп. П. Библиотеки приписали эту книгу Мосгейму, что повторялось, затѣмъ, и другими. Книга Маке обязана своимъ происхожденіемъ с.-петербургскому академику Бильфингеру, напечатавшему въ началѣ 1731 г. въ Тюбингенѣ латинскій переводъ главы «О наказаніи еретиковъ» съ объясненіями и возраженіями (St. Javorscii Discursus de poena haereticorum... ad disputandum proponit G. B. Bülfinger). Второе изданіе книжки Вюльфингера вышло въ 1735 г.; свѣдѣнія о поводѣ къ ея изданію, сообщаемыя Пекарскимъ (Ист. Ак. Н., I, 89 — 92), не точны; невѣрно также и замѣчаніе г. Чистовича (369), будто Бильфингеръ сообщилъ свой переводъ Мосгейму: книга была напечатана, слѣдовательно, доступна всякому безъ особенныхъ «сообщеній».

²⁾ См., напримѣръ, *Gust.-Georg. Zeltneri Breviarium controversiarum cum eccl. graeca ac proinde etiam ruthenica adhuc agitarum* (Nüremb. 1737), p. 23—27, и указывающую уже нами книгу Яблонскаго, *Institutiones hist. chr.*, t. III, гдѣ перечелены сочиненія, касающіяся Русской церкви и изданныя въ Германіи въ прошломъ столѣтіи.

Въ Россіи, между тѣмъ, обстоятельства измѣнились въ пользу Теофана: на престолъ вступила Анна Ивановна. Роль Прокоповича въ этомъ событіи достаточно извѣстна; отношенія его, какъ дѣятеля литературы, въ этому факту, мы рассмотримъ впоследствии, а теперь доскажемъ исторію полемики, вызванной изданіемъ „Камня Вѣры“.

Обвиненія въ пособничествѣ дѣлу католической пропаганды, высказанныя лютеранскими богословами противъ „Камня“, при всѣхъ преувеличеніяхъ, объясняемыхъ страстностью полемики, имѣли нѣкоторое основаніе: тонъ и характеръ книги, дѣйствительно, были таковы, что католическая пропаганда легко могла воспользоваться ею для своихъ цѣлей—и въ самомъ дѣлѣ воспользовалась. Доминиканскій монахъ Бернардъ Рибера, жившій въ Москвѣ, въ свѣтѣ испанскаго посланника, герцога де-Лирія, и успѣвшій познакомиться съ представителями русскаго духовенства—между прочимъ, и съ Теофилактомъ Лопатинскимъ, — нашелъ нужнымъ вступить за Стефана Яворскаго и написать отвѣтъ на критику Буддея. Рибера былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ агентовъ католической пропаганды, заботился о переводѣ на русскій языкъ „Суммы“ Тома Аквинскаго и возбуждалъ вопросъ о соединеніи церквей. Книга его¹⁾, изданная въ Вѣнѣ въ 1731 г., замѣчательна особенно тѣмъ, что онъ чуть не прямо называетъ Теофана авторомъ Буддеевой апологіи, не стѣсняясь при этомъ рѣзкостью своихъ выраженій. Посвящая свой трудъ императрицѣ Аннѣ, Рибера говоритъ, что онъ рѣшился оставить въ сторонѣ прискорбныя и незначительныя разногласія (*discrepatiuiculas*), существующія между православными и католиками, и при благонамѣренномъ изслѣдованіи, легко устранимыя, рѣшился оставить ихъ для того, чтобъ, исполняя просьбу многихъ русскихъ духовныхъ особъ, дать отвѣтъ общему врагу—Лютеру, во имя котораго теперь снова стали писать „нѣкоторые люди, какъ я полагаю, живущіе весьма близко отъ насъ“. Говоря объ авторѣ апологіи, онъ замѣчаетъ, что считаетъ его замаскированнымъ, не смотря на принятое имъ имя умершаго Буддея, и высказываетъ предположеніе, что онъ скрывается въ Москвѣ (*Mosquae, ut credo,*

¹⁾ *Bernardi Riberae Barchinonensis Responsum antapologeticum ecclesiae catholicae contra calumniosas blasphemias, Jo. Fr. Buddei nomine evulgatas in orthodoxos graecos et latinos, quo Petrae Fidei, a St. Javorscio ad evertendum Lutheri pantheon jactae, repetitur ictus. Viennae, 1731, 4o, VI нек.+228 стр.* Исторія этой книги разказана у Чистосица, 369—384 и 425—434.

latens, p. 4). Затѣмъ, Рибера обрушивается на предполагаемаго автора апологій, называя его двоевѣрнымъ, отступникомъ (apologans apostas) и т. п. „По двоевѣрью онъ—родной сынъ Лютера, по злобѣ—братъ, по клеветѣ—родственникъ, по духу—такой же... принявъ имя Буддея, онъ сдѣлался какъ бы вторымъ богомъ лютеранъ (игра словъ: Buddeus tanquam lutheranorum Bi-Deus); въ немъ воскресаетъ духъ Буддея и Лютера“... и т. п.¹⁾ Мимоходомъ и, конечно, ради намека, упоминается, что „reverendissimus“ Теофанъ Прокоповичъ, въ словѣ въ похвалу Петра Великаго, называетъ Буддея „ученѣйшимъ“, чего Рибера не одобряетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, восхваляется Теофилактъ Лопатинскій, „премудрѣйшій въ школахъ и преострѣйшій богословъ, въ епархіи пребодрѣйшій пастырь, въ синодѣ правдивѣйшій судія, во всей Россіи изъ духовныхъ властей прелюбезнѣйшій“²⁾. Съ лютеранами Рибера, конечно, не церемонится, не заботясь, какъ и всѣ католическіе полемисты, объ изысканной вѣжливости въ выраженіяхъ.

Еще до печатанія своей книги, находясь въ Россіи, Рибера уже заботился о переводѣ своего произведенія на русскій языкъ, конечно, рассчитывая, что съ посвященіемъ императрицѣ оно можетъ быть издано и по-русски. Но Теофанъ въ время узналъ объ этомъ дѣлѣ и остановилъ его, придавъ ему значеніе государственнаго преступленія первостепенной важности. Онъ, конечно, очень хорошо понималъ, на кого мѣтитъ испанскій монахъ, говоря о мнимомъ Буддеѣ,— и не простилъ ему дерзкихъ намековъ и выходовъ. Для того, чтобы оскорбиться этими выходами, вовсе не нужно было быть авторомъ книги, изданной подъ именемъ Буддея, — достаточно было понять, какому „двоевѣрному отступнику“ вмѣняется въ вину появленіе этой книги, и съ какою цѣлью доминиканецъ Рибера взялъ подъ свое покровительство православнаго митрополита Яворскаго. Въ дѣйствіяхъ Риберы Теофанъ видѣлъ попытку католическаго агента заключить союзъ съ старо-церковною партіей и занять вмѣстѣ съ нею вліятельное положеніе въ Россіи; независимо отъ общихъ соображеній, этотъ союзъ могъ быть опасенъ и лично для Теофана, который, къ тому же, былъ оскорбленъ книгою Риберы и подозрѣвалъ, что она напечатана не въ Вѣнѣ, а въ Петербургѣ. Всѣ эти причины заставили его употребить всевозможныя старанія, чтобы представить эту книгу „готовымъ факеломъ къ зажженію смуты“. При крайней подозритель-

¹⁾ Responsum, p. 2, 4, 30 и др.

²⁾ Ibid., 27 (переводъ—Теофана Прокоповича).

ности тогдашняго правительства, это было не трудно; Рибера самъ помогъ Теофану своими рѣзкими и неосторожными выраженіями о лютеранахъ вообще, и въ частности — о лютеранахъ, жившихъ въ Россіи и занимавшихъ высшія правительственныя мѣста. Получивъ отъ кабинета приказъ написать, не имѣется ли въ книгѣ Рибера „противностей православной церкви“, Теофанъ, не отвѣчая на этотъ вопросъ, обратилъ вниманіе правительства на то, что, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, могло имѣть гораздо болѣе важныя послѣдствія, и воспользовался аргументаціей протестантскихъ богослововъ противъ „Камня Вѣры“: „Иностранныхъ въ Россіи мужей“, писалъ онъ,—ругательнѣ нарицаеть (Рибера) человекъами или людишками и придаеть, что Русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ оными гнушается. Видно, на кого онъ за пропитаніе иностранныхъ въ Россійскомъ государствѣ нарекаетъ!.. Всѣхъ сплошь протестантовъ, изъ которыхъ многія честныя особы и при дворѣ, и въ воинскомъ и гражданскомъ чинахъ рангами высокими почтены служатъ, помаралъ; ругательнѣ пашквинатъ на всю общенѣмецкую націю написалъ... и не онъ, Рибера, а по его сказкѣ народъ Русскій такъ безчеститъ всѣхъ обще протестантовъ, и владѣющихъ, и владѣемыхъ“¹⁾. Теофанъ не забылъ указать и на то, что претендентъ на англійскій престолъ, Іаковъ III, называется въ книгѣ Англійскимъ королемъ, конечно, не спроста, а съ коварною цѣлью „народъ Россійскій съ оною націею привести въ междуусобное подозрѣніе и недоброхотство“. вмѣстѣ съ такими важными обвиненіями, Теофанъ постарался выставить и русскихъ своихъ противниковъ очень опасными людьми: на заявленіе Рибера, что многія духовныя особы просили его писать въ защиту Яворскаго, Теофанъ говоритъ, что „научали его глупыи и ему подобныи невѣжи, еще же и латинствующи и россійскому обществу недоброжелательни, или и тайно

¹⁾ Эти замѣчанія относятся къ слѣдующимъ мѣстамъ сочиненія Рибера: Противники «Камня», говоритъ онъ,—находятся только *inter paucos exterorum hominaciones, quos alit ruthenorum politia, sed detestatur religio*; лютеране—народъ ненадежный и нечестный, и удивительно, какъ можетъ русское государство питать такихъ людей и еще оказывать имъ почетъ. Разбирая лютеранское мнѣніе о томъ, что вино, служащее для таинства причащенія, не должно быть смѣшиваемо съ водою, Рибера восклицаетъ: *Felix in potando natio, quae, ne aquam vino misceat, nec in sacramento Christi morem servandum decernit!* и пр. (Respons., p. 27, 145, 181).

отъ стороны папешской подосланныи плевосвятеля¹⁾.

Этихъ замѣчаній было достаточно, чтобы погубить десятокъ людей, вздумавшихъ не во время защищать „Камень Вѣры“ при содѣйствіи католическаго патера. Теофилакта Лопатинскаго, вздумавшаго написать „Апокризисъ или возраженіе на письмо Буддея“, призвали во дворецъ, и подъ страхомъ смертной казни, запретили не только писать въ защиту „Камня“, но и говорить объ этомъ. Наконецъ, 19-го августа 1732 г. книга Яворскаго, по высочайшему повелѣнію, была запрещена, хотя и безъ огласки²⁾.

Полемика замедляла, но не прекратилась вовсе. Нѣсколько лѣтъ спустя 'сталъ ходить по рукамъ (въ спискахъ) „лютеранскій памфилъ“—Молотокъ на Камень Вѣры, изъ котораго мы уже привели нѣсколько отрывковъ, и который имѣеть цѣлю, главнымъ образомъ, опорочить личность Яворскаго, доказать, что онъ былъ „не греческаго, но римскаго закона и сущій езуитъ“, всѣми силами старавшійся распространять въ Россіи католичество³⁾. Авторъ подробно излагаетъ съ этой точки зрѣнія біографію Стефана, повторяя противъ него, въ сущности, тѣ же обвиненія, какія были высказаны въ заграничной полемикѣ, и какъ бы въ противоположность Яворскому, особенно восхваляетъ Теофана Прокоповича⁴⁾, съ видимымъ удоволь-

¹⁾ Мнѣніе Теофана о книгѣ Риберы, представленное въ кабинетъ, намечтано у Чистовича (Рѣшловское дѣло, стр. 17—31) и въ *Чтеніяхъ Общ. Ист.*, 1863, II, связь, стр. 1—16.

²⁾ «Имѣя мы важныя резоны о книгѣ «Камень Вѣры»... повелѣли оныя въ напечатанныя и хранящіяся въ казнѣ книги взять въ резиденцію нашу въ С.-Петербургъ въ самой скорости; и болѣе тѣхъ книгъ впредь до указа нашего печатать не велѣть». *Др. и Нов. Россія*, 1879, I, 77—78.

³⁾ Содержаніе «Молотка» подробно изложено у Чистовича, 385—407. Въ рукописи И. П. Б., XVII, 1°, № 11, находится, на заглавномъ листѣ, такая приписка: «Творецъ предлагаемаго здѣсь сочиненія неизвѣстенъ; по видимому, слѣдуетъ ему быть Нѣмцу и духовнаго чину; опорочиванія его, на и. Ст. Яворскаго писанныя, не вовсе несправедливы: кому изъ ученыхъ не известна Яворскаго великая наклонность къ мнѣніямъ церкви Римскія? Сіе свидѣлствуютъ иностранныя писатели исповѣданія римскаго, прославляющіе оного за усердіе къ римскому закону». *Adamъ Селмей*, въ *Schediasma literarium de scriptoribus, qui historiam politico-eccelesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt* (Revaliae, 1736, p. 22), сообщаетъ, что collegia de propaganda fide издала въ 1736 году переводъ «Камня» на латинскій языкъ. Никакихъ другихъ указаній на этотъ переводъ, какъ равно и самаго перевода, намъ нигдѣ не удалось найти.

⁴⁾ «Сущій стада Христова учитель, лицемѣрія же, суевѣрія и противобоже-

ствиємъ говорить о гибели его враговъ и грозить карою тѣмъ, кого она еще не постигла ¹⁾).

Извѣстно, что на этотъ „Молотокъ“, впоследствии, уже въ царствованіе Елизаветы, написалъ обширное возраженіе Арсеній Мацѣвичъ, старавшійся опровергать „пашквиль“ не столько фактами (которые, вообще, были ему мало извѣстны), сколько общими разсужденіями, съ прибавкою весьма энергическихъ выраженій, въ духѣ Стефана Яворскаго.

Вообще, во всей этой полемикѣ, какъ русской, такъ и заграничной (мы видѣли, что послѣдняя развилась вслѣдствіе толчка, даннаго изъ Россіи Феофаномъ Прокоповичемъ), обращаетъ на себя вниманіе различіе приемовъ, не уступающее различію въ убѣжденіяхъ полемизирующихъ сторонѣ. Защитники „Камня Вѣры“ имѣютъ въ виду почти исключительно религіозную сторону вопроса, ихъ противники—общественно-политическую; вслѣдствіе того и ихъ взаимныя обвиненія получаютъ соответствующую окраску. Въ нихъ много рѣзкаго, преувеличеннаго, натынутаго—конечно, вслѣдствіе взаимнаго раздраженія, мѣшавшаго смотрѣть на дѣло прямо и хладнокровно; но сущность этихъ обвиненій была, конечно, фактически вѣрна: дѣйствительные идеалы и стремленія обѣихъ враждующихъ сторонъ отразились въ этой полемикѣ также, какъ отражаются предметы въ зеркалѣ съ сферическою поверхностью, — въ уродливо, но пропорціонально растянутаго видѣ. Никакое примиреніе, никакое соглашеніе между полемизировавшими сторонами не было мыслимо по самой сущности ихъ основныхъ убѣжденій: одни крѣпко держались за авторитетъ старины, за неприкосновенность извѣстнаго цикла понятій, и во имя этой неприкосновенности являлись проповѣдниками застоя и даже обскурантизма, другіе, преклоняясь передъ новыми авторитетами, требовали критическаго отношенія къ старинѣ, стремились создать и упрочить, въ теоріи и на практикѣ, новыя условія жизни, провозглашали необходимость дальнѣйшаго развитія; словомъ, одни смотрѣли на-

---

скаго любочестія гонитель, въ наукахъ искусный, въ разсужденіи прензашнаго дара исполненный, въ исторіяхъ церковныхъ довольно извѣстный, мужъ, всякаго почтенія и похвалъ достойный».

¹⁾ «Смерть Петра Второго и судъ Воевышняго ихъ явно обличилъ, по которому равную маду воспріяли, чего и оставшіе его (Яворскаго) вспомошники ежечасно ожидать имѣютъ». По этому слѣдуетъ, кажется, заключить, что «Молотокъ» явился еще въ царствованіе Анны Ивановны, которую авторъ называетъ «подобною во всемъ Петру, истинною Петровою наследницею».

задъ, другіе — впередъ, одни вздыхали о старинѣ, другіе повторяли вмѣстѣ съ Теофаномъ: „что отъ житія нашего прошло, все то умерло, и какъ не снѣи есмь прошлородскою пищею, такъ не живемъ минувшими временами“¹⁾.

Начавшись на почвѣ отвлеченной, полемика тотчасъ же перешла на почву общественно-политическихъ отношеній и кончилась тамъ, куда направилъ ее Теофанъ Прокоповичъ — въ тайной канцеляріи, этой послѣдней инстанціи, безапелляціонно опредѣлявшей доброкачественность или недоброкачественность всевозможныхъ мнѣній. Теофанъ привелъ туда своихъ противниковъ, изъ критика сдѣлался судьей, и судьей лицензіатнымъ и безопаснымъ; но и всякій другой на его мѣстѣ поступилъ бы точно такъ же. Условія русской жизни того времени были таковы, что совмѣстное существованіе различныхъ, несогласныхъ между собою, мнѣній признавалось невозможнымъ; допускалось и могло высказываться открыто и безопасно только одно мнѣніе — то, на сторонѣ котораго была сила; всякое же другое преслѣдовалось, какъ преступное. Слѣдовательно, задача каждой изъ борющихся между собою партій заключалась не столько въ томъ, чтобы доказать справедливость своего мнѣнія — этого было мало, — сколько въ томъ, чтобы привлечь на свою сторону силу и такимъ образомъ стать въ исключительное положеніе. Теофанъ сумѣлъ это сдѣлать, благодаря своимъ дарованіямъ, благодаря своему хитрому и изворотливому уму и дѣло его противниковъ было проиграно, а сами они жестоко заплатились за попытку плыть противъ теченія.

Близкое и дѣятельное участіе Теофана въ утвержденіи самодержавія Анны Ивановны извѣстно. Онъ оставилъ объ этомъ событіи подробный и очень замѣчательный разказъ, который, въ связи съ его проповѣдями, имѣющими отношеніе къ тому же факту, представляетъ важный матеріалъ для оцѣнки общихъ идей и убѣжденій автора²⁾. Читая этотъ разказъ и эти проповѣди и отдѣляя въ нихъ существенное отъ того, что было подсказано желаніемъ воскресить оиміямъ, нельзя не замѣтить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чело-

¹⁾ Слова и Речи, II, 123.

²⁾ «Исторія о избраніи и восшествіи на престолъ... Анны Ивановны» (или, по другому заглавію, «Описаніе кончины Петра II и бывшихъ послѣ оной происшествій») напечатана въ приложеніи къ «Запискамъ Дюка Лирійскаго», пер. Д. Языкова, С.-Пб., 1845, стр. 186—217; находится также въ рукописяхъ И. П. Б., XVII, Q, 52 и Фрм. 1, 2, 75, съ нѣкоторыми вариантами, впрочемъ, неважными.

вѣкомъ, который, воспитавшись въ школѣ Петра Великаго, вынесъ изъ этой школы твердое убѣжденіе въ безусловной необходимости самодержавія для Россіи и старается логически оправдать это убѣжденіе. Поведеніе Еофана въ критическіе дни 1730 года было, какъ извѣстно, практическимъ примѣромъ той „диссимуляціи“, которую онъ восхвалялъ въ Петрѣ Великомъ, и которая была однимъ изъ выдающихся свойствъ его собственнаго характера; это замѣчается и въ его разказѣ, написанномъ въ то время, когда фактъ уже совершился; самъ онъ объясняетъ свои дѣйствія (не всегда говоря, однако, прямо отъ своего лица) страхомъ передъ сильными „верховниками“, задумавшими ограничить власть императрицы. Этотъ замыселъ Еофанъ считаетъ „затѣйкою“ однихъ только Долгорукихъ, которые увлекли другихъ верховниковъ надеждою „общаго съ собою корыстованія“; вредность этого замысла доказывается тѣмъ, что „они не думали вводить народное владѣтельство (кое обычно вольною республикою называютъ), но всю владѣнія крайнюю силу осьмочисленному своему совѣту учреждали, который владѣнія образъ, въ томъ маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарещись владѣтельствомъ избранныхъ, гречески аристократія,—но развѣ сквоническимъ тиранствомъ или насильствомъ, которое олигархія у еллиновъ именуется“. По словамъ Еофана, такъ понимали дѣло всѣ благомыслящіе люди, не смѣвшіе однако высказать свое мнѣніе изъ боязни навлечь на себя гнѣвъ верховниковъ: „Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе: куда ни прійдешь, къ какому собранію ни пристанешь, не ино что было слышать, только горестныя нареканія на осьмеричныхъ оныхъ затѣйщиковъ; всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновение, несытое лакомство и властолюбіе, и вездѣ, въ одну, почитай, рѣчь, говорено, что если по желанію господъ оныхъ сдѣлается, то крайнее всему отечеству настоять бѣдство. Самимъ имъ господамъ нельзя долго быть въ согласіи; сколько ихъ есть числомъ, чуть не только явится атамановъ междоусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скаредное лице, каковое имѣла прежде, когда на многая княженія расторгнена бѣдствовала. И не должна, по моему мнѣнію, были таковыя гаданія“, прибавляетъ Еофанъ),— „нонеже Русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, а если каковое нибудь ино владѣнія правило воспринметъ, содержаться ему въ цѣлости и благодти отнюдь не воз-

можно. Но о семъ намѣреніе наше есть особливны доказательства написать¹.

Въ верховникамъ Теофанъ относится проницательно, старался представить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Это — насмѣшка побѣдителя надъ побѣжденными...¹).

Теофанъ сочинилъ особое „Благодарственное моленіе ко всецелому Богу за премилостивый его промыслъ, въ возведеніи на всероссійскій престолъ... Анны Іоанновны и во утверженіи самодержавія ея, къ твердому Россійской имперіи благосостоянію, явленный“². Этотъ молебень въ царствованіе Анны совершался по всѣмъ церквамъ два раза въ годъ: въ день восшествія на престолъ (19-го января) и въ день коронаціи (28-го апрѣля). Извѣстны также написанные имъ по этому поводу стихи.

Въ день коронаціи Теофанъ произнесъ пріветственную рѣчь, въ которой престолъ представляется достойною наградю за понесенные государынею труды и бѣдствія²). „Кому не извѣстны бывшія твоя доселѣ скорби?“ спрашиваетъ проповѣдникъ, обращаясь къ императрицѣ;—, въ лѣтахъ отроческихъ постигло сиротство, въ юношескомъ возрастѣ, еще брачнымъ, тако рещи, свѣщамъ не угасшимъ, помрачилось вдовство. Еще жъ твѣ слезы не осохли, а пришла нужда плакати и о злослуженіи единоутробной крови; въ томъ же самоѣ ненасти поразилъ громъ матерней смерти, стало жъ уже другое то осиротѣніе. Да скоро и третіе послалъ Богъ, по умершемъ державномъ дядѣ. А тѣсноту сердца твоего въ безчестіи и гоненіи, да еще отъ безбожнаго раба (Меншикова), которыми напишемъ шарамъ? И еще того не конецъ. Судилъ Богъ слышати и дражайшаго племянника въ вышнія отшествіе.. И аки бы не довольно того, между всѣмъ тѣмъ хлѣбъ, за скудостію своею горькій, и то не вовсе надежный... Видѣвшій же всякъ скорби твоя, видитъ иныѣ данную тебѣ отъ Бога избаву и прославленіе. Но и самое небо, иныѣшнимъ, коронаціи твоей опредѣленнымъ, днемъ, тожде о тебѣ Божіе смотрѣніе, аки би нарочно, изобразуетъ: понеже по долгомъ

¹) Въ Памятникахъ новой русской исторіи, изд. *Кашинскими*, т. I, помѣщено (стр. 11—16) «Изъясненіе, какковы были вѣжнихъ лицъ умыслы, и затѣйки и дѣйствія въ призовѣ на престолъ ея и в-ства», по содержанію, по слогу и по отдѣльнымъ выраженіямъ очень сходное съ разказомъ Теофана (можетъ быть, имъ же и написанное?). Здѣсь исчисляются «внии затѣйщиковъ» и дѣйствія ихъ строго осуждаются, какъ «самое злѣйшее преступленіе».

²) Слова и Речи, III, 47—51.

изъ утра туманномъ помраченіи, какъ стала пера къ главному сему шествію, всечистымъ сіяніемъ просвѣтилась“... ¹⁾. Проповѣдникъ сравниваетъ государыню съ Анной пророчицей, называетъ ее святою вѣтвью отъ святого корня, красотою и славю всероссійскою, и ожидаетъ отъ нея всевозможныхъ „благъ и благопослѣшній“. Едва ли когда-нибудь прежде онъ заходилъ такъ далеко въ своемъ панегирическомъ усердіи...

Кромѣ привѣтствій съ церковной катедры, Теофанъ „нижайше воспѣвалъ“ императрицу въ латинскихъ и русскихъ стихахъ, въ родѣ, наприимѣръ, слѣдующихъ:

Колѣкій у насъ
Мракъ былъ и ужасъ!
Солнце Анна возсіяла,
Свѣтлый намъ день даровала...

. . . . .
. . . . . Когда ты, Вышняго судьбами,
Вступила на престолъ свой высокій,
Стала намъ солнцемъ, грѣющимъ лучами
Твой всероссійскій вертоградъ широкий, и т. п. ²⁾.

Заяскивая у Бирона, Прокоповичъ укрѣпилъ за собою первенствующее положеніе въ синодѣ и энергично повелъ борьбу съ староцерковною партіей, принявъ на себя роль слѣдователя и судьи. Ненавистнаго „Егора“ (Дашкова) и Родышевскаго, а вмѣстѣ съ ними и множество другихъ, второстепенныхъ лицъ онъ успѣлъ выставить опасными политическими преступниками, ненавистниками всего иноземнаго, слѣдовательно—врагами Бирона, и такимъ образомъ устранилъ ихъ съ своей дороги. Противники, раздраженные неудачами, видя, что старанія ихъ обвинить Теофана въ ереси не удаются, что на ихъ голосъ въ защиту стариннаго православія не обращаютъ никакого вниманія, хотѣли перевести свои обвиненія на политическую почву, но и здѣсь потерѣли полное пораженіе, потому что въ слѣдствіе своей неумѣлости, наговорили массу нелѣпостей, которыя имъ же обратились во вредъ: они то старались выставить Теофана агентомъ папы, то сообщали, въ своихъ подметныхъ письмахъ, что „ея императорское величество танцовала въ маскарадѣ съ преосвященнымъ Новгородскимъ“ ³⁾,

¹⁾ Кажется, Теофанъ — первый изъ русскихъ писателей, употребившій этуразу, которая впоследствии сдѣлалась неизмѣнною принадлежностью описанія оенціальныхъ торжествъ.

²⁾ Ср. *Чистовича*, 259—260, 294—295, 340, 645.

³⁾ *Чтенія Общ. Ист.*, 1863, IV, смѣсь, 66.

то выставляли на видъ, что „еретическія руки“ Теофана приносятъ несчастіе тому, надъ кѣмъ онъ совершаетъ религиозные обряды, то наконецъ, просто наполняли цѣлыя тетради подборомъ самыхъ энергичныхъ ругательствъ. Теофанъ терпѣливо перечитывалъ эти писанія, взвѣшивалъ каждое слово своихъ неосторожныхъ противниковъ и жестоко мстилъ этимъ людямъ за нанесенныя ему обиды. „Священниковъ и монаховъ“, говоритъ позднѣйшій проповѣдникъ, вспоминая объ этихъ временахъ,—„какъ мушкетъ давили, мучили, казнили, разстригали... Непрестанная почта водою и сухимъ путемъ— куда? зачѣмъ? священниковъ, монаховъ и людей благочестивыхъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Оренбургъ отвозять... была година темная“. Главнымъ дѣятелемъ этой темной години былъ Теофанъ. „Теперь-де онъ очень силенъ“, говорили его противники,—„и кто-де съ нимъ контру ни возымѣетъ, то все-де онъ переломаетъ, и некому-де съ нимъ нынѣ тягаться... ежели—да чего Боже сохрани!—будетъ онъ патріархомъ, то живыхъ насъ поглотаетъ“... Было время, когда онъ пускался съ ними въ литературную полемику; теперь онъ уже измѣнилъ свои прежніе приемы, какъ можно видѣть, между прочимъ, и изъ слѣдующаго примѣра:

Въ ноябрѣ 1731 года, вмѣсто верховнаго тайнаго совѣта, учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ императрицы, Кабинетъ, въ которомъ главную роль игралъ, какъ извѣстно, Остерманъ, дѣйствовавшій въ совершенномъ согласіи съ Бирономъ. Одною изъ первыхъ заботъ этого учрежденія было устранить замыслы партіи Елизаветы Петровны; съ этою цѣлью и при ближайшемъ участіи Теофана ¹⁾, 17-го декабря 1731 года былъ изданъ „манифестъ объ учиненіи присяги въ вѣрности наследнику всероссійскаго престола, который отъ ея императорскаго величества будетъ назначенъ“ ²⁾. Манифестъ былъ составленъ Остерманомъ въ общихъ выраженіяхъ, съ цѣлью подтвердить принципъ, выраженный въ петровскомъ уставѣ о наследствѣ и предоставляющій государю безграничное право свободно распоряжаться престоломъ; съ этою цѣлью въ манифестѣ сдѣланы ссылки на прежній уставъ и на „Правду воли монаршей“, за которую, такимъ образомъ, снова признано значеніе законодательнаго акта. Но какъ уставъ 1722 года требовалъ особаго пояснительнаго трактата, такъ и этотъ новый манифестъ вызвалъ особое защитительное раз-

¹⁾ Чистовичъ, 296—297.

²⁾ П. С. З., VIII, 5909.

сужденіе. Дѣло въ томъ, что, не видя въ манифестѣ никакихъ личныхъ указаній, многіе не понимали его, находя его страннымъ и недоумѣвая, кому же собственно слѣдуетъ присягать; явились самозванцы-царевичи Алексѣй и Петръ Петровичи, убѣждавшіе народъ, что манифестъ относится именно къ нимъ ¹⁾. Съ другой стороны, представители старо-церковной партіи, органомъ которыхъ были подметныя письма и тетради Родышевскаго и другихъ, и которые давно уже роптали на присягу, установленную Регламентомъ и повторявшуюся, по различнымъ поводамъ, чуть не ежегодно, стали громко заявлять, что „не велѣно-де клястися ни небомъ, ни землею, ни Іерусалимомъ, ни главою своею кромѣ „ей ей“, „ни ни“,—„а мы и самимъ Богомъ— о людѣ намъ за сіе—всегда клянемся и ротимся вѣло“. На этомъ основаніи они говорили, что „прежнюю страшную присяжную клятву“ слѣдуетъ уже отиѣнить и уничтожить, какъ ни съ чѣмъ несообразную. Это же мнѣніе—по соображеніямъ совершенно иного характера—раздѣлялось и людьми древняго благочестія. Въ опроверженіе этихъ взглядовъ Феофанъ написалъ, въ томъ же 1731 году, небольшое „Разсужденіе о присягѣ или клятвѣ: подобаетъ ли христіаномъ присягать или клястися всемогущимъ Богомъ“ ²⁾. Причина изданія въ свѣтъ этой книжки объясняется, въ предисловіи, такимъ образомъ: „Понеже являютя у насъ нѣкія безумныя, а чаю—и къ раздиранію церковному нарочно устроеныя головы, которыя между прочими плевелами разсѣвать начали и то, будто клястися всемогущимъ Богомъ челоуѣку христіанину грѣхъ есть, и потому клятвенное обѣщаніе, которымъ Россійскій народъ въ вѣрности къ государямъ своимъ себе обязуетъ, порицають и хулятъ, яко дѣло богопротивное; того ради немалая нужда есть обличить таковыхъ безуміе яснымъ хулимоу отъ нихъ истинны показаніемъ“. Въ самомъ разсужденіи мнѣнія „новыхъ буесловцевъ“, которыхъ Феофанъ называетъ русскими квалерами (конечно, иронически), опровергаются множествомъ цитатъ изъ Св. Писанія и отцовъ церкви, при чемъ Феофанъ особенно старается выставить на видъ опасность „новаго буесловія“ для государства: „внимать сему надлежитъ и синклиту государственному,

¹⁾ *Есимовъ*, Люди стар. вѣка, 417 и сл.

²⁾ Въ первый разъ издаю въ 1734 году. По словамъ м. Евгенія, сочинено около 1726 года; но это опровергается показаніемъ самого Феофана, у *Чистовича*, 530. Напечатано въ IV части сочиненій Феофана (1774) и отдѣльно, М. 1784. Греческій переводъ Евгенія Бугара.

и что изъ того воспослѣдовать можетъ—да разсуждаетъ“, говорить онъ, и самъ приводитъ нѣкоторыя соображенія на этотъ счетъ. Отрицаніе присяги, по мнѣнію Прокоповича, можетъ имѣть послѣдствіемъ „скорое государственной казны умаленіе“, мятежи и измѣны, развитіе „смиѣлости ко всякому злодѣйству“ и атеизма, порождающаго „въ вѣрности безсовѣстіе къ государямъ“; отиѣна присяги „всѣмъ добрымъ, честнымъ навела бы великій страхъ и опасеніе, а зловарныхъ, коварныхъ, мятежныхъ, государямъ своимъ недоброхотныхъ, мира и тишины въ народѣ не любящихъ и всю свою затѣю на новостяхъ и злыхъ затѣвахъ полагающихъ человекъ учинило бы весьма безопасныхъ, веселыхъ и дерзостныхъ“. Сверхъ того, и „новаго въ церквѣ раскола отсюда опасатися надлежитъ“. Теофанъ приходитъ къ заключенію о необходимости строго покарать новаторовъ, „сіе плевальное ихъ ученіе испразднить, и жестокимъ страхомъ обуздать, и анаемѣ предать“.

Это разсужденіе о присягѣ замѣчательно въ томъ отношеніи, что въ немъ Теофанъ выступаетъ уже консерваторомъ, осуждая своихъ противниковъ не за тупую привязанность къ старинѣ, а за опасное новшество, которое они стараются ввести въ русскую жизнь. Защитниковъ старины онъ старался убѣждать логическими доводами, доказывая необходимость и пользу прогресса; съ новаторами онъ считаетъ нужнымъ говорить иначе, относясь къ нимъ только съ угрозами страшной кары церковной и гражданской. Это объясняется, по нашему мнѣнію, личными отношеніями Теофана и обстоятельствами болѣе общаго характера. Личныя отношенія Теофана къ противникамъ въ эту пору обострились до такой степени, что никакое соглашеніе уже не было возможно; избавившись отъ опасности, угрожавшей ему въ царствованіе Петра II, и получивъ теперь прочную опору, Прокоповичъ всею силою обрушился на своихъ враговъ, неутомимо разыскивалъ, гдѣ еще „того гнѣзда сверщца сидятъ въ щеляхъ и посвистуютъ“, и беспощадно истреблялъ ихъ. Какъ человекъ, раздраженный нападеніями и получившій возможность выместить свою досаду на людяхъ, такъ или иначе его раздражившихъ, Теофанъ начинаетъ отзываться обо всѣхъ, несогласныхъ съ его мнѣніями, чрезвычайно рѣзко и считаетъ нужнымъ не убѣждать ихъ, какъ дѣлалъ прежде, а только обличать и карать. Съ другой стороны, Теофанъ, какъ главный участникъ въ преобразовательной дѣятельности Петра I, считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ отстаивать результаты этой дѣятельности противъ всякихъ попытокъ къ возвращенію старины; съ

этой точки зрѣнія онъ и является консерваторомъ, охранителемъ того, что достигнуто реформою Петра, и все, съ нею несогласное, считаетъ опаснымъ для государства нововведеніемъ. Признавая дальнѣйшее развитіе Россіи возможнымъ только въ томъ направленіи, какому онъ былъ всецѣло преданъ, и какое было дано Петромъ, слѣдовательно, исходя отъ правительства, Оеофанъ является безусловнымъ сторонникомъ правительства, хотя бы даже и бироновскаго. Во всѣхъ его разсужденіяхъ этого времени видно развитіе силлогизма: мѣропріятія Петра Великаго имѣли цѣлью народное благосостояніе; эти мѣропріятія не отмиѣнены, а напротивъ, охраняются правительствомъ; слѣдовательно, Россія благоденствуетъ; утверждать противное могутъ только „свербоязычные буесловцы“, которыхъ слѣдуетъ уничтожать, какъ враговъ государства. Роль официальнаго публициста, взятая на себя Прокоповичемъ,—роль, которой онъ не покидалъ до конца своей жизни,—не допускала иной линіи разсужденій. Достаточно вспомнить, что въ самую блестящую эпоху его дѣятельности ни одного печатнаго листа не выходило безъ высочайшаго повелѣнія, ни о какой гласности, кромѣ официальной, не было и рѣчи, а „обмѣнъ мыслей“ происходилъ только въ Преображенскомъ приказѣ,—достаточно вспомнить все это, чтобы понять, почему Оеофанъ Прокоповичъ не могъ разсуждать иначе.

Всестороннему разсмотрѣнію указанной темы посвящены всѣ главнѣйшія проповѣди, произнесенныя Оеофаномъ въ послѣдніе годы своей жизни. Здѣсь мы находимъ отчасти повтореніе существенныхъ чертъ „Слова о власти и чести царской“, „Правды воли монаршей“ и слова въ день воспоминанія коронаціи Екатерины I (1726 г.), отчасти—нѣчто новое, нѣчто такое, чего Оеофанъ прежде не говорилъ, и что было вызвано новыми обстоятельствами. Разсмотримъ подробнѣе содержаніе этихъ проповѣдей, представляющихъ весьма важный матеріалъ для характеристики понятій Оеофана Прокоповича и до сихъ поръ вовсе еще не тронутыхъ нашими изслѣдователями.

Слово въ день коронаціи, 1731 года ¹⁾, начинается риторическимъ обращеніемъ къ государынѣ, для надлежащей оцѣнки котораго слѣдуетъ припомнить, что безсмертный Биронъ въ то время былъ уже въ Россіи: „О чемъ нынѣ всенародно сорадуемся тебѣ и поздравляемъ тебе, то всѣхъ наше общее благополучіе и щастіе; но еще

¹⁾ Слова и Речи, III, 73—81: слово напечатано въ отрывкѣхъ, какъ и другое слово, на новый 1733 годъ, тамъ же, 163—173.

такъ наше общее, что въ тебѣ того корень и не безгорестный, а сладкіе изъ него плоды намъ рождаются. Твой высокомонаршій престолъ тебѣ безпокойство, а намъ покой подаетъ, держава твоя тебѣ тяготу, а намъ облегченіе дѣлаетъ, скипетръ твой тебѣ труды, а намъ безпечаліе приноситъ, корона твоя больше уязвляетъ, нежели украшаетъ главу твою, безчисленными наполняя попеченія, но для чего? Чтобъ главы подданныхъ твоихъ въ тишинѣ и веселіи пребывали“, и т. д. ¹⁾). Затѣмъ проповѣдникъ переходитъ къ своей главной темѣ—къ вопросу о томъ, „изъ чего и для чего вошли въ міръ высочайшія властительства“? Этотъ общій вопросъ, разсматриваемый, какъ увидимъ ниже, въ другихъ проповѣдяхъ со всею подробностью, здѣсь рѣшается такимъ образомъ: конечно, самъ Богъ устроилъ верховную власть, для того, чтобы родъ человѣческой не погибъ окончательно,—проще говоря, для того чтобы люди, въ которыхъ послѣ грѣхопаденія развились всевозможныя страсти и злыя наклонности, другъ друга не перерѣзали, такъ какъ, не будучи подчинены никакой власти, они были бы хуже дикихъ звѣрей: „Верховная въ человѣцѣхъ власть—сія то-есть и злострастіемъ человѣческимъ узда, и человѣческаго сожительства ограда, и обереженіе, и завѣтренное пристанище. Еслибы не сіе, уже бы давно земля пуста была, уже бы давно исчезъ родъ человѣческой. Злобы человѣческія понудили человѣкъ во единъ общества союзъ и сословіе собираться, и предержавшими властью, силою, отъ всего народа, паче же отъ самого Бога данною, вооруженными хранить и заступати себе какъ отъ внѣшнихъ супостатовъ, такъ и отъ внутреннихъ злодѣевъ“.

Но если верховная власть ведетъ свое начало отъ самого Бога, и если установленіе ея служить доказательствомъ особеннаго божественнаго попеченія о насъ, то какъ мы, съ своей стороны, должны поступать, „дабы не вотще было толикое о благоустроеніи жизни нашея Божіе дѣло“? Разъясненію этого вопроса посвящено слово, произнесенное Теофаномъ въ слѣдующемъ 1732 году, также въ день коронаціи, на текстъ: „воздадите кесарева кесареви“ ²⁾). Говоря о пови-

¹⁾ Ср. обращеніе Стевана Яворскаго къ Петру Великому, въ проповѣди 30-го мая 1709 года: «Ты трудишься, а мы трудами твоими почиваемъ, ты на смерть устремляешься, а мы твѣмъ отъ смерти свободны, ты мало спиши, а мы безсонницею твоею смачно высыпаемся; ты алчещи и жаждещи, а мы твоимъ алканіемъ и жаждою учреждаемся, ты печалишися, а мы твоими печальми веселии пребываемъ», и т. д.

²⁾ Слова в Рязи, III, 145—162.

новеніи властямъ, проповѣдникъ приводитъ извѣстные тексты, опро-
 вергаетъ „папское мудрованіе, учащее, аки бы отъ подвластія того
 церковный причетъ изъять и будто бы игу тому не подлежитъ“, и
 доказываетъ, что „на верховной власти основано стоять наше всѣхъ
 общее добро и безпечаліе, тишина, покой, отъ внутреннихъ и внѣш-
 ныхъ напастей пристанище и защита“, повторяя при этомъ и текстъ
 Экклезіаста о „птицѣ небесной“, и разсужденіе о высокомъ цар-
 скомъ титулѣ изъ слова на коронацію Екатерины I. Здѣсь же на-
 ходимъ слѣдующую замѣчательную характеристику льстеца-придвор-
 наго: „Бываютъ человѣцы, толь ослѣпленни самолюбіемъ, такъ кромѣ
 себе ни о чемъ не радяшіи, что имъ какъ весь гражданскій союзъ,
 такъ послѣдовательно и державная власть не токмо судится быти не
 нужна, но и ненадобна... А понеже таковой человѣкъ не можетъ
 себе, каковъ онъ есть, явно оказывать, ибо такъ скоро и достойно
 погибль-бы, весь въ томъ углубленъ, какъ бы, притворнымъ любве ви-
 домъ, высокому лицу приласкаться... напримѣръ, хотя не знаю для
 чего государь разсмѣялся, надобно и самому смѣяться; ничего не
 надлежитъ связывать печальнаго, хотя бы нужда была; хорошо часто
 приносить вѣдомости или дивныя, или пріятныя, хотя ничего не бы-
 вало, погрѣшенія господскія хвалити, проговорки въ мудрость пере-
 толковывать. Настанетъ съ кѣмъ война,—скоро сей другъ повѣститъ,
 что неприятелю нашему всѣ народы инни ругаются, инни сожальютъ,
 что въ явную погибель устремился, да и самого его отъ недоумѣнія
 обморокъ уже зашибаетъ. На трапезѣ (на пиру), еще гораздо и
 не дошедъ, показываетъ видъ безпамятнаго шумства, чтобы простосер-
 дечнымъ и радостнымъ названо его, и что онъ дальнихъ никакихъ
 замысловъ не имѣетъ. Что жъ, когда господину скорбь или болѣзнь
 случится? о, какія слезы, стenanія, воздыханія! да въ близости; а въ
 разстояніи—не то. Бываетъ и то, что плутцы сіи и страсти, господ-
 скимъ страстямъ, и немощи, немощамъ ихъ подобныя притворяютъ.
 Повѣствуется таковое безстудіе о древнихъ персіанахъ, которые ради
 были, когда сынъ родится съ горбатымъ носомъ, для того, что та-
 кой носъ былъ у Кира царя“, и т. д. ¹⁾

Слово заключается „молительнымъ къ Вышнему желаніемъ: сотво-
 рилъ съ нами Богъ по милости своей, оправдавъ царствовать въ насъ
 избранную сію особу, по роду достойну, по благонравію вож-

¹⁾ Слова в Ръчи, I, 221; ср. Кантемира, Сат. III, 275—305, V, 392—398 и VI, 33—56.

делѣннующ... да утвердить же (ее) въ долготу днѣй. Не по однократномъ свѣтилъ російскихъ въ немногая наша времена, за многія грѣхи наша, нашедшемъ западѣ, повелѣлъ возсіати въ насъ сему свѣтозарному солнцу; молимся же прилежно, да не скоро допуститъ солнцу сему окончати теченіе свое, да держитъ его на полудни всѣхъ отечества нашего благополучій“, и пр.

И такъ, Россія, осиротѣвшая по смерти Петра Великаго, теперь снова благоденствуетъ; но „всякое торжество не любитъ ниже малаго противнаго себѣ случая“; небо, освѣщенное „свѣтозарнымъ солнцемъ“, должно быть чисто, безоблачно; другими словами, Россія должна только благодарить Бога, пославшаго ей, послѣ столькихъ испытаній, полное блаженство, должна ликовать и радоваться. На дѣлѣ оказывается однако, что ликованіямъ предаются далеко не всѣ, что нѣкоторые съ сомнѣніемъ относятся къ самому событію, послужившему поводомъ для ликованія, и въ этомъ событіи и его результатахъ не усматриваютъ основанія для восторга. Въ виду этого Теофанъ считаетъ нужнымъ, въ слѣдующій торжественный день—въ день восшествія на престолъ государыни (19-го января 1733 г.), еще разъ повторить свои прежніе аргументы и выступаетъ съ проповѣдью о томъ, что „царская власть собственнымъ промысломъ Божиимъ получается“¹⁾. Указавъ на то, что въ этотъ торжественный день Россія празднуетъ великое торжество—„возращенное отечеству по болѣзни здравіе, по бѣдствіи безпечаліе, по тратѣ бывшихъ благъ—вѣщихъ и лучшихъ приобрѣтеніе“,—проповѣдникъ продолжаетъ: „Но посмотримъ однако—не являются ли нѣкія по сторонамъ мраки и облаки? А я усмотрѣваю, и не малыя, и зѣло смутныя, не на воздухѣ, но во многихъ безумныхъ сердцахъ и помышленіяхъ“. Эти „мраки и облаки“, которые проповѣдникъ желаетъ „далече прогнать и упразднить, чтобы всерадостному торжеству помѣшки не было“, заключаются въ „туманѣ сумасбродныхъ мозговъ“, въ томъ, что существуютъ такіе люди, „безумніи и злосовѣстныи, которымъ о предержавшемъ владѣтельствѣ такъ въ себѣ помышляютъ, что оно получается и имѣется за могущество и силу державныхъ лицъ, а подданныхъ за немощъ и бесиліе: и сіи глупцы ни мало не признаваютьъ разнствія между законными государями, правильно державу пріемлющими, и между тираннами, власть оную покидающими“. Событія 1730 года ясно показываютъ, на кого здѣсь мѣтитъ Теофанъ. Повторивъ обычные тексты

¹⁾ Слова и Речи, III, 175—190.

и „прилога“ изъ Св. Писанія, онъ обращается къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ вступленіе на престолъ государыни: „до сего ея величества державы полученія были ль какія ея искы, происки, мудрованія, тщательства, мнны и машины, какъ бы достать того? какъ могло то быть, когда не было и желанія? какъ же быть могло желаніе, когда и на мысль не приходило... Богъ подалъ ей то, чего она не искала, не желала и не думала; отъ низкаго удолія на верхъ славы возвелъ; состояніе, почитай, ничтожное соравнилъ съ благополучіемъ рѣдкихъ по всей селенной монарховъ“... Эту же мысль о возвышеніи императрицы изъ ничтожества Феофанъ повторяетъ и въ другихъ своихъ проповѣдяхъ въ доказательство особеннаго благоволенія Божія, а можетъ быть, и не безъ задней мысли о своемъ дѣятельномъ участіи въ событіяхъ 1730 года.

Проповѣдь заключается обращеніемъ къ императрицѣ: „Не стужай въ злочлюченіяхъ, не унывай въ навѣтахъ и напастехъ, не бойся отъ слуха зла. Если вторыи находятъ тайныи враги твои—сверщкы то и тараканы, въ щеляхъ гнѣздящися, мервость покажутъ, бѣды не сдѣлаютъ, а сами погибнуть. И хотя бы они тмочисленными были,—имѣешь поборника, предъ которымъ вси они и вси боги ихъ діаволи безсилны и бездѣльны, тля и брєніе, духъ ходяй и не обращайся“. Призывая громы на „малькоитентовъ“, Феофанъ, конечно, прежде всего имѣлъ въ виду своихъ собственныхъ противниковъ, которыхъ всегда старался представить опасными врагами правительства.

Всѣ разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ проповѣди Феофана, произнесенныя въ царствованіе Анны Ивановны, имѣютъ, такимъ образомъ, тѣсную связь между собою, представляя развитіе одной и той же главной мысли. Эпизодомъ къ нимъ служить замѣчательное слово въ день воспоминанія коронаціи, 1734 г.¹⁾, слово, въ которомъ чрезвычайно характерно обрисовывается складъ понятій проповѣдника и его нравственный обликъ.

Россія благоденствуетъ болѣе, чѣмъ когда-либо; но этого мало: нужно, чтобъ она благоденствовала сознательно, чтобъ она умѣла оцѣнить свое блаженство во всей его полнотѣ. Съ этою цѣлью проповѣдникъ беретъ за разъясненіе политическаго вопроса, поставленнаго ходомъ событій за четыре года передъ тѣмъ. Онъ ставитъ свою задачу—„показать доводно и ясно, какъ многополезно есть

¹⁾ Слова и Рѣчи, III, 191—216. Латинскій переводъ этой проповѣди — въ *Miscellanea Saeca*, p. 123—149.

россійскому государству владычество самодержавное, а прочія правленія формы или образы, то-есть, многоличное вельможей правительство, нарицаемое аристократія, или всенародное, воевое демократія, и другіе изъ нихъ составы творимыя были бы у насъ безъ бѣдствія“. Такимъ образомъ, Теофанъ осуществилъ намѣреніе, заявленное въ разказѣ о событіяхъ 1730 г., написать „особливыя доказательства“ выставляемаго имъ положенія. Вопросы о преимуществахъ монархіи вообще предъ всѣми остальными видами правленія онъ уже касался въ словѣ на день рожденія царевича Петра Петровича (1716 г.) и въ „Правдѣ воли монаршей“; но въ разсчитываемой нами теперь проповѣди вопросъ этотъ ставится въ спеціальной формѣ — по отношенію къ Россіи.

Приступая къ рѣшенію этого вопроса, Теофанъ считаетъ нужнымъ сдѣлать оговорку, какихъ прежде, въ подобныхъ случаяхъ, не дѣлалъ: „Да не помыслить кто, яко бы намъ, по нашему званію, и на семь еще мѣстѣ (въ церкви) неприлично въ семь, яко въ мірскомъ дѣлѣ, поучатися... не только не непристойно есть чину пастырскому, но и потребно разсуждати о формахъ владѣнія такъ, какъ должны они изслѣдовати и о всякомъ житейскомъ поведеніи, которое кому неполезное и которое угодное есть къ богоугодному пребыванію, еже уклонятися отъ зла и творити благо“. Подтвердивъ эту оговорку соответствующими текстами, Теофанъ переходитъ къ главному вопросу. „Въ аристократіи“, говоритъ онъ,—„малое число владѣтелей зѣло страшно, чтобъ не согласились на разореніе отечества... какъ много умныхъ, искусныхъ, согласныхъ на добро, нелакомыхъ, ревностныхъ, добро общее выше всѣхъ собственныхъ корыстей своихъ оцѣняющихъ, и умерти паче, нежели отечество до нѣкоего зла допустить готовыхъ,—какъ, глаголю, толь добродѣтельныхъ мужей, да и числомъ многихъ, и во одно время собрати мощно?... Блаженный вонстинну народъ, который бы имѣлъ толь многихъ добрыхъ и мудрыхъ мужей нескудные заводы; но какъ рѣдкое сіе блаженство—всѣмъ то не неизвѣстно. Что же, когда они нѣкимъ рвеніемъ на части расторгнутся и народъ разорвутъ на разныя факціи?... Если же посмотримъ на демократію,—тыя-жь всѣ трудности увидимъ, но зѣло еще тяжчайшія... и не въ примѣръ намъ сосѣды наши (Поляки): стали они между тремя сильными potentатами, изъ которыхъ всякъ другому и третьему на средѣ лежащаго угодія попустить не похощеть. И сей-то триангуль, сей треугольникъ содержитъ ихъ, какъ о томъ премудро разсуждалъ блаженной памяти Петръ Великій“. Проповѣдникъ при-

водитъ разные историческіе примѣры и мнѣнія „любомудрцевъ“, съ цѣлію показать, что монархическое правленіе вообще „благонадежныѣ“ всѣхъ остальныхъ; впрочемъ, говоритъ онъ, — „о семъ дѣлѣ оставляемъ безспорно всякому свое мнѣніе; а по нашему мнѣнію лучше всѣхъ тѣхъ мудрствуютъ, которые не о томъ разсуждаютъ, который образъ правительства лучшій, но о томъ, который сему или другому народу нужнѣйшій и полезнѣйшій быти имѣеть... И симъ мы послѣдуя, разсудимъ о російскомъ нашемъ народѣ“. Оеофанъ не желаетъ доказывать свою мысль общими соображеніями, какими прежде доказывалъ преимущества монархическаго правленія предъ остальными; въ подтвержденіе своей мысли онъ указываетъ на факты, дѣлая, съ этой точки зрѣнія, обзоръ всей русской исторіи, отъ Рюрика до своего времени. Рюрикъ, жившій, по мнѣнію Оеофана Прокоповича, въ восьмомъ столѣтіи по Р. Хр., былъ монархъ, „и отъ него даже до кончины правнука его св. Владиміра стояла въ Россіи монархія или самодержавіе, въ чемъ согласны всѣ лѣтописцы“. Это было время славы и процвѣтанія Россіи. Съ раздѣленіемъ на удѣлы „тѣло всея Россіи приняло на себе видъ аки бы аристократіи“ и начались всевозможныя бѣдствія, которыя, въ концѣ концовъ, привели Россію подъ иго Татаръ. Но Богъ сжаляся надъ несчастною страной, „упразднилъ многоначаліе, а велѣлъ быти самодержавію, и все иное пошло“: Россія снова сдѣлалась сильною и славною державою; иностранныя государства стали бояться ея и заискивать у Русскихъ царей; всѣ непріятели были прогнаны или покорены. „Но и такъ ясный искусъ безпокойныхъ головъ не научилъ, какъ свое добро и зло познати: по истребленіи растрги похотѣлось было нѣкимъ не единоличнаго начальства верховнаго; набирая на царство князя Василія Шуйскаго, склонили или понудили его несамодержавнымъ быти“. Это событіе Оеофанъ разсказываетъ такъ: „Когда оный половинчатый владѣтель вшелъ въ церковь и сказалъ предъ народомъ, что онъ неединовластно царствовать будетъ и то клятвою утвердити хоцетъ, возомилъ весь народъ громкими голосами: не хоцемъ того, не быти у насъ добру, коли такъ, мы къ тому не привыкли. По утишеніи вопля вдругое тожъ сказалъ Василій, да и вдругое противился народъ; сказалъ и втретіе,—опять шумъ сталъ великій, да и то придавано: не клянись на такое дѣло, лучше и не царствовать. Однако, Василій—надѣясь, за страхъ избирателей своихъ—сказуемое намѣреніе утвердилъ присягою. И тако вторгнулась въ Россію аристократія“, а съ нею и все-

возможны бѣдствія. „И не иначе смертоносный мракъ оный прогнать, только отъ сіянія единовластной державы“. Все, что представляетъ теперь Россія — сильное войско, флотъ, завоеванія новыхъ областей, регламенты и уставы, процвѣтаніе наукъ и художествъ — все это—результаты самодержавія. „Пушай кто хоцетъ диспутуетъ и въ разсужденіи трудится, который лучший и который худшій правительства образъ, и который которому народу угодный или противный, а намъ всего того выисканіе стало ненужное, излишнее: научили насъ, что намъ добро и что зло, многолѣтнихъ временъ искусства... Безумный тотъ человѣкъ, который, впадъ въ яму единожды, потомъ и пакы впадаетъ, или повредивъ себѣ вредною пищею, опять до ней охотится; а мы, отвѣдавъ бѣды и волю чрезъ четьреста лѣтъ, не будемъ того памятовати, или еще искати того? Каково же и се глупство—не знати добра настоящаго, да ожидати позванія, когда добра лишился. Се и въ недавныя годы, когда нѣкимъ похотѣлось правительства Шуйскаго, что съ нами быти имѣло, — не трудно всякому разсудити. Но... Богъ наступившее оное бѣдство прогналъ умиравшей монархіи оживленіемъ“, — вручивъ самодержавный скипетръ избранной своей помазанницѣ Аннѣ¹⁾.

Но для того, чтобы доказать справедливость этихъ общихъ разсужденій въ примѣненіи ихъ къ современнымъ событіямъ, Теофану нужно было убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что бѣдствіе, угрожавшее Россіи и устраненное „оживленіемъ умирающей монархіи“, смѣнилось всенароднымъ благополучіемъ, другими словами—убѣдить людей, уже испытавшихъ на себѣ всѣ тягости бирюковского правительства, что это правительство — наилучшее изъ всѣхъ возможныхъ и когда-либо бывшихъ въ Россіи. Этимъ доказательствамъ посвящена вторая часть проповѣди. Если въ первой ея части слышится голосъ человѣка, дѣйствительно убѣжденнаго въ непогрѣшимости защищаемого имъ принципа, то вторая часть представляетъ наглядный при-

¹⁾ Совершенно такое же мнѣніе и съ такимъ же обзоромъ русской исторіи высказано было и Татищевымъ, въ его запискѣ по поводу избранія верховниками новой императрицы, «саго неординарнаго дѣла, какого отъ начала государства въ Руси не бывало». *Нилъ Поповъ*, Татищевъ и его время (М. 1861), 114 — 120; *Соловьевъ*, XX, 267 — 268. «Съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить», говоритъ Татищевъ въ своей *Духовной*, — «никогда не согласишься, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ исторіи нашего государства ясныя приклады показать могутъ».

мѣръ того, до чего можетъ довести желаніе во что бы то ни стало выдержать свое разсужденіе до конца, дѣлая изъ него послѣдовательные практическіе выводы. Эта вторая часть посвящена развитію мысли, часто повторявшейся въ то время придворными панегиристами: „Petrus Magnus, Anna Major“. По словамъ проповѣдника, императрица „колеблющееся наше состояніе утвердила, слабое и ненадежное имперіи подкрѣпила правительствомъ, дополняя въ ней полезныя уставы указами и многими, и здравыми, отвратила вредъ, а подала неисчисленную пользу,—и что больше? славныя Петра Великаго оконченныя дѣла подтвердила, возобновила оставленныя, и что онъ началъ и яко бы безъ покрова оставилъ, иное уже совершила, а иное совершити старается. Но не все еще тутъ: не довольно ей сего, что поврежденное только прежнее возстановити; она возымѣла попеченіе о приращеніи и новой пользѣ своего отечества, ежели что внутрь или извнѣ онаго усмотрѣти только могла“. Слѣдуетъ перечисленіе подробностей: основаніе шляхетнаго корпуса, „приумноженное строеніе и украшеніе“ въ Петербургѣ и Москвѣ; „варварство исчезаетъ, хищенія и разбой на судѣ праведно обличаются, и воровство во всякомъ мѣстѣ искореняется, а наука воинская поощряется и заводятся изрядныя художества“. Даже Персія чувствуетъ, „сколь сильна, премудра, прозорлива и въ дружествѣ нужна сія ироиня“ (императрица), и потому уступаетъ намъ свои земли и заключаетъ съ нами союзъ. Коллегии, суды и сенаты, академія и гимназіи, „все оное въ лучшемъ отъ прежняго состояніи“; указы „непрерывно подаются во общую и собственную всякаго пользу“; правительствомъ заботится о томъ, „какъ предварити недородъ хлѣба, крестьянамъ дати облегченіе, нищимъ подати помощь, сиротъ воспитати, свободити подданныхъ отъ налога—сіе все попеченіе матернее. Что же о бродящихъ духовныхъ, монахахъ и монахиняхъ, о искорененіи гнусной симоніи или святокупства, о проповѣданіи слова Божія своимъ подданнымъ, доселѣ еще Христа не познавшимъ, и къ душеспасительной сей пользѣ изрядныхъ училищахъ? сіе то есть прямое апостольство“. Проповѣдникъ умолкаетъ въ панегирическомъ восторгѣ, восклидая, что никакія похвалы не могутъ описать всѣхъ добродѣтелей государыни. Сознывая свое благополучіе, всѣ Россіяне должны только благодарить Бога, уничтожившаго замысли противниковъ самодержавія¹⁾.

¹⁾ Вижу, мудрость въ поступкахъ твоихъ сколь есть многа,
 Сколь тобой разчищена къ истинѣ дорога,

Намѣренно закрывая глаза на окружающую дѣйствительность эпохи, которую Карамзинъ, въ послѣдствіи, назвалъ „сатурналіями деспотизма“, проповѣдникъ старается все представить въ розовомъ свѣтѣ и не прочь даже набросить тѣнь на предшествующее время (которое прежде самъ же превозносилъ похвалами), лишь бы только доказать благотѣльность совершившагося переворота для Россіи. Въ этомъ отношеніи Теофанъ поступалъ, какъ опытный и ловкій льстецъ, очень хорошо знавшій, какія рѣчи могутъ заслужить вниманіе и благосклонность. Кантемиръ, восхваляя Анну Ивановну, въ концѣ концовъ, все-таки сознается, что онъ льститъ, — ибо „какъ же, не похлебствовать, составить рѣчь красну?“ Теофанъ не прикрывается требованіями искусства и серьезно увѣряетъ, что языкъ человѣческій не въ состояніи выразить „крайняго благополучія и счастья“ Россіянъ...

Изъ другихъ проповѣдей, произнесенныхъ Теофаномъ въ царствованіе Анны Ивановны, слѣдуетъ отмѣтить „Слово торжественное о взятіи города Гданска“ (1734 г.). Какъ политическое разсужденіе, это слово стоитъ гораздо ниже однородныхъ произведеній Прокоповича, относящихся ко временамъ Петра Великаго; объясненіе причинъ войны здѣсь элементарно до крайности. Если вѣрить проповѣднику, то все дѣло заключалось въ безсовѣстности и безстыдствѣ враговъ Россіи, которые сговорились напасть на нее, не рассчитывая встрѣтить сильнаго отпора. „Разглашivano настоящую войну весьма легку и побѣду готову безстуднымъ жесловесіемъ, будто бы сила россійская съ Петромъ Великимъ умерла, все уже упущено, нѣтъ ни храбрости, ни ученія, русскій солдатъ и артикулы воинскіе позабылъ, хотя и правду сказать, что сіи ихъ погудки и не далеко отъ

Раззнаю въ лицѣ людей, что сердца вѣщаютъ,
 Вижу, что россіяне скачутъ, не вдыхаютъ!
 Звукъ поющихъ, радостныя возгласы до ада
 Пронзая, взбудить могутъ адамовы чада;
 Смысли и веселія — довольствія знаки —
 Блестательны подданныхъ твоихъ творятъ зраки...

Виргилій, да и тому надобно подумать,
 Что достойное для сей Августы придумать;
 Не успѣлъ бы онъ стиховъ такъ скоро прибрать,
 Какъ сія злыя нравы можетъ скоренати.

Кантемиръ, Сочиненія, 305—406.

истины носились; да за нѣсколько лѣтъ назадъ...¹⁾ Но Богъ защитилъ свою Россію и прославилъ ее побѣдою надъ злыми врагами¹⁾.

Въ только что приведенныхъ словахъ заключается похвала новому правительству на счетъ прежняго. Похвалами, и притомъ очень напыщенными, слово и начинается, и кончается; превознося славу русскаго оружія, Феофанъ сравниваетъ императрицу съ Иисусомъ Навиномъ, взявшимъ Іерихонъ, и пр.

Остальные проповѣди Феофана имѣютъ характеръ отвлеченно-правонаучительный, безъ всякаго отношенія къ современной проповѣднику дѣйствительности. Впрочемъ, въ одной изъ нихъ, произнесенной вскорѣ послѣ воцаренія Анны Ивановны, 23-го марта 1730 года²⁾, заслуживаетъ вниманія юмористическая характеристика временщика, въ которой Феофанъ, мимоходомъ, уязвилъ своего бывшаго милостивца, въ то время уже сосланнаго въ Сибирь, Меншикова: „Когда слухъ пройдетъ, что государь кому особливую свою являетъ любовь, какъ вси возмнутся! — вси къ тому на дворъ, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, служить ему и умирати за него будто бы готовы, и тотъ службы его исчисляетъ, которыхъ не бывало, тотъ красоту тѣла описуетъ, хотя прямая харя, тотъ выводитъ рода древность изъ-за тысячи лѣтъ, хотя бы былъ харчевникъ или пирожникъ; такъ что уже многіи въ народѣхъ государи народное сіе безуміе нарочно себѣ въ забаву употребляютъ. Но хотя бы и прямо кто и достойно возлюбленъ былъ отъ толпныхъ лицъ — тебѣ что изъ того? то чуждее, то не твое щастіе. — Да однакожь. — Да чтожь однакожь? — Чтобъ слово доброе заложилъ, или хотя бы не повредилъ. — Правда. А съ тѣмъ, кто въ такое добро вбрелъ, что дѣлается — тотъ уже и самъ себя забивъ, кто онъ, невѣдомо что о себѣ мечтаетъ. Между тѣмъ отъ зеркала не отступить и дѣлаетъ экзерцицію, какъ бы то честно и страшно являти себе, какъ то и силѣти, и похаживати, и постанивати, и поглядывати, и поговаривати...“³⁾.

¹⁾ Слова и Речи, III, 233—243.

²⁾ Слово въ день страстей Христовыхъ, Сл. и Р., 37—45.

³⁾ Нужно часто помыгать, небылицу вѣрять, Большу, чѣмъ что скорлупой можно море смѣрять; Господскую сносить спѣсь, призаывать, что родомъ Моложе Владиміра однимъ только годомъ,

Литературная дѣятельность Теофана въ этотъ послѣдній періодъ его жизни была вообще не обширна; она почти исчерпывается перечисленными выше проповѣдями. Какъ первенствующій членъ синода, онъ старался, пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ, поднять значеніе этого учрежденія, почти совершенно ступшевавшагося при Петрѣ II, и написалъ нѣсколько разсужденій (не для печати) по вопросамъ церковной администраціи (о присутствованіи въ синодѣ большому числу изъ архіереевъ, о бытіи въ синодѣ непремѣннымъ членамъ, о жалованьѣ членамъ синода), въ которыхъ выступаетъ защитникомъ самостоятельности духовной коллегіи; онъ заботился также и объ исправленіи текста славянской Библии; по словамъ одного иностраннаго путешественника, бывшаго въ то время въ Россіи, одно время очень надѣялись, что при помощи Теофана будетъ издана вся Библия на славянскомъ и русскомъ языкахъ, съ примѣчаніями; но со смертію его это дѣло затормозилось и потомъ получило иное направленіе ¹⁾.

Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ кастанъ сврой,
Кривую жену его называть Венерой
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалить остроу природну,
Не звать, когда онъ самъ несетъ сумасбродну...
...
Всѣ жъ тѣ труды, наконецъ, въ надеждѣ оставлятъ,
Иль въ удачу тебѣ чинъ маленькій доставятъ.
...
Всѣ его, какъ бы божка, кадятъ и чтить тцатся,
Всѣ больше, чѣмъ пугала вороны, боятся...

Кантемиръ, Сат. VI, 41—56, 75—76.

Ср. еще Сат. II, 25—29, и V, 376—398.

¹⁾ *Peter von Haven*, Reise in Russland, Copenhagen, 1744, s. 19. Впрочемъ, эти заботы Теофана вызывали неудовольствіе въ средѣ его противниковъ, какъ лютеранскія затѣи. Прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ, но *Кантемиръ*, конечно, не даромъ говоритъ, отъ имени хавшей и суевѣровъ, о вредѣ чтенія Библии: «дѣти наши... теперь, къ церкви соблазну, библию честь стали» (I, 32); мужикъ-богословъ жалуется,

«На что библию отдають въ печати,
Котору христіанамъ больно грѣшно знати?..
Ой, нѣтъ, надо библии убѣгать, какъ можно,
Бо зачитавшися въ ней, пропадешь безбожно».

(IX, 19—20, 35—36).

Впослѣдствіи Арсеній Мацѣевичъ говорилъ, что «если разсудить въ тонкость, то Библия у насъ и не особенно нужна. Ученый, если знаетъ по гре-

Тотъ же писатель оставилъ намъ извѣстiе, что Феофанъ Прокоповичъ всегда очень интересовался протестантскою богословскою литературою, и что по его желанiю iеромонахъ Симонъ Тодорскiй (впослѣдствiи—епископъ Владимiрскiй), находившiйся въ Галле, перевелъ съ нѣмецкаго и напечаталъ въ этомъ городѣ (въ июнѣ 1735 г.) книгу Иоанна Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“, пользовавшуюся въ Германiи, въ XVII и XVIII столѣтiяхъ, громкою извѣстностью и выдержавшую, кажется, сотни изданiй¹⁾. По всей вѣроятности, именно эта громкая извѣстность книги Арндта и побудила Феофана, не знавшаго по нѣмецки, просить Тодорскаго о ея переводѣ; но своимъ содержанiемъ книга эта едва ли могла удовлетворить Прокоповича, какъ сочиненiе шетистическое. Въ 1743 году, при Елизаветѣ, синодъ, въ числѣ членовъ котораго былъ и Симонъ Тодорскiй, донося императрицѣ о книгахъ, „противныхъ вѣрѣ и нравственности“, осудилъ и это сочиненiе наравнѣ съ книгою Фонтенелля „О множествѣ міровъ“, переведенною Кантемиромъ, вслѣдствiе чего онѣ были запрещены, „яко вѣрѣ святой противныя и съ честными нравами несогласныя“, и было рѣшено „россійскимъ подданнымъ, посылающимся для ученiя и прочихъ дѣлъ въ иностранныя государства, будучи тамъ и внутри Россiи, никому таковыхъ богословскихъ книгъ на російскiй диалектъ переводить наискрѣпчайше запретить“.

Сочиненiе Арндта пользовалось впослѣдствiи, у нашихъ мистиковъ и масоновъ, особеннымъ уваженiемъ. Въ концѣ прошлаго столѣтiя оно было вновь переведено Иваномъ Тургеневымъ²⁾ и издано два раза—въ 1784 и 1801 гг.

Какъ человекъ ученый, Феофанъ нерѣдко исполнялъ различныя порученiя, какія въ то время обыкновенно давались ученымъ людямъ: просматривалъ оригинальныя и переводныя сочиненiя, предназначаемыя для печати, исправлялъ и совершенствовалъ проекты фейервер-

---

чески, греческую и будетъ читать, а ежели по латыни, то латинскую, съ которою для себя и для поученiя народу, російскую, какая ни есть Библия, будетъ исправлять. Для простаго же народа довольно въ церковныхъ книгахъ отъ Бабліи вмѣстѣся (Чистовичъ, 403).

¹⁾ «Чтири книги о истинномъ христіанствѣ, въ Галлѣ, 1735». Первое изданiе оригинала вышло въ 1605 году. См. *Библиогр. Записки*, III (1861), стр. 36 и сл., статью *Пекарскаю*, «О русск. книгахъ, напечатанныхъ въ Галлѣ въ 1735 году», и *Чтенiя Общ. Ист.*, 1867, I, смѣсь, стр. 7 — 8, а также П. С. З., 1743 г., 9-го декабря, и *Сопикова*, Опытъ Росс. Вибл., III, №№ 4956, 4957.

²⁾ Дядомъ знаменитаго романиста.

ковъ и иллюминацій, сочиненіемъ которыхъ спеціально занималась академія наукъ; въ свободное время писалъ латинскіе и русскіе (силабическіе) стихи, то религіознаго, то шутивлаго содержанія ¹⁾. Незадолго до смерти онъ сталъ писать особый трактатъ объ антихристѣ, съ цѣлью доказать, что антихристъ есть папа; но сочиненіе это осталось не оконченнымъ ²⁾. Поводомъ къ нему послужило, по всей вѣроятности, распространеніе раскольничьихъ тетрадей, въ которыхъ тексты Св. Писанія объ антихристѣ примѣнялись къ Петру I или къ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. По этому же поводу, какъ извѣстно, Стефанъ Яворскій еще въ 1703 году составилъ, по сочиненію католическаго ученаго Фомы Мальвенды, книгу „Знаменія пришествія антихрестова и кончины вѣка“, которая перепечатывалась впоследствии много разъ ³⁾. Но книга эта была составлена до такой степени неудачно и неубѣдительно, что капитанъ Левинъ, всенародно въ 1722 году провозгласившій въ Пензѣ воцареніе антихриста, показывалъ на судѣ, что онъ „приведенъ былъ въ соблазнъ оною книгою Яворскаго“ и утверждалъ на ней свои мнѣнія. „Молотокъ“ сообщаетъ, что и самъ Стефанъ, впоследствии „прегрѣшеніе свое вида, недознаніемъ и простотою извинился и просилъ прощенія“. По словамъ того же „Молотка“, эта книга „довольно буетсловіемъ, неже богословіемъ, баснословіемъ паче, неже письмомъ святымъ, злобою паче, неже любовію, краснорѣчіемъ и софизмами, нежели истиннымъ христіанскимъ ученіемъ преисполнена, и невѣдущимъ токмо писанія и силы можетъ къ суевѣрью на утвержденіе, другимъ же соблазнъ и погубель“. Раскольники сумѣли по-своему воспользоваться этою книгою, написанною въ обличеніе ихъ заблужденій, и въ „Сказанія объ антихристѣ, еже есть Петръ I приурочили личность этого государя къ признакамъ истиннаго антихриста, перечисленнымъ у Яворскаго ⁴⁾.

¹⁾ Чистовичъ, 596—602.

²⁾ Показаніе прореченнаго прежде въ словесѣхъ Божіихъ издавна уже явившагося въ мірѣ великаго антихриста, чрезъ характеры его въ св. писаніи предложенные и по явленію его отъ многихъ прешедшихъ лѣтъ узанные и нынѣ ясно видимые на немъ. По словамъ митр. Евгенія, читавшаго этотъ трактатъ въ рукописи, Прокоповичъ «расположилъ свое сочиненіе на двѣ части, и въ первой исчислялъ безвѣщивно отличительныя свойства антихриста, означенныя въ св. писаніи, а во второй части намѣренъ былъ примѣнить оныя къ папѣ; но трактатъ сей остался неоконченъ, и написано только первой части шесть и вѣсколько седьмой главы» (Словарь дух. пис., изд. 1818 г., стр. 699).

³⁾ Лекарскій, Н. и Л., II, № 67, упоминаетъ Кіевское изданіе 1843 года.

⁴⁾ Чтенія Общ. Ист., 1863, I; Христ. Чтеніе 1863, № X, 220—224.

Феофанъ Прокоповичъ, опровергая это мнѣніе, имѣлъ въ виду мысль, уже не новую въ нашей литературѣ (отожествленіе папы съ антихристомъ было въ ходу у южно-русскихъ ученыхъ XVII вѣка, въ полемикѣ ихъ съ католиками и уніатами) и воспользовался, по всей вѣроятности, подходящими сочиненіями протестантскихъ писателей.

Феофанъ Прокоповичъ умеръ 8-го сентября 1736 года, на 56-мъ году своей жизни. Преданіе сохранило его предсмертныя слова: „О, главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?“ Положеніе человѣка, „упившагося разумомъ“, было въ ту пору, дѣйствительно трагическое. Если Петръ Великій цѣнилъ науку, видя въ ней силу, которая можетъ служить интересамъ государства, то преемники его не обращали на нее, въ сущности, вниманія, и если иногда оказывали ей поощреніе, то лишь потому, что отступать съ дороги, проложенной Петромъ, было не возможно. Люди, отъ которыхъ зависѣла судьба русской науки и литературы, интересовались ею, какъ интересуются всякимъ курьезомъ, раритетомъ, фокусомъ: ученый человѣкъ могъ, при случаѣ, сочинить рѣчь или стихи на разныхъ языкахъ, показать занимательный физическій опытъ или „изобрѣсти“ миеологическій транспарантъ для иллюминаціи, изрѣдка — перевести книгу, которая почему-либо показалась заслуживающею вниманія; больше отъ него ничего не требовалось; а если онъ дѣлалъ что-нибудь еще, по собственной охотѣ, то это, до извѣстной степени, терпѣлось, какъ ученое чудачество. Научнымъ занятіямъ, пожалуй, даже покровительствовали—на столько, на сколько это нужно было для того, чтобы за границей стали говорить и писать, что въ Россіи науки процвѣтаютъ; при этомъ, однакоже, ученый иностранецъ, обязавшійся по контракту „расширять науки и дѣлать новыя декуверты“ въ нашемъ отечествѣ, не имѣлъ права сообщать за границу о результатахъ своихъ изслѣдованій, чтобы не причинить Россійскому государству какого-нибудь ущерба. Наука, за которую государство платило иностранцамъ жалованье, считалась, такимъ образомъ, казенною вещью; распространеніе знаній въ Россіи встрѣчало часто непреодолимыя препятствія со стороны тѣхъ самыхъ лицъ, которыя были призваны ему содѣйствовать, и въ глазахъ которыхъ, конечно, „столбъ философіи кафтавъ, шитье богато...“¹⁾ Литература тоже считалась казенною вещью, но вещью еще болѣе бесполезною, чѣмъ наука; впрочемъ, литература, какъ орудіе для раз-

¹⁾ Очень интересныя въ этомъ отношеніи факты сообщены *Пекарскимъ* въ *Ист. Акад. Наукъ*, т. I, отд. 1.

вѣтія новыхъ идеаловъ, внесенныхъ въ русскую жизнь реформою Петра, въ ту пору почти и не существовала; она только что еще зарождалась въ переводахъ иностранныхъ сочиненій, въ проповѣдяхъ Теофана Прокоповича, въ рукописной сатирѣ Кантемира, въ трудахъ Тредиаковскаго надъ хаотически-искусственной книжною рѣчью. Тѣ немногіе люди, которые сознавали силу науки и необходимость просвѣщенія, всѣми силами отстаивали свои идеалы, боролись съ окружавшимъ ихъ презрительнымъ равнодушіемъ—и какъ Кантемиръ—горько жаловались на то, что наука не находитъ себѣ пріюта въ обществѣ, что она никому не нужна,

.....ободрана, въ лоскутахъ обшита,

Изъ всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,

Знаться съ нею не хотять, бѣгутъ ея друзья....

Передѣлка Россіи на европейскій ладъ, энергично начатая Петромъ, имѣла для общества такіе же результаты, какъ и введеніе христіанства Владиміромъ: она произвела особаго рода двоевѣріе. Какъ прежде, человекъ, будучи по внѣшности, христіаниномъ, въ сущности продолжалъ оставаться первобытнымъ язычникомъ, такъ и теперь явилось множество людей, блиставшихъ снаружи европейскимъ лоскомъ, а внутри пустыхъ и невѣжественныхъ. Представители допетровской старины чуждались науки изъ суевѣрной боязни всякаго реального знанія, боязни, которая въ продолженіе многихъ вѣковъ внушалась имъ ихъ руководителями, проникнутыми византизмомъ; заурядные люди новаго поколѣнія видѣли въ наукѣ тяжелую казенную повинность, цѣль и значеніе которой было для нихъ непонятно, и отъ которой они всѣми силами старались отдѣлываться; для нихъ это была форма, принятая насильно и остававшаяся мертвою и безсодержательною. Только немногіе, лучшіе люди, благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ и счастливой случайности, могли всею душою воспринять новыя идеи и понять ихъ значеніе, могли проникнуться жаждою образованія, развить въ себѣ интересы высшаго порядка; но и эти пионеры новой Россіи не могли оставаться на идеальной высотѣ, не видя вокругъ себя почти никакого сочувствія, никакой поддержки; имъ приходилось дѣлать много вольныхъ или невольныхъ уступокъ окружавшей ихъ дѣйствительности—и въ борьбѣ съ противниками, и въ своихъ отношеніяхъ къ власти, требовавшей отъ нихъ не разсужденій, а только „должнаго рабскаго респекта“. Для того, чтобы поставить цѣлью своей жизни распространеніе въ обществѣ просвѣщенія, чтобы неуклонно проводить въ жизнь высшіе идеалы,

не имѣя даже надежды, что этотъ голосъ будетъ кѣмъ-нибудь услышанъ, и притомъ ни разу не измѣнить себѣ, для этого въ ту пору нуженъ былъ особенный, беззаветный героизмъ, какимъ люди перваго послѣ-петровскаго поколѣнія, конечно, не могли обладать. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, передовые Русскіе люди этого поколѣнія—Оеофанъ Прокоповичъ, Кантемиръ, Татищевъ—были, все-таки, неизмѣримо выше своихъ современниковъ, и вкладъ, внесенный ими въ дѣло развитія русской мысли, не пропагъ даромъ.

Оеофанъ Прокоповичъ, высоко цѣнившій знаніе и просвѣщеніе, не могъ не относиться съ живымъ интересомъ къ тому, что дѣлалось въ Россіи для развитія въ обществѣ зрѣлыхъ понятій, и по мѣрѣ силъ старался содѣйствовать всѣмъ предпріятіямъ этого рода. Съ перваго дня открытія въ Петербургѣ академіи наукъ, онъ завелъ сношенія съ поселившимися въ Россіи иностранными ученými, общалъ имъ интересовавшіа ихъ свѣдѣнія, книги и пр.; его библиотека—единственная въ своемъ родѣ, потому что она заключала въ себѣ до 30 тысячъ томовъ—была открыта для ученыхъ, желавшихъ ею пользоваться, и его совѣты нерѣдко были для нихъ важнымъ подспорьемъ, какъ говоритъ Байеръ въ предисловіи къ своему „Musœum Sinicum“, книгѣ, посвященной Оеофану. Другой академикъ, Гольдбахъ, сообщаетъ, что Оеофанъ всегда съ отеческою любовью слѣдилъ за академическими работами и оказывалъ членамъ ученой корпораціи всякое благоволеніе. Извѣстно также, что Прокоповичъ рекомендовалъ въ академики ученаго, вполне оправдавшаго эту рекомендацію—Стеллера, и многимъ оказывалъ, въ нуждѣ, матеріальную помощь (между прочимъ, Мессершмидту, извѣстному путешественнику по Сибири). Съ своей стороны, и академики относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и отзывались о немъ всегда со всевозможными похвалами ¹⁾.

Съ такимъ же живымъ интересомъ и участіемъ относился Оеофанъ и къ литературѣ, желая видѣть въ ней выразительницу новыхъ идей. Онъ близко сошелся съ молодымъ поборникомъ просвѣщенія, Кантемиромъ, который рѣшился возвысить голосъ въ защиту науки въ тяжелое для нея время. Общіе интересы, сходство убѣжденій и одинаковый складъ ума обоихъ писателей закрѣпили дружескіа отношенія между ними. Кантемиръ скоро подпалъ подъ вліяніе Про-

¹⁾ Подробности см. у Чистовича, 617—625 и у Пекарскаго, Ист. Акад. Наукъ, т. I, по указателю, подъ сл. Прокоповичъ.

коповича; почти во всѣхъ своихъ сатирахъ онъ указываетъ на тѣ же самые факты, развиваетъ тѣ же идеи, какія были предметомъ похвальныхъ и торжественныхъ проповѣдей Теофана. Уже въ первой сатирѣ мы видимъ слѣды этого вліянія: изображая невѣждъ, презрительно отзываются о наукѣ, авторъ выводитъ, между прочимъ, епископа, имѣющаго, какъ сказано въ примѣчаніи много сходства съ Д***, который „въ наружныхъ церемоніяхъ поставялъ всю первосвященства должность, а существенную, которая есть душеспасительными поученіями къ добродѣтели наставлять паство свое, презиралъ“. Въ этой характеристикѣ не трудно узнать врага Теофанова, Георгія Данькова, надъ которымъ и Кантемиръ, и Прокоповичъ вдоволь насмѣялись въ своихъ стихотвореніяхъ. Далѣе, дореформенный Сильванъ говоритъ, какъ мы уже замѣтили выше, почти то же и почти тѣми же словами, что „идіотъ“ въ одномъ изъ разговоровъ Теофана; опровергая ходячее мнѣніе, что „расколы и ереси науки суть дѣти“, Кантемиръ (въ примѣчаніи) почти дословно повторяетъ сказанное въ „Духовномъ Регламентѣ“¹⁾. Ханжа Критонъ, который перебирая четки, ворчатъ на новые порядки, на то, что „дѣти наши

. . . къ церкви соблазну библию честь стали,
Толкують, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подаа священному чину,

а главное — „мірскую въ церковныхъ властѣ рукахъ лишну чають“, этотъ ханжа, вдыхающій о добромъ старомъ времени,—одинъ изъ любимыхъ типовъ Прокоповича, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ характеризовавшаго своихъ противниковъ, представителей старо-церковной партіи. Какъ враги образованія, эти люди встаютъ и противъ проповѣди, замѣчая, что

Казанье писать — пользы нѣтъ ни малой вѣры:
Есть для исправленія нравовъ Камень Вѣры.

Этой характеристикой Кантемиръ язвитъ сторонниковъ Стефана Яворскаго. Исправленіе нравовъ въ смыслѣ „Камня Вѣры“ означало изгнаніе иностранцевъ, въ особенности—Нѣмцевъ, и возвращеніе къ вре-

¹⁾ «Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди, однакожь отъ того не слѣдуетъ, что тому причина была ихъ наука, понеже много ученыхъ, которые не были еретики... Между тѣмъ и то примѣтно, что въ Россіи расколы больше отъ глупости, чѣмъ отъ ученія рождаются; суевѣріе же есть истое невѣжество порожденіе». *Кантемиръ*, Соч., стр. 26. Ср. еще *Теофана Слова и Рѣчи*, I, сл. 12, и II, сл. 1 и 17. Выше нами приведено много выписокъ изъ сочиненій Теофана о пользѣ науки.

менаѣ патриаршества: идея, которая при Петрѣ II получила, какъ мы видѣли, особенную силу.

Общій тонъ первой сатиры Кантемира—горькая жалоба на пренебреженіе къ наукѣ во всѣхъ классахъ общества, на то, что „злыхъ слова умными владѣютъ“, что невѣжество занимаетъ привилегированное положеніе, вполне соответствовавшее личному настроенію Феофана въ это, тяжелое для него, время, когда онъ, обращаясь къ молодому сатирику, писалъ:

Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,—
 Все несчастье,
 Нѣтъ и надежды, о, многобѣдно
 Мое счастье. . .
 Прошелъ день пятый, а водъ дождевныхъ
 Нѣтъ стѣны,
 Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ,
 И кручины. . .

а Кантемиръ утѣшалъ его, издѣваясь надъ „славнымъ воромъ Егоромъ“, и указывая на приближеніе Діаны, готовой истребить звѣрей, вредящихъ стаду пастыря, пророчилъ ему скорое наступленіе красныхъ дней ¹⁾). Роль Кантемира въ событіяхъ при воцареніи Анны

¹⁾ *Кантемиръ*, стр. 283 — 288. Замѣтимъ, кстати, что известные стихи въ «Erodos consolatoria» Кантемира:

«Сенька и Федька когда пѣснь пѣли
 Предъ тобою,
 Какъ намазаны двери скрипѣли
 Ветчиною»—

кажутся намъ недостаточно объясненными. Н. С. Тихонравовъ видитъ въ «Сенькѣ» намекъ на Симеона Полоцкаго (*Библиогр. Зап.*, (1859) 67), а Пекарскій въ «Федькѣ»—на Поликарпова (34-е принужденіе демид. награды (С.-Пб. 1866), 135). Сравненіе Феофана съ Симеонъ Полоцкимъ очень странно; Симеонъ давно умеръ, дѣятельность его была совершенно иная, и главное — съ точки зрѣнія Феофана не могла заключать въ себѣ ничего предосудительнаго; едва ли можно думать, что Кантемиръ хотѣлъ указать на превосходство *стиховъ* Феофана предъ стихами Полоцкаго,—это указаніе было бы слишкомъ мелко и незначительно; смыслъ словъ Кантемира, кажется, тотъ, что Феофанъ всей своей дѣятельностью и своими дарованіями стоитъ несравненно выше «Сеньки и Федьки»; эти уничижительныя имена обозначаютъ, конечно, противниковъ Прокоповича, неугодно и неудачно соперничавшихъ съ нимъ. Если такъ, то и Федоръ Поликарповъ едва ли можетъ идти въ сравненіе съ Прокоповичемъ: это личность слишкомъ мало замѣтная, и притомъ въ борьбѣ съ Феофаномъ не принимавшая никакого участія. Не слѣдуетъ ли, вмѣсто «Сенька» читать «Стенька», что означало бы Степана Яворскаго? Въ такомъ случаѣ и «Федька», можетъ быть,—Феодосій Яновскій?

Ивановны, имѣла такой же характеръ, какъ и роль Теофана; оба они шли къ одной цѣли, что, конечно, должно было еще болѣе сблизить ихъ.

Прочитавъ первую сатиру Кантемира, Теофанъ прислалъ ему похвальные стихи, въ которыхъ совѣтовалъ ему открыто выступить на борьбу съ невѣжествомъ и порокомъ, „плюнуть на грозы сильныхъ глупцовъ“ и идти славнымъ путемъ, „коиимъ книжные текли исподлины“:

Пусть весь міръ будетъ на тебѣ гнѣвливый,—
Ты и безъ счастья довольно счастливый!

Во второй сатирѣ—„На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“—Кантемиръ, мимоходомъ, задѣваетъ враговъ Теофана—„Егора“, который „чиня патріаршъ достати ища, конный свой заводъ раздарилъ некстати“, и Меншикова:

Кто не всё еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, «сальныя—крича—ясно свѣчи
Горять», кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,—
Тотъ, на высову степень вспрыгнувши, блистаетъ ¹⁾. . .

нападаетъ на свѣтское двоевѣріе, на полуобразованное невѣжество ²⁾ и въ лицѣ Блита восхваляетъ „беззлобное притворство, которое правоучители добродѣтелью почитаютъ, подъ именемъ *simulatio* и *dissimulatio*“; царедворецъ, по мнѣнію Кантемира, долженъ „занять у Блита умѣренность въ словахъ, и лицо, которое могло бы свободно и печальнымъ и радостнымъ казаться, примѣняясь по лицу тѣхъ, съ которыми находимся:

Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчать, виновенъ не сталъ ³⁾...

Мы видѣли, что это мнѣніе раздѣлялъ и Теофанъ Прокоповичъ, хотя и осуждавшій подобострастіе, выражающееся въ грубой формѣ. Для

¹⁾ Сат. II, 25—29.

²⁾ Ср. Сат. IV, 145—148:

....глупецъ, что губы чуть показавъ въ латину,
Хвастаетъ наукою и ищетъ причину
Безвременно всѣмъ скучать долгими рѣчами,
Ѣсть и пьетъ аргументомъ, говоритъ стихами...

Здѣсь почти буквально повторяются слова Прокоповича³⁾

³⁾ Сат. II, 324—326 и примѣч. къ ст. 319.

людей того положенія, въ которомъ онъ находился, эта мораль могла, пожалуй, считаться идеальной...

Третья сатира Кантемира—, «О различіи страстей человѣческихъ»— прямо посвящается Θεοφάνу Προκοποβιτчу:

Дивный первосвященникъ, которому сила
Высшей мудрости свои тайны всѣ открыла,
И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отчего бываютъ,—
Θεοφάνъ, которому все то далось знати,
Здрава челоуѣка умъ что можетъ поняти—

такъ обращается сатирикъ къ своему патрону, о которомъ дальше говорить, что онъ

Пастырь прилежный, своею о стадѣ радѣеть
Недремно, спасенія сѣмя часто сѣетъ
И растить примѣромъ онъ, такъ какъ словомъ, тѣтитъ;
Главный и церкви всея правитель, садится
Не напрасно предъ царемъ; церковныя славы
Пристожно защитникъ онъ, изнуренны нравы
Исправляетъ пастырей, и хвальный чинъ вводитъ;
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ исходитъ
Изъ его устъ, и ведетъ въ истинну дорогу;
Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость; потекутъ оттуду приличны
Намъ струи; труды его безъ конца различны¹⁾.

Сатира состоитъ изъ характеристикъ, взятыхъ, большею частью, съ натуры; изъ нихъ нѣкоторые напоминаютъ подобныя же характеристики въ проповѣдяхъ Θεοφάνα Προκοποβιτча: таковы изображенія льстеца Трофима (ст. 275—305) и ханжи Варлаама (ст. 159—186), который, по справедливому указанію г. Чистовича, представляетъ собою Варлаама, архимандрита Троицкаго, духовника Анны Ивановны и одного изъ претендентовъ на патриаршество, слѣдовательно — врага Θεοφάнова²⁾.

Въ то время, когда Θεοφάνъ велъ дѣятельную борьбу съ своими противниками, Кантемиръ осмѣливалъ ихъ въ сатирахъ, и поддерживая Θεοφάна, давалъ ему такіе совѣты:

Кто дѣло свое вершивъ, утвердить желаетъ
Въ долги вѣки, долженъ все, что тому мѣшаетъ,

¹⁾ Сат. III, 1—6 и 361—372. Въ примѣчаніи къ этимъ стихамъ Кантемиръ даетъ краткую біографію Θεοφάна и перечисляетъ нѣкоторые его сочиненія.

²⁾ Θ. Προκοποβιτчу, 273. Ср. примѣчанія Кантемира къ сат. III.

Отдавать и что вредить,—искоренять скоро;
 Безъ того дѣло его не можетъ быть споро ¹⁾.

Послѣ переворота 1730 года онъ, также какъ и Теофанъ, надѣвался надъ неудачнымъ исходомъ дѣла верховниковъ, внушая имъ, что

Кто древо, какъ говорятъ, не по себѣ рубить,
 Тотъ, большого не доставъ, малое погубить ²⁾.

Восхваляя „мудры указы Петровы“, обновившіе Россію и направившіе ее на путь славы и просвѣщенія (Сат. II, 283—286, VII, 65 и сл.), Кантемиръ, можно сказать, на все окружающее смотритъ точно также, какъ и Теофанъ, и въ своихъ сатирахъ подробно развиваетъ идеи и взгляды проповѣдника. Это можно прослѣдить даже и въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, отзывы Кантемира о духовенствѣ, какъ о партіи ретроградной, невѣжественной, грубо-эгоистичной, совершенно совпадаютъ съ отзывами Теофана, отличаясь отъ послѣднихъ только большею непринужденностью. „Пастыри душъ“, обязанные заботиться объ исправленіи нравственности, молчать, не желая навлекать на себя неудовольствія:

Зимой дровъ никто не дастъ, ни льду въ лѣтню пору;

церковь—или пуста, или полна людьми, пришедшими туда для постороннихъ цѣлей, и почти никто не слышитъ молитвы, которую попъ „ворчитъ, спѣша сумасбродно“; молебны онъ отправляетъ „съ необязатною скоростію“, чтобы побольше заработать; хвалитъ только тѣхъ, которые увеличиваютъ его доходы; а именно на этихъ доходахъ, а не на чемъ-нибудь иномъ, не на нравственномъ авторитетѣ, основаны „лучшія права“ церкви и вся ея слава. Попы „обычайно всю (Святую) недѣлю жадно для своей корысти по всѣмъ дворамъ Христа славятъ“; между ними рѣдко бываетъ согласіе, „понеже одного ремесла люди въ обществѣ безъ зависти пробыть не могутъ“; они прозорливы и развратны подъ личиною ханжества; при этомъ они невѣжественны: „многіе изъ нихъ лучше знаютъ, какъ звонить, нежели что читать“; попы и монахи—„толпа людей брадатыхъ, черною главою кивающихъ“, главные противники просвѣщенія и прогресса, потому что они, „всякой науки лишены будучи, всякое мнѣніе, имъ неизвѣстное, за богохульное почитаютъ“; достаточно сравнить всѣ эти выраженія съ „Регламентомъ“ и книгой Теофана о

¹⁾ Соч., стр. 327.

²⁾ Тамъ же, стр. 329.

блаженствахъ, чтобы видѣть, откуда идутъ взгляды Кантемира на современное ему духовенство ¹⁾).

Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ сатира IX — „на состояніе свѣта сего“, представляющая, можно сказать, переложеніе въ стихи проповѣдей Феофана. Авторъ говоритъ о суетвѣрияхъ и расколахъ:

Мужикъ, который соху оставилъ недавно,
Аза въ глаза не знаетъ и болтнуть исправно,
А прислушайся, что вретъ. . .

. . . богословски рѣчи:

Какія предъ иконы должно ставить свѣчи,
Что теперь въ церквахъ вошло старинѣ противно, и т. д.

Таково богословіе неграмотныхъ мужиковъ;
Кто жь опишетъ, которы по грамотѣ бродятъ?
Тѣ-то суетвѣріе все въ народѣ родятъ;
Отъ сихъ безмозгихъ головъ родятся расколы;
Всякой простонародной въ нихъ корень крамолы...

Попробуй поспорить съ такимъ „ученымъ“ и увидишь, что онъ наговоритъ тебѣ:

Выветъ тебѣ съ сундука тетради прѣлныя,
Предложить исторіи всѣ сполна святыя,
Не минетъ и своего отца Аввакума...

Впрочемъ—говорить сатирикъ—что жь тутъ удивительнаго? Вѣдь, каковъ попъ, таковъ и приходъ:

Хочетъ ли кто Божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря,—то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ обольется,
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добьется.
Еслижъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало ²⁾,
То ужъ тамъ однихъ ушей будетъ ему мало:
Не переслушаешь рѣчь его медоточну...

Онъ „безъ разсмотрю и безъ стыда“ начнетъ рассуждать о церковныхъ обрядахъ, а въ концѣ концовъ сведетъ рѣчь, какъ Феофановъ Жеривога, на то, что въ церковь нужно носить какъ можно больше денегъ, и что тѣ, которые даютъ оброчно, никогда не спасутся.

¹⁾ той

¹⁾ См. сат. I, 119 примѣч., 144—146; II, 22 пр., 259 пр.; III, 17 пр., 172—181; IV, 47—50, 150; V, 255—259, 381, 427 и прим.

²⁾ Въ кабагъ.

Во всемъ этомъ оскудѣніи вѣры, говоритъ онъ, — виноваты „проклятые Нѣмцы“, съ которыми не слѣдуетъ знаться, такъ какъ они свращаютъ православныхъ съ пути спасенія... ¹⁾.

Горячо отстаивая науку и желая внести въ русское общество новый идеаль „человѣка, проникнутаго интересами европейскаго просвѣщенія, Кантемиръ является, такимъ образомъ, проповѣдникомъ тѣхъ же самыхъ идей, за которыя ратовалъ Теофанъ Прокоповичъ, какъ бы продолжателемъ Теофана въ литературѣ. Ученикъ академикова Байера, Гросса, Бильфингера, Кантемиръ съ самой ранней молодости привыкъ уважать высоко цѣнимаго ими образованнѣйшаго представителя русскаго духовенства; едва ли можно сомнѣваться, что именно бесѣды съ Теофаномъ всего болѣе содѣйствовали развитію убѣжденій молодого писателя и окончательно опредѣлили направленіе его литературной дѣятельности. Князь Дмитрій Кантемиръ — человѣкъ, для своего времени тоже очень образованный, но по старому, — когда-то полемизировалъ съ Теофаномъ, обвиняя его въ неуваженіи къ традиціонному православію; сынъ его Антіохъ сдѣлался горячимъ поклонникомъ Прокоповича, и можетъ быть, именно послѣднему обязанъ тѣмъ, чѣмъ сталъ онъ для русской литературы. Наглядный примѣръ, характеризующій два поколѣнія..

Подобное же вліяніе новыя идеи, внесенныя въ русскую жизнь реформою Петра и проповѣдью Теофана, имѣли и на другого писателя того времени, на В. Н. Татищева. Воспитанный въ школѣ Петра Великаго, потомъ побывавшій за границей — въ Германіи, которую Теофанъ Прокоповичъ называлъ „матерью всѣхъ странъ“, — одаренный отъ природы недюжиннымъ умомъ и наблюдательностью, самоучка-Татищевъ развилъ въ себѣ интересъ къ научнымъ занятіямъ и на различныхъ поприщахъ дѣятельности, какъ инженеръ, юристъ, политикъ и историкъ, заявилъ себя человѣкомъ, съ любовью относящимся къ своему дѣлу. Знакомство съ трудами Декарта, Бэйля и Бэкона содѣйствовало развитію въ немъ того скептическаго рационализма, которымъ въ значительной степени отличался Теофанъ, высоко цѣнившій названныхъ писателей; Татищевъ привыкъ относиться критически и къ русской старинѣ, и къ современности, и у него рано, еще въ молодости, сложились тѣ оригинальные взгляды, которыя, по тому времени, считались страннымъ вольнодумствомъ, и за которыя

¶

¹⁾ Ср. приведенныя нами выше, въ разныхъ мѣстахъ, выписки изъ сочиненій Теофана.

неосторожный рационалистъ былъ однажды больно побить „изъ царскихъ рукъ“. Сходство политическихъ и философскихъ убѣжденій, преданность одному и тому же дѣлу, естественно, должны были сблизить его съ Феофаномъ; въ 1730 году Татищевъ выступилъ энергичнымъ защитникомъ того же принципа, который отстаивалъ Прокоповичъ; мы уже имѣли случай упоминать о его запискѣ, заключающей въ себѣ тѣ же самыя доказательства необходимости для Россіи самодержавія, какія развиваются въ проповѣдяхъ Новгородскаго архіерея.

▲ Какъ самъ Феофанъ, такъ и близкіе къ нему академики, интересовавшіеся русскою исторіей, поощряли Татищева къ изслѣдованію родной старины; уѣзжая изъ Петербурга, онъ велъ съ ними переписку, а живя въ столицѣ, нерѣдко бесѣдовалъ съ Феофаномъ о различныхъ отвлеченныхъ вопросахъ. Памятникомъ одной изъ такихъ бесѣдъ осталась, написанная Феофаномъ въ 1730 году, небольшая апологія „Пѣсни Пѣсней“¹⁾, книги, о которой Татищевъ отозвался не совсѣмъ осторожно. Когда зашла рѣчь объ этой книгѣ, онъ (какъ разказываетъ Прокоповичъ въ предисловіи къ своей апологій),— „поворотя лицо свое въ сторону, ругательнѣй усмѣхнулся; а когда и далѣе еще, понижувъ очи въ землю, съ молчаніемъ и перстами въ столъ долбя, претворный видъ на себѣ показывалъ, спросили мы его съ почтеніемъ: что ему на мысль пришло? и тотчасъ отъ него нечаянный отвѣтъ получили: „Давно — рече—удивлялся я, чѣмъ понужденные не только простые невѣжи, но и сильно ученые мужи возмечтали, что Пѣснь Пѣсней есть книга Св. Писанія и слова Божія? А по всему видно, что Соломонъ, разживаяся похотію къ невѣстѣ своей, царевнѣ египетской, сія писалъ, какъ то у прочихъ, любовію зжмыхъ, обычай есть; понеже любовь есть страсть многорѣчивая и молчанія нетерпящая, чего ради во всякомъ народѣ ни о чемъ иномъ такъ многія пѣсни не слышатся, какъ о плотскихъ любезностяхъ“. Сими отвѣтомъ такъ пораженное содрогнулось въ насъ сердце, что не могли мы придумать, что сказать. А понеже онъ и еще повторялъ тожде свое злорѣчіе, того ради“—Феофанъ и написалъ свое

¹⁾ «Разсужденіе о книгѣ Соломоновой, нарицаемой Пѣснь Пѣсней, яко она есть не человеческою волею, но Духа Святаго вдохновеніемъ написана отъ Соломона, и яко не плотскій въ ней разумъ, но духовный и божественный заключается, противъ неискусныхъ и малоразсудныхъ мудрецовъ, легко о книгѣ сей помышляющихъ, сочиненное 1730 года». 1-е изд., М., 1774, 4°; 2-е, М., 1784, 4°; находится, кромѣ того, въ рукописяхъ И. П. Б., Q. I, 459 и Погод. № 1176.

разсужденіе. Очевидно, въ этомъ пунктѣ мѣнія его рѣшительно расходились съ смѣлыми отрицательными сужденіями Татищева.

Результатомъ другой бесѣды Татищева съ Теофаномъ, княземъ А. М. Черкасскимъ и нѣкоторыми академиками былъ написанный первымъ, въ поученіе своему сыну, „Разговоръ о пользѣ наукъ“, сочиненіе, которое можетъ служить богатымъ матеріаломъ для характеристики личности русскаго интеллигентнаго человѣка первой половины прошлаго столѣтія. Отзывы Татищева о Теофанѣ, вообще, свидѣтельствуютъ о томъ высокомъ уваженіи, какимъ пользовался въ его глазахъ просвѣщенный сотрудникъ Петра Великаго¹⁾; литературная дѣятельность Теофана, убѣжденія, имъ высказанныя и развитыя со всею силою неизвѣстной дотогѣ ученой аргументаціи, наконецъ—личныя, довольно близкія отношенія къ Татищеву, все это должно было оказать вліяніе на образъ мыслей послѣдняго и на направленіе его трудовъ. Убѣжденіе въ необходимости для Россіи самодержавія, такъ опредѣленно и категорически высказанное Татищевымъ, имѣло, конечно, одинаковый источникъ съ такимъ же убѣжденіемъ Теофана: оба они относились къ до-петровской старинѣ безусловно отрицательно, оба были горячими сторонниками и защитниками преобразованія, совершеннаго по почину самодержавнаго царя; на Петра Великаго они смотрѣли, какъ на необыкновеннаго героя-полубога, который своими личными трудами и усиліями, пользуясь своею безграничною властью, возродилъ Россію, вывелъ ее изъ тьмы невѣжества и варварства на новый путь, озаренный свѣтомъ знанія, сдѣлалъ ее европейскимъ государствомъ. Борьба, веденная Петромъ при ближайшемъ участіи Прокоповича, за утвержденіе новаго порядка, не кончилась со смертію царя-преобразователя; напротивъ, новыя обстоятельства содѣйствовали усиленію оппозиціонныхъ элементовъ и дѣлали борьбу еще болѣе ожесточен-

¹⁾ Въ своей Духовной Татищевъ совѣтуетъ, наряду съ произведеніями отцовъ и учителей церкви читать сочиненія Теофана—«Первое ученіе отрокомъ» и «Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе». «Нашъ архіепископъ Прокоповичъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — «былъ въ наукѣ философіи новой и богословіи только учень, что въ Руси прежде равнаго ему не было. По природѣ острымъ сужденіемъ и удивительно твердою памятью былъ одаренъ». Ист. Росс., I, 436, 134. Изъ замѣчаній Татищева, между прочимъ, видно, что Теофанъ нередко объяснялъ собственныя имена и географическія названія, встречаемыя у древнихъ писателей, славянскимъ языкомъ; такъ, напримѣръ, Далматію онъ производилъ отъ *дала матъ*, амазонокъ отъ *сама жеска*. Не отъ него ли заимствовалъ и Тредиаковскій свои этимологическіе приемы?

ною и непримиримую. Люди, преданные новому порядку и явившіеся, по смерти Петра, охранителями и продолжателями начатаго имъ дѣла, твердо вѣрили, что только сильная рука правительства, ничѣмъ не ограниченнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, можетъ поддержать реформу и сломить сопротивленіе ея враговъ, защитниковъ старины. Воспитанные въ школѣ „просвѣщеннаго деспотизма“, эти новые люди, между которыми первое мѣсто принадлежитъ Оеофану, конечно, могли судить обо всемъ не иначе, какъ съ точки зрѣнія этой теоріи. Рѣзкое противорѣчіе между новыми идеалами и свладомъ старо-русской жизни съ ея традиціонными понятіями заставляло новыхъ людей смотрѣть на до-петровскую Россію почти также, какъ въ наше время просвѣщенный Европеецъ смотритъ на какую-нибудь Бухару: въ до-петровской Россіи они видѣли только дикость, варварство, невѣжество, суевѣріе и ханжество, отъ котораго единственное спасеніе заключалось въ „новомъ словѣ“ Петра, представителя самодержавной власти. Въ до-петровской Руси, въ этомъ царствѣ непроницаемаго мрака, первенствующее положеніе принадлежало духовенству, какъ сословію единственно-учительному, идеями котораго опредѣлялся строй русской умственной и общественной жизни; это же духовенство явилось, при Петрѣ, главнымъ руководителемъ протеста противъ всякихъ преобразованій, раздававшагося постоянно во имя православія и имѣвшаго характеръ преимущественно церковный; поэтому не удивительно, что обвиненія въ невѣжествѣ, суевѣрїи и пр. прилагались, главнымъ образомъ, къ представителямъ духовнаго сословія, что Петръ Великій обращалъ особенное вниманіе на преобразование церкви. По той же причинѣ всѣ люди реформы, начиная съ Петра, усвоили крайне неблагоприятный, даже прямо враждебный взглядъ на духовенство. Оно представлялось имъ „факціей темныхъ людей“, замысли которыхъ направлены ко вреду общества и государства, людей, возводящихъ невѣжество въ основной принципъ жизни ради своихъ корыстныхъ цѣлей. Мы видѣли развитіе этого взгляда въ указахъ Петра и въ сочиненіяхъ Оеофана, приравнивавшаго наше духовенство къ католическому; преобразовательная дѣятельность Петра Великаго представлялась Оеофану, главнымъ образомъ, въ смыслѣ борьбы за просвѣщеніе противъ теократическаго обскурантизма; мы видѣли, что этотъ взглядъ онъ высказалъ еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, въ своей трагедокомедіи, и не отступалъ отъ него въ продолженіе всей своей жизни; знакомство съ протестантскою полемическою литературой и съ сочиненіями передо-

вѣхъ европейскихъ мыслителей дало ему возможность обобщить это мнѣніе, такъ что въ Россіи онъ видѣлъ только частное проявленіе общаго принципа, одинаково прилагаемаго къ духовенству католическому и православному. Такое же отношеніе къ духовенству мы видимъ и у Кантемира, и въ историческихъ трудахъ Татищева. Раздѣляя взгляды своихъ современниковъ, Татищевъ видѣлъ въ исторіи науку политическаго и вообще житейскаго опыта; сообразно съ этимъ взглядомъ, интересъ собственно историческій отодвигается у него (какъ и у другихъ писателей того времени) на задній планъ; на первомъ же планѣ стоитъ обсужденіе даннаго историческаго факта съ точки зрѣнія современной автору политики, морали, общественной жизни. Переносъ, такимъ образомъ, понятія своего времени на времена прошедшія, историкъ и въ группировкѣ фактовъ, и въ ихъ истолкованіи держится критерія чисто субъективнаго, и освѣщаетъ событія своею любимою идеей.

Такою идеей для Татищева, какъ и для Прокоповича, было оправданіе преобразовательной дѣятельности Петра Великаго вообще, и специально по отношенію къ церкви; факты русской исторіи въ трудѣ Татищева группируются и освѣщаются преимущественно съ точки зрѣнія борьбы между просвѣтительною дѣятельностью правительства и обскурантизмомъ духовенства. Злонамѣренное невѣжество и ретроградство онъ считаетъ даже необходимою принадлежностью духовенства, такъ что, по его мнѣнію, въ странѣ господствуетъ невѣжество, если духовенство пользуется преобладающимъ вліяніемъ въ народѣ,—и процвѣтаетъ образованность, если побѣда переходитъ на сторону свѣтской власти. Для того, чтобы выдержать эту идею, онъ даже игнорируетъ иногда факты. „Въ Россіи науки“, говоритъ онъ, — „не токмо читать и писать, но и языковъ — греческаго отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ и латынскій языкъ — введены, и многія училища устроены были; но нашествіемъ Татаръ какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возрасла, тогда симъ, для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти, полезнѣе явилось народѣ въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили; потомъ, хотя нѣкоторые государи о томъ прилежаніе изъявили, наипаче многихъ — царь Иванъ Васильевичъ, но весьма мало успѣли, даже вѣчныя славы достойной его императорское, величество Петръ Великій, яко государь премудрый, оное возобновилъ, и маѳематическихъ наукъ и языковъ европейскихъ

училища основалъ; всюду по епархіямъ училища устроилъ, и на оныя туне гиблемыя великіе доходы монастырей употребить повелѣлъ; чѣмъ не токмо своихъ предковъ, но многихъ иностранныхъ государей превзошелъ, свое любомудріе и любовь къ отечеству всемірно изъявилъ... Но по кончинѣ его величества злостными или отечеству невѣрными, или невѣжествомъ тѣхъ, на кого то положено было, такъ все упущено, что едва слѣды того остались“.. ¹⁾ Въ этихъ словахъ заключается, такъ сказать, общая программа русской исторіи Татищева; эти взгляды проводятся послѣдовательно во всѣхъ его историческихъ трудахъ, за чтѣмъ его и обвиняли въ религіозномъ вольнодумствѣ, и исторія его могла быть издана только въ либеральныя годы царствованія Екатерины II. Какъ и Оеофанъ Прокоповичъ, Татищевъ смѣется надъ властолюбіемъ папъ, надъ желаніемъ католиковъ дать твердыя основы ученію о папской непогрѣшимости ²⁾, надъ внѣшнимъ пониманіемъ религіи, надъ приверженностью къ обряду, колдовствомъ, суевѣріемъ, ложными чудесами и пр.; раскольниковъ называетъ невѣждами и „пустовѣрами“, но замѣчаетъ, что обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ, кто чѣмъ свой толкъ утверждалъ, очень немного. Причина этой скудости заключается, по мнѣнію Татищева, въ властолюбіи церковно-служителей, въ томъ, что они, „когда отъ кого въ ихъ, противу Писанія Святаго для власти и сребролюбія учиненныхъ, законахъ правильно обличаемы бывають, то, не могущи терпѣть, злобно осуждаютъ и губятъ, а бояся народа, чтобъ ихъ злость и безумство предъ всѣми не обличилось, истину тая, а лжи на оныхъ обличителей сплетая объявляютъ, и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко къ спасенію нужное, предаютъ“ ³⁾. Обращаясь къ русскому духовенству, онъ указываетъ на предосудительное поведеніе нѣкоторыхъ митрополитовъ и патріарховъ и обвиняетъ древне-русское учительное сословіе въ особенной заботливости о собираніи богатствъ и земель. Такъ, уставъ о церковныхъ десятинахъ онъ считаетъ подложнымъ: „Слогъ новый, мню,—попами вымышленный; да и съ мудростію несогласно, чтобъ отъ всѣхъ доходовъ государственныхъ десятое на церковь давать, и тѣмъ со-

¹⁾ Н. Поповъ, Татищевъ и его время (М. 1861) стр. 514—515. См. также статьи П. Знаменскаго: «Татищевъ и его исторія» въ *Трудахъ Киевск. Дух. Акад.*, 1862 г., I, 197—228, и С. М. Соловьева, «Писатели русск. исторіи XVIII вѣка», въ *Архивъ ист.-юрид. свѣд.—Калачова*, т. II, отд. III, стр. 15—40.

²⁾ Исторія Россійская, I, 569—570, 496.

³⁾ Тамъ же, II, прим. 374.

держанію войскъ и защитѣ и оборонѣ подданныхъ ущербъ чинить. Другое, — смотрѣть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требуетъ; главная того потребность — содержаніе больницъ, богадѣленъ и училищъ, а не на роскошность, пѣянство и блудъ или великолѣпіе духовныхъ... Архіепископы у насъ нѣкоторые изъ подлости и убожества имѣютъ ежегоднаго дохода до 30 тысячъ р., однакожь тѣмъ недовольны, ищутъ еще болѣе; противно тому фельдмаршалъ есть главный чинъ въ государствѣ, ходитъ съ войскомъ, терпитъ безпокойство и труды, имѣетъ великій обозъ и множество служителей, а 30 тысячъ дохода не имѣя, доволенъ" ¹⁾.

Къ извѣстіямъ, сообщаемымъ духовными писателями, Татищевъ относится крайне подозрительно. Такъ, по его мнѣнію, митрополитъ Макарій въ Степенную книгу „отъ скудости знанія въ древности или отъ лицемѣрства нѣколико недоказательныхъ обстоятельствъ внесъ“; патриархъ Никонъ переправлялъ лѣтопись, стараясь возвысить значеніе духовной власти надъ свѣтскою. Во многихъ древне-русскихъ законахъ Татищевъ также видитъ „продерзкое духовныхъ употребленіе ко утверженію ихъ власти“, о духовенствѣ же вообще говоритъ, что въ рядахъ его, „видно, ни одинаго не токмо философскихъ наукъ, но и грамматики ученаго не было, и для того какая надежда отъ такихъ пастырей просвѣщенія народу уповать было должно, хотя между ними мужи благоразумные и житія похвальнаго были“ ²⁾. Въ этомъ отношеніи Татищевъ является предшественникомъ Болтина, который, и конечно, уже подъ влияніемъ французской „просвѣтительной“ послѣдствіи литературы, еще категоричнѣе высказалъ тотъ же взглядъ на духовенство. Болтинъ прямо заявляетъ, что духовенство вредно для народа всегда и вездѣ, и тѣмъ вреднѣе, чѣмъ оно просвѣщеннѣе. „Лучше быть народу суевѣрну при непросвѣщенномъ духовенствѣ“, говоритъ онъ, — „нежели быть рабами просвѣщенному; легче суевѣріе истребить, нежели изъ-подъ тиранническаго ига власти духовныя освободиться; понеже корысть, любоначаліе и гордость заставляютъ духовенство всѣ способы употребить къ недопущенію народа до просвѣщенія. Богъ насъ сохранилъ отъ просвѣщеннаго духовенства; въ противномъ случаѣ и въ Россіи власть бы его не меньше была, какъ

¹⁾ Тамъ же, пр. 202; ср. Судебникъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, изъясненный *Татищевымъ* (М. 1768), стр. 138.

²⁾ Ист., I, 63; Судебникъ, 136; 137, и др.

и въ областяхъ римскаго вѣроисповѣданія“. Болтинъ относился къ Татищеву съ особеннымъ уваженіемъ.

Наконецъ, и политическія убѣжденія Татищева совершенно тождественны съ убѣжденіями Феофана, какъ можно видѣть изъ 45-й главы первой части его исторіи— „о древнемъ правительствѣ рускомъ и другихъ въ примѣръ“. Основою государства онъ считаетъ договоръ, а основою государственнаго права—право семейное; разсуждая о различныхъ видахъ правленія, онъ, какъ и Феофанъ, приходитъ къ заключенію, что признать какой-либо изъ нихъ абсолютно лучшимъ невозможно, и что все зависитъ отъ условій страны и состоянія общества. Въ малыхъ областяхъ съ пользою можетъ существовать демократія; въ болѣе обширныхъ, но хорошо огражденныхъ естественными границами и просвѣщенныхъ государствахъ можетъ существовать аристократія; „великія же области, открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ, и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержится, тамъ нужна быть монархія“. Говоря о порядкѣ престолонаслѣдія, Татищевъ, какъ и Феофанъ въ „Правдѣ воли монаршей“, доказываетъ, что „наслѣдственный государь имѣетъ власть престолъ поручить, кому за благо разсудить“¹⁾.

Такимъ образомъ, и Феофанъ Прокоповичъ, и Кантемиръ, и Татищевъ старались въ своихъ литературныхъ трудахъ, проводить въ сознаніе русскаго общества одинаковыя идеи—тѣ самыя идеи, которыя Петръ Великій проводилъ въ своихъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ; Феофану принадлежитъ въ этомъ отношеніи первенство какъ по времени, такъ и по таланту, и въ этомъ смыслѣ мы, кажется, имѣемъ право говорить о его вліяніи на Кантемира и Татищева.

Спеціально-богословскіе труды Прокоповича, представляющіе попытку внести свѣтъ въ такую область, которая прежде была наполнена всевозможными странностями средневѣковой схоластики, и создать новую, болѣе соответствующую научнымъ требованіямъ, систему ученія о вѣрѣ и ея догматахъ, — были оцѣнены по достоинству только сорокъ лѣтъ спустя послѣ смерти автора молодыми богосло-

¹⁾ Ист. Росс., I, 532—535. Обзоръ русской исторіи, совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ и въ проповѣди Феофана 1734 года—тамъ же, 541—547. Здѣсь вслѣдъ уклоненія отъ того государственнаго порядка, какой представлялся Прокоповичу и Татищеву, называются общимъ именемъ *безпутства*.

вами, получившими въ то время возможность добавивать свое образованіе въ германскихъ университетахъ. Эти-то богословы—извѣстный Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, Іакинъ Карпинскій, Давидъ Нащинскій, Самуиль Миславскій,—познакомившись съ лекціями и трактатами Теофана и проникнувшись уваженіемъ къ заключававшемуся въ этихъ трудахъ „новому духу“, рѣшились познакомить съ ними людей, интересующихся богословскими вопросами, и предприняли, сначала—за границей, въ Кенигсбергѣ и Лейпцигѣ, а потомъ и въ Россіи, цѣлый рядъ изданій Теофановыхъ трактатовъ, приводя ихъ въ систему, дополняя и поясняя своими примѣчаніями. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія небольшая часть этихъ трактатовъ была переведена съ латинскаго на русскій языкъ; вообще они служили, въ продолженіе довольно значительнаго времени, однимъ изъ капитальныхъ пособій для изученія и проповѣдыванія богословія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Какъ современники Теофана, такъ и позднѣйшіе писатели XVIII столѣтія, отзывались о немъ (за исключеніемъ одного князя Щербатова, вообще не расположеннаго къ реформѣ и ея дѣятелямъ) съ величайшими похвалами, какъ о человѣкѣ чрезвычайно образованномъ, талантливомъ и преданномъ дѣлу просвѣщенія. Выше мы уже приводили отзывы Кантемира, Татищева, Буддея, Штраленберга, Яблонскаго и др.; приведемъ теперь еще нѣсколько сужденій о Прокоповичѣ, которыя намъ удалось найти въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ прошлаго столѣтія.

Выше мы упоминали о томъ, что академикъ Байеръ, бывшій одно время учителемъ въ школѣ Теофана, посвятилъ ему свой трудъ „*Museum Sinicum*“ (1730 г.). Это посвященіе составлено въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ. „Я часто смотрѣлъ на васъ“, говоритъ Байеръ, обращаясь къ Теофану,—„какъ на нѣкоего Климента, или Кирилла, или Евсевія, когда вы опровергали басни древнихъ народовъ или нелѣпнѣйшія мнѣнія философовъ; вы какъ будто вводили меня, въ своихъ бесѣдахъ, въ Римъ или въ какой-нибудь другой городъ Италіи, славный священными или историческими памятниками; а когда вы припоминали событія всѣхъ вѣковъ, то мнѣ казалось, что я внимаю образованнѣйшему человѣку какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ высшихъ искусствахъ. Съ какимъ удовольствіемъ слушалъ я васъ, когда вы описывали мнѣ памятники древняго времени, видѣнные вами въ Римѣ и прочей Италіи, говорили о состояніи просвѣщенія, о вашихъ путешествіяхъ и занятіяхъ науками! какое разнообразіе и

обиліе! какая память, какая сила мысли и наблюдательности, какое изящество латинской и итальянской рѣчи, какая, наконецъ живость и пріятность во всемъ!“

Тому же Байеру Чистовичъ и Певарскій приписываютъ—и какъ кажется, основательно—составленіе латинской біографіи Θεοφана, помѣщенной въ изданіи Шерера „Nordische Nebenstunden“. Эта біографія, проникнутая глубокимъ уваженіемъ къ Прокоповичу, написана очень живо и сообщаетъ много весьма интересныхъ подробностей о его научныхъ занятіяхъ, образѣ мыслей и частной жизни, такъ что представляетъ важный источникъ для ознакомленія съ его личностью ¹⁾. Академикъ Мюллеръ, также высоко цѣнившій Прокоповича, составилъ впоследствии, на основаніи этой біографіи, краткій очеркъ его жизни и дѣятельности ²⁾.

Датскій путешественникъ фонъ-Гавенъ, бывшій въ Петербургѣ лѣтомъ 1736 года, стало быть, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Θεοφана, имѣлъ случай съ нимъ познакомиться и въ описаніи своего путешествія сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о Новгородскомъ архіепископѣ. „Этотъ превосходный человекъ“, говоритъ онъ между прочимъ,—„по знаніямъ своимъ не имѣетъ себѣ почти никого равнаго, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, онъ имѣетъ глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанную охоту къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ ³⁾, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. Онъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще съ иноземцами; со смертью его должно прекратиться множество въ высшей степени полезныхъ дѣлъ“ ⁴⁾.

Θεοφану отдавалъ справедливость даже противникъ его, доминиканецъ Рибера, о которомъ Прокоповичъ далъ, какъ мы видѣли, самый неблагопріятный отзывъ. Сужденіе Риберы очень интересно,

¹⁾ Она почти цѣлкомъ вошла въ книгу г. Чистовича.

²⁾ Sammlung Russischer Geschichte, V, 564—570.

³⁾ Θεοφанъ изъ новыхъ языковъ зналъ только итальянскій и польскій. Въ одномъ письмѣ къ Вирону (у Чистовича, 597) онъ говоритъ, что не знаетъ по французски, а въ посланіи къ протестантскимъ богословамъ (Miscellanea, p. 5) сознается въ незнаніи нѣмецкаго языка. Ср. Scherer's. Nord. Nebenst., I, 259.

⁴⁾ Reise in Russland, 19, 22.

и мы приведемъ его слова дѣликомъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ нието изъ писавшихъ о Теофанѣ не обратилъ на нихъ вниманія ¹⁾. „Науки въ Россіи вообще не процвѣтають“, говоритъ испанскій монахъ;—„впрочемъ, я знаю нѣсколько человѣкъ отступниковъ, воспитанныхъ для Россіи католическими школами. Между ними первое мѣсто занимаетъ Теофанъ. Онъ воспитывался нѣсколько лѣтъ въ коллегіи св. Аванасія въ Римѣ, вмѣстѣ съ католиками, но затѣмъ, нарушивъ данную тамъ клятву и не имѣя никакой благодарности къ мѣсту своего воспитанія, изъ римлянина сдѣлался Русскимъ. Этотъ перебѣжчикъ изъ Рима (Romifuga) очень силенъ въ Россіи; онъ—первенствующій членъ синода, при дворѣ имѣетъ едва ли не рѣшительное вліяніе, у вельможъ (особенно у иностранцевъ) считается оракуломъ; онъ искусный церковный администраторъ, хотя я замѣтилъ, что духовенство скорѣе его боится, чѣмъ любитъ. Онъ устроилъ въ своемъ домѣ замѣчательную школу для юношества. Въ храмѣ онъ важенъ, въ алтарѣ внушаетъ къ себѣ почтеніе, въ проповѣди краснорѣчивъ, въ бесѣдѣ о божественныхъ и мірскихъ предметахъ ученъ и изыщень; онъ одинаково хорошо владѣетъ греческимъ, латинскимъ и славянскимъ языкомъ; въ домашней жизни онъ великолѣпенъ; ко мнѣ лично всегда относился любезно ²⁾. Если его слѣдуетъ порицать за что-либо, такъ это—за его религиозныя убѣжденія, если онъ ихъ вообще имѣетъ. Его бібліотека, открытая для ученыхъ, значительно превосходитъ императорскую и бібліотеку Троицкаго монастыря; по своему богатству она не имѣетъ себѣ равныхъ въ Россіи, странѣ, бѣдной книгами“.

Изъ иностранцевъ, писавшихъ въ прошломъ столѣтіи о русской церкви, отмѣтимъ Кинга, автора книги о русскихъ церковныхъ обрядахъ ³⁾. Говоря о дѣятельности Теофана, онъ хвалитъ его какъ замѣчательнаго ученаго, превосходнаго богослова и даровитаго государственнаго дѣятеля (Staatsminister). „Заботы этого великаго человѣка о русской церкви“, говоритъ Кингъ,—„навсегда останутся памятни-

¹⁾ Это сужденіе находится въ книгѣ, изданной *Риберою* въ Вьенѣ, 1733 г., подъ заглавіемъ: «Echo Fidei, ab orientali ecclesia Moscoviae personans» (2 тома), II, 286, 313.

²⁾ *Mihi nupquam non humanis*. Замѣчательно это выраженіе въ устахъ Риберы, о которомъ Теофанъ говоритъ, какъ о самомъ негодномъ человѣкѣ.

³⁾ *I. G. King, Gebräuche und Ceremonien der griechischen Kirche in Russland*, Riga, 1773, S. 409—410.

комъ его мудрости, глубокаго знанія богословской науки и его преданности своему государю“.

Восторженно-панегирическая оцѣнка Оеофана, какъ писателя вообще, сдѣлана издателемъ его „Lucubrationes“ (1743 г.), Давидомъ Нащинскимъ. „Я не сомнѣваюсь“ говоритъ онъ въ своемъ предисловіи,—„что этотъ мужъ былъ одаренъ такимъ краснорѣчіемъ, что всѣ тѣ, которые въ нашей Россіи интересуются истиннымъ и солиднымъ искусствомъ, охотно согласятся признать за нимъ пальму первенства въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли найдти въ трудахъ Оеофана что-либо такое, что не было бы превосходно, что не заслуживало бы всеобщаго одобренія? Прочтите его рѣчи—и вы увидите, что онѣ написаны съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и знаніемъ дѣлъ, и по своему совершенству могутъ равняться съ статуями Фидія. Большаго изящества въ выраженіяхъ, большей важности въ мысляхъ нельзя и желать. Въ древностяхъ и исторіи нѣтъ, кажется, ничего такого, что было бы ему неизвѣстно. Читатель, желающій ознакомиться съ преобразованиемъ Россіи, найдетъ у Оеофана чрезвычайно много новыхъ свѣдѣній... Онъ превосходитъ какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи“¹⁾).

Н. И. Новиковъ такъ же восторженно превозноситъ „перваго изъ нашихъ писателей, который многоразличнымъ ученіемъ столь себя прославилъ, что въ ученой исторіи заслужилъ мѣсто между славнѣйшими полисторами, — Оеофана, краснорѣчіемъ столь великаго, что нѣкоторые ученѣйшіе люди почтили его именемъ россійскаго Златоустаго, и — что всѣхъ большее есть — Оеофана, поборника и провозвѣстника великихъ трудовъ и преславныхъ дѣлъ обновителя и просвѣтителя Россіи, Петра Великаго. Признаетъ то всякъ, если только безъ самолюбія и зависти прочтеть его слова и рѣчи. Увидитъ въ немъ богослова, чистое евангельское ученіе проповѣдующаго, философа остроумнаго и просвѣщенному разуму слѣдующаго, политика проицательнаго, искуснаго историка и трудолюбиваго древностей испытателя, на послѣдокъ съ знаніемъ всѣхъ тѣхъ наукъ совокупившаго толь превосходное краснорѣчіе, что съ славнѣйшими въ свѣтѣ ораторами равняться можетъ. И симъ то онъ столько чести дѣлаетъ имени и временамъ Петра Великаго, сколько другіе въ то время бывшіе великіе люди своими въ другихъ дѣлахъ достоинствами... Что нѣкоторый славнѣйшій временъ нашихъ писатель ска-

¹⁾ Lucubrationes, Praefatio, p. 4—5.

валъ о стихотворцахъ, что цѣлый вѣкъ иногда одного изъ нихъ хорошаго не производитъ, то справедливо сказать можно о такихъ ораторахъ, каковъ былъ Теофанъ¹⁾.

Восторженное чувство удивленія, какимъ была встрѣчена дѣятельность Петра Великаго, какъ „ироя славы“ и „бога Россіи“, отразилось и на тѣхъ людяхъ, которые своимъ умомъ и дарованіями вышались надъ общимъ уровнемъ и являлись представителями начатаго Петромъ просвѣтительнаго движенія, первыми дѣятелями новой литературы, провозгласившей цѣлью жизни совершенствованіе на поприщѣ науки и общественныхъ отношеній. Не удивительно, поэтому, что Теофанъ Прокоповичъ,—первый и наиболѣе выдающійся изъ среды этихъ дѣятелей, — имѣлъ въ прошломъ столѣтіи столько же почитателей, превозносившихъ его всевозможными похвалами, какъ и Ломоносовъ. Въ изданныхъ Новиковымъ „С.-Петербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ“, на ряду съ надписями къ портретамъ Ломоносова, Кантемира и Поповскаго, находимъ слѣдующую надпись (В. И. Майкова) „къ изображенію Теофана Прокоповича“:

«Великаго Петра дѣлъ славныхъ проповѣдникъ,
Витійствомъ Златоустъ, мусъ чистыхъ собесѣдникъ;
Историкъ, богословъ, мудрецъ Россійскихъ странъ:
Таковъ былъ пастырь стадъ словесныхъ Теофанъ»²⁾.

Мы прослѣдили, шагъ за шагомъ, литературную дѣятельность Теофана Прокоповича, стараясь указать на его отношенія къ научнымъ и общественнымъ интересамъ; теперь намъ остается, на основаніи всего, что было сказано нами выше, опредѣлить значеніе Теофана, какъ писателя, указать то мѣсто, которое принадлежитъ ему въ исторіи развитія русской мысли.

Въ то время, когда жилъ и дѣйствовалъ Теофанъ Прокоповичъ, русское общество переживало эпоху тяжелаго кризиса, трудной внутренней борьбы, вызванной крутымъ поворотомъ отъ стараго, священнаго вѣками, византійско-московскаго склада жизни къ новому, европейскому. Въ подобныя эпохи особенное значеніе и вліяніе въ обществѣ и литературѣ всегда выпадаетъ на долю тѣхъ людей, которые, благодаря своимъ личнымъ качествамъ—степени умственнаго

¹⁾ Опытъ историч. словаря о рос. писателяхъ, въ „Матеріалахъ“ П. А. Ефремова, стр. 86—92.

²⁾ С. Пб. Уч. Вѣд., 171.

развитія, энергіи, характера и т. п., могутъ сразу и безъ сожалѣнія порвать всякую связь съ преданіями старины, и всецѣло усвоивъ себѣ интересы новаго порядка, сдѣлаться его убѣжденными и послѣдовательными защитниками. Такіе люди являются, въ своей теоретической и практической дѣятельности, выразителями назрѣвшихъ въ лучшей части общества прогрессивныхъ стремленій; имъ принадлежать первые рѣшительные шаги въ новомъ направленіи; имъ приходится выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы между разнородными общественными элементами.

Такимъ именно человѣкомъ представляется намъ Теофанъ Прокоповичъ въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности.

Молодой, безвѣстный сирота, воспитавшійся въ монастырской кельѣ и рано надѣвшій монашескую рясу, не удовлетворяется тѣми образовательными средствами, какія даетъ ему единственное высшее учебное заведеніе его родины; въ душѣ его пробуждается неудержимая жажда знанія, страстное желаніе расширить свой умственный кругозоръ, и онъ рѣшается на опасный въ то время шагъ—идти въ далекую, чужую, иновѣрную страну, рѣшается даже отречься отъ своей вѣры, лишь бы только получить доступъ туда, гдѣ находился, по его мнѣнію, источникъ высшей мудрости, въ римскую іезуитскую коллегію. Стойкій, энергичный характеръ и сильный умъ Теофана одержали блестящую побѣду надъ схоластическою іезуитскою педагогикой: изъ школы ультра-католической онъ вынесъ ожесточенную, непримиримую ненависть къ католицизму, изъ школы, въ которой прежде всего внушалась безусловная покорность авторитету и слѣпая вѣра въ него, изъ круга, въ которомъ строго преслѣдовалось всякое проявленіе свободной мысли, онъ вынесъ сильно развитой критическій взглядъ на вопросы вѣры и знанія. Возвратившись на родину съ богатымъ запасомъ знаній не только богословскихъ, но и философскихъ, историческихъ и литературныхъ, онъ занимаетъ скромное мѣсто преподавателя въ Кіевской академіи и сразу обнаруживаетъ твердое намѣреніе покинуть торную дорогу своихъ предшественниковъ и проложить новый путь, очистить преподаваніе отъ загромождавшихъ его и мѣшавшихъ его успѣшности схоластическихъ мудростей и простымъ, яснымъ, практичнымъ изложеніемъ предмета возбудить въ своихъ слушателяхъ интересъ къ наукѣ и знанію. Основательное знакомство съ протестантскою наукою, провозгласившею принципъ свободы и прогресса, съ трудами родоначальниковъ новой науки — Декарта и Бэкона, тонкая наблюдательность, природный юморъ,

умѣнье ловко подмѣчать слабости противниковъ, искусная и язвительная аргументація, соединенная съ убѣдительностью и живостью рѣчи, все это очень скоро дѣлаетъ проповѣдника „новаго ученія“ предметомъ особеннаго вниманія и уваженія со стороны молодыхъ слушателей, создаетъ ему популярность. Съ другой стороны, у него уже очень рано являются завистники и непріатели, которые начинаютъ его преслѣдовать, справедливо видя въ его нововведеніяхъ опасность для той традиціонной учености, которая процвѣтала до тѣхъ поръ въ Кіевской академіи. Смѣло разрушая авторитеты, считавшіяся прежде непреложными, Теофанъ выставилъ новое, необычное для того времени, требованіе свободной критики, какъ единственнаго могучаго рычага прогресса, и не отступилъ передъ борьбой за свои убѣжденія съ защитниками старины.

Одаренный умомъ по преимуществу практическимъ, способнымъ быстро примѣнять отвлеченные принципы къ реальнымъ житейскимъ отношеніямъ, онъ, при самомъ же началѣ своей литературной дѣятельности, самымъ опредѣленнымъ образомъ заявилъ свои симпатіи и антипатіи. Какъ человѣкъ, преданный интересамъ науки и просвѣщенія, онъ не могъ не сочувствовать преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, не могъ не относиться враждебно къ врагамъ новаго движенія, начавшагося по почину царя. Петръ, всюду искавшій себѣ дѣятельныхъ помощниковъ, скоро замѣтилъ эти качества ученаго Кіевлянина, понялъ, какую услугу можетъ оказать содѣйствіе этого человѣка дѣлу преобразования прежнихъ отношеній государства къ церкви, сдѣлавшихся теперь невозможными, съ какимъ успѣхомъ можетъ онъ проводить идеи реформы въ общественное сознаніе, и приблизилъ его къ себѣ.

Съ переходомъ изъ монастырской школы на поприще практической дѣятельности, Теофанъ быстро освоился съ своимъ новымъ положеніемъ и скоро принялъ активное участіе въ борьбѣ за утвержденіе новаго порядка. Эту борьбу онъ понималъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія церковно-общественной. Церковь была руководительницей до-петровской Россіи въ просвѣщеніи и въ общественной жизни; она строго хранила преданія византійско-московской старины и строго карала за всякое отступленіе отъ нихъ; ей принадлежалъ высшій контроль надъ развитіемъ и направленіемъ русской мысли. Сознательное отношеніе къ религиозному вопросу и стремленіе къ просвѣщенію, пробудившееся въ русскомъ обществѣ въ половинѣ XVII столѣтія, встрѣтило сильный отпоръ со стороны охранителей стариннаго

„нелюбопытательнаго“ благочестія; борьба между московскими начетчиками и кievскими учеными, кончившаяся осужденіемъ послѣднихъ, какъ еретиковъ, показала, однако же, полную несостоятельность того принципа, который взяли подъ свою защиту московскіе охранители въ союзъ съ Греками. Подъ вліяніемъ энергическаго толчка, даннаго Петромъ Великимъ, событія начинаютъ развиваться очень быстро; кievскіе ученые скоро возвращаются въ Великороссію, но ихъ идеалы являются уже, съ точки зрѣнія реформы, отсталыми, изжитыми. Воспитавшись на католической доктринѣ о значеніи духовной власти, являясь представителями науки схоластической, непримѣнимой къ жизни, кievскіе богословы по своимъ убѣжденіямъ идутъ въ разрѣзъ съ стремленіями царя-преобразователя. Реформа выдвигаетъ на мѣсто стараго церковнаго авторитета новый авторитетъ — государственный, которому, по мысли Петра, все должно было быть принесено въ жертву; интересы религіозные отодвигаются на задній планъ; первостепенную важность приобретаютъ интересы политическіе. Кievскіе ученые, съ своими католико-схоластическими тенденціями, точно также не могли сочувствовать этому новому движенію, какъ и представители стариннаго православія; и тѣ и другіе, скоро слотились въ одинъ оппозиціонный лагерь, который мы назвали старо-церковною партіей; стараясь отстоять прежнее вліяніе духовенства, они опирались на народную массу и поддерживали въ ней недовольство тягостями новой государственной работы. Но изъ этой недовольной массы выдѣлилась еще своя, особенная оппозиціонная партія — расколъ, равно отрицательно относившійся какъ къ старо-церковникамъ, такъ и къ реформаторамъ.

Таковы были тѣ общественные элементы, съ которыми приходилось бороться Петру Великому, какъ представителю новаго государственнаго строя, и Өофану Прокоповичу, какъ ближайшему сотруднику царя въ дѣлѣ утвержденія этого новаго порядка.

Всецѣло преданный интересамъ просвѣщенія и видя въ немъ единственный залогъ блага Россіи, Өофанъ посвятилъ защитѣ реформы всѣ свои силы, всѣ свои дарованія. Какъ и Петръ Великій, онъ на первомъ планѣ поставилъ требованіе строгаго государственнаго порядка, безусловной подчиненности и благоговѣнія передъ государствомъ, провозгласившимъ необходимость науки и образованія. Выступая, такимъ образомъ, на защиту „просвѣщеннаго деспотизма“, Өофанъ относится къ людямъ, не признающимъ благодѣтельности новаго порядка, съ презрѣніемъ и враждою, видя въ

нихъ представителей ненавистныхъ ему католическихъ стремленій, враговъ просвѣщенія, и слѣдовательно, враговъ Россіи. Народную оппозицію реформѣ, выразившуюся въ расколѣ, онъ считаетъ проявленіемъ прискорбнаго и досаднаго невѣжества, противъ котораго видитъ одно средство—просвѣщеніе и увѣщаніе; оппозицію клерикальную онъ считаетъ необходимымъ гнать безъ пощады, гнать всѣми средствами, какія только признавались дозволительными въ то не особенно разборчивое время. Съ людьми этого лагеря онъ всю жизнь ведетъ энергичную, неутомимую борьбу, то преслѣдуя ихъ язвительными насмѣшками, какъ невѣждъ и пустосвятовъ, то обличая ихъ въ своекорыстномъ обскурантизмѣ, то наконецъ, отвѣчая на ихъ доносы застѣнкомъ. Личныя отношенія Теофана дѣлали эту борьбу еще ожесточеннѣе, еще непримиримѣе, потому что онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые могутъ прощать и забывать наносимыя имъ обиды; къ защитѣ принципа присоединялась и месть личнымъ врагамъ... Въ этомъ — объясненіе всѣхъ преувеличеній и крайностей страстной борьбы.

Разъясняя и оправдывая законодательныя мѣропріятія Петра Великаго, Теофанъ имѣетъ въ виду интересы государственныя и связанныя съ ними интересы науки и образованія; идеаломъ его является человекъ истинно просвѣщенный, который, изъ любви къ знанію, „никогда не перестанетъ учиться, хотя бы и Маусалловъ вѣкъ прожилъ“. Направленіе, преобладающее въ его литературно-публицистической дѣятельности и придающее ей особый характеръ,—направленіе критическое, обличительное. Исходя изъ понятій современнаго ему научнаго рационализма и протестантской теологіи, онъ относится отрицательно къ старымъ формамъ церковной и общественной жизни, которыя считаетъ особенно благопріятствующими процвѣтанію невѣжества или показной псевдо-учености, ханжества и суевѣрія; во имя выставляемаго имъ идеала просвѣщеннаго человека и сильнаго просвѣщеніемъ государства, онъ сатирически изображаетъ современную ему русскую дѣйствительность. Въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть названъ первымъ русскимъ сатирикомъ, первымъ представителемъ того направленія, къ которому примкнули впоследствии наши лучшія литературныя силы, и въ которомъ выразились стремленія лучшей, прогрессивной части русскаго общества; этою стороною своей дѣятельности онъ имѣлъ вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашей литературы и заслужилъ уваженіе со стороны подвижниковъ русскаго просвѣщенія.

Но между Өеофаномъ и позднѣйшими представителями того же направленія въ литературѣ есть и значительная разница. Возставая противъ всего, что шло, такъ или иначе, въ разрѣзъ съ требованіями реформы, Өеофанъ является публицистомъ правительственнымъ, официальнымъ; разрушая старый авторитетъ, онъ воздвигаетъ на его мѣсто другой, требующій себѣ столь же безпрекословнаго, пассивнаго повиновенія, какъ и первый; онъ возвышаетъ голосъ не отъ имени общества, которое въ то время еще не имѣло голоса, а отъ имени власти, стремленія которой, въ лицѣ Петра, совпадали съ интересами просвѣщенія; на вопросъ: кто далъ тебѣ право судить насъ? Өеофанъ отвѣчаетъ не словами Кантемира: „долгъ гражданина и любовь къ истинѣ“, а простымъ указаніемъ на волю правительства, верховнаго судьи всѣхъ подданныхъ; въ глазахъ Өеофана этотъ авторитетъ не подлежалъ никакой критикѣ,—что было равносильно отрицанію общественнаго роста. До тѣхъ поръ, пока между намѣреніями правительства и стремленіями лучшей, прогрессивной части общества не было никакого разлада, Өеофанъ былъ передовымъ мыслителемъ и дѣятелемъ; но какъ только по смерти Петра Великаго этотъ разладъ началъ проявляться, какъ только Өеофану пришлось обратиться въ консерватора, охраняющаго результаты реформы отъ посягательствъ реакціи, онъ долженъ былъ сѣзуться, сдѣлаться почти исключительно ланегиристомъ, оправдывающимъ существующіе факты, хотя бы они и противорѣчили его высокому идеалу; принципъ, защитникомъ котораго онъ выступилъ, какъ дѣятель прогрессивный, поставилъ его, какъ консерватора, въ нѣсколько фальшивое положеніе. Но и въ эту, тяжелую для него, пору Өеофанъ все-таки оставался человекомъ высоко цѣннившимъ, и по возможности, всегда отстаивавшимъ науку и просвѣщеніе. Литературные дѣятели, усвоившіе его идеи, сдѣлали дальнѣйшій шагъ впередъ, и въ ихъ произведеніяхъ слышится уже голосъ— правда, еще робкій и слабый — голосъ общественнаго самосознанія...

Съ вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, вмѣстѣ съ реакціей противъ бироновскаго режима, снова беретъ верхъ реакція и противъ того направленія въ церковной и общественной жизни, представителемъ котораго былъ Өеофанъ Прокоповичъ. Старо-церковная партія одерживаетъ побѣду и послѣ продолжительнаго, вынужденнаго молчанія, возвышаетъ голосъ въ осужденіе недавняго прошлаго. Проповѣдники привѣтствуютъ новую императрицу, какъ Юдию, Эсфирь или Пульхерію, какъ освободительницу отъ ига египетскаго,

какъ возстановительницу поправныхъ правъ церкви. Преемникъ Теофана въ синодѣ и по Новгородской епархіи, Амвросій Юшкѣвичъ, развивая взглядъ Маркелла Родышевскаго и ему подобныхъ защитниковъ старины, рѣзко-осуждаетъ дѣятельность своего предшественника: „Враги наши“, говоритъ онъ,—„на благочестіе и на вѣру нашу православную наступили, но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но ненотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ; о, коль многое множество подъ такимъ претворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ, истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! Спроси жь, за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ ни къ чему негодный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, дабы во все въ Россіи истребить священство православное и завести свою нововымышленную безпоповщину...“⁴

„Догматы христіанскіе“, говоритъ другой проповѣдникъ (Дмитрій Сѣченовъ),—„въ басни и ни во что поставляли, святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали, добрыя дѣла отменяли, преданія отвергали, въ посты мясо пожирали... Кто посты хранить, называли ханжа; кто молитвою съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ; кто инокамъ кланяется—суевѣръ“, и т. д.¹). Начинается гоненіе на либеральную, въ церковномъ смыслѣ, литературу: книги Арндта, Фонтенелля, „Театронъ“ Стратемана и другія сочиненія, интересовавшія просвѣщенныхъ людей прежняго времени, уничтожаются; вводится строгая цензура; „Камень Вѣры“—эта основная книга церковной реакціи—издается вновь, и Арсеній Мацѣвичъ пишетъ пространное возраженіе на „Молотокъ“; расколъ подвергается новымъ преслѣдованіямъ; магометане и язычники насильственно обращаются въ христіанство; Духовный Регламентъ находится въ полномъ пренебреженіи. Но прежняго, преобладающаго вліянія на русскую жизнь духовенство уже не могло пріобрѣсти: принципы старо-церковной партіи уже отжили свой вѣкъ; просвѣтительныя стремленія, внесенныя въ русское общество реформою Петра Великаго, не отступаютъ передъ реакціей и постепенно усиливаются; интересъ и уваженіе къ наукѣ, къ образованію выражается въ развитіи литературы, въ основаніи университета; духовенство со своими идеалами оказывается уже внѣ сферы новыхъ умственныхъ интересовъ и даже не пытается проникнуть въ эту сферу, подняться на

⁴) Подробности см. въ статьѣ Н. А. Попова: «Придворные проповѣдники въ царствованіе Елизаветы», въ *Литоп. русск. лит.*, т. II, 1—32.

уровень образовательныхъ требованій своего времени. Нѣкогда, въ продолженіе многихъ вѣковъ, духовенство было единственнымъ образованнымъ и учительнымъ классомъ въ Россіи, ему принадлежала руководящая роль въ просвѣщеніи страны, въ ея литературѣ, въ ея общественной и государственной жизни. Петровская реформа подрывала его авторитетъ, внесла въ русскую жизнь новыя начала, новыя требованія; въ лицѣ Оеофана Прокоповича, сознательно, по искреннему убѣжденію ставшаго на сторону реформы, духовенство, такъ сказать, отрѣклось само отъ себя; отказывается отъ притязаній на руководящую роль въ развитіи русской мысли, уступаетъ свое мѣсто другимъ элементамъ, и съ тѣхъ поръ все тѣснѣе и тѣснѣе замыкается въ кругу своихъ специальныхъ интересовъ, отдаляясь отъ общаго просвѣтительнаго движенія и иногда выступая даже прямо противъ него. Послѣдній представитель стараго учительнаго сословія, стоявшій на высотѣ своего призванія — Оеофанъ Прокоповичъ, въ дѣятельности котораго преобразовательная эпоха отразилась во всей полнотѣ, былъ въ то же время и первымъ представителемъ новаго движенія — секуляризаціи русской мысли.

II. Морозовъ.

ОПИСАНІЕ ЛИТВЫ, САМОГИТИ, РУССІИ И МОСКОВІИ—СЕ- БАСТІАНА МЮНСТЕРА ¹⁾ (XVI вѣка).

I.

Ученые труды Себастьяна Мюнстера. Его космографія. Перечень изданій ея. Источники, по которымъ Мюнстеръ составилъ описаніе Литвы, Самогитіи и Руссіи. Эней Сильвій Пикколомини (папа Пій II) и его сочиненіе «De Polonia, Lithuania et Prussia». Иеронимъ—проповѣдникъ христіанства въ Литвѣ. Сочиненіе Юста Деція: «De vetustatibus Polonorum». Сочиненіе Матвѣя Мъховскаго: «Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europæana». Хроника Длугоша. Какъ Мюнстеръ пользовался историческими источниками и литературная оцѣнка его описанія Литвы, Самогитіи и Руссіи. Забчанія его о поселеніи Татаръ въ Литвѣ;— о пьянствѣ, какъ общемъ пороѣкъ всѣхъ сѣверныхъ народовъ;— о Евреяхъ въ Литвѣ. Извѣстія Мюнстера о Руссіи. Ея границы. Руссіи и Московіи, какъ названія двухъ различныхъ странъ. Alba Russia.

Весьма замѣтное въ исторіи землевѣдѣнія движеніе въ концѣ XV и XVI вѣковъ, сказавшееся въ тщательномъ изученіи географическихъ произведеній классическаго міра, въ цѣломъ рядѣ новыхъ земельныхъ открытій, вызвало въ XVI вѣкѣ необходимость въ общихъ описаніяхъ земной поверхности, или какъ ихъ, по большей части, называли въ то время, космографіяхъ. Въ составъ ихъ входили не только свѣдѣнія о земной поверхности, ея горахъ и водахъ, естественныхъ про-

---

¹⁾ Вызываемъ себя въ обязанность выразить нашу искреннюю благодарность проф. К. Н. Бестужеву-Рюмину, проф. И. В. Помяловскому и бібліотекарю Императорской Публичной Библіотеки К. Ф. Фетерлейну за сообщеніе нѣкоторыхъ замѣтокъ, которыя мы напечатали въ примѣчаніяхъ къ нашему изслѣдованію. Е. З.

изведеніяхъ и народахъ, но и многія данныя по археологiи и по исторiи различныхъ царскихъ и княжескихъ династiй. Изъ этихъ трудовъ наиболѣе популярнымъ былъ трудъ Нѣмца Себастьяна Мюнстера, которому, кромѣ космографiи, принадлежать и многіе другіе труды, свидѣльствующие о его необыкновенномъ трудолюбіи и обширныхъ познаніяхъ ¹⁾. Въ дѣлѣ изученія еврейскаго языка нѣмецкая литература обязана Мюнстеру своими наиболѣе значительными успѣхами во второй четверти XVI в. Онъ первый изъ нѣмецкихъ ученыхъ издалъ еврейскій текстъ Библии, съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями (въ Базелѣ, 1535 г.) и руководство по грамматикѣ халдейскаго языка ²⁾ (1527 г.).

Громеку извѣстность, славу нѣмецкаго Страбона Мюнстеръ приобрѣлъ не помянутыми трудами, а своею космографіей, появившеюся въ печати въ сороковыхъ годахъ XVI в. ³⁾. Надъ нею онъ трудился

¹⁾ Онъ родился въ 1489 г. въ Ингельгеймѣ, обучался въ Гейдельбергѣ и Тюбингенѣ и съ 1529 г. сдѣлался сторонникомъ реформаціоннаго движенія. Въ Гейдельбергѣ онъ преподавалъ еврейскій языкъ и богословіе, а затѣмъ въ Базелѣ—математику. Здѣсь онъ умеръ въ 1552 г.

²⁾ Das Studium der Hebräischen Sprache in Deutschland vom Ende des XV bis zur Mitte des XVI Jahrhunderts v. *Ludwig Geiger*. Breslau, 1870. S. 74 и сл. На стр. 81—82 объ изданной Мюнстеромъ Библии; на стр. 86 о халдейской грамматикѣ, имъ же изданной («ist er als erster Verfasser eines grammatischen chaldäischen Lehrbuches zu erwähnen»).

³⁾ *M. Vivien de Saint Martin* говоритъ, что первое изданіе космографіи Мюнстера явилось въ 1544 г., на нѣмецкомъ языкѣ, *Histoire de la Géographie*, Paris, 1873, p. 398; то же и *J. Löwenberg*, *Gesch. der Geographie*, Berlin 1866, S. 250. Но въ книгѣ: «Brive Description de la Pologne par Sébastien Münster», «Extrait de la Cosmographie universelle publiée à Bâle en 1552», Paris, 1872, P. L. Jacob, bibliophile, указываетъ на первое изданіе въ 1541 г. въ Базелѣ (p. 6.). *Adelung* замѣчаетъ: «Ebert, II, S. 169, erklärt die Ausgabe (Cosmogr. Seb. Münster's) von 1541, die sich doch wirklich in der Sammlung des Fürsten Labanoff Rostowsky befindet (Catalogue, p. 19 u. 232) für einen Irrthum und beweist, dass die erste Ausgabe von 1544 ist, въ ст. «Ueber die älteren ausländischen Karten von Russland», Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reiches, *Baer* u. *Helmersen*, IV B., St. Pet., 1841, S. 19—20. Въ Императорской Публ. Библ. мы нашли слѣдующія изданія: 1550 г.— на лат. яз., 1556 г.— на франц. яз., 1575 г.— на итал. яз., и 1598 г.— на нѣмец. яз. Кромѣ помянутыхъ въ «Briefe Description», p. 6, упом. изд. на нѣмец. яз. 1550 г., 1559, 1569, 1574, 1578, 1592, 1614; на лат. 1554, 1559; на франц. 1552, 1565; на итал. 1558 г. Въ *Wigand's Conversations Lexikon*, B. IX (Leipzig, 1849), S. 283, упом. изд. 1554 г. въ Прагѣ, на чеш. яз., и 1558 г., на англ. яз. *Löwenberg* говоритъ, что космографіа Мюнстера въ продолженіе столѣтія имѣла 24 изданія (*Gesch. d. Geogr.*, S. 250).

въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, тщательно собирая и сводя въ одно цѣлое свѣдѣнія, имъ извлекаемыя изъ болѣе извѣстныхъ въ его время литературныхъ памятниковъ и доставляемыя ему многими и лицами и учрежденіями, свѣтскими и духовными владѣтелями, магистратами, учеными и художниками. Восемнадцатилѣтніе труды увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Космографія Мюнстера явилась замѣчательнѣйшимъ, по своему времени, сводомъ историко-географическихъ и біологическихъ данныхъ и въ значительной степени способствовала распространенію географическихъ свѣдѣній и послужила образцомъ для послѣдующихъ составителей космографій ¹⁾. Она выдержала множество изданій, не смотря на то, что заключала въ себѣ болѣе 1100 страницъ, въ листъ (въ изд. 1552 г.—1163 стр.), и была переведена на языки французскій, италіанскій и др. Такое значительное распространеніе ея объясняется тѣмъ, что она отличалась общедоступнымъ, объективнымъ изложеніемъ, была занимательна не только для человѣка образованнаго, какому бы религіозному ученію онъ ни слѣдовалъ, но и для простаго человѣка, какъ желалъ того самъ авторъ, художественная сторона его космографіи была также привлекательна и поучительна ²⁾.

Кромѣ картъ, приложенныхъ на отдѣльныхъ листахъ и находящихся въ самомъ текстѣ, она заключала въ себѣ портреты государей съ ихъ гербами и множество прекрасныхъ рисунковъ, которые давали наглядное понятіе и о человѣкѣ, и объ окружающей его обстановкѣ, и о животныхъ, и о растеніяхъ въ самыхъ противоположныхъ по своимъ особенностямъ и рѣзко другъ отъ друга отличающихся частяхъ земнаго шара.

Вслѣдъ за описаніемъ Польши въ космографіи Мюнстера помѣщено описаніе Литвы, Самогитіи и Руссіи.

На источники, по которымъ составлено описаніе этихъ странъ,

¹⁾ *Löwenberg*, 251, 253; *Peschel*, по изд. 1877 г., 448; *Мюнстеръ*, по изд. Вазельскому, 1552 г. Praefatio, p. 5 об.

²⁾ Вотъ что говоритъ *Мюнстеръ* въ посвященіи королю Густаву Вазѣ, которое было написано въ 1550 г. въ Базель: «Ich hab hie ein Compendium und kurzen Begriff von allen Ländern des Erdtrichs dem gemeinem Mann wollen fürsreiben, sich darin mit lesen zu erlustigen, und den Gelehrten ein weg anzeigen, wie man noch so viel Teutscher Chronographien auch gar nützliche Cosmographien schreiben möchte, wie ich dann solches vor achtzehnen jaren hab understanden unnd angefangen mit diesem Werk, nachgefolgt dem Hochgelehrten Mann Straboni» (приведено нами по изд. 1598 г. стр. Aij. об.).

авторъ не сдѣлалъ указаній, и поэтому для оцѣнки сообщенныхъ имъ извѣстій объ этихъ странахъ исторической критикѣ предлежитъ опредѣленію этихъ источниковъ, при чемъ задача ея нѣсколько облегчается приложеннымъ въ началѣ обозрѣваемой космографіи перечнемъ писателей, сочиненіями которыхъ пользовался ея составитель, хотя въ этомъ перечнѣ и нѣтъ указаній на самыя сочиненія, изъ которыхъ внесены были свѣдѣнія въ космографію.

Источники эти слѣдующіе: 1) сочиненіе Энея Сильвія Пикколомини „De Polonia, Lithuania et Prussia siue Borussia“; 2) сочиненіе Деція „De vetustatibus Polonorum“; 3) сочиненіе Матвѣя Мѣховскаго „Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana“.

Эней Сильвій Пикколомини, вступившій на папскій престолъ въ 1458 году подъ именемъ Пія II, замѣчательнъ и какъ политическій дѣятель, письма котораго заключаютъ въ себѣ важныя свѣдѣнія по исторіи нѣмецкой, чешской, венгерской, турецкой, польской, италіанской и французской, и какъ писатель-географъ, многое знавшій, благодаря своей многолѣтней и разнообразной служебной дѣятельности, по личнымъ, очень мѣткимъ наблюденіямъ, и наконецъ какъ историкъ своего времени ¹⁾.

Къ числу наиболѣ замѣчательныхъ его сочиненій относится „La Description de l' Asia et de l' Europa“, представляющее первый опытъ общаго географическаго описанія земли, извѣстное намъ по изданію 1531 г. ²⁾. Здѣсь-то и находится, какъ отдѣльная глава, то именно сочиненіе „De Polonia, Lithuania et Prussia siue Borussia“, выписки изъ котораго о природѣ Литвы и ея произведеніяхъ составляютъ начало описанія ея въ космографіи Мюнстера. Выборъ этого источника можно считать удачнымъ, такъ какъ Эней имѣлъ всѣ средства собрать свѣдѣнія о тѣхъ областяхъ, которыя входили въ составъ Польско-Литовскаго государства ³⁾, и немногія свѣдѣнія, имъ сообщенныя о нихъ, были цѣнными и въ XVI в., какъ это видно и изъ

¹⁾ «Enea Silvio de Piccolomini, als Papst Pius der Zweite und seine Zeitalter» v. Dr. Georg Voigt, 1 B., Berlin 1856; 2 B., 1862, S. 304, 313, 334, 336; 3 B. 1863; «Die Briefe des Aeneas Sylvius» v. Georg Voigt въ Archiv für Kunde öster. Gesch.-Quellen, B. XVI, Wien 1856, S. 321—424.

²⁾ Seb. Ciampi, Bibliogr. critica, Firenze 1834, p. 2, указываетъ на изд. «La Description» etc. 1544 года. Изданіе 1531 г. находится въ Императорской Публичной Библиотекѣ: «Pii II. Pon. M. Asiae Europaeque elegantiss. descriptio».

³⁾ Нарбутъ: «Dzieje narodu litewskiego», t. VIII, Wilno 1840, dod. IX, p. 41: «Eneasz Sylwiusz Piccolomini, legat w Polsce, i otęm kardinal i papież Pius II...»

того, что сочиненіе „De Polonia, Lithuania“ etc. было внесено Писторіемъ въ его замѣчательное изданіе *Polonicae historiae corpus* (Basileae, 1582, t. I, p. 1—6).

Изъ этого же Энеева сочиненія Мюнстеръ заимствовалъ относящіяся къ Литвѣ свѣдѣнія о семейныхъ нравахъ, о нецѣломудренности литовскихъ женъ, на что сѣтовалъ впоследствии и Михалонъ Литвинъ (1550 г.), и наконецъ—о религиозныхъ вѣрованіяхъ, которыя еще въ XV в. были сохраняемы Литовскимъ племенемъ во всей ихъ первобытной суровости. Послѣднія свѣдѣнія замѣчательны потому, что Эней собралъ ихъ, какъ онъ самъ засвидѣтельствовалъ, отъ Иеронима, распространявшаго христіанство между Литовцами ¹⁾.

Изъ сочиненія Юста Деція: „De vetustatibus Polonorum“, которое

¹⁾ Соч. Михалона Литвина въ *Арх. ист. юр. св.*, кн. 2, пол. 2 (М. 1854), отд. V, стр. 48—53 (50: «apud nos quaedam multorum virorum capitibus dominantur»). Эней, по изд. *Писторія*, т. I, стр. 2: «Matronae nobiles publicae concubinos habent». Мюнстеръ, по изд. 1552 г., стр. 906, строка 12: «inter se matronae palam concubinos habent».

Въ 1459 г. вундїемъ папы Пія II былъ Иеронимъ. *Длугошъ*, по изд. 1712 г., II, 251 С («Interim duo Summi Pontificis Pii Papae Nuncii, videlicet Hieronimus Cretensis archiepiscopus» etc.). См. также *Энцикл. powszechna*, Warsz. 1873, t. V, p. 250. По указанію проф. К. Н. Бестужева-Рюмина, болѣе подробныя свѣдѣнія объ Иеронимѣ были нами найдены въ соч. «Образъ Литвы» *I. Garoszewicza*, Wilno 1844, ч. II, стр. 17—18: «Ciekawe szczegóły o pobycie Hieronima w Litwie znajdujemy w naszym Strykowskiem (Kronika f. 445) i w dziejach Soboru bazylejskiego, na którym sam Hieronim w lat czterdzieści kilka po powrocie z Litwy, opowiadał swe trudy apostołskie i kręślił obraz tameznego bałwochwalstwa przed Papiętem Piusem II (Eneas Silvius) i Ojcami Soboru. Z téj relacji pokazuje się, że Hieronim działając z woli rządu, żadnego nie doznał oporu, póki we właściwej i tylko był Litwie, ale ze Żmudzki musiał go odwołać Witold, gdyż lud stawał w obronie swych gajów, świętych i zagrażał buntem».

Ib., стр. 171, пр. 12: «*Lenfant*, Hist. du Conc. de Constance, t. I, p. 15; *Bayle* Dict. hist. et critique. Suppl., t. III, p. 12; *Schröck*, Kirchen-Geschichte, B. XXX, p. 496, *Narbutt*, I, p. 471; V, p. 398. Hieronim, o którym mówimy, długi czas będącъ Kamendulą w Toskanii, wrócił do Pragi, lecz unikającъ herezji Husa, porzucił ojczyznę i przeszedł do Polski, zкъądъ опатрzonny listemъ Іаgiеллы удаł się do Литвы. Z powieści Hieronima krótkи образъ Polski i Литвы skreśliłъ Eneasъ Sylwiusъ. Opis ten znajduje się w jego dziele: *Cosmogr.*» etc. (Opera Franc. 1707, p. 272, cf. *Wiszniewski*, Hist. Literat., IV, p. 109). «O drugimъ такожъ Hieronimie z Pragi ale Hussycie, który cokolwiekъ później (przed rokiemъ 1403) równieżъ zwiedziłъ Litwę, wspomniemy niżej». «У Вишневецкаго», по замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина, «нѣтъ ничего особеннаго». О изъчествѣ въ Самогитіи см. *Gesch. Polens. v. Jacob Caro*, 3 Th. (Gotha, 1869), s. 419.

было издано вмѣстѣ съ первою появившеюся въ печати хроникою польскою Матвѣя Мѣховскаго, въ Краковѣ въ 1521 г., Мюнстеръ заимствовалъ свѣдѣнія объ Ольгердѣ и Ягеллѣ ¹⁾.

Первое изданіе польскаго лѣтописателя Матвѣя Мѣховскаго „Tractatus de duabus Sarmatiis Asiatica et Europaea et de contentis in eis“ вышло въ Краковѣ, въ 1517 г., и скоро сдѣлалось весьма извѣстнымъ. Оно было перепечатано въ 1518 г. въ Аугсбургѣ; въ 1521 г.— въ Краковѣ, подъ заглавіемъ: „Descriptio Sarmatarum Asiaticae et Europaeae et eorum quae in eis continentur“; въ 1532 г. въ сборникѣ, приписываемомъ Симону Гриневу: „Orbis novum regionum et insularum veteribus incognitarum, Parisiis; оно же было переведено на языки нѣмецкій и итальянскій ²⁾.

Всѣ приведенныя библиографическія данныя относительно Трактата о двухъ Сарматіяхъ указываютъ на то, что онъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ Мюнстеру за-долго до выхода въ свѣтъ его Космографіи, ранѣе, чѣмъ сочиненія, какъ Деція, такъ, можетъ быть, и Энея Пикколомини. Этотъ Трактатъ и послужилъ Мюнстеру главнымъ источникомъ для описанія трехъ вышепомянутыхъ мало извѣстныхъ странъ на востокѣ Европы. Извлеченія, имъ сдѣланныя, однако, не всѣ оказываются принадлежащими автору описанія Сарматіи; нѣкоторыя были выписаны послѣднимъ изъ хроники Длугоша, изъ которой Мѣховскій сдѣлалъ такъ много выписокъ и въ своей хроникѣ ³⁾.

¹⁾ *Mюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 907, строка 1—8. («Tunc Olgeridus frater ejus post multa bellorum pericula sublatis sex fratribus suis rem pub. tutatus est»)... Ср. въ хрон. *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., соч. «De vetustatibus Polonorum», стр. XXXVI, строка 19—20 (Olgerdus, «qui post multa bellorum pericula apud suos sublatis sex fratribus universam ferme rem pub. tutatus est...»); 24; 43—44; стр. XXXVII, строка 9 и сл. (Jagello—«hic paternis vestigiis inhaerens, suscepta cum finitimis populis bella prosequutus» etc.—тоже у *Мюнстера*. Деціусъ род. въ 1490 г., ум. въ 1547 г. О немъ см. *Bibl. histor. medii aevi v. Potthast*, Berlin 1862, I, 442; *L. I. Rycharski*, *Literatura Polska*. Krakow, 1868, I, стр. 215.

²⁾ *Отеч. Записки*, т. XCVII, отд. II, стр. 155: послѣ 1532 г. соч. Мѣховскаго «Descriptio Sarmatarum» было напечатано въ слѣдующихъ изданіяхъ: *Epitome orbis terrarum*, Venetiae, 1543 (по свидѣтельству *Вишневецкаго*, ч. VII, стр. 582) *Pistorius*, *Polonicae historiae corpus*, Basileae, 1582, t. I, p. 122—150. Послѣднія главы—о Москвѣ и сѣверныхъ странахъ Россіи—были напечатаны въ *Regum Moscoviticarum auctores varii*, Francofurti, 1600, p. 206—209 и *Старчевскимъ* въ I т. *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*, v. I.

³⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 906, 907, 909, 910. *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., Gij и об., Fij и об., Fij и об., Fij л. 2 Доб., Gij л. 2 и об. F и об.

Изъ трехъ нами указанныхъ источниковъ однѣ извѣстія внесены въ Мюнстерову космографію безъ всякихъ измѣненій въ текстѣ подлинниковъ, другія же подверглись перемѣнамъ въ слогѣ и сокращеніямъ. Такъ, сообщая свѣдѣнія о дани, которую платили Литовцы, Мюнстеръ словомъ „uilia“ замѣнилъ слѣдующія слова Мѣховскаго: „sola, perizomata et subega“, которыя послѣдній внесъ не только въ свой Трактатъ, но и въ хронику, изъ лѣтописи Длугоша ¹⁾).

Что касается до литературной обработки извѣстій о вышепоименованныхъ странахъ, то она далеко не удовлетворительна и носитъ на себѣ слѣды сдѣланныхъ изъ разныхъ сочиненій выписокъ, не приведенныхъ въ стройную систему. Такъ, послѣ замѣтки Энея Сильвія о языкѣ литовскомъ („sermo genti ut Polonis slavonicus“) излагаются свѣдѣнія о городахъ, религии и князьяхъ Литвы, далѣе о Самогитіи, а затѣмъ снова находимъ замѣчанія о языкѣ Литовскомъ, выписанныя изъ сочиненія Мѣховскаго.

Извѣстія о Литвѣ („Lithuania“) прерываются описаніемъ Самогитіи, и здѣсь сообщаются свѣдѣнія о князьяхъ Литовскихъ, при чемъ Мюнстеръ смѣшалъ двухъ сыновей Ольгерда Скиргайла съ Свидригайломъ, а затѣмъ снова приводятся свѣдѣнія о Литвѣ подѣ тѣмъ же вышеприведеннымъ заглавіемъ: „Lithuania“, и здѣсь излагаются заимствованныя изъ сочиненія Tractatus de duabus Sarmatiis свѣ-

---

Для опредѣленія заимствованій изъ хроники Длугоша въ Описаніи Сарматіи сл. въ Хрон., по изд. 1711 г., I, 343 А; 343 В—345 В и соч. Мѣховскаго, по изд. 1521 г., стр. Fijj , л. 2, строки 23—31; строки 32—стр. Fijj , л. 2 об., строки 1—20. «O Dzieciopisach Polskich» przez *Lukasza Gołębiowskiego*, 1825, стр. 90: «Pierwszy który Długosza przepisywał niego swoją tworzył kronikę był Maciey Miechowita».

¹⁾ Мюнстеръ, по изд. 1552 г. стр. 906, 907. Ср. Мѣховскій, Gij об., Fijj, G и об., Децій, XXXVI, XXXVII. Хроника Мѣховскаго, CCLXXI. Длугошъ, I, X, 115 А: «Lithuanica regio (въ хроникѣ Мѣховскаго: «Haec gens Lithuanorum») in annis superioribus, adeo contempta, obscura, et vilis fuerat, ut Kiiuvienses Principes ab ea et ejus incolis (у Мѣховскаго «et ejus incolis»—нѣтъ), ob egestatem et soli nativi sterilitatem, sola, perizomata et subera, in signum tantummodo subjectionis, exigenter». Въ изд. Мюнстера 1872 г. (перечен. съ изд. 1552 г.), 107: «les seigneurs et princes de Kinie (sic) n'ont pu prendre d'eux autre chose en signe de subjection que des haillons, drappeaux, du liege et autres choses viles»; въ изд. 1598 г., стр. MCCXLCX: «Umschürz vn etliche Gärtenstuden. Въ Описаніи Сарматіи Мѣховскаго, по изд. 1518 г., Fijj, л. 2 об. «Schürtz und etlich Gärtenstauden. Карамзинъ, III, 40, замѣтивъ, что Литовцы въ древнѣйшее время платили Русскимъ князьямъ дань «шкурами, даже лыбями и вѣнками», сослался, въ прим. 65, на Стрыйковскаго, кн. VIII, гл. 6.

дѣнія о Великомъ Новгородѣ, о которомъ ничего не говорится въ описаніи Московіи ¹⁾).

Въ описаніи Самогитиі, находящемся въ Мюнстеровой космографіи, изданной на французскомъ языкѣ, передъ извѣстіемъ о томъ, что Витовтъ поселилъ близъ Вильны Татаръ, о чемъ говорится и въ сочиненіи Мѣховскаго „*Descriptio Sarmatiarum*“, и въ Мюнстеровой космографіи, изданной на латинскомъ языкѣ, находится слѣдующая замѣтка: „*Et après qu' il (Vitauude) eut conquesté par armes Paucen*“ (далѣе: „*il assaillist les Tartares, dezquelz il emmena une multitude infinie en Lithuanie*“ ²⁾). Откуда заимствовано это замѣчаніе—мы не знаемъ. Что же касается до переселенія Татаръ въ Литву въ княженіе Витовта, то объ этомъ мы имѣемъ рядъ извѣстій, указывающихъ на то, что переселенія эти были явленіемъ замѣчательнымъ. По свидѣтельству турецкаго исторіографа султана Мюрада IV—Пэчеви, жившаго въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія, Татары, бѣжавшіе изъ Кипчака, во время нашествія на него Тимура, въ 1391 г., поселились въ Литвѣ. По преданіямъ, число этихъ выходцевъ простиралось до 40,000 человекъ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ того, Татары Азовской орды, взятые Витовтомъ въ плѣнъ въ сраженіи, происходившемъ въ 1397 г. между Дономъ и Волгою, были поселены на берегахъ рѣки Ваки, въ 14 верстахъ отъ Вильны, въ самой Вильнѣ и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Троцкомъ, Ошмянскомъ и Лидскомъ, Новгородскомъ, Брестскомъ, на Волини и въ Августовской губерніи. Витовтъ далъ этимъ Татарамъ значительныя права, и они сохранили о немъ благоговѣйную память ³⁾).

¹⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 906—908 (907: «*Vladislaus rex Suitrigellum sive Skirgellum fratrem suum dedit Lithuaniae ducem*». *Эней Сильвій*, по изд. 1582 г., стр. 2 («*Sermo gentis Sclauonicus*»)... *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., Gijj. О Скиргайлѣ († 1396 г.) и Свидригайлѣ († 1452 г.) см. II. С. Р. Л., II, 351—352: 1386 г. «По смерти Людвига, короля Польскаго, Ягелло князь Литовскій обранъ есть за кроля до Польци... а Скиргайло его братъ оста на князствѣ Литовскомъ». 1392 г. Ягелло отдалъ княж. Литовское Витовту, который посадилъ въ Кіевѣ Скиргайлу. «А Свидригайло, братъ Ягелловъ... побѣже до Брижаковъ Прусскихъ»... Лѣт. Литов. въ *Зап. Ак. Наукъ по II-му Отд.*, I, стр. 29, 34, 39—40, 50, 52.

²⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 907; по изд. франц. 1556 г., стр. 1125. «*Brieve description de la Pologne*» etc. par *Sebast. Münster*, Paris, 1872, p. 114. Въ изд. нѣмецк. 1598 г., стр. 1250: *Vitoldus* «zog... wider die Tartern, vnuud bracht ein grosse schaar Tartern mit ihm, die setzt er in der Littaw». *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. G.

³⁾ «Изсѣдованіе о происхожденіи и состояніи Литовскихъ Татаръ» — *А. Мул-*

Свѣдѣнія о жителяхъ Литвы, заимствованныя изъ сочиненія Мѣховскаго, знаменитый космографъ дополнилъ замѣткою о томъ, что пьянство, сильно распространенное у Литовцевъ, составляетъ порокъ, общій всѣмъ народамъ сѣвера.

Въ Космографіи, изданной на французскомъ языкѣ въ 1552 г., послѣ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ того же источника, о томъ, что Евреи въ Литвѣ добываютъ себѣ средства къ жизни собственнымъ, непосредственнымъ трудомъ, занимаются торговлею и содержатъ таможни и другія общественныя зданія, замѣчено, что Евреи въ другихъ странахъ живутъ только тѣмъ, что добываютъ проценты съ капитала ¹⁾.

Извѣстія о Руссиі почти всѣ заимствованы изъ того же столь извѣстнаго въ XVI в. Трактата о двухъ Сарматіяхъ.

Въ этомъ сочиненіи, въ ряду другихъ замѣчательныхъ данныхъ относительно „Руссиі“, находятся обстоятельныя извѣстія о географическихъ предѣлахъ ея области, и потому, понятно, онѣ обратили на себя вниманіе ученыхъ географовъ XVI в., хотя и были еще весьма далеки отъ истиннаго и полнаго опредѣленія этого загадочнаго для иностранцевъ того времени географическаго названія.

Сказавъ о томъ, что древніе писатели предполагали существованіе двухъ Сарматій, изъ которыхъ одну помѣщали въ Европѣ, а другую въ Азій, Матвѣй Мѣховскій перечисляетъ области, входившія въ составъ первой изъ нихъ, и къ нимъ относитъ тѣ, которыя населены Русскими или Рутенами, Литовцами и Москвитянами. Далѣе онъ упоминаетъ о томъ, что Кіевъ былъ главнымъ городомъ Руссиі до опустошенія ея Татарами въ XIII в. и посвящаетъ описанію ея особую главу, въ началѣ которой онъ говоритъ:

Литовскаго, напеч. въ изд. «Актъ въ Имп. С.-Пб. унив.», С.-Пб. 1857 г., стр. 122—126; П. С. Р. Л., II, 352 (1397 г.). Хроника *Длугоша*, по изд. 1711 г., I, 153 С и Д; Хроника *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., I, IV, с. XLI, р. CCLXXIII (1397 г.); *Kronika Strykowskiego*, t. II, Warszawa, 1846, стр. 113.

¹⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 909, строка 5—6: «Habent Lithuani sicut et fere omnes septentrionales populi pessimam in conuiuando consuetudinem, praesertim potentes»... 908, строка 43—44: Judaei in Lithuania «laborant atque mercantur: telonea et officia publica tenent et non uiuunt de usuris». «Briefve description de la Poloigne» etc. par. *Seb. Münster*, extrait de la *Cosmogr.*, publiée à Bale en 1552, Paris, 1872, p. 120: «et ne vivent point d'usures comme font les autres Juifs ailleurs»... Въ Космографіи на французскомъ яз., 1556 г., стр. 1128.

„Послѣ того какъ мы сказали о Сарматіи Азіатской, называемой Скиѣей, остается сказать о Сарматіи Европейской, и въ ней прежде всего встрѣчается (occipit) Руссія, нѣкогда называвшаяся Роксоланією. Ея восточная граница (latus) прилегаетъ къ рѣкѣ Танаису (Tanais) и болотамъ Меотійскимъ, отдѣляющимъ Азію отъ Европы“. Въ той же главѣ Матвѣй замѣчаетъ: „близъ горъ Сарматскихъ обитаетъ племя Рутеновъ“; „Руссія же на югѣ ограничена Сарматскими горами и р. Тирасомъ, которую жители называютъ Нѣстромъ (Niestr). На востокѣ оканчивается Танаисомъ и Меотидами (Meotidibus), и островомъ Таврскимъ (Taurica). На сѣверѣ (граничатъ) Литвою (Lithuania), на западѣ же Польшею“¹⁾.

Альбертъ Кемпенскій и Іовій также отличаютъ Руссію отъ Московіи. Замѣчательно, что италіанскіе путешественники, сообщившіе первыя свѣдѣнія о Московіи, Барбаро и Контарини, называли ее Русью. Краткія извѣстія, однако, этихъ писателей о ней были малоизвѣстны, и въ иностранной литературѣ XVI в. за нею утвердилось названіе Московія, а ея обитателей называли Москвитянами. Эти-то названія постоянно употребляетъ и Мюнстеръ²⁾.

Воспитанные подъ вліаніемъ классической литературы, иностранные писатели первой половины XVI в. старались отыскивать и въ древней географіи названія, соответствующія названіямъ Russia и Moscovia, и эти старанія оказывались не безуспѣшными. Матвѣй Мѣховскій, Фабръ, Іовій, а за ними и Мюнстеръ, были убѣждены въ томъ, что Russia и Roxolania, Russi, Rutheni и Roxolani—названія несомнѣнно тождественныя, а названіе Москвитяне—Іовій сблизилъ съ древними Мосхами и Модоками.

У Мюнстера въ описаніи Руссіи находимъ и названіе Alba Russia—область близъ Танаиса и Меотійскихъ болотъ, подвластную великому князю Московскому. Іовій всю Московію называетъ Бѣлою Русью. А фра-Мауро, подраздѣляя всю Россію на Бѣлую, Черную и

¹⁾ *Матвѣй Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Aiiij, Av, Eijj л. 2 об., F.

²⁾ Биб. ин. писателей, С.-Пб. 1836, *Іовій*, 64 (р. п. 27) и др. *Кампензе*, 62—63 (р. п., 20)—не точенъ: въ подл. «con grandissima pertinacia seguitano nelle cose sacre il costume Greco et lo schisma de Patriarchi; Constantinopolitani, et a loro rendono honore ubbidienza»; въ р. п.—«слѣдуетъ съ неколебимостью греческому закону и признаетъ надъ собою власть Константинопольскаго патриарха», ср. 60—62 (р. п., 15, 17, 18), *Барбаро*, 95: «Per il fiume a contrario d' asoia si puo navigare infino appresso il Moscho terra di Rossia»... (р. п., 57); *Контарини*, 168—169 (р. п., 88—91).

Червонную (*Russia bianca, negra, rossa*) замѣчаетъ, что „это различіе не имѣетъ иной причины, какъ то, что часть Россіи по сю сторону Бѣлаго моря называется Бѣлою, другая, что по ту сторону рѣки Черной, называется Черною, а та, что по ту сторону рѣки Червонной, называется Червонною“. Предполагаютъ, что подъ именемъ Бѣлаго моря фра-Мауро разумѣлъ Байкальское озеро. На картѣ его встрѣчается также названіе Великой Россіи ¹⁾.

II.

Время составленія Мюнстера описанія Московіи (1534 г.). Иностранныя сочиненія о Московской Руси, появившіяся въ печати до сороковыхъ годовъ XVI в.,— Коптарини, Матвѣя Мѣховскаго, Іовія Фабра, Барбаро, Альберта Кампенскаго. Извѣстія Мюнстера, заимствованныя изъ источника неизвѣстнаго, о пространствахъ, занимаемыхъ Москвою, о монетахъ, объ обычаяхъ избранія правителей, объ одеждѣ и украшеніяхъ и о нравахъ. Къ какому времени относится этотъ неизвѣстный намъ источникъ? Мюнстерово замѣчаніе объ языкѣ славянскомъ и свидѣтельства о немъ Матвѣя Мѣховскаго, Іовія и Фабра. Извѣстія, заимствованныя Мюнстеромъ изъ сочиненія Мѣховскаго «*Tractatus de duabus Sarmatiis*». Свидѣтельство Мюнстера, Альберта Кампенскаго, Іовія, Мѣховскаго, Іоанна Ласкаго и Фабра о числѣ войска въ Московіи. Извѣстія, заимствованныя Мюнстеромъ изъ сочиненія Іовія: «*De legatione*» etc. Свидѣнія, заимствованныя Мюнстеромъ изъ сочиненій Плинія и Аристотеля.

Отъ описанія Литвы Мюнстеръ переходитъ къ Московіи, описаніе которой было составлено имъ, какъ можно догадываться, въ тридцатыхъ годахъ XVI в. ²⁾ Въ это время печатная западно-европейская литература была еще очень небогата извѣстіями о Московской Руси. Въ 1487 г. въ Венеціи было издано путешествіе Амвросія Конта-

¹⁾ *Фабръ*, по изд. 1526 г., стр. А 3. Библ. ин. писателей, С.-Пб. 1836 г., *Іовій*, стр. 62, 67, 64: «*quum ipsa Moschovia Russia alba nuncupetur*», въ изд. R. M. C., 1556 г., 163 А (р. н., 22, 32—33, 27). *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Еііј, л. 2 об. *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 909: строка 39—40: «*Versus Tanaim vero et Maeotim ubi alba est Russia sub Moscovitarum principis dominio*». О Роксоланахъ и Мосхахъ см. *Wörterbuch v. Bischoff. u. Möller*, Gotha, 1829, S. 880, 765—766; «*Die Deutschen u. Nachbarstämme*» v. *Kaspar Zeuss*, München 1837, S. 279—280, 282—283. «*Handbuch d. alten Geogr.*» v. *Forbiger*, 2 B., Leipzig, 1844, S. 442; Слав. Древн.—*Шафарика*, т. I, кн. 2, М. 1848, стр. 116—118. *Материалы для истор. географическаго Атласа Россіи*, С.-Пб. 1871, стр. II.

²⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 913: «*Jo Jatzki, unus olim ex principib. Moscoviae, qui nunc post magni ducis Basilii e uicis decessum ob seditionem leuem magnatum quorundam ac relictum tenerae aetatis Basilij filium ad iniunctissimum Poloniae Regem Sigismundum confugit*».

рини, посла Венеціанской республики въ Персидскому государю Узунъ Гассану, совершенное въ 1474 г. Изъ Персіи Контарини возвратился въ свое отечество черезъ Астрахань и Москву, гдѣ находился съ 25-го сентября 1476 г. по 21-е января 1477 г. Если вѣрны указанія на время появленія въ печати сочиненія Контарини въ концѣ XV в., то во всякомъ случаѣ, оно оставалось весьма мало извѣстнымъ до того времени, пока не вошло въ составъ сборниковъ, напечатанныхъ въ Венеціи въ 1541 году, Ант. Мануціо: „Viaggi fatti da Venetia alla Tana“, перевязано было по указанію Аделунга, въ 1543 и 1545 гг. и затѣмъ во второй половинѣ XVI в. Рамузіо въ его Raccolta, во второмъ томѣ, выдержавшемъ нѣсколько изданій¹⁾.

Затѣмъ, какъ мы уже упоминали выше, въ первой четверти XVI в. сдѣлалось весьма извѣстнымъ сочиненіе Матвѣя Мѣховскаго (1517—1521 гг.). Съ 1525 г. впервые, сколько извѣстно, въ западно-европейской литературѣ появляются сочиненія, главное содержаніе которыхъ составляли извѣстія о Московіи, и замѣчательно, что эти сочиненія были написаны со словъ Русскихъ людей иностранцами, никогда не бывавшими въ Московіи. Одно изъ нихъ—италианскаго историка Іовія: *Libellus de legatione Basilii magni principis Moschouiae ad Clementem VII. Pont. Max., in qua situs Regionis antiquis incognitus, religio gentis, mores et causae legationis fidelissime referuntur*“, издано въ 1525 г. въ Римѣ, въ 1527 и 1537 гг.—въ Базелѣ, въ 1545 г. тамъ же и въ Венеціи, въ переводѣ на италіанскій языкъ²⁾; дру-

¹⁾ Библ. ин. писателей, С.-Пб. 1836 г., *Контарини*, стр. 9, 180 (р. п., 113) *Adelung*, I, 148, 5—6, 9. «Vergleichung des älteren und neuern Ruslands» v. C. Meiners, I B., Leipzig 1798, s. 3: о путешествіи *Барбаро* и Контарини—«Ich glaube nicht, dass diese Reisen früher, als die Sammlung des Ramusio, gedruckt worden sind, weil sie von keinem Schriftsteller aus der ersten Hälfte des XVI Jahrhunderts angeführt werden». Это замѣчаніе, однако, по отношенію къ соч. Контарини, оказывается невѣрнымъ. Въ изд. *Graesse: Trésor de livres rares*, t. II, Dresde 1860, p. 255, упом. объ изд. путешествія Контарини въ 1487 г. въ Венеціи. Замѣчаніе въ Библ. ин. пис., С.-Пб. 1836, стр. 9, о томъ, что это путешествіе было издано въ первый разъ въ 1483 году, нуждается въ подтвержденіи.

²⁾ Въ *Cat. d. Russica*, I, p. 601, указаны изд. 1525, 1527, 1545 гг. (пер. аппи на итал. яз.). *Adelung*, I, 188—189, указываетъ на изд. 1537, 1545 гг. въ Базелѣ и въ Венеціи итал. переводъ. Послѣ 1545 г. соч. Іовія имѣло слѣдующія изданія въ Базелѣ: 1551, 1557, 1571, 1578 гг. Оно же было напеч. въ Р. М. С. *Герберштейна*, въ Базелѣ, 1551, 1557, 1571 гг.; въ «*Orbis novus*», 1555 г., въ изд. «*Von der Türkischen Keysern härkommen*»... Ac., Basel, 1564; R. M. aucto-

гое — ученаго епископа Вѣнскаго Іоанна Фабра: „Ad serenissimum principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscovitarum juxta mare glaciale religio“, Basileae, 1526 ¹⁾).

Въ 1543 г. появилось въ печати въ сборникѣ Антоніа Мануціо, изданномъ въ Венеціи, путешествіе Іосафата Барбаро въ Тану, совершенное имъ въ 1436 г., и въ Венеціи, „Lettera d'Alberto Campense, che scrivo al beatissimo Padre Clemente VII intorno alle cose di Moscovia e delle stato de' Moscoviti et con quanta facilità si ridurrebbero alla vbedienza della Santa Chiesa Romana“ ²⁾). Въ первомъ весьма немногія извѣстія касаются Москвы; для втораго главнымъ источникомъ послужило сочиненіе Мѣховскаго.

Какъ видно изъ представленнаго перечня, большая часть приведенныхъ въ немъ сочиненій была издана въ Венеціи, съ которою завелъ, какъ извѣстно, дѣятельныя сношенія великій князь Иванъ III. Изъ всѣхъ помянутыхъ въ томъ же перечнѣ авторовъ въ Московіи былъ только Контарини; сообщившіе же изъ нихъ наиболѣе замѣчательныя свѣдѣнія были обязаны Русскимъ людямъ: Матвѣй Мѣховскій собиралъ свѣдѣнія, между прочимъ, отъ русскихъ плѣнныхъ, Фабръ отъ русскихъ пословъ, бывшихъ въ Вѣнѣ, Іовій—отъ Дмитрія Герасимова. Какъ увидимъ, Мюнстеръ для описанія Московіи по преимуществу пользовался извѣстіями Матвѣя Мѣховскаго и Іовія. Сочиненія о Московіи этихъ двухъ извѣстныхъ писателей-историковъ XVI в. въ ряду

ges varii, Francofurti, 1600. Въ переводѣ съ латинскаго языка сочиненіе Іовія имѣло слѣдующія изданія: на итал. яз., Venezia, 1583 г.; на нѣм. яз., Basel, 1567; Frankfurt a. M., 1576, 1579 (*Adelung*, I, 188—191. Cat. d. Russica, I, 1564, p. 601).

¹⁾ Въ концѣ сочиненія Фабра подписано: «Data Tubingae, XVIII. Septembris, MDXXV; не потому ли *Adelung*, I, 185, сдѣлалъ заключеніе о томъ, что 1-е изданіе появилось въ 1525 г., въ Тюбингенѣ? То же сочиненіе Фабра было перепечатано въ изд. 1600 г. «R. M. auctores varii», p. 130—141; въ 1841 г. «Hist. ruth. scriptores ext.» *Starzewski*, vol. I, отд. III; въ 1866 г. въ Женевѣ. Та часть этого сочиненія, которая заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о религіи, была переведена на англ. языкъ въ соч. *M. William Palmer*: «Dissertations on subjects relating to the orthodox or Eastern catholic communion», London, 1853, p. 32—45, на фран. яз. въ «Bibliothèque russe et polonaise», Nouv. sér., vol. 3, Paris, 1860. Русскій переводъ неполный, «Донесеніе д. Іоанна Фабра»..., въ *Отеч. Зап.* ч. XXV (1826 г.), стр. 286—305; ч. XXVII (1826 г.), стр. 47—67.

²⁾ Библ. ин. писателей, С.-Пб. 1836 г., стр. X, VIII; «Средневѣковые путешествевники», изъ *Länder u. Völkerkunde in Biographien v. Kuhn*,—въ *Ит. Москв. Общ. Ист. и Древн.*, 1864 г., кн. 4, отд. IV, стр. 232. Cat. de Russica, I, p. 198, № 66.

другихъ, появившихся въ печати съ конца XV столѣтія до начала сороковыхъ годовъ, отличались наибольшею достовѣрностію и не даромъ возбудили на западѣ живѣйшее вниманіе.

„Московія“, говорится въ Космографіи,—„страна очень обширная, столица которой называется Моска или Мосева (Moscha, Moskuua); она лежитъ при р. Москвѣ и имѣетъ 14 миль въ окружности. Нигдѣ здѣсь не употребляютъ чеканнаго серебра. На средней площади есть камень квадратной формы. Если кто взойдетъ на него, и оттуда насильственно свести его (будетъ не возможно), тотъ приобретаетъ власть надъ городомъ. О возведеніи (кого-либо) на это мѣсто и низведеніи съ него жители ведутъ великій споръ и по этому дѣлу очень часто вступаютъ въ ратоборство... Народу ненавистно царское имя, вслѣдствіе чего онъ охотнѣе даетъ болѣе популярное званіе князь (dux). Кто управляетъ дѣлами, называется княземъ; онъ имѣетъ власть надъ всѣмъ народомъ. У (правителя) шапка нѣсколько выше, чѣмъ у другихъ вельможъ, въ остальномъ (онъ) ничѣмъ не отличается отъ нихъ. У нихъ сохраняется отеческій обычай—женщины привѣшиваютъ къ ушамъ драгоценныя камни и жемчужины, украшеніе (употребляемое) и мужчинами, но только юношами. Кто выходитъ замужъ во второй разъ, ту считаютъ достаточно цѣломудренною; (но) отъ той, которая вступаетъ въ третій бракъ, отворачиваются, какъ отъ безпутной; тоже распространяется и на мужей. Народъ склоненъ къ сладострастію и пьянству; послѣднее считаютъ дѣломъ похвальнымъ; первое дозволеннымъ, если только оно не нарушаетъ брака“¹⁾.

¹⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 910—911: «Est Moscovia regio latissima, in qua urbs regia vocatur Moscha et Moskuva, ad Moschum amnem sita, habetque 14 M. pass. in circuitu. Nullus hic signati argenti usus. Lapis est in medio foro quadrata forma, quem si quis ascenderit nec inde ui deturbari possit, principatum urbis obtinet. Ingens de ascensu loci et deiectu dimicatio inter indigenas, saepiusque ob eam rem pugnatum inter cives. Invisum genti regium nomen, idcirco *ducis appellatorum* (sic) libentius usurpant, ut magis popularem. Qui ibi rerum potitur dux dicitur, qui in totam gentem imperiam obtinet. Huic pileus paulo elatior, quam caeteris proceribus, caetero nihil ab aljis differens. Patrij moris est, mulieres gemmas et uniones ex auribus suspendere, decorum et maribus sed adhuc pueris. Quae iterum nupserit, satis castam ducunt, aversantur ut impudicam tertio nubentem, par in maribus offensa. Gens in Venerem prona ac bibacissima: hoc laudis loco ponunt, alterum licere arbitrantur, modo id fieri contingat citra omnem connubij offensam. De summa fidei cum Graecis sentiunt, par in cultu ceremonia et in coelites veneratio».

По замѣчанію проф. И. В. Помяловскаго—«ducis appellatorum» не имѣетъ

Таково начало Мюнстерово описанія Московіи, заключающее въ себѣ данныя, не заимствованныя, какъ увидимъ, изъ извѣстныхъ намъ источниковъ.

Относительно пространства, занимаемаго Москвою, имѣемъ слѣдующія, современныя Мюнстеру, данныя: по опредѣленію Матвѣя Мѣховскаго — она вдвое болѣе Флоренціи или Праги, по свидѣтельству Фабра—вдвое болѣе Кельна, а Іовій опредѣляетъ это пространство въ 5 миль ¹⁾).

Съ Мюнстеровымъ извѣстіемъ о томъ, что въ Московіи совсѣмъ не употребляютъ чеканнаго серебра, можетъ быть сопоставлено сообщенное Фабромъ свидѣтельство Волатерана объ употребленіи Москвитянами монеты безъ клейма. Если Мюнстеръ воспользовался этимъ свидѣтельствомъ, то вѣроятно, онъ извлекъ его не изъ сочиненія Фабра, такъ какъ послѣдній упоминаетъ о томъ, что въ Московіи находится въ обращеніи иностранная монета.

Кромѣ вышеприведеннаго извѣстія, въ Космографіи приводятся нумизматическія данныя, заимствованныя изъ сочиненія Мѣховскаго о томъ, что въ Московіи употребляется монета изъ чистаго серебра, называемая „dzingis“, „большая и малая, формы продолговатой, четырехугольная, не круглая, не шлифованная и не хорошо выравненная“. Какъ видно, на основаніи приведенныхъ въ Космографіи данныхъ, нельзя было составить себѣ сколько-нибудь отчетливаго и яснаго представленія о русской монетѣ. Впрочемъ, болѣе обстоятельныя и достовѣрныя свѣдѣнія о ней были впервые сообщены Герберштейномъ. У него же находимъ любопытное указаніе на то, что въ сѣверо-восточной Руси были въ обращеніи „продолговатыя серебряныя пластинки (portianculae), безъ изображенія и надписи, цѣною въ одинъ рубль“; „ни одной изъ нихъ“, замѣчаетъ Герберштейнъ, — „не суще-

---

смысла, и вмѣсто «*appellatorum*» слѣдуетъ читать *appellationem*. Въ изд. 1556 г., стр. 1129: «*Ilz ne peuvent endurer le nom de roy entre eux: et pourtant ilz souffrent plus volontiers ceux qui s' appellent ducz, comme vsurpans un nom plus populaire*» (въ изд. 1872 г., стр. 127).

¹⁾ *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Н об. «*bis maior quam Florentia Tusciae, aut bis maior quam Praga Bohemiae*». *Фабръ*, по изд. Старчевскаго, в. I, р. 4; въ изд. 1600 г., р. 132 А: «*duplo maior quam sit Colonia Agrippina*». Бябл. ин. публ. сателей, С.-Пб. 1836, *Іовій*, стр. 67 (р. п., 33); въ изд. R. M. C., 1556 г., 165 А: «*Oblongo etenim aedificiorum tractu, secundum Mosci fluminis ripam ad spatium quinque miliarum extenditur*». Ср. Опыты изученія русс. древностей и исторія *Ив. Забѣлина*, ч. 2, М. 1873, стр. 172—173.

ствуешь нынѣ“. Эти-то монеты, вѣроятно, и дали поводъ къ тому, что появились вышеприведенныя извѣстія, недостоверность которыхъ доказывается дошедшими до насъ не только отъ XVI в., но даже и отъ XV и XIV в. серебряными монетами князей Московскихъ, съ изображеніями и надписями ¹⁾).

О народномъ обычаѣ избирать правителей и освящать это избраніе возведеніемъ ихъ на камень говоритъ и Эней въ своемъ сочиненіи „De Polonia“... съ тою только разницею, что онъ указываетъ на существованіе этого обычая въ Новгородѣ, а не въ Москвѣ ²⁾). Такъ какъ особенности новгородскаго строя скорѣе могли дать поводъ къ извѣстіямъ Энея, то по видимому, можно предположить, что Мюнстеръ заимствовалъ это извѣстіе изъ вышеуказаннаго сочиненія Энея и отнесъ къ Москвѣ то, что слѣдовало отнести къ Новгороду. Это предположеніе могло бы получить вѣроятіе, еслибы всѣ источники данныхъ, вошедшихъ въ составъ Мюнстерово описанія Московіи, были намъ извѣстны, и именно здѣсь говорилось бы о Новгородѣ, а не въ описанія Литвы; еслибы мы могли утверждать, что въ XIV и XV вв. при вступленіи князя на московскій столъ не было ни одного обычая, который могъ бы объяснить происхожденіе разбираемаго извѣстія. Предположить, что оно заимствовано изъ какого-либо другаго источника, а не изъ указаннаго сочиненія Энея, возможно и потому еще,

¹⁾ Фабр, по изд. R. M. auctores varii, 1600 г., стр. 138, строки 22—24, 31—32 (по изд. 1562 г., стр. В 2; по изд. *Старческаго*, стр. 5, столб. 2): «Et cujus fere oblitus fuisset, Volateranus scribit, Ruthenos uti moneta non signata»... *Михоускій*, по изд. 1521 г., стр. Нij: «Monetam habent argenteam puri argenti dzingis nominatam, maiorem et minorem, formae oblongae quadrangularem non orbicularem non politam nec bene planatam.» Это мѣсто не совсѣмъ точно переведено въ *Отеч. Зап.*, т. ХСVII (1854), отд. II, стр. 149: «Монету чеканять въ Московіи изъ чистаго серебра и называютъ ее деньгами, которыя у нихъ двоякія: большаго и малаго размѣра. Эта монета не круглая, а продолговатая и четырехугольная, грубаго чекана и безъ полировки». *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 911, строка 31—32. *Герберштейнъ*, по изд. 1556 г., 57 В (р. н., 89). По *Карамзину*, IV, стр. 121, первое упоминаніе о рубляхъ относится къ 1321 г. П. С. Р. Л., III (Новг. 1 лѣт.), стр. 72 (2000 серебра); V (Сое. 1), стр. 216 (2000 серебра); VII (Воскр.), стр. 198 (2000 рублей серебра).

²⁾ *Polonicae Historiae corpus—Pistorii*, t. I, Basileae, 1582, p. 4: *Aeneas Sylvius*: *Nogardia*—«Lapis in medio fori quadratus est, quem qui ascendere potuerit, neque deiectionis fuerit, principatum urbis assequitur. Pro ea re in armis dimicant, saepeque una die plures conscendisse ferunt, unde saepe seditiones in populo emergere».

что обычай возведенія на камень избранныхъ народомъ верховныхъ правителей имѣлъ широкое распространеніе въ средѣ народовъ арійской вѣтви, а потому и свѣдѣнія о немъ могли рано проникнуть въ памятники западно-европейской литературы и могли быть переносимы хотя бы въ искаженномъ видѣ изъ одного памятника въ другой. Такова судьба многихъ извѣстій и историческихъ и географическихъ, въ которыхъ не безъ труда отыскиваются черты дѣйствительности¹⁾.

Слѣдующія затѣмъ въ Мюнстеровомъ описаніи извѣстія объ одеждѣ и украшенияхъ, о вступленіи въ бракъ и о правахъ подтверждаются позднѣйшими иностранными свидѣтельствами и не находятся въ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ, служившихъ источниками Мюнстеру для описанія Московіи, точно такъ и нами разобранное свидѣтельство о возведеніи правителей на московскій престолъ. Поэтому всѣ эти данныя мы имѣемъ право считать заимствованными изъ источниковъ, неизвѣстныхъ въ нашей литературѣ, и вѣроятнѣе всего—изъ одного каково-либо иностраннаго сочиненія о Московской Руси, а не изъ нѣсколькихъ, такъ какъ эти данныя не лишены нѣкоторой связи между со-

¹⁾ Объ обычѣ возводить на камень избранныхъ народомъ правителей см. «Русск. истор.» *К. Бестужева-Рюмина*, С.-Пб. 1872, I, 50—51. Въ дополненіе къ приведенному здѣсь описанію обряда настолованія Хорутанскаго князя приведетъ слѣдующую замѣтку, обязательно сообщенную намъ глубокоуважаемымъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ: «Изображеніе камня у Цѣловца (гдѣ стоялъ круглый столъ, высѣченный изъ мрамора, и на этотъ столъ Хорутане возводили своего князя) см. *Gartenlaube*, 1873. Настолованіе съ обрядомъ посаженія на камень—общій арійскій обычай (*И. П. Мамсоев*: «Нѣсколько словъ о будд. жатакахъ», *Ж. М. Н. Пр.* 1872, № 6; *Grimm* (Rechtsalterth.) стр. 234 и сл.; *Pictet*: *les Artyes primitifs*, II, 395). Вспоминиъ сконскій камень Шотландскихъ королей (изображеніе въ *Knight's Pictorial Shakespeare*, VII, 30; ed. 1867). Короли Англо-саксонскіе, вступая въ управленіе, становились на большой камень (*Palgrave*, *Hist. of the Anglo-Saxons*, 167; ed. 1869). О настолованіи ирландскаго выборнаго главы клана (избирали ближайшаго родственника покойнаго, то-есть, слѣдующаго брата) знаменитый поэтъ XVI в. *Спенсеръ* въ «View of the state of Ireland» говорить: «They use to place him that shall be their captaine upon a stone, always reserved to that purpose, and placed commonly upon a hill. In some of which I have seen formed and engraven a foot, which they say was the measure of their first captaine's foot; whereon hee standing receives an oaths to preserve all the ancient former customes of the contrey inviolable, and to deliver up the succession peaceably to his tanist (выбранный наследникъ), and then had a wand delivered unto him by some whose proper office that is; after which descending from the stone, he turned himself rund thrice forwards and thrice backwards». «*Poems of W. Scott*», 1876, *Rokeye*, 268 (см. также *Collection of ancient and modern english authors*, vol. CCXV, *Poetical works of Walter Skott*, vol. V, Paris 1838, p. 343).

бою, а Мюнстеръ, какъ увидимъ, не прерывалъ извлеченія изъ одного источника дополненіями изъ другаго. Неясность, недостоверность и неполнота этихъ данныхъ, составляющихъ начало Мюнстерово описанія Московіи, указываютъ на то, что сочиненіе, изъ котораго онъ заимствованы, должно быть отнесено ко времени предшествовавшему появленію въ печати сочиненій Матвѣя Мѣховскаго и Іовія. Можетъ быть не случайно это начало опущено въ изданіи Мюнстерово космографіи 1598 г. ¹⁾.

Къ даннымъ, заимствованнымъ изъ неизвѣстнаго намъ источника, можетъ быть отнесено также слѣдующее замѣчаніе Мюнстера: Москвитяне „говорятъ на языкѣ славянскомъ (sclauonica), хотя онъ до такой степени смѣшанъ съ языками чужими, что Славянинъ и Московитъ не понимаютъ другъ друга“ ²⁾. Такого замѣчанія нельзя было сдѣлать на основаніи намъ извѣстныхъ иностранныхъ свидѣтельствъ о русскомъ языкѣ.

Въ Московіи, говоритъ Матвѣй Мѣховскій,—одинъ языкъ и одна рѣчь, „то-есть, русская (Rutenicum) или славянская, во всѣхъ областяхъ (satrapiis) и владѣніяхъ, такъ что Вогуличи (Ohulci) и жители Вятки суть Русскіе (Ruteni) и говорятъ по русски“; Русскіе имѣютъ собственное письмо (progras literas) и алфавитъ, близкій къ греческому ³⁾.

¹⁾ Объ одеждѣ *Флетчеръ*: «The history of Russia», 1643, p. 276 (гл. XXVIII): «Without ear-rings of silver or some other metall, and her crosse about her neck, you shall see no Russe woman, be she wife or maid». (О брачныхъ обычаяхъ подробно говоритъ Герберштейнъ, R. M. C., 47 С (р. п., 74). О пьянствѣ и сладострастіи, Библиотека иностран. пис. 1836 г., *Барбаро*, 96 (р. п., 59); *Контарини*, 179 (р. п., 111; *Іовій*, 75—76 (р. п., 50—51); *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Hij. R. M. C., 55 А (р. п., 85).

²⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 911, строки 32—33 (по изд. 1872 г., стр. 130—131): «Sclauonica lingua loquuntur, licet externis linguis sic sit confusa, ut mutuo Sclauus et Moscovita se non intelligant». Въ изд. 1556 г., стр. 1132 (по изд. 1872 г., стр. 139): «Moscovites et Hongrois parlent un mesme langage»... Любопытно слѣдующее замѣчаніе въ изд. Мюнстерово космографіи 1598 г., стр. 1256, строки 4—5: «Sie haben im brauch die Sclauonische Sprach, darumb verstehen sie die Behemen un Poländischen: dann das ist die gröste Spraach die man in Europa findet».

³⁾ *Матвѣй Мѣховскій*, по изд. 1521 г., Hij об. «in Moskovia unam linguam et unum sermonem fore, scilicet Rutenicum seu Slauonicum in omnibus satrapiis et principatibus, sic quod etiam Ohulei et qui in Viatka degunt Ruteni sunt et Rutenicum loquuntur»... Ср. на стр. Fij: «Ruteni habitu et ecclesiasticis officijs grae-

Любопытно свидѣтельство Іовія: „Московитяне говорятъ языкомъ иллирійскимъ и подобно Славянамъ, Далматамъ, Богемцамъ, Полякамъ и Литовцамъ употребляютъ также иллирійскія письма. Этотъ языкъ, какъ говорятъ, наиболѣе распространенный изъ всѣхъ, ибо онъ употребителенъ въ Константинополѣ при дворѣ Османовъ, и (илирійскую) рѣчь недавно слушали не безъ удовольствія въ Египтѣ, у Мемфисскаго султана и мамелюковъ“¹⁾.

„Языкъ же“ (Москвитянъ), говоритъ Фабръ,—„весьма сходенъ съ языками богемскимъ, кроатскимъ и славянскимъ, такъ сходенъ, что Славянинъ вполне понималъ бы Московита, еслибы, какъ было замѣчено нѣкоторыми, у Москвитянъ не было произношеніе болѣе грубое и твердое. Языкъ же славянскій, какъ передаютъ историки, получилъ свое имя отъ смѣшенія, которое совершилось въ Вавилонѣ при Нимродѣ, этомъ исполинѣ ловцѣ (какъ называется онъ) въ книгѣ Бытія. Однако я не могу довольно удивиться тому, что между Далмаціей и Московіей лежитъ та и другая Паннонія (то-есть верхняя и нижняя). Венгерскій же языкъ не менѣе близокъ къ московскому, какъ языкъ родственныи. Вслѣдствіе чего можно догадываться, что эти племена (то-есть тѣ, которыя населяютъ Московію) нѣкогда воору́женными толпами (per legiones) переселились туда (то-есть въ Московію) изъ Далмаціи: поэтому-то Волатеранъ и утверждаетъ, что языкъ русскій—языкъ полудалматскій. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что у Богемцевъ, Кроатовъ, Далматовъ и Москвитянъ языкъ сходенъ, что мы узнавали отъ твоихъ переводчиковъ, которыхъ ты содержалъ у себя во дворцѣ, каждый разъ, когда мы были. Ибо хотя тѣ переводчики родились въ Кроаціи и Далмаціи, и никто изъ нихъ не бывалъ у Москвитянъ, не жилъ съ ними, все

cos insequuntur, habentque proprias literas et abecedarium instar et proximum Graecis, то же стр. Fij об.

¹⁾ Библ. ян. писателей, С.-Пб. 1836 г., *Іовій*, 74: «Moscovitae Illyrica lingua, Illyricisque litteris utuntur, sicuti et Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni et Lituani. Ea lingua omnium longe latissima esse perhibetur, nam Constantinopoli Ottomanorum in aula familiaris est, et nuper in Aegypto apud Memphiticum Sultanum et equites Mamaluchos haud ingratis auribus audiebatur» (въ Р. М. С. *Герберштейна*, по изд. 1556 г., 169—170). На стр. 46—47 слѣдующее мѣсто: «Ea lingua omnium longe latissima esse perhibetur» переведено такъ: «Ни одинъ языкъ, какъ увѣряють, не имѣетъ такого обширнаго и повсемѣтнаго употребленія, какъ илирійскій»; тамъ же «haud ingratis auribus audiebatur»—«былъ онъ въ большой чести».

же тогда присутствующіе (то-есть, московскіе послы) могли понимать ихъ¹⁾.

Сдѣлавъ общее замѣчаніе о томъ, что въ Московіи водятся животныя различныхъ породъ, много пушныхъ звѣрей, мѣха которыхъ имѣютъ высокую цѣну и множество рыбъ, Мюнстеръ излагаетъ слѣдующія извѣстія, извлеченныя имъ изъ соч. „Tractatus de duabus Sagmatiis“: о пространствѣ Московіи, имѣющей, по замѣчанію Мѣховскаго, весьма значительное протяженіе въ длину и ширину („regi longissima latissimaque“); объ изобиліи въ ней серебра; о недоступности владѣній московскаго государя для всякаго чужаго; о ровной, лѣсной и болотистой поверхности ея; о важнѣйшихъ рѣкахъ, при чемъ повторена грубая ошибка Матвѣя Мѣховскаго о впаденіи рѣки Волги въ Черное море; далѣе о климатѣ и его вліяніи на животныхъ; о внѣшнемъ видѣ Москвы; о напиткахъ, употребляемыхъ народомъ; о воздѣлываніи земли; объ употребленіи вина и о монетѣ.

Затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда извѣстій, большею частью извлеченныхъ изъ вышеуказаннаго сочиненія Іонія и относящихся къ той части Московіи, которая составляла ядро ея территории, встрѣчаемъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ того же сочиненія Tractatus de duabus Sagmatiis, а именно: о народахъ, живущихъ на крайнемъ востокѣ и сѣверѣ Европы, носящихъ излюбленное названіе Скивоувъ: Пермь, Башкиры, Югра и Корѣлы; о безчеловѣчномъ убіеніи епископа Стефана въ области этихъ народовъ; объ ихъ языческомъ идолослуженіи, при чемъ изображена и фигура молящагося челоуѣка, который, съ сложенными руками стоитъ на колѣнахъ передъ серповидною луною и солнцемъ, на которыхъ изображены лики божествъ²⁾.

¹⁾ Фабръ, по изд. 1526 г., Воб. (въ изд. R. M. auctores varii, 1600 г., стр. 132; строка 50—стр. 133, строка 10).

²⁾ Мюнстеръ, стр. 911, строки 14—24, 26—32, 34—53; стр. 913, строки 25—53. Милоскій, по изд. 1521 г., стр. Gij, л. 2 об. Н; Hjj; Н об.; Hjj об. Hjj; Djj, л. 2 об. См. Приложенія. Мейнерсъ, «Vergleichung des ältern und neuern Russlandes», I B., Leipzig 1798 г., в. 6, замѣчаетъ о Мюнстерѣ: «dieser mehrere Nachrichten durch Erkundigungen bey Gesandten erhalten hatte, die in Moskau gewesen waren. Eben daher liess Münster die Volga nicht in das Schwarze, sondern in das Caspische Meer fließen», при этомъ ссылается на стр. 1216—1220, изд. Вазел. 1550 г. Не знаемъ, на чемъ основана эта догадка Мейнерса. Можетъ быть онъ разумалъ Мюнстерову карту, на которой Волга впадаетъ въ Каспійское море; но въ космографіи Мюнстера, по изд. 1552 г., стр. 911: Volga influit in mare Euxinum». Въ изд. 1598 г., на стр. 1256, послѣ описанія народовъ и

Между заимствованными изъ трактата свѣдѣніями встрѣчаемъ, между прочимъ, замѣтку о томъ, что въ Московіи въ два или три дня можетъ быть собрано войска болѣе чѣмъ въ 200,000 человекъ. Откуда заимствована эта цифра—трудно сказать съ увѣренностью. Мѣховскій, опредѣляя количество войска, выставляемаго каждымъ княжествомъ, входящимъ въ составъ Московіи, не дѣлаетъ никакого общаго вывода; но слагая всѣ приводимыя имъ цифры, получимъ итогъ въ 158,000 человекъ. Гвѣзденскій архіепископъ Іоаннъ Ласскій въ донесеніи, представленномъ на Латеранскій соборъ 1514 г., упоминаетъ о томъ, что великій князь Московскій имѣетъ болѣе 200,000 всадниковъ. Но пользовался ли Мюнстеръ этимъ донесеніемъ—мы не знаемъ. Фабръ говоритъ, что великій князь можетъ собрать войска до 200,000 или до 300,000 чел. На основаніи числовыхъ данныхъ Альберта Кампенскаго получается итогъ въ 185,000 чел. всадниковъ (включая въ это число и казанскую рать); если же къ этому прибавить и число ратниковъ, которыхъ великій князь можетъ набрать изъ простолюдиновъ, то получится итогъ въ 285,000 человекъ. А Іовій сообщаетъ, что великій князь обыкновенно выставляетъ на войну болѣе 150,000 всадниковъ. Можетъ быть Мюнстеромъ сдѣланъ былъ ошибочный выводъ на основаніи сочиненія Мѣховскаго ¹⁾.

с. в. Европы, прибавлено: «Diese Landschaften Moscovien, Reussen, Littaw, und andere mitnächste Länder hat beschriben Doctor Mathias von Michow, ein Poländer der Wohnung halb, vnnnd hat sie vast selbs erfahen, vnnnd vndem hab ich zum grössen Theil genommen, was diese jetzgemeldte Länder antrifft».

¹⁾ Мюнстеръ, по изд. 1552 г., стр. 911, строки 25—26: «Multos ducatus habet, ex quibus ingruente bello plus quam ducenta millia hominum duobus aut tribus diebus contrahuntur». Въ изд. 1598 г., въ числѣ данныхъ относительно войска, заимствованныхъ изъ соч. Мѣховскаго, допущены грубыя ошибки, стр. 1253: 300,000 ч. и 600,000 ч., а у Мѣховскаго, по изд. 1521 г., стр. Н: triginta milia, «agrestium vero sexaginta milia» (въ изд. R. M. auctores varii, 1600 г., стр. 207; строка 10—11). «О русскомъ народѣ»—донесеніе Гвѣзденскаго архіеп. Іоанна Ласскаго, 1514 г., Hist. Russ. Mon., t. I, Petropoli 1841, стр. 123: «supra bis centum millia equitum habere consuevit». Фабръ, по изд. 1526 г., стр. А 3, л. 2 и об. «intra paucos dies aliquando bis aut ter centena millia, vel alias ingentem quandam multitudinem congregare potest...» (по изд. R. M. auctores varii, 1600 г., стр. 132, строки 34—35; р. н., От. Jan., т. XXV, 1826 г., стр. 298). «De Moskovia, ad Clementem VII Pont. Max. Albertus Campensis», изд. 1543 г., стр. 6. Іовій, по изд. R. M. С. Герберштейна, 1556 г., 172 А: «Supra enim centum et quinquaginta milia equitum Basilius ad bellum ducere consuevit». Вибл. ил. ил. ил. о Россіи, С.-Пб. 1836 г., Кампенсэ, 64—66 (р. н., 23—26); Іовій, 77 (р. н., 53: «Васкій можетъ выставить въ поле до 150,000 всадниковъ»).

Въ извлеченіяхъ Мюнстера изъ сочиненія Іовія „De legatione“ находимъ не мало извѣстій о такихъ предметахъ, о которыхъ уже говорилось въ Космографіи въ извлеченіяхъ изъ сочиненія *Tractatus de duabus Sarmatiis*¹⁾. Какъ видно, составитель Космографіи, подавленный обиліемъ матеріаловъ, не имѣлъ времени дать имъ соответствующую литературнымъ требованіямъ обработку. Извлеченія изъ сочиненія Іовія начинаются съ извѣстій о Герцинскомъ лѣсѣ: о животныхъ, въ немъ водящихся, бизонтахъ, лосяхъ, медвѣдяхъ и волкахъ; затѣмъ излагаются свѣдѣнія о пути отъ Вильны въ Москвѣ, о произведеніяхъ Московіи: растеніяхъ клѣбныхъ, воскѣ и медѣ, и приводится извѣстный разказъ Дмитрія Герасимова объ увязшемъ въ древесное душло крестьянинѣ, который, благодаря своей находчивости, былъ спасенъ медвѣдами²⁾. О медвѣдяхъ далѣе сообщаются подробнѣе свѣдѣнія изъ сочиненій Аристотеля и Плинія. На той же страницѣ, на которой говорится объ обиліи меда въ Московіи и о медвѣдѣ, находятся два рисунка: на одномъ изображена женщина, стоящая передъ деревомъ, на которомъ находится улей, на другомъ—изображеніе медвѣды съ поднятою лапою.

Послѣ выписки изъ сочиненія Плинія, Мюнстеръ, не упоминая о Іовіѣ, говоритъ: Дмитрій (Герасимовъ) писалъ, что у Московитянъ совсѣмъ нѣтъ рудниковъ, въ которыхъ находилось бы золото, серебро или (другой какой либо) менѣе благородный металлъ, за исключеніемъ желѣза; во всей странѣ нѣтъ и слѣда ни жемчуга, ни драгоценныхъ камней. Все это они получаютъ отъ чужихъ народовъ. Эта однако несправедливость природы, лишившей (ихъ) этихъ сокровищъ, вознаграждается торговлею самыхъ дорогихъ шѣвокъ. Это свидѣтельство Дмитрія Герасимова выписано, по всей вѣроятности, изъ сочиненія Іовія „De legatione“, при чемъ Мюнстеръ забылъ сопоставить эту выписку съ приведенною имъ же замѣткою изъ Трактата Мѣховскаго о томъ, что Московія—страна богатая серебромъ³⁾. Изъ сочиненія „De

¹⁾ Мюнстеръ, по изд. 1552 г., стр. 911, строка 53—стр. 911, строка 34. Библи. ин. писателей, С.-Пб. 1836 г., *Iovii*, 62, 63, 70, 71 (р. н., 23, 38—40).

²⁾ Мюнстеръ, по изд. 1552 г., стр. 912, строка 35—48. *Plini Secundi Naturalis historiae* l. XXXVII, rec. *Julius Sillig*, vol. II (1852), p. 107; lib. VIII, cap. XXXVI (54).

³⁾ Мюнстеръ, по изд. 1552 г., стр. 912, строка 54; стр. 913, строка 4; стр. 911, строка 14. Р. М. С.—*Герберштейна*, по изд. 1556 г., *Iovii*, 167 С. Библи. ин. писателей, С.-Пб. 1836, *Iovii*, 71 (въ р. н., стр. 40; остались не переведенными слова: «ferro exsarto»).

legatione* извлечены также свѣдѣнія о религіи Московитянъ, о богослуженіи, совершающемся на квасномъ хлѣбѣ, о необыкновенномъ изобиліи рыбы въ Волгѣ, объ осетрахъ и объ употребленіи на пирахъ привознаго вина ¹⁾).

На этомъ—извѣстія, заимствованныя изъ сочиненія Іовія, смѣняются свѣдѣніями Мѣховскаго о народахъ на востокъ и сѣверъ Европы и затѣмъ снова слѣдуютъ данныя, заимствованныя изъ того же сочиненія Іовія, о странѣ холмогорской, о р. Двинѣ, орошающей, подобно Нилу, прилегающую къ ней рѣчную область и о значительной мѣховой торговлѣ въ Устюгѣ ²⁾).

III.

Извѣстія въ Мюнстеровомъ описаніи Московіи, имѣющія значеніе въ русской исторической наукѣ. Содержаніе извѣстій о Московіи—Литвина Антонія Вида (Вида). Свидѣтельство Мюнстера объ окольничемъ Иванѣ Васильевичѣ Яцкомъ (Яцкомъ). Свѣдѣнія о немъ, находящіяся въ русскихъ и польскихъ источникахъ, съ 1517 г. Сраженіе подъ Опочкою. Участіе Ивана Яцкаго въ военныхъ походахъ. Бѣгство его въ Польшу. Мюнстерово описаніе Московіи въ литературномъ отношеніи.

Всѣ тѣ извѣстія въ Мюнстеровомъ описаніи Московіи, о которыхъ мы говорили, распадаются на двѣ группы: одни заимствованы изъ

¹⁾ *Мюнстеръ*, по изданію 1552 г., стр. 913, строки 4—10. Библ. ин. писателей, С.-Пб. 1836, *Іовій*, 71—72, 75 (р. п., 41—43, 49—50). Въ подл. лат. 75: «Ingentes etiam sapidissimosque pisces et ante alios Sturiones, quos Siluros antiquitus fuisse putamus, Volga graebet (тоже въ Р. М. С. *Герберштейна*, по изд. 1556 г., 170 С). Въ русск. переводѣ: sturiones—сомы. Подъ силурами классическіе писатели дѣйствительно разумѣли сомовъ (эр. le silure; греч. σίλουρος; ит. la chierra; нѣм. der Wels), которые принадлежатъ къ отд. Отверстопузыхъ, Physostome (см. «Объ этиологической сауѣ р. Волги»—*К. Кесслера*, Труды С.-Пб. общ. естествоисп., т. I, вып. 1, стр. 247). О нихъ подробно говоритъ *Плиній* въ своей *Hist. natur.*, IX, 44, 45, 58, 165; XXXII, 90, 93, 94, 104, 119, 125 и др. Но у *Плинія* и по легс. *Форчеллини* нѣтъ слова sturiones, а подъ словомъ silurus здѣсь замѣчено: *Iuvен.* 4, 32. «Ex hoc loco Juvenalis colligere licet silurum in Aegypto parvi pretii piscem fuisse, et inter vulgares cibos. Quare longe a vero abesse videntur, qui Italorum storione fuisse putant». «Novum glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis» v. *Lorenz Diefenbach*, Frankfurt am Main, 1867, p. 352: Sturio,—gio—nus, stōre и др. нѣм. stōr—осетръ,—принадлежитъ къ разряду эмалево-чешуйчатыхъ (Ganoidei), см. ст. *Кесслера*, стр. 285. На основаніи всѣхъ этихъ указаній можемъ полагать, что *Іовій* ошибся, причисливъ стуріоновъ къ разряду силуровъ. *Герберштейнъ* извѣтъ ошибки *Іовія* и сдѣлалъ справедливое замѣчаніе: «Sterlet, Schevuriga, Osseter: postrema tria Sturionum genera», Р. М. С., по изд. 1556 г., 67 С.

²⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 913, строки 43—51. Библ. ин. писателей, С.-Пб. 1836 г., *Іовій*, 65—66 (р. п., 29—30).

источниковъ намъ неизвѣстныхъ, другія—изъ книги Матвѣя Мѣховскаго и сочиненія Іовія. Изъ этихъ извѣстій, не лишенныхъ, конечно, значенія и интереса въ трудѣ, имѣвшемъ своею задачею представить общее описаніе земной поверхности и жизни обитающихъ на ней племенъ, могли бы имѣть нѣкоторое значеніе для русской исторіи именно тѣ, которыя заимствованы изъ неизвѣстныхъ источниковъ. Но эти данныя сомнительны и не отличаются достовѣрностью. Право на нѣкоторое значеніе и въ русской исторической наукѣ даютъ Мюнстерову описанію Московіи любопытныя свѣдѣнія объ Антоніѣ Видѣ, „Яцкомъ“ и Герберштейнѣ.

„Литвинъ Антоній Видъ (Vuied)“, говоритъ Мюнстеръ,—„такъ повѣствуетъ о Московіи: мы опредѣлили, на сколько могли тщательнo, мѣстонахожденія городовъ, крѣпостей, морей, болотъ и источниковъ, разстояніе между ними, теченіе рѣкъ, извилины и истоки, которые, по большей части, берутъ начало съ ровной земной поверхности или вытекаютъ изъ большихъ озеръ“¹⁾.

Это свѣдѣніе о неизвѣстномъ въ исторической литературѣ писателѣ въ ряду немногихъ намъ извѣстныхъ иностранныхъ писателей конца XV и первой половины XVI в., сообщившихъ намъ свѣдѣнія о Московіи, должно быть сопоставлено съ замѣткою Герберштейна о томъ, что въ его время о Московіи писали Іовій, Фабръ и Антоній Видъ (Bied). По всей вѣроятности, послѣднее имя тождественно съ именемъ Vuied²⁾.

Послѣ приведенныхъ нами замѣтокъ о Видѣ въ Мюнстеровой космографіи помѣщены слѣдующія любопытныя и также не лишеныя значенія для русской исторіи извѣстія:

„Для того же, чтобы узнать объ этомъ (то-есть, о томъ, что заклю-

¹⁾ Мюнстеръ, по изд. 1552 г., стр. 913.

²⁾ В. М. С., по изд. 1556 г., Praef, а 2 об. «Et quamvis de Moscovia plures... scripserunt... Paulus Jovius... Joannes Frbri et Antonius Bied, cum tabulas, tum commentarios reliquerint». Это предисловіе писано въ 1549 г., следовательно и то сочиненіе Антонія Вида о Московіи, при которомъ, какъ можно предполагать, была приложена карта, относится ко времени предшествующему первому изданію Записокъ о Московіи. Въ предисловіи же къ извѣстному сочиненію Николая Виттеса «Noord en Oost Tartarye», Amsterdam, 1692, стр. 3 об., приведено слѣдующее любопытное извѣстіе: «In't jaer vijftien hondert vijf en vijftigh, is een karte van Ruschlandt, met een gedeelte van Siberia en Tartarye, in't Busch en Latijn aen't licht gegeven, door eenen Antonis Wied, tot Dansk». Этого Антонія Вида не то же ли самое лицо, о которомъ говорятъ и Мюнстеръ, и Герберштейнъ?

чалось въ сочиненіи Антонія Вида), не малую помощь оказавъ намъ [то-есть, Антонію Вида] господи́нъ „Jo Jatzki“, нѣкогда принадлежавшій къ вельможамъ московскимъ, который ннѣ, послѣ смерти великаго князя Васи́лія, оставившаго малолѣтнаго сына, бѣжалъ къ Польскому королю Сигизмунду, по причинѣ незначительнаго мятежа, поднятаго нѣкоторыми боярами... Когда же нѣсколько лѣтъ тому назадъ Сигизмундъ Герберштейнъ, въ то время посолъ императора Максимилиана къ тому же великому князю Московіи Васи́лію, побуждалъ его [Яцкаго] неоднократными просьбами къ тому, чтобы онъ позаботился составить для него описаніе Московіи, то [Яцкій] никогда не отказывался (*nunquam cessavit*) все то прилежно разыскивать, что, казалось, имѣло отношеніе къ познанію страны. Онъ пишетъ также, что почва этой страны на сѣверѣ подвергается вліянію чрезвычайнаго холода до такой степени, что тамъ не можетъ расти хлѣбъ, но что (эта область) изобилуетъ дикими животными, которыя, какъ мы уже сказали, покрыты дорогими мѣхами. Когда князь бываетъ вовлеченъ (*implicatur*) въ войны, онъ кладетъ на сохраненіе свои сокровища въ крѣпости Бѣлозерской, окруженной водами“¹⁾.

Свидѣтельство Мюнстера о томъ, что „Jo Jatzki“—вельможа московскій, бѣжавшій къ Польскому королю въ малолѣтство Ивана IV, слѣдовательно, въ правленіе Елены, дозволяетъ считать весьма вѣ-

¹⁾ Мюнстеръ, по изд. 1552 г., стр. 913, строки 14—15: «*At haec autem exploranda non mediocre nobis praestitit operam dominus Jo—Jatzki etc.* Въ этомъ мѣстѣ «nobis» можетъ быть относимо или къ Мюнстеру, или къ Антонію Вида. Последнее, однако, вѣроятнѣе, такъ какъ выписаннымъ строкамъ предшествуетъ замѣчаніе: «*Refert Antonius Vuied*», и затѣмъ Мюнстеръ говоритъ отъ имени Вида въ первомъ лицѣ: «*Signavimus*» и проч. Далѣе: «*Quum vero ante aliquot annos apud hunc multis precibus egerit D. Sigismundus ab Herberstein, orator id temporis imperatoris Maximiliani ad magnum illum ducem Moscoviae Basilium, ut Moscoviam ipsi describendam curaret, nunquam cessavit deinceps, omnia perquirere, quae ad regionis cognitionem viderentur spectare. Scribit etiam terram hujus regionis versus aquilonem immenso laborare frigore, ut nec frumentum ibi crescere possit, sed abundat feris, quae nobilibus, ut jam diximus, uestiuntur pellibus. Quando dux bellis implicatur, reponit thesaurum suum in castrum Belij Jesera, aquis circummunitum*». «*Scribit etiam terram hujus regionis etc.*» относится, во всей вѣроятности, къ Антонію Вида, а не къ Герберштейну. Вотъ что говорится въ его Запискахъ о Московіи, по изд. 1549 г., fol. IX об.: «*Beloyezero civitas (въ подл. civitas) cum castro ad locum ejusdem nominis sita est... Porro civitas non est in ipso lacu sita, ut quidam retulerunt, paludibus tamen ita vndeque cingitur ut in expugnabilis esse videatur, quare ducti principes moscoviae Thesaurus ibi suos recondere solent*» (по изд. 1556 г., 77 В).

роятнымъ, что подъ именемъ Яцкаго слѣдуетъ разумѣть ожолинчаго Ивана Яцкаго, бѣжавшаго изъ Серпухова въ августѣ 1534 г. вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Ѳеодоровичемъ Бѣльскимъ ¹⁾.

Если въ хронологическомъ отношеніи вѣрно указаніе Мюнстера на то, что къ Яцкому Герберштейнъ обращался съ просьбой сообщить свѣдѣнія о Московіи еще въ то время, когда онъ былъ здѣсь въ качествѣ посла императора Максимилиана, то начало сношеній Герберштейна съ Яцкимъ должно быть отнесено къ 1517 году ²⁾. Послѣ того какъ Яцкій бѣжалъ въ Польшу, Герберштейнъ неоднократно бывалъ здѣсь, по разнымъ дипломатическимъ порученіямъ, и понимая русскую рѣчь, имѣлъ, слѣдовательно, полную возможность поддерживать сношенія съ нимъ и получать отъ него новыя свѣдѣнія о странѣ, которую изучалъ такъ внимательно. Не одному Герберштейну, но и Антонію Биду, Яцкій сообщалъ свѣдѣнія о Московіи ³⁾.

Сколько намъ извѣстно, въ нашихъ источникахъ Иванъ Васильевичъ Яцкій упоминается въ первый разъ подъ 1517 г., въ числѣ „переднихъ“, „легкихъ“ воеводъ, отправленныхъ изъ подъ Великихъ Лукъ на помощь къ псковскому пригороду Опочкѣ, который подвергся осадѣ со стороны польско-литовскаго войска, находившагося подъ начальствомъ князя Константина Острожскаго (сентября 20-го); съ нимъ были „многихъ земель люди“, замѣчаетъ псковская лѣтопись, — „Чехи, Ляхи, Угры, Литва и Нѣмцы; отъ цезаря Максимилиана были „люди мудрые“; въ этомъ же войскѣ были „Мураве, Мозошане, Волохи, Сербы, Татары“. Передніе воеводы удачно исполнили возложенное на нихъ порученіе, напали на литовское войско съ трехъ сторонъ и разбили его. Вслѣдъ затѣмъ Иванъ Васильевичъ Яцкій, получивъ вѣсть, „что многіе люди Ляхове идутъ на пособъ королеву войску“, ударилъ на него и побилъ 4,000 челов., при чемъ взяты были воеводы ихъ: Черкасъ Хребтовъ, братъ его Мисоръ, Иванъ Зелепугинъ и другіе, а также пушки и пицали. Эти удачныя дѣйствія заставили князя Константина Острожскаго снять осаду (18-го октября).

¹⁾ Никон. лѣт., VII, стр. 2. П. С. Р. Я., VIII (Воскр. лѣт.), стр. 287.

²⁾ Пам. днн. снош., I (С.-Пб. 1851 г.), стр. 194 и сл.

³⁾ Др. и Н. Россія, 1875 г., № 10, стр. 151. Предисловіе къ лат. изд. монографіи Мюнстера, 1553 г., стр. 6: «Quod si Galli, Hispani, Angli, Scoti, Dani, Suesi et Poloni (apud quos omnes eruditi viri et omni humanitate excolti hoc tempore reperiantur) suos auxiliares manus adhibuissent huic operi...»

А Ляцкому, по замѣчанію псковской лѣтописи, отъ великаго князя была великая честь ¹⁾.

Въ 1522 г. Ляцкій участвовалъ въ походѣ противъ Крымцевъ: въ 1524 г.—противъ казанскихъ Татаръ; въ 1527 г. окольный Иванъ Васильевичъ Ляцкій былъ отправленъ посломъ къ Польскому королю Сигизмунду; въ 1528 г. былъ намѣстникомъ во Псковѣ. Замѣчательно, что онъ, какъ можно догадываться, принадлежалъ къ той партіи, которая не одобряла разводъ великаго князя Василя съ его супругою Соломоніей, и въ 1530 г., по случаю рожденія Іоанна, съ Ляцкаго была снята опала. Въ 1533 г. онъ еще участвовалъ въ походѣ противъ Крымцевъ, которые ограничились только опустошеніемъ окрестностей Рязани ²⁾ (въ августѣ). Опала, постигшая Ляцкаго еще въ 1530 г., объясняетъ намъ причину его бѣгства изъ Москвы въ то время, когда правительницею стала Елена. Въ Польшѣ онъ нашелъ ласковый пріемъ; король пожаловалъ ему Высокій дворъ и Золудекъ въ Троцкомъ воеводствѣ ³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., IV (Псков.), 291—292 (въ числѣ «мудрыхъ людей» отъ цезаря Максимилиана упоминаются ротмистры, архитытаны, арестотелы); VI (Сое. 2), 259—261; VIII (Воскр.), 261—263. Никон., VI, 209. Въ Псков. 1 лѣт. въ описаніи битвы между Ляцкимъ и Черкасомъ есть подробности, которыхъ нѣтъ въ указаннымъ лѣтописяхъ.

²⁾ Ист. гос. Росс. *Карамзина*, VII, пр. 231 (1522 г., Разр. ии.); пр. 310 (1530 г. Синод. лѣт. Днист. Ростов., № 87, л. 204). Никон., VI, 230 (1524 г.), 232 (1527 г.), 256 (1533 г.). П. С. Р. Л., VIII (Воскр.), 271 (1527 г.), 283 (1533 г.); IV (Псков. 1), 297 (1528 г.); VI (Сое. 2), 266 (1533 г.).

³⁾ Kronika Polska *Macieja Strijkowskiego*, Warszawa 1846, t. II, p. 396: «przujechali do Litwy na laskę królewską z Moskwy kniaz Siemion Bijelaki i Iwan Lacki; dla tego król Sigmunt... Iwanowi Lackiemu z synem dał Wyszoki Dwór i Zoludek w Trockim wojewodstwie». Здѣсь же приведемъ еще слѣдующія упоминанія о Ляцкомъ: П. С. Р. Л., VIII (Воскр.), 289—290 (1535 г.): «Того же лѣта прибѣжали изъ Литвы отъ великаго князя вѣнскихъ, отъ князя Семена отъ Вѣйскаго да отъ Ивана Ляцкаго, ихъ люди, а сказывали великому князю, что король събралъ свои люди многіе... Тоже въ Никон., VII, стр. 8. Отвѣтъ царя Іоанна на посланіе Курбскаго изъ Вольмара, 1564 г., «Сказ.», изд. 3-е (С.-Пб. 1868 г.), стр. 158: «яко же», пишетъ царь,—«подобно тебѣ, бѣшеной собацѣ, князь Семенъ Вѣйскій да Иванъ Ляцкій оттокоша въ Литву и тамо сказаша бѣсѣдцыя и въ Царьградъ, и въ Крымъ, и въ Нагаи, и отъсюду на православіе рати воздвизающе; но ничто же успѣша... *Карамзинъ*, VIII, стр. 23: 1536 г. «Уже Сигизмундъ, видя, что Россія и съ государемъ младенцемъ смѣлиа Литву, думалъ о мирѣ; изъяслялъ негодование нашимъ вѣнскимъ: дерзалъ Ляцкаго подъ страхомъ». Пр. 53: Синод. лѣт., л. 147.

Всѣ нама приведенныя фактическія данныя относительно Ляцкаго, извлеченныя изъ русскихъ и польскихъ источниковъ, будучи сопоставлены съ вышеприведеннымъ Мюнстеровымъ отзывомъ о немъ, бросаютъ свѣтъ на эту личность. Его участіе во многихъ походахъ къ западнымъ и южнымъ предѣламъ Московскаго государства и къ далекой Казани, въ то время отдѣленной отъ нашей восточной границы страной, которая еще отличалась первобытнымъ, дѣвственнымъ характеромъ и была населена полудикими инородцами, наконецъ— путешествие въ Польшу, все это должно было развить въ немъ наблюдательность, обогатить его многими свѣдѣніями, которыми онъ могъ подѣлиться съ иностранцами, желавшими ближе ознакомиться съ географическими условіями жизни Московскаго государства и сосѣднихъ съ нимъ странъ; къ тому же Ляцкій могъ воспользоваться и тѣми географическими и историческими матеріалами, которые представляла тогдашняя русская письменность.

Какъ политическій дѣятель, онъ является человѣкомъ убѣжденій рано сложившихся, приверженцемъ той боярской партіи, которая, опираясь на историческое прошлое, на свои прирожденныя права, не хотѣла мирно поступиться ими, безропотно преклонить голову передъ новыми требованіями, не смотря на то, что онѣ давали знать о себѣ все настойчивѣе и настойчивѣе. Послѣ того какъ великій князь развелся съ Соломоніей, бояре, и до этого времени роптавшіе на его самовластіе, недовольные явнымъ предпочтеніемъ, какое онъ оказывалъ людямъ неродовитымъ, получили еще новый поводъ къ неудовольствію и ропоту и стали находить себѣ поддержку и въ представителяхъ церкви. Принадлежа къ этой партіи недовольныхъ, Ляцкій, какъ мы видѣли, подвергся опалѣ за неудовольствіе на Елену еще при жизни великаго князя Василия. Послѣ его смерти, когда правительницею стала Елена и при дворѣ московскомъ начались крамолы, когда новое правительство скоро убѣдилось въ крайней ненадежности многихъ изъ тѣхъ, которые стояли наверху, и имѣло причины подозрительно относиться къ нимъ, положеніе Ляцкаго сдѣлалось шаткимъ и опаснымъ. Страхъ за свою свободу и жизнь заставлялъ обращать взоры на западъ, гдѣ условія жизни казались болѣе обезпечивающими интересы личные, и онъ бѣжалъ въ Польшу.

Послѣ свѣдѣній о Ляцкомъ Мюнстеръ излагаетъ свѣдѣнія о странахъ и народахъ на дальнемъ сѣверѣ Европы, извлеченныя имъ изъ тѣхъ же вышеуказанныхъ сочиненій Мѣховскаго и Ювія, и этими

извѣстіями заканчивается описаніе Московіи. По изложенію и литературной обработкѣ, оно не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ описаніями другихъ странъ восточной Европы и также страдает недостаткомъ стройности и связи. Какъ видно, и при описаніи Московіи задачи Мюнстера ограничивались только тѣмъ, чтобы сообщить о ней читателю важнѣйшія и болѣе занимательныя свѣдѣнія.

IV.

Карта Московіи, приложенная къ описанію ея въ космографіи Мюнстера. Замѣтки объ этой картѣ въ нашей исторической литературѣ. Горы восточной Европы на сѣверо-западѣ и юго-востокѣ. Бѣлое море. Область бассейна Сѣвернаго океана: рѣки и города. Племена Югра и Корелы. Обдорская земля. Конда—область. Племя Вогуличи. Область Балтійскаго бассейна: рѣки и города. Область Каспійскаго бассейна: рѣки и города. Озеро, изъ котораго, по мнѣнію географовъ XVI в., вытекали великія рѣки восточно-европейской равнины. Неправильное очертаніе р. Оки на Мюнстеровой картѣ. Время ея оставленія. Область Черноморскаго бассейна. Изображенія животныхъ на Мюнстеровой картѣ: моржа, россомахи и сайги. Название Swak въ Описаніи Сарматій Матвѣя Маховскаго. Общее значеніе Мюнстеровой карты Московіи. Какъ изображали восточную Европу на западно-европейскихъ картахъ съ 1459 г. до сороковыхъ годовъ XVI в. Перечень географическихъ названій на этихъ картахъ. Вліяніе классическихъ преданій. Сравненіе географическихъ данныхъ на картѣ Мюнстера и въ его описаніи Московіи. Итогъ всѣхъ находящихся на его картѣ рѣкъ. Чертежъ московскаго государства. Какъ пользовался этимъ чертежемъ составитель Мюнстеровой карты.

Значеніе Мюнстеровой космографіи для русской исторіи опредѣляется не одними только нами указанными данными, но и помѣщеніемъ въ самомъ текстѣ ея картою Московіи ¹⁾. Эта карта, весьма

¹⁾ О Мюнстеровой картѣ Московіи имѣютъ извѣстныя слѣдующіе болѣе замѣчательные отзывы и замѣтки въ нашей исторической литературѣ:

«Sammlung Russischer Geschichte», VI, B., St.-Pet., 1761, «Nachricht von Land-und See-Carten, die das Russische Reich und die zunächst angränzende Länder betreffen», s. I: «die allererste Abbildung von Russland wird vielleicht diejenige seyn, welche in Münsters Cosmographie (Basel, 1550, fol.) befindlich ist».

«Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches» v. K. Baer u. Gr. Helmersen IV B., St.-Pet., 1841, «Ueber die älteren ausländischen Karten von Russland»—v. Adlung. Здѣсь послѣ хронологическаго перечня картъ, подъ 1544 г., на стр. 19—20: «Auf den bisher angeführten Karten ist Russland nur immer beiläufig erwähnt. Die erste eigentliche Karte von Russland, die wir kennen, ist die, welche Sebastian Münster mit einer lateinischen Aufschrift in einer Cosmographie zu Basel, 1544 bekannt machte».

Ал. Миддендорфъ помѣстилъ въ своемъ «Путешествіи на сѣверъ и востокъ»

неудовлетворительная въ техническомъ отношеніи, грубо награвированная, безъ градусовъ и масштаба, занимаетъ болѣе половины печатной страницы, въ листъ, и во всѣхъ намъ извѣстныхъ изданіяхъ 1550, 1552, 1556, 1558 и 1598 г. размѣры ея и очертанія изображенныхъ на ней предметовъ—вездѣ одинаковы.

Область бассейна Сѣвернаго океана на этой картѣ далеко превосходитъ, по занимаемому ею пространству, всѣ области другихъ бассейновъ и является, по преимуществу, лѣсною полосой великой равнины. Правда, по Мюнстеровой картѣ, и вся эта равнина имѣетъ видъ равнины лѣсной, но нигдѣ, ни въ какой другой области, лѣса не занимаютъ такого значительнаго пространства, нигдѣ не находятся въ такой непрерывной связи между собою, какъ въ области Сѣвернаго бассейна. Чѣмъ дальше, однако, на сѣверъ, тѣмъ они становятся рѣже и на крайнемъ сѣверо-востокѣ получаютъ видъ лѣсныхъ острововъ—оазисовъ. На сѣверо-западѣ этой области тянутся, по направленію меридіана, гряды горъ, обращающія на себя вниманіе потому собственно, что на земной поверхности, изображенной на нашей картѣ, онѣ составляютъ совершенно исключительное явленіе, и кромѣ нихъ, находимъ на ней только на западномъ берегу Каспійскаго моря гряды горъ, которыя могутъ быть приурочены къ горамъ Кавказскимъ. Поэтому можетъ показаться совершенно случайнымъ предпочтеніе незначительныхъ холмистыхъ возвышеній, тянущихся по Вѣломорскимъ берегамъ, другимъ подъемамъ восточной равнины, но этотъ выборъ объясняется тѣми свѣдѣніями объ этихъ горахъ какія существовали у Русскихъ въ концѣ XV столѣтія¹⁾.

Границу сѣвернаго края Московіи на западѣ, близъ Норвегіи, составляетъ глубоко вдающееся въ восточно-европейскую равнину морезаливѣ, которое, по величинѣ, далеко оставляетъ за собою всѣ другія части морей на Мюнстеровой картѣ — Каспійскаго, Азовскаго,

Сибиря, ч. 1, С.-Пб., 1860, стр. 30, снимокъ съ той части Мюнстеровой карты, на которой находится очертаніе р. Оби, и сдѣлавъ нѣсколько любознательныхъ замѣтокъ. Такъ, онъ указалъ на разительное сходство въ очертаніи одного изъ притоковъ р. Оби на Мюнстеровой картѣ съ очертаніемъ р. Тавды на выгашенныхъ картахъ, приурочивъ означенныя на этомъ же притоки поселенія къ двумъ городкамъ—Сибиря и Пеллму, указавъ на то, что Мюнстеровъ карта не принадлежитъ Герберштейну, и высказавъ догадку о томъ, что она была привезена изъ Россіи кѣмъ-либо изъ путешественниковъ (стр. 31).

¹⁾ См. ст. нашу въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1878 г., июль, «Историко-геогр. вѣстия Герберштейна», стр. 10.

Чернаго и Балтійскаго. Этотъ заливъ, имѣющій видъ широкой водной долины, состоитъ изъ двухъ частей. Сѣверная, наиболѣе значительная, тянется съ сѣверо-востока на юго-западъ, постепенно суживается къ югу, и по обонимъ берегамъ ея грозидятся высочайшія, по видимому, горы; западный берегъ ея мало извилистъ, восточный же имѣетъ другой видъ: на сѣверной оконечности—значительный заливъ, южнѣе его еще три залива, имѣющіе видъ угловъ, обращенныхъ къ востоку, и послѣдній изъ нихъ заканчивается значительно выступающимъ въ море мысомъ. Южная часть этого моря, менѣе значительная, чѣмъ сѣверная, имѣетъ и другой видъ; ея западный берегъ нѣсколько отступаетъ отъ своего меридіана на востокъ и сплошь покрытъ лѣсомъ; восточный берегъ имѣетъ видъ угла, обращеннаго своею вершиною на востокъ, и противъ этого угла—островъ, подъ которымъ подпись „Solofki“. Подпись эта и служить къ географическому опредѣленію нами описанной водной долины. Очевидно, она составляетъ часть Бѣлаго моря, и замѣчательно, что заливы на восточномъ берегу ея напоминаютъ важнѣйшія губы Бѣлаго моря тоже на восточномъ берегу его—Мезенскую, Двинскую и Онежскую. Но, какъ видно, о Кандалакской губѣ составитель Мюнстеровой карты имѣлъ смутное понятіе, и потому очертаніе западнаго Бѣломорскаго берега менѣе вѣрно, чѣмъ очертаніе восточнаго.

Къ югу отъ Бѣлаго моря на томъ же меридіанѣ, на которомъ лежитъ Соловецкій островъ, находится озеро, къ которому должна быть отнесена не ближайшая къ нему подпись „Swodla“, а „Onega see“. Оно соединено какъ съ Ладожскимъ озеромъ рѣкою, которую слѣдуетъ приурочить къ р. Свири, хотя она и течетъ съ сѣвера на югъ, такъ и съ озеромъ Swodla, то-есть, Волдо, рѣкою того же имени. Съ бассейномъ этихъ двухъ озеръ соединены три озера и четыре рѣки, и къ нему же относятся слѣдующія подписи и поселенія: 1) „Difnia“ близъ поселенія на рѣкѣ, соединенной съ Онежскимъ озеромъ и текущей къ востоку отъ рѣки, принятой за р. Свирь; 2) „Osto“ (sic), къ юго-востоку отъ упомянутаго поселенія близъ озера, которое лежитъ южнѣе другихъ озеръ, соединенныхъ съ Онежскимъ озеромъ; 3) поселеніе при озерѣ, составляющемъ крайній сѣверо-восточный предѣлъ области тѣхъ же озеръ. Къ востоку отъ этого поселенія городъ Каргополь („Korgapole“).

Всѣ остальные болѣе значительныя рѣки Сѣвернаго бассейна, изображенныя на Мюнстеровой картѣ, текутъ съ сѣвера на югъ. Самая западная изъ нихъ, берущая начало сѣвернѣе озеръ, соеди-

ненныхъ съ Онежскимъ озеромъ, на одномъ меридіанѣ съ крайнимъ изъ нихъ на востокѣ, впадаетъ въ одну изъ губъ Бѣлаго моря на гористомъ восточномъ берегу его. Три рѣки, текуція далѣе къ востоку, являются на картѣ безъ своихъ устьевъ, и нигдѣ на ней даже не выступаетъ морской берегъ, въ который онѣ впадаютъ. Самая западная изъ этихъ рѣкъ, по длинѣ наиболѣе значительная, приурочивается къ р. Сѣверной Двинѣ, и изъ двухъ рѣкъ, изъ которыхъ она образуется, изображена только одна р. Сухона. Ея теченіе, направляющееся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, ясно опредѣляется двумя городами: одинъ изъ нихъ, на мѣстѣ ея истока, — Вологда (Wollochda); другой — близъ устья, на лѣвомъ берегу, — Vstoch, то-есть, Устюгъ. Къ сѣверу отъ этого города въ Двину впадаетъ съ правой стороны незначительный притокъ, близъ устья котораго на правомъ берегу — поселеніе; затѣмъ въ нее же съ лѣвой стороны впадаетъ другой, нѣсколько большій по длинѣ, притокъ; на мѣстѣ его истока означенъ городъ Холмогоры (Kalmahog), и въ недалекомъ разстояніи отъ устья этого же притока — поселеніе.

Къ востоку отъ Сѣверной Двины — рѣка, которую слѣдуетъ признать р. Печорю, такъ какъ на правомъ берегу ея — племя „Ivhra“ ¹⁾, на лѣвомъ же выше Югры — „Corelia“, а Корелы въ перечнѣ сѣверныхъ народовъ, который находится въ сочиненіи Мѣховскаго и былъ внесенъ и Мюнстеромъ въ его описаніе Московіи, помѣщаются на ряду съ Югрою, и что замѣчательно — въ извѣстномъ перечнѣ живущихъ близъ Пермской земли племенъ, внесенномъ въ лѣтопись подъ 1396 г., послѣ Лопи поименованы Корела и Югра. Корелы, какъ предполагаютъ, двигались съ востока на западъ; а отъ XV в. мы имѣемъ указанія на то, что часть ихъ обитала на Сѣверной Двинѣ ²⁾.

¹⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 913, строки 24—25: «Ubi in tabula scriptum vides Juhri, patria dicitur esse Ungarorum, id quod utriusque regionis eandem testari aiunt linguam». Въ изд. 1556 г., стр. 1132 (въ изд. 1872 г., стр. 139): «Là où il y a escrit en la charte mise cy dessus: Jathri(sic) c'est le pays de Hongrois; et ce que ces deux peuples Moschovites et Hongrois parlent un mesme langage rend bon tesmoignage de cela». Въ изд. 1598 г., стр. 1256: «Da in der Landtafel geschrieben sieht Juhri, da sollen die Ungern herkommen seyn, wie das beyder einhellige Spraach anzeigt».

²⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 913, строки 26—27: «parent principi Moscovitarum, quos scilicet dux Juuan subiugavit, ut sunt Perm, Baskird, Czfiremissa, Juhra, Corela... *Миховскій*, по изд. 1521 г., стр. Нїї. Нѣкон. лѣт., IV, 268. *Joh. Andreas Sjogren's* Gesammelte Schriften, B. 1, St. Pet. 1861, S. 89, 321,

На весьма значительномъ разстояніи на востокъ отъ рѣки Печоры на Мюнстеровой картѣ изображена р. Обь столь широкою, что она могла бы быть принята за заливъ, еслибы не было вверху ея подписи Obi fl. Судя по очертанію ея, она образуется изъ сліянія двухъ рѣкъ, изъ которыхъ одна имѣетъ господствующее теченіе съ юго-запада на сѣверо-востокъ и беретъ начало недалеко отъ р. Янка, а другая—съ юга на сѣверъ, а потомъ почти на половинѣ пути своего поворачиваетъ на сѣверо-западъ.

Изъ этихъ двухъ рѣчныхъ вѣтвей образуется весьма широкое рѣчное русло, очевидно, составляющее русло главной рѣки. Оно направляется сначала съ юго-запада на сѣверо-востокъ, а затѣмъ безъ всякихъ извилинъ течетъ съ юга на сѣверъ, сохраняетъ это направленіе на разстояніи, наиболѣе значительномъ, и только близъ самой сѣверо-восточной окраины Мюнстера чертежа поворачиваетъ на востокъ. Съ лѣвой стороны она принимаетъ рѣку, также, по видимому, образующуюся изъ сліянія двухъ рѣкъ, изъ которыхъ, впрочемъ, одна, наиболѣе значительная, имѣетъ видъ дуги, склоняющейся съ сѣверо-запада на юго-востокъ, а другая—течетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Рѣка, образовавшаяся изъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ, сначала направляетъ свои воды на востокъ, а потомъ круто поворачиваетъ на югъ; эта рѣка и ея притоки напоминаютъ р. Тавду и р. Тоболь ¹⁾. Таковъ чертежъ Оби, напоминающій какъ ее, такъ и ея притоки въ весьма слабой степени, тѣмъ не менѣе этотъ чертежъ нельзя не считать замѣчательнымъ по времени, такъ какъ, на сколько извѣстно, въ литературѣ западно-европейской обстоятельныя свѣдѣнія о великой рѣкѣ, притоки которой искони служили надежными путями изъ Европы въ Азію, впервые явились въ Запискахъ о Московіи Герберштейна. Какъ очертаніе береговъ Бѣломорскихъ, названіе Corelia, помѣщенное близъ Югры, такъ и очертаніе Оби—наводятъ на предположеніе о томъ, что основой Мюнстеровой карты послужилъ источникъ русскій. Въ этомъ убѣждаютъ также и тѣ названія, которыя помѣщены на Мюнстеровой картѣ между Печорою и Обью.

345, 350 и др. «Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей» — *Е. К. Огородникова, Зап. Геогр. общ. по отд. этнографіи*, т. VII (С.-Пб. 1877), стр. 52.

¹⁾ На «развѣтливое» соответствіе изгибовъ ями описанной безымянной рѣки и одного изъ ея притоковъ съ изгибами р. Тавды на вышнихъ картахъ сдѣлалъ указаніе ак. *Миддендорфъ*, «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», ч. 1, стр. 30.

На крайнемъ сѣверѣ широкой полосы, лежащей между Печорой и Обью, ближе къ послѣдней, въ мѣстности, по видимому, менѣе богатой лѣсною растительностію, находимъ имя „Abder“.

Изъ иностранныхъ писателей въ первый разъ упоминаеть объ Обдорѣ Герберштейнъ и опредѣляетъ ея мѣстоположеніе близъ устьевъ Оби ¹⁾, что подтверждается свидѣтельствомъ книги Большой Чертежъ: „А на Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя рѣки въ нее пали. Отъ устья въ верхъ Обдорскіе грады. А выше Обдорскихъ градовъ Югорскіе“ ²⁾. Опредѣленіе Герберштейна было заимствовано имъ или изъ русскаго дорожника, заключающаго въ себѣ подробное описаніе пути къ р. Оби, который былъ пройденъ войскомъ великаго князя московскаго въ 1499—1500 г., или отъ Русскихъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ. Есть основаніе предполагать, что въ это же время Обдорская земля признала власть великаго князя и была включена въ составъ его владѣній, такъ какъ въ титулѣ великаго князя Василя Ивановича встрѣчаемъ названіе этой земли, а послѣ 1500 г., сколько извѣстно, Русскіе не предпринимали новаго завоевательнаго похода на Обь ³⁾ ни въ княженіе Іоанна III, ни его преемника. По всей вѣроятности, и названіе Одоръ, встрѣчающееся въ официальномъ описаніи этого похода, внесенномъ въ Разрядную книгу, тождественно съ названіемъ Обдоръ, употребленнымъ въ одномъ изъ списковъ книги Большой Чертежъ для означенія Обдорской земли въ низовьяхъ Оби, и слѣдовательно, и князья Югорскіе „съ Одора“, встрѣчавшіе русское войско на пути его отъ Камени, то-есть, отъ Уральскаго хребта къ Ляшину, были изъ Обдорской земли ⁴⁾.

¹⁾ R. M. C., по изд. 1556 г., 82 С (р. п., 125); по изд. 1557 г., Mij, л. 2.

²⁾ Кн. В. Ч., по изд. 1846 г., стр. 203.

³⁾ Объ этомъ походѣ см. нашу ст. «Истор. геогр. извѣстія Герберштейна» въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1879, ноябрь, стр. 4, прим. 1.

⁴⁾ Описаніе Сибирскаго царства — *Г. Ф. Миллера*, кн. I, С.-Пб. 1750 г., стр. 63—65. Слово «съ Одора», по мнѣнію Миллера, означаетъ или отъ р. Удоры или Одоры, впадающей въ Мезень, или съ Обдоры «древняго остяцкаго мѣстечка, что нынѣ русскій острогъ въ Березовскомъ уездѣ, недалеко отъ устья р. Оби». Первое толкованіе менѣе вѣроятно: во первыхъ потому, что р. Удора или Одора находится на разстояніи весьма значительномъ отъ той мѣстности, гдѣ находилось русское войско, и что могло бы побудить инородцевъ, жившихъ въ рѣчной области Мезени, уже признававшихъ надъ собою власть русскую, вывзжать на встрѣчу Русскимъ, послѣ того какъ они перешли Уральскій хребетъ; во вторыхъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Герберштейна, Обдорская земля, лежавшая въ низовьяхъ Оби, стала извѣстною Русскимъ, во время

Къ юго-западу отъ Обдори, по картѣ Мюнстера, лежитъ область „Condori“...., что согласно и съ свидѣтельствомъ Гванини, называющаго ее страной сосѣднею съ Обдоріей, и что повторяетъ и Мейербергъ, у котораго находимъ два названія Кондоріи: Condinia и Condoga. Эти опредѣленія заслуживаютъ вѣроятія, такъ какъ Обдорія лежала къ югу отъ 66° параллели, а между 62° и 60° с. ш. находится область р. Конды, впадающей въ Иртышъ съ лѣвой стороны. Въ нашихъ официальныхъ актахъ XVI—XVII в. эта область называлась Кондой, откуда и названія Кондинскій, Condoga sive Condinia. По всей вѣроятности, она, также какъ и Обдорія, была завоевана Русскими въ 1500 году, и затѣмъ названіе это включено въ титулъ великаго князя Василія Ивановича. Изъ актовъ XVI и XVII вв. узнаемъ, что волость Конда дѣлилась на большую и малую, находилась въ вѣдѣніи Пелымскаго воеводы, и въ ней обитали Татары, Вогулчи и Остяки, платившіе ясакъ. У нихъ были свои князья, мурзы

похода 1500 г. Гораздо, слѣдовательно, вѣроятнѣе принять второе толкованіе Миллера, а указаніе его на р. Удору можетъ послужить къ объясненію названія Удорскій, которое съ XVI в. встрѣчается въ титулѣ великаго князя, какъ и названіе Обдорскій, см. пожалованную грамоту городу Смоленску, 1514 г. іюля 10, напечат. въ Ист. росс. кн. *Щербатова*, т. IV, ч. III, С.-Пб. 1784 г., стр. 306, извл. изъ Арх. иностр. коллегіи, и акты XVII в., въ А. И., II, стр. 60, 197 и др. (см. указатель).

Г. Ф. Миллеръ, какъ мы видѣли, принималъ р. Удору и Одору за притокъ р. Мезени и въ Геогр. Словарь, ч. III, М. 1788 г., стр. 172, говорится о томъ, что въ р. Мезень, при гор. Мезени, впадаетъ р. Удоръ, почему и около лежащая страна именована въ государственномъ титулѣ Удорією. Но вотъ что говорить *Ав. Щекатовъ* въ своемъ Геогр. слов. Росс. государства, ч. IV, М. 1805 стр. 219: Въ рѣку Мезень съ лѣвой стороны впадаетъ р. Вашка, «которая, взявъ начало свое изъ небольшого болота въ удорскихъ волостяхъ Яренской округи, протекаетъ до устья своего около 300 верстъ».... Рѣка сія въ верховьѣхъ своемъ имѣетъ названіе Удоры, гдѣ жили древле Удорскіе князья... По гидрографіи *Штукембергера*, С.-Пб. 1844, т. II, стр. 242, р. Удора — незначительный притокъ р. Вашки.

Иностранцы писатели, сообщавшіе свѣдѣнія объ Обдорской землѣ, Гванини и Мейербергъ, ничего новаго не прибавляютъ къ Герберштейнову свидѣтельству. *Гванини*, R. M. auctores varii, 1600 г. стр. 168—169; по изданію *Старчевскаго*, т. I, стр. 15; *Мейербергъ*, 1661 г., стр. 80 $\frac{1}{2}$ (р. п. въ *Чт. М. Общ. и Древн.*, 1873 г. № 4, стр. 157).

На к. Ремезова, прил. къ «Путешествію на с. и в. Сибири» — *А. Миддендорфа*, С.-Пб. 1860 г. «Обдара», показана между низовьями рр. Печоры и Оби, ближе къ лѣвому берегу послѣдней.

и сотники, и въ 1609 г. въ Кондѣ Большой и Малой Пелымскаго уѣзда было ясачныхъ всего 555 человекѣвъ ¹⁾.

Приведенныя нами данныя относительно Обдорин и Кондорин выясняютъ значеніе Мюнстеровой карты. По отношенію къ этимъ географическимъ названіямъ она является источникомъ замѣчательнымъ въ иностранной литературѣ, такъ какъ до появленія ея никто изъ иностранныхъ писателей не сообщалъ никакихъ свѣдѣній объ этихъ областяхъ, и Мюнстерова карта впервые давала понятіе о нихъ.

Къ югу отъ Кондорин, на одной параллели съ верховьями рр. Печоры и Оби, въ области, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсами, показаны на Мюнстеровой картѣ поселенія Вогуличей (Vahul...), а къ востоку отъ нихъ, на лѣвомъ берегу Оби — Калмыки (Kalmuch). За ними къ сѣверу, на лѣвомъ берегу притока р. Оби, знакъ города, и надъ нимъ надпись „Sybir“, противъ этого города—другой городъ ²⁾, на правомъ берегу вышеописанной рѣки, напоминающей р. Тавду. Еще далѣе, на крайнемъ сѣверѣ, изображеніе колонны съ четвероногомъ животнымъ наверху, а передъ колонной стоитъ на колѣняхъ человекѣвъ съ сложенными руками, очевидно молящійся. Подъ

¹⁾ *Гванини*, R. M. auctores varii, 1600 г., стр. 169 (по изд. Старчевскаго, I, стр. 15): Condoga regio «ad Osealum Septentrionalem sita, obdogaе regioni vicina est... *Мейерберъ*, 1661 г., стр. 80 (*Чт. М. Общ. Ист. и Древн.*, 1873 г., № 4, стр. 157): «Condinia, sive Condor, Obdogaе vicina regio est»... Въ жалованной грамотѣ Смоленску, 1514 г., іюля 10: в. вн. Удорскій, Обдорскій и Кондинскій, *Ист. рос. Шербатова*, т. IV, ч. III, стр. 306. А. И., II, № 50 (1604 октября 17), стр. 60; стр. 81, № 65 (1606 іюля 5) и др. Собр. гос. гр. и дог., II, № 185 (1609 г. августа 6), стр. 369 — 370: «И Пелымскаго уѣзда и Конды большіе и меньшіе ясачные Тотарове и Вогуличи верстались межъ себя сами, и принесли къ вамъ челобитные и верстальную имянную роспись; а въ росписи написано: в Пелымскомъ уѣздѣ въ ясачныхъ волостяхъ і в Кондѣ в Волшой і в Кондѣ в Меншой ясачныхъ людей пятьсотъ пятьдесятъ пять человекѣвъ». *Hydrographie d. Russischen Reiches v. J. Ch. Stukenberg*, 2 B., S. 459—460: Konda «Dieser ansehnliche Strom, dessen Stromgebiet als eine besondere Landschaft schon im alten Russischen Zaarentitul nebst Obdorien eine Stelle angewiesen erhielt — durchfließt 500 bis 600 W., ergießt sich unterhalb Repalowskoje in den Ob»... Но еще *Г. Ф. Миллеръ* въ *Опис. Сибир. ц.*, С.-Пб. 1750 г., стр. 67, указалъ на то, что эта р. Конда впадаетъ въ Иртышъ, и то же въ *Изсл. Лерберга*, С.-Пб. 1819, стр. 73. Въ кн. Б. Ч. Конда не упоминается, на картѣ *Ремезова* впадаетъ въ Иртышъ.

²⁾ По замѣчанію ак. *Миддендорфа*, первый изъ этихъ городовъ положеніемъ своимъ напоминаетъ городъ Сибирь, второй—Пелымъ, «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», ч. I, стр. 30.

этимъ изображеніемъ подпись „Abtgott“ (идоль). На правомъ берегу Оби, въ самомъ верховьѣ ея „Kosaki“.

На юго-западной границѣ земной поверхности, видимой на Мюнстеровой картѣ, тянется узкая водная полоса, состоящая изъ двухъ частей, которыя могутъ быть приняты за заливы Балтійскаго моря: Рижскій и Финскій. Южная оконечность перваго лежитъ значительно южнѣе Смоленска, а сѣверная оконечность втораго приходится на одной параллели съ Вологдою. Въ Финскій заливъ впадаетъ р. Полна (Polna fl.), вытекающая изъ узкой и длинной лѣсной полосы, тянувшейся вдоль широкаго залива, на которомъ находится островъ Solofki, и упирающейся въ горную массу, на западъ отъ которой—„Norwegia“, а ниже—„Suedien“; на правомъ же берегу р. Полны городъ Выборгъ (Wyborg). Объ этой рѣкѣ, какъ о пограничной между владѣніями Московскаго государя и Финляндіи, состоящей подъ властію Швеціи, говорить и Герберштейнъ¹⁾.

Близъ устья р. Полны находится устье рѣки, вытекающей изъ значительнаго озера, и на срединѣ ея островъ, выше котораго надпись: „Ogessoc“, это очевидно городъ Орѣшекъ, при р. Невѣ, а ея истокъ—Ладожское озеро, имѣющее на Мюнстеровой картѣ наибольшее протяженіе съ сѣвера на югъ. Въ это озеро впадаютъ: съ западной стороны—безыменная рѣка, съ сѣвера—р. Свирь, съ юго-восточной—Волховъ, по длинѣ своей уступающій р. Невѣ, и на немъ два города: одинъ при его устьѣ—Ладога другой при истокѣ—Новгородъ Великій (Nouigrod wilki).

Озеро Ильменское изображено на картѣ въ видѣ общаго устья трехъ весьма небольшихъ рѣчекъ, которыя могутъ быть приурочены къ слѣдующимъ наиболѣе значительнымъ изъ впадающихъ въ этотъ водоемъ рѣкъ: Мстѣ, Ловати и Шелони.

Къ югу отъ р. Невы въ ту часть водной полосы, которая можетъ быть принята за Финскій заливъ, впадаютъ: вопервыхъ, небольшая рѣчка, текущая съ востока на западъ, можетъ быть Копорка (она изображена на 10-ти верстной картѣ Стрѣльбицкаго) или Луга; во-вторыхъ, къ югу отъ нея значительная рѣка, въ которую впадаютъ двѣ рѣчки, и къ этой же водной системѣ принадлежитъ и безымянное, небольшое озеро. Всѣ эти воды, какъ можно догадываться, на основаніи названія Rugodiff, находящагося на лѣвомъ берегу главной рѣки этого бассейна, принадлежатъ Чудскому водоему.

¹⁾ В. М. С., по изд. 1556 г., 76 С. (р. п., 117).

Южный предѣлъ текущихъ водъ Балтійскаго бассейна составляетъ на Мюнстеровой картѣ р. Западная Двина. Она вытекаетъ изъ того же озера, изъ котораго вытекають двѣ другія великія рѣки восточно-европейской равнины — Волга и Днѣпръ, сначала направляется на югъ, потомъ на западъ и, наконецъ, поворачиваетъ на югъ; на ней стоитъ городъ Полоцкъ (Plotzko). Въ Западную Двину впадаютъ двѣ рѣки: одна съ правой стороны, текущая въ недалекомъ разстояніи отъ притока рѣки, причисляемой къ Чудскому бассейну; другая — съ лѣвой стороны, и близъ нея притокъ р. Днѣпра. Изображеніе этихъ двухъ притоковъ Западной Двины на Мюнстеровой картѣ, изъ которыхъ одинъ можетъ быть принять за р. Торопу, а другой — за р. Касплю, указываетъ на то, что она была составлена по свѣдѣніямъ, которыя Мюнстеръ не могъ найти въ современныхъ ему иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи.

Каспійское море (Mare Casp.) выступаетъ на Мюнстеровой картѣ только небольшою своею частию, и его береговая линия тянется въ видѣ дуги съ сѣвера на югъ. На самой крайней сѣверной точкѣ ея приходится устье р. „Deick“, не упоминаемой Мюнстеромъ въ Описаніи Московіи. Эта рѣка беретъ начало не въ дальнемъ разстояніи отъ рѣки Оби и течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. На лѣвомъ берегу ея безлѣсная степь, на которой, по направленію къ востоку, изображенъ рядъ палатокъ, и только верхняя часть праваго берега представляетъ полосу лѣсовъ, простирающуюся до береговъ Волги и составляющую продолженіе великой сѣверной лѣсной полосы; къ югу отъ этой части нарисованы палатки и при устьѣ городъ. Легко узнать въ этой рѣкѣ Яикъ, а находящійся на немъ городъ приурочить къ Сарайчику.

Къ западу отъ Яика въ Каспійское море течетъ Волга, между тѣмъ какъ, по замѣчанію Мюнстера, она впадаетъ въ Черное море. Противорѣчіе любопытное, указывающее на то, что карта Московіи, находящаяся въ космографіи Мюнстера, составлена не имъ и не по тѣмъ свѣдѣніямъ, какими онъ располагалъ.

За истокъ р. Волги, названіе которой помѣщено на Мюнстеровой картѣ близъ устьевъ этой рѣки, слѣдуетъ принять озеро, изъ котораго вытекають и р. Днѣпръ, и р. Западная Двина, такъ какъ мнѣніе о томъ, что эти три великія рѣки вытекають изъ одной лѣсистой, болотистой мѣстности, было общераспространеннымъ въ географической литературѣ XVI в., хотя и существовали различныя ближайшія опредѣленія мѣста истока Волги.

Взявъ начало въ указанномъ великомъ озерѣ, Волга, по Мюнстеровой картѣ, проникаетъ далеко на сѣверъ и принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны двѣ рѣки. Второй изъ этихъ притоковъ, далѣе отстоящій отъ истока Волги, вытекаетъ изъ озера, имѣющаго видъ квадрата съ надписью „Iesera Belij“ (Бѣлоозеро), слѣдовательно, этотъ притокъ, изображенный на картѣ въ видѣ прямой линіи, по меридіональному направленію, есть р. Шексна. Другой притокъ Волги, впадающій въ нее недалеко отъ устья Шексны и текущій съ сѣвера на югъ, по линіи дугообразной, слѣдуетъ приурочить къ р. Мологѣ.

При первомъ взглядѣ ва занимающую насъ карту можно усомниться въ вѣрности сейчасъ высказанныхъ опредѣленій, такъ какъ между двумя помннутыми притоками находится подпись, въ вертикальномъ направленіи, „Wilki“; но это слово должно быть отнесено къ слову „Nouigrod“, хотя оно и находится отъ него въ довольно значительномъ разстояніи.

Принявъ Шексну, Волга продолжаетъ свой путь на сѣверо-востокъ, между тѣмъ какъ устье Шексны есть крайній предѣлъ Волги на сѣверѣ; но замѣчательно, что поворотъ ея на востокъ, послѣ впаденія въ нее Мологи, означенъ и на нашей картѣ. Отъ истока Волги до того мѣста, гдѣ она, по Мюнстеровой картѣ, достигаетъ своего крайняго предѣла на сѣверѣ, находимъ всего только два города: одинъ — почти на половинѣ разстоянія между истокомъ Волги и устьемъ Мологи; другой — выше устья Шексны. Первый изъ нихъ — вѣроятно, Тверь; второй — Ярославль или Кострома. Къ сѣверу отъ этого города, между сѣверо-западнымъ предѣломъ р. Волги и Вологодой (Wolochda) изображено озеро, на восточномъ берегу котораго поставленъ знакъ города, а на юго-западной сторонѣ этого же озера надпись „Habisk“, вѣроятно вмѣсто „Halisk“, то-есть, Галичъ, лежащій на юго-восточномъ берегу Галичскаго озера и уже въ XIV в. извѣстный своими солеными варницами ¹⁾.

На одной параллели съ Галичемъ лежитъ крайній сѣверо-западный предѣлъ Волги. Отсюда она несетъ свои воды на востокъ и постепенно, въ видѣ дуги, склоняется на югъ, но въ такой незначительной степени, что устье ея, нарисованное на картѣ въ видѣ четырехъ рукавовъ, занимающихъ довольно значительное пространство, лежитъ даже сѣвернѣе ея истока. На востокъ отъ Галича, при поворотѣ Волги на югъ, въ нее впадаетъ съ лѣвой стороны рѣка,

¹⁾ «Промышленность древней Руси». Н. Аристова, С.-Иб., 1865 г., стр. 71.

образующаяся изъ слиянія двухъ, почти одинаковыхъ по длинѣ рѣкъ. Судя по очертанію, одна изъ этихъ рѣкъ можетъ быть приурочена къ Унжѣ, другая къ ея притоку Неву, впадающему въ нее съ правой стороны ¹⁾. На р. Унжѣ стоитъ городъ, на ея притоки—тоже. Первый изъ этихъ городовъ можно приурочить къ извѣстному во второй половинѣ XV в. городу Унжѣ ²⁾. Отъ устья Унжи Волга нѣсколько склоняется на югъ до впаденія Оки, къ сѣверу отъ устья которой стоитъ Нижній Новгородъ (Novigrod).

Очертаніе Оки не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ дѣйствительностью; но еслибы мы положили передъ собою Мюнстерову карту такъ, чтобы западъ приходился на сѣверъ, и соотвѣтственно съ этимъ означали бы и другія страны свѣта на ней, то это очертаніе напомнило бы намъ теченіе р. Оки. Она беретъ начало къ востоку отъ города Вѣлева („Veleff“), который лежитъ на лѣвомъ берегу ея, и сначала течетъ на сѣверо-западъ, а потомъ на значительномъ разстояніи становится господствующимъ направленіе сѣверное. Выше Вѣлева въ нее впадаетъ съ правой стороны р. Упа, вытекающая изъ огромнаго безыменнаго озера, которое соединяется протокомъ съ озеромъ Иванъ („Juan“), дающимъ начало и р. Дону („Don fl.“). Этотъ протокъ есть р. Шать, которую Герберштейнъ считалъ притокомъ р. Оки, а Упу—притокомъ Шати ³⁾, и на картѣ Мюнстера обѣ онѣ являются какъ бы одною рѣкою, текущею на значительномъ разстояніи по направленію юго-западному. Знакъ города на лѣвомъ берегу рѣки, нами принятой за Упу, по всей вѣроятности, относится къ Тулѣ.

Противъ устья Упы, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Ока поворачиваетъ на сѣверъ, въ нее впадаетъ Угра, сначала текущая на сѣверъ, а потомъ на востокъ; къ югу отъ нея—знакъ города. Къ сѣверу отъ устья Угры—городъ Кашира („Kossera“), на лѣвомъ берегу р. Оки, на которомъ онъ дѣйствительно и находился въ древности, до царствованія Михаила Феодоровича, и по указу котораго онъ былъ

¹⁾ *Stuckenberg*, V, 414.

²⁾ Кн. Б. Ч., по изд. 1846 г., стр. 138: «А въ Унжу рѣку пала отъ Галича р. Невъ... «А на рѣкѣ на Невѣ градъ Пареевъ»... Гор. Пос., т. II, С.-Пб. 1861 г., стр. 585. *Акты Истор.*, II, № 165 (1609—марта 4) стр. 194; «пришла подъ Кострому измѣняки наши галицкіе и вологодціе, и уженскіе, и кологривскіе, и пареевскіе»...

³⁾ R. M. C., по изд. 1556 г., 66 B (р. п., 102): «Schat in Occidentem, Uppa fluvio in se recepto, Occam inter Occidentem et Septentrionem influit». *Stuckenberg*, V, 444: Шать вытекаетъ изъ Иванова озера и впадаетъ въ рѣку Упу.

перенесенъ на правый берегъ ¹⁾. Въ недалекомъ разстояніи отъ Каширы въ Оку впадаетъ съ лѣвой стороны р. Москва, на лѣвомъ берегу которой гор. Москва („Mosqua“), а выше надпись „Moscouia“. Далѣе къ сѣверу Ока принимаетъ въ себя двѣ рѣки, изъ которыхъ одна впадаетъ съ правой стороны — Мокша; а другая съ лѣвой — Блязьма.

По принятіи Оки, Волга снова подымается на сѣверъ и принимаетъ въ себя съ правой стороны р. Суру, при устьѣ которой лежитъ гор. Васильсурскъ („Wassilgrad“), и далѣе съ лѣвой — р. Каму, на правомъ берегу которой лежитъ гор. Казань. То обстоятельство, что на Мюнстеровой картѣ находится Васильсурскъ, указываетъ на время ея составленія — послѣ 1523 г., такъ какъ городъ этотъ былъ основанъ въ этомъ году ²⁾.

Кама, изображенная на Мюнстеровой картѣ, очень незначительной рѣкой, принимаетъ съ правой стороны р. Вятку, на лѣвомъ берегу которой означенъ гор. Хлыновъ („Chilinow“).

Ниже Казани находимъ на правомъ берегу Волги одинъ только городъ Астрахань („Astarchan“).

Черное море („Pontus Euxinus“) выступаетъ на Мюнстеровой картѣ въ видѣ небольшого извилистаго залива, имѣющаго видъ треугольника и лежащаго къ западу отъ полуострова Таврическаго, на югѣ котораго изображены деревья, а выше ихъ надпись „Pergo Kopska“. Болѣе значительное мѣсто занимаетъ Азовское море („Meotisch maeere“). Одна часть его западнаго берега, имѣющаго господствующее меридіональное направленіе, составляетъ восточную береговую линію Крыма и представляетъ два углубленія, изъ которыхъ наиболѣе значительное образуетъ Перекопскій перешеекъ; другая часть можетъ быть принята за широкій лиманъ р. Дона, столь глубоко врѣзывающійся въ материкъ, что оконечность этого лимана представляетъ крайній сѣверный предѣлъ азовской береговой линіи. Отъ этого предѣла она направляется на востокъ, потомъ спускается на югъ и противъ южной оконечности Крыма поворачиваетъ на западъ. Какъ видно,

¹⁾ «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи» — *О. Ласковскаго*, ч. I, С.-Пб. 1858 г., стр. 34, 45. *Гор. Пос.*, т. V, ч. I, С.-Пб. 1865 г., 290—291. *Никон. лѣт.*, VI, 245: 1531 г. «Срубленъ бысть того же лѣта на Башире градъ древянь».

²⁾ П. С. Р. Л., VI (Сое. 2), 261: «въ лѣто 7032 сентября въ 1 срубилъ на Сурѣ Васильгородъ»; VIII (Воскр.), стр. 270; *Никон. лѣт.*, VI, 229.

Азовское море на Мюнстеровой картѣ до нѣкоторой степени напоминаетъ береговныя очертанія этого моря.

Изъ рѣкъ Черноморскаго бассейна изображены на этой картѣ всего только три рѣки: „Nereg fl.“, „Tanais fl.“ и безыменная рѣка, впадающая въ Азовское море къ востоку отъ Дона.

За источникъ р. Днѣпра можно, по видимому, принять то же обширное баснословное озеро, изъ котораго вытекають и двѣ другія великія рѣки восточно-европейской равнины, Занадная Двина и Волга. Въ это же озеро съ восточной стороны впадаютъ двѣ небольшія рѣчки, изъ которыхъ одна течеть съ сѣвера на югъ, другая—береть начало въ недалекомъ разстояніи отъ р. Москвы и течеть съ юго-востока на сѣверо-западъ. Эту послѣднюю, судя по теченію ея, можно съ большимъ вѣроятіемъ принять за р. Вязьму.

По выходѣ изъ баснословнаго безыменнаго озера, Днѣпръ течеть почти безъ всякихъ извилинъ на югъ до самаго Кіева („Kioff“). Съ правой стороны въ Днѣпръ впадаетъ безыменная рѣчка, вытекающая, по видимому, изъ озера, и на правомъ берегу ея близъ самаго устья городъ, который лежитъ не далеко отъ Смоленска („Smolensk“) и положеніемъ своимъ напоминаетъ городъ Оршу, лежащій близъ Дрѣпра, при впаденіи въ него рѣчки Оршицы.

Съ лѣвой стороны въ Днѣпръ впадаютъ двѣ значительныя рѣки: одна безыменная, берущая начало къ юго-востоку отъ Смоленска, можетъ быть принята за р. Сожь; другая — р. Десна („Desna fl.“). На первой расположены три города: одинъ въ верховьѣ ея и близъ него подпись „Rzcha“; другой—на лѣвомъ берегу, ближе къ верховью, чѣмъ къ устью; третій, недалеко отъ устья, на правомъ берегу.

Чертежъ Десны напоминаетъ ея направленіе южное и юго-западное. На ней два города: одинъ—въ самомъ верховьѣ, можетъ быть—Брянскъ; другой — на правомъ берегу, противъ устья рѣки, впадающей въ Десну съ лѣвой стороны. Въ этомъ притоцѣ р. Десны легко узнать р. Сеймъ, такъ какъ на правомъ берегу ея означенъ городъ съ надписью „Puttim“, то-есть, Путимль. Кромѣ р. Сейма, въ Десну впадаетъ съ лѣвой стороны еще одинъ безыменный притоцъ.

Рѣка Донъ имѣеть на Мюнстеровой картѣ два названія: „Don“ и „Tanais“, и первое изъ нихъ находится близъ истока этой рѣки—озера Иванъ („Ivan“). Отсюда Донъ течеть на сѣверъ, а затѣмъ поворачивается на югъ и до самаго устья, при которомъ стоитъ городъ Азовъ, сохраняетъ южное направленіе, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлая изгибы на западъ и востокъ. Въ эпоху составленія Мюн-

стеровой карты притоки Дона еще не имѣли того важнаго значенія, какое они стали прибрѣтать въ послѣдующее время, и изъ нихъ на этой картѣ только одинъ притокъ съ правой стороны, русло котораго сначала имѣетъ направленіе съ юга на сѣверъ, а потомъ съ запада на востокъ. Можетъ быть, это р. Быстрая Сосна, пользовавшаяся изъ лѣвыхъ притоковъ р. Дона наибольшою извѣстностію въ первой половинѣ XVI в. ¹⁾

Безыменная рѣка, впадающая въ Азовское море къ востоку отъ Танаиса, едва ли можетъ быть опредѣлена. На Мюнстеровой картѣ она является довольно значительною рѣкою; беретъ начало къ западу отъ города Шемахи („Schamachia“), сначала направляется на югъ, затѣмъ подымается на сѣверъ и снова поворачиваетъ на югъ. Къ востоку отъ нея и къ югу отъ Шемахи надпись „Tartaria“ и знакъ намъ неизвѣстнаго города, къ которому, можетъ быть, относится названіе „Tumenpala“ (?).

Характеристическую особенность Мюнстеровой карты составляютъ изображенія нѣкоторыхъ животныхъ, размѣщенные на ней въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, въ которыхъ онѣ водятся. На сѣверо-западѣ изъ водъ Вѣломорскихъ выглядываетъ голова моржа; въ лѣсной полосѣ, тянущейся по лѣвому берегу Сѣверной Двины, находимъ изображение росомахи („Rossomata“); въ мѣстности, лежащей къ западу отъ Дона, нѣсколько выше юртъ, указывающихъ на степной образъ жизни народа, обитающаго къ сѣверу отъ Переконя, — изображение четвероногаго животнаго, съ козлиною бородой и двумя рогами. По всей вѣроятности, это то самое животное, которое въ Трактатѣ Матвѣя Мѣховскаго названо „Swak“, а въ Запискахъ Герберштейна сайгакъ (сайга) и представляетъ особый видъ антилопы, водящейся въ южно-русскихъ степяхъ. Всѣ эти въ первой половинѣ XVI в. малоизвѣстныя на западѣ Европы животныя потому, очевидно, и были изображены на Мюнстеровой картѣ, что они составляютъ характеристическую особенность животнаго царства восточной Европы, и по той же причинѣ объ этихъ животныхъ сообщили довольно обстоятельныя свѣдѣнія и Матвѣй Мѣховскій въ своемъ Трактатѣ, и Олай въ исторіи о сѣверныхъ народахъ, и Герберштейнъ въ Запискахъ о Московіи ²⁾.

¹⁾ Герберштейнъ, по изд. 1556 г., 67 С (р. п., 104): «Ex Oscae porro fontibus duos alios fluvios oriri aiunt, Sem et Schosna» (Сосна).

²⁾ Матвѣй Мѣховскій, по изд. 1521 г., стр. Нiiij и об. (о моржѣ), Giiij, л. 2

Не смотря на всѣ свои существенные недостатки, Минстерова-карта Московіи во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Пособіе знаменитой карты Фра-Мауро 1459 г. до второй четверти XVI в. картографія западно-европейская по отношенію къ восточной Европѣ не представляла, на сколько намъ извѣстно, ничего особенно выдающагося и замѣчательнаго въ общемъ ходѣ развитія географической науки. На всѣхъ намъ извѣстныхъ картахъ XV—XVI в. великая восточно-европейская равнина является на ряду съ другими частями стараго свѣта, какъ часть земной поверхности, замѣчательная, по видимому, только тѣмъ, что одна изъ рѣкъ ея считалась границею между Европою и Азіею, иногда же обращающая на себя вниманіе какъ крайній, по баснословнымъ преданіямъ, предѣлъ походовъ Александра Великаго, какъ мѣсто обитанія племень, о которыхъ сохранились преданія у классическихъ писателей.

Обычное содержаніе географическихъ картъ XV—XVI вв. составляютъ слѣдующія немногія названія и очертанія, имъ соотвѣтствующія: горы Рифейскія и Гиперборейскія, Герцинскій лѣсъ; рр. Ра (Волга), Tanais (Don), Turuntus, впадающій въ Балтійское море; lacus Albus. Кромѣ этихъ названій, на нѣкоторыхъ картахъ находимъ еще слѣдующія: Russia alba sive Moscovia; Moscovia (Ducatus Moscovia); Sarmatia Asiatica, Sarmatia Europe; Gross. Neugart; Modothe gentes; Hippophagi; Columne Alexandri ¹⁾.

об. (о росомахъ), Bij («Swak... est animal quantitatis ou is, in terris alijs non visum, lana griseum, duo parva cornua habens»...); *Historia Olai magni*, Basileae, 1567 г., стр. 789—790 (о моржѣ, l. XXI, С. XXVIII, XXIX); 682—683 (о росомахъ, l. XVIII, С. VIII, IX, стр. 682: «lingua Germanica Vielefrass, Slavonice Rossomaka a multa comestione: Latini uero non nisi fictitio Gulo, uidelicet à gulositate appellatur»). *Herberstein*, по изд. 1556 г., 81 С., 120 А—В (о моржѣ; р. п. 124, 179); 113 А (о сайгѣ; р. п., 168). См. «Zoographia rosso-asiatica» *P. Pallas*, Petropoli, 1811, I, 252—253 (Antilope Saiga): «Rossis Saigak; Polonis Suhac vel Baran polnii» (i. e. ovis campresiris); Путешествіе акад. *Ивана Лепехина*, ч. IV (въ 1772 г.), С.-Пб. 1805 г., стр. 8, 136, 324 (о моржѣ), ч. III, стр. 92 (о росомахъ); *П. С. Палласа* Путешествіе, ч. I, С.-Пб. 1773 г., прибавленія, стр. 1—2.

*) Въ изд. «Atlas composé de mappemondes et de cartes hydrographiques et historiques depuis le XI jusqu'au XVII siecle» — vic. de *Santarem*, Paris, 1842, находятся слѣдующія карты XV—XVI вв., имѣющія отношеніе къ исторической географіи Россіи:

I. «Mappemonde (далѣе это слово мы будемъ означать буквою М) d' *Andrea*

Какъ видно изъ этого перечня, западно-европейская картографія XV—XVI в. по отношенію къ восточной Европѣ не выходила изъ тѣснаго круга классическихъ преданій, и по большей части, повтораю только то, что было ими завѣщено. Отъ этого исключительнаго вліянія она освободилась въ концѣ второй половины XVI в., выступила на новый вѣрный путь и тѣмъ самымъ получила возможность

Bianco 1436 г. На ней есть названіе Россіи, р. Tanais. Очертаніе Чернаго и Азовскаго моря довольно вѣрно.

II. «M. renfermée dans le «Rudimentum Nuvitiorum» imprimé en 1475». На ней слѣдующія названія: 1) Moscaia; 2) Tartarea; 3) Caspy.

III. «M. dressée en 1489, qui se trouve dans un Manuscrit du Musée Britannique». «Reproduite pour la première fois». На ней слѣдующія названія: 1) Hyperborei, Hippum montes; 2) Rhas fl. («nunc Volga»); 3) Tanai, съ которымъ соединяется р. Rombici; 4) Russia Alba, близъ с. в. берега Чернаго моря.

IV. «M. de Ryusch, de 1508»: 1) Hyperborei montes; 2) Rhyfici montes, къ в. отъ р. Волги; 3) р. Edil, вытекаетъ изъ оз., изъ котораго вытекаетъ и р. Turuntus; 4) Tanais fl., беретъ начало съ Гиперборейскихъ горъ; 5) р. Turuntus; 6) Russia Alba, къ западу отъ р. Танаиса; 7) Moscovia; 8) Ostrahan.

V. «M. d' *Arrianus*, de 1520. Tirée du Solin de Camers»: 1) Hyperborei; 2) р. Rha; 3) р. Tanais— обѣ берутъ начало съ Гиперборейскихъ горъ.

Въ изд. «Les monuments de la Geographie ou recueil d'anciennes cartes européennes et orientales.—*Jomard*, membre de l'institut de France:

I. Globe terrestre de la 1-re Moitié du XVI siècle, conservé à Francfort sur le Mein» (№№ 15—16): 1) Hyperborei, Riphei montes; 2) Tanais fl., вытекаетъ изъ большаго озера, съ горъ Риейскихъ; 3) Sarmatia Asiatica, къ в. отъ Танаиса; 4) Russia Alba; 5) Nogurdia—обѣ подняи къ с. отъ истоковъ Танаиса; 6) Livonia; 7) Littonia.

II. «M. de *Sebastian Cabot*, pilote major de Charles Quint, de la première moitié du XVI siècle»: (№№ 66—87): 1) Mare Gothicum, имѣетъ слѣдующія части: Mare livonicum, Mare finionicum, Mare Sueticum, M. B (?) otnicum; 2) Paludes Maeotides, сѣверная оконечность на 55° с. шир.; 3) Lacus albus, соединено съ Финскимъ заливомъ (mare finionicum), между 65 и 70° с. шир.; 4) Hyperborei montes; 5) Riphei montes, между 50—60° с. шир.; 6) Hippiei montes, 75°—80° д., 50—55° с. шир.; 7) Rha fl., вытекаетъ изъ озера, лежащаго на Гиперборейскихъ горахъ, на 60° с. шир.; 8) р. Tanais, вытекаетъ изъ большаго озера; 9) Sarmatia Europae, къ западу отъ Танаиса; 10) Ducatus Moscovia, Russia Alba sive Moscovia; 11) Novogrado, къ с. отъ 60° паралели; 12) Columna Alexandri, подъ 50° с. шир., 75—80° д. 13) Modothe gentes, 50° с. шир., 80°—85° д.; 14) Hippofagi, къ востоку отъ Модотовъ, 85°—90° д., 60° с. шир. 15) Suardeni, на 75° меридіанѣ, 55°—60° с. шир.; 16) Mithridatis regio, 75°—80° д., 55°—60° с. шир.; 17) Saprotrene, 80—85° д., 50—55° с. шир.; 18) Amasones, на р. Волгѣ, 80—85° д., 50°—55° с. шир. и др. Moduti, Hippophagi, Suardeni Saprotreni упоминаются у

Птоломея.

имѣть хотя сколько-нибудь приближающееся къ дѣйствительности изображеніе великой европейской равнины, столь долго не выступавшей изъ мрака невѣдѣнности. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, съ какого именно произведенія начинается это новое направленіе, такъ какъ карты, приложенныя къ древнѣйшимъ иностраннымъ сочиненіямъ о Руси Московской, до насъ не дошли, и Мюнстеровъ карта Московіи является первымъ опытомъ такого изображенія восточно-европейской равнины, которое было основано на современныхъ и болѣе или менѣе достовѣрныхъ извѣстіяхъ о ней, а не на старыхъ, отжившихъ свое время преданіяхъ. На Мюнстеровой картѣ находимъ хотя и не полное очертаніе Вѣлаго моря, главныхъ рѣкъ на востокѣ Европы, знаки важнѣйшихъ городовъ, не мало названій областныхъ и племенныхъ и даже р. Обь.

Если мы сопоставимъ карту Мюнстера съ его описаніемъ Московіи, то окажется, что по количеству географическихъ данныхъ, оно далеко недостаточно для составленія приложенной къ нему, хотя и небольшой по своимъ размѣрамъ, карты. Предполагать, что Мюнстеръ имѣлъ эти данныя и самъ составилъ карту—едва ли возможно: въ описаніи Московіи упоминается всего только восемь рѣкъ, а на картѣ число ихъ доходить до пятидесяти четырехъ ¹⁾. И съ какою цѣлью потратилъ бы время знаменитый космографъ на изображеніе такихъ рѣчекъ восточно-европейской равнины, которыя не имѣли никакого значенія въ общемъ географическомъ обзорѣніи Европы, и отъ которыхъ читатели космографіи ничего не приобрѣтали. Еслибы Мюнстеръ былъ составителемъ карты Московіи или принималъ непосредственное участіе въ этомъ трудѣ, то едва ли бы онъ допустилъ то противорѣчіе, на которое мы уже обращали вниманіе: въ описаніи Московіи говорится о томъ, что Волга впадаетъ въ Черное море, а на картѣ она изображена впадающею въ Каспійское море.

Въ то время, къ которому относится составленіе Мюнстеровой карты (пятое десятилѣтіе XVI в.), никто изъ иностранцевъ, сколько намъ извѣстно, не располагалъ географическими свѣдѣніями, необходимыми для ея составленія, и, вѣроятно, онѣ не заключались и въ тѣхъ недошедшихъ до насъ сочиненіяхъ, о которыхъ упоминаетъ авторъ Записокъ о Московіи. Въ противномъ случаѣ, что же могло побудить его къ подробному географическому описанію восточной

¹⁾ Къ бассейну Сѣвернаго океана относится 14 рѣкъ, Балтійскаго моря—13, Каспійскаго моря—17, Черваго моря—10 рѣкъ.

Европы? Самъ же онъ опредѣляетъ задачу своего труда необходимостью восполнить весьма замѣтный въ западно-европейской литературѣ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ о Московіи. Для составленія же ея картографіи, находящейся въ Запискахъ, были, конечно, необходимы многія условія: наблюдательность, трудолюбіе и добросовѣстность Герберштейна, его широкое образованіе, знаніе русской рѣчи, весьма выгодныя отношенія его къ современнымъ ему замѣчательнымъ русскимъ дѣятелямъ, наконецъ, долгое пребываніе въ Россіи однимъ словомъ—такія счастливыя условія, въ какихъ не находился ни одинъ изъ иностранныхъ писателей первой половины XVI в., а между тѣмъ на Мюнстеровой картѣ Московіи находимъ данныя, которыхъ нѣтъ ни въ Запискахъ Герберштейна, ни на его картѣ, какъ, наприимѣръ, озеро Водло, свѣдѣнія о направленіи береговъ Бѣломорскихъ и нѣкоторыхъ рѣкъ.

Замѣчательно, что названія племенъ, принадлежащія классической эпохѣ, не встрѣчаются на Мюнстеровой картѣ Московіи, между тѣмъ какъ на картѣ Польши, находящейся въ космографіи Мюнстера, къ западу отъ Пскова, находимъ Агатирсовъ („Agathyrsi“), а къ югу отъ Смоленска—Гамаксовіевъ ¹⁾ („Gamachosij“).

Эта особенность обращаетъ на себя вниманіе потому, что еще въ XVI в. каждый изъ образованныхъ иностранцевъ тщательно заботился объ отысканіи классическихъ названій на востокѣ Европы и приурочивалъ эти названія къ какому-либо ему современному, что, при господствовавшемъ въ то время, совершенно произвольномъ, словоприводствѣ, было дѣломъ не труднымъ.

Всѣ нами высказанныя соображенія въ связи съ тѣми данными, какія представляетъ Мюнстерова карта—вѣрныя во многихъ частяхъ очертанія рѣкъ, города и названія племенъ, на ней означенные,—убѣждаютъ въ томъ, что она, какъ мы старались доказать, не могла быть составлена по современнымъ ей иностраннымъ источникамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, даютъ право предполагать, что составитель ея непосредственно или черезъ посредство другихъ пользовался русскимъ чертежомъ Московскаго государства. На существованіе такого чертежа указываетъ любопытное свидѣтельство, по всей вѣроятности относящееся ко времени княженія Василія Ивановича. Когда однажды въ Аугсбургѣ одинъ изъ иностранцевъ спросилъ русскаго посла: считаетъ

¹⁾ *Мюнстеръ*, по изд. 1552 г., стр. 887. Агатирсы упоминаются у Геродота, Птоломея и др., Гамаксовіи—у Птоломея, Плинія и др.

ли онъ возможнымъ проѣздъ черезъ сѣверныя моря въ южныя страны, то посоль русскій отвѣчалъ утвердительно, и чтобы доказать свое мнѣніе, велѣлъ подать карту, на которой находилось „описание“ Московіи и ей подвластныхъ земель ¹⁾.

Чертежъ, послужившій для составленія Мюнстеровой карты подвергся, правда, нѣкоторымъ передѣлкамъ, но онъ, какъ можно думать, коснулись только географическихъ названій. Нѣкоторыя изъ нихъ („Habitat“—Галичъ; „Deick — Яикъ; „Kossega“—Кошира) были, очевидно, не поняты и прочитаны не вѣрно; другія явились нѣсколько искаженными или отъ недостаточнаго знанія фонетики или случайно, отъ невниманія и недосмотра (Assow); третьи, наконецъ, были замѣнены названіями, установившимися въ иностранной географической литературѣ (Pontus Euxinus, Meotisch maere, Tanais, Moskovia).

¹⁾ «Primo volume et Terza edizione delle navigazioni et viaggi raccolto gia da M. Gio Battista Ramusio», Venetia, 1563, p. 373 об. — 374 («fatiasi portare una charta doue era la descrizione di Moscovia et altre prouincie suggette a quella»). Для опредѣленія времени разговора русскаго посла съ образованнымъ иностранцемъ, имя котораго неизвѣстно, можетъ послужить слѣдующее мѣсто въ томъ же «Discorso sopra li viaggi delle spetierie»: «Continuo poi che non egano passati molti anni, che venne alla corte del suo principe (то-есть, великаго князя Московскаго) vn Ambasciador di Papa Leone, nominato messer Paulo Centurione Genouese»... Павелъ Генуезецъ былъ два раза въ Москвѣ: въ первый разъ онъ привезъ съ грамотою папы Льва X (ум. въ 1521 г.); второй разъ—съ грамотою папы Климента VII (Библи. ин. писат., Спб. 1863 г., *Томъ*, 58 (р. п. 14); 60 (р. п. 17). О первомъ проѣздѣ въ Москву Павла сохранилось извѣстіе въ Никои. лѣт., VI, 227 (1521 г. «былъ у великаго князя на Москвѣ отъ папы Римскаго человекъ его именемъ Павелъ»). Слѣдовательно, съ большимъ вѣроятіемъ разговоръ Рамузіо можетъ быть отнесенъ ко времени княженія Василія III. *Мейерс*, Vergleichung des älteren und neuern Russlands, I B., Leipzig, 1798, s. 7, первый указалъ на «Discorso» Рамузіо. *Аделунгъ* не могъ не уеумниться въ томъ, что Русскій посоль имѣлъ русскій чертежъ и отнесъ «Discorso» къ 1518 г., Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reiches, IV, 18—19. Приведенное нами свидѣтельство подтверждаетъ предположеніе, высказанное въ 1859 г. *В. И. Ламанскимъ* о томъ, что въ первой половинѣ XVI в. на Руси уже существовали отдѣльные чертежи. «Давность», говоритъ *В. И. Ламанскій*,—«станичнаго устройства, существовавшего въ обычаѣ задолго до 1571 г. и невозможность предполагать, что первые русскіе чертежи составлены были съ цѣлью военно-административною, даютъ совершенную вѣроятность... извѣстію Татищева, что «царь Иванъ Васильевичъ въ 1552 г. велѣлъ землю измѣрить и чертежъ государства сдѣлать». Это же обширное для того времени предпріятіе въ свою очередь доказываетъ, что, такъ сказать, частныя опыты и отдѣльные чертежи существовали на Руси еще и въ первой половинѣ XVI в.» «Старинная русская картографія», *Вѣстн. Русс. Геогр. Общ.* 1859 г., ч. XXVII, отд. V (Сивьск), стр. 16.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Извѣстія о Московіи Себастіана Мюнстера, сличенныя съ извѣстіями Матвѣя Мѣховскаго и Іовія.

Текстъ этихъ извѣстій печатается по слѣдующимъ изданіямъ:

1) «Cosmographiae universalis Lib. VI. in quibus, iuxta certioris fidei scriptorum traditionem describuntur, omnium habitabilis orbis partium situs, propriaeque dotes. Regionum Topographicae effigies.

Terrae ingenia, quibus fit ut tam differentes et varias specie res, et animatas et inanimatas, ferat. Animalium peregrinorum naturae et picturae. Nobiliorum civitatum icones et descriptiones. Regnorum initia, incrementa et translationes. Omnium gentium mores, leges, religio, res gestae, mutationes. Item regum et principum genealogiae Auctore *Sebast. Munstero*.

«Basileae apud Henricum Petri, mense Martio, anno M.DLII» (на лѣвовой сторонѣ послѣдняго листа). Страницы, не имѣющія нумераціи: 2) портретъ Мюнстера; 3—11 Предисловіе; 12 «Catalogus doctorum virorum, quorum scriptis et ore sumus usi et adiuti in hoc opere»; 13—24 Index; 25—80 Карты географическія (на 14 л.). Всего 1162 стр. номер. и 2 стр. нумер. (на 1-й изъ нихъ «Totius operi Cosmographici conclusio» и Errata).

2) «Descriptio Sarmatarum Asiae et Europaeae et eorum quae in eis continentur»—*Матвѣя Мѣховскаго*. Anno MDXXI. Въ 4-ю д. л. на послѣдней страницѣ: «Scaevoniae apud dominum Joannem Haller. 1521». Всего 72 стр. (нумерація буквами). На оборотѣ заглавнаго листа—посвященіе Турзону; Aij и Aijj—два письма о Готахъ: одно отъ Іоанна Магнуса, другое—отвѣтъ Мѣховскаго (1518 г.). На двухъ послѣднихъ страницахъ — письмо Мѣховскаго въ Галлеру. См. *Отеч. Записки*, т. 97, 1854 г., Отд. II, Библиогр. отрывки, стр. 151, 154.

3. «Pauli Jovii Novocomensis de Legatione Basiliensi Principis Moscoviae ad Clementem VII», изд. въ «Библиотекѣ иностр. писателей о Россіи», т. I, С. Пб. 1836, IV, стр. 57 и сл.

Мюнстеръ.

Стр. 911, строка 14: Est autem Moscovia terra quadringentorum miliariorum patens... (Въ изд. 1598 г., стр. 1253: Es ist der Moscovyterlandt sehr lang und breit. Dann von Smolensko biss gen Mosko seind 100 Meilen, von Mosko biss gen Voloska seind auch 100 M., von Valechda bis gen Ustzuga 100 M., von Ustzuga bis gen Viatka 100 M., unn diese 400 M. begreif-

Мѣховскій.

Стр. Gijj, л. 2 об., строка 29—стр. H., строка 9: Moskovia est regio longissima latissimaque, nam a Smolensko usque ad Moskvam civitatem sunt centum miliaria, a Moskva ad Volochda centum miliaria, et Volochda est provincia et fluvius per ipsam labens eodem nomine vocatur, a Volochda ad Usczuga centum miliaria, ab Usczuga et Viatka centum miliaria, et ista

Мюстерь.

fen d' Moscowyter Landt, vnn sie gebrauchen sich durchaus der Sclauen Spraach).

— строки 14—16: argento dives, tam valido ubique praesidio conclusa, ut nedum advenae verum indigenae etiam absque literis ducis exire atque intrare non possint.

— строки 16—19: Plana omnino regio est, non montosa, nemorosa tamen, et ut plurimum paludinoso, multis insignibus fluviis, Occa, Volha, Dzuvinna, Borystheneque et Dneper irrigua, piscibus ob id varijs et feris abundat, quaemadmodum Lithuania, a qua non multum discrepat, nisi quod frigidior est, quis 2) septentrionalior. Unde pecora parva habet, et communiter mutila.

строки 20 — 25: Moscua metropolis regionis, duplo major quam Praha Bohemiae, lignea (ut aliae civitates) aedificia habet, multas plateas, sed dispersas, latissimi enim campi interiacent, et Mosca amnis ipsam intersecat. Arx in medio urbis in plano sita, septemdecim turribus et tribus propugnaculis adeo pulchris et validis, ut similia vix reperiantur. Sedecim in ea arce ecclesiae et tres amplissimae curiae, in quibus nobiles aulici morantur. Pa-

Московский.

quadringenta miliaria sunt de regione Moskoviiae et sermo per totum est Ruthenicus seu Slavonicus. Ultra praedicta a Viatka ad regionem Permskacentum miliaria, inde ad terram Vahulczka triginta miliaria, et haec cum Scithia confinat. Et istae prouinciae subjectae sunt duci moskoviiae additisque terris ad septentrionem et orientem ab eodem duce Moskoviiae possessis Juhra et Corela quae sunt in Scythia, erunt quingenta miliaria Germanica magna 1).

Стр. Н. и., строки 8—10: Estque terra dives argento, et custodia undique clausa, vt nedum servi et captiui, sed et liberi indigenae et advenae exire absque literis ducis nequeant, et haec hactenus.

Стр. Н. об., строки 23—27: Praeterea terra Moskoviae plana est boscis ac sylvis aquis quoque fluminibus piscibus et feris quemadmodum Lithuania referta, sed frigidior et septentrionalior, vnde pecudes et pecora parva sunt et mutila absquae cornibus quasi semper propter frigus...

Стр. Н. об., строки 2—22: Moskva est ciuitas principalis satis magna bis major quam Florentia Tusciae, aut bis major quam Praga Bohemiae urbs Praga dico quae extat quam tu vidisti, non Praga quam quidam historicus fecte astrui, longissimam trium dierum itinere civitatem quod fabula est, verum Moskva lignea est non murata, plurimas habens plateas, et ubi una platea finitur, altera non statim ancipit, sea campus mediat. Inter domos quoque sepes

Мюнстеръ.

latium in quo dux est, Itatico more est constructum pulcherrimum sed non amplum.

Московскій.

mediant, ita ut domus sibi invicem non cohereant. Nobilium domus sunt majores, plebeorum vero humiles. Fluit per medium civitatis et sub castro ipsius fluvius eiusdem nominis cum civitate Moskwa appellatus, et est tantus quantus Multana in Praga, aut Arnus in Florentia. Castrum autem good est in medio civitatis in plano, est castrum bonum muratum tantae amplitudinis vt Buda in Hungaria, habet tria propugnacula, et cum his turres magnae simul computatae sunt decem et septem, tegulis latericijis tectae, sed unus murus. In eo castro ecclesiae sunt sedecim, tres muratae, scilicet sanctae Mariae, sancti Michaelis et sancti Nicolai, reliquae sunt de ligno. Palacium ducis in praefato castro est muratum adinstar Italicum novum non amplum, nec magnum, tres curiae nobilium sunt muratae, aliae domus ligno constructae, stubae³⁾ omnes nigrae.

— строки 25—26: Multos ducatus habet. ex quibus ingruente bello plus quam ducenta millia hominum duobus aut tribus contrahuntur (Въ изд. 1598 г., стр. 1253: In diesem Landt seind viel Hertzogtumb, die alle mechtig an Adel vnn Landvögten seind. Das Hertzogthum Moschkaw vermag ins Feld 300,000 (sic) Edler vnn 600,000 (sic) Bawren. Das Hertzogthumb Twertzka vermag 40,000 streitbarer Mann von Adel, darinn die Hauptstatt Twerd ist, vnn fleusst bey ihr, das Wasser Volha in das Hertzogthum Chelmsiki, das schickt 70,000 ins Feld. Das Furstenthumb Rzesen vermag 15,000 Edlen und bey ihnen entspringt der namhafft Fluss Don oder Tanais. Es ist auch ein Landt der Tartaren Kosansska das mit 30,000 streitbaren Männern aus-

Стр. II, строка 13—II об., строка 2: Intra Moskoviam autem sunt multi ducatus est ducatus seu terra Moskoniae, de qua triginta milia puguatorum nobilium ad bellum egrediuntur, agrestium vero sexaginta milia. Est et ducatus seu terra l'werczka, de qua quadraginta milia armatorum nobilium duntaxat ad bellum prodeunt. In hoc ducatu capitalis civitas Twerd nupatur¹⁾, et est civitas grandis lignea de lignis edificata, in ea sunt ecclesiae lignee centum et sexaginta, castrum etiam ligneum est et sunt in ipso novem oracula seu ecclesiae. Principalis est sancti Salvatoris et illa duntaxat est murata, sub hac ciuitate et castro amplissimus fluvius Volha labitur. Ducatus Chelmski de quo septem milia puguatorum exeunt. Duca-

Мюнстера.

zeusht vnd ist den Moscovytern vnderworffen, vnn werden, also genennt von dem Schloss Kozan, dz an der Volha ligt.).

— строки 26—29: Aqua genti potu et medo, ceruisia, liquorque fermentatus, quem quassetz vocant. Arant ligno aratro, frondibus arborum aut spinis aplicantur: segetes propter longum frigus raro maturescunt, ideoque in stubis et aestuariis desiccant trituranque.

строки 29—30: Vino et oleo carent. Ne inebrientur princeps terrae (ut quidam scribant) prohibuit capitis poena omnem potum inebriantem, nisi quod bis aut ter in anno id conceditur.

— строки 31—32: Monetam nunc habent argenteam, majorem et mino-

Мяловский.

tus Zubczowski de quo quatuor milia armatorum. Ducatus Glinski de quo duo milia bellatorum prodeunt, ad terram Twerden annumeratur. Item ducatus Kubensis triginta miliaria in longum continens. Ducatus Jaroslaiensis quadraginta miliaria de terra habens. Ducatus Szuhersiensis viginti miliaria terrae habens. Ducatus Szachouiensis triginta miliaria in longum continens, omnes sunt in miliarijs Moskouiae in longum computatis. Insuper ducatus Rzezensis, de quo quindecim milia boiarorum seu nobilium armatorum euadunt et fluminis nominatissimus Tanais de ipso oritur. Item ducatus Susdalorum et plures ei adjacentes desolati et destructi sunt per Thartaros. Est et terra Thartarorum, Kozanska horda nominata, triginta iuxta castrum Kozan (quod dux Moskouiae possidet et alluitur magno flumine Volha) degens ⁵).

Стр. Н. об., строки 28—32: Bibunt aquam medonem et kwassez i. fermentatos liquores. Arant et sulcant ⁶), ligno sine ferramento, et arplicant ⁷), frondibus arborum supra seminata equis tractis, raroque propter intensa et longa gelua segetes maturescunt, ideo messis et sectis frugibus in stubis desicant maturant et triturant.

Стр. Н. и, строки 2—5: Carent vino et oleo, et ne inebriarentur princeps terrae prohibet ne modo aut liquor inebrians in aliqua domo reperiat sub priuatione vitae nisi bis aut ter in anno ex admissione principis ⁸).

Стр. Н. и, строки 5—8: Monetam habent argenteam puri argenti dzingis

Мюнстеръ.

rem, non rotundam, sed quadrangularem, oblongam.

— строки 33—36: Extenditur Moscouia usque Jurham et Corelam, quae sunt in Scythia, habet que multos ducatus intra terminos suos, nempe ducatum Tverezka, ducatum Chelinski, ducatum Zubsczowski, ducatum Kliniski, ducatum Kubensem etc. qui singuli multa milia armatorum possunt producere ab bellum.

— строка 36—44: Tanais nominatissimus fluvius a Moscouitis Don appellatus, fontes suos et originem habet in Moscouia in ducatu Rezensi. Consurgit de terra plana, sterili, limosa, paludinoso et nemorosa. Et ubi processerit ad orientem usque ad metas Scythiae et Tartariae, recuratur ad meridiem, et perueniens ad paludes Maeotidas, ingreditur illas.

— строки 45—53: Volha vero olim Rha, quem Tartari Edel appellant, tendit in septentrionem aliquot miliaribus, cui conjungitur fluvius Occa seu Ocha, ex Moscouia profluens, ac deinde in meridiem gyrans, auctus multis amnibus, influit in mare Euxinum.

Магоскій.

nominatam, majorem et minorem, formae oblongae quadrangularem non orbicularem non politam nec bene planatam.

Стр. Н, строки 13 — 34: Intra Moscouiam autem sunt multi ducatus... За тѣмъ слѣдуетъ перечень слѣдующихъ княжествъ съ обозначеніемъ количества выставляемаго ими войска; ducatus Moskouiae, ducatus seu terra Tverczka ⁹⁾, d. Chelmski, d. Zubczowski, d. Glinski ¹⁰⁾, d. Kubensis, d. Jaroslauiensis ¹¹⁾, d. Szuhersiensis, d. Szachoniensis ¹²⁾, d. Rzezensis, d. Susdalarum «et plures ei adjacentes desolati et destructi sunt per Thartaros».

Стр. Нij, строки 12 — 17 и Tanais nominatissimus fluvius a Thartaris et Moscouitis Don nuncupatus ¹³⁾, fontes et originem habet in Moskouia proprie ¹⁴⁾ in ducatu Rzezensi, consurgit de terra plana sterili limosa, paludinoso et nemorosa, cumque ad orientem solis processisset usque ad metas Scythiae et Thartariae, declinat ad meridiem, et parueniens ad paludes Meotidas illic hostia tenet et ingreditur.

Стр. Нij, строка 23 — стр. Нij об., строка 1 4: Maximusque fluminum ille Volha in Tartarico dictus Edel, tendens in septentrionem procedit ducentis miliarijs vsque ad (Nizni Nowy-grod) quod sonat inferius Novum castrum, et est in terra Moscouiae, et illic accurrit. et ei conjungitur magnus fluvius ex media Moskouia procedens, Occa cognominatus. deinde octuaginta miliarijs Germanicis Volha sub castrum Kosan quod dux Moskouiae possidet, tantem subcastrum Sarai ¹⁵⁾

Мюнстеръ.

— строки 53, стр. 912, 2: *Hereynia sylvā quotam Moscoviae partem occupat, sed passim positis aedificijs, incolitur iamque longo labore hominum rarior facta est.*

Стр. 912, строки 2—5.

— строки 5—6.

— строки 6—11 (10: «*eleuarique*»).

— строки 11—24 (11—12: «*ut jam quoque diximus*», 13: «*praeter cerasa*»; 18: «*frequentia arum examina*»).

— строки 25—34 (26: «*Rom ante aliquot annos missus*»; 32: «*exactum*»; «*quorum*»; 34: «*tum contrectatione ipsa*»).

— строки 4—5.

— строки 5—6: *Grecorum ritum assumentes.*

— строка 6.

— строки 6—8.

— строки 8—9: *Christi vitae miraculorumque omnia historia, itemque*

Михооскій.

quod Thartari tenent fuit. Deinceps versus meridiem viginti quinque fluminibus tantis vt (est Tyberis in Roma, et in alijs multo majoribus influit in mare Euxinum¹⁶).

Иосіѳ.

Стр. 62, строки 28: *Hereynia sylvā quotam (sic) Moschoviae partem occupat, ipsaque passim positis ubique aedificijs incolitur, jamque longo labore, hominum rarior facta...*

Стр. 62, строки 36—стр. 63, строка 3.

Стр. 63, строки 23—24.

Стр. 70, строки 16—23 (20—21: «*eliquarique*». Такъ и въ изд. *Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismudi in Herberstein*, стр. 167 А, строка 12) (р. п., стр. 38—39).

Стр. 70, строки 23—38 (25: «*praeter melopepones et cerasa*»; 31—32: «*frequentia ac nobilia arum examina*») (р. п., стр. 39—40).

Стр. 71, строки 1—12 (1: «*cum multo omnium risu, ut est ingenio comi et faceto*»; 8: «*extractum*»; «*quum*»; 11: «*tum tractatu ipso*») (р. п., стр. 40).

Стр. 71, строки 28—29, 31—33.

Стр. 71, строки 33—36: *factumque, est, ut Moschovitae eos religionis ritus, quos a Graecis doctoribus accepissent, iisdem sensibus et sincerissima quidem fide sequerentur* (р. п., стр. 41).

Стр. 72, строки 7—8 (р. п., стр. 42).

Стр. 72, строки 15—18.

Стр. 72, строки 24—27 и *Christi vitae miraculorumque, omnium historia ab*

Мюнстеръ.

Pauli epist. dum sacra fiunt, è suggestu recitantur.

— строки 9—10: Ingentes sapidissimosque pisces et ante alios sturiones Volha praebet.

— строка 10.

Стр. 913, строки 25 — 40: Supra Moschouitas sunt multi populi quos Scythas vocant, sed parent principi Moschovitarum, quos scilicet dux Iuan subjugavit, ut sunt Perm, Baskird Czi-remissa, Corela et Permsca: et fuit regio idola colens, sed quam dux ad baptissimum (sic) coegit designavitque Stephanum epis. quem barbari post discessum ducis uiuum excoriaverunt et necauerunt, reversusque dux afflixit eos, et alium denuo praesulem constituit. Aliae uero regiones in infidelitate persistunt. Colunt solem, lunam, stellas, bestias sylvarum et quod eis occurrit habentque propria idiomata. Non arant ibi non seminant, non habent panes nec pecunias, feris sylvarum quae apud eos abundant uescuntur, et non nisi aquam bibunt, morantur in densis sylvis, in tuguriis ex virgultis factis. Sunt uelut bestiae ratione non utentes. Vestimenta de lana non habent, pellibus teguntur, consuantes uarias pelles simul ex lupo, ceruo, urso sabellis etc. Proximiores oceano septentrionis ut Iuhri et Coreli, piscant et capiunt balenas seu uitulos et canes marinos et ex cute eorum parant redas, bursas et similia, auxun-

Иосіѹ.

Evangelistis quatuor conscripta, itemque Pauli epistolae, dum sacra fiunt e suggestu clariore voce recitantur.

Стр. 75, строки 24 — 25: Ingentes etiam sapidissimosque pisces et ante alios Sturiones, quos *Siluros antiquitus fuisse putamus*, Volga praebet (р. п., стр. 49).

Стр. 75, строки 28—30 (р. п., стр. 50).

Московский.

Стр. IIIj, строки 1—30: Post Moscouiam sunt gentes et regiones inter septemtrionem et orientem in fine Asiae septentrionalis, quae proprie Scythia dicitur. Principi Moscouiae subiectae, per Iwan ducem Moscouiae principaliter subjugatae, scilicet Perm, Baskird Czi-remissa ¹⁷⁾ Juhra Corela. *Perm monosylla: est, inde terra Permska bis. sylabe Permska pronunciendo*, et fuit regio idola colens, quam Iwan dux Moscorum citra annos viginti baptisma percipere coegit, *more Rutenorum seu Graecorum*, et posuit eis wladicami episcopum nomine Stephanum, quem Barbari post discessum ducis uiuum excoriaverunt et necauerunt. Reuersusque dux afflixit eos, et alium denuo praesulem constituit, *sub quo tanquam noui Christicolae Rutenorum scisma et ritum proficientes permanent*. Aliae uero regiones praeexpressae in infidelitate ¹⁸⁾ et idolatria persistunt, colunt solem, lunam, stellas, bestias sylvarum et quod eis occurrit, habent propria lingua et idiomata. *In terra Permska proprium idioma, in terra Baskirdorum proprium, in Juhra proprium et in Corela etiam proprium*. In his regionibus non arant non seminant, panes non habent, nec pecunias,

Мюистеръ.

giam autem pro impinguatione servant et vendunt.

Мухомоскій.

feris sylvarum quae apud eos abundant vescuntur, et non nisi aquam bibunt. Morantur in densis syluis, in tugurijs ex virgultis factis. *Et quia sylvae illas terra scontexerunt, homines sylvestres et ferinos effecerunt, sunt velut bestiae ratione non videntes, vestimenta de lana non habent, pellibus teguntur rude et grosse consuentes varias pelles insimul, ex lupo, ceruo, urso, sabellis et scismis¹⁹⁾ et ceteris prout sors obtulerit. Et quia ipsorum terrae mineras non nouerunt, pro omaggio duci Moscouiae mineras non pendunt, sed pelles animalium syluestrium quibus abundant.* Proximiores oceano septemtrionis ut Iuhri et Coreli piscantur et capiunt balenas seu vitulos et canes marinos, quos ipsi (*vor vol*) appellant, et ex cute eorum parant redas, bursas, et *caletas*, axungiam autem pro impinguatione²⁰⁾ servant et vendunt.

— строки 40—43: Notandum quoque hic quod prisci Cosmographi finxerunt in his septentrionalib. locis magnos montes, quos Ripheos, et Hyperboreos uocauerunt, qui tamen in rerum natura non inueniuntur. Est quoque fabulosum, Tanaim et Volham fluuios oriri ex montibus altis, quum constet hos et alios multos fluuios ex planicie terrae originem ducere.

Стр. Диј. I. 2 об., строки 19 — 26: Accipe quarto quod montes Riphei et Hiperborei non sunt in rerum natura, non in Scythia, non in Moscouia, nec vsquam locorum, et quum fere omnes cosmographi asserant Tanaim, Edel seu Volham, Dzwina et magnos fluuios ex praedictis montibus effluere, conficta conficte, et potius fabulosa inexpecti scripserunt. Fluit Tanais Volha et maxima flumina ex Moscouia de terra plana scenosa et nemorosa, nullis montibus obsita...

Iosiu.

— строки 43—47 (44: «Diuidna maximus septentrionis flu»; 46: «allgori caeli resistit»; 49: «transmittuntur»).

Стр. 65, строки 30 (р. п., стр. 29)—32, 33—36; стр. 66, строки 4—13 (стр. 65, строка 32: «Diuidna fluuiorum totius septentrionis longe amplissimus»; 35—36: «algentis coeli injuriis... resistit»; стр. 66, строка 12: «comportantur»).

Примѣчанія къ приложеніямъ.

¹⁾ *Кампензе*, по изд. 1836 г., стр. 59: «Il paese de Moscoviti... si stende da ponente a levante piu di seicento miglia Tedesche» (р. п., стр. 14).

²⁾ Такъ въ подл., вмѣсто quia.

³⁾ *Мяловскій*, по изд. 1518 г., доб. «Da was kain stub, kain kostlich gebeuw»: въ изд. 1521 г., стр. Fijj л. 2: «Nullus illis stubarum, nullus edificiorum nobilium».... Novum Gloss. Lat. Germ. *Diffenbach*. 1867 г., *stuba stoue*.

⁴⁾ Такъ въ подл., вм. puncupatur.

⁵⁾ Въ соч. *Мяловскаго*, изд. «Regum Moscovitarum auctores varii», Francoforti 1600 г., стр. 207, строки 27—28: «Cozanska, Horda nominata, triginta milia pugnatorum producens, Principi Moscorum subjecta, in campis iuxta castrum, Cozan»....

⁶⁾ Въ подл. sulcaut.

⁷⁾ Въ соч. *Мяловскаго*, изд. 1518 г., стр. Hij. об. «Sy gond zu acker mit holz. haben kain segen oder wages vn egen das vmb mit den östen der baum die sy darüber ziehen mit Rossen»; въ изд. 1562 г., p. 125: «Arano et fanno sentiri nel terreno senza ferramento alcuno et *erpicano* co' rami de gli alberi tirati da' caualli sopra il seminato; въ изд. 1872 г., p. 130: «L'aireau dequoy ilz labourent leurs terres est de bois; ilz se mettent à l' abry souz des feuilles d' arbres et buissons». Novum Glossarium Lat. Germ. *Diefenbach*, 1867, s. 155: *Erpica* — егъ, euge, *erpicare* — екшен—боронить).

На основаніи этихъ выписокъ, слѣдуетъ предположить, что въ латинскомъ текстѣ космографіи Мюнстера, какъ сообщилъ намъ прое. *И. В. Помяловскій*, въ выраженіи «frondibus arborum aut spinis *apricantur*» вкралась опечатка—вмѣсто *apricantur*, такъ какъ въ нѣмецкомъ текстѣ Мюнстеровой космографіи выраженіе «frondibus» etc. передано въ томъ именно смыслѣ, какой оно имѣетъ въ соч. *Мяловскаго*. Этой опечатки не усмотрѣлъ французскій переводчикъ Мюнстера.

⁸⁾ Ср. *Комтарины*, по изд. 1836 г., стр. 179, строка 22 (р. п., стр. 111); *Барбаро*, стр. 96 (р. п., стр. 59).

⁹⁾ Въ изд. 1600 г., стр. 207, строка 12: «Tuczka». Такъ и въ изд. «Historiae Ruthenicae scriptores exteri», ed. *Adalbertus de Starczewski*, Berolini et Petropoli, 1841 г.

¹⁰⁾ Въ изд. 1600 г., стр. 207, строка 19: «Klinski». Такъ и въ изд. *Старчевскаго*.

¹¹⁾ Въ изд. 1600 г., стр. 207, строка 21: «Iacolauien».

¹²⁾ Наименованіе этого княжества пропущено въ изд. *Старчевскаго*, хотя это названіе находится въ изд. 1600 г., стр. 207, строка 22.

¹³⁾ Въ подл. puncupatus.

¹⁴⁾ Въ изд. 1600 г. стр. 208, строка 11: «rгоре». Тоже и въ изд. *Старчевскаго*, стр. 4.

Чтеніе «rгоріе» слѣдуетъ удержать, такъ какъ оно находится въ изданіи, современномъ автору; если же читать «rгоре», то вышеприведенное мѣсто полу-

чѣть такой смнслъ: «Донъ беретъ начало приблизительно въ княжествѣ Рязанскомъ» (замѣчаніе прое. *И. В. Помяловскаго*).

¹⁵⁾ Въ изд. 1600 г., стр. 208, строки 28—29: «sub castrum Cosan, quod dux Moscoviae possidet. tandem sub castrum Sardi». То же у *Старчевскаго*, стр. 4.

¹⁶⁾ Эту же грубую ошибку повторялъ и Мюнстеръ. Библи. ин. писателей, С.-Пб. 1836, *Барбаро*, с. XII, (р. п. 56): «l' Erdil è fiume grosissimo et larghissimo, il qual mette capo nel mar di Baschu»... *Контарини*, с. VII, р. 168 (р. п. 87): «mar di Basau». *Кампензе*, с. IV, р. 68 (р. п. 98): «entra nel mar Caspio».

¹⁷⁾ Въ изд. *Старчевскаго*, стр. 5, столб. 1, строка 6 св. «Czirmeissa».

¹⁸⁾ Въ изд. *Старчевскаго*, стр. 5, столб. 2, строка 7 св. «in fidelitate».

¹⁹⁾ Это загадочное слово осталось не переведеннымъ въ нѣмецкомъ изданіи сочиненія *Мѣховскаго*, 1518 г., стр. Hiiij об. Для объясненія этого слова библіотекаръ Императорской Публичной Библіотеки г. *Фетерлей* отыскалъ слѣдующую замѣтку въ изд. «*Ulyssis Aldrovandi De quadrupedibus digitatis viviparis*», Bonon. 1654 г., р. 331—332: «Mathias a Michou in sua historia refert Populos quosdam Sarmatiae Europaeae ad pelendam aëris Injuriam pelles zobellorum et scismorum consuere; propterea aliqui per scismos Martes intellexerunt, nec sine ratione, quoniam Ioannes Bohemus scriptum reliquit incolas Hungariae scythicae, nil aliud pro tributo, quam pelles scismorum et zobellorum Duci Moscoviae pendere, cum Zibellini et Martes pretiosius exuvijs induantur». Ср. *Zoographia—P. Pallas*, I, 85.

²⁰⁾ Слово это, не употребительное въ языкѣ классическихъ писателей, осталось не переведеннымъ и въ изд. соч. *Мѣховскаго* 1518 г., и въ космографіи Мюнстера 1598 г., на нѣмецкомъ языкѣ (Iuhri und Coreli «behelfen sich der Fisch und Meerkelber, die nennen sie Vornoli, und ihre Häut brauchen sie zu vielen dingen, vnd das Schmeer verkauffen sie»; въ изд. 1518 г., стр. Hiiij об.; въ изд. 1598 г., стр. 1256); а въ изд. Космографіи Мюнстера, на французскомъ языкѣ, было переведено невѣрно («et de leurs peaux en font des bourses, gibbecieres et autres choses semblables, et savent bien garder l'oiing et le vendre chèrement», р. 1132; въ изд. 1872 г., р. 140—144). Въ изд. *Старчевскаго*, стр. 5, строка 23, грубая ошибка: «imaginatione». Въ итальянскомъ переводѣ трактата *Мѣховскаго*, 1562 г., р. 130: «della pelle de' quali fanno cogrete, borsaggi e kollete: la sugna poi la saluano et la vendono per far grassi i cibi».

Къ этимъ замѣткамъ нашимъ прое. *И. В. Помяловскій* сдѣлалъ слѣдующее дополненіе: «На основаніи перевода *Иеронима* Блаженнаго, псал. 140, стихъ 5: *Oleum rescatoris non impinguet carput meum*, можно думать, что выраженіе «a xungiam autem pro impinguatione servant et vendunt» слѣдуетъ перевести такъ «жиръ же собираютъ и продаютъ вмѣсто масла».

Е. Замысловскій

МАЛЬТАІА И БАВІАНЪ.

Скульптурныя изображенія и символическіе знаки въ окрестностяхъ древней Ниневіи.

Въ узкомъ горномъ ущелии, къ сѣверо-западу отъ древней Ниневіи (Куунджика и Неби-Юнесъ), высѣчена изъ живой скалы длинная полоса замѣчательныхъ скульптурныхъ изображеній. Упомянутая мѣстность носитъ названіе Малтаіа (Malthaiyah) и такъ названа по сосѣдней деревнѣ, населенной христіанами. Скульптуры, сдѣланныя барельефомъ, первоначально заключали 27 фигуръ, раздѣленныхъ на три группы; но отъ времени и непогоды, а можетъ быть, отъ усердія фанатиковъ онѣ отчасти повреждены. Въ первой группѣ изображены семь божествъ, стоящихъ на символическихъ животныхъ; впереди, лицомъ къ нимъ обращенный, стоитъ жрецъ или царедворецъ въ высокой шапкѣ, съ рукою, поднятою на молитву, а сзади, въ молитвенномъ также положеніи, фигура въ царскомъ одѣянніи. Эта группа повторена три раза; а потому мѣста, испорченныя въ одной группѣ, могутъ быть исправлены въ рисункахъ и фотографическихъ снимкахъ, по другимъ двумъ экземплярамъ той же группы. Во второй группѣ совершенно сгладились слѣды трехъ фигуръ — 4-й, 8-й и 9-й. Надписей на скульптурахъ не найдено ¹⁾.

Въ другомъ направленіи, почти въ такомъ же разстояніи къ сѣверо-востоку отъ Ниневіи, въ горахъ, близъ деревни Бавіанъ (Bavian),

¹⁾ *Place, Ninive et l'Assyrie*, 1867 г., I, 153, III, pl. 45; *Layard, Nineveh and its remains*, 1850 г., I, p. 229 sqq.

населенной Курдами, имѣются также скульптурныя изображенія на скалахъ, вдоль вытекающаго изъ ущелия ручья, называемаго Гомаръ или Гомель (можетъ быть, древняго Gaugamela). Скульптуры здѣсь раздѣлены на нѣсколько картинъ или таблицъ (*stèles, tablettes*). На главной картинѣ изображены два божества, стоящія на символическихъ животныхъ, въ профиль, лицомъ обращенныя одно къ другому, позади каждаго божества по одной фигурѣ въ царскомъ одѣяніи. Кругомъ этой главной картины расположены 9 или 11 картинъ съ изображеніемъ одного и того же царя (повторяющійся сюжетъ), надъ головою котораго помѣщены 12 символическихъ знаковъ, изображенные на прилагаемомъ при семъ рисункѣ (фиг. 1).

На скульптурахъ Вавіана имѣются три надписи, повторяющія одно и то же повѣствованіе: Ассирійскій царь Сеннахерибъ (703 г. или 716 г. до Р. Хр.) въ нихъ призываетъ по имени Ассура и 12 великихъ божествъ; затѣмъ описываетъ свои гидравлическія сооруженія и свой послѣдній походъ противъ Вавилона, который онъ взялъ и разграбилъ, и въ немъ нашелъ двѣ статуи боговъ—Бина и Салу, отнятыхъ Мардукнадинасаромъ, царемъ земли Аккадъ, у Тиклатпаласара, царя ассирійскаго „418 лѣтъ тому назадъ“, какъ сказано въ надписи. Сеннахерибъ возвратилъ статуи въ тѣ храмы, изъ которыхъ онѣ были взяты, и по окончаніи похода, велѣлъ вырѣзать въ скалѣ, на берегу рѣки, шесть таблицъ со своимъ изображеніемъ и изображенія великихъ боговъ во весь ростъ¹⁾.

По мнѣнію Лайарда, остальные пять портретовъ царя прибавлены позднѣе; онъ сличаетъ эти изображенія съ семью таблицами того же Сеннахериба, изсѣченными въ скалѣ на берегу рѣки Нахр-ел-Келбъ, близъ Бейрута въ Сиріи, рядомъ съ тремя египетскими таблицами, на которыхъ разобрали имя Рамзеса, и находитъ сходство въ портретахъ Сеннахериба, и въ стилѣ скульптуръ, той и другой мѣстности.

Въ упомянутыхъ надписяхъ вовсе не объясняется значенія, 12-ти символическихъ знаковъ, изображенныхъ на той же скалѣ. Они, по всей вѣроятности, обозначали великихъ боговъ, которыхъ призываетъ Сеннахерибъ вслѣдъ за именемъ Ассура; но ассирійская мѣология и символика еще такъ мало изслѣдованы, имена Ану, Бинъ, Сала, Мардукъ и т. д. такъ мало понятны для насъ, что я предпочитаю

¹⁾ *Menant*, *Annales des rois d'Assyrie*, p. 234; *Layard*, *Nineveh and Babylon*, 1853 г., I, p. 207—213.

къ объясненію упомянутыхъ знаковъ примѣнить символизмъ, общепотребительный въ греко-римской миеологіи, болѣе намъ знакомой и доступной.

Такой способъ объясненія символовъ дальняго Востока оправдывается слѣдующими доводами и гипотезами, по моему мнѣнію, весьма правдоподобными: Греки, которые сообщили Римлянамъ свою цивилизацію, сами ее заимствовали отъ болѣе древнихъ народовъ Азии и Африки, между прочимъ, и свои вѣрованія, свою теософію, и по всей вѣроятности, свою теогонію. Геродотъ (кн. II, 52) положительно утверждаетъ, что Греки научились отъ варваровъ называть своихъ боговъ именами. Греки, какъ народъ самый младшій въ сонмѣ всѣхъ народовъ древняго дохристіанскаго міра, какъ появившіеся послѣдними на театрѣ всемірнаго историческаго развитія, представляли собою результатъ всего процесса развитія, имъ предшествовавшаго; а какъ религіозныя вѣрованія въ ту отдаленную эпоху составляли весьма важный элементъ государственной жизни и считались основою государства, основою нравственнаго порядка въ обществѣ одноплеменныхъ согражданъ, то весьма вѣроятно, что и въ вѣрованіяхъ Грековъ отразились результаты предшествовавшаго имъ миеологическаго процесса. Греки, а позднѣе и Римляне, узнавали въ различныхъ божествахъ Египта, Финикіи, Ассиріи, Вавилона своихъ боговъ, и называли иноплеменные божества ихъ именами — Зевсъ, Гера, Деметра, Афродита, Гермесъ, Діонисъ, Jupiter, Juno, Venus, Mercurius, Mars, Hercules, и т. д. Они, конечно, лучше знали насъ, отдаленныхъ своихъ потомковъ и преемниковъ по цивилизаціи, истинное значеніе собственныхъ своихъ божествъ; и какъ современники, находившіеся въ постоянныхъ торговыхъ и дипломатическихъ сношеніяхъ съ сосѣдними народами, лучше и вѣрнѣе могли узнать истинное значеніе иноплеменныхъ божествъ. Они должны были обладать гораздо болѣе подробными свѣдѣніями, чѣмъ мы, о вѣрованіяхъ различныхъ народовъ, для насъ давно исчезнувшихъ, оставившихъ намъ сравнительно немногочисленные памятники своего существованія и своей религіи. Поэтому, мнѣ кажется, слѣдуетъ намъ вѣрить сходству божествъ греческаго Олимпа съ божествами иныхъ народовъ, указанному древними писателями. Иноплеменники, съ своей стороны, признавали то же сходство; на финикійскихъ гробницахъ, сохранившихся до нашего времени въ Аѳинахъ, съ надписями на языкахъ греческомъ и финикійскомъ, имена финикійскихъ божествъ переводятся именами греческихъ божествъ — Абд-Озир, рабъ Озириса, Абд-Танит, рабъ Та-

найти, Абд-Шемеш, рабъ Солнца, переводятся: Діонисіость, Артеמידорость, Геліодорость и т. д. ¹⁾).

Если, наконецъ, приведенные нами доводы не будутъ признаны достаточно убѣдительными, то предлагаемый нами опытъ истолкованія ассирійской символики съ помощью греческихъ преданій, лучше всякихъ иныхъ разсужденій, покажетъ, на сколько такой способъ объясненія удобопримѣнимъ, удаченъ, и на сколько его результаты правдоподобны.

Вышеозначенные 12 символическихъ знаковъ раздѣлены на три группы. Въ первой группѣ мы замѣчаемъ, прежде всего, три головные убора (рис. фиг. 1: I, II, III), три короны, тиары, одинаковой формы и величины, уставленные рядомъ, на трехъ квадратныхъ основаніяхъ, базахъ, также равныхъ по формѣ и величинѣ. Эти три короны, очевидно, обозначаютъ три верховныя божества, три силы, три потенціи, равныя по могуществу и по своей природѣ. Имъ соотвѣтствуютъ въ греческой мѣологіи—Зевсъ, Посейдонъ, Аидъ (Jupiter, Neptuneus, Pluto), три родные брата, равные по могуществу и раздѣлившіе между собою вселенную, хотя Зевсъ, младшій, и считается преобладающимъ, отцомъ всѣхъ боговъ и смертныхъ. Ему, при раздѣлѣ вселенной, достались въ удѣлъ эфиръ и необъятное небо, жилище боговъ; Посейдону, обнимающему землю, потрясающему землю или землекопателью, ἀννοσίγαιος, достались моря и текуція воды; Аидъ царствовалъ въ преисподней, съ подземными богами, въ области подземнаго вѣчнаго огня и мрака.

Головные уборы, подобные тремъ вышеупомянутымъ тиарамъ, украшаютъ обыкновенно голову всѣхъ ассирійскихъ божествъ обою пола, а также крылатыхъ геніевъ или демоновъ, и крылатыхъ сфинксовъ, стерегущихъ входы во дворцы, такъ называемыхъ англичанами *humanheaded bulls*, быковъ съ человѣческой головою, или *humanheaded lions*, львовъ съ человѣческой головою. Тиары боговъ, геніевъ и сфинксовъ бываютъ двухъ родовъ: а) скругленные, въ видѣ шлема, вѣроятно болѣе древняго образца, болѣе древней формы, иногда украшенные въ верхней своей части цвѣткомъ лиліи или ириса (фиг. 2 и 3) и б) тиары круглыя съ плоскимъ дномъ, иногда суживающіяся, иногда же расширяющіяся къ верху. Послѣднія весьма часто украшены въ верхней части рядомъ розетокъ (звѣздъ) и перьями (фиг. 4). Тиары того и другаго вида совершенно безразлично замѣняютъ одна

¹⁾ *Gesenius*, Script. linguaeque Phoenic. monum. 1837, I, p. 111 sqq.

другую на изображеніяхъ тѣхъ же божествъ и тѣхъ же сфинксовъ; но отличительнымъ признакомъ и того, и другого вида тиары, обозначающимъ божество, почти всегда служатъ украшающіе ихъ рога быка или буйвола (фиг. 5). Число такихъ роговъ бываетъ обыкновенно — одна пара, или двѣ пары, или три пары; вѣроятно изъ число обозначало старшинство боговъ, служило для отличія верховныхъ божествъ, отъ божествъ второстепенныхъ и божествъ или демоновъ низшаго, третьяго разряда. Чѣмъ больше изображено роговъ, тѣмъ важнѣе почиталось божество и выше его значеніе; такъ, на примѣрѣ на барельефѣ, найденномъ въ мѣстности, называемой Нимрудъ (древн. Калахъ), изображена процессія, въ которой воины несутъ на своихъ плечахъ идоловъ ¹⁾. Тиара передняго идола украшена тремя парами роговъ, втораго за нимъ—одною парю. Въ данномъ примѣрѣ, на трехъ тиарахъ Бавіана, имѣются по три пары роговъ. На скульптурахъ Малтаи тиары украшены пятью парами, и на главной картинѣ Бавіана, на тиарѣ божества Бина даже показано семь паръ роговъ. Число пять, семь, могло имѣть и символическое значеніе,—могло указывать, на примѣрѣ, на какое либо отношеніе къ семи астральнымъ божествамъ — семи планетамъ, или къ циклу пяти спутниковъ солнца (Юпитеръ, Сатурнъ, Меркурій, Марсъ, Венера, за исключеніемъ луны и земли).

Описанныя нами тиары напоминаютъ головные уборы, украшающіе иногда голову греческихъ божествъ, такъ называемый *modius*. Обыкновенно это послѣднее украшеніе объясняютъ, какъ подобіе хлѣбной мѣрки; но гораздо вѣроятнѣе его происхожденіе изъ формы древней тиары: *modius* украшаетъ голову божествъ, обладающихъ характеромъ наиболѣе азіатскимъ, хтоническимъ, то-есть, подземнымъ, или имѣющихъ отношеніе къ магізму и колдовству—Аида, Сераписа, Діаны Эфесской, Геры Самосской и т. д.

Можетъ быть, описанная нами тиара и составляла нѣкогда царское украшеніе, корону. Въ пользу такого предположенія говорятъ употребляемая въ персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ идеограмма, означающая слово *kshâyathiya*, царь (фиг. 5, а) *kshâyathiya*. Персидская идеограмма изображаетъ лежащій шлемъ, или ассирійскую тиару перваго образца, скругленную, съ цвѣткомъ на вершинѣ раздвоеннымъ; ассирійская тиара втораго образца напоминаетъ также головной уборъ персидскихъ царей (фиг. 6); но въ позднихъ ассирійскихъ скульпту-

¹⁾ *Layard, The Monum. of Nin. 1853 г. pl. 65.*

рахъ, сохранившихся до нашего времени, царскій головной уборъ имѣеть особую, для него условленную форму. Ассирійская царская тиара состояла изъ остроконачнаго шлема или такой же мягкой шапки, обвернутыхъ, тотъ или другая, спирально тканью, иногда богато вышитой узорами, какъ изображено въ прилагаемомъ рисункѣ (фиг. 7), и конецъ которой былъ сзади укрѣпленъ кольцомъ, вѣроятно металлическимъ. Въ такомъ головномъ уборѣ Ассирійскіе цари изображаются сидящими на тронѣ, на колесницѣ, и въ процессіяхъ, и на работахъ и на молитвѣ, и на охотѣ, и на войнѣ. Очевидно вышеизображенный послѣдній головной уборъ служитъ въ ассирійской скульптурѣ отличительнымъ признакомъ царей; а три тиары между символическими знаками Бавіана изображаютъ не царскую корону, но корону, присвоенную собственно божествамъ.

Въ одной линіи съ ними имѣется еще четвертый символъ (фиг. 1, IV), почти равный имъ по величинѣ, на базѣ той же величины и той же формы, какъ предыдущія три базы. На базѣ изображено нѣчто въ родѣ престола, алтаря, или жертвенника, въ который водруженъ стержень, оканчивающійся къ верху главою овна, или выражалась по русски—бараньею головою. Этимъ символомъ обозначается четвертая потенція, сила, равная тремъ предыдущимъ по могуществу и по природѣ, а можетъ быть, вмѣщающая въ себѣ всѣ три предыдущія потенціи, какъ обозначаетъ, по видимому, положеніе головы овна, обращенной не съ лѣва на право, а на оборотъ, съ права на лѣво, указывающей или смотрящей на тиары.

Спрашивается: какая же сила въ греческой мѣологіи считалась равною или равнозначащею верховной, основной триадѣ ихъ божествъ? Съ перваго взгляда нельзя не узнать въ четвертомъ символѣ Бавіана—древняго Зевса-Аммона, божество, которому специально себя посвятилъ позднѣе Александръ Македонскій, покоритель Азіи и Египта, божество, извѣстное Семитамъ подъ именемъ Амѳн или Ваал-Хамѳн. Что Зевсъ дѣйствительно во многихъ случаяхъ вмѣщалъ въ себѣ качества своихъ братьевъ, олицетворялъ одинъ всю триаду (почему и считается верховнымъ божествомъ, хотя младшій изъ братьевъ, отцомъ всѣхъ боговъ и смертныхъ), тому не мало встрѣчается указаній въ греческой мѣологіи и символикѣ. Такъ, напримѣръ, на карійской монетѣ (Mogell, Médailles du Roi, XXIII, 3) изображенъ Jupiter Labrandeus, на головѣ его modius, признакъ азійскаго или хтоническаго характера идола, въ одной рукѣ копье, символъ, означающій молніеносную стрѣлу Зевса Олимпійскаго, въ другой сѣкира двухсторонняя часть ссхі, отд. 2.

(см. прилож. рис. фиг. 15), символъ подземнаго Анда; древко съжиря продолжено къ верху и заканчивается трезубцемъ, символъ Посейдова (фиг. 16). Зевсъ съ характеромъ чисто нептуническимъ подается рѣдко, таковъ Jupiter Pluvius, или съ характеромъ чисто хтоническимъ, подземнымъ, плутоническимъ, таковъ Jupiter Scaevus, Ζεύς χθόνιος и т. д.

Если двѣнадцать символовъ Бавіана мы уподобимъ 12-ти олимпійскимъ божествамъ Грековъ, и символъ Зевса укажемъ въ числѣ знаковъ первой триады, обозначенной на таблицѣ, то повтореніе того же божества, подъ другимъ символомъ вѣ триады, разумѣется, слѣдуетъ признать неумѣстнымъ: поэтому, въ четвертомъ символѣ надлежитъ искать новую спеціализацію, болѣе позднее олицетвореніе или проявленіе той же силы, однимъ словомъ—надлежитъ указать въ четвертомъ символѣ того изъ сыновей Зевса, который въ данномъ здѣсь примѣрѣ наиболѣе, по своему характеру, его олицетворяетъ.

Овнѣ или баранѣ былъ преимущественно посвященъ Гермесу, какъ изобрѣтателю жертвоприношеній; не его символъ, однако же, узнаемъ въ овнѣ Бавіана: изъ всѣхъ божествъ Олимпа, наиболѣе отличался своимъ характеромъ, такъ сказать, чисто бараньимъ, это — буйный Аресъ, котораго Римляне называли Mars или въ древнихъ надписяхъ Mau-ors, великій Аресъ, durus, torvus, cruentus, ferox, какъ его называютъ Virg., Ovid., Horat., Epyalios, волюлюбивый ¹⁾. Я полагаю, что символъ овна на скалахъ Бавіана скорѣе относится къ этому дѣтищу Зевеса, безумному, который правды не знаетъ, какъ его величаетъ Гомеръ, Ил. V. 761. Головою овна украшались военныя машины, извѣстныя подъ названіемъ таранъ, у французовъ — le bélier; украшался также и конецъ дышла у военныхъ колесницъ. Не подлежитъ сомнѣнію созвучіе и сходство имени Ἄρης и корней: ἀρῆν, отсюда ἀρῆς, ἀρῆς, ἀρῆς бараны, овцы; ἀρῆν, ἀρῆν мужчина, самецъ; ἀρῆς воинственный, храбрый, ἀρῆς contrag. къ прилагательному ἀρῆς—вѣрнѣе, смѣлѣе, лучше, ἀρῆς superlat. самый лучшій и самый храбрый. Въ еврейскомъ языкѣ, который имѣетъ большое сходство съ ассирійскимъ, аил означаетъ барана, самца и въ то же время имѣетъ значеніе подобное греческому ἀρῆς, лучшій, храбрѣйшій, богатырь, военачальникъ, а также означаетъ вообще силу, могущество, дерево дубъ, и наконецъ—брусокъ, стоякъ у дверей и воротъ, вѣ-

¹⁾ Epyō, Bellona, война, богиня войны.

роятно, въ смыслѣ стойкости и сопротивленія, представляемыхъ этою строительною частью. Если допустить сродство и сходство между языками семитическими и арійскими, индо-европейскими, которое многие замѣчаютъ, сходство между нарѣчіями семитовъ и яфетидовъ, то представится весьма вѣроятнымъ сродство корней—*Арѣс*, *арѣн*, *анл* и ихъ происхожденіе отъ одного общаго корня, такъ какъ плавный звукъ *л* легко переходитъ въ болѣе твердый *р*. Въ древне-Персидскомъ языкѣ вовсе не употребляется первая изъ этихъ буквъ и вездѣ замѣняется второю: Вавилонъ пишется въ клинообразныхъ надписяхъ Бабирушъ. Дифтонга *ai* переходитъ въ звуки *a*, *e*, такъ какъ *ai* служитъ смягченіемъ, помраченіемъ первоначальнаго полнаго звука *a*; гласная же *e* смягченіемъ и сокращеніемъ дифтонга *ai*. Сличая различное значеніе, придаваемое корнямъ *Арѣс*, *арѣн*, *анл*, усматриваемъ, что они выражаютъ, съ одной стороны — идею жестокости, упрямства, даже глупости, съ другой—силы, смѣлости и доблести, передаютъ вообще идею животной производительной силы—самца.

Изъ вышеизложеннаго я вывожу заключеніе, что вся первая группа символическихъ знаковъ на скалахъ Бавіана означала, въ своей совокупности, мужескую или мужественную, живительную силу божества (*Аресъ*, *Mars*), проявляющуюся, прежде всего, въ природѣ въ трехъ стихіяхъ, оплодотворяющихъ землю (матерію вообще),—въ эфирѣ или воздухѣ (*Зевсъ*), во влагѣ или водѣ (*Посейдонъ*) и въ огнѣ (*Аидъ*). Изъ трехъ коронъ или тиаръ, изображенныхъ въ этой группѣ, первую отношу къ Аиду, старшему или древнѣйшему божеству греческой триады, вторую къ Посейдону и третью къ младшему божеству триады Зевсу, послѣднему порожденію Кроноса (*Сатурна*) и Реи (*Кибелы*), и наиболѣе близкому къ знаку Ареса, опредѣляющему значеніе всей триады.

Вторая группа символическихъ знаковъ изображаетъ вторичное, астральное проявленіе, перерожденіе или воплощеніе тѣхъ же силъ и потенцій. Эта группа, съ помощью третьей группы знаковъ, раздѣлена на двѣ половины, противопологаемыя одна другой: въ первой половинѣ, слѣва, изслѣдователи узнаютъ мѣсяцъ (фиг. 1, V) и крылатый дискъ (ф. 1, VI), крылатый шаръ или крылатое кольцо, символъ весьма часто попадающійся на ассирійскихъ скульптурахъ; а во второй половинѣ, съ правой стороны, узнаютъ дискъ солнца (ф. 1, VII) и семь планетъ (ф. 1, VIII). Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ астральнымъ культомъ, съ поклоненіемъ свѣтиламъ небеснымъ.

Тотъ знакъ, въ которомъ гг. Пласъ и Лейардъ узнаютъ солнце (ф. 1,

VII), изображаетъ кругъ или дискъ, въ который вписанъ крестообразный знакъ, разширяющійся и скругленный по концамъ, вѣчто подобное нашимъ орденскимъ знакамъ; г. Лейардъ уподобляетъ его, впрочемъ, не совершенно правильно мальтійскому кресту *malteser cross*. Базалось бы правдоподобнѣе считать символомъ солнца попадающійся въ ассирійскихъ скульптурахъ дискъ лучистый, со вписаннымъ въ него шестиконечнымъ или восьмиконечнымъ сіяніемъ (см. рис. фиг. 8) или считать за изображеніе символическое солнца тотъ крылатый дискъ, который изображенъ и между символами Вавіана. Ассириологи, однакоже, считаютъ розетку или лучистое шести- и восьмиконечное сіяніе за изображеніе не солнца, но звѣзды, и за идеограмму божества вообще. Означенная идеограмма въ древнѣйшихъ жлинообразныхъ надписяхъ изображалась такимъ образомъ *. Въ мѣнологіи мѣсяцъ или луна сопоставлялись солнцу, какъ его спутникъ или спутница, и въ то же время ему противопологались, какъ женское начало противопологается мужскому, ночь—дню, холодный, блѣдный свѣтъ—яркому, знойному. Если мѣсяцъ обозначенъ въ первой половинѣ символической группы, то въ силу указанной выше противоположности, слѣдуетъ искать солнце во второй половинѣ той же группы, и по этому указаніе Лейарда на дискъ съ крестообразнымъ знакомъ, въ него вписаннымъ, получаетъ весьма большую вѣроятность. Я не вдаюсь въ болѣе подробное объясненіе соответственности вышеуказаннаго крестообразнаго знака съ понятіемъ солнца, подобное изслѣдованіе насъ увлекло бы слишкомъ далеко. Еще не разрѣшенъ вопросъ объ истинномъ значеніи этого знака, котораго употребленіе въ символизмѣ язычества такъ странно и загадочно. Можетъ быть, онъ означалъ распространеніе лучей во всѣ стороны — на четыре страны свѣта, всепроницаемость лучей солнца; указывалъ, можетъ быть, на опредѣленіе четырехъ странъ свѣта годовыми солнцестояніями и видимыми движеніями этого свѣтила. Въ поэзіи Евреевъ весьма часто употребляется указаніе на четыре страны свѣта для выраженія понятія—всеобъемлющаго: „Прийди вѣтеръ отъ юга и сѣвера и подуй въ мой садъ, и дастъ ароматы (Пѣснь Пѣсней IV, 16); и собереть отъ четырехъ концовъ земли (Исаія XI, 12); отъ востока приведу племя твое, и отъ запада соберу, сѣверу скажу отдай и югу—не удерживай (ib. XLIII, 5, 6)“ и т. д. Но въ такомъ случаѣ, что же означаетъ крылатый дискъ, изображенный въ первой половинѣ группы?

По нашему мнѣнію, этотъ символъ означаетъ небесный сводъ, рас-

простерты надъ землею и морями, какъ будто бы крылья колоссальной птицы,—необъятное небо со всѣми другими идеями и признаками, соединяемыми съ этимъ основнымъ понятіемъ. Въ особенности приличенъ означенный символъ для обозначенія грознаго или грозоваго неба, по которому движутся тучи, когда тучи образуютъ неправильныя очертанія, уподобляемыя перьямъ птицы. Небо, съ тѣмъ вмѣстѣ, считалось ближайшимъ проявленіемъ божества, основнаго божества, все въ себѣ заключающаго и все изъ себя порождающаго, словомъ—основнаго всемірнаго духа или разума. Небо — обитель боговъ; небо—поприще, по которому движутся свѣтила небесныя, и солнце и луна; и въ этомъ смыслѣ, крылатый дискъ Бавіана поставленъ по срединѣ между луной и солнцемъ, распространяетъ свои крылья на нихъ, и на семь планетъ, и составляетъ даже средоточіе всѣхъ прочихъ изображенныхъ символовъ и символическихъ группъ. Небо представлялось древнему язычнику, какъ мѣдный сводъ, простертый надъ землею и морями; какъ птица, самая величавая, воздушный житель, вѣющій своими крыльями, ἀἰτὸς, орелъ Зевса; какъ растянута кожа съ краями, висящими столь же неправильною, волнистою, извиристою линіею, какъ и перья у крыла распростертаго птицы; притомъ, грозное небо, покрытое тучами, уподоблялось мѣху козьему (эгида отца Зевеса, которой края часто убраны молніеносными звѣздами, αἰγῆς). Наше выраженіе „показалось ему небо съ овчинку“, очень можетъ быть, ведетъ свое начало изъ глубокой древности, изъ темныхъ пучинъ язычества; ироническій характеръ этой поговорки указываетъ на эпоху борьбы христіанства и язычества.

Этотъ важный, можно сказать, первенствующій символъ ассирійской мифологіи обозначалъ, какъ уже сказано, прежде всего основное божество, верховнаго міроваго духа, небснаго бога — Урана; затѣмъ, обозначалъ, въ то же время, и вторичное его проявленіе, олицетворяемое въ греческомъ міроправителѣ Зевсѣ; и наконецъ, третье, ближайшее, видимое его воплощеніе или проявленіе—блестящее свѣтило—солнце, правителя небесныхъ силъ. Поэтому неудивительно, если его признаки отчасти сливаются съ символами солнца, или отъ солнца этотъ важный знакъ заимствуетъ иногда свои особенности и детали. Дискъ или кругъ, шаръ или кольцо вѣчности, имѣютъ почти одинаковое значеніе во всѣхъ очертаніяхъ описываемаго символа — они не имѣютъ ни конца, ни начала, передаютъ понятія—всеобъемлющаго и вѣчнаго, и равно приличествуютъ основному божеству и его видимому проявленію—солнцу.

Затѣмъ, весьма часто основной дискъ или основное кольцо, въ ассирійскихъ скульптурахъ, украшены сверху тесьмою, раздвоенною на обѣ стороны, и съ завивающимися концами, какъ изображено на прилагаемомъ рисункѣ (фиг. 9). Это та священная повязка, діадима, на которой иногда начерчены бывали таинственные слова, надписи или изреченія, повязка, носимая на головѣ; это въ то же время та стѣща *Usoo*, которою украшались жезлы жрецовъ и глашатаевъ (Иліада I, 14). Иногда основной дискъ или кольцо (первобытная монада), украшенная раздвоенною тесьмою (первоначальный дуализмъ), изображается окруженный перьями съ боковъ и въ низу въ полукругъ (фиг. 9); но всего чаще перья раздѣлены на три части (основная триада), изображаютъ собою крылья и хвостъ орла, какъ въ данномъ примѣрѣ, на скалахъ Бавіана (фиг. 1, VI). Въ болѣе архаическомъ стилѣ, крылья и хвостъ вытягиваются прямыми линиями, состоятъ изъ трехъ рядовъ перьевъ, что усиливаетъ характеръ тройственности, положенный въ основаніе символа; иногда же вмѣсто центрального диска и кольца, или изъ ихъ середины, выступаетъ поясная фигура самаго божества и, такимъ образомъ, придается всему начертанію крестообразная форма, напоминающая символъ солнца (ф. 10). Въ такомъ же точно видѣ изображается, на болѣе позднихъ памятникахъ Персіи основное божество Персовъ—Ормуздъ, Аур-Мазда. Иногда означенный символъ заключаетъ изображеніе и всей триады божествъ; одно изображеніе, въ такомъ случаѣ, находится на обычномъ мѣстѣ въ срединѣ кольца, а другія два изображенія помѣщаются на крыльяхъ (ф. 11). Божество держать въ рукахъ весьма часто вѣнецъ или кольцо, признакъ власти, или стрѣляетъ изъ лука, преслѣдуя враговъ своего народа и защищая ассирійянъ (фиг. 12).

Спрашивается: какому божеству греческаго Олимпа наиболѣе соответствуетъ описанный нами знакъ? Къ символамъ луны и солнца, выше упомянутымъ, конечно, не мудро съ перваго же взгляда приурочить Аполлона и Діану. Крылатый же шаръ, какъ мы сказали, напоминаетъ орла Зевеса, и Зевесову эгиду, украшающую постоянно Палладу Аѣнну, богиню мудрости; но въ данномъ случаѣ, на скалахъ Бавіана, крылатый шаръ, мы полагаемъ, не обозначаетъ ни Зевеса, ни Аѣнну, но указываетъ на бога разума, бога премудрости, на Гермеса или Меркурія, который носитъ названіе Трисмегиста, Тризмѣгистосъ, трижды великаго, на глашатая и истолкователя воли боговъ, изобрѣтателя письменъ и жертвоприношеній, писца, секретаря боговъ, покровителя литературы, счетчика, составителя календаря, провожающаго

цаго души въ вѣчное ихъ жилище, φοῦροπιός, слѣдовательно, естественнаго посредника между небомъ или Олимпомъ, землей и преисподнею, и тотъ же знакъ напоминаетъ своею формою — крылатый жезлъ означеннаго бога, такъ называемый керикейонъ, κερικειών. Керикейонъ или Кадудей (фиг. 13), жезлъ Меркурія, обыкновенно объясняютъ такимъ образомъ: онъ изображаетъ жезлъ глашатая; крылья къ нему приставленныя—символь скорости исполненія; змѣи, его обвивающія, символъ мудрости или хитрости исполнителя; онъ напоминаетъ повязку, στήριμα, которою глашатаи обвязывали конецъ своего жезла. Объясненіе весьма возможное, въ особенности въ поздней греко-римской символикѣ, но вовсе не исключающее происхожденія той же формы кадудей изъ болѣе древняго и болѣе таинственнаго символа. Въ арханчевскомъ стилѣ греческой пластики, керикейонъ Гермеса изображается нѣсколько иначе: онъ имѣетъ форму, вовсе непохожую на жезлъ глашатая (фиг. 14), но обозначающую, во первыхъ, кольцо вѣчности въ серединѣ; во вторыхъ, сверху надъ кольцомъ—раздвоеніе, въ видѣ двухъ роговъ, соответствующее двумъ концамъ раздвоенной тесьмы на ассирійскомъ крылатомъ кольцѣ, и втретьихъ, верхнія двѣ вѣтви составляютъ вмѣстѣ съ нижнимъ стержнемъ (хвостомъ)—символь основной триады.

Намъ остается объяснить послѣдній знакъ второй, астральной группы (фиг. 1, VIII); онъ изображаетъ семь малыхъ дисковъ, уподобляемыхъ семи планетамъ языческой уранографіи. Спрашивается, обозначалъ ли этотъ сложный знакъ одно какое-либо божество или семь различныхъ силъ? Если первую и третью группу, на таблицѣ Бавіана, мы стали бы считать каждую за одинъ знакъ, за символъ одного божества, то съ семью планетами, получили бы во всей таблицѣ 12 знаковъ для 12 божествъ; если, напротивъ, первую группу станемъ считать за четыре знака и третью группу также за четыре знака, а семь планетъ за одинъ символическій знакъ въ общей ихъ совокупности, то получимъ во всей таблицѣ—тѣ же 12 знаковъ для 12 божествъ. Послѣдній способъ объясненія намъ кажется наиболѣе правильнымъ, потому что въ числѣ семи планетъ обыкновенно считаютъ Юпитера, Марса, Меркурія, солнце и луну¹⁾; и счетъ каждаго диска за отдѣльное божество было бы ничѣмъ не объяснимымъ повтореніемъ символовъ. Какое же божество могло соответствовать семи небес-

¹⁾ Кроме того, Сатурна и Венеру. Монета Антонина, Académ. des belles-lettres XLI, pl. 1, № 11.

нымъ планетамъ, взятымъ вмѣстѣ, или, точнѣе и правильнѣе выражаясь, — соответствовало звѣздному небу вообще (не грозовому небу, не своду небесному, *ἄθρ*, но звѣздному небу). Мы полагаемъ, это была Веста или Гестія, богиня домашнего очага и семьи, дѣйственная богиня огня, гуляющая съ покрываломъ ночи на головѣ, съ лампою зажженною въ рукѣ. Ея храмы были круглые, обстоятельство, указывающее, можетъ быть, на ея астральное значеніе.

Олимпійскія божества весьма часто сопоставляются другъ другу парами или параллелями (Mus. Capit. IV, 21; Winckelmann, Monum. ined. № 6; Hirt, Mythol. Bilderbuch, Heft. 1, s. III, XVI, № 3), въ слѣдующемъ порядкѣ: Юпитеръ и Юнона, Нептунъ и Церера, Аполлонъ и Діана, Вулканъ и Минерва, Марсъ и Венера, Меркурій и Веста. Во второй группѣ символическихъ знаковъ Бавіана сопоставлены—Аполлонъ и Діана, Меркурій и Веста. Если ихъ символы обозначаютъ видимые предметы—луну, сводъ небесный, солнце и звѣзды, то эта же группа соответствуетъ той сторонѣ культа, которая не рѣдко указывается въ Вибліи, въ выраженіяхъ: „поклонялись всему воинству небесъ; кадили воскуренія Ваалу, солнцу, и лунѣ, и созвѣдіямъ, и всему воинству небесному“ (4 Царствъ, XVII, 16. XXI, 3, 5. XXIII, 4, 5).

Плутоновъ или Андъ, какъ божество наиболѣе варварское, азійское, устарѣлое, отжившее, внушающее ужасъ непреодолимый, былъ исключенъ изъ олимпійскаго цикла и замѣненъ сыномъ Герм — Гефестомъ или Вулканомъ, составляющимъ вторичное проявленіе того же понятія, но въ видѣ божества, болѣе юнаго, болѣе доступнаго, притомъ же хромаго, безобразнаго или неуклюжаго (*πάλωρ, κελφόριος*) и смѣшнаго. Онъ былъ также богомъ подземнаго огня и ископаемыхъ металловъ, считался художникомъ (*δαίδαλος*) и кузнецомъ. Въ греческой пластикѣ онъ изображается съ кузнечнымъ молотомъ, весьма похожимъ по формѣ на двойную сѣкиру Анда, и даже съ этою самою сѣкирою (Millin, Mythologische Gallerie, нѣмецкій переводъ 1848 г., LXXXIII, 336. XXXVI, 125); изображается въ такомъ же пестромъ хитонѣ, въ какомъ одѣты путешествующіе семиты въ живописныхъ картинахъ на гробницахъ Бени-Гассавъ (Champollion le j., Monum. de l'Égypte et de la Nubie, 1845 г., IV, pl. 361 и 362), и наконецъ, изображается съ шапкою на головѣ, напоминающею своею формою ассирійскую тиару древнѣйшаго образца (Millin, l. c., LXXXIII, 336), словомъ, удерживаетъ и въ греческой пластикѣ отличительныя черты своего азійскаго происхожденія.

Между символическими знаками Бавиана мы указали самого Анда, самолично присутствующаго въ основной триадѣ божествъ первой группы; а потому Гефеста, его вторичнаго проявленія или воплощенія, не слѣдуетъ искать въ числѣ тѣхъ же знаковъ, по крайней мѣрѣ, при сравненіи символовъ Бавиана съ обитателями греческаго Олимпа.

Затѣмъ, изъ исчисленныхъ выше 12 олимпійскихъ божествъ остаются не приуроченными, каждое къ опредѣленному символу, только слѣдующія: Юнона (Гера), Церера (Деметра), Минерва (Паллада Афина) и Венера (Афродита); къ которымъ, разумѣется, и слѣдуетъ отнести четыре знака послѣдней, третьей группы Бавиана. Знаки третьей группы, какъ и знаки первой группы, равны по величинѣ и поставлены на одной общей базѣ, на одномъ основаніи, обозначающемъ однородность и равенство четырехъ изображенныхъ въ группѣ потенцій. Если первая группа въ своей совокупности означаетъ мужское начало, активную, живительную, оплодотворяющую силу божества, то съ тѣмъ вмѣстѣ, оказывается, что послѣдняя, третья группа, означаетъ женское начало, пассивную, оплодотворяемую силу, неподвижную матерію, вѣчно юную и рождающую природу. Остается приурочить къ каждому знаку третьей группы одну изъ упомянутыхъ выше четырехъ богинь.

Женскія божества въ греко-римской мифологіи и символикѣ далеко не такъ строго обособлены и не такъ точно опредѣлены, какъ мужскія; ихъ признаки еще болѣе смѣшиваются и сливаются въ азіатскихъ культахъ или въ греческихъ идолахъ архаическихъ, съ характеромъ наиболѣе азіатскимъ. Такъ, напримѣръ, дѣвственная Діана предстаетъ родамъ вмѣстѣ съ Юноною; на идолахъ Эфесскомъ видны символы кормленія матери-земли и корону Реи или Кибелы. Juno Sospita является въ воинственномъ вооруженіи Беллоны или Минервы. Венера, Афродита, распадается на два идеала—Уранию (съ астральнымъ значеніемъ) и Пандемось, и т. д. Первый символъ третьей группы Бавиана, начиная съ правой стороны (фиг. 1, XII), изображаетъ колону съ капителью, составленною изъ двухъ быковъ (раздвоеніе Θ , символъ женственности), съ вершиною, совершенно подобною той странной капители, которая намъ сохранилась во многихъ экземплярахъ въ Персеполисѣ. Такой символъ скорѣе слѣдовало бы отнести къ вѣчно юной Юнонѣ (Герѣ), называемой у Гомера—волокою Герой, или по просту—съ бычачьими глазами. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что на греческомъ языкѣ слово βούς имѣетъ значеніе самца и самки, быка и коровы. Шлиманъ, при раскопкахъ древней Трои,

нашелъ вазы и идоловъ, изображающихъ совиною физиономію, и объяснялъ эпитетъ обоготворяемой въ этомъ городѣ Паллады γλαυκῶπις (съ голубыми глазами, γλαυκός) производствомъ отъ словъ — γλαῦξ, сова, и ὤψ, ὀπίη=глазъ, взоръ, видъ, лицо, то-есть, богиня съ совиною физиономію. При раскопкахъ Микенъ, въ которыхъ обоготворяли Геру Аргосскую, Шлиманъ нашелъ идоловъ, или другую утварь, имѣющихъ форму коровьей или бычачьей головы; эпитетъ Геры βοῶπις онъ считаетъ равнозначащимъ выраженію—богиня съ коровьею или бычачьею физиономію, коровьяго вида. Догадки весьма правдоподобны. Тѣмъ не менѣе, если мы признаемъ, что въ первой группѣ, на первомъ мѣстѣ (съ правой стороны) изображенъ символъ Ареса (фиг. 1, IV), то на томъ же мѣстѣ въ третьей группѣ (фиг. 1, XII) мы должны помѣстить — ему всегда сопоставляемую Афродиту; если на второмъ мѣстѣ, въ первой группѣ (фиг. 1, III) мы предположили символъ Зевеса, то въ третьей группѣ (фиг. 1, XI) должны показать—ему сопоставляемую сестру и подругу Геру. Такимъ образомъ, символомъ Афродиты слѣдуетъ считать быковъ или телицъ; а символомъ Геры—столбъ, колонну безъ капители, изображенную въ той же группѣ на второмъ мѣстѣ; и дѣйствительно, Гера Аргосская (одинъ изъ древнѣйшихъ идоловъ богини), какъ извѣстно, была обоготворяема подъ видомъ колонны *κίον* (*Phogonis apud Klem. Strom.*, 1, p. 418).

Посейдону, богу морей и текущихъ водъ, занимающему второе мѣсто послѣ Зевса въ основной триадѣ третье въ первой группѣ символическихъ знаковъ Бавіана (ф. 1, II), считая съ правой стороны, обыкновенно сопоставляется Деметра (Γῆ-μήτηρ) мать-земля, богиня земледѣлія и плодородія; третьему лицу триады, 4-е мѣсто въ 1-й группѣ (ф. 1, I), Аиду или замѣщающему его Гесту, хитрому художнику, металлургу и строителю, сопоставляется обыкновенно Паллада Аѣнна, богиня мудрости, знанія, ремесла и военного искусства. Въ третьей группѣ символическихъ знаковъ Бавіана, символомъ Деметры (фиг. 1, X) служитъ древесный плодъ (изъ породы хвойныхъ, *confifères*), вѣроятно плодъ ведра, кедровая шишка, какъ символъ плодородія; символомъ Аѣнны (фиг. 1, IX)—цвѣтокъ, *ἀνθεμόν*, и судя по очертанію двухъ наружныхъ лепестковъ, мы имѣемъ здѣсь въ архаическомъ стилѣ начертаніе цвѣтка лиліи.

Цвѣтокъ на скалахъ Бавіана изображенъ съ тремя лепестками, какъ изображается ярьсъ на гербахъ Франціи, *le lys royal de France*. Эта тройственность прилична Аѣннѣ, называемой Тритогенію, *Τριτογένεια*, то-есть, трижды рожденною.

Почему она такъ—называлась мѣ неизвѣстно. Я предпочитаю скорѣе признаться въ своемъ незнаніи, нежели придумывать догадки, не имѣющія основанія. Старался въ своемъ изложеніи избѣгать произвольныхъ предположеній и руководствоваться единственно указаніями памятниковъ и свидѣтельствами древнихъ писателей, правдоподобныхъ указаній на значеніе эпитета—тритогенія я не нашелъ. Миѳъ разказываетъ, что Аѳина была первоначально рождена богиней Мѣтисъ то-есть, мудростью; но Зевсъ проглотилъ Аѳину и тогда она вторично возродилась изъ головы отца всѣхъ боговъ и смертныхъ. Третьяго рожденія въ миѳахъ не упоминается.

Изъ всего вышеизложеннаго, какъ выводъ, получаемъ слѣдующую схему, наглядно объясняющую значеніе знаковъ Бавіана:

1-я группа.	Аидъ.	Посейдонъ.	Зевесъ.	Аресъ.
Мужскія божества.	Подземный огонь.	Вода и влага.	Воздухъ.	Мужество.
	Преисподняя.		Эфиръ.	Защита.
			Разумъ.	
2-я группа.	Артемиды.	Гермесъ.	Аполлонъ.	Гестія.
Астральныя божества.	Луна.	Необъятное небо.	Солнце.	Звѣздный хороводъ.
	Ночь.		Свѣтъ.	
	Колдовство.	Теософія.	Поэзія.	Семья, племя.
8-я группа.	Паллада Аѳина.	Деметра.	Гера.	Афродита.
Женскія божества.	Мудрость.	Земля.	Юность.	Женская красота.
	Ученость.	Плодородіе.	Весна.	
		Мистерія.	Бракъ.	Любовь.

Обозрѣніе послѣдней приложенной таблицы, заключающей перечисленіе божествъ, убѣждаетъ въ точной соответственности, не только каждаго мужскаго божества своему женскому спутнику, но и тѣхъ и другихъ—опредѣленнымъ астральнымъ силамъ центральной или второй группы. Такимъ образомъ оказывается, что описываемые нами символы Бавіана составляютъ систематически разработанную теософему, идеографическое начертаніе имени Ассура, основнаго, невидимаго, всеобъемлющаго божества, и обозначаютъ его различныя знаменія, инкарнаціи и проявленія.

Двѣнадцати божествамъ греческаго Олимпа были посвящены 12 мѣсяцевъ въ году и соответствующіе послѣднимъ 12 знакамъ зодіака; но порядокъ ихъ исчисленія иной, нежели представленный на скалахъ Бавіана. На кругломъ жертвенникѣ Лувра (Clagac, Mus. du Louvre, pl. 171) январь (козерогъ) посвященъ Юнонѣ, февраль (водолей) Нептуну, мартъ (рыбы) Минервѣ, апрѣль (знакъ овна) Венерѣ, май

(телець) Анолону и т. д. Поэтому въ символахъ Вавіана мы не находимъ и не признаемъ ни малѣйшаго зодіакальнаго значенія.

Теперь вернемся къ вопросу, поставленному въ началѣ нашей статьи: дѣйствительно ли ассирійскіе символы удобно разъясняются преданіями греческой мифологіи и символики? Не задумываясь отвѣчаемъ: столь удобно и съ такою точностью, что родство и сходство въ религиозныхъ понятіяхъ того и другаго народа дѣлаются очевидными и неопровержимыми. Единственное возраженіе, которое мы ожидаемъ на наши объясненія и методу толкованія, это—ихъ замысловатость. Едва ли, скажутъ намъ, въ такое отдаленное время (700 л. до Р. Х.), возможно предполагать столь строго выдержанную систему теософін, столь мудреную, уточненную символику въ религиозныхъ атрибутахъ. Спѣшимъ оговориться и разъяснить эти недоразумѣнія.

Корпораціи жрецовъ, какъ извѣстно, славились своею глубиною, изумительною мудростью — въ особенности маги Персовъ, халдеи Вавилона, жрецы Египта, брамины Индіи, а также нѣкоторые оракулы Грековъ и Римлянъ, Додона, Дельфы, Сивиллы; они хранили у себя, притомъ же, древнія книги, въ которыхъ, какъ утверждали, была сокрыта глубокая премудрость, недоступная непосвященнымъ. Наши современные ученые, дѣйствительно, отдають справедливость изумительной точности ихъ астрономическихъ вычисленій, тѣмъ болѣе изумительной, что они не владѣли такими же усовершенствованными инструментами, какіе у насъ въ употребленіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что, кромѣ знаній астрономическихъ и математическихъ, жрецы обладали обширными свѣдѣніями по части химіи, преимущественно металлургіи, а также по части геологіи, минералогіи, палеонтологіи, медицины, ботаники, зоологіи; указываютъ даже на ихъ знакомство съ электричествомъ. При такихъ познаніяхъ и при такой славѣ о ихъ мудрости, едва ли возможно предполагать, что корпораціи и касты жрецовъ удерживали, въ продолженіе тысячелѣтій подъ своимъ вліяніемъ и въ своей безапелляціонной власти, цѣлыя массы народонаселенія, иногда весьма безпокойнаго, въ другомъ случаѣ весьма заботливаго, какъ напримѣръ—въ Вавилонѣ и въ Египтѣ, или весьма практическаго и предприимчиваго, какъ въ Финніи, единственно съ помощью грубаго обмана или бессмысленныхъ басней; в не только цѣлыя государства, между прочимъ гордую, свободолюбивую, самостоятельную касту воиновъ, но даже умнѣйшихъ и геніальнѣйшихъ людей своего времени, поражающихъ, и въ наше столѣтіе, свѣтлымъ своимъ умомъ и величавостью своего историческаго характера. Скорѣе

надо полагать, что ученіе жрецовъ языческихъ заключало въ себѣ весьма увлекательныя теоріи, философы, системы космогоніи, прельщавшія современниковъ; а при той склонности къ таинственности, загадочности и глубокомыслию, которою отличались жрецы, не слѣдуетъ вовсе удивляться, если символика, которую они употребляли для выраженія своихъ понятій, оказывается замысловатою. Напротивъ, слѣдуетъ изумляться той наивности, легкомыслию и поверхностности, съ которою иные современные намъ изслѣдователи пытались объяснить смыслъ языческихъ мифовъ и символовъ одностороннимъ астральнымъ или метеорологическимъ ихъ значеніемъ. Въ толкованіи тайнаго смысла символовъ и мифовъ не слѣдуетъ вообще давать воли своему субъективному остроумію; но слѣдуетъ внимательно изучать памятники, сравнивать ихъ между собою, и сличать съ древними писателями и преданіями; тогда ихъ смыслъ обнаружится самъ собою, безъ усилія и натяжки. Разумѣется, такая метода изслѣдованія требуетъ несравненно болѣе работы, усидчивости и терпѣнія, нежели выдумки изъ собственной головы ¹⁾.

Весьма вѣроятно, что корпораціи жрецовъ различныхъ странъ имѣли сношенія между собою и сдѣланное въ одной странѣ открытіе, а также новый догматъ узнавались и критически обсуждались въ другихъ странахъ. Такимъ образомъ языческая теософія, символика и мифологія не были изобрѣтеніемъ одного племени или одного чело-

¹⁾ Какъ на примѣръ весьма неудачнаго, односторонняго и поверхностнаго метеорологическаго толкованія, укажемъ на мифіе, гдѣ-то высказанное, будто бы наша сказочная Баба-яга олицетворяла бурю и сивѣжну ютель; объясненіе, на томъ единственно основанное, что она замечаетъ чья-то слѣды. Но изобрѣтатель этой догадки упустилъ изъ виду, что Баба-яга, какъ богиня мистерій, замечаетъ свои собственные слѣды; ютель сглаживаетъ чужіе слѣды, а свои собственные оставляетъ весьма явственно всюду, гдѣ проходить. Сивѣжная ютель любить русскій духъ и часто заглядываетъ въ крестьянскую избу и на крестьянскій дворъ; а Баба-яга ненавидитъ русскій духъ и какъ только его заслышитъ, кричить—*оу!* Если припомнимъ, что, по понятіямъ нашего народа, терминны—русскій, православный, крестьянинъ и христіанинъ совершенно тождественны, намъ станетъ понятна ненависть кровавой людовки къ Русскому народу, и мы отнесемъ сказаніе о ней къ той же эпохѣ, когда возникла поговорка о небѣ и объ овчинкѣ. Въ наше время, народъ обвиняетъ Евреевъ въ посягательствѣ на кровь младенцевъ; въ ту отдаленную эпоху, обвиняли въ томъ же преступленіи иныхъ Семитовъ, и можетъ быть, основательнѣе. У бури и ютели нѣтъ жилища. У Бабы-яги нѣтъ храма на грифонахъ или ларець (божница) на лапахъ грифона или орла.

вѣка; но были результатами умственнаго движенія всего образованнаго человѣчества, результатами всемірной культуры и цивилизаціи. Отсюда сходство въ религіи, мифологіи и символикѣ различныхъ языческихъ народовъ, которые имѣли въ то же время и свои различія, разумѣется, какъ расколы и секты одной общей вѣры.

Конечно, было бы желательнѣе имѣть объясненіе символовъ ассирійскихъ, не съ помощью однихъ только преданій греческихъ или римскихъ. Такое толкованіе можетъ показаться одностороннимъ. Было бы желательнѣе, по крайней мѣрѣ, найти подтвержденіе въ ассирійскихъ источникахъ той методѣ объясненія, которую мы извлекли изъ религіозныхъ понятій, усвоенныхъ Греками. Съ этою цѣлью обратимся къ надписамъ Сеннахериба, вырѣзаннымъ на скалѣ Вавіана.

Хотя эти надписи вырѣзаны въ трехъ экземплярахъ, тѣмъ не менѣе оказалось невозможнымъ, даже черезъ ихъ сличеніе, восстановить полный и вѣрный текстъ. Менанъ прочелъ въ нихъ началъ слѣдующія имена боговъ: Ассур, Ану, Бел, Нисрук, Самас, Бни, Мардук, Набу, ... Истар, le Dieu VII. Фонетическое имя седьмаго бога (VII) и нѣкоторыя иныя имена оказалось невозможнымъ разобрать.

Въ другой надписи, царя Assur-nasir-habal'a (882 до Р. X.), имѣется болѣе полный списокъ главныхъ или великихъ боговъ Ассиріи, именованныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Ассур, Ану, Нисрук, Сии, Мардук, Бни, Адар, Набу, Белит, Ниргал, Бел-Даган, Самас, Истар, всего 13 ¹⁾.

Для насъ не столько важенъ порядокъ исчисленія боговъ, сколько имена боговъ, наиболѣе употребительныя въ воззваніяхъ, къ нимъ обращаемыхъ царями и помѣщаемыхъ обыкновенно въ началѣ надписи, или въ заклинаніяхъ, помѣщаемыхъ иногда въ концѣ надписи. Порядокъ исчисленія именъ въ указанныхъ выше двухъ надписяхъ не совпадаетъ съ расположеніемъ символическихъ знаковъ на таблицѣ Вавіана, нами описанной и истолкованной. Въ послѣдней, порядокъ расположенія знаковъ очевидно систематическій, соответствующій значенію и взаимнымъ отношеніямъ божествъ. Порядокъ именованія въ надписяхъ могъ зависѣть отъ какого-либо древняго ритуала, отъ молитвенныхъ обрядовъ, отъ родословной боговъ и географическаго расположенія извѣстнѣйшихъ ихъ храмовъ и т. п. Имена въ надписяхъ Вавіана приведены сряду въ одной строкѣ; символы расположены

¹⁾ Обѣ надписи приведены у *Ménant*, *Annales des rois d'Assyrie*, изд. 1874 г. р. 234 и 66.

тремя группами въ двухъ строкахъ. Въ упомянутой выше надписи Ассурназрхабала, кромѣ Ассура, упоминаются 12 великихъ боговъ и богинь. Въ надписяхъ Вавіана, г. Лейардъ предполагаетъ, было то же число; но сохранилось безъ порчи только_одинадцать (11 names only are legible, at Nimrud 13). Чѣмъ ни объяснялась бы разность чтенія въ обѣхъ надписяхъ, но число именъ, въ нихъ упоминаемыхъ, по-видимому, соотвѣтствуетъ числу символическихъ знаковъ, и вопросъ окончательно сводится къ слѣдующему: на сколько упоминаемые въ надписяхъ двѣнадцать великихъ боговъ, кромѣ Ассура, соотвѣтствовали по значенію своему двѣнадцати божествамъ греческаго Олимпа которыхъ признаки мы узнали въ символахъ Вавіана?

Приступая къ истолкованію именъ ассирійскихъ божествъ, мы будемъ придерживаться порядка знаковъ, изображенныхъ въ Вавіанѣ и воспроизведенныхъ на нашемъ рисункѣ, для того, чтобы не упустить изъ виду тѣхъ основныхъ началъ и понятій, которыхъ мы уже доискались съ помощью сличенія символики ассирійской и греческой, поступая, такимъ образомъ, постоянно отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, двигаясь твердою стопою по избранному пути; но предварительно, дозволимъ себѣ нѣсколько отступленій и разъясненій.

Масперо, въ своей *Histoire ancienne des peuples de l'Orient* (1875 г. стр. 148), замѣчаетъ: „Въ основаніи всѣхъ религій мы постоянно встрѣчаемъ единобожіе, бога единого и многообразнаго ¹⁾“. Того же мнѣнія держатся и другіе изслѣдователи, Дж. и Г. Роулинсоны и І. Дж. Уилькинсонъ, издавшіе въ 1862 г. съ подробными и прекрасными комментаріями исторію Геродота (*History of Herodotus, in 8°, 4 ч.*). Усматривая въ религій народовъ западной Азии, въ наружныхъ обрадахъ, весьма грубый политеизмъ (a very gross polytheism), эти ученые полагаютъ, что въ ея основаніи (in its origin) лежала глубокомысленная философія, касающаяся космогоніи и законовъ природы (*Naturphilosophie*), ученіе, изъ котораго позднѣе черпали свои основные выводы Фалесъ, Пифагоръ и Демокритъ; въ религій этихъ народовъ они замѣчаютъ сходство (apparent similarity) съ тою системою теософіи, которая господствовала въ Греціи и Римѣ ²⁾.

Основнымъ божествомъ Ниневіи они считаютъ Ашшугура, царя ³⁾ боговъ, отца боговъ, дарующаго скипетръ и корону царямъ, въ Вави-

¹⁾ Au fond de toutes les religions nous retrouvons un Dieu à la fois un et multiple.

²⁾ Hist. of Herod. I, 480 sqq.

лонѣ называемаго—*Ил* или *Ра*. Имя *Ил*, *Илу*, еврейск. *Ел*, *Елохимъ*, арабск. *Аллах*, греческ. *Ἦλ*, *Ἰλος*, кромѣ указанной здѣсь форм *Ра* (см. выше *анл*, *арес*), вслѣдствіе различныхъ звукоизмѣненій, удерживая то же значеніе, переходитъ въ персид. *Аур*, *Аур-Мазда*, *Ориузъ*, *венд.* *Ahurō-Mazdāo*, санскрит, и семитич. *Асур*, *Ассур*, *Ашшур*, на кирпичахъ *Килех-Шергхата* пишется—*Ашит*, *Астун* Самаританскаго текста Библии. Форма *Ассур*, *Ашер* напоминаетъ имя одного изъ сыновей праотца *Сима*, отца всѣхъ *Семитовъ*. *Etymologicum Magnum* производитъ названіе *Ассиріи* ἀπὸ Ἀσοῦρου τοῦ Σημίτου. *Nisroch* Библии переводится у *LXX* толковниковъ словомъ Ἀσαράχ, у талмудистовъ словомъ *Сатурнъ*.

Въ этомъ имени—*Ассуръ*, *Илу*, узнаемъ то первобытное божество, невидимое, въ принципѣ неизобразимое, поэтому не имѣющее ни идоловъ, ни храмовъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось у Грековъ подъ названіемъ „Небснаго бога“, *Урана*, Ὀυρανός, во времени исключительнаго господства котораго относятъ прославляемый поэтами—золотой вѣкъ, вѣкъ невинности, справедливости и безмятежнаго счастья, когда жертвоприношенія состояли изъ однихъ цвѣтовъ и плодовъ.

Хотя народы западной Азіи признаютъ это божество своимъ верховнымъ богомъ, но въ ихъ поклоненіи онъ уже потерялъ свой первоначальный благодушный характеръ и является со всѣми грозными атрибутами своего вторичнаго воплощенія, съ характеромъ грубаго, кровожаднаго, хитроумнаго *Кроноса* (*Сатурна*); этотъ же грозный, отвратительный характеръ онъ удерживаетъ и въ третьемъ своемъ проявленіи, въ божествѣ господствующемъ *Белосѣ* или *Ваалѣ*. Поэтому Греки весьма часто смѣшиваютъ признаки основнаго божества *Ила*, *Асура*, и признаки господствующаго божества *Ваала*, съ признаками своего *Кроноса* или *Сатурна*. *Ваалъ* именовался у Грековъ Ζεὺς Βῆλος (Герод. I, 181); а между тѣмъ *Servius*, въ комментаріяхъ къ *Энеидѣ*, объясняетъ значеніе *Ваала* — *Saturnus et Sol* ¹⁾. Даже въ греческой миеологій замѣтно нѣкоторое колебаніе въ различіи *Урана* и *Кроноса*; въ римскихъ преданіяхъ память объ *Уранѣ* совершенно исчезаетъ, и его признаки сливаются и перепутываются съ атрибутами и миеами *Януса* и *Сатурна*.

Основной монадѣ, *Илу*, *Ассуру*, обыкновенно сопоставляется женское начало, первое раздвоеніе (дуализмъ) — *Белтисъ* или *Милитта*. Она именуется женой, спутницей *Асура*, но чаще женой *Зевса*,

¹⁾ *Layard*, *Nin. and its remains*, 1850 г., I, 450.

Bel-Nimrod; въ надписяхъ Тиглаепаласара женою Ассура названа Шеруха или Шеруа ¹⁾ (можетъ быть, измѣненіе въ женскомъ родѣ имени Ашер, Ашур).

Изъ этого дуализма происходитъ первая эманация, верховная триада: Ану, Еа, Бел, а также соответствующія имъ женскія божества — Аната, Давкина и Билта; затѣмъ, вторая триада, вторичное, астральное перерожденіе тѣхъ же божествъ — эониръ, солнце и мѣсяць—Вул или Фул, Шамас, Син, и ихъ женскія спутницы—Шала, Анунит или Гула, и Телита (βαλτιθ, море). Обыкновенный порядокъ ихъ именования обратный — Синъ, Шамасъ, Фуль. Четвертою группою божествъ, наконецъ, считаютъ 5 планетъ: Вар или Нин-ип (Сатурнъ и Геркулесъ), Бел-Меродах (Юпитеръ), Нергал (Марсъ), Иштар (Венера), Небо (Меркурій). Двѣ триады + пять планетъ + Нисрохъ, составляютъ 12 верховныхъ божествъ Ассиріи и Вавилона.

Разсмотримъ подробнѣе атрибуты и значеніе каждаго изъ этихъ божествъ ²⁾.

1) Ану—Hades, Pluto, его эпитеты въ надписяхъ указываютъ его первобытность, древній Ану, князь ангеловъ и духовъ (G. Smith) или духовъ и демоновъ (Hist. of Herod.), открыватель кладовъ и сокровищъ, владыка горный, царь преисподней, князь мрака и смерти. Его символомъ по преимуществу г. Smith считаетъ—звѣзду, символъ божества вообще. Его городомъ по преимуществу называютъ древній Уръ въ Халдеи, Ур-Касди или Варка, называемый Бит-Ану, домъ Ану, служившій великимъ некрополемъ Вавилона ³⁾. У него, кромѣ святилища въ этомъ городѣ, было много другихъ храмовъ.

И въ этомъ-то ужасномъ божествѣ, которое, по свидѣтельству Грековъ, внушало даже олимпійскимъ божествамъ ужасъ и отвра-

¹⁾ Hist. of Herod., p. 484.

²⁾ Здѣсь мы придерживаемся, по возможности, порядка и расположенія символическихъ знаковъ Бавіана, считая всѣ группы и перечисляя знаки слѣва направо. Для большаго удобства, означаемъ каждое божество числою, соответствующимъ знакамъ рельефа—I, II, III и т. д. (см. рис. фиг. 1); подъ каждымъ числомъ группируемъ различныя проявленія того же божества и показываемъ его женскую спутницу. При указаніи атрибутовъ, эпитетовъ и значенія боговъ, руководствуемся преимущественно свидѣніями, сообщаемыми въ упомянутомъ выше изданіи (Hist. of Herodot., p. 480 sqq.), и въ изданіяхъ: *Maspéro*, Hist. anc. v. s.; *Smith* The chaldean account of Genesis, 1876 г.; и *Rawlinson*, The five great monarchies, I Chaldea, 1862 г.

³⁾ По мнѣнію г. *Smith*—Erech, по показанію *Maspéro*—Ouruk.

щеніе. по преимуществу сосредоточились воспоминанія о первообитномъ благодушномъ Уранѣ. Признаки подобнаго воспоминанія сохранились въ его старшинствѣ, въ первенствѣ мѣста, которое оно занимаетъ въ основной триадѣ, и въ его греческомъ имени 'Αἰθήρ, 'Αἰθήρ, 'Αδης, 'Αἰθωνός отъ еврейскаго (финикійскаго) Адонъ Господь, Адонаи или Адони, Господь мой. Самое же божество приняло весьма опредѣленные признаки слѣдующей степени—Кроноса, котораго собственно въ триадѣ долженъ былъ бы представлять Посейдонъ, какъ второй по происхожденію. По понятіямъ Грековъ, гробовая или могильная доска στήλη, изображала идолъ Аида, ἄταλ μ' Αἰδα, а между тѣмъ на ней изображался Кроносъ или его атрибуты. Поэтому призывки подземнаго Зевса, Аида, Кроноса и отчасти Посейдона нерѣдко сливаются и смѣшиваются. Масперо устанавливаетъ слѣдующую основную триаду: Ilou (Assur), отъ него происходящій хаосъ, la matière—Anou (Oannes) и Bel, le verbe qui sépara les éléments; здѣсь Аидъ (Ану), очевидно, смѣшанъ въ одно божество съ Посейдономъ (Oannes). Повторимъ: Ану, Аидъ, Плутонъ, составляя перерожденіе основнаго божества Урана, выражаетъ собою по преимуществу характеръ огненнаго, подземнаго, кровожаднаго, грознаго Кроноса.

Ему сопоставляется женское божество—Анат, Анату, Анута, Нана, которой присвоены тѣ же эпитеты, его жена, царица глубины и мрака, мать Хеа (Hist. of Herod., Smith, Rawlinson, Maspero и проч.), можетъ быть, позднѣйшая Анаітис, Анахта, египетская Neïth (богиня премудрости въ городѣ Саясѣ), греческая Athene. По свидѣтельству Масперо, въ надписяхъ матерью Хеа или Еа, втораго лица триады, называется также — Riah, le fluide. Слѣдовательно, Анату и Riah—одно божество, Реа, Кибела Грековъ, жена Кроноса.

II) Еа, Хеа (héa), Хоа (hoa), по мнѣнію ассиріологовъ, Посейдонъ или Нептунъ, Αἰς, 'Αός, "Ωη греческихъ писателей, 'Ωάννη; Бероза, божество великой бездны (имѣющее сходство, можетъ быть, съ греческимъ Хаосъ), богъ морей, текущихъ водъ, рѣкъ, источниковъ, источникъ знанія, основаніе наукъ, разумная рыба, просвѣтитель людей, Ніча Арабовъ, что значить жизнь и змѣй; въ небесныхъ сферахъ его называютъ Кимат, созвѣздіе Драконъ, соотвѣтствующее греческимъ Шлендамъ, его атрибутъ—змѣй (Smith, Rawlinson). Его поклоненіе было весьма распространено, особенно въ городахъ Ериду (Ередъ), Уръ, Ашуръ, Калахъ, Исъ близъ Вавилона, гдѣ были нефтяные ключи, 'Αεῖπολις. Выше уже сказано, что ассирійскій Нѣа и греческій Посейдонъ удержали во многомъ характеръ Кроноса, именно характеръ

бурный, тревожный, грозный. Имя греческаго бога, можетъ быть, взято также съ семитическаго — пав-адон, золотой богъ. По свидѣтельству Раулинсона (Hist. of Herod.), у Берова и даже въ надписяхъ замѣтно смѣшеніе Нѣа и Nin, Ninip—ассирійскаго Нептуна, Сатурна и Геркулеса.

Его женою считается Давкина, Davke Damascii; отъ Хеа и Давке, по словамъ послѣдняго, родился Белосъ: τοῦ δὲ Ἀοῦ καὶ Δαδύης ὁὐὸν γενέσθαι, τὸν Βῆλον... Масперо объясняетъ значеніе божества Давкина: la terre fécondée par lui. Слѣдовательно, Dav-ke, Dav-kina, то же, что Δα-μάτηρ, Деметра.

III) Третье лицо основной триады составлялъ Вааль или Belus, въ надписяхъ означаемый словомъ Bel или Bil, Bilu, Epu. Онъ соотвѣтствуетъ Зевсу, по мнѣнію всѣхъ ассиріологовъ, и именуется верховный владыка, отецъ боговъ, создатель (creator или procreator). У Семитовъ слово Вааль или точнѣе Бахал означало владыку вообще, властелина, бахал-иша, властелинъ женщины, то-есть, ея мужъ, человѣкъ женатый; бахалим — боги. Но въ Библии встрѣчается и другая форма Бел; Масперо ее переводитъ словомъ le verbe. Въ имени этого верховнаго божества ассиріологи различаютъ три формы:

а) Bil-Nirrut или Bilu-Nirru, греческое Ναρρῶθ. Выше былъ указанъ переходъ буквы л въ р; еще чаще и употребительнѣе переходъ буквы м въ н или б, напримѣръ: Bilta, Beltis, Mylitta; кажется тѣмъ же свойствомъ словопроизведенія объясняютъ переходъ слова мусульман-инъ въ басурманъ, мослем, бесермем. Поэтому переходъ Nirrut въ Nimrud весьма правдоподобный. По свидѣтельству Масперо, имя Nimrod христіанскіе ранніе писатели переводятъ: Belos, p. 165. Nirru производятъ отъ корня напар, преслѣдовать¹⁾, и тому же божеству приписываютъ эпитеты: великій охотникъ, побѣдитель. Вавилонъ называется въ надписяхъ городомъ Bilu-Nirru; Nimrud основалъ городъ Nirur, Niffer, Nopher, Халне (Calneh) Библии, гдѣ была воздвигнута знаменитая башня или пирамида. Сыновьями этого божества считаются Nin Геркулесъ и Sin мѣсяць, женою Bilta-Nirrut, великая охотница, она же иногда служитъ спутницею и богу Nin.

Мимоходомъ замѣтимъ, что смѣшеніе божества и историческаго лица, а также дѣяній имъ обоимъ приписываемыхъ (какъ, напримѣръ, Асуръ верховный богъ и внукъ Ноа, богъ Nirru и древній царь Nimrud) объясняется не однимъ случайнымъ созвучіемъ именъ или

¹⁾ Или Нишар, парох бѣжать, впередъ разсвѣянный, разсвѣтаться.

обоготвореніемъ чловѣка, царя, вождя, но также кореннымъ образомъ царей Вавилона и Ассиріи, даже въ позднія времена, именовать себя названіями своихъ боговъ; такъ, напримѣръ: Самасриммонъ, Меродах-бел-аданъ, Набу-адар-асар или Набу-адон-асур, Тиглат-фал-асар или просто Фуль, и т. д. (ассиріологи, впрочемъ, пишутъ—Набу-кудур, узур, Тигулати-пал-узур).

б) Второе имя того же божества—Bel-Dagan. Даг—значить рыба. Съ этимъ названіемъ сближаютъ, съ одной стороны, сохранившееся въ Библии извѣстіе о паденіи идола Дагона въ финикійскомъ храмѣ города Аскалона или Авота (Ашдог); идолъ, падая, отшибъ свой рыбіи хвостъ; съ другой, сохранившіяся во многихъ экземплярахъ рельефныя изображенія идола-рыбы: голова рыбы образуетъ его шапку на головѣ, а чешуя и хвостъ покрываютъ его тѣло на подобіе плаща, верхней одежды, хламиды. Въ этомъ изображеніи бога-рыбы весьма трудно отличить упомянутого нами Бел-Дагана отъ другаго, равнѣе указаннаго божества—Неа (Oannes), рыбы просвѣтителя, научившей Вавилонянъ религіознымъ ихъ обрядамъ, государственному устройству и наукамъ. Такое сходство двухъ божествъ свидѣтельствуетъ о сближеніи въ ихъ лицѣ понятій Юпитера и Нептуна.

в) Третье имя читается Bel-Merodach или Bel-Marduk, Maruduk. Это божество считаютъ за планету Юпитера. Слово Мару объясняютъ: буря, дождь, громъ¹⁾. Такимъ образомъ, въ имени верховнаго божества Вавилона и города Нирг мы различаемъ три градациі, повторяющія основную триаду: 1) древнѣйшее его проявленіе, Бел-Ниргу, преслѣдователя, охотника; 2) стихійное, влажное его значеніе, божество-рыбу Бел-Даган, и 3) астральное, атмосферическое значеніе того же божества—Бел-Мардук.

Ваалу обыкновенно сопоставляется, какъ уже не разъ упомянуто, женское божество Beltis, Belat, Bilita, Bilita-Nirguta въ Ассиріи, Milta, Eputa въ Вавилонѣ, великая богиня, великая мать боговъ, то жена Асура или Белуса, то жена Нина (Геркулеса) или мать Нина, госпожа, Atargatis, dea Syria въ Гераполисѣ, въ сирійскомъ городѣ, который назывался мѣстными жителями Mabog. Въ надписяхъ очень трудно ее различить отъ Иштаръ, Венеры; обоимъ богинямъ посвящена охота и война. Ея храмы многочисленны, ея городами считались Уръ или Варка, Нипуръ, Ашуръ, Калахъ и другіе.

¹⁾ Мора, страхъ и предметъ страха, отъ іаре; но вѣроятное туранское, аккадское происхожденіе этого имени, указанное Ленорманомъ.

Она считается богиней плодородія, царидей небесныхъ сферъ, началомъ всѣхъ началъ; ассириологи называютъ ее Деметрой и Реей, она соединяла въ себѣ атрибуты и Геры, и Беллоны, и Дианы. Ея природа, наконецъ, распадается на два образа: 1) *Bélit* соответствующую божеству *Bel-Nirgu*, и 2) *Zagranit* или *Zigatbanit*, соответствующую божеству *Bel-Merodach*, которую Смитъ уподобляетъ *Sus-coth-Venoth* Библии. Последняя, *Zagranit*, изображается съ руками на грудяхъ, или подъ грудями. Масперо относитъ это имя *Zagranit*, къ богинѣ Иштаръ и прибавляетъ: *dans un de ses rôles guerriers sur un lion, ou un taureau, aussi déesse de volupté.*

Въ предыдущихъ двухъ фазисахъ божества—*Anus*, *Aus*, какъ ихъ называетъ Смитъ, мы указали признаки, соответствующіе Кроносу; тѣ же признаки замѣчаемъ и въ послѣдующихъ божествахъ. Мессопотамія была родиною и царствомъ Кроноса; не удивительно, если всѣ божества этой мѣстности запечатлѣны его характеромъ. *Bel* и *Beltis*, какъ главные господствующія божества, соответствуютъ несомнѣнно греческимъ Зевсу и Герѣ, которыхъ греческіе писатели въ нихъ узнавали; но по характеру культа и по атрибутамъ скорѣе соответствуютъ Кроносу и Реи, то-есть, Зевсу огненному и подземному, Зевсу архаическому и древнему. Поэтому атрибуты, позднѣе присвоенные Зевсу Олимпійскому, мы встрѣчаемъ въ Ассиріи и Вавилонѣ отдѣленными отъ Белоса и присвоенными другому божеству, у Грековъ переродившемуся въ сына Геры — Гефеста, въ Гефеста, соответствующаго въ греческомъ олимпійскомъ циклѣ наиболѣе древнему изъ триады, изгнанному, огненному Аиду.

Таково божество, именуемое ассириологами *Вул*, *Фул*, или *Пул*, у греческихъ писателей *Bolochus* или *Moloch*. Его считаютъ олицетвореніемъ ээира, называютъ управителемъ неба и земли (*minister of heaven and earth. Hist. of Herod.*), покровителемъ каналовъ, дарующимъ плодородіе, бурю и вѣтеръ. Его символъ огненный мечъ или громъ, (см. рис. фиг. 17 и 18). Онъ же самъ или его братъ называется *Bil-san*, богъ огня, имя, которое сравниваютъ съ *Vulcan* и *Tubalcain*; его называютъ также *Ао*, *Ив*, *Ива*, имя, напоминающее позднѣйшее латинское *Jove. Rawlinson (The five great monarch.)* его именуетъ Юпитеръ, Индра.

Ему же сопоставляютъ богиню Шала или Тала, которой признаки не ясны, которую уподобляютъ вавилонской или финикійской *Salambo*, *Саламъфѣ*. Сопоставляя Ану (Аида) и Анату, Вул (Вулкана) и Салу, мы готовы отождествить, съ одной стороны, мужскія божества Ану

и Вул, а съ другой—женскія божества Анату и Салу или Талу; въ такомъ случаѣ, послѣднюю слѣдуетъ признавать за греческую Athene, какою признали и богиню Анату. Божество Тала уподобляютъ греческому Θαλάτθ, Θάλασσα, море; окончанія θ или ha, ah, составляютъ обыкновенныя женскія окончанія именъ въ семитическихъ языкахъ. Если Thalath действительно то же, что Anath, то море здѣсь противопологается огненной безднѣ—Анду.

IV) Нергалъ, богъ войны, Аресь, Марсь, планета Марсь, giant king of war (Smith), великій герой, левъ, царь битвы, защитникъ боговъ (Hist. of Herod.) истребитель злыхъ, богъ охоты.

Ему сопоставляется знаменитая Иштаръ, Astarté, Хашторее, богиня любви, планета Венера, старшая на небесахъ, воздвигающая мужество воиновъ. Къ ней также относятъ эпитетъ Nana, который приписываютъ и божеству—Анату.

Съ богомъ Нергалъ имѣетъ сходство загадочное божество, котораго имя, кажется, не прочтено и не опредѣлено еще съ достовѣрностью: Ваг или Nin, Nin-ip, его же называютъ Va-lua и Va-dana; эпитеты—князь храбрыхъ, богатырь, истребитель злыхъ и возмутителей, старшій сынъ, движущійся какъ вѣтеръ, свѣтъ небесный и земной, онъ любитъ солнце, освѣщаетъ народы, богъ войны, охоты, морей, каналовъ, живущій въ глубинѣ. Его признаютъ планетою Сатурна, и предполагаютъ въ немъ соединеніе Сатурна, Марса и Геркулеса. Онъ является то отцомъ, то сыномъ Белоса, то мужемъ, то сыномъ Beltis. Это ассирійскій Геркулесъ.

V) Sin или Nunki, богъ мѣсяца, Lupus, хранитель, стражъ неба. Его любимый городъ древній Уръ. Его также именуютъ князь дучовъ, широкій, сіяющій, распредѣлитель мѣсяцевъ въ году.

Ему сопоставляется, по свидѣтельству Роулинсона, (The five great monarchies), великая богиня, его жена, раздѣляющая всѣ его атрибуты, но имя которой неизвѣстно. Комментаторы Hist. of Herodot. предполагаютъ, что это была 'Ομόρφα или Θαλάτθ, Θάλασσα греческихъ писателей. ассирійская Telita. И по созвучію этихъ именъ, и по значенію мы узнаемъ выше уже упомянутую Шала или Тала, Анату или Athene. Слѣдовательно, мы здѣсь встрѣчаемъ повтореніе уже прежде опредѣленныхъ женскихъ божествъ; слѣдовательно, у бога Сина своей отдѣльной спутницы вовсе не было. Въ греко-римскихъ преданіяхъ, обоготвореніе мѣсяца можно назвать средняго рода, безполымъ, колеблющимся, являющимся то мужскимъ божествомъ, Lupus, Μήν, то женскимъ—Diana, Артемида.

VI) Небо, по согласному свидѣтельству ассириологовъ, признается за планету Меркурія, и считается богомъ знанія и литературы, еще называется *Tasmit, Nusku*, держащій въ рукахъ золотой скипетръ. Можетъ быть, замѣтять странное созвучіе имени этого божества *Nebo* и нашего славянскаго корня *небо*, небесный сводъ. Оно, можетъ быть, и не случайное.

Въ качествѣ покровителя письменъ и наукъ, съ этимъ же божествомъ сходствуетъ другое загадочное божество—*Nisrock, Nouah, Schalmalou, la lumière, le sauveur, le maître des sciences*, по словамъ *Maspéro*. Мы видѣли выше, что божество *Nisrock* также уподобляютъ *Ассуру, 'Азарѣхъ* и *Сатурну*. *Лейардъ* (*Nin. and its remains I, p. 459*) объясняетъ имя означеннаго бога отъ корня *Nisr*—орелъ, *Nisroch*—eagleheaded winged god, божество крылатое съ головою орла. Другіе изслѣдователи (*Враун, Gesch. d. Kunst, 1856 г.*) утверждаютъ, что *Нергалу* поклонялись также, какъ подобію птицы, пѣтуха, символъ, сохранившійся въ таинственной религіи *Иезидовъ*.

VII) *Шамасъ, Shamas, San, Sansi*, еврейск. шемеш солнце, великій двигатель, управитель неба и земли, истребитель враждебныхъ царей, судья.

Женскою силою, соотвѣтствующею солнцу (*the female power of the sun*) и его женою, почитаема была богиня *Gula* или *Anunit*, въ *Вавиловѣ* называемая *Ai*, предстоящая родамъ, слѣдовательно соотвѣтствующая въ греческой мифологіи *Артемидѣ, Діанѣ*, и по созвучію имени напоминающая ту же *Апат, Anaitis*. Знакъ этой богини (*Анунитъ*) по свидѣтельству *Роулинсона* тотъ же, что и бога *Ану*, 8-ми конечная или 6-ти конечная звѣзда. Если въ символахъ *Бавіана*, мѣсяцъ, *Lunus*, уже представленъ мужскимъ божествомъ или не имѣющимъ пола, а *Gula* или *Anunit* обозначаетъ ту же идею, ту же потенцію, только въ женскомъ проявленіи, то для солнца, собственно говоря, не имѣется женской спутницы. Для бога *Небо* мы также таковой не отыскали. Слѣдовательно, вся средняя, астральная группа знаковъ состоитъ изъ божествъ, не имѣющихъ опредѣленнаго пола. Городами, гдѣ были устроены храмы солнцу считаютъ *Lagancha, Larsa* и *Sippara*.

Съ тѣмъ же божествомъ *Роулинсонъ* сопоставляетъ библейскихъ *Anammelech, Adrammelech. Melek* на семитическихъ языкахъ значить царь, *Adrammelek*—царь огня, солнце; *Anammelek* вѣроятно соотвѣтствуетъ богинѣ *Ана, Анат, Анунит*, лунному началу, или въ мужскомъ проявленіи той же силы, богамъ *Мѣу, Lunus*. Съ этими же именами

слѣдуетъ сличить имя бога Адаръ; Smith его считаетъ Сатурномъ; Масперо также считаетъ планетою Сатурномъ (слѣдовательно то же, что Нин-ип.) и называетъ — l'Hercole assyrien; адар значитъ блестять, сіять, адар—огонь.

Ассириологи приписываютъ характеръ Сатурна и Геркулеса тремъ божествамъ: 1) Адар-Самдан, 2) Бар, Нин или Нин-ип и 3) Нисрох. Можетъ быть, эти божества составляли особую триаду, въ которой Адар соотвѣтствовалъ огню и солнцу, Нин—Марсу, Аресуи Нисрох—Гермесу, то-есть, силамъ: стихійной, животной и разумной.

VIII) Символь Бавіана, во второй группѣ (семь планетъ, звѣздное небо, атмосфера) меня затрудняетъ: я не отыскалъ женскаго божества, соотвѣтствующаго Вестѣ или Гестіѣ. Ограничусь пока указаніемъ на сходство созвучій: Vesta, Festa, Ἥστία, Ἥφ-αιστ-ος или дорич. Ἄφ-αιστ-ος.

Къ четыремъ остальнымъ знакамъ, къ третьей группѣ, выбирая изъ перечисленныхъ уже выше женскихъ божествъ, я отношу:

къ IX-му — Анату, Anaitis, или Салу, Шапа, Athene, Аенну;

къ X-му — Дав-кину, Davke, Δη-μήτηρ, Де-метру;

къ XI-му — Милитту или Beltis, Геру, Юнону;

къ XII-му — Астарту, Иштаръ, Венеру.

Припомнимъ неопредѣленный характеръ въ ассирійской мифологіи бога Вул., Vul-can, Гефеста: въ Ассиріи онъ богъ атмосферы, и владѣетъ молніеносными перунами, громами, слѣдовательно богъ грозоваго неба; въ греческой мифологіи онъ уже удался въ подземныя, горныя пещеры, богъ огня, и только заготавливаетъ перуны для Зевса, куетъ его грома. По такимъ признакамъ мы готовы въ ассирійской символикѣ отнести къ нему 8-й символъ Бавіана, обозначающій звѣздный хороводъ или обозначенный семью планетами, гуляющими въ эфирномъ пространствѣ, въ атмосферѣ. Въ такомъ случаѣ, его помѣщеніе между символами Марса и Венеры вполне соотвѣтствовало бы и греческимъ преданіямъ, и составъ 2-й группы символовъ образовался бы слѣдующій:

Синь или	Небо.	Шамась.	Вулъ.
Хурри.	Небесный	Солнце.	Атмосфера.
Мѣсяць.	сводь.	Аполлонъ или	Вулканъ
Lupus, M'v.	Меркурій.	Гелиосъ	Гефестъ.
	Гермесъ.		

Божество Бинъ Масперо объясняетъ также словами: atmosphère, tempête; слѣдовательно, въ немъ мы имѣемъ того же бога атмо-

сферы, ассирийскаго Гефеста, Вулкана, и на средней картинѣ Бавіана изображены и сопоставлены: богъ ремесла, строитель, великій художникъ, *πολοδαυδαλος* — Бинъ, Вулъ, Гефестъ, и его обычная спутница богиня мудрости и ремесла, искусства и науки, Аѳина, Анать или Таа. Вырѣзанныя изъ скалы на берегу уединеннаго ручья, ихъ изображенія здѣсь обозначали, въ то же время, атмосферу— Бинъ, и влагу—Таа, *Θαλάτθ*, основные принципы всего существующаго.

Не мнѣ судить, съ достаточною ли ясностью, точностью, послѣдовательностью и безпристрастіемъ я здѣсь передалъ свѣдѣнія объ ассирийскихъ божествахъ, о ихъ значеніи, объ отличительныхъ ихъ признакахъ, извлеченныя ассириологами изъ чтенія клинообразныхъ надписей и случайныхъ указаній, сохранившихся у греческихъ писателей довольно поздняго времени. Сличая означенныя свѣдѣнія съ памятниками и преданіями древнихъ греческихъ племенъ, я пришелъ къ убѣжденію въ большомъ сходствѣ религій у народовъ древняго міра; доискался и нѣкоторыхъ различій, какъ напримѣръ: въ неопредѣленномъ и переходномъ характерѣ божества Бин, Вул, Вулкана, Гефеста. Сличая и сопоставляя послѣдніе сдѣланные выводы съ предыдущими, усматриваю въ таблицѣ Бавіана символы, соответствующіе слѣдующимъ божествамъ.

1-я группа.

Ану.	Хеа.	Бель.	Ниргалъ.
Hades.	Посейдонъ.	Зевсъ.	Аресъ.
Pluto.	Нептунъ.	Юпитеръ.	Марсъ.

2-я группа.

Синъ.	Небо.	Шамасъ.	Бинъ или
Lunus.	Гермесъ.	Аполлонъ	Вулъ.
Мѣръ.	Меркурій.	Helios.	Гефестъ.

3-я группа.

Anaitis	Davkina.	Beltis.	Иштаръ.
или Шаа.	Деметра.	Гера.	Венера.
Athene.		Iuno.	

Такимъ образомъ, единственное измѣненіе, которое пришлось сдѣлать въ таблицѣ, послѣ сличенія съ показаніями ассириологовъ, заключается въ переводѣ во второй, средней группѣ, женскихъ божествъ Diana, Vesta въ соответствующія имъ мужскія божества или въ божества, не имѣющія пола—Lunus, Vulcan.

Возвратимся еще разъ къ надписямъ Сеннахериба, вырѣзаннымъ на скалахъ Бавіана. Лейардъ, который внимательно ихъ осматривалъ на мѣстѣ, утверждаетъ, что только 11 именъ возможно было въ нихъ разобрать. Менавъ (l. c.) прочелъ только 10, а именно:

Assur, Anu, Bel, Nisruk, Samas, Bin, Marduk, Nabu,... Istar, le Dieu VII; voilà les Grands-Dieux que...

Пинчсъ (Theoph. Goldridge Pinches), въ сборникѣ, изданномъ подъ покровительствомъ англійскаго общества библейской археологии: „Records of the past“ (IX ч., 1877 г.), напечаталъ полный переводъ той же надписи. Ея начало онъ переводитъ слѣдующимъ образомъ:

Assur, Anu, Bel, Hea, Sin, Samas, Rimmon, Marduk, Nebo, (Nergal), Istar, the 7 spirits, and the great gods...

Строчки или §§ 48 и 49 той же надписи Ménant переводитъ словами:

Bin, Sala, les Dieux de la ville d' Ekali... je les ai remis à leur place dans la ville d' Ekali.

Пинчсъ ни слова не упоминаетъ о городѣ Экали: Rimmon and Sala the gods, of the temples... to the temples to their places I restored them. Очевидно, чтеніе этого мѣста сомнительное и спорное.

Въ изданномъ подъ редакцію Роулинсона сборникѣ „West-Asia cuneiform inscriptions (1870 года, III, л. 14) напечатанъ весь текстъ вышеозначенной надписи, исправленный, какъ сказано въ оглавленіи (Index), на сколько возможно было, посредствомъ сличенія трехъ ея списковъ, найденныхъ въ Бавіанѣ (restored as far as possible from a comparison of the three tablets which all bore the same Legend). Съ этого именно текста, изданнаго въ W. A. I., и дѣлали свои переводы Пинчсъ и Менавъ. Въ началѣ надписи имена боговъ помѣщены въ одну строчку; ихъ идеограммы изображены на рисункѣ, приложенномъ къ нашей статьѣ, имена же въ переводахъ считаемъ не бесполезнымъ здѣсь повторить съ соответствующими рисунку римскими цифрами:

1. Pinches.	Ménant.	Pinches.	Ménant.
I Assur	Assur	VII Rimmon	Bin
II Anu	Anu	VIII Marduk	Marduk
III Bel	Bel	IX Nebo	Nebu
IV Hea	} Nistrik	X (Nergal)	.....
V Sin		XI Istar	Istar
VI Samas	Samas	XII the 7 spirits	le Dieu VII
		XIII the great gods	les Grands Dieux

Всего 13 идеограммъ; въ концѣ § 48, упоминаются:

I Rimmon или Bin,

II Sala,

III боги, the gods, les Dieux.

Если чтеніе Пинча примѣнить къ объясненію символическихъ знаковъ, Бавіана, то къ первой группѣ отнесемъ имена—Assur, Anu, Bel, Nea; ко второй—Sin, Samas... Istar, 7 духовъ (the 7 spirits); и къ третьей остальные—Bin, Marduk, Nebo, Nergal.

Къ первымъ тремъ именамъ можно, безъ особенной натяжки, отнести первыя три тіары; но чтобы отнести къ Неа четвертый символъ, слѣдовало бы въ немъ предположить не изображеніе головы овна, но выступающаго изъ жертвенника или алтаря — дракона или змѣю, служащую символомъ упомянутому божеству. Синъ означаетъ мѣсяць, къ солнцу можетъ быть отнесенъ крылатый дискъ, какъ уже выше мы объясняли; въ такомъ случаѣ, дискъ съ крестообразнымъ знакомъ означалъ бы Иштаръ, а семь малыхъ дисковъ, которые мы считаемъ за семь планетъ, означали бы 7 духовъ или демоновъ. Но къ примѣненію подобнаго толкованія встрѣчаются слѣдующія затрудненія:

1) Ассуръ обыкновенно не входитъ въ составъ цикла 12 великихъ божествъ, которыя обозначаютъ собственно его различныя эманации или воплощенія, какъ Уранъ и Кроносъ не упоминаются въ циклѣ 12 олимпійскихъ божествъ.

2) Чтобы отнести къ Иштаръ дискъ съ крестообразнымъ знакомъ, необходимо предварительно доказать, что такой символъ и въ другихъ случаяхъ ее обозначаетъ, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для его сближенія съ общезвѣстными признаками или атрибутами богини.

3) Точно также мы не имѣемъ въ виду никакихъ правдоподобныхъ объясненій, какое отношеніе могутъ имѣть къ божествамъ: Бин — цвѣтокъ или трезубецъ, Мардук — кедровая или сосновая шишка, Небо—колонна или жезлъ, и къ божеству Ниргал — два быка; притомъ же имя послѣдняго стерто или испорчено въ подлинныхъ надписяхъ, и его реставрація въ сонмѣ боговъ составляетъ только гадательное предположеніе Пинча.

4) Намъ неизвѣстно значеніе бога VII, ни 7 демоновъ или духовъ. Разность въ чтеніи этой идеограммы наводитъ сомнѣніе на правильность перевода. Въ означенной идеограммѣ мы только узнаемъ число семь, но въ соединеніи съ другими знаками или буквами.

Правда, въ той же IX части изданія „Records of the past“, помѣщена легенда о семи злыхъ духахъ, ведущихъ борьбу съ богами, олицетворяющихъ грозовыя тучи или бурныя вѣтры и болѣзни; но, какъ враги боговъ, они не могли быть помѣщены въ ихъ число, и въ легендѣ положительно сказано: § 16, „между боговъ они ложа не имѣютъ“; § 17, „ихъ имя на небѣ и землѣ не существуетъ“; § 22, „на небѣ и землѣ ихъ не знаютъ“.

Если, не стѣсняясь порядкомъ исчисления, станемъ выбирать изъ именъ, приведенныхъ въ надписи, соотвѣтствующія символамъ, то отнесемъ къ первой группѣ — Ану, Бел, Еа, Ниргал и ко второй — Син, Самас, Небо, Бин; къ третьей группѣ одно только имя — Истар.

Перестановка въ исчисленіи основной триады: Ану, Белъ, Хеа, встрѣчается и въ другихъ надписяхъ. Имя Нисроха упоминается въ Библии (Сеннахерибъ погибъ въ его храмѣ, убитый двумя своими сыновьями, 4 Царствъ, XIX, 37), но въ клинообразныхъ надписяхъ Ассиріи, кажется, составляетъ сомнительное чтеніе и еще съ достовѣрностью не отыскано. Судя по переводу г. Ménant, имя этого божества состоитъ изъ двухъ идеограммъ, изъ которыхъ одна обыкновенно означаетъ въ другихъ надписяхъ божество Сина. Поэтому мнѣніе Пинчса, прочитавшаго, вмѣсто имени Нисроха, два имени — Хеа, Синъ, заслуживаетъ болѣе вѣроятія. Имя божества Риммонъ, очень можетъ быть — совершенно тождественно съ именемъ Бина и Фул или Фул; а по значенію, съ божествомъ Бин или Фул весьма сходенъ Мардукъ, котораго имя въ надписи стоитъ рядомъ съ предидущимъ и для котораго отдѣльнаго символа въ таблицѣ Бавіана мы не отыскали. Можно предположить, что имя Мардукъ, если оно правильно прочтено въ надписи, служитъ повтореніемъ или поясненіемъ того же понятія, что и Бинъ. Затѣмъ, въ надписи недостаетъ трехъ именъ: богинь Сала или Анат, Давкина, и столь часто упоминаемой въ другихъ надписяхъ богини Белит. Чтеніе тринадцатой идеограммы, наконецъ, намъ кажется сомнительнымъ: Менавъ ее передаетъ словами — „вотъ великіе боги, котор....“, но слѣдующихъ за симъ словъ не переводитъ; Пинчсъ передаетъ ту же идеограмму словами — „и великіе боги, которые....“, но слѣдующій за симъ переводъ § 2 составляетъ наборъ словъ, не имѣющихъ яснаго и опредѣленнаго смысла.

Изъ сличенія надписей Бавіана съ символическими знаками, начертанными на той же скалѣ, выводимъ слѣдующее заключеніе: или текстъ надписей неправильно воспроизведенъ и переведенъ, или, дѣй-

ствительно, надписи не имѣютъ прямого соотношенія съ символами, и въ надписяхъ упоминаются иныя божества.

Послѣднему мнѣнію, по видимому, служить подтвержденіемъ слѣдующее обстоятельство: на той же скалѣ изображены во весь ростъ два идола, и въ надписи упоминаются тѣ же два идола, увезенные Мардукнадинасаромъ¹⁾ и возвращенные Сеннахерибомъ, Бинъ и Сала; естественно было бы поименовать означенныхъ двухъ великихъ боговъ въ общемъ воззваніи, помѣщенномъ въ началѣ надписи; и дѣйствительно, идеограмму Бина, показанную въ 48-й строцкѣ, мы находимъ и въ первой строцкѣ, но идеограммы Сала въ первой строцкѣ не замѣчаемъ. Если въ надписи, въ началѣ, въ воззваніи, обращенномъ къ великимъ богамъ, оказывается пропускъ одного изъ двухъ божествъ, составляющихъ главный предметъ повѣствованія, то почему же не допустить пропуска и другихъ именъ, и замѣну ихъ иными формами проявленія основной божественной силы?

Такимъ образомъ, сравненіе символика ассирійской и греческой даетъ намъ болѣе прямыя и ясныя отвѣты на возбуждаемые вопросы, и болѣе правдоподобное толкованіе ассирійскихъ символовъ, нежели сличеніе послѣднихъ съ надписями, сохранившимися въ испорченномъ видѣ, или составленными безъ надлежащей полноты, или не вѣрно прочитанными.

Полагаю, что меня не будутъ осуждать и порицать за откровенное указаніе встрѣчаемыхъ затрудненій и не признаютъ вовсе безполезными моихъ стараній установить прочныя основанія для объясненія символическихъ знаковъ ассирійской мѣологии. Остаюсь при убѣжденіи, что приведенное выше толкованіе знаковъ Вавіана совершенно правильное, хотя оно и не подтверждается въ полной мѣрѣ надписями, но и не противорѣчитъ смыслу надписи.

Не можемъ отрицать, что знаніе ассирійской мѣологии много выиграло бы, еслибъ отличительные признаки боговъ, ихъ атрибуты и присвоенные имъ символическіе знаки возможно было бы подробно прослѣдить и сличить по всѣмъ открытымъ памятникамъ вавіанія, какъ это давно сдѣлано для божествъ и второстепенныхъ геніевъ греческой мѣологии. Тогда мы получили бы ясное, опредѣленное, пластическое представленіе каждаго ассирійскаго божества, ясное понятіе, въ какомъ видѣ оно представлялось его поклонникамъ, и правильнѣе умѣли бы ихъ различать. Размѣры этой статьи не дозволяютъ мнѣ

¹⁾ По переводу Пинчса — Marduk-nadiq-akhi.

приняться за эту работу, какъ мнѣ кажется, никѣмъ еще не исполненную.

Я ограничусь только немногими указаніями, въ видѣ опыта при-мѣненія выведенныхъ мною началъ къ тѣмъ барельефамъ, о которыхъ упоминалось уже въ этой статьѣ.

Изумительно, что рельефы столь важнаго значенія, каковы указанныя на скалахъ Бавіана, еще никѣмъ изъ путешественниковъ не сняты во всей подробности и съ тою точностью, какую они несомнѣнно заслуживаютъ. Въ изданіи Лейарда: *The Monuments of Nineveh*, 1853 г. (2 ser., pl. 51) мы имѣемъ въ большомъ масштабѣ литографированный снимокъ со средней картины Бавіана, изображающей Вина и Салу, стоящихъ на животныхъ, и Сеннахериба позади ихъ въ двухъ экземплярахъ; но этотъ снимокъ едва ли отличается должною точностью и вѣрностью.

Величаяя фигура Вина вовсе не выказываетъ признаковъ обычной Гефесту хромоты. На немъ высокая тиара, какъ уже сказано было, украшенная семью парами роговъ буйвола. Не безъ значенія—совпаденіе этого числа, семи паръ, съ семью дисками, планетами или звѣздами, обозначающими его мѣсто въ вышеописанной таблицѣ символическихъ знаменъ. Его лицо трудно разобрать; оно сильно повреждено. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ жезлъ во весь свой ростъ и кольцо, — символы власти, вѣчности, божественнаго его начала. Въ серединѣ кольца помѣщена человѣческая фигура, принадлежность, не встрѣчающаяся въ ручномъ кольцѣ на другихъ скульптурахъ Ассирии; къ сожалѣнію, по рисунку невозможно распознать значеніе этой фигуры. Въ лѣвой рукѣ божество держитъ двѣ стрѣлы, означающія присвоенные ему громовые перуны.

Вторая фигура, поставленная также въ профиль и лицомъ обращенная къ идолу Вина, ниже ростомъ, какъ и прилично женскому божеству, если это изображеніе дѣйствительно представляетъ богиню Салу. Ея голова и плечи обломаны: въ этомъ мѣстѣ продѣлано окно въ пещеру, изсѣченную въ той же скалѣ. Пещерныя углубленія, можетъ быть, и были выдолблены позади скульптурныхъ картинъ въ глубокой древности; но окно, по всей вѣроятности, проломано или расширено гораздо позднѣе: форма трехъ арокъ окна, подковою, напоминаетъ арабскія постройки. Правая рука богини поднята въ видѣ моленія или благословенія, а въ лѣвой она держитъ красивый вѣеръ, символъ ея женственности, и кольцо, также съ человѣческою фигурою въ серединѣ. Животныхъ, на которыхъ стоятъ идола, по рисунку

невозможно узнать; по свидѣтельству видѣвшихъ скульптуры, одна представляетъ льва, другая грифона. Сеннахерибъ держитъ въ лѣвой рукѣ короткую ручную булаву, а предметъ, заключающійся въ правой, весьма трудно различить.

Надъ верхнею рамкою этой замѣчательной картины была устроена довольно обширная площадка, на которой еще сохранились два льва или два сфинкса въ лежачемъ положеніи, но головы ихъ отломаны. Можетъ быть, между ними была уставлена какая-либо статуя божества; ея слѣдовъ не замѣтили, однако же, путешественники, посѣтившіе ущеліе Бавіана. Внизу, въ ручьѣ, валяются два громадные монолита, на которыхъ изваяны ассирійскіе сфинксы *human-headed bulls*, обычные стражи пропелей, и позади нихъ обычная же фигура ассирійскаго Геркулеса (вѣроитѣ, Бел-Нипру), задушивающаго или угрожающаго пойманнаго льва одною рукою. Этотъ признакъ пропелей (входныхъ воротъ), вмѣстѣ съ верхнею площадкою, указываютъ на существованіе здѣсь нѣкогда обширнаго сооруженія, можетъ быть, замѣчательнаго храма; тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія неполнота описаній этой мѣстности и несправность изданныхъ рисунковъ.

Въ другой мѣстности, упомянутой въ началѣ нашей статьи, на скалахъ Мальтаіи, изваяны семь божествъ, стоящихъ на символическихъ животныхъ. Г. Пласъ снималъ эти скульптуры фотографическимъ способомъ, но изданные имъ рисунки весьма неудовлетворительны. На сколько можно понять изъ его рисунковъ, дополняя ихъ по его описанію и по описаніямъ г. Лейарда, рельефы представляютъ слѣдующія изображенія:

Передняя фигура божества, выше другихъ ростомъ, очевидно, представляетъ верховнаго бога—Зевса или Кроноса. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ жезлъ (скипетръ) и кольцо власти или кольцо вѣчности; въ правой предметъ, который изслѣдователи затрудняются опредѣлить: хартію, можетъ быть, развернутый свертокъ пергамента или папируса, книгу, въ которой должны заключаться изреченія, молитвы или изложеніе законовъ. Мы не знаемъ, употребляли ли Ассиріане книги, написанныя на кожѣ, древесной корѣ или бумагѣ, одновременно со своими глиняными таблицами. У Грековъ и Римлянъ такой матеріалъ или способъ для письма былъ въ употребленіи одновременно съ воощенными и металлическими таблицами. Божество стоитъ на двухъ животныхъ, которыя, какъ полагаютъ, изображали быка и грифона (a bull and a kind of griffon). Его тиара заканчивается къ верху острымъ концомъ, на подобіе головнаго убора царей (a point

ог а fleur de lys), тиара втораго божества—кедровою шишкою, символомъ Реи или Деметры; тиары прочихъ божествъ убраны, каждая, шести-, семи- или восьмиконечною звѣздой, вписанною въ кругъ, символъ божества вообще или символъ астральнаго культа ¹⁾).

Второе божество возсѣдаетъ на тронѣ или креслѣ, и кресло поставлено на хребетъ льва. По этимъ двумъ признакамъ не мудрено узнать сирійскую богиню, великую мать боговъ, жену Кроноса, Рею или Кибелю. Въ лѣвой рукѣ у ней кольцо, а правая поднята въ знакъ ласки, покровительства или благословенія. Ассирійская тиара, украшающая голову богини, своею формою напоминаетъ и городскую корону, согопа сівіса, Кибелы; въ этомъ сходствѣ убѣдимся, въ особенности, если сравнимъ и корону и тиару, со скульптурами, найденными на южномъ берегу Чернаго моря, близъ мѣстечка Богаз-Кеви (см. рис. фиг. 20). Тронъ или кресло Кибелы, изображенный на скалахъ Мальтаин, весьма богато убранъ; его поддерживаютъ человѣческія фигуры съ хвостами (сатиры Діониса, бога мистерій) и птицы съ человѣчьими головами (humanheaded); слѣдовательно, сѣдалище богини какъ будто бы устроено на курьихъ ножкахъ, на лапахъ плотоядныхъ птицъ, ἀρκοίαι.

Въ рисункѣ г. Пласа трудно различить эти послѣднія подробности, сообщаемыя Лайардомъ. Мы не ручаемся за ихъ точность и достоверность; тѣмъ не менѣе, считаемъ небезполезнымъ собрать въ одно мѣсто тѣ особенности и признаки, характеризующіе богиню въ скульптурахъ передней Азии, которыя успѣли подлѣтнть. Рея, Ῥεία, Ῥείη (ея имя производятъ отъ Ῥέω—течь, теченіе или текущее, Ῥεία означаетъ также — безъ заботъ), жена Кроноса, именовалась у Римлянъ чаще Кибелою, Cybele; напротивъ, у Грековъ несравненно рѣже упоминается имя Κοῦβέλη. Фригійское имя этой богини было Κοῦβήθη. По созвучію нельзя не привести въ соотношеніе съ послѣдними двумя именами слѣдующіе греческіе корни и термины: κῦβος, cubus, кубъ, а также игральныя кости (Кибела, какъ извѣстно, изображается сидящею на тронѣ, креслѣ или кубическомъ сѣдалищѣ, символѣ неподвижности земли, Mus. Pio-Clement. I, 40); κῦβηλακ топоръ, сѣкира, кухонный ножъ, символъ ея супруга Кроноса, κῦβηρος, κῦβηραω быть восторженнымъ, какъ жрецъ Кибелы, склонять голову, κῦβή—голова; κῦβάλου цимбалъ, металлическій инструментъ, посвященный, какъ извѣстно,—богинѣ; κῦββα, κῦβη, κῦβος также голова и вообще по-

¹⁾ Layard, Nin. and its rem. 1850 г., I, p. 229 sqq.

суда, пасть у животныхъ, все выдолбленное, слѣдовательно наше—ступа, ступка; *κῆρα*—гробъ. Если греческій *Υ* мы замѣнимъ соотвѣствующимъ ему въ славянскихъ нарѣчiachъ носовымъ звукомъ *ж*, и допустимъ метатезисъ, перестановку буквъ, употребительную при переходѣ словъ изъ одного нарѣчiя въ другое и даже при словопроизводствѣ въ одномъ и томъ же нарѣчiи, то получимъ изъ фригiйскаго *Κοῤῥῆρη* или, можетъ быть, первобытнаго *Κοῤῥῆρα*—нашу Янг-баба или Бабу-Ягу, косяную ногу. Съ быстротою бури она носится въ своей колесницѣ, въ своей ступѣ, погоняя пестомъ, заматая свои слѣды помеломъ или метлою. *Κοῤῥος*, посуда, напоминаетъ выдолбленную ступу, съ которою имѣли нѣкоторое сходство древнiя колесницы; *κῆρα*, кубическое сѣдалище—печку, на которой сидитъ богиня въ своей избушкѣ на грифонахъ или гарпiяхъ, *ἄρτοισι*, въ своемъ храмѣ или божицѣ. Въ ея пестѣ узняемъ ручную булаву, которую держатъ Ассирiйскiе цари и божества; въ ея помелѣ или метлѣ тотъ прохладящiй вѣеръ (фиг. 19), который указали выше въ рукахъ богини Салы на скалахъ Бавiана. Вся обстановка сказочной Бабы-яги изобличаетъ богиню великихъ мистерiй: она повинуется заклинанiямъ, оборачивается лицомъ, открывается еѣ призывающимъ, общается сокровища, изобилiе своимъ излюбленнымъ, пожираетъ ненавистныхъ и христiанъ (русскiй духъ), жретъ, приноситъ ихъ въ жертву, и въ особенности дѣтей. Ея культъ былъ весьма распространенъ, отъ границъ Индiи до Рима, отъ Персидскаго залива до Чернаго моря. Выше мы упомянули замѣчательныя скульптуры Богаз-Кеви, на южномъ берегу Чернаго моря, къ югу отъ Синопа, на берегу противоположномъ Крыму, прославленному, между прочимъ, кровожаднымъ культомъ Дианы Таврической. Скульптуры Богаз-Кеви срисованы и изданы г. Тексье въ его изданiи *Description de l'Asie Mineure*, въ 1859 г. (I v. pl. 78 sqq.); подлѣ ихъ изданы прекрасныя съ нихъ фотографiи. Въ узкомъ, уединенномъ, горномъ ущелии, здѣсь изображена на скалахъ таинственная свадьба, гiерогамiя, встрѣча Зевса или Кроноса, Белъ, съ Герою или Кибелю, Белтис. Великiй богъ, съ сѣкирою за поясомъ и булавою въ рукѣ, идетъ, упираясь ногами на плечи жрецовъ, за нимъ длинная процессiя жрецовъ и поклонниковъ, мужчинъ; ему на встрѣчу идетъ Кибела, по горнымъ вершинамъ, упираясь на льва, съ длинною процессiею женщинъ. Ея головной уборъ мы передаемъ въ рисунокѣ (фиг. 20), какъ любопытный образчикъ переходной формы отъ ассирiйской тиары къ городской коронѣ болѣе

поздней римской Кибелы. Въ процессіи за нею несутъ, между прочимъ, востаную ногу или двѣ востанныя ноги; французскій путешественникъ, который никакъ не могъ понять этого символа, полагаетъ, что онъ изображалъ корни мандрагора. Мандрагоры у Евреевъ назывались дуден, что означаетъ ласки любви, дуди—мой возлюбленный.

Культъ великой богини могъ легко перешагнуть Черное море, распространиться въ южныхъ степяхъ Россіи и упорно продержаться здѣсь даже послѣ крещенія Руси, едва ли не до нашихъ дней. Наши степныя каменныя бабы изображаются въ такомъ же положеніи, въ какомъ обыкновенно представляютъ Кибелу, сидящую на кубическомъ основаніи или на скругленной каменной ступѣ; головной уборъ степныхъ каменныхъ бабъ напоминаетъ головной уборъ ассирійскихъ царицъ, изображенный на барельефахъ Куниджика (фиг. 21), и глиняныхъ женскихъ идоловъ, найденныхъ, въ той же мѣстности; руки сложены у каменныхъ бабъ, какъ у многихъ идоловъ Ассиріи (напримѣръ, Небо, Thompson Brit. Mus. № 422). Тайнственные обряды, повторяемые въ наши дни сектою хлыстовъ, скауновъ и свопцовъ, поразительнымъ образомъ, напоминаютъ культъ Кибелы.

Какъ только мы узнали въ первыхъ двухъ божествахъ, на скульптурахъ Мальтаи, Кроноса и Рею, намъ слѣдуетъ искать въ слѣдующихъ за ними изображеніяхъ ихъ сыновей, составляющихъ основную триаду у Грековъ. И дѣйствительно, въ шестомъ изображеніи, по порядку послѣдовательности фигуръ, узнаемъ Зевса съ его перунами въ рукѣ. Онъ стоитъ на крылатомъ лвъѣ, по свѣдѣніямъ г. Лейарда (winged lion).

Передъ нимъ шествуетъ Посейдонъ, пятая фигура, начиная съ Кроноса; въ лѣвой рукѣ жезлъ и кольцо, правая поднята въ знакъ благословенія, стоитъ на конѣ. Мы припомнимъ по этому случаю споръ его съ Аѳинной: онъ произвелъ боеваго коня, Аѳина произрастил оливу мира.

Впереди идетъ Аидъ, четвертый въ шествіи, съ жезломъ, кольцомъ и рукою, поднятою въ знакъ милости или благословенія. Онъ стоитъ на зломъ, таинственномъ грифонѣ, символъ, который онъ раздѣляетъ съ Аполлономъ, золотымъ, небеснымъ царемъ огня и свѣта.

Позади всѣхъ, седьмая фигура стоитъ безбородая. Вѣроятно отсутствіе бороды составляетъ признакъ ея женственности; другихъ признаковъ для различенія половъ, ни въ одеждѣ, ни въ очертаніи тѣла,

въ ассирійскихъ скульптурахъ не обозначается. Если седьмая фигура дѣйствительно женское божество, то вѣроятно изображаетъ Иштару или Венеру, всего чаще встрѣчающуюся въ надписяхъ и скульптурахъ, вмѣстѣ съ богиней Белтисъ. Въ одной рукѣ у ней кольцо, другая поднята въ знакъ милости и благословія, она стоитъ на лѣвѣ безкрыломъ (without wings).

Остается неопредѣленною третья фигура послѣ Кроноса. Мы полагаемъ, она должна изображать Меркурія, спутника, глашатая боговъ, ихъ истолкователя. Въ такомъ смыслѣ весьма понятно его положеніе послѣ двухъ главныхъ, древнихъ божествъ, впереди всѣхъ прочихъ. Онъ предшествуетъ послѣднимъ, какъ ихъ вѣстникъ и глашатай, слѣдуя за двумя главными, какъ ихъ служитель. Въ его рукѣ жезлъ и кольцо, въ другой хартія или рогъ въ оправѣ; онъ стоитъ на крылатомъ бычѣ.

Если въ основаніе мы примемъ астральное значеніе всей группы, по сходству числа божествъ съ числомъ планетъ; то въ старшихъ двухъ божествахъ должны признать видимыя ихъ проявленія въ небесныхъ сферахъ: солнце и луну; Меркурій, (Гермесъ) ближайшій къ нимъ, удерживаетъ свое мѣсто; Аида замѣнить ему соответствующій Сатурнъ, Посейдона — Марсъ. Обои послѣднимъ былъ посвященъ конь, какъ символъ и какъ жертва. Остальныя два изображенія правильно обозначаютъ планеты Юпитера (Зевса) и Венеру.

Затѣмъ, сличая съ предыдущими нашими изслѣдованіями, не мудрено назвать и ихъ ассирійскія имена; данная группа изображаетъ: 1) Ассура или тождественнаго съ нимъ древняго Бел-Нипру; 2) богиню Белтисъ, Вилту-Нипрут; 3) бога Небо; 4) Адара или соответствующихъ ему же Бар, Ниниц, Нисрох; 5) Ниргала; 6) бога Бел-Мардук или Фул; и наконецъ 7) Итшар—Астарту.

Въ продолженіе нашего изслѣдованія мы упомянули еще о третьемъ, замѣчательномъ мраморномъ барельефѣ, найденномъ при раскопкахъ мѣстности, называемой Нимрудъ. На немъ изображена процессія идоловъ, которыхъ несутъ ассирійскіе воины съ помощью носилокъ, на своихъ плечахъ. Впереди несутъ идолъ, воссѣдающій на тронѣ или креслѣ; сѣдалище, я полагаю, составляетъ символъ его астральнаго, теллурическаго значенія или его верховной власти. Онъ ростомъ болѣе прочихъ, на головѣ тиара втораго образца, украшенная тремя парами роговъ. За нимъ несутъ другой идолъ, немного менѣе ростомъ, также сидячій, въ такой же одеждѣ, тиара украшена одною

парю роговъ. Лицо перваго божества обращено къ зрителю en face, лицо втораго изображено въ профиль. Положеніе лица en face въ ассирійской скульптурѣ встрѣчается рѣдко; поэтому, нельзя не приписать ему особаго символическаго значенія: оба идола изображаютъ верховныхъ небесныхъ правителей, свѣтило вѣчно круглое и свѣтило четвертное, солнце и луну ☉ ☾.

За ними несутъ идолъ весьма странной формы: на носилкахъ изображено кресло или тронъ того же вида, на какомъ воссѣдаетъ Бибела въ скульптурахъ Мальтаи; на кресло устроенъ шквпчикъ или божница, изъ которой едва показывается мистическое божество, сокрытое въ божницѣ. При такой обстановкѣ узнаемъ загадочную мать Аполлона и Діаны—Латону, у Грековъ называвшуюся Лето, Λητώ. Если ея имя производить отъ глагола λαβαῖν, λήθω, λανθάνω, fut. λήσω, быть сокрытымъ или сокровеннымъ, скрываться; то ея значеніе будетъ—богиня великихъ мистерій. Съ другой стороны, это сѣдалище выставляемое какъ главный признакъ, главный атрибутъ божества, имъ обозначаемаго, напоминаетъ намъ Бибелу; божница, на сѣдалище поставленная—ея избушка на курьихъ ножкахъ. Можетъ быть, Латона, какъ божество мистерій, была только частнымъ и мѣстнымъ проявленіемъ той же великой матери боговъ.

Четвертый идолъ, который несутъ, изображаетъ атмосферическое божество Фул или Вул, Волоха, Молоха, ассирійскаго Вулкана, съ его сѣкирою и перунами, съ головою непокрытою, украшенною четырьмя рогами.

Ассирійскія имена означенныхъ четырехъ идоловъ будутъ по всей вѣроятности: Шамась, Гула или Ануита, Валтисъ, Вулъ или Бел-меродахъ.

Я не считаю себя достаточно компетентнымъ въ славянской мифологіи, чтобы рѣшить, въ какой степени сродства находятся имена: Велесъ, Волосъ, Волохъ, Влахъ, и названіе животнаго—волъ, быкъ. Я полагаю, что Велесъ могъ бы соответствовать ассирійской формѣ Бел, Белосъ; а Волосъ—ассирійскому божеству Молохъ.

Мѣстность, въ которой вращались наши изслѣдованія, въ которой нѣкогда господствовали и властвовали эти божества рогатыя и хвостатыя¹⁾, окрестности Мосула, древней Ниневин, Бавіана, Мальтаи, и

¹⁾ Зооморфизмъ египетскихъ божествъ составляется изъ головы животнаго и тѣла чловѣка, слѣдовательно безъ хвоста; ассирійскій зооморфизмъ, на обо-

въ настоящее время составляютъ средоточіе весьма странной и таинственной секты, именуемой Гезиды, о которой мы уже упоминали, которая обоготворяетъ краснаго или чернаго пѣтуха и какое-то загадочное существо, называемое Шейхъ-Ада. Утверждаютъ, что адепты означенной секты поклоняются чорту, злomu духу, котораго считаютъ временно павшимъ и въ будущемъ предназначеннымъ снова къ господству и власти. Можетъ быть, въ обрядахъ этой секты сохранились послѣдніе слѣды религіи Ассиріянъ.

Въ заключеніе, мы воспроизводимъ въ нашемъ рисункѣ оригинальную фигуру Молоха (фиг. 22), изображенную на послѣднемъ, описанномъ нами рельефѣ.

Списокъ прилагаемыхъ рисунковъ, съ показаніемъ, откуда заимствованы.

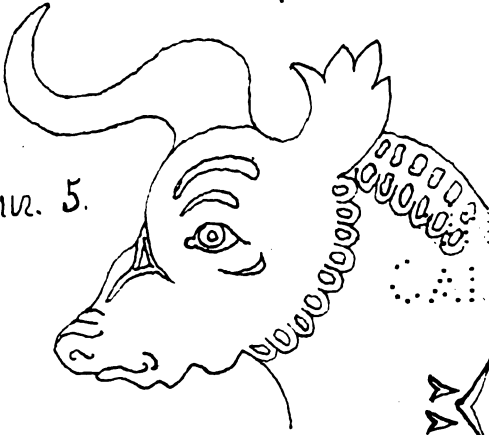
1. Символы Бавіана. *Layard, Niniveh and Babylon. 1853 г., I, 212.*
2. Головные уборы: шлемъ крылатаго генія, съ мраморнаго рельефа. *Layard, The Monuments of Niniveh, 1853 г. pl. 5.*
3. Шлемъ сфинкса, humanheaded lion, съ рельефа въ Брит. музеѣ, фотографія *Thompson, № 451.*
4. Тиара сфинкса, humanheaded bull, найденнаго въ Куюнджикѣ. *Layard, l. c. 2-d ser. pl. 3.*
5. Рогъ буйвола, съ изразцовой картины Хорсабада. *Place, Ninive et l'Assyrie, 1866 г., III, pl. 30.*
6. Тиара персидскихъ царей, съ рельефовъ Персеполя. *Voyage en Perse, Flandin et Coste, v. III, pl. 34.*
7. Тиара ассирійскихъ царей. *Layard, l. c., v. s. I, pl. 34.*
8. Ассирійская звѣзда. *Layard, l. c. 2-d ser. pl. 4.*
9. Крылатый дискъ. *Layard, l. c. 2-d ser. pl. 4.*
10. Ассуръ, съ рис. Лайярда. *Rawlinson, The five Great Monarch. II, p. 232.*
11. Тоже, съ печати Сеннахериба. *Rawlinson, l. c. II, p. 233.*

ротъ, изъ верхней части человѣческаго тѣла и туловища животнаго съ хвостомъ, на подобіе греческихъ кентавровъ или сатировъ; причемъ хвостъ, пушистый, гладкій или загнутый крючкомъ, какъ у собаки, имѣетъ важное значеніе, для опредѣленія породы звѣря. Въ египетской пластикѣ этотъ отличительный признакъ ассирійскаго культа весьма удачно обозначенъ въ азійскомъ божествѣ Тенонѣ, представляемомъ въ уродливомъ видѣ и также съ хвостомъ или съ длиннымъ «галлосомъ» между ногъ. Прослѣженіе означеннаго атрибута объясняется отчасти и полсомъ, которымъ подпоясаны вообще всѣ фигуры въ ассирійской скульптурѣ, цари, божества и даже сфинксы, и котораго концы съ кистями висятъ у нихъ съ боку, ниже колѣнъ, или между ногъ.

12. Тоже, съ рельефа въ Брит. музеѣ. Фотографіи *Thompson*.
13. Кадуцей Меркурія. *Bellori*, Sepulcr de' Nasoni, VIII; *Millin*, Myth. Galerie, нѣмецкій перев. 1848 г. № 343.
14. Кадузей архангелской формы. *Millin*, I. с. № 30.
15. Сѣкира Анда. *Millin*, I. с. № 37.
16. Трезубецъ Посейдона. *Millin*, I. с. № 37.
17. Перуны. *Rawlinsон*, The five great Monarch. I, p. 164.
18. Тоже съ рельефа, найденнаго въ Nimrud. *Layard*, I, с. 2-d ser. pl. 5.
19. Вѣеръ. *Layard*, I. с. 2-d ser. pl. 51.
20. Тиара женская на скульптурахъ Богазъ-Кеви. *Texier*, Descript. de l'Asie Min. 1839 г., I, pl. 78.
21. Женскій головной уборъ, съ рельефовъ Куюнджика. *Thompson*, Brit. Mus. фотогр. № 522 в и с.
22. Молохъ, съ рельефа, найденнаго въ Нимрудѣ. *Layard*, The Mon. of Nin. pl. 65.

В. III.

фиг. 5.

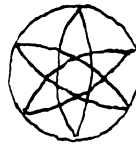

фиг. 5, а.

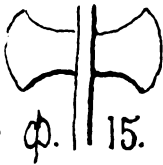
Khshâyathiya.

фиг. 7.

фиг. 8.

14. ф. 15.

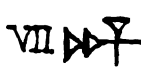

ф. 16.

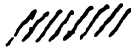
БАВІАНА, S1.

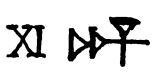

UNIV. OF
TORONTO

VII

 VIII

IX

X

XI

XII

XIII

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА ¹⁾.

(Отрывокъ изъ II-го тома „Русской Исторіи“).

Ливонская война царя Іоанна Васильевича является для внимательнаго и безпристрастнаго взгляда однимъ изъ необходимѣйшихъ эпизодовъ въ жизни Московскаго государства ¹⁾. Неудачный исходъ ея

¹⁾ Главные источники для исторіи Ливонской войны: Русскія летописи: Никоновская, VII, Львовская, V, *Нормантскаго (Временникъ Общества исторіи и древн. рос. при Имп. Моск. университетѣ)*, V); Курбскій; Разрядныя книги (въ *Видлюици*, издавн. *Новиковымъ*, XIII, и «Сибирскомъ сборникѣ»).—Иностранцы: *Гьеръ* («*Mon. Liv. ant.*», I); *Ниемтведтъ* (тамъ же, II); *Гребенгаль* (тамъ же, V); *Руссовъ* («*Script. rerum Livon.*», II, русскій переводъ въ «Сборникѣ мат. и статей по исторіи Прибалтійскаго края», II); *Геннингъ* (тамъ же); *Бриденбахъ* и *Ольмень* (у *Старческаго*, I), *Реммеръ*: «*Livländische Historien*», Göt. 1876, и др.—Сборники актовъ, въ особенности *Ширрена*: «*Quellen zur Geschichte des Unterg. Livländisch-Selbständigkeit*», 7 Bd. («*Archiv für die Geschichte Liv-Est- und Curland. Neue Folge*») и *Бинеманна*: «*Briefe und Urkunden zur Geschichte Livland's in den Jahren 1558—1562*». 6 Bd. Riga 1865—1879.—Пособія: исторіи русскія и ливонскія; *Н. И. Костомарова*: «*Ливонская война*» («*Ист. Моногр.*», III). Не знаю, многіе ли изъ историковъ могутъ согласиться съ основнымъ воззрѣніемъ, высказаннымъ въ началѣ этой статьи: «Успѣхъ распространенія Московскаго государства на Востокъ повлекъ московскую политику въ тѣхъ же видахъ на Западъ; примечка къ *расширенію Московской земли*, возникшая еще при Калитѣ, въ продолженіе двухъ вѣковъ счастливо удовлетворялась захватомъ сначала Русскихъ земель, а потомъ огромнаго пространства восточнаго материка. Каждая удача возбуждала надежды и новыя стремленія». Не гораздо ли вѣрнѣе смотреть остзейскій историкъ Рихтеръ: «*Der Drang nach Civilisation und nach Verkehr mit Westeuropa, der sich schon damals in Russland regte, erlaubte*

не долженъ закрывать отъ насъ всего ея значенія, какъ попытки въ свое время и примѣра для временъ послѣдующихъ. Пока Московское государство слагалось въ борьбѣ съ остальными княжествами Руси Восточной, пока оно отбивалось отъ Татаръ и Литвы, еще самостоятельной, тогда ему не нужно было много средствъ: оно могло довольствоваться тѣмъ, что имѣло. Но когда сложилось большое государство, — задачи его расширились, оно почувствовало необходимость большихъ средствъ, необходимость и лучшей защиты, и лучшей виѣшней обстановки, большаго матеріальнаго благосостоянія; потребность во всемъ этомъ является всегда за удовлетвореніемъ первыхъ нуждъ. Сложившееся государство почувствовало необходимость поддерживать свое существованіе, развиваться дальше, сознало, что въ то время, пока оно озабочено было самыми первоначальными требованиями бытія, другіе болѣе счастливые народы успѣли обставить себя гораздо лучшими условіями. Пробыть себѣ дорогу въ такому же положенію, стать на ряду съ этими счастливыми народами сдѣлалось задачей Московскаго государства. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ начинаетъ вызывать изъ-за моря художниковъ и техниковъ; то же продолжаютъ его преемники. Овладевъ Новгородомъ, Московское государство приняло въ свои руки устройство западной торговли, которая дотогѣ шла черезъ Новгородъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдовало и политическія отношенія Новгорода съ странами прибалтійскими — Ливоніей и Швеціей. Извѣстно, что Московское государство закрыло въ Новгородѣ Нѣмецкій дворъ. Не разъ случалось каждому читать, что это закрытіе было гибельно: говорящіе такимъ образомъ не вникли въ то, что Ганза, стараясь извлекать изъ странъ, съ которыми была въ сношеніяхъ, всю пользу для себя, держала всегда въ черномъ тѣлѣ мѣстное купечество; они забыли, что борьба съ Ганзою была весьма выдающимся явленіемъ въ исторіи всѣхъ сѣверныхъ государствъ, и что закрытіе ганзейскихъ дво-

---

seiner Regierung nicht, die Gelegenheit zu Erwerbungen an der Ostsee unbenutzt vorübergehen zu lassen» (Gesch. der Ostseeprovinzen, II, 324)? Однѣ изъ англійскихъ историковъ, обсуждая первыя сношенія Россіи съ Англіей, говоритъ: «У царя, не смотря на грубые нравы и привычки, былъ здравый смыслъ и любознательность. Онъ начерталъ обширные планы для усовершенствованія своей страны и мигомъ попалъ въ выгоды, которыя могутъ провайдти изъ морскихъ сношеній» (*Miss Adams*, «*Elizabeth, ihr Hof und ihre Zeit.*», 1819, I, 354. Цитую нѣмецкій переводъ, который у меня въ рукахъ). Такъ судить умные иностранцы!

ровъ совершилось не въ одной Россіи ¹⁾. Но русскимъ купцамъ стало отъ того не легче: торговля перешла въ ливонскіе города—Ригу, Нарву. Ливонцы, съ своей стороны, старались извлекать изъ этой торговли какъ можно болѣе выгоду, обставляя ее для другихъ самыми стѣснительными условіями: иностранцамъ, особенно Голландцамъ, запрещено было учиться по русски и торговать прямо съ Русскими; запрещено былъ ввозъ серебра въ Россію, запрещена была торговля съ Русскими въ кредитъ и т. п. ²⁾. Въ 1547 году царь поручилъ Саксонцу Шлитте набрать въ Германіи художниковъ и мастеровъ, которые могли бы быть полезны для Россіи ³⁾. Набранные съ позволенія Карла V люди прибыли уже въ Любекъ, но по представленію Ливоніи объ опасности для нея отъ знакомства Русскихъ съ искусствами были задержаны въ Любекѣ подъ предлогомъ долговъ; отпущенный черезъ два года Шлитте былъ задержанъ въ Ливоніи, которой удалось на этотъ разъ выхлопотать указъ отъ цезаря о непропусканіи въ Москву подобныхъ людей ⁴⁾; одинъ изъ набранныхъ такимъ образомъ, по имени Ганцъ, хотѣлъ было пробраться въ Россію, но былъ остановленъ и казненъ ⁵⁾. Русской торговлѣ, которой всѣми средствами хотѣли мѣшать сосѣди, открылся неожиданно въ 1553 году новый выходъ: англійскіе купцы, видя, что новыя пути, открываемыя Испанцами и Португальцами, передаютъ въ ихъ руки мировую торговлю, задумали также найти путь, который далъ бы и ихъ торговлѣ самостоятельное и важное значеніе; открытіе Сѣверной Америки (1497 г.), сдѣланное англійскимъ мореплавателемъ Себастьяномъ Каботомъ ⁶⁾, было

¹⁾ Вспомнимъ хотя Англію, гдѣ при Эдвардѣ VI уничтожена привилегія Ганзейцевъ (*Hume*, «Hist. of Engl.», ch. XXXV, § 10). Мнѣніе *Ризенкампа* о вредѣ для Новгорода вѣмецкой торговли было приведено нами въ I-мъ томѣ «Русской Исторіи», 351.

²⁾ *Richter's* «Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen» II, 422; «Das Buch der Altermäner gross. Gilde in Riga», 45 (*Mon. Liv. ant.*, IV). Въ 1532 г. цезарь запретилъ Ганзейскимъ городамъ торговлю съ врагами Ливоніи (Русскими), *Richter*, II, 294.

³⁾ Набрано всѣхъ 123 человека, большею частью ремесленниковъ, но въ томъ числѣ четыре богослова, четыре медика, два юриста (*Ларамзинъ*, VIII, пр. 206). Въ Ригѣ желали эту попытку сдѣлать основой для переговоровъ о соединеніи церквей (*Hist. Russ. Mon.*, I, СХХХ, СХХХІ, СХХХІІ, СХХХІІІ).

⁴⁾ *Грефенталь*, 115 (*Mon. Liv.*, V).

⁵⁾ Тамъ же. Кромѣ указаннаго, по дѣлу Шлитте см. *Гемминъ*, 213 (*Script. regum. Liv.*, II); *Гернъ*, 202 (*Mon. Liv.*, I).

⁶⁾ См. о немъ у *Гамеля*: «Англичане въ Россіи», I, 3.

далеко не такъ выгодно, какъ испанскія владѣнія въ Америкѣ и остьиндскій путь Португальцевъ; Каботъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, задумалъ найти черезъ сѣверъ путь въ Китай. Планъ этотъ былъ переданъ обществу лондонскихъ купцовъ, ведущихъ заграничную торговлю (merchant adventurers), слѣдствиемъ чего было составленіе новой компаніи для открытія неизвѣстныхъ земель (for the discovery of unknown lands) ¹⁾. Общество это снарядило два корабля, поручивъ ихъ адмиралу Вилогби и главному кормчему Ричарду Ченслеру. Въ маѣ 1553 года корабли эти, снабженные грамотой Эдварда VI къ государямъ сѣвернымъ и восточнымъ, вышли изъ Темзы ²⁾. Въ августѣ Ченслеръ, отбитый бурей отъ Вилогби, въ 1554 году погибшаго со всѣмъ экипажемъ у Вардегуза, прибылъ въ устье Двины; послѣ сношенія съ холмогорскимъ начальствомъ былъ онъ отправленъ въ Москву ³⁾. Ченслеръ, милостиво принятый царемъ, былъ отпущенъ на родину въ февралѣ 1554 года, съ царскою грамотою къ королю Эдварду (тогда уже умершему), въ которой говорилось: „Повелѣли мы, чтобы присылаемые тобою суда и корабли приходили когда и какъ часто могутъ съ благонадежностью, что имъ не будетъ учинено зло“ ⁴⁾, и съ приглашеніемъ присылать пословъ для переговоровъ о торговлѣ. Въ 1555 году Ченслеръ снова явился въ Москвѣ посланникомъ отъ новыхъ государей Англій Филиппа и Маріи ⁵⁾. Тогда дана была Англичанамъ привилегія, которою дозволено имъ торговать въ Москвѣ и другихъ городахъ безъ пошлины и безпрепятственно отъ другихъ народовъ, имѣть свои дома и т. д. ⁶⁾; когда въ 1557 году русскій посланникъ Осипъ Непѣя пріѣхалъ въ Лондонъ, то даны были и русскимъ купцамъ подобныя же права въ Англій ⁷⁾. Примѣръ Англи-

¹⁾ Тамъ же; Адамъ, I (у *Старческаго*, I).

²⁾ Грамота у *Ю. В. Толстого*: «Россія и Англія», № 1, а также у *Гамелта*.

³⁾ О Ченслерѣ Двинскій лѣтоп., II (*Виел.*, XVIII); о смерти Вилогби тамъ же, 12, 13; см. также *Гамелл*.

⁴⁾ Переводъ *Ю. В. Толстого* («Россія и Англія», № 2—подлинникъ не найденъ, см. *Гамелл*, I, 27).

⁵⁾ «Россія и Англія», № 3.

⁶⁾ *Гамелл*, II, 253—255; тамъ же опроверженіе подлинности грамоты, напечатанной у *Гамелта*.

⁷⁾ «Россія и Англія», № 4. Съ Непѣей отпущены были въ Россію равныя мастера: «отпустилъ съ Непѣею мастеровъ многихъ, дохтуровъ и влату и серебру искателей и дѣлателей, иныхъ многихъ мастеровъ». *Ник. л.*, VII, 292; *Льв. л.*, V, 186.

чанъ побудилъ и Голландцевъ явиться въ Двинское устье, гдѣ они и торговали по 1587 годъ ¹⁾. Такъ завязывались у Россіи сношенія съ другими народами помимо ближайшихъ сосѣдей, которые, однако, тоже не теряли времени, чтобъ остановить эти сношенія и запретить Россію. Прежде всего пришлось столкнуться съ королемъ Шведскимъ Густавомъ Вазою. Предлогомъ войны, начавшейся въ 1554 году, были пограничныя ссоры и недовольство Густава на то, что переговоры съ нимъ ведутся не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ. Война ограничилась временными опустошеніями порубежныхъ мѣстъ. Когда Густавъ, потерявъ надежду на своихъ союзниковъ Польшу и Ливонію, сталъ искать мира, то миръ былъ заключенъ на томъ основаніи, чтобы впредь сношенія велись съ Новгородомъ, и чтобъ установлена была временная безпрепятственная торговля, потому что „гости и купцы отчинъ великаго государя изъ многихъ народовъ говорятъ, чтобы имъ въ торговыхъ дѣлахъ была воля“ ²⁾. Договоръ заключенъ въ 1557 году, а въ 1556 году Густавъ пробовалъ было уговорить Англію не торговать съ Россіей; но королева Марія отвѣчала, что торговать своимъ подданнымъ запретить не можетъ, но будетъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы не возили въ Россію военныхъ запасовъ ³⁾.

Важнѣе, чѣмъ война со Швеціей, была война съ Ливонскимъ орденомъ, исконнымъ врагомъ Россіи на Балтійскомъ побережьи, наиболѣе старавшимся, какъ мы уже видѣли, препятствовать сношеніямъ нашимъ съ Западною Европою ⁴⁾. Конечно, самъ по себѣ орденъ былъ

¹⁾ Двинскій лѣтоп., 13.

²⁾ *Соловьевъ*, VI, 137. Любопытно, что когда Шведскій король высказывалъ, что сношенія съ новгородскими намістниками для него неприличны, въ Москвѣ отвѣчали: «А про государя вашего въ расудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, которого онъ роду, и какъ животною торговалъ и въ Свейскую землю пріехалъ». *Карамзинъ*, VIII, прил. 459. Сношенія царя съ королемъ Польскимъ Сигизмундомъ-Августомъ по вопросу о посредничествѣ въ Литовск. Метр., I, 79, 80. Въ отвѣтъ царя замѣчательно указаніе на «Августа Цезаря», какъ своего прародителя, едва ли не первое по времени. Любопытно замѣчаніе ливонскаго историка Герна (XVII в.) о томъ, что магистръ, поощряя Густава на войну съ Россіей, ималъ въ виду только: «diese beyde Potentaten an einander zu hetzen, damit der Moscowiter unterdessen Lyfland vergessen und sie in guten F'riede lassen möge» (*Mon. Liv. ant.*, I, 206).

³⁾ *Далина*: «Исторія Шведскаго государства», ч. III, т. I, кн. 1, 593—595. Ливонія тоже была перепугана начавшеюся торговлею Россіи съ Англіей: изъ Риги спрашивали у Любека совѣта, какъ помѣшать этой торговлѣ. *Гильдебрандтъ*, «Розысканія въ архивахъ», 87 (*Зап. Ак. Наукъ*, XXIX).

⁴⁾ Въ 1551 году ливонскій посолъ говорилъ цезарю, указывая на опасность

слабъ; но и слабость эта могла быть страшна для московскаго правительства, потому что, какъ было уже ясно, существованіе ордена продолжаться не могло: ему приходилось или обратиться въ свѣтское владѣніе, подобно ордену Прусскому, съ которымъ онъ былъ соединенъ, и отъ котораго недавно отдѣлился, или подпасть власти сосѣднихъ государствъ—Польши, Швеціи, Даніи. Ливонія представляла собою миниатюрное повтореніе имперіи безъ объединяющей власти цезаря, которая хотя болѣе имѣла силу въ теоріи, но иногда имѣла ее и на практикѣ. Верховная власть цезаря надъ Ливоніей была почти что только номинальная; власть папы надъ епископами давала лишь поводъ къ постояннымъ препирательствамъ въ Римѣ между орденомъ и архіепископомъ. Въ Ливоніи рядомъ существовали области духовныхъ князей [архіепископа, епископовъ Дерптскаго, Эзельскаго, Курляндскаго и Ревельскаго] и область ордена, не имѣвшая своихъ опредѣленныхъ границъ и разсыпанная по областямъ духовныхъ князей. Епископы не зависѣли отъ архіепископа; и орденъ, подчиняясь въ началѣ архіепископу, вступилъ съ нимъ въ борьбу и приобрѣлъ надъ нимъ первенство. Такая разрозненность интересовъ между властями дѣлала Ливонію достаточно слабою передъ лицомъ сильнаго врага. Стремленіе городовъ, въ особенности Риги, выйдти изъ-подъ власти князей было новымъ элементомъ слабости для Ливоніи; самымъ постояннымъ и существеннымъ элементомъ слабости было отношеніе высшихъ сословій—нѣмецкихъ колонистовъ къ низшему—Латышамъ и Финнамъ. Значеніе этого антагонизма сильно сказалось многими возстаніями крестьянъ во время войны русско-ливонской. Средствомъ объединенія разрозненныхъ элементовъ, господствовавшихъ въ землѣ Ливонской, былъ съ XV вѣка сеймъ [Landtag], въ которомъ принимали участіе князья духовные—главные сановники ордена—уполномоченные рыцарей-вассаловъ ордена и духовныхъ властей [у тѣхъ и другихъ были свои вассалы, въ сущности составляющіе мѣстное рыцарство] и депутаты городовъ. Сеймы эти по различію элементовъ, въ нихъ

отъ Россіи для всѣхъ сосѣдей и для имперіи: «der itzige Moscobiter ist ein junger Man und deswegen zum Kriege und Pluetevergiessen desto hitziger... Und hangt dieser Beschwerung weiter an das unter dem Schein der Handtwercks-Leute, Kriegs- und Dienstvolks, allerley verdampfte Secten und Rotten als Sakramentirer, Widdertheufer und dergleichen, die nirgent sicher zu hausen wissen, sich dahin in grosser Anzahl wurden begeben, daselbst der Moscobiter wüste Religion gar verwuesten und gemeiner Christenheit pluettige Tragedien, wie derselben Art und Gebrauch ist, anrichten». *Карамзинъ*, VIII, прил. 479 (изъ Кенигсбергскаго архива).

входившихъ, и по допущенному на нихъ рѣшенію по единогласію часто не достигали единенія. Шли тогда жалобы къ цезарю и какъ *surge-matio*, междоусобная война ¹⁾). Появленіе реформаціи было важною эпохою въ жизни Ливоніи: она оторвала ее отъ Пруссіи, которая теперь обратилась въ свѣтское владѣніе, и такимъ образомъ Ливонскій орденъ сдѣлался вполнѣ самостоятельнымъ. Во главѣ его стоялъ тогда знаменитый Плеттенбергъ. Къ реформаціи онъ отнесся нѣсколько сдержанно и старался примирить обѣ стороны, что ему удавалось мало, и вслѣдствіе сего, хотя Рига признала его своимъ единственнымъ повелителемъ, хотя на съѣздѣ въ Вольмарѣ (1526 г.) всѣ духовные владѣтели съ своими капитулами и рыцарями подчинились ему, но все-таки архіепископу удалось, наконецъ, подѣлить съ магистромъ власть надъ Ригію. Быть можетъ, на дѣйствія Плеттенберга имѣло вліяніе и то, какъ цезарь сталъ къ протестантизму, и въ особенности — крестьянскія войны и анабаптистское движеніе ²⁾). По смерти Плеттенберга (1535 г.), реформаціонное движеніе продолжало расти въ Ливоніи: Рига пристала къ Шмалькальденскому союзу; на сеймѣ въ Вольмарѣ (1555 г.) опредѣлено, чтобы „впредь до общаго собора каждый свободно и безпрепятственно оставался при своемъ вѣроисповѣданіи“ ³⁾). Архіепископъ, ища себѣ опоры внѣ страны, избралъ своимъ коадьюторомъ Христофора, герцога Мекленбургскаго, родственника Польскаго короля. Это вызвало противодѣйствіе ордена и вооруженное вмѣшательство на защиту архіепископа короля Польскаго и герцога Бранденбургскаго. Орденъ, отвыкшій отъ войны и изнѣженный въ своихъ нравахъ ⁴⁾), не могъ оказать сопротивленія Польскому королю, уже вступившему въ Курляндію, и у мѣстечка

¹⁾ Лучшее изложеніе устройства Ливоніи сдѣлано Бунге въ сочиненіи «Geschichtliche Entwicklung der Standerverhältnisse in den Ostseegouvernements»; см. «Введ. къ первой части свода мѣстн. узаконеній губери. Остзейскихъ». С.-Пб. 1845 г. Депутаты городовъ нерѣдко съѣзжались въ особые сеймы городовъ (Städtetage), гдѣ совѣщались о своихъ отношеніяхъ къ Ганзѣ, о торговлѣ русской и т. п.; рѣшенія ихъ постоянно принимались во вниманіе земскими сеймами.

²⁾ Н. А. Ивановъ, «Прогр. русск. ист.», 229, Дерптъ, 1869.

³⁾ Рихтеръ, II, 304.

⁴⁾ Руссовъ, 38—46 (Script. rerum Liv., II); Бинеманъ, стараясь ограничить показанія Руссова, тѣмъ не менѣе все-таки признаетъ ихъ силу («Aus baltischer Vorzeit», 107, Leipzig. 1870). Развратъ Ливонцевъ засвидѣтельствованъ и Курбскимъ (55).

Позволя (близъ Бауска) новый магистръ Фюрстенбергъ (съ 1557 г.) заключилъ съ нимъ миръ (сентября 5-го). Вслѣдъ затѣмъ Литва и орденъ вошли въ наступательный и оборонительный союзъ противъ Россіи (сентября 14-го) ¹⁾.

Въ виду слабости ордена, въ виду возможности укрѣпиться на балтійскомъ берегу одному изъ сосѣднихъ государствъ, въ виду настоятельной необходимости войти въ прямыя торговныя сношенія съ Западомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпить и охранить свои границы, Московское государство должно было начать Ливонскую войну. Въ поводахъ къ ней недостатка не было: очевидная враждебность ордена и нарушение существующихъ договоровъ служили самымъ лучшимъ поводомъ. Такъ, въ договорѣ 1463 г. между Псковомъ и Дерптскимъ епископомъ встрѣчается упоминаніе о дани, которую, по старому обычаю, епископъ долженъ былъ платить великому князю; тамъ же постановлено, что епископъ и горожане должны оберегать Русскій конецъ и святыя церкви ²⁾. Въ договорѣ съ Плеттенбергомъ (1503 г.) условіе о дани было подтверждено, но не исполнялось въ теченіе пятидесяти лѣтъ ³⁾. Вопросъ объ этой дани не подымался до 1554 г., когда въ Москву прибыли ливонскіе рыцари ходатайствовать о продолженіи перемирія. Переговоры велись Ал. Адашевымъ. Епископъ согласился заплатить въ три года недоимку юрьевской (дерптской) дани за пятьдесятъ лѣтъ по гривнѣ [=марка] нѣмецкой съ человѣка, вся Ливонія должна за него ручаться и въ случаѣ неплатежа заставить платить,

¹⁾ Трактатъ у Дюеля: «Codex diplomaticum», V, № 126.

²⁾ «Тогда же и о пошлинѣ великихъ князей что въ Юрьевѣ, а то пскову великому князю давати по старинѣ; а что русскій конецъ и святыя церкви, и то имъ держать по старинѣ и по старымъ грамотамъ, а не обидѣть». Пск. I л. (П. С. Р. Д., IV, 225). Ливонскіе историки, признавъ существованіе этой дани, даютъ различныя объясненія ея происхожденію: одни (*Hienstedtz*, 40, въ «Mon. Liv. ant.», II) говорятъ, что дань платили когда-то пограничные крестьяне за борты, бывшія у нихъ за русскою границею; другіе (*Tierns*, 211, въ «Mon. Liv. ant.», I) свидѣтельствуютъ, что Дерптъ ежегодно платилъ въ некоторую сумму церкви св. Троицы за лѣсъ, ей принадлежащій, или въ силу какого-то обѣта. См. *Hermann's* «Gesch. des russ. St.-tes», III, 148, п. 389; слѣдственно, утверженіе Кеттлера въ письмѣ къ Бухау: *nemo hominum inventus est, qui ullo tempore Mosco eius modi tributum persolutum fuisse, vel meminisset, vel ubiunde intellexisset.* (Script. rerum Liv., II, 700) нельзя считать вѣрнымъ.

³⁾ Подлинный договоръ, заключенный въ Москвѣ, утратился; известны только его условія (*Жарамзинъ*, VI, прим. 551; *Рихтеръ*, II, 238). Сохранился договоръ, заключенный съ Псковомъ («Русско-Лив. Акты», 299).

очистить русскія церкви (разграбленныя протестантами), не стѣснять русской торговли, не помогать Польшѣ ¹⁾). Вѣсть объ этомъ договорѣ взволновала Ливонію: архіепископъ соввалъ въ Лемзалѣ сеймъ толковать о требуемой царемъ дани ²⁾; рѣшеніе сейма неизвѣстно; но за утвержденіемъ трактата царь прислалъ къ магистру посла своего келаря Терпигорева ³⁾. Нѣмцы долго совѣтовались, колебались утвердить договоръ, но наконецъ, прибѣгнувъ къ хитрой уловкѣ, внушенной канцлеромъ епископа Дерптскаго, рѣшились подписать и пріятномъ обратиться съ протестомъ къ цезарю. „Какое дѣло государю моему“, сказалъ на это заявленіе Терпигоревъ, — „до кесаря; дали мнѣ грамоту; не будете платить дани государю моему — самъ собереть“ ⁴⁾. Три года, данные для уплаты дани, прошли; Ливонія въ это время не поддержала Шведовъ, которые и заключили миръ съ Россіей, и съ своей стороны, вызвали грозу польскаго нашествія, показавшаго, какъ слабъ былъ орденъ. Еще не заключивъ договора съ королемъ Польскимъ (въ февралѣ 1557 года), Ливонія отправила въ Москву посольство попытаться, нельзя ли отдѣлаться отъ дани; посольство это не видѣло государя и отпущено съ увѣреніемъ, что если дань не будетъ заплачена, „государю положи упованіе на Бога своего самому искати на магистри и на всей Ливонской земли“ ⁵⁾. Царь запретилъ тогда русскимъ купцамъ ѣздить въ Ливонію и послалъ князя Д. С. Шастунова строить городъ на Наровѣ ниже Ивангорода ⁶⁾.

¹⁾ О переговорахъ Льв. л., V, 36 — 38, Ник. л., VII, 215; *Руссоъ*, 47, 48; *Никитедта*, 43; *Рейнеръ*, 142, договоръ въ «Мон. Liv. ant.», V, 508. Договоръ заключенъ на 15 гѣтъ (vr vifftien Jar). Этимъ доказывается вѣрность показанія Никоновской лѣтописи, подвергнутая сомнѣнію С. М. Соловьевымъ (VI, пр. 53), на основаніи показанія *Никитедта*.

²⁾ Мон. Liv. ant., V, № 185. Сношенія Дерпта съ Ревелемъ по вопросу о перемиріи хранятся въ Ревельскомъ архивѣ. *Гильдебрандтъ*, «Отч. о розыск.», 87 (*Зап. Ак. Н.*, XXIX). Инструкція ревельскимъ уполномоченнымъ на сеймъ (тамъ же).

³⁾ Пек. I л., (П. С. Р. Л., IV, 309), подъ 7061 (1553—54); по *Руссоу*, посольство относится къ 1556 г. (48); но въ началѣ 1555 г. магистръ сообщаетъ объ этомъ посольствѣ Ревелю и требуетъ очищенія русскія церкви (*Гильдебрандтъ*, «Отч. о розыск.», 87). Стало быть, посольство могло быть отправлено въ 1554 г.

⁴⁾ О переговорахъ см. *Руссова* (48, 49) и *Никитедта* (45 — 48). Копія протеста магистра въ Вѣнскомъ архивѣ Нѣмецкаго ордена (см. *Рейнеръ*, 143, пр. 2).

⁵⁾ Ник. л., VII, 282; Льв. л., V, 167, 168; *Руссоъ*, 51.

⁶⁾ Ник. л., VII, 283.

Испуганные Ливонцы снарядили новое посольство, которое просило уменьшенія дани; но царь желалъ, чтобы деньги были выплаченны; на этомъ и прервались переговоры¹⁾. Но пока велись переговоры, русская рать стояла уже на границахъ Ливоніи: въ Ливоніи знали, что царь много заботился о своемъ войскѣ, что произведенное, въ 1556 г., полное распредѣленіе помѣстій и организація помѣстной системы, а также окончательное устройство стрѣльцевъ²⁾ и увеличеніе числа служилыхъ Татаръ давали русскому войску новую силу³⁾; въ Ливоніи знали, что, крѣпкая своимъ подчиненіемъ одной волѣ, земля Русская должна сломить разрозненную, полную раздоровъ Ливонію, и могли только рассчитывать или на свою хитрость, или на вмѣшательство сосѣдей; но въ послѣднемъ случаѣ лучше было опереться на одного изъ нихъ: и тогда уже нѣкоторые указывали на Польшу, и къ Польшѣ склонился впоследствии Кеттлеръ. Въ январѣ 1558 года русскія войска подъ начальствомъ князя М. В. Глинскаго, брата царицы Данила Романовича и Шахъ-Али вошли въ Ливонію: вся страна на пространствѣ за 50 верстъ до Риги и за 30 до Ревеля была страшно опустошена; въ февралѣ рать вернулась на Русь⁴⁾. Уходя, воевода обратился къ магистру съ совѣтомъ: „бить челомъ государю, и царь (Шахъ-Али), и бояре, и царевичи стануть государю о нихъ печаловаться“⁵⁾. Созванъ былъ въ Вольмарѣ сеймъ обсуждать, что дѣлать Ливоніи, и было рѣшено, что въ виду слабости ливонской слѣдуетъ снова попробовать согласить царя на миръ⁶⁾.

¹⁾ Дневникъ пословъ у *Ширрена*, II, № 117, и продолженіе, найденное прежде, I, № 8.

²⁾ По вѣрному замѣчанію *Карамзина* (VIII, прим. 493), упоминаемые при Василіи Іоанновичѣ пицальники—тѣ же стрѣльцы (П. С. Р. Л., IV, 289).

³⁾ *Карамзинъ* указываетъ на то, что подъ Казанью было 150,000 человекъ, а въ концѣ царствованія Іоаннъ могъ собрать до 300,000 человекъ (П. С. Р. Л., IV, 319). Не слѣдуетъ, однако, забывать, что цѣна эта помѣщала какъ бы въ укоръ Іоанну за то, что не освободилъ Псковъ отъ осады. Свѣдѣнія о русскомъ войскѣ, въ особенности объ иностранныхъ инженерахъ и пушечныхъ мастерахъ въ 1558 г., у *Тіеполо* (Hist. Russ. mon., I, 170, 171).

⁴⁾ *В. В. Вельяминовъ-Зерновъ* въ біографіи Шахъ-Али представляетъ любопытный сводъ всѣхъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ русскихъ и нѣмецкихъ объ этомъ походѣ, разумно указывая на необходимую въ подобныхъ разказахъ долю преувеличенія («Ист. о Касим. царяхъ», I, 428—445). Охотникамъ обличать нашихъ предковъ напомнимъ ужасы Тридцатилѣтней войны.

⁵⁾ Ник. л., VII, 499; Льв. л., V, 208, 201; *Руссовъ*, 53.

⁶⁾ Акты, касающіеся, этого сейма, у *Бинемана*: «Briefe und Urkunden», I; Речьссъ сейма № 88.

Собрали кое-какъ деньги для взноса царю ¹⁾. Положеніе дѣлъ было самое грустное: шведскій капланъ въ Ревелѣ писалъ въ Стокгольмъ, что Ливонія приближается къ краю гибели, и стоитъ только прійти Шведскому королю или его сыну, чтобы всѣмъ завладѣть, ибо Польскій король не думаетъ помогать, а на военныхъ людей изъ Германіи надежда самая плохая: имъ неаккуратно платили жалованье; угнетенный Эстъ скорѣе покорится Русскому, чѣмъ Нѣмцу ²⁾. Отправили пословъ въ Москву ³⁾. Царь велѣлъ прекратить войну; но жители Нарвы продолжали стрѣлять по Ивангороду. Этимъ война возобновилась. Жители Нарвы, сознавая, что держаться не могутъ, послали въ Москву съ предложеніемъ подданства; въ Москвѣ приняли пословъ благосклонно; но, получивъ подкрѣпленіе, Нарва снова отказала въ покорности и 11-го мая взята была окончательно; царь велѣлъ освятить городъ, построить въ немъ церкви и не только обѣщалъ свою милость всѣмъ жителямъ, но велѣлъ возвратитъ плѣнныхъ нарвскихъ, гдѣ они отыщутся. Такъ пріобрѣтена была гавань на морѣ и явилась возможность самостоятельной торговли ⁴⁾. Посламъ, пріѣхавшимъ во время Нарвскаго дѣла, и между которыми былъ братъ магистра, отвѣчали, что магистру и епископамъ должно пріѣхать лично и бить царю челомъ, и онъ тогда ихъ помируетъ. Стало быть, требовалась полная покорность Ливоніи ⁵⁾. Покорности этой Іоаннъ рѣшилъ до-

¹⁾ Частью подпискою городовъ, частью займомъ, сдѣланнымъ магистромъ; см. *Бинеманна*, I, № 89; II, №№ 255, 270; *Ширренъ*, I, № 44, II, № 203; *Руссовъ*, 54; *Ніенштедтъ*, 49.

²⁾ *Ширренъ*, II, № 206 (ср. тамъ же, № 196).

³⁾ Гонцомъ былъ посланъ отъ Дерптскаго епископа Люстѣрь (Лыстаревъ Русскихъ автописей) съ тѣмъ, говорить *Реннеръ*, — чтобы онъ передалъ въ Москвѣ, что епископъ «sich und dat stift dem grothforsten, so ferne he by siner religion und privilegien mochte bliven, undewerpen wolde» («Livl. Hist.», 176). Впоследствии его судили (*Ширренъ*, II, № 282).

⁴⁾ Ник. л., VII, 302—308; Лѣв. л., V, 207—218; *Курбскій*, 55—58; разказъ рижскаго военнаго комиссара въ Нарвѣ («Mitth. aus der livl. Gesch.», IX); *Реннеръ*, 175—185, гдѣ и царская милостивая грамота; ея верхне-нѣмецкій переводъ у *Ширрена*, II, № 218 (дата ея—1-е мая, то-есть, она дана еще первымъ посломъ); грамота воеводы Басманова, обѣщающая царскую милость Нарвѣ, у *Бинеманна*, II, № 285. Заступникомъ за нарвскихъ заложниковъ явился Филиппъ II, *Бинеманнъ*, V, № 250. Значеніе взятія Нарвы превосходно оцѣнено *Е. Е. Замисловскимъ*: «Очеркъ снош. Россіи съ Англіей», 163 (*Др. и Нов. Россія* 1876, № 6). О Нарвѣ см. *Ганзена*: «Gesch. der Stadt Narva», Dorp., 1858.

⁵⁾ *Винетаннъ*: «Briefe», I, № 125. *Карамзинъ* (VIII, прим. 424), ссылаясь на *Гаклюйта* (I, 284, изд. 1809 г.), указываетъ, что уже въ 1554 г. Іоаннъ пи-

биться оружіемъ: нѣкоторые города и волости сдавались безъ сопротивленія; здѣсь оставались русскіе воеводы и строились русскія церкви ¹⁾; сильное сопротивленіе оказалъ Нейгаузенъ (Сиренскъ), обороняемый Георгіемъ Искулемъ, который сдался только тогда, когда его собственные солдаты грозили его повѣсить; ему позволили свободно выйти, а изъ гарнизона многіе перешли на сторону Русскихъ ²⁾. Магистръ, стоявшій съ 2,000 человекъ за болотами въ Киремпе ³⁾, считъ себя не безопаснымъ и ушелъ въ Валкъ, гдѣ Готгардъ Кеттлеръ, отличившійся во время опаснаго отступленія, избранъ былъ въ коадьюторы магистра; епископъ Дерптскій, тоже бывшій въ Киремпе, при отступленіи къ Дерпту былъ разбитъ Шеннымъ и Адашевымъ ⁴⁾. Нейгаузенъ еще не былъ взятъ, когда въ Дерптѣ чины ливонскіе вели между собою переговоры о томъ, у кого просить помощи; высказывались разныя мнѣнія. Посреди этихъ преній дерптскій бургомистръ Тилъ высказалъ самое разумное мнѣніе: онъ призывалъ своихъ соотечественниковъ къ пожертвованію имуществомъ, говорилъ о необходимости единенія, указывая на то, что откуда бы Ливонія не призвала себя защитника, защитникъ этотъ поработитъ ее; но „онъ проповѣдывалъ глухимъ“ ⁵⁾. Еще предъ тѣмъ чины послали просить помощи у цезаря, который отвѣчалъ указаніемъ на то, что они могутъ обратиться къ сосѣдямъ, ибо, не смотря на все его желаніе, „ему невозможно все христіанство на всѣхъ мѣстахъ даже отъ однихъ Турокъ защищать и охранять“ ⁶⁾. Результатомъ дерпт-

---

слся государемъ Ливонскія земли. Въ изданіи Ю. В. Толстого въ указанной грамотѣ титулъ сокращенъ («Россія и Англія», 7).

¹⁾ Ник. л., VII, 311; Льв. л., V, 225—227.

²⁾ *Рихтеръ*, II, 331; *Германъ*, III, 401.

³⁾ Дерптскаго уззда, близь отъ Нейгаузена.

⁴⁾ Льв. л., V, 233, 234.

⁵⁾ *Sed surdo canebatur fabula; Геннинъ*, 224.

⁶⁾ *Геннинъ*, 226, и повторяя его, *Гьеръ*, 216, называютъ Карла V; но онъ удался въ 1556 г. *Карамзинъ* говоритъ о Фердинандѣ (VIII, 171), *Рейманъ* въ интересной статьѣ: «Das verhalten des Reiches gegen Livland in den Jahren 1559 — 1561» (*Hist. Zeitschr.* 1876, II) тоже приписываетъ подобный отвѣтъ Фердинанду. Только въ 1557 г. цезарь писалъ къ царю съ просьбой о прекращеніи войны Ливонской («*Hist. Russ. Mon.*», I, № 137). По поводу просьбы Ливоніи о помощи, одинъ изъ курьерстовъ сказалъ: «Мы не желаемъ участвовать ни въ какой помощи: имперія и безъ того обременена», *Рейманъ*, 357. Письмо цезаря и отвѣтъ царя у гр. *Бутурлина*: «Бумаги Флорентинскаго архива», 56—61.

скихъ переговоровъ было начало разложенія Ливоніи: Эстляндія и Эвель обратились съ просьбой о принятіи ихъ подъ защиту къ королю Датскому, архіепископъ искалъ покровительства Польши, а магистръ— Швеціи¹⁾. Государства соеѣднія обѣщали свое посредничество, что въ слѣдующемъ 1559 году и было исполнено со стороны Польши, Швеціи и Даніи²⁾. Кеттлеръ послалъ отъ себя посла къ царю, прося унять войну; Иоаннъ отвѣчалъ ему: „похощетъ маистръ государева жалованья, и онъ бы самъ былъ бити челомъ, а по его челобитью посмотря государь его пожалуетъ“³⁾. Русскія войска между тѣмъ подходили къ Дерпту, гдѣ заперся епископъ съ гражданами и наемнымъ войскомъ, а дворянство по большей части разбѣжалось; Русскіе, подойдя 8-го іюля, начали осаду 11-го; до 18-го Нѣмцы защищались; но когда магистръ отказалъ имъ въ помощи, должны были сдаться⁴⁾. Дерптцы, составивъ очень выгодныя для себя условія,

¹⁾ Объ архіепископѣ «*Mon. Liv.*», V, № 191; обращеніе магистра къ Швеціи *Ширренъ*, II, №№ 268, 271; объ Эстляндіи *Ширренъ*, II, №№ 280, 299; *Бинеманнъ*, II, № 311; *Руссовъ*, 56; *Реннеръ*, 130—193.

²⁾ *Карамзинъ*, VIII, 176—178; *Ширренъ*, III, №№ 341, 375; *Лит. Метр.*, I, № 98. На основаніи документовъ Данцигскаго архива *Рейманнъ* говоритъ: «Die pommerschen Gesandten auf dem Reichsdeputationstage zu Speier (1560) erzählen in ihrem Berichte von dem Missverständnis zwischen den Ständen in Pollen und Littauen, wodurch alle Zusammenkünfte und Rathschläge «hinderstet und verblieben» wären» (347, пр. 2). Что касается городовъ Ганазейскихъ, то одинъ нѣмецкій историкъ замѣчаетъ вѣрно: «Man schien es in Lübeck und Hamburg so gar nicht ungern zu sehen, wenn Riga, Reval und andere Mitwerberinnen um den Handel in der Ostsee zu Grunde gerichtet würden» (*Rochau*, «Gesch. des Deutsch. Landes und Volks», II, 207). См. у *Бинеманна*, II, № 367, донесеніе изъ Любека 1559 г. февраля 18-го. Только Времянь помогъ, въ 1558 г., деньгами и оружіемъ Ревелю и черезъ два года Ригѣ (*Рихтеръ*, II, 332). Ливонскіе каперы на Балтійскомъ морѣ (*Ширренъ*, II, №№ 264, 275, *Реннеръ*, 190) вредили торговлѣ Ганзы съ Нарвою (*Рихтеръ*, II, 340).

³⁾ *Льв. л.*, V, 234, 235.

⁴⁾ Объ осадѣ Дерпта въ «*Mith. aus des livl. Gesch.*», I, показаніе фохта Крузе и епископа. Въ особенности любопытно у Крузе указаніе на «не нѣмецкое» населеніе города, которое было главною причиною неспокойствія защитниковъ. Другіе лѣтописцы указываютъ на раздоръ католиковъ съ протестантами (*Бриденбахъ*, 21, со стороны католиковъ; *Ніенштедтъ* со стороны протестантовъ); извѣстно (выше, пр. 40), что самъ епископъ былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ. Издатели *Реннера*, 196, пр. 1, считаютъ и Бриденбаха, и Ніенштедта лишенными критики; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ссора религіозная погубила Дерптъ, какъ и всю Ливонію. Съ русской стороны см. *Курбскаго*, I, 60; *Льв. л.*, V, 235.

предложили ихъ князю П. И. Шуйскому. По этимъ условіямъ, предварительно подписаннымъ Шуйскимъ, епископъ сохраняетъ власть надъ католическимъ духовенствомъ и живетъ близъ Дерпта; дворяне сохраняютъ свои земли; граждане остаются при своей новой вѣрѣ и сохраняютъ городское управленіе (съ апелляціей въ Ригу); торговля Русскихъ съ иностранцами ведется только черезъ дерптскихъ гражданъ; русскіе ратники не должны стоять по обывательскимъ домамъ. Шуйскій образъ дѣйствій котораго вообще чрезвычайно хвалитъ ливонскій лѣтописецъ, принялъ эти условія и занялъ городъ ¹⁾. 6-го сентября царь далъ жалованную грамоту Дерпту ²⁾, по которой аппеляція къ Ригѣ не допущена, а постановлена аппеляція къ воеводѣ и царю; освобожденіе гражданъ отъ постоя подвержено изъятію; Русскимъ дозволяется владѣть собственностью въ Дерптѣ, но и Дерптцамъ въ Россіи; торговать имъ можно безошлито только въ Новгородѣ, Псковѣ, Нарвѣ; съ смертною казнью соединена конфискація. Давая такія права, царь, очевидно, хотѣлъ оставить за собою Дерптъ, и поэтому скоро началось поселеніе въ Юрьевской землѣ дѣтей боярскихъ; епископъ и нѣкоторые граждане были перевезены въ Москву ³⁾. Взятіе Дерпта распространило ужасъ по всей Ливоніи: это былъ „лучшій и пріятнѣйшій городъ въ странѣ послѣ Риги и Ревеля“. Всѣ чины Ливоніи слагали вину другъ на друга: орденъ—на дворянство, дворянство—на орденъ, горожане—на дворянство, а крестьяне—на всѣхъ ⁴⁾. Города начали сдаваться: къ осени было завоевано до двадцати; Шуйскій обратился съ требованіемъ покорности къ Ревелю ⁵⁾. Еще не задолго до

¹⁾ *Ніенштедтъ*, 53—55.

²⁾ *Suppl. ad. Hist. Russ. Mon.*, № 85.

³⁾ Льв. л., V, 236; *Курбскій*, I, 60; *Ніенштедтъ*, 60. Въ 1571 году учреждено въ Дерптѣ православное епископство, Новг. II л., (П. С. Р. Л., III, 664); въ 1578 году оно еще существовало, см. *П. М. Стрѣова*: «Списки іерарховъ», 1,049—1,050. С.-Пб., 1877. Въ 1565 году была новая высылка изъ Дерпта подозрительныхъ людей: «Александроневская лѣт.» (Русск. Ист. Библ., III, 263, С.-Пб., 1876). Въ грамотѣ 1578 года упоминаются помѣщики дѣти боярскіе Вилинскіе (Феллинскіе). «Доп. къ Акт. Ист.», I, № 121. А въ царской пропускной грамотѣ Полякамъ, уходящимъ изъ Полоцка, упоминаются князья, дѣти боярскіе и помѣщики «Визландской земли всѣхъ городовъ», «Русск. Ист. Библ.», III, 168.

⁴⁾ «Dan ist was negst Riga und Reval die beste und lustigeste Stadt im Lande», *Реннеръ*, 197. О жалобахъ тамъ же, 200.

⁵⁾ *Карамзинъ*, VIII, прим. 536; *Ширренъ*, II, № 278; по разказу Руссова (57) подобное письмо было отправлено и въ Ригу; въ томъ и другомъ случаѣ съ купцами изъ Дерпта, которые должны были свидѣтельствовать о доброжелатель-

взятія Дерпта архіепископъ, перекораясь съ магистромъ, требовалъ отъ него отчета въ мѣрахъ защиты и грозилъ сеймомъ ¹⁾; теперь онъ рѣшился войти въ переговоры съ магистромъ. Въ сентябрѣ воеводы, оставивъ въ городахъ гарнизоны, удалились по обычаю. Пользуясь уходомъ главныхъ силъ, коадьюторъ Кеттлеръ выступилъ въ поле, осадилъ и взялъ Рингенъ (замокъ близъ Дерпта), разбилъ остающееся русское войско и даже опустошилъ нѣсколько псковскую границу ²⁾. Въ январѣ 1559 года рать русская подъ предводительствомъ царевича Тохтамыша и князя С. Н. Микулинскаго снова вошла въ Ливонію, и послѣ тщетнаго воззванія къ Кеттлеру о покорности, доходила до Риги, проникла въ Курляндію и къ веснѣ съ добычею возвратилась въ Опочку ³⁾. Посредничество короля Датскаго, но еще болѣе необходимость пригрозить Крыму, заставили царя дать Ливоніи шестимѣсячное перемиріе ⁴⁾. Во время переговоровъ и въ особенно-

ствѣ Русскихъ. О числѣ взятыхъ городовъ см. Лѣв. л., V, 243; Лѣт. Норм., 131 (Врем. V); вездѣ построены церкви.

¹⁾ Mon. Liv. ant., V, № 191.

²⁾ Лѣв. л., V, 269; Пск., I, (Т. С. Р. Л., IV, 311); *Неншметъ* (Mon. Liv. II, 60, 61), показываетъ, что мужчины изъ Дерпта на время опасности переведены были во Псковъ, что объясняется извѣстіемъ Лѣв. л., V, 266, о сношеніяхъ дерптскихъ жителей съ Кеттлеромъ; *Реннеръ*, 219. См. также *Винеманна*, II, № 343, *Ширрена*, I, № 102, III, № 329 (жалоба Нѣмцевъ изъ Пскова чинамъ на свое положеніе). У Рингена былъ плѣнень, между прочимъ, одинъ бояринъ, о которомъ говоритъ *Реннеръ* (225): «konde velerley Sprache also Latin, Grekisch, Polnisch, Russisch und etlicher maten Frantzosisch und Dudsch, ein wiser, vorstendiger man dez man sich verwunderde». Свѣданія объ этомъ лицѣ (къ сожалѣнію, безъ имени) у *Ширрена*, I, № 104 и у *Генкина*, 227. Фактъ не одиночный; см. *Курбского* (Сказ. 107) о родственникѣ Лыкова, много лѣтъ жившемъ въ Германіи.

³⁾ *Реннеръ*, 228—234, Лѣв. л., V, 270, 284—286; Лѣт. Норм., 138, 141; Пск. I л., (П. С. Р. Л., IV, 311). Иереміада *Генкина* (226); о царевичѣ Тохтамышѣ, дядѣ Симеона (Санинъ-Булата) Бекбулатовича см. *В. В. Вельяминова-Зернова*: «Извѣд. о Кас. царяхъ», I, 423—428; II, 7—11). Одинъ плѣнный Нѣмецъ извѣщалъ изъ Москвы (Мартъ) о намѣреніи идти къ Ригѣ и Ревелю на судахъ, которые предполагается построить съ помощьюъ англійскихъ плотниковъ (*Реннеръ*, 234—236); о предполагаемомъ строеніи судовъ Кеттлеръ сообщалъ въ Швецію (*Ширренъ*, III, № 341). У царя постоянно была мысль завѣсти флотъ, хотя ее и отвергаетъ Н. И. Костомаровъ. Такъ, черезъ Дженкинсона просилъ онъ, чтобы королева «would lycence masters to come unto him which can made shippers, et (and) sayle them» («Hist. Russ. Mon.», II, 366; «Россія и Англія», № 12). Отъ Генриха Вауа Поляки требовали, чтобы онъ завелъ флотъ для помѣхи нарвской торговлѣ; *Фредро*, «D. L. Nag. Pol.», 1855, p. 50.

⁴⁾ Лѣв. л., V, 288; *Винеманнъ*, III, № 401. Царская грамота о шестимѣсячномъ перемиріи отъ 11-го апрѣля. Старшія Даніи объявить Эстляндію своему

сти по заключеніи перемирія возобновились сношенія Ливоніи съ со-
сѣдными державами, преимущественно съ Польшей и цезаремъ. Къ
имперскимъ чинамъ, собравшимся на сеймъ, отправили пословъ архи-
епископъ и магистръ; послано было посольство къ Густаву Вагъ съ
просьбой о ссудѣ, при чемъ въ обезпеченіе представлялись области.
Съ королемъ Датскимъ вошелъ въ сношеніе епископъ Эвельскій, къ
Сигизмунду-Августу поѣхалъ коадъюторъ Кеттлеръ. Чины имперскіе
неособенно расположены были помогать Ливоніи: курфюрстъ Пфальц-
скій выставилъ даже на видъ то, что причина гибели Ливоніи въ ея
внутреннихъ ссорахъ ¹⁾. Все дѣло ограничилось заступничествомъ
передъ царемъ и ссудою въ 100,000 гульденовъ, которые должны
были доставить города Любекъ, Гамбургъ и Люнебургъ ²⁾. Перего-
воры съ Польшей шли медленно, ибо литовскіе чины смотрѣли на
нихъ неблагожелательно, и только 31-го августа Кеттлеръ ³⁾ заключилъ
договоръ, которымъ Ливонія отдавалась въ покровительство короля.
съ сохраненіемъ верховной власти цезаря; за покровительство,—при
чемъ король обязуется защищать отъ Русскихъ, но не стѣснять ни
правъ, ни обычаевъ, ни вѣры, — отдается ему, въ видъ залога, съ
правомъ выкупа, за 600,000 гульденовъ полоса земли отъ Друи до
Аперадена и еще нѣсколько округовъ ⁴⁾. 15-го сентября архіепископъ
тоже отдался подъ защиту Польскаго короля ⁵⁾; 26-го сентября епи-
скопъ Эвельскій и Курляндскій отдалъ свои епископства подъ покро-
вительство Даніи ⁶⁾. Такъ началось распаденіе ордена.

Ливонія начала готовиться къ войнѣ: нужно было нанимать вой-
ска; деньги для этого занялъ магистръ у Ревеля, отдавъ подъ за-

---

на основаніи стараго владѣнія и призыва Эстляндіи (о дѣлахъ эстляндскихъ см.
Реймера, 2—4, 211, 215—219) были отвергнуты. Дѣл. л., V, 288.

¹⁾ *Рейманъ*, 354—356.

²⁾ Но денегъ этихъ Ливонія не получила; см. *Рихтера*, II, 245; *Рейманъ*, 377.

³⁾ Избранъ въ магистры около 18-го мая, *Рихтеръ*, II, пр. 88.

⁴⁾ О сношеніяхъ см. Моп. Liv., V; *Ширренъ*, III; *Вимманъ*, III; договоръ
Домля, V, № 133; *Реймеръ*, 252—257.

⁵⁾ Договоръ въ «Hist. Russ. Моп.», I, № 138. Веладъ за этимъ договоромъ
напечатано очень любопытное разсужденіе о пользѣ присоединенія Ливоніи къ
Польшѣ. Цезарь, которому польскій посланникъ Кромеръ сообщилъ о подчиненіи
Ливоніи, посмотрѣлъ на это подозрительно и въ такомъ смыслѣ писалъ и
королю (*Реймеръ*, 263—265; *Рейманъ*, 361) и къ магистру (*Ширренъ*, IV, № 516).

⁶⁾ *Ширренъ*, III, № 411. Любопытна возникшая въ это время переписка
Крымскаго хана съ магистромъ; *Руссовъ*, 58; *Реймеръ*, 258, 259.

логъ замокъ Бегель ¹⁾. Когда въ Москвѣ узнали по вѣстямъ изъ Ливоніи объ этихъ приготовленіяхъ, царь рѣшился возобновить войну ²⁾. Магистръ, разбивъ Плещеева ³⁾, не успѣлъ однако взять ни Дерпта, ни Лайса ⁴⁾. Между тѣмъ въ Москву прибыли носольтва и отъ цезаря, и отъ Польши, но не могли добиться никакой уступки относительно Ливоніи ⁵⁾. Новая русская рать, подъ начальствомъ князя И. Ѳ. Мстиславскаго, князя В. С. Серебрянаго и князя П. И. Шуйскаго, вошла въ Ливонію, взяла Мариенбургъ, проникла въ Курляндію, нигдѣ не встрѣчая препятствій. Положеніе страны было ужасно: оба магистра были не согласны между собою; денегъ не было; пришлось заложить Польшѣ и Прусскому герцогу курляндскіе замки (Гольдингенъ, Виндаву, Грабенъ) ⁶⁾; а между тѣмъ явилось еще новое затрудненіе: епископъ Эзельскій выбралъ себѣ въ преемники Голштинскаго герцога Магнуса, брата Датскаго короля, который и прибылъ въ Арнсбургъ съ пятью кораблями; хорошо встрѣченный въ Эстляндіи, онъ скоро приобрѣлъ епископство Ревельское ⁷⁾. Еще въ началѣ апрѣля магистръ и чины ордена рѣшили между собою—еще разъ поискать помощи, но если не удастся, то предоставить магистру право секуляризовать орденскую область; если же придется искать

¹⁾ *Ширренъ*, III, № 420; *Винеманъ*, III, № 512; а Ревель съ своей стороны занимаетъ у Риги.

²⁾ Лѣв. л., V, 299; *Винеманъ*, III, № 516 (царская грамота магистру, архіепископу и друлямъ чинамъ).

³⁾ Лѣв. л., V, 302, 303.

⁴⁾ Тамъ же, 304—306; по свидѣтельству нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, причина неудачи—возмущеніе наемниковъ, не получившихъ платы (*Генинны*, 231; *Ніемштетъ*, 61); *Реннеръ* приписываетъ неудачу несогласію начальниковъ (274). А изъ Ревеля сообщали герцогу Финляндскому Іоанну, что войска отступили вслѣдствіе недостатка припасовъ (*Ширренъ*, IV, № 443).

⁵⁾ О грамотѣ цезаря см. выше; отвѣтъ цезаря см. *Рейманъ*, 362, 363; *Карамз.*, VIII, прим. 577; о посольствѣ Володковича отъ Сигизмунда-Августа и послѣдующихъ переговорахъ см. *Бантышъ-Каменскій*: «Переписка между Россіей и Польшей», 107—113 (*Чт. въ Общ. Ист.*, 1860, IV); *Метр. Лат.* I, №№ 121—129.

⁶⁾ One jenigen Wedderstandt *Руссовъ*, 59; Sie sind ihm alle aus grosser Kleinmütigkeit, leichtfertiger Weise ohne Noth aufgegeben worden. *Гверкъ*, 225; *Реннеръ* объясняетъ отсутствіе сопротивленія тѣмъ, что ополченіе (Knechten) было на зимнихъ квартирахъ, 279. О несогласіи между старымъ и новымъ магистрами тамъ же, 289—296. О залогѣ замковъ *Ширренъ*, III, № 424; IV, №№ 510—513; V, № 559.

⁷⁾ *Реннеръ*, 300; о Магнусѣ см. *Воллен*: «Herzog Magnus, König von Liffland», Leipzig, 1871, а также чрезвычайно живые очерки *Шимманна*: «Characterkörpe und Sittenbilder aus der halt. Gesch. des XVI Jahrh.». *Mitau*, 1877 (77—103).

иного государя, то слѣдуетъ предпочесть короля Польскаго ¹⁾. Весною 1560 года снова большое московское войско вошло въ Ливонію. Во главѣ его стоялъ князь А. М. Курбскій ²⁾. Оно опустошило мѣста около Вейсенштейна, ходило подъ Феллинь, гдѣ заперся Фюрстенбергъ, и имѣло нѣсколько счастливыхъ стычекъ. Съ приближеніемъ главнаго войска, предводимаго княземъ Мстиславскимъ (30,000 пѣхоты и конницы, 10,000 стрѣльцевъ и казаковъ и 90 большихъ и малыхъ орудій), военныя дѣйствія стали еще значительнѣе: около Феллина былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ ландмаршалъ нѣмецкаго ордена Филиппъ Бель, славный своею храбростію; затѣмъ палъ самый Феллинь, гдѣ взятъ въ плѣнъ Фюрстенбергъ ³⁾; русскія войска пошли по разнымъ сторонамъ Ливонской земли, въ которой въ это время ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ присоединилось возстаніе крестьянъ ⁴⁾: Курбскій разбилъ у Кеси (Вендена) въ нѣсколькихъ бояхъ Ливонцевъ и Литовцевъ. Ходкевичъ, занявъ заложеныя королю города, послалъ свои силы противъ Русскихъ; пораженіе заставило Ходкевича отступить за Двину ⁵⁾. Яковлевъ подходилъ къ Ревелю. Послѣ неудачной осады Вейсенштейна, Мстиславскій ушелъ назадъ. Между тѣмъ Магнусъ, пользуясь сложившимся мнѣніемъ, что онъ въ сноше-

¹⁾ *Рихтеръ*, II, 349; см. у *Ширрена* (IV, № 547). Реверсъ, данный Кеттлеромъ орденскимъ чинамъ, и вознагражденіе въ случаѣ его брака.

²⁾ *Курбскій*, 69, 70; издатели *Реннера* замѣчаютъ (306, пр. 4), что во главѣ войска по Разр. Кн. «Симб. Сборника» состоялъ Мстиславскій; но «Разр. Кн.» въ *Визл.*, XIII, называетъ Курбскаго, съ чѣмъ согласна и Пск. I л. (П. С. Р. Л., IV, 311); войско Мстиславскаго пришло позднѣе, на что указываетъ Курбскій словами: «егда же придоша гетмани» (72). Замѣчанія издателей Реннера о преувеличеніяхъ Курбскаго основательны.

³⁾ *Курбскій*, 70—77; Пск. I л. (П. С. Р. Л., IV, 312); Разр. Кн. («Симб. Сб.» и *Визл.*, XIII); *Реннеръ*, 306—329; *Руссовъ*, 60—62; *Генминъ*, 233; *Герма*, 227, 228, паденіе Феллина приписываетъ измѣнѣ нѣмцевъ, не получившихъ платы; то же свидѣтельствуетъ и магистръ (*Ширренъ*, V, № 736). Судьба Беля засвидѣтельствована Пск. I л., (П. С. Р. Л., IV, 311), гдѣ говорится, что онъ казненъ «за противное слово и за то, что воевалъ». Фюрстенбергъ умеръ въ плѣну: еще въ 1576 году писалъ онъ брату, что жаловаться ему не на что; онъ жилъ въ Костромскомъ городѣ Любимѣ (Любимъ въ Ярославской губ.) «Mitth.», II, 544.

⁴⁾ *Руссовъ*, 62, 63; *Реннеръ*, 333, 334. Крестьяне обращались къ Русскимъ (тамъ же, 335).

⁵⁾ *Курбскій*, 76; Псковск. I л. (П. С. Р. Л., IV, 312). Разказъ *Стрыковскаю* (II, 411) и *Бильскаю* (*Zbiog Piszczow Polsk.*, XVII, 137) не достоверенъ (*Рихтеръ*, II, 352 и прим. 50).

вѣхъ съ цезаремъ, и не смотря на то, что только что заключилъ перемиріе съ магистромъ, началъ убѣждать Ревель подчиниться ему, такъ какъ онъ уже приобрѣлъ епископство Ревельское; Ревель отклонилъ его исканія, считая его безсильнымъ ¹⁾. Отчаявшись въ помощи магистра, Ревель вступилъ въ переговоры съ Шведскимъ королемъ Эрихомъ XIV, наслѣдовавшимъ отцу своему Густаву Вазѣ (ум. 29-го сентября 1560 г.). Эрихъ, отклонивъ просьбу магистра о помощи, обѣщалъ помочь Ревелю, если Ревель прійметъ его покровительство ²⁾. Снова Ревель обратился къ магистру и получилъ отъ него самый неутѣшительный отвѣтъ: самъ онъ спасти землю не надѣется, а всю надежду возлагаетъ на Польскаго короля ³⁾. Тогда Ревель окончательно поддался Швеціи ⁴⁾. Въ это время живѣ пошли переговоры магистра и архіепископа съ Польшею, кончившіеся подчиненіемъ Польшѣ, при чемъ магистръ Кеттлеръ получилъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію (28-го ноября 1561 г.) ⁵⁾. Такъ окончательно разорвалась Ливонія между Польшею, Швеціей, Даніей (Эзель остался за Магнусомъ), Россіей и вассаломъ Польши—Курляндскимъ герцогомъ.

¹⁾ Пск. I л., (П. С. Р. Л., IV, 312); *Руссовъ*, 62, гдѣ и объ убѣжденіи въ Ливондіи о мирѣ между Магнусомъ и царемъ (Магнусъ посылалъ къ царю посольство съ упрекомъ, что опустошена его земля, не смотря на миръ царя съ его отцемъ; царь отвѣчалъ, что это сдѣлали воеводы; *Реннеръ*, 388). *Никшитедтъ*, 63. Договоръ о перемиріи, заключенный между Магнусомъ и чинами ливонскими, у *Реннера*, 321—324, *Ширрена*, V, № 715; «*Mon. Liv. ant.*», V, № 244; о сношеніяхъ его съ Ревелемъ *Геннингъ*, 234; *Реннеръ*, 338; *Шиманъ*: «*Charakterköpfe*», 84.

²⁾ *Ширренъ*: *Quellen*, VI и его же «*Verzeichniss livländ. Geschichtsquell. in Schw. Arch. und Biblioth.*», № 1185; *Геннингъ*, 235. Онъ былъ посланъ магистромъ.

³⁾ *Бинеманъ*, V, №№ 742, 766.

⁴⁾ Сношенія у *Ширрена*: *Quellen*, VII, и его же «*Verzeichniss*»; *Бинеманъ*, IV, №№ 786, 787 (указанія на то, гдѣ напечатаны акты).

⁵⁾ Кеттлеръ обращался въ октябрѣ 1560 года къ имперскому сейму, но кромѣ обѣщаній, ничего не получилъ, *Рейманъ*, 374—377; переговоры съ Польшею у *Бинеманна*, IV, V (въ особенности № 869: *Дневникъ Рижскихъ пословъ*); *Buch der grosse Gilde* («*Mon. Liv.*» IV, 124—128). Привилегія Сигизмунда-Августа напечатана много разъ (*Бинеманъ*, V, 511—514). Дипломатическія сношенія между Іоанномъ и Сигизмундомъ-Августомъ, какъ о Ливоніи, такъ и о предпологавшемся, но не состоявшемся бракѣ Іоанна съ сестрою Сигизмунда Екатериною, см. у *Бантыша-Каменскаго*, 111—113.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ ЛАНГО- БАРДСКОЙ ИТАЛІИ ¹⁾.

V.

Формы землевладѣнія въ Лангобардской Италіи IX и X вѣковъ.

Послѣ завоеванія большей части Италіи Франками въ 774 году, различныя стороны феодальнаго строя, зачатки которыхъ замѣтны уже въ Лангобардскомъ королевствѣ, быстро развиваются и къ концу X вѣка являются уже готовыми и законченными въ главныхъ чертахъ, хотя только позднѣе италіанскій феодализмъ достигаетъ своей наибольшей фактической силы и прикрывается системой юридическихъ опредѣленій. Основанія феодальнаго порядка въ отношеніи какъ землевладѣнія, такъ и государственнаго строя, уже сложились—повторяемъ—къ концу X вѣка, и въ это время, можетъ быть, яснѣе чѣмъ впоследствии выставляется связь между этими главными основаніями и условіями, повліявшими на ихъ возникновеніе.

При изложеніи, по необходимости, прійдется раздѣлить двѣ сферы, въ которыхъ особенно выразился феодализмъ. Оставляя пока, на сколько возможно, въ сторонѣ политическую организацію и сословный строй, сосредоточиваемъ эту главу на изученіи формъ лангобардскаго землевладѣнія въ концѣ VIII, IX и X вѣковъ. Прежде всего приходится разрѣшить вопросъ: находилась ли собственность, особенно недвижимая, въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ или какихъ-либо союзовъ, господствовалъ ли принципъ индивидуализаціи въ вещномъ правѣ, или же свобода распоряженія имуществомъ была стѣснена вліяніемъ семьи, рода или общины? Относительно эпохи до 774 года уже въ пред-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. августовскую книжку *Ж. М. Нар. Пр.* за текущій годъ.

шествующей главѣ высказано, хотя и вскользь, замѣчаніе, что лангобардское право налагало на свободу распоряженія собственностью значительныя ограниченія, исходившія отъ семейнаго союза. Эти различнаго рода ограниченія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ: женщина распоряжается собственностью только съ согласія мужа, дѣтей или опекуна (мундоальда) и послѣ опроса своихъ ближайшихъ родственниковъ или судьи; правоспособный и имѣющій самостоятельное имущество мужчина не можетъ дарить, жертвовать или завѣщать его въ ущербъ сыновьямъ или отцу и безъ ихъ согласія; всякій нравственно обязанъ принимать во вниманіе права родственниковъ въ боковыхъ линіяхъ, но юридическаго обязательства въ данномъ случаѣ нѣтъ.

Первое правило ясно выражено относительно купчихъ, какъ главнаго вида отчужденій, уже въ 22-й статьѣ Лиутпранда ¹⁾ и формально распространено на дарственные акты 35-ю статьѣй Пиппина ²⁾ и на имъновыя 8-ю статьѣй Гвидо ³⁾. Хотя опросъ родственниковъ упоминается прямо только въ постановленіи Лиутпранда, грамоты показываютъ, что къ нему прибѣгали и въ другихъ случаяхъ отчужденія ⁴⁾, что вполне понятно, такъ какъ интересы родственниковъ женщины могли быть въ той же степени обойдены мѣрною или дарственной, какъ и купчею. Какого рода были эти ближайшіе интересы, показываютъ особенно §§ 182-й и

---

¹⁾ Liutpr. 22: Si mulier res suas consentiente viro suo, aut communiter vendare voluerit, ipse qui emere vult, vel illi qui vindunt, faciant notitiam ad duos vel tres parentes ipsius mulieris, qui propinquiores sunt. Et si in presentia de ipsis parentibus suis mulier illa violentias aliquas se dixerit pati, non sit stabilem quod vindederit. Nam si in presentia parentum suorum, vel iudici qui in loco fuerit, violentias se pati non reclamaverit, nisi voluntate sua ipsas res se dixerit vendare, tunc ab illo diae omni tempore quod vindederit stabile deveat permanere, ita tamen ut ipsi parentes, qui inter fuerent, aut iudex in cartola ipsa manum ponant.

²⁾ Цитирую по коллекціи капигуларіевъ въ такъ-называемомъ Liber Papiensis. Постановленіе это взято изъ 11-го параграфа капигуларія Пиппина, издавнаго послѣ 787 года. Mon. Germ. Lgg. I, 47. Ср. Boretius, Die Capitularien im Langobardenreich 126 и сл.

³⁾ Capit. Widonis a. 891, cap. 8; Mon. Germ. Lgg. I, 557. Примѣненіе законодательныхъ положеній на практикѣ можно прослѣдить по множеству грамотъ. См., напримѣръ, тѣ, которыя приведены у Муратори, Antiquitates italicæ, V, 127 и слѣд. Ср. вообще Pertile, Storia del diritto, III, 241, 242.

⁴⁾ См., напримѣръ, любопытное во всѣхъ отношеніяхъ пожертвованіе или завѣщаніе, составленное въ 872 году, во время осады Салерно Сарацинами. Codex diplomaticus Cavensis, № 75, I, 98.

2) 0-й эдикта Ротари, упоминающіе о случаяхъ, когда „faderfio“ (Vater—vieh), приданое, выданное женщинѣ изъ дому, и другое ея личное имущество возвращались къ ея роднымъ ¹⁾. Къ обряду опроса родственниками прибѣгали, однако, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда они были прямо заинтересованы, а распространяли его на всѣ случаи отчужденія. Такъ, въ 997 году, Родиланда, жена Альберта, продаетъ имущество въ окрестностяхъ Флоренціи, доставшееся ей отъ мужа, и на которое онъ поѣтому ближайшій наслѣдникъ; а между тѣмъ родственники являются при продажѣ и спрашиваютъ ее: не совершаетъ ли она сдѣлку по принужденію, и въ частности, не принуждаетъ ли ее мужъ ²⁾. Формула опроса выясняетъ такимъ образомъ еще одну причину, вызвавшую его примѣненіе: предполагалось, что женщина найдетъ въ своихъ родныхъ поддержку противъ притѣсненія со стороны своего мундоальда, мужа ³⁾. То же самое соображеніе объясняетъ, по всей вѣроятности, и вмѣшательство судьи, которое вообще требовалось при заключеніи договоровъ лицами слабыми и неспособными вполне обезпечить свои интересы (напримѣръ, несовершеннолѣтними). По тексту основнаго въ этихъ вопросахъ постановленія Ліутпранда, судья приглашался къ участию вмѣсто родственниковъ, но на практикѣ онъ часто дѣйствуетъ вмѣстѣ съ ними ⁴⁾.

Если были совершеннолѣтніе сыновья, то необходимо было ихъ согласіе при заключеніи, если не купчихъ, то дарственныхъ; это правило вытекаетъ изъ болѣе общаго правила, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить,—что нельзя произвольно лишать дѣтей имущества, имѣющаго перейти къ нимъ по наслѣдству; оно дѣйствуетъ на практикѣ и находитъ частное признаніе въ законодательствѣ Беневентскаго княжества. Первый изъ самостоятельныхъ беневентскихъ пра-

¹⁾ Ср. *Pertile*, Storia del diritto, III, 273,

²⁾ Badia di Passignano, 997, марта 30-ro: — — veniente me una cum ipso viro meo in loco casale ad curte et casa nostra in presentia taiberti qui et taitio uocatur et uido propinquiori parentibus meis — — perduxit causa mea ad eorum notitia eo quod meis utilitatibus aliquit de rebus meis qui da ipso uiro meo pertinet — — dare et uenundare uoluisset; quia sic interrogata sum ad ipsi suprascripti propinquiori parentibus meis, ut si forsitan ego per cuique omnis districtione aut aliquit de ipso uiro meo patiente uolentia rebus ipsa dare et uenundare uoluisset и т. д. (по рукописи Флорентинскаго государственнаго архива).

³⁾ Ср. купчую, заключенную между двумя женщинами. S. Salvatore di Monte Amiata, 853, май, № 2 (рукопись государственнаго архива въ Сіенѣ).

⁴⁾ См., напримѣръ, купчую, совершенную въ 843 году въ Лучерѣ. Cod. dipl. Cavensis, № 22, I, 24

вителей, Аригизъ, постановилъ, что мать имѣетъ право, безъ согласія сыновей, пожертвовать церкви для спасенія души только опредѣленную и довольно незначительную долю своего имущества ¹⁾).

Если у женщины нѣтъ ни отца, ни мужа, ни сыновей, то она поступаетъ подъ покровительство какого-либо родственника или государя. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ она обращается къ мундоальду за утвержденіемъ совершаемыхъ ею юридическихъ актовъ. Беневентская грамота 839 года показываетъ, какъ обширны были въ этомъ отношеніи права мундоальда: онъ былъ наслѣдникомъ пѣ-лыхъ двухъ третей имущества, и только при распоряженіи одною третью можно было вынудить его утвержденіе ²⁾).

Мужчины менѣ стѣснены лангобардскимъ правомъ, нежели женщины, потому что они вольны, по крайней мѣрѣ, продавать по благоусмотрѣнію и безъ спроса свое имущество. Это право могло подать поводъ къ различнымъ злоупотребленіямъ и даже способствовать обходу законодательныхъ ограниченій, наложенныхъ на дарственные грамоты и завѣщанія, но тѣмъ не менѣ, мы не видимъ, чтобы продажа была стѣснена, не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы предполагать, что родственники продавца, особенно сыновья, могли, напримѣръ, разорвать купчую на томъ основаніи, что имущество продано ниже своей дѣйствительной стоимости ³⁾. За то существуютъ разнаго рода

¹⁾ Aregis, 14: — — si duos filios habuerit, tertiam partem de rebus suis. disponere liceat; si quidem tres septimam partem, etc.

²⁾ Capitolo di Benevento, Sententiae, № 1, 839: — — radelchis gentis langobardorum princeps per rogum lodoici gastaldi et iudicis nostri fidelis tibi adelbone uelamen indute, ut de omnibus rebus tuis mouilibus et immouilibus — — liceat te eos in integrum pro tua anima dare et iudicare qualiter uolueris sine requisitione a parte nostri palatii pro quo tu in mundo nostri palatii credis subiacere — — non talum tertiam partem c... lex langobardorum absoluit iudicare sed etiam ille due partes quas post tuum transitum sacri nostri palatii pro eodem mundo pertinere debuit (по рукописи соборнаго капитула въ Беневентѣ).

³⁾ Такого рода право предполагаетъ *Пертале*, Storia del diritto, III, 364. Вторая статья капитулярія Лотаря, изданнаго въ 825 году *in Curte Maringo* (Mon. Germ. Lgg. I, 241), не вошедшая въ составъ такъ называемаго Liber Papiensis, не можетъ служить доказательствомъ: говорится въ ней объ уничтоженіи купчей продавцемъ или его наслѣдниками въ случаѣ обманнаго или насильственнаго пониженія цѣны покупщикомъ; нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы родственники продавца протестовали противъ рѣшенія послѣдняго. Roth., 173, доказываетъ косвенно только то, что отецъ, въ случаѣ нужды, обращался къ сыновьямъ за помощью, прежде чѣмъ прибѣгать къ отчужденію, но нѣсколько не видно, чтобы

постановленія, стѣсняющія волю собственника по отношенію къ жертвованіямъ и завѣщаніямъ, при чемъ главная руководящая мысль остается неизмѣнною, не смотря на значительныя переимѣны въ подробностяхъ, совершившіяся въ различныхъ эпохи законодательства. Эдиктъ Ротари посвящаетъ цѣлый рядъ статей (168—175) вопросу о дареніяхъ (*thinx*), при чемъ назначеніе наследника, имѣющаго воспользоваться имуществомъ послѣ смерти жертвователя (*thinx lidinlaib*), является только однимъ изъ видовъ сдѣлки и весьма слабо отдѣляется отъ остальныхъ. Статьи 168-я—170-я запрещаютъ дарить имущество и отнимать его у наследниковъ отцу, у котораго есть законные сыновья, и сыну, у котораго есть отецъ. Изъ 171-й статьи видно, что незаконнымъ сыновьямъ и дочерямъ необходимо было только оставить большую часть, но не все имущество ¹⁾. Та же статья показываетъ, что, при отсутствіи дѣтей, разрѣшалось выбирать себѣ наследника помимо родственниковъ въ боковыхъ линіяхъ, съ тѣмъ условіемъ однако, что рожденіе ребенка у завѣщателя, по лангобардскимъ понятіямъ—у жертвователя, уничтожало договоръ. 172-я статья устанавливаетъ форму совершенія акта, а 173-я и 174-я запрещаютъ совершившему дарственный актъ и оставившему за собою пожизненное пользованіе имуществомъ расточать его или передавать другому. 169-я и 175-я статьи касаются частныхъ случаевъ лишенія наследствъ, а нарушенія формальности относительно выдачи—такъ-называемаго *launegelda*. Во всякомъ случаѣ, въ эдиктѣ Ротари мы находимъ совершенно определенную и проведенную почти до мелочныхъ подробностей систему постановленій относительно дареній. Законодательство Лиутпранда, развивая и повторяя, съ одной стороны, постановленія Ротари ²⁾, въ то же время выступаетъ съ новою юридическою формою, которая прямо

оъ обязанъ былъ испрашивать ихъ согласіе. Фактически, часто, конечно, заручались одобреніемъ сыновей во избѣжаніе всякихъ могущихъ возникнуть недоумѣній и споровъ.

¹⁾ Roth. 171: Si quis de disperaverit aut propter senectutem aut propter aliquam infirmitatem corporis, filius non possit habere, et res suas alii thingaverit, posteaque eum contegerit filius legitimus procreare: omne thinx quod est donatio, quod prius fecerat, rumpatur et filii legitimi unus aut plures, qui postea nati fuerint heredes, in omnibus patri succedant. Si autem filias legitimas una aut plures, seu filios naturales unum aut plures post thinx factum habuerit, habeant et ipsi legem suam, sicut supra constitutum est tamquam si nihil alii thingatum fuisset. Обо всемъ, что касается ограниченій по наследованію, ср. *Pertile*, IV, 7—11, 14—18, 102—105.

²⁾ Liutpr. 64, 73.

происходить отъ римскаго завѣщанія, должна служить интересамъ церкви, рѣзко отличается отъ древне-лангобардскаго *thinx* по формальностямъ заключенія, и тѣмъ не менѣе, остается вѣрно основному ограниченію завѣщателя въ пользу родственниковъ въ нисходящей и восходящей линіяхъ. Это—„*judicatum pro anima*“, устанавливаемое 6-ю статьей Лиутпранда ¹⁾). Эти пожертвованія для спасенія души освобождаются отъ засвидѣтельствованія и закрѣпленія въ обычномъ порядкѣ ²⁾), освобождаются даже отъ такихъ существенныхъ правилъ, какъ то, которое не допускаетъ несовершеннолѣтнихъ къ заключенію договоровъ ³⁾). Со времени Лиутпранда, при которомъ вообще стали признавать гораздо большую свободу въ распоряженіи имуществомъ ⁴⁾), появляются въ значительномъ числѣ среди лангобардскихъ грамотъ завѣщанія, составленныя по римскимъ образцамъ. Если ограничиться прочтеніемъ однихъ законодательныхъ памятниковъ, то можно, пожалуй, подумать, что отиѣнено даже основное ограниченіе въ пользу сыновей; по крайней мѣрѣ, и лиутпрандовское, и позднѣйшее каролингское законодательство ⁵⁾ не повторяютъ его, а просто замѣчаютъ, что распоряженіе „во спасеніе души“ упраздняетъ права наслѣдниковъ безъ обозначенія степеней и линій. Но комментарий Неаполитанской рукописи Павійской книги ⁶⁾), отражающій юридическій бытъ

¹⁾ Liutpr. 6: Si quis langobardus, ut habens casus humanae fragilitatis egraverit, quamquam in lectolo reiaceat, potestatem habeat dum vivit et recte loqui potest pro anima sua iudicandi vel dispensandi de rebus suis, quid aut qualiter cui voluerit; et quod iudicaverit, stabilem debeat permanere.

²⁾ Liutpr. 73; ср. Ahistulf. 12.

³⁾ Liutpr. 19.

⁴⁾ Ср. Liutpr. 102, 103.

⁵⁾ Оно имѣетъ мало самостоятельнаго. Кар. М. 92 (in legem Ripuariam, 803, Lgg. I, 118, ср. Boretius, о. с. 83) и Ludov. Pii II (Capitula legibus addenda, an. 817, с. 6.; Lgg., I, 211) примыкаютъ къ 6-му параграфу Лиутпранда. Замѣчательно Кар. М. 78 (in legem Langobard. an. 801, с. 1; Lgg. I, 83: Si quis longobardus statum humanae fragilitates praecogitans pro salute aminaе suae de rebus suis voluerit iudicare vel cartulam donationis cuilibet facere, non, sicut hac tenus fieri solebat, ius sibi vendendi donandi commutandi et per aliam cartam eandem res alienandi reservet potestatem, sed absolute faciat unusquisque de rebus suis quod velit et noscat sibi ex nostra auctoritate penitus interdictum duas de eadem re facere donationes.

⁶⁾ Boretius, Praefatio ad librum papiensem §§ 67, 68, 69, Expositio ad Liutpr 6: — sic intellegere debemus «potestatem» id est, ut secundum legem faciat, quia si aliter intelligeretur, exheredare filium valeret aliaque facere quae legibus interdicta sunt. Ср. также экстраваганту Карла Великаго, 149 (Lgg. IV, 587).

XI вѣка, а главное—практика грамотъ показываютъ, что ограниченія, установленныя еще въ эдиктѣ Ротари, продолжали держаться во всей силѣ. Ограничимся однимъ примѣромъ. Въ 861 году Эвгелбертъ дѣлаетъ различныя распоряженія относительно своего громаднаго имущества въ томъ предположеніи, что умретъ его сынъ Гримуальдъ. Если онъ останется живъ, все остается ему, согласно лангобардскому закону ¹⁾. Однако нельзя сказать, чтобы на практикѣ никогда не замѣчалось уклоненій отъ установленнаго законами порядка. Извѣстія о дѣломъ рядѣ процессовъ показываютъ, что духовенство, которое провело въ жизнь завѣщаніе и добилось такихъ облегченій относительно ихъ составленія, старалось всѣми мѣрами уничтожить послѣднюю преграду, сдерживавшую завѣщателей въ интересахъ ихъ семействъ. Въ 824 году аббатство Фарфа ведетъ процессъ съ Аудольфомъ, сыномъ Гильдерива и Гутты, которые, не смотря на то, что у нихъ былъ законный сынъ, пожертвовали свое имущество монастырю, оставивъ за собою пожизненное пользованіе. Истецъ не въ состояніи добиться полного осуществленія своего несомнѣннаго права и принужденъ идти на мировую ²⁾. Еще въ 812 году подобный же процессъ изъ-за имущества Аймона съ мужемъ его внучки. Дѣло опять-таки кончается мировою ³⁾. Иногда такого рода процессы кончаются даже прямо побѣдою духовенства, вопреки яснымъ постановленіямъ закона. Такъ, въ 799 году Годеризій изъ Ріэти требуетъ, чтобы аббатство Фарфа возвратило ему пожертвованныя имъ земли, такъ какъ у него послѣ совершенія дарственной родились сыновья, и его семейству

¹⁾ Monum. historiae patr. XIII, № 215, стр. 356—358. Nam si Domino auxiliante, Grimualdus filius meus ad legitimam pervenerit aetatem aut filios de legitimo reliquerit, tunc omnia — — in ejus sit potestate faciendi quod illius placuerit. — — Sicut lege possum, aut lex mea Langobardorum mihi tribuat, ut omnes res meos ordinare posse, si ipse filius meus intra aetate mortuus fuerit, tunc volo ut omnes res meas per singula loca, sicut superius dixi, in suprascriptis personis vel eorum heredibus deveniat potestate, ut supra legitur. Et si lex mea non est, ut omnes res mea judicare posse, eo quia Domino praestante filio esse (sc. habere) invenior, nolo contra lege ordinare, ut mea ordinatio inanis sit etc. Cp. Memorie e documenti per servire alla Storia di Lucca, IV, 1 часть, № 80, стр. 130 (774 годъ).

²⁾ Galletti, Tre chiese di Rieti (Roma, 1765), p. 85, изъ Gran Regesto di Farfa, № 276.

³⁾ Galletti, Del Vestarario, 31, Cp. Ficker, Urkundenbuch im IV Bande der Forschungen zur italienischen Reichs- und Rechtsgeschichte, № 8, стр. 10 и сл.

не чѣмъ жить¹⁾, Требованіе имѣть за себя прямой смыслъ 171-й статьи Ротари, а между тѣмъ судъ герцога Сполетскаго отказываетъ въ искѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что жертвователю не оставилъ за собою пользованія²⁾. Статья 171-я истолкована при этомъ совершенно неправильно, такъ какъ она предписываетъ, въ случаѣ рожденія дѣтей, уничтоженіе всякаго пожертвованія—*thinx*, а не только пожертвованія съ сохраненіемъ пользованія—*thinx lidinlaib*.

Если законодательство не всегда въ состояніи было защитить права дѣтей, то интересы родственниковъ въ боковыхъ линіяхъ оно даже не бралось защищать, а напротивъ, вполне развязывало въ этомъ отношеніи руки жертвователямъ и завѣщателямъ. За родню—въ широкомъ смыслѣ—говорили только нравственныя соображенія и фактическія неудобства, которыя могли произойти для человѣка, оскорбившаго своихъ естественныхъ союзниковъ, какъ бы отрекшагося отъ людей своей крови³⁾. Поэтому, не смотря на полную юридическую возможность для жертвователей и завѣщателей пренебречь интересами родни, они часто стараются какъ бы задобрить ее. Въ завѣщаніяхъ, напримѣръ, входитъ въ употребленіе предоставить хоть какой-нибудь клочекъ земли естественнымъ наследникамъ—*„pro falcidia“*⁴⁾. Иногда, по видимому, прибѣгали и

¹⁾ *Fatteschi*, *Memorie dei duchi di Spoleto* (Camerino, 1801), № 36, стр. 282: *Replicabat ipse Goderisius. Quia ego in ipso Monasterio verum est quod ipsas res optuli et per alia loca Sanctorum de rebus mei pro anima mea feci. Sed postea feci filios et modo nec ego nec filii mei vivere possumus quia necessitas me oppressit.*

²⁾ *Dum ipsa cortula ante nos relecta fuisset non habebatur in ea ad usum fruendi ut in ejus esset potestate nisi ut a praesenti ipsas res in ipso sancto Monasterio pro anima sua optulisset.*

³⁾ *Roth.*, 360: *Et ille, qui pulsat et vadia suscipit, proximioris sacramentalis qui nascendo sunt, debeat nominare: tantum est excepto illos, qui gravem inimicitiam cum ipso qui pulsat, commissam habet, id est si ei plaga fecit, aut in mortem consentit, aut res suas alii thingavit, ipse non potest esse sacramentales, quamvis proximus sit, eo quod inimicus aut extraneus inventur esse. Areg. 16. Si quispiam rem propriam inspiratus pro anima sua locis venerabilibus decrevit non reputetur extraneus vel inimicus parentibus, sicut in lege nefas scriptum est, sed sit sacramentalis si oportunitas incumbit; et heredes proximorum modis omnibus habeatur.*

⁴⁾ *Monum. hist. patr.* XIII, № 72, стр. 132 (800 годъ): *Falcidia vero si ad heredibus nostris requisita fuerit pro quenda (quarta?) partione habeat prato nostro in pratiolo Cadinaro. Memorie di Lucca, V, 2 часть, № 177, стр. 103: Nisi tantum volo, ut haveas omnes heredis meus tres ischafiliorum de terra mea, quem avire visu sum in isola Cerbarise.*

въ другому средству: жертвуя собственностью какому-нибудь монастырю, предоставляли родственникамъ право до истечения известнаго срока приобрести ее покупкой ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, опредѣленныхъ правъ въ этомъ отношеніи родственники въ боковыхъ линіяхъ до самаго конца X вѣка не имѣли ²⁾. Стѣсная пожертвованія и завѣщанія, лангобардское право исходило изъ того взгляда, что собственность предметовъ должна принадлежать всему семейству, а отецъ только временно завѣдуетъ ею. Но такъ какъ описанныя до сихъ поръ ограниченія распространены на область только семьи, а не цѣлаго рода, то является весьма важный вопросъ: разрушалась ли послѣ смерти отца всякая экономическая связь между братьями, распадалась ли до тѣхъ поръ единая семейная собственность и хозяйство на нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ, или же хоть въ нѣкоторыхъ случаяхъ поддерживалась соединенная собственность и хозяйство, семья замѣнялась болѣе обширнымъ экономическимъ типомъ домовой общины? Отвѣтъ можно выразить въ двухъ словахъ: весьма часто владѣніе и хозяйство не раздѣлялось, хотя нераздѣльность эта не имѣла ничего обязательнаго. Для того, чтобы уяснить себѣ, какъ слѣдуетъ, условія землевладѣнія въ лангобардской Италіи, необходимо не только имѣть въ виду это общее положеніе, но съ нѣкоторою подробностью разобрать объ его составныя части, изучить два ряда явленій, которыя имѣютъ исходною точкою своего развитія смерть отца семейства.

Съ одной стороны, во множествѣ случаевъ смерть эта ведетъ къ производству немедленнаго раздѣла между наследниками ³⁾, раздѣла, при которомъ имущество распадается на равныя или почти

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 90, стр. 170: — et si Punno iste suprascripte tres locas conperare voluerit, ut habeat iste tres locas in sua potestate. Ср. Monum. hist. patr. XIII, № 215, стр. 353, 354.

²⁾ Ошибочно утверждать Пертиле, что естественные наследники должны были, по крайней мѣрѣ, присутствовать при совершеніи сдѣлокъ и завѣщаній, и что акты, заключенные въ ихъ отсутствіи, были недействительны. *Pertile*, III, 363. Приведенная статья Лиутпранда говоритъ совсѣмъ о другомъ — о разрывѣ акта за несоблюденіе правилъ о *Thinx* и *launegild*. *Lib. Feud.* II, 26, § 13, какъ позднее свидѣтельство, ничего не доказываетъ относительно VIII—X вѣковъ.

³⁾ Дробленіе имущественнаго единства весьма часто происходило и раньше, вследствие выдѣленія совершеннолѣтнихъ сыновей, но мы для краткости упоминаемъ о главномъ случаѣ; отношенія къ нему второстепенныхъ представить не трудно.

равныя части ¹⁾. Лангобардскому праву VIII, IX и X вѣковъ неизвѣстны еще ни маіоратъ, ни миноратъ, ни фиденкомиссы, имѣющіе цѣлью сохранить сколько-нибудь хозяйственную цѣлость и полезность наслѣдства. Ему неизвѣстно также весьма часто встрѣчающееся въ варварскихъ правилахъ запрещеніе передавать женщинамъ недвижимую собственность. Возможность раздѣловъ предусмтрѣна не только для собственности, но иногда даже для либелларнаго владѣнія, такъ какъ семья арендатора можетъ распасться на нѣсколько отдѣльныхъ очаговъ ²⁾. При раздѣлахъ возможны два приема, которые, какъ показываютъ намъ грамоты, оба и употреблялись: иногда каждый изъ участниковъ получаетъ извѣстныя цѣльныя поля и угодья, при чемъ части приблизительно уравниваются по доходности и цѣнности ³⁾; иногда же каждое отдѣльное поле дѣлится на требуемое число долей, очевидно для того, чтобъ одному изъ участниковъ, обманно или случайно, не достались плодородныя части имѣнія, другому — неплодородныя или почему-либо невыгодныя ⁴⁾. Примѣровъ обоихъ видовъ раздѣла можно привести массу; понятно, въ то же время, что очень часто при одномъ и томъ же раздѣлѣ пускались въ ходъ и тотъ и другой приемъ. Оба, а въ особенности послѣдній, должны были приводить къ крайнему измельчанію участковъ, чрезполосицѣ и дробленію хозяйствъ, и дѣйствительно, мы повсюду наблюдаемъ эти

¹⁾ Условенія, предусмтрѣнныя и допущенныя 102-й и 103-й статьями Лигт-права, незначительны и несущественны.

²⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 834 годъ, январь: *et si per didisionem de ipsas res foca multiplicata fuerint inter tote sola suprascripta pensionem perexolbat nam non per foca. S. Salvatore di M. Amiata, 890, августа 27-ro: si inter filiis et heredis tuis exinde foca multiplica fuerit inter totis et ad ipsa pensione recolegat, nam non per foca diuisionis.*

³⁾ Cod. dipl. Cav. № 289, II, 97: *fecimus due sortiones una sorte fecimus exe una pecia de terra campense a pars ipso flubio — — cum una halia pecia de terra bacua in quo moliumu fuit. — — et alia sorte fecimus exe una pecia de terra campense et pauca silba — — unde hego nominatus iohannes comprehensit ambo ipse pecie subtane — — et ipse leo comprehensit ipsa pecia suprana. Cp. № 394, II, 247.*

⁴⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 222, стр. 371 и сл. — раздѣльный актъ между Сезебергомъ, пріоромъ монастыря св. Амвросія, и Гайдальфомъ, сыномъ Бенедикта: — — *Campo in Campare divisum in meridie et mantes, sorte da sera tullit a parte suprascripti monasterii, Gaidulfus tullit da mane; item campo qui dicitur ad Batuda, diviso in mane et sera parte monasterii tullit da mantes, Gaidulfus tullit da meridie и т. д. Cp. Memorie di Lucca, IV, часть 2, Appendice, № 22, стр. 31, 32.*

явленія въ лангобардскихъ грамотахъ IX и X вѣковъ, такъ что даже труденъ выборъ между свидѣтельствами. Въ Флорентійской области, напримѣръ, въ 996 году ¹⁾, восемь лицъ получаютъ по либелларному договору для обработки семь клочковъ земли, размѣромъ въ общей суммѣ въ восемнадцать сестаріевъ ²⁾. Въ окрестностяхъ Ареццо нотаріусъ Андрей получаетъ шесть участковъ въ 4, 3, 6 и 12 сестаріевъ, за которые обязуется платить 15 динаріевъ въ годъ ³⁾. Въ территоріи Кіузи въ 883 году ⁴⁾ либелларій получаетъ 11 клочковъ виноградника и пахотной земли, размѣромъ въ три модія ⁵⁾, за 9 динаріевъ ежегодной платы. Въ окрестностяхъ Лукки Гарибертъ изъ Парми продаетъ епископству 17 участковъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ за 45 солидовъ ⁶⁾. А вотъ примѣры изъ Ломбардіи: Въ 968 году епископъ Кремонскій, извѣстный Лиутпрандъ, совершаетъ съ Папіемъ Негри мѣнновой актъ, по которому получаетъ тридцать-девять клочковъ пахотной земли, занимающихъ въ общемъ около 35 югеровъ, 10 участковъ луга—въ общемъ 4 югера, четыре участка лѣса—30 югеровъ ⁷⁾.

Въ 974 году Іоаннъ, аббатъ монастыря св. Петра in Coelo Aureo въ Павіи, вымѣниваетъ архипресвитеру Льву 83 поля и 11 виноградниковъ—отдѣльные поля и участки, размѣрами въ одну, двѣ ⁸⁾, три пертяки. Чтобы дать понятіе о черзеполосицѣ, сошлюсь на два либелларные договора изъ громаднаго свода сдѣлокъ этого рода, извѣстнаго подъ названіемъ *Largitorium Farfense* или *Codex emphyteuticus Farfensis* ⁹⁾. Въ 936 году Гонорандъ, сынъ Лодауда, получаетъ отъ аббатства Фарфы пять небольшихъ участковъ, которые выдаются какъ бы островами изъ земель Ингельрама и его сонаслѣдниковъ ¹⁰⁾. Въ

¹⁾ *Badia di Passignano*, 996, январь: — — et sunt integri ipse septe petie terra sistariorum decem et octo ad iusta mensura ad grano sementandum.

²⁾ 18 четвертей зазѣва.

³⁾ *Ss. Flora e Lucilla*, 993, мартъ, № 24 (рукопись соборнаго капитула въ Ареццо).

⁴⁾ *S. Salvatore di M. Amiata*, 883, августа 21-го.

⁵⁾ Мѣсто достаточное для посѣва трехъ мѣръ пшеницы.

⁶⁾ *Memorie di Lucca*, V, часть 2, № 319, стр. 190.

⁷⁾ *Monum. hist. patr.* XIII, № 710, стр. 1236 и сл.

⁸⁾ *Monum. hist. patr.* XIII, № 751, стр. 1307 и слѣд.

⁹⁾ Хранится въ библиотекѣ Vittorio Emanuele въ Римѣ.

¹⁰⁾ *Cod. emph. Farf. f. 99*: — — in una petia modii XII et sextarii VIII. In loco qui dicitur ad subuenam (fines) uia — — terra ingelrami et de suis consortibus — — terra ingelrami et de uestro monasterio quae pertinet ad curtem de ualle ueneria. De alio latere terra Sanctae Mariae episcopii asculani. Alia petia

983 году Деодать, по прозванію Сеніорикъ, получаетъ 6 участковъ монастырской земли, расположенныхъ въ перемежку съ участками Такспранда ¹⁾).

Безъ сомнѣнія, и дробленіе имѣній, и связанная съ нимъ чрезполосица объясняются не одними раздѣлами владѣнія, но также хозяйственными условіями, примѣненіемъ различныхъ частей мѣстности къ различнымъ культурамъ. Но въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ все-таки дѣло съ разбитостью самаго владѣнія и часто можемъ даже прямо прослѣдить, какъ она явилась результатомъ раздѣла между наследниками. Въ флорентинскомъ архивѣ сохраняется, на примѣръ, купчая 884 года, по которой нѣкто Левъ продаетъ Силіельму и Тассиману за 30 солидовъ половину двухъ оброчныхъ дворовъ. Эта половина досталась продавцу отъ наследниковъ ²⁾. Отношенія между сонаследниками отчасти объясняютъ также чрезвычайно часто повторяющіяся упоминанія о доляхъ участковъ, имѣній, домовъ, замковъ и даже церквей. Я говорю отчасти, потому что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ результатомъ, въ которому приводитъ дѣйствіе двухъ могущественныхъ причинъ: съ одной стороны, встрѣча правъ нѣсколькихъ наследниковъ на однихъ и тѣхъ же участкахъ, съ другой—политика крупныхъ собственниковъ, которые при раздачѣ своихъ земель въ арендное владѣніе удерживали за собою части ихъ, чтобъ имѣть возможность лучше поддерживать свои права и противиться захватамъ. О послѣднемъ, и чрезвычайно характерномъ для образованія италіанскаго феодализма, явленіи придется еще говорить отдѣльно и подробно; теперь указываю на него, чтобы не впасть въ односторонность при объясненіи дробленія правъ на земли. Хотя въ частныхъ случаяхъ выдачи долей имѣнья въ либелларное владѣніе нѣтъ никакой возможности сказать, получилось ли дробленіе вслѣдствіе той или другой причины, вслѣдствіе ли того, что самъ собственникъ владѣль по рас-

---

ibidem sextariorum VIII et pugillorum III. Ex utrisque partibus terra ingelrami et suorum consortum. Aliam petiam ibidem pugillorum VI. Ex utrisque partibus terra ingelrami et suorum consortum. Aliam petiam ibidem subuena sextariorum VI et pugillorum VI, (fines) — terra ingelrami et suorum consortum — — uia — — terra monasterii domini saluatoris.

¹⁾ Cod. emph. Farf. f. 229, 230.

²⁾ Badia di Passignano, 884, карта: — — uenundare et tradere preuidi uobis silielmo et tassimanno germanis filiis bonae memoriae marini medietate de duo sorti massarie illa meam parte quit mihi da consortis meis par(te) contangit uel contangere debis etc. — Cp. Badia di Passignano, 997, карта 30-го и іюля 9-го.

чету съ сонаслѣдниками только какою-нибудь половиною или четвертью имѣнія, или же потому, что онъ, владѣя всѣмъ имѣніемъ, хотѣлъ выдать эту половину или четверть, — тѣмъ не менѣе общее заключеніе о вліяніи конкуренціи правъ по наслѣдству нисколько не подрывается этою неопредѣленностью въ частныхъ случаяхъ. До какихъ размѣровъ доходило дробленіе владѣльческихъ правъ — показываютъ слѣдующіе примѣры, взятые на удачу изъ грамотъ аббатства Фарфы и Лукскаго епископства. Въ 990 году Франко, сынъ Петра, получаетъ отъ аббатства Фарфы четвертую часть четверти трехъ оброчныхъ дворовъ и пятую часть четверти двухъ другихъ ¹⁾; въ 999 году, судья Убертъ получаетъ шестнадцатую часть участка въ Ювіани ²⁾; въ 1000 году два брата получаютъ полторы унціи ($\frac{3}{24} = \frac{1}{8}$) изъ принадлежащей монастырю половины земли ad samprum S. Benedicti ³⁾; въ 1000 же году Лотарій и Гвибурга получаютъ половину одной деревни и три доли ($\frac{3}{12}$?) половины двухъ другихъ ⁴⁾. Въ Лукскаго области въ 935 году епископъ заключаетъ мѣнновой актъ на громадное количество имѣній и земель съ братьями Аудерамомъ и Ильдебальдомъ, которые во всѣхъ участкахъ даютъ только половину и четвертую долю земель ⁵⁾; въ 983 году епископъ Твудегримъ выдаетъ Готтифреду, сыну Родиланда, въ арендное владѣніе треть четверти двухъ участковъ, треть пятой доли третьяго, треть восьмой доли церкви св. Петра ⁶⁾.

Указанный обычай дробить имѣнія на доли, обычай, чрезвычайно распространенный и важный, переводить насъ ко второй половинѣ нашей задачи — къ изслѣдованію средствъ, которыя принимались въ лангобардскомъ обществѣ IX и X вѣковъ для того, чтобъ избѣжать чрезмѣрнаго распадена участковъ на бесполезныя по своей незначительности частицы. Прежде всего приходитъ въ голову мысль о

¹⁾ Cod. emph. Farf. 240, 241:

²⁾ Cod. emph. Farf. 256.

³⁾ Cod. emph. Farf. 260: — — unciam unam principalem et dimidiam de medietate ipsa, quae nobis pertinet, excepto aquemolo ibidem constituto. Cp. *Badia di Colti buono* (рукопись флорентинскаго архива), 995, июнь: купчая одну восьмую двухъ участковъ.

⁴⁾ Cod. emph. Farf. f. 264: — — insuper alium casalem qui vocatur cerquetus — — de omni medietate tres partes. Insuper alium locum qui uocatur nocela. — — Similiter de omni medietate tres partes. Insuper alium locum qui uocatur corolianus — — tres partes in integrum.

⁵⁾ *Memorie di Lucca*, V, часть 3-я, № 1233, стр. 135 и сл.

⁶⁾ *Memorie di Lucca*, V, часть 3-я, № 1539, стр. 422 и сл.

соединеніи различныхъ правъ на землю или различныхъ долей ея въ однѣхъ рукахъ посредствомъ покупки, промѣна или хотя бы аренднаго держанія; и дѣйствительно, источники показываютъ, что это средство практиковалось, хотя и не такъ часто, какъ можно было бы думать ¹⁾. Гораздо важнѣе другое обстоятельство: если мы слышимъ постоянно о доляхъ имѣній и полей, то относящіяся сюда извѣстія не слѣдуетъ всегда принимать въ буквальномъ смыслѣ; владѣльская доля можетъ быть взята—и какъ реальная часть земли, и какъ часть доходовъ, и я держусь того мнѣнія, что въ большинствѣ случаевъ наследники или совладѣльцы не доводили дѣла до реального раздѣла, а пользовались имѣніями сообща, дѣля сборъ или доходы пропорціонально количеству владѣльческихъ долей. Четверти, напримеръ, вѣроятно, особенно часто образовывались изъ четвертей, на которыя имѣли право жены отъ мужей, согласно обычаю „утренняго дара“; при жизни мужа это право не приводило къ дѣйствительному выдѣленію ²⁾, и естественно предположить, что и наследники жены далеко не всегда обращали идеальную четверть, дававшую имъ право на соотвѣтствующую долю доходовъ, въ известное число луговъ и полей. Что дѣйствительно встрѣча сонаслѣдническихъ правъ на имѣніяхъ въ большинствѣ случаевъ вела не къ матеріальному раздробленію наследства, а къ соединенному пользованію имъ,—на это прямо и косвенно указываютъ нѣсколько обстоятельствъ. Вопервыхъ, значительный вѣсъ имѣетъ уже то обстоятельство, что при описаніи до-

¹⁾ Memorie di Lucca, IV, 2-я часть, append. № 14, стр. 20, 21 — libellum на три поколѣнія на половину церкви св. Кассіана, выданный епископомъ Луккскимъ Петру, сыну Ситперта; другая половина церкви принадлежала Петру. Et dum ipsam medietas mihi pertinuisse, et dividere eam mecum noluissetis, nec in profanum statum devenire, proinde ipse medietate — — nobis ad continendum — — dedisti. — Badia di Passignano, 989, ноябрь: Manifesti sumus nos gherardo et petrus germani filii bone memorie farais (per hujus) scripto painem promictere et repromictimus uo(bis tentio fi)hi bone memorie benedicti quatenus abac die non abeamus licentia et potestate — — contrate suprascripto tentio neque contra tuis filiis et redis ajere causare retollere aut contrare aut minuare aut in qualinet litis causationis et mictere de illam nostram partem quit nobis da consortibus nostris partem contangni uel contanguere deuit quod est de illa integram sextam portionem illam integram medietatem de casis et ecclesia et oratorio beatissimi sancti ghaudentii etc. Такого рода репрониссионы слѣдовали за приобращеніемъ земли покупкой или другимъ способомъ.

²⁾ См. напримеръ, Cod. dipl. Cavens. № 230, II, 22; Codice diplomatico romano, № 79, стр. 112.

лей участковъ никогда не приводится реальныхъ границъ между ними; о границахъ всегда говорится, но какъ разъ о границахъ цѣлаго участка, а не его четвертей или восьмыхъ ¹⁾; между тѣмъ дѣйствительное выдѣленіе предполагаетъ разграниченіе, которое никомъ образомъ не прошло бы незамѣтно, особенно въ виду подробныхъ до мелочности описаній, наполняющихъ въ этомъ отношеніи грамоты ²⁾. Вторыхъ, въ раздѣльныхъ актахъ иногда прямо упоминается, что тотъ или другой участокъ останется въ общемъ владѣніи, а дробиться будетъ только сборъ съ него ³⁾. Третьихъ, необходимо принять во вниманіе, что громадное большинство земель обрабатывалось не непосредственно самими собственниками и даже не ихъ управляющими, а крѣпостными и либелларіями. При этихъ условіяхъ особенно естественно и легко было дѣлить доходъ и особенно трудно дѣлить самыя участки. Иногда источники, упоминая о владѣльческихъ доляхъ, проговариваются и сами объясняютъ намъ, что въ сущности дробился только доходъ, составлявшійся изъ платежей и оброковъ зависимаго населенія. Такъ, въ одной грамотѣ флорентинскаго архива Пиммо, сынъ Петропія обѣщаетъ дать Гоццо и Таццо, сыновьямъ Таццо, и Сигифреду и Таццо, сыновьямъ Пиммо, двѣ части „*de integris casis curtis, castellis ecclesiis infra macillo et in alpe. De ipsa reditus et*

¹⁾ Въ грамотахъ аббатства Фаромъ сначала указывается обыкновенно дворъ или поле, затѣмъ говорится, съ чѣмъ оно граничатъ, и подъ конецъ прибавляется: *de his omnibus medietatem, tertiam partem* и т. п. Приведу въ примѣръ слѣдующій любонитный договоръ: Іоаннъ, по прозванію Бретальдъ, Листемарій, Эльперинъ и Фарольеъ, сыновья Адельберта и Ингица, дочь Гайдериція получаютъ на три поколѣнія два участка. *Et in campo adonis: (fines).. limite et fossato et tenent heredes ioseph cum consortibus — — laia — — massaricium et tenent heredes rodulfi cum consortibus fossatus qui dividitur inter sculculam et campum adonis et uenientes in laiam et in cofiano, bretaldus sextam partem et alii tertiam partem, et ingiza sextam partem. Pensione bretaldus denarios 17, et suprascripti denarios XII, et ingiza denarios VI.*

²⁾ Напримѣръ, *Cod. emph. Farf.*, 260: — — *a quarto latere silua et semita quae designat arborem qui uocatur cerrus, quae in eadem ualle uidetur esse et ab ipso cerro designatis aliis cerris ad alium cerrum, quae iuta siluam in uia publica uidentur esse cum duobus magnis ramis et ibi uocatur uolubrium.*

³⁾ *Cod. diplom. Cavens. № 399; II, 254: Nam ipsa ecclesia sancti petri et alia rebus da iamdicte serre in partibus salernitanorum usque ad aqua de fischetole communiter illud reservabimus dividendum per medietatem, et quacumque prodem per partes exinde tollere vel habere potuerimus, inter nos dividamus per medietatem: pars ipsius nostri monasterii tollat illud medietatem, et illis medietatem.*

pertinentiis predicate due portiones“¹⁾. Въ флорентинской грамотѣ 992 года на участкѣ сидитъ одинъ массарій, а между тѣмъ владѣльческія права на немъ дробятся на трети третей: очевидно что дробится не земля, а оброкъ²⁾. Вчетвертыхъ, наконецъ, аналогія тѣхъ лебелларныхъ договоровъ на доли имѣній, которыя, какъ я замѣтилъ, создаютъ отношенія почти неотличимыя отъ отношеній между сонаслѣдниками, показываетъ, какъ могли уживаться на одномъ участкѣ, въ одномъ замкѣ, владѣльцы, располагавшіе каждый только извѣстною его долей.

Въ результатѣ мнѣ кажется несомнѣннымъ, что хотя конкуренція правъ нѣсколькихъ наслѣдниковъ на однихъ и тѣхъ же земляхъ и должна была нерѣдко приводить къ ликвидаціи наслѣдства и матеріальному раздробленію имѣній и участковъ, тѣмъ не менѣе, въ противоположность движенію къ раздѣламъ, дѣйствовала весьма сильно и другая разумная тенденція—не уродовать и не уничтожать сложившихся хозяйственныхъ отношеній раздѣлами, а поддерживать цѣлостъ имѣній съ помощью экономической связи между сонаслѣдниками. Конечно, и это направленіе имѣло свои весьма значительныя неудобства: уже самый дѣлежъ доходовъ между десяткомъ или двумя владѣльцевъ, земли которыхъ были разбросаны по разнымъ сельскимъ округамъ, а иногда и графствамъ, представлялся дѣломъ весьма нелегкимъ, особенно въ виду того, что, кромѣ денегъ и продуктовъ, приходилось еще дѣлить рабочую силу обязанныхъ барщиною крестьянъ. Но еще большія затрудненія должны были возникать при раздѣлѣ обязанностей по хозяйству и управленію, по затратамъ и присмотру: тутъ многочисленность владѣльцевъ болѣе всего должна была мѣшать успѣшности хозяйства. Поэтому дѣйствительною устойчивостью и крѣпостью могли обладать только тѣ соединенія подобнаго рода, въ составъ которыхъ, во первыхъ, входили близкіе родственники и люди, подобранные нарочно, и которые, во вторыхъ, наиболѣе приближались къ типу такъ-называемой домовоі общины, поддерживающей связь между своими членами даже по матеріальной близости сожителства. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи наиболѣе отвѣчала потребностямъ нераздѣльности хозяйства между братьями, и дѣйствительно, мы можемъ догадаться о значеніи этой формы соединеннаго владѣнія уже потому,

¹⁾ Regio Acquisito, Monastero di Luceo, 995 г. ноября 14-го.

²⁾ Badia di Passignano, 992, августа 31-го: Ср. Badia di Passignano, 965 г., октябрь: четыре лица получаютъ *libellario nomine* дворъ съ шестью массаріями.

что она прямо принимается въ расчетъ и разбирается законодательствомъ.

167-я статья Ротари опредѣляетъ, какія части имущества должны считаться въ общей собственности братьевъ, „*qui in casam communem remanserint*“, и на какія имѣютъ частныя права отдѣльные соучастники ¹⁾. 70-я статья Лиутпранда занимается другимъ важнымъ вопросомъ, связаннымъ съ нераздѣльною собственностью братьевъ: она регулируетъ права, вытекающія изъ давности пользованія какимъ-либо участкомъ, какъ для братьевъ, такъ и для лицъ, получившихъ пользованіе отъ одного изъ нихъ; при этомъ давность устанавливается послѣ 40, а не послѣ 30 лѣтъ, какъ обыкновенно ²⁾. Изъ каролингскихъ законодателей Людовикъ Благочестивый, по крайней мѣрѣ, упоминаетъ о соединенномъ владѣніи нѣсколькихъ сонаслѣдниковъ ³⁾. И въ грамотахъ, конечно, мы можемъ прослѣдить существованіе этихъ обществъ. Въ раздѣльномъ актѣ 987 года, напечатанномъ въ собраніи грамотъ Салернскаго монастыря св. Троицы della Cava ⁴⁾, мы

---

¹⁾ Roth. 167: *De fratres, qui in casam communem remaserent. Si fratres post mortem patris in casa commune remanserint, et unus ex ipsis in obsequium regis aut indicis aliquos res adquisiverit, habeat sibi in antea obsequium portionem fratrum; et qui foras in exercitum aliquot adquisiverit, commune six patribus quod in casa commune dimiserit. Et si quis in suprascriptis fratribus gairethin fecerit, habeat, in antea cui factum fuerit. Et qui ex ipsis uxorem duxerit, et de rebus communes meta data fuerit; quando alteri idem uxorem tollere contegerit, aut quando ad divisionem faciendam uenerit, simili modo de comunes rebus ei refundatur aliud tantum, quantum frater in meta dedit. De paterna autem vel materna substantia quod relicum fuerit, inter se aequaliter dividant.*

²⁾ Liutpr. 70: *Si inter fratres per quadraginta annos possession fuerit de rebus seu de casis vel de terris quae indivisa sunt, vel per parentes, qui per quadraginta annos possedit, qualiter presumit dicere per sacramentum ad sancta dei evangelia, quod de (patre) habeo aut de fratre, aut qualis parens fuerit, quod ipsas res suas factas habuit, aut per donatione aut commutatione aut de extimatione, aut quomodo praesumpserit dicere aut firmare: leceat eum postea ipsas res habere et possedere.*

³⁾ Ludov. Pii, 11.

⁴⁾ Cav. 390, II, 243. *In nomini domine quarto anno principatus domni nostri iohanni et domni guidoni filio eius gloriosi principibus, mense ianuarii quintadecima indictione memoratorium factum a nobis faraccu filius stefani, et petrus filius ciceri, et forti et ursu germani filii iohanni vice nostra quam et pro vice de consortibus nostri, qui sumus heredes eregari de locum paternu coniunti sumus ad bonam conventientia cum ruscinius filius domnanci et cum canzu filius stefani qui grippu vocabatur, et cum petrus filius amatı vice suarum, quam et pro vice*

видимъ двѣ обширныя группы наслѣдниковъ, изъ которыхъ одна ведетъ свои права отъ Эрегара изъ Патерно, а другая — отъ нѣкаго магистра (magister?) Катозота. Первоначально и тѣ и другіе составляли одну общину, но по раздѣльному акту они раздѣляются на двѣ части, сохраняя, однако, общее владѣніе по отношенію къ нѣкоторымъ землямъ. Примѣръ этотъ особенно поучителенъ, потому что представляетъ намъ общество наслѣдниковъ значительно разросшимся и именно потому различающимся на отдѣльныя группы. Съ такого рода обществами мы встрѣчаемся неоднократно: они покупаютъ и снимаютъ земли. Такъ, въ Флорентинской области въ 987 году 6 либелларіевъ изъ которыхъ пятеро—братья, снимаютъ оброчный дворъ, съ тѣмъ чтобы поселить на немъ одного изъ своей среды ¹⁾. Около Кіуза въ 854 году 4 свободные челоуѣка поселяются на оброчномъ дворѣ для веденія соединеннаго хозяйства ²⁾. Въ герцогствѣ Сполето и Сабинской области на земляхъ аббатства Фарфы мы находимъ общества въ 8 ³⁾, 14 ⁴⁾, даже 22 ⁵⁾ либелларія. Цементомъ служить или род-

---

de suorum consortes qui sunt heredes mastri catzotti, ut dibiderehus inter nos per medium ad perpetua possessione habendum una pecia de terra nostra cum quertienu et castanei, quem usque modo commune habuimus in locum maimanu in ipsa balle super paternu, in quodtuor partes illam inter nos dividimus habentes finis tota ipsa pecia: a pars orientis quomodo ipsa paretinola discernit, fine que fuit lunici; de super parte, quomodo toru de gattuli discernit fine terra sancti salbatori: de alio latu fine nostra de toti suprascripti quod in commune reserbavinus: de subter parte fine nostra, quomodo ballone discernit, quod iam ante os annis inter nos divisum habemus qui mergit ad ipsa foce de maimanu nos nominati faraccu et petrus et forti et ursu cum nostri consortes comprehensinus in sorte nostra de ipsa sozza de ipso pede inclita medietate a parte orientis erga fine que fuit lunici, et ipsi, nominati, ruscinius et cunsu et petrus vice sua et de consortes suos comprehenserunt in sorte sua de ipso pede inclita medietate a parte occidentis erga fine nostra cummunalia, etc.

¹⁾ Badia di Passignano, 987, май: Consta me petrus filio bone memorie tendi, qui et tentio fuet uocatus, secundum conuenentia nostra et quia dare ad que auendum et casa ipsa reconcianandum et rexstan et per uno de uos aut ominis uestros quem nos miseritis inidem resedendum et uineam ipsam propainandum et edificandum laurandum et fruendum set et meliorandum dare preuidi uobis ioanni et martini et uninitio et tentio et petrus germani filii bonitie et alio ioanni consubрини fratri filio ursi ide est casa et sorte et res, etc.

²⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 854, январь.

³⁾ Cod. emph. Farfensis, 116, 160.

⁴⁾ Cod. emph. Farfensis, 243.

⁵⁾ Cod. emph. Farfensis, 347.

ство или отношенія, уподобляющіяся родству. Въ этомъ случаѣ сложилась даже особая форма принятія въ братство—*affratatio*. О такого рода принятіи говоритъ намъ, напримѣръ, лукская грамота 776 года: Рахифредъ принимаетъ Магнипранда въ имущественное общеніе съ собою и заявляетъ при этомъ: „*nullo tempore debeamus dividere, tu mihi frater et heres esse debeas*“¹⁾. Среди тѣхъ же лукскихъ грамотъ мы находимъ и слѣдующую: въ 816 году Рахифредъ назначаетъ себѣ преемниками во владѣніи церковью св. Далмація Ильмерада и Адальперта, которые должны жить, какъ добрые братья, владѣя церковью сообща²⁾. Въ Салернской грамотѣ 958 года экономическая связь закрѣпляется усновленіемъ³⁾. Чѣмъ ниже стояли люди на общественной лѣстницѣ, чѣмъ незначительнѣе были размѣры ихъ участковъ, тѣмъ пагубнѣе должно было поэтому отзываться дробленіе маленькаго владѣнія на хозяйствѣ, тѣмъ большее значеніе и распространеніе должна была имѣть домашняя община. Поэтому она особенно развивается у крѣпостныхъ, которые не только сами были заинтересованы въ сохраненіи единства своего хозяйства, но и принуждены были сообразоваться въ этомъ случаѣ съ интересами господина и землевладѣльца. Крѣпостная семья долго не разселяется, хотя и высылаетъ отдѣльныхъ своихъ членовъ ко двору господина. Поэтому она достигаетъ иногда очень большихъ размѣровъ. Беневентскіе „кондомы“, которые продолжаютъ появляться въ грамотахъ въ IX и X вѣкахъ, состоятъ изъ братьевъ съ женами, дѣтьми, племянниками, и т. д.⁴⁾ Изъ дарственной Гундельперта церкви св. Ангела ad Fogo въ Луккѣ видно, что на одномъ оброчномъ дворѣ сидѣло 5 массаріевъ, очевидно—взрослыхъ, и вѣроятно, семейныхъ; жены и дѣти въ этихъ случаяхъ считаются при отцахъ семейства⁵⁾. Въ раздѣльномъ актѣ между Адельбергой и Аламанномъ Бальдуиномъ, совершенномъ въ 854 году, такимъ образомъ перечисляется населеніе одного оброчнаго двора *de Cugini*⁶⁾: *Agioaldo cum familia sua, nomina*

¹⁾ *Memorie di Lucca*, IV, ч. 1, № 83, стр. 133.

²⁾ *Memorie di Lucca*, IV, ч. 2, № 12, стр. 18.

³⁾ *Cod. dipl. Cavens*, № 400, II, 255.

⁴⁾ *Chron. S. Sophiae*, lib. II, ap. *Ughelli*, *Italia Sacra*, X, 453; *Chron. Vulturn. ap. Muratori* *Scriptores rerum italicorum*, I, часть 2-я, стр. 363.

⁵⁾ *Memorie di Lucca*, IV, ч. 1, № 115, стр. 176: — — offero — — casa mea — — in loco Citoguiana, qui regere videtur... tinuli, idest Prandulo, Routgulo, Gaidulo, Ansulio et Lopo etc.

⁶⁾ Самое названіе не взято ли отъ отношенія между двоюродными братьями?

eorum Gaidvara, Romualdus, Maurontus cl., Cristina, Grimoald, Peredeo, Rosperga et alia persona, nomen ejus Iohannes, filius Dominiconi sclavo, et alia persona filia Gaidoaldi, nomen ejus Georgia, et alia persone filia Petroni de Besarionem, nomen ejus Dominicus. Istaе personae totae insimul ad isto masaricio debent pertinere¹⁾.

Когда община достигаетъ такихъ значительныхъ размѣровъ, какъ указанная община крѣпостныхъ, или союзъ 32 либелларіевъ, о которомъ сообщаетъ намъ грамота аббатства Фарфы, становится уже трудно сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ домашнею или сельскою общиной, слѣды которой также замѣчаются на лангобардской почвѣ. Въ концѣ прошлой главы я сослался на факты, указанные у Шупфера относительно эпохи до 774 года. Въ настоящее время, опираясь на данныя IX и X вѣковъ, можно подробнѣе прослѣдить проявленія сельскаго общиннаго союза, и при этомъ подтвердится заключеніе, высказанное въ предшествующей главѣ: несомнѣнное преобладаніе частной собственности не исключаетъ извѣстной общинной связи, которая простирается не на пахатную землю, а на лѣсныя и пастбищныя пространства, а также проявляется въ установленіи извѣстныхъ аграрно-полицейскихъ обычаевъ и общинныхъ сервитутовъ. Данныя IX и X вѣковъ не особенно многочисленны, но даютъ ясныя указанія и по своей древности особенно драгоцѣнны²⁾.

Чаще всего, особенно при описаніи границъ, встрѣчаются въ грамотахъ простыя упоминанія о communalia, terrae communes, publicum, въ смыслѣ общинной земли³⁾. При этомъ необходимо, однако, отно-

¹⁾ Mon. hist. patr. XIII, № 179, стр. 302.

²⁾ На сколько мнѣ извѣстно, ими совсѣмъ не пользовались, и интересная глава Пертиле, посвященная организаціи сельской общины, основана исключительно на позднихъ, относящихся къ XIII—XV вв., свидѣтельствахъ статутовъ и обычнаго права различныхъ мѣстностей.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 590, стр. 1008: Da mane via, da meridie accessiones da sera fluvio adua, da monte Ambrosiu et communalia, est par mensura perticas legitimas quindecim. Campo qui dicitur prato, da dues partes via, da tertia parte Johanni, da quarta parte.... communalia — — Campo ibi super Corna, coheret ei da una parte accessione, da alia Benedicti, da tertia comunalia, da quarta parte Agiprandi. Memorie Lucc. IV, II ч. № 75, стр. 104, una petia de terra, quod est orto — — prope suprascripta Ecclesia uno capo tenet in via publica alio capo tenet in terra et fossa chomunale. Memorie d. Lucca V, 2 ч. № 562, стр. 335. Piscina retunda in tumulo maritimense, quas michi advenit [a parte], Paulo presb. et Andrea germ. [ejus, uno capo tenet] in pasco publico, alio capo tenet in terra Georgi. Memorie di Lucc. V, II ч. № 358, стр. 214. Unum caput in

сяться осторожно къ самому выраженію *commune* или *communalia*, потому что оно иногда употребляется для обозначенія угодій, находящихся не въ общинномъ пользованіи села, а въ общемъ пользованіи нѣсколькихъ лицъ, сонаслѣдниковъ ¹⁾, хотя презумпція, такъ сказать, всегда въ пользу первыхъ. Иногда мы узнаемъ изъ грамотъ о самомъ допущеніи лица къ пользованію общинными угодьями, или лучше сказать, о приобрѣтеніи права на это пользованіе ²⁾. Особенно любопытно то, что въ двухъ-трехъ случаяхъ общинныя земли являются подъ характерными названіями *terra Langobardorum* и *terra barbaritana*. При описаніи границъ одного участка въ территоріи города

---

terra Wali, alio capud in Fiuwadia. Въ данномъ случаѣ повторяется терминъ «*Fiuwadia*», доставившій Шупееру матеріалъ для такихъ фантастическихъ выводовъ. Онъ, по видимому, просто соответствуетъ латинскому *rastrum publicum*. Ср. *Codice diplomatico padovano*, № 53, стр. 78.

¹⁾ Особенно ясно употребленіе слова въ последнемъ значеніи въ слѣдующихъ примѣрахъ: *Monum. hist. patr. XIII*, № 216, стр. 360. *Clausura, ad Taxaria, quod est comune cum suprascripto Benedictus et filius ejus, et est inter adfines suprascripta comunalia da montes via, etc.* *Memorie di Lucca V, II ч. № 597*, стр. 358: *lato uno tene in terra du regis, et alio lato tene in via, quas a comune reservamus*. Очень затруднительно для толкованія слѣдующее мѣсто изъ грамоты *Memorie di Lucca V, II ч. № 423*, стр. 254. *Et assignavit uno alio petiolo de terra prope ipse case, et uno alio petiolo de vinea et terra in tavola comunia de terra, qui fuerent cerrita sub casa de filii Crescinsuli uno petiolo de vinea in Bollaci, comunia de terra, in Colugna domnica comunia de silva castagnaria, et in rivo Arcatile: similiter in Barbajana terra communiter cum alii consorti in Grumino, ubi dicitur Metato Albolfi Cerrito*. По всей вѣроятности, дѣло идетъ тутъ о земляхъ въ общемъ владѣніи между дѣлящимися.

²⁾ *S. Salvatore di M. Amiata, 876, мая 4-го*: *Острибертъ заключаетъ съ Гизальпрандомъ либелларный договоръ: — et in ipso casale de palia in ipsa comunia carrilum et pabulum absca homni tempore*. Опираясь на это свидѣтельство, мы можемъ право предположить, что также объ общинныхъ угодьяхъ, а не о простыхъ сервитутахъ на частной землѣ говорятъ другія грамоты того же монастырскаго архива. *S. Salvatore di M. Amiata, 830, декабрь: — et dedimus tibi pabulo ad nutrimentos tuo in ipso cadio (cagio-Gehege) et si ibi glande mande caueris ipsi porci nos iustitia exinde detis dōcima*. *S. S. di M. A., 853, май, № 1: — et licentia aveatis cum nobis panulo auere in ipso cagio domnicale [in casale palia]*. *S. S. di M. A., 903, ноября 4-го: — et licenciam abeatis cum tuo bestie pabulum abere et capilu facere in ille silbe domnicate*. Ср. также *Gattula, Accessiones ad historiam Abbatiae Cassinensis, II, № 31, стр. 44: — concedimus in praedictum monasterium jam dictum montem S. Leutherii ad pavendum peculii, erbas et frondes, et escas tam praefati monasterii, quam et de suis liberis commendatiis, et ibique ligna caedendum etc.*

Ареццо сказано, что съ одной стороны онъ смеженъ „съ землею Лангобардовъ“, а съ другой—съ „варварскою землею“¹⁾.

Ясно, что дѣло идетъ о поляхъ, которыя находились когда-то въ собственности не частныхъ лицъ, а цѣлыхъ поселеній Лангобардовъ и варваровъ, и отъ этого обстоятельства получили свое названіе. Естественноѣе всего предположить, что при самомъ завоеваніи въ области Ареццо среди окрестной римской народности сѣло нѣсколько большихъ сплоченныхъ группъ Лангобардовъ и другихъ варваровъ²⁾, которыя, выдѣливъ себѣ сколько нужно земли, держали часть ея въ общинномъ владѣніи. Тетта *barbaritana* упоминается не въ этотъ единственный разъ въ документахъ монастыря св. Флоры и Лудиллы³⁾; въ X вѣкѣ она вошла въ составъ большаго имѣнія, состоявшаго преимущественно изъ лѣсовъ и образовавшагося въ рукахъ марекграфа Тосканскаго Уберта⁴⁾. То же самое названіе, объясняющееся тѣми же обстоятельствами, мы встрѣчаемъ въ одной миланской грамотѣ⁵⁾.

¹⁾ S. S. Flora e Lucilla, № 14, 968, февраль: — — est ipsa petia de terra in desinatis locas: de una parte est terra lagubardorum et de tres partes te barbaritana.

²⁾ Въ территоріи Ареццо сохранилось многочисленное римское населеніе, и завоеватели образовали только нѣсколько отдѣльныхъ поселеній. Къ такому заключенію и приводитъ насъ то обстоятельство, что въ Ареццо удержались послѣ лангобардскаго завоеванія католическіе епископы и вѣроисповѣданіе, тогда какъ въ соседней Сіенѣ, напримѣръ, епископство одно время было уничтожено. Отсюда и развивался знаменитый процессъ между епархіями. *Troya*, Cod. dipl. langob. III, № 400, и сл.

³⁾ Еще въ 966 году марекграфъ Убертъ разрѣшаетъ споръ между монастыремъ св. Флоры и св. Андрея и Вальхеріемъ по поводу земель въ «montione et terra barbaritana et martinense» (St. Flora e Lucilla, № 13, 966, июль). Въ 1014 году споръ этотъ возобновился съ сыновьями Вальхерія (Опись документовъ св. Флоры и Лудиллы, I, 33). Ср. Flora e Lucilla, № 31, 1003, май: *promissio Idebrandi et Joannis facta monasterio S. Florae in locis Lina et Barbaritana, quae usque moda tenuerunt*. S. S. Fl. e Luc., № 38, 1008, ноябрь: *Actio abbas locat Joanni filio Boniperti integram casam et rem illam positam in plebe S. Martini, sita castro, et in casole Piscillae, quae recta fuerat per Petrum — ipsa terra dicitur Barbaritana*. Ср. выраженіе «fabula pagana», *Fertile*, IV, 320.

⁴⁾ *Repetti*, Dizionario storico e geografico toscano, v. v. Chiusura Obertengha.

⁵⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 475, стр. 822 (918 г.): *Tercio campo per mensura tabolas duodecim de una parte Sancti Abundii, de alia Langobardorum; silva Castanalbi cum ipso campo tenente est juges duas, da una parte Sancti Abundii, de alia Sancti Benedicti, de tercia Langobardorum. Et in Roboreto prado uno per mensura juges duas et tabolas quindecim; da una parte Sancti Abundii, de alia sancti Benedicti... Langobardorum et comunalias*.

Чрезвычайно важный вопрос по отношенію къ пользованію общинными угодьями составляет вопрос о правѣ такъ-называемой заимки, обращенія пустопорожней общинной земли подъ обработку и въ частное владѣніе. Поздѣйшее обычное право отдѣльныхъ мѣстностей весьма различно разрѣшаетъ этотъ вопросъ ¹⁾. Въ лангобардскихъ документахъ разбираемой эпохи можно найти только одно свидѣтельство, сюда относящееся. Въ 987 году Ланденольфъ Беневентскій утверждаетъ за аббатствомъ Монте-Кассино расчищенные ими въ лѣсу мѣстности, но затѣмъ прибавляетъ: *non habeant potestatem de jam dictis Silbis plus scampare (scampare?) uel ad cultum perducere* ²⁾.

Кромѣ общинныхъ земель, жители села могутъ въ извѣстное время пользоваться даже частными землями своихъ сосѣдей. Этими общинными сервитутами или „*adempriui*“, какъ ихъ называли впоследствии, занимается уже законодательство Ротари. 358-я статья, правда, оговариваетъ права не общинниковъ, а постороннихъ путешественниковъ по отношенію къ пастбищамъ и лугамъ частныхъ собственниковъ, которые могутъ гнать съ нихъ постороннихъ только до сѣнокоса и жатвы ³⁾, но то, что приходится устанавливать законодательнымъ порядкомъ для чужаковъ, разумѣется само собою и установлено обычаемъ для односельчанъ. Именно это право односельчанъ имѣетъ въ виду любопытный, составленный на ужасномъ языкѣ, ломбардскій документъ начала 70-хъ годовъ X столѣтія—договоръ между епископомъ Миланскимъ Амвросіемъ и жителями села Велате, по которому, между прочимъ, епископъ обезпечиваетъ за ними право собирать хворостъ и пасти скотъ на извѣстныхъ земляхъ, за исключеніемъ луговъ *tempore*

¹⁾ *Pertile*, IV, 328, 329.

²⁾ *Gattala*, *Accessiones ad historiam Abbatiae Cassinensis*, II, стр. 86.

³⁾ *Roth.*, 358: *Nulli sit licentia iterantibus erba negare, excepto prato intacto tempore suo, aut messam. Post fenum aut fruges collectas, tantum vindicit cuius terra est, quantum cum clausura sua potest defendere. Nam si cavallus iter facientibus de stupla aut de ipsa pascuā, ubi alia peculia pascent movere presumpserit, in actogild ipsius cavallus componat, pro eo quod ipsos de arvo campō, quod est fonsaccri, movere praesumpsit. Ср. по отношенію къ лѣсу, ст. 300-я. Въ 358-й статьѣ остается несомнѣнно понятнымъ мѣсто объ изгороди. Что полагало границы ихъ установкѣ послѣ сбора сѣна и жатвы (*potest defendere*)? Рѣшеніе общинниковъ? Обратную сторону дѣла, запрещеніе путешественникамъ пользоваться пастбищемъ повсюду и во всякое время представляетъ 14-я статья Барда Великаго. *Et nemo herbam alterius tempore defensionis tollere presumat, nisi in hostem pergendo aut missus noster sit; et qui aliter facere praesumpserit, emendet.**

defensionis¹⁾). Въ чемъ состояла и какъ производилась эта защита—объясняетъ намъ уже позднѣйшая, описанная подробно, практика²⁾).

Въ послѣднемъ изъ приведенныхъ мною лангобардскихъ документовъ епископъ обращается ко всей общинѣ села Велате. Община является также in corpore въ грамотѣ аббатства Ла-Кавы отъ 977 года, которая даетъ намъ слѣдъ такъ-называемаго общиннаго ретракта³⁾. Жители города Атрани, около Амальфи, покупаютъ у епископа Пестумскаго Пандона земли на берегу моря, при чемъ находящееся на лицо населеніе дѣйствуетъ за себѣя и за находящихся въ плаваніи согражданъ. Въ случаѣ, еслибы кто изъ покушниковъ захотѣлъ впослѣдствіи продать свою долю приобретенныхъ земель, онъ обязанъ предложить ее для покупки товарищамъ, и только если въ теченіе тридцати

¹⁾ Monum. hist. patr., XIII, № 755, стр. 1325: Breve qualiter convenerunt inter se, id sunt vicis de Velate et Ambroxio archipresbitero de securitate de Vicensione da munte Velasco. In primis debet facere liberis ominis de mansiones et ortoras, sicut cernitur vias qui pertis (pergit) da parte sera et subtus ipsa via, da parte sera tenente uno capu a porta qui dicitur porta vetre, alio caput in termine qui misit Riprando, est per mensura jugias duas; et de eonem turitate [eodem securitate] qui pertinet a parte Sancte Marie, de ficias et auteritate de sue mansiones domnegale et ad sue focum et ad sua cucina et ad suo pristino seu ligna sica, quantu in terra trovavit illis omnibus in eonem munte abitavit et omnes bestias qui ipse arhipresbitero pascunt, preter ante pono mihi pratas sulant essa defensa in tempore defensionis, et ipso arhipresbiter debet facere securitatem cum suo avvocato et cum domnus Arnulfus arhiepisopus de predicto munte nulla contradicione da parte predicta ecclesies sancte..... martere sancti Victori site Warese, perdilivium non debet causare, set comuniter frugere debent suorum omnes, qui in ipso vico abitarunt Velate.

²⁾ *Pertile*, IV, 320, 321.

³⁾ Cod. diplom. Cavens., № 296, II, 106 и сл.: Nobissime venerunt ad nos omnes atrinenses tam pro se, quam et pro vice de omnes alii atrianenses qui ad navigandum sunt, qui dixerunt nobis, ut si dederimus per convenientiam de res nostri episcopi in lucaniense finibus, idest da fontana, que est in loco qui dicitur arenosa, et usque duo flumina, dare nobis exinde pretium plux quam valiente est, et latitudo querunt de ipse res tollere da litore mari in supra in omni loco miliaria dua. — — Et in tali hordine illud vobis tradidimus, ut si quis se omnes suprascripti atrianenses sortionem, quod de ipsa res per unumquemque evenerit aut evenire debuerit vos aut vestris heredibus datura aut venditura habueritis, inter vos illud vindite ad iustum valiente pretium. Et si forsitan infra dievus triginta noluerit illud emere inter vobis ad iusta valiente pretium, tunc licebit vos illud dare cui volueritis. Nam si infra ipso constituto per quabis modis cuicum que illud vel exinde dederitis sic, ut de potestate eius fuerit substractum. tunc sine pretium revertar illud quod datum paruerit, ad omnes supradictos atrianenses et ad eorum heredes. Cp. Cod. dipl. Cav. № 299, II т., стр. 111.

дней не явится покупщиковъ изъ ихъ числа, продающій можетъ войти въ сдѣлку съ лицами, не принадлежащими къ общинѣ. Къ той же самой цѣли, какъ и ретрактъ, то-есть, къ сохраненію извѣстной территоріи во власти членовъ общины и къ недопущенію постороннихъ, враждебныхъ общинѣ элементовъ, влонится другой рѣдко встрѣчающійся и тѣмъ болѣе важный обычай—зачисленіе всѣхъ членовъ общины въ рядъ законныхъ наслѣдниковъ каждаго отдѣльнаго изъ нихъ, въ отсутствіи близкихъ родственниковъ, а иногда даже преимущественно передъ ними. Ничего подобнаго знаменитому и крайне архаическому постановленію Франкскаго короля Хильдерика (с. 3) лангобардская практика, конечно, не имѣетъ, но и въ ней мы встрѣчаемъ слѣдующій весьма интересный случай ¹⁾: Въ 797 году гастальдъ Вацко даритъ аббатству Монте-Кассино нѣсколько участковъ земли и въ то же время отпускаетъ на волю своихъ рабовъ и рабынь, и не ограничиваясь этимъ, устанавливаетъ для нихъ правила наслѣдованія, отличающіяся отъ обыкновеннаго порядка только своею послѣднею клаузой: если не будетъ родственниковъ, наслѣдуютъ товарищи по отпуску на волю. За неимѣніемъ даже ихъ, имущество переходитъ къ монастырю. Всего проще объясняется этотъ порядокъ, конечно, при предположеніи, что между товарищами по отпуску на волю существовала имущественная солидарность, что они были членами одной и той же сельской общины.

Всѣ эти отрывочныя свидѣтельства не говорятъ намъ, какъ велико было протяженіе общинныхъ земель, и какую роль онѣ играли въ народномъ хозяйствѣ. Точный и категорическій отвѣтъ на эти вопросы дать, конечно, не возможно, такъ какъ никакихъ данныхъ на этотъ счетъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не имѣется. Можно, однако, воспользоваться для общаго и приблизительнаго отвѣта указаніями двоякаго рода фактовъ, которые на первый взглядъ какъ бы противорѣчатъ другъ другу. Съ одной стороны, позднѣйшіе источники не только разясняютъ характеръ и подробности общиннаго владѣнія въ Италіи, но и доказываютъ несомнѣнно, что, особенно въ сѣверныхъ

¹⁾ *Gattula*, *Accessiones ad historiam Abbatae Cassinensis*, II, 19: De servis vero, et ancillis, quos liberi dimisimus, ita volo, ut si unus ex ipsis, vel qui de ipsis procreati fuerint pro quocumque capitulo mortui fuerint, pater succedat filio, et filii vel filiae succedant patri sicut uterinus frater fratri suo in vinne fasultate succedantur. Quod si filios, vel filias, aut fratres reliquerit, succedat parente, si parente non fuerit, succedat ei colibertus, si colibertus non fuerit, succedant monasterio.

ея частяхъ ¹⁾ и въ горныхъ мѣстностяхъ Аппенинъ и Абруццо, общинныя земли были весьма значительны ²⁾. Въ Пиемонтѣ онѣ еще въ XVIII вѣкѣ занимали, по расчету тогдашнихъ агрономовъ, шестую часть всей территоріи. Въ горной части Венеціанской области, согласно донесенію чиновниковъ отъ 13-го августа 1794 года, семь-восьмихъ земли находились въ рукахъ общинъ ³⁾. Въ Аппенинахъ и Абруццахъ общинное владѣніе держалось до нашихъ дней. Имѣя въ виду эти факты и свидѣтельства обычнаго права XV и XVI вѣковъ, особенно въ Пиемонтѣ, Веронской маркѣ и Венеціанскихъ владѣніяхъ, весьма естественно прійти къ заключенію, что въ болѣе раннія эпохи общинное владѣніе должно было играть еще болѣе значительную, какъ бы первенствующую роль. Между тѣмъ, источники IX и X вѣковъ показываютъ намъ, что такое заключеніе было бы весьма преждевременно и несправедливо. Въ данномъ случаѣ важенъ не простой аргументъ отъ молчанія, или лучше сказать, отъ рѣдкаго упоминанія источниковъ, а то обстоятельство, что мы не слышимъ о общинныхъ земляхъ, когда должны были бы слышать, еслибъ онѣ были очень распространены. Отъ VII вѣка совсѣмъ почти не сохранилось грамотъ, отъ VIII сохранилось ихъ сравнительно немного — сотни четыре, но отъ IX и X вѣка до насъ дошли тысячи, даже десятки тысячъ грамотъ, которыя для всѣхъ мѣстностей и со всѣхъ сторонъ перерабатываютъ вопросъ о землевладѣніи, а между тѣмъ даже простое упоминаніе о земляхъ общинъ встрѣчается какой-нибудь десятокъ — другой разъ. Особенно поражаетъ то обстоятельство, что такъ рѣдко говорится о нихъ при описаніи границъ. При этихъ условіяхъ возможенъ только одинъ выводъ, именно, что общинное владѣніе играло совершенно второстепенную роль сравнительно съ частнымъ. Къ какимъ бы мы ни прибѣгали предположеніямъ, чтобы облегчить себѣ пониманіе этого факта, хотя бы мы предположили, наприимѣръ — на что, по видимому, имѣется достаточное основаніе, — что общинныя лѣса и пастбища скрываются иногда подъ названіями помѣщичьихъ лѣсовъ и пастбищъ ⁴⁾, — все-таки только что высказанное положеніе останется въ

¹⁾ *Pertile*, IV ч., 320 и сл.; Ср. *Codice diplomatico padovano*, introd. LXI.

²⁾ *Stefani*, *Dei beni comunali*, *Rivista Europea*, 1878.

³⁾ *Pertile*, IV ч., 332.

⁴⁾ *Silvae dominicales*, *sagia dominicalia*, *pascua dominicalia*. Право на такого рода предположеніе даютъ намъ факты въ родѣ приведенныхъ выше изъ грамотъ — S. Salvatore; di M. Amiata, 830, декабрь; 853, май; 876, май; 903, декабря 4-го

силѣ. А въ то же самое время ясно, что позднѣйшее общинное владѣніе не возникло на мѣстѣ прежняго частнаго. Чтобы согласить эти противорѣчія, остается одно предположеніе. Въ XV—XVIII вѣкахъ находилось въ общинномъ пользованіи множество мѣстностей, которыя въ IX и X не были ни въ чемъ пользованіи, а представляли дикій пустырь, номинально принадлежащій государству. Намъ придется еще говорить о томъ, какъ много запустѣлыхъ пространствъ представляла Италия этого времени. Въ грамотахъ мы часто встрѣчаемъ выраженія „terra vacua“, „vaciva“ или „basiva“. Въ XVII и XVIII вѣкахъ эти земли были уже подчинены культурѣ и находились въ рукахъ частныхъ собственниковъ, или же, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ общинъ, въ качествѣ общинныхъ угодій. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ народномъ хозяйствѣ лангобардскихъ областей Италии, особенно центральныхъ, Ломбардіи, Тосканы и Сполето, общинное владѣніе не имѣло особеннаго значенія, сравнительно съ частною собственностью, и не могло задержать тѣхъ процессовъ, которые происходили въ сферѣ этой частной собственности, и главное, процесса образованія крупныхъ аристократическихъ владѣній и приведенія въ зависимость къ нимъ мелкихъ хозяйствъ.

Разсмотрѣвъ—на сколько это позволяютъ источники—условія, ограничивавшія частную собственность въ лангобардской Италии, мы должны теперь перейти къ характеристикѣ великаго процесса феодализаціи землевладѣнія. При этомъ намъ предстоитъ задача двоякаго рода: во первыхъ, познакомиться съ различными формами землевладѣнія въ занимающую насъ эпоху, указать главнѣйшія характеристическія черты каждой изъ этихъ формъ въ отдѣльности и въ то же время прослѣдить тѣ фактическія условія, подъ влияніемъ которыхъ онѣ образовались; во вторыхъ, сдѣлать обзоръ распредѣленія земельной собственности и владѣнія въ различныхъ областяхъ лангобардской Италии и указать историческія видоизмѣненія, происходившія въ землевладѣніи въ періодъ времени отъ франкскаго завоеванія до конца X вѣка. Послѣднее будетъ составлять уже задачу слѣдующей главы.

Mon. hist. patr. XIII, 1325. Хотя собственность общиннаго лѣса или пастбища перешла къ помѣщику, зависимое село сохраняло право пользованія, иногда подъ условіемъ несенія извѣстныхъ повинностей. Явленіе это—одно изъ самыхъ обыкновенныхъ въ исторіи распаденія сельской общины. Ср. Cod. dipl. padovano, № 60, стр. 86.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ основной, подлежащій разрѣшенію вопросъ касается отношеній между полною собственностью и зависящимъ владѣніемъ. Последнее вырабатывается въ весьма разнообразныхъ формахъ, къ которымъ мы и обратимся, прежде чѣмъ говорить о положеніи полной собственности.

Если имѣть въ виду только существеннѣйшіе признаки и оставить безъ вниманія явленія смѣшаннаго характера, то можно будетъ, на основаніи формальныхъ поводовъ къ выдачѣ владѣнія собственникомъ, установить слѣдующую классификацію формъ зависимаго владѣнія: а) собственникъ вознаграждаетъ владѣльца за сдѣланное ему пожертвованіе—отсюда узупруктъ, если владѣлецъ получаетъ обратно то, что самъ уступилъ, или прекарія, если онъ получаетъ лишнее; б) собственникъ вознаграждаетъ владѣльца за службу—бенефиціей духовный и свѣтскій; в) собственникъ ищетъ выгоды въ платѣ владѣльца деньгами, продуктами или трудомъ—эмфитеоза, если выгода состоитъ главнымъ образомъ въ улучшеніи участка, или либелларный и колонатный договоры, если снимаютъ землю за плату свободные люди, или наконецъ—крѣпостное держаніе, если пользуются землей несвободные и полусвободные. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, на какія подраздѣленія распадаются эти главныя формы, и какъ онѣ въ иныхъ случаяхъ сочетаются между собою.

Узупруктъ встрѣчается весьма часто въ средневѣковыхъ грамотахъ и служитъ однимъ изъ главныхъ путей, которыми полная собственность свободныхъ людей переходила въ руки духовныхъ корпорацій. Основная мысль договора на столько опредѣленна, онъ на столько отличается отъ различнаго рода арендъ и бенефиціальныхъ выдачъ, что его необходимо выдѣлить по существу въ особый разрядъ. По формѣ, однако, онъ не выработался самостоятельно, а то примыкаетъ къ дарственному акту, то скрывается подъ формою либелларнаго договора или прекарія. Иногда жертвователю въ свою дарственную вводитъ клязу о томъ, что онъ оставляетъ за собою право пользоваться пожертвованнымъ имуществомъ¹⁾; иногда же въ

¹⁾ Memor. di Lucca, IV т., часть 2, Append. № 44, стр. 57: Offero — — Ecclesiae — — S. Martini — — ipsa suprascripta casa in predicta loca ad Monte et Casale, Sive Paxile, ubi Montise dicitur — — anteposito quod ego Sive nepotibus meis idest Andreado et Candido, qui Toto vocatur — — debeamus abere fruges de ipsis rebus, et pensione per omne anno Semper in mens Decembre reddere in loco Asilacto ad ministeriale uestro — — denarios X. № 47, стр. 60. In eo ordine, ut

обыкновенной по виду арендной сдѣлкѣ упомянуто, что снимаемое имѣніе перешло къ собственнику отъ самого арендатора ¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ usufructъ подчиняется правиламъ рендуального или либелларнаго договора, является и неотъемлемая принадлежность послѣдняго — арендная плата. Но такъ какъ въ сущности собственнику платить не за что, или говоря иначе, ему уже вполне уплачено переводомъ на него земли, то и арендная плата назначается ничтожная, какъ бы фиктивная ²⁾, и отвѣчаетъ косвеннымъ дѣламъ — служить для поддержанія и доказательства правъ собственника, и какъ уже сказано, придаетъ акту форму аренднаго договора.

Какъ разновидность, не особенно впрочемъ существенную, необходимо отмѣтить акты въ родѣ ломбардской грамоты 848 года: Аламаннъ Гунціонъ получаетъ въ пожизненное пользованіе имѣнія, которыя самъ продалъ за 30 солидовъ, и цѣну которыхъ онъ возвратилъ монастырю ³⁾. Такъ какъ при этихъ условіяхъ мы имѣемъ дѣло, въ сущности, съ тѣмъ же пожертвованіемъ земли, то и нѣтъ необходимости останавливаться на этихъ случаяхъ.

Жертвователю могъ оставить пользованіе имѣніемъ не себѣ только, но и своимъ наслѣдникамъ. Примѣры предоставленія пользованія нѣсколькимъ лицамъ, опредѣленно обозначеннымъ, попадаются весьма

---

dum ego qui supra Petrus Pr. advixero, et de una alia persona post meam obitum, cui ego casis et rebus superius dicte decrevero abere, in nostra sit potestatem abendi, possidendi, laborandi, adque usufructuandi.

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 59, стр. 112. Manifesta causa est, quod iam ante hos annos per cartulam donationis et concessionis superscripte ecclesie sancti Ambrosii vel cella ubi usque nunc convivere visus es, casellas iuris tui ubi habitare visus fuisti, que est posita in vico Brisconno, portionem tuam cum territoria et adiacentia sua mobilibus et immobilibus, quicquid ad manus tuas habueras aut in antea acquirere potueris, sed miserationis causa relaxaveras tibi custodis de ipsa cartula rebus ipsis usufructuario nomine, et tu insuper inibi adquisisti simul et singulis mobilibus rebus unde similiter ex permisso et verbo beatissimo viro Petro archiepiscopo cuncta tibi Theoperti omnibus illis, quicquid per ipsam cartulam concessisti, aut postea quoque ingenio adquisisti, aut a te devolutum est ut habes usufructuario nomine omnibus diebus vite tue. Cp. Mem. d. Lucca, IV, II ч., 33 и V, II ч., 568.

²⁾ Въ 885 году, напримѣръ, миланскій купецъ Симплиціанъ жертвуетъ монастырю св. Амвросія нѣсколько сотъ югеровъ земли и сохраняетъ себѣ пожизненное пользованіе ими подъ условіемъ ежегодной платы въ 12 динариевъ. Monum. hist. patr. XIII, № 333, стр. 559.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 167, стр. 284; cp. Monum. hist. patr., I, № 174, стр. 291.

часто ¹⁾). При этомъ размѣры платы иногда увеличиваются для наслѣдниковъ, выгодами которыхъ жертвователи менѣе интересуются, нежели своими собственными ²⁾). Рѣже всего попадаются случаи предоставленія пользованія всѣмъ наслѣдникамъ ³⁾). Это подтверждается между прочимъ 30-ю статьею Людовика Благочестиваго ⁴⁾): она запрещаетъ наслѣдникамъ предъявлять свои притязанія на собственность, которую ихъ умершіе родственники пользовались на правахъ узурфрукта и подъ условіемъ извѣстной платы; только за сыновьями и внуками жертвователей признаются права въ этомъ отношеніи, да и то, если права эти прямо оговорены въ условіи.

Какія побудительныя причины заставляли отказываться отъ собственности и переводить ее на монастырь или на какого-нибудь богатаго человѣка? Не трудно по этому поводу представить весьма правдоподобныя догадки, но сами источники даютъ намъ на этотъ счетъ довольно опредѣленныя указанія, которыми лучше всего воспользоваться. Переводъ собственность на духовную корпорацію и становясь зависимымъ отъ нея пользователемъ, Лангобардъ IX или X вѣка обыкновенно преслѣдовалъ одну изъ четырехъ цѣлей: онъ старался уйти отъ связанныхъ съ земельною собственностью государственныхъ повинностей, искалъ у церкви защиты отъ притѣсненій и разореній со стороны своихъ личныхъ враговъ, могущественныхъ сосѣдей или должностныхъ лицъ, искалъ экономической помощи изъ богатыхъ церковныхъ средствъ, наконецъ—руководился благочестивымъ желаніемъ содѣйствовать обогащенію церкви, не рѣшаясь въ то же время отказаться безусловно отъ своего имущества. Само собою разумѣется, что весьма часто дѣйствовало нѣсколько побудительныхъ причинъ сразу. Объ уклоненіи отъ повинностей и захватахъ сильныхъ людей намъ прійдется еще подробнѣе говорить въ другой связи; въ настоя-

¹⁾ Memor. di Lucca, IV т., часть 1, № 4, стр. 8. S. Salvatore di M. Amiata, 926, сентября 2-го.

²⁾ Memorie di Lucca, IV т., часть 1, № 103, стр. 161: самъ жертвователь не платитъ ничего; сыновья его платятъ 2 солида въ годъ.

³⁾ Примѣръ—Memorie di Lucca, IV томъ, часть 1, № 82, стр. 132.

⁴⁾ Ludov. Pii, 30: Si quis terram censualem habuerit, quam antecessores sui ad aliquam aeclesiam vel ad villam nostram dederint, nullatenus eam secundum legem tenere potest, nisi alle voluerit ad cuius potestatem illi aeclesia vel illa villa pertinet, nisi forte filius eius aut nepos sit, qui eam tradidit, et ei eadem terra nostra ad tenendum placita sit.

шее время мы остановимся на двухъ другихъ условіяхъ, приводившихъ къ переводу собственности съ оставленіемъ пользованія.

Мелкій собственникъ не въ состояніи былъ своими средствами провзвести какую-нибудь крупную затраты для улучшенія своего хозяйства; онъ уступалъ собственность сосѣднему монастырю съ условіемъ, чтобы необходимыя улучшения были сдѣланы на средства монастыря, и чтобы жертвователю было предоставлено пожизненное пользованіе. Такого рода случай описываетъ намъ грамота изъ Тосканской мареммы, отъ 822 года ¹⁾. Гроссо уступаетъ монастырю Спасителя in Monte Amiata два участка, съ тѣмъ чтобы на нихъ построили домъ и мельницу. Самъ жертвователю будетъ пользоваться половиной участка, а его наследники — третью. Иногда жертвователю ищетъ содѣйствія не своему хозяйству, а себѣ лично, и потому выговариваетъ для себя пищу, одежду, вообще содержаніе. Въ лужеской грамотѣ 780 года настоятель церкви св. Регула in Waldo общается кормить и содержать Урсула клерика, пожертвовавшего свою собственность церкви, или же оставить за нимъ пользованіе участкомъ ²⁾; въ миланской грамотѣ 863 года священникъ Амилбертъ получаетъ отъ монастыря св. Амвросія въ Миланѣ пищу въ одной изъ монастырскихъ усадебъ, а на обувь и одежду ему пойдетъ сборъ съ пожертвованнаго имъ же самимъ имѣнья ³⁾.

Въ тѣснѣйшей связи съ только что описанною формою находится

¹⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 822 г., октября: — — dedi uobis amabili uiro venerabili presbytero et prepositus uel in monasterio domini Salvatoris — — terrula mea qui posita est in pantanu finibus maritime ad molinu edificandum simul et dedi tibi cuius supra terrula per longu pedes qudragentum et per lato pedes trigenta sita per ripa ad casa faciendo una cum massi (sic) in integrum; — — in ipso molino — — uel in ipsa casa in plano facta habere ego grosso dum aduixero medietatem de ipso molino uel de casa. — — Post uiro meo decessus abea heredibus meis tam de molino quam et de casa tertia portionem.

²⁾ Memorie di Lucca, V, часть 2, № 180, стр. 105: Repromitto ego Lampert presbitero tibi jam dicto Urse cler. ud te gubernare diuicias, pro quibus res tua nobis offeruisti, si tu nouiscum in casa mea S. Reguli auitare uolueris uestitu calciatus nutritus tam ego q. s. Lampert presbitero, quamque et posterus successore meo; et tu nobis voluntate et obedientia facere diuicias de quicquid tibi iustituerimus. Et si forsitan tu mecum aut cum posterum successorem meum pensare aut istare non potueris in ipsa Dei Eccles. S. Reguli: per hanc cartula te firmo in ipsa casa et rebus, quod tu per cartula offerisionis emisisti, omnia et in omnibus in integrum in ipsis rebus offerta tua te firmo.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 227, стр. 380; ср. *Pertile*, IV, 537, § 157—Contratto di vitalizio.

.. переводъ собственности изъ благочестивыхъ побуждений, потому что забота о собственномъ прокормленіи рѣдко покидаетъ жертвователей, а иногда высказывается ими прямо. Весьма часто случается, что имущественное распоряженіе соединяется съ распоряженіемъ личностью: жертвуетъ кто-либо себя самого или своего сына и при этомъ имѣнье. Акты такого рода въ грамотахъ составляютъ особый разрядъ такъ-называемыхъ *oblaciones* ¹⁾. Не слѣдуетъ думать, чтобъ они совершались только въ томъ случаѣ, когда извѣстное лицо постригалось въ монашество или принимало духовный санъ: *oblatus* совершенно также удобно могъ оставаться миряниномъ въ покровительствѣ и зависимости отъ монастыря ²⁾.

Когда узуфруктъ осложняется тѣмъ, что пользователь, независимо отъ доходовъ съ участка, получаетъ еще какія-либо выгоды въ смыслѣ хозяйственной помощи или содержанія, то эта форма зависимаго владѣнія подходитъ уже весьма близко къ прекаріи, отличительнымъ признакомъ которой мы считаемъ прибавленіе къ пожертвованному участку одного или нѣсколькихъ другихъ. Собственно говоря, акты такого рода составляютъ только одинъ изъ видовъ прекаріи, удачно обозначенный у Рота терминомъ *precaria remuneratoria*; но въ лангобардской Италіи этотъ видъ и былъ самымъ главнымъ. Хотя названіе „прекарія“ переносилось иногда, какъ мы видѣли, на узуфруктъ (*precaria oblata*) и на арендные сдѣлки вообще, тѣмъ не менѣе, духовныя корпораціи, по преимуществу раздававшія прекаріи, старались сдѣлать ихъ именно средствомъ увеличенія церковнаго имущества; существовали даже постановленія, предписывавшія давать церковную землю подъ прекарію, и не иначе, какъ при условіи воз-

¹⁾ Напримеръ, *Cod. dipl. Cav. I, № 25, стр. 28*: — *ego vir nomine petrus filius... et alfarana filia que sum axor suam — quem i nos ipsis cogitare cepimus ea deo disponente, et que remedium et salbationem anime nostre vel parentam nostrum qui hoc seculo transierunt, qualiter ad eterna bita perbenire mereamus; dum hec i nos ipsis cogitantes, subito compulsi sumus de dibina omnipotentis dei misericordiam, et pro remedio et salbatione anime nostre et offeruimus nos et tradimus nos ipsis per capillos capitis nostris in ecclessiam sanctorum apostolorum filippi et iacobi — In primus offeruimus nos et tradimus nostris persones, et tribus petie da binee, et una casa, et uno lecto cum—lana et colcitra et plumateo plenisque de plumis, et una bote da bino mittendum et una zapa etc.*

²⁾ Въ только что приведенной «*oblatio*» оба супруга, очевидно, не могутъ вступить въ одинъ и тотъ же монастырь. Впрочемъ, не вступаетъ ни тотъ, ни другой, а оба подчиняются только покровительству монастыря.

вращенія ея съ извѣстнымъ придаткомъ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, уже въ виду удобства изложенія, полезно будетъ отдѣлять прекарію отъ увуфрукта—съ одной стороны, и отъ либелларныхъ договоровъ—съ другой, хотя всѣ эти виды раздачъ сопрягаются, и названія, подъ которыми онѣ являются на практикѣ, иногда перемѣшиваются. Отдѣляя прекарію отъ либелларнаго договора, мы откладываемъ до описанія послѣдняго разборъ вопросовъ о возобновленіи договоровъ, срокахъ, на которые они заключаются, и связанныхъ съ ними повинностей.

Одною изъ причинъ болѣе тѣснаго примѣненія термина „прекарія“ въ Италіи, нежели во Франціи, является тотъ фактъ, что самая форма развила въ франкской почвѣ, хотя и подъ вліяніемъ общихъ тенденцій западнаго церковнаго хозяйства, между тѣмъ какъ въ Италіи національною формою можно назвать именно *libellum*. Характернѣйшимъ вѣншимъ признакомъ франкской формы было дробленіе акта на двѣ части: на прекарію въ собственномъ смыслѣ, въ которой излагалась просьба извѣстнаго лица о предоставленіи ему земли въ пользованіе, и на врестарію, заключающую въ себѣ разрѣшеніе настоятеля. Эта особенность является иногда и въ италіанскихъ грамотахъ, и отъ прекарій перешла, по видимому, и къ другимъ разрядамъ договоровъ: по крайней мѣрѣ обычай составлять два экземпляра грамоты, особенно если она важна по содержанию, сильно распространяется какъ разъ въ IX и X вѣкахъ ²⁾.

Для характеристики лангобардской врестаріи приведу вистойскую грамоту 831 года, хранящуюся въ настоящее время въ флорентинскомъ государственномъ архивѣ. Раффунсъ пожертвовалъ монастырю св. Вареломея принадлежавшую ему недвижимую собственность въ пяти мѣстностяхъ. Онъ получаетъ отъ аббата въ пользованіе эти имѣнья, и сверхъ того, церковь св. Маріи; пользованіе распространяется также на нѣкоего Лямпранда; прекарісты имѣютъ право распоряжаться движимостью церкви и имѣній и обязаны въ видѣ оброка отдавать монастырю треть приношеній въ церковь и платы за службы, а также треть сбора ржи, бобовъ и вина ³⁾. Мелкія осо-

¹⁾ О прекаріяхъ см. *Waits, Verfassungsg.* V, 85 и сл.

²⁾ Иногда сторона, не получившая подлиннаго документа, получала простое «арраге», то-есть, засвидѣтельствованную копію. Но часто самыя вырѣшенія двухъ документовъ нѣсколько измѣнились соотвѣтственно тому, въ чьихъ рукахъ должны были находится грамоты.

³⁾ *Rochettini di Pistoja, 831 г.*: *Modo vero precasti nos, ut tibi. bec suprascripto lamprandi presbiteri ec per Precaria in tali ordine concedimus suprascriptis casis*

бенности, которая представляетъ этотъ документъ (напримѣръ, оговорка о распоряженіи движимостью), не мѣшаютъ ему, въ общемъ, служить образцемъ другихъ документовъ того же рода ¹⁾.

Но, кромѣ прекарій обычной формы, мы находимъ въ нашихъ грамотахъ случаи, довольно значительно уклоняющіеся и образующіе какъ бы особія подраздѣленія. Укажу на три уклоненія подобнаго рода. Одно только кажущееся: жертвователъ получаетъ въ пользованіе не свой прежній участокъ съ придачею другаго, а просто другія какія-либо земли ²⁾. При нѣкоторомъ измѣненіи обстоятельствъ главныя условія прекаріи сохранены: собственность духовной корпораціи увеличилась, пользователь получилъ если не свой прежній участокъ, то его эквивалентъ съ извѣстнымъ излишкомъ. Но въ тосканскихъ грамотахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ и другую особенность, болѣе существенную. Прекаристомъ является лицо, не пожертвовавшее церкви свою собственность, а продавшее ее. При этомъ допущеніе пользованія, хотя бы на одномъ проданномъ участкѣ, является уже излишкомъ противъ условленнаго вознагражденія продавца ³⁾, но иногда продавецъ получаетъ въ прибавку еще церковныя земли ⁴⁾. Объяс-

et rebus, quibus tu nobis per suprascripta cartula tradidisti, et adderemus vobis in ipsa precaria Ecclesiam et res sancte Marie sito locus Pacationo qui est jura et proprietates sepe dicti monasterii isti sancti Bartholomei pertinere videntur. Ego quidem pro congruo consilio et voluntate Monachorum tua audientis petitione concessi et tradidi tibi jam dicto Rafuns Presbiter et Lamprandi idem Presbitero, sicut tu me postulasti, omnibus istis casis et rebus quicquid per suprascripta cartula ad temet ipsum nobis vel sacri monasterio sancti Bartholomei advenerunt, et augere vobis in anc Precaria visi sumus ista Ecclesia et res sancte Marie — — In tua propria sit potestatem habendum, atque usufructuandum, et cuncta movilia dandum, aut judicandum, seo foras ex ipsis casis vel rebus traendum. Et suprascripta Ecclesia Sancte Marie cum omnibus ad eam pertinente abere debeatis tu Rafuns Presbiter una cum Lamprand Presbiter dum ambo vixerites, communiter habendum, gubernandum, atque rebus ipsis usufructuandum, и т. д. Грамота напечатана у *Мигатори*, Antt. ital., III, 187 съ весьма незначительными уклоненіями противъ рукописи.

¹⁾ Ср., напримѣръ, Memorie di Lucca, V т., 2 ч., №№ 512 и 513; Cod. emph. Farf. fol. 44, 45; 66 и др.

²⁾ Memorie di Lucca, IV, II ч. App. № 26; V, 2 ч. № 447. Cod. emph. Farf. f. 72.

³⁾ S. Salvatore di Monte Amiata, 856, май: peto ego agiprando filius bone memorie landulino do bico lautinanum idest ipsa res tua paulo que ego ipse iam autea tibi per cartula bindictionis edmissi in fundo supanum cum suis vocabulibus etc. Такого же содержанія S. Salvatore, 858, августа 21-го, 871 г., августъ и др.

⁴⁾ Cod. emph. Farf. 63, 64: ego gaiprandus filius gaiponis peto nobis domine

неніе подобнаго рода сдѣлки найдти, конечно, не трудно: очевидно, при продажѣ произведена была продавцемъ сбавка цѣны сравнительно съ дѣйствительною стоимостью: за нее-то онъ и вознаграждается предоставленіемъ пользованія. Но, кромѣ этого объясненія, или въ дополненіе къ нему, является и другая мысль, внушаемая частымъ употребленіемъ фикцій и замаскированныхъ сдѣлокъ въ средневѣковой практикѣ. Продажа участка за безцѣнокъ могла быть отличнымъ средствомъ для того, чтобы обойти строгія предписанія лангобардскаго права, запрещавшаго расточать имущество, если были прямые наследники въ восходящей или нисходящей линіяхъ. Еще удобнѣе дѣлается, безъ сомнѣнія, этотъ путь, если на него можно было вступить, не только не теряя пожизненнаго личнаго пользованія, но даже приобретаая извѣстный излишекъ. Весьма вѣроятно, что такого рода соображенія были не чужды образованію прекарій на проданныхъ участкахъ. Къ этому виду примыкаетъ одинъ весьма необычный по формѣ документъ, которымъ закрѣпляются отношенія между двумя свѣтскими людьми: Петръ обѣщаетъ Фарольфу не сгонять его съ земли, которую Фарольфъ ему продалъ, и кромѣ того, не отнимать у него пользованія однимъ господскимъ и четырьмя оброчными дворами, все это подѣ условіемъ ежегоднаго возобновленія инвестиру ¹⁾. Последнее условіе прямо рассчитано на то, чтобы поддерживать въ памяти права собственника. Въ грамотахъ аббатства Фарфы прекарість даетъ монастырю не только землю, но и деньги ²⁾; это

perto abbas — — mihi et filiis ac nepotibus meis praestare iubeatis ipsas res et casas siue vineas et castanetum seu cerquetum, quas antea — — uendidi — — seu et res iuris uestri monasterii — — in fundo pingui et pisiniolo, que fuerunt Lamissionis et quantum mihi a mautulo in parte euenit quod est medietas etc.— Иногда плата возвращается, какъ въ некоторыхъ случаяхъ узурукта. Cod. emph. Farf., f. 58: — — rimo filius liuprandi habitator in ficoccla peto — — ut res et mobilla quas nobis — — uendidi et ex quibus pretium acceptum pro anime meae mercede uobis reddidi, ipsas mihi et formosae conjugii meae ac filii et nepotibus nostris diebus uitae nostrae praestare iubeatis. Et alias res — — iuxta ficocclam etc. Ср. Cod. emph. Farf., 65, 67 и др.

¹⁾ Badia di Passignano, 985, оевраль: — — ab ac die non abeamus licentiam nec potestatem neque ego qui supra petrus neque aut filii et eridibus tibi qui supra farolfi diebus uita tua de casis et ominibus rebus illi quem tu mihi iam ante ac die uenundasti et per cartula uenditionis in me confirmasti et curte et res mea dominicata in loco paterno cum sortis quatuor — — contendere aut contrare uel minare aut superponere — — excepto antepono annualiter inuestitura.

²⁾ Cod. emph. Farf., f. 91: Ego tento filius oderici, et ritruda uxor mea dedimus

стоитъ въ связи съ обычаемъ аббатства, вошедшимъ въ употребленіе со времени аббата Раффреда—брать известную плату при каждой арендной сдѣлкѣ. Намъ придется еще возвратиться къ этому факту при обсужденіи либелларныхъ договоровъ.

Было ли въ Италіи что-нибудь соответствующее франкской прекаріи „verbo regis“? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нельзя дать внѣ связи съ ученіемъ о бенефіціяхъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и переходимъ.

---

uobis — — solidos XL et petiam unam terrae in territorio furconino — — Prop-
 terea petimus — — in III genus — — concedere — — ipsam terram, quam in
 uestro monasterio dedimus. Et alias res — — terrae et uineaе petias tres in ter-
 ritorio furconino ubi dicitur ocræe.

II. Виноградовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Новые матеріалы для исторіи Дубровника.

Monumenta Ragusina. Libri reformationum. Tomus I. Ann. 1306—1347. Zagrabiae, 1879. Pag. 315. Sumptibus Academiae scientiarum et artium ex officina societatis typograficae. [Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Volumen X].

Въ ряду ученыхъ учреждений и обществъ, разсѣянныхъ въ южныхъ и западныхъ славянскихъ земляхъ, наиболѣе почетное мѣсто въ настоящее время неоспоримо принадлежитъ Юго-славянской академіи наукъ и искусствъ въ Загребѣ. Существова едва тринадцать лѣтъ (съ 1867 г.), при довольно скромныхъ средствахъ и не особенно благоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, она успѣла уже проявить такую широкую научную и издательскую дѣятельность, которая не можетъ не заслуживать серьезнаго вниманія и глубокаго сочувствія со стороны всѣхъ, кого занимаютъ судьбы славянства. Можно безъ преувеличенія сказать, что со времени основанія академіи строго-научное изученіе южно-славянскихъ, особенно сербо-хорватскихъ земель, вообще оживилось и далеко двинулось впередъ, и что самое главное, получило да и продолжаетъ получать прочныя задатки для дальнѣйшаго своего преуспѣванія. Дѣятельность академіи распределяется между двумя отдѣленіями— историко-филологическимъ и естественно-математическимъ; послѣднее занимается изслѣдованіемъ природы страны, занятой южными Славянами, первое имѣетъ своимъ предметомъ прошлое и настоящее самихъ народностей, и прежде всего Сербо-Хорватовъ. Задача историко-филологическаго отдѣленія весьма разнообразна; въ нее входятъ

языкъ, литература, древности, исторія, географія, народный бытъ, народная поэзія и проч. Само собою понятно, что въ дѣятельности этого отдѣленія и долженъ заключаться особенный интересъ; ей-то и посвящаютъ себя лучшія мѣстныя умственные силы, на нее преимущественно идутъ и средства академіи, отъ нея же получаютъ и наиболѣе блестящіе результаты. Главное академическое повременное изданіе Rad Jugoslavenske Akademie znanosti i umjetnosti, перешедшее уже за 50 томовъ, представляетъ не мало болѣе или менѣе цѣнныхъ изслѣдованій, критическихъ статей, сообщений и замѣтокъ по всѣмъ отраслямъ сербо-хорватской и вообще южно-славянской исторіи и филологіи. Главными тружениками здѣсь являются такіе извѣстные ученые, какъ Франьо Рачкій (предсѣдатель академіи), Симе Любичъ, Джуро Даничичъ, Ватрославъ, Ягичъ; вмѣстѣ съ ними участвуютъ въ изданіи своими трудами и другіе выдающіеся представители хорватской и сербской науки, какъ Богишичъ, Веберъ, Вальявацъ, Матковичъ, Новаковичъ, Павичъ, Руварацъ, Ткаличъ и мн. др.; на страницахъ Rada временами являются статьи и знаменитыхъ инославянскихъ ученыхъ, какъ Миклошича, Гатталы, Гейтлера и др. Независимо отъ этого главнаго повременнаго изданія, ведется другое—Starine, специально посвященное матеріаламъ и частью изслѣдованіямъ по языку, исторіи и литературѣ южныхъ Славянъ. Вышедшіе до сихъ поръ 11 книжекъ весьма богаты содержаніемъ. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ трудовъ, изданныхъ академіей отдѣльными книгами. Здѣсь будетъ неумѣстно и излишне перечислять ихъ; такія цѣнныя изданія, какъ напримѣръ, Zbornik sadašnjih pravnih običaj a južnih Slovena Богишича или Opis jugoslavenskih novca Любича, пользуются заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Почтенные дѣатели Загребской академіи относятся сочувственно ко всякому научному труду, входящему въ кругъ задачъ ихъ учрежденія, не оставаясь передъ затратами и трудностями изданій и каждый годъ обогащаютъ славянскую науку все новыми и новыми вѣладами. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время академія озабочена такимъ важнымъ предпріятіемъ, какъ изданіе полнаго словаря сербо-хорватскаго языка. Во главѣ дѣла стоитъ извѣстный филологъ и знатокъ роднаго языка и его говоровъ Джуро Даничичъ. Пробные листы выпущены уже въ 1878 г.; судя по нимъ, можно ожидать, что приготовляемый словарь полнотой и точностью объясненія словъ далеко превзойдетъ извѣстные труды Линде и Юнгмана для западныхъ славянскихъ нарѣчій.

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность академіи по изданію историческихъ и литературныхъ памятниковъ. За это важное дѣло академія принялась съ большою любовью съ перваго года своего существованія и ведетъ его въ такой разумной системѣ, съ такимъ умѣньемъ, которыя могутъ быть поставлены въ примѣръ другимъ болѣе зрѣлымъ и состоятельнымъ ученымъ учреждениямъ и обществамъ. Изданіе памятниковъ литературы начато съ богатой дубровницкой поэзіи XV, XVI и XVII вѣковъ. Подъ общимъ заглавіемъ „*Stari pisci hrvatski*“ въ настоящее время вышло десять томовъ, заключающихъ въ себѣ полное собраніе произведеній на сербо-хорватскомъ языкѣ важнѣйшихъ дубровницкихъ поэтовъ: Марка Марулича, Шишка Менчетича и Джюра Держича, Мавра Ветранича, Николаи Димитровича, Ниволы Налешковича, Ивана Гундулича и др. Большая часть этихъ произведеній здѣсь въ первый разъ являются въ печати. Для ознакомленія съ историческими памятниками южныхъ Славянъ академія предприняла двѣ серіи изданій: 1) *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium* и 2) *Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium*. Последнее начато недавно (съ 1877 г.) и представляетъ пока два тома, заключающіе въ себѣ статуты и законы острова Корчулы и Сплѣта; первое же ведется съ 1868 г. и теперь разрослось уже до десяти большихъ томовъ. Эти послѣднія „*Monumenta*“ особенно должны быть признаны замѣчательнымъ вкладомъ въ южно-славянскую исторію. Шестъ томовъ этой серіи (I, II, III, IV, V, IX) представляютъ богатое собраніе документовъ, касающихся отношеній между южными Славянами и Венеціанскою республикой за время отъ 960 г. по 1412 г. По этимъ документамъ, извлеченнымъ изъ венеціанскихъ архивовъ, должна быть вновь переработана вся исторія Далмаціи; въ нихъ получаютъ новое освѣщеніе и многія событія въ исторіи Сербіи, Босніи и всего вообще Балканскаго полуострова. Для полнаго критическаго разбора этихъ новоизданныхъ матеріаловъ до сихъ поръ не нашлось еще достойнаго труженика. Шестой и восьмой томы содержатъ въ себѣ *Commissiones et relationes Venetae*, то-есть, инструкціи венеціанскаго сената должностнымъ лицамъ, отправлявшимся въ славянскія земли, и донесенія этихъ лицъ сенату. Этими любопытными памятниками разъясняется исторія Далмаціи и другихъ славянскихъ земель въ XV и XVI вѣкахъ. Въ седьмомъ томѣ собраны почтеннымъ предсѣдателемъ академіи г. Рачкиемъ всѣ извѣстныя гѣтописныя и документальныя свидѣтельства для древнѣйшей исторіи Хорватовъ (*Documenta historiae croaticae periodam antiquam illustran-*

tia, 1877). Наконецъ, десятымъ томомъ, вышедшимъ въ концѣ прошлаго года, начинается новый отдѣлъ не изданныхъ историческихъ матеріаловъ—дубровницкіе памятники.

Достаточно исчерпавъ венеціанскіе архивы по отношенію къ исторіи южныхъ Славянъ, Загребская академія рѣшилась приступить къ разбору дубровницкихъ архивовъ, хранящихъ въ себѣ не менѣе цѣнныя сокровища. 30-го апрѣля 1874 г. въ засѣданіи академіи состоялось постановленіе въ этомъ смыслѣ; уже въ слѣдующемъ году въ Дубровникъ былъ командированъ членъ академіи Іоаннъ Ткачичъ, и вотъ теперь, благодаря трудамъ этого ученаго и помогавшаго ему дубровницкаго профессора Петра Будмани, передъ нами лежитъ первый томъ „Monumenta Ragusina“. Съ нимъ-то мы и хотимъ здѣсь познакомить читателей.

Славна и занимательна исторія двѣнадцати-вѣковаго существованія Дубровника, этой знаменитой славяно-италианской республики, ведшей обширную торговлю не только по всему Балканскому полуострову, но и со многими государствами южной и западной Европы, имѣвшей свои колоніи даже въ Азіи и Африкѣ, стоявшей въ тѣсныхъ, иногда зависимыхъ отношеніяхъ къ Венеціи, Византіи, Угріи, Турціи, Испаніи. Обширное мореплаваніе, развитая торговля, цвѣтущая промышленность доставили маленькому Дубровнику въ средніе и новые вѣка важное мѣсто среди сильныхъ европейскихъ державъ; процвѣтаніе въ немъ наукъ и искусствъ и богатой народной литературы сдѣлало его однимъ изъ центровъ южно-славянской образованности; а все это, вмѣстѣ со стройнымъ общиннымъ управленіемъ, которому, прѣжде всего, обязаны своимъ происхожденіемъ его драгоцѣнные архивные матеріалы, придало его исторіи значеніе не только мѣстное и не одно славянское, но гораздо болѣе широкое, идущее далеко за предѣлы Адриатики. Отсюда понятно, что исторія Дубровника заслуживаетъ самой полной и всесторонней обработки; между тѣмъ до сихъ поръ она не была, да и не могла быть полною. Послѣ извѣстныхъ трудовъ Аппендини, Энгеля, Бана, А. А. Майкова, цѣнныхъ для своего времени, но не удовлетворяющихъ современнымъ требованіямъ науки, не вышло ни одного сочиненія, которое давало бы вѣрную картину всѣхъ сторонъ внѣшней—политической и торговой, и внутренней—общественной и домашней жизни Дубровника. Главная причина этого обстоятельства заключается въ томъ, что большая часть дубровницкихъ источниковъ, притомъ самыя важныя, остаются не изданными. До 1858 г., когда вышла книга г. Майкова „Исторія сербскаго

часть ссх1, отд. 2.

языка въ связи съ исторіею народа" историку Дубровника приходилось довольствоваться, кромѣ труда Аппендини (*Notizie storico-critiche sulle antichità, storia e letteratura dei Ragusei. Ragusa, 1802*) и второстепенныхъ дубровницкихъ хроникъ Туберона, Орбинича и Лукварича, только однимъ вполне достовѣрнымъ источникомъ—сборникомъ дубровницкихъ грамотъ, списанныхъ въ государственномъ архивѣ священникомъ Николаевичемъ и изданныхъ въ 1840 г. Карано-Твертковичемъ („Србскіи споменици или старе рисовује, дипломе, повелѣ и сношенія босански, србски, херцеговачки, дама-тински и дубровачки краљѣва, царева, банова, деспота, кнезова, войвода и властелина“, у Београду). И лѣтописи, и болѣе важныя хроники (Раньины, Ивана Гундулича, Юнія Растича, Червы), и записки современниковъ (де-Диверсисъ, Градичъ) оставались въ рукописяхъ или же были извѣстны въ небольшихъ отрывкахъ; а о богатыхъ матеріалахъ государственнаго дубровницкаго архива, кромѣ указанныхъ грамотъ, ученые знали только по короткимъ упоминаніямъ о нихъ (въ „Путешествіи“ Кукулевича). Въ слѣдующее десятилѣтіе число изданныхъ дубровницкихъ источниковъ нѣсколько увеличилось. Въ 1867 г. явился большой трудъ В. В. Макушева: „Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“. Въ немъ было дано болѣе или менѣе подробное обзорѣніе источниковъ, съ которыми авторъ успѣлъ ознакомиться въ періодъ четырехлѣтнихъ занятій своихъ въ библіотекахъ и архивахъ Дубровника, и приведены отрывки изъ не изданныхъ лѣтописей и хроникъ. Обзорѣніе это, однако, весьма не полно; сокровища государственнаго архива остались недоступными русскому ученому, а приведенные имъ отрывки не всегда удачно выбраны и мало знакомятъ съ содержаніемъ источниковъ. Поэтому гораздо болѣе важное явленіе въ дѣлѣ разработки исторіи Дубровника представляли два изданія, вышедшія нѣсколько ранѣе книги г. Макушева и дѣлавшія достояніемъ науки еще небольшую частицу документовъ изъ обширныхъ собраній государственнаго архива. Это были „*Monumenta serbica*“ Миклошича (въ 1858 г.), гдѣ въ грамотахъ изъ сборника Николаевича присоединено 100 новыхъ документовъ по рукописямъ Вѣнскаго и Дубровницкаго архивовъ, и „Споменици Српска“ графа Медо Пудича (два тома—1858 г. и 1863 г.), большой сборникъ, въ которомъ изданы въ первый разъ архивные матеріалы изъ не-извѣстныхъ до тѣхъ поръ отдѣловъ, весьма цѣнные для разъясненія отношеній Дубровника къ сосѣднимъ славянскимъ землямъ въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ. Но всѣ эти изданія—только капля въ морѣ въ срав-

неніи съ тѣмъ, что должно быть сдѣлано, дабы возможно было приступить къ изложенію полной и правдивой исторіи знаменитой республики. Изученіе всѣхъ архивныхъ сокровищъ самого Дубровника прежде всего необходимо. Южно-славянскіе ученые скорѣе всего должны были сознать это и получить возможность—приступить къ этому изученію. Одинъ изъ нихъ, членъ Загребской академіи Петръ Матковичъ, успѣлъ проникнуть въ государственный архивъ и значительно воспользоваться хранящимися въ немъ матеріалами для разрабатываемой имъ исторіи дубровницкой торговли. Изданныя имъ двѣ монографіи подъ заглавіемъ: „Prilozi k trgovačko-političkoj historiji republike Dubrovačke“ (Rad Jugosl. Akad., VIII и XV), вмѣстѣ со статьями академика С. Любича: „Odnosaји medju Dubrovnikom i Mletci“ (Rad, V и XVII), основанными на венеціанскихъ документахъ, начинаютъ собою новое, строго-научное направленіе въ изученіи исторіи Дубровника. Въ разрядъ трудовъ того же направленія должны быть поставлены и послѣднія изслѣдованія извѣстнаго автора „Исторіи Болгаръ“ г. Константина Иречка, также съ большимъ успѣхомъ занимавшагося въ дубровницкихъ архивахъ. Мы разумѣемъ его этюды: 1) Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters. Prag. 1879, и 2) Die Wlachen und Maurowlachen in den Denkmählern von Ragusa (Sitzungsberichte der k. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften, 1879). Но чтобы это направленіе прочно установилось и принесло обильные плоды, недостаточно того, что одинъ или нѣсколько ученыхъ овладѣютъ частью драгоценныхъ источниковъ, недоступныхъ прочимъ изслѣдователямъ. Нужно, чтобы архивные матеріалы были изслѣдованы вполнѣ, и чтобы все важное изъ нихъ сдѣлано было общимъ достояніемъ науки. Понятно, что такое дѣло не подѣ силу частнымъ лицамъ. Загребская академія и беретъ его въ свои руки: она начинаетъ изданіе „Дубровницкихъ памятниковъ“.

Но что такое этотъ государственный архивъ Дубровника? Къ какому роду относятся хранящіеся въ немъ богатые матеріалы? Что изъ этихъ матеріаловъ уже раньше стало извѣстно, и что теперь академія предполагаетъ сдѣлать предметомъ своихъ изданій?—Вотъ вопросы, которые прежде всего вызываются въ умѣ читателя вышедшимъ первымъ томомъ „Monumenta Ragusina“. Не выходя изъ предѣловъ библиографическаго обзора, мы считаемъ себя обязанными дать на нихъ хотя бы краткій отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что въ небольшомъ введеніи къ изданному тому говорится весьма сжато только о

планѣ, выработанномъ академіей для изданія дубровницкихъ документовъ, и умалчивается объ объемѣ и содержаніи архива.

Дубровникъ, создавшій форму своего правленія подъ значительнымъ вліяніемъ Венеціи, по примѣру послѣдней, выработалъ у себя цѣлую систему канцелярскаго дѣлопроизводства, благодаря которому и всѣ распоряженія органовъ власти, и всѣ стороны его, какъ внѣшней торговой, такъ и внутренней домашней жизни, находили свое выраженіе въ разнаго рода записяхъ. Такимъ образомъ, уже издавна стали составляться обширныя собранія документовъ, которыя и хранились въ особомъ помѣщеніи—государственномъ архивѣ республики, постоянно увеличиваясь новыми приращеніями до самаго ея паденія (1808 г.). Съ переходомъ Дубровника подъ власть Австріи, нѣкоторая часть матеріаловъ изъ его государственнаго архива была перемѣщена въ Вѣну, а остальная, болѣе значительная, перенесена въ бывшій дворецъ графа Дубровницкой республики, при чемъ самый архивъ переименованъ въ „императорскій окружной или областной“. Вѣроятно, составную часть прежняго государственнаго архива долженъ былъ составлять существующій въ Дубровникѣ и другой правительственный архивъ—императорскаго трибунальнаго суда. То и другое хранилище австрійское правительство до недавняго времени оберегало съ особенною заботливостью отъ пытливыхъ взоровъ не только заѣзжихъ иностранцевъ, но и мѣстныхъ славянскихъ ученыхъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этой заботливости было то, что до сихъ поръ нѣтъ полнаго указателя матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ, не говоря уже объ описаніи ихъ. Только Загребская академія въ недавнее время выхлопотала, по видимому, свободный доступъ въ эти тайники своимъ членамъ; отъ нея-то и нужно ждать выполненія этого необходимаго труда. Пока же приходится довольствоваться весьма скудными и неопредѣленными свѣдѣніями. Число лицъ, занимавшихся въ государственномъ архивѣ Дубровника, на сколько это извѣстно по печатнымъ свѣдѣніямъ, было весьма ограничено. Это были: священникъ Николаевичъ, Кукулевичъ-Савцинскій, священникъ Иванъ Давило (сообщившій списки грамотъ Миклошичу), графъ Медо Пуцичъ, Матковичъ, Рачкій, Теалчичъ и Константинъ Иречекъ. Всѣ эти счастливыя могли удѣлять весьма незначительное время для изученія архивныхъ памятниковъ, ограничивались занятіями надъ немногими изъ нихъ, выбирая тѣ, въ которыхъ могло заключаться разъясненіе занимавшихъ ихъ частныхъ вопросовъ, и сдѣлали слишкомъ мало для ознакомленія съ полнымъ составомъ архива. Изъ числа ихъ

нужно выдѣлить только знаменитаго хорватскаго патриота и ученаго Ивана Кукулевича-Сакпинскаго, который, во время своего путешествія по Далмаціи, посѣтилъ въ октябрѣ 1856 г. Дубровникъ, и бѣгло обозрѣвъ весь окружной архивъ, потомъ сообщилъ въ печати результатъ своего обозрѣнія (*Izvjestje o putovanju kroz Dalmaciju u Napulj i Rim* въ изданіи: *Arhiv za povjestnicu jugoslavensku IV*, 1857, 323—332, и отдѣльною книжкой). Но и этотъ почтенный ученый пробылъ въ Дубровникѣ очень недолго. Въ три недѣли онъ успѣлъ осмотрѣть не только государственныя архивы, но и находящіяся въ городѣ замѣчательныя бібліотеки, и частныя собранія рукописей, и всѣ важнѣйшія историческія достопримѣчательности бывшей республики. Отсюда понятно, что сообщеніе г. Кукулевича о Дубровницкомъ окружномъ архивѣ вышло не болѣе, какъ указателемъ его отдѣловъ, съ перечнемъ (неполнымъ) важнѣйшихъ рукописей каждаго отдѣла ¹⁾. Эти-то замѣтки г. Кукулевича и до сихъ поръ остаются главнымъ источникомъ свѣдѣній объ объемѣ и содержаніи окружнаго архива. Ничего болѣе цѣльнаго по этому предмету съ 1857 г. не являлось. Могутъ быть отмѣчены только краткія дополненія къ этимъ свѣдѣніямъ. Такъ, предсѣдатель Юго-Славянской академіи Франьо Рачвій, осматривавшій далматинскіе архивы и бібліотеки въ 1873 г., слѣдовательно, черезъ 17 лѣтъ послѣ Кукулевича, въ любопытной запискѣ о своемъ путешествіи говоритъ и объ историческихъ памятникахъ Дубровницкаго архива, при чемъ отмѣчаетъ нѣсколько рукописей, которыхъ не оказывается въ названномъ перечнѣ (см. его „*Tratvanja u piscamah i Knjizarnicah Dalmatinskih*“, въ *Rad*, XXVI, 177 — 185). Кое-что новаго сообщаетъ и Ткаличъ въ донесеніи академіи о своихъ занятіяхъ во время командировки въ Далмацію (*Rad*, XXXV, 168—170).

Чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о богатствѣ и разнообразіи дубровницкихъ документовъ, мы не находимъ ничего лучшаго, какъ привести изъ весьма рѣдкой книжки г. Кукулевича наименованія отдѣловъ архива, оставляя пока въ сторонѣ полный перечень рукописей. Здѣсь отмѣчены слѣдующіе 13 разрядовъ:

I. *Libri che trattano sopra diverse materie*— 13 подраздѣленій; здѣсь значатся: 1) *Specchio di maggior Consiglio, in carta pecora*

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія у него относятся къ отдѣлу грамотъ на сербскомъ языкѣ и къ одному тому «*Lettere e commissioni di Levante*», также на сербскомъ языкѣ, изданному впоследствии *Пуичичемъ*.

del anno 1440, 1500, 1600, 1783; 2) Un libro in carta pecora contenente un compendio di libri degli statuti e di quelli di maggior consiglio; 3) Un libro di Privilegij in caratteri Serviani; 4) Un indice di privilegij Pontificij e di diversi Principi и проч.

II. Libri dell' ufficio delle cinque Ragioni, — di Ialinada et. c. dell' a. 1419 fino al. a. 1808.

III. Miscellanea—22 подраздѣленія. Тутъ находятся такіа любопытныя вещи, какъ Libro titulario per la corrispondenza coi Principi; Verificazione delle Terre della Commune nello stato, del 1521; Gabella della Sicurtà и проч.

IV. Libri che trattano sui Legati, morti e Censi imposti sopra Beni stabili. Перечень рукописей неполонъ.

V. Libri Concernenti i Consolati Nazionali e Forestieri—7 подраздѣлений.

VI. Libri ossia Registri delle scritture Turche—9 подраздѣлений. Между прочимъ, сюда относятся: Due Registri intitolati: Dona Turcorum, scritti in italiano. Del 1566; Lettere in Illirico и проч.

VII. Libri dell' Ufficio della Grecia—6 подраздѣлений.

VIII. Lettere e Commissioni di Levante cioè, Lettere registrate, scritte agli Agenti, Consoli ed Incaricati d'Affari dell' Anno 1361, fino al A. 1802.

IX. Lettere e Commissioni di Ponente dell Anno 1566 fino al 1802.

X. Lettere e Relazioni di diversi nobili e varij sogetti illustri da Roma, Vienna, Madrid, Napoli, Venezia et c. Dall' Anno 1605—1699.

XI. Minute di Lettere per Levante e Ponente dall' Anno 1656—fino al A. 1788.

XII. Libri diversi — болѣе 11 подраздѣлений. Сюда относятся самыя разнообразныя матеріалы: Libri dell' Ufficio di Navigazione; Contratti dall' anno 1377; Testamenti dall' Anno 1363 — 1807; Lettere dei Principi e primi Ministri и проч.

XIII. Libri Varij — одинъ изъ самыхъ важныхъ и богатыхъ отдѣловъ; къ сожалѣнію, входящія сюда рукописи въ перечень Буделевица не всѣ переименованы. Здѣсь мы находимъ документы: Consilii Rogatorum dall' Anno 1418 fino al 1802; Maggior Consiglio dall' A. 1419 al 1806; Minor Consiglio dall' 1415 al 1805, con

indice; Liber reformationis Consili Rogatorum dall' An. 1306 al 1802; Praecepta Rectoris и проч.

Кромѣ всего этого, г. Кукулевичъ упоминаетъ о множествѣ тетрадей грамотъ на латинскомъ и славянскомъ языкахъ, которыя имѣютъ особенную важность для южно-славянской исторіи.

Какъ ни кратокъ нашъ перечень, все же изъ него, кажется, довольно выясняется разнообразное содержаніе окружнаго архива, въ которомъ собраны официальные документы республики, накопившіяся за все время ея многовѣковой политической и торговой жизни. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ обширны нѣкоторые отдѣлы памятниковъ, достаточно будетъ указать на *Lettere e commissioni di Levante e di Ponente*: письма на Востокъ обнимаютъ 108 толстыхъ томовъ in-folio, а письма на Западъ—135. Ко всему этому еще разъ повторимъ, что указатель Кукулевича, изъ котораго нами приведено извлеченіе, далеко не полонъ¹⁾.

Что касается до архива трибунальнаго суда, то Кукулевичъ отмѣтилъ въ немъ только одинъ разрядъ документовъ — завѣщанія, которыя, по его показанію, начинаются лишь съ XV в. Между тѣмъ, и здѣсь оказываются весьма цѣнные историческіе матеріалы. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ сообщаются въ упомянутомъ выше „донесеніи Загребской академіи“ Ткалчица, который указалъ здѣсь главные отдѣлы архива и перечислилъ наиболѣе важныя рукописи. Мы считаемъ не бесполезнымъ сокращенно передать здѣсь и этотъ перечень (*Rad*, XXXV, 170—172).

1) Первое мѣсто въ архивѣ принадлежитъ подлинному статуту Дубровника 1272 г.; писанъ на пергаментѣ, въ два столбца и носить слѣдующее заглавіе: *Liber statutorum civitatis Ragusii, compositus per egregium virum dominum Marcium Justinianum, de Veneciis, honorabilem comitem ragusinum, anno domini M. ducesimo secundo, indicione quinta decima, nona mensis madii; confirmatus per populum ragusinum more consueto congregatum die dominico vicesimo nono ejusdem mensis*. Такимъ образомъ, утвержденіе г. Макушева (Исслѣдов. объ историч. памяти. Дубр., 150), будто бы „статутъ 1272 г. дошелъ до насъ не въ первобытномъ своемъ видѣ, а въ редакціи XIV в.“, оказывается несостоятельнымъ. Въ томъ же архивѣ есть статутъ и редакціи XIV в., одною изъ копій котораго и могъ воспользоваться

¹⁾ Между прочимъ, Ткалчицъ указываетъ на найденное имъ въ окружномъ архивѣ любопытное описаніе Дубровника 1286 г. (*Rad*, XXXV, 170).

нашъ ученій. Весьма желательно изданіе въ возможно скоромъ времени статута 1272 г. той и другой редакціи.

2) Какъ дополненіе этого статута, можетъ разсматриваться „Liber omnium reformationum, omniumque consiliorum factorum per predecessores comunis Ragusii, redactus in presens volumen, tempore egregii et potentis viri domini Nicolai Falerio, comitis honorabilis civitatis Ragusii et sui minoris consilii. Confirmata et authenticata fuerunt infrascripta sub anno domini millesimo tricentesimo trigesimo quinto, indictione III, die decimo intrante mense may, ac eciam clamata et bannita fuerunt voce preconia per civitatem Ragusii in locis consuetis per Serofam publicum preconem dicti communis“. Reformationes начинаются съ 1309 года.

3) „Liber verde“ — на пергаментѣ; содержитъ въ себѣ постановленія большаго вѣча отъ 1358 по 1460 годъ.

4) „Liber Croceus“ — постановленія большаго вѣча отъ 1455 по 1749 годъ.

5) „Стонскій статутъ“ 1397 г. и Liber qui in se continet omnes partes nobilium hominum civitatis ragusinae, habentium partem sive partes, tam in Stagno, quam in puncta Stagni — составленный въ 1336 году.

6) „Testamenti de notaria“ — 90 тетрадей (svezaka). Первое завѣщаніе относится къ 5-му юля 1282 г. Съ 1283 до 1345 г. недостаетъ записей; затѣмъ онѣ идутъ послѣдовательно до 1814 года.

7) „Diversa cancellarie“. Древнѣйшая тетрадь начинается съ 1284 г. и имѣетъ слѣдующее заглавіе: Liber super securitatibus, testificati onibus et aliis actibus omnibus, exceptis maleficiis et..., factus tempore nobilis viri domini Michaelis, comitis honorabilis ragusini, per me Thomasinum de Sauere, notarium communis ragusini... Число рукописей этого отдѣла не показано.

8) „Diversi di notaria“ — записи съ 1310 по 1811 г.

9) „Distributiones testamentorum“ — съ 1349 г.

10) „Vendite de Cancellaria“ — съ 1351 по 1810 г.

11) „Sententiae de cancellaria“ съ 1352 по 1815 г.

12) „Libri intentionum“ съ 1385 по 1825.

13) „Stabile ordinario“ 1463 — 1814 г.

14) „Mobile ordinario“ 1475 — 1815 г.

15) „Navigazione oggetti diversi“ 1552 — 1808 г.

16) „Diversi de foris“ 1593—1815 г.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе бывшаго государствен-

наго архива Дубровника. Предъ нами открывается огромное, еще не сосчитанное количество рукописей, заключающихъ въ себѣ самые разнообразные документы, большая часть которыхъ остается извѣстными только подъ ихъ общими техническими названіями. Не забудемъ при этомъ, что, быть можетъ, еще многія изъ архивныхъ сокровищъ и совсѣмъ не попадали въ руки изслѣдователей и потому нигдѣ не отмѣчены. Вотъ гдѣ—благодарная почва для историческихъ разысканій!

Укажемъ теперь, что именно изъ переименованныхъ матеріаловъ было издано до 1879 года.

1) Значительное число грамотъ, касающихся внѣшнихъ сношеній Дубровника съ папами, Византіей, Венеціей, южными Славянами и Турціей, напечатано по подлинникамъ или по копіямъ, принадлежащимъ другимъ, не дубровницкимъ архивамъ, въ извѣстныхъ сборникахъ Тейнера, Тафеля и Томаса, Любича, Карано-Твертковича. Миллошича и Кукулевича. Но какъ много грамотъ, даже по сношеніямъ республики съ южными Славянами, остаются не изданными, видно изъ указанія Кукулевича въ его „Путешествіи по Далмаціи“ (Arkiv, IV, 326—329).

2) Графу Медо Пуцичу, какъ мы замѣтили, принадлежитъ честь изданія довольно большаго количества дубровницкихъ памятниковъ. Въ первой книгѣ своего сборника „Споменици српски“ онъ напечаталъ цѣлый томъ изъ отдѣла „Lettere e commissioni di Levante“, заключающій въ себѣ 304 акта на сербскомъ языкѣ, касающіеся сношеній Дубровника съ Сербіей, Босніей и Приморьемъ за время отъ 1325 по 1423 г. Для объясненія этихъ актовъ приведены соответствующія извлеченія изъ „Libris reformationum“. Во второй книгѣ помѣщено 138 актовъ XIV и XV вв. изъ слѣдующихъ рукописей: *Diversa Cancellariae*, *Diversa di Notaria* и *Testamenti de Notaria*. Наконецъ, въ приложеніяхъ къ сборнику сообщены извлеченія изъ дубровницкихъ законовъ, именно изъ слѣдующихъ рукописей: *Liber Statutorum* 1272 г., *Liber omnium reformationum*, *Liber Verde* и *Liber Croceus*. Извлеченія эти содержатъ въ себѣ постановленія о Сербяхъ и о монетахъ.

3) Членъ Юго-славянской академіи П. Матковичъ издалъ въ первой книгѣ Старинъ матеріалы изъ отдѣла „Lettere e Commissioni“ съ 1358 по 1415 годъ.

4) Фр. Рачкій напечаталъ (1874 г.) въ шестой книгѣ Старинъ

reformationes consilij Rogatorum 1463 г., объясняющія паденіе Боснійскаго королевства.

Такимъ образомъ нѣкоторое число грамотъ, кое-что, сравнительно очень немногое изъ VIII, XII и XIII отдѣловъ окружнаго архива и нѣсколько извлеченій изъ важнѣйшихъ рукописей архива трибунальнаго суда—вотъ все, что было извѣстно въ печати изъ архивныхъ богатствъ Дубровника. Всѣ остальные отдѣлы, цѣлыя сотни фоліантовъ оставались и остаются нетронутыми.

Въ виду такой массы историческихъ памятниковъ Дубровника, Загребская академія, предпринимая изданіе ихъ, понятно, должна была прежде всего выдѣлить самое главное, наиболѣе существенное. Раздумывать долго тутъ не приходилось. Записи о дѣятельности органовъ правленія республики, то-есть, протоколы—reformationes—трехъ ея собраній: большаго вѣча (Majus consilium, Consilio Maggiore), сената (Consilium Rogatorum, Consiglio dei Pregati) и малаго вѣча (Minus Consilium, Consiglio Minore), а затѣмъ письма и инструкціи къ посламъ, консуламъ и агентамъ республики, разсыяннымъ по Востоку и Западу, уже по самому своему характеру должны быть признаны первостепенно важными и заслуживающими изданія преимущественно передъ прочими матеріалами. На нихъ-то и остановилась академія. Но Lettere e commissioni di Levante e di Ponente, начинающіеся съ 1359 г. и тянущіеся до 1802 г., въ общей сложности составляютъ 243 рукописныхъ тома; Libri reformationum, обнимающіе время съ 1306 по 1807 г., также должны составлять почтенную цифру фоліантовъ. (По сообщенію Теалчича для времени съ 1306 по 1466 г. „reformationes“ составляютъ 31 книгу). Очевидно, изданіе въ полномъ видѣ всѣхъ документовъ этихъ двухъ классовъ немислимо. Оно потребовало бы чрезчуръ огромныхъ средствъ и затнулось бы на многіе десятки лѣтъ. Чтобы избѣжать этихъ затрудненій безъ ущерба дѣлу, академія приняла слѣдующій планъ изданія: Самые древніе Libri reformationum—до 1359 г. будутъ напечатаны цѣликомъ, а затѣмъ уже протоколы будутъ передаваться въ сокращенномъ видѣ, при чемъ къ нимъ будутъ присоединяемы соответствующіе документы изъ отдѣла „Lettere e Commissioni“. Нельзя не признать этотъ планъ вполне цѣлесообразнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не пожелать почтенному учрежденію полного успѣха въ выполненіи предпріятія, которое и при этой сокращенной работѣ должно будетъ выразиться немалымъ числомъ печатныхъ томовъ.

Въ предлагаемомъ вниманію читателей первомъ томѣ сборника „Мо-

numenta Ragusina⁴ напечатаны пять древнѣйшихъ книгъ „reformationum“, обнимающихъ время съ 1306 по 1347 г. Но почему же протоколы начинаются съ 1306 г.? Съ этого ли времени впервые стали записываться постановленія собраній республики, или же были болѣе раннія записи, но утрачены? Вотъ вопросъ, который естественно возникаетъ при чтеніи изданныхъ памятниковъ. Къ сожалѣнію, какой-нибудь отвѣтъ на него въ настоящее время, при слабомъ знакомствѣ съ Дубровницкимъ архивомъ и за совершеннымъ отсутствіемъ свидѣній по его исторіи, рѣшительно невозможно. Это обстоятельство, по видимому, хорошо сознавали издатели сборника, совсѣмъ уклонившіеся отъ сообщенія въ предисловіи какихъ-либо данныхъ о происхожденіи издаваемыхъ документовъ и хотя бы краткихъ замѣчаній по ихъ внѣшнему описанію, что, кажется, не было бы излишнею роскошью при ознакомленіи съ совершенно новымъ родомъ историческихъ памятниковъ. Мы можемъ только обратить вниманіе на заглавіе первой книги, гдѣ читаемъ: *Liber reformationum omnium consiliorum fac(torum) olim (per predecessores communis) Ragusine, per honorabilem virum dominum Bellecium Falle(tro) comitem ragusinum (per) minus et maius consilium. Confirmata et autenticata fuerunt consilia infrascripta sub anno, domini millesimo trecentesimo sexto, indictione quarta die X. (mensis) martii* и проч. Отсюда видно, что въ изданную первую книгу вошли постановленія большаго и малаго вѣча, состоявшіяся до 1306 г. Быть можетъ, оттого въ ней эти постановленія и не помѣчаются точною хронологическою датой. За то не можетъ быть сомнѣнія въ уtratѣ значительнаго количества документовъ по отношенію къ другимъ годамъ, слѣдующимъ послѣ 1306 г. Изданные въ первомъ томѣ „reformationes“ не идутъ непрерывною нитью изъ года въ годъ, между ними оказываются большіе пробѣлы. Именно протоколы относятся собственно къ слѣдующимъ годамъ: 1306, 1312—1315, 1317, 1322—1324, 1343—1347; такимъ образомъ изъ 42 лѣтъ, между которыми они распредѣляются, ихъ недостаетъ для 28 годовъ. Эта пропаша дѣлаго ряда рукописей должна была произойти, сравнительно говоря, въ болѣе позднее время, быть можетъ въ эпоху тяжелыхъ событій, предшествовавшихъ паденію Дубровника. Въ началѣ XVIII в. онѣ, вѣроятно, еще были дѣлы. Въ лучшей дубровницкой хроникѣ, принадлежащей Юнію Растичу (1671—1735 гг.), можно найти указанія на заимствованія именно изъ недостающихъ документовъ. Кстати позволимъ себѣ поставить здѣсь такой вопросъ: не могутъ ли быть до нѣкоторой степени пополнены эти пробѣлы нашего тома данными

изъ указанной выше рукописи архива трибунальнаго суда (въ нашемъ перечнѣ № 2), носящей заглавіе: „Liber omnium reformationum“ и проч.? Вѣдь это, судя по заглавію, должно быть нечто иное, какъ сборникъ такихъ же протоколовъ большаго вѣча, сената и малаго вѣча отъ 1309 по 1335 г., но приведенныхъ въ известную систему и такимъ образомъ составлявшихъ нѣчто въ родѣ дополненія къ основному статуту ¹⁾. Намъ кажется, что изданіе этой небольшой рукописи (всего 45 пергаменныхъ листовъ) въ дополненіе къ первымъ пяти книгамъ „reformationum“ окружнаго архива, во всякомъ случаѣ было бы вполне уместно. По нашему мнѣнію, ею и слѣдовало бы начать второй томъ „Дубровницкихъ памятниковъ“, или чтобъ уже не нарушать порядка изданія, помѣстить ее въ приложеніи къ нему. Но быть можетъ, наши совѣты излишни, и академія имѣетъ въ виду издать этотъ „Liber omnium reformationum“ вмѣстѣ со статутомъ 1272 г. Въ такомъ случаѣ намъ остается только пожелать, чтобы оба драгоценные памятника все же возможно скорѣе были извлечены на Божій свѣтъ изъ недоступнаго архива. Въ нихъ, безъ сомнѣнія, найдутся важныя указанія и для разъясненія темныхъ мѣстъ, представляемыхъ уже изданными книгами, „reformationum“, и для лучшаго пониманія разныхъ частныхъ и подробностей, разбѣянныхъ въ тѣхъ же протоколахъ.

„Libri reformationum“ въ различныя времена политической жизни Дубровника велись различно. Первоначально протоколы всѣхъ трехъ собраній республики записывались въ одной и той же книгѣ въ перемѣшку. Такъ было до 1378 г. Съ этого времени книга дѣлилась на двѣ части: въ одной половинѣ записывались протоколы большаго вѣча, а въ другой — малаго вѣча и сената. Въ 1388 г. послѣдовала новая перемѣна: протоколы сенатскіе были отдѣлены отъ протоколовъ малаго вѣча, хотя и оставались въ одной книгѣ. Наконецъ, съ 1415 г. „reformationes“ каждаго изъ трехъ органовъ правленія стали заноситься въ особыя книги. Наши „Libri“ относятся къ первой порѣ; протоколы всѣхъ трехъ собраній излагаются въ нихъ вмѣстѣ въ томъ хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовали засѣданія собраній, на которыхъ они составлялись. Но не одни протоколы, „reformationes“ въ собственномъ смыслѣ, входятъ въ составъ изданныхъ и разсматриваемыхъ нами рукописей. Въ четырехъ изъ нихъ вмѣстѣ съ прото-

¹⁾ Ср. отрывки изъ этой рукописи у *Луичча*: «Споменици Српски» II, 155—158).

колами, иногда подъ особою рубрикой, иногда въ перемѣшку съ ними, помѣщаются документы особаго рода—предписанія, повѣстки и объявленія, исходившія отъ имени графа; всѣ эти документы приведены, конечно, не въ подлинномъ видѣ, а въ формѣ реестровыхъ записей. Въ каждой изъ рукописей они имѣютъ свое заглавіе: *Capitulum de libris citatoriis et de preconizationibus*, *Capitulum de literis preceptorii et citatoriis*, *Capitulum litterarum et relationum* и *Capitulum bannorum et literarum citatoriarum*. Записи эти важны для опредѣленія правъ и обязанностей, которыми пользовался графъ Дубровницкой республики. Кромѣ этихъ записей, между протоколами попадаются списки чиновниковъ и сенаторовъ, выбиравшихся ежегодно, и наконецъ—нѣсколько писемъ на итальянскомъ языкѣ (стр. 45, 49, 272—274), которыя должны быть отнесены къ отдѣлу „*Lettere e commissioni*“. Что касается самыхъ протоколовъ, то нужно замѣтить, что они большею частью кратки и по формѣ изложенія не могутъ идти въ сравненіе съ подробными и обстоятельными документами того же рода Венеціанскаго архива. Обыкновенно въ нихъ передается только заключеніе того или другаго собранія и опускается форма предложенія или докладъ дѣла. Голоса *pro* и *contra* также рѣдко обозначаются. Языкъ часто небреженъ и неясенъ. Но все это лишь затрудняетъ полное пониманіе документовъ, не ослабляя однако ихъ исторической важности. Притомъ и въ нашемъ томѣ встрѣчается не мало протоколовъ, богатыхъ подробностями и живо знакомящихъ читателя со всѣми сторонами дѣла (ср. стр. 19, 74, 105, 110, 118, 137, 160, 171, 180, 219, 235, 239, 243, 252, 257, 258, 265, 270).

Какъ новый источникъ для исторіи Дубровника и всѣхъ вообще южно-славянскихъ земель, изданные въ разсматриваемомъ сборникѣ матеріалы безспорно должны быть признаны драгоценными. Въ нихъ заключается масса указаній для знакомства и съ внѣшнимъ, политическимъ и торговымъ значеніемъ республики въ первой половинѣ XIV в., и съ ея отношеніями къ Венеціи, Сербіи, Босніи и другимъ сосѣдямъ, и съ ея внутреннею домашнею жизнью, со всѣми ея нуждами и интересами, съ ея общиннымъ управленіемъ, съ ея торговлей, мореходствомъ, экономическимъ и социальнымъ положеніемъ, наконецъ—съ правами и обычаями ея населенія. Будущему историку Дубровника будетъ предстоять благодарная задача собрать разсѣянные крупинками въ этихъ документахъ данныя и послѣ сопоставленія ихъ съ другими, уже извѣстными, и тѣми, которыя будутъ открываться въ слѣдующихъ томахъ „*Monumenta Ragusina*“, начертать болѣе или менѣе

вѣрное и полное изображеніе Дубровника въ первой половинѣ XIV в. Но подобный трудъ будетъ возможенъ еще очень и очень нескоро. Ему должно предшествовать изданіе массы историческихъ источниковъ для этого же періода, и затѣмъ, и частная разработка этихъ источниковъ. Поэтому мы, съ своей стороны, считаемъ не лишнимъ познакомить здѣсь читателей съ содержаніемъ изданныхъ памятниковъ. Не претендуя на полноту и не пускаясь въ розысканія, мы намѣрены только указать точнѣе, какого рода свѣдѣнія заключаются въ нашихъ „*Libris reformationum*“, и намѣтить нѣсколько вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ въ нихъ можетъ быть найденъ вѣрный ключъ. При этомъ напомнимъ еще разъ, что хотя рассматриваемые документы и размѣщены на протяженіи 42 лѣтъ, но собственно говоря относятся только въ 14 годамъ. Уже это одно обстоятельство должно удерживать насъ отъ обобщеній и выводовъ. Ограничимся на первый разъ простою передачей фактовъ.

Время, къ которому относятся наши историческіе памятники было временемъ зависимости Дубровника отъ Венеціи (1205 — 1358 гг.). Многие дубровницкіе историки, какъ Дольчи, Аппендини и другіе, отрицали эту зависимость и вмѣсто нея допускали только покровительство со стороны Венеціи, которое будто бы добровольно принималось ихъ свободолюбивою республикой. Того же мнѣнія держались нѣкоторые изслѣдователи нашего времени. Заблужденіе это было блистательно опровергнуто извѣстнымъ хорватскимъ ученымъ С. Любичемъ, который въ своемъ изслѣдованіи „объ отношеніяхъ Дубровника къ Венеціи до 1358 г.“ (Rad, 1868, V, 44—112) по документальнымъ источникамъ доказалъ, что въ XIII в. (съ перерывами) и первой половинѣ XIV в. (до 1358 г.) Дубровникъ находился въ такой же, если не большей, степени зависимости отъ Венеціи, въ какой и прочіе далматинскіе города ¹⁾. Онъ указалъ слѣдующіе факты: На должность Дубровницкаго графа или князя (*comes Ragusinus*) присылались изъ республики знатные Венеціанцы, выбиравшіеся на два года дожемъ и венеціанскимъ сенатомъ, безъ вѣдома Дубровчанъ. Архіепископъ республики избирался Дубровчанами изъ венеціанскаго духовенства, а если изъ лицъ другаго происхожденія, то съ позволенія венеціанскаго сената, и во всякомъ случаѣ получалъ утвержденіе въ своемъ достоинствѣ не только у папы, но и у Градскаго патріарха. Затѣмъ, Дубровчане обязаны были въ извѣстные дни чествовать дожа и патріарха, давали Венеціи заложниковъ, дѣлали ей ежегодныя приношенія, а Венеціанцы относились къ Дубровнику какъ

къ подвластному вмѣ городу: принимали на себя защиту его интересовъ, дѣлали ему предписанія, вмѣшивались въ его внутреннія дѣла, въ распри вѣча съ графомъ, смотрѣли на него какъ на свой военный портъ, гдѣ вооружали и снабжали людьми свои суда и проч. Вслѣдъ за изслѣдованіемъ Любича вышли три первые тома „*Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*“. Собранные въ нихъ тѣмъ же Любичемъ венеціанскіе документы, сверхъ указанныхъ данныхъ, представляли массу другихъ, болѣе частныхъ, которыя ставили внѣ всякаго сомнѣнія фактъ временной зависимости Дубровника отъ Венеціи. Теперь и въ нашихъ дубровницкихъ памятникахъ оказываются свидѣтельства, которыя могутъ служить къ подкрѣпленію мнѣнія уважаемаго хорватскаго ученаго. Отмѣтимъ ихъ здѣсь.

1) Вступавшій въ число дубровницкихъ гражданъ долженъ былъ приносить присягу на вѣрное подданство сперва дожу и Венеціанской республикѣ, а потомъ уже Рагузскому графу и Рагузской республикѣ (...*juravit..... esse perpetualiter fidelem domini ducis et communis Venetiarum, et domini comitis Raugusini et communis Raugusini*) (стр. 58, 70, 109 и друг.).

2) Въ письмѣ 1313 г. графа Бергучіо Градонива и дубровницкаго вѣча къ дожу Іоанну Суперанцію въ ясныхъ выраженіяхъ признается власть Венеціи. Графъ называетъ себя: „*de vestro mandato comes ragusinus*“, а Дубровчане называются „*subditi et fideles vestri*“. Затѣмъ здѣсь говорится, что *commissiones comitum nostrorum non possunt minui vel immutari sine auctoritate vestra et nostri majoris consilii*. (20). Въ нашемъ сборникѣ это письмо Дубровчанъ къ Венеціи единственное.

3) То же письмо можетъ служить доказательствомъ вмѣшательства Венеціи во внутреннія дѣла Дубровника. Оно написано въ отвѣтъ на запросъ дожа по дѣлу объ островѣ Ластовѣ (*Lagosta*). Островокъ этотъ, принадлежавшій Дубровнику, управлялся намѣстникомъ графа, которому выплачивалъ ежегодно 8 фунтовъ грошей. Но вотъ явился нѣкто Лаврентій Дубровчанинъ (*Laugencius de Ragusio*), который просилъ Венецію продать ему островъ, обѣщая за это платить Дубровникамъ графамъ не по восьми, а по двѣнадцати фунтовъ грошей ежегодно. Дожъ Іоаннъ Суперанцію не рѣшился распорядиться самъ и снесся съ Дубровчанами, которые и умоляли его не отнимать у нихъ, вѣрныхъ подданныхъ Венеціи, правъ на принадлежащую имъ собственность. Кстати, не можемъ не привести здѣсь находящееся-

ся въ томъ же письмѣ любопытное свидѣтельство о томъ, на сколько тяжелы были иногда венеціанскіе намѣстники для населенія тѣхъ мѣстностей, надъ которыми они ставились правителями: *Et quia regalie de Lagosta in multis erant inhoneste et minus bone, et specialiter quod omnes condempnaciones de Lagosta pro medietate erant nostri comitis et vicecomitis, quem mittebat, et ob hanc causam multa inconveniencia fiebant et eciam quia femine, que adulterium commisissent, efficiebantur sclave comitis, homines de Lagosta recurrerunt ad comitem nostrum ragusinum..... Certe homines de Lagosta vix audent loqui contra illos, quos habent vicecomites pro duobus annis... (20, 21).*

5) Въ апрѣлѣ 1324 г. венеціанскій посолъ, Ioannes de Caldasario, scriba et notarius domini ducis et communis Venetiarum, отправился ко двору Сербскаго краля ходатайствовать за Дубровчанъ. По дорогѣ онъ остановился въ Дубровникѣ и получилъ здѣсь приличные дары отъ республики (116).

Въ мартѣ 1324 г. дубровницкій сенатъ получилъ отъ Венеціи предписание выставить двѣ вооруженныя галеры для участія въ войнѣ съ Византійскимъ императоромъ. Онъ отвѣчалъ, что готовъ исполнить требованіе, но по случаю оскудѣнія денежныхъ средствъ республики, проситъ Венецію принять вооруженіе судовъ на свой счетъ (*Et si commune ragusinum posset ipsas armare suis expensis hoc libentius facerent, set novit deus, commune ragusinum est in tam magna paupertate, quod non posset eas de eorum pecunia armare*) (115).

6) Въ маѣ 1324 г. Венеціанскій дожъ, ссылаясь на прежніе договоры, предписываетъ Дубровчанамъ прекратить всякую торговлю съ землями, подчиненными Византійскому императору; за несоблюденіе этого предписанія назначается тяжелая пеня съ купцовъ (118; ср. договоры Дубровника съ Венеціей 1232, 1236 и 1252 гг. въ сборникѣ Любича: *Mon. spect. histor. Slav. merid. I. 46, 53, 82*).

7) По приказанію дожа Дубровчане участвуютъ своимъ флотамъ въ войнѣ Венеціи противъ отложившагося отъ нея Задра (1345 г.) (183, 184, 189, 229).

Съ Сербіей и Босніей Дубровникъ, какъ извѣстно, издавна установилъ самыя близкія отношенія. Имъ онъ болѣе всего обязанъ своею территоріей, безъ которой немислимо было бы превращеніе его изъ простаго торговаго города въ маленькое государство; съ ними онъ и велъ главную свою торговлю. Сербы и Босняки одинаково нуждались въ промышленно-торговой дѣятельности предприимчивой, разви-

гой и вмѣстѣ съ тѣмъ родственной имъ по населенію республики и рано стали сближаться съ нею, своими частыми переселеніями въ эти предѣлы не мало содѣйствуя постепенному перевѣсу въ ней славянскаго элемента надъ романскимъ; а республика, съ своей стороны, хорошо понимала важность этого сближенія для упроченія своего собственнаго благосостоянія и всячески старалась поддерживать дружественныя связи съ обоими сосѣдами, какъ съ баномъ, такъ и съ краемъ. Въ разсматриваемыхъ нами документахъ прекрасно освѣщаются эти отношенія Дубровника къ сосѣднимъ сербскимъ землямъ въ первой половинѣ XIV в. Маленькая республика постоянно озабочена тѣмъ, какъ бы расширить свою торговлю въ этихъ земляхъ, какъ бы оставить ее тамъ въ болѣе правильныя и выгодныя для себя условія. Она не останавливается ни передъ подарками, ни передъ всевозможными услугами, только бы заручиться благорасположеніемъ повелителей этихъ земель и черезъ то добиться осуществленія тѣхъ или другихъ своихъ желаній. А одно изъ нихъ, также какъ торговые интересы, никогда не покидавшее Дубровчанъ, заключалось въ томъ, чтобы возможно болѣе увеличить маленькую территорию своего государства. При всякомъ удобномъ случаѣ они искусно выступаютъ съ этими заветными стремленіями, и не безъ успѣха; политическое и торговое наченіе ихъ республики постепенно растетъ и крѣпнеть. За то сколько же услій, тревогъ, жертвъ приходится имъ принять на себя! При какихъ тяжелыхъ условіяхъ происходитъ это медленное озвышеніе Дубровника! Какой борьбы оно ему стоило! Но пусть горятъ сами документы. Приведемъ сперва свидѣтельства объ отношеніяхъ республики къ Сербскому королевству.

11-го марта 1313 г. малое вѣче постановило письмомъ увѣдоить краля Уроша и его сына о разбояхъ, которымъ подвергаются дубровницкіе подданные Жупы (Vrupo) со стороны Конавлянъ, къ князю послѣднихъ отправить особаго посла (23).

Ноябрь 1313 г. большое вѣче озабочено предстоящимъ пріѣздомъ въ Дубровникъ Владислава, сына краля Стефана, и назначаетъ а пріемъ его до 100 иперпировъ (in pale et vino et rebus comestibus) (36).

9-го августа 1322 г. назначено посольство къ кралю Урошу по торговымъ дѣламъ (65). Въ концѣ августа въ Дубровникъ уже является посолье отъ краля Илья Зифали (Elios Zefalie), которому подсылаются дары отъ республики (66).

28-го января 1323 г. большое вѣче постановило предоставить часть ссхи, отд. 2.

въ распоряженіе краля Уроша (Стефана Дечанскаго) просили и суда для отправки на нихъ посольства за дочерью герцога Тарентскаго. Любопытно здѣсь высказываемое вѣчемъ опасеніе, что эти суда не потребовала Венеція на свою службу (75).

6-го и 7-го марта 1323 г. малое вѣче, извѣстившись изъ писемъ краля о его намѣреніи прѣхать въ приморье — въ Баръ, Ульцини или Аламаты, назначило четырехъ нобилей для привѣтствованія его и поднесенія ему, отъ имени республики, приличныхъ даровъ на сумму 400 иперпировъ. Послы эти были уполномочены вступить въ переговоры съ кралемъ о приобрѣтеніи у него кунлей или какимъ-либо другимъ способомъ земель и виноградниковъ въ окрестностяхъ Жунета (Junchetum) и Затона (Malfi), за что могли предложить ему до 2,000 иперпировъ деньгами или оружіемъ (79, 80). Краля принялъ предложеніе и прислалъ своего повѣреннаго Марка Дукарича (Marchus de Lusago), для заключенія съ Дубровчанами договора о продажѣ имъ означенныхъ земель и виноградниковъ. Дубровчане остались весьма довольны такимъ исходомъ дѣла и разрѣшили всѣмъ и всякому свободно доставлять въ Скадаръ хлѣбъ, вино и другіе продукты для предстоящей свадьбы краля (81). Свадьба эта, впрочемъ, не такъ скоро состоялась. Марко Дукаричъ и другой сербскій посолъ, скадарскій діаконъ Витъ, которымъ болѣе вѣче предоставило судно (lignum ratum) для поѣздки въ Венецію за невѣстою Стефана Дечанскаго, почему-то не исполнили возложеннаго на нихъ порученія (82). Черезъ два мѣсяца, 4-го августа 1323 г., состоялось постановленіе сената объ отправкѣ къ герцогу Тарентскому съ сербскимъ посломъ діакономъ Барскимъ Витомъ и дубровницкаго посланника для окончательнаго улаженія давно условленнаго дѣла о бракѣ краля съ дочерью герцога (90).

Въ октябрѣ 1323 г. Стефанъ Дечанскій извѣщалъ Дубровчанъ, что онъ предписалъ капитанамъ Продошѣ (Prodossa), Владміру и Витоміру удовлетворить республику за грабежи и опустошенія, произведенныя въ ея предѣлахъ жителями Требинья, Бавли и Драшвицы (Drasiuiza) (96).

18-го октября 1323 г. большое вѣче постановило, что въ приближенія дня св. Дмитрія, когда должна быть произведена уплата дани кралю Россіи, республикѣ необходимо занять не хватающіе у нея 800 иперпировъ; ссуда этой суммы распределяетъ между 150 лицами, подъ залогъ имъ одной трети таможенныхъ доходовъ (97).

17-го января 1324 г. король грознымъ письмомъ требуетъ отъ Дубровчанъ, чтобъ они предписали нѣкоему Менчетичу (Menze de Menze) немедленно покинуть крѣпостцу Островицу (turrim seu fortalitiâ de Ostrauicha), занятую-де имъ съ вѣдома и согласія республики; въ противномъ случаѣ дубровницкіе купцы должны будутъ оставить предѣлы королевства. Большое вѣче въ своемъ отвѣтѣ короткими словами увѣрило короля, что во всемъ этомъ дѣлѣ Дубровникъ ни при чемъ; Менчетичъ если и вошелъ въ крѣпостцу, то сдѣлалъ это самъ по себѣ и не съ цѣлью овладѣть ею, а въ видахъ безопасности своей личности и своихъ товаровъ. Поэтому-де республика надѣется, что король не станетъ утѣснять ея купцовъ, ни въ чемъ предъ нимъ неповинныхъ, и во всякомъ случаѣ дождется объясненія съ ея послами, которые не замедлятъ прибыть въ Сербію (105). Но Стефанъ Дечанскій не уважилъ отвѣта Дубровчанъ. 22-го февраля онъ повторилъ требованіе, угрожая задержать купцовъ, если они сами не будутъ отовзаны (109). Теперь республика встревожилась. Прежде всего приняты были мѣры для обезпеченія обороны загородныхъ владѣній — Жупы, Шумета, Гружа (Grovoza), Затона и Рѣки (Ombla). Затѣмъ начались пренія въ сенатѣ о томъ, какъ лучше уладить дѣло: въ Венецію ли отправить посольство, или къ королю, и если къ послѣднему, то какой инструкціи держаться посламъ: умилоствлять ли имъ Сербскаго государя дарами, или же дѣйствовать на него укорами и упреками. Въ концѣ концовъ, 27-го февраля большое вѣче рѣшило снарядить чрезвычайныя посольства и въ Венецію, и къ королю. Марко Лукаричъ и Юній Джоржичъ, выбранные послами въ Сербію, должны были выразить Стефану Дечанскому сожалѣніе республики по поводу задержанія ея купцовъ и конфискаціи ихъ товаровъ, разъяснить, что это—дѣянія противныя Божескому закону, человѣческой справедливости и договорамъ, имъ самимъ подписаннымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, просить о прекращеніи притѣсненій. Ради успѣха просьбы имъ предстояло поднести королю подарки, состоявшіе изъ тканей (dgarri), серебряныхъ кубковъ и другихъ предметовъ, всего на сумму 500 иперпировъ. На сколько важное значеніе придавалось этому посольству, видно изъ того, что въбранныя въ него лица не могли отказаться отъ возложеннаго на нихъ порученія подъ страхомъ пени въ 500 иперпировъ. Для доставленія посольства въ Сербію было назначено 12 лошадей: двѣ для пословъ, одна для толмача (рго uno turcismanno), пять для пяти рабовъ и четыре для багажа и подарковъ, предназначенныхъ королю; кромѣ того, въ распоряженіе пословъ

были даны шесть пѣшихъ рабовъ (*famuli pedestres*) (110, 111). Лукаричъ и Джоржичъ, однако, не скоро собрались въ дорогу. Только 31-го марта имъ дана была отъ сената окончательная инструкция, опредѣлявшая форму отвѣта на требованіе Стефана Дечанскаго; смыслъ ея былъ тотъ, что республика не можетъ предписать Менчетичу выйти изъ крѣпостцы (115). Въмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько ранѣе состоялось постановленіе сената, запрещавшее вывозить изъ Дубровника какіе бы то ни было товары въ восточныя славянскія земли, подъ которыми, очевидно, разумѣлась Сербія (113). Такимъ образомъ и республика обнаруживала известную настойчивость въ своей политикѣ по отношенію къ королевству. 4-го апрѣля въ Дубровникѣ уже чествовался венеціанскій посолъ, вышеупомянутый нотарій Кальдокаріо, направлявшійся ко двору Стефана Дечанскаго хлопотать за Дубровчанъ (116).

Тутъ, къ сожалѣнію, „*reformationes*“ прерываются, и мы изъ 1324 г. переносимся прямо въ 1343 г. Изъ дубровницкой хроники Юнія Растича, до сихъ поръ не изданной, мы узнаемъ, что республика не скоро успѣла снова поладить съ своеправнымъ краемъ. Ей не разъ приходилось обращаться къ заступничеству то Венеціи, то Боснійскаго бана. Въ концѣ концовъ Менчетичъ долженъ былъ покинуть Островицу, и дубровницкіе купцы были освобождены. Но затѣмъ слѣдовали новыя притѣсненія. Только начинавшаяся война съ Болгаріей и опасенія нападеній со стороны бановъ Босніи и Хорватіи заставили Дечанскаго возобновить вполне дружественныя отношенія съ Дубровникомъ.

11-го октября 1343 г. большое вѣче позволило послу Сербскаго краля (Душана) ввезти въ Дубровникъ нѣсколько боченковъ своего вина, назначеннаго для личнаго употребленія ему и его свитѣ (*de concedendo gratiam ambassatori domini regis Raschie posset inmittere civitatem Ragusium pro suo usu et familia quedam sua barilia, que habet plena vino, non obstante reformatione et statuto in contrario loquenti*) (145).

15-го января 1344 г. къ краю отправлено чрезвычайное посольство съ дарами (148).

Со стороны Сербіи Дубровчанамъ особенно приходилось терпѣть отъ воеводы Дабиши (*Dabisa, Dabiseus*), который, пользуясь неопредѣленностью сербо-дубровницкой границы, производилъ грабежи и разбои въ Жупѣ и другихъ владѣніяхъ республики. Въ 1344 и 1345 гг. сенату не разъ приходилось посылать къ Душану

и письма, и особые послы, снабженных дарами, съ жалобами на этого беспокойнаго воеводу (161, 168, 169, 175).

25-го августа 1345 г. большое вѣче разрѣшило уполномоченному краля, удрученнаго тяжкою болѣзнью, *portari facere ad domum sue habitationis unum vastellum tenutum sex quingerum* (ванну?) *pro usu et conservacione sue persone* (185).

26-го октября 1346 г. Венеціанецъ Паоло Квирини, по довѣренности царя Душана, получаетъ съ Дубровчанъ 2,000 иперпировъ — дань, ежегодно выплачиваемую Сербамъ республикою (212).

22-го января 1346 г. Душанъ проситъ у Дубровника перевозочнаго судна для своего посольства, отправляющагося въ Венецію; сенатъ исполняетъ просьбу съ удовольствіемъ (221).

Мартъ — апрѣль 1346 г. Торжественное посольство Дубровчанъ въ Сербію для поздравленія Душана съ вѣнчаніемъ на царство (226, 228).

20-го іюня 1346 г. сенатъ съ готовностью предоставляетъ Сербскому царю галеру въ распоряженіе его посольства, которое отправляется примирять Угорскаго короля съ Венеціанскою республикой (223).

Дорожа расположеніемъ самого Стефана Душана, Дубровчане старались заручиться дружбой и его наиболѣе вліятельныхъ властей, преимущественно тѣхъ, съ которыми непосредственно имъ приходилось сталкиваться и по своимъ дѣламъ, и по разнымъ порученіямъ царя. Извѣстный Которецъ, „коморникъ царскій“ (*camerarius regius*) Никола Буча, находился въ особенно частыхъ сношеніяхъ съ республикой, которая всегда принимала его у себя съ большимъ почетомъ и приличными дарами (86, 153, 156, 163, 172). Въ Дубровникѣ у него даже былъ свой домъ (185). Въ 1347 г. сенатъ отвелъ ему еще новое мѣсто для дома въ Стонѣ (*quod... ad signetur Nicole de Buchia locus pro domo sua apud domum Dunaу*) (262). Къ Бучѣ Дубровничане обращались въ разныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; такъ въ 1346 г. просили его о продажѣ имъ 5,000 старіевъ хлѣба, въ которомъ въ то время сильно нуждались (241). Чѣмъ оплачивалъ онъ Дубровнику за такое вниманіе къ себѣ—на это нѣтъ указаній въ нашихъ документахъ, но они, вѣроятно, будутъ въ изобиліи во второмъ томѣ „Дубровницкихъ памятниковъ“. Пока же мы знаемъ изъ сборника Любича (*Monum. spect. histor. Slav. merid.* III, 117), что этотъ любимецъ Душана оказался главнымъ виновни-

комъ стѣсненій, которымъ подверглась въ 1346 г. дубровницкая торговля въ Сербскомъ царствѣ.

Кромѣ многихъ упоминаній о Николѣ Бучѣ, въ нашемъ сборникѣ находятся слѣдующія любопытныя свидѣтельства, относящіяся къ другимъ властелямъ Душанова двора:

22-го іюля 1346 г. сенатъ единогласно постановилъ выдать изъ казны республики до 50 флориновъ или дукатовъ властелю Углешѣ (*Uglesse barono hujus contrate*), недавно присланному отъ господина царя *pro confirmanda et captanda benivolentia cum ipso, et ut habeat causam bene vivendi cum terra...* (235).

15-го марта 1347 г. большое вѣче, принимая во вниманіе особенныя услуги, оказанныя республикѣ властелями господина царя, Войломъ и Ковачемъ (*per Vogel et Couac barones dom. imp.*), уполномочиваетъ графа и его малое вѣче поднести извѣстные дары Владиславу, брату Воила (257).

17-го октября 1347 г. большое вѣче изъ уваженія къ письму царя соглашается, вопреки статуту, дать жупану Алтоману, сыну Воила (*Zurrano Altomanno filio Voyni*), одну галеру, просимую имъ для поѣздки за невѣстою. Ему отпускаются на счетъ республики всѣ жизненные припасы, а при обратномъ поѣздѣ его вмѣстѣ съ женою черезъ Дубровникъ, имъ оказывается почетный приемъ и подносятся дары (279, 280).

Изъ торговыхъ пунктовъ Сербскаго королевства, посѣщавшихся дубровницкими купцами, кромѣ выше указанной крѣпости Островицы, въ нашихъ документахъ упоминается Брсково, Рудникъ ¹⁾ и Призрѣнъ. Въ первыхъ двухъ находились таможи и важнѣйшія факторіи Дубровчанъ (см. особенно стр. 16, 24, 48, 49, 55, 69, 93, 94, 103, 130). Въ послѣднемъ оказывается замокъ, о приобрѣтеніи котораго хлопочутъ въ 1345 г. дубровницкіе купцы, проживавшіе въ этомъ городѣ (184). Этотъ фактъ, въ связи съ рассказанною выше исторіей объ Островицѣ, можетъ служить указаніемъ того, что Дубровчане имѣли серьезное намѣреніе завести въ королевствѣ нѣчто въ родѣ укрѣпленныхъ колоній, которыя должны были служить

¹⁾ Брсково, вѣроятно все, находилось въ долинѣ верхняго Лима, близъ озера Плавы; см. *Новаковичъ*, Brskovo, Danj i carina u svetoga Spasa i putovi s jadranskoga primorja u stare srpske zemlje (*Rad*, XXXVII). Рудникъ лежалъ въ среднѣй вѣнчѣ княжества Сербскаго. Островица, развалины которой и теперь сохранились, находилась къ сѣверо-западу отъ Рудника; см. *Const. Jireček*, Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien, S. 52.

къ обезпеченію ихъ торговли. Съ приморскими городами королевства—Которомъ, Баромъ, Ульциномъ, Дубровникъ ведетъ оживленныя торговыя сношенія.

Теперь переходимъ къ Босніи.

6-го апрѣля 1314 г. республика озабочена была пріемомъ и угощеніемъ бана, ожидаемаго въ Дубровникъ (41).

23-го ноября 1322 г. малое вѣче предписываетъ тремъ купцамъ, отправляющимся въ Боснію, всячески дѣйствовать на бана Стефана, его мать и бояръ, чтобъ они удовлетворили сына одного Дубровчанина (*Marini de Menze*) за товары, отнятые у него въ минувшее лѣто. Въ случаѣ неисполненія этого требованія должны быть прекращены всякія торговыя сношенія съ Босніей (72).

Въ мартѣ 1324 г., во время несогласій между Дубровникомъ и Сербскимъ краемъ по поводу занятія Островицы, сенатъ отправилъ въ бану Стефану (*ducem Uroge, Bossine et de la Sale et aliorum plurimorum locorum*) двухъ пословъ „по дѣлу республики“. На подарки бану было назначено 150 иперпировъ (115). Какъ дорого обходились Дубровнику эти подарки—видно изъ слѣдующаго: купцы, доставившіе ткани (*dragros*), которыми потомъ были поднесены краю и бану, должны были взять въ уплату за свой товаръ третью часть таможенныхъ доходовъ (*terciam partem introitus doane*) (117).

20-го—22-го іюня 1344 г. большое вѣче назначаетъ посольство изъ двухъ нобилей для привѣтствованія бана, который долженъ пріѣхать въ Хлумъ. Посламъ поручается раздать бану, его властелямъ и воеводамъ до 1,100 грошей и 600 иперпировъ, только бы добиться отъ нихъ уступки Дубровнику нѣскольکو земель и мѣстечекъ, какъ о. Посредницы (*Scolium Postarnicia*) и друг. (155, 156). Посольство это, однако, не состоялось (157).

13-го августа 1344 г. сенатъ былъ встревоженъ извѣстіями о неприязненныхъ дѣйствіяхъ Петра Бобалича, который держитъ отъ бана *forum Narenti* на условіяхъ, стѣснительныхъ для дубровницкой торговли. Между прочимъ этотъ Бобаличъ оклеветалъ передъ баномъ боснійскихъ Влаховъ, пріѣзжавшихъ въ Дубровникъ за солью (158).

16-го октября 1344 г. сенатъ жалуется бану на притѣсненія и грабежи, претерпѣваемыя дубровницкими купцами отъ Николичей (161).

13-го января 1345 г. сенатъ предоставляетъ въ распоряженіе бана готовую въ плаваніе галеру (169).

18-го марта 1345 г. въ казнѣ республики не хватаетъ семи съ

половиной фунтовъ грошей для уплаты бану полныхъ 500 иперировъ (172). Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (12-го апрѣля) сенатъ уже снова озабоченъ разысканіемъ денегъ для снаряженія посольства въ Боснію (172).

6-го — 8-го ноября 1346 г. заключенъ договоръ съ баномъ о безопасности торговыхъ путей въ Босніи и о доставкѣ въ Дубровникъ повѣреннымъ бана (Bistius de Bona) 2,000 старіевъ хлѣба (248, 249).

31-го марта 1347 г. Дубровчане вторично жалуются бану на его своевольныхъ родственниковъ Владислава и Богину Николічей (259).

Главнымъ пунктомъ для торговли съ Босніей въ нашихъ документахъ является вышеозначенный *forum Narenti*, по-славянски Дрива (венец. и нынѣшнее *Gabella*). Здѣсь Дубровчане имѣли постоянную колонію, солныные магазины и проч. Здѣсь же находилась большая таможня, которая—какъ мы видѣли изъ свидѣтельства 1344 г.—сдавалась баномъ на особыхъ условіяхъ мѣстнымъ владѣтелямъ-князьямъ. Эти правители Нарента, изъ желанія извлечь возможно большую выгоду изъ своей аренды, не рѣдко притѣсняли дубровникскихъ купцовъ, произвольно налагая пошлины на ихъ товары. Республика всегда энергически протестовала противъ этихъ притѣсненій. Кромѣ приведеннаго уже извѣстія о Петрѣ Бабаличѣ, мы находимъ въ нашемъ сборникѣ другія свидѣтельства о томъ же фактѣ, но относящіяся къ болѣе раннему времени.

12-го марта 1313 г. сенатъ запретилъ Дубровчанамъ посылать товары въ Нарентъ и предписалъ нарентскому консулу Стефану Бинзолѣ, чтобы всѣ находящіеся тамъ дубровницкіе купцы немедленно оставили городъ. Причина этого распоряженія заключалась въ томъ, что „*comes Zanne*“ позволилъ себѣ „необычныя нововведенія по отношенію къ дубровницкимъ купцамъ“, именно—сталъ взимать десятину (*decimium*) съ масла и другихъ товаровъ (23, 24). Изъ нашихъ памятниковъ, быть можетъ вслѣдствіе неполноты ихъ, не видно, на сколько дѣйствительною оказалась эта мѣра. Но въ 1324 г. сенатъ снова прибѣгаетъ къ ней. 12-го января курьеръ республики (*sigor*, „*листоноша*“) доставилъ дубровницкимъ купцамъ предписаніе правительства немедленно выѣхать изъ Нарента, что и было ими въ точности исполнено (105).

Мореходство у Дубровчанъ, какъ извѣстно, стояло на высокой степени развитія. Благодаря этому обстоятельству, они рано завязали сношенія съ болѣе или менѣе далекими отъ нихъ странами, что, въ

свою очередь, значительно вліяло на широкое развитіе и процвѣтаніе ихъ торговли. Изъ венеціанскихъ документовъ, обнародованныхъ Любичемъ, видно, что уже въ первой половинѣ XIII в. эти смѣлне и искусные мореходы посѣщаютъ не только Италію, Сицилію, Романію, но и Египеть, Тунисъ и Варварійскія земли (Barbarie: Monumenta, I, 84). Въ изданныхъ теперь дубровницкихъ памятникахъ заключаются важныя указанія для сужденія о вѣнскихъ сношеніяхъ Дубровника въ первой половинѣ XIV в. Адриатическое море, на всеѣ его протяженіи отъ Венеціи и Истрии до Авлоны и Отранто, конечно, было главною сферою плаванія судовъ республики, которой существованіе основывалось прежде всего на веденіи торговли между славянскими землями полуострова и ближайшими латинскими государствами. Съ южною Италіей (Апуліей), Венеціей, Далматинскими городами Дубровникъ находился въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Въ Драчѣ и Авлонѣ (Валона) онъ имѣлъ весьма значительныя колоніи (27, 28, 168, 250). Затѣмъ имя Романіи довольно часто встрѣчается въ нашихъ документахъ, хотя нигдѣ ближе не опредѣляется, что именно нужно разумѣть подъ этимъ широкимъ географическимъ терминомъ: южную или восточную часть Балканскаго полуострова. Въ Романію направляются дубровницкіе суда (15, 22), изъ Романіи Дубровникъ получаетъ хлѣбъ (32, 86, 40, 42), въ Романіи оказываются, въ 1344 г., дубровницкіе синдикъ, извѣщающіе республику о какомъ-то важномъ дѣлѣ, касающемся какого-то епископа. Такіе же синдикъ посылаются съ неизвѣстнымъ порученіемъ въ Константинополь 21-го іюля 1347 г. (159). Припомнимъ здѣсь и вышеприведенное свидѣтельство 1324 г. о запрещеніи, наложенномъ Венеціанцами на дубровницкую торговлю въ предѣлахъ Византійской имперіи. Подъ 1347 г. мы находимъ любопытное сообщеніе о посылкѣ одного дубровницкаго судна за хлѣбомъ въ Турцію (in Turchia), то-есть, въ одинъ изъ портовъ малоазіатскаго берега, въ это время занятаго Турками ¹⁾ (278).

Изъ странъ южной части Средиземнаго моря Дубровчане чаще всего посѣщали Сицилію, снабжавшую ихъ хлѣбомъ. О сношеніяхъ

¹⁾ Тутъ невольно вспоминается современное этому показанію свидѣтельство византійскаго историка о томъ, что въ 1343 г. населеніе Тракии и Цареграда было спасено отъ голодной смерти благодаря подвозамъ хлѣба изъ Іоніи, Веніи и Фригіи, съ полей, обработанныхъ Турками. Nicephor. Gregor. Historia Byzantina (XIII, с. 12, р. 686).

ихъ съ африканскимъ берегомъ въ нашемъ сборникѣ нѣтъ ни одного упоминанія. За то здѣсь имѣется свидѣтельство о посѣщеніи двумя дубровницкими кондурами Сарагоссы (276).

Какъ сухопутная торговля Дубровчанъ была обставлена разными стѣсненіями, такъ свободное плаваніе ихъ по морямъ не мало затруднялось грабежами пиратовъ, особенно часто посѣщавшихъ Ионическое и Адриатическое моря. На борьбу съ этими врагами, республикѣ приходилось употреблять большія усилія (83, 97, 106, 107, 116, 117, 138). Не могли, по видимому, избѣжать дубровницкіе мореходы столкновенія и съ турецкими разбойничьими шайками, которыя въ это время хозяйничали въ Архипелагѣ. Въ 1346 г. 4-го апрѣля малое вѣче сдѣлало постановленіе о принятіи мѣръ къ освобожденію одного Дубровчанина изъ рукъ невѣрныхъ (*extraere Marinum, filium condam Nicole de Petregna de manibus paganorum*) (228).

О положеніи мореходнаго дѣла и торговли въ нашихъ документахъ разсѣяна масса важныхъ данныхъ. Собраніе ихъ въ одно цѣлое съ точнымъ объясненіемъ всѣхъ частныхъ могло бы послужить предметомъ весьма полезнаго изслѣдованія. Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о разныхъ родахъ судовъ (*lignum, galea, condura, barca, batellum*), о снаряженіи и вооруженіи ихъ (*correda, arnesia*), о снабженіи ихъ матросами. Отсюда знакомимся со всею морскою службой, съ составомъ экипажа судовъ (*capitaneus, commitus, scribanus, paucleerii, supratosarius, callafatus, maranganus*), его содержаніемъ во время плаванія и пр. (см., напримѣръ, 183, 184, 188 и пр.).

Не менѣе цѣнны подробности, относящіяся до торговли.

Хлѣбъ и соль ясно обозначаются, какъ два главные предмета торговли Дубровчанъ, первый—ввозной, второй—отпускной. Исторія покупки хлѣба, въ которомъ постоянно нуждалась бѣдная земля республика, излагается въ нашихъ „протоколахъ“ изъ года въ годъ съ полною обстоятельностью. Указывается, сколько, гдѣ и почему куплено; иногда приводится переписка правительства съ его повѣренными относительно приобрѣтенія той или другой партіи хлѣба. Ввозъ этого необходимаго продукта и торговля имъ обставлена цѣлымъ рядомъ разнородныхъ постановленій. Привозился хлѣбъ въ Дубровникъ изъ Апуліи, Романіи, Сициліи, частью изъ сербскихъ земель, и наконецъ, изъ Малой Азіи. Такія же подробныя свѣдѣнія имѣются о торговлѣ солью. Указываются мѣры соли, ея цѣны, направленіе сбыта (въ Нарентъ, Боснію и Сербію) и проч. Гораздо менѣе данныхъ пред-

ставляютъ наши документы для прочихъ предметовъ ввоза и вывоза, уже извѣстныхъ изъ другихъ источниковъ, преимущественно болѣе поздняго времени.

Это были, съ одной стороны, скоть, сыръ, звѣринныя шкуры, шерсть, медь, воскъ, дѣсные матеріалы и не обработанные металлы, съ другой — сукна и всякія ткани, металлическія издѣлія, какъ-то: золотыя и серебряныя украшенія, оружіе, сбруя для коней и всякаго рода утварь, стеклянныя произведенія (сосуды, зеркала), мыло, благовонные товары, пряности, южныя фрукты, рыба, масло, и наконецъ, вино¹⁾. Республика ревностно заботилась, чтобъ у нея не было недостатка въ произведеніяхъ, которыя она сама вывозила изъ сосѣднихъ славянскихъ земель, и наоборотъ, чтобы производимыя ею въ изобиліи продукты находили хорошій сбытъ. Сюда относится цѣлый рядъ постановленій, исходившихъ обыкновенно отъ малаго вѣча. Запрещалось вывозить изъ Дубровника хлѣбъ, сыръ, вяленое мясо, сухари (*secosta*) (1, 2, 5 и друг.) и не позволялось покупать гдѣ-нибудь, кромѣ роднаго города, плоды и овощи, куръ и яйца (113). Вина было достаточно въ Дубровникѣ; поэтому ввозъ его былъ строго запрещенъ. Въ 1345 г. избраны были даже особые чиновники, которые обязаны были слѣдить, чтобы въ городъ не привозилось иностранное вино (175, 179, 181, 219, 237). Производство торговли предметами необходимости въ самомъ Дубровникѣ и цѣны на нихъ строго опредѣлялись распоряженіями властей. Такъ, хлѣбъ можно было продавать не иначе, какъ на торговой площади, называвшейся *fundicum* (*in parvo consilio ordinatum fuit et firmatum, quod aliquis homo non possit vendere aliquam blaviam in aliquo loco nisi in fundico*); за самою продажей наблюдали особые чиновники (*fundacharii*) (3, 99, 111, 251). Соленый жиръ (*lardum salitum*) долженъ былъ продаваться не дороже 12 фолларовъ за фунтъ, а жиръ вмѣстѣ съ масомъ не дороже 10 фолларовъ; восковые свѣчи (*candelae de cera*) не могли стоить болѣе 3 грошей (2). За продажу масла (*oleum*) нельзя было получать барыша болѣе 6 фолларовъ на фунтъ (1). Никто не могъ покупать хлѣбъ или сухари (*buzellati*) для перепродажи другому лицу (2). Продавцы извести (*calzina*) должны мѣрить свой товаръ въ городѣ или портѣ (4). Цѣны на мясо постоянно опредѣлялись (6, 7, 61, 64, 70, 157, 162 и др.).

¹⁾ См. *Миѣтовича*, «Студије за историју српске трговине XIII-ог и XIV-го века» (*Гласник XXXIII, XXXVII, XXXVIII*).

Далѣе, въ нашихъ документахъ разсѣяны указанія о торговомъ кредитѣ, объ удовлетвореніи долговыхъ обязательствъ, о сношеніяхъ республики съ ея торговыми колоніями (*carsores*), объ организаціи каравановъ (*tursha*—16, 24, 48), о пошлинахъ съ товаровъ (свинецъ, мѣдъ (*game*), серебро, золото, сукна—223) и о многихъ другихъ сторонахъ и частностяхъ дубровницкой торговли. Все это, конечно, богатый матеріалъ для будущаго изслѣдователя исторіи Дубровника. Мы ограничимся здѣсь приведеніемъ только одного любопытнаго свидѣтельства — о торговлѣ Дубровника рабами. Эта постыдная торговля, какъ извѣстно, въ средніе вѣка особенно процвѣтала на берегахъ Средиземнаго моря. Въ ней участвовалъ и Дубровникъ. Въ договорѣ 1279 года, заключенномъ между нимъ и Которомъ, говорится, что какъ Дубровчане изъ Котора, такъ и Которци изъ Дубровника, могутъ вывозить рабовъ и рабынь (*servos et ancillas*—Любичъ, „*Monimenta*“, I, 129). Въ таможенномъ уставѣ республики (*Capitulare della Dogane grande*—Макушевъ, Изслѣд. объ историч. память, 172) узаконялась эта торговля: всякій, привозившій раба въ Дубровникъ платилъ извѣстную пошлину. Въ XIV в. сдѣлана была попытка ограничить этотъ торгъ. Въ извлеченіяхъ изъ упомянутой выше рукописи архива трибунальнаго суда „*Liber refomationum*“, изданныхъ Пуцичемъ (Споменици српски, II, 156, 158) находятся три постановленія большаго и малаго вѣчей отъ 1320, 1325 и 1340 г., запрещавшія Дубровчанамъ принимать у себя, скрывать и перевозить въ Апулію или на другой рынокъ рабовъ и рабынь изъ Сербовъ (*Slavi*). Ограниченіе это, по мнѣнію Міатовича (Гласник. XXXVIII, 138), могло быть вызвано требованіемъ Сербскихъ государей, не желавшихъ допускать, чтобы власти продавали людей съ своихъ баштинъ, которые покупались Дубровчанами также охотно, какъ и рабы изъ военноплѣнныхъ. Изъ нашихъ „Дубровницкихъ памятниковъ“ оказывается, что, кромѣ этихъ постановленій, были еще два, болѣе раннихъ. Въ 1306 г. состоялось рѣшеніе малаго вѣча, что ни Дубровчанинъ, ни выдающій себя за Дубровчанина не можетъ ни брать къ себѣ, ни помѣщать въ скрытое мѣсто какого-либо Серба какъ раба подъ страхомъ пени въ 100 иперпировъ (*quod nullus raguseus nec qui pro raguseo se distingit, audeat nec presumat capere aliquem Slavum, nec ipsum ponere in carceribus in aliquo loco sub pena urp. s. (7)*). 16-го января 1323 г. глашатай республики отъ имени графа объявлялъ, что никто не можетъ принимать на свою баржу или судно Серба-раба или Сербку-рабыню для

отправленія ихъ куда-либо, если не получить отъ него или отъ нея официальнаго документа (*quod nulla persona audeat vel presumat modo aliquo vel ingenio caricare vel mittere in sua barcha vel ligno aliquem Sclavium vel Sclaviam, ferendijum vel eam alibi, nisi primo habuerit ex eo vel ea publicum instrumentum* 125). Повторенія этихъ запрещеній ясно показываютъ, что они не соблюдались. Рабы были нужны, составляли выгодный предметъ торговли, доставать ихъ легче всего было у сосѣднихъ славянскихъ племень, особенно у Сербовъ и Босняковъ, и вотъ латино-славянская республика продолжала брать у родственннхъ ей народовъ товаръ для своего постыднаго торга. На сколько сами Дубровчане освоились съ этимъ отвратительнымъ явленіемъ—видно изъ того, что въ ихъ официально-коммерческомъ языкѣ имя Славянинъ—*Sclavus*, обозначавшее преимущественно Серба, отождествилось со словомъ рабъ, какъ это усматривается и въ обихихъ приведенныхъ выпискахъ изъ документовъ республики.

Для ознакомленія съ внутреннею жизнью Дубровника въ нашемъ сборникѣ заключается такая масса матеріаловъ, что даже самое поверхностное обзорѣніе ихъ здѣсь не возможно, ибо вывело бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи. Потому отмѣтимъ вкратцѣ только важнѣйшіе факты.

Государственное устройство Дубровника раскрывается здѣсь въ своихъ самыхъ существенныхъ чертахъ. По „Протоколамъ“ представляется возможность опредѣлить до нѣкоторой степени кругъ дѣятельности каждаго изъ трехъ собраний республики, хотя для общихъ заключеній пока еще мало данныхъ. Изъ протоколовъ же и изъ „*litteris citatoriis*“ уясняются отчасти права и обязанности графа (*comes*), какъ почетнаго правителя города и высшаго представителя исполнительной и полицейской власти. Далѣе, мы знакомимся здѣсь съ длинною лѣстницею должностныхъ лицъ и чиновниковъ, вѣдавшихъ разныя отрасли государственнаго управленія. Въ нашемъ сборникѣ находятся списки служащихъ лицъ для пяти лѣтъ: 1312, 1313, 1322, 1343 и 1345 гг. Въ первомъ изъ нихъ помѣщенъ перечень членовъ большаго вѣча: названо 190 лицъ. Въ остальныхъ четырехъ указаны только сенаторы (*consilium rogatorum*), члены малаго вѣча (*consilium minoris consilii*) и разные чиновники. Число сенаторовъ, выбравшихся, какъ и всѣ должностныя лица, на одинъ годъ, было не одинаково. Въ 1312 г. мы видимъ ихъ 64, въ 1313 г.—59, въ 1322—48, въ 1343 г.—53, въ 1345 г.—50. Малое вѣче состояло то изъ 6, то изъ 7 членовъ. Затѣмъ въ спискахъ называются слѣдующія долж-

постыныя лица: 1) *judices curie majores*—5 лицъ; 2) *vicarius domini comitis*. 3) *advocati maioris curie*—4 л. 4) *advocati comitis*—3 л.; 5) *judices minoris curie*—3 л.; 6) *Justiciarii*—5 л.; 7) *samararii* или *samarlengi comitis et communis* (казначей см. стр. 7, 26. 189)—3 л.; 8) *fundogerii* или *fundacharii* (наблюдавшіе за торговлей)—3 л.; 9) *procuratores sancte Marie* (надзиратели за таможей Св. Маріи)—3 л.; 10) *passatores curatoriorum in civitate*—3 л.; 11) *passatores extra civitatem*—4 л.; 12) *Super pascuis*—3 л.; 13) *doanerii*—4 л.; 14) *scribanus doane*; 15) *cercatores armorum in lignis*—3 л.; 16) *ad stateram frumenti*; 17) *scribanus ad bechariam* (скотный рынокъ); 18) *procuratores de Lacroma*—2 л.; 19) *advocatus de Lacroma*; 20) *super bulla* 21) *ad ponderandum frumentum*; 21) *Super zecto cere*; 22) *massarii super blado communis*—8 л. (послѣднія четыре должности съ 1322 г.); 22) *super arma communis*; 23) *super terrenum et sale communis*—3 л.; 24) *super laboreto arsenatus*—3 л.; 25) *super secham communis*—4 л.; 26) *super navigii et arma*—3 л.; 27) *judices questionum partium Ponte*; 28) *comes Grauose*; 29) *officiales custodie civitatis*—2 л. (эти 8 должностей съ 1343 г. и многихъ изъ нихъ уже нѣтъ въ спискѣ 1345 г.). Такъ много было должностей въ Дубровникѣ; но это еще не всё. Число ихъ постоянно измѣнялось. Стоило какому-нибудь особенному случаю нѣсколько нарушить обычное теченіе политической и торговой жизни республики—и непременно являлись новыя должности для изслѣдованія и урегулированія явленій, вызванныхъ этимъ нарушеніемъ. Откроеется контробандный привозъ заграничнаго вина—и назначаются чиновники для устраненія этого зла. Затѣвается новое сооруженіе—и выбираются правительственныя лица для надзора за работами. Распространяются слухи объ угрожающей республикѣ опасности отъ вѣнскихъ враговъ—и учреждаются особыя надзиратели за исправною охраной города. Къ указаннымъ должностямъ прибавимъ еще должности „глашатаевъ“ или „вѣстовщиковъ“ (*presones*), передававшихъ по городу распоряженія графа, и курьеровъ (*cursoges*), развозившихъ предписанія республики по ея колоніямъ.

Мы привели длинный перечень должностей отчасти потому, что въ самыхъ уже названіяхъ ихъ читатель можетъ найти указанія на важнѣйшіе вопросы внутренней жизни нашей республики. Обезпеченіе

государства необходимымъ продовольствіемъ и обереганіе его мирнаго существованія отъ всякихъ случайностей извнѣ—вотъ главныя заботы ея правительства, проходящія бѣлою нитью черезъ всѣ „refortnationes“ нашего сборника. Хлѣбный вопросъ былъ для Дубровника постоянною алобою дня. Своего хлѣба почти не было, — приходилось добывать его изъ сосѣднихъ странъ, что было не всегда легко, и такимъ образомъ оказывалась нужда въ самомъ необходимомъ для жизни продуктѣ. Отсюда, понятно, неизбѣжны были разныя экономическія затрудненія, которыя могли угрожать общему благосостоянію маленькой республики. Чтобы лучше бороться съ этими затрудненіями, правящая власть въ Дубровникѣ приняла хлѣбное дѣло непосредственно въ свои руки. Она сама розыскивала и покупала хлѣбъ, сберегала его въ особыхъ государственныхъ магазинахъ, установила правила его продажи и раздачи, наблюдала за мѣрами и вѣсами, за мельницами, за пекарнями, старалась всячески поддержать частный ввозъ хлѣба и предупреждала его вывозъ и проч. Рассмотрѣніе всѣхъ относящихся сюда мѣръ и распоряженій властей составило бы весьма любопытную страницу въ исторіи Дубровника. Чтобы показать, какъ велика была въ Дубровникѣ нужда въ хлѣбѣ, мы позволимъ себѣ привести изъ массы драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ только одно, относящееся къ самому концу разсматриваемаго періода. Вотъ оно: „31-го августа 1347 года въ собраніи большого вѣча, созванномъ по обычаю звуками колокола, въ присутствіи 74 членовъ, принято было слѣдующее единогласное рѣшеніе: предоставить господину графу и его малому вѣчу право выбрать одного или болѣе посланниковъ, свидниковъ, чиновниковъ и другихъ лицъ, съ какимъ угодно наименованіемъ, для розысканія и приобрѣтенія гдѣ бы то ни было и способомъ какимъ бы то ни было хлѣба, необходимаго для поддержанія государства (...eligendi unum et plures ambasiatores, syndicos, officiales et alias personas quovis nomine non-cupentnr pro facto et super facto bladi habendi, inquirendi et procurandi quocumque modo et in quibuscumque partibus causa fulciendi civitatem),—съ тѣмъ, чтобы никто изъ выбранныхъ для этого дѣла не могъ отказаться отъ него подъ страхомъ пени въ 200 иперпировъ (275).

Частые грабежи въ окрестностяхъ Дубровника, производимые разбойничьими шайками, выходившими изъ сосѣднихъ горъ, и опасеніе нападеній со стороны сербскихъ воеводъ и самихъ Сербскихъ государей заставляли республику постоянно заботиться о наилучшихъ

мѣрахъ охраненія своихъ владѣній. Присутствіе въ морѣ судовъ пиратовъ и многочисленныхъ завистниковъ ея торговому могуществу никогда не давало ей полной увѣренности въ безопасности и морскаго ея положенія. Она всегда находится подъ гнетомъ какихъ-то страховъ и опасеній. Укрѣпленіе городскихъ стѣнъ и башенъ, возведеніе разныхъ оборонительныхъ сооружений въ портѣ составляютъ предметъ особыхъ ея заботъ и поглощаютъ значительную часть государственныхъ доходовъ (74, 83, 87, 118, 225, 261, 269, 282, 286). Не меньше вниманія обращалось на охраненіе безопасности въ самомъ городѣ, особенно ночью. Существовала цѣлая система карауловъ, обходовъ и дозоровъ, находившихся въ вѣдѣніи особыхъ чиновниковъ.

На первомъ мѣстѣ мы видимъ цѣлую роту высшей стражи — *scaleguardie comunis* (71, 81, 165 и друг.), состоявшую то изъ 12, то изъ 24 выборныхъ владѣльцевъ (*nobiles*); затѣмъ идутъ капитаны кварталовъ — „*capitanei sesteriorum*“ (шесть частей города: *sesterium sancte Marie*, *sester. sancti Nicole*, *sester. sancti Blaxii*, *sester. sancti Petri*, *sester. Pustrine*, *sester. Gastelli*, 136, 137, 153, 165 и т. д.), капитаны мѣсячной стражи — *capitanei custodiae mensis* (136, 138 и проч.), и наконецъ, чиновники ночной стражи — *officiales custodiae noctis* (142 и др.). Это были постоянные охранители города. Всѣ они выбирались на извѣстный срокъ, имѣли особыя инструкціи и получали опредѣленное содержаніе. Но, кромѣ нихъ, по временамъ являлись особые усиленные караулы. Такъ, въ концѣ мая 1323 года, большое вѣче сдѣлало постановленіе объ избраніи четырехъ надежныхъ членовъ для занятія караула у двоихъ городскихъ воротъ (*ad portam de foris de Pille et ad portam de foris fratrum Praedicatorum*). Эти стражники должны были отбирать оружіе у всѣхъ иностранцевъ, и въ частности у Сербовъ (*Sclavi*), желавшихъ войти въ городъ, и возвращать его имъ обратно при выходѣ (85). 13-го ноября 1323 г. малое вѣче постановило обязать 150 гражданъ немедленно приготовиться идти подъ командой капитана туда, куда будетъ указано графомъ (99). 24-го мая 1344 году въ караулъ у тѣхъ же воротъ назначаются по два капитана съ десятью членами; а затѣмъ въ помощь имъ для охраны города (*ad custodiendum civitatem*) набирается сотенный отрядъ подъ командой двухъ капитановъ (153). Въ этихъ постоянныхъ опасеніяхъ дубровницкаго правительства за спокойствіе города, населеннаго богатыми купца-

ми, безъ сомнѣнія, нужно искать объясненія двухъ распоряженій, объявленныхъ всенародно отъ имени графа въ 1322 и 1345 гг. и служившихъ подтвержденіемъ статута. Одно заключалось въ томъ, что никто изъ живущихъ въ городѣ, ни гражданинъ, ни иностранецъ, безъ различія званія и состоянія, не долженъ имѣть при себѣ ни днемъ, ни ночью оружія. Другимъ запрещалось кому бы то ни было, за исключеніемъ чиновниковъ и ночныхъ караульныхъ, выходить изъ дому безъ фонаря послѣ третьяго удара колокола (120, 201). Въ связи съ этими опасеніями, вѣроятно, должно стоять и постановленіе большаго вѣча отъ 12-го іюля 1313 г., позволявшее частнымъ лицамъ изъ Дубровчанъ и иностранцевъ пользоваться принадлежащими республикѣ оружіемъ, корабельными принадлежностями и самими судами не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія большаго вѣча (29). Тѣ же заботы переносила республика и на свои владѣнія на материкѣ и на морѣ (Жупа, Грузь, Рѣка, Затонъ, Шуметь, Стонъ, и острова Колочель—*Calamota*, Лопудъ—*Mezzo*, Шипанъ—*Guirapa*, Ластово и Лаврома). И здѣсь производятся постройки укрѣпленій, и сюда посылаются разныя *custodiae capitanei*, и къ этимъ частямъ маленькаго государства примѣняются всякія мѣры безопасности (140, 154, 236, 262, 265 и др.). Кстати замѣтимъ, что о положеніи этихъ земель, мѣстечекъ и острововъ подъ властью Дубровника и объ отношеніяхъ ихъ къ республикѣ въ нашихъ документахъ находится не мало свѣдѣній. Укажемъ для примѣра хоть то, что моряки для дубровницкихъ судовъ набирались преимущественно изъ жителей острововъ, или что эти жители, всѣ безъ исключенія, должны были имѣть извѣстное оружіе (7, 118, 143).

Весьма важныя данныя заключаются въ нашемъ сборникѣ для ознакомленія съ источниками и приблизительными размѣрами доходовъ Дубровника. Важнѣйшими доходными статьями, понятно, были различныя таможенные и пошлинные сборы, всегда отдававшіеся съ торговъ въ аренду (*gabella*). Являются пять такихъ таможенъ: *doana major Ragusina*—самая главная; въ нее поступали не только пошлины съ товаровъ, но и другіе сборы, какъ, напримѣръ, двухпроцентный со всякой купленной недвижимости — съ дома, земли, виноградника, выплачивавшійся покупщикомъ (146, 204, 212, 237); *doana frumenti* (*gabella fundichi frumenti* (162) и *doana Sanctae Mariae*—сюда поступали, по видимому, сборы съ товаровъ, привозимыхъ моремъ (19, 61, 118 и друг.); *doana pescariae* (76, 109) и *doana vini* (159, 204) Въ „Протоколахъ“ можно найти какъ условія, на

которыхъ сдавались откупщикамъ эти отрасли сборовъ, такъ и сумму годового дохода отъ каждой изъ нихъ. Сумма эта, конечно, была не одинакова. Самую доходною была доана majog, принесшая въ 1346 г. 11,300 иперпировъ; меньше всѣхъ давала доана rescagiae: вѣшная сумма—350 иперп. (въ 1324 г.). Къ этимъ статьямъ въ 1346 г. присоединились доходы со Стояскихъ соловарень (Salinae Stagni), въ первый разъ отданные на откупъ за 1,600 иперпировъ въ годъ (227; Стопъ приобрѣтенъ Дубровникомъ въ 1333 г.). Приблизительно можно опредѣлить и всю сумму доходовъ. Для 1346 г. оказываются цифры для всѣхъ шести статей, въ сложности давнихъ республикъ 15,920 иперпировъ. Изъ этихъ доходовъ и покрывались государственныя нужды Дубровника. Могутъ быть намѣчены и главныя статьи расхода. Это были: содержаніе чиновниковъ и посольствъ, укрѣпленіе и охраненіе города, дань и подарки кралоу, бану и Венеціи, пріемъ и чествованіе пріѣзжихъ иностранцевъ (показанъ, на примѣръ, расходъ въ 10 иперпировъ на наемъ дома для Болгарской царицы (135), покупка глѣба, наемъ врача (medicus, physicus, cigologus—26, 46, 182 и проч.), который обыкновенно приглашался изъ Италіи и обязанъ былъ за хорошее вознагражденіе глѣчить безмездно все населеніе республики; содержаніе школъ (указанія съ 1346 г.—183, 233, 361, 284), благотвореніе церквамъ и монастырямъ и проч. Расходы, по видимому, обыкновенно превышали доходы. Правительство республики весьма часто не имѣетъ наличныхъ денегъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ нуждъ. Въ такихъ случаяхъ оно обращается къ принудительнымъ займамъ у частныхъ лицъ, предоставляя имъ въ обезпеченіе часть доходовъ съ той или другой „доаны“. Обыкновенно этотъ заемъ производился слѣдующимъ образомъ: большое вѣче опредѣляетъ сумму займа и число лицъ, которыя должны ее ссудить, а малое вѣче выбираетъ особыхъ повѣренныхъ (impositores) для отысканія состоятельныхъ лицъ и распределенія между ними назначенной суммы ссуды (83, 87 и др.). Среди нашихъ памятниковъ находится одинъ такой „заемный листъ“, представляющій списокъ Дубровчанъ, снабдившихъ свое правительство тѣми 800 иперпирами, которыхъ, какъ мы видѣли, въ 1323 г. недоставало для уплаты обычной дани кралоу Стефану Дечанскому. Документъ этотъ содержитъ въ себѣ много любопытныхъ указаній.

Продолжая отмѣчать въ нашихъ матеріалахъ только самое главное, мы не можемъ не обратить вниманія на массу данныхъ, знакомящихъ съ монетною системою, господствовавшею въ Дубровникѣ, съ

чеканкой монеты и съ узаконеніями, касающимися всего вообще монетнаго дѣла. Монетный дворъ (*secha, zecha*) находился въ вѣдѣніи особыхъ чиновниковъ (*officiales super zecha*); въ 1347 г. онъ сдается въ аренду за 100 ипернировъ въ годъ, но при этомъ остается по прежнему подъ непосредственнымъ правительственнымъ контролемъ. (283). 31-го октября 1347 г. въ собраніи большаго вѣча было заявлено, что государство крайне нуждается въ монетѣ, которая не выдѣлывается въ достаточномъ количествѣ за непоступленіемъ на монетный дворъ узаконенной части серебра, ввозимаго въ городъ (281). Это обстоятельство и побудило вѣче передать право чеканки частному лицу, которое бы строго наблюдало, чтобы десятая часть серебра привезеннаго въ Дубровникъ непременно передавалась на монетный дворъ.

Драгоценныя металлы привозились въ Дубровникъ въ большомъ количествѣ. Потому-то, безъ сомнѣнія, мы и видимъ здѣсь особенное процвѣтаніе производства разныхъ издѣлій изъ золота и серебра. Ремесленники этого рода, „златари“—*aurifices*—постоянно упоминаются въ нашихъ документахъ. Есть указанія и на то, какія именно вещи выдѣлывались ими (210). Кромѣ того, называются каменщики (*murarii, petrarii*), корабельщики (*salafati*), плотники (*magangani*). Любопытно, что въ 1314 г. всѣмъ этимъ ремесленникамъ было запрещено отправляться на работы въ Сербское королевство (*ad aliquas terras subjectas regnami Sclauanie*) безъ особаго на то разрѣшенія отъ графа и малаго вѣча (40). Въ 1345 г. республика заключила съ живописцемъ Бернардомъ условіе объ украшеніи картинами стѣнъ новой залы собраній (171). Въ условіи сообщаются интересныя подробности о производствѣ самой работы.

Для знакомства съ общественнымъ бытомъ, нравами и обычаями Дубровчанъ изслѣдователь найдетъ въ нашемъ сборникѣ также весьма цѣнныя черты. Изъ отдѣла „объявленій и распоряженій графа“ (*Litterae citatorie et graesertoriae*) видно, что рабство въ Дубровникѣ въ данное время было весьма распространено, а также что положеніе рабовъ не могло быть очень сноснымъ. Значительная часть этихъ объявленій касается бѣгства рабовъ и рабынь; бѣгства эти часто сопровождаются преступленіями, особенно кражами. Не легко, вѣроятно, было положеніе и людей, по найму служившихъ у властелей: и они убѣгаютъ отъ господъ, не дослуживъ условеннаго срока (234).

На стр. 5 мы находимъ постановленіе большаго вѣча, что новобрачная, идя къ мужу, не должна повязываться и налѣзать въ ношѣ

по старинѣ. На стр. 209 набросана бытовая сценка изъ судебного процесса. На стр. 265 описано празднованіе дня св. Власія, патрона Дубровника. Затѣмъ мы встрѣчаемъ любопытныя востановленія о наряжаніяхъ и представленіяхъ фокусниковъ и фигурантовъ (*ludus carbopozioium*), которыя допускались только съ ограниченіемъ (80, 256, 257); видимъ суровость законовъ республики, осуждающихъ виновнаго въ неповиновеніи властямъ на лишеніе глазъ и рукъ (240), и много другихъ бытовыхъ чертъ и явленій.

Чтобы закончить обзоръ новонаданныхъ дубровницкихъ матеріаловъ, мы должны отмѣтить еще одну группу находящихся въ нихъ весьма важныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Это—данныя, указывающія на степень ославяненія Дубровника въ первой половинѣ XIV в. Впервыхъ, мы видимъ непрерывный переходъ Сербовъ и Босняковъ въ число дубровницкихъ гражданъ. Затѣмъ, уже въ 1313 г. большое вѣче избираетъ секретаря по славянскимъ дѣламъ (*potarius communis in Sclavanesco*—30). Въ 1323 г. нѣкоторыя распоряженія графа объявляются глашатаемъ на латинскомъ и славянскомъ (сербскомъ) языкахъ (*tam in lingua latina quam in sclavonesca*—129, 131). Въ самомъ латинскомъ языкѣ, служившемъ для республики официальнымъ, встрѣчается не мало словъ славянскихъ, какъ-то: *copella* (купичь), *coza* (кожа), *deveto* (девятая часть), *gragina* (градина, ограда), *nasfus* (нашва, нашивка), *perchium* (перчижа—приданое), *prestaunius* (приставъ), *stapicium* (састанакъ), *suoto* (свота) *zoba* (соба-комната) и друг. Такимъ образомъ славянскій элементъ въ Дубровникѣ въ рассматриваемое время былъ уже очень силенъ. Этотъ выводъ еще болѣе подтверждается послѣднимъ и самымъ важнымъ свидѣтельствомъ: нашъ сборникъ представляетъ огромное количество личныхъ именъ, и между ними масса—несомнѣнно славянскихъ.

Приведенными извлеченіями мы—надѣемся—достаточно познакомили читателей съ содержаніемъ и значеніемъ документовъ, изданныхъ въ первомъ томѣ „*Monumenta Ragusina*“. Если теперь въ дополненіе къ сказанному напомнимъ, что до выхода этого тома для исторіи Дубровника въ первой половинѣ XIV в. изъ домашнихъ источниковъ имѣлось всего на всего небольшое собраніе грамотъ, да нѣсколько скудныхъ извѣстій въ позднѣйшихъ хроникахъ, то кажется, будемъ имѣть полное право поздравить науку славянской исторіи съ весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ.

Что касается вѣншей стороны нашего изданія, то оно, какъ и все, что выходитъ отъ имени Юго-славянской академіи, не оставляетъ

желать ничего лучшаго. Приложенные въ концѣ книги подробный указатель личныхъ и мѣстныхъ именъ и специальныхъ терминовъ и словарь малопонятныхъ словъ облегчаютъ пользованіе самими документами.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать два слова по поводу одного вопроса, вызваннаго у насъ изданіемъ рассмотрѣннаго нами сборника. Выше мы упоминали уже о лучшей дубровницкой хроникѣ, принадлежащей перу знаменитаго дубровницкаго ученаго, писателя и поэта Юлія Растича (1671—1735 гг.) и остающейся до сихъ поръ не изданною. Въ предисловіи къ своему труду авторъ говоритъ, что онъ пользовался подлинными актами государственнаго архива: *tutte le cognizioni sono cavate d'autentici documenti conservati nell'archivio di questa Republica*. Мы имѣли возможность сличить текстъ хроники по рукописному списку, сообщенному намъ многоуважаемымъ В. И. Ламанскимъ, съ только-что изданными „*Libris reformationum*“. Оказывается, что Растичъ пользовался архивными матеріалами вполне умѣло и добросовѣстно. Онъ, правда, не все бралъ изъ нихъ, но то, что бралъ, вносилъ въ хронику съ большою точностью и аккуратностью, обыкновенно ограничиваясь простою перифразой документовъ. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, имѣетъ немаловажное значеніе. „*Reformationes*“ для многихъ лѣтъ не сохранились, а между тѣмъ у Растича событія излагаются послѣдовательно до 1451 г., при чемъ вездѣ видно, что онъ пользовался документальными источниками. Отсюда прямое заключеніе о необходимости скорѣйшаго изданія его „*Chroniche di Raugia*“.

Т. Флеринскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПУТЕШЕСТВІЯ РУМЫНСКИХЪ УЧЕНЫХЪ ПО СЛАВЯНСКИМЪ ЗЕМЛЯМЪ ¹⁾.

Путешествіе г. Точилеску началось съ Одессы; здѣсь онъ снялъ четыре надписи, находящіяся въ музеѣ общества исторіи и древностей: одну латинскую, излагающую торговыя права древняго города Тираса ²⁾, другую греческую, имѣющую сходство съ одною изъ надписей, хранящихся въ національномъ музеѣ въ Букурештѣ ³⁾, третью также греческую, найденную въ Аккерманѣ и содержащую въ себѣ отгѣтку о сооруженіи каменныхъ стѣнъ Бѣлгорода (Аккермана) Молдавскимъ господаремъ Стефаномъ Великимъ до осады города Турками ⁴⁾, и наконецъ — четвертую, славянскую, врызанную на хорошемъ мраморѣ съ молдавскимъ гербомъ, въ правленіе того же Стефана: это ктиторская доска на одной изъ церквей того же Бѣлграда (Аккермана), построенной Молдавскимъ же господаремъ, Петромъ Рарешомъ.

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. августовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Издана сперва *П. Беккеромъ* въ *Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей*, т. II, отд. 2 и 3, стр. 423—426, табл. XIV, а затѣмъ *Ф. Бруномъ*, Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи Южной Россіи. Ч. I. Одесса. 1879, стр. 6—7.

³⁾ Г. Точилеску не говоритъ, что содержала въ себѣ эта надпись и какого она времени.

⁴⁾ Издана *К. Мурзакевичемъ* въ *Зап. Одесск. общ. ист. и древностей*, т. II, отд. 2 и 3, стр. 481. По мнѣнію издателя, стѣны сооружены «въ 1477 г., или позже — двумя, тремя годами», послѣ победы Стефана Великаго надъ Турками при Браковцѣ на рѣкѣ Вырладѣ (въ Молдавіи) въ 1475 г., *Ib.*, стр. 482.

Другаго ничего не могъ г. Точилеску здѣсь найдти, такъ какъ директора музея г. Мурзакевича, у котораго есть нѣсколько румынскихъ историческихъ документовъ и грамотъ, въ то время не было въ Одессѣ.

Въ Кіевѣ румынскій ученый пробылъ только три дня; здѣсь онъ посѣтилъ университетскій музей, гдѣ снялъ снимки съ трехъ молдавскихъ монетъ, и центральный архивъ, гдѣ рассмотрѣлъ „книги Подольскаго гражданскаго суда“ (№№ 3598—4382), въ которыхъ нашелъ массу неизвѣстныхъ документовъ и другихъ всякаго рода матеріаловъ, относящихся къ румынской исторіи, но по недостатку времени не могъ остановиться на нихъ ¹⁾, — онъ спѣшилъ въ Москву, гдѣ также ожидала его богатая жатва.

Въ Москвѣ г. Точилеску пробылъ болѣе двухъ мѣсяцевъ; главною цѣлью его пребывания здѣсь были рукописи сочиненій Д. Кантемира; и вотъ что здѣсь онъ нашолъ:

1. Въ библіотекѣ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ хранятся шесть рукописныхъ сочиненій Д. Кантемира, подаренныхъ еще въ 1783 г. Николаемъ Николаевичемъ Бантышемъ-Каменскимъ ²⁾, а именно:

1) Хроникѣль векимей а Ромъно-Молдовахилоръ (хроника древности Румыно-Молдоваховъ, № 103), въ одномъ томѣ (in-folio, на толстой бумагѣ, содержитъ 345 л., по 29 строкъ на каждой страницѣ), написанъ по румынски въ Петербургѣ въ 1717 г. двумя почерками; предисловіе по румынски и по латыни (л. 3—24). Текстъ хроники, начиная съ л. 292 и до конца, переписанъ самимъ составителемъ; его же рукою написаны всѣ замѣтки на поляхъ рукописи, а также и исправленія и добавленія, остальное—однимъ изъ его дьяковъ. Недостають 4 листовъ: 3 послѣ л. 407, и одного послѣ 423. Переплетъ кожанный съ толстыми досками, на одной изъ которыхъ оттиснутъ золотомъ гербъ рода Кантемировъ. На особомъ листѣ, исписанномъ самимъ Кантемиромъ, какъ предувѣдомленіе къ хроникѣ,

¹⁾ Впрочемъ г. Точилеску изъ Москвы въ 1877 г. сообщаетъ академическому обществу въ краткомъ отчетѣ, что онъ вошелъ въ соглашеніе съ профессоромъ Кіевскаго университета Антоновичемъ и директоромъ архива Ильинскимъ о доставленіи ему копій съ актовъ за №№ 3598—3620 (1521—1604 гг.) означенной книги въ промежутокъ времени его пребыванія въ Россіи. *Annal. soc. acadet. române*, t. XI, sect. I, p. 47. Но въ подробномъ отчетѣ обществу г. Точилеску ни о какихъ актахъ изъ Кіева не упоминаеть.

²⁾ На каждой рукописи отмѣченъ Бантышемъ-Каменскимъ собственноручно годъ, когда подарена была рукопись. См. *ibid.*, p. 54, и «Жизнь Николая Николаевича Бантыща-Каменскаго». М. 1818, стр. 65—68.

значится, что составитель четыре раза уже пересмотрѣлъ, исправилъ свой трудъ ¹⁾ и думалъ напечатать его.

Послѣ смерти составителя хроники, послѣдняя хранилась не изданною въ библиотекѣ его сына, Сергія Кантемира ²⁾, а откуда перешла къ Бантышу-Каменскому. Въ 1836—1837 г. она была напечатана въ Яссахъ подъ редакціей покойнаго Сеулеску ³⁾.

2) *Исторія іероглификъ индоуспрѣвѣ пѣрць ынпѣрцитъ; ашиждерѣа къ 770 де сентенцій фрѣмос ынподобитъ, да ынчептѣрѣ къ скаръ а нѣмелоръ дисвѣлитоаре, гаръ да сфѣршитъ къ а нѣмелоръ стрѣине тѣлѣвитоаре* (Іероглифическая исторія, на двѣнадцать частей раздѣляемая, а также 770 сентенціями преукрашенная, въ началѣ съ перечнемъ именъ, смыслъ открывающихъ, а въ концѣ—именъ чужестранныхъ разъясняющихъ), въ одномъ томѣ (около 700 страницъ in-4°), на румынскомъ языкѣ, писана самимъ Кантемиромъ, вѣроятно, въ Константинополѣ еще до вступленія на молдавскій княжескій престолъ. Это—„исторія іероглифическая, истинная, о дѣлахъ, которыя между великими и извѣстными, Льва и Ястреба монархіями случились, и въ промежутокъ времени 1700 лѣтъ достойнымъ вѣроятія писателемъ очень подробно разказанная,—который (то-есть, писатель) во всѣхъ превратностяхъ времени того, между живыми пребывалъ, 31000 лѣтъ будучи, конецъ начатой своей исторіи видѣтъ

¹⁾ На листѣ 277 есть замѣтка, которая даетъ право предположить, что рукопись была разсматриваема, исправляема и дополняема составителемъ до самаго послѣдняго времени его жизни. Говоря о Бичпакскихъ равнинахъ, Кантемиръ прибавляетъ въ концѣ разказа: «Эти (пустынные) равнины растянуты отъ рѣки Дона до Хины (Китай), перехода за Волгу вдоль Узбека; эти поля пришлось и намъ видѣть». Очевидно, здѣсь говорится о времени похода Петра Великаго въ Персію въ 1722 г., въ которомъ принималъ участіе и Д. Кантемиръ, и который былъ причиною смерти послѣдняго, спустя годъ послѣ того.

²⁾ *Бантыш-Каменскій*, Исторія о жизни и дѣлахъ князя Д. Кантемира. М. 1783, стр. 313.

³⁾ Сравненіе текста рукописи съ текстомъ, напечатаннымъ Сеулеску, говоритъ г. Точилеску,—дало важные результаты: въ печатномъ текстѣ не только вкратились простыя орфографическія различія, типографическія ошибки, мѣстами пропуски нѣкоторыхъ словъ рукописи по недосмотру, но допущены наизвѣстно даже значительные пропуски, и довольно послѣдовательно по всему изданію замѣтно стремленіе изгнать изъ текста Кантемира нѣкоторыя славянскія слова и замѣнить ихъ неологизмами, а также видно стараніе измѣнить рѣзкія выраженія Кантемира противъ Турокъ другими, болѣе мягкими. *Românulul*, 1878, № 2-го марта. Нѣсколько различій между печатнымъ текстомъ и рукописнымъ приведено тамъ же стр. 195, столб. 1 въ концѣ.

удостоился¹⁾); въ ней разказывается о событіяхъ, происходившихъ въ Молдавіи и Валахіи во время правленія Кантемира, объ интригахъ Бранкована, господара Валахіи, и молдавскихъ бояръ передъ Портой, направленныхъ къ тому, чтобы свергнуть Димитрія и Антиоха Кантемировъ, при чемъ всѣ дѣйствующія лица представлены въ образѣ какихъ-либо животныхъ или птицъ.

Въ началѣ рукописи прибавленъ прекрасно раскрашенный самикъ Кантемиромъ листъ, на которомъ представленъ градъ Епинеми (четатѣ(а) Ёпинамий), какъ представлялъ себѣ его авторъ, а въ началѣ каждой книги исторіи оставлены мѣста, вѣроятно, съ цѣлю дополнить ихъ впоследствии рисунками.

3) *Compendiolum universae Logices institutionis* (in-16°, стр. 88), очень мелкаго, но красиваго (21 строка на каждой страницѣ) собственноручнаго письма самого автора.

4) *Curanus* (in-fol., 126 л.), писанный рукою Кантемира²⁾. Въ одномъ переплетѣ съ *Curanus*'омъ находится:

5) *Historia Moldo-Vlachica*, латинскій подлинникъ „хроникъ древности Румыно-Молдо-Валаховъ“ (in-fol., 96 л.), писанный самимъ авторомъ³⁾.

6) Точный итальянскій переводъ исторіи Турецкаго царства⁴⁾.

¹⁾ Ibid., столб. 2.

²⁾ Часть *Curanus*'а была переведена на русскій языкъ и напечатана по повелѣнію Петра Великаго Ильинскимъ подъ заглавіемъ: «Книга система или состояніе мухаммеданскія религіи». С.-Пб. 1722.

³⁾ Последние три рукописи, то-есть, *Compendiolum*, *Curanus* и *Historia Moldo-Vlachica*, найдены г. Точилеску по счастливой случайности въ картонкахъ академика Миллера, бывшаго директоромъ архива въ неходѣ прошлаго столѣтія. *Românul*, 1878, № 2-го марта, стр. 195, столб. 2.

⁴⁾ О ней будетъ рѣчь ниже. Въ этой же библиотекѣ хранится рукопись «Notationes quotidianae» (№ 388) 1721—1724 г., написанная по русски Иваномъ Ильинскимъ, жившимъ у Димитрія Кантемира въ качествѣ гувернера дѣтей послѣдняго, а не самимъ Кантемиромъ, какъ передаетъ Вантышъ-Камевскій (Исторія о жизни и дѣлахъ кн. Константина Кантемира. М. 1783, стр. 42). Въ этихъ замѣткахъ есть много данныхъ для біографіи Д. Кантемира, которыя всѣ списаны г. Точилеску. На стр. 49 находится слѣдующій отрывокъ, вѣроятно, изъ путевыхъ замѣтокъ Д. Кантемира:

«Ex libello Principis:
 Cazan, gr. 55, min. 35.
 Saratov, gr. 49, min. 33.
 Camyssenka, gr. 48, min. 35, sec. 5
 Visla Dubrova, gr. 48, min. 35.

Кромѣ того, въ самомъ архивѣ г. Точилеску разсмотрѣлъ и переписалъ 59 документовъ, относящихся къ біографіи Д. Кантемира и румынской исторіи, которыми до настоящаго времени никто не пользовался; эти доументы весьма важны для разъясненія политическихъ сношеній Румынскихъ княжествъ съ Московскими царями и Турціей и связей художественныхъ, литературныхъ и торговыхъ между двумя православными государствами Румыніей и Россіей во времена Молдаво-Валашскихъ господарей: Александра Раду (1624 г.), Маттея Бассараба, Василія Лупу, Константина Шербана, Георгицы Стефана, К. Бранкована, Григорія Гиги, Константина Кантемира, Дуки Во(ево)ды, Михайя Раковицы, Роксанды Хмельницкой и др., а также и для біографіи отдѣльныхъ румынскихъ дѣятелей, какъ напримѣръ, митрополита Досноея, митрополита Варлаама, логоета Раду Гречану, чауша Давида Корба и его сына Севастіана, Николая Спатаря Милеску и его сына Максима Спатаря, Контакузиновъ, К. Белдимана, полковника Константина Туркулецъ, маршала Савина Бану, Георгія Кастріота и др. Здѣсь мы отмѣтимъ только тѣ документы, которые касаются личности Д. Кантемира, какъ лица, достойнаго вниманія и русскихъ историковъ:

1711 годъ.

1) *Юня* мѣсяца. Манифестъ на латинскомъ языкѣ Дм. Кантемира, которымъ Молдаване извѣщаются о пришествіи русскихъ войскъ въ Молдавію и о возстаніи всего населенія противъ Турокъ.

2) *Юня* 13-го. Письмо на латинскомъ же языкѣ графа Головкина къ Кантемиру, въ которомъ онъ проситъ послѣдняго отъ имени Петра Великаго озаботиться о доставленіи провіанта русскимъ войскамъ и прислать двухъ или трехъ человекъ, хорошо знающихъ мѣста Буджака и придунайскія.

3) *Юня* 13-го. Письмо Петра Великаго къ Кантемиру и условія, на которыхъ послѣдній принять были въ русскую службу (по русски).

4) *Юня* 13-го. Списокъ придворнаго штата Кантемира въ Россіи (по румынски).

5) *Юля* 28-го. Письмо на латинскомъ языкѣ Кантемира къ графу Головкину, въ которомъ онъ проситъ послѣдняго представить императору Петру три его прошенія.

6, 7 и 8) *Юля* 28-го. Три прошенія на латинскомъ—Кантемира Петру, въ которыхъ опредѣляются условія, на какихъ онъ желаетъ быть принять въ русскую службу.

Distat a Czaritzyna Wjorst, 60.
Astrachan, gr. 45.

Annal. societ. academ. romane, XXI, sect. I, p. 64.

9) *Августа* 2-го. Письмо на латинскомъ языкѣ Кантемира къ графу Головкину о принятіи мѣръ для облегченія его путешествія до Москвы.

10) *Августъ*. Его же донесеніе на русскомъ языкѣ сенату о пріѣздѣ въ Москву изъ Харькова его посланныхъ съ письмами въ Петру Великому и сенатору Куликову.

11) *Ноябрь*. Его же прошеніе на русскомъ же языкѣ Петру Великому о дозволеніи ему укрѣпить Харьковъ и записка о способѣ самаго укрѣпленія.

12) *Апрѣль*. Письмо на румынскомъ языкѣ *Дуну Костаки*, *селя ворникъ* и *Антіоха Горм*, *бывш. ишманъ*, къ русскому генералу Рянцу, въ которомъ первые жалуются послѣднему на князя Д. Кантемира, что послѣдній ограбилъ Румынію и заключилъ въ тюрьму *Гориаки Ворника*.

13—22) *Апрѣль*. Дѣла, касающіяся Кантемира и его семейства съ 1711 по 1715 гг.

1713 годъ.

23) *Марта* 9-го. Письмо графа Головкина къ сенату о томъ, чтобъ отпустить Кантемиру деньги и все необходимое для пріѣзда послѣдняго въ Петербургъ съ четырьмя или пятью его боярами.

24) *Іюль*. Сообщение графа Головкина сенату о приведеніи въ исполненіе императорскаго указа о князѣ Кантемирѣ — дать послѣднему дворецъ въ Москвѣ, имѣніе Сѣвскъ изъ 40 дворовъ около Москвы, въ Комарницкой волости, 10,000 рублей ежегодно и село Уколово въ Курской губерніи, а молдавскимъ боярамъ—имѣнія Шидловскаго.

1714 годъ.

25—26). Письмо Д. Кантемира на русскомъ языкѣ къ канцлеру Головкину и другое къ барону Шафирову по дѣлу съ Грекомъ Дмитріемъ Георгіевымъ Кувецкимъ.

1715 годъ.

27) Записка графа Головкина и барона Шафирова о какихъ-то (?) недвижимыхъ имуществахъ, пожалованныхъ Кантемиру.

1716 годъ.

28) Письмо на русскомъ языкѣ Д. Кантемира къ канцлеру Головкину объ освобожденіи его отъ имущественнаго налога.

29) Указъ Петра Великаго сенату о недвижимыхъ имуществахъ, пожалованныхъ Кантемиру.

1717 годъ.

30—31) Письмо Д. Кантемира на русскомъ языкѣ къ канцлеру Головкину съ приложеніемъ очень интересной записки о Молдавіи и Валахіи и новыхъ извѣстій о дѣлахъ иностранной политики.

32—34) Два прошенія Д. Кантемира и записка Петру Великому: а) объ освобожденіи его брата Антіоха отъ Турокъ и б) о томъ, какими способами Россія можетъ освободить Молдавію изъ-подъ турецкаго ига.

1718 годъ.

35) Прошеніе Д. Кантемира объ освобожденіи Молдаванъ, задержанныхъ въ Кіевѣ.

36—38) Два письма (на русскомъ языкѣ) Д. Кантемира къ графу Головкину съ приложеніемъ прошенія на румынскомъ языкѣ *Иона Никулче, бивъ гатманъ*, въ которомъ послѣдній проситъ императора предпринять новый походъ противъ Турокъ для освобожденія христіанъ и дать одинъ изъ уѣздовъ около Кіева молдавскимъ эмигрантамъ, которыхъ поставить въ зависимость отъ князя Д. Кантемира.

1730 годъ.

39) *Сентября* 16-го. Письмо Д. Кантемира къ графу Головкину о томъ, чтобы вручить дипломъ великому комису Павлу Рудзину, которому дать доступъ къ императорскому двору.

1733 годъ.

40) *Января* 2-го. Письмо Д. Кантемира на латинскомъ языкѣ къ маркизу де-Шатонефу въ Парижѣ, въ которомъ онъ напоминаетъ послѣднему о старомъ знакомствѣ и изъявляетъ желаніе отправить сына, Константина, въ Парижъ.

1734 годъ.

41—42) Указъ Петра Великаго, по которому назначается Антіоху Кантемиру, брату Дмитрія, ежегодная пенсія и окладной листъ.

II. Въ Патріаршей (нынѣ Синодальной) библиотекѣ г. Точилеску разсмотрѣлъ и частію списалъ слѣдующія славянскія рукописи:

1) Житіе Игнатія, архіепископа Антіохійскаго, переведенное съ греческаго на славянскій языкъ извѣстнымъ въ румынской литературѣ Доснеемъ, митрополитомъ Сучавскимъ, и посвященное патріарху Московскому Іоакиму, съ которымъ переводчикъ былъ въ дружбѣ и постоянныхъ сношеніяхъ. Рукопись самого переводчика (in-8°, письмо курсивное).

2) Избранныя слова Іоанна Златоустаго, переведенныя съ греческаго тѣмъ же митрополитомъ Доснеемъ и красиво писанныя его рукою въ Стрѣвъ въ 1693 г. На поляхъ этой рукописи встрѣчаются интересныя приписки историческаго содержанія и по языку.

3) Похвала Стефану, митрополиту Унгро-влахійскому, составленная въ правленіе Маттея Бассараба.

4) Хрисмологіонъ Ниволая Снатаря Милеску, списанный Алексіемъ Коробовскимъ въ 1694 г. ¹⁾

¹⁾ Другой экземпляръ этого Хрисмологіона хранится въ библиотекѣ Румынскаго музея.

5) Русскій переводъ Панигирика св. великомученику Дмитрію Фессалоникійскому, сказаннаго Антиохомъ Дмитріевичемъ Кантемиромъ по гречески въ 1719 г., когда ему было только 11 лѣтъ ¹⁾).

III. Въ Румянцевскомъ музеѣ г. Точилеску списалъ румынскую хронику монаха Михаила Моксы, составленную по славянскимъ лѣтописямъ и написанную въ монастырѣ Быстрицѣ за рѣкою Алютой (въ сѣверо-западной части Валахіи) въ 1620 г. ²⁾, и затѣмъ описалъ двѣ другія румынскія рукописи—переводы конца XVIII столѣтія, поступившіе въ музей послѣ смерти В. И. Григоровича ³⁾, а также и славянскую рукопись повѣсти-романа о владѣ Дракулѣ Мултянскомъ ⁴⁾.

¹⁾ Панигирикъ написанъ, по всей вѣроятности, отцомъ Антиоха, Дмитріемъ Кантемиромъ. Имъ же написанъ и *Панигирикъ Петру Великому* по латыни, произнесенный другимъ его сыномъ Сергіемъ, когда послѣднему было только 7 лѣтъ. Последній панигирикъ напечатанъ въ С.-Пб. въ 1714 г. по русски и по латыни (in 4°). Я знаю только два экземпляра этого изданія: въ библиотекѣ Академіи Наукъ и архивѣ святѣйшаго синода. Русскій переводъ напечатанъ и у *Вантисш-Каменскаго*, въ Исторіи о жизни и дѣлахъ кн. Константина Кантемира, стр. 323—328).

²⁾ Этотъ замѣчательнѣйшій и драгоцѣннѣйшій памятникъ старой румынской литературы былъ вывезенъ покойнымъ В. И. Григоровичемъ изъ Румыніи, изъ монастыря Быстрицы, а послѣ его смерти поступилъ въ Румянцевскій музей. Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1876—1878 г. М. 1879, стр. 47, гдѣ хроника неправильно названа хронографомъ. Часть хроники (съ 1105—1489 гг.) издана *Григоровичемъ* въ дополненіи къ его рѣчи «О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ». Казань. 1859, стр. 5—45 въ подлинникъ и русскомъ переводѣ; въ цѣлости же издана *В. П. Хмидеу* въ концѣ т. I-го его сборника *Къ вѣтѣ дѣбъ трънъ. Limba româna vorbită între 1550—1600. Bucuresci. 1878, стр. 346—406* (кириллицей), съ подробнымъ описаніемъ рукописи (стр. 339—344) и глоссаріемъ (стр. 407—443).

³⁾ Какого содержанія эти рукописи г. Точилеску въ своемъ отчетѣ не говоритъ. См. *Annal. societ. acad. romane*, t. XI, sect. I, p. 49—50. Также ничего не сказано объ этихъ рукописяхъ и въ Отчетѣ Московск. Публич. и Румянцевск. музеевъ за 1876—1878 г.

⁴⁾ Эта повѣсть издана была сперва А. Н. Пыпиннымъ (съ небольшимъ пропускомъ) въ его Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскыхъ. С.-Пб. 1857 г., стр. 344—349, затѣмъ перепечатана *Ф. И. Булаевымъ* въ его Исторической хрестоматіи церковно-славянскаго и древнерусскаго языковъ. М. 1861 г., столб. 700—707, а *Н. И. Костомаровымъ* переиздана въ цѣлости въ «Памятникахъ старинной русской литературы», вып. 2-й, С.-Пб. 1860 г., стр. 399—402. Г. Точилеску, конечно по невѣдѣнію, говорятъ, что вѣдѣнная имъ рукопись XV в. старѣе тѣхъ, по которымъ гг. Булаевъ и Костомаровъ

Между множествомъ славянскихъ рукописей, принадлежащихъ этой библиотекѣ, г. Точилеску отмѣчены слѣдующія, переписанныя въ Молдавіи и Валахіи:

1) Псалтырь, списанная Ефремомъ, епископомъ Радауцкимъ, для монастыря Молдавицы (въ Буковинѣ) въ 1617 г. въ правленіе Молдавскаго господара Раду Великаго Во(ево)ды. Рукопись замѣчательна по своей орнаментациі въ инициалахъ и заставкахъ, а также по румынскимъ припискамъ, въ которыхъ отмѣчены историческіе факты, изъ которыхъ нѣкоторые были совсѣмъ донинѣ неизвѣстны (въ библиотекѣ Черткова).

2) Тетроеваггелие, списанное въ Молдавіи въ XVI в.

3) Апостоль, списанный тамъ же въ XV в.

4) Церковный Уставъ, списанный тамъ же ¹⁾.

IV. Въ библиотекѣ графа А. С. Уварова г. Точилеску нашелъ другіе десять славянскихъ рукописей: четвероевангелій, апостоловъ, тріодей и др., списанныхъ въ Молдавіи въ XV и XVI вв., которыя отличаются отъ всѣхъ почти славянскихъ рукописей, списанныхъ въ Румыніи, по изяществу рисунковъ, орнаментациі и красивому, четкому нисъму ²⁾.

V. Въ Румянцевскомъ музеѣ г. Точилеску видѣлъ богатую и рѣдкую коллекцію славянскихъ богослужебныхъ книгъ, напечатанныхъ въ Молдавіи и Валахіи (1512—1570 гг.).

VI. Въ библиотекѣ Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ г. Точилеску описалъ и отчасти списалъ рукопись словаря „славяно-румынскаго“, составленнаго въ Молдавіи около половины XVII в.

Изъ Москвы г. Точилеску поѣхалъ въ Троицко-Сергіевскую лавру.

ровъ напечатали эту повѣсть (*Annal. societ. acad. rom.*, XI, sect. I, p. 52). На Русь рукописныхъ списковъ этой повѣсти ранѣе XV в. неизвѣстно доселѣ. *Пыпинъ*, тамъ же, стр. 215—218. Ср. *Литписи русской литературы и древности*, издан. *Тихомировымъ*, т. V, М. 1863 г., стр. 84, отд. III, и *Буслаева*, *Христоматія*, столб. 707—710.

¹⁾ Последніи три рукописи поступили въ музей изъ библиотeki Пискарева. *Романій*, 1878, № 2-го марта, стр. 195, столб. 4.

²⁾ Объ этихъ послѣднихъ рукописяхъ г. Точилеску упоминаетъ только въ общихъ словахъ, такъ какъ думаетъ представить академическому обществу особый подробный отчетъ о славянскихъ и румынскихъ рукописяхъ, списанныхъ въ Румыніи въ XV—XVII вв. и находящихся въ синодальной библиотекѣ, Румянцевскомъ музеѣ и частныхъ библиотекахъ графа Уварова и Хлудова. *Annal. societ. acad. rom.*, t. XI, sect. I, p. 71—2.

VII. Въ библіотекѣ Московской духовной академіи онъ нашелъ и списалъ слѣдующія рукописныя сочиненія Д. Кантемира:

1) *Loca obscura in Cathedisi, quae ab Anonymo Authore slaveno-idiomate edita et* Пѣрвое оучѣніе ѿтрокомъ intitulata est, delucidata autore Principe Demetrio Cantemirio—въ одномъ томѣ (№ 277—568, стр. 247, in 4°), написанномъ рукою автора въ 1720 г. ¹⁾

2) *Joannis Baptistae Van-Helmont physices universalis doctrina et Christianae fidei congrua, et necessaria philosophia* (въ одномъ томѣ (№ 312—567, in 4°, стр. 820), писанныя рукою Д. Кантемира, по всей вѣроятности, въ бытность его въ Константинополѣ, до вступленія на молдавскій престолъ. Переплетъ кожаный, на одной сторонѣ котораго оттиснуть княжескій гербъ: увѣнчанная голова вола, надъ которою видны звѣзды, солнце и луна, а подъ нею сабля и булава, накрестъ положенныя. Эта рукопись состоитъ изъ отрывковъ, собранныхъ Д. Кантемиромъ изъ физическихъ трактатовъ извѣстнаго бельгійскаго химика Ванъ-Гельмонта (1577—1644 гг.) ²⁾; въ ней написаны Д. Кантемиромъ слѣдующія статьи: а) *Encomium in authorem, et virtutem doctrinae ejus, moldavo idiomate interpretatum*, б) *ЛѢДЪДЪ КЪТЪРЪ ИЗВОДИТОРІУ, ШІ КЪТЪРЪ КИТЪДЪТЪКЪ УН КЪЦЕТЪДЪРЕЙ ЛЪДЪИ* (*Laudă câtră izvoditoriu, si câtră virtutea învățeturei lui*, то-есть, Похвала сочинителю и силѣ его учености, по румынски, в) *Lectori amico s. d. и*

¹⁾ Это сочиненіе было направлено противъ «Пѣрвое оучѣніе ѿтрокомъ, въ немъ же буквы и слоги: таже: Братское толкованіе законнаго десятословія, молитвы господня, Символа вѣры и девяти блажествъ. С.-Пб. 1720». Феодосіа Прокоповича. *Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I, С.-Пб. 1862, стр. 494—498, 503—507; *Чистовичъ*, Феодосіанъ Прокоповичъ и его время. С.-Пб. 1868, стр. 50 и 54; *Извъковъ*, «Одинъ изъ малоизвѣстныхъ литературныхъ противниковъ Феодосіа Прокоповича» въ *Памятникахъ новой русской исторіи*, изд. *Кашпиревымъ*. С.-Пб. 1873, стр. 1—35. Ср. *Морозова* «Феодосіанъ Прокоповичъ, какъ писатель», въ *Ж. М. Н. Пр.* 1880, ч. ССХ, стр. 299—301. Русскій переводъ этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго сочиненія Д. Кантемира до сихъ поръ не напечатанъ. Одинъ экземпляръ этого перевода хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ (in 4°, лл. 105), куда поступилъ изъ библіотеки князя Д. М. Голицына, зятя Д. Кантемира, по дочери послѣдняго, Смарагда (Екатеринѣ).

²⁾ «*Ortus Medicinae, id est initia Physicae inaudita, progressus medicinae novus in morborum ultionem ad vitam longam*». Amsterdam. 1674. Venetiae. 1651, переведенный на голландскій, англійскій, французскій и нѣмецкій языки. О Ванъ-Гельмонтѣ см. въ *Biographie universelle, ancienne et moderne*. Paris. 1817, t. 20-подъ словомъ Helmont; *Nouvelle biographie générale*. Ed. Dr. *Hoefler*. Paris. 1858, t. 23, pp. 854—864, и указанныя въ последнемъ сочиненіи.

d) Index tractatum ex operibus Vanhelmontij excerptorum, solummodo ad Physicam pertinentium.

3) *Sacro-Sanctae Scientiae indepingibilis imago, tomus primus, quo comprehenditur Theologo-physices principia sacra, authore Demetrio principe Moldavo, съ приложеніемъ одного письма къ своему учителю, Іереміа Какавелѣ, — въ одномъ томѣ (in 4°, стр. 338, подѣ № 256—569), писанномъ рукою Д. Кантемира, по всей вѣроятности, въ Константинополѣ, до вступленія на молдавскій престолъ.*

4) *Institutio Logices, id est de philosophae instrumentali arte habitus, — въ одномъ томѣ (in 4°, стр. 293, № 308—567), писанномъ рукою Д. Кантемира 1).*

Какимъ образомъ попали сюда эти рукописи, трудно сказать. Извѣстно только, что до преобразованія лаврской духовной семинаріи въ духовную академію, онѣ принадлежали семинарской библиотекѣ, какъ отмѣчено на каждой изъ нихъ. По всей вѣроятности, здѣсь были и другія произведенія Д. Кантемира 2). Однако достоверно извѣстно, что въ академической библиотекѣ никогда не было ни одного экземпляра „*Descriptio Moldaviae*“ Д. Кантемира, какъ отмѣчено въ предисловіи къ академическому изданію этого труда Кантемира (стр. VIII) 3).

Въ Петербургѣ г. Точилеску пробылъ около полумѣсяца.

I. Въ библиотекѣ азіятскаго музея Академіи Наукъ онъ нашелъ слѣдующія четыре рукописныя сочиненія Д. Кантемира, по-

1) Въ этой рукописи заключается, на стр. 1—74, такое же *Compendiolum universae Logices institutionis*, что и въ библиотекѣ Москвск. главн. архива мин. ин. дѣлъ, а на стр. 74 до конца идетъ: *Institutio logices ad mentem neotericorum philosophorum, authore Jeremia Casavella.*

2) По крайней мѣрѣ можно такъ думать, судя по порядку номеровъ въ каталогахъ библиотекы, гдѣ рукописныя сочиненія Кантемира записаны такъ:

<i>Loca obsc. in catech.</i>	<i>Van-Helmont.</i>	<i>S. sanct. scient.</i>	<i>Logica.</i>
3001	3004	3005	3006
141	144	145	146
133	136	137	138

Слѣдовательно, между *Loca obscura* и *Van-Helmont* были еще два: №№ 3002, 142, 131 и 3003, 143, 135. Куда дѣлись эти рукописи и какія онѣ были, трудно сказать. Въ старыхъ каталогахъ академической библиотекы отмѣчены только приведенныя выше четыре. Вѣроятно же всего, что одна изъ предлагаемыхъ двухъ рукописей могла быть: *Monarchiarum physica examinatio*, то-есть, второй томъ: *Sacro-Sanctae Scientiae indepingibilis Imago. Annalile societ. academ. române, t. XI, sect. I, p. 59—60.*

3) *Ibid.*

ступившія сюда отъ известнаго гуманиста, члена Академіи Наукъ Байера († 1738 г.) ¹⁾.

1) *Demetrii Cantemiri, historia incrementorum atque decrementorum Aulae Othomanicae* съ „*Annotationes ad (incrementa et decrementa) Historiae othomanicae*, въ трехъ томахъ (№№ 51, 52 и 53, in fol.), списанныхъ съ латинскаго подлинника этого сочиненія Кантемира ²⁾ подъ наблюдениемъ академика Байера, который готовилъ это сочиненіе къ печати ³⁾

2) *Demetrii Cantemiri principis Moldaviae descriptio* и *Dimitrii Cantemiri principis Historiae Moldaviae*, два списка одного и того же сочиненія (№№ 54 и 55) ⁴⁾.

3) *Vita Constantini Cantemirii cognomento senis Mold. P. P. autore Demetrio Cantemiro principe Moldaviae* (in fol., стр. 179), списокъ съ автографа автора, сдѣланный подъ наблюдениемъ Байера, замѣтки котораго видны на поляхъ этой рукописи ⁵⁾.

¹⁾ Нужно замѣтить, что большая часть рукописей, принадлежавшихъ Байеру приобрѣтена Британскимъ музеемъ. Можетъ быть, тамъ найдется какое-нибудь изъ сочиненій Д. Кантемира; Байеръ бралъ отъ своего ученика, Антиоха Кантемира, подлинныя рукописи князя Дмитрія для переписки. Подлинникъ *Descriptio Moldaviae*, должно быть, находится въ библиотекѣ Берлинской академіи наукъ, куда самъ Д. Кантемиръ послалъ его, еще не будучи избранъ въ члены этой академіи. Въ одномъ изъ рукописей: «*Collectanea Orientalia*» (въ библиотекѣ азіатскаго музея) сказано: «*Descriptionem hodiernae Moldaviae geografice politicam: idiomae latino: quae Berolinum missa est cum charta topografica ejus Principatus*».

²⁾ Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ замѣчено было выше, хранится рукописный италянскій переводъ этого сочиненія Кантемира, сдѣланный его сыномъ, Антиохомъ подъ заглавіемъ: «*Dell' accrescimento e decadenza del' Impero Othomano ossia epitome dell' Istorica Turca, tradotta in Italiano di Antioco Principe Cantemir, figlio dell' autore*», съ *Annotationi* къ ней (№ 4).

³⁾ Г. Точилеску нашелъ въ бумагахъ Миллера, хранящихся въ библиотекѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, «опыты профессора Байера, какъ нужно печатать исторію Оттоманскаго царства, написанную по латини Дмитріемъ Кантемиромъ», на нѣсколькихъ листахъ. *Annal. societ. academ. romane*, t. XI, sect. I, p. 61, nota I. Нужно замѣтить, что еще Петръ Великій въ 1721 г. желая обогатить русскую литературу переводомъ этого сочиненія Д. Кантемира, возлагалъ особымъ указомъ на Дмитрія Грозина этотъ трудъ. См. указъ въ архивѣ свѣтѣйшаго синода, карт. 1721 г. № 6, 132—26. Но сдѣланъ ли былъ этотъ переводъ или нѣтъ, неизвѣстно.

⁴⁾ Издавъ румынскимъ академическимъ обществомъ въ Букурештѣ въ 1872 г., in 8°, pp. X, 154 съ картой.

⁵⁾ Исключительно при помощи труда Кантемира Байеръ составилъ свое со-

4) Principis Demetrii Cantemiri, variae schedae et excerpta e autographo descripta (л. 54, in 4°, № 60); эта рукопись переплетена вмѣстѣ съ другими рукописями и печатными листами въ одинъ томъ, озаглавленный: *Collectanea Orientalia* ¹⁾).

II. Въ С.-Петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ г. Точилеску разсмотрѣлъ и описалъ рукопись „Исторіи Кантакузинныхъ и Бранковановъ“ (отд. I, кн. № 14, стр. 31 и слѣд.), переведенной на русскій языкъ съ румынской, еще не найденной, рукописи подъ заглавіемъ: „Исторіа челорѹ доѹъ касе Брънковѹнѹ ши Кантакузино“ ²⁾.

III. Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ списаны были для г. Точилеску слѣдующія не изданныя донынѣ письма Д. Кантемира:

членіе: «De vita et rebus gestis Constantini Cantemiri principis Moldaviae», напечатанное съ русскимъ переводомъ *Н. Бантышиль-Каменискимъ* въ 1783 г. въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Исторія о жизни и дѣлахъ князя Константина Кантемира» (въ одн. кн. in 8°, стр. 408).

¹⁾ Въ этомъ томѣ заключаются: Жизнь Д. Кантемира и оглавление его сочиненій (л. 1—7), его дипломъ отъ Берлинской академіи наукъ на званіе члена оной (л. 7 *recto*), E Demetrii Cantemiri principis Moldaviae schedis autographis (7 вабор.—15) и *Regiones, quae ab Baku circa littus Caspium usque ad Osmicassos extenduntur* (15—55). О послѣднемъ трудѣ Кантемира см. у *Байера*, De muro Caucasaeo въ *Opuscula ad historiam antiquam*. Halae. 1770, p. 94—125, подробности у *Френа*, Die Inschriften von Derbent. 1827, S. 205229, I-te Abtheil. Beilagen, въ *Eduard Eichwald*, Reise auf dem Kaspischen Meere und in den Kaukasus. II В. Berlin, и у *Френа* же въ *St.-Petersburger Zeitung*, 1828, № 20—23.

²⁾ Эта исторія напечатана подъ заглавіемъ: Дивныя революціи праведнаго Божія отпущенія на фамилію Кантакузинныхъ въ Валахіи славныхъ, и Бранкованову въ «Журналѣ или Поденной запискѣ Петра Великаго». Ч. II. Спб. 1772, стр. 291—313. По румынски она была издана два раза: *М. Кокаличану* въ изданномъ имъ въ Яссахъ, въ 1841 и 1845 гг. *Archiva Româncă*, по румынскому переводу, сообщенному издателю баномъ Василюмъ Върваномъ, и румынскимъ академическимъ обществомъ въ 5-мъ томѣ полного собранія сочиненій Д. Кантемира, подъ редакціей чл. общества *Г. Сиона*, по румынскому переводу, сдѣланному съ перевода нѣмецкаго, спискомъ съ котораго доставилъ издателю изъ Гёттингена другой членъ того же общества, князь Дмитрій Стурдза. Существуетъ еще греческое изданіе «Исторіи» — *Георгія I. Запирь*, который говоритъ въ предисловіи къ своему изданію, что Д. Кантемиръ это свое сочиненіе написалъ на молдавскомъ языкѣ, съ котораго оно переведено было на русскій, съ русскаго на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго на ново-греческій.

1711 годъ.

1—2) Письма Д. Кантемира къ графу Шереметеву и бригадира Чернецова къ Петру Великому подѣлу о Прутскомъ походѣ (кн. № 3).

3) Поздравительное письмо къ Петру I съ новымъ годомъ и желаніемъ побѣды надъ врагами (кн. № 19).

4) Д. Кантемиръ благодаритъ царицу за ея письмо къ нему и выражаетъ радость, что княгиня Маргарита, жена его, разрѣшилась отъ бремени благополучно (кн. № 20).

5) Д. Кантемиръ жалуется царю, что живетъ въ нуждѣ (тамъ же).

6) Д. Кантемиръ пишетъ статью-секретарю Макарову, что благодаритъ царя за посланное послѣднимъ ему поздравленіе и извиняется, что не могъ пріѣхать въ Москву (кн. № 24).

7) Поздравленіе царя съ рождественскими праздниками и новымъ годомъ.

8) Поздравленіе царя съ рожденіемъ сына и новымъ годъ.

1716 годъ.

9) Прошеніе царю объ освобожденіи его отъ имущественнаго налога (кн. № 27).

10) Извѣщеніе секретарю кабинета о томъ, что сенатъ не выслагъ ему указа царскаго объ освобожденіи его отъ имущественнаго налога и просьба о подтвержденіи новымъ царскимъ указомъ его правъ и преимуществъ (тамъ же).

11) Благодареніе царю за освобожденіе его отъ имущественнаго налога, и вмѣстѣ съ тѣмъ жалоба, что сенатъ, питая къ нему, Кантемиру, вражду и ненависть, не хочетъ исполнить царскаго указа. Затѣмъ просьба къ царю облегчить его отъ нужды (тамъ же).

12) Жалоба царю на то, что Кіевскій губернаторъ въ силу сенатскаго указа, требуетъ отъ него, Кантемира, 7926 рублей имущественнаго налога за 1713, 1714 и 1715 гг. и безпрестанно безлуконтъ его требованіемъ денегъ (тамъ же).

13) Прошеніе царю о возобновленіи своихъ привилегій (тамъ же).

14) Проектъ привилегій Молдаванамъ, поселившимся въ Россію (тамъ же).

15) Прошеніе царю назначить его, Кантемира, на какую-нибудь должность, такъ какъ онъ, не будучи ни у какого дѣла, получаетъ большое жалованье напрасно (тамъ же).

16) Прошенія къ царю пріѣхать къ послѣднему въ Голландію. Причинъ его просьбы три: а) видѣть царя, б) сдѣлать нѣкоторыя предложенія и в) осуществить свое давнее желаніе—путешествовать за границей (тамъ же).

17) Жалоба царю, что живетъ въ нуждѣ (кн. № 32).

18) Благодареніе царю за согласіе послѣдняго на его, Кантемира, бракъ съ дочерью князя Трубецкаго (кн. № 41).

19) Просьба секретарю кабинета представить царю и царицѣ его, Кантемира, прошенія и сообщить ему царскія резолюціи (тамъ же).

20—21) Просьба секретарю кабинета представить царю прошеніе о Кюлети, о дачѣ и своемъ братѣ Антиохѣ (кн. № 55).

22) Напоминаніе секретарю кабинета о вышеупомянутыхъ прошеніяхъ (тамъ же).

23) Просьба секретарю кабинета сказать царю въ удобное время о дачѣ (хуторѣ) Вейде въ Дерптскомъ уѣздѣ (тамъ же).

24) Поздравленіе секретаря кабинета съ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія, съ препровожденіемъ реліціи Черкасова (тамъ же).

25) Ему же о дачѣ Лансъ (въ Дерптскомъ уѣздѣ), съ описаніемъ нужды, какою Кантемиръ испытываетъ вслѣдствіе неимѣнія дачи (тамъ же).

27) Просьба къ секретарю кабинета о подачѣ царю прошенія о пожалованіи дачи въ Новгородской губерніи, если ему, Кантемиру, не назначается та, о которой онъ просилъ прежде, а также о своемъ братѣ (тамъ же).

28) Просьба къ тому же лицу вручить царю его, Кантемира, письмо и дать отвѣтъ (тамъ же).

29—31) Три письма Д. Кантемира къ Петру Великому по дѣлу о недвижныхъ имуществвахъ, подаренныхъ Д. Кантемиру, и о другихъ вещахъ (кн. № 58).

32—37) Шесть писемъ къ секретарю Макарову о разныхъ дѣлахъ, какъ напримѣръ, о назначеніи ему, Кантемиру, ежегодной пенсіи (кн. № 63).

38) Просьба царю объ ежегодной пенсіи (тамъ же).

39) Письмо вдовы Д. Кантемира, Анастасіи, о пенсіи (тамъ же).

40) Прошеніе вдовы Д. Кантемира, княгини Анастасіи, къ императрицѣ Екатеринѣ (кн. № 75).

41—47) Семь прошеній, поданныхъ въ разные времена Русскому императору архимандритомъ Пахоміемъ, Пауной Кантакузино, Рудольфомъ Кантакузино, Савой Рагузинскимъ и др. (тамъ же).

Одно изъ этихъ прошеній весьма интересно для исторіи духовно-литературныхъ сношеній Россіи съ Румыніей, и потому приводимъ его въ цѣлкомъ:

Державнѣйшій царь Государь Милостивѣйшій.

Въ прошломъ ꙗꙗѣ годѣ генваря въ 5 по твоему величеству царю имянному указу какъ я богомолецъ твой былъ на Москвѣ а по челобитци нашему велѣно с пѣчатю двора выдать намъ книги церковныя потому что въ нашей земли, въ монастырехъ обрѣтаютца множество русскихъ монаховъ и и безъ книгъ рускіе печати круга церковнаго исправити не почемъ и по тому твоему цареву имянному указу оныя книги намъ богомольцамъ твоимъ не выданы и до ныне, всемилостивѣйшій царь, вашего величества вели, государьтѣ вышесказанные книги противъ прежняго своего царева указу с печатію двора выдать вашего величества низжайшій богомолецъ Волоския земли архимандритъ Пахомій. ꙗꙗѣ годѣ Генваря к дни (кн. 22, л. 190).

Считаемъ нужнымъ прибавить, что указанными выше документами не исчерпывается все богатство матеріаловъ для біографіи Д. Кантемира и исторіи румынской, заключающихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ.

IV. Въ бібліотекѣ главнаго штаба г. Точилеску видѣлъ и описалъ: „Планъ Константинополя и Царяграда, иже прежде нарицав-

шея Византія, древле же Вугось; завоеванъ Мухамедомъ Вторымъ, лѣта Господня 1453, мѣсяца мая 29; нарисованный княземъ Дмитріемъ Кантемиромъ, С.-Петербургъ¹⁾.

Вотъ всѣ рукописныя сочиненія и литературныя труды Д. Кантемира, которые г. Точилеску нашелъ въ библиотекахъ, архивахъ и музеяхъ Москвы, Сергіевской лавры и Петербурга. Слѣдовательно, остаются не извѣстными, не открытыми или потерянными еще слѣдующія сочиненія того же автора:

1) *Monarchiarum physica examinatio* ²⁾.

2) Румынскій подлинникъ „Исторіи Кантакузинныхъ и Бранковановъ“.

3) *Moldaviae nobilitates genealogia* ³⁾.

4) *De statu politico aulae Othomannicae*, или по другимъ, „Исторія мухамеданъ со времени ложнаго пророка Магомета до перваго Турецкаго цара“ ⁴⁾.

5) Катихизисъ на персидскомъ языкѣ ⁵⁾.

6) Книга пѣсней, переложенныхъ на турецкую музыку.

Цитуются еще слѣдующія два сочиненія Д. Кантемира, напечатанныя еще при его жизни, а именно:

1) Диванъ, или споръ мудреца съ міромъ, или судъ души съ

¹⁾ Этотъ планъ рванъ на мѣди Алексѣемъ Zubовымъ; мѣдныя доски плана хранятся также въ библиотекѣ архива главнаго штаба. Ср. *Пекарскаго*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, стр. 252, гдѣ сказано, что планъ хранится въ коллекціи гравюръ Эрмитажа.

²⁾ Митрополитъ Евгений ошибочно считаетъ это сочиненіе Д. Кантемира хранящимся въ рукописи въ библиотекѣ Академіи Наукъ. См. его *Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей*, ч. I, стр. 264.

³⁾ Самъ Кантемиръ говоритъ объ этомъ своемъ сочиненіи въ концѣ предисловія къ Хроникѣ молдаво-валахской (стр. LII) слѣдующее: «какъ и въ книгѣ: Родословіе молдавскаго боярства (написанной мною на латинскомъ языкѣ) — подробно указать».

⁴⁾ Это латинское сочиненіе Д. Кантемира, начатое въ Константинополѣ и оконченное въ Петербургѣ въ 1716 г., погнбло въ Каспійскомъ морѣ во время похода на Дербентъ въ 1722 г. *Евгеній*, Словарь, I, стр. 265; *Д. Бантышъ-Каменискій*, Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, ч. III, стр. 34—42, и выше приведенная замѣтка изъ «*Collectanea Orientalia*».

⁵⁾ Погибъ тогда же въ Каспійскомъ морѣ. Первый листъ этого катихизиса былъ напечатанъ и посланъ на рассмотрѣніе и одобреніе свѣтѣйшаго синода. Замѣтка 1725 г. въ «*Collectanea Orientalia*».

тѣломъ; это сочиненіе написано, когда автору было едва 17 лѣтъ и напечатано въ Яссахъ въ 1698 году ¹⁾.

2) Введеніе въ турецкую музыку, тоже по румынски ²⁾.

Подлинники обонхъ этихъ сочиненій неизвѣстны.

Обращаемся къ другимъ поискамъ г. Точилеску въ Петербургѣ. Въ Императорской Публичной библиотекѣ г. Точилеску видѣлъ и описалъ:

1) рукописный славянско-румынскій словарь, относимый имъ ко времени до XVII в. (in- 4, лл. 106, изъ библиотеки графа Толстаго; отд. XVI, № 5). На предпоследнемъ листѣ рукописи, между другими приписками находится и слѣдующая: **Димонсій Ермонахъ отъ сѣа митрополіе За Бѣкѣрещіи, гн. Гі дни вл. 336;**

2) русскій переводъ въ рукописи критики Д. Кантемира: *Losca obscura Catechisi etc.*, и

3) переплетенную въ одну книгу коллекцію господарскихъ грамотъ и постановленій молдавскаго дивана (государственнаго совѣта) прошлаго столѣтія, касающихся Цыганъ-рабовъ. Переплетъ кожаный, на одной сторонѣ котораго видны регалии Молдавіи и слова:

Константинъ Балшъ Годъ.

логотъ дн царз дн Жогъ. ³⁾

Въ архивѣ святѣйшаго синода по просьбѣ г. Точилеску была рассмотрѣна и описана нами рукописная книга „Икона или изображеніе великаго соборнаго цркви всероссійскаго и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарша престола приключшихся дѣлъ въ разная врѣмена и лѣта: писана при стѣйшихъ патріарсѣхъ, куръ Іоакимъ и куръ Андріанъ Московскихъ и всѣхъ сѣверныхъ странъ, до лѣта (не отмѣчено). Совершился же мірозданіа 336-го рѣстка по плоти Бѣа слова 336 мѣа марта“, большой сборникъ (in 4°, лл. 525), за-

¹⁾ Замѣтка въ *Collectanea Orientalia*. Напечатано В. П. Жиндеу, вроятно, по старому изданію XVII в., въ *Archiva istorică a României*, II, въ Букурештѣ въ 1865 г., стр. 87—169, и румынскимъ академическимъ обществомъ въ 5-мъ томѣ Полнаго собранія сочиненій Д. Кантемира, съ предисловіемъ и глоссаріемъ, подъ ред. члена общества Г. Сиона (*București* 1878).

²⁾ Митрополитъ Евгений говоритъ, будто «Введеніе» напечатано было въ Молдавіи; см. Словарь свѣтск. писателей, I, стр. 264. Однако, ни одного экземпляра этого изданія не извѣстно до настоящаго времени.

³⁾ *Româniul*, 1878, № 2-го марта, стр. 195.

ключающій въ себѣ множество документовъ, касающихся исторіи преимущественно Русской церкви и нашихъ сношеній съ юго-восточною Европой¹⁾. Изъ нея списаны для г. Точилеску слѣдующіе, весьма важные для исторіи Румыніи и нашихъ отношеній съ послѣдней, документы:

1) Письмо отъ 6188 (1680) г., ноября 29-го дня Иона Дуки Воеводы къ Московскому патриарху Іоакиму, въ которомъ Валашскій господарь проситъ послѣдняго ходатайствовать у Московскаго великаго князя, дабы оный содѣйствовалъ заключенію мира съ Турками и «с татарами с ханомъ крымскимъ» (л. 1—2).

2) Отвѣтное письмо того же года, декабря 17-го, патриарха Іоакима къ Дуку, что оный, патриархъ, и великій князь желаютъ всегдашняго мира (л. 2—3).

3) Письмо отъ 6187 (1679) г., августа 15-го дня, Молдавскаго митрополита Досея къ патриарху Московскому Іоакиму, въ которомъ первый проситъ у послѣдняго прислать типографію съ буквами нѣсколькихъ родовъ для печатанія книгъ²⁾ (л. 3—4), — «..... послеша намъ типографіи да сотворимъ себѣ книги, ихже претѣокахѣмъ Ѡ грецка и словенска на волоской азыкъ. а у на бо изчезиѣло есть ученіе книжное и мало ѣсть, иже разумѣѣю книжный азыкъ. сотвори Бѣга ради любовь; якоже обѣщася еси намъ в бл҃гополучное время. Сѣло того желаемъ полѣчити і на всякій часъ ожидаемъ Ѡ г҃да. сказа бо намъ его честность Іоаннъ Бѣлевичъ посемъ стѣое обѣщаніе твоея стѣости тако ревѣщи. яко ваша патриаршеская стѣость реклѣ еси после-

¹⁾ Есть еще нѣсколько списковъ «Иконы», о которыхъ см. замѣтки и указанія въ Архивѣ юго-западной Россіи, т. V, ч. 1, стр. I—IX; тамъ же напечатаны, подъ редакціей г. С. Терновскаго, документы «Иконы», имѣющіе отношеніе къ юго-западной православной церкви, за исключеніемъ весьма немногихъ, напечатанныхъ въ другихъ изданіяхъ и хотя заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ, но буквально сходныхъ съ имѣющимися въ «Иконѣ» (стр. IX—X); въ концѣ этой книги «Архива» приложено не совсѣмъ полное и въ нѣкоторыхъ случаяхъ неточное «описаніе документовъ сборника «Икона», не изданныхъ въ настоящемъ томѣ», составленное на основаніи выписокъ изъ «Иконы», сдѣланныхъ Е. Е. Голубинскимъ (стр. 439—452). Документами «Иконы» до настоящаго времени, на сколько мнѣ извѣстно, вполне воспользовался тотъ же г. С. Терновскій при составленіи своего во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго «Исслѣдованія о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патриарху», помещеннаго въ томъ же томѣ «Архива» и потомъ изданнаго отдѣльно (Кіевъ, 1872); ср. *Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости*, 1873 г., стр. 92—93, 224, 276. О другихъ, пользовавшихся нѣкоторыми документами «Иконы», см. «Архивъ», стр. IX—X.

²⁾ Изъ напечатанныхъ въ этой типографіи румынскихъ книгъ мнѣ извѣстны только двѣ: *Парамеѣникъ* и *Требникъ*.

ли типографію дѣлѣ со всѣми потребными и нужными снастями и сосѣды своими елико сѣть потребны» (л. 3 на обор.).

4) Отвѣтное письмо 6188 (1679) г., декабря 16-го дня, патриарха къ Доснею съ реестромъ высланныхъ типографскихъ *осечей* и буквъ съ означеніемъ цѣны (л. 4—5).

5) Меморія патриарха Іоакима Щербану Кантакузину воеводѣ (1679—1688 гг.), въ которой указывается на услуги, оказанныя Русскими царями оружіемъ Венеціанцамъ и Австріи противъ Турокъ и Крымскаго хана (л. 165—166).

6) Такая же меморія митрополиту Угро-влахійскому кирѣ Θεодосію (л. 166—167) ¹⁾.

7) Меморія отъ 1688 года, іюня 4-го, Щербана воеводы, въ которой онъ приглашаетъ Русскихъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей идти на Турокъ.

8) Письмо Діонисія, бывшаго Константинопольскаго патриарха, изъ Румыніи къ Московскимъ царямъ, отъ 11-го іюня 7197 (1688) г., въ которомъ убѣждаютъ Московскіе цари предпринять походъ на Турокъ, тѣмъ болѣе, что южные Славяне и Румыны готовы возстать противъ султана.

9) Письмо отъ 6196 (1688) г., ноября 23-го дня, Молдавскаго митрополита Доснея изъ Сучавы къ патриарху Московскому Іоакиму, въ которомъ первый проситъ у послѣдняго милостыни, такъ какъ находится въ нуждѣ и бѣдности (л. 384).

10) Отвѣтное письмо, безъ означенія года, патриарха къ Доснею, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ о высылкѣ ему 50 р. (л. 387) ²⁾.

11) 1739 г., октября 10-го. Высочайшій указъ о совершеніи благодарственнаго молебна по случаю «полученной надъ непріятелемъ вѣкторіи в завладѣніи Молдавскаго княжества» (Дѣла о миссіяхъ, № 422).

12) 1770 г., ноября 15-го дня, Прошеніе, поданное императрицѣ Екатеринѣ II повѣренными «отъ всѣхъ молдавскихъ жителей (русскихъ раскольниковъ, живущихъ въ Румыніи) купцовъ Иваномъ Панкѣевымъ и Ермолаемъ Павловымъ о сооруженіи въ жительство ихъ церквей, построенныхъ по благословенію патриарха Константинопольскаго и митрополита Молдавскаго и ограбленныхъ и разоренныхъ Турками во время войны» (Дѣла о притѣсненіяхъ духовенства и разореніе церквей, № 326).

Кромѣ того, тогда же было списано для г. Точилеску и дѣло (за архивн. № 456, 1767 г.) „по доношенію изъ канцеляріи опекунства ино-

¹⁾ Оба эти меморіи получены чрезъ архимандрита леонскаго Святославскаго монастыря Исаію въ 6197 (1689) г. января 14-го дня. Чрезъ него же были посланы двѣ такія же меморіи отъ бывшаго Константинопольскаго патриарха Діонисія, жившаго на Леонѣ: одна къ великимъ князьямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, а другая къ царевнѣ Софіи, 1688 г., іюня 11-го дня (л. 168—171).

²⁾ Ср. Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. V, №№ СXLVII, СXLVIII, СXLIX, CL, CLXXIX, CLXXX, CLXXXII, CLXXXIII и СХСVIII; но здѣсь не отмѣчено письмо Молдавскаго митрополита Доснея.

странныхъ о построении для выходящихъ въ Россію на поселеніе (въ Малороссійскомъ Переяславскомъ полку въ мѣстечкѣ Великомъ Хуторѣ) Молдавцевъ изъ ромунаго народа монастыря и о зависимости ихъ въ церковно-административномъ отношеніи только отъ митрополита Кіевскаго и о дозволеніи имъ „типографіи завести и въ оной разныя богослужебныя церковныя и естественныя книги на ихъ языкъ печатать для обученія дѣтей и для продажи внѣ и въ государствѣ безъ всякихъ платежа пошлинъ, а доколе не будетъ учреждено типографіи, повелѣно было (бы) на ихъ языкъ помянутыя книги печатать въ Киевопечерской типографіи со ожиданіемъ отъ общества ихъ по продажѣ оныхъ заплатить“¹⁾.

Сверхъ этого, въ дѣлахъ миссій, благодаря указаніямъ и любезности начальника архива, найдено три донесенія изъ Вѣны отъ русскаго священника о притѣсненіяхъ, какія терпитъ православная церковь въ Трансильваніи отъ католиковъ, которымъ въ этомъ оказывало содѣйствіе и румынское духовенство.

Изъ архива правительствующаго сената въ Петербургѣ г. Точилеску доставлены были копія съ пяти указовъ Петра Великаго (№№ 125, 468, 141, 442, 830): о возстаніи Д. Кантемира противъ Турокъ, о недвижимыхъ имуществѣхъ, подаренныхъ Кантемиру, и о назначеніи его сенаторомъ, и еще пять документовъ, касающихся исторіи Румыніи²⁾.

Въ бытность свою въ Россіи г. Точилеску обратилъ вниманіе и на портреты Димитрія Кантемира и вообще на картины, на которыхъ онъ изображался, или на которыхъ вообще представлены сцены изъ румынской жизни. Такъ онъ снялъ фотографическія копія съ портретовъ, сдѣланныхъ масляными красками: самого Д. Кантемира, его супруги Ксандры, рожденной Кантакузиной, сына Антиоха и дочери

¹⁾ Канцелярія опекунства иностранныхъ на эти требованія Молдаванъ дала слѣдующее рѣшеніе: 1) «построеніе монастырей исключено мнѣею и никакой націи выходящимъ иностранцамъ ныне дозволять не можно, а есть ли необходимая нужда въ ономъ будетъ о томъ тогда и дозволеніе просить могутъ»; 2) ихъ церковнослужители зависятъ исключительно отъ митрополита Кіевскаго, «а въ главнѣйшихъ духовныхъ дѣлахъ зависать должны отъ святѣйшаго правительствующаго синода»; 3) «они могутъ добровольно съ Печерскою типографіею о печатаніи книгъ условиться и заключа контрактъ представить оной въ канцелярію опекунства иностранныхъ, причемъ и просить себе на то вспоможенія, въ которомъ имъ по рассмотрѣнію конечно отказано не будетъ».

²⁾ Какого содержанія эти документы—въ отчетѣ не сказано.

Смарагды (впослѣдствіи княгини Голицыной), хранящихся въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ ¹⁾, а также и съ раскрашеннаго на бумагѣ изображенія „Открытие народнаго собранія въ Букурештѣ въ 1831 году“.

Вотъ краткій очеркъ результатовъ, къ которымъ привели г. Точилеску его занятія въ русскихъ библіотекахъ, архивахъ и музеяхъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что миссія, возложенная на него румынскимъ академическимъ обществомъ, выполнена была имъ очень успѣшно, въ особенности благодаря содѣйствію русскихъ ученыхъ и лицъ, завѣдующихъ посѣщенными г. Точилеску архивами и библіотеками. Но еслибъ онъ былъ лучше подготовленъ для этой миссіи, то безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы еще гораздо больше. Впрочемъ, его миссія имѣла цѣль слишкомъ специальную, между тѣмъ какъ русскія библіотеки, архивы и музеи представляютъ неисчерпаемый матеріалъ для исторіи Румыніи и румынской литературы.

---

¹⁾ О портретахъ Д. Кантемира см. у *Ровинскаго*, Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Пб. 1872, стр. 67, и его же Русскіе граверы. М. 1871, стр. 210, № 16, а также Собраніе портретовъ Россіянъ знаменитыхъ. Изд. П. П. Бекетова. М. 1821—1824. На одной гравюрѣ, сдѣланной по случаю защиты богословской диссертациі Лаврентіемъ Трансильваняну 26-го іюля 1712 г., Д. Кантемиръ представленъ на конѣ окруженнымъ многочисленною свитой верховныхъ и попирающимъ султанскій эирманъ и турецкое знамя, а ниже—Россія въ образѣ женщины, дающей ему оливковую вѣтвь. Графъ А. С. Уваровъ обратилъ вниманіе г. Точилеску на принадлежащее ему изображеніе, искусно и изящно вышитое на полотнѣ, на которомъ представлены Петръ Великій на конѣ попирающимъ турецкое знамя, а Молдавія и Валахія въ образѣ дѣвъ, просительно протягивающихъ руки къ царю.

III. Сырну.

(Продолженіе будетъ.)

ЛИТОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ТИЛЬЗИТѢ.

Около года тому назадъ русскія и иностранныя газеты извѣстили объ основаніи въ Тильзитѣ литовскаго литературнаго общества. Цѣль его — собирать и изучать всякаго рода памятники, относящіяся до быта, языка и исторіи Литовскаго народа. Это полезное для науки предпріятіе затѣяно нѣсколькими любителями и знатоками литовской народности, преимущественно изъ Пруссіи. Въ сентябрѣ 1879 года ученые Литовцы гг. Фелькель, Беценбергеръ и Гезевіусъ составили воззваніе ко всѣмъ, кто интересуется литовскою народностью, съ просьбой оказать содѣйствіе вновь основываемому обществу. Въ этомъ воззваніи говорится о цѣли, ради которой общество основывается, о важности и необходимости изученія литовскаго языка и быта, и излагаются намѣренія общества. Подъ воззваніемъ, которое было обнаружено въ переводѣ на многіе языки, находятся подписи знаменитаго вѣнскаго слависта Миклошича, Кенигсбергскихъ профессоръ Нессельмана и Шаде и берлинскаго — I. Шмидта.

Мысль объ основаніи литовскаго литературнаго общества встрѣтила большое сочувствіе; въ особенности между прусскими Литовцами; многіе жители Тильзита и окрестныхъ мѣстъ записались въ число его членовъ, и въ началѣ марта текущаго года общество имѣло уже 123 дѣйствительныхъ членовъ, пять почетныхъ и семь членовъ основателей. Эти послѣдніе суть слѣдующіе: Якоби (пасторъ въ Мемелѣ), Фелькель (старшій учитель въ Тильзитѣ), Беценбергеръ (профессоръ въ Геттингенѣ), Нессельманъ (профессоръ въ Кенигсбергѣ), Прейбишъ (учитель тильзитской гимназій), Ф. Симерингъ (учитель

тильзитскаго реальнаго училища) и Гоше (старшій учитель въ Гумбиненѣ). Изъ Россіи между членами общества всего шесть человѣкъ, но между ними, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного кореннаго Русскаго.

14-го октября 1879 года состоялось первое предварительное собраніе общества. На этомъ собраніи утверждёнъ былъ уставъ общества, составленный по образцу устава существующаго въ Курляндіи Латышскаго литературнаго общества, и возбуждёнъ былъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать по нѣмецки слово литовскій—litauisch или lithauisch, какъ оно пишется нѣкоторыми соотвѣтственно латинскому названію Литвы — Lithuania; принято писать litauisch.

Литовское литературное общество прежде всего предполагаетъ озаботиться установленіемъ одного точнаго, на основаніи Шлейхеровой системы, правописанія литовскаго языка; вопросъ этотъ долженъ быть предметомъ обсужденія на одномъ изъ первыхъ общихъ собраній общества, послѣ предварительныхъ совѣщаній и общаго мнѣнія между членами его, живущими въ Мемелѣ, Гумбиненѣ, Кенигсбергѣ, Геттингенѣ и Тильзитѣ. По этому случаю общество обратилось ко всѣмъ тѣмъ, у кого есть какія-либо литовскія изданія съ особымъ правописаніемъ, напримѣръ, печатанныя латышскимъ алфавитомъ, общимъ славянскимъ, или же русскимъ, съ просьбой о высылкѣ ему такихъ книгъ. Затѣмъ общество имѣетъ въ виду заняться изученіемъ мемельскаго нарѣчія литовскаго языка и его памятниковъ, записываніемъ національныхъ литовскихъ пѣсенныхъ напѣвовъ, собираніемъ статистическихъ данныхъ объ умельшеніи числа Литовцевъ въ населяемыхъ ими провинціяхъ въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, а также свѣдѣній о литовскихъ печатныхъ изданіяхъ, хранящихся въ бібліотекѣ Британскаго музея въ Лондонѣ, а также во Львовѣ и другихъ мѣстахъ. Общество желало бы постепенно составить бібліотеку, въ которой были бы собраны всѣ книги, напечатанныя на литовскомъ языкѣ, и всѣ книги, въ которыхъ говорится о литовскомъ народѣ, его бытѣ, исторіи и языкѣ.

Для обнародованія протоколовъ и извѣстій о собраніяхъ общества, а также научныхъ трудовъ его членовъ и другихъ ученыхъ, общество основало свой журналъ: Извѣстія литовскаго литературнаго общества (Mittheilungen der litauischen literarischen Gessellschaft), который издается безсрочными тетрадями отъ 2-хъ до 5-ти печатныхъ листовъ; расходы по изданію журнала принялъ на себя гейдельбергскій книгопродавецъ Карлъ Винтеръ. До настоящаго времени вышло двѣ

тетради Извѣстій. Въ первой изъ нихъ, кромѣ вводной статьи объ основаніи и открытіи общества, помѣщены еще слѣдующія: 1) сборникъ литовскихъ словъ, которые не вошли въ словарь Нессельмана и собраны въ Рагницѣ Циглеромъ, и 2) рецензія Гоппе на книжку Фелькеля объ остаткахъ латышскаго языка близъ Куришагафа. Больше богата содержаніемъ вторая тетрадь Извѣстій. Въ ней находимъ, во-первыхъ, двѣ литовскія пѣсни, сообщенныя Концевичемъ изъ Гольдингена въ Курляндіи и записанныя имъ въ мѣстечкѣ Шадовѣ; первая изъ этихъ пѣсенъ изображаетъ, по мнѣнію Концевича, вліяніе польскаго владычества въ Литвѣ, а вторая — состояніе литовскихъ крестьянъ подъ русскимъ владычествомъ до послѣдняго польскаго возстанія. Затѣмъ слѣдуютъ три статьи А. Беценбергера: 1) описательный перечень нѣкоторыхъ литовскихъ книгъ XVI и XVII вв., при чемъ авторъ довольно долго останавливается на литовскомъ переводѣ Библии, сдѣланномъ В. С. Хилинскимъ и напечатанномъ въ Лондонѣ въ 1660 г.; 2) этимологическій сравнительный разборъ 32 литовскихъ словъ, и 3) небольшое филологическое разсужденіе Якоби о названіи Летува и нѣкоторыхъ другихъ словахъ. За этимъ слѣдуетъ составленное Зиммерингомъ описаніе около 900 средневѣковыхъ монетъ, найденныхъ въ Тильзитѣ въ фундаментѣ одного стараго дома, недалеко отъ устья р. Нѣмана, и подаренныхъ обществу; монеты эту бранденбургскія, польскія, польско-литовскія и нѣмецкаго рыцарскаго ордена. Далѣе слѣдуютъ: довольно большой разказъ изъ бытвой жизни Литовцевъ на литовскомъ языкѣ, какъ образецъ мемельскаго говора, съ подстрочными примѣчаніями и замѣткой о мемельскомъ говорѣ, литовская сказка, съ нѣмецкимъ переводомъ, записанная Юркшатомъ въ селѣ Гольбрастенѣ, Рагницкаго округа; и русская замѣтка о народномъ обычаѣ наканунѣ Иванова дня въ с. Прѣкулсѣ. Въ концѣ выпуска помѣщено нѣсколько рецензій на книги Леона Спербера Ниборскаго (*Des Volkes Rede. Löbau* 1878), Р. Штадельмана (*Friedrich Wilhelm I in seiner Thätigkeit für die Landeskultur Preussens. Leipz.* 1879), Паблоцкаго (*Kritische Beiträge zur ältesten Geschichte Litauens*) и Фелькеля (*Litauisches Elementarbuch*), и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ о литовскомъ языкѣ и правописаніи.

Вотъ все, что пока сдѣлано Литовскимъ литературнымъ обществомъ. Конечно, это не много, но при тѣхъ скудныхъ средствахъ, какія находятся въ его распоряженіи, нужно удивляться, что обще-

ство могло дать и это небольшое. Во всякомъ случаѣ его усилія доказываютъ, что и при малыхъ средствахъ можно приносить пользу наукѣ. Примѣръ Литовцевъ достоинъ былъ бы подражанія и со стороны многихъ мелкихъ народцевъ нашего обширнаго отечества, какъ напримѣръ, бессарабскихъ Молдаванъ, Грузинъ, и пр., языкъ и бытъ которыхъ, при небрежномъ отношеніи къ нимъ, остается все еще весьма мало доступенъ научному изслѣдованію.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1879 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ними; присужденіе наградъ за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ въ университетѣ лицъ; испытаніе на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащахся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; дѣятельность ученыхъ обществъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ къ 1-му января 1880 года состояло, сверхъ ординарнаго профессора по кафедрѣ православнаго богословія, штатныхъ преподавателей на историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 3, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ 3; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 3, лаборантовъ 5; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарный 1, доцентовъ 2; на медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 5, доцентовъ 8, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 2, лаборантъ 1, ординаторовъ факультетскихъ клиникъ 6. Всего штатныхъ преподавателей было: ординарныхъ профессоровъ 36, экстраординарныхъ 12, доцентовъ 13, лекторовъ 3, лаборантовъ 6, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора, 2, ординаторовъ факультетскихъ клиникъ 6. Итого, вмѣстѣ съ профессоромъ православнаго богословія 81. Сверхштатныхъ пре-

подавателей было три: одинъ ординарный профессоръ на физико-математическомъ факультетѣ и два ординатора госпитальныхъ клиникъ. Доцентовъ состояло 10, именно: 2 по древнимъ языкамъ, 2 по акушерству и дѣтскимъ болѣзнямъ 2 по ларингоскопiи, и по одному: по исторiи литературы, ботаникѣ, государственному праву и энциклопедiи. Изъ числа положенныхъ по дѣйствующему уставу каедръ вакантными были слѣдующiя: русской исторiи съ 1876 года, энциклопедiи права съ сентября 1868 года, гражданского права съ конца 1879 года и итальянскаго языка, а также положенныя по уставу 1863 года: теорiи и исторiи искусствъ, исторiи русскаго права, исторiи славянскихъ законодательствъ, государственнаго права, церковнаго законовѣдѣнiя, госпитальной терапевтической клиники и госпитальной хирургической клиники. Чтенiе лекцiй по вакантнымъ каедрамъ поручено было: русской исторiи—профессору Надлеру, энциклопедiи законовѣдѣнiя и государственнаго права доцентамъ Ларошу и Куплевасскому, госпитальныя терапевтическая и хирургическая клиники—профессорамъ Кузнецову и Зарубину.

Въ 1879 году факультеты имѣли засѣданiй: историко-филологическiй 18, физико-математическiй 32, юридическiй 21, медицинскiй 20. Для усиленiя учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятiями ихъ служили: постоянныя въ теченiе года наблюденiя преподавателей за практическими упражненiями студентовъ, годовыя теоретическiя и годовыя практическiя испытанiя. Практическiя занятiя студентовъ состояли въ слѣдующемъ. На историко-филологическомъ факультетѣ занятiя эти велись съ тѣмъ же характеромъ и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и въ 1878 году. По греческой словесности студенты младшихъ двухъ курсовъ занимались переводами Геродота, Платона и Плутарха и переводами съ русскаго языка на греческiй. Переводы эти подавались студентами письменно и разбирались на назначенныхъ для сего лекцiяхъ. Студенты старшихъ двухъ курсовъ по отдѣленiю классическихъ наукъ занимались переводами Платона и Плутарха, студенты же 3-го курса остальныхъ отдѣленiй также переводами Плутарха. Четыре студента подали письменные переводы греческихъ авторовъ: Гореловъ—„Апология Сократа“, Логинъ 15 главъ изъ первой книги Эукидида и Лейкфельдъ 20 главъ изъ четвертой книги Эукидида и Королевскiй—переводъ Плутарховой биографiи Перикла. По латинской словесности студенты 1-го и 2-го курсовъ занимались переводомъ „Анналъ“ Тацита. Студенты старшихъ двухъ курсовъ отдѣленiя классической филологiи прочитали

третью сатиру Ювенала, при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ оставались на спорныхъ и не вполне разъясненныхъ мѣстахъ. Кроме того, студенты всѣхъ отдѣленій и студенты старшихъ двухъ курсовъ отдѣленія классической филологіи упражнялись переводами съ русскаго языка на латинскій, которые были преподавателемъ тщательно разсматриваемы и возвращаемы авторамъ съ надлежащими грамматическими примѣчаніями. Особенно отличались своими переводами студенты 4-го курса Королевскій и 1-го курса Деревницкій. По сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ упражненія состояли преимущественно изъ переводовъ съ санскрита на русскій языкъ и наоборотъ, и изъ этимологическаго сравненія всѣхъ встречающихся при переводѣ основныхъ словъ. По славянскимъ нарѣчіямъ студенты старшихъ двухъ курсовъ отдѣленія славяно-русской филологіи занимались изученіемъ главнѣйшихъ говоровъ болгарскаго нарѣчія по текстамъ, которые они предварительно списывали себѣ. По сербскому языку упражнялись въ чтеніи и грамматикѣ, въ переводахъ и комментированіи „Историческихъ пѣсень“, изданныхъ въ II томѣ Караджича. По польскому языку тоже, съ переводомъ украинской повѣсти А. Мальчевскаго „Марія“. По исторіи русской литературы практическія занятія состояли въ слѣдующемъ: а) по русскому языку студенты занимались чтеніемъ и разборомъ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятниковъ. Къ этому разбору студенты должны были готовиться дома. Студентъ 3-го курса славяно-русскаго отдѣла Халанскій представилъ преподавателю значительное количество этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ имъ и снабженныхъ примѣчаніями, изъ коихъ нѣкоторые заслуживаютъ быть напечатанными б). По исторіи русской литературы студенты занимались чтеніемъ и разборомъ главнѣйшихъ малорусскихъ думъ, а также и письменными работами на предложенныя темы. Изъ такихъ работъ особенное вниманіе обратили два большихъ и тщательно написанныхъ сочиненія студента 4-го курса славяно-русскаго отдѣла Казименскаго: „Новиковъ и Шварцъ“ и „Карамзинъ въ обществѣ Новикова“. Кроме того, слѣдующіе студенты оканчивали сочиненія для подачи на разсмотрѣніе, составленныя по указаннымъ преподавателемъ источникамъ: Антоновъ — „О галицкихъ колоснійкахъ“, Бѣляевъ — „о сатирахъ Крылова“, Проскурниковъ — „о сочиненіяхъ Ягича, по исторіи русско-славянскихъ литературъ“ и Феневъ — „Объ ученой дѣятельности Бодянскаго“. По всеобщей исторіи занятія состояли въ письменныхъ работахъ студентовъ на предложенныя имъ темы. Работы представ-

лено было девять, именно: Верховскимъ—„О Дельфійскомъ оракулѣ“, Дикомъ—„О Германцахъ по Цезарю и Тациту“, Танишевскимъ—„Греки гомерической эпохи и характеристика Нестора, царя Пилосскаго“, Дубегою—„Тиберій, второй цезарь Рима“, Моревымъ—„Буддизмъ древній и нынѣшній“, Бѣловольскимъ—„Жизнь Агриппы по Тациту“, Аврамовымъ—„Персидскія войны“, Ильинскимъ—„Периклъ и Целопонезская война“ и Ивановымъ—„Единство Греціи“. По русской исторіи на заданную въ 1878 году тему на медаль „Мстиславъ князь Торопецкій и его отношенія къ князьямъ и Новгороду на основаніи лѣтописей“, представлены въ факультетъ четыре сочиненія; изъ нихъ одно удостоено золотой и одно серебряной медали. По церковной исторіи студентомъ 3-го курса историческаго отдѣленія Филевскимъ представлена письменная работа на тему „Очеркъ исторіи западно-русской или Литовской митрополіи“, которая признана удовлетворительною. По кафедрѣ философіи представлены два сочиненія: студентомъ 4-го курса Сукачевымъ—„Взглядъ Канта на психологію“ и студентомъ 2-го курса Григоровичемъ—„Психологическій очеркъ личности Раскольникова, главнаго дѣйствующаго лица въ романѣ Достоевскаго, Преступленіе и наказаніе“. Оба сочиненія признаны удовлетворительными. На физико-математическомъ факультетѣ: по математикѣ, подъ руководствомъ профессора Деларю, студенты 1-го курса, отдѣлений математическихъ и физико-химическихъ наукъ занимались письменнымъ рѣшеніемъ задачъ по исчисленію безконечно-малыхъ, а подъ руководствомъ профессора, Ковальскаго студенты, 2-го курса тѣхъ же отдѣленій— рѣшеніемъ задачъ по общему курсу интегральнаго исчисленія. По механикѣ практическія занятія въ 3-мъ курсѣ обоихъ отдѣленій состояли въ упражненіяхъ на рѣшеніе частныхъ задачъ изъ динамики точки. По астрономіи: во 2-мъ курсѣ— въ рѣшеніи задачъ по сферической астрономіи и тригонометріи, въ 3-мъ—по сферической астрономіи и въ измѣреніи горизонтальныхъ и вертикальныхъ угловъ, въ 4-мъ—въ рѣшеніи задачъ и опредѣленіи времени помощію универсальнаго инструмента, причѣмъ каждый студентъ представлялъ дневникъ наблюденій и вычисленій. По физикѣ студенты 3-го и 4-го курсовъ обоихъ отдѣленій занимались: а) калиброваніемъ термометра, б) сравненіемъ числа колебаній и в) опредѣленіемъ длины секунднаго маятника. По неорганической химіи студенты старшихъ двухъ курсовъ упражнялись въ анализахъ газовъ. По органической химіи студенты тѣхъ же курсовъ занимались приго-

товленіемъ органическихъ соединеній и ихъ изслѣдованіемъ. По аналитической химіи студенты 2-го курса обоихъ отдѣленій упражнялись въ качественномъ анализѣ, 3-го курса—въ количественномъ. По технической химіи студенты 4-го курса—въ техническомъ анализѣ. По зоологіи студенты 2-го курса естественнаго разряда занимались гистологическими упражненіями, а 3-го и 4-го курсовъ—опредѣленіемъ животныхъ. По сравнительной анатоміи и эмбриологіи занятія состояли въ секціяхъ животныхъ мѣстной фауны, преимущественно безпозвоночныхъ, и въ наблюденіяхъ надъ развитіемъ птицъ. По ботаникѣ, подъ руководствомъ профессора Ценковскаго, студенты двухъ старшихъ курсовъ естественнаго разряда занимались опредѣленіемъ водорослей грибовъ, лишайниковъ по живымъ и сушенымъ образцамъ, изслѣдованіями надъ исторіей развитія главнѣйшихъ представителей изъ класса водорослей и въ приготовленіи препаратовъ по морфологіи и систематикѣ таллофитовъ; подъ руководствомъ профессора Питри студенты занимались по анатоміи растений и опредѣленіемъ высшихъ растений. По минералогіи практическія занятія въ 3-хъ курсахъ обоихъ отдѣленій состояли въ опредѣленіи минераловъ на основаніи наружныхъ признаковъ и химическихъ свойствъ въ кристаллографическихъ упражненіяхъ, въ опредѣленіи кристалловъ путемъ вычисленія и измѣренія величины двугранныхъ угловъ, и въ ознакомленіи съ различными способами изслѣдованія физическихъ свойствъ минераловъ. По геологіи студенты 4-го курса естественнаго отдѣленія занимались микроскопическимъ изслѣдованіемъ горныхъ породъ и опредѣленіемъ окаменѣлостей. По агрономіи студентами 4-го курса производились занятія по механическому и химическому анализу почвъ, а также по анализу зеренъ растений. На юридическомъ факультетѣ: по статистикѣ представлены студентами слѣдующіи изслѣдованія: Сперанскимъ—„Попытка въ изслѣдованіи вопроса о вліяніи постовъ на рождаемость“ (на основаніи метрикъ за 93 года одного прихода Владимірской губерніи) и „Эпидемія дифтерата Миргородскаго уѣзда“, Нельговскимъ—„О маслособіяхъ Купянскаго уѣзда“ и Еншерловымъ—„Колесное производство въ Пензенской губерніи“. На медицинскомъ факультетѣ: Практическія занятія по фізіологической анатоміи ведены были со студентами 1-го и 2-го курсовъ. Матеріаломъ для занятій служили 93 трупа, изъ которыхъ было мужскихъ 74, женскихъ 10 и дѣтскихъ 9. Студенты занимались не только въ вечерніе часы, но и утромъ, въ часы свободные отъ лекцій. Каждый приготовленный студентомъ препаратъ принимался прозекторомъ,

при чемъ по препарату производился практической экзаменъ. При занятіяхъ студенты были раздѣлены на группы, по 10 человекъ въ каждой. Работавшихъ студентовъ и вольнослушателей за весь 1879 годъ было 239, изъ нихъ въ 1-мъ полугодіи работало 118, а во второмъ—121. Препаратовъ приготовлено студентами въ теченіе года 1,241, въ томъ числѣ: по связкамъ 167, по мышцамъ 741, по внутренностямъ 158, по нервамъ 10, по артеріямъ, венамъ и нервамъ вмѣстѣ—185. Въ теченіе года студенты младшихъ двухъ курсовъ занимались въ гистологическомъ кабинетѣ изслѣдованіями строенія животныхъ тканей и органовъ, частію по собранію препаратовъ, приготовленныхъ профессоромъ Кузинымъ, частію по препаратамъ, приготовляемымъ самими студентами въ часы, назначенные по расписанію, а также и въ часы свободные отъ лекцій. Практическія занятія по патологической анатоміи состояли въ патологическихъ вскрытіяхъ клиническихъ труповъ и въ элементарномъ курсѣ патологической гистологіи. Вскрытія производились въ соответствующіе клиническіе часы со студентами старшихъ двухъ курсовъ, при чемъ имѣлось въ виду ознакомленіе учащихся съ техникою вскрытія и грубыми анатомическими измѣненіями органовъ и тканей. Вниманіе слушателей постоянно обращалось на анатомическую и физиологическую связь болѣзненныхъ измѣненій и на возможно-точный діагнозъ. Наиболѣе рѣдкіе случаи, кромѣ того, демонстрировались отдѣльно студентамъ 3-го курса съ тѣми же измѣненіями и демонстрація сопровождалась микроскопическимъ изслѣдованіемъ болѣе выдающихся, а равно и рѣдкихъ анатомическихъ измѣненій. Элементарный курсъ патологической гистологіи для студентовъ 3-го курса, раздѣляемыхъ, за недостаткомъ помѣщенія, на группы, состоялъ въ ознакомленіи студентовъ съ строеніемъ опухолей и патологически-измѣненныхъ тканей и органовъ, преимущественно тѣми методами изслѣдованія, которые примѣнимы къ свѣжимъ объектамъ, не подвергавшимся предварительнымъ сложнымъ обработкамъ. Кромѣ курсовыхъ занятій, студенты старшихъ курсовъ, въ свободное отъ другихъ занятій время, производили въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ изслѣдованія для пополненія клиническихъ наблюденій, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, студентъ Оболенскій, преслѣдовали болѣе или менѣе систематически гистологическое изслѣдованіе всего текущаго патолого-анатомическаго матеріала. Изъ спеціальныхъ занятій были производимы изслѣдованія: студентомъ Шмидтомъ—объ измѣненіяхъ при отравленіи мышьякомъ, врачомъ Барашевымъ—объ эндотелиомѣ глазаго яблока;

врачъ Высоковичъ продолжалъ свои спеціальныя работы, начатыя имъ еще студентомъ до поѣздки на театръ военныхъ дѣйствій; врачъ Писаревскій подвергалъ систематическому изученію съ патолого-анатомической стороны весь текущій хирургическій матеріалъ и спеціальными изслѣдованіями о первичномъ сифилитическомъ затвердѣніи. Въ фізіологическомъ кабинетѣ, изъ постороннихъ лицъ занимался лекарь Алферовъ изслѣдованіями количества шариковъ крови у животныхъ. Въ химической лабораторіи студенты 2-го курса занимались, въ опредѣленные факультетомъ часы, изученіемъ способовъ химическаго изслѣдованія животныхъ жидкостей и тканей нормальныхъ и патологическихъ. Занятія по общей патологіи студентовъ 3-го курса распадались на теоретическое изложеніе общей патологіи и практическія занятія. Систематическая общая патологія излагалась по 4 часа въ недѣлю, практическія же занятія—по 2 часа. Послѣднія состояли въ производствѣ различнаго рода опытовъ и вывѣсокъ надъ животными, производимыхъ самимъ профессоромъ и студентами подъ его руководствомъ. Кромѣ того, демонстрировались и производились макро и микроскопическія изслѣдованія патологически-измѣненныхъ органовъ и тканей, а также и новообразованій. Независимо отъ сего, студентамъ предоставлена была возможность заниматься въ кабинетѣ, въ свободное время, повтореніемъ опредѣленія свойствъ и характера различныхъ патологическихъ объектовъ, находящихся въ музеѣ кабинета. Въ фармацевтической лабораторіи занимались для полученія званія провизора девять аптекарскихъ помощниковъ практическими работами, а 31 аптекарскихъ ученика занимались приготовленіемъ препаратовъ при испытаніи для полученія званія аптекарскаго помощника. Въ фармакологическомъ кабинетѣ занимались студенты 3-го курса практическими упражненіями въ рецептурѣ. По діагностикѣ, сверхъ слушанія теоретическаго изложенія соотвѣтственно представленной программѣ, студенты 3-го курса занимались изслѣдованіемъ больныхъ и постановкою научнаго діагноза въ терапевтическомъ отдѣленіи университетской клиники. Въ кабинетѣ гігіены при практическихъ занятіяхъ студентовъ 3-го курса въ 1879 году, соблюдался тотъ же порядокъ, который былъ въ 1878 году, съ сентября же, соотвѣтственно раздѣленію гігіены на два курса, 3-й и 4-й, въ практическихъ занятіяхъ студентовъ принимали участіе эти два курса. Общія занятія (для всѣхъ студентовъ), такъ какъ они составляютъ предметъ общаго курса, въ сущности, съ небольшими лишь добавленіями, были тѣ же, что и въ предыду-

ицемъ году. Частныя занятія (для желающихъ) были слѣдующія: а) по случаю тифозной эпидеміи въ Харьковѣ и провоза военно-плѣнныхъ Турокъ, были исполнены, по предложенію главнаго управленія „Краснаго Креста“, нѣкоторыя работы по ассенизаціи и дезинфекціи; въ послѣднихъ принимали участіе, кромѣ профессора Якобіа и ассистента Сербинова, шесть студентовъ; изслѣдованіе обоевъ и тарлатана на содержаніе мышьяка, муравы на содержаніе свинца, муки на содержаніе спорыньи, воды по способу Флекка и почвы; в) изслѣдованіе росы изъ воздуха въ двухъ хирургическихъ налатахъ; г) изслѣдованіе мутности млечныхъ жидкостей; д) изслѣдованіе нѣкоторыхъ веществъ на содержаніе воды, зола и клѣтчатки, и е) изслѣдованіе хлѣба и клѣтчатки сухаря. Сверхъ того: ассистентъ П. Сербиновъ занимался розысканіемъ ферментныхъ веществъ въ слизистой оболочкѣ сложнаго желудка травоядныхъ и врачъ В. Чугинъ — различными изслѣдованіями по санитарной части. Практическія занятія студентовъ по психіатріи были двойки: отъ сентября по декабрь они посѣщали психіатрическое отдѣленіе земской больницы одинъ разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, причемъ преподаватель излагалъ имъ на больныхъ фізіологическіе и клиническіе методы изслѣдованія больныхъ, а также и способъ обращенія и отношенія къ больнымъ. Затѣмъ и сами студенты старались знакомиться и осваиваться съ больными, и такимъ образомъ подготавливать себя къ дальнѣйшимъ практическимъ занятіямъ. Во второмъ полугодіи студенты, слушая курсъ частной психіатріи, разбирали каждый отдѣльно больнаго и изучали его точно такъ же, какъ это дѣлается и въ клиникѣ. Причемъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ преподаватель демонстрировалъ имъ по воскресеньямъ больныхъ, а въ апрѣлѣ и маѣ студенты собирались въ больницу ежедневно или черезъ день и дѣлали клинической разборъ и демонстрировали больныхъ сами. Такимъ образомъ, въ 1879 году практическія занятія со студентами по психіатріи располагались такъ: въ первомъ полугодіи студенты 5-го курса сами вели клиническія наблюденія душевныхъ больныхъ подъ надзоромъ и руководствомъ преподавателя; затѣмъ, въ апрѣлѣ и маѣ демонстрировали этихъ больныхъ и писали исторію болѣзни. Во второмъ же полугодіи новый 5-й курсъ посѣщалъ больницу только изрѣдка (по воскресеньямъ) въ хорошую погоду, и ознакомлялся съ приемами обращенія съ душевными больными и методами изслѣдованія ихъ. Практическія занятія по дѣтскимъ болѣзнямъ состояли въ посѣщеніи студентами 4-го курса городской дѣтской больницы, гдѣ имъ показываемы были наиболѣе характеръ ссх1, отд. 4.

терные случаи заболѣванія дѣтей; студенты 3-го курса посѣщали приюты для подкидышей, гдѣ наблюдали и изучали болѣзни новорожденных дѣтей. По оперативному акушерству, кромѣ слушанія лекцій соотвѣтственно представленной программѣ, студенты 5-го курса занимались изслѣдованіемъ и опредѣленіемъ болѣзней приходящихъ больныхъ, женскими болѣзнями въ земскомъ родильномъ домѣ по три часа въ недѣлю и въ лечебницѣ медицинскаго общества по два часа въ недѣлю. Въ факультетской терапевтической клиникѣ занятія производились слѣдующимъ образомъ: прежде всего студентамъ демонстрировались явленія при различныхъ наблюдавшихся болѣзняхъ, для чего они упражнялись въ перкусіи, аускультаци, термометри, въ изслѣдованіи пульса помощію сфигмографа, въ изслѣдованіи чувствительности и т. д. Занятія эти производились ими какъ въ присутствіи профессора, такъ и во время вечернихъ визитациій ординаторовъ клиники. Каждый студентъ-кураторъ получалъ отдѣльнаго больного, собиралъ всѣ данныя его предшествовавшего и настоящаго состоянія, записывалъ перемѣны, происходившія ежедневно въ состояніи больного, и весь собранный матеріалъ, уже въ формѣ клинической исторіи болѣзни, читалъ у кровати больного. Замѣченныя неточности изложенія при этомъ пополнялись вмѣстѣ съ указаніемъ на тѣ особенности, которыя представлялъ случай. Кромѣ этихъ занятій, посвящалось еще достаточное количество времени и клиническимъ лекціямъ. Матеріаломъ для нихъ служили стаціонарные больные; излагались же въ нихъ по преимуществу полученныя объективныя и субъективныя данныя, на основаніи патологической анатоміи, физиологіи и общей патологіи. Объяснивши появленіе того или другаго симптома, вниманіе студентовъ было обращено на то, чтобы путемъ дифференціальной діагностики всѣ найденныя измѣненія больного привести въ связь между собой и поставить точный клиническій діагнозъ. Послѣ того указываемы были средства, которыя, сообразно современному состоянію науки, должны быть употребляемы въ терапіи даннаго случая. Если же случай оканчивался легально, то данныя секціи становились предметомъ отдѣльной клинической лекціи, при чемъ объяснялась связь патолого-анатомическихъ явленій съ тѣми прижизненными припадками, которые наблюдались у кровати больного. Съ разрѣшенія директора терапевтической клиники практическія занятія по ларингоскопіи производились три раза въ недѣлю, по вечерамъ, въ часы назначенные специально для приѣма горловыхъ больныхъ, подъ руководствомъ приватъ-доцента Ломиковскаго. Для

предварительнаго ознакомленія студентовъ съ техникой ларингоскопiи, онъ въ теоретическомъ курсѣ старался указать на самые обыкновенные приемы, употребляемые для осмотра полости зѣва, и за тѣмъ уже, познакомивъ ихъ съ способами освѣщенія и извѣстными правилами введенія гортаннаго зеркала, мало по малу переходилъ въ осмотру гортани. Главная задача при такомъ первоначальномъ способѣ изслѣдованія состояла въ томъ, чтобы начинающій ларингоскопировать по возможности старался точно ориентироваться во всѣхъ частяхъ зеркальнаго изображенія гортани и вѣрно передавать то, что онъ видитъ, стараясь при этомъ манипулировать совершенно одинаково какъ правой, такъ и лѣвой рукой. Въ виду общаго недостатка, замѣчаемаго у начинающихъ ларингоскопировать, — неопытности отражать помощію рефлектора свѣтъ отъ его источника, — и большаго числа слушателей предложено было студентамъ раздѣлиться на группы. При такихъ условіяхъ занятія по ларингоскопiи пошли быстрѣе, и каждый студентъ, имѣя свое опредѣленное мѣсто и источникъ свѣта, получилъ отдѣльнаго амбулаторнаго больнаго. Послѣ тщательнаго осмотра и постановки діагноза студенты обмѣнивались больными, такъ что такимъ образомъ весь амбулаторный матеріалъ былъ доступенъ всему курсу слушателей. По окончаніи осмотра больнаго, представляющаго особый интересъ для клиническаго матеріала, вписывалась его краткая исторія болѣзни въ особо заведенную амбулаторную книгу, причемъ назначалась и терапия. По мѣрѣ накопленія амбулаторнаго матеріала и подготовки студентовъ, послѣднимъ позволялось производить смазываніе гортани, помощію изогнутой кисти, различными растворами, употребляемыми для мѣстнаго леченія. Особенный интересъ и успѣхъ мѣстнаго леченія помощію ларингоскопа оказали всѣ случаи сифилитическаго пораженія гортани. Студенты особенно убѣдились въ успѣшномъ и незамѣнимомъ дѣйствіи общаго смѣшаннаго леченія въ специфическихъ случаяхъ заболѣванія и мѣстнаго (смазыванія) іодо-глицериномъ, который такъ широко примѣняется въ клиникѣ профессора Шреттера. Въ факультетской хирургической клиникѣ въ теченіе года пользовалось больныхъ, стационарныхъ и приходящихъ, всего 4,250. Операций, большихъ и малыхъ, произведено 1,198; кромѣ того, наложено неподвижныхъ повязокъ, гипсовыхъ и стеклянныхъ, 190. Изъ общаго числа больныхъ 156 пользовались въ стационарной клиникѣ, причемъ вновь поступившихъ было 142 и оставалось отъ 1878 года 14. Въ теченіе года въ стационарной клиникѣ было произведено 120 операций. Изъ 156 стационарныхъ боль-

нихъ 120 вполне выздоровѣло, 17 получили облегченіе, 6 оставались на излеченіи къ 1880 году и 13 умерло; смертность составляетъ 9,5%. Въ число стационарныхъ принимались больные въ такомъ расчетѣ, чтобы студенты въ продолженіе года могли близко наблюдать и вполне ознакомиться съ возможно-большимъ числомъ выдающихся, типичныхъ хирургическихъ болѣзней; въ этихъ видахъ въ клинику принимались иногда больные почти безнадежные въ смыслѣ выздоровленія, но представлявшіе большой интересъ въ научномъ или казуистическомъ отношеніи. Последнее обстоятельство объясняетъ сравнительно высокій процентъ смертности, какой полученъ въ 1879 г. Впрочемъ, не меньшее вліяніе на большую смертность имѣетъ устройство хирургической клиники, перестающее въ послѣдніе годы удовлетворять самымъ скромнымъ требованіямъ гигиены. Занятія студентовъ въ стационарной клиникѣ велись слѣдующимъ образомъ: больному, при поступленіи его въ клинику, назначался изъ студентовъ практикантъ. Получивъ больного, послѣдній подвергалъ его тщательному изслѣдованію: предпосылалось обыкновенно объективное изслѣдованіе, предшествующее же состояніе играло второстепенную, вспомогательную роль. Такое предварительное изслѣдованіе производилось подъ наблюденіемъ ординаторовъ клиники, которые, въ случаѣ односторонности изслѣдованія, такъ или иначе направляли его, а также являлись на помощь практиканту во всѣхъ случаяхъ его недоразумѣній. При всемъ этомъ практиканту предоставлялась самостоятельность въ возможно-широкихъ предѣлахъ. Пользуясь отъ клиники всевозможными пособіями для механическаго, химическаго и микроскопическаго изслѣдованія, студентъ всесторонне изучалъ своего больного и результаты немедленно вносилъ въ исторію болѣзни. Слѣдующій затѣмъ „разборъ больного“ производился подъ непосредственнымъ руководствомъ директора клиники, въ присутствіи всѣхъ студентовъ въ часы клиническихъ лекцій. Студентъ-практикантъ изустно сообщалъ при этомъ данныя, добытыя изслѣдованіемъ, и высказывалъ собственный взглядъ на характеръ и сущность заболѣванія, возможное леченіе и т. д. Вслѣдъ затѣмъ производилось директоромъ клиники новое подробное изслѣдованіе больного, причемъ испытывались всевозможныя методы изслѣдованія, предложенныя для даннаго заболѣванія; къ участию въ изслѣдованіи привлекались по возможности всѣ студенты; такимъ образомъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ директора клиники, студенты упражнялись въ ларингоскопированіи, отоскопированіи, изслѣдованіи инородныхъ тѣлъ въ поло-

стяхъ, приготовленіи микроскопическихъ препаратовъ и т. д. Заручившись новымъ всестороннимъ изслѣдованіемъ, студенты, подъ руководствомъ директора и при его содѣйствіи, упражнялись въ постановкѣ полнаго дифференціального діагноза. Въ заключеніе директоръ клиники указывалъ подробно на особенности данного случая въ ряду подобныхъ заболѣваній и сообщалъ выдающіеся казуистическіе его случаи, извѣстные изъ литературы и собственной практики. Далѣе обсуждались различные методы леченія данного заболѣванія, указывался принципъ, лежащій въ ихъ основѣ, и его постепенное развитіе, дѣлалась критическая оцѣнка этихъ методовъ вообще и въ примѣненіи къ данному случаю. Наконецъ, если изслѣдованіе и леченіе было связано съ употребленіемъ какихъ-нибудь аппаратовъ или инструментовъ, то они тутъ же демонстрировались, съ обращеніемъ главнаго вниманія на идею ихъ устройства, ея постепенное развитіе, дѣлособразность въ примѣненіи къ практикѣ и т. д. Операнія въ первомъ академическомъ полугодіи производились директоромъ клиники, а во второмъ, за исключеніемъ самыхъ сложныхъ, практикантами. Въ теченіе года въ стационарной и амбулаторной клиникѣ сдѣлано 180 операній. Въ производствѣ ихъ студенты принимали самое дѣятельное участіе: по очереди одни изъ нихъ назначались для хлороформированія, другіе для кровоостановленія, третьи для фельдшерскихъ обязанностей и т. д. Послѣдовательное леченіе больныхъ велось директоромъ клиники при непосредственномъ участіи студентовъ. Посѣщая ежедневно утромъ и вечеромъ клинику, студенты имѣли возможность вполне изучить постепенный ходъ заживанія ранъ со всѣми его особенностями; въ то же время они упражнялись въ наложеніи повязокъ, въ исполненіи фельдшерскихъ обязанностей и вообще въ уходѣ за больными. По отношенію къ послѣдовательному леченію студентамъ настойчиво рекомендовался принципъ индивидуализированія каждаго отдѣльнаго случая; поэтому въ клиникѣ не существовало какого-нибудь одного любимаго способа перевязки, который бы трактовался какъ годный для всѣхъ ранъ; наоборотъ, сама рава, благодаря ея мѣстнымъ условіямъ, ходу заживленія и т. д., давала показаніе для употребленія того или другаго метода леченія. Употребленіе способовъ перевязки примѣнительно къ особенностямъ каждой раны было причиной того, что нерѣдко одна и та же рана успѣвала перебивать до полнаго заживленія подъ нѣсколькими, иногда диаметрально-противоположными, методами перевязки. Въ общемъ, лучшіе результаты получены отъ листеровскаго метода леченія ранъ,

хотя онъ не могъ быть употребляемъ достаточно часто, по причинѣ дороговизны. Чаще, хотя съ меньшимъ успѣхомъ, употреблялись различныя видоизмѣненія листеровскаго способа, и въ особенности повязка Тирша. Гораздо рѣже практиковался открытый способъ леченія ранъ; въ большинствѣ случаевъ, притомъ, онъ соединялся съ употребленіемъ постоянныхъ ваннъ или постоянной ирригаціи ранъ. Кромѣ перечисленныхъ способовъ перевязки ранъ, употреблялись также, хотя главнымъ образомъ съ демонстративною цѣлю, гдѣ это было возможно, и многіе другіе способы леченія, а также испытывались вновь предлагаемыя. Изъ вновь рекомендованныхъ перевязокъ испытывались двѣ: а) повязка, при которой рана закрывается только морской губкой, пропитанной карболовымъ растворомъ, и б) повязка англійскаго хирурга Гемги, при которой рана закрывается компрессомъ, а сверху салicyловою ватой, послѣдняя же заливается коллодіемъ. При хирургической клиникѣ пользовалось 4,094 входящихъ больныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, получивши первую помощь, или принимались, смотря по интересу случая, въ число стаціонарныхъ больныхъ, или отсылались, для дальнѣйшаго пользованія, въ мѣстныя больницы, другіе же лечились систематически, посѣщая амбулаторную клинику иногда въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Занятія студентовъ въ этой послѣдней клиникѣ, въ теченіе года, сдѣлано было 1,078 операцій, велись слѣдующимъ образомъ: студенты по очереди, подъ руководствомъ директора клиники, принимали больныхъ: изслѣдуя самостоятельно больного, студентъ опредѣлялъ болѣзнь и назначалъ лечение, а если требовалось производство операціи, то во второмъ академическомъ полугодіи самъ студентъ и производилъ ее. Кромѣ того, студенты по очереди назначались для вписыванія больныхъ въ книгу, для написанія рецептовъ и для перевязки входящихъ больныхъ. Въ 1879 году при хирургической клиникѣ состоялъ частнымъ стипендіатомъ лекарь Писаревскій, который, кромѣ занятій химическими и микроскопическими изслѣдованіями со студентами, подготовлялся къ докторскому экзамену и написалъ работу о низшихъ организмахъ твердаго шанкра въ подтвержденіе открытія клебса. Занятія въ госпитальной терапевтической клиникѣ со студентами 5-го курса, подъ руководствомъ профессоровъ Оболенскаго и Кузнецова, состояли въ тщательномъ разностороннемъ изслѣдованіи назначенныхъ имъ стаціонарныхъ больныхъ, въ самостоятельномъ опредѣленіи вида болѣзни, въ выборѣ соответственнаго метода леченія подъ строгимъ контролемъ завѣдующихъ кли-

никою профессоромъ, въ наблюдени за теченіемъ болѣзни и въ тщательномъ веденіи ежедневныхъ наблюдений. Кромѣ того, студенты несли дежурство по больницѣ, по два ежедневно; въ это время обязанность ихъ сводилась къ приему амбулаторныхъ больныхъ подъ руководствомъ или профессора, или дежурнаго по больницѣ ординатора; изслѣдовавъ данный случай разносторонне, опредѣляли видъ болѣзни и назначали леченіе, руководствуясь наставленіями тѣхъ же лицъ; производили вмѣстѣ съ ординаторомъ клиническія вечернія визитаціи въ клиническихъ палатахъ; въ необходимыхъ случаяхъ, подъ руководствомъ того же ординатора, упражнялись въ примѣненіи самыхъ важныхъ и необходимыхъ для практическаго врача инструментовъ, какъ наприкладъ, введеніе катетра, въ ларингоскопін и проч. Въ хирургической госпитальной клиникѣ занятія студентовъ состояли въ наблюдени, анализѣ и практическомъ разборѣ всѣхъ болѣзненныхъ проявленій у стационарныхъ больныхъ, причемъ каждый студентъ всѣ свои выводы и замѣчанія о теченіи и характерѣ болѣзни, вмѣстѣ съ составленнымъ имъ планомъ леченія, представлялъ у кровати больного завѣдующему клиникою профессору, который, объясняя то или другое болѣзненное явленіе, наблюдаемое у больного, или соглашался со студентомъ, или же, если его выводы были основаны на ошибочныхъ данныхъ, подвергалъ строго-научной критикѣ весь ходъ наблюдений его и, указывая при этомъ на ошибки, послужившія основой тѣхъ или другихъ неправильныхъ заключеній, назначалъ соответственный другой планъ и методъ леченія. Если больному, для излеченія его болѣзни, или устраненія какихъ-либо припадковъ, требовалась оперативная помощь, то послѣ тщательнаго разбора показаній или противопоказаній вообще и въ частности въ данномъ случаѣ, студентъ-практикантъ долженъ былъ произвести операцію самъ, если, впрочемъ, она не требовала для исполненія какихъ-либо особенныхъ практическихъ знаній; въ противномъ случаѣ была производима самимъ профессоромъ. Кромѣ того, студенты постоянно упражнялись въ наложеніи больнымъ какъ простыхъ, такъ и гипсовыхъ повязокъ. Всѣ рецепты и другія назначенія больнымъ студенты прописывали сами, подъ наблюдениемъ профессора или ординатора. Независимо отъ указанныхъ занятій, студенты дежурили въ больницѣ. Ежедневно дежурили два студента изъ всего курса, причемъ они принимали, подъ руководствомъ профессора или подъ наблюдениемъ дежурнаго ординатора, амбулаторныхъ больныхъ, пріучались на-скоро разспрашивать больного объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ

его болѣзни, на- скоро же изслѣдовали настоящее его положеніе, опредѣляли характеръ его болѣзни и предлагали соотвѣтственныя фармацевтическія или хирургическія средства для оной, причеиъ профессоръ или дежурный ординаторъ соглашался съ ихъ мнѣніеиъ, или назначалъ другое леченіе, объясняя при этомъ мотивы. Здѣсь же они упражнялись въ производствѣ мелкихъ операцій, какъ-то въ введеніи катетровъ, бушей, маточныхъ зеркалъ, въ ларингоскопін, вскрытіи нарывовъ, производствѣ разрывовъ. Послѣ приеиъ амбулаторныхъ больныхъ, дежурные студенты обходили больничныя палаты, наблюдая за оперированными и трудно-болыными; дѣлали, вмѣстѣ съ дежурнымъ ординаторомъ, утреннія и вечернія визитаци всѣхъ больныхъ. Наконецъ, студенты упражнялись въ вскрытіи труповъ, постановкѣ патолого-анатомическаго діагноза болѣзней и провѣркѣ клиническихъ наблюдений, подъ руководствомъ профессора патологической анатоміи. Нѣкоторые изъ студентовъ занимались микроскопическимъ и химическимъ анализомъ продуктовъ, полученныхъ какъ отъ труповъ, такъ и отъ больнаго организма, нужнаго для подтвержденія или провѣрки того или другаго діагноза больнаго. Въ офтальмологической клиникѣ занятія студентовъ состояли въ слѣдующеиъ; студенты 5-го курса занимались: а) изслѣдованіеиъ стационарныхъ и амбулаторныхъ больныхъ подъ руководствомъ директора клиники, при чемъ вниманіе ихъ обращалось не только на правильную постановку діагноза, но, главнымъ образомъ, на правильные приемы изслѣдованія и точное объясненіе видимыхъ симптомовъ болѣзни; б) веденіеиъ исторій болѣзней стационарныхъ больныхъ; в) поочереднымъ приеиомъ больныхъ во время назначенныхъ для студентовъ 5-го курса амбулаторныхъ часовъ, подъ руководствомъ директора клиники; г) изученіеиъ техники производства операцій на фантомѣ, на вырѣзанныхъ глазахъ животныхъ; д) ассистированіеиъ во время производства операцій больнымъ, при чемъ нѣкоторые изъ студентовъ и сами дѣлали глазныя операціи подъ руководствомъ директора клиники; е) изслѣдовали глаза у конскриптовъ, присылаемыхъ въ клинику для этой цѣли изъ мѣстныхъ земской больницы и военнаго госпиталя, при чемъ вниманіе ихъ обращалось, главнымъ образомъ, на изученіе и практическое примѣненіе различныхъ способовъ, предлагаемыхъ для провѣрки показаній у симулантовъ. Студенты 4-го курса упражнялись по вечерамъ въ назначенные часы въ офтальмоскопированіи на фантомѣ, на глазахъ кроликовъ, глазахъ лѣтей и больныхъ. Кроме того, въ теченіе года въ офтальмологической кли-

нигѣ специально занимались изученіемъ глазныхъ болѣзней врачи: Н. Я. Михельсъ и А. И. Пѣуновъ.

Совѣтъ Харьковскаго университета имѣлъ въ теченіе 1879 года 18 засѣданій. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: степени доктора медицины 1; кандидата 45, въ томъ числѣ: по историко-филологическому факультету 10, по физико-математическому 9, по юридическому 26; дѣйствительнаго студента 13, именно по физико-математическому факультету 1, по юридическому 12; лекаря 27, уѣзднаго врача 27, провизора 9, аптекарскаго помощника 31, повивальной бабки 48, дантиста 2. Оставлены были при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію: кандидаты: Буцинскій—по русской исторіи, Поповъ—по сравнительному языкознанію. Осиповъ—по химіи, Рейнбитъ—по астрономіи, Крендовскій—по геологіи, Собѣстьянскій—по исторіи славянскихъ законодательствъ, Соколовскій—по исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, Воцининъ—по политической экономіи, Ивановъ—по статистикѣ, Анашевъ—по гражданскому праву, Коссовскій—по полицейскому праву; лекаря: Высоковичъ—по патологической анатоміи и Кульчицкій—по гистологіи.—Командированы съ ученою цѣлю: за границу—профессоръ Дриновъ и доцентъ Погорѣлко, а доцентъ Даневскій и приватъ-доцентъ Куплеваскій получили разрѣшеніе на заграничную командировку; внутри Россіи профессора Якобій и Крыловъ—въ Астраханскую губернію по случаю появленія чумы; профессора: Андреевъ, Бекетовъ, Ковальскій, Кремьянскій, Лазаревичъ, Ланкевичъ, Шимковъ и Якобій; доценты: Зайкевичъ, Ковалевскій и Черной, приватъ-доцентъ Пономаревъ, лаборанты: Флавицкій, Чириковъ и Ярошевскій, ординаторъ Корчевскій и стипендіатъ Осиповъ—въ С.-Петербургъ, на съѣздъ естествоиспытателей; профессоръ Морозовъ—въ Москву, въ качествѣ депутата университета на антропологическую выставку.

Финансовыя средства Харьковскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи; штатныхъ суммъ оставалось отъ 1878 года 26,368 руб. 49 коп., въ теченіе 1879 году поступило 329,321 руб. 53 к., въ теченіе года израсходовано 342,046 руб. 98 коп., затѣмъ къ 1-му января 1880 года въ остаткѣ было 13,713 руб. 4 коп.; специальныхъ средствъ: а) сбора за слушаніе лекцій: остатка отъ 1878 года 7,761 руб. 65 коп., поступило въ 1879 году 13,316 руб., израсходовано 17,356 руб. 46 коп., оставалось къ 1880 году 3,721 р. 19 коп., б) пожертвованныхъ суммъ: къ 1-му января 1879 года имѣ-

лось 259,849 руб. 8 коп., поступило на приходъ 39,740 руб. 74 коп., употреблено въ расходъ 3,507 руб. 99 коп., затѣмъ къ 1880 году оставалось 296,081 руб. 83 коп. Главнѣйшіе расходы, произведенные на счетъ специальныхъ средствъ университета, были слѣдующіе: на расходы по содержанію типографіи 3,813 руб., на пособия служащимъ при университетѣ лицамъ 1,625 руб., на вознагражденіе приватъ-доцентовъ 1,250 руб., на выдачу тремъ лицамъ, занимающимся въ библиотекѣ 1,041 руб., на непредвидѣнные расходы 1,005 руб., на выдачу приватъ-доценту Погорѣлко 1,000 руб., на выдачу лицамъ, командированнымъ на съѣздъ естествоиспытателей 800 руб., на выдачу профессору Залѣскому за преподаваніе судебной медицины 600 руб., на содержаніе отдѣла студентской библиотеки 592 руб.

Для соисканія наградъ медалями предложены были слѣдующія темы; отъ историко-филологическаго факультета—„Мстиславъ князь Торопецкій и его отношенія къ князьямъ и Новгороду, на основаніи лѣтописей“; отъ физико-математическаго—„Теорія относительнаго движенія въ постепенномъ развитіи и окончательномъ видѣ, даннаго ей Буромъ“ и „Опредѣленіе величины горизонтальной слагающей силы земнаго магнетизма въ абсолютныхъ единицахъ мѣры, при помощи магнитометра, находящагося въ физическомъ кабинетѣ Харьковскаго университета“; отъ юридическаго—„Критическое изслѣдованіе состоянія военнаго международнаго права во время франко-прусской войны 1870—1871 гг.“ За представленныя на эти темы сочиненія награждены медалями: золотую—студентъ 4-го курса отдѣленія историческихъ наукъ Владиславъ Бузескулъ; серебряными: студенты 4-го курса: отдѣленія историческихъ наукъ — Аркадій Новосильцевъ и физико-математическаго факультета—Германъ Синяковъ и бывший студентъ юридическаго факультета Михаилъ Робушъ.

Въ 1879 году преподаватели Харьковскаго университета и другія служащія въ ономъ лица напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессора: Добротворскій помѣстилъ въ Харьковскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ нѣсколько проповѣдей; Безсоновъ: а) доканчивалъ, съ собственными обширными примѣчаніями, печатаніе „Сравнительной русской грамматики“ К. Аксакова, б) по порученію общества любителей словесности при Московскомъ университетѣ напечаталъ и издалъ IV томъ „Историческихъ пѣсенъ“, съ значительными дополненіями и подробными примѣчаніями, и в) совмѣстно съ А. Ф. Риттикомъ занимался составленіемъ карты историческаго расселенія славянъ; Зеленогор-

скій напечаталъ отвѣтъ профессору Троицкому; Кирпичниковъ напечаталъ: а) „Св. Георгій и Егорій Храбрый“, б) о духовныхъ стихахъ во 2-мъ изданіи „Исторія русской литературы“ Галахова, в) въ Критическомъ Обзорѣніи— „Къ исторіи школьной духовной поэзіи“ по поводу книги Куно Франке, г) въ Arch. für slav. Philologie— „Zur Frage über die ausländischen Elementen in den russischen Volksmärchen“; Делленъ издалъ комедію П. Теренція Неаутон Timorumenos „Самъ себя наказывающій“, съ введеніемъ, подробнымъ комментариемъ и русскимъ переводомъ; Лебедевъ помѣстилъ въ чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія статьи подъ заглавіемъ „къ вопросу о крѣпостномъ владѣніи приходскихъ церквей“; Потѣбня составилъ, по порученію академіи наукъ, разборъ изданія „Народныя пѣсни Галицко Угорской Руси“ и помѣстилъ въ Русскомъ филологическомъ Вѣстникѣ статьи: „Начальныя сочетанія лы, ры, лу, ру— основными ар, ал.“, „Замѣтку о двухъ пѣсняхъ“, „Этимологическія замѣтки“ и „О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки“; Андреевъ напечаталъ изслѣдованіе „О геометрическихъ соответствіяхъ въ примѣненіи къ вопросу о построеніи кривыхъ линій“; Бекетовъ напечаталъ: „О способѣ опредѣленія плотности пара Мейера“ и „О динамической сторонѣ химическихъ явленій“ и помѣстилъ: въ Журналѣ русскаго физико-химическаго общества — „дальнѣйшее изслѣдованіе о теплотѣ гидратаціи и окисленіи натрія“ и въ протоколахъ общества опытныхъ наукъ— „О дѣйствии углекислоты на безводную окись натрія“; Деларю оканчивалъ печатаніемъ „Курсъ теоріи дифференціальныхъ уравненій, отд. 1-й“ и помѣстилъ въ Математическомъ Сборникѣ статью „Объ особыхъ рѣшеніяхъ дифференціальныхъ уравненій какого бы то ни было порядка“. Имшенецкій сдѣлалъ сообщеніе въ Харьковскомъ математическомъ обществѣ „опредѣленіе силы, движущей по коническому сѣченію матеріальную точку въ функціи ея координатъ“, которое напечатано въ Протоколахъ общества; Лагермаркъ помѣстилъ въ Журналѣ русскаго физико-химическаго общества три статьи: „О синтезѣ петроловой кислоты“, „О синтезѣ пиротеребиловой кислоты“ и „О дѣйствии сѣрной кислоты на ацителенъ“; Леваковскій приготовилъ къ печати статью „Происхожденіе и послѣдующія измѣненія Крымскихъ горъ“; Морозовъ напечаталъ статью „О результатахъ однодневной переписи въ г. Харьковѣ“ и доставилъ обществу испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ статью „О количествѣ атмосферныхъ осадковъ въ г. Харьковѣ“; Шижковъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣ-

стіяхъ 2-й выпускъ „Курса опытной физики—о свѣтѣ и теплотѣ“; Гуттенбергъ напечаталъ въ Критическомъ Обзорѣннѣ нѣсколько разборовъ ученыхъ работъ по экономической наукѣ; Дитятинъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ „Екатерининская коммиссія 1767 года“; помѣстилъ: въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“—три статьи и въ Критическомъ Обзорѣннѣ—разборы сочиненій Загоскина, Самохвалова, Сергѣева, Бѣляева, Маркевича и Ахенбаха; Сокальскій помѣстилъ въ газетѣ „Харьковъ“ статьи: „Объ однодневной переписи населенія города Харькова“ и „Замѣтки по кустарной промышленности въ Харьковской губерніи“; Стояновъ напечаталъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ статью „Научное значеніе всеобщей исторіи законодательства“; Грубе напечаталъ: въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго Общества—статьи: „О выпущеніи нижней челюсти“, „О современномъ леченіи ранъ“ и „О раненіи князя Крапоткина“ и въ *Centralblatt, für Chirurgie*—рефератъ о движеніи по русской хирургіи въ первой половинѣ 1879 года; Зарубинъ помѣстилъ въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ двѣ статьи: „Диагностическія замѣчанія объ аневризмѣ безыменной артеріи“ и „Описаніе случая перелома основанія черепа, съ благополучнымъ исходомъ“; Кремьянскій изготовилъ статью „О научныхъ мѣрахъ для усильной борьбы съ эпидемическимъ дифтеритомъ зѣва“; Крыловъ издалъ 3-й выпускъ 2-й части руководства къ патологической анатоміи Бароха Гортфельда; Кузнецовъ напечаталъ въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества статью „О чумѣ и о ветлянской эпидеміи“; Лазаревичъ напечаталъ отдѣльнымъ изданіемъ вторую часть курса акушерства, съ предисловіемъ и введеніемъ ко всему сочиненію; Лашкевичъ помѣстилъ: въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества „*Anaemia perniciosa*“ и въ *Jahresbericht für Dermatol. und Syphil.* „*Hydrocephalus interus syphiliticus*“; Тихоновичъ напечаталъ въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ статью „Возможно ли употребленіе салициловой кислоты для сохраненія отъ порчи пищевыхъ веществъ?“; Якобій помѣстилъ: въ Запискахъ Харьковскаго университета—краткій отчетъ о командировкѣ въ Астраханскую губернію по поводу чумы, въ Сборникѣ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ—„О санитарныхъ мѣрахъ противъ дифтерита въ Ахтырскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи“ и „Отчетъ объ осмотрѣ оцѣпленнаго раіона во время чумы въ Астраханской губерніи“, и сдѣлалъ заявленіе въ медицинской секціи общества опытныхъ наукъ объ анемометрическомъ вентиляторѣ. Доценты: Бѣ-

лецкій напечаталъ статьи: „Къ вопросу о физиологической роли воздушныхъ мѣшковъ у птицъ“ и „Выдѣленіе углекислоты коченѣющимъ мускуломъ“; Даневскій издалъ сочиненія: „Историческій очеркъ нейтралитета и критика Парижской морской деклараціи 16-го апрѣля 1856 года“, „Истолкованіе отдѣльныхъ постановленій той же Парижской морской деклараціи“ и „Современное состояніе призоваго судоустройства по отношенію къ нейтральнымъ и необходимымъ въ немъ реформы“; Ковалевскій помѣстилъ статьи: въ Военно-медицинскомъ журналѣ—„Атропинный психозъ“, въ Юридическомъ Вѣстникѣ—„Случай судебно-психіатрическаго анализа“, въ „Современной Медицинѣ“—„Убіеніе подъ вліяніемъ эпилептическаго помѣшательства“ и „Преступленіе подъ вліяніемъ бѣлой горячки“, въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ—„Цѣлый рядъ преступленій подъ вліяніемъ протролирующаго психо-эпилептическаго эквивалента“, въ Журналѣ гражданского и уголовного права—„О состояніи опьяненія по отношенію ко вмѣняемости“, въ Сборникѣ судебной медицины и судебной психіатріи—„Убіеніе, совершенное въ состояніи аффекта“, въ Медицинскомъ Вѣстникѣ—„Письма помѣшанныхъ, какъ объективный признакъ болѣзненнаго состоянія умственныхъ способностей“, въ Allgemeine Zeitung für Psychologie—«Ein Verbrechen in Anfalle von epileptischer Geistesstörung“ и „Atropin-Psychos“, во Врачебныхъ Вѣдомостяхъ—„Краткій очеркъ психіатрическаго отдѣленія Харьковской губернской земской больницы за 1878 годъ“, въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ—„Взвѣшваніе эпилептиковъ, какъ объективный признакъ страданія“ и издалъ отдѣльно: „Судебно-психіатрическіе анализы“ и „Руководство къ правильному уходу за душевными больными“; Стрѣльцъ вѣ занимался составленіемъ руководства по исторіи индивидуальнаго развитія животныхъ и человѣка“. Приватъ-доценты: Рейнгагдтъ напечаталъ въ Трудахъ общества испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ статью „Нѣкоторыя черты въ строеніи и развитіи дыхательныхъ устьицъ растений“ и приготовилъ къ печати курсъ ботаники; Ярошъ помѣстилъ въ Критическомъ Обзорѣніи двѣ критическія статьи; Пономаревъ издалъ 1-й выпускъ своего сочиненія „О болѣзни новорожденныхъ“, Ясинскій напечаталъ въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ „Cystoadenoma cylindro cellulare colloides ovarii dextri. Ovariectomy, произведенная 13-го сентября 1879 года“. Лаборанты: Ярошевскій помѣстилъ: въ Трудахъ общества испытателей природы—„Къ свѣдѣніямъ о фаунѣ чешуекрылыхъ Харькова и его окрестностей“ и въ

Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ— „О непарномъ шелкоордѣ и его гусеницѣ, причинявшей вредъ въ 1879 году лѣсамъ и садамъ въ разныхъ мѣстахъ Харьковской губерніи“ и „Описаніе нѣкоторыхъ жуковъ изъ рода *Anisotria*, встрѣчавшихся въ Харьковской губерніи лѣтомъ 1879 года“; Чириковъ произвелъ въ химической лабораторіи слѣдующія работы, напечатанныя въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ и въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: а) о результатахъ анализа каменныхъ углей изъ Донецкаго бассейна, б) о результатахъ анализа воды Карповскаго источника, в) о способѣ сожженія каменныхъ углей для опредѣленія углеводорода и водорода, г) о результатахъ анализовъ воды изъ двухъ прудовъ: Луговскаго и Кирѣевскаго, д) о результатахъ анализовъ трехъ образцовъ каменныхъ углей изъ Донецкаго бассейна и англійскаго Кардифа изъ склада Николаевскаго адмиралтейства, е) о результатахъ анализа желѣзнаго источника изъ Екатеринославской губерніи, ж) о результатахъ изслѣдованія образца сѣрно-кислаго хинина, доставленнаго г. Груздевымъ, з) о нѣкоторыхъ свойствахъ растворимаго стекла; Калмыковъ напечаталъ въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ статью „Случай аневризма безъименной артеріи“. Ординаторы: Фавръ помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ „Случай возбужденія искусственныхъ преждевременныхъ родовъ при *ruclonperhrit*ѣ, по способу профессора Лазаревича“; Шушлябинъ напечаталъ въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ статью „*Tabes dorsalis* по клиническимъ матеріаламъ“; Вышинскій произвелъ слѣдующія работы: а) „Къ казуистикѣ рака желудка“, б) „Терапевтическія замѣтки“ и в) „Къ казуистикѣ маскированнаго кардиоматоза“. Проценторъ Поповъ напечаталъ „Къ ученію о шейныхъ мышечныхъ аномаліяхъ“. Лекаръ Писаревскій занимался изслѣдованіемъ твердаго шанкра. Стипендіатъ Ивановъ напечаталъ въ Харьковскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ статью: „Замѣтки о кустарной промышленности въ Россіи“.

Студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ къ 1-му января 1879 года состояло 609, въ 1879 году поступило 175 (изъ гимназій 137, изъ Гатчинскаго института 7, изъ бывшихъ студентовъ Харьковскаго университета 2, изъ другихъ университетовъ и медико-хирургической академіи 29), въ теченіе года вышло 168, изъ нихъ до окончанія курса 83, по окончаніи курса 85; затѣмъ къ 1-му января 1880 года было 637, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 65, на юридиче-

скомъ 105, на медицинскомъ 361, на физико-математическомъ 106 (по отдѣленію математическихъ наукъ 42, по отдѣленію естественныхъ наукъ 29, по отдѣленію физико-химическихъ наукъ 35). Изъ общаго числа студентовъ освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи изъ 539 студентовъ—301, то-есть 55,84%, во второй половинѣ изъ 637—382, то-есть 59,96% общаго числа. Стипендіями, обязательными и необязательными, пользовались 465 студентовъ; пособія выданы были 25 студентамъ. Волнослушателей къ 1-му января 1879 года состояло 61, въ теченіе года поступило 83 (лицъ съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ и ветеринарныхъ помощниковъ 64, аптекарскихъ помощниковъ 19), къ 1-му января 1880 года оставалось 83.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета къ 1-му января 1880 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библиотекѣ имѣлось: книгъ 47,155 названій, 90,255 томовъ на сумму 229,704 руб., періодическихъ изданій 568 названій, 9,406 томовъ на сумму 55,100 руб., рукописей 194 тетради на 423 руб., картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 2,968 листовъ 3,046 экземпляровъ на 5,896 руб. Въ студентскомъ отдѣленіи библиотеки: книгъ 1,416 сочиненій, 2,176 томовъ на 3,855 руб., періодическихъ изданій 74 названія, 120 томовъ на 284 руб. Въ астрономическомъ кабинетѣ: книгъ 87 названій, 138 томовъ на 1,090 руб., инструментовъ и снарядовъ 162 нумера, 215 экземпляровъ на сумму 21,603 руб. Въ кабинетѣ практической механики: машинъ, моделей и другихъ предметовъ 128 номеровъ, 143 экземпляра на 6,401 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: инструментовъ, принадлежностей къ нимъ, посуды, мебели и проч. 615 номеровъ, 1,369 экземпляровъ на сумму 24,856 руб. Въ кабинетѣ физической географіи: инструментовъ, атласовъ, картъ и проч. 156 номеровъ на 3,841 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: аппаратовъ, снарядовъ, посуды, препаратовъ, реактивовъ и проч. 2,565 номеровъ, 10,451 экземпляръ на сумму 22,806 руб. Въ медицинскомъ отдѣленіи химической лабораторіи: приборовъ, инструментовъ и другихъ предметовъ 607 номеровъ, 1,322 экземпляра на 3,679 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ 565 названій на 405 руб., минераловъ, моделей, лабораторныхъ и кабинетныхъ принадлежностей 12,518 названій, 17,088 экземпляровъ на сумму 19,612 руб. Въ геологическомъ кабинетѣ: книгъ 115 названій, 193 тома на 1,735 руб., окаменѣлостей, горныхъ породъ, моделей, микроскопическихъ препаратовъ и проч. 5,342 названія, 13,668 эк-

земляровъ на 7,342 руб. Въ ботаническомъ саду: растений, деревьевъ, кустарниковъ, травъ, посуды и проч. 4,059 номеровъ, 25,145 экземпляровъ. Въ ботаническомъ кабинетѣ: книгъ 732 сочиненія на 5,458 руб., растений, моделей, препаратовъ и проч. 209 номеровъ, 63,210 экземпляровъ на 4,890 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и журналовъ 216 названій, 340 томовъ на 1,219 руб., предметовъ въ видѣ чучель, моделей, препаратовъ, приборовъ и проч. 5,038 номеровъ, 39,507 экземпляровъ на сумму 21,377 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и журналовъ 184 названія, 192 тома на 1,812 р., препаратовъ, моделей, приборовъ, посуды и проч. 1,793 номера, 2,969 экземпляровъ на 7,280 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: приборовъ, инструментовъ и другихъ вещей 382 номера, 660 экземпляровъ на 9,015 руб. Въ кабинетѣ общей патологіи: разныхъ предметовъ 72 номера, 468 экземпляровъ на 1,383 руб. Въ технологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: приборовъ, инструментовъ, моделей, препаратовъ и проч. 1,346 номеровъ, 7,157 экземпляровъ на сумму 12,763 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: приборовъ и другихъ принадлежностей 578 номеровъ, 2,681 экземпляръ на 5,443 руб. Въ музей физиологической анатоміи: книгъ 109 названій, 276 томовъ на 1,892 руб., препаратовъ, инструментовъ, микроскоповъ и проч. 908 номеровъ, 3,271 экземпляръ на 9,338 руб. Въ музей патологической анатоміи: книгъ 364 сочиненія, 5,277 томовъ на 2,130 руб., препаратовъ, конкрементовъ, слѣшковъ, посуды и проч. 168 номеровъ, 2,838 экземпляровъ на 9,681 руб. Въ гистологическомъ кабинетѣ: приборовъ, инструментовъ, моделей, препаратовъ и проч. 176 номеровъ, 558 экземпляровъ. Въ эмбриологическомъ кабинетѣ: инструментовъ и другихъ предметовъ 30 номеровъ, 1,667 экземпляровъ на 138 руб. Въ фармацевтической лабораторіи: книгъ 18 названій, 24 тома на 88 руб., приборовъ, инструментовъ, препаратовъ и проч. 169 номеровъ, 2,446 экземпляровъ на 1,361 руб. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: приборовъ, инструментовъ и другихъ предметовъ 102 номера, 541 экземпляръ на 376 руб. Въ хирургическомъ кабинетѣ: инструментовъ, машинъ, моделей и проч. 1,586 номеровъ, 2,405 экземпляровъ на сумму 17,016 руб. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ: аппаратовъ, инструментовъ и другихъ предметовъ 348 номеровъ, 465 экземпляровъ на 3,114 руб. Въ акушерскомъ кабинетѣ: книгъ и атласовъ 63 названія на 201 руб., аппаратовъ, мебели и другихъ принадлежностей 1,201 номеръ на 7,997 руб. Въ кабинетѣ терапевтиче-

ской клиники: книгъ 66 названій на 832 руб., аппаратовъ и инструментовъ 209 номеровъ на 3,857 руб. Въ кабинетъ электро-терапии: книгъ 161 названіе, 194 тома на 423 руб., снарядовъ и прочей движимости 269 номеровъ, 752 экземпляра на 3,393 руб. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: книгъ 20 названій, 133 тома на 292 руб., инструментовъ, препаратовъ и мебели 155 номеровъ, 535 экземпляровъ на 1,109 руб. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей: картинъ, слѣпковъ, акварелей, гравюръ, монетъ и медалей 1,728 номеровъ, 33,994 экземпляра на сумму 30,554 руб.

При Харьковскомъ университетѣ существуютъ четыре ученыя общества: а) общество испытателей природы, б) общество опытныхъ наукъ, в) историко-филологическое и г) математическое общества. Составъ и дѣятельность этихъ обществъ въ 1879 году представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Историко-филологическое общество къ 1 му января 1880 года состояло изъ 30 дѣйствительныхъ членовъ. Въ теченіе 1879 г. общество имѣло 6 засѣданій, на которыхъ восемь членовъ сдѣлали 16 сообщеній, именно: А. А. Потембнъ—„Темныя слова въ думѣ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова“, „О заимствованіяхъ изъ нѣмецкаго въ малорусскомъ“, „Старинные термины вить, витьскій, войскій, повѣтъ“, „О неизданномъ сочиненіи Г. С. Сковороды „Израильскій змій“, „Сербская пѣсня о Юрьѣ Давичичѣ въ связи съ пѣснями болгарскими и русскими“; М. С. Дриновъ—„Новыя данныя для славянской миеологии“ и „О коллекціи С. Верковича, особенно о русскомъ палимпсестѣ, найденномъ въ Македоніи“; А. С. Лебедевъ — „Отставные военные на монашескихъ порціяхъ въ монастыряхъ (отъ Петра до секуляризаціи монастырскихъ имуществъ при Екатеринѣ)“ и „Архіерей изъ Молдаванъ на Бѣлгородской епархіи (1742—1748)“; Г. М. Цѣхановецкій—„О книгѣ „Права“, по которой судится Малороссійскій народъ“, составленной въ 1743 году; Ю. И. Морозовъ—„О раскопкахъ въ Хорошевскомъ монастырѣ“ и „О бывшемъ Змиевскомъ Николаевскомъ монастырѣ“; А. И. Кирпичниковъ—„Воспоминаніе о С. М. Соловьевѣ, какъ о преподавателѣ“ и „О двухъ лицахъ въ Мертвыхъ душахъ Гоголя“; Н. Ѳ. Сумцовъ—„Два письма В. Н. Каразина“; П. С. Ефименко—„Объ архивѣ бывшей Малороссійской коллегіи“.

Общество испытателей природы къ 1-му января 1880 года состояло изъ 12-ти почетныхъ и 52-хъ дѣйствительныхъ членовъ и часть ССКІ, отд. 4.

48-ми сотрудниковъ. Въ теченіе 1879 года общество имѣло шесть засѣданій. Кромѣ изданія XII-го тома „Трудовъ“, членами общества въ теченіе года, представлено еще десять статей, имѣющихъ войти въ XIII-й томъ „Трудовъ“. Шести членамъ общества оказано было матеріальное содѣйствіе для научныхъ изслѣдованій. Члены общества: Ценковскій, Степановъ, Морозовъ, Зайкевичъ, Рейнгардтъ и Ярошевскій принимали участіе въ работахъ комиссіи, организованной при Харьковской губернской земской управѣ для изслѣдованія вопроса о хлѣбномъ жукѣ; протоколы засѣданій этой комиссіи, вмѣстѣ съ докладными записками поименованныхъ лицъ будутъ изданы губернской земскою управою. Особою комиссіей изъ трехъ членовъ составленъ отчетъ о десятилѣтней дѣятельности общества. Въ теченіе 1879 года общество обмѣнивалось изданіями или высылало только свои изданія 60-ти различнымъ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ, и приобрѣло восемь коллекцій различныхъ естественно-историческихъ предметовъ.

Общество опытныхъ наукъ состоитъ изъ двухъ секцій: физико-химической и медицинской. Физико-химическая секція состояла изъ 27-ми членовъ. Засѣданій было шесть, на которыхъ были сдѣланы 21 сообщеніе и 1 рефератъ. Сообщенія были слѣдующія: Н. И. Аплетеева—„О гальванопластическомъ осажденіи желѣза“; Н. Н. Бекетова—„О теплотѣ соединенія окиси натрія съ водою и кислородомъ“, „Объ опредѣленіи удѣльнаго вѣса пара по способу Мейера“, „О дѣйствиіи ангигрита угольной кислоты на безводную окись натрія“; Г. И. Лагермарка—„О синтезѣ тетроловой кислоты“, „Анализъ цинковой обманки съ Кавказа“. И. П. Осипова—„Анализъ воды рѣки Ворсклы“, „Опытъ полученія малеинового эфира“, „Объ эфирахъ фумаровой и малеиновой кислотъ“; Н. М. Флавицкаго—„О теплоемкости постоянныхъ газовъ“, „О найденномъ общемъ для газовъ и паровъ законѣ измѣненія теплоемкостей съ температурой“; А. Д. Чирикова—„Анализъ каменныхъ углей изъ Екатеринославской губерніи“, „Анализъ воды Карповскаго источника (въ г. Харьковѣ)“, „Общій планъ химическаго изслѣдованія каменныхъ углей“; „Анализъ воды изъ прудовъ Луговскаго и Кирѣевскаго по линіи Харьково-Николаевской желѣзной дороги“, „Анализъ сѣрно-кислаго хинина нечистаго“, „Анализъ воды желѣзнаго источника въ Екатеринославской губерніи“, „Анализъ каменныхъ углей изъ Сербиновскаго и Божедаровскаго рудниковъ“; А. А. Щербачева—„Объ уда-

леніи органическихъ веществъ изъ водъ рѣчныхъ и прудовыхъ по-
 мощію известковаго молока“; Г. Гольдштейна (посторонняго по-
 сѣтителя)—„О правильностяхъ въ температурахъ кнѣвнїа гомологи-
 ческихъ углеводовъ“, студентовъ Ширяева и Синакова —
 „Ислѣдованіе Харьковскаго свѣтлїаго газа относительно плотно-
 сти и свѣтлїости его“; студентъ Пильчиковъ представилъ рефе-
 рать „Объ изслѣдованїяхъ Крукса, относящихся къ четвертому со-
 стоянїю матерїа“. Медицинская секція общества имѣла шесть оче-
 редныхъ засѣданїй и одно экстренное. Въ эти семь засѣданїй сдѣ-
 лано было 19 сообщенїй и четыре демонстраціи опытовъ и препара-
 товъ. Сообщенїя сдѣланы слѣдующими лицами: докторомъ М. И. Ан-
 друсскимъ—„Судебно-психїатрической случай убїйства въ состоянїи
 скоропроходящаго помѣшательства“; М. А. Денисовымъ—„Обзоръ
 движенїя тифозныхъ больныхъ въ мѣстной губернской земской боль-
 ницѣ за 1878 годъ“; И. К. Зарубиннымъ—„Случай перелома осно-
 ванїя черепа съ благополучнымъ исходомъ“; докторомъ Калмыко-
 вымъ—„Случай колоссальной аневризмы безъимянной артерїи“; док-
 торомъ Ковалевскимъ—„Къ ученїю о галлюцинаціяхъ“, „Объ эпи-
 лептическомъ помѣшательствѣ“, „Демонстрированїе сфигмофона“, „О
 вѣсѣ тѣла у эпилептиковъ“; профессоромъ Тихоновичемъ — „Де-
 монстрированїе препаратовъ *chinini sulphurici* № 2“; докторомъ То-
 машевскимъ — „О санитарныхъ условїяхъ Харькова“; докторомъ
 Чугиннымъ—„Опредѣленїе дубильныхъ веществъ и зола въ черномъ
 чаѣ“; докторомъ Шилтовымъ — „Обзоръ успѣховъ ларингоскопїи и
 риноскопїи за 1878 годъ“, „Объ удаленїи инородныхъ искусственныхъ
 полипообразныхъ тѣлъ изъ гортани животныхъ“ и „Эксперименталь-
 ныя данныя относительно дѣйствїя камфоры въ воспаленїи слизистыхъ
 оболочекъ“; профессоромъ Якобіемъ—„О климатическихъ условїяхъ
 южнаго берега Крыма“, „О мѣрахъ противъ чумныхъ эпидемїй въ
 Астраханской губернїи“, „О методахъ изслѣдованїа испеченнаго
 хлѣба“, „О методахъ изслѣдованїа молока“ и „Объ анемометриче-
 скомъ вентиляторѣ“; докторомъ Ясинскимъ демонстрированъ пре-
 паратъ *cysteadenoma* праваго яичника и дѣланъ рефератъ о щипцахъ.
 Студентъ Очаковскїй реферировалъ свои экспериментальныя изслѣ-
 дованїа надъ пороками клапановъ сердца.

Математическое общество, учрежденное лишь въ 1879 году,
 открыто 8-го сентября и имѣло съ этого времени, то-есть въ теченїе
 перваго полугодїа академическаго года шесть засѣданїй, въ кото-

рыхъ членами его сдѣлаю 10 ученыхъ сообщеній. Къ концу 1879 года общество состояло изъ 21 члена, въ число которыхъ вошли всѣ профессора и преподаватели чистой и прикладной математики въ университетѣ и большая часть преподавателей математики и физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Харькова. Засѣданія общества были усердно посѣщаемы и студентами разрядовъ математическихъ и физико-математическихъ наукъ.

ФЕРЕЙСКІЕ ТИРАННЫ.

I.

Фессалія и Фессалійцы.

Фессалія въ древности, какъ и въ настоящее время (W. M. Leake, *Travels in Northern Greece*, IV Vol. London 1835, I, 437), превосходила всѣ прочія страны Греціи плодородіемъ своей почвы и многочисленностію населенія. Не смотря на эти преимущества, она не играла видной роли въ исторіи Греціи до начала четвертаго вѣка. Причину этого явленія надо искать, съ одной стороны, въ географическихъ условіяхъ, которыя, какъ во всѣхъ горныхъ странахъ, не способствовали ея объединенію, съ другой стороны, и въ томъ, что племена, ее обитавшія, были различнаго происхожденія.

Все населеніе Фессаліи состояло изъ господствующихъ и подчиненныхъ (ἄρχοντες ὑπήκοοι, Du Mesnil, *De rebus Thessalicis*, Berolini 1860, стр. 20). Господствующее племя носило имя Фессалійцевъ, и въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ они жили, жили также ихъ крѣпостные—Певесты, а въ прочей Фессаліи пребывали подчиненныя племена—Перребы, Магнеты, Ахейцы Фтіотійскіе, Малійцы, Долопы, Эніаны.

О происхожденіи Фессалійцевъ сохранились только преданія, на основаніи которыхъ почти всѣ писатели принимаютъ, что Фессалійцы—эеспротійское племя, пришедшее изъ Эпира и покорившее эолическо-ахейское населеніе Фессаліи. Такъ какъ завоеватели были не многочисленны и, какъ горцы, стояли по степени развитія ниже подчиненныхъ ими жителей долинъ, то неудивительно, что они переняли отъ послѣднихъ нравы, обычаи, словомъ, эллинизировались. Но уже Гротъ (*Grote, History of Greece*. XII Vol. London 1846—1857, II, 368)

указалъ на нѣкоторыя обстоятельства, свидѣтельствующія о неточности преданія о ѳеспротійскомъ происхожденіи собственно ѳессалійцевъ, а Буттманъ (Von den Aeuaden, Abh. der Berl. Akad. 1822, стр. 186) еще убѣдительно подтвердилъ, какъ слаба эта теорія, и построилъ новую, доказывающую, что ѳессалійцы съ незапамятныхъ временъ жили въ части ѳессаліи, носящей ихъ имя (Θασσαλιώτις), что они были родственнымъ племенемъ ѳеспротійцевъ, имѣли одинаковыя преданія съ ними, что вслѣдствіе этого произошла легенда объ ихъ эпирскомъ происхожденіи. Однако, мы не беремся входить въ подробности этихъ двухъ теорій, такъ какъ занимаемся исторіей лишь Ферейской тирании, а не всей ѳессаліи.

Къ этому племени собственныхъ ѳессалійцевъ принадлежала аристократія, славившаяся въ остальной Греціи своими богатствами и своею расточительностью. У ней было множество табуновъ лошадей, знаменитой во всей Элладѣ породы, и большія земельныя имѣнія. Эти земли обрабатывались крѣпостными, называемыми Пенестами. Изъ среды ѳессалійской знати особенно выдавался знаменитый родъ Алевадовъ, воспѣтый Пиндаромъ и Симонидомъ, родъ, который сохранилъ свои богатства и свою власть въ продолженіе всей греческой исторіи. Алевады гордились своимъ предкомъ, Геракломъ, такъ же какъ и царствующія фамиліи въ Спартѣ, и эта гераклидская генеалогія (какъ показываетъ на 179 стран. Буттманъ), идетъ черезъ эпонима націи ѳессала, который одно и то же лице, что ѳессалъ, сынъ Геракла, встрѣчаемый у Гомера (II, II, 679). Алевады владѣли Лариссою, другая вѣтвь ихъ дома властвовала въ Кранновѣ и называлась Сконадами по имени ихъ родоначальника Сконы, процвѣтавшаго въ VI вѣкѣ (Buttman). Наконецъ, мы встрѣчаемъ Алевадовъ и въ Фарсалѣ.

Происхожденіе Пенестовъ намъ плохо извѣстно. Весьма возможно, что они были потомки прежнихъ обитателей страны, Перребовъ и Магнетовъ, по словамъ ѳеопомпа, Пелазговъ, по мнѣнію Геродота, и Беотійцевъ изъ территоріи Арнейской, какъ утверждаетъ Архемахъ (Grote II, 371). Во всякомъ случаѣ, достоверно мы знаемъ, что они жили только тамъ, гдѣ жили собственно ѳессалійцы, то-есть въ провинціяхъ, называемыхъ Θασσαλιώτις и Πελασγιώτις, и что отношенія между ними и ѳессалійцами напоминаютъ отношенія между побѣдителями и побѣжденными. Они платили ѳессалійцамъ извѣстную долю дохода, получаемого отъ полей, и, взамѣнъ этого сбора, были ограждены отъ случайности быть проданными, какъ военно-плѣнные,

или какъ рабы внѣ предѣловъ Фессаліи. Ихъ защищали фессалійскіе ихъ господа, которыхъ они должны были сопровождать на войнѣ, подобно тому какъ средневѣковые вассалы сопровождали своихъ сюзереновъ. Положеніе Пенестовъ нельзя было назвать весьма тяжкимъ, ихъ личность была ограждена въ извѣстной степени, такъ, напримѣръ, никто не могъ убить Пенеста безъ причины (H. G. Plass. Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen II vol. Bremen 1852, I, 20); они не были лишены возможности приобрѣтать богатства: такъ, мы знаемъ, что были Пенесты богаче своихъ господъ. При всемъ этомъ ясно, что отсутствіе свободы все таки должно было быть имъ чувствительно: часто они претерпѣвали несправедливости, за которыя нельзя было добиться удовлетворенія отъ господъ; кромѣ того были весьма неблагоприятныя постановленія, раздражавшія безъ всякой пользы Пенестовъ. Такъ, мы знаемъ изъ Аристотеля (Politic. VII, II, 2), что Пенесты жили въ городахъ, въ особенныхъ кварталахъ, и что никто изъ Пенестовъ, не призванный, не смѣлъ пойти на площадь, называемую свободою Агорой. Блѣдствіе этихъ причинъ они часто возставали, хотя эти возстанія не приносили имъ никакого улучшенія въ ихъ положеніи. Если у нихъ нашелся бы даровитый вождь, то они могли бы сдѣлаться весьма опасными для Фессалійцевъ, такъ какъ составляли одинъ народъ съ общимъ языкомъ и вѣрованіями и къ тому же были вооружены. По вреду, какой они могли бы причинить Фессаліи, ихъ слѣдуетъ приравнять къ лакедемонскимъ илотамъ, которые вообще во многихъ отношеніяхъ имѣли сходство съ ними.

Въ остальной Фессаліи, гдѣ не жили собственно Фессалійцы съ ихъ Пенестами, мы видимъ племена, стоявшія въ зависимости отъ Фессалійцевъ, но не терявшія отъ этого нѣкоторыхъ правъ, свойственныхъ только самостоятельнымъ народамъ. Такъ Перребы, Магнеты, Ахейцы Фтіотійскіе, Малійцы и Долопы имѣли равное участіе и значеніе съ собственно Фессалійцами въ собраніяхъ Дельфійской амфиктіоніи. Подвластность этихъ племенъ Фессалійцамъ выражалась въ томъ, что они были обязаны платить имъ дань, чего часто и не дѣлали, и поставять на случай войны легко-вооруженныхъ воиновъ. Эту послѣднюю повинность имъ не трудно было нести, такъ какъ они всѣ умѣли отлично метать копье и были по этому пельтастами, кромѣ Малійцевъ, которые служили и какъ оплиты.

Намъ весьма мало извѣстно, какимъ образомъ управлялась Фессалія. Въ городахъ власть была въ рукахъ олигарховъ—аристократовъ, которые часто выбирали изъ своей среды династа (терминъ весьма

неясный), который одинъ правилъ городомъ. Олигархическое правленіе потому сохранилось до весьма поздняго времени, говорить Аристотель (Polit. V, 5, 7), что полнѣйшее согласіе было всегда между олигархами. Иногда во время беспорядковъ въ городахъ, когда народъ требовалъ переменъ въ способѣ управленія и участія въ немъ, то выбиралось, для примиренія партій, лицо, пользующееся довѣріемъ, и ему ввѣрялось войско для охраны города. Часто случалось, что такіе *ἄρχοντες μεσίοιοι* овладѣвали полною властью надъ тою и надъ другою партіею (Aristot. Polit. V, 5, 9). Ларисса, Фарсаль, Феры, каждая съ извѣстнымъ числомъ подчиненныхъ имъ городовъ, были постоянно раздираемы междусобіями, ослаблявшими ихъ въ отдѣльности, и Тессалию въ общемъ. Тогда, именно, подвластныя племена становились *de facto* совершенно свободными. Но во время необычайныхъ происшествій—войны или устройства сильной партіи въ Тессалии однимъ какимъ нибудь ловкимъ и честолюбивымъ человѣкомъ, — избирался тагосъ или главный начальникъ соединенныхъ силъ Тессалии, и тогда, если личность тагоса была достойна его власти, Тессалия становилась чрезвычайно сильною, какъ это мы увидимъ при Ясонѣ Ферейскомъ. Но это случалось довольно рѣдко и промежутки между тагосами весьма значительны. Такъ, во время Пелопоннесской войны не было тагоса, но думаютъ, хотя достовѣрно этого не знаетъ ни одинъ изъ авторовъ, что Скона III-й Краннонскій былъ избранъ въ тагосы.

Передавъ, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ положеніе Тессалии къ началу IV вѣка, мы изложимъ, прежде чѣмъ приступить къ исторіи Ферейскихъ тиранновъ, нѣсколько свѣдѣній о Ферахъ. Феры, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Эллады, упоминаемый у Гомера (II, II, v. 711), находится у Бойбейскаго озера, въ 15 верстахъ къ западу отъ Пагазъ, порта, находящагося на заливѣ, носящемъ его имя.

Феры называются теперь Велестино и по остаткамъ фундамента его стѣнъ можно судить о границахъ города, кромѣ только южной стороны, обращенной къ равнинѣ, гдѣ нельзя ихъ прослѣдить (Leake IV, 439). Съ сѣвера стѣны шли по хребту двухъ столообразныхъ возвышенностей, которымъ, можетъ быть, эта форма искусственно придана. Эти два возвышенія образуютъ какъ бы два бастиона, защищающіе врата, находящіяся между ними. Когда путешественникъ ѣдетъ изъ Лариссы въ эти ворота, то онъ видитъ только возвышенія со стѣнами на нихъ, но лишь только онъ вѣзжаетъ въ ворота, предъ нимъ сразу открывается весь городъ. Это, должно быть, великолѣпное зрѣлище, такъ какъ и теперь при жалкихъ лачужкахъ Велестино, оно

не лишено величія. На предгоріяхъ восточнаго бастіона, какъ въ древности, такъ и теперь находится въ срединѣ города Гиперейскій источникъ, воспѣтый Пивдаромъ (Puth. od. 4, 221) и Софокломъ (ар. schol. Pindar. l. c.). Гиперейскій источникъ даетъ начало ручью, по берегамъ котораго теперь находятся такіе же великолѣпные платаны, какъ и въ древности (Pouyb. XVIII, 3). Отъ зданій Ферейскихъ не осталось никакихъ развалинъ.

II.

Ликофронъ I-й Ферейскій.

Первымъ тиранномъ Ферейскимъ былъ Ликофронъ. Мы ничего не знаемъ ни о его молодости, ни объ его семействѣ, ни о томъ, какъ онъ достигъ власти въ Ферахъ. Первое упоминаніе о немъ мы встрѣчаемъ у Ксенофонта (Hell. II, 3, 4), который разказываетъ, что Ликофронъ, желая соединить всю Фессалію подъ свою власть, сразился съ своими противниками Ларнейцами и прочими Фессалійцами, въ большой битвѣ, происходившей около времени солнечнаго затмѣнія, 3-го сентября 404 г. (Ernst Curtius, Griechische Geschichte, III vol. Berlin 1878 г. III 779) ¹⁾. Кровопролитіе было ужасное, особенно пострадали наемныя войска Медія, династа Фарсальскаго. Таково было тогдашнее ожесточеніе партій, что Ликофронъ не предалъ землѣ тѣла своихъ враговъ, и они такъ долго лежали не погребенными, что, разказываютъ, всѣ вороны изъ остальной Греціи слетѣлись на эти поля. Въ Атикѣ и въ Пелопоннесѣ въ это время не осталось ни одного ворона (Arist. De Anim. Hist. IX, 31). Битва происходила у Фарсала, и хотя Ликофронъ и побѣдилъ своихъ враговъ, но не могъ сломить ихъ окончательно. Единственнымъ послѣдствіемъ этой битвы для Ликофрона было, вѣроятно, взятіе Фарсала. Во главѣ враговъ Ликофрона мы видимъ Лариссейцевъ. Ларисса была столицей Алева-

¹⁾ Arist. Histor. Anim. περί δι τούς χρόνους ἐν οἷς ἀπέλωτο οἱ Μυθίου ζῆνοι ἐν Φαρσάλῃ etc. Тутъ не говорится точнѣе о времени. Я вполне согласенъ съ Du Mesnil, который относитъ это мѣсто Аристотеля къ битвѣ 404 г. Буттманъ соглашается съ Шнейдеромъ (ad Xenoph.), относящимъ это мѣсто Аристотеля ко взятію Фарсала Медіемъ въ 395 г. Но противъ такого толкованія говорить смыслъ самаго мѣста, ибо къ чему Медій побѣдитель бросилъ бы тѣла своихъ наемниковъ на полѣ битвы не погребенными? Есть еще третье толкованіе этого мѣста: Курціусъ (III, 839) говоритъ, что Ликофронъ, послѣ побѣды Медія въ 394 г. и взятія имъ Фарсала, снова овладѣлъ Фарсаломъ и изгналъ тутъ наемниковъ. Ни на чемъ не основанное предположеніе не оправдывается послѣдующими фактами.

довъ, главнымъ центромъ аристократіи въ Фессаліи. Изъ этого мы можемъ судить о характерѣ оппозиціи, которую встрѣтилъ Ликофронъ своимъ планамъ. Если Фессалія объединилась бы подъ его властью, то отъ этого главнымъ образомъ пострадали бы интересы олигарховъ, управлявшихъ городами ессалійскими; Ликофронъ, для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей, вѣроятно, опирался на недовольныхъ аристократіей, то-есть, на низше дворянство и на пенестовъ.

Мы сказали выше, что битва 404 года, хотя и весьма кровопролитная, не была рѣшительною, и враги Ликофрона, потерявъ Фарсаль, все таки остались довольно сильными. Къ тому же у нихъ была иноземная помощь. Такъ, мы знаемъ, что Ариштиппъ Лариссейскій (Anabasis I, 1, 10) получилъ отъ Кира Младшаго шестимѣсячную плату для 4000 наемниковъ, для борьбы съ домашними врагами, то-есть, безъ сомнѣнія, для войны съ Ликофрономъ. Киръ далъ Ариштиппу эту помощь съ условіемъ не распускать наемниковъ, не давъ знать ему объ этомъ. Онъ дѣлалъ все это для того, чтобы незамѣтно имѣть наготовѣ войско: въ 401 году онъ взялъ отъ Ариштиппа его наемниковъ въ Азію.

Для Ликофрона такое ослабленіе противниковъ было весьма благоприятнымъ обстоятельствомъ, къ которому присоединилось вскорѣ еще и другое — именно упроченіе спартавскаго вліянія въ Фессаліи.

Лакедемоняне послали въ 399 году Гериппида въ Гераклею Трахинскую для усмиренія возстанія (Diod. XIV, 38). Прибывъ въ Гераклею, онъ созвалъ народное собраніе, окружилъ его войскомъ и убилъ около 500 человекъ (Polyaen. II, 21). Этимъ Гериппидъ положилъ конецъ возстанію, затѣмъ перешелъ въ Ойтайскую землю и началъ ее такъ сильно опустошать, что она обратилась въ пустыню; большинство жителей эмигрировало въ Фессалію, гдѣ они нашли убѣжище у враговъ Ликофрона. Этотъ фактъ уже указываетъ на то, что Спартавцы были въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нимъ, а можетъ быть и въ союзѣ. На эту мысль наводитъ тотъ фактъ, что въ 395 году мы видимъ спартавскій гарнизонъ въ Фарсалѣ. Весьма возможно, что Спартавцы помогли Ликофрону въ его борьбѣ съ олигархами ессалійскими, а за это содѣяніе Ликофронъ далъ имъ возможность поставить гарнизонъ въ Фарсалѣ. Но въ 395 году составилась коалиція изъ Фивъ, Афинъ, Коринва, Аргоса противъ Спарты и ея значеніе стало сильно падать. Въ Фессаліи узнали это враги Ликофрона и Медій, династія Лариссейскій, обратился къ совѣту Коринескому, прося у него помощи противъ Ликофрона (Diod. XIV, 82). Коринескій союзный совѣтъ послалъ Медію

2000 Беотійцевъ и Аргиванъ подъ предводительствомъ Исменія. Медій съ помощью этихъ войскъ взялъ Фарсаль, отнятый Ликофрономъ у него десять лѣтъ тому назадъ, и занятый теперь Лакедемонскимъ гарнизономъ. Подавъ эту помощь Медію, Исменій оставилъ его, взялъ Гераклею измѣною, перебилъ Лакедемонскій ея гарнизонъ, затѣмъ вернулъ изгнанныхъ Гериппидомъ Ойтійцевъ на ихъ родину, переманилъ Эніановъ и Азамановъ отъ Лакедемонскаго союза къ Коринтскому, — словомъ, уничтожилъ Лакедемонское вліяніе въ Фессаліи. Понятно, что послѣ этихъ обстоятельствъ положеніе Ликофрона сдѣлалось весьма шаткимъ, и я думаю, что въ этомъ же году или въ началѣ 394 онъ удалился въ изгнаніе, гдѣ и окончилъ жизнь свою. Вѣрность взгляда (раздѣляемаго Du Mesnil'емъ и Rospat'омъ) подтверждается слѣдующими соображеніями: послѣ 395 года ничего не упоминается о Ликофронѣ. Мало того, въ 395 г., когда Агезилай возвращался сухимъ путемъ изъ Азіи, то Ксенофонтъ не говоритъ ни слова о Ликофронѣ (Hell. IV 3, 4) ни о Ферейцахъ, а напротивъ, говоритъ, что союзники Беотійцевъ: Лариссейцы, Краннонцы, Скотусейцы и Фарсальцы и всѣ прочія Фессалійцы, за исключеніемъ бывшихъ тогда въ изгнаніи, были враждебны Агезилаю. Ясно, что тутъ изгнанники, хорошо расположенные къ Спартамцамъ, могли только обозначать Ликофрона и его приверженцевъ. Плутархъ, который могъ еще имѣть другіе источники, кромѣ Ксенофонта, также ничего не говоритъ о Феряхъ и ихъ тираннѣ и изъ его разказа слѣдуетъ, что Фессалія вся принадлежала аристократической партіи (Plut. Agesil. c. 16).

И такъ, Ликофрону не удалось довести до конца начатое имъ дѣло, — объединеніе всей Фессаліи подъ своею властью и освобожденіе низшихъ классовъ Фессалійцевъ отъ гнета аристократіи. Онъ былъ изгнанъ изъ Феръ и не было тамъ тиранна около 15 лѣтъ, пока не появился Ясонъ.

III.

Ясонъ Ферейскій.

Первое упоминаніе о Ясонѣ находится у Діодора (XV, 30) подъ 377 годомъ. Онъ названъ тамъ Ἰάσων ὁ Φεραῖος. Затѣмъ, послѣ

1) I. Rospat. Der Kampf der Fürsten von Larissa und Pherae um die Herrschaft in Thessalien. Museum des Rheinisch. Westphälischen Schulmännervereins Arnberg. 1848.

битвы при Левктрахъ, о немъ говоритъ Діодоръ и называетъ уже его тиранномъ Ферейскимъ, а власть его быстро и постоянно возрастающею (XV, 57). Ксенофонтъ влагаетъ въ уста Ясона слѣдующія слова: „большинство большихъ городовъ Фессалии я самъ покорилъ“ (Hell. VI 1, 5).

На основаніи всѣхъ этихъ мѣстъ, я думаю, что Ясонъ не получилъ отъ Ликофрона никакого политическаго наслѣдства, кромѣ, быть можетъ, партіи въ Ферахъ. Фактъ, что Ясонъ самъ создалъ свою власть, а не получилъ ее отъ Ликофрона, доказываетъ также принятое нами предположеніе, что Ликофронъ умеръ не тиранномъ. Ясонъ не получилъ наслѣдства отъ Ликофрона, къ тому же онъ не имѣлъ никакого права на это. Прежде думали, что Ясонъ сынъ Ликофрона; Лахманъ ¹⁾ выдаетъ это за дѣйствительный фактъ (I, 287). Однако этого нигдѣ у древнихъ авторовъ не видно, это просто догадка Ваксмута (I, 2, стр. 327), основанная на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Ясонъ говоритъ: ταῦτα ἐγὼ προθύμομαι εἰσαίαι ὑμᾶς βουλόμενος διὰ τὴν τοῦ πατρὸς φιλίαν πρὸς ὑμᾶς καὶ διὰ τὸ προξενεῖν ὑμῶν (Hell. VI, 4, 24). 2) Сынъ Ясона носитъ имя Ликофрона. Противъ этихъ двухъ пунктовъ выступаетъ Пале ²⁾, весьма обстоятельно доказывающій ихъ шаткость. Впервыхъ, надо замѣтить, что дѣлать заключенія изъ такого общаго мѣста, какъ ἡ τοῦ πατρὸς φιλία, невозможно. Ликофронъ былъ другомъ Македонянамъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что у нихъ въ Фессалии и даже въ Ферахъ не могло быть другихъ друзей и знатныхъ и богатыхъ. Равнымъ образомъ ничего не слѣдуетъ изъ того, что авторы не упоминаютъ объ отцѣ Ясона и о его дружбѣ съ Лакедемонянами. Вѣдь мы также ничего не знаемъ о сношеніяхъ Ясона съ Лакедемонянами, вѣроятно, существовавшихъ между ними, такъ какъ онъ называетъ себя ихъ проксеномъ. Второе доказательство, догадка, что Ясонъ былъ сынъ Ликофрона, также легко опровергается, какъ и первая. Сынъ Ясона, говоритъ Ваксмутъ ³⁾, называется Ликофрономъ и это указываетъ, что имя ему

¹⁾ K. H. Lachmann, Geschichte Griechenlands von der Ende des Peloponnesischen Krieges bis zu dem Regierungszeit Alexander des Grossen, II vol., Leipzig, 1854.

²⁾ F. Pahlé, Zur Geschichte der Pheräischen Tyrannis. Jahrbücher für Classische Philologie, herausgegeben von A. F. Fleckeisen. Leipzig 1866.

³⁾ Wachsmuth, Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates, II vol. 1826—1830. Halle.

дано въ честь дѣда. Это, разумѣется, возможно, но также бываетъ, что ребенку дается имя въ честь другаго члена семьи, кромѣ дѣда, особенно, когда въ семействѣ есть замѣчательный человѣкъ. Наконецъ, по имени извѣстнаго человѣка могутъ называться дѣти, не стоящія въ родственныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Все это показываетъ шаткость втораго доказательства. Но что еще важнѣе, Ликофронъ не былъ сыномъ Ясона. У древнихъ авторовъ нигдѣ не сказано, что Тисифонъ, Ликофронъ и Писолай были сыновьями Ясона. Вездѣ о нихъ говорится, что они братья Эивы, дочери Ясона; изъ этого уже ясно, что они были только пасынки Ясона. Это предположеніе подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ Фотія: Θήβη δ' ἦν Ἰάσονος μὲν θυγάτηρ... ἀδελφοὺς δ' εἶχε τρεῖς Τισίφρονον Λοκόφρονα καὶ Πυθόλαον ὁμήριοι ἦσαν πατὴρ δ' αὐτῶν Εὐάλχης ἦν (Photii Biblioth, Κορονος διηγήσ. 186). Исократъ въ своемъ письмѣ „къ дѣтямъ Ясона“, отвѣчаетъ на ихъ приглашеніе прибыть къ нимъ въ Фессалію и говорить: ἐγὼ δ' ἕνεκα Ἰάσονος καὶ Πολυάλχου ξενίας ἡδέως ἂν ἀφικοίμην ὡς ὑμᾶς. Трудно въ этомъ мѣстѣ подыскать для Πολυάλχης другое значеніе, кромѣ отца этихъ трехъ братьевъ. Пале доказываетъ это испорченностью рукописей. Въ вышеприведенномъ отрывкѣ Фотія находится имя Εὐάλχης. Однако, это имя въ рукописи читается εὐλαβῆς. Такъ какъ на этомъ мѣстѣ оно не имѣетъ ровно никакого смысла, то Иммануэль Беккеръ, издавшій Фотія (Berolini 1824), подставилъ вмѣсто εὐλαβῆς ἐνάλχης, доказавъ, что слоги λαβῆς чрезъ искаженія переписчиковъ получились изъ первоначальныхъ алχης. Пале думаетъ, что въ первоначальной рукописи стояло πολυάλχης, затѣмъ оно исказилось въ πολυλαβῆς, слово, не встрѣчающееся ни въ существительныхъ, ни въ прилагательныхъ; тогда какой-нибудь изъ переписчиковъ и поставилъ вмѣсто несуществующаго πολυλαβῆς существующее, но на этомъ мѣстѣ не имѣющее смысла εὐλαβῆς. Съ помощью этой догадки, мы узнаемъ, что отецъ трехъ братьевъ Эивы называется Полиалкъ. Онъ умеръ вѣроятно около 379 года, можетъ быть, и въ 378 г., что видно изъ лѣтъ Эивы и ея братьевъ. Во время смерти Александра Ферейскаго въ 359 или въ 358 году они были νεανίσκοι (Plut. Pelop. с. 35), что вполне согласно съ нашимъ расчетомъ, по которому младшему приходилось около 20 лѣтъ. Что касается возраста Эивы, то мы знаемъ по одному источнику, что Александръ хотѣлъ удалить ее отъ себя, такъ какъ онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей. Вѣроятно, онъ принялъ это рѣшеніе послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ожиданій; отъ двухъ до четырехъ лѣтъ могъ онъ дожидаться, такъ какъ бракъ

обыкновенно заключался, когда невѣстѣ было 15 лѣтъ. И такъ, Ясонъ въ 37⁹/₈ году женился на вдовѣ, имѣвшей трехъ сыновей, изъ коихъ одинъ называется Ликофрономъ. Около того же времени, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, его власть начинаетъ сильно и быстро возрастать и готовится осуществленіе мечты Ликофрона, именно, объединеніе Фессаліи подъ одною властью, сосредоточенной въ рукахъ Ферейскаго тиранна. Всѣ эти факты даютъ намъ право сдѣлать конъектуру, что Ясонъ женился на дочери Ликофрона. Тогда можно возсоздать въ воображеніи событія, предшествовавшія возвышенію Ясона. Питая честолюбивые планы, оправдываемые и его замѣчательными талантами и происхожденіемъ изъ богатаго и вліятельнаго рода, Ясонъ женился на дочери Ликофрона и приобрѣлъ вслѣдствіе этого обширныя связи политическія, такъ какъ низшее дворянство и пенесть, безъ сомнѣнія, помнили Ликофрона ¹⁾).

Повторяя все вышесказанное, нѣтъ основанія считать Ясона сыномъ Ликофрона, а гораздо правдоподобнѣе, что онъ женился на его дочери. Намъ остается еще, прежде чѣмъ приступить къ самой исторіи Ясона, опровергнуть мнѣніе Пале, что Ясонъ выступилъ на политическую арену въ 406 году, а не въ 380—77 годахъ, какъ мы это сказали (доводы Пале схожи съ доводами Леонарда Гамминга ²⁾), специально изучившаго исторію Ясона). Ксенофонтъ передаетъ въ своей исторіи, что Фессалиецъ Промеоей помогалъ Критію возмущать пенестовъ (Hell II, 3, 36). Съ этимъ Промеоеемъ случилось слѣдующее происшествіе: у него былъ нарывъ такой опасный и злокачественный, что, не поддаваясь лѣченію, онъ, по словамъ врачей, долженъ былъ причинить ему смерть. Но къ счастью для него врагъ Промеоея, желая его убить, нанесъ ему такой сильный и вѣстѣ съ тѣмъ удачный ударъ, что нарывъ истекъ и жизнь Промеоея была спасена (Plut. De car. ex hostib. util. § 89. Seneca de Benefic. II, 19 разказываетъ тотъ же случай, не называя тиранна). Этотъ самый анекдотъ разказывается другими авторами о Ясонѣ Ферейскомъ (Cicero de natura deor.

¹⁾ Мы сказали, что Ясонъ женился по расчету, но это не должно казаться предосудительнымъ, вслѣдствіе того, что это былъ обычный способъ заключенія браковъ въ Греціи. Затворничество дѣвушекъ не давало возможности знакомиться молодымъ людямъ до брака. Съ другой стороны бракъ не налагалъ на мужа никакихъ обязательствъ въ вѣрности своей женѣ (Ваксмутъ II, 386).

²⁾ Leonard Hamling, De Iasone Pherarum tyranno. Trajecti ad Rhenum 1828. Приведенныя мною мѣста изъ этой книги цитованы со словъ Ливингера, такъ какъ мнѣ не удалось достать самой книги.

III, 28; Valer. Maxim. I, 8 et 6 Plinius VII, 51) ¹⁾. На основаніи этого совпаденія, Пале догадывается, что Ясонъ и Промееей одно и то же лице, и догадкою этою объясняетъ отношенія Ясона къ Ликофрону, даже опредѣляетъ, что Ясону въ годъ его смерти, то-есть въ 370 г., было отъ 56—60 лѣтъ. Но именно это заключеніе о возрастѣ Ясона главнымъ образомъ служитъ опроверженіемъ означенной догадки. Изъ того, что тотъ же анекдотъ приписывается разными авторами двумъ лицамъ, нельзя еще заключать объ ихъ тождествѣ, особенно, когда плодомъ отождествленія является анахронизмъ. Мнѣ кажется, что невозможно давать Ясону 60 лѣтъ, когда мы знаемъ его предприимчивость, искавшюю все новыхъ и труднѣйшихъ предпріятій, и его неутомимую физическую дѣятельность. Положимъ, бывають примѣры большой физической силы въ эти годы; мы знаемъ, что Марій семидесяти лѣтъ отъ роду состязался съ юношами въ гимнастическихкихъ упражненіяхъ на Марсовомъ полѣ (Plut. Marius, с. 34), но врядъ ли Ясонъ въ своей рѣчи къ Полидаманту могъ въ такомъ случаѣ выставить себя образцомъ для своихъ наемниковъ въ отношеніи возраста и силы. Онъ говоритъ: τὰ μὲν ἂν τῶν πόλεων κρατούματα τοὺς μὲν προελθούτους ἤδη ταῖς ἡλικίαις ἔχει, τοὺς δ' ὀψω ἀκμάζοντας, σφρασχοῦσιν γὰρ μὲν μάλα ὀλίγοι τινὲς ἐν ἑκάστῃ πόλει, παρ' ἐμοὶ δὲ οὐδαὶς μισθοφορεῖ, ὅστις μὴ ἰκανὸς ἐστὶν ἴσα πολεῖν ἐμοὶ (Hell. VI, 1, 5).

Къ этимъ возраженіямъ Либингеръ (стр. 36) ²⁾ прибавляетъ еще одно: если Ясонъ дѣйствовалъ уже въ 406 г., то неужели можно допустить, зная его неутомимую энергію и дѣятельность послѣ 377

¹⁾ Либингеръ и Пале приписываютъ эту догадку Виттенбаху. Но они введены имъ въ заблужденіе. Онъ говоритъ «nascitur conjectura», то-есть вѣроятно въ его головѣ, а на дѣлѣ выходитъ другое. Виттенбахъ издавъ *Moralia Plutarchi* въ 1795—1802, А. Рейске издавъ VI томъ Плутарха въ 1777 г. и привод. къ нашему мѣсту примѣчаніе Ксиландера, издавшаго *Moralia* въ 1561—1570 гг. *Prometheum* nunc a Plutarcho vix dici credo, cum et alii et Cicero Iasonem vocent Phrygaem. Стало бытъ, честь этой догадки принадлежитъ Ксиландеру, а не Виттенбаху, пользовавшемуся его переводомъ и примѣчаніями. У меня не было первоначальнаго изданія Ксиландера, а только *Plutarchi Chaer. omnia ed. Ioannes Rualdius Lutetiae 1624.*

²⁾ Либингеръ впадаетъ въ забавный анахронизмъ, говоря на 35 страницѣ: *admirandum esset, si Theramenes Iasonem brevi Prometheum nominaret neque ullo modo quam illustrem virum dicere vellet, significaret.* Отраженъ умеръ въ 404 году, а Ясонъ былъ извѣстенъ въ 375—370 году. Либингеръ вѣроятно хотѣлъ сказать, что удивительно, что Ксенофонтъ, приводя или лучше, сочиняя эту рѣчь, ничего не сказалъ о дальнѣйшихъ судьбахъ этого Промееей.

года, что онъ около 30-ти лѣтъ бездѣйствовалъ. Мы знаемъ вполнѣ достоверно, что Ясонъ въ концѣ 80-хъ годовъ IV вѣка не имѣлъ никакого вліянія, не только въ Фессаліи, но даже и въ Ферахъ, иначе—какъ допустить, что авторы ничего не упоминаютъ о немъ, когда разказываютъ о проходѣ Спартанскихъ войскъ чрезъ Фессалію: въ 383 году прошелъ Евдамидъ, посланный къ Олинеу, затѣмъ Телевтіи въ 382, Агезиполидъ въ 381 году.

Мы не встрѣчаемъ у авторовъ имени Ясона раньше 377 года по очень простой причинѣ: онъ сдѣлался тиранномъ только въ 378 году или около того. Въ 379 году произошло освобожденіе Фивъ отъ спартанскаго гарнизона и началось паденіе Спарты и ея вліянія на эллинскія дѣла. Это обстоятельство, конечно, было благопріятно для возвышенія Ясона, врага Спартанцевъ, какъ мы это увидимъ ниже.

Для насъ теперь ясно, что Ясонъ сталъ тиранномъ около 378 года; въ этомъ убѣждаютъ насъ молчаніе авторовъ объ его прежней дѣятельности и, наконецъ, два обстоятельства, способствовавшія безъ сомнѣнія, его возвышенію и случившіяся въ это время: женитьба Ясона на дочери Ликофрона и паденіе спартанскаго вліянія.

Въ 377 году Ясонъ способствовалъ какому-то Неогену стать тиранномъ въ Гистіеѣ (Diod. XIV, 30) при слѣдующихъ обстоятельствахъ: у Фиванцевъ въ этомъ году случился голодъ, вслѣдствіе того, что они два года не могли собрать жатвы, уничтоженной врагами (Hell. V, 4, 56). Они послали въ Пагазы двѣ тріеры закупить хлѣба на десять талантовъ. Когда эти тріеры, нагруженные купленнымъ хлѣбомъ, возвращались, то были захвачены Алкетомъ, начальникомъ Лакедемонскаго гарнизона въ Гистіеѣ. Забравъ ихъ, онъ заключилъ въ оковы экипажъ, численность коего доходила до 300 человекъ, и помѣстилъ ихъ въ замкъ. Но плѣнные, замѣтивъ небрежное отношеніе къ своему дѣлу Алкета, возстали во время одной изъ его частыхъ отлучекъ и завладѣли замкомъ. Видя сочувствіе народа къ Фиванцамъ, овладѣвшимъ замкомъ, Лакедемоняне удалились, а въ Гистіеѣ, съ помощью Ясона, сдѣлался тиранномъ Неогенъ. Однако, его правленіе не долго продолжалось, такъ какъ онъ своею жестокостію возбудилъ ненависть жителей. Лакедемоняне воспользовались этимъ настроеніемъ гражданъ и послали къ нимъ Фериппида, который, прогнавъ тиранна, снова привлекъ на сторону Спарты симпатіи Гистіенъ.

Изъ этихъ событій видно, что если Фиванцы покупали хлѣбъ въ Пагазахъ, Ферейской гавани, то могли дѣлать это только съ согласія Ферейскаго тиранна. Такимъ образомъ, Ясонъ находился въ

хорошихъ отношеніяхъ съ Эиванцами и дѣйствовалъ противъ Лакедемонянъ, враговъ Эиванцевъ, то-есть произошла перемѣна въ группировкѣ союзниковъ. Во времена Ликофрона Спартанцы были его друзьями и союзниками, Эиванцы же и аристократическая партія Тессалійская — ихъ противниками. Молчаніе авторовъ о Тессалійскихъ дѣлахъ между 394 и 377 годами заставляетъ насъ снова обратиться къ соображеніямъ и догадкамъ для объясненія этой перемѣны. Въ концѣ 395 года или началѣ 394, Ликофронъ былъ изгнанъ изъ Феръ и вслѣдъ за тѣмъ Алевады и вообще олигархическая партія усилилась и приобрѣла во всей Тессаліи власть, которую она дала почувствовать Агезилаю въ 394 году. Затѣмъ, когда Лакедемонянамъ случалось опять проходить по Тессаліи въ 383—381 годахъ, то они, будучи не въ состояніи мстить олигархической партіи за ея враждебность къ Агезилаю, предали забвенію этотъ фактъ и заключили дружбу, а можетъ быть и союзъ съ нею. Олигархи охотно склонились къ этому, съ одной стороны потому, что лакедемонскія дѣла шли тогда весьма хорошо, съ другой потому, что они, вѣроятно, предчувствовали возвышеніе противной имъ народной партіи въ Тессаліи и восстановленіе Ферейской тиранніи Ясономъ. Не смотря на означенный союзъ, олигархи вскорѣ были побиты Ясономъ, такъ какъ мы видѣли, что онъ достигъ власти около 378 года, и, благодаря его необыкновеннымъ военнымъ и государственнымъ талантамъ, его власть стала быстро распространяться; въ 374 году ему оставалось покорить только Фарсаль. Прежде чѣмъ приступить ко взятію города открытою силою, онъ началъ переговоры съ Полидамантомъ, чтобы склонить его къ союзу безъ пролитія крови.

Полидамантъ былъ человекъ весьма вліятельный не только въ Фарсаль, но и во всей Тессаліи (Hell. VI, 1, 2, 3). Онъ, вѣроятно, принадлежалъ къ знатному роду Алевадовъ (см. Buttman'a); всѣ Фарсальцы безъ различія партій почитали его такъ, что во время смутъ выбрали его единодушно для управленія городомъ и передали ему и крѣпость и финансовое управленіе. Когда оказывался дефицитъ въ бюджетѣ, Полидамантъ покрывалъ его взносомъ собственныхъ денегъ; въ концѣ каждаго года онъ отдавалъ отчетъ въ расходахъ. Всѣ были имъ довольны, такъ какъ онъ былъ весьма гостеприимнымъ человекомъ и имѣлъ широкую натуру, свойственную Тессалійцамъ.

Ясонъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Полидамантъ, я могу взять Фарсаль открытою силою, ты въ этомъ убѣдишься изъ

моихъ словъ. Въ союзѣ со мною большинство главныхъ городовъ Фессалии, и я ихъ отторгнулъ отъ вашего союза, не смотря на ваше сопротивленіе. Ты знаешь, что у меня 6,000 наемниковъ, съ которыми, по моему мнѣнію, ни одинъ городъ не можетъ помѣряться. Иной городъ, пожалуй, и выставитъ равное число воиновъ, но изъ нихъ многіе будутъ слишкомъ стары, другіе слишкомъ молоды.

„Къ тому же въ каждомъ городѣ число гражданъ, развивающихъ свои силы упражненіемъ, весьма ограничено. У меня же нѣтъ такого наемника, который не могъ бы перенести равныхъ мнѣ трудовъ“. Затѣмъ Ясонъ перечислилъ Полидаманту своихъ союзниковъ, въ числѣ которыхъ были Домены, Марани и Алкетъ, царь или князь Эпирскій. „Съ такими силами, чего мнѣ бояться“ продолжалъ онъ, „неужели и не въ правѣ думать, что легко одержу побѣду надъ вами. Быть можетъ, кто-нибудь, не знающій меня, спросилъ бы, почему я медлю напасть на Фарсаль. Потому, отвѣтилъ бы я ему, что для меня гораздо лучше, если вы перейдете на мою сторону по доброй волѣ, а не насильно. Если вы перейдете на мою сторону по убѣжденію, то, понятно, мы оба будемъ стараться по возможности работать для нашего взаимнаго возвышенія. Въ противномъ случаѣ, вы будете стараться мнѣ вредить, а я буду стараться ослаблять васъ. Я знаю, Полидамантъ, что твое отечество ожидаетъ твоего рѣшенія, чтобы послѣдовать твоему примѣру; если ты расположишь своихъ согражданъ ко мнѣ, то я обещаю сдѣлать тебя сильнѣйшимъ человѣкомъ въ Элладѣ послѣ меня. Выслушай, при какихъ обстоятельствахъ это все случится и правдоподобно ли все это. Если Фарсаль и города, зависящіе отъ васъ, перейдутъ на мою сторону, то я легко буду выбранъ въ тагосы, а когда въ Фессалии является тагосъ (βασις ταγούτων Фетталія), то ея силы доходятъ до 6,000 всадниковъ и болѣе 10,000 оплитовъ. Съ такими силами, зная физическія и нравственныя качества Фессалійцевъ, я не думаю, чтобы при хорошемъ управленіи, имъ слѣдовало быть въ зависимости отъ какого бы то ни было народа. Фессалия и сама весьма обширна, но когда въ ней назначается тагосъ, то всѣ окружающіе ее народы подчинены ей. Почти всѣ они вооружены дротиками, такъ что весьма вѣроятно, что наше войско будетъ превосходить всѣ прочія числомъ пельтастовъ. Въ союзѣ со мною Беотійцы и всѣ прочіе враги Лакедемонянъ, и я думаю, что они подчинятся мнѣ, если только я ихъ освобожу отъ Лакедемонянъ. Я хорошо знаю, что и Аѳиняне будутъ всѣми силами добиваться нашей дружбы, которой

я, однако, имъ не дамъ, такъ какъ я считаю, что еще гораздо легче намъ достигнуть гегемоніи на морѣ, чѣмъ на сушѣ. Въ подтвержденіе моего взгляда, выслушай слѣдующее: захвативъ Македонію, откуда и Аѳиняне берутъ строевой лѣсъ, мы будемъ въ состояніи строить гораздо больше кораблей, чѣмъ они. Составить экипажъ для этого флота намъ, имѣющимъ столько пенестовъ, будетъ гораздо легче, чѣмъ Аѳинянамъ; дешевле будетъ и содержаніе этого экипажа, такъ какъ мы вывозимъ изъ нашей страны избытокъ хлѣба, а Аѳиняне покупаютъ его за границей даже для собственныхъ гражданъ. Мы будемъ обладать большими богатствами, чѣмъ они, такъ какъ Аѳиняне пользуются доходами съ ничтожныхъ острововъ, а мы будемъ получать дань съ народовъ, живущихъ на материкѣ, ибо когда въ Фессалии тагось, то всѣ народы, живущіе кругомъ ея, платятъ ей дань. Ты, конечно, знаешь, что царь персидскій—самый богатый изъ смертныхъ вслѣдствіе того, что онъ пользуется доходами не съ островитянъ, а съ жителей материка. Я думаю, что сдѣлать его подвластнымъ намъ, легче, чѣмъ покорить Элладу, такъ какъ всѣ тамошніе люди, кромѣ одного, болѣе думаютъ о рабскомъ подчиненіи, чѣмъ о храбрости. Я знаю, что царь персидскій былъ поставленъ въ безвыходное положеніе ничтожными силами Кира и Агезилая“¹⁾).

Такова была рѣчь, съ которою Ясонъ обратился къ Полидаманту, чтобы склонить его перейти на его сторону и убѣдить Фарсальцевъ сдѣлать то же. Полидамантъ былъ пораженъ дальновидностью своего противника и плѣненъ заманчивостью его предложеній. Онъ былъ готовъ перейти на его сторону, но голосъ совѣсти удержалъ его отъ этого поступка. Лакедемоняне находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нимъ и съ его партіей, то-есть съ высшею аристократіей, и ему было совѣстно перейти къ ихъ врагамъ, не имѣя повода жаловаться на нихъ. Какъ человѣкъ честный и прямодушный, Полидамантъ высказалъ все это Ясону, который похвалилъ его за эту вѣрность союзникамъ и прибавилъ, что теперь, когда онъ узналъ Полидаманта съ такой выгодной для него стороны, ему еще болѣе хочется сдѣлаться его другомъ. Онъ предложилъ Полидаманту съѣздить въ Спарту за помощью, но прибавилъ, что въ случаѣ, если Фарсальцы не перейдутъ добровольно на его сторону, онъ принудитъ

¹⁾ Въ этой рѣчи Ясонъ постоянно говоритъ «вы, ваше»; я думаю, что множественное число относится вообще къ олигархамъ Фессалии.

ихъ къ тому силою. „Если Лакедемоняне дадутъ тебѣ достаточно войска, чтобы сразиться со мною, то испытаемъ счастье въ сраженіи. Если же они тебѣ не дадутъ достаточной помощи, то неужели ты поступишь противъ блага твоего отечества, которое тебя любитъ и которому ты такъ отлично служишь“.

Прибывъ въ Спарту, Полидамантъ напомнилъ Лакедемонянамъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе обращаться къ нимъ за совѣтомъ и помощью, когда находятся въ затруднительномъ положеніи, и доносить имъ, когда дѣла ессалійскія принимали неблагоприятный для нихъ оборотъ. Онъ оказывалъ имъ и другія еще услуги, такъ какъ онъ и, съ давнихъ поръ, его предки были лакедемонскими проксенами. Затѣмъ довольно подробно передавши рѣчь Ясона, онъ началъ сообщать имъ свѣдѣнія о своемъ противникѣ¹⁾. „Будучи отъ природы весьма силенъ, онъ очень трудолюбивъ и каждый день онъ упражненіемъ развиваетъ свои силы. Онъ постоянно въ полномъ вооруженіи присутствуетъ при упражненіяхъ своихъ войскъ и никогда никакія развлечения не отрываютъ его отъ дѣла. Относительно чувственныхъ наслажденій—онъ самый воздержный человекъ изъ всѣхъ, которыхъ я знаю. Онъ увольняетъ отъ службы тѣхъ изъ своихъ наемниковъ, которыхъ считаетъ избѣженными, а тѣхъ, которые на войнѣ съ охотою переносятъ труды и опасности, онъ награждаетъ двойнымъ, тройнымъ и даже четвернымъ жалованьемъ. Кромѣ того, онъ даетъ своимъ наемникамъ и другіе подарки; лечитъ ихъ отъ болѣзней, и чествуетъ пышными похоронами послѣ смерти, такъ что они знаютъ, что на его службѣ военная доблесть доставляетъ самую почетную и роскошную жизнь“. Описавъ такими словами Ясона, Полидамантъ высказалъ Спартицамъ свое мнѣніе о размѣрахъ помощи, въ которой нуждался. Ему не надо какихъ-нибудь неодамодовъ подъ командою простаго гражданина; въ такомъ случаѣ онъ совѣтуетъ имъ лучше не беспокоиться и оставаться дома. Вспомогательное войско должно быть многочисленно и сильно. Въ такомъ случаѣ, города вѣроятно отложатся отъ Ясона, такъ какъ всѣ со страхомъ недоумѣваютъ, до какихъ предѣловъ будетъ увеличиваться его власть. „Надо вамъ знать“, продолжалъ Полидамантъ, „что придется вести войну съ такимъ расчетливымъ полководцемъ, который рѣдко ошибается, намѣревается ли онъ скрыть свой планъ, или предупредить своего врага,

¹⁾ Изъ этихъ словъ Полидаманты можно видѣть обязанности проксена. Вакумъ цитуетъ это мѣсто, говоря о проксенахъ, I, 169.

или открыто на него напасть. Онъ умѣетъ одинаково пользоваться и днемъ, и ночью, а когда торопится, то разъ съѣвши что-нибудь, довольствуется этимъ, какъ обѣдомъ и ужиномъ. Онъ думаетъ, что слѣдуетъ отдыхать, достигнувъ цѣли, и его наемники привыкли къ этому, и онъ умѣетъ исполнять ихъ желанія, когда ими доволенъ. Они знаютъ хорошо, что трудами у него достигаются наслажденія“. Представивъ въ такихъ словахъ положеніе дѣлъ въ Фессалии, Полидамантъ спросилъ Лакедемонянъ, что они намѣрены дѣлать? Три дня провели они въ раздумьѣ, пересчитали сколько у нихъ отрядовъ (μῦραι) за границей, сколько надо имѣть ихъ около Спарты для защиты отъ аѳинскихъ тріаръ, сколько наконецъ, для войны съ сосѣдями, и отвѣтили, что не могутъ дать достаточной помощи, а совѣтуютъ ему, возвратившись въ Фарсаль, поступить сообразно съ интересами его родины.

Полидамантъ, похваливъ простоту Спарты (говорить Ксенофонтъ), вернулся въ Фарсаль и теперь, чувствуя себя свободнымъ отъ своихъ обязательствъ, перешелъ на сторону Ясона. Но ему было весьма неприятно впускать чужой гарнизонъ въ Фарсальскій акрополь, который былъ ему порученъ для охраны. Поэтому онъ выпросилъ себѣ у Ясона право по прежнему занимать крѣпость и отдалъ Ясону, въ залогъ своей вѣрности, своихъ дѣтей. Вслѣдъ за этимъ онъ убѣдилъ Фарсаль перейти на сторону Ясона, который, благодаря вліянію Полидаманта, былъ единодушно избранъ Фессалійцами тагосомъ.

Описание Ксенофонтомъ свиданія Ясона съ Полидамантомъ и пребыванія этого послѣдняго въ Спартѣ, служитъ главнымъ основаніемъ біографіи великаго тирана Феръ.

Ясонъ былъ одаренъ большою физическою силою, которую постоянно развивалъ: на войнѣ, переноса всѣ трудности похода наравнѣ съ простыми воинами, въ мирное время, принимая дѣятельное участіе въ ежедневныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ своего войска. Онъ не тратилъ силъ и времени на чувственныя удовольствія, на оргіи, поворившія жизнь прочихъ тиранновъ. Къ нему могъ бы относиться стихъ Овидія (Fast., I, 301): „Non venus et vinum sublimia pectora fregit“.

Вѣчно занятый, онъ неутомимо стремился къ одной цѣли — сдѣлаться первымъ человѣкомъ, тиранномъ Эллады: къ этому побуждало его сильное, ненасытное честолюбіе, заставлявшее его говорить, что онъ голоденъ, когда не у власти (Arist. Polit., III, 2, 6). Чтобы достигнуть этого положенія, онъ сперва хотѣлъ стать тагосомъ, то-есть,

объединить всю Фессалию подъ своею властью, затѣмъ уже добиваться гегемоніи въ Греціи. Онъ зналъ, что Фессалійцы будутъ помогать ему въ этомъ, такъ какъ, съ одной стороны, заграничная война будетъ отвлекать ихъ вниманіе отъ внутреннихъ раздоровъ, съ другой надежда сдѣлаться первымъ народомъ Эллады, безъ сомнѣнія, должна была льстити ихъ племенной гордости. Достигнувъ гегемоніи въ Греціи, онъ намѣревался вести всѣхъ Эллинговъ противъ ихъ вѣковаго врага — царя персидскаго. Онъ надѣялся, что передъ такимъ грандіознымъ, общегреческимъ предпріятіемъ замоленутъ всѣ мелкія вражды, губившія Грецію.

Такимъ образомъ, Ясонъ умѣлъ облагораживать свое честолюбіе служеніемъ великимъ панэллинскимъ стремленіямъ.

Первымъ его шагомъ для достиженія своей цѣли было образованіе сильнаго наемнаго войска, которое въ 375 году доходило до 6000 чел. На ихъ содержаніе онъ тратилъ все свое состояніе, которое было значительно, такъ какъ онъ принадлежалъ къ богатому семейству, и къ тому же онъ увеличивалъ свои доходы всевозможными средствами, вымогая деньги у своихъ родныхъ. Разъ онъ вбѣжалъ въ домъ своей матери, запыхавшись и въ испугѣ, притворяясь, что наемники преслѣдуютъ его, требуя уплаты жалованья. Мать, чтобы спасти своего сына, выдала имъ жалованье. Нѣсколько времени спустя послѣ скорого и счастливаго окончанія похода, Ясонъ сказалъ своей матери, что онъ обѣщался устроить пиръ въ честь Діоскуровъ, явно помогавшихъ ему на войнѣ. Повѣривъ ему, мать дала всю свою драгоценную утварь и посуду для пира, а онъ, пригласивъ всѣхъ начальниковъ своего войска, роздалъ имъ взаимно платы всѣ эти драгоценности. Онъ еще нѣсколько разъ обманывалъ свою мать, захватывая ея рабынь и требуя за нихъ выкупа. Своихъ братьевъ онъ точно также обманывалъ. У него былъ очень богатый братъ Меріонъ, который ему ничего не давалъ, замѣчаетъ Поліэиъ. У Меріона родился сынъ и онъ пригласилъ на пиръ знатнѣйшихъ Фессалійцевъ, а Ясона попросилъ предсѣдательствовать на пирѣ и дать ребенку имя. Ясонъ въ день пира отправился подъ предлогомъ охоты въ Пагазы, гдѣ находились имѣнія брата, и вымогательствомъ получилъ отъ управляющихъ Меріона 20 талантовъ серебра. Затѣмъ, послѣвъ на пиръ, онъ уступилъ брату честь выбрать имя для сына. Меріонъ, узнавъ о случившемся, далъ ребенку имя Пердѣонъ, т. е. грабитель.

Разъ въ банѣ онъ попросилъ своего брата Полидора натереть ему тѣло. Полидоръ согласился, снялъ съ его пальца перстень и далъ

держатъ его вѣрному человѣку. Все уже было устроено заранѣе. Этотъ человѣкъ побѣждалъ къ женѣ Полидора и, показавъ перстень ея мужа, получилъ отъ нея десять талантовъ золотомъ. По возвращеніи этого слуги, знакомъ дали понять Ясону, что его планъ исполненъ. Тогда Ясонъ, поблагодаривъ брата, попросилъ его прекратить натираніе тѣла (Polyaen. VI 2, 3, 4, 5) ¹⁾.

Мы уже выше указали—на сколько надо довѣрять этимъ рассказамъ, но все-таки мы узнаемъ изъ нихъ, что Ясонъ не былъ разборчивъ въ средствахъ для пріобрѣтенія денегъ, и объяснялъ самъ свои поступки слѣдующими словами: *δει ἀδικεῖν ἔνια, ὅπως δύνηται καὶ δίκαια πολεῖν* (Arist. Rethor. I, 12, 31). Вообще, можно думать, что онъ прилагалъ къ дѣлу правило „цѣль оправдываетъ средства“, такъ какъ ему приписывается Плутархомъ еще слѣдующее изреченіе: *ἀναρχαῖον ἀδικεῖν τὰ μικρὰ τοῦ βουλομένου τὰ μεγάλα δικαιοπραγεῖν* (πολιτικὰ παραγγέλματα § 817).

И такъ, мы сказали, что Ясонъ тѣмъ, или другимъ способомъ, всегда умѣлъ достать денегъ для уплаты жалованья своимъ наемникамъ. Онъ этимъ предупреждалъ мятежи и не долженъ былъ входить съ ними въ умаляющія его значеніе сдѣлки, какъ Діонисій Старшій (Grote, XI, 2). Наемное войско было предметомъ постоянныхъ заботъ Ясона, онъ не допускалъ въ число своихъ наемниковъ человѣка, уступавшаго ему въ физической силѣ, и какъ только замѣчалъ уклоненія отъ тѣхъ обязанностей службы, тотчасъ-же увольнялъ такого воина.

Ясонъ имѣлъ дѣло съ наемниками, не знавшими ни родины, ни привязанностей, и для которыхъ война была ремесломъ. Греческій наемникъ былъ на столько развитъ, что надо было дѣйствовать на его разумъ; чтобы привязать его къ службѣ, надо было доказать, что лучшаго положенія онъ нигдѣ не найдетъ. Ясонъ отлично это понималъ, онъ зналъ также, что цѣль службы наемниковъ есть нажива и удовольствія, доставляемая деньгами, поэтому онъ постоянно вы-

¹⁾ Есть у Полиэна, III, 40, анекдотъ объ уловкѣ Иеикрата, которую онъ употребилъ, чтобы заставить Ясона подписать невыгодныя условія одного договора. Однако трудно допустить, что этотъ анекдотъ относится къ Иеикрату и Ясону. Кромѣ того обстоятельства, что мы ничего не знаемъ о отношеніяхъ Ясона съ Аеинянами до 373 г. и что намъ, напротивъ того, известно, что Ясонъ былъ враждебно къ нимъ настроенъ до этого времени, невозможно найти въ карьерѣ Иеикрата времени, куда отнести этотъ рассказъ.

ставлялъ имъ на видъ, что ἐκ τῶν πόλεων τὰ μάλιστα γίνονται. Наемникъ Ясона зналъ, что въ случаѣ исполненія своего дѣла, его жалованье увеличится въ два, въ три и даже въ четыре раза; что за каждый выдающійся подвигъ онъ получитъ, независимо отъ жалованья, особенные подарки; что, въ случаѣ болѣзни или раны, его будутъ лечить; что даже послѣ смерти заботливость Ясона не оставитъ его тѣла и оно будетъ почтено приличными похоронами. Ясонъ всегда имѣлъ обыновеніе, когда войны исполняли хорошо возложенную на нихъ задачу, давать имъ отдыхъ и исполнять ихъ разумныя желанія. Такимъ глубокимъ пониманіемъ человѣческой природы и умѣніемъ обращаться съ наемниками онъ достигъ того, что войско постоянно ему повиновалось и никогда ему не приходилось хитрить и обманывать своихъ наемниковъ, какъ это дѣлалъ Клеархъ, чтобы побудить своихъ воиновъ слѣдовать за Киромъ во внутреннія земли Азіи; ему не нужно было разыгрывать комедіи предъ ними, какъ это случилось съ Агаевломъ, который только этимъ могъ уладить смуты, происшедшія въ средѣ его наемниковъ послѣ ссоры его сына Архагага съ Ликискомъ, однимъ изъ наемныхъ офицеровъ.

Свою заботливостью о войскѣ Ясонъ умѣлъ вселить въ него отличный духъ, а постояннымъ упражненіемъ сдѣлалъ изъ него превосходное орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Онъ умѣлъ имъ пользоваться, такъ какъ былъ отличный полководецъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и его постоянный успѣхъ, и характеристика его военныхъ способностей, сдѣланная Полидамантомъ. Всѣ его дѣйствія были основаны на атакахъ вѣрныхъ расчетахъ, что почти всегда удавались. Онъ умѣлъ держать въ тайнѣ свои планы, предпринималъ ночныя атаки, дѣлалъ форсированные марши, и съ одинаковымъ успѣхомъ нападалъ на враговъ врасплохъ и открыто; онъ умѣлъ дѣлать засады съ необыкновеннымъ искусствомъ (Cicero de Off. I, 30, § 108), словомъ, онъ не уступалъ въ военномъ искусствѣ никому изъ современныхъ полководцевъ.

При такихъ дарованіяхъ и съ такимъ отличнымъ войскомъ, Ясонъ до 374 года покорилъ большую часть ессалійскихъ городовъ, не смотря на оказанное ими сопротивленіе. Понятно, что династы, правившіе въ этихъ городахъ, и вся высшая ессалійская знать, изъ которой династы происходили, составили союзъ для общей обороны, но они были покорены и во все время управленія Ясона не слышать было ничего объ Алевадахъ и прочей знати. Весьма возможно, что они были связаны выдачею заложниковъ и, видя полное довольство народа

ничего не предпринимали. Ясонъ привелъ Алкета ¹⁾, правителя Молоссовъ, въ союзъ близкій къ подчиненію, и покорилъ нѣсколько пограничныхъ съ Фессаліей племень Мараконъ и Долоповъ. Въ 374 году ему оставалось покорить только Фарсалъ. Мы видѣли раньше, какъ онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону Полидаманта, знатнаго Алевата. Благодаря своему политическому такту и вліянію Полидаманта, онъ былъ избранъ въ тагосы и такимъ образомъ ближайшая его цѣль, — объединеніе Фессаліи подъ его властью, была достигнута. Ясонъ не сталъ злоупотреблять своею властью, онъ былъ слишкомъ уменъ и дальновиденъ для этого, напротивъ, пользовался ею умѣренно и согласно установившимся обычаямъ. Онъ постановилъ, сколько каждый городъ долженъ выставить оплитовъ и всадниковъ и такимъ образомъ образовалось у него войско въ 8,000 всадниковъ, 20,000 оплитовъ, а пельтастовъ было столько, что ихъ можно было бы противопоставить всему роду человѣческому, какъ замѣчаетъ Ксенофонтъ (Hell. VI, 1, 19). Такимъ образомъ мы видимъ, что въ своей рѣчи къ Полидаманту, Ясонъ не преувеличивалъ силъ соединенной Фессаліи. Напротивъ, цифры, выставленные имъ, оказались гораздо ниже дѣйствительности. Онъ наложилъ на всѣхъ періековъ дань, которую они платили при Скопасѣ ²⁾.

Ясонъ, достигнувъ власти, не произвелъ никакой ломки въ устройствѣ страны; онъ возобновилъ старыя забытыя учрежденія, даже не былъ противъ извѣстной доли автономіи. Быть можетъ, онъ это дѣлалъ, чтобы показать всей Греціи свою умѣренность и приобрести

¹⁾ Алкетъ у Ксено. Hell. VI, 1, 7 названъ βασιλεὺς, VI, 2, 10 титулъ его не упоминается. У Діодора XV, 13 и XV, 36 онъ названъ царемъ. Маркх¹ только разъ еще встрѣчаются, именно у Плинія Histog. Natur. VI; sect. 3, называются Μαγασες и упоминаются вмѣстѣ съ Долопами.

²⁾ Hell. VI, 1, 19 φόρος; ἄπειρ ἐπὶ Σκόπῃ τεταγμένως, то-есть говорится о Скопасѣ, какъ бы извѣстномъ лицѣ. Однако, рѣшить, какой это былъ Скопасъ, трудно. Буттманъ (196 стр) думаетъ, что тутъ говорить Ксенофонтъ о Скопасѣ III, жившемъ во время Кира Младшаго и пославшаго ему въ даръ драгоценное ожерелье, какъ рассказываетъ Эліанъ въ Var. Hist. Если бы Ксенофонтъ хотѣлъ говорить о Скопасѣ II, рассуждаетъ Буттманъ, то онъ выразился бы точнѣе, такъ какъ тотъ жилъ въ эпоху весьма отдаленную, именно около 65 олимп., то-есть 520 г. Положимъ, что съ этимъ можно согласиться; но съ другой стороны остается еще доказать, что Скопасъ III былъ тагосъ, то-есть имѣлъ власть раскладывать дань на періековъ, а этого именно съ достовѣрностью сдѣлать нельзя. Фактъ, что Скопасъ III былъ тагосъ, есть не болѣе, какъ догадка Буттмана.

ея довѣріе, но во всякомъ случаѣ, онъ заявилъ себя владѣтелемъ кроткимъ и уважающимъ чужія права, стоявшимъ несравненно выше сиракузскихъ тиранновъ, переселявшихъ, или лучше, переносившихъ дѣлне города съ мѣста на мѣсто, сообразно своимъ личнымъ выгодамъ. Въ 373 году Тимоеей, плывя вдоль ѳессалійскаго берега, остановился въ Пагазахъ и, пробывъ тамъ или въ Ферахъ нѣсколько времени, сумѣлъ подружиться съ Ясономъ и склонить его къ союзу съ Аѳинянами ¹⁾. Изъ рѣчи Ясона къ Псалидаманту мы видѣли, что Ясонъ въ 374 году считалъ для себя союзъ съ Аѳинянами невыгоднымъ, такъ какъ онъ думалъ, что ему легче будетъ достигнуть гегемоніи на морѣ чѣмъ на сушѣ, и доказывалъ, что для ѳессаліи весьма легко создать флотъ при избыткѣ лѣса въ Македоніи, найти людей для экипажа при множествѣ пенестовъ, и содержать его при плодородіи почвы ѳессалійской. Въ виду этого для насъ съ перваго взгляда непонятно, почему Ясонъ такъ скоро переѣнилъ свои воззрѣнія и вступилъ въ союзъ съ Аѳинянами. Мнѣ кажется, это произошло отъ того, что ему не удалась попытка создать флотъ. Весьма возможно, что Ясонъ выстроилъ себѣ известное число триэръ; это, дѣйствительно, было не трудно при изобиліи лѣса. Триэры строились всѣ по одному образцу, и при ихъ постройкѣ нисколько не заботились о математическихъ соображеніяхъ, о формѣ ихъ, а надѣялись, что при хорошихъ гребцахъ онѣ даже съ недостатками въ линіяхъ и формахъ, будутъ удовлетворять своему назначенію ²⁾. Гораздо труднѣе было создать экипажъ: пенестовъ, пожалуй, было сколько угодно, но гребцовъ нельзя было найти, особенно греческихъ гребцовъ, при ужасной трудности ихъ службы. Наша догадка подтверждается еще тѣмъ, что впоследствии мы ни разу не слышимъ о дѣйствіяхъ флота Ясона. Если бы онъ существовалъ, то трудно предположить, чтобы такой предприимчивый человѣкъ, какъ Ясонъ, не сумѣлъ имъ воспользоваться. Единственное упоминаніе о триэрахъ Ясона находимъ у Ксенофонта (Hellen.

¹⁾ Пребываніе Тимоеея у Ясона нигдѣ не упоминается, но необходимо должно было происходить, такъ какъ вытекаетъ изъ событій, описанныхъ авторами. Этимъ объясненіемъ мы обяваны Гроту (X, 199). Такъ какъ всѣ авторы, писавшіе послѣ Грота, приняли его предположеніе, какъ достовѣрный фактъ, то я считаю лишнимъ приводить здѣсь его доказательства.

²⁾ Примѣръ Римлянъ, создавшихъ флотъ въ два мѣсяца, нисколько не противорѣчитъ нашему воззрѣнію: во первыхъ, Карфагенскій флотъ никогда не могъ равняться греческому по искусству маневрированія, во вторыхъ, абордажный мостъ превратилъ морскую битву въ сухопутную.

VI, 4, 21), который рассказывает, что, будучи призванъ на помощь послѣ битвы при Левктрахъ Беотійцами, онъ приказалъ приготовить свои триеры для перевозки его войскъ въ Беотию. Но это была только одна изъ тѣхъ хитростей, которыя Ясонъ часто употреблялъ на войнѣ.

И такъ, я думаю, что Ясонъ оттого отказался отъ своихъ плановъ на морскую гегемонію, что увидѣлъ всю трудность ихъ исполненія, и поэтому согласился заключить союзъ съ Аоніанами. Курціусъ (III, 291) и Либингеръ (42 стр.) приписываютъ эту перемену во взглядахъ Ясона вліянію на него замѣчательной личности Тимофея, но мнѣ кажется, что Ясонъ не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы измѣнять свои планы подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній. Онъ заключилъ союзъ съ Аоніанами, потому что это ему казалось выгоднымъ. Гораздо правдоподобнѣе то, что Тимофей содѣйствовалъ установленію дружбы между Ясономъ и Аоніанами.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно въ ноябрѣ 373 года, Тимофей былъ призванъ къ суду Аоніанами, и по обычаю собралъ всѣхъ своихъ родныхъ и друзей, чтобы съ помощью ихъ вліять на судей. Въ числѣ ихъ Аоніане могли видѣть сильнѣйшаго человѣка Греціи, Ясона, и его союзника Алкета. Алкетъ и Ясонъ прибыли въ Аонію въ Маймактеріонѣ мѣсяцѣ (ноябрѣ, Schaefer I, 56) въ темный зимній вечеръ. Остановились они въ домѣ Тимофея, находившемся въ улицѣ, носившей имя знаменитаго строителя Пирея, Ипподама. У Тимофея ничего не было готово къ принятію такихъ важныхъ особъ, и онъ занялъ у банкира Пасіона нѣсколько ковровъ, одеждъ и двѣ серебряныя чаши (Demosth. adv. Timoth. 1190, 22). Благодаря заступничеству такихъ лицъ, Тимофей былъ оправданъ (Demosth. adv. Timoth. 1187). Демосѳенъ называетъ Ясона и Алкета союзниками Аоніанскими, но это еще не объясняетъ намъ причины прибытія ихъ въ Аонію. Нельзя ничѣмъ инымъ объяснить поступокъ Ясона, какъ только искренностью дружбы его съ Тимофеемъ и услужливостью, рѣдко встрѣчавшеюся у людей, достигшихъ высшей власти. Поступокъ Алкета понятенъ: онъ или самъ подражалъ своему могущественному союзнику, или слѣдовалъ совѣту Ясона. Другое дѣло — Ясонъ. Какое значеніе для него могло имѣть осужденіе аоніакаго генерала? Онъ могъ бы найти тысячу предлоговъ, чтобы отказаться отъ поѣздки, тѣмъ болѣе, что отсутствіе его изъ Фессаліи могло имѣть весьма непріятныя для него послѣдствія. Уже самый фактъ дружбы между Тимофеемъ и Ясономъ показываетъ, что развитіе Ясона нисколько

не было ниже развитія такого просвѣщеннаго Аѳинянина, какъ Тимофей. Но кромѣ того мы знаемъ, что Ясонъ слушалъ Горгія во время его путешествія по Фессаліи. Мы знаемъ изъ діалога Платона „Менонъ“, что Горгія, прибывъ въ Лариссу, плѣнилъ многихъ Фессалійцевъ своимъ ученіемъ (глава I) и безъ сомнѣнія Ясонъ былъ въ ихъ числѣ, такъ какъ онъ былъ восторженный почитатель его и ставилъ его выше тогдашняго извѣстнаго ритора аѳинскаго Поликрата (Pausan. VI, 17, 9). Намъ не должно удивлять, что Ясонъ занимался философійю, такъ какъ высшіе классы сдѣлались въ началу четвертаго вѣка гораздо развитѣе, чѣмъ прежде. Этотъ фактъ вызываетъ у Сократа (Мено С. I) прощическое замѣчаніе: *Θατταλοι εὐδόχοι ἦσαν ἐν τοῖς Ἑλλήσι καὶ ἀγαυοῦντο ἐφ' ἱππικῇ τε καὶ κλοῦσφι, νῦν δὲ ὡς ἐμοὶ δοκεῖ καὶ ἐπισοφίᾳ*. Ясонъ былъ также въ дружбѣ съ Исократомъ, какъ это видно изъ письма, которое Исократъ написалъ его пасынкамъ.

Мы совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ Ясонъ, по своемъ возвращеніи изъ Аѳинъ, вплоть до 371 года. Вѣроятно, онъ занимался дѣлами управленія и упроченіемъ своей власти. У него въ это время происходила вражда съ Фокейцами—*ἀχρήκτος πόλεμος* по выраженію Ксенофонта (Hell VI, 4, 21), при чемъ онъ выполнялъ свой планъ — (Hell VI, 1, 10) освободить народы отъ Лакедемонскаго вліянія, такъ какъ въ Фокиду былъ посланъ Клеомбротъ съ войскомъ въ 374 году (Hell VI, 1, 1) и потомъ еще подтвержденіе ему (Hell VI, 2, 1).

Въ 371 году произошла битва при Левктрахъ. Лакедемоняне послѣ упорнаго сопротивленія были побѣждены, потерявъ царя Клеомброта, Дейнона и Сфодрія и (по самому умѣренному счету ихъ друга Ксенофонта) 400 Спартиатовъ и около тысячи Лакедемонянъ. Они удалились въ свой укрѣпленный лагерь и, созвавъ военный совѣтъ, рѣшились просить выдачи мертвыхъ, то-есть признали себя побѣжденными. (Hell VI, 4, 15). Фиванцы, не смотря на все значеніе своей побѣды, которое они отлично понимали, не отважились напасть на Лакедемонскій лагерь, такъ какъ знали, что это не легкое предпріятіе, а послали въ Аѳины и къ Ясону вѣстниковъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и съ просьбой о помощи для полнаго пораженія Лакедемонянъ (Hell. VI, 4, 19, 20) ¹⁾.

¹⁾ Діодоръ Сицилійскій излагаетъ (XV, 54, 55, 56) Левктрійскую битву и всѣ сопровождавшія ее обстоятельства совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ Ксенофонтъ. Гротъ, X, 260, превосходно доказалъ, почему слѣдуетъ придерживаться

Лонциане изъ зависти и опасенія, что Беотійцы слишкомъ усилятся, отпустили вѣстника безъ отвѣта. Ясонъ, получивъ извѣстіе о побѣдѣ Фиванцевъ и просьбу о помощи, сразу понялъ, что ему не надо пропускать случая вмѣшаться въ греческія дѣла, успѣшно собралъ своихъ наемниковъ и всадниковъ, которые у него были подъ рукою, и двинулся черезъ Фермопилы въ Грецію. Онъ сперва приказалъ приготовить триары, какъ будто намѣреваясь по морю двинуться въ Беотию. Но это была только военная хитрость, такъ какъ у Ясона не было флота, и къ тому же по морю ѣхать было бы гораздо дольше и опаснѣе.

Ясонъ быстро прошелъ черезъ Фокиду, не смотря на то, что былъ съ Фокейцами въ непріязненныхъ отношеніяхъ (Hell. VI, 4, 21 ἀκήρυκτος πόλεμος). Надо замѣтить однако, что главныя силы Фокейцевъ были съ Лакедемонянами подъ Левктрами; однако войску Ясона грозила опасность отъ городовъ фокейскихъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, были оставлены войска. Но Ясонъ такъ быстро двигался, что предъ многими городами являлся раньше, чѣмъ успѣвали приносить извѣстіе объ его приближеніи и исчезалъ раньше, чѣмъ могли собраться войска, чтобы напасть на него. Эта замѣчательная быстрота доказала, какъ выражается Ксенофонтъ, что *πολλάχου τὸ τάχος μάλλον τῆς βίας διαπράττεται τὸ δέον*.

И такъ черезъ нѣсколько дней по выступленіи своемъ изъ Фессалии, Ясонъ уже находился при Левктрахъ и Фиванцы предложили ему напасть на Лакедемонянъ. Ихъ лагерь былъ на склонѣ горы, впереди, то-есть на сторонѣ, обращенной къ Фиванцамъ, былъ вырытъ ровъ (Hell. VI, 4, 14). Фиванцы предложили Ясону сдѣлать обходъ горы, напасть на Лакедемонскій лагерь, спускаясь съ горы, а сами хотѣли идти прямо и нападать съ фронта. Но онъ отсовѣтовалъ имъ подвергаться риску потерять все результаты недавней побѣды. „Неужели вы забыли“, сказалъ онъ имъ, „что вы побѣдили, когда находились въ самомъ критическомъ положеніи? такъ точно и Лакедемоняне, если будутъ отчаяваться спасти свою жизнь, будутъ бѣшено сражаться. Боги обыкновенно любятъ дѣлать ничтожныхъ людей великими, а великихъ ничтожными“. Затѣмъ Ясонъ предложилъ Лакедемонянамъ доставить имъ безпрепятственный выходъ изъ Беотіи, ска-

---

рассказа Ксенофонта. Такъ какъ все авторы въ этомъ согласны съ Гротомъ (Сиверсъ 244, 27 Шенеръ I, 70 Курциусъ III, 342), то я считаю лишнимъ приводить его доказательствъ.

завъ имъ слѣдующее: „если вы хотите забыть постигшее васъ теперь несчастіе, то я совѣтую вамъ, только послѣ отдыха и когда вы соберетесь съ силами, идти противъ вашихъ теперешнихъ побѣдителей. Знайте, что въ числѣ вашихъ союзниковъ есть замышляющіе измѣнить вамъ; старайтесь поэтому заключить миръ. Я же вамъ даю этотъ совѣтъ потому, что желаю васъ спасти въ память дружбы моего отца съ вами и вслѣдствіе того, что я вашъ проксень“. Такъ говорилъ Ясонъ, а дѣлалъ онъ все это для того, чтобы Лакедемоняне и Фиванцы, будучи въ дурныхъ отношеніяхъ между собою, нуждались бы въ немъ, замѣчаетъ Ксенофонтъ. Вслѣдствіе посредничества Ясона, обѣ стороны заключили договоръ, по которому Лакедемоняне получили свободный выходъ изъ Беотіи, но они, не довѣряя Фиванцамъ, ночью ушли изъ лагеря и поспѣшно оставили Беотію.

Таковы были обстоятельства, послѣдовавшія за Левтрійской битвою, какъ ихъ передаетъ Ксенофонтъ. Вникая въ роль, какую игралъ въ ней Ясонъ, мы пришли къ убѣжденію, что Ксенофонтъ напрасно упрекаетъ его въ двуличности. Съ начала уже видно, что Ксенофонтъ было весьма неприятно передавать такое поражение Лакедемонянъ, какъ Левтрійское, и поэтому онъ старается кого-нибудь очернить. Онъ пишетъ подъ вліяніемъ страсти, поэтому самый упрекъ его не ясенъ, даже, болѣе того, непонятенъ. Ксенофонтъ говоритъ, что Ясонъ поступалъ извѣстнымъ образомъ, чтобы Лакедемоняне и Фиванцы, будучи въ натянутыхъ отношеніяхъ между собою, нуждались въ немъ. Непонятно, почему послѣ битвы, все равно при какомъ угодно исходѣ ея, отношенія между воюющими сторонами измѣнились бы къ лучшему? Мнѣ кажется, что отношенія послѣ битвы остались бы тѣ же, даже неприязненность еще усилилась бы. И такъ мнѣніе Ксенофонта едва ли основательно, но къ сожалѣнію всѣ современные авторы, кромѣ Грота, въ большей или меньшей степени обвиняютъ Ясона въ преслѣдованіи эгоистическихъ цѣлей и въ обманѣ своихъ союзниковъ. Для опроверженія этихъ мнѣній надо подробнѣе разсмотрѣть его дѣйствія.

Ясонъ пришелъ въ Беотію съ незначительнымъ войскомъ: это видно изъ того, что Ксенофонтъ умалчиваетъ о его числѣ и сообщаетъ намъ о поспѣшности его выступленія. Ясонъ не могъ имѣть всегда все свое войско готовымъ въ Ферахъ. Весьма понятно, что оно и не нашло бы тамъ достаточно продовольствія и стоило бы слишкомъ дорого, поэтому слѣдуетъ предположить, что оно созывалось на время войны, а потомъ распускалось. Мы говоримъ это собственно о Фес-

салийскомъ войскѣ, наемники же находились въ гарнизонахъ въ различныхъ мѣстахъ и не могли бы быть собраны въ одинъ или два дня. Діодоръ, хотя обыкновенно и преувеличиваетъ цифры, но въ этомъ случаѣ даетъ весьма правдоподобную: 1500 пѣшихъ и 500 конныхъ воиновъ (XV, 54).

Фиванцы хотѣли возобновить бой и штурмовать Лакедемонскій лагерь. Но это было дѣло трудное: не смотря на свои потери, Лакедемоняне были многочисленны, у нихъ были укрѣпленія и наконецъ Ясонъ видѣлъ, что если Фиванцы, даже въ упоеніи побѣды, не воспользовались угнетеннымъ положеніемъ духа Лакедемонянъ, то теперь этой минуты нельзя вернуть. Фиванцы не будутъ сражаться съ такою отвагою, какъ сражаются побѣдители тотчасъ послѣ побѣды, а Лакедемоняне уже давно успѣли оправиться отъ паники, неминуемой послѣ бѣгства. Съ своею необыкновенною прозорливостью Ясонъ видѣлъ возможные послѣдствія битвы. Она могла окончиться полнымъ пораженіемъ Фиванцевъ. Въ такомъ случаѣ всѣ результаты побѣды, такъ неожиданно выпавшей на долю Фиванцевъ, были бы невозвратно потеряны. Другой возможный исходъ битвы заключался бы въ томъ, что обѣ стороны удержали бы свои позиціи. При такомъ оборотѣ дѣла, Лакедемоняне могли бы, безъ всякаго затрудненія для себя, дожидаться подкрѣпленій. У нихъ былъ портъ Креузисъ для подвоза провіанта, а подкрѣпленія навѣрно пришли бы; это, конечно, Ясонъ, съ его знаніемъ военнаго дѣла и политическаго состоянія Греціи, зналъ навѣрно. Наконецъ, допустивъ третій, самый благополучный исходъ дѣла для Фиванцевъ, именно ихъ полную побѣду, слѣдовало предвидѣть, что это была бы Пиррова побѣда вслѣдствіе трудностей, описанныхъ нами раньше. Она не могла бы принести имъ много славы послѣ впечатлѣнія, произведеннаго ихъ побѣдой при Левктрахъ. Такимъ образомъ, совѣтъ Ясона былъ самый благоразумный, какой только можно было дать. Оставалось теперь только заставить Лакедемонянъ покинуть Беотію, прежде чѣмъ ихъ подкрѣпленія подойдутъ. Этому результату достигъ Ясонъ дипломатическими своими способностями. Понятно, для того, чтобы Лакедемоняне повѣрили его совѣтамъ, Ясону необходимо было выставить себя ихъ доброжелателемъ, поэтому онъ имъ и напомнилъ о дружбѣ своего отца и о носимомъ имъ званіи ихъ проксена.

Когда Лакедемоняне ушли изъ Беотіи, Ясонъ также вернулся въ Фессалію. Проходя по Фокидѣ, онъ никого не трогалъ, ничего не опустошалъ. Единственное отступленіе отъ этого правила онъ совер-

шилъ по отношенію къ жителямъ Гіамполиса, города, лежавшаго у юго-западнаго выхода ущелія, по которому дорога идетъ въ Опунтію. Этотъ городъ для идущаго съ сѣвера чрезъ Фермопилы представляется ключомъ Фокиды и слѣдственно Беотіи (Leake II, 168). Ясонъ разрушилъ предмѣстье этого города, вѣроятно, вслѣдствіе враждебности его жителей, а можетъ быть онъ хотѣлъ имъ показать свою силу, чтобы въ случаѣ возвращенія его въ Грецію они не затрудняли ему прохода. Съ этимъ же намѣреніемъ онъ взялъ измѣною Гераклею ¹⁾, разрушилъ ее или только стѣны ея (Хер. Hell VI, 4, 27; Діод. XV, 57) и отдалъ ее во владѣніе ойтайцамъ и малійцамъ. Такимъ образомъ, заручившись ихъ дружбою, Ясонъ приготовлялъ себѣ открытый путь въ Грецію и намѣренъ былъ воспользоваться имъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Вернувшись въ Фессалію, Ясонъ продолжалъ заниматься своимъ войскомъ и совершенствовать его. Онъ предпринялъ походъ въ земли Перребовъ (Діод. XV, 57), многіе города которыхъ покорилъ открытою силою, а другіе селонилъ на свою сторону заманчивыми рѣчами. Мы знаемъ изъ Страбона ²⁾, что Алевады владѣли большими имѣніями въ Перребіи и пользовались доходами съ нихъ вплоть до того времени, когда Филиппъ Македонскій завладѣлъ ими. Быть можетъ, надо соединять походъ Ясона въ Перребію съ этимъ извѣстіемъ Страбона. Въ такомъ случаѣ можно сдѣлать предположеніе, что Ясонъ, намѣреваясь идти въ Грецію, желалъ помѣстить гарнизоны въ Перребіи для того, чтобы угрожать владѣніямъ Алевадовъ, въ случаѣ ихъ происковъ или интригъ, могущихъ случиться во время его отсутствія. Ясонъ заключилъ союзъ съ Аминтой, царемъ македонскимъ и это, можно сказать, было послѣднимъ подготовительнымъ шагомъ для его честолюбивыхъ плановъ и видовъ на гегемонію въ Греціи. И такъ, вслѣдствіе союза съ Аминтой, владѣнія Ясона были

¹⁾ Гераклея, находившаяся по словамъ Ксенофонта (Hell VI, 4, 27) въ степѣ, закрывала доступъ къ Фермопиламъ съ сѣвера. Фукидидъ говоритъ (II, 101), что она отстояла отъ моря на 20 стадій, то-есть на 3½ версты. Эта узкая полоса земли была такъ болотиста, что считалась недоступною. Но во второмъ вѣкѣ Гераклея отчасти потеряла свое значеніе, такъ какъ болота этой полосы сдѣлались проходими. По нимъ прошелъ одинъ отрядъ войскъ консула Ацилія (191 годъ до Р. Х.). Во время же Ясона гарнизонъ Гераклеи совершенно закрывалъ проходъ (Leake II, 30).

²⁾ Собственно у Страбона сказано не Алевады, а Лариссеймы, но ясно, что это одно и то же (Буттманъ).

окрыжены со всѣхъ сторонъ друзьями: на сѣверѣ Аминта, съ запада Алкетъ Эпирскій, съ юга открытыя ворота Греціи, охраняемыя дружественными племенами ойтайцевъ и Малійцевъ.

Всѣ сознавали его силу и боялись его честолюбія, которое онъ вовсе не старался скрывать. Напротивъ, въ своихъ рѣчахъ онъ часто выставлялъ на видъ эссалійцамъ, что имъ слѣдуетъ добиваться гегемоніи въ Греціи, такъ какъ гегемонія есть какъ бы призвъ для ужьющихъ ею овладѣть (Диод. XV, 60). Онъ также часто говорилъ о своихъ планахъ подчинить себѣ персидскаго царя. Такія рѣчи, безъ сомнѣнія, еще болѣе возвышали Ясона въ глазахъ Эллиновъ, ибо въ устахъ таковаго сильнаго и замѣчательнаго мужа, онѣ не могли казаться хвастовствомъ ¹⁾.

Дѣйствительно, въ 370 году казалось, что всѣ эти планы были близки къ ихъ исполненію. Праздникъ Писейскій приближался; Ясонъ приказалъ всѣмъ эссалійскимъ городамъ приготовить для жертвоприношенія быковъ, овецъ, козъ и свиней. Хотя онъ въ отдѣльности потребовалъ отъ каждаго города небольшое число этихъ животныхъ, однако, въ сложности составила значительная цифра: было собрано тысяча быковъ и до десяти тысячъ другихъ животныхъ. Ясонъ объявилъ черезъ глашатая, что городъ, доставившій лучшаго βοῦν ἡγεμόνα, то-есть, быка, открывшаго шествіе, получитъ золотой вѣнокъ. Онъ приказалъ эссалійцамъ быть на-готовѣ для похода около времени праздника (Hell VI, 4, 29, 30). Повятно, что такія обширныя приготовленія возбуждали много толковъ въ Греціи. Одни думали, что онъ хочетъ отнять предсѣдательство на Писейскихъ играхъ у членовъ амфигіонскаго собранія, другіе даже приписывали ему мысль наложить руки на сокровища дельфійскаго бога. Это послѣднее мнѣніе было такъ распространено, что Дельфійцы обратились къ Писеи съ вопросомъ, что имъ слѣдуетъ сдѣлать, въ случаѣ, если Ясонъ посягнетъ на сокровища храма. Богъ отвѣтилъ, что онъ самъ объ этомъ позаботится.

Однако, надо замѣтить, что Ксенофонтъ не высказываетъ своего убѣжденія въ справедливости слуховъ, приписывавшихъ Ясону святотатственныя намѣренія, а говорить, что трудно судить о такихъ дѣлахъ. И такъ, если современный авторъ не былъ увѣренъ въ намѣ-

¹⁾ Исократъ (Orat. ad Philipp § 119) преувеличиваетъ значеніе рѣчей Ясона, говоритъ: ἐκείνος (Ἰάσων) μεγίστης δόξης ἔτυχεν, οὐκ ἐξ ὧν ἐπράξεν, ἀλλ' ἐξ ὧν ἐφησεν и далѣе Ἰάσων λόγῳ μόνον χρησάμενος οὕτως παύτων ἡυξήσεν...

реніяхъ Ясона, то тѣмъ болѣе для насъ трудно себѣ составить понятіе о нихъ. Все-таки, я думаю, что такой тонкій политикъ, какъ Ферейскій тиранъ, не запятналъ бы своей репутаціи столь неблаго-разумнымъ поступкомъ, тѣмъ болѣе, что онъ хотѣлъ основать свою власть не на насиліи и страхѣ, а, напротивъ, на уваженіи къ нему подчиненныхъ и на сознаніи, что онъ дѣйствуетъ для ихъ возвышенія и славы.

Среди этихъ приготовленій, подавшихъ поводъ къ столькимъ опасеніямъ, неожиданно для всѣхъ Ясона не стало.

Послѣ смотра своей конницы онъ сѣлъ, чтобы принимать просителей. Тутъ подошли къ нему семь юношей, громко разговаривая между собою, какъ будто въ ссорѣ, и убили его. Они такъ скоро совершили задуманное ими дѣло, что копьеносцы, тутъ же стоявшіе, не успѣли отвратить отъ Ясона ихъ ударовъ; одного изъ убійцъ они закололи въ то время, какъ онъ наносилъ ударъ, другого они пронзили копьями, когда онъ садился на лошадь, а пять остальныхъ успѣли ускакать на приготовленныхъ для нихъ лошадяхъ (Hell. VI, 4, 31, 32).

Ксенофонтъ не говоритъ, что побудило совершить преступленіе. Онъ сообщаетъ намъ только, что, по прибытіи убійцъ въ эллинскіе города, они были встрѣчаемы съ большими почестями. Изъ этого ясно видно, говорить онъ, какъ Эллины боялись, что Ясонъ сдѣлается тиранномъ. На основаніи этого мѣста, мнѣ кажется, что Ксенофонтъ, равно какъ и Эфоръ (Діодоръ, XV, 60), думаетъ, что они совершили преступленіе изъ-за желанія прослыть тиранноубійцами. Валерій Максимъ (IX ext. 2) приводитъ слѣдующую причину: Ясонъ позволилъ одному начальнику гимназіи наказать нѣсколькихъ юношей, взявъ съ каждого 30 драхмъ штрафа или же давъ каждому 10 ударовъ. Начальникъ выбралъ это послѣднее наказаніе, и юноши убили Ясона, мстя не за физическую боль, а за позоръ, который они потерпѣли ¹⁾. Діодоръ (XV, 60) приводитъ еще одинъ вариантъ смерти Ясона, будто онъ былъ убитъ своимъ братомъ Полидоромъ, но это вполнѣ невѣроятно.

---

¹⁾ Флате (Geschichte Macedoniens und der Reiche welche von Macedonischen Königen beherrscht wurden, II vol., Leipzig, 1832) дѣлаетъ предположеніе, что убійцы были подосланы аристократами, что подтверждается, по его мнѣнію, жестокостями Полиерона по отношенію къ нимъ (I, 92). Но мнѣ кажется, что аристократы начали обнаруживать революціонныя, по отношенію къ ферейскому

И такъ, Ясонъ умеръ неожиданно для всѣхъ, и причины, побудившія убить его, остались неизвѣстны. Онъ умеръ во двѣтъ лѣтъ и въ эпоху самую блестящую своей жизни. Никогда его власть и его слава не достигала еще такихъ размѣровъ, какъ именно предъ его смертью. Его смерть положила конецъ ожиданію великихъ событій. Трудно судить, что сдѣлалъ бы Ясонъ, если бы онъ не умеръ въ эту минуту, такъ какъ событія не создаются только историческими личностями, но, во всякомъ случаѣ, я думаю, что онъ достигъ бы гегемоніи въ Греціи. Что касается плановъ Ясона относительно похода въ Азію, можно сказать, что ему было бы труднѣе совершить это, чѣмъ Александру Македонскому. Постоянно надо было бы ему думать о эссалійскихъ дѣлахъ, такъ какъ его власть не опиралась, какъ власть Александра, на преданность подданныхъ царю. Одно достоверно, что вмѣстѣ съ Ясономъ вся будущность Эссаліи погибла. Благодаря его гению, страна эта достигла такой силы и славы, до какихъ она не доходила ни прежде, ни послѣ.

IV.

Полидоръ и Полифронъ ¹⁾.

Послѣ смерти Ясона, его братья, Полидоръ и Полифронъ были выбраны въ тагосы. Недолго продолжалось ихъ совмѣстное правленіе;

тиранну, стремленія только тогда, когда смерть Ясона развязала имъ руки; лишь послѣ этого они вызвали жестокости Полифрона.

¹⁾ Вся показанія авторовъ о промежуткѣ времени между правленіемъ Ясона и Александра темны и сбивчивы. Изъ нихъ можно вывести одно только заключеніе, что Ксенофонтъ и Діодоръ плохо знали эти событія. Діодоръ не упоминаетъ совсѣмъ о Полифронѣ и приписываетъ отравленіе Полидора Александру, который и наследуетъ власть отъ него. (Діод., XV, 60, 5 и 61, 2). Ксенофонтъ при первомъ упоминаніи о Полифронѣ ничего не говоритъ о родствѣ его, а при второмъ говоритъ, что онъ братъ Полидора (VI, 4, 33). Молчаніе Ксенофонта въ томъ только случаѣ повнятно, если допустить, что Полифронъ одноутробный братъ Полидора и, стало быть, не братъ Ясона.

Также неясны свѣдѣнія и о родствѣ Александра. Плутархъ (Pelop., 29) говоритъ, что онъ убилъ своего дядю Полифрона. Мста за Полидора, Александръ убилъ Полифрона, говоритъ Ксенофонтъ (VI, 4, 34). На основаніи этихъ двухъ мствъ многие авторы думаютъ, что Александръ былъ сынъ Полидора и стало быть племянникъ Ясона (G. R. Sievers, Geschichte Griechenlands vom Ende des Peloponnesischen Krieges bis zur Schlacht bei Mantinea, 328; Лакманъ I, 375, Шееръ I, 71). Діодоръ (XV, 61) говоритъ, что Александръ былъ братъ По-

такъ, во время одной ихъ воѣздки въ Лариссу, Полидоръ ночью умеръ неожиданно для всѣхъ отъ неизвестной причины. Весьма правдоподобно, что во время сна онъ былъ убитъ своимъ братомъ Полифрономъ, который сталъ теперь одинъ управлять страню.

Тутъ впервые обнаружилось, какую потерю понесла Фессалия въ лицѣ Ясона. И теперь управлялъ ею тагосъ, но онъ не умѣлъ держать въ повиновеніи всѣхъ Фессалійцевъ. Какъ только извѣстіе о смерти Ясона дошло до прежнихъ владѣтелей большихъ городовъ Фессалии, то въ Фарсалѣ, Лариссѣ и, вѣроятно, въ другихъ еще городахъ начались беспорядки. Суровыми и жестокими мѣрами Полифронъ подавилъ на время эти проявленія революціонныхъ тенденцій: въ Фарсалѣ онъ убилъ Полидаманта и восемь знатныхъ гражданъ, изъ Лариссы многихъ изгналъ (Hell. VI, 4, 34). Повятно, что для такихъ энергическихъ дѣйствій надо было опираться на значительную силу. У Полифрона въ распоряженіи было войско, оставленное Ясономъ. Войска, созданныя долгимъ обученіемъ и совершившія многіе походы, не исчезаютъ вдругъ. Требуется извѣстное время для ихъ полной дезорганизаціи. Такъ, на примѣръ, войска французской республики, побѣдившія коалицію при Вальми и Жемапѣ, не были вовсе новобранцы, одушевленные любовью къ свободѣ и отечеству, какъ ихъ изображаютъ республиканскіе писатели; это была прежняя королевская армія Людовика XVI, потерявшая только своихъ полководцевъ аристократовъ и перемѣнившая названіе. Такъ точно и въ Фераяхъ: на первое время города, доставлявшіе при Ясонѣ пѣхотинцевъ и всадниковъ, продолжали ихъ присылать и Полифрону, который, вѣроятно, еще не распустилъ всѣхъ наемниковъ своего предшественника.

Полифронъ не долго пользовался властью, достигнутой имъ убійствомъ своего брата. Ксенофонтъ говоритъ, что вслѣдствіе своихъ жестокостей онъ болѣе походилъ на тиранна, чѣмъ на тагоса. Спустя только годъ послѣ совершенія имъ братоубійства, онъ самъ палъ отъ руки родственника своего Александра. Такойъ конецъ, послѣ такого краткаго правленія, далъ поводъ Діонисию Сиракузскому называть Полифрона театральнымъ тиранномъ ¹⁾.

лидора; этого мнѣнія держатся Гротъ X, 340, Флате I, 93 и Либингеръ, стр. 49. Этотъ послѣдній приводитъ слѣдующую причину: онъ думаетъ, что гораздо вѣроятнѣе, что Александръ хотѣлъ жениться на вдовѣ своего брата, чѣмъ на вдовѣ своего дяди. Однако, это ничего не доказываетъ.

¹⁾ Мы читаемъ у Плутарха: (Galba c. 1) Διονύσιος; Φεραίων ἄρχαυτα Θεταλίων

V.

Александръ Ферейскій.

Александръ убилъ своего родственника Полифрона, говоря, что онъ мститъ за смерть Полидора и хочетъ избавить народъ отъ тиранна. Но это были только слова; въ дѣйствительности, онъ устранилъ тиранна, чтобы стать на его мѣсто. Завладѣвъ властью, онъ сразу показалъ себя тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно былъ: для него не существовало ни закона, ни права; у него былъ только его личный произволь.

Опасаясь его насилій, Алевады Ларисскіе обратились къ Александру, царю македонскому, сыну Аминты, съ просьбою освободить ихъ отъ тиранна. Имъ удалось убѣдить царя, тѣмъ легче, что онъ, вѣроятно, былъ подготовленъ къ этому изгнанниками Ларисскими. Весьма вѣроятно, что они пришли къ македонскому царю искать у него убѣжища, подобно тому какъ Алевады находили радушный приемъ у македонскихъ царей; такъ, напримѣръ, мы знаемъ о положеніи Гелленократа Ларисскаго въ Македоніи (Aristot., Polit., V, 8, 12).

Александръ Ферейскій, узнавъ о заговорѣ аристократовъ, хотѣлъ, предупредя своихъ враговъ, вступить въ Македонію и началъ уже вербовать войска. Но Александръ Македонскій предупредилъ его и вторгся въ Фессалию, имѣя въ своей свитѣ ларисскихъ изгнанниковъ. Аристократы впустили его въ Лариссу, и послѣ недолгой осады онъ взялъ ларисскій акрополь, а затѣмъ Краннонъ. Онъ объявилъ Фессалийцамъ, что для безопасности ихъ городовъ отъ тиранна ферейскаго необходимо, чтобы онъ занялъ ихъ своими гарнизонами, но

δέξα μῆνας, εἰτ' εὐθὺς ἀναπράξεντα τὸν τραγικὸν ἀνεκάλει τύραννον ἐπισκόπτων τὸ τάχος τῆς μεταβολῆς. Рейске вставляетъ въ свой латинскій переводъ слово Alexander, не замѣчая, что τάχος τῆς μεταβολῆς не можетъ относиться къ Александру, правившему слѣшкомъ десять лѣтъ. Братья Langhorne въ своемъ англійскомъ переводѣ біографіи Плутарха (London, 1875) поступили также, не говоря ни слова, на какомъ основаніи. Шнейдеръ (ad Xenoph. Hell. VI, 3, 4), приводя мнѣніе Юрэнса, относитъ выраженіе Діонисія къ Ликоерону I. Но это также невозможно, потому что Ликоеронъ по крайней мѣрѣ правилъ въ Ферихъ съ 404 до 395 года. Сиверсъ относитъ слова Діонисія къ Поливерону (328 стр., 27 при.). По нашему мнѣнію, это совершенно вѣрно, такъ какъ Полидоръ, къ которому могли бы относиться слова Діонисія, не правилъ одинъ, повтому врядъ ли можно считать его тиранномъ.

общалъ возвратить ихъ Ѳессалійцамъ, какъ только побѣдитъ тирана. Аристократы согласились, видя торжественность его обѣщаній. Но царь Македонскій, замѣтивъ плодородіе страны, прельстился ея богатствомъ и измѣнилъ своему слову. Послѣ того какъ онъ разбилъ Александра и заставилъ его удалиться въ Феры, онъ самъ ушелъ въ Македонію, оставивъ въ Ѳессалійскихъ городахъ гарнизоны (Diod., XV, 61). Такъ кончилось македонское заступничество; Ѳессалійская знать ничего отъ него не выиграла; она добилась только перемѣны тирана. Она обратилась въ Ѳивы съ просьбою помочь ей освободить города отъ Македонянъ и низвергнуть Александра Ферейскаго (Diod., XV, 67, 3; Plut., Pelop., 26).

Ѳивы со времени Ясона были въ дружественныхъ сношеніяхъ съ ферейскими тиранами, а при Полидорѣ или Полифронѣ (трудно связать, случилось ли это во время правленія обоихъ, или только когда правилъ одинъ Полифронъ), мы видимъ въ числѣ союзниковъ Ѳивъ Ѳессалійцевъ, участвующихъ въ походѣ Эпаминонда въ Лаконію въ 369 г. или въ концѣ 370 г. (Xen., Agesil., II, 24). Но со вступленіемъ Александра въ должность тагоса, эти дружественныя отношенія были, кажется, прерваны, такъ какъ Ѳиванцы немедленно исполнили просьбу Ѳессалійской знати.

Ѳиванцы послали Пелопида съ войскомъ въ 369 г., давъ ему порученіе устроить Ѳессалійскія дѣла, сообразно съ интересами Ѳивъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что эта помощь была далеко не безкорыстная ¹⁾.

Пелопидъ, вступивъ въ Ѳессалію, занялъ Лариссу, изъ которой македонскій гарнизонъ, вѣроятно, удался при приближеніи его войскъ. Изъ Краннона также ушли Македоняне. Александръ Ферейскій, видя столь быстрые успѣхи Пелопида, испугался и пошелъ къ нему на встрѣчу, но не съ войскомъ, а смиренно, какъ бы просить прощенія (Pelop., с. 26). Пелопидъ началъ ему дѣлать сильный выговоръ за всѣ его поступки, на которые жаловались Ѳессалійцы, думая, что словами и угрозами онъ сдѣлаетъ изъ свирѣпаго тирана мягкаго и уважающаго законы правителя. Но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Какъ только Александръ увидѣлъ его враждебное къ себѣ настроеніе, то немедленно бѣжалъ со свитою въ Феры.

¹⁾ Мною кажется, такъ слѣдуетъ понимать 67-ю главу XV книги Діодора. Если бы македонскіе гарнизоны не удались добровольно, то врядъ ли Пелопидъ могъ бы такъ скоро и легко взять Лариссу, и вѣроятно, Краннонъ.

Что сдѣлалъ Пелопидъ въ Эссалии послѣ удаленія Александра въ Феры, ми не знаемъ. У Плутарха сказано, что онъ далъ Эссалийцамъ полную безопасность по отношенію къ Александру Ферейскому и помирилъ ихъ между собою (Pelop. с. 29). Изъ этого мы можемъ только заключить что, освободивъ эссалийскіе города отъ македонскихъ гарнизоновъ, онъ оставилъ ихъ самостоятельными и достаточно сильными, чтобы не бояться Александра. Весьма вѣроятно также, что онъ освободилъ Фарсалъ отъ ферейскаго гарнизона, или же если гарнизона тамъ не было, то отъ вліянія Александра. Наконецъ, безъ сомнѣнія, онъ разрѣшилъ освобожденнымъ Эссалийцамъ установить образъ правленія, вѣроятно, по образцу того, который существовалъ до избранія Ясона въ тагосы. Онъ объявилъ также Эссалийцевъ, противниковъ Александра, подъ покровительствомъ Фивъ ¹⁾.

Пока онъ устраивалъ эссалийскія дѣла, къ нему пришли изъ Македоніи послы отъ царя Александра и претендента на македонскій престолъ Птолемея Алорита; съ просьбой примирить ихъ и разсудить, чьи требованія справедливы. Пелопидъ отравился въ Македонію и тамъ уладилъ дѣла. Хотя онъ не признавалъ правъ Птолемея на престолъ, но все-таки далъ, или лучше заставилъ дать Птолемею самостоятельное княжество въ Баттіонъ съ главнымъ городомъ Алоромъ. Ясно, что Пелопидъ поступилъ такъ, чтобы ослабить Македонію и отнять у нея возможность вмѣшиваться въ эссалийскія дѣла. Заключивъ союзъ съ Александромъ Македонскимъ, онъ взялъ у него въ заложники брата его Филиппа ²⁾ и 30 другихъ знатныхъ мальчиковъ (Diod. XV, 67; Plut. Pelop. 26). Окончивъ такимъ образомъ дѣла въ Эссалии и Македоніи, Пелопидъ вернулся въ Фивы, обезпечивъ свое порученіе устроить въ Эссалии и Македоніи дѣла, сообразно интересамъ Фивъ. Дѣйствительно, тѣмъ фактомъ, что онъ далъ

¹⁾ Относительно формы правленія, установленной въ Эссалии Пелопидомъ см. догадку Келера, 157 стр.

²⁾ Былъ ли переданъ Филиппъ Пелопиду Александромъ въ 369 г., или же Птолемею въ 368 г., вопросъ спорный: Діодоръ и Плутархъ въ указанныхъ нами мѣстахъ говорятъ, что онъ былъ переданъ Александромъ. Но на основаніи Эскина (de falsa legat., р. 32, 7), это невозможно принять, какъ доказываетъ Клинтонъ (App., стр. 206; Henry Fynes Clinton, Fasti Hellenici, vol. II. Oxford. 1824), мнѣніе котораго принято Гротомъ (X, 341). Флате (I, 39) думаетъ, что Эскинъ умышленно говорилъ ложь; поэтому онъ держится противоположнаго мнѣнія; Северсъ, Лахманъ, Либцигеръ, Шееръ и Курциусъ совсѣмъ не высказываютъ своего мнѣнія.

Фессалійцамъ, подвластнымъ знати, самостоятельность, вѣроятно, призванную Александромъ Ферейскимъ, онъ ослабилъ Фессалію, раздробивъ ее на двѣ части: на Фессалію, управляемую аристократами, состоявшую, вѣроятно, подъ покровительствомъ Фивъ, и на Фессалію, управляемую ферейскимъ тиранномъ, вслѣдствіе чего Александръ пересталъ быть тагосомъ. Пелопидъ также ослабилъ Македонію, какъ это мы видѣли раньше, такъ что слова Плутарха ἐπιδειξάμενος τοῖς Ἕλλησιν ὡς πόρρω δῆκει τὰ Θηβαίων πράγματα τῇ δόξῃ τῆς δυναμῆος καὶ τῇ πίστει τῆς δικαιοσύνης, принимаютъ нѣсколько ироническій оттѣнокъ.

Въ 368 году Фессалійцы снова обратились за помощью къ Фивамъ, жалуясь на то, что Александръ Ферейскій не оставляетъ ихъ въ покоѣ. Вліяніе Фивъ на сѣверѣ было такъ сильно, что Фиванцы не сочли необходимымъ посылать въ Фессалію войско, а отправили туда Пелопида и Исменія. Тотчасъ по ихъ прибытіи, къ нимъ явились гонцы изъ Македоніи отъ друзей и приверженцевъ Александра Македонскаго, союзника Фивъ, который только что былъ убитъ Птолемеомъ Алоритомъ. Этотъ послѣдній, совершивъ преступленіе по наущенію своей любовницы Евридикы, вдовы Аминты и матери Александра, Пердикки и Филиппа, правилъ Македоніей.

Пелопидъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе: войска у него не было, дожидаться прибытія его изъ Фивъ было долго; а потому онъ рѣшился взять наемниковъ и немедленно двинулся въ Македонію (Plut. Pelop. 27). Онъ пошелъ прямо противъ Птолемея, но этотъ не рѣшился вступить съ нимъ въ сраженіе. Онъ упрямилъ Пелопида признать его другомъ Фиванцевъ и опекуномъ дѣтей Аминты, братьевъ Александра, Пердикки и Филиппа (Pelop. 27). Онъ дѣйствовалъ такъ не изъ уваженія къ славі и личности Пелопида, какъ говоритъ Плутархъ, а съ цѣлью утвердить свою еще не окрѣпшую власть (Флате, I, 40). Пелопидъ долженъ былъ согласиться на эти условія. Когда онъ вернулся въ Фарсаль, то узналъ о приближеніи Александра Ферейскаго. Онъ заподозрилъ что-то недоброе. Войска у него не было; Фессалійцы, призвавшіе его, были, конечно, слабы, такъ какъ нуждались въ посторонней помощи; Пелопиду нельзя было и думать объ открытомъ сопротивленіи; оставалось ему бѣжать изъ Фессаліи, но изъ гордости онъ не могъ допустить и мысли объ этомъ. Онъ рѣшился идти прямо къ Александру безъ свиты и оружія и, полагаясь на вліяніе Фивъ на сѣверѣ, принять на себя роль посредника между Фессалійцами и Александромъ. Поэтому, взявъ съ собою только Исменія, онъ пошелъ на встрѣчу Александру, который, вида ихъ

однихъ и безоружными, велѣлъ ихъ схватить и заковать въ цѣпи ¹⁾.

Этотъ поступокъ Александра выставляется древними авторами, кромѣ Діодора, какъ величайшее преступленіе. По словамъ Плутарха, всѣ его подданные ожидали, что отъ него теперь не будетъ никому пощады, и что онъ будетъ дѣйствовать по отношенію ко всѣмъ какъ человекъ совершенно отчаявавшійся въ сохраненіи жизни (Pelop. 27). Корнелій Непотъ (Pelop. 5, 1) говоритъ, что Александръ нарушилъ неприкосновенность посла. Но тутъ не было и рѣчи о посольствѣ, не было даже и посредничества, ибо для того, чтобы быть посредникомъ, надо быть выбраннымъ обѣими тяжущимися сторонами; Эивы же просто навязывали свое посредничество силою, опираясь на свое могущество. Изъ того, что Александръ былъ жестокой и преврѣнный тираннъ, не слѣдуетъ еще, что всѣ его поступки надо обра- щать въ преступленія ²⁾.

Александръ, арестовавъ Пелопида и Исменія, совершилъ не преступленіе, а большую ошибку. Онъ навлекъ на себя непримиримую вражду могущественнѣйшаго государства—Греціи, которое рано или поздно, но должно было отмстить ему; онъ сталъ искать союзниковъ и отправилъ пословъ въ Аѣины (Діод. XV, 71). Аѣиняне тотчасъ же выслали ему Автокла съ 30 кораблями и 1000 воиновъ. Такая поспѣшность объясняется, съ одной стороны, завистью къ Эивамъ, съ другой—выгодностью условій и щедростью Александра: онъ обѣщался имъ присылать по заключенію союза столько рогатаго скота, чтобы мясо въ Аѣинахъ стоило полъ-обола (Plut. Arophhegm. Eramin. 133). Вѣроятно, онъ исполнилъ свои обѣщанія, такъ какъ мы знаемъ, что онъ остался весьма популяренъ въ Аѣинахъ, гдѣ ему даже поставили бронзовую статую (Demosth. contr. Aristocr. 660 и Plut. Pelop. 31).

¹⁾ Негодованіе, высказываемое по этому поводу нѣкоторыми историками до- ходитъ до смѣшнаго; такъ Сиверсъ на 330 стр. говоритъ: «Dieses Verbrechen, welches allemgöttlichen und menschlichen Rechte Hohn sprach», и т. д.; Либингеръ на 53 стр.: Alexander eo scelere foederum religiones turpissime violavit et hominem perfidissimum se praestitit.

²⁾ Гротъ, X, 301, догадывается, что Пелопидъ совершилъ 4 похода въ Тесса- лію и былъ захваченъ послѣ своего посольства въ Персію (367 г.) Но эта до- гадка всѣми позднѣйшими историками, сколько мнѣ извѣстно, отвергнута. Такъ какъ Шеферъ, I, 82, и Либингеръ, стр. 58—62, весьма обстоятельно и подробно изложили всѣ соображенія противъ нея, то я считаю лишнимъ говорить о ней здѣсь.

Какъ ни поспѣшно снарядили Аѳиняне экспедицію Автокла, все-таки Ѡиванцы успѣли вступить въ Ѡессалію, чтобы освободить Целопида. У нихъ было 8000 оплитовъ и 600 всадниковъ (Діод. XV, 71) подъ командою беотарховъ Клеомана и Ипата (Pausan. IX, 15); Эпаминондъ служилъ простымъ воиномъ, такъ какъ Беотійцы были имъ недовольны за то, что онъ незаконно удержалъ за собою власть по истеченіи срока его командованія въ Пелопоннесѣ. У Ѡиванцевъ было много союзниковъ въ Ѡессаліи, и они надѣялись кончить войну однимъ рѣшительнымъ ударомъ, хотя у Александра была сильная пѣхота и кавалерія гораздо сильнѣе Ѡиванской (Діод. XV, 71). Александръ уклонился однако отъ битвы: Ѡиванскіе полководцы не умѣли принудить его къ ней и наконецъ прибыли Аѳиняне. Тогда обстоятельства быстро измѣнились: Ѡессалійскіе союзники Беотійцевъ повинили ихъ, и беотархи, терпя сильный недостатокъ провіанта и фуража, рѣшились отступить. Но это было не легко, такъ какъ при отступленіи они терпѣли большую убыль въ людяхъ отъ безпрестанныхъ нападений непріятельской конницы. Отступить сдѣлалось невозможно, а окопаться и ждать подкрѣпленій было еще труднѣе, вслѣдствіе недостатка припасовъ (Діод. XV, 71). Беотархи потеряли голову. Не пользуясь авторитетомъ между солдатами, слыша ихъ постоянное требованіе назначить Эпаминонда въ начальники, они, наконецъ, передали ему свою власть (Pausan. IX, 15) ¹⁾.

Извѣстно, какой вредъ иррегулярныя войска, или, что тоже самое въ этомъ случаѣ, партизаны причиняютъ правильной арміи. Эпаминондъ первымъ дѣломъ образовалъ легкіе отряды всадниковъ и легковооруженныхъ и, расположивъ ихъ въ арріергардѣ, спасъ этимъ войско, такъ точно, какъ это сдѣлалъ Агезилай въ 394 году, когда проходилъ черезъ Ѡессалію (Hell. IV, 3, 3—8). Къ этому отступленію Эпаминонда относятъ обыкновенно хитрость его, переданную намъ Поліеномъ (Strat. II, 3, 13). Сиверсъ (331 стр. 39) и Лакманъ (I, 384 стр. 2) приурочиваютъ ее именно сюда, хотя она такъ же хорошо относится и ко времени втораго его похода въ Ѡессалію. Желая перейти по мосту Сперкей, охраняемый на противоположномъ берегу Ѡессалійцами, Эпаминондъ выбралъ для этого утреннюю зарю, когда подымается на рѣкѣ сильный туманъ. Кромѣ того, онъ велѣлъ при-

¹⁾ Діодоръ относитъ Скотусскую рѣзню къ 367 году, а Павзаній къ году архонта Ѡрасиаклида, то-есть, къ 371 г., ко времени правленія Ясона. Тутъ очевидная ошибка Павзанія: никакого сомнѣнія о времени событія не можетъ быть.

готовить костры изъ сухаго дерева, покрывъ ихъ свѣжими вѣтвями. Туманъ и дымъ отъ этихъ костровъ помогъ ему перейти незамѣченнымъ по мосту.

Когда Фиванцы вернулись на родину, то были весьма благодарны Эпаминонду, а беотарховъ оштрафовали каждаго въ 10000 драхмъ (Plut. Perol. 29). Понятно, что отступленіе Беотійцевъ увеличило надменность Александра и онъ далъ волю своей ужасной жестокости. Въ началѣ этого года, т. е. 376-го, разсердившись за что-то на нѣкоторыхъ изъ гражданъ Скотуссы, онъ созвалъ народное собраніе и, окруживъ его пельтастами и всадниками, велѣлъ всѣхъ убить, а тѣла бросить въ ровъ городской стѣны (Paus. VI, 5, 1—2). Женщинъ и дѣтей онъ продалъ въ рабство, а городъ разграбилъ (Діод. XV, 75). Истребленіе этого города напоминаетъ намъ поступокъ Лакедемонянина Гериппида съ жителями Гераклеи Трахивской (Діод. XIV, 38 и Polyaeu. II, 21). Такъ обращался Александръ съ дружественнымъ ему городомъ за то только, что былъ недоволенъ нѣсколькими гражданами. Та же участь постигла Мелибою (Plut. Perol. 29). Александръ зарывалъ людей живыми въ землю, другихъ зашивалъ въ шкуры кабановъ, медвѣдей, травилъ ихъ собаками и металъ въ нихъ копья, какъ на охотѣ (Pel. 29). Конье, которымъ онъ убилъ своего родственника и предшественника Полифрона, онъ называлъ Τόχων и чтилъ его, какъ божество, приносилъ ему жертвы и совершалъ разные обряды предъ нимъ (Perol., ib.).

У такого-то человѣка находился въ плѣну Пелопидъ. Сперва, когда Александръ допускалъ къ нему всѣхъ желающихъ его видѣть, узникъ утѣшалъ ихъ, обѣщая имъ скорый конецъ правленія тиранна. Самому Александру онъ сказалъ, что глупо съ его стороны каждый день убивать столько хорошихъ гражданъ, а его—злѣйшаго врага, щадить. Александръ спросилъ—почему онъ торопится умереть? „Для того“, отвѣчалъ Пелопидъ „чтобы ты, проклинаемый всѣми, скорѣе самъ погибъ“.

Послѣ этого разговора тираннъ запретилъ доступъ къ нему, но, не смотря на это, онъ часто видѣлся съ Фивою, женою Александра, и вселилъ въ нее мысль убить мужа. Всѣ эти подробности, передаваемые Плутархомъ (Pelop.) весьма интересны, но врядъ ли вполнѣ достоверны. Въ особенности свиданія Пелопида съ Фивою сомнительны, такъ какъ, во первыхъ, врядъ ли жена тиранна имѣла на столько свободы, чтобы бывать часто въ тюрьмѣ у такого знаменитаго плѣнника безъ вѣдома мужа, а во вторыхъ, сомнительно, была

ли въ 367 г. Фива женою Александра, такъ какъ ей было тогда около 10 или 11 лѣтъ. Быть можетъ, она считалась его женою, но тогда невѣроятно, чтобы Пелопидъ могъ возбуждать ребенка къ убійству. Черезъ нѣсколько времени выступило сильное войско подъ начальствомъ Эпаминонда. Его слава въ Фессалии была такъ велика, что многіе изъ подданныхъ Александра думали, что наступилъ часъ освобожденія отъ него и хотѣли ускорить приближеніе этого времени возстаніемъ. Но Эпаминондъ не хотѣлъ воспользоваться этимъ средствомъ, боясь, чтобы Александръ, доведенный до отчаянія, не излилъ свою досаду на Пелопида. Медленнымъ, но постояннымъ наступленіемъ показалъ онъ свое превосходство Александру, который, не отважившись на рѣшительное сраженіе, отправилъ къ нему пословъ просить мира. Но Эпаминондъ не хотѣлъ заключить его съ такимъ человѣкомъ, а, доставивъ свободу Пелопиду и Исменію, обязался въ продолженіе одного мѣсяца выйти изъ Фессалии, что и исполнилъ (Pelop. 29 и Diod. XV, 75). Хотя ближайшая цѣль Фиванцевъ была достигнута, однако нельзя не замѣтить, что ихъ положеніе въ Фессалии сильно измѣнилось: они покинули ее, не заключивъ съ Александромъ никакихъ условій относительно своихъ союзниковъ, олигарховъ фессалійскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ они обязались не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Фессалии. Не то было прежде, когда они распоряжались въ Фессалии какъ въ подвластной имъ странѣ. Теперь же они даже не отомстили Александру за обидное для Фивъ заключеніе Пелопида и Исменія,

Александръ ликовалъ этимъ временнымъ успѣхомъ и казалось, что плѣнъ Пелопида принесъ ему большую пользу. Но вскорѣ почувствовалъ слабость Фивъ, онъ далъ волю своимъ жестокимъ инстинктамъ—*πάλις εἰς τὴν αὐτοῦ φύσιν ἀνέδραμεν*, по выраженію Плутарха (Pelop. 31). Онъ началъ преслѣдовать своихъ враговъ, много городовъ разграбилъ и разрушилъ, затѣмъ сталъ расширять свои владѣнія, покорилъ Ахейцевъ Фтіотійскихъ и Магнетовъ и помѣстилъ въ ихъ земляхъ свои гарнизоны (Pelop., 31). Долго терпѣли Фессалійцы, наконецъ возстали, но были разбиты имъ во многихъ сраженіяхъ. Тогда они снова обратились къ Фивамъ, прося войска и Пелопида въ начальники, зная его непримиримую вражду къ Александру, его храбрость и опытность, какъ полководца (Diod. XV, 80). Вѣроятно, они не забыли то время, когда одно слово Пелопида устрашало Александра. Фиванцы созвали беотійскій союзный совѣтъ и, выслушавъ фессалійскихъ пословъ, рѣшились помочь имъ (Diod. XV, 80). Немедленно собрали они

7,000 воиновъ и дали Пелопиду приказъ тотчасъ же выступить въ походъ.

Все это происходило въ 364 г. Съ 367 года Фиванцы оставались совершенно равнодушными зрителями междоусобій въ Фессалии, но теперь, какъ мнѣ кажется, побудили ихъ начать войну другія причины. Этотъ походъ былъ въ связи съ морскими замыслами Эпаминонда; ему хотѣлось, безъ сомнѣнія, имѣть порты фессалийскіе въ сферѣ своихъ дѣйствій. Пелопидъ собирался уже выступить, какъ вдругъ солнечное затмѣніе разстроило всѣ планы. Оно случилось въ іюль 364 года ¹⁾ (Grote, X, 424, Schaefer, I, 109). Пелопидъ, видя смятеніе народа и колебаніе воиновъ, оставилъ ихъ дома, а самъ, не внимая предсказателямъ, пророчившимъ ему смерть, рѣшился отправиться въ Фессалию. Главными побужденіями его были ненависть къ Александру и сознаніе величія своего предпріятія. Въ то время, когда Лакедемоняне были въ дружбѣ съ тиранномъ Сицилійскимъ Діонисіемъ, Аѳиняне нанимались служить къ Александру Ферейскому и ставили въ Аѳинахъ его статую; только Фиванцы сражались противъ несправедливыхъ и жестокихъ тиранновъ (Plut. Pelop. 31). Насколько справедливо второе побужденіе—здѣсь не мѣсто разсматривать. Для насъ важенъ только фактъ, что Пелопидъ, взявъ желающихъ слѣдовать за нимъ всадниковъ, числомъ до 300, и еще наемниковъ, пошелъ къ Фарсалу, гдѣ, вѣроятно, была главная квартира возставшихъ Фессалійцевъ. Вскорѣ начались непріязненные дѣйствія. Въ началѣ сраженія конница Пелопида, будучи многочисленнѣе и лучше, чѣмъ конница Александра, разбила ее и обратила въ бѣгство. Но у Александра была сильная пѣхота, числомъ болѣе 20,000 человекъ (Diod., XV, 80), которая и заняла заранѣ холмы, называемые *κονὸς κερφαλαί* ²⁾.

¹⁾ Замѣчательно, что въ древности, сколько мнѣ извѣстно, солнечныя затмѣнія всегда считались неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ. Лунныя иногда считались благопріятными. Такъ Филохоръ (Grote, VIII, 432) говоритъ, что затмѣніе 27-го августа 413 года было благопріятно для выступленія Аѳинянъ изъ Сиракузъ, ибо для тайнаго выступленія необходима темнота. Аристархъ, предсказатель Александра Великаго и египетскіе пророки объяснили затмѣніе луны 20-го сентября 331 года, какъ благополучное предзнаменованіе, такъ какъ Гелиосъ покровительствуетъ Эллинамъ, а Селена—Персамъ. Черезъ нѣсколько дней была выиграна Арбельская битва (Grote, XII, 206).

²⁾ Хотя Плутархъ въ біографіи Фламиніана и говоритъ, что эти холмы назывались такъ по сходству съ головами собакъ, однако этого не видно въ наше время (Leake, IV, 465). Полибій, знавшій эту мѣстность лучше, чѣмъ Плутархъ,

Спустившись съ холмовъ, пѣхота Александра такъ сильно начала тѣснить Пелопида, что онъ приказалъ вернуть свою конницу, самъ взялъ щитъ и сталъ въ первомъ ряду.

Это поправило дѣло: войско тиранна дрогнуло и начало отступать въ беспорядкѣ. Пелопидъ наблюдалъ съ высоты; вдругъ увидѣлъ онъ на правомъ флангѣ ферейскаго тиранна, приводящаго въ порядокъ своихъ наемниковъ. Тогда онъ все забылъ, жажда мести поглотила его и онъ ринулся впередъ, громко вызывая на бой Александра, который послѣшно спрятался за своихъ наемниковъ. Они убили Пелопида, не смотря на его отчаянное сопротивленіе. Войско Пелопида продолжало однако нападать на ферейскую армію и обратило ее въ позорное бѣгство. Конница преслѣдовала бѣглецовъ, причеъъ убила 3,000 человекъ (Pelop. 32).

Какъ ни блестяща была эта побѣда, она была встрѣчена Ѡиванцами и ихъ ессалийскими союзниками, какъ великое бѣдствіе. Оставалось одно—отмстить Александру за смерть Пелопида. Ѡиванцы выставили (Pelop. 35) 7,000 оплитовъ и 700 всадниковъ подъ начальствомъ Малкита и Диогейтона. Это войско, послѣ двухъ сраженій, принудило Александра отдать свободнымъ Ѡессалийцамъ завоеванные у нихъ города, вывести гарнизоны и передать подъ Ѡиванское покровительство Магнетовъ и Ахейцевъ фтіотійскихъ; кромѣ того, Александръ долженъ былъ довольствоваться Ферями и идти, куда прикажутъ Ѡиванцы, то-есть быть почти подвластнымъ имъ.

Слѣдствіемъ этого похода для Ѡиванцевъ было упроченіе, или лучше восстановленіе ихъ прежней гегемоніи въ Ѡессалии. Доказательствомъ ихъ силы можетъ служить то, что въ Мантинейской битвѣ участвовало много Ѡессалийцевъ, присланныхъ какъ Александромъ, такъ и его врагами. (Hell., VII, 5, 4).

Лишенный всякой власти внѣ ферейскаго округа, слишкомъ тѣснаго для его властолюбія, Александръ не терялъ надежды снова поправить свои обстоятельства и для этого содержалъ большія наемныя силы. Но онъ не могъ болѣе ни грабить города своихъ ессалийскихъ противниковъ, ни получать доходы съ Магнетовъ и Ахейцевъ фтіотійскихъ.

Съ цѣлью пополнить свою казну, Александръ придумалъ грабить острова, бывшіе въ союзѣ съ Аѣнами. Мы видѣли, что онъ былъ нѣ-

---

не упоминаетъ объ этомъ сходствѣ. Въ той же мѣстности произошла въ 197 году битва между Фламиніемъ и Филиппомъ.

когда союзникомъ и другомъ Аѳинъ. Мы не знаемъ, сколько времени продолжались эти отношенія, но, во всякомъ случаѣ, послѣ союза съ Фиванцами, навязаннаго ему въ 364 году, они стали невозможны вслѣдствіе вражды Фивъ съ Аѳинами. Александръ, чтобы осуществить свой планъ, началъ строить флотъ. Весьма естественно, что Фиванцы, задумавшіе состязаться съ Аѳинами на морѣ, были довольны его приготовленіями. Снарядилъ и отправилъ онъ свои крейсера только лѣтомъ 362 года, то-есть около времени Мантинейской битвы. Александръ опустошилъ много Цикладъ. Когда, наконецъ, онъ овладѣлъ однимъ изъ этихъ острововъ, именно Теносомъ, то Аѳиняне испугались его успѣховъ и поспѣшили снарядить экспедицію противъ него. Это рѣшеніе было принято ими въ народномъ собраніи 24 Метатегитопона, въ архонтство Мелона, то-есть въ сентябрѣ 362 года (Demosth. adv. Polykl. 1207). Пока собирались и снаряжали корабли, Аѳиняне узнали, что Александръ, высадивъ на Пепаретѣ солдатъ, собирается осаждать Панормъ, городъ на южномъ берегу острова. Наконецъ, прибыла къ Пепарету эскадра Леосеена. Вѣроятно, корабли ферейскіе находились въ отлучкѣ или удалились, завидя аѳинскій флотъ, но достоверно, что воины, осаждавшіе Панормъ, изъ осаждавшихъ сдѣлались осажденными, такъ какъ Леосеенъ оцѣпилъ своими кораблями гавань (Діод. XV, 95). Александръ обнаружилъ большую снособность къ морскому дѣлу въ этихъ обстоятельствахъ. На челнокѣ, проскользнувшемъ между аѳинскими кораблями, онъ послалъ своимъ воинамъ, осажденнымъ у Панорма, приказаніе зажечь костеръ на возвышенности, въ случаѣ, если нѣсколько кораблей аѳинской эскадры удалятся (Polyaen. VI, 2). Дѣйствительно, Леосеенъ отослалъ три тріары. Осажденные зажгли костеръ. Люди, нарочно для того назначенные на Магnezійскомъ полуостровѣ, зажгли другой костеръ, который былъ видѣнъ въ Пагазахъ. Извѣщенный такимъ образомъ тираннъ быстро поплылъ въ Панорму, расположивъ своихъ экибатовъ въ большомъ числѣ на палубахъ, и приказалъ имъ при abordажѣ стрѣлять и бросать дротики въ моряковъ, чтобы затруднить маневры на аѳинскомъ флотѣ (Polyaen. VI, 46). Аѳиняне, совсѣмъ не ожидавшіе нападенія, были разбиты на голову, Александръ взялъ 600 плѣнныхъ, пять аѳинскихъ тріаръ и одну Пепаретскую (Діод. XV, 95).

Аѳиняне приговорили къ смерти Леосеена, конфисковали его имущество, и выслали новую эскадру, а на мѣсто Леосеена назначенъ былъ Харетъ. Это происходило въ 361 году, равно какъ и побѣда Александра при Пепаретѣ.

Харетъ ничего не предпринималъ противъ крейсеровъ Александра, а занимался только грабежемъ союзниковъ аѳинскихъ, чѣмъ возбудилъ сильное негодованіе въ нихъ. Затѣмъ онъ поплылъ въ Коркиру (Діод. XV, 95). Александръ воспользовался этимъ и послалъ своихъ крейсеровъ сдѣлать нападеніе на самый Пирей (Polyaen. VI, 2, ¹). Этотъ замѣчательно смѣлый набѣгъ былъ исполненъ слѣдующимъ образомъ: Александръ приказалъ своимъ морякамъ, причаливъ къ Дигмѣ, то-есть къ базару или биржѣ въ Пирей, ограбить столы или лавки мѣняль. Они такъ и сдѣлали: когда они приплывали, то Аѳиняне думали, что это корабли какихъ нибудь союзниковъ и не обратили на нихъ вниманія. Причаливъ, солдаты Александра вдругъ затрубили сигналъ къ атакѣ и бросились на мѣняль, обнаживъ мечи. Испуганные жители бросились бѣжать а между тѣмъ пираты скрылись изъ виду.

Посмотримъ теперь, какъ дѣйствовалъ Александръ въ Фессаліи. Онъ снова началъ притѣснять свободныхъ Фессалійцевъ, пользуясь слабостью Фивъ. Сначала они отбивались, какъ могли, сами, потомъ обратились за помощью къ Фивамъ, старой ихъ покровительницѣ. Но тамъ они ничего не могли добиться, такъ какъ не было въ Фивахъ государственнаго мужа, управлявшаго дѣлами. Тогда они отправили пословъ въ Аѳины, вѣроятно, послѣ набѣга Александра на Пирей. И такъ, въ 361 году при архонтѣ Никофемѣ, Аѳиняне и Фессалійцы заключили союзъ между собою ²).

Союзъ этотъ, съ одной стороны, былъ направленъ не только къ за-

¹) Полиѳъ говоритъ, что Александръ поплылъ въ Пирей тотчасъ послѣ битвы при Пепаретѣ, желая застать Аѳинянъ врасплохъ. Такой маневръ могъ бы удасться въ томъ случаѣ если весь флотъ Леосеена былъ бы истребленъ. Но такъ какъ этого не случилось, то аѳинскіе корабли, такъ какъ они были обращены въ бѣгство, могли прибыть въ Аѳины гораздо скорѣе, чѣмъ Александръ, и распространить извѣстіе о пораженіи.

²) Актъ этого договора былъ найденъ въ Аѳинахъ на южномъ склонѣ Акрополя и изданъ г. Куманудисомъ въ 'Αθήναιον V, стр. 424. Также онъ изданъ и поясненъ Ульрихомъ Кёлеромъ (Ulrich Koehler, Attische Paephissmen въ Mittheilungen des deutschen archaеologischen Institutes in Athen. 1877). Это первый актъ, дошедшій до насъ отъ архонта Никофема; по прескриптамъ невозможно опредѣлить, къ какому времени года онъ относится. Означенный договоръ содержитъ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ устройствѣ Фессалійскомъ, когда не было тагоса. Но для насъ, пишущихъ исторію ерейскихъ тиранновъ, это имѣетъ только косвенное значеніе; гораздо важнѣе, что изъ авторовъ мы ничего до сихъ поръ не знали объ этомъ союзѣ. (Объясненіе надписи мы заимствуемъ у Кёлера).

щитѣ территоріи договаривающихся сторонѣ, но и къ охранѣ существующихъ учреждений въ обѣихъ областяхъ, то-есть въ Аттікѣ и Θεσσαλίи.

Аэвняне клялись по слѣдующей формулѣ: βοηθήσω παντὶ σθένει κατὰ τὸ δυνατόν, εἴν τις ἦν ἐπὶ τὸ κοινὸν τὸ Θετταλῶν ἐπὶ πολέμῳ ἢ τὸν ἄρχοντα καταλύῃ, ὃν εἶλοντο οἱ Θετταλοὶ ἢ τύραννον καθιστῆ ἐν Θετταλίᾳ.

Потомъ должны были быть выбраны 5 человекъ изъ народа, чтобы они, отправившись въ Θεσσαλίю, присутствовали при принятіи присяги Θεσσαлійскихъ властей, именно: архонтъ Агелай, полемархи, иппархи, всадники, гіеромнемоны и прочіе ἄρχοντες, ὅποσοι ὑπὲρ τοῦ κοινοῦ τοῦ Θετταλῶν ἄρχουσαν.

И такъ, мы видимъ въ Θεσσαλίи союзъ κοινὸν, архонта, избираемаго не ежегодно, а на болѣе долгій періодъ (можно заключить это изъ того, что объ его избраніи сказано въ аористѣ, а не въ прошедшемъ несовершенномъ) и пользовавшійся почетомъ; такъ, онъ упоминается впереди имени союза: на 33 строкѣ мы читаемъ ἄνευ τοῦ ἄρχοντος καὶ τοῦ κοινοῦ τοῦ Θετταλῶν. Этотъ архонтъ былъ, вѣроятно, облеченъ исполнительною властью. Кромѣ того мы встрѣчаемъ должности полемарховъ, всадниковъ и гіеромнемоновъ. Эта послѣдняя должность показываетъ намъ, что все устройство области имѣло старинный характеръ, хотя оно не было древне. Мы думаемъ такъ потому, что если бы оно продолжало существовать долгое время, то было бы прочнѣе и Θεσσαλίицы не считали бы нужнымъ гарантировать его договоромъ.

Договоръ оканчивался слѣдующими словами: τὸν δὲ πόλεμον τὸν πρὸς Ἀλέξανδρον μὴ ἐξῆναι καταλύσασθαι μήτε Θετταλοῖς ἄνευ Ἀθηναίων μήτε Ἀθηναίοις ἄνευ τοῦ ἄρχοντος καὶ τοῦ κοινοῦ τοῦ Θετταλῶν.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ничего о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Александра и его враговъ, а потому неизвѣстны намъ и послѣдствія договора. Наши свѣдѣнія такъ скудны, что мы даже не знаемъ въ точности, когда умеръ Александръ: вѣроятно въ 358 году, что согласно съ извѣстіемъ Діодора (XV, 61), что онъ правилъ 11 лѣтъ¹⁾.

¹⁾ Шеєръ I, 133, пр. 2, въ виду несогласія авторовъ, не высказываетъ своего мнѣнія; Клинтонъ (стр. 264) ставитъ смерть Алекс. въ 359 г., только изъ желанія согласовать, по возможности, годъ смерти Ксенофонта, приводимый Diog. Laert. (II, 56) съ извѣстіемъ Діодора (XVI, 14) о смерти Александра. Гротъ (XI, 290) соглашается съ Клинтономъ съ цѣлью объяснить слова Плутарха ὀλίγον ὄσπερον (Pelop. 35). Но мнѣ кажется, что изъ столь неопредѣленныхъ словъ никакихъ выводовъ нельзя сдѣлать.

Александръ былъ женатъ на дочери Ясона, Оивѣ. Вѣроятно, онъ женился на ней, желая выставить себя преемникомъ знаменитаго человѣка. Изъ этого видно, какъ сильно было обаяніе имени Ясона, даже послѣ его смерти. Александръ зналъ, что Оива унаслѣдовала отъ своего отца его твердый и энергическій характеръ, но думалъ, что можетъ себя оградить отъ ея ненависти. Дѣйствительно, кромѣ ненависти, онъ не могъ возбудить въ ней никакого чувства: звѣрскаго, жестокаго и распутнаго, онъ даже не скрывалъ отъ нея своей противоположной любви къ ея младшему брату, Писолау (Pelop. 28).

Онъ принималъ всевозможныя мѣры предосторожности, никогда не входилъ къ женѣ одинъ, передъ нимъ шелъ съ обнаженнымъ мечемъ наемникъ, татуированный по Фракійскому обычаю; ежедневно обыскивалъ Александръ всѣ комнаты своей жены (Cicero. De divinat. II, 7). Но все это ни къ чему не повело, и онъ былъ убитъ, доказывая этимъ, что власть, опирающаяся только на страхъ, не можетъ быть продолжительною: *nes vero ulla vis imperii tanta est, quae premente metu, possit esse diuturna*, какъ говоритъ Цицеронъ (De divinat. II, 7).

Мы не знаемъ достовѣрно, что послужило для Оивы ближайшимъ поводомъ совершить преступленіе, — такъ велико разногласіе авторовъ. Ксенофонтъ (Hell. VI, 4, 37) говоритъ, что Александръ казнилъ при ней одного изъ своихъ любимцевъ, не смотря на ея заступничество, но приводитъ также другое извѣстіе, по которому она узнала, что Александръ задумалъ ее удалить отъ себя, такъ какъ не имѣлъ отъ нея дѣтей, и жениться на вдовѣ Ясона, жившей въ Оивахъ¹⁾. Плутархъ (Pel. 35) говоритъ, что первый, кто далъ Оивѣ эту мысль, былъ Пелопидъ во время своего заключенія въ Ферахъ, но мы уже выше старались доказать, что это не правдоподобно. Каковъ бы ни былъ поводъ преступленія, достовѣрно, что душою заговора была Оива, а исполнителями братья ея (единоутробные) Тисифонъ, Ликофронъ и Писолай. Они были молоды и нерѣшительны, она же, достойная дочь Ясона, унаслѣдовала отъ него и хитрость и энергію, хотя была моложе братьевъ. Она объявила имъ, что Александръ замышляетъ ихъ смерть. Зная изъ ежедневныхъ звѣрствъ характеръ Александра, они повѣрили ей. Въ день преступленія, она спрятала ихъ въ сосѣднемъ домѣ. Когда настала ночь, Александръ,

¹⁾ Безъ сомнѣнія, вдова Ясона, жившая въ Оивахъ не была матерью Оивы и, вѣроятно, была Оивянка.

отягченный виномъ, пришелъ къ ней и скоро заснулъ. Тогда она встала съ ложа, осторожно вышла изъ спальни и настлала шерсть на лѣстницу, ведущую во второй этажъ, гдѣ находилась спальня ¹⁾. Потомъ она приказала увести, ссылаясь на желаніе мужа чрезвычайно злую собаку, охранявшую лѣстницу и знавшую только Фиву, Александра и раба, ходившаго за нею. Тогда она привела своихъ братьевъ въ комнату, гдѣ спалъ ея мужъ. Она сняла со стѣны мечъ его, висѣвшій у ложа. Но юноши остолебенѣли отъ испуга.

Фива не растерялась, она быстро бросилась къ двери и, держа засовъ, съ негодованіемъ и рѣшительностью объявила имъ, что немедленно разбудить тиранна, если они не примутся за исполненіе своего страшнаго дѣла. Тогда одинъ изъ братьевъ схватилъ Александра за волосы, другой за ноги, а третій вонзилъ мечъ въ его сердце. Плутархъ говоритъ, что Александръ былъ первый тираннъ, убитый своею женою. Замѣчательно, что изъ многихъ писателей (Хер. Hell. VI, 4, 36, 37; Plut. Pelop. 35; Photius 186; Cicero de offic. II, 7), передавшихъ намъ его смерть, ни одинъ не порицаетъ образъ дѣйствій Фивы. Такъ сильна была ненависть Эллиновъ къ тираннамъ даже въ IV вѣкѣ, что они находили совершенно естественнымъ и даже похвальнымъ убивать ихъ (подробнѣе объ этомъ говоритъ Друманъ, De tyrannis Graecorum, 60 и сл.)

Такъ погибъ Александръ ²⁾. Никакія предосторожности не спасли его отъ домашнихъ, какъ бы оправдывая слова, влагаемныя Ксенофонтomъ въ уста Пьерона: *ὁ δὲ τύραννος οὐδ' ἐκείδαν εἶσω τῆς οἰκίας παρέλθῃ ἐν ἀκινδύῳ ἐστίν, ἀλλ' ἐνταῦθα δὴ καὶ μάλιστα φολακτέον οἴεται εἶναι* (Нісго II, 19). Онъ правилъ около 11 лѣтъ, но далеко не могъ уподобиться Ясону, такъ какъ ему недоставало тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ правителей народовъ великими; онъ не былъ госу-

¹⁾ Мы видимъ изъ того, что Фива устлала шерстью лѣстницу, указаніе, что въ IV вѣкѣ въ самыхъ роскошныхъ домахъ Фессаліи не употреблялись еще ковры для покрытія половъ. Можно заключить, что этого обычая не было тогда и въ прочей Греціи, не превосходившей роскошью Фессалію.

²⁾ Аристотель (Cicero de Divin. I, с. 25) разсказываетъ, что смерть Александра была предсказана чудеснымъ образомъ во снѣ другу Аристотеля, Евдему Критскому, который провадомъ чрезъ Феры заболѣлъ и врачи отчаявались въ его спасеніи. Онъ лежалъ въ забытіи, какъ вдругъ ему во снѣ явился прелестный юноша и предсказалъ ему его скорое выздоровленіе, Александру же смерть черезъ нѣсколько дней, и смерть его самого чрезъ пять лѣтъ. Всѣ предсказанія сбылись, хотя послѣднее съ натяжкой.

дарственнымъ мужемъ, не былъ полководцемъ, и если показалъ въ чемъ талантъ, то только въ морскомъ дѣлѣ.

Александръ не слѣдовалъ никакой политикѣ, никакимъ опредѣленнымъ планамъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствуется исключительно страстью, не стѣсняясь соображеніями не только нравственности, но даже и самой пользы. О послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ его дѣйствій, онъ не заботился.

Ему хотѣлось власти — онъ убиваетъ своего родственника Полифрона. Ему надо приобрести популярность, онъ говоритъ народу, что хочетъ избавить его отъ тирана, а вслѣдъ за тѣмъ самъ захватываетъ власть. Ему надо войско, онъ нанимаетъ солдатъ, но не старается привязать ихъ къ себѣ, раздѣляя съ ними труды и опасности; ему надо денегъ на содержаніе наемниковъ, онъ грабитъ и уничтожаетъ цѣлые города, подъ предлогомъ, что ему надо арестовать нѣсколько гражданъ. Въ одномъ походѣ онъ видитъ своего противника Пелопида безоружнымъ и немедленно захватываетъ его, не думая, что послѣдствія этого поступка будутъ для него пагубны.

Единственное время дѣятельности Александра, когда онъ обнаружилъ извѣстные таланты, это время его морской войны съ Аеинами. Онъ показалъ и смѣлость, и умѣнье обращаться съ флотомъ въ такой степени, что приходится удивляться, откуда онъ могъ ихъ приобрести. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ Ясона, который, какъ видно, мало понималъ въ морскомъ дѣлѣ. Къ этому нужно также присоединить настойчивость и энергію, которыя его никогда не оставляли во всѣхъ трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ ¹⁾).

XI.

Тисифонъ и Ликофронъ II.

Трупъ Александра былъ выброшенъ на улицу, и чернь предала его поруганію, а убійцамъ начала воздавать необыкновенныя почести.

¹⁾ У Плутарха (Pelop. 29 de fortuna Alex. Magn. § 334) и у Эліана (Var. Hist. XIV, 40) разсказывается анекдотъ, что Александръ расплакался при представленіи одной трагедіи, ушелъ изъ театра, стыдился гражданъ, видѣвшихъ его каждый день совершенно равнодушнымъ при совершеніи самыхъ ужасныхъ звѣрствъ. Это весьма интересный фактъ, если только дѣйствительно онъ случился. Плутархъ говоритъ, что трагедія была Троики Еврипида, а Эліанъ утверждаетъ, что авторомъ пьесы былъ Феодоръ.

У толпы нѣтъ памяти: она уже забыла, что еще недавно восторгалась человѣкомъ, растерзанный трупъ котораго лежалъ теперь предъ нею, и дала себя обмануть такъ же легко, какъ будто это было въ первый разъ.

Убийцы Александра, совершивъ дѣло, возложенное на нихъ Оивою, захватили власть (Diod. XVI, 14; Phot. Conon, 186). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что женщина, бывшая душою заговора, стала управлять страной въ первое время, когда ея нерѣшительные братья еще не успѣли привыкнуть къ своей роли. Тиранномъ сталъ старшій изъ нихъ Тисифонъ (Phot. Con. 186; Hell. VI, 4, 37). Какъ только Алеванды замѣтили, что тиранинъ не встрѣчаетъ поддержки даже со стороны Ферейцевъ, что онъ только силою захватилъ власть, и не отличался талантами, то, поддерживаемые оессалійскою знатью, они рѣшились свергнуть его и для этого призвали Филиппа Македонскаго. Македонскій царь немедленно вступилъ въ Оессалію, отнялъ у Тисифона нѣкоторые города и возвратилъ ихъ оессалійской знати. Филиппъ своею вкрадчивостію счумѣлъ приобрести расположеніе Оессалійцевъ, но, однако, не пытался изгнать изъ Феръ тиранна, такъ какъ это не входило въ его планы. Ему надо было ослабить Оессалію (Diod. XVI, 14).

Мы не знаемъ, сколько лѣтъ правилъ Тисифонъ. Въ 357 году, когда Филиппъ еще находился въ Оессаліи, Діодоръ, повѣствуя объ этихъ событіяхъ, постоянно говоритъ о ферейскихъ тираннахъ, какъ будто Тисифонъ и Ликофронъ оба правили вмѣстѣ, но мы полагаемъ, что это ошибка, оправдываемая тѣмъ, что Ликофронъ, быть можетъ, помогалъ своему брату въ управленіи. Годъ смерти Тисифона намъ неизвѣстенъ, но такъ какъ мы не встрѣчаемъ упоминанія объ его имени въ 352 г., когда оессалійская знать снова призвала Филиппа въ Оессалію (Diod. XVI, 35), то можно слѣдующимъ образомъ возсоздать исторію ферейскаго тиранна за это время: Тисифонъ былъ разбитъ Филиппомъ въ 356 г. и принужденъ довольствоваться только Ферами. Подъ впечатлѣніемъ пораженія, онъ, — какъ видно, не предприимчивый человѣкъ, — оставался спокоенъ до самой смерти. Въ 355 г. начинается фокейская война,* и Оессалійцы принимаютъ въ ней участіе (Diod. XVI, 33). Около этого времени долженъ былъ умереть Тисифонъ, потому что мы видимъ перемѣну въ ферейской политикѣ. Она снова становится дѣлательною и притязательною, и это ясно показываетъ на перемѣну

правителя. И такъ, около 354 года Ликофронъ занимаетъ мѣсто своего брата.

Ликофронъ II-й, пользуясь затрудненіями Фессалійцевъ, начинаетъ расширять свои владѣнія на ихъ счетъ. Быть можетъ, его возвышенію помогалъ Ономархъ, вождь Фокейцевъ, посылая ему деньги для найма войскъ (Diod. 33; догадка Шефера I, 45). Какъ бы то ни было, въ 353 году мы видимъ Ликофрона на столько сильнымъ, что Фессалійцы не въ состояніи сами справиться съ нимъ, и призываютъ на помощь Филиппа (Diod XVI, 36). Съ своей стороны Ликофронъ обратился за помощію къ Ономарху. Трудно сказать, сдѣлалъ ли онъ это потому, что раньше былъ въ сношеніяхъ съ нимъ, предполагаетъ Шеферъ, или же просто, зная, что Ономархъ врагъ Фессалійцевъ. Ономархъ выслалъ ему своего брата Фаллеса съ 7000 воиновъ. Но Филиппъ побѣдилъ ихъ и выгналъ изъ Фессаліи.

Ономархъ, послѣ пораженія своего брата, собралъ все свое войско и вступилъ въ Фессалію, съ намѣреніемъ овладѣть ею. Филиппъ и Фессалійцы были разбиты въ двухъ сраженіяхъ. Царь македонскій, потерпѣвъ сильныя потери, былъ приведенъ въ весьма критическое положеніе деморализаціей своего войска. Филиппъ принужденъ былъ удалиться въ Македонію. Полиэнъ рассказываетъ (II, 38), что при этомъ случаѣ онъ сказалъ: „я не убѣгаю, а только отступаю, какъ дѣлаютъ бараны, чтобы во второй разъ сильнѣе набѣжать“.

Ликофронъ торжествовалъ, но не долго продолжалось его величіе. Вскорѣ возвратился Филиппъ изъ Македоніи и снова началъ войну противъ Ликофрона, который, съ своей стороны, обратился къ Ономарху, обѣщая ему устроить фессалійскія дѣла сообразно его интересамъ. Филиппъ, какъ говоритъ Діодоръ, убѣдивъ Фессалійцевъ дружно приняться за войну, довелъ число своей пѣхоты до 20,000 и конницы до 3,000 человекъ. Мнѣ кажется, что Филиппъ подѣйствовалъ на Фессалійцевъ не краснорѣчіемъ а тѣмъ, что онъ, безъ сомнѣнія, объяснилъ имъ религіозное значеніе войны. Это весьма вѣроятно, такъ какъ онъ своихъ собственныхъ солдатъ украсилъ лавровыми вѣнками (Justin. VIII, 2), символомъ Дельфійскаго бога. У Ономарха было 20,000 пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ, числомъ и качествомъ уступавшихъ всадникамъ Филиппа. Благодаря превосходству своей конницы, Филиппъ обратилъ въ бѣгство всю фокійскую армію. Сраженіе происходило не далеко отъ морскаго берега въ виду аонійской эскадры Харета, крейсеровавшей въ этихъ водахъ случайно, какъ говоритъ Діодоръ (XVI, 35). Но мы думаемъ, что Харетъ

наблюдавъ за исходомъ битвы, въ которую ему запрещено было вступать (такъ думаетъ Флате). Какъ только онъ замѣтилъ, что армія Ономарха разбита, то приблизился къ берегу и этимъ далъ возможность бѣгущимъ Фокійцамъ спастись на его тріерахъ. Большая часть однако утонула. Въ томъ числѣ былъ самъ Ономархъ, по словамъ Діодора (XVI, 35). Павзаній же рассказываетъ (X, 2, 5) его смерть иначе: онъ намѣревался бѣжать къ морю, но его собственные воины убили его, вина его въ поражениіи и приписывая свои несчастія его трусости и неумѣнію распоряжаться. 6,000 Фокійцевъ и наемниковъ потеряли жизнь въ этомъ сраженіи, 3,000 попало въ руки Филиппа. Какъ оскорбителей святыни, онъ велѣлъ ихъ всѣхъ потопить въ морѣ, а трупъ Ономарха распялъ на крестѣ (Diod. XVI, 36).

До какой степени пало значеніе Феръ и ихъ тиранна, видно изъ того факта, что со времени прибытія Ономарха въ Тессалію, хотя онъ и былъ признанъ Ликофрономъ, нигдѣ не упоминается о тираннѣ. Послѣ описаннаго пораженія, Ликофрону оставалось только покориться своей судьбѣ. Онъ передалъ Феры Филиппу подъ условіемъ свободнаго пропуска изъ Тессаліи¹⁾. Ликофронъ съ братомъ своимъ Писолаемъ, взявъ своихъ 2,000 наемниковъ, ушелъ въ Фокиду къ Фаиллу и съ тѣхъ поръ сражался въ рядахъ Фокійцевъ (Diod. XVI, 37). Такимъ образомъ, паденіе ферейской тиранніи произошло въ 352 году. Съ этихъ поръ мы рѣдко встрѣчаемъ имя этихъ несчастныхъ приемниковъ столь могущественныхъ тиранновъ. Въ этомъ же 352 году, мы видимъ ихъ въ рядахъ Лакедемонянъ: они пришли въ Целопоннесъ съ 150 всадниками и 3,000 фокійскихъ воиновъ на помощь противъ Аркадянъ (Diod. XVI, 39, 3).

Филиппъ передалъ Феры Тессалійцамъ, удержавъ за собою Пагазы (Dem. Phirr. I, p. 50) и Магнесію (Dem. Olynth. I, 11), взималъ пошлины съ портовъ и городовъ, словомъ сдѣлался полнымъ владѣтелемъ Тессаліи. Однако, онъ возбудилъ неудовольствіе: начались безпорядки, въ связи съ которыми, вѣроятно, находится краткая реставрація ферейской тиранніи. Именно въ 349 году Филиппъ изгналъ изъ Феръ Писолаа, правившаго городомъ. Такъ какъ тутъ не говорится о Ликофронѣ, то можно думать, что въ это время онъ уже умеръ (Diod. XVI, 52, 3). Такъ кончилось правле-

¹⁾ Флате думаетъ, что Тессалійцы такъ боялись тиранновъ, что Филиппъ выпустилъ Ликофрона изъ Феръ, чтобы имѣть его въ своемъ распоряженіи, какъ пугало для Тессалійцевъ. Но это врядъ-ли правдоподобно.

ніе послѣдняго ферейскаго тиранна. Когда и какъ онъ умеръ—намъ неизвѣстно. Въ 406 году мы впервые слышимъ о тираннѣ ферейскомъ, въ 349 году въ послѣдній разъ. Въ это короткое время городъ, не имѣвшій большаго значенія въ исторической жизни Греціи, становится весьма извѣстнымъ, а Фессалійскій народъ, никогда прежде не выходившій изъ своего ничтожества, вслѣдствіе своей раздробленности, занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду греческихъ государствъ.

Это было во время Ясона, и благодаря его гению. Съ его смертію началось паденіе ферейской тиранніи. Та роль, которая могла бы выпасть на долю Фессалійцевъ, перешла къ Македоніи.

Князь С. Абамелевъ-Лазаревъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе седьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ рисункомъ памятника Пушкину въ Москвѣ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену и К^о*.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ. Въ С.-Петербургѣ въ книжный магазинъ *Фену и К^о*.

Адресъ издателя: Пантелеймоновская ул., д. № 7, кв. 8.

1-го СЕНТЯБРЯ вышла в разослана подписчикамъ IX-я,
СЕНТЯБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Переходъ черезъ Балканы отряда генерала Гурко, зимою 1877 года, историческій очеркъ А. К. Пузыревскаго.—II. Пережитое и передуманное, 1808 г., воспоминанія А. П. Бѣляева (декабриста).—III. Записки принца Евгения Вюртембергскаго о войнѣ съ 1808—1809 гг. и о событіяхъ за ними слѣдовавшихъ (окончаніе).—IV. Ин. А. М. Барятинскій: матеріалы къ его биографіи, сообщ. М. Я. Ольшѣвскій.—V. Имѣль Михайлъ Дмитриевичъ Горчаковъ, 1792—1861 гг., биографическо-характеристическій очеркъ.—VI. Леоній Васильевичъ Дубельтъ, эпизодъ изъ исторіи Третьяго Отдѣленія.—VII. Записки священника Феодосія Левинскаго о его поѣздѣ къ императору Александру Павловичу; бесѣда съ нимъ; жизнь въ Петербургѣ, арестъ и заключеніе въ Вонсовскій монастырь и проч. въ 1823—1824 гг.—VIII. Очерки, замѣтки, матеріалы: 1. Встрѣча слона въ Москвѣ, въ царствованіе Петра Великаго.—2. Челобитная о напрасномъ претерпѣнн въ Тайной Канцеляріи.—3. Вѣчная память вмѣсто многолѣтія въ 1743 г.—4. Письмо императрицы Елисаветы къ генералу Фермору, 1757—1759 гг.—5. Письмо крестьянина въ 1776 г.—6. Ротный командиръ, ода 1808 г., подражаніе одѣ „Богъ“.—7. Тайное общество въ Варшавѣ въ 1843 г.—8. Свертцова-Нессельроде, разговоръ о приключеніяхъ въ ея жизни.—9. Поѣздка Н. В. Гоголя въ Палестину и проч. и проч.

Приложеніе. При этой книгѣ приложенъ портретъ генераль-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго, гравюра исполнена въ Лондонѣ

Подписка на „Русскую Старину“ изд. 1880-го г. продолжается. Цѣна за 12 книгъ съ 12-ю портретами, а также снимками и плакатами ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою. (*Первыя четыре книги напечатаны вторымъ изданіемъ*).

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изданія 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія). Цѣна за 12 книгъ съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ и особаго тома „Записокъ Порошина“ (новое изданіе по рукописямъ, значительно исправленное и дополненное).

Цѣна ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою.

Въ распоряженіи редакціи «Русской Старины» находится нѣкоторое количество экземпляровъ роскошнаго въ художествен-

номъ отношеніи изданія: **Павловскъ**—очеркъ его исторіи. Книга въ 8-ю долю. 600 стр. съ **шестьюдесятью** превосходно гравированными академикомъ Л. А. Сѣряковымъ виньетами, рисунками, а также съ портретами императора Павла, императрицы Маріи Ѳеодоровны, силуэтами ихъ Августѣйшихъ дѣтей, и портретомъ В. К. Михаила Павловича. Книга эта въ отдѣльной продажѣ стоитъ 4 руб. безъ переплета и 5 руб. въ переплетѣ, но подписчики «Русской Старины» при возобновленіи подписки на этотъ журналъ на 1881-й годъ, могутъ получить, выславъ **ОДИНЪ** рубль помянутое художественно-историческое изданіе книги «Павловскъ» со всѣми художественными приложеніями.

Подписка на „Русскую Старину“ 1880-го года [одиннадцатый годъ изданія] продолжается. Цѣна за 12 книгъ въ годъ съ портретами и проч. приложеніями **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою. (*Осталось весьма немного экземпляровъ. Печатается второе изданіе первыхъ четырехъ книгъ.*) (Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у **Мамонтова**, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у **Мамонтова**, Кузнечій мостъ, д. Фирсанова, и у **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1880 г. *непрѣменно* при каждой книгѣ) **ВОСЕМЬ** руб. съ пересылкою.

Можно получить—«Русскую Старину», съ портретами, 1870 г. (3-е изд.), 1876 г. (второе изд.), 1877 г. (съ 10 гравированными на мѣди и на деревѣ портретами), 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами, и 1879 года съ гравированными при каждой книгѣ портретами. Цѣна за каждый годъ **ВОСЕМЬ** руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. И. Семевскій.**

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

**Ферейскіе тиранны . . . . . князя С. АВАМЕЛЕКЪ-
ЛАЗАРЕВА.**

Редакторъ **Е. Феофиотовъ.**

(Вышла 1 ю сентября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич. и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ cadaго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкой въ другіе города.
